РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ тринадцатый. ЯНВАРЬ. **1882 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг., заглавная виньетка.—II. **Портретъ императрицы Маріи Θеодоровны,** геліогравюра, исполненная въ Экспедиціи Заготов. Госуд. бумагъ. съ гравюры Клаубера 1805 г. и III. **Указатель** къ Запискамъ С. А. Порошина. Состав. Н. П. Барсуковъ. (Указатель этотъ долженъ быть присоединенъ къ Запискамъ Порошина изд. 1881 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1

1882.

I-я книга „Русской Старины" вышла 1-го января 1882 г.

Труды общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Томъ X, выпускъ 1. Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края. А. П. Иванова. Казань, 1881. 52 стр. въ 8 д. л.

Авторъ этой любопытной брошюры называетъ себя въ предисловіи «диллетантомъ», хотя съ первыхъ-же строкъ не трудно угадать въ немъ человѣка съ задатками истиннаго ученаго. Изслѣдуя сѣверныя лѣсныя окраины Пермскаго края, тщательно собирая останки глубокой старины, даже нападая на слѣды каменнаго вѣка, г. Ивановъ задался вопросомъ объ условіяхъ заселенія Пермскаго края русскимъ племенемъ и объ отношеніи послѣдняго къ аборигенамъ. Изслѣдованія свои авторъ производилъ въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ и судя по обрѣтеннымъ имъ костямъ, глиняннымъ, металлическимъ издѣліямъ, наконецъ и каменнымъ орудіямъ, можно надѣяться, что разработка упомянутаго вопроса по этимъ матеріаламъ приведетъ къ немаловажнымъ открытіямъ. Относясь къ своему предмету съ осмотрительностью, г. Ивановъ чуждъ смѣлыхъ догадокъ и гипотезъ, на которыя такъ падки многіе иностранные—въ особенности французскіе ученые. Замѣтимъ при этомъ, что автору брошюры первому принадлежитъ честь археологическо-антропологическихъ изысканій въ полудикомъ краю древней Чуди. Желательно, чтобы онъ, при дальнѣйшихъ своихъ трудахъ, коснулся и тѣхъ историческихъ вопросовъ, которые, по его словамъ, будутъ имъ разработаны спеціально. Во всякомъ случаѣ, брошюра г. Иванова составляетъ довольно цѣнный вкладъ въ нашу начинающуюся антропологію, которую ожидаетъ, несомнѣнно, блестящая, богатая открытіями, будущность.

Изслѣдованія о русской правдѣ П. Мрочекъ-Дроздовскаго. Вып. I. Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды. М. 1881. XXII+196. Ц. 2 р.

Настоящее изслѣдованіе вызвано сознаніемъ необходимости пересмотра вопросовъ, входящихъ въ составъ означеннаго памятника. Не касаясь его внѣшней стороны, въ значительной степени зависящей отъ качества списковъ, имѣющихся въ распоряженіи изслѣдователя, авторъ считаетъ необходимымъ изслѣдовать прежде всего внутреннюю сторону памятника—его институты и отдѣльныя постановленія, пока слѣды ихъ не исчезаютъ вершенно въ новыхъ формахъ. Затѣмъ вопросъ о происхожденіи Русской Правды онъ ставитъ въ зависимость отъ сравнительнаго изученія ея съ древними законодательными памятниками славянскими, германскими, сѣвернымъ и византійскимъ законодательствомъ, гражданскимъ и церковнымъ.

Высказываясь далѣе противъ способа изслѣдованія этого памятника, принятаго г. Калачовымъ, авторъ заявляетъ, что онъ склоняется къ программѣ, предложенной въ изслѣдованіяхъ Погодина, разница только въ хронологическомъ порядкѣ операцій. Свои изслѣдованія по Русской Правдѣ, авторъ раздѣляетъ на два отдѣла: въ первомъ изъ нихъ будутъ сосредоточены главнымъ образомъ толкованія грамматическія и данныя исторіи, во второмъ историко-юридическія. Но, приступая къ толкованію Рус. Правды, изслѣдователь немедленно наталкивается на вопросъ о денежной системѣ этого памятника, который поэтому и поставленъ авторомъ на первый планъ. Весь первый выпускъ его изслѣдованій посвященъ «изслѣдованію источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды». Въ свою очередь оно распадается на нѣсколько главъ: 1) объ общихъ наименованіяхъ денегъ въ эпоху «Русской Правды» 2) о различныхъ оборотныхъ цѣнностях древней Руси, носившихъ общее названіе кунъ; 3) о денежныхъ единицахъ эпохи Русской Правды, (о гривнѣ); 4) тоже, частяхъ гривны.

Изслѣдованіе автора снабжено подробными примѣчаніями, посвященными болѣе спеціальному разсмотрѣнію русскихъ иностранныхъ источниковъ по вопросамъ входящимъ въ его трудъ. Понятно, что при многочисленности объясненій и разносторонности изслѣдованій самаго вопрос представляемыхъ историческою литературою, авторъ не могъ выставить какихъ либо новыхъ положеній; но, какъ повѣрка и сводъ существующихъ данныхъ и мнѣній,—его трудъ, составляющій лишь част

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XXXIII.

1882.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Состав. А. Шарлемань

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1882

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

[томъ xxxiii].

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА

въ 1801 г.

ГРАВИРОВАЛЪ КЛАУБЕРЪ.

СНИМ. ИСПОЛ. ВЪ ЭКСПЕД. ЗАГ. ГОСУД. БУМАГЪ.

Приложеніе къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1882 г.

КОЗАЧЬЯ ДУБРОВА

ИНАЧЕ

КОЗАЧЬЯ СЛОБОДА ИЛИ КОЗАЧЬЕ.

Верстахъ въ 15-ти отъ Конотопа есть слобода Путивльскаго уѣзда Курской губерніи, называемая Козачья Слобода, а въ старину—Козачья Дуброва. Это — мѣстность, очень замѣчательная въ исторіи. Здѣсь въ іюнѣ 1672 года происходило важное событіе — избраніе малороссійскаго гетмана Ивана Самойловича. Избраніе это произошло случайно на такомъ мѣстѣ, гдѣ ему происходить никакъ не слѣдовало.

Въ Малороссіи передъ тѣмъ совершился политическій переворотъ. Генеральные старшины обвинили своего гетмана Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго въ измѣнническихъ замыслахъ противъ царя и, не дождавшись еще окончательнаго царскаго указа, вломились ночью въ гетманскій домъ въ Батуринѣ, схватили соннаго гетмана, лежавшаго на постелѣ, связали, заковали, положили въ сани, покрыли кожами и повезли по дорогѣ въ Москву, прежде чѣмъ разсвѣло и поступокъ ихъ могъ стать извѣстенъ Батуринскимъ обывателямъ. Несмотря на крайнее нарушеніе уваженія, подобавшаго къ предержащей власти, этотъ поступокъ не былъ вмѣненъ старшинамъ въ преступленіе, напротивъ, они еще получили за него похвалу, успѣвши выставить въ Москвѣ такой поступокъ вынужденнымъ въ виду предупрежденія смятеній въ краѣ. Московское правительство было уже настроено только что укрощеннымъ смятеніемъ въ Малороссіи, послѣдовавшимъ послѣ

измѣны гетмана Бруховецкаго, и потому легко могло вѣрить въ возможность новой измѣны въ Малороссіи. Демьянъ Игнатовичъ былъ подвергнутъ допросу, пыткѣ, осужденъ на смертную казнь, но когда его вывели казнить, тогда по милосердію царскаго величества, онъ получилъ жизнь, которую пришлось ему не мало времени влачить въ сибирскихъ пустыняхъ. Изъ дошедшаго до насъ слѣдствія видно, что вся вина его состояла въ смѣлыхъ словахъ, высказанныхъ неодобрительно о тогдашнихъ дѣйствіяхъ московскаго правительства, словахъ, произнесенныхъ подъ вліяніемъ развязующей языкъ горилки, которую онъ, какъ истый козакъ, употреблялъ не всегда въ умѣренномъ количествѣ, и не сдерживалъ своего нрава въ тѣ минуты, когда она овладѣвала его разсудкомъ. У насъ на Руси, всегда, а въ оное время въ особенности, не полагали различія между дѣйствіемъ и словомъ, и всякому легко было пострадать за слова, иногда совсѣмъ пустыя, будто за важное дѣло. Старшины достигли своей цѣли— повалили гетмана, котораго не взлюбили, сами его себѣ изъ своей среды избравши; но украинскій народъ не принялъ съ покорностію и съ радостію такую перемѣну; народъ украинскій въ тѣ поры хотя и много разъ уже былъ обманываемъ своими старшинами, но все еще имѣлъ представленіе о томъ, что на свѣтѣ существуютъ права̀, и только на основаніи правъ можетъ получаться власть, имъ управляющая.

Право на гетманское званіе давало, во первыхъ, всенародное избраніе вольными голосами, а во вторыхъ—утвержденіе избраннаго царскою волею.

Царь Алексѣй Михайловичъ дозволилъ созвать раду для избранія новаго гетмана вольными голосами, а на этой радѣ указалъ находиться своему боярину и воеводѣ князю Ромодановскому. Раду предположили созвать въ Конотопѣ.

Уже Ромодановскій приближался съ войскомъ къ рубежамъ Гетманщины для этой цѣли, какъ старшины сообразили, что раду собирать въ Конотопѣ неудобно. Туда могло собраться много простыхъ, рядовыхъ казаковъ, такъ называемой черни козацкой, да кромѣ того могли нахлынуть и толпы не принадлежащаго къ козацкому сословію поспольства или мужиковъ, а между ними много было такихъ, что порывались въ козачество и вообще все поспольство смотрѣло завистливыми глазами на козаковъ, какъ

на привилегированное сословіе и желало всеобщаго уравненія. Старшины хотѣли, чтобы всѣ политическія дѣла края, которому предоставлялось самоуправленіе, находились исключительно въ ихъ рукахъ, и чтобъ не только поспольство, но и козацкая чернь не принимала въ нихъ участія или принимала его только по наружности, а на самомъ дѣлѣ повиновалась бы тому, что постановятъ для нихъ старѣйшіе. Болѣе важнаго политическаго дѣла какъ избраніе гетмана въ малороссійскомъ краѣ не было и его-то хотѣли старшины совершить безъ участія простыхъ. Въ этихъ видахъ они отправили изъ своей среды посольство къ царскому боярину просить, чтобы избирательная рада состоялась не въ Конотопѣ, а гдѣ нибудь на пути между Конотопомъ и Путивлемъ. Старшинамъ особенно казалось для себя небезопаснымъ допускать въ настоящее время большую толпу простыхъ козаковъ и поспольства, потому что у нихъ, какъ говорится, было тогда рыльцо въ пушку: народная громада могла заволноваться по поводу самовольнаго ареста гетмана и отрѣшенія его отъ сана; передъ тѣмъ, еще недавно, по этому поводу было волненіе: подъ Батуринъ подходила толпа требовать отчета отъ старшинъ—куда они дѣли гетмана. Собственно и въ видахъ московской политики чѣмъ меньше было бы народа на избирательной радѣ, тѣмъ казалось лучше, потому московскія власти желали, чтобы подобныя рады совершались безъ волненія и безпорядковъ, а рада, на которой былъ избранъ Бруховецкій, предшественникъ Многогрѣшнаго, сопровождалась потрясеніями, оставившими по себѣ недоброе воспоминаніе. Но Ромодановскій, вѣрный данному наказу, не соглашался на просьбу старшинъ, и отвѣчалъ, что ему указано собрать раду въ Конотопѣ и онъ исполнитъ царскій указъ въ точности. Тогда старшины, не допуская Ромодановскаго до Конотопа, сами отправились къ нему на встрѣчу и встрѣтили за Козачьей Дубровой: Ромодановскій стоялъ съ своимъ войскомъ въ станѣ близь старыхъ окоповъ. Тамъ состоялась, по усиленной просьбѣ старшинъ, рада и на ней былъ избранъ въ гетманы Иванъ Самойловичъ, бывшій до своего избранія въ санѣ генеральнаго судьи.

Вотъ почему Козачья Дуброва имѣетъ важное историческое значеніе.

29-го апрѣля 1881-го года, проѣзжая черезъ Конотопъ, (который, замѣчу случайно, въ день моего прибытія сдѣлался сце-

1*

ною жидотрепапія, которое весною сразу какъ эпидемія охватило народонаселеніе южной Россіи), я вмѣстѣ съ моимъ давнимъ тамошнимъ пріятелемъ отправился въ Козачье (бывшую Козачью Дуброву). Мы прибыли къ одному образованному и гостепріимному землевладѣльцу, который, узнавши о цѣли моего посѣщенія, тотчасъ предложилъ показать намъ опое историческое мѣсто, прибавивши, что оно ему извѣстно и его самого занимало. Мы проѣхали версты четыре, а можетъ быть меньше, и увидѣли городище, очень обширное и высокое, какое только мнѣ удавалось видѣть въ этихъ краяхъ. Это одинъ изъ остатковъ глубокой древности и во времена Самойловича оно немногимъ, вѣроятно, было моложе, чѣмъ теперь. Оно было окаймлено четырьмя земляными валами въ концентрической формѣ, но внутренніе два вала осыпались и едва замѣтно ихъ существованіе. Высота крайняго вала, болѣе сохранившагося, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изрытаго, не одинакова, но на мѣстѣ, на которомъ мы поднялись на него, мы прошли отъ подошвы до вершины восемьдесятъ двойныхъ шаговъ; въ діаметрѣ внутренняя плоскость городища заключаетъ въ одномъ мѣстѣ 168, въ другомъ 195 шаговъ, а кругомъ, пройдя по всему валу, мы сдѣлали 1300 большинъ двойныхъ шаговъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ валу— прорвы, такъ что надобно спускаться съ его высоты и снова входить. Высота вала не вездѣ одинакова, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ осыпался: землевладѣлецъ сообщалъ мнѣ, что въ этомъ городищѣ случайно найдено было нѣсколько римскихъ монетъ съ надписью diva faustina, но раскопокъ тамъ съ археологическою цѣлію никто никогда не предпринималъ; нѣкоторые изъ простонародія копали землю съ цѣлію отысканія кладовъ и разумѣется безуспѣшно. Это городище стоитъ не одинокимъ памятникомъ незапамятной старины и послѣдующихъ славныхъ событій своего края. Вся окрестность его усѣяна насыпями и курганами разной величины, а нѣкоторые очень велики и носятъ въ народѣ особыя свои названія, свидѣтельствующія о какихъ-то неизвѣстныхъ имснахъ и событіяхъ. Такъ, ѣдучи изъ Конотопа въ Козачью Слободу, съ одной стороны дороги встрѣчаете насыпь, которая называется могила Генева, съ другой стороны насыпь, которая носитъ названіе могила Романова; близь самого городища, о которомъ мы говорили, стоитъ огромнѣйшій курганъ, называемый могила Москалиха. О происхожденіи этихъ названій мнѣ никто

не давалъ объясненій. Археологическихъ поисковъ не дѣлалось ни на одной изъ нихъ. Вообще край этотъ очень соблазнителенъ своими земляными насыпями для занимающихся курганнымъ землеройствомъ.

Гдѣ собственно происходила избирательная рада, на которой былъ избранъ Самойловичъ—въ срединѣ ли городища или на его окраинахъ въ полѣ—теперь опредѣлить невозможно. Но въ Слободѣ Козачьей въ церкви показывали намъ вещи, соединенныя съ памятью объ избранномъ здѣсь Самойловичѣ. Здѣсь есть два воздуха зеленаго бархата; они унизаны нашитыми серебромъ изображеніями ангеловъ съ золотыми крыльями; здѣсь есть наплечникъ священнической ризы съ нашитыми изображеніями апостоловъ въ серебряныхъ одеждахъ съ золотыми вѣнцами около головъ; фонъ, на которомъ наложены эти изображенія, теперь изъ шерстяной матеріи, фіолетоваго цвѣта, но священникъ говорилъ, что прежде онъ былъ изъ бархата такого же цвѣта, а когда бархатъ совершенно истерся, то замѣненъ шерстяною тканью; въ такомъ видѣ находился наплечникъ на богослужебной ризѣ долгое время, и уже недавно, когда риза износилась, оставленъ безъ наложенія на ризу. Здѣсь есть рѣзное деревянное распятіе съ изображеніями орудій мукъ христовыхъ, между которыми является трехконечная плеть. Это хранится какъ даръ Самойловича. Имъ же, по преданію, пожертвовано два образа Спасителя и Богородицы въ серебряныхъ окладахъ. Есть еще золоченый потиръ съ камнями, и эту вещь готовы отнести къ эпохѣ Самойловича, но на ней вырѣзанъ одинъ изъ годовъ конца XVIII вѣка. Всего замѣчательнѣе здѣсь поясъ, состоящій изъ золотыхъ и серебряныхъ проволокъ, перевитыхъ шелкомъ, поясъ очень широкій, длинный и цѣнный. Это образчикъ старинныхъ поясовъ малороссійскаго пошиба и приписывается также Самойловичу, можетъ быть вполнѣ основательно, такъ какъ дороговизна его такова, что онъ могъ быть подаренъ развѣ такимъ лицомъ, какъ гетманъ. Существуетъ преданіе, что Самойловичъ, во все время своего гетманства, благодѣтельствовалъ храму, въ которомъ молился послѣ своего избранія. Итакъ, о несчастномъ гетманѣ, сошедшемъ такъ горестно съ своего поприща, на которомъ вѣрно служилъ тремъ царствованіямъ, воспоминаніе не осталось нигдѣ такъ живымъ, какъ въ

незначительномъ селеніи, только случайно игравшемъ важную роль въ его политической жизни.

Но памятью о гетманѣ Самойловичѣ не ограничиваются историческія преданія этого края. Сохранились въ народѣ и переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣнія преданія чисто мѣстныя, бытовыя. Край этотъ былъ когда-то порубежнымъ. Тамъ оканчивались украинныя земли коренной державы московскаго государства, упираясь въ предѣлы гетманщины или, какъ говорилось и писалось въ старину — малороссійскихъ городовъ. Гетманщина давно уже составляла часть русскаго государства, однако управлялась отдѣльно и считалась особымъ краемъ, хотя и подвластнымъ русскому престолу, но самобытнымъ, имѣвшимъ свои границы, отдѣлявшія его отъ прочихъ царскихъ владѣній. Тогда еще всякъ, кто ѣхалъ въ Малороссію, считалъ, что уѣзжалъ какъ бы за-границу. На рубежахъ между великороссійскимъ и малороссійскимъ краемъ устроены были таможни, гдѣ останавливали проѣзжихъ и наблюдали, чтобъ ни изъ Великороссіи въ Малороссію ни обратно изъ Малороссіи въ Великороссію не привозились многіе товары, для которыхъ въ одномъ и другомъ краѣ существовали особыя правила. Не рѣдко и преслѣдуемые властями и закономъ въ одномъ краѣ люди находили себѣ спасеніе и укрывались въ другомъ. Поэтому на рубежѣ между Великороссійскими украинными землями и Малороссіею происходили такія явленія общественнаго настроенія, какія невозможны или, по крайней мѣрѣ, рѣдки были въ срединѣ края. Прилегавшая къ предѣламъ гетманщины украинная полоса московскаго государства долго была ареною своевольствъ, которыя дозволяли себѣ мѣстные землевладѣльцы, пользуясь отдаленностію отъ центра правосудія и при случаѣ возможностію скрыть за рубежемъ гетманщины слѣды своихъ безчинствъ. Въ старыхъ дѣлахъ XVII и XVIII вѣковъ много можно встрѣтить челобитныхъ на своевольства порубежныхъ помѣщиковъ; теперь еще существуютъ дворянскія фамиліи, упоминаемыя въ такихъ челобитныхъ и въ розыскныхъ дѣлахъ, возникавшихъ по челобитнымъ. Такова, между другими, была фамилія Дуровыхъ. Преданіе сохранило память о Марѳѣ Дуровой, какъ о знаменитой разбойницѣ. Въ Путивлѣ, какъ мнѣ сообщали, осталось дѣло: „о притаманной несказанной шкурѣ и разбойницѣ Марѳѣ Ду-

бровой“. Оно относится ко времени царствованія императрицы Анны Іоанновны. Это была мѣстная помѣщица, жившая недалеко отъ Козачьей Дубровы; она была изъ вліятельнаго въ краѣ дворянскаго рода, богатая и чрезвычайно своевольная. Оставшись вдовою, она до такой степени была чувственна и сладострастна, что „для своего удовольствія и своихъ собственныхъ крестьянъ и другихъ сосѣднихъ обывателей къ себѣ приглашала“. Такое выраженіе сообщали мнѣ заимствованнымъ изъ дѣла о Мареѣ Дуровой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она занималась разбоями, поднимала толпу своихъ крестьянъ, изъ которыхъ рѣдкій не былъ, хотя на одинъ часъ, въ качествѣ ея любовника, и производила съ ними наѣзды на сосѣдей. Верхомъ сидя на конѣ по-мужски, съ перевязаннымъ черезъ плечо ружьемъ, съ пистолетомъ въ карманѣ и съ саблею при боку, скакала она, предводительствуя своею шайкою, а за нею ѣхали другіе мужики на возахъ, чтобы забирать добычу. Она не приказывала своимъ крестьянамъ сѣять и убирать хлѣбъ, и говорила—не для чего имъ работать, не зачѣмъ потѣть и жариться на солнцѣ: все можно получить даромъ, приготовленное чужими трудами. Въ іюлѣ и въ августѣ прогуливается Мареа съ своими рабами и приказываетъ забирать и везти на возахъ копны только-что сжатаго хлѣба въ свою волость, поднимать стоги сѣна, стоящаго на сѣнокосахъ; также поступали и со скотомъ: встрѣтятъ ли пасущуюся череду рогатаго скота или стадо овецъ, либо свиней—сейчасъ боярыня приказываетъ гнать ихъ къ себѣ и потомъ дѣлитъ между своими мужиками. Пастухи, которыхъ встрѣтятъ при стадахъ, не смѣютъ противиться, потому что имъ тотчасъ угрожаютъ ружьемъ или дубиною. Иногда Мареа нападала на селенія и на помѣщичьи усадьбы. Если трудно было дать отпоръ—обыватели смирялись. Тогда Мареа приказываетъ поить и кормить свою челядь и ограничится наложенною данью. Нерѣдко перерывала она господскія кладовыя и сундуки и выбирала для себя все, что хотѣла, потомъ заставляла ограбленныхъ давать клятву и цѣловать образъ, обѣщая не искать судомъ за грабежъ. Въ противномъ случаѣ она угрожала явиться снова и разорить въ конецъ или пустить краснаго пѣтуха. Многіе были настолько благоразумны, что боялись нарушить данную клятву и за то Мареа Дурова обыкновенно ихъ уже не тревожила. Тѣ

же, которые не сдерживали клятвы и подавали искъ, всегда оставались въ проигрышѣ. Власти были падки на взятки, а Мареа Дурова была щедра, когда нужнымъ оказывалось. Вся земская полиція путивльскаго уѣзда мирволила ей, какъ и другимъ своевольникамъ дворянскаго званія, потому что обогащалась отъ нихъ. Возникавшія жалобы на Мареу Дурову обыкновенно признавались не доказанными по неимѣнію уликъ, по невозможности подлинно узнать, что разбой совершенъ былъ именно Мареою, а не инымъ кѣмъ либо. Такихъ же другихъ лицъ было нѣсколько въ уѣздѣ и всѣ платили оброкъ земскимъ властямъ. Такимъ образомъ истецъ ничего не могъ добиться, подавши челобитную на Мареу Дурову, а Мареа Дурова между тѣмъ не побоится расправиться съ нимъ и наказать какъ обѣщала прежде.

Кромѣ Мареы Дуровой, въ путивльскомъ уѣздѣ въ одно время съ нею такими же удалыми подвигами своевольства славились другія дворянскія фамиліи, изъ которыхъ въ памяти народной остались Стремоуховы и Воропановы. Эти разбойники благороднаго происхожденія не всегда дѣйствовали согласно, но между ними происходило соперничество, доводившее ихъ до междоусобій. Однажды такой разбойникъ съ своей шайкой (кажется Воропановъ) напалъ на дворъ Мареы Дуровой. Тутъ произошла страшная кровопролитная свалка. Мареа была побѣждена. Ея усадьба обращена была въ пепелъ; изъ людей нѣкоторые были побиты, другіе разбѣжались, все село было сожжено и сама владѣтельница съ сыновьями, еще не достигшими въ то время совершеннолѣтія, едва осталась цѣла, спрятавшись въ болотѣ. Но враги ушли, Мареа собрала свою разогнанную челядь и, прежде чѣмъ приняться за отстройку разоренныхъ жилищъ, сдѣлала наѣздъ на своего соперника, сожгла до-тла его усадьбу и его самого собственноручно убила, а ея челядь перебила много мужиковъ, наѣзжавшихъ съ своимъ господиномъ на дворъ и село Мареы Дуровой. За то Мареа приказала записать въ синодикъ имена всѣхъ убитыхъ въ этомъ дѣлѣ и отдала въ церковь для вѣчнаго поминовенія. Въ церкви Козачьей Слободы хранится старинный синодикъ, гдѣ много именъ внесены съ припиской „убіеннаго“. Священникъ говорилъ, что многіе изъ этихъ „убіенныхъ“—жертвы своевольствъ Мареы Дуровой. Эта женщина отличалась наружнымъ благочестіемъ, соблюдала установленные церковью посты,

не пропускала богослуженія въ воскресенье и праздничные дни, усердствовала вкладами и приношеніями въ церковь Божію, не оставляла своими щедротами все честное духовенство, а къ церкви въ Козачьей Слободѣ оказывала особое вниманіе. Бывало — собирается она на разбой; заѣзжаетъ прежде въ Козачью Слободу къ попу, прикажетъ служить молебенъ и просить Бога даровать успѣхъ ея предпріятію. „Слушай, батька!“ — говоритъ она этому попу — „коли будетъ намъ удача, мы тебѣ гостинецъ привеземъ, потому что, значитъ, ты намъ вымолилъ у Бога удачу; а не удастся намъ, тогда извини, мы тебя отдуемъ!“ Послѣ того, если попъ услышитъ, что Марѳѣ Дуровой удачи не было, такъ ужъ и боится себѣ бѣды: вотъ наѣдетъ и отстегаетъ плетью за то, что не умѣлъ вымолить у Бога для ней счастья!

Трое сыновей Марѳы Дуровой, когда подросли—участвовали вмѣстѣ съ матерью въ наѣздахъ и отличались такимъ же сладострастіемъ, какъ и родительница ихъ: во время нападеній на селенія, они насиловали дѣвушекъ и молодыхъ замужнихъ женщинъ, хотя бы тутъ же находились родители и мужья, которыхъ Дурова запугивала до того, что тѣ не смѣли имъ препятствовать. Мать сама подстрекала къ этому сыновей. Такъ проходило лѣтъ шесть или семь. Наконецъ доброе согласіе между матерью и дѣтьми нарушилось. Одинъ изъ сыновей хотѣлъ, чтобъ мать учинила съ нимъ кровосмѣшеніе. Марѳа Дурова не согласилась и сынъ сталъ мстить ей; неладилъ онъ и съ братьями. Разбои въ порубежномъ краѣ обратили тогда вниманіе высшаго правительства: отправлена была воинская команда для поисковъ и поимки разбойниковъ. Марѳа Дурова уже не разъ была привлечена къ уголовному слѣдствію, но всегда вывертывалась отъ подкупленныхъ блюстителей закона и порядка. Надобно было захватить ее съ шайкою на совершеніи преступленія. Сынъ, воспылавшій беззаконною страстію къ матери и раздраженный противъ нея за отказъ, тайно далъ знать кому слѣдовало, когда и какимъ путемъ мать его, съ сыновьями и съ крестьянами, поѣдетъ на охоту, какъ называла Марѳа свои наѣзды. Такимъ способомъ Марѳа Дурова была захвачена во время нападенія на село или усадьбу, отправлена въ тюрьму съ двумя сыновьями и бывшими съ нею соучастниками ея крестьянами, предана была суду и по судебному приговору

отправлена въ Сибирь. Ея третій сынъ, не участвовавшій въ ея послѣднемъ разбоѣ и донесшій на свою мать, остался единственнымъ наслѣдникомъ родоваго имѣнія, но господствовалъ въ немъ недолго. Мать, отправляясь въ ссылку, прокляла его. Обремененный этимъ проклятіемъ, сынъ ея впалъ въ тоску и прекратилъ свою жизнь самоубійствомъ. Вотъ какія преданія слышалъ я въ Козачьей Слободѣ.

Н. И. Костомаровъ.

1881 г.

ВСЕЛЕНСКІЙ ОРДЕНЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ

И

ОТНОШЕНІЯ МОИ КЪ «СѢВЕРНОМУ ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ».

[Изъ писемъ Дмитрія Ир. Завалишина къ М. И. Семевскому].

I

Если-бы меня спросили: съ какого времени начали занимать меня политическія идеи, (разумѣя это въ самомъ обширномъ смыслѣ), то я по совѣсти, хотя бы то было и на предсмертной исповѣди, никакъ бы не могъ опредѣлить этого времени съ точностію, потому что, спрашивая даже самъ себя о томъ, я никогда не могъ и для себя самаго разрѣшить этого вопроса. Чтобы понять это, (а понять необходимо для объясненія многихъ моихъ дѣйствій), приходится войти въ нѣкоторыя подробности о моемъ отцѣ и о времени моего дѣтства. Къ счастію, для подтвержденія моего разсказа, имѣется такой непрерывный рядъ письменныхъ свидѣтельствъ и оффиціальныхъ документовъ, какимъ обладаютъ конечно очень не многіе люди.

Когда я родился, отецъ мой былъ уже генераломъ и занималъ уже важное мѣсто, а личное его значеніе было, по особеннымъ, возлагаемымъ на него порученіямъ, еще гораздо выше, чѣмъ то значеніе, какое давало ему мѣсто.

Любимецъ Суворова, онъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ, и это было до такой степени общеизвѣстнымъ фактомъ, что секретарь россійской академіи, извѣстный въ свое время Нартовъ, приглашая отца моего, для полученія званія

академика, написать „поэму для прославленія Суворова, высокимъ слогомъ, достойнымъ Ироя“, прибавлялъ, что дѣлаетъ это предложеніе ему „по извѣстной всѣмъ близости его къ Суворову“. Расположеніе къ нему Суворова выразилось еще особеннымъ образомъ въ томъ, что извѣстясь о производствѣ отца моего въ генералы, въ молодыхъ еще, необычайныхъ для того времени лѣтахъ, и о назначеніи его сразу, при этомъ производствѣ, начальникомъ войска, посланнаго на флотѣ для поддержанія разбитаго въ Голландіи Германа, и для возстановленія въ новомъ боѣ чести полка, потерявшаго знамя, Суворовъ прислалъ отцу георгіевскую звѣзду съ своего мундира, въ полной увѣренности, что отецъ достигнетъ высшихъ отличій на военномъ поприщѣ.

Почти всѣ герои 1812 г. были ратные товарищи моего отца, и всегда посѣщали его, когда представлялся къ тому случай. Въ Англіи сблизился онъ съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, видѣвшимъ въ немъ не только извѣстнаго военнаго, но и разумнаго политическаго дѣятеля, получившаго благодарственные адресы отъ жителей и письма отъ высшихъ англійскихъ начальниковъ [1]). Импе-

---

[1]) Какое значеніе придавалъ гр. Воронцовъ отцу, видно изъ напечатаннаго въ „Архивѣ Воронцова“ (томъ XVI) письма Воронцова къ отцу 3 (14) января 1800 г.

„Мил. Госуд. Иринархъ Ивановичъ! Я почитаю долгомъ моимъ извѣстить ваше прев., что ген.-лейт. Гордонъ, главнокомандующій на островѣ Жерзи, непрестанно пишетъ сюда Его Высочеству герцогу Іоркскому и въ военный департаментъ статсъ-секретарю г. Дундасу, съ великими похвалами о порядкѣ и дисциплинѣ, которыя ваше прев. наблюдали въ войскѣ нашемъ во время вашего начальства надъ онымъ, и попечительности надзираній, что вы надъ онымъ имѣли. Хвалится онъ также вашимъ ласковымъ съ нимъ поведеніемъ и усердіемъ, которыя при всякомъ случаѣ оказывали, о сохраненіи дружбы и откровенности, такъ нужной и весьма приличной между обѣими націями и войсками. Тоже самое гражданскіе чины того острова здѣшнему правленію доносятъ; а какъ сіе благородное и благоразумное поведеніе соотвѣтствуетъ вполнѣ желанію и точному предписанію Государя Императора, то и почитаю за долгъ благодарить ваше прев. Я не премину донести о семъ его императорскому величеству, который тѣмъ паче будетъ симъ доволенъ, что онъ не невѣдаетъ все, что невѣжествомъ или недоброхотѣніемъ нѣкоторые люди старались, подлымъ образомъ, внушать ложные слухи въ войскѣ, якобы англичане ищутъ изъ недоброжелательства къ Россіи жертвовать оное, и, при всякомъ случаѣ, не упускали заводить распри и вмѣсто того, чтобъ утушать оныя, когда онѣ случались, растравляли оныя всякими непростительными образами, удаляясь отъ всякихъ объясненій, могущихъ возстановить то доброе согласіе, которое сохранить такъ нужно между двумя союзными народами, коихъ го-

раторъ Павелъ былъ въ высшей степени доволенъ его дѣйствіями и „мы всѣ ожидали, разсказывалъ свѣтлѣйшій князь П. В. Лопухинъ, когда мы стояли въ аванзалѣ, а Ир. Ив. вошелъ въ кабинетъ императора, что онъ выйдетъ оттуда осыпанный всевозможными почестями, — съ такою похвалою отзывался намъ о немъ предъ тѣмъ самъ государь; но вышло напротивъ: Ир. Ив. впалъ въ немилость за то, что не одобрялъ разрыва съ Англіей, и еще болѣе за то, что на вопросъ о причинѣ пораженія Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи, а Германа въ Голландіи, смѣло объяснилъ это тѣмъ предпочтеніемъ, которое оказывали парадной выправкѣ въ сравненіи съ сущностію военнаго дѣла". (Отецъ мой переводилъ военныя сочиненія). Императоръ вспылилъ; сталъ упрекать отца въ томъ, что онъ „партизанъ Суворова", порицатель новыхъ заведенныхъ Павломъ порядковъ и отецъ мой, вмѣсто ожидаемыхъ всѣми наградъ ему, былъ за-одно съ Циціановымъ, Ермоловымъ, Чичаговымъ, отставленъ безъ суда отъ службы. Разумѣется, онъ немедленно по воцареніи Александра I былъ опять принятъ, и назначенъ военнымъ начальникомъ въ Астрахани, инспекторомъ всей Кавказской линіи, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, начальникомъ астраханскаго казачьяго войска, главнымъ начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ противъ Персіанъ, въ которой экспедиціи овладѣлъ зинзилійскимъ портомъ, разбилъ Персіанъ при Перибазарѣ, и, угрожая Тегерану, отвлекъ, какъ сказано въ формулярѣ, главныя силы Персіанъ отъ Циціанова, и далъ послѣднему возможность покорить разныя ханства. Кромѣ того отецъ мой имѣлъ многія порученія, не входящія въ обычный кругъ дѣйствій военныхъ начальниковъ. Онъ составилъ положеніе, которымъ и до сихъ поръ управляется калмыцкій народъ, и „по особому довѣрію государя", какъ сказано въ письмѣ графа Кочубея, (подлинникъ цѣлъ), получилъ небывалое званіе

сударн находятся въ преискренней и взаимной дружбѣ. Изъ первыхъ вашихъ рапортовъ, я видѣлъ въ вашемъ превосходительствѣ благоразумнаго и попечительнаго генерала, а изъ послѣднихъ извѣстій, о коихъ выше упомянуто, я вижу поведеніе просвѣщеннаго и благороднаго россійскаго дворянина. Мнѣ весьма лестно командовать такою особою, которая вперяетъ во мнѣ искреннее къ ней почитаніе, съ которымъ на всегда пребуду и пр. (Другія письма гр. Воронцова къ отцу, адресъ къ нему жителей острова Жерзи, упоминаніе о письмѣ Лорда Дальримпль и проч. напечатаны въ „Древ. и Нов. Россіи").

покровителя торговыхъ людей, съ правомъ присутствія вездѣ, гдѣ производятся ихъ дѣла. Отецъ мой пользовался неограниченнымъ довѣріемъ кн. Циціанова, и затѣмъ гр. Гудовича, но и при всемъ этомъ не избѣгъ злой участи вслѣдствіе смерти Циціанова, измѣннически убитаго бакинскимъ ханомъ, противъ коварства котораго отецъ предостерегалъ Циціанова. По безусловному довѣрію Циціанова къ справедливости и неуклончивости отца, ему было поручено произвести секретное изслѣдованіе о злоупотребленіяхъ одного генерала, имѣвшаго сильныхъ заступниковъ въ Петербургѣ. Слѣдствіе было произведено, всѣ документы отосланы къ Циціанову, который и отдалъ этого генерала подъ судъ. Отецъ мой и забылъ уже объ этомъ дѣлѣ, когда смерть Циціанова напомнила дѣло отцу самымъ нежданнымъ образомъ: отъ него вдругъ потребовали въ генералъ-аудиторіатъ документы по обвиненію подсудимаго генерала, и какъ этихъ документовъ у него уже не было, отставили безъ суда и слѣдствія отъ службы, за несправедливое якобы обвиненіе. Разумѣется, дѣло вскорѣ разъяснилось тѣмъ, что всѣ документы были найдены въ секретныхъ бумагахъ покойнаго Циціанова и отцу немедленно предложили опять вступленіе на службу, особенно когда графъ Гудовичъ, преемникъ Циціанова, съ горячимъ негодованіемъ отозвался о несправедливости, причиненной отцу; но отставка имѣла, между тѣмъ, и для него, и для всего семейства, невознаградимыя уже ничѣмъ послѣдствія. Дѣдъ мой по матери, къ которому отецъ прибылъ изъ Астрахани со всѣмъ семействомъ, не могъ перенести несчастія, постигшаго дочь и высокочтимаго зятя; съ нимъ послѣдовалъ ударъ въ самый день прибытія нашего, унесшій его въ могилу; за нимъ чрезъ шесть недѣль послѣдовала и жена его, наша бабушка; отецъ впалъ въ жестокую болѣзнь; мать наша не могла перенести всѣхъ этихъ ударовъ и впала въ злую чахотку, приведшую ее, меньше чѣмъ чрезъ годъ, къ кончинѣ, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ и полномъ развитіи красоты, какъ свидѣтельствуетъ ея портретъ.

Вступивъ снова въ службу „генералъ-инспекторомъ путей сообщенія", отецъ сразу пріобрѣлъ полное довѣріе генералъ-директора, (какъ назывался тогда главноуправляющій), которымъ былъ принцъ Георгій Ольденбургскій, мужъ великой княгини Екатерины Павловны, выказывавшей глубокое уваженіе къ отцу. Она ежедневно приглашала его къ столу, посылала ему

получаемыя ею книги (нерѣдко очень цѣнныя съ рисунками) и журналы, въ числѣ которыхъ были и всѣ запрещаемые для публики; меня и старшую сестру возили во дворецъ, (главное управленіе Путей Сообщенія было тогда въ Твери), что, по случаю вдовства отца, поручалось всегда женѣ губернскаго дворянскаго предводителя, а самъ принцъ очень часто бывалъ у отца и совѣтывался съ нимъ по дѣламъ не только какъ генералъ директоръ путей сообщенія, но и какъ генералъ-губернаторъ Тверской, Ярославскій и Новгородскій, и не многіе конечно, даже и тогда, знали, что представленіе принца объ улучшеніи способа препровожденія ссыльныхъ было внушено ему моимъ отцомъ, который, разъѣзжая безпрестанно, по званію генералъ-инспектора, постоянно былъ свидѣтелемъ прежняго варварскаго способа этого препровожденія. Можно утвердительно сказать, что не было ни одного принца, ни одного иностраннаго путешественника, пріѣзжавшаго въ Тверь или проѣзжавшаго чрезъ нее, который не посѣщалъ бы отца; а когда Наполеонъ выгналъ домъ Ольденбургскій изъ Германіи, и отецъ и братъ принца проживали въ Твери, то они очень полюбили отца и весьма часто долго просиживали у него по вечерамъ. Почти безвыходно толпились у отца и тѣ инженеры французы, которые были, изъ воспитанниковъ Политехнической школы, присланы Наполеономъ, и заняли потомъ высшія мѣста по вѣдомству путей сообщенія, а когда, послѣ войны, пришла въ Тверь уланская дивизія, то начальникъ ея, Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ (впослѣдствіи оберъ-егермейстеръ) сдѣлался искреннимъ другомъ отца, а бригадные командиры, кн. Лопухинъ и кн. Хилковъ (оба тогда холостые) сдѣлались какъ бы членами нашего семейства, и даже не держали стола у себя, и это было причиною, что и я, когда потомъ жилъ въ Петербургѣ, былъ принятъ, какъ родной, въ домахъ всѣхъ Васильчиковыхъ, Лопухина и Хилкова, какъ считался роднымъ и у Архаровой, и у Остермана, который даже заставилъ меня жить у себя по возвращеніи изъ похода вокругъ свѣта.

Все это я считалъ необходимымъ объяснить, чтобы показать въ какомъ кругу я обращался изъ дѣтства. Къ этому надо добавить, что отецъ, утомленный часто занятіями, заставлялъ меня читать ему иностранныя газеты, и такъ убѣжденъ былъ въ моей скромности и молчаливости, что изъ кабинета его, въ которомъ была и его библіотека и гдѣ я обыкновенно занимался,

никогда не удалялъ меня даже во время бесѣды съ самыми важными лицами, о самыхъ важныхъ предметахъ. То же довѣріе ко мнѣ показывали впослѣдствіи и въ знакомыхъ домахъ, разговаривая при мнѣ о самыхъ щекотливыхъ предметахъ, не исключая и скандаловъ, относящихся ко двору и невыгодно вліявшихъ на общественное мнѣніе. Когда случалось, что были посѣтители, еще меня незнавшіе, и потому какъ бы не рѣшавшіеся говорить при мнѣ, то ихъ обыкновенно успокоивали, говоря: „онъ у насъ свой и надежный молодой человѣкъ; при немъ можно все говорить". А Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, съ сыномъ котораго (впослѣдствіи Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ) и съ дочерью отъ первой жены, воспитывавшимися въ домѣ дѣда, мы были друзьями, говаривалъ мнѣ, разсказывая въ домѣ отца своего, (куда я долженъ былъ являться обязательно каждый день „хоть на минуту", иначе скакалъ верховой съ запросомъ отчего я не былъ), разныя продѣлки Аракчеева:—„Ты, Митò, (такъ меня звали въ кругу родныхъ и ближнихъ) держи все это въ памяти; когда нибудь это пригодится для исторіи нашей эпохи, разумѣется, когда насъ не будетъ уже на свѣтѣ". Извѣстно, что И. В. Васильчиковъ и вооружилъ новаго императора больше всѣхъ противъ Аракчеева. (Когда нибудь разскажу какъ это случилось).

По всему этому, могу сказать утвердительно, что въ теченіи всей жизни моей и до сего дня, я не зналъ ни одного вопроса, обсужденія котораго я не слыхалъ бы съ самаго дѣтства, и котораго не старался бы обсуждать и самъ.

Теперь должно объяснить и другія особенныя обстоятельства, которыя имѣли большое вниманіе на мой образъ мыслей и на мои дѣйствія.

Я родился въ Астрахани въ то самое время, когда отецъ мой былъ въ апогеѣ всеобщаго довѣрія и уваженія какъ со стороны правительства и главнокомандующаго, такъ и со стороны жителей, и потому, (по разсказу мнѣ лично генералъ-губернатора Восточной Сибири Броневскаго, бывшаго въ то время ординарцемъ у отца), крестины мои сопровождались особенною торжественностію. Меня крестили въ знаменной залѣ, (гдѣ стояли знамена и штандарты всѣхъ войскъ, которыхъ отецъ былъ начальникомъ), въ присутствіи архіерея, военнаго и гражданскаго начальства и торговыхъ депутацій отъ русскихъ, индійскихъ, персидскихъ, армянскихъ и дру-

гихъ азіатскихъ торговыхъ людей, которыхъ отецъ, по волѣ государя, какъ упомянуто выше, былъ „покровителемъ"; наконецъ калмыцкихъ князей Тюменевыхъ.

И вотъ именно въ это-то время, сдѣлано было предсказаніе о какомъ-то моемъ особенномъ предназначеніи; кто сдѣлалъ это предсказаніе — осталось для меня тайной, но о немъ говорилъ мнѣ самъ отецъ, о немъ намекалъ отецъ и въ одномъ письмѣ къ мачихѣ, („я думаю, что уже не ему ли суждéно носить Суворовскую Георгіевскую звѣзду", — это было сказано по поводу отличія моего въ наукахъ и поведеніи въ корпусѣ и въ особенности по поводу одного поступка, о которомъ будетъ разсказано ниже, и о которомъ отецъ отозвался такъ: „я вижу, что его характеръ и нравственная сила не уступаютъ его умственнымъ способностямъ"); объ этомъ предсказанномъ предназначеніи писала мнѣ сестра въ Сибирь, въ Читу, еще и въ шестидесятыхъ уже годахъ, говоря, что „по всему видно, что провидѣніе непостижимыми путями ведетъ тебя къ какой-то особенной цѣли, которую откроетъ намъ только будущее"; (письмо это цѣло).

И такъ я издѣтства зналъ объ этомъ предсказаніи и о какомъ-то предназначеніи, но въ то время какъ въ семействѣ всѣ, и самъ отецъ, истолковывали его въ обычномъ смыслѣ внѣшняго отличія, блестящей карьеры, что повидимому оправдывалось необычайными моими отличіями по службѣ, я, съ своей стороны, истолковывалъ его и желалъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, какъ только былъ въ состояніи размышлять о немъ, и сначала какъ бы инстинктивно, а потомъ постепенно все болѣе и болѣе сознательно опредѣлилъ себѣ слѣдующую цѣль: если существуютъ непреложные законы для міра вещественнаго, и они могли быть найдены, то должны существовать такіе же непреложные законы и для міра нравственнаго и общественнаго, а если они существуютъ, то слѣдовательно и могутъ также быть открыты, и только тогда откроются и истинныя причины неблагопріятныхъ явленій въ мірѣ общественномъ и будутъ выяснены дѣйствительныя средства для борьбы съ ними, и для устраненія ихъ [1]).

[1]) На такое представленіе имѣла вліяніе та высшая наука, которой я былъ преподавателемъ въ морскомъ корпусѣ, т. е. астрономія. Извѣстно что до открытія законовъ Кеплера, объясненіе всѣхъ небесныхъ явленій пред-

Соотвѣтственно этой цѣли, слагались во мнѣ точно также сначала инстинктивно, а потомъ сознательно и тѣ правила для руководства въ жизни, которыя сдѣлали меня совершенно равнодушнымъ къ внѣшнимъ отличіямъ и къ наслажденіямъ, и доставили мнѣ то нравственное значеніе, по которому мое положеніе, и на службѣ и въ общественномъ быту, было всегда несравненно выше нежели то, какое повидимому допускали и мои лѣта, и мое званіе. Правила эти заключались въ слѣдующемъ: 1, стремиться къ пріобрѣтенію наибольшаго количества основательнаго знанія; 2, быть безупречнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей нравственныхъ, служебныхъ и общественныхъ, дѣлая всегда самъ больше чѣмъ то, что требовалъ отъ другихъ; 3, не быть уклончивымъ ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ, и не отдѣлять никогда слова отъ дѣла, не отступая ни предъ какимъ пожертвованіемъ; 4, никогда не быть самонадѣяннымъ относительно испытаній и искушеній, а всегда заранѣе принимать мѣры къ побѣдѣ надъ ними, и 5, въ случаѣ ошибокъ, не терять времени на безплодныя сѣтованія, а немедленно искать средства дѣйствовать лучше.'

Ни одинъ человѣкъ, какъ бы тверды ни были его правила, не можетъ, конечно, сказать, чтобъ онъ въ чемъ нибудь и когда нибудь не нарушалъ ихъ хотя безсознательно, но я могу утвердительно сказать, что если и были безсознательныя нарушенія, то сколько ни напрягалъ я свою память, не помню, чтобъ я сознательно нарушилъ вышеприведенныя свои правила; это доказывается и въ общемъ характерѣ моихъ дѣйствій и въ подробностяхъ, отъ самаго вступленія моего на поприще самостоятельныхъ дѣйствій, въ какомъ бы то ни было кругу, и до сей минуты, когда пишу эти слова.

Человѣкъ не можетъ, конечно, свидѣтельствовать самъ о себѣ, но у меня есть непрерывный рядъ, отъ самаго дѣтства, свидѣтельствъ и фактическихъ, и въ письменныхъ документахъ, доказывающихъ совершенную справедливость того, что я говорю.

Ни въ какомъ дѣлѣ, ни въ какомъ занятіи я не довольствовался тѣмъ, что нужно для одной внѣшней цѣли, но всегда стремился къ бо́льшему и высшему. Такъ было и въ пріобрѣтеніи

ставляло невообразимую путаницу, не дававшую возможности извлекать точные практическіе результаты. Д. З.

знаній отъ самаго дѣтства. Я былъ исключительнымъ ребенкомъ. Сохранилось письмо моего полугувернера, полудядьки, который писалъ ко мнѣ, когда я уже былъ въ Петербургѣ, что я „привязалъ его къ себѣ кротостію нрава, прилежаніемъ и любовью къ наукамъ". Зная, что я назначенъ для морской службы [1]), и что необходимѣе всего тутъ математика, я не довольствовался тѣми знаніями, которыя нужны были мнѣ, по лѣтамъ, для вступленія въ корпусъ, и которыя преподавалъ мнѣ учитель, и не давалъ покоя ученымъ инженерамъ, толпившимся у насъ въ домѣ, и видя какъ плохи были у насъ въ то время руководства для математики, выпрашивалъ у французскихъ инженеровъ французскія руководства, и заставлялъ давать мнѣ объясненія.

Отъ того-то 11-ти лѣтъ я зналъ уже больше чѣмъ требуется для производства въ гардемарины, и былъ признанъ имъ въ самый день перваго представленія въ корпусъ. Но я и этимъ еще не ограничился, и хотя для опредѣленной мнѣ морской карьеры вовсе не было надобности въ классическихъ языкахъ, но, узнавъ, что Евангелія писаны на греческомъ языкѣ, а отъ своего учителя словесности (Александра Петровича Алимпіева, бывшаго потомъ, кажется, директоромъ одной изъ Петербургскихъ гимназій) о значеніи древнихъ языковъ и о превосходствѣ классическихъ твореній, я, выучивая быстро обычные задаваемые мнѣ уроки, просилъ его въ излишнее время преподавать мнѣ греческій и латинскій языки, продолжая изученіе послѣдняго и въ корпусѣ съ учителемъ французскаго языка Триполи, у котораго учился сверхъ того и по италіански, а у одного изъ штабъ-офицеровъ корпуса, Ф. И. Деливрона, и по испански; нанимая сверхъ того для англійскаго языка и приватнаго учителя, не довольствуясь казеннымъ. Затѣмъ, когда я былъ въ корпусѣ самъ уже кадетскимъ офицеромъ и преподавателемъ, я посѣщалъ лекціи въ университетѣ, горномъ корпусѣ и медико-хирургической ака-

---

[1]) Отецъ нашъ находился съ войскомъ своимъ въ Англіи, именно въ то время, когда тамъ морская сила проявилась въ ореолѣ высшихъ подвиговъ, и такъ плѣнился морскою службою, что хотя всѣ его связи были въ военно-сухопутной службѣ и затѣмъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія, онъ всѣхъ трехъ сыновей своихъ записалъ въ морскую службу, находя, что она болѣе всѣхъ развиваетъ и умственныя способности, и характеръ въ борьбѣ съ природою, даже и въ мирное время. Д. З.

деміи, по тѣмъ предметамъ, которые не преподавались въ корпусѣ; и въ свое время это было слишкомъ необычное и замѣченное всѣми явленіе, что на ученическихъ скамейкахъ студентовъ видѣли офицера, который самъ былъ уже и воспитателемъ, и преподавателемъ.

Бывши также уже офицеромъ, я началъ изученіе и еврейскаго языка, не говоря уже объ обширномъ чтеніи, пользуясь не только замѣчательною тогда библіотекою морскаго корпуса, но и преображенскаго полка, въ которомъ имѣлъ много знакомыхъ и былъ особенно друженъ съ покойнымъ П. Н. Игнатьевымъ, писавшимъ мнѣ и сюда, въ Москву, о памятномъ для него знакомствѣ со мною; у Остермана же, предоставившаго въ мое распоряженіе и свою библіотеку, и всѣ получаемые имъ (безъ цензуры) журналы и газеты, я могъ основательно слѣдить за внѣшними и внутренними политическими вопросами. Имѣя въ распоряженіи своемъ значительныя средства для удовольствій, (напримѣръ—кресла и ложи Остермана въ театры предоставлены были въ наше распоряженіе съ Голицынами и Ѳ. И. Тютчевымъ, съ которыми я вмѣстѣ жилъ у Остермана), будучи, какъ выражались тогда, né engagé (по самому рожденію) приглашаемъ на балы и праздники въ богатыхъ и знатныхъ домахъ, я ни чѣмъ не пользовался, и если и бывалъ на балахъ и пиршествахъ, то только тамъ, гдѣ это было обязательно для меня по семейнымъ отношеніямъ, но оставался всегда въ обрѣзъ, на столько времени, сколько требовали того лишь приличія. Я все учился и учился; и вотъ почему, въ близкомъ кругу и называли меня Пикомъ Мирандольскимъ, omne sciens и т. п., какъ можно видѣть это и въ интимныхъ письмахъ Александра Александровича Бестужева къ своимъ братьямъ въ казаматѣ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (помнится, въ 1869 г., да еще и вами, уважаемый Михаилъ Ивановичъ, сообщенныхъ). Я не говорю уже о томъ, что это стремленіе къ серьезному ученію я сохранилъ и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, употребляя, напримѣръ, въ казаматѣ 18 часовъ въ сутки на ученье, и только 6 на отдыхъ, и не употребляя другой пищи, кромѣ овощной, чтобы ничто не мѣшало мнѣ заниматься. При отличной памяти, я зналъ наизусть всѣ четыре Евангелія, множество стиховъ и прозы изъ всѣхъ европейскихъ литературъ, цѣлыя пьесы, какъ, напримѣръ, Дмитрія Донскаго, еще въ дѣтствѣ, а

впослѣдствіи и „Горе отъ ума“; въ казаматѣ же я зналъ наизустъ все Евангеліе Іоанна и весь Апокалипсисъ уже по гречески; многіе псалмы по еврейски, и опять цѣлыя пьесы на иностранныхъ языкахъ, какъ, напримѣръ, Конрада Валенрода по польски. Я перевелъ все священное писаніе съ подлинниковъ, собственно для своего разумѣнія, не полагая даже возможною какую либо постороннюю цѣль; я прочелъ въ подлинникахъ всѣхъ наиболѣе чевствуемыхъ, какъ авторитетовъ, отцевъ церкви, весь кругъ богослужебныхъ книгъ на греческомъ языкѣ, всѣхъ главныхъ классическихъ писателей, дѣлая опыты и перевода (и все это только для самаго себя). Изъ сочиненій этихъ писателей, нѣкоторые уцѣлѣли у меня и до нынѣ (съ подписью Лепарскаго), не смотря на всѣ передряги, которымъ подвергались мои вещи, книги и бумаги; я прочелъ наиболѣе извѣстныя сочиненія въ литературѣ англійской, нѣмецкой, французской, италіанской, испанской и польской.

Не смотря на это, никто никогда не могъ упрекнуть меня, чтобъ я тщеславился своимъ знаніемъ; я учился всему для собственнаго вразумленія и просвѣщенія; скорѣе преобладало мнѣніе, что я будто бы скрываю умышленно свое знаніе, хотя и этого не было; я просто не искалъ никогда обнаруживать его иначе, какъ въ приложеніи къ дѣлу, когда того требовали обстоятельства и общая польза.

Я стремился исполнить свою программу и въ другихъ отношеніяхъ; старался быть безупречнымъ и въ личномъ поведеніи, и по службѣ, и по исполненію каждой общественной обязанности. Въ корпусѣ, я, изъ нашего выпуска, былъ въ числѣ двухъ, такъ называемыхъ „незамѣченныхъ.“ Въ то время, когда всякаго рода наказанія входили до преизбытка въ систему воспитанія, было однако же всегда нѣкоторое число неподвергавшихся унизительнымъ наказаніямъ, но чтобъ быть „незамѣченнымъ,“ надо было не получить никогда и простаго замѣчанія, даже относительно какой либо ничтожной неисправности. И въ корпусѣ, и затѣмъ на службѣ, я былъ всегда вполнѣ самостоятеленъ и независимъ отъ вліянія какой либо среды, какого бы то ни было кружка, въ которыхъ находился. Въ противоположность господствовавшимъ тогда нравамъ и привычкамъ, особенно во флотѣ, я не пилъ, (и до сихъ поръ не знаю вкуса водки), и не курилъ, хотя совершилъ

походъ и вокругъ свѣта; не бранился извѣстными словами, не смотря на то, что это считалось необходимымъ признакомъ энергіи, не повѣсничалъ, не кутилъ, не развратничалъ, не игралъ въ карты. Замѣчу при этомъ, что противники мои, не имѣя возможности отрицать все это, объясняли это такъ: „у него честолюбіе подавило всѣ человѣческіе (sic) инстинкты". По службѣ я былъ чрезвычайно исполнителенъ, дѣлая всегда даже больше чѣмъ обыкновенно требуется, и притомъ по внутреннему смыслу, а не для формы. Главные начальники, хотя и были обо мнѣ отличнаго мнѣнія, но меня не долюбливали, отъ того что я не ходилъ къ нимъ на поклонъ, не подслуживался, не старался выказываться по службѣ, (подобно тому какъ имѣлъ слабость дѣлать это даже пріятель мой покойный Нахимовъ) [1]), но за то непосредственные начальники мои, которымъ я былъ всегда надежнымъ помощникомъ, очень любили меня, и дорожили тѣмъ, чтобы имѣть меня у себя подъ командою. Всѣмъ этимъ и объясняется необычайность моей служебной карьеры.

Въ 1817 г., когда мнѣ было 12 лѣтъ, я былъ избранъ въ числѣ 12-ти изъ всего корпуса для совершенія особаго похода, во время котораго мы должны были быть представлены во дворамъ шведскому и датскому. Гувернеромъ при насъ былъ князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, академикъ, человѣкъ высокой нравственности и обширной учености, а наставникомъ въ морскомъ искуствѣ былъ старшій лейтенантъ на кораблѣ Мардарій Васильевичъ Милюковъ, человѣкъ сильнаго характера, непреклонной честности, и какъ морякъ считавшійся

---

[1]) Въ „Русс. Архивѣ" нѣкто В. И. отнесъ къ Нахимову тѣ слова, которыя Лазаревъ сказалъ обо мнѣ: („былъ чистъ душою и любилъ море"). Я приглашаю г. В. И. представить хоть одно свидѣтельство, указать хоть одинъ документъ, гдѣ бы показано было, что Лазаревъ сказалъ эти слова о Нахимовѣ, а у меня есть письмо одного адмирала, многолѣтняго сослуживца Лазарева, свидѣтельствующее, что эти слова Лазаревъ сказалъ именно обо мнѣ. (Извлеченіе изъ этого письма, извѣстнаго и редакціи „Русс. Старины", было напечатано въ „Др. и Нов. Россіи"). Что же касается до Нахимова, то въ началѣ его карьеры онъ имѣлъ слабость подводить все такъ, чтобы обращать вниманіе Лазарева на его дѣйствія, что вызвало даже замѣчаніе ему чрезъ Мих. Дм. Анненкова и что служило поводомъ къ частымъ ссорамъ съ нимъ Бутенева, упрекавшаго его за это. Впрочемъ и замѣчаніе Лазарева и упреки Бутенева пошли Нахимову впрокъ; онъ подъ конецъ сталъ отставать отъ своей привычки выказываться. Д. З.

даже выше М. П. Лазарева. Онъ также воспитывался на наглійскомъ флотѣ, но былъ образованнѣе Лазарева. Женивщись впослѣдствіи на Елизаветѣ Дмитріевнѣ Якушкиной, родной сестрѣ декабриста, Ивана Дмитріевича, М. В. Милюковъ вынужденъ былъ, вслѣдствіе болѣзни жены, оставить морскую службу въ чинѣ уже подполковника, и жилъ въ Орлѣ, гдѣ былъ попечителемъ гимназіи. Въ то время какъ князь Шихматовъ ужасно боялся, чтобы мы какъ нибудь не ушиблись, исправляя матросскія обязанности, Милюковъ пріучалъ насъ напротивъ къ отвагѣ, безстрашію, (доходившему дѣйствительно чуть ни до безумія), и къ самостоятельности, принимающей на себя отвѣтственность за самыя отважныя рѣшенія. Онъ сразу отличилъ меня отъ всѣхъ и сказалъ князю: „вотъ этотъ будетъ настоящій морякъ, къ нему надо приложить все стараніе". Онъ взялъ меня къ себѣ въ вахту и постоянно пріучалъ къ командованію и самостоятельнымъ рѣшеніямъ, такъ что когда былъ одно время боленъ, то, не желая стѣснять своихъ товарищей, заставя ихъ отводить на вахтѣ и его очередь, онъ не задумался довѣрить мнѣ вахту вмѣсто себя [1]); а въ Стокгольмѣ, при посѣщеніи нашего корабля высшими правительственными и придворными лицами, мнѣ поручилъ командованіе маневрами. Чтобъ показать какое мнѣніе о мнѣ онъ сохранилъ навсегда, приведу начало и конецъ его письма, полученнаго мною въ Читѣ, когда онъ, не зная ничего о моей судьбѣ въ Сибири, поручилъ С. В. Максимову развѣдать обо мнѣ. Я, въ свою очередь, не зная ничего о М. В., былъ очень радъ узнать, что онъ еще живъ, и сей же часъ написалъ ему письмо, на которое онъ отвѣчалъ немедленно по полученіи моего письма. Вотъ начало и конецъ его письма:

„Письмо ваше, почтеннѣйшій товарищъ, удивило меня и восхитило; вижу, что энергія ваша при васъ, и ничто, никакія обстоятельства не поколебали вашу благородную душу. Не смотря на огромное пространство восьми или девяти тысячъ верстъ, которое насъ раздѣляетъ, не смотря на мои 70 лѣтъ, я вполнѣ раздѣляю съ вами любовь къ истинѣ и добру, и такъ же, какъ и вы, не отступаю отъ убѣжденій, вкорененныхъ въ насъ. Какъ я благодаренъ вамъ, дорогой товарищъ, что вы мнѣ описали свое житье-бытье. Я узнаю

---

[1]) Командиру корабля это очень не нравилось, но, не занимаясь дѣломъ самъ, онъ былъ въ полной зависимости отъ М. В. Милюкова.

Д. З.

ваше благородное сердце и здѣсь, и проч. (Затѣмъ, описавъ и свои семейныя обстоятельства, онъ заключаетъ письмо такъ:) Примите желаніе насъ видѣть у насъ въ сердцѣ Россіи, гдѣ бы вы были цвѣтомъ добра и олицетвореніемъ дѣятельной энергіи. (P. S. Вчера, 30 апрѣля, только что получилъ ваше письмо, а сегодня, 1-го мая, отвѣчаю)".

Поручая мнѣ командованіе вахтою вмѣсто себя, онъ мнѣ говорилъ, „помните, что я съ участію корабля довѣряю вамъ не только жизнь мою, но и мою честь; если случится что̀ неблагопріятное, отвѣтственность падаетъ на меня". Вотъ это-то командованіе и рекомендація перваго моряка, и послужили основаніемъ репутаціи моей, какъ практическаго моряка, еще прежде производства въ офицеры и появленія моего въ Кронштадтѣ.

II.

Послѣ похода въ Швецію и Данію, въ мартѣ 1818 г., я былъ назначенъ старшимъ въ части́, (въ родѣ фельдфебеля,) и сейчасъ же проявилъ и въ этомъ званіи свою дѣятельность энергическою борьбою и къ верьху, и къ низу противъ всякаго злоупотребленія силы и противъ всякой несправедливости. Впослѣдствіи мнѣ два раза пришлось слышать публичное свидѣтельство воспитанниковъ своей роты—чѣмъ я былъ для нихъ и въ званіи старшаго гардемарина, и затѣмъ въ званіи кадетскаго офицера и преподавателя высшихъ наукъ; первый разъ это случилось въ большомъ собраніи у Забайкальскаго военнаго губернатора, второй уже по возвращеніи моемъ въ Россію, въ Москвѣ, у преосвященнаго Леонида, бывшаго моряка, во время котораго сохранившееся преданіе о мнѣ было еще въ свѣжей памяти у моряковъ. При многочисленномъ собраніи, происходившемъ обычно у Леонида по средамъ, одинъ изъ бывшихъ моряковъ, (котораго конечно я не могъ узнать, знавши его только воспитанникомъ, какъ и онъ меня, знавши только 18-ти лѣтнимъ юношей), по поводу разговора о воспитаніи [1]), сталъ припоминать съ преосвященнымъ прежнія правила воспитанія и бывшіе примѣры блестящихъ исключеній,

[1]) Въ это время въ „Соврем. Лѣтописи", при „Моск. Вѣд.", были напечатаны покойнымъ Леонтьевымъ мои статьи о воспитаніи, такъ понравившіяся митрополиту Филарету Д. З.

и въ доказательство—какое вліяніе, безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ, можетъ имѣть начальникъ, когда съумѣетъ своими дѣйствіями заслужить уваженіе, любовь и довѣріе подчиненныхъ, началъ при этомъ распространяться о мнѣ, чѣмъ я былъ въ корпусѣ, какъ было то̀ ему лично извѣстно по собственному опыту, и чѣмъ былъ на службѣ, по свидѣтельству всѣхъ сослуживцевъ и начальниковъ, и товарищей, и подчиненныхъ. Леонидъ молчалъ и далъ ему высказаться вполнѣ, а когда тотъ окончилъ, то сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— „Ну вотъ! Дм. Ир.! я думаю, что вы лучшей награды и не желали бы!“

Можно себѣ представить изумленіе и радость разсказщика, который бросился ко мнѣ и сталъ обнимать со слезами.

Я прекратилъ сразу всякое злоупотребленіе силы старшихъ и большихъ воспитанниковъ надъ младшими, (въ корпусѣ морскомъ были въ то время въ ротахъ смѣшаны всѣ возрасты, отъ выпускнаго гардемарина до новичка-кадета); я даже товарищамъ своимъ не дозволялъ ни нарушать ни въ чемъ порядка, ни обижать младшихъ, ни требовать отъ нихъ лакейскихъ услугъ, что̀ было въ обычаѣ. Имѣя счастливыя способности, я очень мало употреблялъ времени на собственное ученье, а почти все посвящалъ на то, чтобы помогать другимъ въ занятіяхъ; я слѣдилъ за воспитанниками своей части по всѣмъ классамъ, не допускалъ несправедливости и грубаго обращенія со стороны учителей, и если мое личное заступничество не оказывало дѣйствія, то сей же часъ доводилъ до свѣдѣнія старшихъ начальниковъ. И вотъ такими-то дѣйствіями, и показывая самъ примѣръ самаго строгаго исполненія своихъ обязанностей, всегда бо̀льшаго, чѣмъ сколько требовалъ отъ другихъ, я и пріобрѣлъ то вліяніе, что мнѣ всѣ повиновались, хотя я никогда не наказывалъ тѣлесно ни одного воспитанника, ни ученика своего класса, какъ послѣ на службѣ не наказывалъ тѣлесно и матросовъ. Въ этомъ же году случилось одно событіе, которое, какъ и рекомендація Шуберта, было причиною, что я впослѣдствіи сдѣланъ былъ въ корпусѣ преподавателемъ астрономіи, высшихъ математическихъ наукъ, механики и проч.

Преподаватель всѣхъ этихъ наукъ въ нашемъ старшемъ гардемаринскомъ классѣ заболѣлъ отчаянно, и хотя спасли его жизнь, но выздоровленіе должно было идти очень медленно и требовало

продолжительнаго отдыха; такимъ образомъ приходилось замѣнить его другимъ учителемъ и онъ терялъ при этомъ содержаніе, а онъ былъ человѣкъ бѣдный, да еще помогалъ семейному брату. Товарищи мои пригласили меня замѣнить учителя и обѣщали хорошо учиться. Еще и прежде, когда учителю неизбѣжно было манкировать при исполненіи другихъ обязанностей, напримѣръ дежурства по корпусу, онъ самъ всегда мнѣ же поручалъ замѣнять его, объяснивъ мнѣ наканунѣ лекцію. Такъ дѣло и уладилось, и я болѣе полугода былъ преподавателемъ въ своемъ классѣ, приготовляясь самъ къ лекціямъ при содѣйствіи другихъ учителей и инспектора.

При выпускномъ экзаменѣ, главный астрономъ Шубертъ былъ такъ доволенъ мною, что, оставя другихъ, почти исключительно занимался экзаменованіемъ меня, а генералъ-цейхмейстеръ флота Назимовъ сказалъ мнѣ, что онъ объявилъ въ ученомъ артиллерійскомъ комитетѣ, что если бы я захотѣлъ перейти не только въ морскую, гдѣ онъ обѣщалъ мнѣ много выгодъ, но и сухопутную артиллерію, то долженъ былъ быть принятъ безъ всякаго новаго экзамена. Я упоминаю объ этомъ потому, что это имѣло важныя послѣдствія, когда я потомъ поступилъ въ корпусные офицеры.

При баллотировкѣ я былъ признанъ первымъ по наукамъ, но, по просьбѣ директора, уступилъ свое первенство своему товарищу и пріятелю. Причина такой просьбы директора была слѣдующая: моимъ отправленіемъ въ Петербургъ изъ Твери очень замедлили, такъ что когда я былъ представленъ директору, то не только экзаменъ въ гардемарины былъ оконченъ, но началась уже и баллотировка. Директоръ велѣлъ ее остановить, а проэкзаменовать немедленно меня и поставить на то мѣсто изъ незанятыхъ еще, которое будетъ слѣдовать по наукамъ. Пять человѣкъ было уже выбаллотировано, почему меня и поставили на первое вакантное, т. е. шестое; но при экзаменѣ въ офицеры, я оказался первымъ по наукамъ [1]), и вотъ директоръ и обратился ко мнѣ со слѣдую-

[1]) Въ математикѣ мы были равны, но я лучше зналъ языки, географію, исторію и другіе предметы, особенно катехизисъ. Въ доказательство этого имѣются у меня собственноручныя письма товарища моего, съ которымъ мы были соперниками о первенствѣ, письмо моего отца къ мачихѣ моей, и свидѣтельство общаго нашего товарища, Б. И. Даля. Д. З.

щимъ объясненіемъ: „твой товарищъ и пріятель, занимавшій первое мѣсто въ гардемаринскомъ спискѣ, старше тебя четырьмя годами; для него сойти съ перваго мѣста и на второе только, будетъ большимъ пониженіемъ, а для тебя съ шестаго стать и на второе, будетъ не малымъ повышеніемъ; уступи! Я могъ бы сдѣлать все и своею властію, но я столько довѣряю твоему благородству, что не поколебался предоставить дѣло на твое собственное рѣшеніе".

Я отвѣчалъ, что я охотно соглашаюсь, но что при этомъ мнѣ необходимо представить отцу моему свидѣтельство, что я сдѣлалъ все, что было возможно. На это директоръ сказалъ мнѣ, что онъ не только объяснитъ все моему отцу, но и предъ всѣми дастъ мнѣ такое свидѣтельство, назначивъ мнѣ ту награду, которая выдается только одному первому, (книга въ богатомъ красномъ сафьяномъ переплетѣ съ отпечатанными золотомъ именемъ и фамиліей; тогда какъ другимъ, и то только унтеръ-офицерамъ отъ гардемаринъ, эти книги выдавались въ простомъ переплетѣ); объ этой книгѣ сохранилось письмо отца къ мачихѣ для наставленія меньшому брату.

При выпускѣ изъ корпуса я записался въ 1-й флотскій экипажъ, бывшій и лучшимъ морскимъ [1]) и учебнымъ по фрунтовой службѣ, такъ какъ я хотѣлъ быть исправенъ по всѣмъ родамъ службы, которые требовались во флотѣ. А такъ какъ я прибылъ въ Кронштадтъ предшествуемый репутаціей отличнаго теоретика и вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣдущаго уже и практика морской службы, да притомъ извѣстно было, что и тогда уже я зналъ нѣсколько языковъ, то капитаны всѣхъ четырехъ судовъ, отправлявшихся тогда въ экспедиціи къ сѣверному и южному полюсу, пожелали имѣть меня у себя на кораблѣ; но къ сожалѣнію, еще до прибытія моего въ Кронштадтъ, всѣ офицеры были уже назначены; оставалось одно средство: на двухъ корабляхъ необходимо было бы прибавить еще по одному офицеру. Чтобы дать мнѣ еще болѣе право на назначеніе на одно изъ нихъ, Лазаревъ просилъ меня помогать ему при вооруженіи его корабля, что я и исполнялъ, сверхъ

[1]) Тамъ были лучшіе офицеры: М. И. Васильевъ и М. П. Лазаревъ, кругосвѣтные моряки, кн. Шаховской и друг.

Д. З.

всѣхъ другихъ своихъ служебныхъ обязанностей. Но министръ (маркизъ де-Траверсе) отказалъ, что до крайности удивило меня, зная какъ глубоко уважалъ онъ моего отца, да и мнѣ столько расточалъ похвалъ на экзаменѣ, и даже сказалъ, чтобъ я всегда прямо адресовался къ нему, если въ чемъ буду имѣть дѣло по службѣ. Только нынѣ, когда послѣ смерти сестры, наши семейныя бумаги перешли ко мнѣ, я увидѣлъ изъ писемъ отца къ мачихѣ, что отецъ-то именно и не желалъ, чтобъ я шелъ въ этотъ походъ. Онъ посовѣтовался со своими пріятелями адмиралами, (изъ бывшихъ капитановъ тѣхъ кораблей, на которыхъ перевозили его войска въ Англію), которые сказали, что я слишкомъ молодъ и не перенесу этого похода, хотя я увѣренъ, что совѣтъ ихъ былъ своекорыстный, потому что у каждаго были свои кандидаты для похода, но меня сей же часъ назначили прямо командовать вахтою на одно военное судно для плаванія по балтійскому морю, такъ что я представилъ единственный примѣръ морскаго офицера, не бывавшаго съ самаго выпуска подъ командою ни у кого на вахтѣ. Въ Кронштадтѣ, по береговой службѣ я вступилъ въ упорную борьбу со всѣми бывшими злоупотребленіями, и затѣмъ вопреки своего желанія былъ взятъ въ корпусъ, (чрезъ годъ послѣ выпуска), кадетскимъ офицеромъ. Я хотѣлъ отказаться, но отецъ написалъ мнѣ: „походы отъ тебя не уйдутъ и въ походы ходятъ и дюжинные офицеры; а честь, которую тебѣ оказываютъ, поручая тебѣ, пятнадцатилѣтнему юношѣ, воспитаніе твоихъ согражданъ, это небывалая честь, и я запрещаю тебѣ отказываться“. Нечего было дѣлать, надобно было повиноваться.

Въ корпусѣ быстро послѣдовали мнѣ одно назначеніе за другимъ. Я былъ назначенъ преподавателемъ астрономіи, высшей математики, высшей теоріи морскаго искуства, механики, эволюцій, (морской тактики), когда мнѣ было невступно 17 лѣтъ. Затѣмъ главнымъ экзаменаторомъ, по математикѣ, морскихъ артиллеристовъ, экзаменаторомъ въ училищѣ корабельныхъ инженеровъ— по математикѣ и по высшей теоріи кораблестроенія; командиромъ вахты на корпусномъ фрегатѣ, для практическаго обученія гардемаринъ вооруженію и вожденію корабля; депутатомъ въ коммисію для изслѣдованія состоянія и средствъ улучшенія корпусовъ и другихъ соотвѣтствующихъ имъ заведеній.

Въ корпусѣ я провелъ много реформъ, и какъ воспитатель и

какъ преподаватель. Въ офиціальныхъ бумагахъ того времени должны храниться всему этому доказательства, а письмо инспектора, извѣщающее меня о назначеніи преподавателемъ, цѣло и нынѣ у меня.

Если М. П. Лазареву не удалось взять меня въ экспедицію къ южному полюсу, то какъ только получилъ онъ назначеніе отправиться въ походъ вокругъ свѣта на фрегатѣ „Крейсеръ," то, находясь въ отпуску, немедленно извѣстилъ меня о своемъ новомъ назначеніи чрезъ адмирала Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузена, и требовалъ отъ меня, чтобъ я, оставя службу въ морскомъ корпусѣ, отправился съ нимъ въ походъ, имѣя въ виду дать мнѣ самыя важныя порученія, и нуждаясь, какъ онъ говорилъ, въ человѣкѣ, на котораго могъ бы вполнѣ положиться. Я далъ свое согласіе и, по прибытіи Лазарева въ Петербургъ, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Кронштадтъ, гдѣ мы и приступили только вдвоемъ немедленно къ приготовленіямъ къ походу, такъ какъ всѣ другіе назначенные на фрегатъ офицеры находились въ отпуску. Приказомъ по фрегату я былъ въ то же время назначенъ завѣдывающимъ всѣми работами по адмиралтейству, по постройкѣ всѣхъ гребныхъ судовъ и по преобразованію артиллеріи по новому устройству и затѣмъ ревизоромъ. Эта должность заключала въ себѣ тогда части провіантскую, коммисаріатскую, шхиперскую, (паруса, веревки и всѣ вещи по вооруженію корабля,) контроль надъ матеріальною частію артиллеріи, (цейхвахтерскую,) штурманской части, (инструменты, карты, путевые журналы и проч.) и лазаретомъ. Ревизоръ былъ сверхъ того и казначеемъ и правителемъ канцеляріи; никакая подпись капитана была недѣйствительна, если не скрѣплена была ревизоромъ, а экспедиція наша представляла тогда небывалую важность. До сихъ поръ ходили въ дальнее плаваніе только мелкія суда, или съ ученою цѣлію, или какъ транспорты для снабженія Камчатки и колоній; тутъ въ первый разъ шелъ боевой фрегатъ съ ученою и военною (для защиты колоній) цѣлью, съ многочисленною командою; расходы были милліонные, до того времени небывалые, что дѣлало небывалымъ еще значеніе и завѣдующаго хозяйственною частію; при насъ шелъ еще и транспортъ, на которомъ помѣщалась часть и нашего груза, и заграничные расходы, для обоихъ судовъ, сосредоточивались у меня въ канцеляріи.

Эта должность дала мнѣ возможность во время приготовленія къ походу проникнуть во всѣ отрасли морскаго управленія, и не только раскрыть всевозможныя злоупотребленія, но и вступить по праву и обязанности въ самую энергичную борьбу противъ нихъ, такъ что въ административномъ кронштадтскомъ мірѣ, включая и военнаго губернатора, брата министра Моллера, сложилась тогда пословица: „избави Боже отъ огня, меча и фрегата Крейсера“. Лазаревъ самъ засвидѣтельствовалъ какъ я энергически отстаивалъ каждую копейку матроса, строго наблюдая за провіантскими и коммисаріатскими чиновниками, и немедленно удовлетворяя матросъ по всѣмъ расчетамъ даже съ казною, и всѣ знали, что я не давалъ воли произволу и самаго Лазарева къ нарушенію пользы ни казны, ни матросъ [1]); этимъ, вмѣстѣ со строгою справедливостію, уваженіемъ къ человѣчности, (я никого не наказывалъ тѣлесно, не оскорблялъ обычнымъ въ то время ругательствомъ), и объясняется то огромное вліяніе мое на матросъ, которымъ я одинъ могъ укротить бунтъ ихъ въ Австраліи, чего не могъ сдѣлать самъ Лазаревъ ни со своею властію, ни со своимъ „желѣзнымъ,“ (какъ мечталъ), характеромъ. Въ морскомъ отношеніи я командовалъ и на фрегатѣ вахтою въ чинѣ мичмана, и тою батарею, которая подвержена наибольшей опасности; я преобразовалъ многія формы веденія дѣлъ, упростилъ отчетность, и имѣлъ сверхъ того много и другихъ порученій, всегда самыхъ опасныхъ и требующихъ знанія и благоразумія, и Лазаревъ, представляя меня къ производству въ лейтенанты (19 лѣтъ), свидѣтельствовалъ о томъ отличіи, съ какимъ я исполнялъ всѣ порученія. Надо замѣтить, что исправляя въ одно и то же время разныя должности, я никогда не пользовался облегченіемъ одной для другой, и равно не требовалъ и прибавки жалованья, хотя Лазаревъ и предлагалъ это изъ экстраординарныхъ суммъ.

По возвращеніи въ Россію, я по желанію адмирала Н. С. Мордвинова, покровителя Россійско-Американской компаніи, принялъ участіе въ дѣлахъ ея, и не будучи акціонеромъ оной, засѣдалъ въ совѣтѣ директоровъ, провелъ въ общихъ собраніяхъ проекты преобразованія управленія колоніями, осмѣлился, первый въ Рос-

---

[1]) Лазаревъ не хотѣлъ пользоваться для себя, но чтобъ имѣть средства на неположенные казною расходы. Д. З.

сіи, выступить съ открытою критикою трактатовъ съ Англіею и Соединенными Штатами, относительно нашихъ колоній, и былъ уполномоченнымъ отъ компаніи на конференціи съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, назначенной по высочайшему повелѣнію, именно вслѣдствіе моей критики. Замѣчательно, что когда впослѣдствіи, ведя борьбу по Амурскому дѣлу, я обратился съ офиціальнымъ требованіемъ въ правленіе россійско-американской компаніи, напечатать всѣ документы по моей дѣятельности относительно колоній, чтобъ доказать, что идеи, которыя я излагалъ по амурскому вопросу, были не après-coup, не новыя, а тѣ же, что и въ 1824—25 гг., то адмиралъ Этолинъ, директоръ компаніи и бывшій правитель колоній, которому всѣ эти документы и участіе мое въ дѣлахъ колоній были лично извѣстны, какъ современному мнѣ дѣятелю, отвѣчалъ мнѣ, что всѣ эти документы директоръ компаніи Прокофьевъ, (считавшій себя компрометтированнымъ и безъ того уже дружбою Г. С. Батенкова, и тѣмъ, что К. Ѳ. Рылѣевъ былъ у него секретаремъ), сжегъ изъ страха, но что Этолинъ не теряетъ надежды отыскать со временемъ копіи съ нихъ, такъ какъ дѣйствительно съ нихъ, въ то время, ходило много копій по рукамъ. (Письмо адмирала Этолина находится въ моихъ документахъ.) Наконецъ, я предназначался устроить въ теченіи двухъ лѣтъ земледѣльческія колоніи въ Калифорніи, и затѣмъ пробыть, въ теченіи пяти лѣтъ, главнымъ правителемъ колоній, для введенія проведенной мною реформы въ управленіи ими.

Въ самомъ концѣ служебнаго моего поприща, я былъ назначенъ начальникомъ модельной мастерской въ главномъ петербургскомъ адмиралтействѣ, начальникомъ морскаго музея, исправляющимъ должность исторіографа флота, присутствующимъ въ ученомъ морскомъ комитетѣ (въ ожиданіи вакансіи на поступленіе въ члены); но какъ всѣ эти должности не соотвѣтствовали моему стремленію къ походамъ и къ боевой службѣ, и я имѣлъ уже въ виду назначеніе начальникомъ экспедиціи въ Гаити и въ Мексиканскій заливъ, о чемъ и производилась уже переписка, (я самъ и былъ посредникомъ между правительствомъ Гаити и нашимъ [1]), по предложенію близкаго мнѣ человѣка, французскаго

[1]) Наше правительство, изъ деликатности къ Франціи, не признавало Гаитской независимости, потому и предоставило русско-американской компаніи завязать торговыя сношенія съ Гаити. Д. З.

генерала Бойе, (родственника Бойе, президента Гаити), то морской министръ просилъ меня принять управленіе вышеупомянутыми частями хоть временно, для приведенія ихъ въ порядокъ, (онѣ были очень запущены), такъ какъ я уже пріобрѣлъ репутацію способнаго организатора, по всѣмъ мѣстамъ и должностямъ, которыя занималъ.

III.

Я могъ бы привести еще болѣе фактовъ и свидѣтельствъ и въ офиціальныхъ, и въ частныхъ документахъ, объ обширности и характерѣ моей службы и общественной дѣятельности, но я считаю достаточными и вышеприведенные, такъ какъ я отнюдь не имѣю въ виду самовосхваленія [1]), а привелъ все сказанное выше единственно въ доказательство того, что я задолго еще до сношеній съ „Сѣвернымъ тайнымъ обществомъ", не только думалъ, но и дѣйствовалъ противъ общественныхъ золъ и неправды . .

. . . .
. . . .
. . . .

[1]) Все, что излагается здѣсь, изложено въ письмахъ къ редактору „Русской Старины", вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ мнѣ вопросовъ и я не имѣлъ въ виду, что эти письма будутъ напечатаны при моей жизни, а потому онѣ и не могли имѣть въ побужденіи какую либо личную цѣль. Это была только дань требованіямъ правды въ исторіи. Д. З.

Опечатки: Въ статьѣ Ад. П. Берже „Выселеніе горцевъ съ Кавказа", въ этой же книгѣ (январь, 1882 г.) въ эпиграфѣ напечатано: горные, читай: гордые (стр. 161); стр. 163 строка 5: напеч. 493, 194; читай: 493, 244; строка 10-я Гагра, читай: Гагръ; стр. 167 строка 1-я снизу напеч. 493, 194. читай: 493, 244; стр. 171, стр ка 10-я напеч. русскими читай русскимъ на стр. 175, строка 18-я напеч. отъ; читай: онъ.

IV.

. . . .

Вотъ почему я и рѣшился было, еще въ самомъ началѣ 1822 г., когда мнѣ далеко еще не исполнилось и 18-ти лѣтъ, приступить къ дѣйствію и просить разрѣшенія на учрежденіе предположеннаго мною общества, разрѣшенія хотя и негласнаго, хотя подобнаго тому, какое существовало для масонства, хотя бы признаніемъ только пользы цѣли и правильности средствъ, но безъ вмѣшательства правительства въ дѣла общества; этого я надѣялся достичь личными объясненіями съ однимъ только государемъ; но одинъ случай, который я принялъ какъ бы за указаніе свыше, остановилъ меня.

Я два раза былъ уже во дворцѣ, въ такое время, когда навѣрное расчитывалъ, что могу добиться свиданія съ государемъ, и оба раза пришлось такъ, что онъ выѣзжалъ въ необычное для него время. А какъ я, въ самый день вторичной неудачи, получилъ приглашеніе Лазарева идти съ нимъ въ походъ вокругъ свѣта на фрегатѣ „Крейсеръ", то рѣшился отложить дѣло развитія Общества въ Россіи и объясненія съ государемъ до возвращенія изъ путешествія, но не теряя однако же изъ вида своего дѣла и во время путешествія, и пользуясь всѣмъ, что представится благопріятнаго для болѣе солиднаго развитія идеи и для осуществленія оной.

Итальянскія революціи не считались тогда дѣломъ народнымъ и не пользовались сочувствіемъ даже и у людей искренно либеральныхъ, а потому допущеніе государемъ подавленія ихъ Австріей не предрѣшало еще ничего относительно доброжелательныхъ намѣреній его къ своему народу, какъ и ко всѣмъ народамъ вообще; въ итальянскихъ революціяхъ видѣли тогда многіе дѣйствіе происковъ бонапартистовъ. Со всѣмъ иное чувство проявилось, когда возникло опасеніе, что Веронскій конгресъ готовитъ такія же послѣдствія и для Испаніи, какія Лайбахскій имѣлъ для Италіи. Конституція Испаніи явилась не вслѣдствіе низверженія существовавшаго правительства, а была составлена народомъ, защитившимъ свою независимость, когда это правительство было уничтожено внѣшнимъ врагомъ. Конституція Испаніи была признана и Россіей; съ кортесами заключали договоръ, и война Наполеона съ Испаніей отвлекла у него значительныя силы, которыя онъ могъ бы употребить противъ Россіи. Уничтоженіе этой конституціи, тѣмъ именно государемъ, которому народъ сохранилъ и возвратилъ престолъ, представлялось само дѣломъ незаконнымъ, а законнымъ считалось, напротивъ, именно возстановленіе оной.

Между тѣмъ, я, занятый въ это время приготовленіемъ въ Кронштадтѣ кругосвѣтной экспедиціи къ походу, и не находясь

уже въ Петербургѣ, будучи поэтому оторванъ отъ чтенія газетъ и отъ живаго общенія съ политическими людьми, не могъ слѣдить, какъ прежде, за ходомъ политическихъ событій и за развитіемъ мнѣнія въ Россіи. Но когда я прибылъ въ Англію и вдругъ снова ознакомился съ состояніемъ Испанскаго вопроса и съ мнѣніемъ о немъ Англіи, и увидѣлъ опасное для дѣла свободы (тождественной въ моемъ убѣжденіи съ властію по закону) въ Испаніи направленіе Веронскаго конгресса, то убѣдился въ томъ что если главныя положенія Священнаго Союза были правильны, то приложеніе ихъ совершенно извращало первоначальный ихъ смыслъ и вело прямо къ цѣли противоположной той, какая была поводомъ къ основанію Священнаго Союза. Я рѣшился написать къ государю на Веронскій конгрессъ. . . . .

Но письмо мое не застало уже государя въ Веронѣ, и потому я, не будучи вызванъ, какъ предполагалъ, изъ Англіи, отправился на фрегатѣ въ дальнѣйшее путешествіе.

. . . .

. . . .

Отправивъ письмо къ государю въ Верону, по обычной англійской почтѣ, я, опасаясь, что оно могло или не застать его въ Веронѣ, или быть задержано кѣмъ либо изъ окружающихъ, отправилъ и дубликаты въ Петербургъ: одинъ на имя митрополита, знакомаго мнѣ, другой на имя князя Петра Михайловича Волконскаго, какъ ближайшаго довѣреннаго государя. Получивъ мое письмо и въ немъ дубликатъ на имя государя, Петръ Михайловичъ немедленно послалъ за морскимъ министромъ и, показывая ему письмо, сказалъ: „что это у васъ? должно быть какой нибудь съумасшедшій?“—„Отличнѣйшій офицеръ и лично мнѣ извѣстный“, отвѣчалъ министръ, и затѣмъ разсказалъ все, что зналъ обо мнѣ.

По свидѣтельству министра просвѣщенія, адмирала Шишкова, разсматривавшаго потомъ, по порученію государя, все дѣло, письмо мое произвело на государя глубокое впечатлѣніе. Онъ велѣлъ вызвать меня немедленно изъ Америки, гдѣ по расчету времени я долженъ былъ уже находиться, и такъ какъ возвращающіяся оттуда суда могли уже отплыть, а фрегатъ „Крейсеръ“, на которомъ я находился, долженъ былъ оставаться въ колоніяхъ еще годъ, до прихода другаго корабля изъ Петербурга на смѣну, то и велѣно было, для ускоренія моего возвращенія, предоставить мнѣ всѣ средства для скорѣйшаго и удобнѣйшаго проѣзда чрезъ Сибирь. Къ сожалѣнію, я прибылъ въ Петербургъ передъ самымъ наводненіемъ, и хотя по немедленному докладу о томъ министра, государь велѣлъ представить меня ему 7-го ноября, по утру, когда пришлетъ фельдъегеря за министромъ и за мною, но начавшееся, съ ранняго утра того дня, наводненіе, дало другой

оборотъ дѣлу. Въ тревожномъ состояніи духа, которое повергло государя наводненіе, все другое было забыто; мы съ министромъ напрасно просидѣли одѣтые въ полную форму; министра, правда, потребовали, но одного, и затѣмъ только, чтобъ дать ему незаслуженный выговоръ за бѣдствія, причиненныя наводненіемъ, въ которыхъ онъ не былъ нисколько виноватъ, а когда государь вспомнилъ о моемъ пріѣздѣ, то душевное разстройство, продолжавшееся долго и послѣ наводненія, не дозволило уже ему лично заняться моимъ дѣломъ; оно было передано на разсмотрѣніе негласному комитету, состоявшему подъ предсѣдательствомъ Аракчеева.

Членами комитета были назначены—министръ народнаго просвѣщенія адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ; членъ государственнаго совѣта, извѣстный адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Несельроде, участвовавшій впрочемъ только въ тѣхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ разсматривались мои предложенія о присоединеніи Калифорніи. Хотя Аракчеевъ и предсѣдательствовалъ, но я съ нимъ никогда не объяснялся, потому что прямо въ комитетъ меня никогда не призывали, а всѣ объясненія требованы были только или Шишковымъ, или Мордвиновымъ; отъ нихъ я получилъ и отвѣтъ государя.

Личнымъ для меня результатомъ всѣхъ моихъ объясненій было то, что я пріобрѣлъ величайшее къ себѣ расположеніе и уваженіе и Шишкова, и Мордвинова, которые приняли меня даже въ ближайшее знакомство, и постоянно потомъ приглашали къ себѣ, когда дѣло было уже и совершенно закончено; но, какъ я слышалъ о томъ отъ нихъ же, Аракчеевъ былъ вооруженъ противъ меня: я оскорбилъ его, хотя и безъ умысла, тѣмъ, что, какъ онъ думалъ, пренебрегъ его личнымъ знакомствомъ и протекціей, когда имѣлъ къ тому такой случай, которымъ бы тогда подорожили и самые министры. Дѣло въ томъ, что когда я, проѣздомъ въ Петербургъ, останавливался въ Москвѣ, въ домѣ Ивана Николаевича Тютчева (отца поэта), женатаго на родной сестрѣ нашей мачихи, на Катеринѣ Львовнѣ, урожденной Толстой, то сестра Ивана Николаевича, Н. Н. Надаржинская, которую особенно почиталъ Аракчеевъ (кажется, въ молодости своей онъ былъ много обязанъ ея мужу), имѣя какое-то до него дѣло, и

желая поскорѣе доставить ему письмо, просила меня отвезти это ея письмо, такъ какъ я ѣхалъ на курьерскихъ, и потому имѣлъ право ѣхать уже по шоссе, которое, имѣя только временные еще мосты, было тогда открыто единственно только для курьеровъ, и для лицъ, получившихъ, по высочайшему повелѣнію, на то письменное разрѣшеніе, а почта, идущая по прежней дорогѣ, шла весьма медленно по случаю страшной распутицы. Конечно, это былъ самый благопріятный случай представиться Аракчееву и расположить его въ свою пользу, но я всегда въ такой же мѣрѣ боялся и самой тѣни какой бы то ни было протекціи, въ какой другіе усердно добиваются оной. Я всегда хотѣлъ и лично быть цѣнимъ только по своимъ заслугамъ, и чтобъ дѣло брало своею справедливостію, а не содѣйствіемъ чьего либо покровительства. Вотъ почему, пріѣхавъ въ Петербургъ, я, исполняя просьбу Надаржинской, о скорѣйшемъ доставленіи ея письма Аракчееву, отослалъ оное немедленно къ нему, но самъ, ни при этомъ случаѣ, ни послѣ того, къ нему не поѣхалъ. Сообщенное мнѣ Шишковымъ и Мордвиновымъ предубѣжденіе и непріятное относительно меня расположеніе Аракчеева подтвердилъ впрочемъ и самъ Аракчеевъ, и вотъ по какому случаю: однажды Аракчеевъ, шедшій съ Батенковымъ, встрѣтясь со мною при осмотрѣ Михайловскаго дворца, и видя, что Батенковъ особенно дружески привѣтствовалъ меня, и узнавъ отъ него, кто я такой, сказалъ ему:

— „А я тебѣ вотъ что скажу, Гаврило Степанычъ: этотъ Завалишинъ должно быть или величайшій гордецъ, весь въ отца, или либералъ!“

Аракчеевъ и не подозрѣвалъ тогда, что и Батенковъ былъ тоже либералъ, въ ненавистномъ для Аракчеева смыслѣ этого слова.

Представленныя мною чрезъ Шишкова объясненія произвели, по его собственнымъ словамъ, сильное впечатлѣніе на государя. Особенно озадачивали всѣхъ и ставили въ затрудненіе смѣлые мои вопросы: какими же средствами они надѣются прекратить зло, всѣ злоупотребленія и неправду, отрицать которыя они не имѣютъ уже никакой возможности, и которыя именно-то и служатъ главною причиною, возбуждающею къ революціямъ. Для людей, считавшихъ себя однихъ государственными людьми, имѣющими право обсуждать государственныя и общественныя дѣла, такіе во-

просы юноши-лейтенанта были конечно явленіемъ необычайнымъ: роли какъ будто бы перемѣнились; я не защищался, а напротивъ самъ нападалъ.

Общій результатъ всѣхъ этихъ изслѣдованій былъ для меня лично чрезвычайно благопріятенъ, какъ я уже и упомянулъ о томъ выше: и Шишковъ, и Мордвиновъ очень полюбили меня. Не смотря на противоположность ихъ мнѣній во многомъ, каждый изъ нихъ находилъ въ моихъ мнѣніяхъ одну сторону сочувственную себѣ, а въ общемъ, какъ бы средство соглашенія противоположностей. Мнѣнія, которыя я излагалъ, были не механическая средина между противоположностями или эклектическое смѣшеніе изъ нихъ, такъ какъ я никогда не понималъ возможности, внѣ органическаго развитія изъ общаго высшаго начала, улучшенія одной стороны, безъ соотвѣтствующаго улучшенія и другой. Оба слѣдователя старались не придавать и тѣни офиціальности своимъ разспросамъ и требованіямъ объясненія; Шишковъ обыкновенно приглашалъ меня къ обѣду, а послѣ обѣда, удалялся со мною въ кабинетъ и разспрашивалъ меня иногда часъ, а нерѣдко и болѣе; Мордвиновъ всегда приглашалъ вечеромъ къ чаю, прямо въ кабинетъ; надо замѣтить, что эти приглашенія продолжались и впослѣдствіи, когда возложенное на обоихъ адмираловъ дѣло объявлено было законченнымъ и я получилъ чрезъ нихъ отвѣтъ государя. Обоимъ государственнымъ сановникамъ нравилась моя откровенная рѣчь; кромѣ того, къ этому присоединялось и любопытство; они отъ меня только услышали многое, что имъ и во снѣ не снилось; получили понятіе о вопросахъ, волнующихъ общество и о настроеніи общественномъ; о вопросахъ, для которыхъ видѣли, что не придумали никакого разрѣшенія; а что касается до настроенія, то очевидно было, что они не понимали и значенія его, потому что были знакомы съ нимъ только въ оболочкѣ полицейскихъ донесеній, и слѣдовательно только въ томъ видѣ, въ какомъ одномъ эти донесенія и сами способны были понимать дѣло, и представить его.

Наконецъ, мнѣ было объявлено окончательное рѣшеніе государя: относительно Общества или Ордена Возстановленія, Шишковъ сказалъ, что государь находитъ идею увлекательною, но неудобоисполнимою, по крайней мѣрѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ, (въ это время началось уже гоненіе на масоновъ); что же

касается до Калифорніи и разныхъ административныхъ улучшеній, то государь поручилъ Н. С. Мордвинову извлечь всевозможную пользу изъ моихъ указаній.

На мой вопросъ: „содержитъ ли отказъ государя вмѣстѣ съ тѣмъ и формальное запрещеніе предпринять что либо на мою собственную отвѣтственность?“

Шишковъ отвѣчалъ: „Государь ничего не сказалъ на этотъ счетъ“, а на вопросъ: „можно ли его о томъ спросить“, сказалъ: „нѣтъ, можетъ быть онъ и желаетъ именно оставить дѣло въ неопредѣленности!“

Вотъ изъ этого-то отвѣта мнѣ и казалось, что я имѣлъ право вывести слѣдующее заключеніе: государь не хочетъ вмѣшиваться, отказываетъ въ томъ, что дѣлало-бы и его отвѣтственнымъ за послѣдствія, но дѣйствовать лично мнѣ, на мою отвѣтственность, формально не запрещаетъ. Это и надобно имѣть въ виду для уразумѣнія послѣдующихъ дѣйствій.

Здѣсь я долженъ пояснить мои предложенія относительно Калифорніи и бывшихъ нашихъ колоній на сѣверо-западномъ берегу Америки, такъ какъ эти предложенія имѣли огромное вліяніе на весь слѣдующій ходъ дѣла. Съ одной стороны онѣ возбудили самое лестное о мнѣ мнѣніе государственныхъ людей, а съ другой, онѣ то именно и были поводомъ къ моему вступленію въ сношенія съ тайнымъ Сѣвернымъ Обществомъ. Если учрежденіе Ордена Возстановленія допускало смотрѣть на меня, какъ на восторженнаго юношу, увлекшагося, подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда мистическихъ идей, къ идеальнымъ мечтательнымъ цѣлямъ, то основательность, съ какою было обдумано и устроено дѣло присоединенія Калифорніи, и то полное знаніе состоянія колоній и требованій ихъ, въ связи съ общею государственною пользою, равно какъ и практичность предложенныхъ мною реформъ, показали во мнѣ самаго положительнаго человѣка, и составляли полное противовѣсіе мечтателю, способное оградить его отъ излишнихъ увлеченій воображенія, и служащее какъ бы дополненіемъ въ нравственной характеристикѣ человѣка. „Не много и государственныхъ людей, сказалъ Мордвиновъ Шишкову, которые имѣли бы такой правильный взглядъ на нѣкоторыя потребности государства, какъ нашъ молодой знакомецъ, и никто, даже изъ обязанныхъ знать хорошо дѣла колоній, не могъ дать мнѣ,

какъ покровителю Россійско-Американской компаніи, такихъ точныхъ и ясныхъ свѣдѣній о нихъ, какъ онъ".

Поэтому Мордвиновъ энергически и настаивалъ о принятіи моихъ предложеній о Калифорніи, и когда правительство, вслѣдствіе оппозиціи Несельроде, отказалось отъ этого, то Мордвиновъ пожелалъ выполнить мой планъ, хотя отчасти, посредствомъ Росссійско-Американской компаніи, и потребовалъ отъ директоровъ оной и секретаря правленія Рылѣева, войти со мною въ сношеніе, и извлечь всю возможную пользу изъ моихъ указаній. Недовольствуясь и этимъ, онъ однажды пригласилъ меня вечеромъ къ себѣ и представилъ мнѣ Рылѣева, выразя желаніе, что бы мы познакомились поближе, и насказавъ много лестнаго каждому изъ насъ, одному о другомъ. Здѣсь кстати замѣчу мимоходомъ, что Рылѣевъ не преминулъ впослѣдствіи, говоря со мною о „сѣверномъ тайномъ обществѣ," эксплуатировать это дѣйствіе Мордвинова въ пользу представленія мнѣ значенія этого общества, хотя благоволеніе къ нему, Рылѣеву, Мордвинова, основывалось просто на томъ, что Рылѣевъ восхвалялъ его въ стихахъ, такъ такъ Рылѣевъ не былъ даже полезнымъ дѣятелемъ и по дѣламъ компаніи, и директоры постоянно жаловались, что онъ, занимая мѣсто, ничего не дѣлаетъ.

V

Я объяснилъ уже выше, что, не получивъ въ Англіи отвѣта изъ Вероны, такъ какъ письмо мое не застало уже тамъ государя, я отправился изъ Англіи въ дальнѣйшее путешествіе на фрегатѣ, на которомъ находился, и на пути въ наши колоніи посѣтилъ Тенерифъ, Бразилію, Австралію, Отаити, а отправясь изъ колоній, посѣтилъ Калифорнію, гдѣ мы и зимовали, проведя слѣдовательно тамъ весьма значительное время. Мое знаніе языковъ тѣхъ странъ, которыя мы посѣщали, и должность моя какъ управляющаго всею хозяйственною частью и канцеляріею, а потому завѣдывавшаго и всѣми сношеніями экспедиціи нашей съ иностранными начальствами, давали мнѣ и случай, и средства знакомиться со всѣми и всѣмъ не поверхностно, и тѣмъ болѣе, что я нигдѣ не предавался обычнымъ для моряковъ развлеченіямъ, когда они

пристають къ берегу, а вездѣ занимался только своимъ дѣломъ и изученіемъ страны. Поэтому прибывъ въ колоніи и заправляя какъ всѣми официальными сношеніями съ начальствующими лицами, такъ и непосредственными, по хозяйственной части, сношеніями и съ частными людьми, я вполнѣ ознакомился не только съ настоящимъ положеніемъ колоній, но и съ исторіей ихъ, и съ геніальными предположеніями бывшаго правителя колоній Баранова, планъ котораго обнималъ Калифорнію, Сандвичевы острова, Сахалинъ и Амуръ, планъ, существовавшій не въ одномъ только воображеніи, но начатый было даже приводиться въ исполненіе основаніемъ колоній Россъ въ Калифорніи, факторіи на Сандвичевыхъ островахъ и приготовленіемъ экспедиціи на устье Амура, если недоконченный, то уже отнюдь не по винѣ Баранова.

То же самое завѣдываніе хозяйственною частью и знаніе языковъ испанскаго и латинскаго дали мнѣ возможность сблизиться и въ Калифорніи со всѣми разрядами тамошняго населенія, особенно съ начальниками миссій, монахами францисканскаго ордена, настоящими хозяевами и главною нравственною силою въ Калифорніи въ тогдашнее время. Я сразу увидѣлъ и оцѣнилъ безвыходное положеніе этой провинціи или штата, какъ она тогда называлась, считаясь номинально частію федеративной Мексиканской республики, и понялъ какую выгоду можно извлечь какъ для самой провинціи, такъ и для Россіи изъ такого положенія Калифорніи, и тѣмъ начать осуществленіе плана Баранова по крайней мѣрѣ относительно расширенія колоній Россъ, безъ котораго она не только не приносила пользы компаніи, но была ей только въ тягость, потому что безъ этого расширенія она не могла сдѣлаться колоніей земледѣльческой, что существенно и было нужно.

Пока Калифорнія принадлежала Испаніи, она содержалась на счетъ метрополіи, не принося ей никакихъ выгодъ, потому что цѣль была и тутъ та-же, что и въ Парагваѣ, т. е. обращеніе индійцевъ въ христіанство, а войско содержалось единственно для защиты миссіонеровъ.

Съ отпаденіемъ же Мексики отъ Испаніи, прекратились для Калифорніи и пособія миссіонерамъ, и жалованье войску, и защита метрополіи отъ внѣшнихъ покушеній и притязаній.

Между тѣмъ Мексика стала только требовать доходовъ отъ Калифорніи, но не имѣла средствъ защитить ее отъ двухъ равно

угрожавшихъ ей опасностей: съ одной стороны ей угрожали пираты (по всѣмъ вѣроятностямъ флибустьеры Соединенныхъ Штатовъ,) чрезвычайно размножившіеся въ тѣхъ моряхъ во время войны Испаніи съ ея отпавшими отъ нея американскими колоніями, и грабившіе прибрежныя мѣста, а съ другой—вторженіе гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, издавна пытавшихся уже заселиться въ Калифорніи, и согласившихся даже принимать католичество и подданство Испаніи, лишь бы имъ дозволили селиться, разумѣется съ заднею мыслію, усилясь въ провинціи, завладѣть ею. Все это я выяснилъ и поставилъ на видъ какъ миссіонерамъ, такъ военнымъ и гражданскимъ властямъ Калифорніи, (президентомъ штата былъ тогда тотъ же Донъ Луизъ Аргуэльосъ, который былъ губернаторомъ и отъ Испаніи,) и доказалъ имъ всѣ выгоды, какія провинція могла бы получить, ставъ подъ покровительство Россіи. Прежде всего она для этого должна была объявить себя независимою. Калифорнія на дѣлѣ и безъ того была уже вполнѣ не зависимою, и потому объявленіе этой независимости формальнымъ образомъ не могло уже встрѣтить никакого препятствія; не только потому, что Мексика не имѣла никакихъ средствъ покорить ее, но главное потому, что всѣ бывшія испанскія колоніи безпрепятственно раздѣлялись въ то время, и снова соединялись потомъ въ разныя группы, по произволу; а объявя себя независимою, Калифорнія была бы вправѣ также располагать собою по произволу. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, если бы Калифорнія согласилась уступить Россіи только то пространство, которое простиралось отъ залива Сан-Франциско къ сѣверу до границы Соединенныхъ Штатовъ, а къ востоку, по рѣку Сан-Сакраменто, по которой я уже высмотрѣлъ и мѣста для земледѣльческихъ заселеній, то и тогда такая сдѣлка была бы выгодна не только для Россіи, но и для самой Калифорніи. Она въ сущности ничѣмъ бы не жертвовала, потому что у ней на этомъ пространствѣ была только одна ничтожная миссія Сан-Рафаель, и вновь только заводилась другая, Сан-Франциско-Солано, тогда какъ и у насъ была также колонія Россъ, самовольному расширенію которой Калифорнскія силы и власти не могли намъ воспрепятствовать, а между тѣмъ занятая нами эта земля вошла бы клиномъ между Калифорніей и Соединенными Штатами, и оградила бы ее съ наиболѣе доступной нашествію американцевъ стороны, съ сѣвера, отъ натиска и

вторженія янки, которыхъ они и боялись, и ненавидѣли всею душею; а присутствіе русскихъ военныхъ судовъ въ заливѣ Сан-Франциско и крейсерство ихъ у береговъ не допустили бы вѣроятно нападенія пиратовъ, какъ это случилось, какъ бы въ оправданіе моего предвидѣнія, нѣсколько лѣтъ спустя, когда одинъ пиратъ дѣйствительно ограбилъ Монтерей (Monterey,) бывшій тогда главнымъ городомъ Калифорніи. Кромѣ того, она извлекла бы и другія выгоды отъ развитія русскихъ колоній, врачебную помощь, (это было и въ условіяхъ,) возможность отъ развитія торговли и промышленности доставать многія необходимыя вещи, за которыя они платили тогда неимовѣрныя цѣны, и которыхъ часто и вовсе были лишены.

Въ этомъ смыслѣ и были заключены мною съ главными лицами въ Калифорніи предварительныя условія, которыя, не будучи обязательны ни для той, ни для другой стороны, представляли однако же разумно выработанную основу и опредѣленный надежный путь для окончательнаго соглашенія. Много труда стоило мнѣ достигнуть этого, и затрудненія при веденіи всѣхъ переговоровъ были для меня тѣмъ значительнѣе, что я долженъ былъ таить все отъ Лазарева, который, какъ чистый спеціалистъ только морскаго практическаго дѣла и мало свѣдущій въ политическихъ дѣлахъ, вслѣдствіе недостатка у него общаго образованія, могъ посмотрѣть на мои дѣйствія и цѣли обычными глазами рутинныхъ русскихъ начальниковъ, (вѣдь спросилъ же, по словамъ Мордвинова, и Аракчеевъ, прежде всего, какъ я осмѣлился такъ дѣйствовать, не будучи на то уполномоченъ, и получилъ отвѣтъ Мордвинова, что всякій патріотъ, когда ему представится случай, благопріятный отечеству, и о которомъ нельзя вдругъ снестись съ правительствомъ, такъ и долженъ дѣйствовать,) и даже поставить мнѣ и формальное препятствіе. Къ счастію, должность моя дѣлала для меня разъѣзды необходимыми для надзора за производимыми покупками продовольствія для экспедиціи, а рѣшимость моя позволяла мнѣ пускаться въ рисковые проѣзды, для сокращенія дороги при посѣщеніи такихъ мѣстъ, куда не призывала меня служебная обязанность, но гдѣ необходимо было повидаться кое съ кѣмъ, не возбуждая между тѣмъ подозрѣнія у Лазарева продолжительностію отлучки. При такихъ случаяхъ я, дѣйствительно подвергался иногда крайней опасности. Такъ однажды я съѣздилъ,

для свиданія съ однимъ вліятельнымъ лицомъ, въ одну миссію, въ которую обычная кружная дорога составляла до 600 верстъ, а я, чрезъ хребты горъ, по считавшейся непроходимою дорогою, гдѣ былъ главный притонъ отважныхъ разбойниковъ, проѣхалъ впередъ и обратно, употребя на то только двое сутокъ, и два раза, въ оба проѣзда, былъ, какъ оказалось впослѣдствіи, во власти знаменитаго Помпоніо, наводившаго тогда ужасъ на всю Калифорнію, но который потому только меня не тронулъ, что всѣ индійцы были тогда убѣждены, что мы именно пришли за тѣмъ, чтобъ освободить ихъ отъ испанцевъ, и еще потому, какъ сказалъ и самъ Помпоніо, что я много помогалъ бѣднымъ индійцамъ и заступался за нихъ у миссіонеровъ. (Дѣйствительно, каждый пріѣздъ мой въ какую бы то ни было миссію сопровождался или облегченіемъ, или прекращеніемъ наказанія нѣкоторыхъ виновныхъ).

Слѣдуя указанію покровителя Россійско-Американской компаніи, адмирала Мордвинова, директоры компаніи пригласили меня присутствовать постоянно въ ихъ засѣданіяхъ и принять участіе въ дѣлахъ ея, что я и исполнялъ десять мѣсяцевъ, не принимая отъ компаніи никакого за то вознагражденія. Первое, что я сдѣлалъ, это было подвергнуть строгой и рѣзкой критикѣ, одинъ за другимъ заключенные въ то время нами трактаты съ Соединенными Штатами и съ Англіей, относящіеся къ нашимъ колоніямъ на сѣверо-западномъ берегу Америки. Это было первое проявленіе публицистики въ Россіи, и такая смѣлая критика частнымъ лицемъ государственныхъ актовъ, какъ небывалое до того времени явленіе, обратила на себя общее вниманіе и произвела большое впечатлѣніе и въ публикѣ, и потому составленная мною записка о трактатахъ стала расходиться по рукамъ во множествѣ копій; тридцать лѣтъ спустя мнѣ пришлось найти одну изъ этихъ копій, еще сохранившуюся у одного сибиряка, бывшаго акціонера Россійско-Американской Компаніи.

Эта и была именно та самая записка, которую, какъ упомянуто въ „Историческомъ Обозрѣніи Россійско-Американской компаніи“ (составилъ Тихменевъ. См. ч. I. стр. 257, 258 и 259) адмиралъ Мордвиновъ представилъ министру иностранныхъ дѣлъ, по докладу котораго государь очень разсердился на общее содержаніе и тонъ записки, и велѣлъ сдѣлать упра-

вленію Россійско-Американской компаніи выговоръ, но не могъ не признать справедливости изложенныхъ въ ней фактовъ и замѣчаній, почему и приказалъ назначить, въ присутствіи и покровителей компаніи (Мордвинова, Сперанскаго и гр. Северина Потоцкаго), и членовъ совѣта оной (адмирала Головина, сенатора Ведемейера и директора департамента внѣшней торговли Дружинина,) конференцію между уполномоченными какъ со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ и со стороны Русско-Американской компаніи, для разсмотрѣнія какъ еще можно поправить дѣло. Министерство прислало Полетику, нашего бывшаго посланника въ Соединенныхъ Штатахъ, а компанія уполномочила меня. Конференція кончилась полнымъ моимъ торжествомъ. Полетика, начавшій пренія не безъ раздраженія, оскорбляясь вѣроятно тѣмъ, что ему противопоставили такого юношу, мало по малу однако же смягчался по мѣрѣ дальнѣйшаго обсужденія, увидя и убѣдясь, что я вполнѣ знаю дѣло, которое защищаю, тогда какъ министерство не имѣло и понятія о дѣлѣ, о которомъ заключало трактаты. Еще пренія далеко не были окончены, какъ Полетика всталъ, и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ, что онъ считаетъ себѣ за честь имѣть такого противника и познакомиться съ такимъ замѣчательнымъ молодымъ человѣкомъ, а потому и просилъ меня о продолженіи личнаго знакомства; затѣмъ обсужденіе продолжалось въ совершенно уже дружескомъ тонѣ.

Надо сказать, что относительно Калифорніи, отказъ правительства былъ мотивированъ слѣдующими словами Несельроде адмиралу Мордвинову:

— „Je suis le premier à rendre justice au jeune officier, auteur des propositions relatives à la Californie, à son sentiment patriotique, à la droiture de ses intentions, à son habilité même; mais le gouvernement ne peut pas se laisser entrainer dans l'inconu, par l'initiative des particuliers, et au grè de leurs phantaisies; il en pourrait surgir de grandes et graves complications, et d'autant plus, que nos relations à l'Angleterre et aux Etats-Unis sont sans cela deja trop tendues“, т. е. я первый готовъ отдать справедливость молодому офицеру, автору предложеній о Калифорніи, его патріотическому чувству, прямотѣ его намѣреній, даже его искуству, но правительство не можетъ допускать увлекать себя въ неизвѣстныя послѣдствія по почину частныхъ лю-

дей, по прихоти ихъ фантазій; изъ этого могли бы возникнуть большія и важныя затрудненія, и тѣмъ болѣе, что наши отношенія къ Англіи и къ Соединеннымъ Штатамъ и безъ того натянуты.

На этой конференціи былъ затронутъ и вопросъ о присоединеніи Калифорніи, и разумѣется Полетика, какъ представитель министерства иностранныхъ дѣлъ, обязанъ былъ защищать мнѣнія своего министра, но я доказалъ ему, что сильнымъ слишкомъ желаніемъ избѣжать столкновеній весьма часто тѣмъ скорѣе ихъ привлекаютъ, и что я считаю самымъ вѣрнымъ путемъ къ тому—именно слишкомъ большую уступчивость всякимъ неосновательнымъ чужимъ притязаніямъ, каковы и были онѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы начали уступать постоянно притязаніямъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ относительно нашихъ колоній; мы и безъ того сдѣлали имъ много уступокъ тамъ, гдѣ существовало у насъ безспорное право, и вмѣшиваться въ наши отношенія къ Калифорніи ни та, ни другая держава не имѣютъ никакого ни основанія, ни права.

Разбирая на конференціи дѣло о Калифорніи, я, шагъ за шагомъ, привелъ Полетику къ двумъ весьма важнымъ и существеннымъ уступкамъ: онъ призналъ вполнѣ основательность всѣхъ моихъ предложеній о Калифорніи, но сказалъ, что упущены два весьма благопріятныхъ случая къ выполненію моихъ плановъ, и винилъ въ томъ самую Русско-Американскую компанію; два такихъ случая представлялись, по его словамъ, въ 1814 и 1817 годахъ; въ первомъ, когда какъ Англія, такъ и Соединенные Штаты нуждались въ посредничествѣ Россіи для прекращенія войны между ними, и конечно не возразили бы ничего противъ расширенія только что основанной тогда (въ 1812) въ Калифорніи нашей колоніи Россъ, и тѣмъ болѣе, что ни одна изъ этихъ державъ не имѣла тогда еще въ тѣхъ мѣстахъ значительныхъ интересовъ, и Англія даже не оспаривала еще нашего права на владѣніе и островами, и материкомъ сѣверо-западнаго берега Америки, до 51° сѣв. широты, какъ и значилось то въ привилегіи, данной нашимъ правительствомъ, по которой право владѣнія Русско-Американской компаніи простиралось именно до этой параллели.

Второй случай, и еще болѣе благопріятный для пріобрѣтенія и всей Верхней Калифорніи или Новаго Альбіона, былъ тотъ,

когда въ 1817 г. Россія продала свой флотъ Испаніи, (въ 1818 г. были проданы еще 3 фрегата, а разсчеты окончены въ 1821 г.), которая была бы конечно очень рада заплатить за него не деньги, а уступкою Калифорніи, которая не только не приносила ей выгодъ, но была даже въ тягость; притомъ Испанія сама дала прецедентъ для такой сдѣлки, уступивъ Флориду Соединеннымъ Штатамъ.

Другая важная уступка Полетики заключалась въ томъ, что относительно настоящаго времени, если правительство имѣетъ причины отказываться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло, то почему, согласно мнѣнію адмирала Н. С. Мордвинова, не попытаться Русско-Американской компаніи, частнымъ образомъ, сдѣлкою съ мѣстными властями Калифорніи, добиться расширенія территоріи колоніи Россъ, до залива Сан-Франциско, а когда компанія утвердится тамъ, то кто знаетъ, можетъ быть и явятся благопріятныя обстоятельства, которыя дозволятъ утвердить и формальными договорами право компаніи и Россіи на новозанятыя земли?

Впослѣдствіи, посѣщая часто Аполинарія Петровича Бутенева [1]), по дружбѣ съ братомъ его Иваномъ Петровичемъ, я, видѣвшись и бесѣдуя со всѣмъ персоналомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, убѣдился, что намекъ Полетики былъ истиннымъ мнѣніемъ и самого министерства, въ противоположность съ заявленнымъ оффиціально. Очевидно было, что правительство само желало, чтобы кто нибудь проложилъ ему путь, но не замѣшивая его отвѣтственности.

Этотъ намекъ не пропалъ, разумѣется, даромъ для Р. А. компаніи, она, поощряемая Мордвиновымъ, дѣятельно принялась

---

[1]) А. П. Бутеневъ, впослѣдствіи посланникъ нашъ въ Константинополѣ и Римѣ, состоялъ тогда при нашемъ Константинопольскомъ посольствѣ, но по случаю прекращенія дипломатическихъ сношеній между Россіею и Портою, проживалъ вмѣстѣ со всѣмъ посольствомъ въ Петербургѣ; братъ его, Иванъ Петровичъ, былъ въ Морскомъ Корпусѣ въ моей части; находился со мною въ походахъ въ Швецію и Данію, и въ кругосвѣтномъ плаваніи на фрегатѣ „Крейсеръ“, и вмѣстѣ съ П. С. Нахимовымъ, В. И. Далемъ и Ѳеопемптомъ Степановичемъ Лутковскимъ былъ изъ числа самыхъ преданныхъ мнѣ людей. Подъ Наварином онъ потерялъ руку, и былъ флигель-адъютантомъ. Д. З.

за дѣло. Всѣ предложенныя мною реформы въ управленіи колоніями и относительно коммисіонерства въ Сибири, были проведены мною въ общихъ собраніяхъ, въ которыхъ присутствовалъ Мордвиновъ, въ качествѣ и акціонера, и покровителя, представляя необычайное для того времени явленіе,—собраніе, гдѣ засѣдали съ равнымъ правомъ голоса и высшіе государственные сановники, и какой нибудь купецъ 3-й гильдіи, имѣвшій необходимое число акцій (тогда не было еще другихъ акціонерныхъ компаній).

Предположено было выкупить, преимущественно у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, изъ крѣпостныхъ крестьянъ нѣсколько семействъ дѣльныхъ хлѣбопашцевъ и перевезти ихъ въ Калифорнію, гдѣ постепенно основывать земледѣльческія колоніи (такъ какъ неуспѣхъ колоніи Россъ происходилъ столько же отъ невыгодной мѣстности, сколько и отъ неумѣлости работниковъ изъ промышленниковъ и алеутъ), на осмотрѣнныхъ уже мною лично мѣстахъ. А какъ компанія была убѣждена, что никто не можетъ вести дѣло лучше человѣка, который и возбудилъ его, и такъ хорошо подготовилъ его разрѣшеніе, и имѣетъ притомъ уже ближайшія сношенія съ вліятельными лицами въ Калифорніи, то и обратилась къ правительству съ формальнымъ прошеніемъ дозволить мнѣ заняться два года устройствомъ колоній въ Калифорніи, и затѣмъ назначить меня главнымъ правителемъ колоній, для проведенія всѣхъ предположенныхъ реформъ въ управленіи ими.

Въ успѣхѣ представленія до такой степени никто не сомнѣвался, что меня торопили уже къ отъѣзду, и Р. А. компанія, въ домѣ одного изъ директоровъ, Андрея Ивановича Северина, дала мнѣ уже и парадный прощальный обѣдъ, на которомъ присутствовали: Мордвиновъ, Сперанскій, Полетика, адмиралъ Головинъ, Бутеневъ, Дашковъ, Ведемейеръ, Дружининъ и другія значительныя лица, принимавшія участіе въ дѣлахъ компаніи. Пили за мое здоровье, за благополучное путешествіе и за успѣхъ дѣла, а Сперанскій (какъ бывшій генералъ-губернаторъ Сибири, а тогда членъ сибирскаго комитета), сказалъ, что онъ видитъ въ этомъ успѣхѣ огромную пользу и для Сибири, освободивъ ее отъ заботъ продовольствованія не только колоній, но и Камчатки, и Охотска и даетъ возможность утвердиться и на Сахалинѣ, на что Р. А. компаніи давно уже дано было право, но что не могло быть приведено въ исполненіе по затрудненію продовольствовать даже

и ничтожныя партіи на Курильскихъ островахъ. Такимъ образомъ, при всеобщемъ сочувствіи дѣло казалось вполнѣ устроеннымъ.

Но дни проходили за днями, прошло уже нѣсколько очередныхъ докладовъ морскаго министра у государя, а разрѣшенія мнѣ отправиться въ колоніи все нѣтъ какъ нѣтъ! Р. А. компанія видя, что время уходило, встревожилась, но, полагая, что дѣло идетъ объ обычной бюрократической уловкѣ при подобныхъ проволочкахъ, предложила правителю канцеляріи морскаго министерства, Харитоновскому, весьма значительную сумму, если онъ постарается ускорить мое назначеніе, во что бы то ни стало. Прельщенный обѣщанною наградою, Харитоновскій, имѣвшій огромное вліяніе на морскаго министра, успѣлъ настолько побѣдить его извѣстную робость, что подвинулъ его на отважный поступокъ—напомнить государю о докладѣ обо мнѣ. Тогда послѣдовалъ тотъ знаменитый отвѣтъ, который изумилъ всѣхъ слышавшихъ о немъ, а мнѣ придалъ особенное значеніе.

Государь сказалъ морскому министру, какъ тотъ передалъ мнѣ то̀ лично, что онъ, государь, очень доволенъ, что между его служащими есть офицеры съ такими способностями и патріотизмомъ, какъ лейтенантъ Завалишинъ, и что поэтому для него, Завалишина, открыты всѣ карьеры въ Россіи; но отпустить его въ Америку государь не рѣшается изъ опасенія, чтобы какою нибудь самовольною попыткою Завалишина привести въ исполненіе обширные его планы, онъ не вовлекъ Россію въ столкновеніе съ Англіей и Соединенными Штатами. Но что если Р. А. компанія пожелаетъ отправить въ Америку кого либо другаго, то государь съ удовольствіемъ исполнитъ ея просьбу и окажетъ ей законное покровительство во всемъ, что не будетъ компрометтироватъ правительство.

Этимъ отвѣтомъ все дѣло и рушилось, потому что Р. А. компанія до такой степени была убѣждена, что весь успѣхъ дѣла вполнѣ зависитъ отъ моего личнаго пребыванія на мѣстѣ, что не захотѣла рисковать, поручая его кому либо другому.

Чтобы покончить здѣсь разсказъ о планахъ относительно Калифорніи, добавлю слѣдующее: впослѣдствіи баронъ Врангель [1]),

[1]) Врангель былъ изъ самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ. Онъ былъ большой пріятель товарища своего по выпуску Демидова, съ которымъ я жилъ на одной квартирѣ по выпускѣ моемъ изъ корпуса, такъ что Врангель

будучи главнымъ правителемъ колоній, пытался было привести въ исполненіе хотя отчасти мой планъ, который былъ ему вполнѣ извѣстенъ изъ дѣлъ Р. А. компаніи и отъ служившихъ въ ней. Но онъ сдѣлалъ ошибку, вступя въ переговоры съ Мексикою (чему всегда я противился), и тѣмъ признавъ зависимость отъ нея Калифорніи, тогда какъ на дѣлѣ ни de facto, ни de jure этого не было; слѣдовало, напротивъ, побудить Калифорнію на объявленіе независимости и трактовать прямо съ нею и тогда Калифорнія не сдѣлалась бы, какъ часть Мексики, добычею Соединенныхъ Штатовъ, вслѣдствіи неудачной войны съ ними Мексики.

Въ заключеніе скажу, что нѣкоторыя указанія по вышеизложенному предмету помѣщены мною въ „Русскомъ Вѣстникѣ" въ въ статьяхъ: „Калифорнія въ 1824 году" и „Дѣло о колоніи Россъ", и что подлинные документы и русскіе, и испанскіе доставлены мнѣ Р. А. компаніей и находятся въ моихъ рукахъ, за исключеніемъ тѣхъ бумагъ, которыя, какъ сказано выше, со страху послѣ 14-го декабря и моего арестованія, сжегъ директоръ Р. А. компаніи И. В. Прокофьевъ (другъ Г. С. Батенкова).

Теперь, полагаю, будетъ понятно, что ознакомясь съ такою моею дѣятельностью во всѣхъ этихъ дѣлахъ, зная отъ Н. А. Бестужева и К. П. Торсона о моей репутаціи во флотѣ, понявъ мое значеніе и убѣдясь въ многосторонности знанія и энергіи моей, Рылѣевъ пожелалъ во что бы то ни стало, привлечь мое участіе къ цѣлямъ „Сѣвернаго общества", и тѣмъ болѣе, что видѣлъ, что я не скрывалъ уже рѣшительнаго неодобренія многому изъ того, что дѣлалось тогда въ Россіи, что или было мнѣ неизвѣстно до похода вокругъ свѣта, или яснѣе выразилось во время моего отсутствія.

Рылѣевъ рѣшился обратиться ко мнѣ сначала чрезъ Николая Бестужева, зная, что онъ былъ близко знакомъ со мною, когда я былъ еще въ Морскомъ корпусѣ кадетскимъ офицеромъ и преподавателемъ, а Н. Бестужевъ (и какъ житель Васильевскаго

былъ у насъ почти безвыходно и нерѣдко и ночевалъ. Онъ былъ также пріятель и моего старшаго брата Николая, совершавшаго походы съ Литке и къ Новой Землѣ, и вокругъ свѣта, и больше чѣмъ въ Россіи извѣстнаго иностраннымъ гидрографамъ по образцевой описи Каролинскихъ острововъ. Отзывы же Врангеля о декабристахъ были напечатаны въ „Русской Старинѣ".

Д. З.

Острова, слѣдовательно какъ сосѣдъ Морскаго корпуса, и какъ пріятель офицерамъ корпуса, въ которомъ долго и послѣ своего выпуска долженъ былъ принимать участіе, потому что въ немъ воспитывались младшіе его братья), бывалъ очень часто въ нашемъ офицерскомъ кругу, зналъ лично мою реформаторскую дѣятельность и въ корпусѣ, и не рѣдко бесѣдовалъ уже со мною о дѣлахъ общественныхъ; но Н. Бестужевъ отклонилъ предложеніе Рылѣева и сказалъ ему (какъ объяснилъ мнѣ это самъ впослѣдствіи), что не считаетъ себя въ правѣ ставить меня въ затруднительное положеніе, сообщивъ о такомъ дѣлѣ, одно знаніе котораго влечетъ уже за собою отвѣтственность, тогда такъ я въ прежнихъ моихъ бесѣдахъ съ нимъ не высказывалъ еще никогда склонности къ переворотамъ, а дѣйствовалъ инымъ путемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Н. Бестужевъ предупредилъ Рылѣева, что я не изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ можно требовать слѣпаго повиновенія, а что или надобно ничего мнѣ не говорить, или придется открыть все вполнѣ, чтобы пріобрѣсти мое содѣйствіе. Тогда Рылѣевъ рѣшился на послѣднее.

Здѣсь я долженъ остановиться, чтобы докончить объясненіе относительно Ордена Возстановленія. Выше было сказано, что я изъ отвѣта государя вывелъ такое заключеніе, что если мнѣ не дано было формальнаго дозволенія, то не существовало и формальнаго запрещенія дѣйствовать на свою личную отвѣтственность; и по тогдашнему настроенію государя, можно было думать, что если бы онъ и узналъ что либо, то не могъ бы видѣть въ моихъ дѣйствіяхъ вредное что нибудь или противное правительству. Поэтому я и продолжалъ дѣйствовать и пріискивать людей способныхъ выполнить дѣйствительно обязанности членовъ ордена и дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи не безъуспѣшно, хотя и крайне осмотрительно въ выборѣ людей. Способныхъ на самопожертвованіе было тогда, какъ я сказалъ выше, достаточно, но способныхъ понять необходимость нравственной чистоты, какъ необходимаго условія для успѣха въ дѣйствіи, и затѣмъ способныхъ постоянно удерживаться въ этой чистотѣ, было слишкомъ мало, по легкости тогда нравовъ и у людей, считавшихся честными и хорошими [1]); впрочемъ я и не гнался за числомъ, пола-

[1]) Каховскій въ глаза сказалъ Грибоѣдову, разразившемуся филиппикою противъ лже-либераловъ: „всѣ мы лже-либералы и лже-честные; денегъ

гая сущность дѣла, какъ сказалъ о томъ и выше, преимущественно въ качествѣ людей; я желалъ для своего общества не механическаго накопленія, а органическаго развитія и былъ убѣжденъ, что и два человѣка, искренно поддерживающіе другъ друга, могутъ болѣе сдѣлать, чѣмъ и большое число людей, между которыми нѣтъ крѣпкой внутренней связи и нравственной солидарности. И такъ, если было хотя и немного еще членовъ, то орденъ существовалъ уже на дѣлѣ, были уже члены не только русскіе, но и греки, испанцы, французы, финляндцы; но онъ не долженъ былъ существовать для слѣдственной коммисіи; хотя вслѣдствіе показаній Рылѣева и доноса Ипполита Завалишина, и малодушія моихъ родныхъ, коммисія чуть чуть было не добилась открытія и лицъ. Рылѣевъ, который много зналъ относительно учрежденія и цѣли ордена, хотя и не могъ добиться у меня даже и намековъ на лица, но играя потомъ въ слѣдственной коммисіи скорѣе роль ея агента (содѣйствовавшаго, по собственному побужденію, къ розысканію лицъ), а не подсудимаго, сдѣлалъ все таки показанія относительно тѣхъ, кого онъ подозрѣвалъ, заставъ нѣкоторыхъ у меня, когда пришелъ провожать меня, при отъѣздѣ моемъ по порученію Сѣвернаго Общества для изслѣдованій въ губерніи Казанскую, Симбирскую и др. (подъ предлогомъ отпуска, на который имѣли право возвратившіеся изъ кругосвѣтнаго похода офицеры). Изъ показаній же Ипполита Завалишина подозрѣвали, что есть какія-то вещи, которыхъ не найдено было однако же у меня при арестованіи; но какъ не было никакихъ фактовъ въ подтвержденіе показаній Рылѣева и Ип. Зав., а отъ меня ничего не могли узнать, то слѣдственная коммисія употребила слѣдующую уловку: послано было къ моей мачихѣ съ фельдъегеремъ письмо, яко бы мною подписанное, чтобы выдать всѣ мои вещи. Напрасно сестра утверждала (какъ увѣряла меня впослѣдствіи), что подпись вовсе не моей руки, напрасно доказывала мачихѣ, что не должно ничего выдавать, а сказать, что никакихъ вещей, кромѣ тѣхъ, которые захвачены при задержаніи меня въ Симбирскѣ, со мною и не было, мачиха пе-

---

не украдемъ, а похитимъ у мужа жену" (намекая на успѣхи Грибоѣдова у женщинъ). Лунинъ называлъ и И. И. Пущина, и Н. А. Бестужева хорошими язычниками. Д. З.

ретрусилась и выдала тотъ большой ящикъ или сундучекъ, въ которомъ находились символическія одежды и другіе знаки Ордена, да случайно положены были уставъ и печать съ испанскимъ девизомъ, вынутая изъ другаго ящика, гдѣ хранились всѣ печати съ девизами и на другихъ языкахъ, и вынутая потому, что послѣдній принятый членъ былъ испанецъ М. Къ счастію, портфель, гдѣ хранились печати, объясненіе устава и другія важныя бумаги и, что важнѣе всего, письма нѣкоторыхъ лицъ, заявившихъ согласіе вступить въ Орденъ, не находилась въ рукахъ мачихи, а была передана другому лицу, и вотъ какимъ образомъ: отправляясь изъ Петербурга, по порученію Сѣвернаго Общества, я взялъ все съ собою, но проѣзжая изъ Казани въ Симбирскъ чрезъ свою казанскую деревню, оставилъ въ ней ящикъ съ одеждами, а портфель взялъ съ собою. Между тѣмъ за мною были посланы въ Казань фельдъегерь, а въ Симбирскъ артиллерійскій офицеръ, но въ Казани меня уже не застали, а въ Симбирскъ я еще не пріѣзжалъ, когда тамъ сдѣлалось уже извѣстно, что присланъ офицеръ арестовать меня. Узнавъ объ этомъ, Ивашевы, близкіе намъ по родству и дружбѣ люди, поручили близкому своему пріятелю, симбирскому помѣщику Аржевитинову выѣхать мнѣ на встрѣчу, на проселочную дорогу, зная, что изъ казанской нашей деревни, мы (съ мачихою и сестрою) поѣдемъ не почтовымъ трактомъ, а проселочною дорогою, потому что мнѣ нужно было осмотрѣть симбирское имѣніе моего отца; и, такимъ образомъ, въ то время, когда меня караулили у въѣзда на почтовомъ трактѣ, Аржевитиновъ встрѣтилъ меня на проселочномъ, сообщилъ мнѣ о присланномъ за мною артиллерійскомъ офицерѣ и я передалъ ему портфель съ важными бумагами съ наказомъ, что если со мною что̀ случится, то истребить ихъ.

Вообще по Ордену Возстановленія избѣгали переписки, но случалось, что лица, которымъ дано было время на обсужденіе предложенія вступить въ Орденъ, не находясь въ Петербургѣ, присылали заявленіе своего согласія письменно. А такъ какъ Орденъ Возстановленія не имѣлъ никакихъ противуправительственныхъ цѣлей (если не считать противуправительственнымъ смѣлую рѣчь противъ ошибокъ и злоупотребленій и самаго правительства, и борьбу противъ нихъ всѣми законными средствами), то эти письма до такого случая, какъ возста-

ніе 14-го декабря, сдѣлавшее все и всѣхъ подозрительными, не считались опасными и потому не уничтожались до пріѣзда и формальнаго вступленія въ члены авторовъ писемъ; и конечно, если бы не было соприкосновенія моего съ Сѣвернымъ Обществомъ, то я бы и не боялся за членовъ ордена, если бы они и были открыты, такъ какъ я отстаивалъ и передъ слѣдственной коммисіей, ссылаясь на самаго Шишкова, что если мнѣ не дано было формальнаго разрѣшенія на учрежденіе ордена, (который впрочемъ, какъ всенародное учрежденіе, могъ быть основанъ и прежде, чѣмъ я обратился къ государю), то не было поставлено и формальнаго запрещенія дѣйствовать на свою отвѣтственность. Прибавлю только къ этому, что въ портфелѣ, кромѣ писемъ и другихъ бумагъ, находились и ключи для переписки съ членами, для каждаго члена особый ключъ подъ знаками, одному только мнѣ извѣстными. Понятно поэтому, что еслибы все это попалось въ руки слѣдственной коммисіи послѣ того, какъ все было уже заподозрѣно, то ее конечно никакъ нельзя было бы увѣрить, что и другіе члены не участвовали въ дѣйствіяхъ Сѣвернаго Общества, когда я принялъ въ нихъ участіе, и тогда, хотя бы они и оправдались окончательно, но все же надѣлали бы имъ не мало хлопотъ и оставили бы ихъ навѣрно въ подозрѣніи, а пожалуй бы и завинили хоть въ томъ, что они участвовали все таки въ неутвержденномъ правительствомъ, хотя и не направленномъ собственно противъ него, обществѣ; завинили бы по тогдашнему правилу, что все запрещено, чтѐ не дозволено формально. А что я не ошибался въ этомъ предположеніи, это подтвердилось и на опытѣ.

Одинъ изъ близкихъ мнѣ людей, которому никакъ не могли доказать принадлежность его къ какому бы то ни было обществу (благо дѣло его шло черезъ меня, а у меня никакъ не могли исторгнуть показанія), все таки былъ сосланъ въ административную ссылку. Привязались единственно къ тому, что у него при обыскѣ нашли мой портретъ, писанный Теребеневымъ и который онъ не захотѣлъ спрятать, а оставилъ, какъ онъ былъ, открыто на стѣнѣ.

Цѣль всѣхъ моихъ дѣйствій въ слѣдственной коммисіи заключалась въ томъ, чтобы спасти всѣхъ, кто не выдалъ самъ себя; и цѣли этой я достигъ вполнѣ: я не выдалъ никого, кто имѣлъ со

мною сношенія какъ по Ордену возстановленія, такъ и по тайнымъ обществамъ; за мною никто не вошелъ въ крѣпость; всѣ тѣ, которые потомъ обвинялись за соучастіе со мною, всѣ были арестованы прежде меня, выдали сами себя и предали и меня. такъ какъ, будучи сначала арестованъ по поверхностному показанію Александра Бестужева, я, по бездоказательности его показанія, былъ выпущенъ; а вторично и окончательно арестованъ уже по показаніямъ братьевъ Бѣляевыхъ. Я имѣлъ и время, и средства спастись, но не хотѣлъ оставить отечество, разорвать связь съ нимъ и уклониться отъ отвѣтственности за свои дѣйствія, потому что мои идеи начали уже возвращаться къ прежнимъ, но просвѣтленнымъ уже опытомъ и размышленіемъ, что и предохранило меня отъ возвращенія къ одобренію того, что было сознано ошибочнымъ дѣйствительно въ прежнихъ понятіяхъ, полученныхъ отъ тогдашняго воспитанія и слабости у насъ науки. Примѣры возврата къ раболѣпному поклоненію злу, или сдѣлки съ нимъ противъ совѣсти, къ сожалѣнію, не рѣдки: они происходятъ или отъ безсилія ума совладать съ противорѣчіями и отыскать высшее начало, уничтожающее ихъ, или отъ страха человѣческаго и расчета выгоды.

По словамъ Бруевича, одного изъ дѣлопроизводителей слѣдственной коммисіи и прежняго моего знакомаго, съ которымъ мнѣ удавалось иногда разговаривать, сидя съ нимъ въ отдѣльной комнатѣ въ ожиданіи очныхъ ставокъ, открытіе знаковъ, а равно и устава и печати ордена, попавшихъ случайно въ одинъ ящикъ, какъ разъяснено выше, произвели большое впечатлѣніе на коммисію и когда уставъ былъ прочитанъ, то князь Александръ Николаевичъ Голицынъ сказалъ:

— „Все это такъ хорошо, что я и самъ бы готовъ былъ присоединиться къ такому обществу; только теперь менѣе нежели когда нибудь я понимаю — какъ могъ этотъ человѣкъ принять участіе въ революціонномъ предпріятіи?“ [1]).

Понятно, что получивъ вещественныя доказательства, относящіяся ко внѣшнимъ признакамъ существованія ордена, коммисія

---

[1]) Это совершенно согласно съ тѣмъ, что впослѣдствіи сказалъ мнѣ и второй комендантъ при насъ (послѣ Лепарскаго), Григорій Максимовичъ Ребиндеръ; вотъ сущность сказаннаго мнѣ: „Я вамъ обязанъ возвращеніемъ

надѣялась доискаться и состава его. Цѣнность вещей казалась ей достаточною уликою, что я былъ не одинъ, какъ утверждалъ тò.

Затѣмъ, сопоставляя отзывъ кн. А. Н. Голицына съ показаніемъ А. П. Бѣляева (см. „Русс. Старина" 1881 г., мартъ, стр. 492), что въ сношеніяхъ моихъ съ нимъ и его братомъ, я не привлекалъ ихъ къ тайнымъ обществамъ „имѣя въ виду нѣчто болѣе серіозное, хотя и болѣе отдаленное", и что когда я прочелъ имъ „истинно рыцарскій уставъ Ордена Возстановленія, то они восхитились высокими чувствами, въ немъ выраженными", можно видѣть, что мнѣніе слѣдственной коммисіи, что я показывалъ Бѣляевымъ другой уставъ, нежели тотъ, который сталъ извѣстенъ коммисіи, — было ошибочно, какъ было ошибочно и обвиненіе меня въ томъ, что будто бы это я склонилъ Бѣляевыхъ къ революціонному образу мыслей, такъ какъ признаніе самаго А. Бѣляева нынѣ въ его Запискахъ показываетъ, что онъ и братъ его были причастны господствовавшимъ тогда революціоннымъ идеямъ задолго до знакомства со мною. Что-же касается до оговорокъ А. П. Бѣляева нынѣ въ его Запискахъ, что они допускали только то и то, а не крайнія мѣры, то это и есть самое опасное и гибельное заблужденіе, что человѣкъ, принявшій правило, что „цѣль оправдываетъ средство", въ какой бы то ни было сферѣ дѣйствія, можетъ, не отрекаясь отъ этого правила, остановиться на той или другой ступени къ произволу; до чего онъ будетъ доведенъ, это будетъ уже зависѣть отъ обстоятельствъ. Въ свое время мы разберемъ критически Записки А. Бѣляева, здѣсь же замѣтимъ, что онъ смѣ-

---

къ жизни и потому вы повѣрите мнѣ, что я не имѣю никакого намѣренія выпытывать что-либо отъ васъ; но простите! или тутъ есть какая нибудь глубокая тайна, или я не понимаю—какъ могли вы участвовать въ революціонномъ предпріятіи! Въ жизнь свою я не видѣлъ такого живаго воплощенія законности и справедливости, какъ вы! То, что нашему брату стоитъ головоломной работы, какъ въ извѣстномъ случаѣ поступить законно и справедливо, вы всегда разрѣшаете сразу такъ просто и естественно, что я привыкъ смотрѣть на васъ, какъ на олицетворенную законность". Когда всѣ тѣ, кто льстили Ребиндеру и искали въ немъ, бросили его безъ помощи во время отчаянной болѣзни его, я, который ничего не искалъ въ немъ и не сближался съ нимъ, помогъ ему по человѣчеству, и моему наблюденію и уходу за нимъ онъ считалъ себя обязаннымъ за успѣхъ лѣченія. Эпизодъ, относящійся къ Ребиндеру, весьма важенъ для характеристики и декабристовъ. **Д. З.**

шиваетъ два совершенно различные фазиса моихъ сношеній съ ними, и сводитъ къ одному времени то, что было послѣдовательно одно за другимъ, и отъ того-то и не понимаетъ какъ и согласить то, что̀ слышали отъ меня объ Орденѣ и что̀ о Калифорніи. Сначала, когда они не проявляли еще революціоннаго образа мыслей, я хотѣлъ привлечь ихъ къ Ордену Возстановленія, а революціонныя бесѣды начались только тогда, когда я самъ склонился къ революціоннымъ мѣрамъ, что было уже послѣ проявленія ими революціонныхъ идей. Однако же при этомъ я ограждалъ ихъ отъ сношеній съ тайными обществами, потому что, не довѣряя Рылѣеву, хотѣлъ опредѣлить въ данное время, могутъ ли они принять участіе въ возстаніи, чтобъ даромъ не погубили ихъ, — и дѣйствія ихъ 14 дек. были безъ моего разрѣшенія, самовольныя.

Поясснимъ здѣсь, что символическія одежды состояли изъ бѣлой атласной туники, символа чистоты нравственной (одного изъ условій успѣха въ борьбѣ) и наплечниковъ съ краснымъ крестомъ (точь въ точь такимъ, какъ теперь у общества краснаго креста), затѣмъ изъ голубаго атласнаго нагрудника съ крестомъ изъ золотыхъ звѣздъ, съ подписью: „Симъ побѣдиши“ (на греческомъ языкѣ), согласно явленію Константину Великому, которое означало, что только христіанское начало даетъ существенную качественную побѣду. Другіе знаки состояли изъ обоюдоостраго меча съ рукояткою изъ креста и художественно выдѣланнаго стальнаго скипетра, осѣненнаго крестомъ, означавшихъ, что сила и твердая власть, безразличныя сами по себѣ, и могущія быть употребляемы равно и на добро и на зло, только тогда могутъ дѣйствовать законно и справедливо, когда сами подчиняются христіанскому началу. Сверхъ того имѣлась ручная повязка, съ серебрянымъ щитомъ, имѣвшимъ на себѣ изображеніе креста и надпись: „Достиженіе или смерть“, какъ обязательство каждаго члена, до самой смерти, жертвуя всѣмъ и самою жизнію, непреклонно и неустанно стремиться къ достиженію предположенной цѣли. На печати также находились мечь и скипетръ, съ надписью, что сила и власть обязаны быть употребляемы только для счастья народовъ.

Начался, разумѣется, цѣлый рядъ допросовъ. Я объяснялъ, что, предпринявъ учрежденіе общества всенароднаго, которое могло

существовать и независимо отъ дозволенія русскаго правительства, и не имѣя причинъ сомнѣваться, что государь утвердитъ допущеніе его и въ Россіи, какъ допущено было масонство, основанное внѣ Россіи, я заготовилъ все заблаговременно; относительно же возраженія, что вещи были слишкомъ цѣнны, чтобы я могъ все сдѣлать на свои средства, я отвѣчалъ, что получая въ походѣ кругомъ свѣта большое жалованье, я имѣлъ значительныя средства, потому что ничего не тратилъ на пустые расходы, на разгулъ, щегольство и пр., что̀ можетъ быть провѣрено показаніями сослуживцевъ. Труднѣе было объяснить печать съ испанскимъ девизомъ. Я объяснилъ это тѣмъ, что не получая отвѣта изъ Вероны и предвидя отправленіе изъ Англіи въ походъ, я, зная, что буду посѣщать испанскія земли внѣ Европы, и зимовать въ слѣдующую зиму въ Калифорніи, сдѣлалъ печать съ испанскою надписью, имѣя въ виду пріобрѣтать и тамъ, при случаѣ, членовъ. Болѣе этого слѣдственная коммисія не могла ни узнать что либо отъ меня, ни розыскать помимо меня, хотя подозрѣнія и были наведены на нѣкоторыя лица, вслѣдствіе показаній Рылѣева и Ипполита Завалишина, особенно на двухъ иностранцевъ, которыхъ видѣли у меня на проводинахъ; ихъ даже испрашивали, но они отвѣчали отрицательно, а дальнѣйшихъ послѣдствій и быть не могло.

Причины, почему не могли ничего открыть, заключались во первыхъ въ увѣренности, что я ихъ не выдамъ, и притомъ, въ промежутокъ между первымъ и вторымъ моимъ арестованіемъ, я имѣлъ время убѣдить ихъ въ этомъ, а они—принять нѣкоторыя мѣры; къ тому же я имѣлъ случай сноситься со всѣми, даже изъ самаго строгаго заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ (это одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ заключенія въ крѣпости); затѣмъ вслѣдствіе порядка, установленнаго для принятія членовъ и, наконецъ, по осторожности дѣйствій относительно ихъ. Порядокъ принятія въ члены былъ таковъ: новый членъ принимался при одномъ только „свидѣтелѣ“ (такъ назывался старшій разрядъ членовъ) и только его одного и зналъ; и лишь въ крайнемъ случаѣ, когда ему нужно было именно гласное содѣйствіе другаго члена, онъ и могъ узнать его. Убѣдясь изъ опыта собственной борьбы со всякою неправдою и злоупотреб-

леніями—сколько и одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать, если дѣйствуетъ искренно, безупречно и отважно (это подтвердилось блистательнымъ образомъ моими дѣйствіями въ самомъ тяжеломъ моемъ положеніи, и впослѣдствіи здѣсь т. е. (въ Москвѣ), я однако же признавалъ, что бываютъ случаи, когда для усиленія дѣйствія и устраненія препятствій, нужно содѣйствіе и другихъ (что̀ и было побужденіемъ къ основанію Общества), которое и было тогда оказываемо и раздѣлялось все таки на негласное и гласное. Для устраненія недѣятельности и сваливанія труда на другаго, на невозможность (по любимому нынѣ извиненію: „ничего не подѣлаешь!"), всякому члену вмѣнялось въ обязанность дѣйствовать самому до крайней возможности и только въ случаѣ неодолимыхъ для него препятствій онъ могъ увѣдомлять о томъ своего „свидѣтеля", и если, по обсужденіи, содѣйствіе оказывалось дѣйствительно необходимо, то оно и оказывалось или негласное — доставленіемъ напр. нужныхъ свѣдѣній, документовъ или денежныхъ средствъ, указаніемъ способовъ, какъ лучше дѣйствовать, устраненіемъ нѣкоторыхъ препятствій и пр., или гласное, состоявшее въ прямомъ указаніи лица, къ которому онъ долженъ былъ обратиться, а иногда, наоборотъ, сообщалось этому лицу, что бы онъ вошелъ въ сношеніе съ членомъ, требующимъ содѣйствія и помогъ бы ему въ чемъ указывалось.

Здѣсь будетъ кстати отвѣтить на одинъ вопросъ, который иногда мнѣ предлагали; нужны ли были дѣйствительно символическіе знаки и обряды въ подобныхъ обществахъ. Вопросъ объ этомъ всегда былъ спорный, но слѣдуетъ замѣтить, что въ какой бы то ни было отрасли общественной дѣятельности, всякое дѣло, въ свидѣтельство завершенія своего, всегда требуетъ извѣстнаго дѣйствія, обряда, акта и всякая общественная дѣятельность имѣетъ свой символическій знакъ; особенно въ то время смотрѣли на это именно такъ. Вѣдь придавалъ же императоръ Николай символическое значеніе даже и темляку на шпагѣ (въ разговорѣ съ Ростовцевымъ), да и нынѣ „Общество попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ", (которому и я содѣйствовалъ изданіемъ своей брошюры, какъ свидѣтельствуетъ письмо министра Зеленаго и письменная просьба ко мнѣ покойнаго предводителя московскаго дворянства князя Гагарина и др.), носило красный крестъ прежде даже, чѣмъ переименовалось въ „Общество Краснаго Креста".

Актъ принятія въ члены составлялъ фактъ, видимое свидѣтельство вступленія, при которомъ нельзя было отрицаться отъ Общества, и потому нельзя было разыгрывать той роли, какую разыгрывалъ Ростовцевъ, котораго Оболенскій допускалъ присутствовать при бесѣдахъ и дѣлахъ общества, и при которомъ, считая его на этомъ только основаніи членомъ, говорили свободно, тогда какъ послѣ онъ оправдывался тѣмъ, что не былъ связанъ словомъ съ Обществомъ. Не говоря уже о масонахъ и другихъ обществахъ, въ самомъ „Союзѣ Благоденствія" хотѣли сначала установить знаки и обряды, а затѣмъ замѣнили это гораздо болѣе опаснымъ требованіемъ, а именно росписками въ принадлежности къ Обществу, которыя, правда, сжигали (не сообщая притомъ однако же объ этомъ вступившему члену), но иногда нѣкоторыя даже и удерживали для обезпеченія вѣрности Союзу вступившаго члена. Такъ напр. Лунинъ сохранилъ росписку одного, сдѣлавшагося уже важнымъ лицемъ, члена и сжегъ ее только послѣ увѣдомленія уже великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ Лунина, что изъ Петербурга пришло приказаніе арестовать его, при чемъ, разумѣется, Лунинъ долженъ былъ сжечь всѣ компрометтирующія и его, и другихъ бумаги. Имѣвъ затѣмъ случай видѣться съ своей сестрою, Лунинъ поручилъ ей успокоить того члена увѣреніемъ, что его росписка сожжена.

Въ заключеніе я не стану отрицать, чтобъ на идею учрежденія Ордена Возстановленія не имѣло вліянія господствовавшее тогда мистическое направленіе (хотя оно было и лучшее нынѣшнихъ столоверченій, спиритизма и пр.), а особенно то толкованіе объ откровеніи, которое принимается разными сектами на западѣ, и которое намъ объяснялъ и законоучитель морскаго корпуса іеромонахъ Іовъ, по силѣ ученія котораго всякое провидѣніе духовныхъ способностей человѣка можно было принимать за дѣйствительное откровеніе. Эта замѣченная мною впослѣдствіи ошибочность толкованія и заставила меня углубиться въ изученіе и религіозныхъ, и научныхъ вопросовъ, для кореннаго разрѣшенія вопроса о мистицизмѣ, относительно котораго еще и теперь одинаково ошибаются и защитники его, и противники; первые, смѣшивая мнимое откровеніе съ дѣйствительнымъ, вносятъ вѣру въ неподлежащую ей сферу науки или знаній относительныхъ; вто-

рые, отвергая мнимое откровеніе, извращающее науку, отвергають въ то же время и дѣйствительное откровеніе, смѣшивая его съ мистицизмомъ, хотя истинное откровеніе есть однакоже еще высшій источникъ знанія, чѣмъ наука, такъ какъ одно только откровеніе сообщаетъ истины безусловныя, неизмѣнныя, тогда какъ наука, сама постоянно измѣняющаяся, даетъ только относительное знаніе...

Въ слѣдующемъ письмѣ объясню—почему и какимъ образомъ я былъ приведенъ къ тому, чтобы оказывать содѣйствіе Сѣверному Обществу.

Дмитрій Иринарх. Завалишинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18-го февраля 1877 г.

Глава XI [1]).

Исполняя то тѣ, то другія работы, и не увидишь бывало, какъ пройдутъ всѣ шесть недѣль каникулъ. По правдѣ сказать, частенько приходилось возвращаться съ поля или гумна усталымъ; случалось, что иногда отъ утомленія едва доплетешься до двора, кое-какъ поужинаешь и на нары заляжешь спать. Въ послѣдніе годы семинарской жизни появлялась боль въ поясницѣ не отъ геморроя, съ которымъ я тогда еще знакомъ не былъ, а отъ того, что, погорячившись и не сообразясь съ силами, поднимешь слишкомъ большую тяжесть или черезъ чуръ усердно молотишь, бросаешь вилами сѣно на стогъ и проч. По окончаніи каникулъ лицо дѣлалось загорѣлымъ, принимало немножко суровый цвѣтъ, на рукахъ были слѣды многихъ мозолей. И между тѣмъ едвали это не самое лучшее время было для моего здоровья. Конечно, бывало устанешь, но за то, какъ славно пообѣдаешь и поужинаешь!

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704; томъ XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408.

Возобновляя въ настоящей книгѣ „Русской Старины“ печатаніе Записокъ знаменитаго публициста, по вопросамъ, до духовенства касающимся, мы печатаемъ заключительныя страницы главы XI, не вошедшія, — за недостаткомъ мѣста, – въ іюльскую книгу нашего журнала 1880 г., въ которой и были прерваны Записки Ростиславова. Ред.

Какъ сладко заснешь и проспишь цѣлую ночь, не проснувшись, даже не поворотившись съ одного бока на другой! Разбудятъ бывало съ трудомъ и, проснувшись, не вѣришь, чтобы уже вся ночь прошла, что уже пора вставать; такъ и кажется, что вотъ какъ будто недавно еще легъ на постелю, и между тѣмъ встаешь съ освѣжившимися силами, съ свѣтлою головою, съ здоровымъ желудкомъ. Пріѣдешь въ Рязань,—товарищи удивляются свѣжести и полнотѣ лица. „Экъ ты отъѣлся и отгулялся какъ дома! скажетъ иной шутникъ. Вѣрно, мать кормила все блинами, да лепешками". А сколько еще испытывалось душевнаго удовольствія! Тамъ и скажетъ батюшка: „ну спасибо тебѣ, Митя; ты нынѣ потрудился, безъ тебя бы намъ не управиться". О матушкѣ нечего и говорить; если не словами, то глазами она рѣдкій день не благодарила меня за труды. А тутъ самъ суровый дѣдушка, взыскательный донельзя, вѣчно недовольный, скажетъ: „эхъ, славный ты молодецъ, Митя! Поживи-ка еще у насъ; безъ тебя, какъ безъ рукъ останешься". Потомъ какое удовольствіе чувствуешь, когда какая нибудь трудная, требовавшая продолжительнаго труда, работа окончена; когда, напримѣръ, увидишь, что всѣ снопы перевезены на гумно, уложены въ одонья! Какъ пріятно было, когда послѣ обмолоченнаго овина входишь въ амбаръ съ мѣшкомъ мѣры въ 3—4 ржи или овса, и видишь, что закромы, которые недѣли за двѣ были пусты, теперь уже наполнены и скоро понадобится перейти въ другой амбаръ? Чувствуешь съ маленькою гордостію, что и я тутъ участвовалъ, что и моя, по русской пословицѣ, денежка не щербата, что и я не даромъ хлѣбъ ѣлъ въ каникулы. Эхъ, право, славное было время! Никогда я не бывалъ такъ веселъ, доволенъ и здоровъ какъ тогда. Ужъ дѣйствительно, не правду-ли говорилъ дѣдушка, рекомендуя меня сдѣлать тумскимъ дѣятелемъ, что житье бы у насъ пошло прекрасно?

Глава XII.

Общественная жизнь въ Тумѣ.

Во время нашего переѣзда изъ Палищъ въ Туму, въ ней считалось немного болѣе 50-ти дворовъ, но жители принадлежали къ различнымъ сословіямъ. На первомъ планѣ стояли, разумѣется, духовные, которыхъ было три священника, два дьякона и шесть причетниковъ. Потомъ, дворовъ по пятнадцати принадлежали крестья-

намъ помѣщичьимъ и экономическимъ, переименованнымъ послѣ въ государственные. Затѣмъ нѣсколько мѣщанъ и отставныхъ солдатъ имѣли собственные дворы; изъ мѣщанъ по временамъ Сазановъ записывался въ купеческую гильдію. Всѣ эти домовладѣльцы могли назваться туземными жителями. Изъ духовныхъ, кажется, не было ни одного, котораго бы отецъ или тесть, а у иныхъ дѣдъ и прадѣдъ и т. д. не были урожденцами тутошними, и, какъ выражаются духовные, не служили въ Тумѣ алтарю Господню. Мѣщане всѣ до одного происходили, иные сами по себѣ, другіе по отцамъ и дѣдамъ, отъ тумскаго же духовенства, и потому рѣдкій мѣщанскій домъ не былъ въ родствѣ, не очень отдаленномъ, съ какимъ-либо духовнымъ лицомъ. Къ нашимъ родственникамъ принадлежали Сазановы, Сиротянины и еще Дмитрій Ивановичъ, котораго фамилію не припомню. Помѣщичьи и экономическіе крестьяне, можетъ быть, были также когда нибудь въ родствѣ съ духовными, но память объ этомъ времени уже прошла. Солдатскіе же дѣти принадлежали тѣмъ бѣднякамъ, которые, пока на службѣ, принадлежатъ къ христолюбивому воинству, воспѣваются поэтами, подставляютъ спину подъ палки и розги, а по выходѣ въ отставку должны влачить самую бѣдную жизнь. Нашимъ солдатамъ, тумскимъ происхожденцамъ, при помощи родныхъ, какъ-то еще удалось построить себѣ избенки съ небольшимъ дворишкомъ.

Кромѣ туземнаго кореннаго населенія, смѣнялись въ Тумѣ, такъ сказать, наплывные, налетные, временные жильцы; главную ролю между ними играли повѣренные и цѣловальники по винной части. При откупщикахъ повѣренными бывали большею частію касимовскіе мѣщане или купцы. Помню одного изъ нихъ, Якова Петровича Курбатова; въ прокъ шло ему ремесло: въ Касимовѣ онъ имѣлъ каменный двухъ-этажный домъ, а самъ вѣсилъ не менѣе 10-ти пудовъ; трудненько ногамъ его было носить такое массивное тѣло. Въ короткій промежутокъ, когда при императорѣ Александрѣ I-мъ, откупа замѣнены были казеннымъ управленіемъ, живало въ Тумѣ по два повѣренныхъ отъ правительства; они, какъ и слѣдуетъ, были чиновники, ихъ благородія; обкрадывали, по заведенному изстари обыкновенію, казну, какъ для себя, такъ и для старшихъ надъ ними. Остались въ памяти у меня двое: Александръ Петровичъ Сторожевскій и Иванъ Степа-

новичъ,—фамиліи не припомню. Пріѣхали они въ Туму, по пословицѣ, голы, какъ соколы, получали жалованье вовсе не такое, какъ современные мнѣ акцизные чиновники; но черезъ годъ уже выглядывали барами, особенно Александръ Петровичъ; вскорѣ женились на помѣщичьихъ дочеряхъ, получили приданое, да прибавили свои благопріобрѣтенные капитальцы и, вѣроятно, уже теперь окончили свое земное поприще, какъ говорятъ духовные проповѣдники, и опочили отъ своихъ праведныхъ трудовъ. Александръ Петровичъ даже сталъ было разводить звѣринецъ въ Тумѣ; у него была лисица, волченокъ на цѣпи и медвѣжонокъ, долго свободно разгуливавшій по улицѣ и вмѣстѣ съ нами игравшій.

О немногихъ лицахъ можно сдѣлать хорошіе отзывы. Дядюшка мой священникъ Никифоръ Мироновичъ былъ человѣкъ съ необыкновенно добрымъ сердцемъ; намѣренно, какъ говорили, онъ курицы не обидѣлъ бы; въ частной жизни за его кротость, добродушіе и простоту нельзя было не полюбить его. Но простота его бывала иногда уже слишкомъ проста. Не смотря на то, что кончилъ полный курсъ семинарскихъ наукъ въ первомъ разрядѣ, и потомъ нѣсколько лѣтъ былъ благочиннымъ, онъ слишкомъ мало отличался своимъ умомъ, — былъ простоватъ. Кромѣ того ужъ очень любилъ заниматься съ рюмочкою. И если бы не жена его, моя тетка и крестная мать, управляла имъ и домомъ, то у него все пошло бы въ разладъ. И дѣйствительно, едва тетка моя умерла, когда я уже былъ на службѣ, какъ и мужъ ея принужденъ былъ поскорѣе сдать свое мѣсто дочери, и потомъ самъ скончался несчастнымъ образомъ. Сказавши объ о. Никифорѣ, нужно ужъ кстати вспомнить и объ оригинальномъ его отцѣ, заштатномъ пономарѣ Миронѣ Андреевичѣ, котораго, по примѣру дѣдушки, и мы всѣ звали сватомъ; онъ былъ сынъ описаннаго мною выше тумскаго причетника Андрея Андреевича. Какой-то древній мудрецъ сказалъ, что если весь міръ станетъ разрушаться, то мудрецъ останется спокоенъ и не сробѣетъ. Можетъ быть, и справедливо это изреченіе, но его надобно дополнить тѣмъ, что много найдется самыхъ тупоумныхъ, бездарныхъ, безхарактерныхъ людей, которые спокойнѣе всякаго мудреца станутъ глядѣть на разрушеніе вселенной. Мой милый сватушка принадлежалъ именно къ такого рода людямъ. Вѣроятно,

воспитаніе подъ кулакомъ буйнаго, безалабернаго и неумолимаго отца у него подавило умственныя способности, отняло всякую самостоятельность въ характерѣ, сдѣлало изъ него самое апатичное существо, которое ничѣмъ не трогалось, не интересовалось, ничему не удивлялось, — какую-то полувоодушевленную машину, которая механически двигалась, при случаѣ говорила, и по привычкѣ кое-что дѣлала. Вотъ нѣсколько случаевъ изъ жизни этого мудреца. Однажды онъ ночью изъ овина приходитъ на дворъ. Тетка моя слышала, какъ заскрипѣли заднія ворота отъ его входа, какъ онъ потомъ, нисколько не спѣша, вошелъ потихоньку въ избу и въ темнотѣ началъ молча что-то отыскивать. Тетка, зная его странности, долго ничего не говорила, но замѣтивъ, что старикъ настойчиво чего-то ищетъ и не даетъ ей спать, спросила: ты что̀ тутъ, батюшка?—Да такъ пришолъ сюда.—Да зачѣмъ?—Да нужно.—А что же тебѣ нужно?—Да топоръ надобно.—Зачѣмъ это?—Да овинъ загорѣлся.—Чей овинъ?—Нашъ овинъ загорѣлся.—И представьте, что всѣ отвѣты высказывались безъ всякой поспѣшности, самымъ равнодушнымъ образомъ, какъ будто на гумнѣ обстояло все благополучно. Въ другой разъ, когда горѣлъ овинъ, который онъ тоже сушилъ и грозила отъ пожара при сильномъ вѣтрѣ опасность всему селу, жители во время тушенія кричали: „да что это старый чортъ Миронъ все овины жжетъ? Вѣдь онъ когда нибудь все село спалитъ. Въ огонь его", прибавляли проказники. Старикъ струсилъ и на время припрятался гдѣ-то за растасканными снопами. Когда-жъ пожаръ началъ утихать и опасность для села миновалась, то нѣкоторые мущины, собравшись въ кружокъ, стали пересчитывать, сколько Миронъ въ теченіи жизни своей сжогъ овиновъ, и насчитали девять. „Легко-ли, сколько онъ бѣдъ надѣлалъ?—кричали,—девять овиновъ сжогъ". Тогда оскорбленное самолюбіе Мирона не выдержало; онъ приподнялся изъ-за сноповъ, и, подойдя къ кружку, хладнокровно сказалъ: „ну что вы врете, я вовсе не девять овиновъ сжогъ, а сего (т. е. только) семь". Тогда поднялся въ кружку общій хохотъ. „Такъ, дядя Миронъ, ты сего семь овиновъ сжогъ" спрашивали его насмѣшники. — „Да, спокойно отвѣчалъ Миронъ, сего семь, а вы говорите: девять, врете". Въ другой разъ домашніе замѣтили, что онъ прихрамываетъ на одну ногу, и на вопросъ: что̀ это ты хромаешь? получали одинъ отвѣтъ: такъ, ни-

чего.—Да не болитъ-ли у тебя нога?—Нѣтъ, не болитъ.—Между тѣмъ видѣли, что хромота была и боль увеличивалась и, наконецъ, замѣтили, что нога оставляетъ кровавый слѣдъ. Тутъ ужъ насильно старика заставили показать ногу. Оказалось, что подошва его ноги была наколота на какой-то сучекъ, котораго кончикъ въ ней и остался; отъ этого сдѣлалось нагноеніе и открылась рана; Миронъ ходилъ лѣтомъ босикомъ, поэтому въ рану попадалъ песокъ и проч. И онъ все-таки молчалъ и даже какъ будто не ощущалъ боли, потому что въ немъ не замѣчали никакой совершенно перемѣны, жалобы, или безпокойства во все время хроманья. Ногу насилу кое-какъ залечили.

Другой священникъ, Иванъ Петровичъ, кончившій курсъ семинарскихъ наукъ, былъ гораздо умнѣе моего дяди о. Никифора, но едвали не болѣе его страдалъ наклонностію къ пьянству и, какъ думали, отличался гордостію. Жилъ онъ, какъ я уже говорилъ, чисто, опрятно, побарски, не во всѣхъ работахъ участвовалъ, но и не избѣгалъ ихъ, если только былъ въ трезвомъ состояніи. Я рѣдко у него бывалъ, и то на короткое время, но соображая всѣ мои свѣдѣнія о немъ, я думаю, что онъ былъ по тогдашнему умный и даже образованный священникъ. Въ семинаріи онъ пріобрѣлъ благородныя манеры, ознакомился кое-съ какими идеями, которыя не очень гармонируютъ съ должностію и жизнью сельскаго священника, но все-таки поступилъ въ духовное званіе. Сначала онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ Ивановымъ, и еще болѣе освоился съ жизнью хорошаго тона. Можетъ быть онъ еще какъ нибудь и удержалъ бы себя, но скоро сдѣлали благочиннымъ не его, а о. Никифора, а потомъ моего батюшку; съ Ивановымъ онъ разсорился; съ прихожанами брататься не любилъ, оставалось сидѣть дома и тамъ искать утѣшенія. Жена тоже была не прочь отъ рюмочки, — и вотъ, по русской поговоркѣ, пошла писать, начали пить, пить; тутъ на бѣду умеръ единственный ихъ сынъ Андрей, прекрасный мальчикъ, о которомъ мнѣ еще не разъ придется говорить; — и вотъ пили, пили, да и умерли отъ пьянства въ одинъ годъ. При другой бы обстановкѣ, особенно въ другомъ званіи и не при семинарскомъ образованіи, изъ отца Ивана могъ бы выйти прекрасный человѣкъ.

Оба дьякона были настоящими дьяконами, т. е. записными

пьяницами. Старшій изъ нихъ, Иванъ Григорьевичъ, кажется, даже кончилъ курсъ въ семинаріи, или вышелъ изъ богословскаго класса; былъ человѣкъ весьма не глупый, кроткаго, миролюбиваго и добраго характера. Другой, Иванъ Пименовичъ, сынъ того Пимена, которому, какъ я уже говорилъ, пришлось отправиться въ Сибирь за свои добрыя дѣла. Онъ былъ вовсе не злымъ человѣкомъ, даже добрымъ; но какіе-то размашистые, мужиковатые его пріемы не располагали къ хорошему мнѣнію о немъ. Между обоими дьяконами было большое соперничество изъ-за первенства. Иванъ Григорьевичъ, какъ богословъ, считалъ себя въ правѣ занимать первое мѣсто, но, къ несчастію, не имѣлъ басистаго голоса. Иванъ Пименовичъ не далекъ былъ по ученой части, за то́ грубый, густой его басъ нравился мужикамъ, и онъ, поддерживаемый, такъ сказать, общественнымъ мнѣніемъ, старался отбивать первенство у своего собрата, и не успѣвши въ томъ, платилъ ему разными мелочными натяжками, сплетнями и пр. Оба они умерли, разстроивъ свое здоровье пьянствомъ.

Изъ причетниковъ мы застали только двухъ стариками: Михаила Дмитріева и Семена Степанова. Первый былъ отъявленный пьяница и кончилъ жизнь скоропостижно, гдѣ-то въ приходѣ слишкомъ уже напившись. Семена нельзя было назвать ни пьяницею, ни трезвымъ; онъ попивалъ только при удобныхъ случаяхъ и порядочно напивался; но былъ добрѣйшій старичекъ. Остальные четыре причетника были еще молодыми; Лука Семеновъ только что женился предъ нашимъ переѣздомъ въ Туму, а Иванъ Назаровъ, Иванъ Прокофьевъ и Григорій Самойловъ были еще холостяками. Но и изъ этихъ четырехъ—Лука исключенъ изъ духовнаго званія за скандалезную исторію, которую онъ затѣялъ въ пьяномъ видѣ, Иванъ Прокофьевъ умеръ отъ пьянства. Остальные двое, также какъ и Семенъ Степановъ, не могли назваться пьяницами, но еще менѣе и трезвыми людьми.

„Что же это такое?“ можетъ быть, вы, г. читатель, скажете. „Неужели все пьяницы?“ Что же дѣлать? отвѣчу вамъ, когда не было между ними ни одного вполнѣ трезваго человѣка. Для полноты прибавлю еще, что изъ поступившихъ послѣ въ то же село духовныхъ лицъ священникъ Алексѣй Вихиревъ (на мѣсто Ивана Петровича), о которомъ мнѣ придется еще говорить, былъ отъявленный пьяница, но при желѣзномъ своемъ здоровьѣ, при мед-

вѣжьей силѣ, дожилъ до старости и теперь еще (1870 г.) живъ и спасается въ Солотчинскомъ монастырѣ подъ именемъ отца Амвросія,—до обѣда трезвъ, но послѣ непремѣнно пьянъ. Другой священникъ—зять дядюшки Никифора—Иванъ Никольскій отъ пьянства умеръ. Изъ теперешнихъ трехъ священниковъ только зять мой Евгеній Доброхотовъ ведетъ трезвую жизнь, а другіе оба, хотя люди чиновные—благочинный и депутатъ—пьютъ даже иногда запоемъ. Бывшіе послѣ описанныхъ выше дьяконовъ Иванъ Семеновъ и Юраковъ отъ пьянства умерли. Изъ новыхъ дьячковъ Андрей Пименовъ (на мѣстѣ Семена) былъ пьяница. Тимофей Ивановъ, зять спившагося Михаила, мнѣ сверстникъ, уже лѣтъ пять сдалъ свое мѣсто отъ постояннаго трясенія въ рукахъ, происшедшаго вслѣдствіе невоздержной жизни. И теперешніе причетники, чуть ни всѣ, не могутъ быть членами общества трезвости. Вотъ вамъ, читатель, мой отвѣтъ. Батюшка мой, занимая должность благочиннаго и старшаго священника, немного протрезвлялъ причетниковъ; они его побаивались. Но не думайте, чтобы только Тума была такое пьянственное село. Мы увидимъ послѣ не разъ, что пьянство было обыкновенною слабостью духовенства.

Изъ туземныхъ лицъ другихъ сословій стоитъ упомянуть о старикѣ Гаврiилѣ Сазановѣ, который, впрочемъ, вскорѣ послѣ нашего переселенія въ Туму умеръ, оставивъ двухъ сыновей Михаила и Алексѣя. Онъ былъ долго цаловальникомъ въ Тумѣ и нажилъ не только хорошій домъ, но и капиталъ. Старшій сынъ принялся было торговать, сначала хорошо, потомъ, получивъ наклонность къ водкѣ, разстроился такъ, что умеръ въ бѣдности. Экономическій крестьянинъ Леонтій Максимовъ, жившій противъ насъ, былъ типомъ ловкаго, сметливаго, оборотливаго мужика. Содержа постоялый дворъ у себя, онъ умѣлъ такъ къ себѣ привлечь проѣзжихъ, что въ лѣтнее время только онъ одинъ и содержалъ постоялый дворъ, а для зимы мало по малу выстроилъ себѣ три дома и они чуть не каждый день были полнехоньки проѣзжими. Но живя открыто, будучи хлѣбосоломъ и имѣя знакомство съ помѣщиками и чиновниками, которые у него много пили и ѣли, но мало платили, онъ умеръ, оставивъ четверыхъ сыновей и небольшой капиталъ, такъ что въ первый же рекрутскій наборъ одинъ изъ сыновей его поступилъ въ солдаты. Помѣщичій крестьянинъ Василій Тимофеевъ, вѣчно занятый и сгорб-

ленный, былъ образчикомъ трудолюбиваго и неутомимаго мужика, который безъ всякихъ торговыхъ предпріятій, безъ всякаго, ремесла, обработываніемъ одной земли и строгою экономіею, умѣетъ нажить деньжонокъ. Другой помѣщичій крестьянинъ, по прозвищу Волыхъ, извозомъ разбогатѣлъ, слылъ очень дѣльнымъ и честнымъ человѣкомъ, имѣлъ около 80 лѣтъ и огромную шишку на глазу, и былъ еще бодрымъ старикомъ. Мѣщанинъ Ермилъ, бывши долго цаловальникомъ, пріобрѣлъ порядочный запасъ деньжонокъ, и жилъ одинъ-одинешевекъ. Старикъ былъ суровъ и по взгляду, и по характеру, нелюдимъ, лицо его почти все закрывалось густою бородою; вѣроятно, по всему этому его звали медвѣдемъ. У него была вѣчная война съ нашими ребятишками. Едва бывало покажется старикъ на улицѣ или сядетъ у воротъ, какъ мальчишки провожаютъ или окружаютъ его и начинаютъ сначала тихонько и отрывчито поговаривать: „дядюшка Ермилъ—медвѣдь". Старикъ осердится, вздумаетъ насъ ловить, мы разбѣгаемся и уже кричимъ что̀ есть силы: Ермилъ — медвѣдь! Ермилъ—медвѣдь. Надобно правду сказать, что если кто изъ насъ попадался въ его медвѣжьи лапы, то ему доставалось, по поговоркѣ, на орѣхи. Былъ еще старикъ лѣтъ 70—80, помѣщичій крестьянинъ, по прозвищу Мурганъ. Про него были достовѣрныя преданія, что онъ въ старину промышлялъ не только воровствомъ, но и разбоемъ; даже не одно человѣкоубійство должно было лежать на его совѣсти; и въ послѣднее время справедливо подозрѣвали, что домъ его служилъ хоть временнымъ притономъ воровъ и бродягъ. Посмотрѣвши на него, поневолѣ повѣришь всѣмъ разсказамъ о немъ. Мужикъ высокій, широкоплечій, съ суровымъ выраженіемъ лица, съ звѣрскимъ почти взглядомъ, съ гордою выступкою,—онъ очень похожъ былъ на разбойника; встрѣчаясь съ нимъ, бывало, боишься вблизи него пройти.

Описанныя мною лица извѣстны были своими житейскими и еще, такъ сказать, естественными качествами. Но въ большомъ селѣ православнаго русскаго царства нельзя же было обойтись и безъ сверхъестественныхъ силъ, безъ людей, которые имѣютъ тѣсныя сношенія съ адожителями, словомъ сказать—безъ колдуновъ. На первомъ мѣстѣ стоялъ мѣщанинъ Гаврило Хормашовъ, старикъ добрый, привѣтливый и ласковый; кажется, никто отъ него обиды не видалъ; и между тѣмъ всѣ почти были увѣрены,

что онъ страшный колдунъ, заговариваетъ урожай хлѣба, обращаетъ людей въ животныхъ, присаживаетъ килы, поселяетъ въ бабахъ демоновъ и пр. Причина всѣхъ этихъ сказокъ заключалась едва ли не въ томъ, что у него были густыя навислыя брови, изъ-подъ которыхъ выглядывали, почти сверкали, выразительные, живые глаза. „Смотри-ка, родимая, говаривала какая либо кумушка своей сосѣдкѣ, у Хормашова-то глаза сверкаютъ, какъ горячіе угли, какъ будто чортъ въ нихъ подкладываетъ огонь". И бѣжимъ, бывало, мы отъ этого страшнаго человѣка. Послѣ его смерти большинство сельскихъ жителей, не шутя, поговаривало, что нужно ему въ задъ вколотить осиновый колъ; это считалось вѣрнѣйшимъ пресервативнымъ средствомъ къ тому, чтобы колдунъ послѣ смерти не выходилъ изъ могилы и не безпокоилъ живыхъ. И когда священники не захотѣли принять это предложеніе, то и ихъ заподозрили или въ потачкѣ Гаврилѣ, или во взяткѣ, полученной отъ его сына. Другой колдунъ — былъ жившій противъ насъ экономическій крестьянинъ Гаврило Сидоровъ. Старичокъ любилъ выпить, но былъ едва-ли еще не добрѣе своего тёски Хормашова, и все-таки слылъ колдуномъ. Ему, впрочемъ, не приписывали никакихъ дѣйствій, вредныхъ для другихъ, а только вѣрили, что рѣдкую ночь не прилетаетъ къ нему змѣй горынычъ, принося съ собою множество молока и наливая имъ кувшины, которые должны были быть поставлены въ избѣ на кутнѣ. И если бы, по оплошности, кувшины не были поставлены, то змѣй, прилетѣвши и не найдя на назначенномъ мѣстѣ посуды, куда бы слить принесенное молоко, принимался колотить Гаврилу. Но змѣй принашивалъ кромѣ молока и другой вещи, даже деньжонки. Если по-утру коровы у сосѣдей давали немного молока, то это значило, что змѣй Гаврилинъ ихъ выдоилъ и отнесъ молоко своему пріятелю. Изъ сосѣдей никто ни за что не биралъ взаймы молока изъ дома Гаврилы: „возьми-ка,—говаривали,—можетъ быть, это чортово молоко". Утромъ кумушки бывало перешептываются: „а слышали, что нынѣ къ Гаврилѣ змѣй прилеталъ, Марья видѣла сама, какъ надъ дворомъ его окаянный весь разсыпался искрами; а вчера Аграфена, бывши у нихъ, сама видѣла разставленныхъ на кутнѣ шесть большихъ пустыхъ кувшиновъ, приготовленныхъ для молока". — „Экія страсти, подхватывали кумушки, долго-ли еще проживетъ этотъ старый чортъ?" — И если старикъ,

бывало, захирѣетъ, и особенно станетъ жаловаться на боль въ поясницѣ, то по селу разносится молва, что въ прошлую ночь ему досталось отъ змѣя: забылъ-де поставить кувшины. Смотри-ка, вчера былъ здоровехонекъ, а нынѣ съ печи не слѣзетъ; досталось же ему. Впрочемъ и по смерти Гаврилы змѣй продолжалъ еще летать къ его затю Сергѣю и дочерѣ Аграфенѣ. „Откуда же у нихъ берутся деньги? разсуждали тумскіе философы. Вѣдь ничего не дѣлаютъ, ничѣмъ не промышляютъ, а всего вдоволь. Кто же имъ носитъ, какъ не Гаврилинъ змѣй?“ Послѣ дѣло разъяснилось; почтенный Сергѣй, вѣроятно, не получая отъ змѣя должныхъ вспоможеній, самъ приворовывалъ. Наконецъ, кромѣ двухъ колдуновъ, была одна колдунья—Дарья, жена экономическаго крастьянина Антона Синцова. У этой была своя спеціальность. По словамъ сосѣдей ея, которымъ, разумѣется, вѣрила бо̀льшая часть сельскихъ жителей, ночью предъ наступленіемъ грозы, когда начинали уже раздаваться отдаленные раскаты грома, Дарья растворяла настежъ ворота и, похаживая подъ ихъ навѣсомъ, говорила: ти, ти, ти, звуки,—которыми подзываютъ къ себѣ куръ. Это вотъ что̀ значило, и дѣдушка мой, какъ я уже сказалъ, вѣровалъ и исповѣдывалъ, что во время грозы Илья пророкъ, возсѣдая на огненной колесницѣ, охотится на чертей своими калеными стрѣлами. Черти, спасаясь отъ своего страшнаго врага, ищутъ уютныхъ мѣстечекъ, гдѣ бы можно было укрываться, но, вѣроятно, перепуганные, растерявшіеся бѣгаютъ очертя голову и не могутъ находить сами надежныя убѣжища. Въ эти-то критическія минуты преданные имъ колдуны отворяютъ настежъ ворота и своими ти, ти, ти приглашаютъ преслѣдуемыхъ бѣдняковъ укрыться у нихъ. Разумѣется, цѣлый легіонъ ихъ налетаетъ. Дарья подобнымъ пристанедержательствомъ и занималась. Бѣда, если она послѣ грозовой ночи просыпала и опаздывала выгонять во время коровъ. „Смотри-ка, говаривала кумушка другая, вѣдь Дарья-то еще не выгоняла скотины!“ — „Отдыхаетъ родимая, отвѣчаетъ подруга; вѣдь нынѣ всю ночь громъ гремѣлъ, надобно было гостей принимать; теперь спитъ еще“. И всѣ принимаются хохотать.

Кстати уже сказать, что кромѣ недобрыхъ людей въ Тумѣ, были близь нея и недобрыя мѣста. Самое важное изъ нихъ находилось въ верстѣ, не далеко отъ деревни Кабановой, на ручей-

кѣ, часто пересыхавшемъ и вытекавшемъ изъ болота, называемаго Соловьевымъ. Чрезъ ручей былъ мостъ, подъ которымъ-то особенно и укрывались черти. Однажды мои сестры и купленная прислуга, возвращаясь ночью съ рѣчки Нармы, гдѣ онѣ мыли бѣлье, пріѣхали домой въ крайнемъ ужасѣ. Всѣ онѣ въ испугѣ разсказывали, что ими на Соловьевскомъ болотѣ чуть было черти не завладѣли. Подобныхъ разсказовъ повторялось множество въ пезимнее время. Далѣе, впрочемъ, объяснялось очень просто. Подъ мостъ забирались обыкновенно на ночь отставшія отъ стада овцы, а иногда и свиньи, и тамъ успокоивались. Теперь вдругъ ночью кто либо поѣдетъ по мосту на телѣгѣ; произойдетъ стукотня; временные квартиранты подъ нимъ просыпаются, выбѣгаютъ кучею изъ подъ него; лошадь пугается и бѣжитъ сломя голову, а люди, съ испуга, не разсмотрѣвши ничего, пріѣхавъ въ село, разсказываютъ съ ужасомъ: „насилу-то насъ спасъ Богъ на Соловьевомъ болотѣ; вѣдь цѣлая ватага выскочила изъ подъ моста и гналась за нами, да слава Богу лошадь ускакала", или: „мы угодника Николая Чудотворца умолили; онъ, должно быть, отогналъ окаянныхъ".

Среди этихъ-то людей, а также и чертей, пришлось намъ жить. Батюшка и матушка вели хлѣбъ-соль съ духовными, но не со всѣми одинаково; дядюшка Никифоръ и дьячекъ Иванъ Назаровъ были къ намъ самыми близкими людьми; послѣдній тоже—намъ родственникъ. Изъ крестьянъ и мѣщанъ бывали въ гостяхъ мои родители у Сазановыхъ, Сиротининыхъ и Леонтья Максимова. Батюшка мой особенно былъ коротко знакомъ почти со всѣми повѣренными; нѣсколько, а иногда и вполнѣ свѣтская ихъ жизнь привлекала его къ себѣ гораздо болѣе, нежели грубоватое житье-бытье односельчанъ. Сдѣлавшись довольно взрослымъ, и я хаживалъ въ гости вмѣстѣ съ батюшкою и матушкою, но у повѣренныхъ не любилъ быть и почти вовсе къ нимъ не ходилъ; у духовныхъ, у мѣщанъ и крестьянъ мнѣ было какъ-то свободнѣе, нежели у ихъ благородій. Но въ дѣтствѣ, ранѣе 14—15 лѣтъ, да и послѣ того, мнѣ тоже нужно было знакомство съ своими сверстниками, съ которыми могъ бы побѣгать, поиграть и повеселиться.

Въ селѣ у духовныхъ было достаточное количество сыновей, почти моихъ однолѣтокъ, именно у дядюшки Никифора—Ваня, у о. Ивана—Андрюша, у дьякона Ивана Григорьевича—Акимъ, у

дьячка Михайлы—Василій, котораго волосы отличались краснымъ, огненнымъ цвѣтомъ. Но двоюродный мой братецъ былъ страшный забіяка, шалунъ, лакомка, любилъ даже при случаѣ и денежки у отца взять, чтобы купить на нихъ пряникъ или калачъ; съ нимъ и самому мнѣ не хотѣлось, да и мои родители не совѣтовали очень дружиться. Андрюша былъ прекрасный мальчикъ, но отецъ не позволялъ ему часто выходить на улицу, почти постоянно держалъ въ горницѣ; въ училищѣ мы съ нимъ сдѣлались короткими пріятелями. Притомъ Ваня и Андрюша не долго жили. Акимъ былъ глуповатъ для тогдашней науки, отданъ былъ отцомъ въ Рязань къ одному купцу въ лавку прикащикомъ и послѣ сдѣлался купцомъ. Василій Красный жилъ на другомъ концѣ села и на нашъ конецъ рѣдко приходилъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось сдружиться съ мѣщанскими, солдатскими и крестьянскими дѣтьми. Задушевными пріятелями моими были Елисей или Лиска, сынъ солдата Симакова, Герасимъ—сынъ мѣщанина Давыда Степановича, Ермолай—сынъ крестьянина Леонтья Максимова, Иванъ Балязинъ тоже крестьянскій сынъ и пр. Изъ нихъ Елисей и Ермолай послѣ служили въ гвардіи, одинъ въ литовскомъ и другой въ кавалергардскомъ полку и хаживали ко мнѣ, когда я уже профессорствовалъ; особенно Ермолай,—онъ нерѣдко пивалъ у меня чай и даже обѣдывалъ. Батюшкѣ и матушкѣ не совсѣмъ нравились мои знакомства. „Что тебѣ бы не сидѣть дома, какъ Андрюша? Вотъ такъ мальчикъ! не то, что ты“. Или: “зачѣмъ ты все связываешься съ мужицкими дѣтьми; ты бы пошелъ къ Андрюшѣ и съ нимъ посидѣлъ“. Но моя горячая, живая натура требовала не сидѣнья, а бѣганья въ запуски. Конечно, отъ своихъ пріятелей-плебеевъ я, можетъ быть, и немногому научился; но зато въ нихъ самихъ и изъ ихъ разсказовъ объ ихъ семействахъ я съ дѣтства ознакомлялся, какъ нельзя лучше, съ бытомъ нашего простаго народа и полюбилъ его; и это, право, мнѣ было очень полезно и не позволило во мнѣ развиться сословной спѣси.

У сестеръ моихъ тоже были свои подруги, которыхъ, впрочемъ, не легко было находить между духовными; потому что почти только у моего дяди и были дочери, однолѣтки съ моими сестрами. Вотъ почему и имъ пришлось искать подругъ себѣ между крестьянскими и мѣщанскими дочерьми.

Въ будничные дни я еще имѣлъ возможность послѣ часовника

и псалтыря и другихъ ученыхъ занятій, и даже послѣ работъ, на ходить часочекъ другой, чтобы вечеркомъ или въ обѣдъ побѣгать съ своими пріятелями. Сестрамъ же въ эти дни рѣдко удавалось выходить изъ дома на улицу, развѣ только у воротъ посидѣть съ пяльцами, или съ другою работою. Зато праздничные и воскресные дни насъ уже не удерживали дома. Тума была село веселое и жители ея любили: старые—попить, а молодые—попѣть и порѣзвиться. Главное собраніе молодёжи мужской и женской происходило почти противъ нашего дома. Можно, конечно, было видѣть и слышать все дома, но, извините, усидѣть никакъ нельзя было.

Праздничныя удовольствія были неодинаковы, смотря по временамъ года. Во всю пасхальную недѣлю занимались только звономъ въ колокола на колокольнѣ, катаніемъ яицъ мячикомъ, пряtаніемъ ихъ на небольшія кучки и пр., но никто не смѣлъ, какъ говорится, разинуть рта для пѣсенъ. И еслибы какой либо либералъ или либералка осмѣлились на такой поступокъ, то ихъ сочли бы чуть не безбожными, по крайней мѣрѣ, нехристями. Но въ Фомино воскресенье пропрадѣдовскими обычаями уже разрѣшалось пѣть пѣсни. Дебютъ ихъ открывался такъ называемыми хоровыми пѣснями. Опишу нѣкоторыя изъ нихъ. Становились обыкновенно въ кружокъ дѣвицы и молодыя женщины, и каждая бралась за руки двухъ своихъ сосѣдокъ и начинали пѣть пѣсни и ходить по хороводу. Вскорѣ начиналось мимическое представленіе, нѣчто въ родѣ, пожалуй, балета или оперетки, съ хоромъ, только безъ музыки. Выступали на среду круга какая либо бойкая бабенка или взрослая дѣвица; имъ надобно было разыгрывать роль жениха или невѣсты. Если требовалось первое, то брали у кого либо изъ близь сидѣвшихъ и стоявшихъ мущинъ шляпу или фуражку, которую и надѣвала на себя молодица, вышедшая въ средину круга. Въ пѣсни выражалось желаніе жениха поприсвататься къ какой либо дѣвушкѣ; и вотъ когда всѣ общимъ хоромъ поютъ и распѣваютъ, молодица подходитъ къ какой либо дѣвицѣ, скидаетъ шляпу и кланяется, прося ее выйти къ нему. Разумѣется, происходятъ отказы; иногда приходится скинуть шляпу предъ двумя, тремя и болѣе дѣвицами. Когда же, наконецъ, появится въ кругу уже парочка, то, взявшись за руки, похаживаютъ, а хоръ начинаетъ пѣть о томъ, чтобы имъ просить позволенія или погулять, или даже повѣнчаться у отца, матери, бра-

та, деверя и пр. Въ такомъ случаѣ кругъ трогается съ мѣста, подходитъ къ сидящимъ мущинамъ и женщинамъ, развертывается, а изъ него вышедшая пара падаетъ какому либо пожилому человѣку въ ноги, а хоръ въ то время поетъ: отпусти меня, родной, или благослови меня, родной. Разумѣется, старикъ, немножко помедливъ, отпускалъ и благословлялъ. Хороводъ отходилъ и вновь устраивался; перемѣнялся припѣвъ и прежнимъ порядкомъ отправлялись къ какой либо пожилой женщинѣ, и ее тоже принимались просить отпустить и благословить. Очередь доходила до брата, до деверя и пр., тутъ уже выбирались молодые люди. Когда я былъ взрослымъ семинаристомъ, приходилось мнѣ разыгрывать роль такихъ братцевъ и деверей, особенно же отдавать свой картузъ, чтобы имъ накрыть голову жениха женскаго рода. Иногда одна невѣста начинала въ кругу ходить и выбирать себѣ жениха; для этого подходили къ молодымъ ребятамъ, и если который либо не соглашался, то его насильно вталкивали въ кругъ; тогда опять начинались описанныя или подобныя имъ церемоніи.

Эти хороводныя пѣсни пѣлись каждый праздничный и воскресный день, даже не по одному разу. Но у тумскихъ молодыхъ была еще драматическая хороводная пѣсня воинственнаго содержанія. Ее пѣвали только раза два-три въ годъ; она имѣла названіе подъ Казань-городъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ ней въ стихахъ народнаго рифма и тономъ хороводныхъ пѣсенъ описывали походъ Іоанна Грознаго для взятія Казани. Дѣвицы и молодицы устанавливались въ огромный кругъ, не только пѣли, но и маневрировали. Не мѣсто здѣсь описывать эти маневры, которыхъ сущность состояла въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ круга дѣлался проходъ, надъ которымъ двѣ высокихъ молодыя женщины держали свои руки, и сквозь эти-то клавдинскія ущелья весь хороводъ долженъ былъ пройти, не разрывая круга. Такимъ образомъ, распѣвая и маневрируя, или лучше — дѣлая то и другое вмѣстѣ, хороводъ подвигался медленно впередъ. Затѣмъ выстроившись въ нѣсколько рядовъ, шла молодежь мужскаго рода, иногда вооруженная кольями, жердями, палками, всѣмъ, что попадалось подъ руку. Она тоже принимала по временамъ участіе въ хорѣ; останавливались, подвигались и проч. Потомъ цѣлый, такъ сказать, сонмъ мальчишекъ и дѣвочекъ забѣгали впередъ хоровода, или кружились около него, вбѣгали между рядами

мужскаго пола, или изъ подражанія составляли тоже свои воинственные строи. Наконецъ, пожилые и даже старые мущины и женщины тоже поднимались съ своихъ мѣстъ и, сказавши: „зачѣмъ намъ нейти подъ Казань-городъ? вѣдь мы тоже въ молодости ходили",—тянулись за всѣми. Само духовенство не рѣдко шествовало съ почетными стариками. И вотъ вся эта толпа, человѣкъ въ 100—150, постоянно увеличиваясь, двигалась съ одного конца на другой и доходила до околицы. Тутъ пѣвался какой-то побѣдный гимнъ, и потомъ возвращались съ побѣдою по домамъ. Обыкновенно, подъ Казань-городъ ходили къ вечеру; это уже послѣднее дневное увеселеніе, длилось оно часъ и болѣе, и потому возвращеніе уже происходило почти всегда ночью. Въ другіе праздники отцы и матери засвѣтло сзывали дѣтей съ улицы домой для ужина; — но когда бывало подъ Казань-городъ, тутъ никого уже не тревожили, а старики, не участвовавшіе въ походѣ, сидѣли дома, дожидаясь молодыхъ. И насъ, возвратившихся изъ подъ Казани города, встрѣчали только съ улыбкою и словами: „ну что, взяли-ль Казань-городъ? Садитесь-ка ужинать, а то въ походѣ-то устали. Вѣдь дорога дальняя". И мы, разумѣется, весело принимались за ужинъ, какъ будто точно были подъ Казанью-городомъ. Но всѣ хороводныя пѣсни и гимны подъ Казань-городъ могли быть распѣваемы только до Троицына дня. Послѣ него, даже въ Духовъ день, запѣть одну изъ нашихъ пѣсенъ и дома—считалось грѣхомъ, своего рода ересью. На какомъ древне-бабьемъ соборѣ составился подобный законъ—я не знаю, но соблюдался чрезвычайно строго; отступленія отъ него я встрѣчалъ иногда только на свадебныхъ пирушкахъ у духовенства; тутъ въ упоеніи забывали наряду съ другими и эти каноническія правила. Троицынъ день, которымъ заканчивались хороводныя пѣсни, замѣчателенъ былъ еще другимъ ежегодно повторявшимся событіемъ. Къ нему приготовлялись за три дня, въ такъ называемый семикъ. Въ этотъ день—четвергъ, дѣвицы, выпросивъ у своихъ матерей и бабушекъ по нѣскольку яицъ, однѣ, безъ молодцовъ и даже маленькихъ мальчиковъ, отправлялись въ какой-либо лѣсъ и тамъ по разнымъ мѣстамъ прятали яйца. Въ Троицынъ день каждая почти мать заготовляла для своихъ дочерей кушанья, напримѣръ, драчоны, блинчики, пирожки, масло, и проч. Дѣвицы собирались густою

толпою, къ которой уже разрѣшалось присоединиться и молодежи мужскаго рода. Вся толпа съ громкими и веселыми пѣснями отправлялась въ лѣсъ, дѣвушки отыскивали спрятанныя яйца, потомъ всѣ принимались изъ березовыхъ вѣтвей и изъ цвѣтовъ свивать вѣнки; позакусивши, или лучше, истребивши все принесенное съѣдомое,—для чего приглашались всѣ присутствующіе,—возвращались съ вѣнками на головахъ и съ пѣснями въ село, гдѣ встрѣчали ихъ старики и старухи. И потомъ ужъ до глубокой ночи пѣли безъ умолку хороводныя пѣсни и заканчивали почти всегда походомъ подъ Казань-городъ.

Но и безъ хороводныхъ пѣсенъ, веселый тумскій народъ умѣлъ повеселиться. Между жителями, конечно, не много было богачей, но мало и бѣдныхъ; кто своими трудами и промыслами, кто плутовствомъ и воровствомъ,—всѣ добывали себѣ деньжонки, у всѣхъ доставало ихъ на хлѣбъ и кашу, и потому сытые всегда были веселы. Пѣсни раздавались на улицѣ каждый праздникъ и послѣ Троицына дня, только не хороводныя, но чисто старинно-русскія съ своимъ пріятно-заунывнымъ, или залихватски-разгульнымъ напѣвомъ. Голоса попадались отличные, особенно у женщинъ и дѣвицъ; мужицкія грубыя ухватки въ пѣніи, отъ своего рода цивилизаціи, оставлялись; пѣвали не для того только, чтобы перекричать другъ друга; образовывался свой музыкальный тактъ, который заставлялъ если не заботиться о гармоніи, то замѣчать безладицу и избѣгать ее. Не только старики-старожилы, но наплывные повѣренные съ ихъ городскими жонами и проч., слушали пѣсни съ удовольствіемъ и обдаривали пѣвицъ орѣхами и другими лакомствами; только ночь родимая, да голосъ матерей, зовущихъ къ ужину, разгоняли пѣвцовъ и пѣвицъ.

Были и кромѣ пѣсенъ разныя развлеченія въ праздники. Мальчишки играли въ такъ называемыя шашки, или бабки, въ которыхъ я никогда не былъ счастливъ, и потому бросилъ играть въ нихъ еще съ молоду. Потомъ и малые и большіе игрывали въ градки; въ этой игрѣ принимали участіе не только дьячки, но иногда и священники; проигравшіе должны были возить на себѣ побѣдителей, — такъ поступали тѣ, у кого лишнихъ денегъ не было; а народъ побогатѣе, постепеннѣе игралъ на пиво, которое послѣ каждой игры покупалось побѣжденными, но распивалось ими и побѣдителями. Общими играми для молодежи того и другаго

пола служили качели и горѣлки. Качели, высотою до 3—4 сажень, ставились собственно для Пасхи, но оставались не только до Троицына дня, но и до осени, если только какой либо благодѣтель оборвавшуюся веревку замѣнялъ новою. Отъ качелей не отказывались и солидные жители села. Качались обыкновенно двоякимъ образомъ: или въ одиночку, или кучею. Въ первомъ случаѣ на веревку клали небольшую досчечку, на которую и садился кто нибудь. Тогда два качальщика особою веревкою, средина которой падала на веревку качелей, раскачивали сѣдока, и подбрасывали иногда очень высоко. Въ другомъ случаѣ, на веревку внизу накладывалась доска, по концамъ которой становились по одному человѣку; они-то и были качальщиками и качающимися вмѣстѣ; на доску садились еще 2—4 человѣка. Если стоящіе по краямъ были сильные люди, то доски поднимались очень высоко, принимали положеніе почти вертикальное, и потомъ быстро неслись внизъ и поднимались на такую же высоту на другой сторонѣ. Тутъ бывали и шуточки, имѣвшія иногда не очень хорошія послѣдствія. Когда въ срединѣ сидѣли дѣвицы и женщины, то стоявшіе по краямъ молодцы, чтобы позабавиться испугомъ ихъ, потопывали ногами своими о доску. Веревка и безъ того должна была держать тяжесть въ 12—15 пудовъ, иногда уже гдѣ нибудь незамѣтно перетиралась; пристукиванье усиливало тяжесть и веревка обрывалась; разумѣется и шалуны, и застращенныя всѣ летѣли внизъ на землю. Я самъ однажды смастерилъ такую штуку, бывши уже въ философіи. Мнѣ хотѣлось постращать сидѣвшую на доскѣ двоюродную сестру Прасковью Никифоровну, и я принялся съ усердіемъ семинариста стучать ногою въ доску; товарищъ мой на другомъ концѣ мнѣ вторилъ; намъ кричали, что веревка плоха уже, что оборвется; но какъ отстать отъ своей шалости? И вдругъ веревка подъ доскою оборвалась; самъ я не понимаю, какимъ образомъ крѣпко схватившись за веревки, удержался на воздухѣ, но мои товарищи всѣ полетѣли на землю и порядочно убились, такъ что нѣкоторыхъ нужно было отвести домой. За эту шалость мнѣ порядочно досталось дома. Игра въ горѣлки начиналась, когда пѣсни прискучивали, или ихъ некому было пѣть. Въ этой игрѣ я, будучи быстръ на бѣгу, отличался; матушка моя, когда я пріѣхалъ къ нимъ изъ Петербурга, гова-

ривала мнѣ: въ горѣлкахъ ты бывало какъ коршунъ налѣтаешь на тѣхъ, кого хочешь поймать.

Была еще въ Тумѣ, такъ сказать, мокрая потѣха. Она иногда разыгрывалась въ понедѣльникъ пасхальной недѣли. По неписанному кодексу каноническихъ деревенскихъ правилъ полагалось купать всякаго мущину, который не былъ у заутрени въ этотъ день, особенно если онъ принадлежалъ къ духовному званію. Однажды мы оба съ дѣдушкою проспали заутреню. Батюшка вздумалъ подшутить надъ старикомъ и подговорилъ дьячка закричать на дворѣ: несите воды купать отца Мартина и Дмитрія Ивановича. Услыша эти страшныя слова (а кстати утро было холодное), мы рѣшились искать спасенія въ подпольѣ, куда былъ прямой ходъ изъ избы. Батюшка, узнавши объ этомъ, подошолъ молча къ двери, которая вела въ подполье со двора и началъ въ нее стучать и молча прорываться. Мы съ дѣдушкою уперлись въ нее и употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы она не отворилась. Батюшка не могъ удержаться отъ смѣха; тогда и дѣдушка догадался о шуткѣ, и мы вылѣзли изъ подполья. Но былъ другой день, въ который по тому же неписанному кодексу нужно было всѣхъ до одного искупать, т. е. облить водою съ ногъ до головы; — это 1-е число августа, извѣстное въ деревняхъ подъ названіемъ мокраго спаса. Купанье начиналось тотчасъ послѣ обѣда мальчиками, къ которымъ мало-по-малу присоединялись болѣе и болѣе взрослый народъ; и наконецъ обращалось во всеобщее обливанье. Если кто безъ сопротивленія отдавался въ руки, то на него выливали не болѣе ведра. Но если кто-либо долго сопротивлялся и его трудно было добыть, ну тогда извини: лились десятокъ и болѣе ведеръ, иногда же клали въ колоду, которую и наполняли водою. Въ началѣ нашего житья самые священники не освобождались отъ этого, но имъ позволялось откупаться штофомъ, или двумя пива. Затѣмъ ихъ уже и нѣкоторыхъ почетныхъ стариковъ и старухъ не трогали, а прочіе всѣ были обливаемы водою. Случалось, что запертаго гдѣ-либо въ горницѣ добывали, выставляя снаружи окно. Въ послѣднее время я старался избѣгать этого обливанья и посматривалъ на него изъ окна хоромъ нашихъ. Въ такомъ случаѣ усердные купатели старались неожиданно обдать меня водою, плеснувъ ее съ размаху изъ ведра, а другіе караулили часа по два у двери съ тѣмъ, чтобы, если

я выйду, тотчасъ меня подхватить подъ руки. Пригонъ стада изъ поля прекращалъ всю затѣю; тогда передавали мокрое платье и бѣлье и являлись на улицу сухими.

Утѣшали себя пѣснями и въ зимнее время, но мало; русскій морозъ требовалъ болѣе сильныхъ движеній, чтобы быть теплыми. Большею частію выводились одни, или нѣсколько саней, молодежь раздѣлялась на двѣ партіи и попеременно другъ друга возила вдоль села. Ребятишки довольствовались для этого салазками, на которыхъ могло усаживаться человѣка 2—3. Къ масляницѣ, а иногда и ранѣе, устроивали гору болѣе или менѣе высокую и катались съ нея, кто стоя на ногахъ, кто на салазкахъ, кто на своемъ платьѣ и проч.

Придумывалось много и другихъ игръ лѣтомъ и зимою; вообще, повторяю, народъ въ Тумѣ былъ веселый и скучать не любилъ. Святочныя игры при нашемъ переѣздѣ сильно были въ ходу подслушивали у оконъ, болѣе смѣлые ходили къ банямъ, овинамъ, церкви; бросали башмаки чрезъ ворота; приносили въ избу сонныхъ куръ и подчивали ихъ зернами, и проч. и проч. Но послѣ, не знаю отчего, почти совершенно всѣ эти забавы оставлены; въ нашемъ семействѣ они продолжались пока еще принадлежалъ къ нему дядюшка Василій Мартиновичъ.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАВѢЩАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ,

1-го ноября 1826 года.

«Русская Старина» въ теченіе двѣнадцати лѣтъ изданія представила на страницахъ своихъ, между прочимъ, довольно много матеріаловъ для жизнеописанія и характеристики нравственной личности императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги императора Павла.

Матеріалы эти состоятъ въ подлинныхъ ея письмахъ, замѣткахъ, рескриптахъ офиціальныхъ, — инструкцій по предмету воспитанія ея августѣйшихъ дѣтей, воспоминаній и разсказовъ о времени прибытія ея въ Россію, отношеніяхъ къ Екатеринѣ II, заботахъ о благоугодныхъ дѣлахъ и проч. и проч.

Но ни одинъ изъ документовъ, относящихся къ этой достопамятной женщинѣ, не рисуетъ ее такъ ярко—какъ ея предсмертное завѣщаніе—отъ первой до послѣдней строки ею написанное въ различные годы, начиная съ 1797-го и кончая 1826—1827-ми годами.

Документъ этотъ извѣстенъ многимъ учрежденіямъ — каковы учебныя заведенія, институты, богадѣльни и больницы, волею императрицы Маріи Ѳеодоровны созданные, но извѣстенъ отдѣльными статьями, извѣстенъ онъ и многимъ лицамъ, до которыхъ относились тѣ или другіе параграфы и которымъ поэтому выписки таковыхъ были сообщены послѣ смерти государыни.

Любезному вниманію къ «Русской Старинѣ» покойнаго Николая Андреевича Шторха [1])—обязаны мы полнымъ и вполнѣ хорошимъ спискомъ этого столь важнаго историко-автобіографическаго документа.

Прошло болѣе полувѣка послѣ кончины августѣйшей вдовы императора Павла Петровича императрицы Маріи Ѳеодоровны, но отечественная историческая литература не имѣетъ еще серьезной монографіи о ея дѣятельности, оставившей столь многія и самыя благотворныя послѣдствія для любимой ею Россіи. Пусть же послужитъ издаваемый нынѣ нами обширный документъ — ея добрымъ, любвеобильнымъ сердцемъ созданный и ея благотворительною рукою начертанный — краеугольнымъ камнемъ для созданія, въ возможно-близкомъ будущемъ, вполнѣ обстоятельнаго очерка характера и дѣятельности этой высоко достопамятной женщины государыни. Ред.

---

[1]) Сынъ того Шторха, о которомъ говориться въ 30-й статьѣ завѣщанія.

Au nom du Père, du Fils et du Saint Esprit.

Ce testament, que j'avais fait l'année 1797, dâtait de l'époque la plus fortunée de ma vie, où je jouissais du bonheur d'être la plus heureuse des épouses, d'être mère de huit enfants bien portants et d'être enceinte de mon cher fils Michel. Depuis cette époque mon éxistence a changé, les malheurs les plus cruels m'ont assaillie; j'ai perdu mon époux et quatre de mes enfants, dont l'une l'a précedée de huit jours, la seconde l'a suivie de près, la troisième m'a été ravie six semaines après que je l'eus quittée bienportante et heureuse, et l'année passée, le 19 Novembre, j'ai perdu le meilleur et le plus chéri des fils, l'Empereur Alexandre. Peut on être plus malheureuse? Tous ces cruels évènements m'obligent donc à déterminer différemment les arrangements que j'avais fixé alors. Il importe à mon coeur de laisser aux enfants, que le Ciel m'a conservés, des témoignages de mon amour, de ma tendresse: ils m'ont aussi rendu la vie précieuse. Dieu m'est à témoin, que le Ciel m'ayant ravi l'année 1801 celui que j'aimais plus encore qu'eux mêmes, ma tendresse et les devoirs sacrés que j'avais à remplir vis-à-vis d'eux m'ont rattaché à l'éxistence, à laquelle l'amitié de mon cher Alexandre donnait du prix et le sentiment de maternité m'a seul donné la force de supporter mes malheurs. Obligée à rédiger de nouveau mon testament, j'implore la bénédiction divine et j'attends de la tendresse de mon cher et bien-aimé fils, l'Empereur Nicolas, l'accomplissement de mes derniers voeux, exprimés dans cet écrit.

1.

Je lègue à mon fils l'Empereur et à l'Etat mon Institut Marie et celui des sages femmes, ainsi que les capitaux, placés pour leur entretien et marqués dans la note ci-jointe. Ces capitaux placés à perpétuité (на вѣчное обращеніе): à la maison des Enfants-trouvés, et une somme de 9,700 Rbls. en inscriptions métalliques à la Commission d'amortissement, rapportent selon la loi 5 pour 100, destinés à l'entretien des deux Instituts; le sixième pour cent des capitaux, placés à la maison des Enfants-trouvés, restent à son profit, d'après la règle, et j'y ai ajouté aussi le sixiéme pour cent des 9,700 rbls. en inscriptions métalliques. Les intérêts de ces capitaux s'accumuleront et ils augmenteront ainsi jusqu'au jour de ma mort. Celui pour l'Institut Marie est formé et suffit pour l'entretien de quarante éléves et de dix pensionnaires; mais celui pour l'Institut des sages-femmes de vingt deux élèves et de vingt lits de femmes en couches ne sera terminé que l'année 1829; et

si le Ciel tranche mes jours avant que je parvienne à le former en entier, je marquerai dans un des articles suivant mes voeux et la prière que j'adresse à mon fils pour achever ce que je n'ai pu terminer, vu les circonstances malheureuses de l'année 1812 et leurs suites en 1813, 1814 et suivantes, où j'ai employé les sommes; destinées à baser ces fondations, au soulagement de ceux qui souffraient par ces circonstances, qui avaient besoin d'un prompt secours et demandaient à être aidés: car il fallait préférer le bienfait du moment à celui de l'avenir. Ce n'est que depuis 1817 que ces sommes sont retournées en entier à leur première destination. Je désire que mes deux Instituts soient régis avec le même soin et la même sollicitude, que je leur donnais; et pour qu'ils le soient, je prie mon Fils d'en charger ma belle-fille, l'épouse du Grand-Duc Michel, et alors ils ne pourront que prospérer et continuer d'être utiles à l'Etat. La connaissance que j'ai de la solidité et bonté de son caractère me donnent la douce parsuasion, qu'elle s'en acquittera avec soin et sensibilité. Je désire de même que les règles établies pour la réception à l'Institut Marie soient suivis par ma Belle-Fille et que toujours la liste des aspirantes, tant pour la réception sans ballotage, reservées pour les orphelines de père et de mère, que pour le ballotage, soit mise par elle sous les yeux de l'Empereur. Les dix places de pensionnaires devront être occupées par les filles des personnes qui m'ont servi, quoiqu'elles aient père et mère. Lorsqu'il n'en existera plus, alors ces dix places se réuniront au complet et se rempliront d'après les règles établies pour l'Institut. Willamoff présentera à l'Empereur, après ma mort, la liste des élèves dans ces deux Instituts et les règles qui s'y observent.

2.

Je lègue de même à mon fils l'Empereur et à l'Etat le capital placé par moi à perpétuité dans la banque des Enfants trouvés pour pensionner de pauvres veuves d'officiers, marquées dans la liste ci-jointe et dont le sixième d'après la règle, reste aux Enfants trouvés. Willamoff présentera à l'Empereur la liste des veuves pensionnées et lui rendra compte que la somme que j'accordais de ma caisse pour les pensions aux pauvres veuves de militaires s'étendait à vingt mille roubles par an. Je prie ma très-chère Belle-Fille, la Grande-Duchesse Michel, de me témoigner l'amitié et je prie l'Empereur, mon très-cher Fils, de s'engager à se charger de veiller à ce que les pensions des veuves d'officiers soient données d'après le même principe que j'ai établi et qu'elles

soient éxactement payées: mais j'éxige que le choix des personnes à admettre se fasse sur une liste, présentée par la Grande-Duchesse et approuvée par l'Empereur, rédigée d'après les règles que j'ai établie pour l'admission des dites pensionnaires, à moins que l'Empereur ne trouve utile d'y faire quelque changement. Comme les intérêts du capital excèdent du double la somme destinée pour les pensions, je laisse à déterminer à l'Empereur mon fils, s'il veut doubler les pensions ou augmenter le nombre des pensionnaires. Je ne pouvais pas le faire, m'étant imposée la loi de ne pas toucher aux intérêts de ce capital.

3.

Mes biens en terre consistent: dans le château de Gatchina et les villages y annexés, dont je joins la liste; dans le château de Pawlowsky et les villages y annexés de Fédorofsky, de Terlowa, de Glasowa, de Lipitza, de Nowa-Wess, de Glinka d'Etupes, colonie Wurtembergeoise, et dans la somme, tirée de la cession que j'ai faite le 1-er Janvier 1820, d'après un arrangement mutuel entre l'Empereur Alexandre et moi et du scu de mes fils, Nicolas et Michel, de la terre de Krasnoié-Selo, dont le territoire est le seul favorable aux évolutions militaires dans les environs de St. Pétersbourg; l'Empereur Alexandre m'a assigné, en équivalent de cette possession de 3,760 paysans, la somme de trois millions de Roubles en assignations, qui ont fait en inscriptions trois millions deux cent quarante trois mille Roubles. Cette somme remplace donc dans mon avoir la terre de Krasnoé-Selo. J'en ai prélevé en deux reprises un million deux cent quarante trois mille Roubles pour le payement de mes dettes; des deux millions restants, un million cinq cent mille Rbls. sont placés à perpétuité pour l'entretien de Pawlowsk: il me reste donc à disposer de cinq cent mille Roubles. Le Grand-Duc Constantin s'étant fixé à Varsovie et n'étant pas intentionné de quitter ce séjour, je lui donne comme témoignage de ma tendresse, augmentée encore s'il se peut par sa belle et noble conduite, un capital de trois cent mille Roubles, des intérêts duquel il jouira sa vie durante, et si son épouse, ma Belle-Fille, la Princesse de Lowitz, si digne de mon amitié et estime, a le malheur de lui survivre, elle continuera de jouir des intérêts du même capital. Je laisse mon fils Constantin maître de léguer dans son testament, après la mort de sa femme, la somme de cent mille Roubles de ce capital, selon son bon plaisir: les autres deux cent mille Roubles retourneront au Grand-Duc Michel, comme capital perpétuel, dont il ne pourra toucher que les intérêts, et cette somme passe sous les mêmes conditions à ses héritiers. Je marquerai plus bas l'emploi des deux cent mille Rbls., dont il me reste à disposer.

4.

Je donne mon château de Gatchina avec ses dépendances, qui forment mille trois cent quatre vingt paysans à perpétuité à mon fils, l'Empereur Nicolas, et à ses descendants mâles, en en faisant un fidéicommis pour l'aîné de sa branche, c'est-à-dire son héritier présomptif, mais à condition que le Grand-Duc Constantin, vû son absence ne recevant pas de partage en terres, l'Empereur lui paye la somme de trois cent mille Rbls. à son entière et libre disposition, ce qui porterait la part de son héritage à six cent mille Rbls., outre les objets d'affection, que je lui lègue encore.

Si, ce qu'à Dieu ne plaise, la postérité mâle de l'Empereur Nicolas venait à s'éteindre, cette possession passera à l'héritier mâle du Grand-Duc Michel.

Противъ этого пункта сбоку приписка:

Le Ciel ayant accordé un second fils à l'Empereur Nicolas, c'est le Grand-Duc Constantin Nicolaewitch ou ses héritiers mâles, qui succèderont en cas d'extinction (ce qu'à Dieu ne plaise) à la ligne masculine du Grand-Duc Héritier dans la possession de Gatchina et la descendance mâle du Grand-Duc Michel à leur défaut.

Ajouté cet article le 27 Novembre 1827.

5.

L'Empereur Nicolas acquiert l'obligation de soigner que le château, les jardins et parcs, les orangeries, l'hôpital, la maison des pauvres, celle des aveugles, avec la fondation faite pour leurs enfants et les établissements, que je pourrai y former encore; en un mot toutes les dépendances de cette belle campagne soient entretenues et soignées aussi bien, que le sont présentement. J'ai eu la satisfaction d'avoir complétement formé les capitaux d'après la liste ci-jointe, de la maison des pauvres, de celle des aveugles et l'établissement pour leurs enfants et les intérêts de la majeure partie à cinq pour cent servent déjà à l'entretien des dits établissements, et le sixième reste à perpétuité au profit des Enfants trouvés: d'une moindre partie tous les six pour cent sont au profit des établissements. La somme de sept mille deux cent Rbls. que je contribuais annuellement pour l'entretien du lazaret des Enfants trouvés à Gatchina, lui est garantie à perpétuité par le capital que j'ai formé, marqué dans la liste ci-jointe, et dont les intérêts se prélèvent annuellement pour cet objet.

6.

Je donne à mon fils, le Grand-Duc Michel, le château de Pawlowsky avec ses villages, qui font quatre cent cinquante paysans, à perpétuité à lui et à ces descendants mâles, en en faisant un fidéi-commis pour l'aîné de sa branche, de même que la somme d'un million cinq cent mille Rbls., placés à perpétuité pour l'entretien de cette campagne. Si sa postérité mâle s'éteint, le bien et les capitaux retombent aux héritiers mâles de la branche cadette de son frère Nicolas et ainsi de suite en suivant l'ordre de succession naturelle. Dans le cas, qu'une de mes filles, par veuvage, veuille se fixer dans notre pays, elle aurait sa vie durante l'un des châteaux et jardins, qui se trouvent à Pawlowsky.

7.

Le Grand-Duc Michel entrera après ma mort dans la possession de Pawlowsky, à condition que le château, les jardins, parcs, orangeries, hôpital, maison d'invalides, l'institution des invalides, nommés «собственные инвалиды», et autres établissements à y faire peut-être encore, qu'en un mot toutes les dépendances de cette jolie campagne, soient entretenues et soignées aussi bien et sur le même pied qu'elles le sont présentement. L'institution des «собственные инвалиды», n'admettant que les vétérans de la Garde, qui ont fait la guerre de 1812, s'éteindra lorsqu'il n'y en aura plus pour les completer. Si la collection botanique peut-être à charge au Grand-Duc Michel, il n'en conservera que ce qui pourra lui faire plaisir et orner le jardin de fleurs; et le reste, il pourra le donner en mon nom au beau Jardin des plantes à Pétersbourg. Je désire que l'établissement des invalides, désignés sous le nom de «Церковные», soit conservé sur le même pied qu'il se trouve établi. J'ai formé un capital, placé à perpétuité à la caisse des Enfants trouvés, d'après la liste ci-jointe, dont les intérêts à 5 pour 100 servent à l'entretien de cette institution et le sixième reste de règle au profit de la maison des Enfants trouvés.

8.

Dès que le testament sera ouvert, il sera ordonné de faire un inventaire détaillé de mes deux châteaux et terres, tant des biens-meubles qu'immeubles, pour être donné à mes deux fils Nicolas et Michel. Aucun meuble ne saurait être distrait ni donné, que ceux dont je fixe-

rai l'emploi. Ceux, qui par la suite du temps, seront gâtés ou endommagés, doivent être remplacés par l'usufruitier. Je recommande à mes deux fils de soigner le bonheur des individus, qui sont à mon service à ces deux campagnes et d'avoir soin de leurs vieux jours. Je prie de même mes fils de donner toute leur attention au bonheur et à la prospérité de mes bons paysans, et de ne point augmenter leurs charges.

9.

Ma couronne retourne à l'Empereur. Tous mes autres diamants, perles fines et pierres de couleur, que je dois aux bontés de feue l'Impératrice, à feu l'Empereur Paul, et que je me suis donnés moi-même, à l'exception de ceux dont je fixerai séparement l'emploi, seront évalués exactement après ma mort; il en sera fait quatre parts égales, dont deux reviennent aux enfants de mes filles, Héléne et Cathérine, qui héritent des parts de leurs mères, et les deux autres à mes filles, Marie et Anne. Les parts de mes petits-enfants de Meklenbourg, d'Oldenburg et de Wurtemberg seront vendues; le produit de chaque par sera partagé également entre les héritiers, auxquels il revient, s'entend, la part de ma fille Hélène en deux parts, celle de ma fille Cathérine en quatre parts et placées à la banque des Enfants trouvés: les intérêts seront réunis au capital jusqu'à la majorité des princes et l'établissement des Princesses; alors à la majorité des uns et au mariage des autres, ils jouiront des intérêts des sommes, mais les capitaux resterent à perpétuité placés en Russie. En cas de décès de l'un de ces enfants sans héritiers, les frères et soeurs héritent de son lot aux mêmes conditions. Si tous les enfants d'une fille ou de l'autre venaient à mourir sans postérité, les capitaux se partageront entre mes fils Constantin et Michel, et mes filles, ou à leur défaut entre les enfants nés ou à naître de leur mariage, à parts égales, à condition toutefois que les sommes capitales restent placées à la caisse des Enfants trouvés et que les héritiers jouissent des intérêts: la part de celui qui meurt se partage entre ceux qui survivent, sans jamais toucher au capital. Je désirerais que l'Empereur Nicolas et le Grand-Duc Michel achetassent les lots en diamants de mes filles, Hélène et Cathérine, pour l'usage de leurs épouses, et pour cet effet, que mes garnitures de saphyr et de turquoises et mon diadème en épis entrent dans la formation des lots pour les Grandes-Duchesses, Héléne et Cathérine, pour autant que leurs parts l'admettent. Chacunes des deux autres parts, savoir celles de mes filles, Marie et Anne, est constituée fidéicommis dans

la branche à laquelle elle appartient, ne pourra être ni vendue ni distraite et restera après leurs décès dans la possession du Prince aîné, et à son défaut de la Princesse aînée de la branche, sans empêcher naturellement les changements qu'on désirera faire à la forme et à la façon. Lorsqu'une branche s'éteint, la part, qui lui appartenait, reviendra à trois parts égales aux héritiers des autres soeurs et restera de même à l'aîné de chaque branche. A l'extinction de l'une de ces trois branches, sa part retombe aux deux autres, et enfin, à l'extinction des héritiers de toutes mes filles, mes diamants reviendront aux héritiers légitimes de mes fils et suivant les mêmes règles.

10.

Ma chère fille, la Grande-Duchesse Marie, étant beaucoup moins riche que ses soeurs cadettes, je me donne la satisfaction de lui faire un don de deux cent mille Rbls. en inscriptions de mon capital, dont il me reste à disposer, qui resteront toujours placés, comme ils le sont, en Russie et ma fille jouira des intérêts à six pour cent jusqu'à sa mort. et après elle, le Prince son époux, s'il a le malheur de lui survivre; après quoi le capital tombe en héritage au Grand-Duc Michel pour la jouissance du revenu, le capital restant placé à perpétuité pour lui et ses descendants.

11.

Outre les stipulations en terres et diamants, mes enfants se rappeleront que, pendant ma vie, je leur ai préparé leur héritage maternel, en leur donnant depuis l'année 1797 à chacun vingt mille Rbls. par an de mes revenues, qui pour mes trois fils, Constantin, Nicolas et Michel, ont été déposés en totalité en assignations à la caisse des Enfants trouvés, à l'exception des payements, faits d'après le désir de Constantin; et mes trois fils ont les billets de leur capitaux. Les circonstances des années 1812, 1813, 1814, m'ont mise dans le cas de suspendre mes dons aux Grands-Ducs Nicolas et Michel depuis les mois Novombre et Décembre de 1812 jusqu'au même terme 1815, et j'ai plaisir à dire que les en ayant avertis, ils ont senti vivement que mes bienfaits dans ces occurrences dévaient s'étendre de préférence sur les indigents, qui avaient souffert par les malheurs de la guerre. Je désire que le Grand-Duc Michel ne dispose que des intérêts de ces fonds, sans jamais

toucher aux capitaux, si ce n'est pour l'acquisation des terres. J'ai donné de même depuis 1797 vingt mille Rbls. par an à mes filles pour achat de diamants jusqu'à la valeur fixée par cet objet par leurs contrats de mariage et depuis j'ai déposé également cette somme en assignations à la caisse des Enfants trouvés, pour mes filles Alexandrine, Héléne et Cathérine jusqu'à leur décès, et pour Marie et Anne j'ai le bonheur de le continuer. Mes filles et les héritiers de celles, que j'ai eu le malheur de perdre, en ont les billets. Depuis le décès de ma fille Alexandrine, l'Archeduc Joseph jouit sa vie durante des intérêts du capital de soixante mille Rbls. que j'avais placé pour elle: après sa mort mes enfants en hériteront à égales parties.

12.

Chacun de mes enfants se fera faire une bague ou un anneau avec mes cheveux et y fera graver la dâte du jour de ma mort. J'espère qu'ils ne les quitteront jamais pour que le souvenir de la plus tendre des mères leur soit toujours présent.

13.

L'image de la S-te Vierge, qui est placée à côté de mon lit, enrichie d'une turquoise, reste à l'église où je serai enterrée.

14.

Ayant contribué pendant ma vie, outre l'entretien des établissements à Gatchina et Pawlowsk, à celui des différents autres instituts et établissements, qui se trouvent sous mes ordres, par des payements annuels de ma caisse, j'ai désiré leur assurer le même revenu après ma mort et à perpétuité, en formant des capitaux, dont les intérêts répondissent à ces payements annuels. Quoique les évènements des années 1812, 1813 et 1814 et leurs suites, ainsi que l'année de l'inondation, ayant suspendu pendant quelque temps la formation de ces capitaux, j'ai cependant eu la satisfaction de les achever presque tous, d'après la nôte ci-jointe. S'il reste à ma mort à consolider encore quelque payement également indiqué dans la nôte ci-jointe, je prie mon très cher fils l'Empereur Nicolas d'achever l'oeuvre que ma mort m'empêchera de terminer et le lui demande avec toute la confiance et l'abandon de l'amour maternel.

15.

Je n'ai pas de doute, que l'Empereur ne veuille me faire remplacer dans l'administration de la Communauté par ma chère Belle-Fille, l'Impératrice Alexandrine, et j'ai la douce consolation de me dire, que ce bel institut, qui mérite si bien et qui avait captivé tous mes soins et ma tendre affection, trouvera en Elle la tendresse d'une mère et la protection la plus efficace. Ses quinze mille roubles que je lui donne annuellement lui sont assurés à perpétuité, comme on le voit par la liste et les arrangements que j'ai pris depuis que la Communauté m'a été confiée par feu l'Empereur Paul, mon époux. Je remercie les membres du Conseil de tout le zèle et les soins qu'ils ont donnés à cet établissement, ainsi qu'a l'Institut de S-te Cathérine, et je suis persuadée qu'ils continueront de même à veiller à leur bienêtre. Les mêmes remercîments s'adressent avec la même sensibilité aussi à Messieurs du Conseil, qui a soin de l'Institut de S-te Cathérine et celui d'Alexandre à Moscou et je leur fais la même prière.

16.

J'espère que par la volonté de l'Empereur, les soins de l'Impératrice Alexandrine s'étendront de même sur les deux instituts de S-te Cathérine, sur celui d'Alexandre, que j'affectionne tous si tendrement. Les sommes que je leur donne annuellement leur sont assurées à perpétuité, ainsi qu'on le voit par la liste.

17.

Il serait à désirer pour l'Institut des orphéline militaires qu'il participe également aux soins de l'Impératrice, ma très-chère Belle-Fille, l'affectionnant de même beaucoup. La somme que je lui donne annuellement lui est assurée à perpétuité, tout comme pour celui de Harkoff. Puisse ce dernier jouir aussi de la protection de l'Impératrice, ainsi que l'hospice de Simphéropol, auquel j'ai assuré également à perpétuité la somme que je lui donne par an, comme il est marqué dans la liste.

18.

Je recommande aux bontés de l'Empereur les écoles des filles de soldats des gardes; il serait bien à désirer qu'elles se trouvent également sous la protection de l'Imperatrice Alexandrine. Je leur ai assuré à perpétuité les payements annuels que je leur donne.

19.

Je recommande aux bontés paternelles de l'Empereur mes pensionnaires aux différents Instituts, pour continuer le payement des pensions et leur faire achever ainsi leur éducation, si je n'ai pas le temps d'éxécuter mon projet de former un capital pour y pourvoir. J'en forme un, comme on le verra par la liste ci-jointe, pour entretenir à perpétuité un certain nombre de pensionnaires, d'après la note qui accompagne cette liste.

20.

J'espère et désire de même que l'Empereur confie aux soins de ma chère Belle-Fille, l'Impératrice Alexandrine, les maisons des Enfants trouvés de Moscou, de Pétersbourg et de Gatchina, avec tous les établissements et les colonies qui en dépendent, et mette la manufacture d'Alexandrofsky sous la protection immédiate de l'Impératrice. Ces maisons ont grandement besoin d'une protection puissante et vigilante et d'une surveillance charitable, car il faut élever à la vertu des êtres, qui en grande partie doivent leur éxistence au vice; les conserver, les mener à bien, les rendre utiles à l'Etat, à été l'objet constant de mes soins.

L'Impératrice sera pénétrée, j'en suis sûre, de ces mêmes sentiments et y donnera cette surveillance d'attention, qui émane du coeur et qui est si nécessaire. Je recommande beaucoup à sa sollicitude l'Institut des gouvernantes, que j'y ai fondé, qui promet si bien et peut être d'une si grande utilité pour la Russie. Je remercie tous ces Messieurs, qui ont été sous mes ordres, tant à Pétersbourg qu'à Moscou, du zèle et de la bonne volonté que j'ai rencontré. Ils voudront bien se rappeler toujours ce que je leur ai répété bien souvent, que nous ne devons être animés que du désir de remplir nos devoirs sous tous les rapports, en conservant cette marche précise et immuable prescrite par nos règlements, avec la plus éxacte justice; en veillant à la conservation des privilèges de la maison, en réunissant tous nos soins à conserver l'enfance, à ranimer autant qu'il est possible le sentiment maternel, à venir au secours de la veuve et de l'orphelin, à soulager l'indigence souffrante, ce n'est qu'alors que nous exerçons la véritable charité, dont notre Seigneur nous a donné le grand exemple, et que nous nous identifions aux principes, sur lesquels cet établissement est basé: домъ

основанъ на благодѣяніи,—c'est alors aussi qu'aucune peine ne nous coûtera, ni ne paraîtra au-dessous de nous.

Je prie mon cher Fils l'Empereur Nicolas, de continuer les appointements que je donnais à différents employés de ces maisons.

21.

Je prie l'Empereur de mettre de même l'hôpital Paul sous la protection de l'Impératrice. Par la donation que j'ai faite à l'hôpital, je lui ai assuré le revenu, que je lui donnais.

22.

Je prie tous mes enfants, présents et absents, lorsque ceux-ci viendront en Russie, de visiter souvent l'hôpital des pauvres, soit à Pétersbours, soit à Moscou, d'entrer dans l'église, d'y éléver leurs âmes à Dieu pour demander le repos des âmes de leur père et mère, de leur excellent frère, de tous les chers nôtres et de n'y venir jamais les mains vides. Chacune de ces visites les rapprochera de leur mère, qui eur rénouvellera ses bénédictions.

23.

Je prie l'Empereur de mettre l'Institut de commerce d'ici, qui réléve de la maison des Enfants trouvés, sous la protection de l'Impératrice. Le don que je lui faisais annuellement, lui est assuré à perpétuité, d'après la liste ci-jointe. Je remercie Messieurs du Conseil de leur zèle et les prie de le continuer à cet Institut. Je remercie le Conseil de l'Institut de Moscou de tout le zèle et des témoignages d'attachement qu'ils m'ont donnés. Je me suis fais un devoir d'assurer à perpétuité le don qne je fais annuellement à l'Institut, comme on le verra dans la liste ci-jointe. L'intérêt sincére que je porte à ce bel établissement m'engage à former le voeu qu'il jouisse de la protection de l'Impératrice.

24.

Je recommande instamment à mon Fils, l'Empereur Nicolas, les intérêts de mon beau-frère, le Grand-Duc de Holstein; de nos chers orphelins d'Oldenbourg et ceux d'Auguste: il sait combien tous me sont chers.

25.

Je renouvelle ici à notre digne et chère Princesse de Liewen mille et mille fois l'expression de ma vive reconnaissance de ses services, de son amitié, en priant l'Empereur de lui conserver jusqu'à sa mort la pension que je lui donne, de même qu'à Mademoiselle de Nélidoff, que je remercie de son amitié et attachement, ainsi qu'à Mademoiselle de Divoff, que je remercie de même de son zèle et de ses longs services.

26.

Tous les portraits de feue ma bonne amie Benkendorff seront partagés entre les enfants, excepté celui en miniature, que je lègue à son fils Constantin, qui rappelle le plus sa mère. J'ai rempli mes devoirs de mère vis-à-vis des enfants de cette digne et bonne amie, en les élévant tous les quatre, en soignant la dot et les trousseaux des deux filles et en plaçant en outre pour tous les quatre des capitaux à la caisse des Enfants trouvés. Leurs parts en capitaux devaient être égales, mais le fils Alexandre et le fille Marie, s'étant trouvés dans des grands embarras, une grande partie de leurs capitaux a été dépensée pour les en tirer. Les capitaux sont marqués dans la liste ci-jointe. Je désire que l'Empereur permette à Nowossiltzoff de remplacer la somme, qui avait été déjà prélevée par Alexandre Benkendorff jusqu'en Mai 1821, parcequ'il se conduit si bien et que l'Empereur est content de ses services: le capital doit être placé pour lui aux Enfants-trouvés. Après ma mort, ils entreront tous en possession de leurs parts respectifs pour la jouissance des intérêts à cinq pour cent, mais les capitaux resteront placés à perpétuité à la caisse des Enfants-trouvés, ce qui ne les empêche pas de disposer par testament de la jouissance des intérêts en faveur de leurs héritiers. La part de celui ou celle qui mourt sans enfants se partage également entre les frères et soeurs survivants. Je leur permets cependant de retirer le capital s'il s'agit d'un achat de terre, mais qu'ils n'osent ni aliéner, ni vendre. Cette condition doit être annoncée après ma mort au Conseil de la maison des Enfants-trouvés, lorsqu'on remettra les billets aux quatre enfants Benkendorff, en y insérant cette clause. Je prie l'Empereur de vouloir bien protéger tous les quatre enfants d'une femme, qui a été mon intime amie et dont le souvenir me sera cher tant que je vivrai.

27.

J'ose recommander ma bonne, digne, respectable Adlerberg, dont je suis des plus contente, à la générosité et à la reconnaissance de l'Empereur pour tous les soins qu'elle donne à la noblesse de son empire. Je recommande de même Madame Krempien, dont je suis extrêmement contente, aux bontés de l'Empereur, ainsi que Mesdames Stawitzky, Litinsky, Naymanowsky et enfin Madame de Pewtzoff, qui ne fait que d'entrer en fonction, mais dont j'espère bien avoir tout lieu d'être contente. J'y ajoute encore Madame Mellart, en considération de son âge et de ses longs services.

28.

Je recommande la veuve Grävenitz et ses enfants aux bontés et à la protection de l'Empereur, le priant de lui continuer la pension que je lui donne, de même qu'à la veuve de mon bon vieux général Rehbinder.

29.

Je prie l'Empereur, mon très cher Fils, de conserver à notre bon, digne, respectable général comte Lambsdorff jusqu'à sa mort la pension que je lui donne et de la rendre reversible sur sa femme, de conserver de même la pension à M-r de Moukhanoff et à M-r d'Albedyll, comme témoignage de mon affection et reconnaissaince pour leurs fidèles services.

30.

Je recommande à l'Empereur, mon très cher Fils, mon bon et digne Willamoff, dont je suis parfaitement contente, comme homme d'honneur, de probité et d'un zèle qui ne laisse rien à désirér. Il n'a aucune fortune et me sert depuis 25 ans. Je supplie Mon Fils de soigner son bien-être et de lui donner en mon nom une gratification de vingt cinq mille Rbls.

Je prie l'Empereur de lui conserver en outre tout ce que je lui donne en gages et émoluments et s'il venait à mourir avant sa femme de lui accorder à elle six mille Rbls. de pension.

Je prie l'Empereur de conserver à M-r de Wolff la pension que je lui donne.

Je recommande très particulièrement à l'Empereur M-r de Nowossiltzoff, comme un bien parfait homme et bien zèlé, dont je ne puis assez me louer.

Je prie l'Empereur de lui donner en mon nom un cadeau de douze mille Rbls., en lui conservant son traitement et s'il venait à mourir, de daigner soigner le sort de sa veuve, en lui donnant une pension de quatre mille Roubles.

Je recommande de même aux bontés paruticulières de l'Empereur le Prince Hilkoff, comme un parfait honnête homme, qui est à mon service depuis un an et demi, de lui donner en mon nom un cadeau de six mille Rbls. et de lui laisser le traitement que je lui donne et d'en accorder la moitié, comme pension, à sa femme, si elle a le malheur de le perdre.

Je prie l'Empereur de récompenser ma Chancellerie, en lui accordant des gratifications ou des pensions, en raison de la durée de leur service (article rayé au sujet de Fallot).

Противъ этой статьи на полѣ приписка:

Le Prince Hilkoff vient de me quitter à cause de sa mauvaise santé ce mois de Janvier, récompensé par l'Empereur et par moi.

Je prie mon fils, si le prince venait à mourir, d'accorder la moitié de la pension, que je lui donne, à sa femme.

Ce 21 Janvier 1827.

Fallot vient de mourir, ce Janvier 1827.

31.

Je prie encore l'Empereur d'accorder en mon nom une gratification au général Frédérici de dix mille Rbls. et au colonel Stenger de cix mille Rbls, et les remercie de leur zèle et attachement.

32.

Je remercie M-r de Ruhl de tout son zèle et de m'avoir toujours si bien traitée. Je prie l'Empereur de lui accorder une gratification de douze mille Rbls. et de lui continuer en pension les gages que je lui donne. Je le recommande à Ses bontés, ainsi qu'au Grand-Duc Michel, comme un bien digne et galant homme. Je recommande à mon bon, digne Ruhl mes établissements.

33.

Je remercie M-r de Storch de son zèle pour les Instituts, en le priant de le leur conserver. Je prie l'Empereur de lui continuer les gages que je lui donne.

34.

Je supplie mon cher Fils, l'Empereur Nicolas, d'accorder une somme de douze mille Rbls. en mon nom à M-lle de Tchichatcheff, élève de la Communauté, comme à une orpheline, qui m'a été recommandée par sa mère, élève aussi de la Communauté, sur son lit de mort.

Противъ этого пункта приписка:

Elle l'a reçue de Moi pour sa dot.

Ce 24 Novembre.

35.

Je supplie mon bien cher Fils, l'Empereur Nicolas, de récompenser toutes les personnes de ma chambre et de leur laisser leurs gages en pension: je suis extrêmement contente d'eux et Lui recommande spécialement ceux qui m'ont servis le plus longtemps. Celles de mes femmes que Je recommande le plus particulièrement aux bontés de l'Empereur, sont la Pilnikoff et la Jakowleff, que j'aime d'affection et pour leurs longs et fidèles services. Je ne puis cependant assez me louer aussi des deux Brisgaloffs, dont le service m'est également agréable, de même que celui de la Tchernicheff, comme l'Empereur le sait. Je le prie donc de leur accorder aussi Ses bontés. Je suis de même parfaitement contente des services de la Kennedy, de mes femmes de chambre Iwanoff et Jaroslawtzeff, ainsi que de la Praskowia Séménowa, qui étant à mon service depuis que je suis en Russie, porte le titre de femme de chambre sans en faire les fonctions. Enfin de la Strotzky, Ditzpoff, Ditz, Konowaloff et Woronoff et de mes couseuses, et les recommande toutes à la protection de l'Empereur et à Sa générosité. En général je demande avec instance à l'Empereur et désire vivement que leur sort soit heureux et qu'elles soient toutes bien recompensées de leurs fidèles services. Je les mets toutes sur Sa conscience et remercie ces excellentes personnes de tout leur zèle. Comme elles affectionnent toutes Pawlowsky, Je prie mon cher fils Michel, de leur permettre d'y passer l'été, lorsqu'elles le désireront et de leur y accorder alors des logements.

Ma garderobe en linge, dentelles et blondes d'usage journalier, en un mot tout ce qui est porté, est à distribuer entre mes femmes, qui se partageront de même mes habits simples, tant de soie, que de mousseline, de manière que la Pilnikoff, Jakowleff, Kennedy et les deux Brisgaloffs et la Tchernicheff reçoivent le double des autres. Je fais cadeau en outre à

la Pilnikoff et Jakowleff, à chacune, de six habits à leur choix, et de six pièces d'étoffe de ma garderobe (Article rayé concernant Praskowia Séménowa). Tout le reste sera partagé entre toutes mes femmes (y compris aussi celles, qui ont reçu les cadeaux ci-dessus marqués) de manière à donner à M-lle Kennedy et aux femmes de chambre le double de ce qui reviendra aux filles de garderobe et couseuses. Toutes mes femmes recevront en outre de petits objets de bijouterie, que je marquerai sur une liste séparée.

Противъ этой статьи на полѣ приписка:

Je viens de perdre ma femme de chambre Praskowia Séménowa. Elle est morte.

36.

Je désirerai beaucoup donner après ma mort encore un témoignage de mon contentement à toutes les personnes qui ont servi dans ma chambre et Je prie mon cher fils, l'Empereur Nicolas, de permettre que Nowossiltzoff donne en mon nom: à la Pilnikoff, ainsi qu'à la Jakowleff, qui fait tout auprès de moi, à chacune dix mille Rbls., comme à mes plus anciennes femmes; à Grimm huit mille, à Schalin sept mille comme aussi à Matwei Pétroff, à Kaiser et à Jaroslawtzeff, à chacun quatre mille, à Saphonoff trois mille, à l'aide de garderobe Praehn deux mille (article rayé concernant Praskowia Séménowa).

Pareile somme de sept mille Rbls. aux deux Brisgaloff, sans que ce don leur soit compté à toutes pour leur dot; à M-lle Kennedy huit mille, à la Tchernicheff sept mille, à la femme de chambre Iwanoff cinq mille, à la Jaroslawtzeff quatre mille et autant à chacune des filles de garderobe, Strozky et Christopoff, qui me servent depuis longtemps, trois mille: à la Ditz, à la Konowaloff et à la Woronzoff, deux mille cinq cent, à la couseuse Daria Wassiliewa et quinze cent ou deux mille à la Victoroff.

Je recommande encore aux bontés de l'Empereur mes deux fidèles Iwaschenkoff et Wassenkoff auxquels il voudra bien permettre à Nowossiltzoff de donner à chacun trois mille Rbls.; à Wassilieff et Martinoff à chacun deux mille, à Okouloff et Posniakoff à chacun quinze cent, et aux autres husards et cosaques à chacun mille Roubles.

Enfin Je prie l'Empereur de permettre qu'une somme de cinquante mille Rbls. soit partagée entre les aides de garderobe, les gens de livrée de mes chambres, ainsi que les officiers de la Cour, qui forment ma maison et la livrée de Pawlowsk et de Gatchina, qui m'appartien-

nent immédiatement et de donner à quelques vieux serviteurs, employés ou officiers de maison à Pawlowsk, qui s'y trouvent depuis sa fondation, des cadeaux en boites ou montres, comme aussi aux vieux serviteurs de Gatchina. Je demande de même à l'Empereur de permettre qu'une somme du quinze mille Rbls. soit partagée entre les employés et gens de l'ecurie, qui se comptent de mon côté.

Противъ этого пункта сбоку приписка, относящаяся къ Прасковьѣ Семеновой:

Elle est morte, comme je l'ai marqué ci-dessus.

37.

Ayant acheté des héritiers de mon défunt valet de chambre, Bendersky, la maison qu'il avait à Pawlowsk, je la lègue après ma mort à son fils Constantin Bendersky, s'il désire la posséder; sinon, je souhaite qu'il lui soit donné la somme de six mille Rbls., que j'en ai payée.

Je lègue de même au jeune Otchakoffsky, filleul de feu mon marie, la somme de six mille Rbls., qui sera placée pour lui à la caisse des Enfants-trouvés, et le recommande aux bontés de l'Empereur et de mes Enfants.

Je supplie encore l'Empereur, mon très cher Fils, de permettre: qu'une somme de trois mille Rbls. soit donnée aux héritiers de feu mon tout premier Confesseur Pamphyle, et une bien belle croix à mon Confesseur actuel, que j'estime et revère beaucoup: je désire lui voir continuer la pension que je lui donne.

38.

Je supplie l'Empereur, mon très cher Fils, de daigner me continuer encore une demie année de mon revenu, après ma mort, pour payer les legs et cadeaux que j'ai désignés, d'en faire prendre cinquante mille pour les distribuer aux pauvres ici et à Moscou, et confiant cette distribution, sous l'inspection du Prince Alexandre Galitzin à St. Pétersbourg, au Métropolite, à M. M. Willamoff et Nowossiltzoff, et à Moscou au Métropolite et au Prince Serge Galitzin.

39.

La liste des pensions que je donnais, se trouve entre les mains de M-r de Nowossiltzoff, mais je m'en remets à cet égard à la volonté et générosité de l'Empereur, en Le priant seulement de continuer les pen-

sions suivantes: à tous les cavaliers des Grands-Ducs Nicolas et Michel; à la veuve du général Akhverdoff et à M-e de Glinka, à la veuve de Viollier dont je recommande aussi le fils aux bontés de l'Empereur: je Le prie de me permettre de placer pour lui une somme de six mille Rbls.; aux enfants de Dupont; aux veuves des deux Bendersky, de Kuchelbecker; aux enfants de mon ancien perruquier Tchistiakoff; à la veuve Oussoff; aux veuves des valets de chambre Isaeff; Steckmetz, Cyrille Timoféeff, des Kamer-laquais, laquais et istopniks, qui ont servi dans ma chambre; aux veuves des pomoschniks, yesdavoi et postillons; aux veuves des caféschenks Gouninè, Kamenschtchikoff, du husard Naidenoff; à la veuve du maître d'hôtel Berger, Benoit, Séménoff, du valet de chambre Dufour de feu l'Empereur Paul et aux filles de feu mon ancien valet de chambre Sidoroff. Si malheureusement j'oubliais quelqu'un, qui m'eut servé, je charge Novossiltzoff d'en présenter le nom à l'Empereur.

Je prie l'Empereur de continuer à M-r Crichton les gages que je lui donne, en pension: je remercie encore M-r Crichton de tous ses soins et de tout son zèle, dont je ne puis assez me louer.

Je supplie l'Empereur de continuer la pension que je donne à la fille de mon ancien accoucheur Mohrenheim.

Je supplie encore l'Empereur de continuer les pensions que je donne aux quatre sous-gouvernantes de mes filles.

Je prie l'Empereur de me permettre de faire un cadeau de trois mille Rbls. à mon ancienne femme de chambre Woewodsky, mariée Kousminsky, et de deux mille à la Bakaeff, née Rytoff, de même qu'à la Tischkewitch, née Rytoff.

Je recommande particulièrement à la protection de mes enfants la famille Duval, comme de bien excellentes gens.

40.

M-r Willamoff, ayant la liste de tous mes papiers, je désire, qu'on suive strictement ce qui est marqué sur les paquets, ce qui est à renvoyer, ce qui est à brûler. Je désire que les cendres des lettres de mes parents soient mises dans mon cercueil.

Les lestres de feu mon cher et bien-aimé Empereur Paul et de mon cher et bien-aimé fils Alexandre sont ce que j'ai de plus précieux au monde. Les inscriptions, que porte chaque paquet de ces lettres, expriment ce que je désire qu'on en fasse. Les paquets de feu mon fils Alexandre, cachetés de ma main, qui devaient lui être remis en

mains propres, seront présentement brûlés par mon fils Michel, sans être ouverts: ceux, qui se trouveront cachetés de feu l'Empereur Paul le seront de même. Les lettres de feue l'Impératrice Cathérine doivent rester dans ma bibliothèque à Pawlowsk, excepté quelques lettres de l'année 1776, que je destine aux archives de Moscou.

Toutes mes cassettes avec mes lettres et paquets ne seront ouverts par mon fils Michel qu'en présence du Prince Wolkonsky, du Prince Alexandre Galitzin et de M-r de Willamoff, qui lui en remettra les clefs, et aidés par lui, ils rempliront exactement ce que l'inscription de chaque paquet indique.

41.

Je prie mon cher Fils, l'Empereur Nicolas, de donner à chacun de mes enfants une copie de mon testament, et aux autres personnes, qui y sont mentionnées les copies des articles, qui les regardent; mais je me réserve jusqu'au dernier jour de ma vie le droit de changer les dispositions de ce testament, d'y ajouter, d'en retrancher et refaire tout ce qui bon me semblera.

42.

Je prie mes enfants aux époques du 11 Mars, du 29 Juin et du 20 Septembre, de continuer à répandre les charités que je faisais à ces jours, dont M-r de Willamoff et Novossiltzoff leur rendront compte et d'en faire de même pour le 30 Août, le 19 Novembre et le 12 Décembre. Je les prie de joindre toujours le souvenir de leur respectable père et de leur excellent frère, aux prières qu'ils adresseront au Ciel pour moi. Je prie tous ceux, à qui j'ai pu faire quelque peu de bien de se rappeler de l'Empereur, mon époux, mon bienfaiteur, dans leurs prières, comme celui à la générosité duquel j'ai dû la jouissance de pouvoir soulager l'infortune.

43.

Je termine cet acte, en portant ma pensée sur mon enterrement, je prie mon cher fils, l'Empereur Nicolas, de le rendre le moins dispendieux possible et de rendre ma dépouille à la terre avec le plus de simplicité. J'espère qu'on me laissera la croix que je porte toujours, ainsi que le médaillon avec les cheveux de feu mon mari, de mon

Alexandre, des autres enfants, que j'ai eu le malheur de perdre, de mes parents, de mes soeurs et frère Charles et je désire beaucoup me trouver placée entre feu mon cher et bien-aimé Empereur et le plus chéri des fils, et même s'il était possible, que le même caveau contint nos tombeaux. Je désirerais que le deuil fut le moins onéreux au public, toute dépense inutile me ferait peine et je conjure mon fils d'employer la somme, destinée en pareille occasion, à des donations pieuses. Je désire vivre dans le coeur de mes enfants, dans leur souvenir, qu'ils me prouveront en formant toujours et toujours le faisceau, en donnant l'exemple du respect et de la soumission aux volontés de l'Empereur, leur Frère. Je désire exprimer encore dans cet écrit à mon cher fils Constantin tout le contentement, je dirai la vénération, que sa belle et noble conduite m'a inspirée et à tous mes chers enfants tout l'amour, toute la tendresse que je leur porte. Je prie tous mes chers enfants de supporter ma perte avec cette résignation chrétienne, que notre sainte religion éxige de nous. Je rappelle à tous mes chers enfants de se fortifier en se souvenant de nos conversations avec notre cher Alexandre, où souvent nous nous disions, que la mort n'est que le passage d'une vie périssable à une vie et un bonheur éternel, que j'espère uniquement de la miséricorde divine par les mérites et les souffrances de notre Sauveur, dont j'embrasse la croix avec foi et confiance, espérant que nous nous réjoindrons un jour pour ne plus nous quitter et alors prosternée aux pieds du trône de l'Etre Suprême, je lui dirai: voilà les enfants, qui ont marqué les jours de ma vie par les soins, la tendresse et la confiance, et surtout je lui nommerai ce cher Alexandre, qui quoiqu'au faite de la gloire, de la grandeur, a toujours été pour moi le meilleur, le plus tendre des fils, en s'occupant journellement à répandre du charme sur mon éxistence. Vous tous chers et bons enfants, présents et absents, suivez son exemple; et c'est avec une sincère reconnaissance que je Vous exprime, cher Nicolas, ainsi qu'à Vous, chère Alexandrine, toute ma sensibilité de continuer, après être parvenus au rang Suprême, vos aimables procedés, votre tendresse et vos soins journaliers, pour verser dans mon coeur toutes les consolations qui dépendent de vous, et de rendre mon éxistence douce et agréable. Puisse la bénédiction divine se reposer sur vous, sur vos précieux enfants, sur l'Etat, auquel tous les sentiments maternels les plus vifs m'attachent. Puisse notre nation être constamment heureuse, conserver ses anciens principes d'affection, de fidélité et marcher de plus en plus vers ce véritable développement moral, qui, en attachant à Dieu, à ses autels, à Son Souverain, nous la rend si chère, si estimable et respectable à l'univers. Puisse mon souvenir lui être cher! ma dernière pensée, ma

dernière prière, mes dernières bénédictions seront pour mon fils, pour mon Empereur, pour tous mes bons chers enfants et pour notre chère nation. Mon coeur est plein d'amour, d'affection et de reconnaissance, mais si par suite des imperfections humaines, j'ai fait de la peine à qui que ce soit, je leur en demande pardon, comme à Dieu même et les assure que mon coeur n'était capable que de sentiments affectueux. Je recommande mon âme à Dieu, je me recommande aux prières de mes bons enfants, des personnes, qui m'on voulu du bien et de tous les fidèls sujets de mon Fils.

Signé: Marie.

A Gatchina,
ce 1 Novembre 1826.

Avec le consentement de l'Empereur, mon très cher Fils, je nomme mes éxécuteurs testamentaires: mon cher Fils Michel, le Prince Wolkonsky, le Prince Alexandre Galitzin, M-rs de Willamoff et de Novossiltzoff.

Signé: Marie.

A St. Pétersbourg,
ce 27 Novembre 1827.

Il importe à mon coeur de vous remercier encore, cher Nicolas, chère Alexandrine, de votre tendre amitié, de vos soins pour moi. Il y a une année de passée depuis que j'ai tracé ces lignes ci-dessus, et tous les jours de cette année vous valent de nouvelles bénédictions. Que Dieu vous récompense et vous fasse trouver dans vos enfants la tendresse et la consolation, que vous répandez sur mes jours. Grand Dieu, verse sur les êtres chéris, que tu m'a accordé pour enfants, toutes les richesses de ta miséricorde; sois leur égide, que le St. Esprit les guide; bénis les intentions de notre cher Empereur et qu'il rende notre chère partie aussi heureuse, qu'il désire la voir; écarte tout danger de Sa tête Auguste et que Son règne soit long, heureux et soit une époque de bonheur pour notre chère Russie. Chers Enfants, priez pour votre mère, qui implore l'intercession de notre St. Sauveur et baise la croix avec foi, amour et espérance.

Signé: Marie.

Ce 27 Novembre 1827.

[Переводъ съ французскаго]. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Завѣщаніе, написанное мною въ 1797 г., относилось къ самой счастливой эпохѣ моей жизни, когда я была счастливѣйшею изъ женъ, имѣла восемь здоровыхъ дѣтей и была беременна возлюбленнымъ моимъ сыномъ Михаиломъ. Съ тѣхъ поръ жизнь моя измѣнилась, меня постигли самыя тяжкія несчастія; я лишилась супруга и четырехъ дѣтей, изъ коихъ одна дочь умерла за недѣлю до его кончины, вторая послѣдовала вскорѣ за нимъ, а третью я потеряла шесть недѣль спустя послѣ того, какъ я оставила ее здоровою и счастливою, а 19-го ноября прошлаго года я лишилась лучшаго и возлюбленнѣйшаго сына моего, императора Александра. Что можетъ быть выше этихъ несчастій? И такъ всѣ эти тяжкія событія побуждаютъ меня измѣнить распоряженія, сдѣланныя мною въ то время. Чувство матери повелѣваетъ мнѣ оставить что нибудь въ знакъ моей любви и моего распоряженія дѣтямъ, которыхъ Господь сохранилъ мнѣ, и которыя также были мнѣ отрадою въ жизни. Видитъ Богъ, что когда я лишилась въ 1801 г. того, котораго любила даже болѣе ихъ, то моя любовь къ дѣтямъ и священныя мои обязанности къ нимъ привязали меня къ жизни, которая сдѣлалась для меня дорога по дружбѣ возлюбленнаго моего Александра; одно только чувство матери дало мнѣ силу перенести всѣ мои несчастія. Видя необходимость измѣнить свое завѣщаніе, я молю Господа даровать мнѣ свое благословеніе и полагаясь на расположеніе любезнаго и возлюбленнаго сына моего, императора Николая, надѣюсь, что онъ позаботится о выполненіи моей послѣдней воли, высказанной въ настоящемъ завѣщаніи.

I.

Завѣщаю сыну моему императору Николаю и государству Мариинскій и повивальный институты, а равно и суммы, ассигнованныя на содержаніе ихъ и поименованныя въ прилагаемой при семъ запискѣ. Капиталы эти, помѣщенныя на вѣчное обращеніе въ кассѣ воспитательнаго дома, и еще 9,700 руб. въ металлическихъ билетахъ, помѣщенныя въ коммисію погашенія государственныхъ долговъ, приносятъ законныхъ 5% въ годъ, которыя назначены на содержаніе этихъ двухъ заведеній; шестой процентъ съ капиталовъ, положенныхъ въ кассу воспитательнаго дома, идетъ согласно правилу въ его пользу; къ этому я прибавила еще шестой процентъ съ 9,700 руб., находящихся въ металлическихъ билетахъ. Процентъ съ этихъ ка-

питаловъ будутъ присоединяться къ нимъ, и такимъ образомъ капиталы будутъ постоянно возрастать до моей смерти. Капиталъ Марининскаго института весь на лицо и его хватаетъ на содержаніе сорока воспитанницъ и десяти пансіонерокъ; капиталъ же повивальнаго института, расчитанный на содержаніе двадцати двухъ воспитанницъ и двадцати кроватей для родильницъ, будетъ составленъ окончательно лишь въ 1829 г.; а если Господь призоветъ меня къ себѣ прежде, нежели я успѣю образовать его, то я изложу въ одномъ изъ послѣдующихъ пунктовъ мои распоряженія и буду просить моего сына окончить то, что я не успѣла довершить въ виду прискорбныхъ событій 1812 года и ихъ послѣдствій, обнаружившихся въ 1813 и 1814 гг., когда мнѣ пришлось употребить суммы, назначенныя на основаніе этихъ заведеній, на помощь лицамъ, пострадавшимъ отъ послѣднихъ событій и нуждавшимся въ быстрой и неотлагательной помощи: нужно было помогать нуждающимся, оставивъ на время заботы о будущихъ благодѣяніяхъ. Лишь съ 1817 г. явилась возможность употребить вышеупомянутыя суммы согласно ихъ первоначальному назначенію. Я желаю, чтобы оба мои института управлялись съ тою же заботливостью и вниманіемъ, какъ при мнѣ, и поэтому прошу сына моего поручить управленіе ими невѣсткѣ моей, супругѣ великаго князя Михаила; я убѣждена, что въ такомъ случаѣ они всегда будутъ процвѣтать и приносить пользу государству. Зная твердость и доброту ея характера, я вполнѣ увѣрена, что она отнесется къ этой обязанности съ должнымъ вниманіемъ и заботливостью. Я желаю также, чтобы моей невѣсткой соблюдались правила, установленныя для пріема дѣвицъ въ Маріинскій институтъ и чтобы списокъ кандидатокъ, поступающихъ безъ баллотировки изъ числа круглыхъ сиротъ, и равно и подлежащихъ баллотировкѣ, представлялся ею императору. Десять вакансій пансіонерокъ должны быть заняты дочерьми лицъ, состоявшихъ у меня на службѣ, хотя бы у нихъ были живы отецъ и мать. Когда подобныхъ дѣвицъ уже не будетъ, то эти десять вакансій причислятся къ общему комплекту и будутъ замѣщаемы согласно правиламъ, опредѣленнымъ для института. Послѣ моей смерти Виламовъ представитъ государю списокъ воспитанницъ обоихъ институтовъ и установленныя для нихъ правила.

II.

Завѣщаю также сыну моему императору Николаю и государству капиталъ, помѣщенный мною на вѣчное обращеніе въ кассу воспитательнаго дома, и ассигнованный на пенсіи неимущимъ офицер-

скимъ вдовамъ, поименованнымъ въ прилагаемыхъ къ сему спискахъ; шестой процентъ съ этого капитала идотъ по правилу въ пользу воспитательнаго дома. Виламовъ представитъ государю списокъ вдовъ, получающихъ пенсіи, и изъ отчета его императоръ усмотритъ, что сумма, отпускаемая изъ моей кассы на пенсіи неимущимъ вдовамъ офицерскаго званія, доходила ежегодно до двадцати тысячъ рублей. Прошу возлюбленную невѣстку мою, супругу великаго князя Михаила Павловича, взять на себя эти обязанности изъ любви ко мнѣ, и прошу любезнаго сына моего, императора Николая, предложить ей слѣдить за тѣмъ, чтобы пенсіи офицерскимъ вдовамъ назначались сообразно установленному мною правилу, и выплачивались бы акуратно: но я требую, чтобы лица, имѣющія право на пенсіи, избирались по списку, который будетъ представляться великой княгиней императору на его утвержденіе, и будетъ составляться согласно правиламъ, установленнымъ мною для пріема вышеупомянутыхъ пансіонерокъ и которыя могутъ измѣниться лишь въ томъ случаѣ, если императоръ сочтетъ нужнымъ сдѣлать въ нихъ измѣненіе. Такъ какъ проценты съ капитала вдвое превышаютъ сумму, ассигнованную на пенсіи, то я предоставляю сыну моему, императору Николаю, рѣшить слѣдуетъ-ли удвоить размѣръ пенсій или увеличить число пансіонерокъ. Я не могла этого сдѣлать, поставивъ себѣ за правило не трогать процентовъ съ этого капитала.

III.

Мое недвижимое имущество состоитъ изъ Гатчинскаго дворца съ окрестными деревнями, коихъ списокъ я прилагаю при семъ; Павловскаго дворца съ деревнями Федоровской, Тярлево, Глазово, Липицы, Ново-Весь, Глинка, Этюпъ (d'Etupes), Виртембергской колоніи, и изъ денежной суммы, вырученной мною отъ уступки Красносельской земли, которая одна въ окрестностяхъ Петербурга удобна для маневровъ, и была уступлена мною 1-го января 1820 г. по взаимному соглашенію между императоромъ Александромъ и мною, и свѣдома сыновей моихъ Николая и Михаила; за это имѣнье въ 3,760 душъ императоръ Александръ назначилъ мнѣ три милліона рублей ассигнаціями, что составило въ государственныхъ облигаціяхъ три милліона двѣсти сорокъ три тысячи рублей. Такимъ образозъ эта сумма замѣняетъ въ моемъ имуществѣ Красносельскую землю. Изъ нея я получила въ два раза милліонъ двѣсти сорокъ три тысячи рублей на уплату моихъ долговъ; изъ остающихся двухъ милліоновъ, милліонъ пять сотъ тысячъ рублей помѣщены на вѣчное обращеніе, и ассигнованы

на содержаніе Павловска, слѣдовательно я могу располагать всего пятью стами тысячами. Такъ какъ великій князь Константинъ Павловичъ поселился навсегда въ Варшавѣ и не намѣренъ оставлять этого города, то въ знакъ моей любви къ нему, усилившейся еще болѣе при видѣ его примѣрнаго и доблестнаго поведенія, я оставляю ему капиталъ въ триста тысячъ рублей, процентами котораго онъ будетъ пользоваться пожизненно, и если супруга его, невѣстка моя, княгиня Ловичъ, столь достойная моей любви и уваженія къ своему несчастью, переживетъ его, то она также будетъ пользоваться процентами съ этого капитала. Предоставляю сыну моему Константину право завѣщать изъ этого капитала, по смерти его жены, сто тысячъ рублей по его личному усмотрѣнію; остальныя двѣсти тысячъ рублей перейдутъ въ вѣчное владѣніе къ великому князю Михаилу Павловичу; но онъ будетъ пользоваться лишь процентами съ этого капитала, который на тѣхъ же условіяхъ перейдетъ и къ его наслѣдникамъ. Ниже я упомяну какимъ образомъ употребить остальныя двѣсти тысячъ рублей, которыми я могу располагать.

IV.

Гатчинскій дворецъ, съ угодьями и живущими въ оныхъ тысячью тремя стами восьмидесятью крестьянами, оставляю въ вѣчное владѣніе сыну моему, императору Николаю и его потомкамъ мужскаго пола, сдѣлавъ временное завѣщаніе въ пользу старшаго въ его родѣ, т. е. въ пользу будущаго наслѣдника его [1]) но съ условіемъ, чтобы императоръ уплатилъ великому князю Константину Павловичу, который въ виду отсутствія своего не получитъ при раздѣлѣ земли, триста тысячъ рублей въ его полное и безотчетное распоряженіе, вслѣдствіе чего наслѣдство его дойдетъ до шести сотъ тысячъ рублей, не считая тѣхъ вещей, которыя я еще оставлю ему на память.

Въ случаѣ, если бы мужское потомство императора Николая, чего Боже сохрани, пресѣклось, то владѣніе это должно перейти къ наслѣднику мужскаго пола великаго князя Михаила Павловича.

---

[1]) Противъ этого мѣста рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны на полѣ отмѣчено: „Такъ какъ Господь благословилъ императора Николая вторымъ сыномъ, то въ случаѣ прекращенія (чего Боже упаси) мужской линіи великаго князя наслѣдника цесаревича, владѣніе Гатчиною переходитъ къ великому князю Константину Николаевичу или его потомкамъ мужскаго пола, а за отсутствіемъ ихъ къ мужскому потомству великаго князя Константина Павловича.

„Этотъ пунктъ прибавленъ 27 го ноября 1827 г.“

V.

Императору Николаю Павловичу я вмѣняю въ обязанность слѣдить затѣмъ, чтобы дворецъ, сады и паркъ, оранжереи, больница, богадѣльня, домъ призрѣнія слѣпыхъ, пріютъ для ихъ дѣтей и всѣ тѣ заведенія, какія будутъ еще основаны мною тамъ, однимъ словомъ, чтобы всѣ угодья этого прекраснаго имѣнья, содержались также хорошо, какъ въ настоящее время. Къ величайшему моему удовольствію мнѣ удалось окончательно образовать капиталы, поименованные въ прилагаемомъ при семъ спискѣ, на содержаніе домовъ для призрѣнія бѣдныхъ, слѣпыхъ и ихъ дѣтей; 5% съ большей части изъ нихъ идутъ уже на содержаніе вышеупомятутыхъ заведеній, а 6-й процентъ остается навсегда въ пользу воспитательнаго дома: съ меньшей части этихъ капиталовъ, всѣ 6% процентовъ идутъ на содержаніе самихъ заведеній. Семь тысячъ двѣсти рублей, выдаваемые мною на содержаніе лазарета воспитательнаго дома въ Гатчино, обезпечены за нимъ на вѣчныя времена капиталомъ, ассигнованнымъ мною на этотъ предметъ, съ котораго получаются ежегодно проценты и который поименованъ въ прилагаемомъ спискѣ.

VI.

Оставляю сыну моему великому князю Михаилу Павловичу Павловскій дворецъ съ прилежащими деревнями и 450 крестьянами, въ вѣчное и потомственное владѣніе его наслѣдникамъ мужскаго пола, сдѣлавъ временное завѣщаніе въ пользу старшаго въ его родѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ оставляю ему и милліонъ пять сотъ тысячъ рублей, помѣщенныхъ на вѣчное обращеніе для содержанія этого имѣнья. Если мужское потомство его угаснетъ, то имѣнье это и капиталы перейдутъ къ наслѣдникамъ мужскаго пола, младшей линіи его брата Николая, и такъ далѣе, по правиламъ законнаго наслѣдства. Въ случаѣ если бы одна изъ моихъ дочерей, овдовѣвъ, пожелала поселиться въ Россіи, то ей будетъ принадлежать пожизненно одинъ изъ Павловскихъ дворцовъ съ садомъ.

VII.

Послѣ моей смерти великій князь Михаилъ Павловичъ вступитъ во владѣніе Павловскомъ, съ условіемъ, чтобы дворецъ, сады, парки, оранжереи, госпитали, инвалидный домъ, заведеніе для инвалидовъ, именуемыхъ «собственные инвалиды» и прочія могущія впредь осно-

ваться заведенія, однимъ словомъ, чтобы всѣ угодья этого прекраснаго имѣнья содержались хорошо и въ томъ же видѣ какъ въ настоящее время. Такъ какъ въ домѣ «собственныхъ инвалидовъ» помѣщаются лишь инвалиды изъ гвардейцевъ, участвовавшихъ въ кампаніи 1812 г., то заведеніе это закроется, когда не будетъ уже кѣмъ комплектовать его. Если ботаническая коллекція стѣснитъ великаго князя Михаила Павловича, то онъ можетъ оставить то, что ему понравится и что необходимо для украшенія сада цвѣтами, а всѣ прочія растенія можетъ подарить отъ моего имени прекрасному Ботаническому саду, находящемуся въ Петербургѣ. Я желаю, чтобы домъ «церковныхъ» инвалидовъ сохранился въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ находится нынѣ. На содержаніе этого заведенія идутъ 5% съ капитала, поименованнаго мною въ прилагаемомъ спискѣ, и помѣщеннаго на этотъ предметъ на вѣчное обращеніе въ кассу воспитательнаго дома; 6-й процентъ съ капитала идетъ по обыкновенію въ пользу воспитательнаго дома.

VIII.

По вскрытіи завѣщанія будетъ приказано сдѣлать подробный инвентарь моимъ двумъ дворцамъ и имѣньямъ и находящемуся въ нихъ движимому и недвижимому имуществу, который и будетъ врученъ моимъ двумъ сыновьямъ: Николаю и Михаилу. Ничто изъ движимаго имущества не можетъ быть продано помимо тѣхъ вещей, которыя будутъ распредѣлены мною лично. Тѣ изъ вещей, какія попортятся или сломаются отъ времени, должны быть замѣнены новыми тѣмъ лицомъ, къ которому перейдетъ имущество. Поручаю моимъ сыновьямъ заботиться о благосостояніи людей, служащихъ у меня въ этихъ двухъ имѣньяхъ, и прошу не оставить ихъ на старости лѣтъ. Прошу также моихъ сыновей заботиться о благосостояніи моихъ добрыхъ крестьянъ, и прошу не увеличивать ихъ повинностей.

IX.

Моя корона принадлежитъ государю. Всѣ же прочіе бриллiанты мои, жемчуги и драгоцѣнные камни, подаренные мнѣ покойной государыней и покойнымъ императоромъ Павломъ, а равно и пріобрѣтенные мною лично, исключая тѣхъ, которые будутъ распредѣлены мною по завѣщанію, должны быть въ точности оцѣнены по моей смерти, и затѣмъ раздѣлены на четыре равныя части, изъ коихъ

двѣ части принадлежатъ дѣтямъ моихъ дочерей Елены и Екатерины, которыя наслѣдуютъ послѣ своихъ матерей, а остальныя двѣ части моимъ дочерямъ Маріи и Аннѣ. Все то, что придется на долю моимъ внучатамъ, принцамъ Мекленбургскимъ, Ольденбургскимъ и Виртембергскимъ, должно быть продано, а деньги, вырученныя съ каждой части, слѣдуетъ раздѣлить поровну между наслѣдниками, а именно: часть, принадлежащую моей дочери Еленѣ на двѣ части, а часть дочери моей Екатерины на четыре части, и помѣщены въ кассу воспитательнаго дома: проценты будутъ присоединяться къ капиталу до совершеннолѣтія принцевъ и замужества принцесъ; достигнувъ же совершеннолѣтія и вступивъ въ бракъ, они будутъ пользоваться процентами съ этихъ денегъ, но самые капиталы останутся на вѣчное обращеніе въ Россіи. Въ случаѣ смерти одного изъ этихъ дѣтей, братья и сестры его наслѣдуютъ его часть на тѣхъ же условіяхъ. Если бы всѣ дѣти той или другой дочери умерли, не оставивъ потомства, то капиталы эти будутъ раздѣлены поровну между сыновьями моими Константиномъ и Михаиломъ и моими дочерьми, или за смерью ихъ, между дѣтьми, рожденными отъ ихъ браковъ, но съ условіемъ, чтобы капиталы находились постоянно въ кассѣ воспитательнаго дома, а наслѣдники пользовались бы только процентами съ нихъ; въ случаѣ смерти кого либо изъ нихъ, его часть будетъ дѣлиться поровну между остающимися, причемъ капиталъ всегда остается неприкосновеннымъ. Я желала бы, чтобы императоръ Николай и великій князь Михаилъ Павловичъ купили для своихъ супругъ бриллiанты, достающіеся на долю моимъ дочерямъ Еленѣ и Екатеринѣ, и поэтому желала бы, чтобы на долю великихъ княгинь Елены и Екатерины Павловны пришлись, по мѣрѣ возможности, мой сапфировый и бирюзовый уборы и моя діадема изъ колосьевъ, а изъ остальныхъ двухъ частей, достающихся моимъ дочерямъ Маріи и Аннѣ, каждая закрѣплена временнымъ завѣщаніемъ за той линіей, которой она принадлежитъ; они не могутъ быть ни проданы, ни подарены и перейдутъ по кончинѣ ихъ старшему принцу, а за отсутствіемъ его, старшей принцессѣ ихъ дома, причемъ допускается, разумѣется, дѣлать измѣненія въ формѣ и фасонѣ ихъ, по личному усмотрѣнію. Съ пресѣченіемъ какой нибудь линіи, часть, принадлежащая ей, будетъ раздѣлена на три равныя части, которыя достанутся наслѣдникамъ прочихъ сестеръ и поступятъ точно также къ старшему въ каждомъ родѣ. По пресѣченіи одной изъ этихъ трехъ линій, часть ея достанется двумъ остальнымъ и, наконецъ, по смерти всѣхъ наслѣдниковъ всѣхъ моихъ дочерей, мои бриллiанты достанутся, на тѣхъ же условіяхъ, законнымъ наслѣдникамъ моихъ сыновей.

X.

Такъ какъ возлюбленная дочь моя, великая княгиня Марія Павловна, далеко не такъ богата какъ ея младшія сестры, то я съ особеннымъ удовольствіемъ оставляю ей двѣсти тысячъ рублей государственными облигаціями изъ того капитала, которымъ я могу еще располагать и который долженъ находиться впредь, какъ и нынѣ, въ Россіи; дочь моя будетъ пользоваться пожизненно шестью процентами съ этой суммы, точно также какъ послѣ ея смерти, ея супругъ, если онъ къ своему несчастью переживетъ ее, а затѣмъ капиталъ этотъ перейдетъ по наслѣдству къ великому князю Михаилу Павловичу, который будетъ пользоваться процентами съ него; самый же капиталъ будетъ помѣщенъ на вѣчное обращеніе въ пользу его и его потомковъ.

XI.

Кромѣ всего, что я оставляю моимъ дѣтямъ въ видѣ недвижимаго имущества и бриллiантовъ, они припомнятъ, конечно, что я еще при жизни заботилась оставить имъ послѣ себя наслѣдство, и съ этой цѣлью съ 1797 г. ассигновала каждому изъ нихъ по двадцати тысячъ рублей изъ моихъ доходовъ; деньги эти, принадлежащіе моимъ тремъ сыновьямъ, Константину, Николаю и Михаилу, вносились сполна ассигнаціями въ кассу воспитательнаго дома, за исключеніемъ нѣкоторой суммы, пошедшей на нѣкоторыя уплаты, по желанію Константина Павловича; сыновья мои имѣютъ росписки на свои капиталы. Обстоятельства, вызванныя 1812, 1813 и 1814 гг., вынудили меня прекратить взносъ этихъ денегъ на имя великихъ князей Николая и Михаила, съ ноября и декабря мѣсяца 1812 г., до тѣхъ же мѣсяцевъ 1815 г., и я вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ, что узнавъ объ этомъ отъ меня, они вполнѣ раздѣляли мое мнѣніе, что при подобныхъ обстоятельствахъ, мои благодѣянія слѣдовало обратить преимущественно на тѣхъ, кто пострадалъ во время войны. Я желаю, чтобы великій князь Михаилъ пользовался лишь процентами съ этихъ денегъ, не трогая капиталовъ иначе какъ для пріобрѣтенія земель. Точно также съ 1797 г. я откладывала ежегодно по двадцати тысячъ рублей для моихъ дочерей, на покупку бриллiантовъ, до тѣхъ поръ, пока сумма эта не возрасла до цифры, опредѣленной на этотъ предметъ въ ихъ брачныхъ договорахъ; а затѣмъ, я вно-

сила подобную же сумму, ассигнаціями, въ кассу воспитательнаго дома, для дочерей моихъ Александры, Елены и Екатерины, до смерти ихъ, и до сихъ поръ имѣю счастье вносить ихъ на имя Маріи и Анны. Росписки на эти деньги находятся у моихъ дочерей и у наслѣдниковъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ я имѣла несчастье лишиться. Послѣ смерти дочери моей Александры, эрцгерцогъ Іосифъ пользуется пожизненно процентами съ шестидесяти тысячъ рублей, положенныхъ мною на ея имя: послѣ его смерти капиталъ этотъ слѣдуетъ раздѣлить поровну между моими дѣтьми.

XII.

Я желаю, чтобы каждый изъ моихъ дѣтей сдѣлалъ себѣ кольцо или перстень съ моими волосами и съ вырѣзаннымъ на немъ числомъ моей кончины. Надѣюсь, что они будутъ постоянно носить ихъ въ память горячо любившей ихъ матери.

XIII.

Образъ Пресвятой Богородицы, висящій возлѣ моей кровати и украшенный бирюзою, останется въ церкви, въ которой я буду погребена.

XIV.

Выдавая ежегодно изъ моей кассы извѣстныя суммы на содержаніе заведеній въ Гатчино и Павловскѣ и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій и заведеній, находящихся подъ моимъ вѣдѣніемъ, я пожелала обезпечить за ними тотъ же доходъ навсегда и послѣ моей смерти, ассигновавъ капиталы, проценты съ коихъ соотвѣтствовали бы этимъ ежегоднымъ затратамъ. Хотя событія 1812, 1813 и 1814 гг. съ ихъ послѣдствіями, а равно и бывшее наводненіе прервали на время образованіе этихъ капиталовъ, однако къ своему удовольствію мнѣ удалось образовать ихъ почти всѣ, по прилагаемому при семъ спискѣ. Если бы по моей смерти осталось еще произвести нѣкоторыя уплаты, обозначенныя въ прилагаемомъ спискѣ, то я прошу возлюбленнаго сына моего, императора Николая, окончить то дѣло, которое смерть помѣшаетъ мнѣ довершить; съ этою просьбою я обращаюсь къ нему съ полнымъ довѣріемъ и надеждою любящей матери.

XV.

Я вполнѣ увѣрена, что императоръ ввѣритъ управленіе общиною, (Смольн. монастырь) вмѣсто меня любезной невѣсткѣ моей, императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и утѣшаю себя надеждою, что это прекрасное учрежденіе, которому я посвящала столько заботъ и вниманія, коихъ оно вполнѣ достойно, встрѣтитъ и въ лицѣ императрицы Александры Ѳеодоровны самую преданную и дѣятельную покровительницу. Тѣ пятнадцать тысячъ рублей, которыя я даю ежегодно этому заведенію, обезпечены ему на вѣчныя времена, какъ видно изъ прилагаемаго списка и по распоряженіямъ, сдѣланнымъ мною въ то время, когда община была ввѣрена мнѣ моимъ супругомъ, императоромъ Павломъ. Благодарю членовъ совѣта за ихъ дѣятельное и внимательное отношеніе къ этому заведенію, а равно и къ Екатерининскому институту и вполнѣ увѣрена, что они и впредь будутъ точно также слѣдить за ихъ благосостояніемъ. Съ такою же искренною благодарностью и съ такою же просьбою обращаюсь я и къ членамъ совѣта, завѣдующаго Екатерининскимъ и Александровскимъ институтами въ Москвѣ.

XVI.

Надѣюсь, что императоръ пожелаетъ также ввѣрить попеченію императрицы Александры Ѳеодоровны оба Екатерининскіе института и Александровскій институтъ, въ которыхъ я принимаю столь живое участіе. Суммы, выдаваемыя мною ежегодно на эти заведенія, обезпечены за ними, какъ видно изъ прилагаемаго списка, на вѣчныя времена.

XVII.

Было бы весьма желательно, чтобы Сиротскій институтъ, учрежденный для дочерей лицъ военнаго званія, былъ также подчиненъ вѣдѣнію императрицы, ибо возлюбленная моя невѣстка также принимаетъ въ немъ большое участіе. Денежная сумма, выдаваемая мною ежегодно этому заведенію, обезпечена за нимъ навсегда, точно также какъ и за Харьковскимъ институтомъ. Я желала бы, чтобы и этотъ послѣдній пользовался также покровительствомъ императрицы, также какъ и Симферопольская больница (hospice), за которой я также обезпечила навсегда ту сумму, какую я выдаю ей ежегодно, какъ значится въ спискѣ.

XVIII.

Поручаю милостивому вниманію императора школы для дочерей солдатъ гвардіи; было бы также желательно, чтобы и эти школы состояли подъ покровительствомъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Я обезпечила за ними навсегда тѣ деньги, которыя я выдаю имъ ежегодно.

XIX.

Поручаю отеческимъ заботамъ императора моихъ пансіонерокъ въ различныхъ институтахъ и прошу его продолжать плату за ихъ ученіе, чтобы онѣ могли окончить образованіе въ случаѣ, если мнѣ не удастся исполнить моего намѣренія и составить для этой цѣли особый капиталъ. Какъ видно по прилагаемому списку, я образую капиталъ для содержанія постоянно извѣстнаго числа пансіонерокъ, согласно примѣчанію, сдѣланному къ этому списку.

XX.

Я надѣюсь и желаю также, чтобы императоръ ввѣрилъ попеченію возлюбленной невѣстки моей, императрицы Александры Ѳеодоровны, воспитательные дома въ Москвѣ, Петербургѣ и Гатчинѣ со всѣми принадлежащими къ нимъ заведеніями и колоніями и чтобы Александро-Невская мануфактура (la manufacture d'Alexandrofsky) находилась подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицы. Эти заведенія чрезвычайно нуждаются въ дѣятельномъ и могущественномъ покровителѣ и въ милостивомъ надзорѣ, такъ какъ необходимо приготовить къ честной жизни дѣтей, рожденныхъ большею частью въ порокѣ; моею постоянною заботою было выростить ихъ, вести ихъ къ добру и сдѣлать полезными государству.

Я убѣждена, что тѣ же чувства будутъ руководить императрицею и что она отнесется къ этому дѣлу съ тѣмъ вниманіемъ, которое такъ важно для него и которое внушается любовью. Поручаю особенному вниманію основанный мною при нихъ институтъ для гувернанокъ, который обѣщаетъ такъ много и можетъ принести большую пользу Россіи. Благодарю всѣхъ лицъ, служившихъ подъ моимъ начальствомъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ

Москвѣ, за выказанныя ими усердіе и доброжелательство и прошу ихъ не забывать того, что̀ я неоднократно повторяла имъ, именно, что нами должно руководить лишь желаніе исполнить во всѣхъ отношеніяхъ наши обязанности, не отклоняясь отнюдь съ яснаго и непреложнаго пути, указаннаго нашими уставами; охраняя привилегіи этого заведенія, стараясь по мѣрѣ силъ охранить дѣтство, возбудить по возможности материнское чувство, помочь вдовамъ и сиротамъ и нуждающемуся бѣдняку, мы этимъ исполнимъ истинный долгъ милосердія, великимъ примѣромъ котораго служитъ намъ Спаситель и который мы отождествляемъ съ тѣмъ принципомъ, на коемъ основано это заведеніе, говоря, что этотъ домъ основанъ на благодѣяніи; тогда никакой трудъ не будетъ намъ въ тягость и не покажется намъ унизительнымъ.

Прошу любезнаго сына моего, императора Николая, не прекращать выдачи того жалованья, которое я выдавала людямъ, служащимъ въ этихъ заведеніяхъ.

XXI.

Прошу также императора отдать подъ покровительство императрицы Павловскій госпиталь (l'hôpital Paul). Пожертвовавъ въ пользу госпиталя извѣстную сумму, я тѣмъ самымъ обезпечила за нимъ доходъ, равный той суммѣ, какую я выдавала ему ежегодно.

XXII.

Прошу всѣхъ моихъ дѣтей, находящихся здѣсь и за границей, при пріѣздѣ ихъ въ Россію часто бывать въ городскихъ больницахъ (l'hôpital des pauvres), находящихся въ Петербургѣ и Москвѣ и, войдя въ церковь, помолиться за упокой души ихъ отца и матери, ихъ прекраснаго брата и всѣхъ дорогихъ нашихъ родныхъ; также прошу ихъ никогда не приходить туда съ пустыми руками. Каждое посѣщеніе больницы сблизитъ ихъ съ матерью, которая вновь пошлетъ имъ свое благословеніе.

XXIII.

Прошу императора отдать подъ покровительство императрицы здѣшнее ремесленное училище (l'institut de commerce), зависящее отъ воспитательнаго дома. Сумма выдаваемая мною ежегодно этому заведенію, обезпечена за нимъ навсегда, какъ видно по прилагаемому при семъ списку. Благодарю членовъ совѣта за ихъ усердіе и прошу

ихъ впредь также заботиться объ этомъ училищѣ. Благодарю совѣтъ московскаго училища за его усердіе и преданность ко мнѣ. Какъ видно изъ прилагаемаго списка, я сочла долгомъ обезпечить навсегда за училищемъ ту сумму, которую я выдавала ему ежегодно. Горячее участіе, принимаемое мною въ этомъ прекрасномъ учрежденіи, заставляетъ меня желать, чтобы оно находилось подъ покровительствомъ императрицы.

XXIV.

Убѣдительно прошу сына моего, императора Николая, не оставить своимъ участіемъ зятя моего, великаго герцога Голштейнскаго и дорогихъ нашихъ сиротъ Ольденбургскихъ и дѣтей Августа: ему извѣстно, какъ они всѣ дороги мнѣ.

XXV.

Тысячу разъ повторяю здѣсь нашей достойной и дорогой княгинѣ Ливенъ мою живѣйшую признательность за ея службу и расположеніе ко мнѣ и прошу императора выплачивать ей пожизненно пенсію, ассигнованную мною, равно какъ и М-lle Нелидовой, которую я благодарю за ея дружбу и привязанность, и М-lle Дивовой, которую я также благодарю за ея усердную и многолѣтнюю службу.

XXVI.

Всѣ портреты покойной подруги моей Бенкендорфъ прошу раздѣлить между ея дѣтьми, за исключеніемъ миніатюрнаго портрета, который я завѣщаю сыну ея Константину, болѣе всѣхъ напоминающему мнѣ мать. Я исполнила обязанности матери относительно дѣтей этого достойнаго и добраго друга моего, давъ имъ всѣмъ воспитаніе, позаботившись о приданомъ дочерей, и сверхъ того помѣстила въ кассу воспитательнаго дома капиталы на имя всѣхъ четырехъ дѣтей. Капиталы ихъ должны были быть равны, но такъ какъ сынъ Александръ и дочь Марія находились въ большихъ денежныхъ затрудненіяхъ, то бо̀льшая часть ихъ капиталовъ пошла на то, чтобы выручить ихъ. Капиталы эти перечислены въ прилагаемомъ спискѣ. Я желала, чтобы императоръ дозволилъ Новосильцеву пополнить сумму, взятую уже

Александромъ Бенкендорфомъ до мая мѣсяца 1821 г., въ виду того, что онъ ведетъ себя прекрасно и императоръ доволенъ его службою: капиталъ долженъ быть помѣщенъ на его имя въ кассу воспитательнаго дома. Послѣ моей смерти они вступятъ во владѣніе своими капиталами, но будутъ пользоваться лишь 5% съ нихъ, а самые капиталы должны находиться на вѣчномъ обращеніи въ кассѣ воспитательнаго дома; однако это отнюдь не лишаетъ ихъ права завѣщать пользованіе этими процентами въ пользу своихъ наслѣдниковъ. Часть того изъ сыновей или той изъ дочерей, которая умретъ бездѣтною, должна быть раздѣлена между остающимися братьями и сестрами. Я разрѣшаю имъ однако потребовать самый капиталъ въ случаѣ, если-бы они пожелали купить имѣнье, но съ тѣмъ, чтобы они не имѣли права ни продать, ни подарить его. Это условіе должно быть объявлено послѣ моей смерти совѣту воспитательнаго дома, когда будутъ выданы росписки четыремъ Бенкендорфамъ съ подобной оговоркой. Прошу императора не оставить своимъ покровительствомъ дѣтей женщины, бывшей моимъ искреннимъ другомъ и память которой будетъ всегда мнѣ дорога.

XXVII.

Осмѣливаюсь просить императора за добрую, достойную и почтенную Адлербергъ, которой я весьма довольна и прошу его не оставить ее своими милостями въ благодарность за ея попеченія о дворянствѣ имперіи. Точно также прошу императора не оставить и г-жу Кремпину, которою я чрезвычайно довольна, а равно и г-жъ Ставицкую, Литинскую, Наймановскую и наконецъ г-жу Пѣвцову, которой я надѣюсь быть вполнѣ довольной, хотя она и поступила ко мнѣ недавно. Къ этому присовокупляю еще просьбу о г-жѣ Меллартъ, въ виду ея преклонныхъ лѣтъ и долголѣтней службы.

XXVIII.

Прошу императора не оставить своей милостью и покровительствомъ вдову Гревеницъ съ дѣтьми и продолжить ей выдаваемую мною пенсію, равно какъ и вдовѣ добраго старичка генерала Ребинбера.

XXIX.

Прошу любезнаго сына моего, императора Николая, сохранить доброму, достойному и почтенному генералу графу Ламсдорфу пожиз-

венно и нераздѣльно съ женою ту пенсію, которую я ему выдаю; точно также прошу сохранить пенсіи Муханову и Албедилу (Albedyll) въ знакъ моего расположенія и благодарности за ихъ вѣрную службу.

XXX.

Рекомендую любезному сыну моему, императору, моего добраго и достойнаго Виламова, которымъ я вполнѣ довольна какъ человѣкомъ рѣдкой честности и усердія. Онъ не имѣетъ никакого состоянія и служитъ у меня уже 25 лѣтъ. Умоляю сына моего позаботиться о его благосостояніи и дать ему отъ моего имени двадцать пять тысячъ рублей въ видѣ вознагражденія.

Прошу также императора сохранить то жалованье и тѣ награды (émoluments), какія онъ получаетъ отъ меня, и ассигновать его женѣ шесть тысячъ руб. пенсіи, если бы она пережила его.

Прошу императора сохранить за г. Вольфомъ ту пенсію, какую онъ получаетъ отъ меня.

Рекомендую въ особенности императору г. Новосильцева, какъ человѣка прекраснаго и усерднаго, которымъ я не могу достаточно нахвалиться.

Прошу императора подарить ему отъ моего имени двѣнадцать тысячъ рубл. съ сохраненіемъ его жалованья, а въ случаѣ его смерти, позаботиться о его вдовѣ, назначивъ ей пенсію въ четыре тысячи рублей.

Точно также прошу императора обратить особенно милостивое вниманіе на князя Хилкова, какъ на человѣка въ высшей степени честнаго, который служитъ при мнѣ уже полтора года; прошу подарить ему отъ моего имени шесть тысячъ рубл. съ сохраненіемъ его жалованья; половину его жалованья прошу назначить въ пенсію его женѣ, если она, къ своему несчастью, переживетъ его [1]).

Прошу императора наградить чиновниковъ моей канцеляріи, пожаловавъ имъ награды или пенсіи, смотря по сроку ихъ службы (пунктъ, касавшійся Фалло, зачеркнутъ) [2]).

---

[1]) Противъ этого мѣста, на полѣ, рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны замѣчено: „Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года князь Хилковъ, по причинѣ разстроеннаго здоровья, оставилъ службу при мнѣ, получивъ награду отъ императора и отъ меня. Прошу сына моего, въ случаѣ смерти князя, назначить женѣ его половину той пенсіи, которую онъ получаетъ безъ меня. 21-го января 1827 г.“

[2]) Противъ этого мѣста, рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны написано на полѣ: „Фалло скончался въ январѣ нынѣшняго 1827 г.“

XXXI.

Прошу также императора дать отъ моего имени генералу Фредерици (Frèderici), въ видѣ награды, десять тысячъ рубл. и полковнику Стенгеру шесть тысячъ рубл, и благодарю ихъ за ихъ усердіе и преданность.

XXXII.

Благодарю г. Рюля (Ruhl) за его усердіе и за то, что онъ постоянно такъ хорошо лечилъ меня. Прошу императора даровать ему въ видѣ награды двѣнадцать тысячъ рублей и сохранить за нимъ въ видѣ пенсіи то жалованье, которое онъ получаетъ отъ меня. Прошу императора и великаго князя Михаила Павловича не лишить его своихъ милостей, какъ человѣка въ высшей степени достойнаго и добросовѣстнаго. Прошу моего добраго, достойнаго Руля позаботиться о моихъ заведеніяхъ.

XXXIII.

Благодарю г. Шторха за его усердное попеченіе объ институтахъ и прошу его дѣйствовать и впредь въ томъ же духѣ. Прошу императора сохранить за нимъ его настоящее жалованье.

XXXIV.

Умоляю сына моего, императора Николая, пожаловать отъ моего имени двѣнадцать тысячъ рублей дѣвицѣ Чихачевой, воспитанницѣ общины, какъ сиротѣ, которую поручила мнѣ на смертномъ одрѣ ея мать, воспитывавшаяся также въ общинѣ [1].

---

[1] Противъ этого мѣста, на полѣ, рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны написано: „Она получила отъ меня эту сумму въ приданое 21-го ноября нынѣшняго года“.

XXXV.

Убѣдительно прошу любезнаго сына моего, императора Николая, наградить всѣхъ личныхъ моихъ прислугъ и обратить имъ содержаніе въ пенсіи: я чрезвычайно довольна ими и въ особенности прошу его позаботиться о тѣхъ, которые долѣе служили у меня. Особенно прошу императора обратить свое милостивое вниманіе изъ моей женской прислуги на Пильникову и Яковлеву, которыхъ я искренно полюбила за ихъ многолѣтнюю вѣрную службу. Не могу также достаточно нахвалиться обѣими Брызгаловыми, служившими все время прекрасно, точно также какъ и Чернышевой, какъ не безъизвѣстно императору, поэтому прошу его не лишить и ихъ его милостей. Я также весьма довольна службою Кеннеди, моихъ горничныхъ Ивановой и Ярославцевой и Прасковьей Семеновой [1]), которая, состоя у меня на службѣ съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала въ Россію, считается все время моей горничной, не исполняя этихъ обязанностей. Наконецъ я также довольна Строцкой, Дицповой, Дицъ, Коноваловой и Воронцовой и моими швеями, и прошу императора не оставить ихъ всѣхъ своимъ покровительствомъ и своими милостями. Вообще я желаю и убѣдительно прошу императора, чтобы онѣ были обезпечены и вознаграждены за ихъ вѣрную службу. Я предоставляю вполнѣ императору позаботиться объ нихъ и благодарю ихъ всѣхъ за усердную службу. Такъ какъ всѣ онѣ любятъ Павловскъ, то я прошу любезнаго сына моего, великаго князя Михаила Павловича, дозволить имъ проводить тамъ лѣто, если онѣ того пожелаютъ, и дать имъ помѣщеніе.

Мое бѣлье, кружева и блонды, бывшіе ежедневно въ употребленіи, однимъ словомъ все то, что я носила, прошу раздѣлить моимъ горничнымъ, которыя подѣлятъ также между собою мои простыя платья, шелковыя и кисейныя, такимъ образомъ, чтобы Пильникова, Яковлева, Кеннеди, обѣ Брызгаловы и Чернышева получили вдвое больше противъ другихъ. Кромѣ того я дарю Пильниковой и Яковлевой изъ моего гардероба каждой по шести платьевъ по ихъ выбору и по шести кусковъ матеріи. (Вычеркнутъ пунктъ, касающійся Прасковьи Семеновой) [2]). Все остальное прошу раздѣлить между всей моей женской

---

[1]) Противъ этого мѣста, на полѣ, рукою императрицы Маріи Θеодоровны написано: „моя горничная Прасковья Семенова недавно умерла".

[2]) Противъ этого мѣста, на полѣ, рукою императрицы Маріи Θеодоровны написано: „Она умерла".

прислугой (включая и тѣхъ, которыя получатъ вышеупомянутые подарки) такимъ образомъ, чтобы M-lle Кеннеди и горничныя получили вдвое больше противъ швей и дѣвицъ, смотрѣвшихъ за моимъ гардеробомъ. Кромѣ того я оставляю нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей для раздачи каждой изъ моихъ женскихъ прислугъ; всѣ эти вещицы будутъ поименованы въ особомъ спискѣ.

XXXVI.

Я чрезвычайно желала бы оставить что нибудь въ знакъ моего благоволенія всѣмъ лицамъ, служившимъ лично при мнѣ, и прошу любезнаго сына моего, императора Николая, разрѣшить Новосильцеву выдать отъ моего имени: Пильниковой и Яковлевой, которыя болѣе всѣхъ ходили за мной, обѣимъ по десяти тысячъ рубл., какъ женщинамъ, служившимъ у меня долѣе всѣхъ.

Гримму восемь тысячъ, Шалину семь тысячъ, также какъ и Матвѣю Петрову; Кайзеру и Ярославцеву по четыре тысячи каждому, Сафонову три тысячи, помощнику смотрителя за гардеробной (l'aide de garde-robe) Праену двѣ тысячи (пунктъ, касающійся Прасковьи Семеновой, зачеркнутъ) [1]).

Обѣимъ Брызгаловымъ выдать также семь тысячъ руб. и не засчитывать имъ всѣмъ этихъ денегъ въ приданое.

M-lle Кеннеди восемь тысячъ, Чернышевой семь тысячъ, горничной Ивановой пять тысячъ, Ярославцевой четыре тысячи и постолько же обѣимъ дѣвицамъ, смотрѣвшимъ за гардеробомъ, Строцкой и Христоповой, которыя давно уже служатъ при мнѣ; Дицъ, Коноваловой и Вороновой по три тысячи, швеѣ Дарьѣ Васильевой двѣ тысячи пятьсотъ р. и полторы или двѣ тысячи Викторовой.

Также прошу императора не оставить своею милостью преданныхъ мнѣ Ивашенкова и Васенкова и прошу разрѣшить Новосильцеву выдать каждому изъ нихъ по три тысячи рублей; Васильеву и Мартынову каждому по двѣ тысячи, Окулову и Познякову по полторы тысячи, и прочимъ гусарамъ и казакамъ по тысячи рублей.

Наконецъ прошу императора дозволить раздать пятьдесятъ тысячъ рублей помощникамъ смотрителей за гардеробной (les aides de garde-robe), лакеямъ, служившимъ мнѣ (les gens de livrée de mes chambres), придворнымъ чиновникамъ, составляющимъ мой штатъ, и дворцовой

---

[1]) Противъ этого мѣста, на полѣ, рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны написано: „Какъ я замѣтила выше, она уже умерла“.

прислугѣ въ Павловскѣ и Гатчинѣ, принадлежащей лично мнѣ, и наконецъ прошу подарить часы или табакерку нѣкоторымъ старымъ чиновникамъ или офицерамъ, служащимъ при Павловскомъ дворцѣ, съ самаго основанія его, а равно и нѣкоторымъ старикамъ, служащимъ въ Гатчинѣ. Также прошу императора дать его разрѣшеніе на раздачу пятнадцати тысячъ рубл. чиновникамъ и всѣмъ вообще служащимъ при моихъ конюшняхъ.

XXXVII.

Купивъ у наслѣдниковъ покойнаго камердинера моего Бендерскаго домъ, принадлежавшій ему въ г. Павловскѣ, я оставляю его послѣ моей смерти его сыну Константину Бендерскому, если онъ пожелаетъ владѣть имъ; въ противномъ же случаѣ я желаю, чтобы ему были выданы шесть тысячъ рублей, заплоченные мною за этотъ домъ.

Молодому Очаковскому, крестнику покойнаго мужа моего, оставляю также шесть тысячъ руб., которые будутъ положены на его имя въ кассу воспитательнаго дома и прошу императора и моихъ дѣтей не оставить его своими милостями.

Также убѣдительно прошу любезнаго сына моего императора Николая, разрѣшить выдать три тысячи рубл. наслѣдникамъ покойнаго духовника моего Памфилова (Pamphyle) и драгоцѣнный крестъ нынѣшнему духовнику моему, котораго я очень уважаю: я желала бы, чтобы ему сохранили то жалованье, которое онъ получаетъ отъ меня.

XXXVIII.

Убѣдительно прошу любезнаго сына моего императора Николая, выдать, послѣ моей смерти, еще за полгода ту сумму, которую я получаю, съ тѣмъ, чтобы эти деньги пошли на указанные мною награды и подарки, а пятьдесятъ тысячъ изъ этой суммы прошу раздать бѣднымъ въ Петербургѣ и Москвѣ, поручивъ произвести эту раздачу, подъ надзоромъ князя Александра Голицына, въ Петербургѣ митрополиту, гг. Виламову и Новосильцеву, а въ Москвѣ митрополиту и князю Сергѣю Голицыну.

XXXIX.

Списокъ пенсій, выдаваемыхъ мною ежегодно, находится въ рукахъ Новосильцева, но я вполнѣ полагаюсь въ этомъ отношеніи на добрую волю и щедрость императора и прошу его не прекращать лишь слѣ-

дующія пенсіи: всѣмъ кавалерамъ (cavaliers) великихъ князей Николая и Михаила; вдовѣ генерала Ахвердова и г-жѣ Глинкѣ; вдовѣ Віолье, сына которой я также прошу императора не лишить его милости и прошу его разрѣшить мнѣ положить на его имя шесть тысячъ рублей; дѣтямъ Дюпона; вдовамъ обоихъ Бендерскихъ, Кюхельбекера, дѣтямъ бывшаго парикмахера моего Чистякова; вдовѣ Усова; вдовамъ лакеевъ Исаева, Штекмеца, Кирилѣ Тимофѣеву, камеръ-лакеевъ, лакеевъ и истопниковъ, служившихъ при мнѣ; вдовамъ помощниковъ, ѣздовыхъ и почталіоновъ; вдовамъ кафешенковъ (des caféshenks) Гунина, Каменщикова, гусара Найденова; вдовѣ дворецкаго Бергера, Бенуа, Семенова, камердинера покойнаго императора Павла Дюфура и дочерямъ умершаго камердинера моего Сидорова. Если бы, по несчастью, я позабыла кого нибудь изъ служившихъ у меня, то поручаю Новосильцеву напомнить объ нихъ императору.

Прошу императора обратить Крихтону въ пенсію то жалованье, которое онъ получаетъ отъ меня и самаго г. Крихтона благодарю еще разъ за всѣ его заботы и усердную службу, которой я не могу достаточно нахвалиться.

Убѣдительно прошу императора не лишать дочь бывшаго акушера моего Моренгейма той пенсіи, которую она получаетъ отъ меня.

Точно также убѣдительно прошу императора не прекращать пенсій, выдаваемыхъ мною четыремъ бывшимъ помощницамъ гувернантокъ моихъ дочерей.

Прошу императора разрѣшить мнѣ подарить три тысячи рублей моей бывшей горничной Воеводской, въ замужествѣ Кузьминской, и двѣ тысячи Бакаевой, рожденной Рытовой, а равно и Тышкевичевой, рожденной Рытовой.

Особенно прошу дѣтей моихъ не лишать своего покровительства семейство Дюваль, какъ людей въ полномъ смыслѣ прекрасныхъ.

XL.

Списокъ всѣхъ моихъ бумагъ находится у г. Виламова и я желаю, чтобы въ точности было исполнено то, что надписано на каждомъ пакетѣ, именно: подлежитъ ли онъ отсылкѣ или сожженію. Я желаю, чтобы пепелъ отъ писемъ моихъ родителей былъ положенъ со мною въ гробъ.

Для меня нѣтъ ничего драгоцѣннѣе въ мірѣ, какъ письма моего дорогаго и возлюбленнаго покойнаго императора Павла и дорогаго и

возлюбленнаго сына моего Александра. Надписи, сдѣланныя на каждомъ пакетѣ, указываютъ, какъ съ ними поступить. Письма покойнаго сына моего Александра, запечатанныя мною собственноручно и которыя я предполагала возвратить ему въ собственныя руки, прошу теперь сына моего Михаила сжечь, не распечатывая ихъ: точно также прошу сжечь и запечатанныя письма покойнаго императора Павла. Письма покойной императрицы Екатерины должны храниться въ моей библіотекѣ въ Павловскѣ, исключая нѣсколькихъ писемъ 1776 г., которыя я дарю Московскимъ архивамъ.

Всѣ мои шкатулки съ письмами и другими пакетами должны быть открыты моимъ сыномъ Михаиломъ, не иначе какъ въ присутствіи князя Волконскаго, князя Александра Голицына и г. Виламова, который вручитъ ему ключи отъ нихъ; съ его помощью они должны исполнить въ точности все то, что указано надписями, сдѣланными на пакетахъ.

XLI.

Прошу любезнаго сына моего, императора Николая, дать всѣмъ моимъ дѣтямъ копіи съ моего завѣщанія, а прочимъ лицамъ, упомянутымъ въ немъ, копіи со статей, относящихся до нихъ; но во всякомъ случаѣ я предоставляю себѣ до послѣдняго дня моей жизни право измѣнить различныя статьи этого завѣщанія, прибавить къ нему или вычеркнуть все то, что я найду нужнымъ по моему усмотрѣнію.

XLII.

Прошу дѣтей моихъ раздавать по моему примѣру милостыни, въ которыхъ имъ представятъ отчетъ гг. Виламовъ и Новосильцевъ ежегодно 11-го марта, 29-го іюня и 20-го сентября, а равно 30-го августа, 19-го ноября и 12-го декабря. Прошу ихъ всегда сливать молитву обо мнѣ съ воспоминаніемъ о ихъ почтенномъ отцѣ и о прекрасномъ ихъ братѣ. Прошу всѣхъ, кому я сдѣлала что нибудь добраго, поминать въ своихъ молитвахъ моего супруга и благодѣтеля, императора Павла, какъ человѣка, щедрости котораго я обязана тѣмъ, что имѣла возможность помогать нуждающимся.

XLIII.

Оканчивая настоящее завѣщаніе, скажу нѣсколько словъ о моемъ погребеніи. Прошу любезнаго сына моего, императора Николая, совершить его съ наименьшими издержками и предать тѣло мое землѣ какъ можно проще. Надѣюсь, что на мнѣ оставятъ крестъ, который я всегда носила, и медаліонъ съ волосами покойнаго мужа моего, моего Александра и другихъ дѣтей, которыхъ я имѣла несчастье лишиться, моихъ родителей, моихъ сестеръ и брата моего Карла; я очень желала бы быть погребенною между дорогимъ и возлюбленнымъ мною покойнымъ императоромъ и любимымъ изъ моихъ сыновей и даже, если возможно, желала бы, чтобы наши гроба находились въ одномъ склепѣ. Я бы желала, чтобы трауръ по мнѣ былъ по возможности менѣе обременителенъ, такъ какъ всякій лишній расходъ былъ бы мнѣ непріятенъ; деньги же, ассигнуемые на подобный случай, прошу сына моего употребить на дѣла благотворительности. Я желаю, чтобы память обо мнѣ не изгладилась изъ сердца моихъ дѣтей, доказательствомъ чего будетъ служить ихъ постоянная дружба и примѣрное уваженіе и покорность волѣ брата ихъ, императора Николая. Я желала бы также высказать здѣсь любезному моему сыну Константину, какъ я была довольна, могу даже сказать, тронута его прекраснымъ и благороднымъ поведеніемъ, и также желала бы высказать прочимъ моимъ дѣтямъ, какъ искренно я ихъ всѣхъ люблю. Прошу всѣхъ моихъ дорогихъ дѣтей перенести потерю ихъ матери съ тою христіанскою покорностью, какой требуетъ отъ насъ религія. Совѣтую всѣмъ дѣтямъ моимъ утѣшаться, вспоминая наши бесѣды съ дорогимъ нашимъ Александромъ, когда мы нерѣдко говорили, что смерть есть не болѣе какъ переходъ изъ временной жизни къ вѣчной жизни и вѣчному блаженству, котораго я надѣюсь достигнуть лишь по милосердію Господа и по заслугамъ и страданіямъ Господа нашего Іисуса Христа; съ вѣрою и надеждою лобызаю я святой крестъ Его и надѣюсь, что настанетъ день, когда мы снова на вѣки соединимся; тогда, павъ ницъ передъ престоломъ Всевышняго, я скажу ему: вотъ дѣти, утѣшавшіе меня въ жизни своими заботами, своею любовью и довѣріемъ, и особенно буду молить его за дорогаго Александра, который стоя на высшей ступени славы и величія, всегда былъ для меня лучшимъ, преданнѣйшимъ сыномъ и постоянно заботился о томъ, какъ бы усладить мнѣ жизнь. Слѣдуйте его примѣру, дорогіе и добрые дѣти мои, всѣ находящіеся здѣсь и въ отсутствіи. Съ искренней благодарностью высказываю вамъ, лю-

безный Николай, и вамъ, любезная Александра, мое удовольствіе по поводу того, что достигнувъ высшей степени власти, вы остались ко мнѣ также внимательны, также ласковы и своими постоянными заботами проливаете въ мою душу, по мѣрѣ силъ, свою долю утѣшенія, и дѣлаете жизнь мою пріятною и спокойною. Да ниспошлетъ Господь свое благословеніе на васъ, на дорогихъ дѣтей вашихъ и на государство, съ которымъ меня связываютъ самыя искреннія материнскія чувства. Дай Богъ, чтобы народъ нашъ былъ постоянно счастливъ, чтобы въ немъ сохранились старинные принципы любви и преданности и чтобы онъ постоянно шелъ по пути къ тому нравственному совершеству, которое, привязывая его къ Богу, къ церкви и къ монарху, дѣлаетъ его столь дорогимъ для насъ и столь почтеннымъ и достойнымъ въ глазахъ всего свѣта. Дай Богъ, чтобы я жила въ его воспоминаніи! Моей послѣдней мыслію будутъ мой сынъ, мой государь, всѣ мои добрые дѣти и нашъ дорогой народъ; объ нихъ будетъ моя послѣдняя молитва и имъ я пошлю мое послѣднее благословеніе. Сердце мое преисполнено любви, привязанности и благодарности, но если, по человѣческой слабости, я причинила кому бы то ни было огорченіе, то я прошу у тѣхъ людей, какъ у самаго Господа, прощенія и увѣряю ихъ, что была преисполнена лишь самыми искренними чувствами. Предаю душу мою Господу и прошу моихъ добрыхъ дѣтей, всѣхъ лицъ, благоволившихъ ко мнѣ и всѣхъ вѣрноподданныхъ сына моего, поминать меня въ своихъ молитвахъ.

Марія.

Въ Гатчинѣ, 1-го ноября 1826 г.

Съ согласія любезнаго сына моего, императора Николая, назначаю моими душеприкащиками: моего любезнаго сына Михаила, князя Волконскаго, князя Александра Голицына, гг. Виламова и Новосильцева.

Марія.

Въ С.-Петербургѣ, 27-го ноября 1827 г.

Я желаю еще разъ поблагодарить васъ, любезные Николай и Александра, за вашу любовь и за ваши заботы обо мнѣ. Уже годъ прошелъ съ тѣхъ поръ какъ мною написано настоящее завѣщаніе и въ этотъ годъ, каждый день я вновь благословляла васъ. Да вознаградитъ васъ Господь и дастъ онъ, чтобы дѣти ваши были для васъ такою же отрадою и такимъ же утѣшеніемъ, какъ вы были для меня. Боже мой, яви Свое милосердіе на моихъ возлюбленныхъ дѣтяхъ, будь ихъ заступникомъ, ниспошли на нихъ благодать святаго Твоего духа:

благослови начинанія возлюбленнаго императора нашего и помоги ему довести наше отечество до того благосостоянія, въ какомъ онъ желалъ бы видѣть его; устрани всякое зло отъ его августѣйшей особы, продли его царствованіе, даруй ему благополучіе, чтобы царствованіе его было эпохою благоденствія нашей Россіи.

Любезные дѣти, помолитесь за свою мать, которая молитъ Господа нашего Іисуса Христа о заступничествѣ и лобызаетъ святой крестъ Его съ вѣрою, любовію и надеждою.

Марія.

27 го ноября 1827 г.

ЗАПИСКИ НЕСЧАСТНАГО,

СОДЕРЖАЩІЯ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СИБИРЬ ПО КАНАТУ

въ 1827 — 1828 гг.

Глава IV [1]).

Пребываніе въ Уфѣ.

Нерѣдко тамъ найдешь любовь,
Гдѣ думалъ встрѣтиться со злобой.

На дворѣ у этапнаго командира тотчасъ сняли съ насъ желѣза. Только что мы освободились отъ прислужниковъ, которые суетились около нашихъ цѣпей, къ намъ подошли нѣсколько уфимскихъ дворянъ. Вѣжливо раскланявшись, они тотчасъ вступили съ нами въ разговоръ и старались показать живѣйшее участіе. Нѣкоторые изъ нихъ обратились съ просьбою къ этапному командиру: «нельзя ли намъ помочь деньгами и вещами». Въ этомъ не только отказано, но офицеръ тотчасъ громогласно приказалъ «разставить около насъ часовыхъ и никого не подпускать». Огорченные дворяне, немедленно простившись съ нами, удалились съ явнымъ неудовольствіемъ. Насъ, подъ прикрытіемъ шести человѣкъ рядовыхъ, отправили съ унтеръ-офицеромъ въ губернское правленіе. Во время этого перехода по городу, конвойные наши держали на руку, и вообще насъ вели какъ ужасныхъ разбойниковъ, такъ что намъ самимъ было болѣе смѣшно, нежели досадно.

До губернскаго правленія оставалось уже не далеко, какъ вдругъ поразило меня отчаянное восклицаніе: «Боже! мой Базиль!» — Я оглянулся въ ту сторону, откуда послышался этотъ нѣжный голосъ, и что же? Въ растворенномъ окнѣ я увидѣлъ мою невѣсту; старшая сестра отдернула ее. Это бы-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1881 годъ, томъ XXXII, (декабрь), стр. 763—804.

ло одно мгновеніе!—мгновеніе, которое произвело на меня самое сильное дѣйствіе. Тяжкой вздохъ вырвался изъ груди моей—слезы невольно вытиснулись изъ глазъ. Я страстно любилъ ее и былъ любимъ взаимно. Такъ еще недавно всѣ мечты мои о счастіи соединялись въ одной мысли обладать ею!.. Образъ ея овладѣлъ моимъ сердцемъ; всѣ обольстительные призраки прошедшаго столпились въ головѣ моей—я не помню какъ мы дошли.

Когда мы остановились, я увидѣлъ себя на дворѣ, предъ старымъ полуразрушеннымъ деревяннымъ одноэтажнымъ зданіемъ—это было губернское правленіе! Вскорѣ насъ ввели въ переднюю комнату. У дверей стоялъ инвалидной часовой, направо изразцовая печь, по обѣ стороны которой, около стѣны, стояли столы, накрытые одни зеленымъ, другіе краснымъ сукномъ, но такъ уже запятнаннымъ чернилами и запачканнымъ, что о цвѣтѣ едва дагадываться можно. На столахъ лежало множество, небрежно разбросанныхъ бумагъ: должность чернильницъ отправляли помадныя банки и отбитыя донышки бутылокъ и штофовъ, въ которыхъ торчали перья; бумажныя коробочки служили вмѣсто песочницъ, около нихъ лежали перочинные ножички разнаго вида и качества, огромныя обрѣзныя ножницы и веревочками скрѣпленные старые счеты. За каждымъ столомъ на исковерканныхъ стульяхъ, изувѣченныхъ скамьяхъ и ящикахъ, сидѣло по нѣскольку писарей и подъячихъ. Нѣкоторые изъ нихъ были довольно пристойно одѣты въ сюртукахъ, но другіе запачканы и съ ободранными локтями. На лѣво стоялъ огромной открытой ветхій шкафъ, заваленный пыльными дѣлами. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ, очень, можетъ быть, прилично валялись на грязномъ полу около шкафа. По стѣнамъ висѣли лохмотья изодранныхъ бумажныхъ шпалеръ, покрытыхъ пылью и паутиной.

Только что мы вошли въ дверь этого правительственнаго мѣста, всѣ писцы, мгновенно переставъ скрипѣть перьями, обратились къ намъ съ примѣтнымъ любопытствомъ. Одинъ заложилъ себѣ перо за ухо, другой взялъ въ зубы, иной держалъ въ рукѣ; но всѣ тотчасъ встали съ своихъ мѣстъ и обступили насъ. Первый вопросъ ихъ, въ нѣсколько голосовъ произнесенный, былъ: «Кто изъ васъ Z*?» — Таптиковъ, указавъ на него съ видомъ негодованія, сказалъ отрывисто: «Вотъ онъ!» Тогда всѣ они, обратясь къ нему, повторили вопросъ: «Такъ вы Z*!» — Съ какою-то театральною важностью, выступивъ впередъ и язвительно усмѣхаясь, онъ отвѣчалъ имъ: «что вамъ угодно? я къ вашимъ услугамъ!» Подъячіе оглядѣли его съ ногъ до головы, и тотчасъ отступили; одинъ изъ нихъ сказалъ: «ничего, намъ хотѣлось только узнать, что ты за звѣрь».—И здѣсь надобно отдать справедливость присутствію духа въ нашемъ предателѣ, если это не просто отсутствіе всякаго стыда и совѣсти: онъ нимало не смѣшался отъ такого пріема, ни покраснѣлъ, ни поблѣднѣлъ: но равнодушно, и съ какою-то сардоническою—болѣе дьявольскою—улыбкою озирался вокругъ. Онъ какъ бы

не замѣчалъ этого омерзенія къ себѣ самыхъ необразованныхъ людей, или точно успѣлъ убѣдить себя, что онъ выше всего этого.

Мы недолго ждали. Вынесли изъ присутствія какую-то бумагу, запечатали и отправили насъ съ нею въ градскую полицію. Здѣсь мы простояли съ полчаса на дворѣ и, подъ прикрытіемъ того же конвоя, отведены въ губернскій тюремный замокъ, сопровождаемые во все время любопытною толпою. Смотритель замка, подпоручикъ Крапивинъ,—имя его стóитъ быть упомянуто,—ввелъ насъ къ себѣ, и отобравъ наши чемоданы, объявилъ намъ, что можемъ приходить къ нему, если понадобится, вынуть какую нибудь вещь для употребленія. Въ обращеніи его примѣтна была вѣжливость и даже сострадание. Онъ приказалъ насъ отвести въ особо пріуготовленный нумеръ, въ одинъ изъ такъ называемыхъ пересыльныхъ.

Тюремный замокъ обнесенъ довольно высокою каменною стѣною. Чугунныя рѣшетчатыя ворота, со стороны города, составляютъ единственный входъ въ него. Надъ воротами—комнаты смотрителя; по правую сторону караульня, а по лѣвую арестантская для чиновниковъ. Внутри ограды выстроено продолговатымъ четыреугольникомъ двухъ-этажное, каменное зданіе, съ четырью высокими, круглыми башнями по угламъ. Каждый уголъ въ видѣ бастіона обнесенъ высокимъ тыномъ, отдѣляющимъ особые четыре небольшіе двора, въ которые входъ только изнутри зданія. Въ срединѣ самаго зданія, раздѣляющагося на двѣ половины, устроена церковь, въ которую съ двухъ противуположныхъ сторонъ, сходятся восемь корридоровъ, четыре внизу и столько же вверху. Въ этой церкви есть двѣ подъемныя двери, или лучше сказать, западни, чрезъ которыя опускаются въ два почти темные каземата. Слабый свѣтъ едва проникаетъ туда сквозь узкія, съ толстыми рѣшетками амбразуры, продѣланныя въ самомъ фундаментѣ. Запасливая подозрительность назначила эти могилы для секретныхъ государственныхъ арестантовъ. Подъ самою святынею, гдѣ долженствовала возноситься безкровная жертва въ воспоминаніе Заповѣдавшаго миръ, прощеніе и любовь,—указано «мѣсто для стенанія»! . . . . Планъ зданія утвержденъ въ 1820-хъ годахъ, окончено же оно въ 1826 г.

. . . .

. . . .

Въ нумерѣ, въ которой насъ помѣстили, не было никакой мебели; ее замѣняли двои широкія досчатыя нары, сдѣланныя съ обѣихъ сторонъ; такъ что между ними оставался едва самый узкой проходъ во всю длину комнаты. Хотя стѣны и круглый сводъ хорошо были выбѣлены и большія окна могли довольно пропускать свѣта, но какъ этотъ свѣтъ получали они съ одного изъ упомянутыхъ четырехъ двориковъ, высокимъ тыномъ огороженныхъ, то внутри было что-то очень мрачно. Разбираться намъ было не съ чѣмъ, мы расположились по бивуачному—на голыхъ доскахъ!

Въ Покровъ день и 2 октября, мы были въ церкви у обѣдни; насъ изумила прекрасная отдѣлка ея внутренности: все въ ней просто, но съ изящнымъ вкусомъ. Въ оба раза церковь была наполнена молящимися, которые пришли изъ города: входъ въ нее не запрещенъ. Вѣроятно это множество привлечено было желаніемъ насъ видѣть; по крайней мѣрѣ, во все продолженіе Божіей службы, любопытные взоры непрестанно обращались на насъ. Второй разъ, когда служба кончилась, вдругъ изъ толпы подошелъ ко мнѣ знакомый молодой человѣкъ, нѣкто Крутиковъ, котораго братъ служилъ у насъ въ полку полковымъ адъютантомъ. Обнимая меня, онъ шепнулъ, что имѣетъ ко мнѣ письмо, и тотчасъ искусно мнѣ его передалъ.

Выпросивъ позволеніе у офицера, онъ проводилъ меня въ нашъ нумеръ. Едва остались мы одни, какъ я поспѣшилъ трепещущею рукою вскрыть письмо: знакомый сердцу почеркъ на адресѣ сказалъ уже мнѣ, что оно отъ моей доброй Саши. Духъ занимался въ груди моей!—Я предчувствовалъ, что̀ могъ мнѣ сказать этотъ нѣжный неразлучный другъ дѣтства моего и юности; но содержаніе этого письма превзошло и самое ожиданіе. Она писала, что по отправленіи нашемъ, сильная горячка принудила ее слечь въ постель, и что она спѣшитъ воспользоваться первыми возвратившимися силами, чтобы доставить мнѣ утѣшеніе. «О, незабвенный другъ души моей! говорила она, позволь мнѣ, назвавшись твоею сестрою, идти пѣшкомъ въ Петербургъ и упасть къ ногамъ нашего государя; я буду просить, умолять его именемъ Бога: онъ услышитъ мои вопли и возвратитъ тебя объятіямъ сестры твоей, твоего друга... или позволь мнѣ укрыться въ какую либо уединенную обитель, гдѣ бы я могла, утопая въ слезахъ, моленіями своими умилостивить Всевышняго Царя, и испросить тебѣ избавленіе отъ бѣдствій. Посылаю тебѣ, продолжала она, тотъ самый локонъ, которымъ ты нѣкогда игралъ и любовался. Я давно хотѣла тебѣ его отрѣзать, но ты не соглашался тогда, теперь для кого я стану наряжаться и беречь его?—Прими его, мой единственный другъ, какъ залогъ вѣрной любви, какъ часть меня самой; можетъ быть, въ грустный часъ своего несчастнаго бытія, ты взглянешь на него, и вспомнишь о твоей сестрѣ; слеза твоя невольно на него канетъ: эта слеза отзовется въ моемъ сердцѣ...» Умолчу, что̀ я чувствовалъ при чтеніи этихъ словъ. Забывшись, я бросился на шею къ Крутикову, и рыдая просилъ написать ей, что вѣчно буду любить ее какъ сестру, какъ друга; но что заклинаю ее именемъ этой самой дружбы, не просить обо мнѣ никого, кромѣ Бога, которому молиться можно вездѣ и во всякой часъ; поэтому не нужно удаляться въ монастырь—и я былъ бы вдвое несчастливѣе, если бы она для меня оставила свѣтъ. Умолялъ, чтобы онъ не забылъ увѣрить ее, что мнѣ нѣтъ никакой возможности писать къ ней самому. Добрый Крутиковъ прослезился и далъ мнѣ честное слово выполнить

въ точности мою просьбу, тѣмъ болѣе, что надѣялся вскорѣ самъ быть въ Оренбургѣ. Мы разстались.

Въ этотъ же день приходили къ намъ многіе посѣтители, но упомяну только о тѣхъ, которые оказали особенное участіе. Изъ числа ихъ останется для насъ незабвеннымъ уфимской помѣщикъ Θедоръ Ивановичъ Лябинъ. Познакомившись съ нами по утру, онъ ввечеру привезъ къ намъ свою матушку, препочтенную старушку, лѣтъ 60-ти. Она вошла въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ, изъ которыхъ отличалась нарядомъ княжна Урусова. Старушка, увидя насъ, расплакалась, и мы, какъ умѣли, старались ее успокоить. Она непремѣнно требовала, чтобы мы сказали ей свои нужды, и какъ мы отозвались, что на этотъ разъ не имѣемъ никакихъ, она начала предлагать намъ и то и другое изъ вещей; но мы и то со всею вѣжливостью отклонили, изъявляя благодарность за участіе. Тогда она настояла, чтобы по крайней мѣрѣ во все пребываніе наше въ Уфѣ, мы получали отъ нее все, что нужно для нашего стола. Мы должны были уступить—и сдѣлали ей примѣтное удовольствіе.

Въ это время Z* подошелъ къ княжнѣ Урусовой и началъ говорить съ нею по французски; но она спросила тотчасъ его фамилію и какъ скоро услышала его отвѣтъ, взглянула на него величаво, указала на насъ и сказала что-то такое, послѣ чего и Z* наконецъ покраснѣлъ и отошелъ прочь.

Разставаясь съ нами почтенная старушка опять прослезилась. Надобно отдать ей всю справедливость: обѣщаніе свое она не только исполнила, но преисполнила, если можно такъ выразиться. Каждый день присылала не только вкусный завтракъ, обѣдъ и ужинъ, но и десертъ—яблоки и разные сухіе фрукты. Она и сынъ ея ежедневно по нѣскольку разъ насъ навѣщали; словомъ эти добрые люди, какъ родные, пеклись о насъ. Наше уваженіе, наша благодарность къ нимъ должны сохраниться въ сердцахъ нашихъ до послѣдней минуты.

3-го октября (1827 г.) насъ водили въ губернское правленіе — на смотръ губернатору, какъ намъ сказали сначала. И дѣйствительно, когда мы введены были въ ту же залу, въ которой были прежде, губернаторъ вышелъ къ намъ съ чопорною важностью. Въ рукахъ у него была золотая табакерка, украшенная бриліантами, и онъ тотчасъ повернулъ ее такъ, чтобы мы видѣли, что она не простая, но съ портретомъ покойнаго Государя Александра I. Похлопывая очень небрежно по табакеркѣ, онъ насъ спросилъ ломаннымъ русскимъ языкомъ о нашихъ фамиліяхъ, и потомъ велѣлъ насъ заковать. Тотчасъ же отвели насъ въ кузницу, гдѣ и надѣли кандалы, которыя намъ показались очень легкими. Кузнецы намъ сказали, что по приказанію самаго губернатора, выбраны такія. Мы сперва этому порадовались; но какъ ошиблись! Желѣзы эти были однозвенные, и

потому такъ неловки, что мы едва могли переступать въ нихъ и послѣ онѣ въ кровь изрѣзали намъ ноги: вотъ и облегченіе!

На другой день насъ повели опять въ губернское правленіе для описи принадлежащихъ намъ вещей. Въ самыхъ сѣняхъ, какой-то чиновникъ тихонько мнѣ сказалъ: «спрячьте деньги, если у васъ есть при себѣ; будутъ обыскивать и отберутъ у васъ».—Я не зналъ что̀ дѣлать: у насъ оставалось еще 125 рублей асигнаціями и 40 р. сер.; хотѣлъ было отдать ихъ этому доброму человѣку; но онъ отказался, сказавъ, что не имѣетъ времени дожидаться здѣсь. Когда насъ привели опять въ ту же залу, тотчасъ заставили разбирать наши чемоданы. Я вынулъ всѣ свои вещи, и сталъ къ печкѣ, въ ожиданіи своей очереди; начали описывать съ Таптикова. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, я рѣшился выдти на дворъ, въ надеждѣ отыскать какой нибудь случай сокрыть наши деньги. Прикинувшись, что мнѣ дурно, я попросилъ вывести меня на воздухъ. Тотчасъ приказали одному конвойному проводить меня. Вышедъ на крыльцо, я замѣтилъ какой-то развалившійся сарай, и мигомъ очутился въ немъ. Оглядѣвшись нѣтъ ли кого, я поспѣшно всунулъ въ руку конвойному всѣ свои ассигнаціи, и сказалъ второпяхъ: «побереги, любезный другъ! когда воротимся въ острогъ, ты мнѣ отдашь; тебѣ будетъ благодарность на водку». Едва онъ успѣлъ отвѣчать: «хорошо», какъ я поспѣшилъ воротиться на крыльцо и переведя, такъ сказать, отдышку, взошелъ въ залу. Тутъ только пришло мнѣ въ голову спросить себя: «хорошо-ли я сдѣлалъ? Ну, если рядовой, котораго я вовсе не знаю, вздумаетъ воспользоваться нашими деньгами, какъ искать ихъ?»—Это меня смутило; но я старался успокоить себя честностью русскихъ солдатъ; а притомъ оправдывалъ себя тѣмъ, что если бы деньги отобрали, то все равно остались бы мы во всю дорогу на казенномъ содержаніи, т. е. на 12 коп. въ сутки.

Когда дошла очередь до моихъ вещей, то, переписавъ ихъ, членъ губернскаго правленія сказалъ мнѣ, что книги и ноты онъ оставляетъ у себя, чтобы показать гражданскому губернатору. По окончаніи описи вещей, обратясь ко всѣмъ, онъ вѣжливо сказалъ: «господа, у васъ, вѣрно, есть при себѣ деньги: такъ пожалуйте ихъ мнѣ». Я подалъ ему кошелекъ со всѣмъ нашимъ серебромъ, промолвя: «вотъ все, что у насъ есть». Онъ самъ перечелъ, а секретарю приказалъ обыскать насъ. Мы стали было просить его возвратить намъ деньги, представляя, что нѣтъ возможности содержать себя 12-ю копѣйками, тѣмъ болѣе, что наступаетъ сырое и холодное время года, и что мы не привыкли къ такому изнуренію. Но это было напрасно. Онъ отвѣчалъ очень коротко: «приказано начальствомъ!—Такъ установлено закономъ! Я не могу и т. п.». На вопросъ: «кому изъ насъ принадлежатъ эти деньги?»—мы отвѣчали, что онѣ общія; и потому записали на каждаго по равной части, и отпустили насъ въ тюрьму—съ вещами, но безъ денегъ.

На возвратномъ пути, я имѣлъ неожиданную, разительную, незабвенную встрѣчу. Надобно прежде объяснить предшествующія обстоятельства. Въ Оренбургѣ, я былъ коротко знакомъ въ домѣ одного таможеннаго чиновника г. Попова. Къ доброму, любезному его семейству принадлежали почтенная старушка,—мать его, и двѣ сестры, дѣвицы. Онѣ всѣ меня любили и принимали совершенно какъ роднаго. Рѣдкой день я не бывалъ у нихъ. Старшая сестра Александра Ивановна, которой тогда исполнилось 19 лѣтъ, оказывала мнѣ особенную внимательность и ласку. Не трудно было замѣтить, что она ко мнѣ неравнодушна, и что тутъ скрывается нѣчто похожее на разгорающійся пламень первой любви. Собою она не красавица, но имѣла необыкновенно пріятныя черты лица, при томъ брюнетка, съ черными, исполненными огня глазами! Словомъ, могла легко увлечь всякаго юношу. Я однако-же чувствовалъ, что не въ состояніи отвѣчать ей. Съ моимъ тихимъ, нѣсколько робкимъ нравомъ, я боялся ея живаго, пылкаго, рѣшительнаго характера, который тамъ часто обнаруживался въ нашихъ дружескихъ разговорахъ. Къ этому сердце мое было раздѣлено между нѣжною дружбою и любовію—между подругою дѣтства—моею названною сестрою, и невѣстою. И такъ, въ обращеніи съ нею я старался сохранять осторожность; былъ вѣжливъ, внимателенъ и болѣе ничего; однимъ словомъ, она совершенно знала, что я не плѣнялся ею. Предъ отправленіемъ насъ изъ Оренбурга, она приходила ко мнѣ съ женою Таптикова, которой она съ родни, и простилась со мною, не показавъ никакого излишняго огорченія. Теперь эта дѣвица вдругъ встрѣчается мнѣ на улицѣ въ Уфѣ, въ повозкѣ со своею матерью. Едва успѣлъ я опомниться, какъ она висѣла уже у меня на шеѣ. Тронутый до глубины души такой незаслуженною съ моей стороны любовью и нѣжностью, я сохранилъ однакожъ столько присутствія духа, что могъ представить ей неумѣстность ея поступка, и что она подвергается замѣчанію прохожихъ. Она тотчасъ пришла въ себя и пошла тихонько со мною рядомъ. Но каково было мое удивленіе, когда она сказала мнѣ, что пріѣхала нарочно, чтобы со мною не разлучаться, и стала убѣдительно просить меня—позволить ей слѣдовать за собою въ Сибирь, гдѣ она хотѣла раздѣлять мою участь, какъ бы не были страшны всѣ тѣ ужасы, о какихъ она наслышалась... Сколько меня доставало, я старался показать ей, какъ безразсудно пускаться въ такую ужасную неизвѣстность; что я, можетъ быть, не перенесу трудностей дороги, умру, и тогда положеніе ее будетъ въ десять разъ ужаснѣе; убѣждалъ ее подумать лучше о преклонныхъ лѣтахъ матери, пріискать себѣ выгоднѣйшую партію, и быть ей на старость утѣшеніемъ; говорилъ, что я замучусь совѣстью, если согласясь на ее желаніе, буду причиною ея несчастія, въ которомъ она сама послѣ укорять меня станетъ. Все тщетно!—Она ничего не хотѣла слушать; заливалась слезами, и рѣшительно объявила, что все о б д у м а л а и на все рѣшилась: готова идти

на край свѣта, готова переносить всѣ возможныя бѣдствія въ мірѣ, только бы со мною. Между тѣмъ мы приближались къ замку. Она бросилась опять ко мнѣ на шею, разцѣловала меня, и быстро побѣжала къ своей матери, которая оставалась въ повозкѣ и издали шагомъ слѣдовала за нами.

Возвратясь въ свой нумеръ я бросился на нары, какъ утомленный, измученный, и предался размышленію. Положеніе мое было самое затруднительное, я потерялся совершенно и не зналъ, что мнѣ дѣлать. Жертва, которую она мнѣ хотѣла принести такъ неожиданно, была слишкомъ велика, слишкомъ разительна, чтобы ее не чувствовать вполнѣ. Моя невѣста, которую я любилъ, которая взаимно клялась мнѣ въ любви, этого не сдѣлала; она даже не показалась; я тщетно объ ней распрашивалъ—объ ней не было слуха!.. Я допрашивалъ себя въ совѣсти: не далъ-ли ей повода заключать, что взаимно люблю ее, и рѣшительно не припомнилъ ни одного подобнаго случая; тѣмъ болѣе настоящій поступокъ возвышалъ ее въ моихъ глазахъ. Я почти колебался; но одна мысль о будущемъ привела меня въ трепетъ. Я увидѣлъ, что согласиться значитъ погубить эту добрую невинную дѣвушку—заплатить ей самою черною неблагодарностію, и при томъ изъ самолюбія, изъ своекорыстія!.. На этомъ остановясь, я рѣшительно сказалъ самъ себѣ: «Нѣтъ!»—и, какъ гора свалилась съ плечь моихъ; я оправился, оживился!.. Въ это время мнѣ сказали, что меня кто-то спрашиваетъ у нашего тына. Я вышелъ, и какъ пріятно удивился, когда узналъ того солдата, которому отдалъ деньги. «Возьмите скорѣе», сказалъ онъ, просовывая ихъ между частоколомъ. Онѣ были въ совершенной цѣлости. Я тотчасъ вынулъ 10 руб. и подалъ ему въ благодарность за столь честный и безкорыстный поступокъ. Но чтоже? этотъ благородный солдатъ хотѣлъ быть вполнѣ честнымъ и не принялъ моего подарка. Очень долго я принужденъ былъ его уговаривать, чтобы онъ согласился взять хотя изъ одного уваженія къ нашей просьбѣ и на память. «Хорошо, сказалъ онъ наконецъ, если ужъ вамъ непремѣнно этого хочется; такъ дайте мнѣ пять рублей; правду сказать, мнѣ въ нихъ большая нужда!» Такъ мы съ нимъ разстались. Онъ и не замѣтилъ, что сдѣлалъ намъ истинное благодѣяніе, которое мы обязаны не забыть до конца дней нашихъ. Не это-ли значитъ благотворить истинно въ духѣ Христовомъ!—и это солдатъ, призираемый, часто ничтожными благородіями! находящійся подъ безпрестанными палками! .. [1])

Съ 5 по 8 число (октября 1827 г.) насъ оставили въ покоѣ. Здѣсь кстати упомянуть, что какъ въ эти дни, такъ и во все время пребыванія нашего въ уфимскомъ замкѣ, мы ежедневно были приглашаемы смотрителемъ его, подпоручикомъ Крапивинымъ, пить чай. Мы тотчасъ позна-

---

[1]) Писано въ 1835 году.

комились съ его семействомъ. Жена его добрая, гостепріимная, пожилыхъ лѣтъ женщина, принимала насъ всегда радушно, а племянница ихъ, дѣвица лѣтъ 18, милая, веселая, была нашею закупщицею, экономкою и вмѣстѣ казначеемъ: ей мы отдали на сохраненіе всѣ оставшіяся у насъ деньги. Все, что намъ было нужно, она доставляла съ какою-то радостью, не оставляла самомалѣйшихъ просьбъ нашихъ безъ вниманія, притомъ утѣшала, развлекала насъ въ нашемъ горестномъ положеніи, и на память подарила намъ троимъ: Таптикову, Дружинину и мнѣ, своей работы три черныя бархатныя тебетейки (фески), вышитыя серебромъ. Но что выше всѣхъ одолженій—она доставила мнѣ потихоньку бумагу, чернильницу и перо,—и я могъ написать къ матушкѣ и Сашѣ!.. Мысль, что этимъ хоть нѣсколько ихъ утѣшу, принесла мнѣ истинную отраду, и благодѣяніе доброй дѣвицы останется неизгладимо въ моемъ сердцѣ. Письма взялся доставить тотъ же Крутиковъ, который посѣщалъ насъ каждый день. Наконецъ 8 числа, эта же благодѣтельная фея, какъ мы ее прозвали, склонившись на просьбу дѣвицы А. М. Поповой, дала ей случай видѣться со мною. Боже! чего мнѣ это стоило! Я долженъ былъ выслушать, то самыя пламенныя увѣренія въ любви, то упреки въ жестокости, въ безчувственности, въ тиранствѣ даже; она плакала, рыдала, порываясь пасть къ ногамъ моимъ!.. Я самъ заливался слезами, страдалъ, мучился, и уже готовъ былъ забыть свою рѣшимость; но вдругъ какъ бы невидимая сила подкрѣпила меня,—я удушающимъ голосомъ произнесъ: «Нѣтъ! не могу! не хочу твоего несчастія; не допущу, чтобы чрезъ меня погибло такое милое созданіе! Прости!»—и съ этимъ прижалъ ее къ груди своей: слезы благодарности смѣшались со слезами любви—мы разстались!..

На другой день мы пошли къ обѣднѣ. Церковь опять была почти полна. По окончаніи литургіи, я попросилъ отслужить напутный молебенъ. Во время молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, общее рыданіе почти заглушило слова священника: это участіе услаждало душу, но вмѣстѣ и раздирало сердце; казалось, что насъ живыхъ погребаютъ. Когда служба кончилась, священникъ не только не соглашался принять деньги, но съ большимъ затрудненіемъ дозволилъ мнѣ опустить ихъ въ церковную кружку. Вскорѣ по возвращеніи нашемъ въ свой нумеръ, священникъ пришелъ къ намъ, и принесъ каждому по просфорѣ. Поздоровавшись, онъ благословилъ насъ, и сказалъ намъ родъ поученія, представивъ впрочемъ съ кротостію, что мы не обдумавши, по вѣтренности и по неопытной молодости своей, рѣшились замышлять противъ монарха-отца; что мы должны со слезами каяться Богу, и одно только раскаяніе можетъ намъ открыть путь ко спасенію въ будущей жизни и къ облегченію въ этой временной. «Несите этотъ крестъ, промолвилъ онъ, съ кротостію, терпѣніемъ и упованіемъ на Господа. Кого Онъ наказуетъ въ этой жизни, того проститъ тамъ (указавъ на небо) и поми-

луетъ».—Въ эту минуту подскочилъ къ нему Z*, и со злобною усмѣшкою сказалъ: «простоволосый попъ, тебѣ ли понимать эту высокую и святую мысль? Убирайся вонъ!»—Священникъ, ни мало не смутясь, съ важнымъ видомъ, и съ нѣкоторою, презрѣніемъ растворенною, жалостію, сказалъ: «Ты подобенъ Іудѣ Искаріоту; ты завлекъ и предалъ этихъ невинныхъ; видишь ихъ страданіе, и даже нѣтъ въ тебѣ раскаянія; будь же ты отнынѣ проклятъ!» и произнеся троекратно: «анафема!», онъ удалился. Я вышелъ за нимъ, и просилъ извиненія въ непріятности, которую онъ встрѣтилъ съ нашей стороны вовсе неожиданно. Онъ вѣжливо отвѣчалъ, что на насъ ни мало не сердится. Къ этому присовокупилъ еще нѣсколько наставленій, благословилъ меня и ушелъ.

Возвратясь въ нумеръ, я засталъ сцену: Таптиковъ и Дружининъ очень крупно щуняли Z* за его безразсудство и дерзость; но онъ преважно расхаживалъ между нарами, съ раздувшимися ноздрями и какъ бы не слушалъ, что ему говорили. Раздосадованный этимъ безстыдствомъ, я тотчасъ присталъ къ товарищамъ, тогда онъ не вытерпѣлъ; остановясь по срединѣ, и глядя на насъ съ какою-то комическою надменностью, онъ громко произнесъ: «Вы не понимаете меня; вы не въ состояніи постигнуть моего назначенія!» Таптиковъ и Дружининъ, смѣючись, сказали: «Ужъ не думаешь-ли ты быть Наполеономъ?»—«Почему не такъ, сказалъ онъ злобно; знайте, если мнѣ удастся, то отъ самаго Нерчинска до дворца я умощу себѣ дорогу трупами людей, и первою ступенью къ трону будетъ—братъ мой!» Мы смѣялись надъ сумазбродствомъ; онъ началъ говорить дерзости, и я вынужденъ былъ схватить его за воротъ и бросить на нары. Послѣ этого до ночи все было тихо. Когда мы легли спать, и только что начали забываться, насъ разбудилъ звукъ цѣпей: Z* прыгалъ между нарами. Таптиковъ первый сдѣлалъ на него окрикъ; но тотъ отвѣчалъ съ сердцемъ: «Вы хотите спать, а мнѣ хочется танцовать голопаду». Тогда я вскочилъ, и подойдя къ нему, рѣшительно объявилъ, что если онъ не уймется, то свяжу ему руки и ноги, и брошу подъ нары. Это подѣйствовало: онъ улегся, но долго еще что-то бормоталъ про себя.

10 числа (октября 1827 г.) по утру къ намъ вошли частный приставъ съ жандармскимъ офицеромъ, чтобы нашить, какъ они сказали, латки на наше платье. Мы потребовали объясненія, и узнали, что латками называются четыреугольные суконные значки, которые нашиваютъ въ спину верхняго платья преступниковъ, ссылаемыхъ по канату; тѣмъ, которые слѣдуютъ на поселеніе, по одной, а кто въ каторжную работу, тѣмъ по двѣ. Мы съ твердостью объявили, что не дадимъ портить собственнаго платья, и согласны лучше надѣть казенное. Послѣ довольно долгаго недоумѣнія и спора со стороны исполнителей закона, они рѣшились сдѣлать уступку, и

положили просто нашить значки сверху, не вырѣзывая мѣста въ самомъ платьѣ. Мы на это согласились; они сдѣлали свое дѣло и ушли.

Послѣ обѣда насъ потребовали въ губернское правленіе для того только, чтобы съ этимъ новымъ атрибутомъ каторжныхъ, показать пріѣхавшему въ это время въ Уфу жандармскому полковнику Маслову. Не смотря на дождь и холодный осенній вѣтеръ, мы принуждены были плестись по грязи, проклиная и всѣхъ жандармовъ и страсть осматривать то, что въ существѣ ни къ чему не ведетъ, между тѣмъ какъ вопіющія вещи остаются безъ вниманія, какъ-то впослѣдствіи будетъ видно. Какъ скоро насъ привели въ комнату, столь уже намъ знакомую, г. Масловъ тотчасъ вышелъ къ намъ изъ присутственной камеры, окинулъ насъ глазами, спросилъ наши фамиліи, и потомъ, обратясь къ Z*, сказалъ, указывая на насъ: «это все, голубчикъ, твоей работы! Ты погубилъ этихъ молодыхъ людей, и погубилъ на вѣки!» Предатель нашъ и тутъ не поморщился. Только что г. Масловъ удалился отъ насъ, къ намъ подошелъ секретарь губернскаго правленія и объявилъ, что завтра насъ отправятъ; «что же до вашихъ книгъ», промолвилъ онъ, обратясь ко мнѣ, «губернаторъ ихъ удержалъ у себя и хочетъ отправить къ вашимъ родственникамъ».—«Зачѣмъ, спросилъ я, вѣдь эти книги не запрещенныя?» Секретарь пожалъ плечами и сказалъ, что въ цѣломъ городѣ не нашлось ктобы могъ сказать на какомъ языкѣ онѣ писаны, даже самъ губернаторъ не могъ разобрать ни слова въ нихъ.—«Странно, сказалъ я, неужели въ Уфѣ никто не знаетъ по польски: это просто извѣстныя сочиненія Мицкевича, Кашезкаго (sic) и Нѣмцевича... Но результатъ всетаки былъ тотъ, что я лишился и этого утѣшенія, что бы имѣть при себѣ книги!...

На возвратномъ пути насъ завели къ полиціймейстеру, который болѣе часа заставилъ насъ дожидаться на дворѣ, не смотря на дождь. Вышедъ, наконецъ, онъ объявилъ, что имѣетъ предписаніе отправить насъ завтра, и что велитъ дать подводы, и затѣмъ, пожелавъ намъ счастливаго пути, велѣлъ вести въ острогъ. Вечеромъ посѣтилъ насъ Либинъ. Услышавъ о нашемъ отправленіи, поспѣшилъ узнать не нужно ли намъ чего нибудь на дорогу.—Мы съ благодарностію ото всего отказались, увѣряя, что всѣмъ запаслись, исключая Z*, у котораго не было теплой одежды. Г. Либинъ тотчасъ поѣхалъ, и вскорѣ привезъ прекрасный, чуть поношенный, бекешъ на лисьемъ мѣху.

Уложась 11-го числа (октября) поутру, мы пошли къ смотрителю, гдѣ уже собралось довольно много дамъ и мужчинъ; въ томъ числѣ и добрая наша старушка Либина съ сыномъ. Только что мы вошли, почтенная эта старушка позвала меня въ другую комнату и предложила мнѣ взять разные съѣстные припасы и бѣлье и теплые сапоги. Всѣ мои отговорки ни къ чему не послужили, и когда я согласился, то она такъ обрадовалась, что

бросилась ко мнѣ на шею и начала цѣловать, заливаясь слезами: она и меня заставила прослезиться.

Напившись кофе и хорошенько позавтракавъ, мы присѣли, потомъ встали, помолились и распрощались на вѣки съ добрыми уфимцами. На улицѣ насъ ожидали два колодника, которыхъ отправляли съ нами. Вотъ первая наша встрѣча, или лучше сказать, вотъ первое вступленіе въ сообщество съ тѣми людьми, отъ которыхъ нравственно мы полагали себя такъ далеко отстоящими, и съ которыми теперь судьба, если не что либо иное, опредѣлила раздѣлять участь и даже самыя мучительныя трудности, самыя отвратительныя положенія! Между ними мы должны были насмотрѣться того, о чемъ не имѣли никакого понятія—и это усугубляло наши страданія!... Принесли цѣпь, чтобы всѣхъ насъ нанизать на нее. Ссылаясь на выпавшій снѣгъ и 8° мороза, мы просили избавить насъ отъ нея; но квартальный офицеръ опирался на одно приказаніе начальства—и велѣлъ примкнуть насъ къ этой сворѣ. Мы пошли. Только что сдѣлали 50 шаговъ отъ тюремнаго замка, дѣвица А. Н. Попова бросилась въ мои объятія. Не буду повторять ни убѣжденій ея, ни упрековъ—я устоялъ; мы разстались. Ея привязанность ко мнѣ, ея любовь столь были непритворны, столь сильны, что уже спустя два года, въ Читѣ, я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ убѣждала меня дозволить ей ко мнѣ пріѣхать.

Мы спустились подъ гору къ переправѣ чрезъ р. Бѣлую; тутъ спросилъ я унтеръ-офицера о лошадяхъ, обѣщанныхъ полиціймейстеромъ. «Да, надѣйтесь!» отвѣчалъ онъ смѣючись, «вишь чортъ принесъ какого-то шпіона; у насъ всѣ его перетрусились, потому и лошадей вамъ не дали. Если бы не его благородіе (смотритель Крапивинъ), то пришлось-бы вамъ и вещи-то на себѣ нести. Не тужите. Татьяна Ивановна (племянница г. Крапивина, о которой говорено выше) больно просила меня поберечь васъ. Какъ нибудь перебьемся. Дайте срокъ.»—Мы сказали, что совершенно на него полагаемся, и будемъ благодарны. Когда мы переправились чрезъ рѣку, унтеръ-офицеръ подошелъ къ намъ и съ прямо русскою отвагою сказалъ: «Ну что тутъ думать, скидайте-ко цѣпь; я докажу, что самаго чорта не боюсь; вы не будете на меня жаловаться!» И такъ добрый этотъ и, какъ говорится, маленькой человѣкъ, поправилъ безчеловѣчіе и жестокость большихъ. Мы разстались съ Уфою.

Глава V.

Переходъ до Тобольска.

„Да, батюшка, баринъ, велятъ, такъ и въ адѣ привыкнешь!—отвѣчалъ Зайцевскій ямщикъ".
[Изъ неизданныхъ записокъ NN].

Въ деревнѣ, въ которой былъ первый нашъ ночлегъ, жилъ знакомый мнѣ помѣщикъ, нѣкто Веригинъ. Онъ служилъ въ одной ротѣ со мною юнкеромъ, и по производствѣ въ офицеры, чрезъ два года, вышелъ въ отставку, чтобы наслаждаться въ своемъ небольшомъ имѣніи спокойною независимою жизнію. Узнавъ о нашемъ приходѣ, онъ тотчасъ прислалъ за мною, и я у него ужиналъ. На другой день у него же пилъ чай. Разставшись со мною дружески, онъ далъ намъ своихъ лошадей на слѣдующій переходъ. Безъ дальнихъ приключеній, мы достигли до небольшаго уѣзднаго городка Бирска, отстоящаго отъ Уфы во 100 верстахъ. Унтеръ-офицеръ сдержалъ свое слово: во все время мы были имъ совершенно довольны, и отблагодарили его пятью рублями.

Въ Бирскъ мы пришли 16-го октября (1827)—и прямо въ острогъ. Къ счастію и здѣсь нашелся знакомый—смотритель острога инвалидный прапорщикъ Сорокинъ, который служилъ въ нашемъ полку каптенармусомъ. Онъ принялъ насъ радушно. Хотѣлъ было, по своей инструкціи, пересматривать наши вещи, чтобы отмѣтить въ описи все-ли цѣло, и куда что утратилось; но какъ мы просили избавить насъ отъ этого безпокойства, онъ тотчасъ согласился, и повѣривъ намъ на слово, оставилъ наши чемоданы неприкосновенными. Мы здѣсь дневали, и Сорокинъ старался угостить насъ «чѣмъ Богъ послалъ». Онъ присылалъ намъ обѣдъ и ужинъ. Въ продолженіе дня навѣстилъ насъ горестный отецъ нашего товарища Вѣтошникова. Разспрашивая о своемъ сынѣ, старикъ неутѣшно плакалъ. Приходили также къ намъ бывшіе семеновскіе солдаты, сосланные сюда на службу, и показали самое живое и непритворное участіе.

Поутру 18-го числа (октября) мы выступили изъ Бирска. Къ намъ присоединили еще двухъ колодниковъ изъ башкирцевъ и повели всѣхъ нацѣпленными на одинъ желѣзный прутъ. По городу насъ провожала порядочная толпа—праздно любопытныхъ. Одинъ только сѣдовласый старецъ, закутавшись въ широкую шинель, и прислонясь къ стѣнкѣ, проливалъ горькія слезы, когда мы проходили мимо—и это былъ отецъ Вѣтошникова! Ему близко было къ сердцу!...

Наканунѣ шелъ дождь и грязь теперь была по колѣна. Только что успѣли вытти на околицу города, какъ настала слякоть съ сильнымъ вѣттомъ отъ сѣвера. Мы плелись кое-какъ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ глубокой и вязкой грязи. Пройдя такимъ образомъ версты съ полторы, мы увидѣли сквозь летящій снѣгъ съ дождемъ, впереди, какъ тѣнь, расхаживающаго рослаго человѣка. Онъ закутанъ былъ въ теплую шинель и медленно прохаживался по мостику, чрезъ который намъ лежала дорога. Въ сторонѣ, шагахъ въ пяти отъ него, стояли дрожки въ одну лошадь, безъ кучера. Какъ скоро мы подошли къ нему, онъ распахнулся и—бросился обнимать меня. Удивленіе мое было чрезмѣрно, когда я узналъ въ немъ Александра Семеновича Петрова, человѣка едва мнѣ знакомаго: не болѣе десяти разъ, думаю, удалось мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ нѣкоторыхъ домахъ въ Оренбургѣ, и все наше знакомство ограничивалось одними вѣжливостями. Теперь онъ нарочно выѣхалъ за городъ, и не смотря на слякоть, сполчаса дожидался насъ на этомъ мѣстѣ, чтобы со мною увидѣться и оказать услугу. «Боже мой! Боже мой!—воображалъ ли я видѣть васъ въ такомъ положеніи, любезный Василій Петровичъ!»—сказалъ онъ со слезами на глазахъ!—Едва, опомнившись, успѣлъ я поблагодарить его за участіе, какъ онъ предложилъ намъ помѣститься съ нимъ на дрожки и доѣхать до деревни, отстоящей отъ города верстахъ въ 11-ти. Таптиковъ, Z* и я — кое-какъ высвободили руки свои изъ наручныхъ цѣпей; Но Дружининъ никакъ не могъ; а ключъ былъ у унтеръ-офицера, который оставался еще въ городѣ. Нечего было дѣлать, мы оставили бѣднаго Дружинина при экипажѣ, а сами взмостясь на дрожки, почти на колѣни другъ другу, поѣхали. Надобно замѣтить, что конвойные солдаты не сдѣлали ни малѣйшаго сопротивленія распоряженію г. Петрова, который на этотъ разъ былъ засѣдателемъ земскаго суда.

Въ деревнѣ намъ тотчасъ отвели хорошую квартиру: ненастная погода была достаточнымъ предлогомъ остаться здѣсь ночевать, потому что до настоящаго ночлега оставалось еще 16 верстъ. Пока подошелъ Дружининъ, у насъ самоваръ уже былъ на столѣ и сдѣланы всѣ распоряженія къ ужину: въ городъ поскакалъ вершный за ромомъ, хотя мы всячески просили г. Петрова не хлопотать объ излишнемъ угощеніи. Цѣлый штофъ вина онъ распоилъ нашимъ конвойнымъ и велѣлъ ихъ накормить и они превозносили его до небесъ. Такимъ образомъ мы провели вечеръ неожиданно весело, и послѣ ужина, приказавъ наслать на полъ соломы, всѣ вмѣстѣ расположились спать въ повалку—и долго разговаривали, между тѣмъ какъ на дворѣ кутила непогодь. Она и на другой день не переставала; но дѣлать нечего, надобно было отправляться. Напившись чаю и потомъ позавтракавъ, мы готовились уже проститься съ г. Петровымъ, какъ онъ отвелъ меня

въ сторону, и началъ очень вѣжливо извиняться... «Помилуйте, отвѣчалъ я, мы такъ вамъ благодарны»... «Нѣтъ, не въ томъ дѣло», прервалъ онъ: «если вы ко мнѣ хоть немного расположены, то дайте мнѣ честное слово, что не откажетесь отъ моей просьбы».—«Какая просьба, Ал. Сем.?» сказалъ я.—«Нѣтъ, напередъ дайте слово, что вы не откажете мнѣ, и не будете сердиться на меня»,—продолжалъ онъ.—Разсудивъ, по его поступку съ нами, что онъ конечно ничего предосудительнаго, или вреднаго намъ, не потребуетъ, я далъ ему слово исполнить его желаніе. Онъ еще не дослушалъ меня, какъ уже вынулъ 50 руб. и, подавая мнѣ, сказалъ: «вотъ въ чемъ состоитъ моя просьба. Примите эту бездѣлицу; я вижу ваше положеніе и, клянусь, радъ бы душею болѣе пособить; но ей Богу вотъ все, что имѣю».—Я было хотѣлъ уклониться, но онъ настоялъ на данномъ словѣ—и я принужденъ былъ согласиться, къ явному его удовольствію. Удивительный засѣдатель, подумалъ я!... Этимъ не ограничилось его участіе. Онъ далъ унтеръ-офицеру записку для полученія подводъ. «Я хотѣлъ-бы» сказалъ онъ намъ, «снабдить его бланкетомъ; но я недавно въ этомъ уѣздѣ засѣдателемъ и не знаю хорошо здѣшнихъ жителей; при томъ же боюсь, чтобы унтеръ-офицеръ не представилъ его начальству: мнѣ можетъ достаться за это».—Мы всѣ благодарили его, какъ умѣли. На разставаніи мы выпили заздравный кубокъ за святую Русь—и, со слезами, простились съ этимъ добрымъ знакомымъ-незнакомцемъ.

Продолжая путь безъ дальнихъ приключеній, кромѣ изнуренія отъ дурной погоды и неловкихъ желѣзъ, отъ которыхъ чувствовали боль нестерпимую, мы, 21-го числа, (октября), остановились ночевать въ одной большой русской деревнѣ, которой имени не помню. Узнавъ, что здѣсь есть кузницы, мы едва, за 25 рублей, склонили унтеръ-офицера, чтобы онъ позволилъ намъ перековать желѣза, хотя явно видѣли, что ноги наши до крови протерлись. Кузнецы оказались столько же корыстолюбивыми и несострадательными: они никакъ не соглашались взять менѣе 8 руб. за эту работу. Впрочемъ надобно отдать справедливость, что сдѣлали очень хорошо, умножили число звеньевъ и уменьшили въ вѣсѣ, такъ что мы теперь могли ходить свободно.

23-го октября (1827 г.), мы пришли на послѣдній этапъ Оренбургской губерніи, на границѣ съ Пермскою. Здѣсь офицеръ непремѣнно захотѣлъ пересмотрѣть наши вещи и никакія просьбы не могли отклонить его; нечего было дѣлать, хотя мы до костей промокли и хотѣлось бы обсушиться и отдохнуть, но принялись разбивать свои чемоданы. Когда это кончили, насъ отвели въ довольно чистую тюрьму, въ которой слѣдовало намъ дневать. Послѣ вечерней зари, пришелъ къ намъ унтеръ-офицеръ и объявилъ, что приказано насъ запереть въ лису. Мы сперва шутили, потомъ упра-

шивали, давали деньги, но ничто не помогло; видно судьбѣ было угодно, чтобы мы испытали всякаго рода истязанія!... Что такое лиса?—думаю, это немногимъ извѣстно, и потому постараюсь дать о ней понятіе. Лиса или колода сдѣлана изъ двухъ четырегранныхъ брусьевъ, длиною во всю тюрьму. Нижній брусъ прибитъ накрѣпко къ самому полу, а верхній плотно лежитъ на немъ, и соединяется съ нимъ, на одномъ концѣ, посредствомъ желѣзныхъ петлей или шарнеровъ, а на другомъ концѣ прибита толстая желѣзная скоба, которая накладывается на пробой, утвержденный въ нижнемъ брусѣ, и запирается большимъ висячимъ замкомъ. Во всю длину этихъ брусьевъ, пробиты въ нихъ горизонтально и насквозь, круглыя дыры такой величины, чтобы могла помѣщаться плюсна ноги въ обуви, разстояніемъ одна отъ другой—на четверть аршина. Колодники должны лечь на полъ навзничь, и когда верхній брусъ приподымутъ, каждый долженъ положить свои ноги въ прорѣзанныя мѣста; тогда верхній брусъ опускаютъ, и каждый остается съ защемленными ногами на всю ночь. Этого мало: сквозь среднія кольца всѣхъ ножныхъ желѣзъ, продергивается особая желѣзная цѣпь, прикрѣпленная къ концу колоды, и которая также другимъ концемъ накладывается на пробой и замыкается замкомъ. Нельзя передать вполнѣ, какъ мучительно это положеніе. Невозможно имѣть другаго движенія, какъ только приподнявшись сѣсть, и опять лечь на спину—и цѣлые 12 часовъ! Къ этому еще и больныя ноги!... Когда насъ такимъ образомъ заперли, Тапликовъ и Дружининъ начали сильно осыпать упреками нашего предателя; но тотъ молчалъ, и я нѣсколько разъ принимался ихъ уговаривать, чтобы оставили его въ покоѣ, потому что и ему не лучше, если не хуже При этомъ напомнилъ о четырехъ нашихъ спутникахъ, которыхъ положеніе было несравненно мучительнѣе нашего: въ изорванныхъ, мокрыхъ рубищахъ лежели они на голомъ полу въ сырой и холодной тюрьмѣ, почти безъ пищи, и не роптали! Какъ мы были рады, когда по наступленіи 25-го числа (октября) выступили съ этого проклятаго этапа.

Въ Пермской губерніи насъ уже не примыкали къ пруту, и даже оставили его на одномъ изъ ночлеговъ. На послѣднемъ ночлегѣ къ городу Красноуфимску произошла небольшая сцена съ унтеръ-офицеромъ. По обыкновенію, мы хотѣли дать ему пять рублей; но, къ удивленію, онъ не взялъ, увѣряя, что обѣщали 25 руб. «Да кто же тебѣ обѣщалъ?» спросилъ я. «Вотъ тотъ чистякъ-то, что съ вами идетъ!»—Это значило —Z* — «Если онъ тебѣ обѣщалъ, то съ него и бери, а мы тебѣ болѣе не дадимъ»—примолвилъ я. Унтеръ-офицеръ подошелъ къ нему, поговорилъ что-то съ нимъ, и возвратясь сказалъ: «Онъ говоритъ, что у васъ его деньги, и велѣлъ взять; если не отдадите мнѣ, то въ городѣ я скажу, что у васъ много денегъ на рукахъ; тогда всѣ отберутъ». «О, коли такъ, отвѣчалъ я, то поди же доноси;

нѣтъ тебѣ ни копѣйки; но подай намъ за пять дней наши кормовыя деньги, которыя офицеръ отдалъ тебѣ на руки». Поморщившись, унтеръ-офицеръ вышелъ вонъ; а мы напустились на Z*, который отговаривался тѣмъ, что хотѣлъ подурачить бѣдняка. На другой день, передъ выходомъ, унтеръ-офицеръ, почти со злезами, просилъ у меня прощенія, жалуясь на Z*, что онъ сбилъ его, увѣривъ, что у меня пропасть денегъ, и что я скуплюсь.—«Нѣтъ, любезный, сказалъ я ему, если бы подлинно было много денегъ, то конечно дали бы тебѣ больше, но мы справляемся съ карманомъ. Вотъ тебѣ прежніе 5 рублей, и возьми себѣ кормовыя». Онъ бросился цѣловать мнѣ руки. Но когда онъ вышелъ вонъ, я на всякой случай припряталъ деньги свои какъ можно подалѣе. Раскаяніе его показалось мнѣ сомнительнымъ. Послѣ мы узнали, что Z* обѣщалъ ему дѣйствительно 25 рублей за то, чтобы онъ оставилъ на ночлегѣ прутъ; и такъ онъ считалъ себя въ нѣкоторомъ правѣ просить этихъ денегъ, исполнивъ его просьбу.

Ноября 1-го (1827 г.), мы пришли въ первой уѣздной городъ Пермской губерніи—Красноуфимскъ. Насъ привели прямо въ острогъ. Смотритель велѣлъ отвести насъ въ тюрьму, мы и тому рады были, что не заставилъ насъ вытрясать наши чемоданы. Только что растворились двери нашей тюрьмы, мы поражены были неожиданнымъ, новымъ для насъ, и потрясающимъ душу явленіемъ: это былъ знаменитый разбойникъ, сдѣлавшійся ужасомъ жителей Пермской губерніи, и насъ вводили въ его товарищество!... Пораженные взглядомъ его, мы невольно остановились на порогѣ, и съ недоумѣніемъ спросили унтеръ-офицера: «Полно, сюда-ли?» Ужасный узникъ небрежно тряхнулъ цѣпями, привсталъ, и самымъ гробовымъ голосомъ произнесъ: «господа! пожалуйте, вамъ здѣсь назначено мѣсто». Мы взошли съ нѣкоторою боязнію къ этому страшному товарищу, и расположились около самыхъ дверей, какъ можно отъ него подалѣе. Тюрьма наша была не болѣе 3 саж. въ длину и 2 саж. въ ширину, съ однимъ большимъ окошкомъ, въ которомъ толстая желѣзная рѣшетка, перехваченная кольцами. На лѣво отъ дверей русская печь и около стѣнъ широкія нары. Разбойникъ сидѣлъ на этихъ нарахъ у самаго окошка, когда мы взошли. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ черными, длинными усами и небритою бородою; волосы на головѣ всклокочены; изъ-подъ нависшихъ бровей ярко блистали черные глаза. Руки и ноги его были обременены тяжкими и огромными желѣзами, въ которыхъ, какъ мы послѣ узнали, было 2 пуда 30 фунтовъ вѣсу. Мы провели съ нимъ двое сутокъ, но вообще боялись съ нимъ говорить, чувствуя какое-то невольное отвращеніе; да и онъ былъ не словоохотливъ. Мрачная задумчивость, суровый взглядъ, внезапное потрясеніе по временамъ цѣпей, смѣлыя, порывистыя движенія, попоказывали какъ будто каждую минуту онъ помышлялъ о новомъ злодѣяніи,—и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на жизнь, и на предстоящія мученія казни.

Выступивъ изъ Красноуфимска, 3 го ноября (1827 г.). уже безъ прута, мы шли живописными мѣстами и, послѣ мрачныхъ впечатлѣній, оставшихся въ насъ отъ сотоварищества съ разбойникомъ, съ наслажденіемъ взирали на открытую природу, которая, при наступившей ясной погодѣ, казалась вдвое прекраснѣе. Пройдя чрезъ большое селеніе, въ которомъ чугунной заводъ, мы вышли на большой сибирскій трактъ и пришли въ такъ-называемую Ачинскую крѣпость, хотя тутъ и тѣни уже крѣпостной не осталось. Здѣсь насъ отвели прямо на полу-этапъ. Партія, идущая по канату въ Сибирь, еще не пришла, и потому насъ помѣстили до времени въ солдатскую караульню. Черезъ полчаса и она пришла, и тутъ въ первый разъ мы увидѣли ее, и познакомились, такъ сказать, со всѣмъ обиходомъ препровожденія каторжныхъ. Но все относящееся до этого учрежденія, какъ и до этаповъ и полу-этаповъ, по всей дорогѣ отсюда единообразно устроенныхъ, я предоставляю особой слѣдующей главѣ. Переночевавъ въ этомъ ужасномъ сообществѣ, 4 числа, мы перешли на дневку въ Бисертскую крѣпость, гдѣ устроенъ этапъ. Здѣсь унтеръ-офицеръ сдалъ насъ этапному офицеру, и мы тутъ поступили уже совершенно въ общую массу колодниковъ, гонимыхъ по канату въ Сибирь, или, какъ говорится, на партію. Мы обратились къ офицеру съ убѣдительною просьбою, помѣстить насъ въ солдатской казармѣ, и не соединять съ кандальными, представляя, что мы еще не привыкли къ теперешнему нашему положенію, и что хоть бы дали намъ немножко оглядѣться, освоиться съ этою ужасною необходимостью; но офицеръ, довольно учтиво, и впрочемъ очень наивно, отвѣчалъ: «Господа! что-жъ? пожалуй, я и позволю вамъ остаться въ солдатской казармѣ; да вѣдь надобно же когда нибудь рѣшиться быть съ варнаками вмѣстѣ. Ступайте-ка лучше теперь, совѣтую вамъ не противиться, и приказываю идти сей-часъ». Можно себѣ представить, какъ эти слова были оскорбительны для насъ; мы не отвѣчали, и пошли собравшись съ полнымъ духомъ. Тутъ впервые мы узнали всю тягость этого ужаснаго состоянія, которому, едва ли не во-сто разъ, предпочесть можно бы было смертную казнь. Мы положили однакожъ правиломъ, впередъ уже не дѣлать чести офицерамъ нашею просьбою; но терпѣть и терпѣть!..

Ноября 13-го (1827 г.) мы пришли въ Екатеринбургъ, гдѣ должны были дневать. Насъ, разумѣется, помѣстили въ острогъ, вмѣстѣ уже съ прочими. На другой день около обѣда, Z* подошелъ ко мнѣ на дворѣ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Ну, любезный Колесниковъ, теперь все кончено, и мы свободны!» —Удивясь этому, и вмѣстѣ подозрѣвая, не новый ли это фарсъ, я спросилъ: «какъ? что это значитъ?» —Онъ отвѣчалъ, что успѣлъ подговорить всю партію и напоить всѣхъ караульныхъ; что въ эту же ночь разобьемъ острогъ, отымемъ у солдатъ ружья и займемъ весь городъ; что

даже нѣкоторые солдаты согласны на это и обѣщали принести пороху и пуль. «Во время суматохи—продолжалъ онъ—навѣрно пристанетъ къ намъ много людей; вѣдь здѣсь на фабрикахъ народъ все ссыльной и недовольной; золота здѣсь не занимать стать: есть чѣмъ разохотить къ возмущенію. Я тотчасъ издамъ манифестъ... что ты смѣешься? Кажется ты довольно меня постигъ» и наговорилъ тьму подобныхъ глупостей.

Сперва я, подлинно, принялъ это за фарсу сумазбродства; но подумавъ, счелъ за лучшее приглядѣть: нѣтъ ли тутъ чего и въ самомъ дѣлѣ. Прежде всего я пошолъ въ караульню, и, къ удивленію своему, нашелъ, точно, весь караулъ пьянымъ. Я сталъ разспрашивать нѣкоторыхъ солдатъ, намѣкая осторожно, что мнѣ все извѣстно, и одинъ мнѣ шепнулъ: «не безпокойтесь, сударь, всѣ будемъ исправны». Тотчасъ я отвелъ его въ сторону, и разспросилъ обо всемъ. Онъ мнѣ даже указалъ въ стѣнѣ острога за будкою, отверстіе, въ которое хотѣлъ доставить пороху, свинцу и нѣсколько ружей, и просилъ меня часу въ 11-мъ ночи быть готовымъ все это принять отъ него. Я ему обѣщалъ, и бросился къ арестантамъ. Отъ нихъ не трудно было узнать о замыслѣ. Не оставалось болѣе сомнѣнія. Дѣло было плохо. Я шелъ въ караульню съ мыслію «послать за городничимъ». —Къ счастію, мнѣ попался смотритель замка. Отведя его къ сторонѣ, я сказалъ ему: «Если вы хотите спасти себя и насъ, то сдѣлайте милость, поѣзжайте сейчасъ къ городничему, и скажите ему, что я хочу съ нимъ лично говорить».— «Что такое? что такое?»—спросилъ онъ меня, примѣтно измѣнясь въ лицѣ. Я отвѣчалъ, что не могу объявить ему, но повторяю, что отъ этого зависитъ спасеніе многихъ людей, и ежели онъ не исполнитъ моей просьбы, то все на него падетъ. Попытавшись еще немного около меня, и видя, что все напрасно, онъ отправился тотчасъ къ городничему, и черезъ полчаса явился за мною унтеръ-офицеръ. Подошедъ ко мнѣ учтиво, онъ сказалъ: «Васъ проситъ къ себѣ зачѣмъ-то г. городничій, и прислалъ дрожки».— Z* съ примѣтнымъ безпокойствомъ спросилъ меня: «зачѣмъ это?» — «Почему я знаю; не просилъ ли, можетъ быть, одинъ мнѣ знакомый капитанъ, который находится здѣсь, повидаться со мною», отвѣчалъ я ему наскоро и отправился.

Меня привезли прямо въ полицію и ввели въ присутствіе. Комната очень чистая, но безъ мебели, кромѣ стола съ тремя стульями по срединѣ. Столъ накрытъ былъ зеленымъ сукномъ; на немъ стояли очень хорошей работы бронзовое зерцало и серебряная чернильница, и лежало нѣсколько бумагъ. Городничій, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, сидѣлъ въ задумчивости передъ зерцаломъ. Когда я взошелъ, онъ привсталъ, поклонился и далъ мнѣ знакъ рукою, чтобы я подошелъ ближе. Какъ скоро я приблизился, онъ взявшись за перо, примѣтно приготовился записывать мое показаніе, но я его оста-

новилъ, сказавъ, что пришелъ къ нему не съ жалобою, не съ доносомъ; а единственнно, чтобы доставить ему случай, безъ огласки, отвратить угрожающую ему и намъ непріятность, и можетъ быть хуже, нежели непріятность одну. Вслѣдъ затѣмъ разсказалъ ему въ чемъ дѣло, повторивъ въ окончаніи мою просьбу, чтобы онъ не дѣлалъ изъ этого никакой формальности. Выслушавъ, онъ всталъ со стула, взялъ меня за руки, и поблагодаривъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ, прибавилъ: «Я васъ уже не пущу въ острогъ; вы будете ночевать здѣсь, а мы между тѣмъ сдѣлаемъ что нужно».—Сказавъ это, онъ вышелъ.

Мнѣ отвели въ полиціи чистую комнату, гдѣ я и ночевалъ. На другой день поутру, когда меня отвели къ партіи, она была уже въ походѣ. Все было тихо и смирно. Товарищи мнѣ разсказали, что у нихъ вчерась смѣнили весь караулъ, и заперли всѣхъ ранѣе обыкновеннаго. Z* непремѣнно хотѣлъ знать, гдѣ я ночевалъ, и я сплелъ ему басню,—будто старый мой сослуживецъ выпросилъ меня у городничаго къ себѣ и славно угостилъ. Онъ кажется повѣрилъ, и остался доволенъ. О манифестѣ ни слова, какъ бы вовсе ничего не замышлялъ. Послѣ этого не было уже никакихъ особенныхъ приключеній. Мы прошли города Камышловъ и Тюмень, и въ первомъ изъ нихъ, къ немалому удовольствію, оставили Z* по болѣзни. 18-го декабря (1827 г.) въ самую почти средину жестокой зимы, прибыли въ столицу Сибирскаго царства, въ Тобольскъ, гдѣ насъ отдѣляли отъ партіи и заперли порознь въ секретные нумера—тѣсные, сырые, и продержавъ въ нихъ двое сутокъ, въ несносной для насъ разлукѣ, перевели въ темную арестантскую, и заперли тутъ съ тремя другими арестантами. Отъ изнуренія и холода, я сдѣлался болѣнъ; но мнѣ не оказали никакой помощи, никакого вниманія, кромѣ того, что при выступленіи, 23-го декабря, съ партіею, посадили на подводу и повезли далѣе.

Глава VII.

Этапы.—Полу-этапы.—Устройство партiи.—Злоупотребленiя.

— Законы, право, святы,
Да исполнители лихiе супостаты.
Капнистъ.

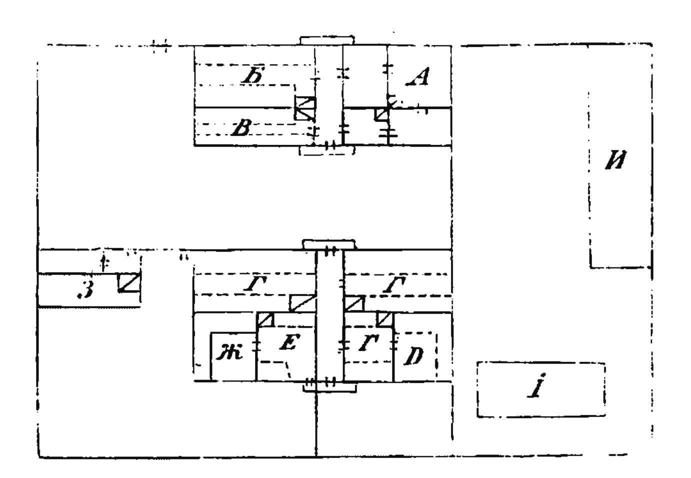
Всѣ этапы, какъ я уже упомянулъ, по Сибирскому тракту выстроены единообразно. Они учреждены по станцiямъ, такъ что чрезъ два полуэтапа приходитъ партiя колодниковъ на этапъ, гдѣ обыкновенно располагается на дневку. На каждомъ этапѣ находится офицеръ, завѣдывающiй двумя ближайшими полу-этапами, на коихъ, кромѣ такъ-называемаго каморника, никто постоянно не живетъ [1]).

Въ каждомъ этапѣ выстроено по два отдѣльныхъ корпуса, одинъ, для офицера и команды, другой для арестантовъ или колодниковъ. Первый фасадомъ на улицу. Съ крыльца входъ въ корридоръ или сѣни, которыми все зданiе раздѣляется на двѣ половины: на лѣво двѣ комнаты для офицера, съ прихожею и кухнею; а на право двѣ казармы; ближайшая ко входу для инвалидныхъ солдатъ, а другая для конвойныхъ казаковъ. Другой корпусъ той же длины, и совершенно противъ перваго на дворѣ — раздѣленъ также на двѣ половины, и въ каждой по двѣ казармы, изъ которыхъ двѣ первыя на право и на лѣво для посельщиковъ, третья на право для однѣхъ женщинъ, раздѣлена поперечною стѣною на двѣ, изъ коихъ дальняя назначена для слѣдующихъ въ каторжную работу, а ближняя для назначенныхъ на поселенiе. Въ эту казарму входъ съ особаго двора. Четвертая на лѣво, точно также раздѣлена на двѣ казармы: дальняя для каторжныхъ, а ближняя для посельщиковъ, если въ первыхъ двухъ казармахъ не помѣстятся. По правѣе этого корпуса, на отдѣльномъ женскомъ дворѣ устроена баня, а на особомъ совершенно дворѣ, влѣво отъ обоихъ корпусовъ, находятся конюшни и кладовыя. Всѣ эти зданiя обнесены высокимъ тыномъ, примыкающимъ къ передней стѣнѣ перваго корпуса, по обѣимъ сторонамъ котораго находятся ворота; правыя на главный дворъ, а лѣвыя на тотъ, на которомъ конюшни. На приложенномъ чертежѣ все это яснѣе видѣть можно. Всѣ строенiя деревянныя. Главные корпусы на каменномъ фундаментѣ, обиты тесомъ и выкрашены желтою краскою. Вообще наружность содержится въ чистотѣ и опрятности.

---

[1]) На этапѣ—25 человѣкъ инвалидной команды, въ томъ числѣ два унтеръ-офицера и барабанщикъ, и сверхъ того четыре казака. (1835 г.).
В. Ш.

ЧЕРТЕЖЪ ПОЛНАГО ЭТАПА.



А, Отдѣленіе для этапнаго командира; Б, солдатская казарма; В, казарма для казаковъ; Г, отдѣленіе для посельщиковъ; Д, отдѣленіе для каторжно-рабочихъ; Е, отдѣленіе для женщинъ, идущихъ на поселеніе; Ж, отдѣленіе для женщинъ, осужденныхъ въ каторжную работу; З, баня; И, конюшня; І, кладовыя.

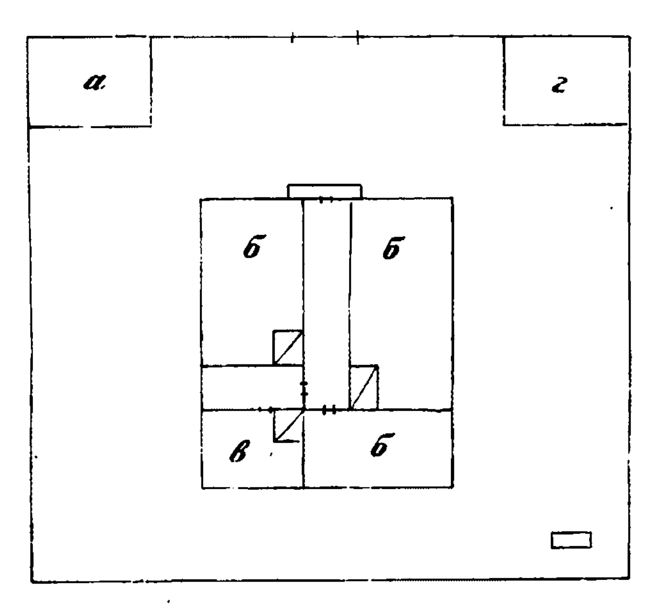
Полу-этапы устроены гораздо проще. Четырыугольный дворъ, огороженный сплошнымъ, высокимъ тыномъ, въ который входятъ одни ворота, съ калиткою. По правую сторону воротъ, внутри, въ самомъ углу караульня для солдатъ; по лѣвую, также въ углу, конюшня; по срединѣ двора—казармы съ корридоромъ или продолговатыми сѣнями, въ которыхъ четыре двери: двѣ на право и на лѣво въ большіе нумера и третья прямо въ меньшій нумеръ, кои всѣ три назначены для посельщиковъ; четвертая дверь на право въ узенькія сѣнцы, изъ которыхъ уже дверь въ четвертый нумеръ, куда запираютъ кандальниковъ, т. е. идущихъ въ каторжную работу, такъ что они проводятъ ночь за двумя замками.

Партія, идущая по канату въ Сибирь, обыкновенно состоитъ изъ ссылаемыхъ на поселеніе, и изъ ссылаемыхъ въ каторжную работу,—мужчинъ и женщинъ. Мужчины до Тобольска всѣ вообще въ ножныхъ кандалахъ [1]); а тѣ, которые слѣдуютъ въ каторжную работу, во время перехода, заковываются въ наружныя (кандалы) по двое, и пристегиваются на прутъ или

[1]) На послѣдней станціи къ Тобольску солдаты покупаютъ у посельщиковъ ихъ желѣза; потому что по приходѣ въ городъ велятъ имъ обыкновенно снимать кандалы и бросать въ кучу, при чемъ число ихъ никогда не повѣряется.
[1835 г.]. В. Ш.

на длинную веревку, когда ихъ много, что и называется собственно канатомъ; посельщики же идутъ свободно. Вся партія дѣлится на десятки и въ каждомъ десяткѣ выбирается свой десятской, которые находятся подъ вѣдѣніемъ старосты, избираемаго по большинству голосовъ всею партіею, и служатъ ему во всякомъ случаѣ помощниками. Въ партіяхъ, отправляющихся изъ Тобольска, старосту утверждаетъ Приказъ о ссыльныхъ, и ни одинъ уже этапной офицеръ не имѣетъ права его смѣнить иначе, какъ развѣ по просьбѣ всей партіи. Староста имѣетъ право ходить вездѣ за конвоемъ для закупокъ и другихъ тому подобныхъ надобностей. Онъ же чинитъ домашнюю расправу за нарушеніе порядка или тишины.

ЧЕРТЕЖЪ ПОЛУ-ЭТАПА.



а, Солдатская караульня; б, отдѣленіе для посельщиковъ; в, отдѣленіе для кандальныхъ; г, конюшня.

Выступленіе партіи съ этапа происходитъ слѣдующимъ образомъ: поутру рано всѣ арестанты, склавши свои вещи въ мѣшки, выходятъ на дворъ, гдѣ уже конвой и подводы готовы. Въ это время барабанщикъ бьетъ по возамъ, и всѣ начинаютъ укладывать свои мѣшки на подводы, на которыя потомъ усаживаютъ больныхъ. Сдѣлавъ это, всѣ становятся въ двѣ шеренги. Офицеръ, разставивъ конвойныхъ въ авангардъ и арріергардъ, и по сторонамъ, командуетъ маршъ; барабанщикъ бьетъ генералъ-маршъ, и вся партія выступаетъ по рядамъ, но дорогою идутъ безъ всякаго порядка. Какъ скоро партія свыше 80 человѣкъ, то при ней долженъ быть офицеръ. Предъ высту-

пленіемъ партіи, наканунѣ, солдаты этапные нанимаются везти арестантовъ и берутъ за это отъ 8 до 15 копѣекъ съ человѣка. Случается, что уѣзжаютъ впередъ партіи, если приплатятъ имъ копѣйки 4 лишнихъ.

По приходѣ на этапъ, арестанты сперва разбираютъ свои вещи; а потомъ уже становятся въ двѣ шеренги во фронтъ, каторжно-рабочіе съ праваго фланга, посельщики въ срединѣ, а женщины на лѣвомъ флангѣ. Офицеръ пересчитываетъ всѣхъ, или перекликаетъ по списку. На нѣкоторыхъ этапахъ пересматриваютъ при этомъ всѣ казенныя вещи и обыскиваютъ, нѣтъ-ли ножей, денегъ, трубокъ и т. п. Послѣ этого каторжно-рабочихъ вызываетъ офицеръ на средину, и приказываетъ имъ идти въ кандальную. Тутъ всѣ они опрометью бросаются бѣжать въ свою тюрьму, и кто первый занялъ себѣ мѣсто на нарахъ, тотъ на немъ и остается; а кто не успѣетъ, тотъ долженъ лежать на полу, и на это уже никто не ропщетъ. Посельщики такимъ же образомъ занимаютъ свои отдѣленія; а женщины идутъ на свой особый дворъ и помѣщаются въ своемъ отдѣленіи, на полуэтапахъ же онѣ ночуютъ въ солдатской караульнѣ.

Обыкновенно помѣщеніе, по количеству людей, недостаточно. На нарахъ тѣснятся такъ, что едва могутъ ворочаться; нѣкоторые помѣщаются въ ногахъ у другихъ, на краю наръ; остальные на полу и подъ нарами. Можно себѣ представить, какая тутъ духота, особливо въ ненастную погоду, когда приходятъ всѣ мокрые, въ своихъ грязныхъ рубищахъ! Къ этому еще на ночь ставится такъ называемая параша, т. е. просто деревянный ушатъ, исполняющій должность необходимой ночной мебели.. Смрадъ отъ этой параши нестерпимый. Вообще филантропъ найдетъ здѣсь полное отсутствіе идеи человѣколюбія, равно философской, какъ и христіанской: но за то и несчастные, какъ-бы соревнуя такой жестокости, стараются какъ можно болѣе выказать отвратительную сторону своего человѣчества. Они, такъ сказать, закаливаются здѣсь во всѣхъ порокахъ. Между ними всегда шумъ, крикъ, карты, кости, ссора или пѣсни, пляска... Боже! какая пляска!.. Однимъ словомъ, тутъ истинное подобіе ада.

Когда партія приходитъ на этапъ, то нѣсколько мѣстныхъ жителей ожидаютъ уже ее на дворѣ съ съѣстными припасами: съ хлѣбомъ, булками, калачами, съ ватрушками, съ вареною говядиной, съ жареною печенкою или рыбою и т. п. Сперва этапные офицеры не пускали жителей, и сами держали для партій все нужное; но по многимъ жалобамъ арестантовъ, «что офицеры берутъ съ нихъ вдвое противъ вольной цѣны», правительствомъ это запрещено, и дозволено для продажи съѣстныхъ припасовъ арестантамъ впускать жителей внутрь этапной ограды.

Коснувшись этого факта, кстати показать здѣсь все, къ чему способны эти этапныя благородія. Большая часть изъ нихъ берутъ деньги за то, чтобы не вести на канатѣ; именно по 2 коп. съ человѣка, удерживая изъ

кормовыхъ. За деньги позволяется, при проходѣ чрезъ селенія, просить милостыню вголосъ, т. е. кричать на распѣвъ: «Умилитесь, наши батюшки, до насъ, бѣдныхъ невольныхъ, заключенныхъ, Христа ради!» За деньги же пропускаютъ къ арестантамъ вино, дозволяютъ играть въ карты и въ кости,—и, повѣрятъ-ли?—за деньги дозволяютъ входъ, послѣ зари, въ женское отдѣленіе!... И это... офицеры! суть дворяне, со всѣмъ ихъ потомствомъ!.. Когда не куплено явное позволеніе играть въ карты или въ кости, унтеръ-офицеръ часто заглядываетъ къ арестантамъ, и надсматриваетъ, нѣтъ-ли игры; какъ скоро замѣтитъ, то отбираетъ карты и кости, но это всегда оканчивается только такъ называемымъ, по подъячески, срывкомъ: дадутъ полтину или четверть, онъ и доволенъ, примолвитъ только: «смотрите, чтобы офицеръ не увидалъ». Иногда сами часовые разрѣшаютъ игру, за 10 или 15 копѣекъ съ майдана, и въ такомъ случаѣ они уже стерегутъ, чтобы унтеръ-офицеръ не засталъ!.. это круговая порука!

Чтобы избѣгнуть раззорительной для этихъ бѣдняковъ покупки права играть въ карты и кости, крайнее уподленіе человѣчества изобрѣло игру, которая, если не можетъ назваться вполнѣ незапрещенною, по-крайней-мѣрѣ легче можетъ быть скрыта отъ наблюдательныхъ взоровъ унтеръ-офицера и самыхъ часовыхъ. Эту игру гнусно описывать; но для того, кто слѣдитъ человѣчество во всѣхъ его оттѣнкахъ, она не менѣе покажется интересною. Игроки нарочно имѣютъ при себѣ маленькій звѣринецъ въ перышкѣ, состоящій изъ нѣсколькихъ насѣкомыхъ, которыхъ награждаетъ нечистота и неопрятность. Они садятся въ кружокъ на нарахъ, очерчиваютъ два единоцентренные круга и поставя условленную ставку, каждый выбираетъ изъ своего звѣринца насѣкомое «по-бойчее», и всѣ разомъ выпускаютъ ихъ въ меньшій кругъ. Чье насѣкомое прежде другихъ выйдетъ за черту втораго круга, того и «конъ», т. е. вся ставка. Если случится, что два насѣкомыя выползутъ за границу вдругъ, то дѣлятъ ставку пополамъ. Вотъ ежедневное занятіе этихъ несчастныхъ—и оно, конечно, не ведетъ ни къ исправленію, ни къ раскаянію!

Заключу однимъ замѣчаніемъ: хотя, по положенію, каждую субботу должно на этапахъ топить для арестантовъ баню, но гг. этапные командиры признаютъ за лучшее топить тогда, когда партія объ этомъ попроситъ; для непонимающихъ этого слова, скажу потихоньку—когда дастъ деньги!

Заключеніе.

Эго описаніе путешествія по канату, къ сожалѣнію, осталось неконченнымъ; и такъ помѣстимъ въ заключеніе только то, что намъ извѣстно изъ краткой памятной записки Колесникова, которую онъ, по возможности, велъ дорогою.

Изъ Тобольска, какъ упомянуто въ концѣ VI главы, вывезли его больнаго. Онъ былъ безъ памяти и близокъ къ смерти, когда партія, въ которой онъ и товарищи его находились, пришла на этапъ въ селеніе, называемое Истяцкія юрты. Здѣсь, по счастію, нашли они фельдшера. Узнавъ, что двѣнадцать уже сутокъ въ больномъ непримѣтно обыкновеннаго естественнаго отправленія, фельдшеръ догадался употребить первое и необходимое въ такомъ случаѣ средство. Оно подѣйствовало, и больной пришолъ въ чувство, чтобы увидѣть свое ужасное положеніе между разбойниками и ворами, въ смрадной, грязной тюрьмѣ—положеніе, способное убить здороваго, не только больнаго! Но юность имѣетъ гигантскія силы! Къ этому дружеское попеченіе товарищей, особенно Дружинина, доставило ему утѣшеніе и, такъ сказать, «застѣнило» нѣсколько ужасныя группы олицетворенныхъ пороковъ. На другой же день онъ почувствовалъ себя гораздо лучше. Чтобы отблагодарить добраго фельдшера, Колесниковъ вынужденъ былъ продать серебрянные часы свои за 40 р., хотя они стоили полтораста: всѣ деньги у нихъ уже вышли. При отправленіи съ этапа, фельдшеръ далъ ему на дорогу лекарства въ порошкахъ, которое было ему полезно.

12 февраля (1828 г.) прибыли наши несчастные путешественники въ городъ Каинскъ, гдѣ Колесниковъ остался въ арестантской больницѣ, и пробылъ въ ней до 21 числа (февраля 1828 г.) Разлука съ товарищами была для него новымъ лишеніемъ, которое только тѣ понимать въ состояніи, кому извѣстно, какую отраду доставляетъ дружба въ общемъ несчастіи. По совершенномъ выздоровленіи, онъ отправился съ партіею преступниковъ одинъ-одинешенекъ. Положеніе его было самое мучительное. По счастію, до Томска онъ могъ еще нанимать у солдатъ подводу, платя по 10 коп. за каждый переходъ. Въ Томскомъ губернскомъ замкѣ онъ былъ утѣшенъ встрѣчею съ Дружининымъ, который остался здѣсь за болѣзнію. Съ нимъ онъ провелъ Великую Пятницу, Субботу и встрѣтилъ Пасху, неся крестъ свой! На второй день праздника, 26 марта (1828 г.) Колесниковъ принужденъ былъ покинуть своего товарища и друга, и идти пѣшкомъ до самаго Красноярска. По-крайней-мѣрѣ въ Томскѣ сдѣлали то снисхожденіе, что не заковали въ желѣза. Къ великой радости своей, онъ нашелъ въ Красноярскѣ

Таптикова, а съ нимъ вмѣстѣ Быстрицкаго и Кучевскаго [1]); потому что партіи, при которыхъ они шли, остановлены были здѣсь, по невозможности переправиться черезъ Енисей.

Изъ числа офицеровъ, ходившихъ въ караулъ, нашлись Колесникову знакомые по службѣ въ одномъ полку, въ Оренбургѣ. Они очень хорошо обошлись съ нимъ, и Колесниковъ почти каждый день бывалъ у нихъ. Между тѣмъ во все время пребыванія въ Красноярскѣ онъ принужденъ былъ шить на арестантовъ, чтобы заработать нѣсколько денегъ на дорогу.

Изъ Красноярска они выступили 4 мая (1828 г.). Одинъ изъ знакомыхъ Колесникову офицеровъ, служащій въ Иркутскѣ баталіоннымъ адъютантомъ, возвращаясь туда, выпросилъ его у партіоннаго офицера и довезъ до города Канпска. Здѣсь надобно было адъютанту остановиться; поэтому, взялъ его съ собою другой офицеръ, слѣдовавшій съ командою въ Иркутскъ, который также былъ ему знакомъ съ самаго дѣтства. Этотъ довезъ его до Нижне-Удинска. Тутъ Колесниковъ остался, сказавшись больнымъ, чтобы дождаться Таптикова.

За Удинскомъ, они имѣли на одномъ этапѣ отличный пріемъ отъ офицера, который угостилъ ихъ съ полнымъ радушіемъ. Это былъ прапорщикъ Алексѣевъ. Замѣчательно, что этотъ офицеръ послѣ переведенъ былъ въ команду, опредѣленную стеречь государственныхъ преступниковъ въ Петровскомъ казематѣ, и при нихъ, преждевременно, кончилъ жизнь свою.

Въ Иркутскѣ нашли городничимъ Муравьева [2]), который самъ принадлежалъ къ VI-му разряду государственныхъ преступниковъ, и бывъ осужденъ верховнымъ уголовнымъ судомъ въ каторжную работу, лучше другихъ умѣлъ участвовать въ несчастіи этихъ страдальцевъ. Онъ помѣстилъ ихъ въ полиціи, а не въ острогѣ! позволилъ ходить по городу съ переодѣтымъ полицейскимъ провожатымъ; присылалъ имъ чай, обѣдъ и ужинъ; словомъ, дѣлалъ для нихъ все, что могъ.

Изъ Иркутска они отправились при канатѣ, но безъ желѣзъ. Черезъ Байкалъ переправились на гальетѣ. Безъ дальнихъ приключеній они перевалились, какъ говорится у сибиряковъ, за камень, и уже при са-

---

[1]) Быстрицкій, бывшій офицеръ Черниговскаго полка, слѣдовалъ въ Читу къ своимъ товарищамъ; а Кучевскій, бывшій маіоръ Астраханскаго гарнизона, осужденный за намѣреніе поджечь и разграбить городъ, дошелъ до Нерчинскихъ рудниковъ; но послѣ несчастной исторіи Сухинова соединенъ въ Читѣ съ государственными преступниками, и съ ними перешелъ въ Петровскій заводъ. В. Ш.

[2]) Александра Николаевича, впослѣдствіи Нижегородскаго губернатора, старшій братъ гр. Муравьева (Виленскаго). Александръ Николаевичъ умеръ кажеться въ 1862 году.

момъ перевозѣ черезъ р. Читу унтеръ-офицеръ захотѣлъ надѣть на нихъ наручныя желѣза, увѣряя, что непристойно безъ нихъ явиться къ г. коменданту; но они рѣшительно сказали, что наряда этого не надѣнутъ добровольно; а силою принудить ихъ у него не достало духа.

Когда привели ихъ къ комендантскому дому, къ нимъ вышелъ плацъ-адъютантъ Розенбергъ, и повелъ ихъ въ такъ называемый Дьячковскій казематъ, осмотрѣлъ и переписалъ ихъ вещи и отвелъ имъ мѣсто между жившими тутъ государственными преступниками; это были Ивашевъ, Мухановъ, Митьковъ, Лунинъ и Громницкій.

Съ ними съ первыми они познакомились 9 сентября 1828 года.

На другой день пришелъ къ нимъ комендантъ, опросилъ о претензіяхъ, и сказавъ: «Надѣюсь, что вамъ здѣсь будетъ хорошо», вышелъ. Черезъ недѣлю отдыха, ихъ вывели на работу—усыпать улицу предъ домомъ Трубецкаго, и тутъ познакомились они съ прочими Читинскими узниками.

На этомъ прекращается краткая памятная записка Колесникова.

В. И. Штейнгейль.

1835 г.

ВЫСЕЛЕНІЕ ГОРЦЕВЪ СЪ КАВКАЗА.

. . . .
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Русскому мечу подвластно.
Кавказа горные сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
. . . .

Пушкинъ.

I.

Географическія, этнографическія и статистическія данныя о выселеніи.

Выселеніе горцевъ, населявшихъ Кавказъ, представляетъ одно изъ замѣчательныхъ историческихъ событій нашего времени, хотя до сихъ поръ оно не разъяснено и не описано такъ подробно, какъ бы слѣдовало. Полумилліонное населеніе изъ многихъ племенъ, разнаго корня, съ своеобразными этнографическими особенностями, съ самобытнымъ строемъ внутренней и общественной жизни, покинуло родныя горы, въ которыхъ пережило длинный рядъ вѣковъ и разсѣялось по разнымъ провинціямъ Европейской и Азіатской Турціи, гдѣ частью погибло отъ трудностей переселенія и другихъ условій жизни, частью смѣшалось съ разнородными племенами на мѣстахъ новаго водворенія и съ теченіемъ времени неизбѣжно должно утратить свои историческія преданія и характеристическія особенности. Филологія, этнографія, географія и исторія утратили въ этомъ богатыя средства разъяснить много важныхъ вопросовъ въ минувшей жизни человѣчества, а потому на насъ, современниковъ переселенія, лежитъ обязанность указать на его важность и занести въ лѣтопись историческихъ событій причины и ходъ этого печальнаго выселенія Кавказскихъ народовъ.

Не придавая представляемой на судъ критики статьѣ своей значенія всесторонняго изслѣдованія настоящаго вопроса, я ограничусь только главными чертами событія. Для болѣе ясного уразумѣнія фактовъ, считаю необходимымъ предпослать здѣсь краткій очеркъ страны и перечень населявшихъ и населяющихъ ея народностей.

Главный Кавказскій хребетъ отъ Керченскаго пролива до Каспійскаго моря доступенъ только на однѣхъ своихъ оконечностяхъ для прохода съ сѣвера на югъ; въ остальныхъ частяхъ онъ представляетъ почти сплошную массу горъ, рѣзко отдѣляющую сѣверный Кавказъ отъ Закавказья, не только въ географическомъ, но и въ этнографическомъ отношеніи. Сѣверные склоны этого хребта, спускаясь сначала крутыми, а потомъ болѣе отлогими уступами въ равнину, служащую продолженіемъ при-Волжскихъ и при-Донскихъ степей, образуютъ, съ прилегающимъ къ нимъ пространствомъ, слѣдующія части: западную или бассейнъ рѣки Кубани, восточную или бассейнъ рѣки Терека и промежуточную маловодную степь по рѣкамъ Кумѣ и Калаусу. Сѣверо-восточный-же склонъ главнаго хребта составляетъ высокое нагорное пространство (Дагестанъ,) вмѣщающее въ себѣ бассейны рѣкъ Сулака и Самура.

Южный склонъ Кавказскаго хребта, спускаясь по направленію къ Черному морю, образуетъ узкую прибрежную полосу, упирающуюся въ рѣку Ингуръ. Далѣе, на востокъ, находится замкнутая долина Ріона, а за Месхійскимъ хребтомъ лежитъ бассейнъ рѣки Куры, сначала нагорный, потомъ равнинный и степной, переходящій въ Каспійскую низменность. Къ югу отъ рѣки Куры растилается нагорное плато (Ахалкалакское и Александропольское), составляющее продолженіе Турецкой Арменіи (нынѣ вошедшей въ составъ русской территоріи подъ именемъ Карсской области). Восточнѣе этого плато находится возвышенная мѣстность при озерѣ Гокча и рѣкѣ Араксѣ, входящая въ связь съ Адербейджаномъ. Наконецъ Ленкоранскій уѣздъ есть продолженіе персидскаго Талыша.

Вся эта громадная территорія Кавказа (не считая областей Карсской и Батумской), представляющая площадь въ 7,975 кв. миль или 385,887 кв. верстъ, нынѣ заселена 5,387,000 душъ разнообразнаго населенія, въ числѣ коего считается:

Русскихъ	1,300,000
Грузинъ	1,159,000
Армянъ	656,000
Мусульманъ.	1,992,000
Евреевъ и др.	280,000
Всего	5,387,000

Населеніе это при столь значительной площади Кавказа даетъ на одинъ километръ 12, 4 души. Понятно поэтому, какой ущербъ экономическому развитію края должно было принести выселеніе горцевъ, достигшее въ продолженіе 1858 по 1865 годъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 493,194 души или 1/11 части всего населенія Кавказа.

Племена, выселившіяся въ упомянутый періодъ времени въ Турцію, занимали сѣверный склонъ западнаго Кавказа и прибрежную горную полосу между главнымъ хребтомъ и Чернымъ моремъ отъ Анапы до Гагра и котловину рѣки Бзыби. Мы перечислимъ ихъ и укажемъ мѣста, гдѣ они обитали:

1. Прибрежье Чернаго моря, къ сѣверу отъ границъ Абхазіи, занято было Джигетами (Саадзенъ, Садзуа), дѣлившимися на а) Псху, обитавшее въ котловинѣ рѣки Бзыби и по рѣкѣ Мзымтѣ до мыса Адлеръ; б) Ачхипсоу — по верховьямъ рѣкъ Псху и Мзымты; в) Аибга—на пространствѣ между рѣками Бзыбъ и Псху и выше верховьевъ Хошупсе; 2) Цандрипшъ—между рѣками Бзыбъ и Хошупсе, и д) общества Кечьба, Аредба, Цвиджа и Бала, жившія между рѣками Хоста и Мзымта.

2. Убыхи—самое воинственное и предпріимчивое племя на восточномъ берегу Чернаго моря. Они жили между рѣками Хоста и Шахе и по примыкающимъ къ нимъ ущельямъ. Убыхи раздѣлялись на: а) собственно Убыховъ — между верховьями рѣкъ Хоста и Шахе; б) Саше—по прибрежью, между рѣкою Хоста и долиною рѣки Сочи включительно, и в) Вардане—по прибрежью отъ долины рѣки Сочи до Шахе, съ ея притоками включительно.

3. Шапсуги. Они раздѣлялись на Большихъ и Малыхъ. Земля большихъ Шапсуговъ находилась на нижней Кубани, по сѣверному скату главнаго хребта между рѣкою Адагумъ, составлявшею западную границу между Шапсугами и Натухайцами и рѣкою Псекупсъ, отдѣлявшею Шапсуговъ отъ Абадзеховъ. Малые Шапсуги жили на южномъ склонѣ главнаго хребта, между рѣкою Шахе, землею Убыховъ, рѣкою Джубга и землею Натухайцевъ.

4. Натухайцы (Натхокуаджъ)—занимали западную оконечность понижающагося къ Черному морю Кавказскаго хребта и южный склонъ послѣдняго отъ Анапы до рѣки Джубга.

5. Абадзехи. Они жили на пространствѣ между рѣками Бѣлой и Псекупсомъ и главнымъ хребтомъ, отдѣлявшими ихъ съ юга отъ Убыховъ, съ запада—Шапсуговъ и востока—Абазинцевъ.

6. Абазинцы населяли самую возвышенную полосу по сѣверной покатости главнаго хребта на пространствѣ между верховьями Кумы,

Подкумка, на лѣвомъ берегу Кубани и у истоковъ рѣкъ Лабы, Ходзъ и Губсъ. Они раздѣлялись на кумскихъ и кубанскихъ абазинцевъ.

7. Башильбаевцы—въ верховьяхъ рѣкъ Урупа и Зеленчука.

8. Тамовцы—на верховьяхъ Большой Лабы.

9. Кизылбековцы—за горою Ахмедъ, у верховьевъ рѣки Андрюкъ.

10. Шегиреевцы—по верховьямъ Малой Лабы.

11. Баговцы—у рѣки Ходзъ, на лѣсистой подошвѣ горы Ашишбагъ.

12. Егерукаевцы и Темиргоевцы—на лѣвомъ берегу Лабы, близъ впаденія ея въ Кубань.

13. Бесленеевцы—по правому берегу Большой Лабы и по Большому и Малому Тегенямъ, впадающимъ въ Урупъ.

14. Мохошевцы—на лѣвомъ берегу Лабы, выше Гатюкаевцевъ, которые жили при самомъ ея устьѣ.

15. Бжедухи. Они занимали земли по лѣвую сторону Кубани, по низовьямъ рѣкъ Пшиша и Псекупса, до границъ Шапсуговъ.

16. Закубанскіе Ногайцы заселяли лѣвый берегъ Кубани отъ станицы Баталпашинской до устья рѣки Лабы и по правую сторону Кубани въ Тахтамышевскихъ аулахъ и подъ горою Бештау, близъ Пятигорска.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ данныхъ опредѣлить хотя съ достаточною приблизительностью численность каждаго изъ племенъ, такъ какъ при совершенномъ отсутствіи между ними государственности, сами представители ихъ и старшины никогда не знали точной цифры своихъ единоплеменниковъ. Даже число дымовъ, при полной свободѣ каждаго жить и уходить куда ему угодно, не могло быть опредѣлено. Если-бы выселеніе производилось систематически и подъ надзоромъ нашего правительства, то была бы возможность опредѣлить численность каждаго изъ племенъ, ушедшихъ въ Турцію, но дѣло въ томъ, что выселеніе началось ранѣе появленія нашихъ войскъ на южномъ склонѣ Кавказа, у берега Чернаго Моря. Горцы грузились на турецкія кочермы, выходившія изъ пунктовъ, принадлежавшихъ еще непокорнымъ племенамъ, которымъ рѣшительно не было никакого интереса считать кто и зачѣмъ отправляется въ Турцію. Съ другой стороны, при усилившемся выселеніи, когда наше правительство было вынуждено принять непосредственное участіе въ этомъ событіи, для устраненія бѣдственнаго положенія горцевъ, столпившихся массами на берегу Чернаго моря, въ ожиданіи прихода судовъ и безъ всякихъ средствъ къ существованію, счетъ переселенцамъ производился не съ научною, а съ гуманною цѣлью уменьшить размѣръ бѣдствій переселенцевъ. Оттого въ оффиціальныхъ документахъ болѣе всего обращалось вниманія на счетоводство, на количество выданныхъ пособій, при чемъ этнографическія особенности

оставлялись въ сторонѣ. Сколько тысячъ горцевъ было отправлено на частныхъ, казенныхъ и турецкихъ судахъ опредѣлить можно; но кто именно отправлялся: Бжедухи, Абадзехи или Шапсуги оказывалось извѣстнымъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Вотъ почему мы, исчисляя отдѣльныя племена, не выставили въ прилагаемой ниже вѣдомости ни числа дымовъ, ни числа душъ въ каждомъ изъ нихъ, такъ какъ такія цифры были-бы совершенно неточны. Мы могли составить эту вѣдомость по оффиціальнымъ документамъ, изъ которыхъ видно, что число всѣхъ переселенцевъ въ Турцію черезъ порты восточнаго берега Чернаго моря съ 1858 по 1865 годъ составляетъ 469,703 души. Изъ нихъ приблизительно главныхъ племенъ выселилось:

Натухайцевъ	45,023
Абадзеховъ.	27,337
Шапсуговъ.	165,626
Убыховъ.	74,567
Джигетовъ	11,873
Бжедуховъ	7,983

Но всѣ эти цифры необходимо увеличить на 27,671 душу (Шапсуговъ, Бжедуховъ и Натухайцевъ), которые по окончательному расчету полковника Фадѣева значатся отправленными изъ Новороссійска и Псезуапе. Всего стало быть съ восточнаго берега въ 1864—1865 гг. отправлено, подъ наблюденіемъ агентовъ нашего правительства, 384,529 душъ. Прибавивъ къ этой цифрѣ выселившихся съ 1858 по 1864 годъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ графомъ Евдокимовымъ,

1. Абазинскаго племени: Кизылбековцевъ, Тамовцевъ, Баговцевъ, Башильбаевцевъ, Шагиреевцевъ 4,350 семействъ	30,000
2. Бесленеевцевъ 600 семействъ	4,000
3. Темиргоевцевъ, Егерукаевцевъ, Мохошевцевъ до 2,000 семействъ	15,000
4. Натухайцевъ, не желавшихъ выселиться на плоскость въ 1863 году.	4,057
5. Бжедуховъ 200 семействъ.	2,517
6. При-Кубанскихъ Ногайцевъ	30,650
	86,224

А всего получится 470,753 души.

Свѣдѣнія эти хотя оффиціальныя, но, какъ видно, неточны. Кромѣ того есть полное основаніе думать, что даже въ то время, когда главнокомандующимъ арміею были назначены спеціальные агенты для

наблюденія за выселеніемъ горцевъ, то и они невѣрно показывали число душъ. Въ докладѣ особой коммисіи, назначенной при Окружномъ штабѣ для разбора свѣдѣній по переселенію горцевъ, 11-го февраля 1865 года, между прочимъ, сказано: «Большинство квитанцій и пособій переселенцамъ весьма сомнительнаго свойства. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ квитанціи, представленныя капитаномъ княземъ Чавчавадзе и штабсъ-капитаномъ Добжанскимъ».

Впрочемъ, не смотря на вѣроятность нѣкотораго преувеличенія цифры пособій, число выселившихся душъ въ дѣйствительности не только не менѣе, но должно быть значительно болѣе показаннаго, такъ какъ всѣ переселенцы, отправившіеся на свой счетъ на турецкихъ кочермахъ изъ портовъ, намъ неподвластныхъ, бо́льшею частью остались неизвѣстны для оффиціальныхъ лицъ, а это составляетъ весьма солидную поправку нѣкотораго преувеличенія числа выданныхъ пособій, что съ другой стороны вовсе и не требовало преувеличенія числа переселенцевъ.

Вѣдомость числа горцевъ разныхъ племенъ Кавказа, выселившихся въ Турцію съ 1858 по 1864 годъ.

Названіе племенъ.				Число душъ.
		Въ 1863 и 1864 годы.		
Абадзеховъ:	изъ	Тамани		27,337
Натухайцевъ:	изъ	Анапы	16,452	45,023
» »	»	Новороссійска	28,571	
Шапсуговъ:	изъ	Новороссійска	42,157	165,626
» »	»	Туапсе	63,449	
» »	»	Ту, Нечепсухо, Джубы и Пшада	60,000	
Убыховъ:	изъ	Мокупсе и Сочи	42,539	74,567
» »	»	Сочи и Хоста	10,678	
		Ушли прежде изъ Мокупсе и Сочи	21,350	
Джигетовъ:	изъ	Адлера и Сочи	2,618	11,873
» »	»	Псху	5,040	
» »	»	Цандрипша	4,215	
Ачхипсоу:	изъ	Цандрипша		4,000
Псху изъ Гудаута (согласно рапорту командующаго войсками въ Абхазіи, отъ 20-го августа 1864 года)				3,642
			Итого	332,068

Съ 1858 по 1866 годъ.

Абазинское племя (Кизылбековцы, Тамовцы, Баговцы, Башильбаевцы, Шагиреевцы) 4,350 семействъ	30,000
Бесленеевцевъ 600 семействъ	4,000
Темиргоевцевъ, Егерукаевцевъ и Мохошевцевъ до 3,000 семействъ	15,000
Натухайцевъ	4,057
Бжедуховъ	2,517
При-Кубанскихъ Ногайцевъ	30,650
Итого. . .	86,224
А всего выселилось въ Турцію через порты Чернаго моря. . .	418,292

Послѣ составленія отчета начальника Кубанской области въ ноябрѣ и декабрѣ 1864 года и въ мартѣ 1865 года выселилось черезъ Новороссійскъ:

Абадзеховъ	15,811
Шапсуговъ	3,543
Бжедуховъ	5,436
Итого. . .	24,790

Кромѣ того, послѣ составленія отчета объ отправленіи горцевъ полковникомъ Фадѣевымъ, выѣхало Шапсуговъ, Бжедуховъ и Натухайцевъ изъ Новороссійска и Псезуапе 52,411 душъ, какъ это значится въ вѣдомости, приложенной къ докладу коммисіи по дѣлу о переселеніи горцевъ въ Турцію (18-го февраля 1865 года); но такъ какъ при этомъ упоминаются 4,600 душъ переселенцевъ, вошедшихъ въ число упомянутыхъ выше 24,790 душъ, то, по всей вѣроятности, всѣ эти переселенцы числятся по послѣдней цифрѣ, а потому слѣдуетъ добавить только 52,411—24,790 или только 27,621

Что дастъ общій итогъ переселенцевъ черезъ порты Чернаго моря 470,703

А прибавивъ сюда выселившихся изъ Большой и Малой Чечни 22,1943

Всего. . . 493,194

II.

Кавказская война и ея неизбѣжность. — Столкновенія съ Турціей. — Европейская дипломація. — Вмѣшательство ея въ Кавказскую войну.

Кавказская война началась не въ силу какихъ нибудь политическихъ задачъ или дипломатическихъ соображеній, но была естественнымъ результатомъ государственнаго роста Россіи. Оттого, съ одной стороны, война эта тянулась такъ долго, а съ другой, большинство не видѣло въ ней никакой цѣли, никакой пользы и горько жаловалось на безплодное истребленіе государственныхъ средствъ, на продленіе ненужнаго кровопролитія.

Уничтоженіе царствъ Казанскаго и Астраханскаго въ царствованіе Іоанна Грознаго поставило Россію лицомъ къ лицу съ полудикими народами, обитавшими у береговъ Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго морей. Къ этому именно времени относится появленіе нашихъ пограничныхъ кордонныхъ линій изъ укрѣпленій и поселеній, какъ неизбѣжная мѣра для прикрытія внутренней страны отъ грабежей и набѣговъ разноплеменныхъ сосѣдей. Необходимость содержать эти линіи, заставляла пограничныхъ воеводъ постоянно требовать у правительства высылки подкрѣпленій войсками и поселенцами, къ которымъ охотно примыкала вся бродячая вольница, водворяясь на привольныхъ мѣстахъ, внѣ строгаго контроля центральной власти. Такое усиленіе кордоновъ давало возможность пограничнымъ воеводамъ не ограничиваться пассивнымъ отраженіемъ набѣговъ, но переходить къ наступательнымъ дѣйствіямъ для наказанія хищниковъ, при чемъ у нихъ отбивались разныя важныя угодья. Прямымъ слѣдствіемъ этихъ дѣйствій было, что граница никогда не оставалась на мѣстѣ, но постоянно подвигалась къ низовьямъ Дона и предгоріямъ Кавказскаго хребта. Такимъ образомъ уже въ 1567 году построена крѣпость на лѣвомъ берегу Терека, близъ устья Сунжи, которая хотя и была оставлена по просьбѣ султана Селима, но возобновлена въ 1578 году. Въ томъ же 1567 году построенъ при устьѣ Терека Терскій городокъ и учреждено Терское воеводство, для управленія Кавказскими народами, которые начали искать покровительства Россіи еще со времени Іоанна Грознаго. Въ такомъ покровительствѣ сосѣднимъ племенамъ никогда не отказывалось, въ предположеніи достичь этимъ путемъ спокойствія на границахъ. Но такая надежда, очевидно, никогда не сбывалась: инородцы посылали посольства, получали подарки, выдавали аманатовъ, принимали присягу,—но постоянно производили на-

бѣги и вызывали наступательныя дѣйствія нашихъ войскъ, для наказанія виновныхъ и занятія новыхъ пограничныхъ пунктовъ.

Между тѣмъ, въ то самое время, какъ Россія подвигалась къ сѣверному склону Кавказскаго хребта, по южную его сторону, спорили за господство персіяне и турки. Послѣдніе въ 1578 году снова начали занимать восточный берегъ Чернаго моря, оставшагося безъ хозяина послѣ истребленія генуэзскихъ колоній. Въ этомъ же году ими построены крѣпости въ Поти и Сухумѣ, и начало замѣтно распространяться ихъ вліяніе на Кавказскія племена. Такимъ образомъ принятіе племенъ подъ покровительство Россіи ставило ее во враждебныя отношенія къ Турціи.

Но еще большимъ поводомъ къ столкновеніямъ этихъ государствъ послужили христіанскія владѣнія за Кавказомъ: Грузія, Карталинія, Кахетія, Имеретія, Гурія и Мингрелія. Еще въ 1586 году Кахетинскій царь Александръ II испрашивалъ покровительства у царя Θеодора Іоанновича, и съ тѣхъ поръ изъ Закавказья посольство отправлялось за посольствомъ, съ тою же просьбою противъ турецкихъ и персидскихъ утѣсненій, пока, наконецъ, въ 1801 году, манифестомъ императора Александра I, Грузія не присоединена къ Россіи и военныя дѣйствія противъ Кавказскихъ племенъ неизбѣжно начались съ обѣихъ сторонъ Кавказскаго хребта.

Не смотря на это, характеръ Кавказской войны остался тотъ же, что и былъ въ 1567 году. Начальники Кавказской линіи и имъ подчиненные отражали набѣги и наказывали хищниковъ экспедиціями. Хищники изъявляли покорность, выдавали аманатовъ и снова дѣлали набѣги. Къ этому прибавились въ Закавказіи военныя дѣйствія противъ персіянъ и турокъ, у которыхъ мы постоянно отнимали ханства и владѣнія, признававшія ихъ господство или состоявшія подъ ихъ покровительствомъ. Такъ продолжалось до Крымской войны, послѣ которой наши войска, посланныя на границу Турціи, оставлены были, по ходатайству князя Барятинскаго, на Кавказѣ, и такимъ образомъ появились здѣсь значительныя боевыя силы, дававшія возможность покончить Кавказскую войну совершеннымъ покореніемъ всѣхъ горцевъ, вслѣдствіе того принципа, что «пятидесятилѣтній опытъ убѣдилъ насъ, что никакой миръ невозможенъ съ народомъ, который не имѣетъ правительства и въ которомъ не существуетъ даже понятія о предосудительности воровства и грабежа [1])».

---

[1]) Письмо начальника штаба Кавказской арміи генерала Карцева къ управляющему русской миссіей въ Константинополѣ, отъ 23-го августа 1863 года, № 17.

Только одинъ разъ въ теченіи 300 лѣтъ наши завоевательныя дѣйствія на Кавказѣ были осмыслены глубокою государственною мыслью. Геніальный преобразователь Россіи, въ своихъ дальновидныхъ заботахъ о ея будущности, постигъ разомъ значеніе Каспійскаго моря и прилегающихъ къ нему земель. Могучій умъ его охватилъ всю цѣльность политико-экономическихъ интересовъ Россіи въ Средней Азіи и Индіи и онъ сначала отправилъ экспедицію Бухгольца и князя Черкасскаго (1714—1715,) чтобы, утвердившись въ Хивѣ, послать купчину въ Индію, приказавъ ему описывать путь и, по возможности, отыскать кратчайшее и удобнѣйшее сообщеніе Индіи съ Каспійскимъ моремъ. Потомъ, при неудачѣ этихъ предпріятій, самъ двинулся съ войсками по кавказскому берегу Каспія, завладѣлъ городомъ Баку и самыми богатыми при-каспійскими провинціями Персіи, черезъ которыя дѣйствительно пролегаетъ удобнѣйшій путь изъ Россіи въ Тегеранъ, Шахрудъ, Гератъ и Кандагаръ. Но такая широкая задача не была понята его преемниками и въ 1735 году императрица Анна Іоанновна возвратила Персіи завоеванныя Петромъ I провинціи. Въ наше время прорывъ Аму-Дарьи до Сарикамышскаго озера доказалъ вѣрность предположеній Петра о поворотѣ этой рѣки въ Каспійское море; Хива нами занята, въ Средней Азіи мы дошли до верховьевъ Аму—и потому геніальная мысль великаго вѣнценосца на половину осуществилась путемъ историческимъ, т. е. помимо всѣхъ соображеній дипломатовъ, какъ необходимое естественное условіе государственнаго роста Россіи. Стало быть и завоеванію Кавказа европейская дипломація можетъ теперь приписать глубокую политическую цѣль. Завѣщаніе Петра Великаго исполнено, хотя оно не существовало и не существуетъ и никто не заботился объ его исполненіи.

Турецкое господство надъ Кавказскими племенами и владѣніями было только номинальное, хотя турки построили крѣпости на восточномъ берегу Чернаго моря (Анапу, Сухумъ, Потя) и занимали по временамъ непосредственно своими войсками Закавказскія провинціи. Назначая пашей и созидая крѣпости, турки вовсе не касались реорганизаціи народной жизни: они только стояли лагеремъ и эксплуатировали, какъ умѣли, занятыя земли. Отъ этого въ христіанскихъ провинціяхъ, гдѣ не было религіозной связи между завоевателями и населеніемъ, завоеваніе, кромѣ раззоренія страны, ничего въ ней не измѣняло. Принявъ покровительство и потомъ вступивъ въ составъ русскаго государства, эти провинціи потеряли всякое воспоминаніе о туркахъ и сношеніяхъ съ ними. Только при началѣ подданства, лишившіеся престола цари и владѣтели бѣгали къ туркамъ,

находили у нихъ пріютъ, помощь и производили при ихъ посредствѣ набѣги и волненія въ прежнихъ своихъ владѣніяхъ, но нашимъ войскамъ не трудно было съ ними справиться. Совсѣмъ иначе были отношенія турокъ къ нехристіанскому населенію, между которымъ исламъ, распространяясь постепенно, сдѣлался господствующею религіею. Въ качествѣ главы правовѣрныхъ, турецкій султанъ сдѣлался верховнымъ покровителемъ и властителемъ всѣхъ мусульманскихъ племенъ. Плѣнопродавство, неизмѣнный спутникъ грабежей и набѣговъ, вошло въ нравы и обычаи горскихъ народовъ и распространилось даже на собственныхъ дѣтей. Дѣвушки и дѣвочки замѣчательныхъ красотою кавказскихъ племенъ очень легко доходили до Константинополя, наполняли тамъ гаремы султана и знатныхъ пашей, дѣлались любимыми женами и, пріобрѣтя значеніе, выписывали къ себѣ и сносились съ своими родными на Кавказѣ. Мальчики, продаваемые туркамъ, также нерѣдко достигали важныхъ должностей у султана и кичились тѣмъ предъ своими родичами, вызывая ихъ въ Константинополь поклониться своему величію. Такимъ образомъ, кромѣ общей религіи, благодаря которой тысячи Кавказскихъ правовѣрныхъ пилигримовъ посѣщали Мекку и живали въ Костантинополѣ по гаремнымъ связямъ и карьерамъ ихъ родственниковъ, среди горцевъ вѣками выработалось глубокое убѣжденіе въ исключительной силѣ и могуществѣ султана, въ лицѣ котораго сосредоточивалось понятіе о верховномъ главѣ религіи, объ истинномъ, естественномъ покровителѣ и источникѣ всѣхъ благъ. На такомъ убѣжденіи не трудно было основать сильное политическое вліяніе Турціи между мусульманскими племенами, тѣмъ болѣе, что военныя дѣйствія и успѣхи русскихъ невольно заставляли горцевъ искать внѣшней опоры и покровительства.

Впрочемъ, турецкое правительство не придавало сначала большаго значенія господству надъ кавказскими племенами и почти не противудѣйствовало распространенію русской власти. Трудно рѣшить: происходило ли то отъ небрежности и непониманія, или было результатомъ увѣренности въ несокрушимости сопротивленія горцевъ русскимъ и въ непоколебимой преданности ихъ султану, какъ главѣ правовѣрныхъ. Во всякомъ случаѣ, вся политика турецкаго правительства относительно кавказскихъ горцевъ заключалась не въ непосредственной помощи, а въ усиленіи нравственной связи съ ними, при посредствѣ высылаемыхъ изъ Турціи проповѣдниковъ ислама, которые вездѣ, гдѣ было возможно, устраивали при мечетяхъ школы, укрѣпляли исламъ и проповѣдывали о могуществѣ султана и необходимости сопротивленія русскимъ. Только во второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда побѣды Румянцова и Суворова потрясли турецкое могущество

и Россія завладѣла Новороссіей и Крымомъ,—Турція обратила вниманіе на распространеніе нашихъ завоеваній на Кавказѣ, тѣмъ болѣе, что по Кучук-Кайнарджинскому миру 1774 года, Порта Оттоманская обязалась оставить Гурію и Имеретію. Въ 1781 году была построена крѣпость Анапа и Турція предприняла непосредственныя военныя дѣйствія противъ насъ, но съ 1790 года, когда на Кубани былъ разбитъ Батал-паша, серьезныхъ операцій со стороны этой державы на сѣверномъ Кавказѣ не было, хотя всякая война наша съ нею непремѣнно сопровождалась большими военными столкновеніями на Закавказской границѣ.

Во второй же половинѣ прошлаго столѣтія, благодаря проэктамъ князя Потемкина, появился на сцену такъ называемый восточный вопросъ, и съ этого времени начинаются заботы европейской дипломаціи о кавказскихъ горцахъ. Сначала, въ виду отдаленности, недоступности и неизвѣстности этого края, они только указывали Турціи на важность поддержки и господства надъ горцами, для противудѣйствія Россіи, въ полной увѣренности, что затѣя покорить свободныя племена, населяющія недоступныя горы, послужитъ къ ослабленію Россіи. Но постоянные наши успѣхи, какъ на сѣверномъ Кавказѣ, такъ и въ Закавказіи, заставили, наконецъ, соперничествующее англійское правительство принять непосредственное дипломатическое участіе въ охраненіи независимости кавказскихъ племенъ. Случай къ этому представился при заключеніи Адріанопольскаго мира 2-го сентября 1829 года, по которому Турція уступила Россіи, вмѣстѣ съ крѣпостями Анапою, Сухумомъ и Поти, всѣ свои права на кавказскій берегъ Чернаго моря. Англія не признала за Турціей права сдѣлать такую уступку и, стало быть, отказалась признать право Россіи на восточный берегъ Чернаго моря. Въ видѣ исключенія, Англія на этотъ разъ была права de jure. Турецкій султанъ считалъ себя властелиномъ на кавказскомъ берегу, гдѣ у него были крѣпости съ турецкими гарнизонами, но онъ въ дѣйствительности только и владѣлъ территоріей, занятой этими крѣпостями,—слѣдовательно, только и могъ уступить эту землю Россіи. Племена же, обитавшія на восточномъ берегу, были политически совершенно независимы и только въ силу религіозныхъ понятій признавали главенство султана, какъ верховнаго представителя религіи. Но если папа не сохранилъ за собою права раздавать католическія государства даже во время самаго высокаго могущества папскаго престола, то, конечно, за падишахомъ еще менѣе было возможно признать подобное право относительно совершенно независимыхъ мусульманскихъ народностей. Непризнаніе Англіей нашего права оставлено было императоромъ Нико-

лаемъ безъ всякаго вниманія и съ 1829 года мы начали прочно занимать восточный берегъ укрѣпленіями, при чемъ, для скорѣйшаго покоренія горцевъ, воспрещенъ былъ приходъ къ нему всѣхъ иностранныхъ судовъ, которые очевидно могли бы подвозить горцамъ боевые припасы и усилить ихъ сопротивленіе. Для наблюденія-же за исполненіемъ этой мѣры было учреждено крейсерство военныхъ судовъ вдоль всего восточнаго берега. Британское правительство не могло объявить за то Россіи войны, но желая фактически показать, что оно не признаетъ нашего права воспрещать иностранную торговлю съ независимыми Черкесскими племенами, снарядило въ 1836 году, подъ купеческимъ флагомъ, шкуну «Vixen», на которой отправился къ горцамъ эмиссаръ англійскаго правительства Бель. Судно это пришло въ Геленджикъ, но здѣсь было взято нашими крейсерами, какъ призъ отведено въ Севастополь и продано тамъ съ аукціоннаго торга. Бель, по счастію для себя, былъ въ это время на берегу и потому избѣгъ прогулки въ Сибирь, которая положена у насъ по закону для контрабандистовъ. Онъ оставался между горцами около трехъ лѣтъ, стараясь соединить раздѣленныя взаимными распрями прибрежныя племена и организовать единодушное возстаніе и ожесточенную войну противъ Россіи, но это ему не удалось и онъ благополучно возвратился въ Англію, описавъ подробно свои похожденія [1]. Англійское правительство отказалось отъ всякаго участія въ снаряженіи Vixen'а и признало захватъ шкуны нашими крейсерами правильнымъ, такъ какъ почти не протестовало противъ продажи его съ аукціоннаго торга, но съ этихъ поръ уже не посылало своихъ судовъ, довольствуясь доставленіемъ горцамъ оружія и боевыхъ припасовъ черезъ Константинополь и порты Анатолійскаго берега, на турецкихъ кочермахъ, принимавшихъ весь рискъ путешествія къ восточному берегу на собственный страхъ.

Франція еще позднѣе вмѣшалась въ дѣла кавказскихъ горцевъ, именно во время Наполеона III. Создавъ принципъ національностей для основы государства, Наполеонъ предполагалъ употребить его для ослабленія Россіи возстановленіемъ Польши на западѣ, поддержаніемъ независимости горцевъ и усиленіемъ вліянія и владѣній Турціи на югѣ. Въ воображеніи его Крымъ и Закавказье, или по крайней мѣрѣ часть его (Кутаисская губернія,) прилегающая къ Черному морю и границамъ Турціи, должно было отнять у Россіи и

---

[1]) Bell James Stanislaus. Journal of a residence in Circassia, during the years 1837, 1838 and 1839. London, MDCCCXL.

возвратить прежнему хозяину—султану. Поэтому передъ Крымской войною начались интриги Франціи для возстановленія противъ Россіи горцевъ при посредствѣ Турціи. Но такой фантастическій проэктъ, основанный на ложномъ представленіи о дѣйствительномъ положеніи народовъ и земель, которыми думалъ распоряжаться французскій императоръ, конечно, исполненъ быть не могъ. Передъ Крымской войной, или вѣрнѣе, передъ появленіемъ союзнаго флота въ Черномъ морѣ, сняты были нами всѣ укрѣпленія береговой линіи, а послѣ дессанта въ Крымъ, союзные дипломаты явились на восточномъ берегу и предложили горцамъ избавить ихъ навсегда отъ русскихъ, если они примутъ покровительство Англіи. Горцы, однако, не попали въ ловушку. Они объявили на такое предложеніе, что противъ русскихъ они собственно ничего не имѣютъ, но воюютъ съ ними потому, что они занимаютъ ихъ земли, и что если французы и англичане сдѣлаютъ то же, то они будутъ съ ними драться также ожесточенно, какъ дрались съ русскими. Поэтому идея принять горцевъ подъ покровительство всей Европы или Англіи и Франціи и не допустить Россію завладѣть Кавказомъ, такъ и осталась въ проэктѣ. Тогда задумана была экспедиція Омера-паши въ Сухумъ, съ цѣлью занять Абхазію и всю Кутаисскую губернію. Въ Сухумѣ у насъ было, если не ошибаюсь, всего два баталіона больныхъ лихорадкою солдатъ, которые, благодаря стараніямъ бывшаго владѣтеля князя Михаила Шарвашидзе, отступили безъ сопротивленія Абхазцевъ къ Мингреліи и заняли позицію на Ингурѣ. Омер-паша преслѣдовалъ ихъ съ 28 баталіонами турокъ и вздумалъ форсировать переправу черезъ Ингуръ. Цѣлый день 4 орудія и два баталіона держались и не допустили переправы. Вся прислуга при орудіяхъ и лошади были перебиты; изъ баталіоновъ остались только двѣ роты, и тѣ ночью отступили. Омер-паша занялъ Зугдиди, двинулся къ Кутаису, но бездорожье и лихорадки, при сильныхъ дождяхъ, сдѣлали невозможнымъ его дальнѣйшее движеніе, и если бы бывшій начальникъ войскъ въ Мингреліи князь Мухранскій имѣлъ у себя состоявшую по спискамъ милицію, то, конечно, ни одно турецкое орудіе и ни одинъ человѣкъ изъ отряда Омера-паши не возвратился-бы въ Сухумъ. Такимъ образомъ попытка Англіи и Франціи вмѣшаться въ Кавказскую войну произвела дѣйствіе, совершенно обратное тому, котораго предполагалось достигнуть. Она не только не ослабила, но усилила обаяніе русскаго могущества. «Самъ великій султанъ, съ помощью англичанъ, французовъ и итальянцевъ, разсуждали горцы, пришли уничтожить Россію и, наобѣщавши всякаго блага, ушли съ позоромъ домой, предоставивъ русскимъ дѣлать, что они хотятъ на Кавказѣ». Убѣжденіе

это весьма много ослабило вѣру горцевъ въ свою несокрушимость и облегчило вторичное покореніе восточнаго берега послѣ Крымской войны. Всѣ знаютъ, что въ это время прибрежные горцы сражались далеко не съ такимъ ожесточеніемъ, какъ во время существованія черноморской береговой линіи.

Послѣ Крымской войны Англія учредила консульства въ портовыхъ городахъ восточнаго берега и съ помощью этой мѣры и воздѣйствія на Турцію путемъ интригъ возбудила противъ Россіи горцевъ. Наполеонъ же, не смотря на неуспѣхъ вмѣшательства въ дѣла кавказскихъ племенъ, не оставлялъ своей мечты произвести единовременное возстаніе въ Польшѣ и на Кавказѣ, и не удержался отъ непосредственнаго дѣйствія снаряженіемъ подъ рукою смѣшной экспедиціи Лапинскаго [1]) (Тезик-бея) въ 1863 году и сношеніями съ горцами черезъ французскаго консула въ Трепизондѣ, посылавшаго на сѣверо-восточный берегъ эмиссаровъ. Изъ нихъ послѣдній, Подайскій, жилъ въ Трепизондѣ даже во время переселенія горцевъ и употреблялъ всевозможныя интриги для удержанія ихъ на мѣстѣ, чтобы имѣть всегдашній поводъ создавать затрудненія Россіи [2]). Замѣчательно, что въ это время практическая Англія примирилась съ фактомъ выселенія, показывала полное пренебреженіе къ участи горцевъ и искала другихъ болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ противудѣйствію Россіи. Англійскій посланникъ въ Константинополѣ Сиръ Бульверъ (Sir Bulwer) самъ сообщилъ нашему повѣренному Новикову, что вожди горцевъ старались заинтересовать его участью своихъ соплеменниковъ, но онъ отказался принять ихъ просьбу. „L'Angleterre, m'a-t-il dit, dans sa franchise de l'intimité, пишетъ Новиковъ, aurait pu tirer parti de ces peuplades pendant la guerre de Crimée; aujourd'hui c'est trop tard et il ne s'agit que de faciliter, dans la mesure du possible, leur emigration [3]).

Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что вмѣшательство Турецкой и Европейской дипломаціи въ дѣла горцевъ не принесло и не могло принести имъ ничего кромѣ зла, такъ какъ оно происходило не въ интересахъ ихъ или съ какою нибудь гуманною и нравственною цѣлью, а явилось, какъ средство загребать жаръ чужими

---

[1]) Lapinsky (Tesik-bey), Theophil, Oberst und Commandant einer polnischen Truppen-Abtheilung im Lande der unabhängigen Kaukasier. Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. Nach eigner Anschauung geschildert. Hamburg. 1863.

[2]) Письмо нашего консула въ Трепизондѣ Мошнина къ генералу Карцеву, отъ 28-го ноября 1863 года.

[3]) Депеша Новикова къ вице-канцлеру, отъ $^{14}/_{26}$ апрѣля 1864 года, № 63.

руками. Горцы и въ глазахъ турокъ, и въ глазахъ Европы представляли только средство для противудѣйствія Россіи, и въ пользованіи этимъ средствомъ ни Европа, ни Турція не обнаружили никакой жалости. Воображеніе довѣрчивыхъ честныхъ горцевъ постоянно возбуждалось блистательными и игривыми обѣщаніями помощи и участія при посредствѣ разныхъ эмиссаровъ, и когда выселеніе горцевъ уже началось, европейская дипломація увѣряла переселенцевъ, что Россія не имѣетъ права ихъ переселять, что весною (1863 года) пріѣдутъ европейскіе коммисары для размежеванія ихъ съ русскими [1]) и т. п. Даже во время самаго разгара переселенія эмиссары турецкаго правительства подстрекали горцевъ къ выселенію, какъ можно судить по прокламаціи къ черкесамъ турецкаго коммисара Мухаммеда Насарета 1-го іюня 1863 года:

«Берите ваши семейства, говорится въ прокламаціи, и всѣ необходимыя вещи, потому что наше правительство заботится о постройкѣ для васъ домовъ и весь народъ нашъ принимаетъ въ этомъ дѣятельное участіе. Если тяжебныя дѣла задержатъ васъ до весны, то по окончаніи ихъ поспѣшите переселиться съ такимъ же рвеніемъ, какъ предшественники ваши».

Ад. П. Берже.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Письмо графа Евдокимова къ генералу Карцову, отъ 5-го января 1863 года, № 32.

ТРИ АСТРОНОМИЧЕСКІЯ ОБСЕРВАТОРІИ ВЪ ЛАПЛАНДІИ

въ 1767—1769 гг.

Въ Архангельскомъ губернскомъ архивѣ имѣется дѣло, заключающее въ себѣ любопытныя подробности о постройкѣ въ Лапландіи обсерваторій для наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры мимо диска солнца 1769 года мая 23.

Такъ какъ эти подробности даютъ характеристику дѣятелей екатерининскаго вѣка, а самый фактъ постройки обсерваторій извѣстенъ развѣ очень тѣсному кругу спеціалистовъ, то нахожу не безъинтереснымъ ознакомить читателей «Русской Старины» съ постепеннымъ ходомъ самаго дѣла, въ которомъ живое участіе принимала какъ сама императрица, такъ и Академія наукъ, въ лицѣ своего президента графа Владиміра Григорьевича Орлова.

1767 года, апрѣля 17-го, Архангельскій губернаторъ Головцынъ получилъ слѣдующій указъ:

«Господинъ архангелогородскій губернаторъ. Для нѣкоторыхъ астрономическихъ примѣчаній надлежитъ построить въ Колѣ три обсерваторіи, каждую длиною и вышиною въ четыре сажени, а шириною въ три сажени, чего ради потребной на то лѣсъ прикажите тамо заблаговременно заготовить нынѣшнимъ лѣтомъ или будущею зимою, о чемъ не оставите меня увѣдомить».

«Екатерина».

Этотъ указъ былъ полученъ въ Архангельскѣ 9-го мая 1767 г. Съ его полученіемъ Головцынъ затребовалъ отъ инженернаго вѣдомства смѣту, сколько потребно будетъ лѣсу и прочихъ принадлежностей къ постройкѣ 3-хъ обсерваторій.

Сообщая требуемую смѣту, инженерное вѣдомство писало губернатору, что время для рубки лѣса уже нынѣ опущено, такъ какъ въ Кольскомъ уѣздѣ плавить лѣсъ всего удобнѣе весною, а рубить его—зимою. Но чтобы исполнить высочайшую волю, обращало вниманіе губернатора на контору Архангельскаго порта, которая, при помощи своихъ ластовыхъ судовъ, можетъ доставить требуемое количество лѣса моремъ въ Екатерининскую гавань, гдѣ и сгрузить его морскими-же служителями. Это указаніе во многомъ упрощало дѣло, и Головцынъ не замедлилъ обратиться въ контору надъ портомъ. Контора, за подписью командира порта генералъ-маіора Шельтинга, сообщила, что она готова исполнить высочайшую волю, но лѣсовъ требуемаго размѣра при портѣ нѣтъ, а есть-де болѣе или менѣе, равно тесъ, стекла и другія принадлежности; что съ очищеніемъ ото льда Лапоминской гавани будетъ посланъ въ Екатерининскую гавань пинкъ, идущій къ Кронштадскому порту съ лѣсными матеріалами, но до полученія съ моря отъ иностранныхъ купеческихъ судовъ извѣстія: чисто ли море ото льда, пинкъ отправленъ не будетъ по прежнимъ примѣрамъ.

На это сообщеніе, Головцынъ распорядился назначить къ погрузкѣ въ пинкъ лѣсовъ 30 человѣкъ изъ гарнизону при офицерѣ, съ платою отъ себя по 2 коп. въ день. Погрузить требовалось: бревенъ отъ 4—6 саж. 747, тесу отъ 3—4 саж. 705, да кровельнаго 435 и кирпича 12 т. О сдѣланномъ распоряженіи губернаторъ доносилъ Ея И. В., относясь съ похвалою о усердіи и готовности конторы надъ портомъ содѣйствовать исполненію высочайшаго повелѣнія. Выгрузку лѣса предположено произвести не въ самой Кольской избѣ, а у урочища, именуемаго Дровянной, лежащаго отъ Колы въ 4-хъ верстахъ, куда проводка пинка поручалась губернаторомъ гарнизонному солдату Лукину, какъ знавшему мѣстность. Не согласная съ этимъ послѣднимъ пунктомъ, контора отвѣчала, что такому лоцману она, по силѣ морскаго регламента, поручить судно не можетъ, а имѣется-де наономъ пинкѣ командиръ, которому она, контора, и дастъ надлежащую инструкцію, куда именно слѣдовать и гдѣ остановиться, прося при этомъ, для выгрузки лѣса, до 100 человѣкъ работниковъ. А какъ всего лѣсу въ пинкъ погрузить не можно—добавляла контора, то она распорядилась послать въ помощь и другое судно, но при этомъ спрашивала: можетъ ли губернаторъ заплатить деньги за морской провіантъ, ежели Адмиралтействъ-коллегія того потребуетъ? Такой вопросъ поставилъ Головцына въ немалое затрудненіе. Онъ отвѣчалъ, что самъ собою сего рѣшить не можетъ, но

надѣется, чтобы вторично не утруждать Ея И. В. донесеніемъ, что контора, раздѣля лѣсъ на два судна, пошлетъ ихъ въ Екатерининскую гавань, какъ казенный интересъ во исполненіе высочайшей воли, потому что пинки-де слѣдуютъ въ Кронштадтъ. Такъ-то оно такъ, отвѣчала контора, но пинки, идучи съ лѣсомъ для Кольской гавани, по выгрузкѣ будутъ потомъ свободны и должны отправиться въ Кронштадтъ съ неполнымъ грузомъ. Чтобы и это затрудненіе миновать, контора предложила особое для сего ластовое судно, и погрузить въ него провіанту на 3 мѣсяца, по числу 30-ти челов. команды, а сколько времени оно пробудетъ въ морѣ, то-бъ за то время были уплачены деньги изъ губернской канцеляріи, какъ бы за наемъ судна, до 200 рублей. Если же судно возвратится раньше — какъ-бы утѣшала контора — и морской провіантъ не будетъ съѣденъ, тогда и менѣе можно заплатить. Головцынъ долженъ былъ и на это согласиться.

Въ началѣ іюня погрузка лѣсу была окончена, и три портовыя судна: пинкъ Лапоминкъ, гукоръ Сантъ-Андрей и палубный ботъ Лебедь отправились въ путь.

Доставка лѣсу въ Кольскую гавань, за три судна, обошлась губернской канцеляріи въ 855 рублей. Въ эту сумму было включено и жалованье офицерамъ и служителямъ. Губернаторъ протестовалъ противъ такой, по его мнѣнію, несправедливости, и донесъ объ этомъ Ея И. В. Въ январѣ 1768 года послѣдовала высочайшая резолюція на донесенія Головцына: «оную сумму адмиралтейству записать въ расходъ, а съ губернатора не требовать».

Въ февралѣ, Головцынъ спрашивалъ у президента графа Орлова, гдѣ именно надо построить обсерваторіи? Отвѣтъ заключался въ слѣдующемъ:

«Милостивый государь мой, Егоръ Андреевичъ. Хотя отъ Академіи и назначены были мѣста къ сѣверу, въ которыя обсерваторовъ отправить была намѣрена, однако понеже изъ нихъ Соловецкій монастырь для объявленныхъ вами неудобствъ [1]) Академія за лучшее положила оставить, а мѣста Кемь и Сумскій острогъ для низкости солнца при вступленіи въ него Венеры не очень надежны, а особливо, что съ западной стороны окружены, можетъ быть, горами, то

[1]) Соловецкій монастырь признанъ неудобнымъ потому, что наблюденіе предполагалось въ ноябрѣ 1769 г., а въ эту пору года прекращается сообщеніе съ монастыремъ, и астроному пришлось бы жить тамъ до слѣдующаго лѣта. С. О.

прошу ваше превосходительство увѣдомить: нѣтъ ли по сѣверному берегу Кольскаго уѣзда и въ обведенномъ красными чернилами на посланной при семъ картѣ пространствѣ другихъ жилыхъ мѣстъ или острововъ, въ которыя бы можно отправить обсерваторовъ, а особливо прошу увѣдомить о мѣстѣ Варангере, лежащемъ близъ острова Варгуза при Норвежской границѣ и о мѣстечкѣ Понойскомъ, лежащемъ при морѣ между 67 и 68 градусомъ широты: есть ли тамъ жители, какимъ образомъ туда ѣздятъ, можно ли туда доѣхать съ инструментами зимнимъ путемъ, а оттуда возвратиться по окончаніи наблюденія въ іюнѣ или въ іюлѣ мѣсяцахъ; можно ли построить обсерваторіи, и могутъ ли въ нихъ обсерваторы, не терпя большой нужды, препроводить мѣсяца два или три, и какъ далеко отстоятъ отъ Колы и Кандалакши? Я о сихъ упоминаю для того, что они на картѣ назначены; можетъ быть въ пространствѣ, красными чернилами ограниченномъ, есть другія вамъ лучше извѣстныя въ томъ, что удобнѣе къ нимъ доѣхать можно и оттуда возвратиться и имѣть нужное пропитаніе и построить обсерваторіи. А всѣ сіи мѣста въ разсужденіи наблюденія, по положенію своему, довольно удобны, между тѣмъ какъ о Кеми и Сумскомъ острогѣ, такъ и о всѣхъ прочихъ объясните сіе обстоятельство: не окружены ли они съ западной или восточной стороны высокими горами?

«Ея величеству угодно, чтобъ на сѣверъ отправлено было четыре экспедиціи; мѣста для двухъ назначены, а именно: Кола и Кандалакша; остается еще выбрать два, который выборъ безъ помощи вашего превосходительства можетъ быть столько же будетъ неудаченъ, какъ Соловецкій монастырь. Сколько мнѣ помнится, ваше превосходительство сказывали въ Москвѣ, что въ Колѣ на двѣ обсерваторіи матеріала заготовлено; ежели такъ, то въ Колу больше матеріаловъ заготавливать не надобно; ежели же на одну заготовлено, то приказать на другую заготовить въ Кильдюинъ, ежели же на двѣ, то изъ Колы перевести на одну въ Кильдюинъ; а наше намѣреніе, въ разсужденіи близкости Кильдюина отъ Колы, наблюденія въ обѣихъ мѣстахъ препоручить одной экспедиціи. Кандалакша избрана отъ насъ для наблюденія, какъ вы изъ письма изволите видѣть, то прошу въ оной приказать заблаговременно заготовить матеріалы, ежели еще оное не сдѣлано. Я надѣюсь отъ вашего превосходительства на всѣ сіи обстоятельства получить отвѣтъ, какъ скоро можно будетъ съ вашей стороны оное сдѣлать.

«Препоручая себя въ вашу непремѣнную дружбу и любовь, пребуду съ почтеніемъ покорный слуга графъ В. Орловъ».

1768 г. 7-го февраля.

Чтобы лучше исполнить желанія президента, Головцынъ обратился съ просьбою въ контору надъ портомъ о командированіи, для осмотра мѣстности близь Колы, двухъ штурмановъ или мичмановъ, присоединивъ къ нимъ по одному служителю. Имъ предписывалось: 1) ѣхать обоимъ отъ Архангельска до урочища, называемаго Кандалакша, гдѣ раздѣлясь ѣхать одному изъ нихъ изъ Кандалакши въ Порье-губу и въ губу Варгузу, въ Кузомень, и оттуда черезъ Пялицу въ Поной, далѣе—по сѣверному берегу до о. Кильдюина, и затѣмъ въ Колу. Въ случаѣ препятствія выполнить этотъ маршрутъ, предписывалось ѣхать изъ Кандалакши въ Екотостровскій, Ловозерской, Лопскіе погосты, а изъ Ловозерскаго въ Іоканскіе, Семиостровскіе погосты и въ Понойскую волость, а оттуда чрезъ тѣ же погосты въ Воронежскій и Кильдинскій погосты и—въ Колу.

Другому-же—изъ Кандалакши въ Бесбенскій погостъ, потомъ въ Сонгейской, въ Нотозерскій, въ Пазрѣцкій и въ Нявденскій погосты; затѣмъ отъ урочища, граничащаго Россію съ Даніей, по берегу до Колы. «Если-же—говорилось далѣе въ инструкціи—явятся препятствія ѣхать по сѣверному берегу, то чрезъ Печенскій и Мотовскій погосты слѣдовать прямо въ Колу, гдѣ соединясь возвратиться въ Архангельскъ». На такой не малотрудный проѣздъ выдано было обоимъ 120 руб. авансомъ. Контора послала двухъ прапорщиковъ штурмановъ: Дмитрія Воробьева и Гавріила Козьмина и двухъ подштурмановъ: Михѣева и Журавлева.

Доѣхавъ до Сумы, штурмана донесли Головцыну, что мѣсто для обсерваторіи здѣсь самое удобное, нѣтъ горъ и лѣсъ мелкій. Прибывъ въ Кемь, нашли эту мѣстность неудобную для обсерваторіи по причинѣ большихъ горъ, равно и Кандалакшу и Поной. Тѣ-же неудобства оказались и въ Варангерѣ и въ Вардегузѣ. За то въ Колѣ—доносили штурмана—очень удобно имѣть обсерваторію на горѣ Соловарака, а также и на Кильдюинѣ.

Между тѣмъ въ апрѣлѣ 1768 года Академія наукъ выслала къ губернатору планъ обсерваторіи, и ея модель.

Наступало лѣто, и Головцыну предстояло опять хлопотать о перевозкѣ моремъ лѣса. Зная уже по опыту, какія затрудненія могутъ встрѣтиться со стороны конторы надъ портомъ при этой операціи, онъ обратился за содѣйствіемъ къ президенту Академіи, который и доложилъ о семъ императрицѣ. На докладъ графа Орлова состоялось высочайшее повелѣніе отъ 5-го апрѣля въ Адмиралтействъ-коллегію: «Адмиралтействъ-коллегія имѣетъ приказать для перевозу лѣсовъ въ назначенныя для наблюденія Венеры мѣста, также и наблюдателей,

туда отправляющихся, и на возвратный имъ путь, давать отъ Архангелогородской Адмиралтейской конторы суда, по требованію таможняго губернатора».

Получивъ указъ, коллегія сообщила Головцыну, что она уже распорядилась предписаніемъ конторѣ надъ портомъ снять съ кораблей, для должности командировъ, по одному лейтенанту и одному штурману, а служителей по 10 человѣкъ съ корабельной эскадры.

По соображенію Академіи наукъ, сообразно съ донесеніемъ Головцына о результатѣ поѣздки штурмановъ, было наконецъ рѣшено построить четыре обсерваторіи: въ Колѣ, на Кильдюинѣ, въ Понойскомъ острогѣ и въ Ковдѣ.

При обсерваторіяхъ предположено имѣть домики, а самыя обсерваторіи приготовить такъ, чтобы когда съ будущею весною прибудутъ обсерваторы, то-бъ, по ихъ усмотрѣнію, можно было эти обсерваторіи приладить на мѣста. Въ самой же обсерваторіи строить особаго покоя для обсерватора уже не слѣдовало, а велѣно построить одну только теплую караулку, изъ которой сдѣлать выходъ въ обсерваторію. Эти домики протопить заблаговременно, и строить ихъ не подлѣ обсерваторій, а въ разстояніи 30-ти саженъ, чтобы горизонтъ у обсерваторій былъ чистъ. Само собою разумѣется, что обсерваторіи и домики должны быть разборными. Слѣдующую провизію предписывалось заготовить въ Поной, въ Колу и въ Ковду на одного обсерватора и двухъ помощниковъ: 1) крупищатой муки; 2) рису и крупъ; 3) чечевицы; 4) масла деревяннаго; 5) меду сырцу 2 пуда; 6) сыру голландскаго; 7) перцу; 8) коренья, какія имѣются въ Архангельскѣ; 9) водки французской 1/4 анкерка; 10) водки простой; 11) французскаго вина 2 анкерка; 12) полыннаго вина по дюжинѣ бутылокъ; 13) англійскаго пива 2 дюжины. Для обсерватора, помощниковъ и будущихъ при нихъ солдатъ и служителей—всего на 8 человѣкъ требовалось заготовить: муки ржаной, крупы овсяной и гречневой, солоду, солонины Архангельской, ветчины, масла чухонскаго и льнянаго, уксусу, соли, хрѣну, луку, мыла одинъ пудъ, чесноку и Вологодскихъ свѣчей 2 пуда. Солдаты и рабочіе были назначены и отъ гарнизона, и отъ адмиралтейства.

Въ іюлѣ 1768 г. гукоръ св. Андрей, подъ командою лейтенанта Маленкова, прибылъ въ Поной съ своимъ грузомъ, а ботъ Лебедь, подъ командою Одинцова, въ августѣ прибылъ къ Ковдѣ и выгрузилъ лѣсъ въ Умбской волости, такъ какъ въ самой Ковдѣ, и даже вблизи оной, мѣсто для выгрузки оказалось неудобнымъ.

Экспедиція ученыхъ отправилась изъ Петербурга 16-го февраля

1769 года. Ее составляли астрономы: Румовской, назначенный въ Колу, Пиктетъ—въ Умбу и Маллетъ—въ Поной.

Благодаря предупредительной любезности Архангельскаго губернатора, экспедиція на пути слѣдованія не встрѣтила никакого препятствія и, какъ свидѣтельствовалъ Румовской, встрѣчала всюду ласковый пріемъ и участіе. По окончаніи наблюденія всѣ обсерваторы, за исключеніемъ Румовскаго, благополучно прибыли въ іюнѣ на портовыхъ судахъ въ Архангельскъ. Румовской отъ 3-го іюня 1769 г. писалъ изъ Колы къ Головцыну: «ожидаемый день 23-го мая наконецъ прошелъ, но для меня былъ не очень счастливъ. Хотя я Венеру, какъ при входѣ, такъ и выходѣ, видѣлъ, однако за облаками, а особливо при входѣ, не могъ толь вѣрнаго и надежнаго сдѣлать наблюденія, какого желали астрономы. Не смотря на то, я надѣюсь, что наблюденіе мое не совсѣмъ будетъ безполезно».

Надеждамъ С. Я. Румовскаго скорѣе прибыть чрезъ Архангельскъ въ Петербургъ, не суждено было исполниться по обстоятельствамъ, отъ него не предвидѣннымъ.

Вотъ письмо его къ Головцыну отъ 16-го іюня, интересное по тѣмъ подробностямъ, которыя рисуютъ нравы нашихъ моряковъ того времени, и въ которомъ читатель увидитъ, какая гроза предстояла нашему ученому отъ грубаго произвола человѣка, облеченнаго властію командованія военнымъ судномъ.

«Превосходительный господинъ губернаторъ, милостивый государь! Попеченіемъ вашего превосходительства судно отъ Архангельскаго города, сверхъ моего и всѣхъ здѣшнихъ жителей чаянія, прибыло сюда іюня 11-го дня. Какую я почувствовалъ тогда радость, лаская себя надеждою, что скоро буду имѣть счастіе за милости вашего превосходительства принесть мою наичувствительнѣйшую благодарность! Но какъ теперь лишился надежды персонально исправить долгъ мой предъ вашимъ превосходительствомъ, то симъ принимаю смѣлость засвидѣтельствовать всепокорную благодарность за ваши ко мнѣ милости и увѣрить, что они во вѣки въ памяти моей останутся.

«Причина, которая меня понудила здѣсь остаться, есть слѣдующая:

«По прибытіи судна въ Колу г-нъ лейтенантъ Кишкинъ тотъ же день пожаловалъ ко мнѣ съ г-мъ маіоромъ Алексѣевымъ. День препроводилъ я съ ними въ дружескихъ разговорахъ, и подъ вечеръ, по просьбѣ его, ѣздилъ съ нимъ на судно и разстался благополучно. Іюня 14-го дня было второе наше свиданіе; по полудни около 5-го часа опять пожаловалъ онъ ко мнѣ съ здѣшнимъ священникомъ Іоанномъ. При самомъ входѣ показалося мнѣ, что онъ не трезвъ,

но самъ я въ себѣ помышлялъ, что можетъ быть ошибаюсь. Между разговорами услышалъ я отъ нихъ, что и г. маіоръ Алексѣевъ на горѣ: я спросилъ, для чего же онъ не пожаловалъ; г. Кишкинъ отвѣчалъ: «что дѣлать, когда онъ къ вамъ ходить не хочетъ!» По сихъ словахъ, послалъ я искать и просить г. маіора. Между тѣмъ временемъ, г. Кишкинъ безпрестанно просилъ меня, чтобы я показалъ ему обсерваторію. По долговременныхъ отговоркахъ принужденъ я былъ не дождавшись маіора пойти съ нимъ и съ священникомъ въ обсерваторію, съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ безъ спросу моего въ обсерваторіи ни до чего не касались. Г. Кишкинъ на сіе говорилъ, что онъ сто тысячъ готовъ заплатить государынѣ, ежели что нибудь попортитъ. Въ обсерваторіи зрительныя трубы оставлены были отъ 23-го дня мая въ такомъ положеніи, въ какомъ были во время наблюденія, потому что отъ того времени даже до сего продолжается здѣсь пасмурная погода, и дѣлать было ничего не можно.

«Вошедши въ обсерваторію, навелъ я Грегоріанскую трубу на видимое изъ обсерваторіи судно, священникъ сталъ въ оную глядѣть; а г. Кишкинъ полезъ на лѣсенку, чтобы глядѣть въ другую Доллондову, на машинѣ лежащую трубу. Я, увидя сіе, просилъ его, чтобъ онъ ее не трогалъ, и помнилъ бы данное обѣщаніе. На просьбу мою отвѣтствовалъ мнѣ смѣхомъ, и издѣваяся надъ моею осторожностью, поворачивалъ трубу съ мѣста на мѣсто. Тутъ я узналъ, но поздно, свою оплошность, и его нетрезвость. Между тѣмъ пришелъ г. маіоръ и штыкъ-юнкеръ Андреевъ: я обрадовался увидя ихъ, думая, что они по дружбѣ его съ ними удержать можетъ быть отъ нахальства. Онъ и въ самомъ дѣлѣ, по приходѣ ихъ, сошелъ съ лѣсенки, и я не успѣлъ съ маіоромъ, со штыкъ-юнкеромъ и со священникомъ промолвить словъ десяти, какъ труба, которую онъ двигалъ, упала на полъ и расшиблась.

«Не трудно вашему превосходительству будетъ разсудить, сколь мнѣ сіе приключеніе было прискорбно. А г. Кишкинъ, вмѣсто сожалѣнія, продолжалъ свой смѣхъ и издѣвки, и когда я ему сказалъ, что я не надѣялся отъ него такого поступка, то онъ меня сталъ обвинять, что я самъ трубу изломалъ. Но г. штыкъ-юнкеръ, которому, стоя со стороны виднѣе было протчихъ, при всѣхъ и при немъ сказалъ, что я ничего не сдѣлалъ, какъ только что трубу поднялъ съ полу. Тутъ г. Кишкинъ невоздержнѣе сталъ смѣяться и говорить: «такъ я трубу испортилъ, такъ я трубу испортилъ—эка бѣда!» Сіи первыя слова мнѣ памятны, прочія симъ подобныя мнѣ были уже не примѣтны.

«По выходѣ изъ обсерваторіи, уже безъ просьбы моей, всѣ зашли ко мнѣ въ домикъ. Объятъ будучи помышленіемъ о семъ несчастномъ приключеніи, мало я внималъ, что гости мои говорили, и не смотрѣлъ, что кто дѣлалъ. Но вдругъ, взглянувъ на г. Кишкина, увидѣлъ, что онъ сидитъ въ шляпѣ. Я спросилъ у него, что-бы тому была за причина? На сіе онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ сидитъ для того въ шляпѣ, что я въ колпакѣ. Сказавши ему, что велика разность между шляпою и колпакомъ, и что я дома, а онъ въ гостяхъ, просилъ его, чтобъ пожаловалъ по крайней мѣрѣ, для посторонниxъ, снялъ съ себя шляпу, и ежели ему шляпы снять не хочется, то бы пожаловалъ оставить меня въ покоѣ и вышелъ вонъ. Въ отвѣтъ мнѣ отъ него сказано было, что онъ шляпы не сниметъ по тѣхъ поръ, пока я колпака не сниму, и вонъ не выйдетъ. Я тотъ часъ, въ удовольствіе его, снялъ колпакъ, а онъ бросилъ съ себя шляпу на полъ, которую я велѣлъ стоящему при томъ случаѣ поднять и положить на столъ. Помнится мнѣ, что онъ бросалъ ее и другой разъ на полъ. Между тѣмъ стали около домика моего показываться служители его. Видя сіе, далъ ему волю коверкаться и говорить, что онъ хотѣлъ. Бывшіе при томъ по большей части молчали; а онъ слугѣ приказывалъ подать себѣ то воды, то полпива, спрашивая у другихъ, не хотятъ ли они пить, и подчивая ихъ; потомъ видя священника на стулѣ облокотившагося, многократно ободрялъ его сими словами: не унывай бачко, что это! бездѣлица!... Ясно я тогда видѣлъ, что онъ былъ пьянъ, но удержать его уже не было способу, кромѣ какъ однимъ молчаніемъ.

«И такъ, видя онъ, что я ни слова не говорю, спрашивалъ у меня наконецъ презрительнымъ и насмѣшнымъ образомъ: скоро ли я отсюда поѣду? На сіе сказалъ я ему, что я тогда отправлюсь, когда дѣла мои окончу. «Да мнѣ надобно про это знать!» говорилъ онъ. Я ему отвѣчалъ, что когда я окончаю, тогда его увѣдомлю. Мало времени спустя, маіоръ всталъ, и простившись, пошелъ вонъ.—Г. Кишкинъ слѣдовалъ съ прочими за нимъ... Вообразите, ваше превосходительство, мой страхъ, въ которомъ я былъ, видя около домика толпящихся служителей его; и теперь приношу Богу благодарность, что избавилъ меня отъ худшихъ слѣдствій, и открылъ сложеніе г. Кишкина.

«Я не могу вообразить, какую бы онъ имѣлъ причину, увидясь со мною другой разъ, поступить такъ неистово, и когда при второмъ свиданіи, не слыша отъ меня ничего, кромѣ учтивости, и не видя ничего, кромѣ ласки, оказалъ такое нахальство, то чего я не могъ опасаться, когда бы отдался въ его руки!

«По долгомъ размышленіи опасность понудила меня отписать къ г. Кишкину письмо, съ котораго при семъ прилагаю копію, а вашему превосходительству обо всемъ донесть подробно и просить, чтобъ сдѣлали милость отправили не умедля приложенное при семъ письмо къ его сіятельству графу Владиміру Григорьевичу Орлову, въ которомъ тоже самое произшествіе и тѣми жъ почти словами описано.

«Чтобъ спасти себя, не осталось мнѣ инаго способу, какъ пробыть здѣсь до зимняго пути. Сколь ни горестно и сколь ни прискорбно мнѣ будетъ сіе пребываніе, однако я предпочитаю, терпя нужду въ потребныхъ мнѣ вещахъ, снѣдать сію горесть, нежели въ столь удобное время, но съ такимъ человѣкомъ, или съ добрымъ, но въ позднее время, жизнь свою и многихъ другихъ вдать въ опасность; ежели бы вашему превосходительству на мысль пришло употребить иное какое средство къ препровожденію моему моремъ въ Архангельскій городъ, послѣ іюля мѣсяца.

«Принявши намѣреніе возвратиться въ С.-Петербургъ зимнимъ временемъ, писалъ я въ Кандалакшу, чтобы саней оттуда къ Архангельскому городу не отправляли. Какія г. лейтенантъ въ тотъ день подъ горою и 15-го числа іюня на суднѣ чинилъ наглости, о томъ, кромѣ меня, думаю, вашему превосходительству донесено будетъ.

«Происшествіе до меня касающееся я приписывать долженъ наущенію г. маіора, и подозрѣваю, что у нихъ что нибудь еще худшее предпринято, потому что, въ тотъ самый день, когда г. лейтенантъ былъ у меня на горѣ, штурманъ Воробьевъ, будучи индѣ, говорилъ, что ему неотмѣнно надобно со мною повидаться, и нѣчто мнѣ сказать, «ежели-де что сдѣлается, то всему два человѣка будутъ виною». Онъ и дѣйствительно на другой день ко мнѣ приходилъ, но я его къ себѣ не пустилъ, для того, что былъ пьянъ. А понеже г. лейтенантъ безъ моего согласія отвелъ уже 11-го дня іюня и каюту г. маіору, то два человѣка безъ сомнѣнія будутъ г. маіоръ и лейтенантъ. Мое единое теперь желаніе, чтобы Богъ управилъ путь ихъ. Степанъ Румовскій».

Копія съ письма къ лейтенанту Кишкину:

«Государь мой Прокофій Васильевичъ! По грубости, которую вы въ домѣ моемъ въ воскресенье мнѣ оказали, и по другимъ обстоятельствамъ, слѣдовать мнѣ въ Архангельскій городъ на вашемъ суднѣ невозможно. И для того прошу, не ожидая меня, слѣдовать съ онымъ судномъ куда изволите, и когда заблагоразсудите. А я съ должнымъ почтеніемъ остаюсь вашего благородія покорный слуга Степанъ Румовскій».

Кола. Іюня 16-го дня 1769 г.

Наглости, какія позволялъ себѣ Кишкинъ на Кольскомъ рейдѣ, и о которыхъ упоминаетъ Румовской въ письмѣ къ Головцыну, были по истинѣ возмутительны. Находясь на своемъ шкунарѣ, командиръ не пропускалъ мимо судна, ни одной лодки съ молодыми кемлянками, назначая за ними погоню, и зазывая къ себѣ на палубу для наглыхъ съ ними поступковъ, такъ что Воеводская Кольская канцелярія приносила жалобу въ губернскую канцелярію и въ контору надъ портомъ, прося остановить такое безчинство, наведшее страхъ всему молодому женскому населенію Колы.

Основываясь на указѣ сената, отъ 16-го января 1769 года, повелѣвавшаго «отправленнымъ въ Лапландію господамъ обсерваторамъ чинить всякое вспоможеніе и удовольствіе», губернаторъ Головцынъ не на шутку встревожился происшествію съ Румовскимъ, и боясь отвѣтственности за послѣдняго, выставлялъ конторѣ надъ портомъ на видъ, что «у г. профессора вся нынѣ вышла провизія, и что съ отчаянія онъ можетъ лишить себя жизни, чрезъ что навлечется справедливый гнѣвъ Ея И. В. на виновныхъ, и поэтому просилъ контору послать другое казенное судно «съ командиромъ добрымъ, а не такимъ, какъ Кишкинъ».

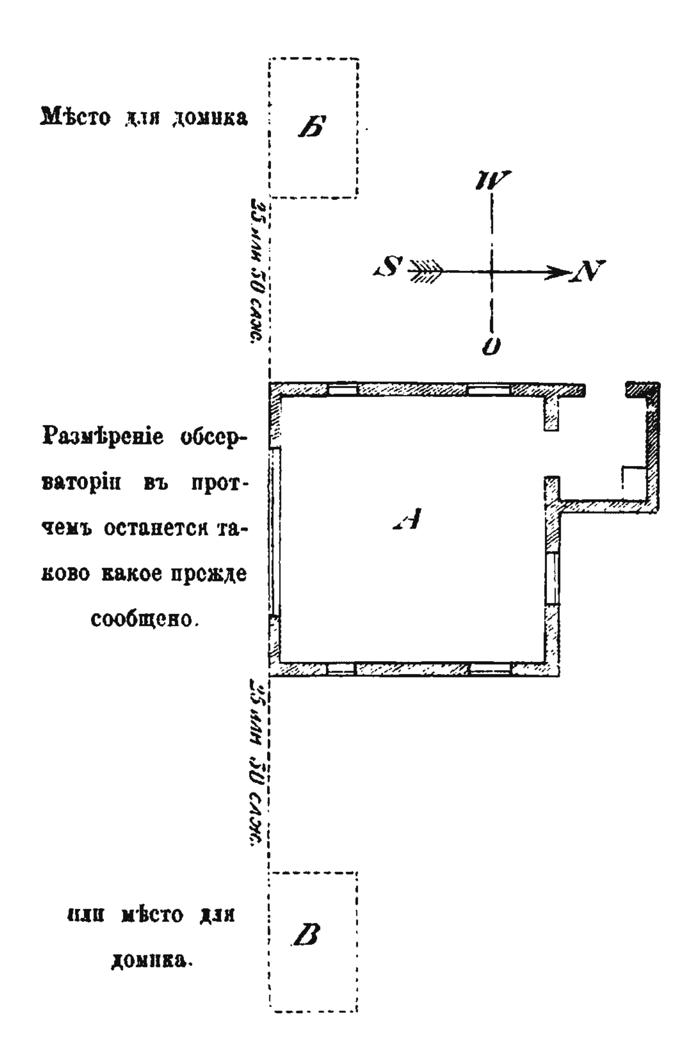
Въ свою очередь и контора надъ портомъ встревожилась за участь г. профессора. 13-го іюля было послано за Румовскимъ судно Бабаевъ подъ командою лейтенанта Одинцова, который 17-го августа и доставилъ въ Архангельскъ г. профессора съ инструментами и служителями, а 1-го сентября Румовскій уже выѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Что за тѣмъ сталось съ лейтенантомъ Кишкинымъ, прибывшимъ въ Архангельскъ 25-го іюля 1769 г., по дѣлу не видно.

С. Ѳ. Огородниковъ.

Планъ обсерваторіи въ Лапландіи

въ 1767—1769 гг.



ИМПЕРАТОРЪ ІОСИФЪ II ВЪ РОССІИ.

Письмо П. Б. Пассека къ П. А. Румянцеву.

Сіятельнѣйшій графъ милостивый государь Петръ Александровичъ! Получа почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо съ нарочнымъ курьеромъ отъ 11-го числа сего мѣсяца на имя графа Захара Григорьевича, я распечаталъ и спѣшу вашему сіятельству донести о здѣшнихъ обстоятельствахъ касательно до графа Фалькенштейна. 1-е. Какъ прибытіе Ея Императорскаго Величества назначено въ Могилевъ 27-го сего мѣсяца, то потому и всѣ пріуготовленія не могутъ быть прежде оконченными 25-го числа. 2-е. Хотя жъ по почтовымъ станціямъ отъ Могилева до Добрянки какъ почтовыя лошади по 20-ти полковыхъ подъемныхъ и по 50-ти уѣздныхъ 18-го числа сего мѣсяца будутъ непремѣнно, однакожъ полагая чрезвычайно скорую ѣзду графа Фалькенштейна, я боюсь, чтобъ онъ не прежде 18-го числа сего мѣсяца къ границамъ Могилевской губерніи приближился. 3-е. А естли такимъ образомъ онъ скоро путь продолжать будетъ, то гораздо прежде прибытія Ея Величества въ Могилевъ пріѣдетъ и тѣмъ самымъ приведетъ въ замѣшательство всѣ наши распоряженія, на сей случай пріуготовляемыя. 4-е. Что же касается до квартиръ въ Могилевѣ, какъ для онаго графа Фалькенштейна, такъ и для его свиты, то они готовы; одно только меня беспокоить, что по приложенному при письмѣ вашего сіятельства реестру провизіи у насъ не столько заготовлено, сколько бы надобно. 5-е. Для чего я и послалъ сей же часъ предсѣдателя Гомзякова въ Добрянку, съ тѣмъ, дабы онъ по дорогѣ какъ лошадей, такъ и припасы недостающее число сколько возможно развезть по станціямъ. А чего запасено прежде, о томъ вашему сіятельству при семъ реестръ прилагаю, прося покорнѣйше здѣлать милость употребить стараніе ваше, дабы графъ Фалькенштейнъ нѣсколько продолжительнѣе его обыкновеннаго путешествія могъ ѣхать, чрезъ чтобы не токмо могли успѣть по дорогѣ, но дабы и ему праздно нѣсколько дней въ Могилевѣ не жить. Предая въ протчемъ собственно вашего сіятельства прозорливости; я же о всемъ ономъ донесъ его сіятельству графу Захару Григорьевичу.

Въ протчемъ съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію пребываю навсегда в. с—ства и проч.

Петръ Пассекъ.

Въ Могилевѣ.
Мая 14-го дня 1780 года.

Помѣта: Пол. 17-го мая 1780 года.

Сообщ. I. М. Судіенко.

РЕЭСТРЪ

коликое число какихъ припасовъ на назначенныхъ для почлегу станціяхъ для графа Фалькенштейна запасено прежде.

свѣжихъ яицъ по	20
сливокъ по	2 бутыл.
молока хорошаго по	3 „
масла свѣжаго по	5 фунт.
барашка по два или по одному хорошему теленку.	
ветчины по	1 окорожу.
хлѣбовъ ситныхъ хорошихъ по	10
капусты кислой по нѣскольку и какой можно зелени, петрушки и пастарнаку.	
крупичатой муки по	1 пуду
кофію по	1 фунт.
сахару по	2 „
свѣчъ восковыхъ по	12
краснаго вина по	12 бутыл.
бѣлаго вина по	12 „
кроватей желѣзныхъ по	1
кроватей деревянныхъ по	5
тюфяковъ по	6
подушекъ съ наволочками по	12
одѣяловъ по	6
простынь по	6

А нынѣ съ предсѣдателемъ Гомзяковымъ послано на каждую-жъ изъ тѣхъ станцій:

сахару по	3 фунта.
лимоновъ по	5
изюму по	2 фунта.
черносливу по	2 „

да приказано заготовить соломы по 1-му возу.
а кровати находятся на нижеписанныхъ станціяхъ:
въ Будѣ.
— Шеботовичахъ.
— Кормѣ.
— Кутнѣ.

Сообщ. I. М. Судіенко.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

1800—1801.

Высочайшія повелѣнія и указы с.-петербургскимъ военнымъ губернаторамъ.

XXXIV [1])

[Собственноручно].

Объявить отъ Полиціи что желая публикѣ удовольствія доставить опредѣляю третей садъ для гулянья верховаго и въ екипажахъ какъ бывало прождѣ въ Екатерингофѣ.

Примѣчаніе: Все повелѣніе писано карандашомъ, рукою государя. Внизу помѣта чернилами: „Получено чрезъ графа Кутайсова, февраля 9 дня 1800 года“. „№ 27“.

XXXV.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи, графъ фонъ-деръ Паленъ. По полученіи сего пошлите надежнаго и заслуживающаго довѣренность офицера, изъ ввѣренной вамъ инспекціи для осмотру находящихся въ С.-Петербургскомъ коммисаріатскомъ депо вещей, точно ли они противу утвержденныхъ образцовъ и буде которыя вещи окажутся въ чемъ не сходны, то пришлите ко мнѣ вѣдомость о количествѣ ихъ съ образчикомъ и съ показаніемъ, откуда оныя поступили и кто былъ ихъ пріемщикъ. Пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

Февраля 17-то дня 1800 года.
С.-Петербургъ.
Помѣта: „№ 28“.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1872 г., томъ V, стр. 235—256.

XXXVI.

[Собственноручно].

Прошу сказать всѣмъ кто ордены имѣютъ чтобъ на сертукахъ шубахъ и пр: носили звѣзды.

Примѣчаніе. Писано карандашомъ, рукою государя, на клочкѣ бумаги; внизу помѣта чернилами: „Получено 13 марта 1800 года". „№ 29".

Вслѣдъ за этимъ высочайшимъ повелѣніемъ въ спискѣ П. А. Муханова помѣщенъ всеподданнѣйшій докладъ „Коммисіи о снабженіи Резиденціи припасами", съ обозначеніемъ, что подлинникъ на 19 полулистахъ; его подписали: великій князь наслѣдникъ Александръ; генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-деръ-Паленъ, генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, оберъ-прокуроръ Резановъ и скрѣпилъ по листамъ правитель канцеляріи статскій совѣтникъ Сперанскій.—Докладъ утвержденъ подписью: „Быть по сему Марта 14 дня 1800 году. С. п. бургъ".—Документъ этотъ мы опускаемъ, такъ какъ онъ напечатанъ въ первомъ Пол. Собр. Законовъ, т. XXVI № 19,326.

XXXVII.

[Собственноручно].

Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-деръ Паленъ. Состоящее въ казенномъ вѣдомствѣ мѣсто подъ названіемъ Екатерингофъ всемилостивѣйше пожаловали мы статсъ-дамѣ, княгинѣ Гагариной въ вѣчное и потомственное ея владѣніе повелѣвая вамъ оное мѣсто изъ казеннаго вѣдомства исключить и какъ слѣдуетъ отдать во владѣніе ей, княгинѣ Гагариной, сообразуясь во всѣмъ съ планомъ онаго намъ поднесеннымъ, на коемъ рукою нашею означили мы все то, что мы изъ онаго мѣста исключили, оставляя оную часть въ казенномъ вѣдомствѣ, а все прочее ей княгинѣ Гагариной всемилостивѣйше пожаловали. Пребываемъ къ вамъ благосклонный.

Павелъ.

Санктпетербургъ.
Апрѣля 18 дня 1800 года.

Примѣчаніе. Все повелѣніе руки Государя. Гагарина, княгиня Анна Петровна, старшая изъ трехъ дочерей свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина, отъ перваго брака съ Прасковьей Ивановной Левшиной, родилась 8 ноября 1777 г.; получила званіе камеръ-фрейлины и екатерининскую ленту, въ 1798 г.; въ день брака своего съ генералъ-адъютантомъ княземъ Павломъ Гавриловичемъ Гагаринымъ, переименована статсъ-дамой, въ 1799 г.; ум. въ Петербургѣ, 25 апрѣля 1805 г.—Тѣло ея погребено на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ Александровской лавры.—Имѣла одну дочь, которая умерла въ молодости.

XXXVIII.

Herr General der Kavallerie von der Pahlen. Aus einem Berichte eines Beamteten in Krasno-Selo an die Kaiserin, habe ich folgende Begebenheit vernommen: Auf einer Flache daselbst hat sich der Boden geöffnet und bald darauf diese Oeffnung mit Wasser gefüllt; dieses hat eine Menge Menschen an sich gezogen, nicht allein aus dem Orte selbst; sondern auch aus Gatschina und Petersburg, die am Abend auseinander ziegen, den folgenden Tag sich abermals versammelten, und aus diesem Gewässer ein schwimmendes Bild fanden, wolches sie nach der Kirche in Crasno-Selo trugen. Zufolge dieses befehle ich Ihnen umständliche Kenntniss hiervon zu nehmen und die gehörigen Maszregeln mit Klugheit und ohne Zeitverlust zu ergreifen; und Mir von Allem zu berichten. Ihr gnädiger Kaiser

Paul.

Den 15-ten May, 1800.
Pavlofsky.

(Переводъ съ нѣмецкаго). Господинъ генералъ отъ кавалеріи фонъ-деръ Паленъ.

Изъ донесенія одного чиновника императрицѣ я узналъ о слѣдующемъ происшествіи въ Красномъ Селѣ. Въ одномъ мѣстѣ тамъ провалилась земля и вскорѣ образовавшееся отверстіе наполнилось водою; это привлекло множество народу, не только живущаго въ этой мѣстности, но также изъ Гатчино и С.-Петербурга; который вечеромъ разошелся, а на слѣдующій день снова собрался, при этомъ на водѣ оказался плавающій образъ, который и былъ отнесенъ народомъ въ церковь въ Красномъ Селѣ. Обо всемъ этомъ приказываю вамъ собрать подробныя свѣдѣнія, и не теряя времени съ умомъ принять соотвѣтственныя мѣры и обо всемъ мнѣ донести. Къ вамъ благосклонный

Павелъ.

15 Мая 1800 года.
Павловскъ.

XXXIX.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи, графъ фонъ-деръ Паленъ. По полученіи сего повелѣваю вамъ находящагося при Колпинскомъ оружейномъ заводѣ бывшей польской службы подполковника Ковнацкаго, арестовавъ посадить въ С.-Петербургскую крѣпость, гдѣ и содержать его впредь до моего повелѣнія. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Іюня 2-го дня 1800 года.
Г. Павловскъ.

XL.

Her General der Kavallerie Graf von der Pahlen. Ich ersehe aus Ihrem heutigen Raporte, das die Tochter des Schneiders Klockenberg sich Liebe wegen mit dem Registrator Maksimoff ersaufen wollte und ich gegen ihrer Heirath nichts widriges sehe, überlasse Ich es Ihnen in Erfüllung zu bringen. Ihr wohlaffectionnirter

Paul.

Den 10-ten Iuli 1800
Peterhoff.

(Переводъ съ нѣмецкаго). Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-деръ Паленъ.

Изъ вашего сегодняшняго рапорта я вижу, что дочь портнаго Клокенберга хотѣла утопиться отъ любви къ регистратору Максимову, и такъ какъ я противъ ихъ брака ничего не имѣю, то разрѣшаю вамъ сдѣлать распоряженіе объ ихъ женитьбѣ. Къ вамъ благосклонный

Павелъ.

10-го Іюля 1800 г.
Петергофъ.

XLI.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-деръ Паленъ. Московское подворье состоящее на Васильевскомъ острову, въ 1-й линіи со всею принадлежащею къ нему землею и строеніемъ повелѣваемъ, числя въ казенномъ вѣдомствѣ, отдать подъ нашу Россійскую Академію; пребываемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Петергофъ
Іюля 10-й день 1800 года.

Примѣчаніе. Россійская Академія основана, по докладу княгини Екат. Ром. Дашковой, 30 сентября, и открыта 31 октября 1783 г., съ цѣлію—какъ сказано въ ея первоначальномъ уставѣ—„имѣть предметомъ своимъ вычищеніе и обогащеніе россійскаго языка, общее употребленіе словъ онаго, свойственное оному витійство и стихотвореніе. Число членовъ ея опредѣлено въ 60 чел.—Первымъ президентомъ сдѣлана княгиня Дашкова. При ней изданъ Академіей „Словарь“ въ 5 ч. (1789—1794).—По воцареніи имп. Павла, въ 1796 г., княгиня Дашкова уволена и президентомъ Академіи назначенъ П. Бакунинъ, а секретарь оставался прежній, Лепехинъ.—По вступленіи на престолъ имп. Александра I, на мѣсто умершаго Бакунина, назначенъ президентомъ, 1 іюня 1801 г, А. А. Нартовъ, а на мѣсто умершаго Лепехина, секретаремъ П. Соколовъ, въ 1802.—При нихъ изданы два первые тома другаго „Словаря“ (1806—1809) и вышли первыя 6 ч. „Сочиненій и Переводовъ“ (1805—1813).—По смерти Нартова, въ 1813 г., президентомъ Ака-

деміи назначенъ адмиралъ А. С. Шишковъ. При немъ продолжались прежде начатыя изданія и выходили, съ 1815 по 1823 г., „Извѣстія Академіи Россійской“.—19 октября 1841 г. Академію Россійскую признали за благо упразднить, сливъ ее научно и имущественно съ Академіей Наукъ, при которой она и составляетъ теперь II Отдѣленіе.—До перемѣщенія, при имп. Павлѣ, на Васильевскій островъ, Россійская Академія пребывала на Фонтанкѣ, за Обуховымъ мостомъ, въ домѣ, переданномъ потомъ Департаменту Удѣловъ.

М. Х.

XLII.

[Собственноручно].

Извольте сказать Плещееву, что Я ему на сей разъ прощаю во уваженіе жены его но чтобъ былъ остороженъ впредь и не путался бы.

Павелъ.

Примѣчаніе: Все повелѣніе руки Государя. Помѣта: „1 Августа 1800 г.“ Повелѣніе Государя, повидимому, должно относиться къ тайному совѣтнику Александру Алексѣевичу Плещееву, женатому на дочери весьма уважавшагося имп. Павломъ „генералъ-фельдмаршала по флоту“ графа Ивана Григорьевича Чернышева († 1797), графинѣ Аннѣ Ивановнѣ († 1817).

М. Х.

XLIII.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-деръ Паленъ! Объявите мою благодарность Городской Думѣ за способствованіе купцовъ и мѣщанъ при спускѣ корабля «Благодати» и для объявленія сего сберите въ Думу всѣхъ тѣхъ купцовъ и мѣщанъ, которые въ семъ способствовали. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Августа 3-го дня 1800 года.
Г. Гатчина.

Примѣчаніе. Высочайшій приказъ, отданный въ тотъ же день „при паролѣ“, гласитъ: „Его Императорское Величество объявляетъ свою благодарность Санктпетербургской Городской Думѣ, за способствованіе купцовъ и мѣщанъ при спускѣ корабля Благодати“.

XLIV. [1]

[Собственноручно].

Господинъ генералъ отъ инфантеріи и Санктъ Петербургской военной губернаторъ Свѣчинъ! Увѣдомяся что аглинское правительство въ нарушеніе общих народных правъ дозволило себѣ па-

[1]) Печатаемъ съ соблюденіемъ орфографіи подлинника.

сильственнымъ образомъ обидѣть датской флагъ за арестованіемъ купеческих ихъ кораблей шедших подь прикрытіемъ датскаго военнаго фрегата. Таковое покушеніе пріемля мы въ видѣ оскорблѣнія самим намъ здѣланныя и обезъпечивая собственную нашу торговлю отъ подобныхъ сему наглостей повелеваемъ все суда аглинской державѣ принадлѣжащія во всех портах нашей имперіи арестовать; и на все канторы аглисскія и на все капиталы агличанамъ принадлѣжащія наложить запрещеніе; а какимъ образомъ в семъ поступить имѣетѣ снестись съ президентомъ Комерцъ-Колегіи князем Гагаринымъ.

Павелъ.

Августа 24-го дня 1800 года
Гатчина.

Примѣчанія: Свѣчинъ I, Николай Сергѣевичъ, Высочайшими приказами 1800 г.: 14 августа—произведенъ изъ генералъ-лейтенантовъ въ генералы отъ инфантеріи, съ назначеніемъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, а 27 октября—отставленъ отъ службы.—Имѣлъ ордена: командорскій св. Іоанна Іерусалимскаго, съ 10 декабря 1798 г., св. Анны I класса, съ 23 апрѣля 1799 г.; св. Александра Невскаго, съ 9 января 1802 г. — Былъ живъ еще въ царствованіе императора Николая I и значится въ кавалерскихъ спискахъ за 1828 г. — Не его ли должно считать мужемъ Софьи Петровны Свѣчиной, рожденной Соймановой, извѣстной ренегатки, ум. въ Парижѣ, 29 августа 1860 г., 78 лѣтъ? Если это такъ (на что намекаетъ и біографъ Свѣчиной, аббатъ Фаллу), то Н. С. Свѣчинъ ум. въ 1850 г., 92 лѣтъ.

Гагаринъ, князь Гавріилъ Петровичъ, младшій изъ двухъ сыновей князя Петра Ивановича Гагарина, отъ брака съ Анной Михайловной Леонтьевой—род. 9 января 1745 г. — Первоначальная служба его неизвѣстна. — Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, пожалованъ орденами: св. Анны 1 класса, 5 октября, и св. Владиміра 2 класса, 19 декабря 1786 г.; въ чинѣ тайнаго совѣтника, получилъ Александровскую ленту, въ день коронованія имп. Павла, 5 апрѣля 1797 г.; находился гофмейстеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, въ экспедиціи Кремлевскаго строенія, въ 1798 г.; получилъ Андреевскую ленту, 4 марта, и большой крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго, 7 марта 1800 г.; изъ президентовъ коммерцъ-коллегіи, наименованъ первый министромъ коммерціи, въ 1802 г; ум. 19 января 1803 г. — Отъ брака съ Прасковьей Өедоровной Воейковой, оставилъ, кромѣ пяти замужнихъ дочерей, сына, князя Павла, генералъ-адъютанта, бывшаго женатымъ на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, любимицѣ имп. Павла I.

М. Х.

XLV.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Свѣчинъ 1-й. Получилъ я донесеніе ваше отъ 27-го августа о сдѣланной покражѣ во дворцѣ, то я увѣренъ, что принятыми вами мѣрами и стараніемъ, которое упо-

требите, виновникъ сего преступленія непремѣнно отысканъ будетъ, ибо сіе не такъ важно въ видѣ воровства, какъ по дерзости вора, который осмѣлился сдѣлать сей поступокъ въ такомъ мѣстѣ. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Августа 27-го дня 1800 года.
Г. Гатчина.

XLVI.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи и Санктпетербургскій военный губернаторъ Свѣчинъ. Узнавъ что аглинское правительство во всемъ датскому сдѣлало удовлетвореніе, повелѣваемъ, всѣ суда аглинской державѣ принадлежащія освободивъ отъ наложеннаго на нихъ амбарго, всѣ конторы и капиталы агличанамъ принадлежащіе разрѣшить и возстановить по прежнему торговлю, о чемъ повелѣваемъ снестись съ президентомъ коммерцъ-коллегіи. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Августа 30 дня 1800 года.
Гатчина.

Примѣчаніе. Шестидневное наложеніе амбарго на все англійское въ Россіи было отзвукомъ европейской политики, которую, въ это время, направлялъ Наполеонъ, первый консулъ Франціи. Заискивая въ имп. Павлѣ, онъ возбуждалъ его противъ англичанъ, которые, съ своей стороны, не уступали завоеванной ими и покровительствуемой Павломъ Мальты, да кромѣ того не обращали надлежащаго вниманія на требованія вооруженнаго нейтралитета, созваннаго имп. Екатериной II, въ 1780 г.—Впрочемъ, Питъ, министръ англійскій, старался усыплять вниманіе безкорыстнаго Павла—и успѣлъ въ этомъ: Высочайшіе приказы, за сентябрь и октябрь 1800 г., наполнены, больше чѣмъ когда нибудь, увольненіями отъ службы и въ отпускъ офицеровъ Балтійскаго флота, который, при первомъ враждебномъ заявленіи англичанъ, былъ бы необходимъ въ полномъ своемъ составѣ. Этимъ отчасти объясняется та суматоха, которая произошла нѣсколько мѣсяцевъ позже, но еще при жизни имп. Павла, вынужденнаго таки, передъ самой своей смертью, объявить войну Англіи. М. Х.

XLVII.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи. Сберите къ себѣ всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые вчерашній день призываемы были по повелѣнію моему къ генералъ-прокурору и объявите имъ именемъ моимъ, сколь

для меня было пріятно узнать ихъ образъ мыслей по случаю зачѣмъ ихъ требовали къ генералъ-прокурору, и пріемля съ признательностію таковое ихъ похвальное усердіе и привязанность ко мнѣ, объявляю имъ мою благодарность. Пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

Августа 30 дня 1800 года.
Г. Гатчина.

Примѣчаніе. Генералъ-прокуроромъ былъ тогда генералъ отъ инфантеріи Петръ Хрисанѳовичъ Обольяниновъ, предъ которымъ трепетало все.

М. Х.

XLVIII.

[Собственноручно карандашемъ, на лоскуткѣ].

Зубной лекарь Коньяръ назвался подполковникомъ то посадите его подъ караулъ, а человѣка наказать палками.

Помѣта чернилами: „3 сентября 1800 г. получено и исполнено“.

XLIX.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Свѣчинъ. Получилъ я донесеніе ваше отъ 3-го сентября касательно суммы требуемой комитетомъ о построеніи казармъ, для заплаты должнаго рабочимъ людямъ и поставщикамъ матеріаловъ, то городу слѣдуетъ всю нужную сумму занять для расплаты на счетъ той суммы, которая должна собрана быть поземельно, когда войски введутся въ казармы. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Сентября 4-го дня 1800 года.
Г. Гатчино.

L.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи и санктпетербургскій военный губернаторъ Свѣчинъ. Снисходя на прошеніе вдовы умершаго полицейскаго инспектора седьмаго класса Кламмера и во всемилостивѣйшемъ уваженіи на службу мужа ея, скончавшаго жизнь свою отъ усерднаго исполненія должности при случившемся въ Санктпетербургѣ пожарѣ, повелѣваю производить оной вдовѣ по триста рублей пенсіону изъ городовыхъ сей столицы доходовъ. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

Въ Гатчинѣ
8-го Октября 1800 года.

LI.

[Собственноручно].

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Свѣчинъ. Усмотревъ изъ получаемыхъ мною прошеній что въ Санктпетербургѣ множество находится отъ разныхъ крестьянъ повѣренных, изъ коихъ большая часть совсемъ безъ всякой надобности проживая только занимаются не основанными волокитами, повелѣваю вамъ снесяся съ генераломъ-прокуроромъ, приложить мѣры къ уменьшенію сихъ праздно-шатающихся, а при томъ въ окружностяхъ Санктпетербурга, какъ то, у Средней рогатки и прочихъ мѣстъ, многія безъ всякой надобности, отставныя и протчіе проживаютъ, то имѣете вы о всехъ таковых около города живущихъ взявъ наиточнѣйшее свѣденіе, выслать их изъ окружностей Санктпетербурга. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Г. Гатчина
Октября 13-го дня 1800 года.

LII.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Свѣчинъ І-й. Получилъ я при донесеніи вашемъ отъ 15-го октября список праздно-проживающимъ въ окружностяхъ С.-Петербурга, то повелѣваю вамъ по полученіи сего выслать вонъ изъ губерніи графа Кадецкаго, отставныхъ маіоровъ Ульриха, Зотова, Хаджаева, штабсъ-капитана Мироновскаго и отставнаго генералъ-маіора, графа Ламберта. Пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

Октября 16-го дня 1800 года
Г. Гатчина.

Примѣчаніе. Де-Ламбертъ, графъ Карлъ Осиповичъ, потомокъ одной изъ самыхъ древнихъ фамилій ангулемскаго рыцарства, старшій изъ двухъ сыновей Генриха-Іосифа маркиза де-Ламбертъ и де-Сенъ-Брисъ, коменданта арраскаго, отъ брака съ Маріей Аниссонъ-дю-Перронъ, род. во Франціи, 15 іюля 1773 г.; вступилъ въ русскую службу секундъ-маіоромъ, въ 1793 г., включенъ въ великое пріорство россійско-католическое ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, 31 іюля, пожалованъ изъ полковниковъ Кирасирскаго Воинова полка, въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Кирасирскаго бывшаго Чернышева полка, 17 декабря 1799 г.; отставленъ въ 1800 г.; принятый снова въ службу, отличился подъ Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ, за что награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 3 класса, 31 января, и Аннинской

лентой, 7 іюня 1807 г.; назначенъ генералъ-адъютантомъ, 30 августа 1811 г.; пожалованъ въ генералъ-лейтенанты, 31 іюля, и получилъ золотую саблю, съ надписью: „за храбрость", 23 августа 1812 г.; награжденъ орденомъ св. Владиміра II класса, 1 сентября 1813 г., и Александровской лентой, 3 мая 1814 г.; получилъ алмазныя украшенія къ Александровскому ордену, 2 августа 1820 г.; произведенъ въ генералы отъ кавалеріи, 12 декабря 1823 г.; получилъ заимообразно на 10 лѣтъ, безъ процентовъ, сто тысячъ рублей, въ 1826 г.; вмѣсто аренды, велѣно производить ему по 3,500 р. сер. ежегодно, въ 1835 г.; сложенъ съ него сто тысячный долгъ, безъ уплаты, и пожалованъ ему орденъ св. Владиміра I класса, въ 1836.—Ум. сенаторомъ, въ іюнѣ 1843 г.—Графъ К. О. Ламбертъ, съ 28 мая 1836 г. причисленный и къ графамъ Россійской имперіи, былъ женатъ на Юліѣ Михайловнѣ Дѣевой, и оставилъ трехъ сыновей, изъ которыхъ младшій, графъ Карлъ Карловичъ, бывшій намѣстникомъ Царства Польскаго, ум. въ 1865 г., на островѣ Мадерѣ.

М. Х.

LIII.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Свѣчинъ I-й. Получилъ я донесеніе ваше отъ 16-го октября касательно купца Фролова, имѣвшаго будто бы нѣкое мнѣ открыть важное дѣло, то повелѣваю вамъ посадить его въ крѣпость и объявить ему что до тѣхъ поръ въ оной содержаться будетъ, пока не откроетъ вамъ или генералъ-прокурору то дѣло, которое хотѣлъ мнѣ открыть. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Октября 17-го дня 1800 года
Г. Гатчино.

LIV.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Свѣчинъ I-й. По полученіи сего повелѣваю вамъ дать купцу Фролову священника, которому бы могъ онъ открыть то дѣло, которое имѣетъ мнѣ сказать и, по открытіи, того священника препроводить къ генералъ-прокурору. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Октября 19-го дня 1800 года
Въ Гатчинѣ.

LV.

[Собственноручно].

Обѣихъ Ворцеля и Серанкевича посадить въ крѣпость въ Равелинъ.

Павелъ.

Помѣта чернилами: „Исполнено. Получено 22 го октября 1800 года".

LVI.

Господинъ военный Санктпетербургскій губернаторъ, графъ фонъ-деръ Паленъ. Неимѣя до сихъ поръ никакого извѣстія о исполненіи при взятіи Мальты агличанами договора здѣсь по сему постановленнаго, въ ожиданіи удовлетворительнаго и сходственнаго съ намѣреніями нашими отвѣта отъ его великобританскаго величества,—повелѣваемъ вамъ наложить секвестръ на всѣ аглицкія суда въ С.-Петербургскомъ портѣ находящіяся, приступя тотчасъ къ исполненію сего повелѣнія.

Павелъ.

Гатчина
Октября 23-го дня 1800 года.

LVII.

Herr General der Kavallerie von der Pahlen. Ich habe dem Architector Kameron aufgetragen einen Project und Plan zum neuen Aufbau der Kasanischen Kirche zu St. Petersbourg zu machen und thue Ihnen selbiges hiermit Kunde, damit Sie ihm die nöthigen Leute und alle Hülfe deren er bedarf, leisten. Ihr gnädiger Kaiser

Paul.

Den 24-ten October Anno 1800.
Zu Gatschina.

(Переводъ). Господинъ генералъ отъ кавалеріи фонъ-деръ Паленъ. Я поручилъ архитектору Камерону составить проэктъ и планъ для новой постройки Казанской церкви въ Петербургѣ. Увѣдомляю васъ о семъ для того, чтобы вы оказали ему содѣйствіе сдѣлавъ распоряженіе объ отпускѣ необходимыхъ для того людей. Благосклонный къ вамъ

Павелъ.

24-го октября 1800 года
Гатчино.

Примѣчаніе. Архитекторъ Камеронъ, родомъ изъ Англіи, обстроивалъ Царское Село, въ 1794 г., и пользовался особымъ расположеніемъ имп. Павла, а, по смерти этого Государя, имѣлъ квартиру въ нижнемъ этажѣ его покинутаго всѣми Михайловскаго дворца. Но извѣстно, что планы нынѣшняго Казанскаго собора составлены архитекторомъ Воронихинымъ и имп. Павелъ, утвердивъ ихъ, 14 Ноября 1800 г., въ тотъ же день учредилъ коммисію для построенія собора, подъ предсѣдательствомъ графа Алндр. Серг. Строганова.

М. Х.

LVIII.

Herr General der Kavallerie von der Pahlen. Ich habe den Befehl gegeben die in Cronstadt befindlichen hundert englischen Schiffer und tausend drei und vierzig Matrossen nach verschiedenen Stätten zu vertheilen damit an jedem Orte nicht mehr als ein Schiffer und zehn Matrossen sind, der General Procureur wird Ihnen die Oerter namentlich mittheilen; nehmen Sie zufolge diesem alle Maszregeln damit im Empfang und Abfertigung dieses nach denen ihm bertimmten Oertern die gehörigen Militair Konvoy als zum Empfang zo auch zur Abfertigung gebraucht wird, damit die gehörige Ordnung und Ruhe aufbewahrt wird; worüber auch der General-Major Oukoloff die nöthigen Vorschriften erhalten hat. Ihr gnädiger Kaiser

Paul.

Снѣситесь съ Уколовымъ.
Gatschina, den 28-ten October 1800.

Примѣчаніе. Русскія слова и подпись — руки Государя.

(Переводъ). Господинъ генералъ отъ кавалеріи фонъ-деръ Паленъ. Я отдалъ повелѣніе разослать по различнымъ городамъ находящихся въ Кронштадтѣ сто англійскихъ шкиперовъ и тысячу сорокъ три матроса, такъ чтобы въ каждомъ городѣ было не болѣе одного шкипера и десяти матросовъ. генералъ-прокуроръ укажетъ вамъ эти города. Поэтому сдѣлайте распоряженія, чтобы при пріемѣ и отправкѣ этихъ людей къ назначеннымъ мѣстамъ употребленъ былъ должный военный конвой для соблюденія надлежащаго порядка и тишины; о чемъ генералъ-маіоръ Уколовъ получилъ уже нужное предписаніе. Къ вамъ благосклонный

Павелъ.

28-го октября 1800 г.
Гатчино.

LIX.

[Собственноручно].

Прикажите Сестренцевичу тотчасъ переѣхать въ домъ св. Іоанна ибо я знаю, что онъ хочетъ въ старой квартерѣ оставаться и сіе исполнить по полученіи сего; а въ другомъ ни въ какомъ домѣ не пускайте его жить.

Павелъ.

Гатчина
Октября 30-го 1800 г.

Примѣчаніе. Станиславъ Сестренцевичъ-Богушъ происходилъ изъ литовскихъ дворянъ и родился 3 сентября (н. с.) 1731 г., въ помѣстьѣ своего отца, Замкѣ, Заблудовскаго прихода воеводства троцкаго.—Получивъ хорошую научную подготовку дома, отправленъ отцомъ во Франкфуртскій университетъ, въ 1748 г.; по окончаніи курса, вступилъ въ литовскіе гвардейскіе драгуны прапорщикомъ, въ 1751 г; вышелъ въ отставку капитаномъ, въ 1761 г.; началъ заниматься духовными науками и слушалъ курсъ Богословія въ Варшавѣ, у ксензовъ піаровъ, въ 1762 г.; обучившись церковнымъ обрядамъ у миссіонеровъ, постриженъ 29 апрѣля; произведенъ въ самогитскіе каноники 29, въ иподіаконы 29 мая, въ діаконы 12 іюня, рукоположенъ въ священники 14 іюля 1763 г.; за переводъ съ англійскаго на польскій „Хронологической исторіи о здоровьѣ“ Маккензи, пожалованъ отъ короля Станислава настоятелемъ прихода Гомельскаго, 9 января 1765 г.; произведенъ въ каноники виленскіе, съ назначеніемъ присутствовать въ духовномъ трибуналѣ литовскомъ, 15 октября 1763 г.; избранъ въ администраторы епархіи виленской, 29 іюля, и произнесъ знаменитое „Слово“, сдѣлавшееся извѣстнымъ также имп. Екатеринѣ II, и заслужившее автору Бобруйскій приходъ отъ короля Станислава, 13 ноября 1771 г.; произведенный въ епископы Мальскіе (in partibus infidelium), пожалованъ отъ короля польскаго орденомъ св. Станислава, 22 октября 1773 г.; по приглашенію имп. Екатерины, вступилъ, въ Могилевѣ, въ управленіе католической церковью Бѣлоруссіи, съ 4 тыс. черв. жалованья и сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ доходовъ, 12 мая 1774 г.; за переводъ съ русскаго на польскій „Учрежденія о Губерніяхъ“, пожалованъ отъ имп. Екатерины золотою, брилліантами осыпанною табакеркою, а отъ короля Станислава орденомъ Бѣлаго Орла, 4 іюня 1779 г.; возведенъ на степень архіепископа 3 ноября 1783 г.; избранъ членомъ Вольнаго экономическаго Общества въ С.-Петербургѣ, 23 августа 1792 г.; грамотою отъ папы Пія VI, удостоенъ званіемъ Апостольскаго легата, 8 ноября 1795 г.; по воцареніи имп. Павла I, пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго, 16 января; правомъ носить облаченіе кардинальское, 14 февраля; саномъ митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, 25 апрѣля; орденомъ св. Андрея Первозваннаго, 3 мая; и орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, 29 ноября 1798 г.; интригами іезуитскаго патера Грубера, „въ полночь принужденъ былъ—какъ самъ пишетъ—выбраться изъ дому католической церкви, чтобъ покои, имъ занимаемые, очистить для патера Грубера и перейти въ домъ Мальтійской капитулы“, а потомъ сосланъ на житье въ свои деревни, чуть было не погубленныя начетами, въ 1800 г.; по воцареніи имп. Александра I, возвращенъ въ Петербургъ и возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ, въ 1801 г.; пожертвовалъ сумму на содержаніе въ Имп: Воспитательномъ Обществѣ 4 хъ дѣвицъ мѣщанскаго званія, безъ различія вѣроисповѣданій христіанскихъ, съ обязательствомъ быть имъ гувернантками въ Бѣлоруссіи, 1 апрѣля 1808 г.; избранъ президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества, 26 апрѣля, и временнымъ президентомъ Россійской Академіи, 2 августа 1813 г.; пожалованъ орденомъ св. Владиміра I класса, 25 января 1814 г.; пожертвовалъ собственный большой домъ подъ С.-Петербургскую гимназію, съ тѣмъ, чтобъ она содержала постоянно 20 полупансіонеровъ или 15 пансіонеровъ, безъ различія вѣроисповѣданій христіанскихъ, 25 апрѣля 1816 г.; сложилъ съ себя званіе президента Вольнаго Экономическаго Общества, которое журналомъ опредѣлило: поставить въ своей залѣ мраморный

бюстъ его, 5 мая 1823 г.; соорудивъ въ Коломнѣ, на собственной землѣ и своимъ иждивеніемъ каменную римско-католическую церковь, освятилъ её, во имя св. Станислава, своего ангела, 7 мая, и ум. въ Петербургѣ, въ декабрѣ 1826 г.—Тѣло погребено, въ склепѣ, подъ алтаремъ сооруженной имъ церкви.—Сестренцевичъ посвящалъ свои досуги и трудамъ историческимъ, изъ которыхъ извѣстны: 1) Исторія о Тавріи, 2 ч., изд. 1806 г. 2) О происхожденіи Славянъ и Сарматовъ. М. Х.

LX.

Herr General der Kavallerie Graf von der Pahlen. Die englischen Schiffer Leute und Matrossen die sich in denen Est-Liff,—und Kurländischen Häfen befinden müssen ebenfalls vertheilt und in verschiedenen Oerter mit der nehmlichen Vorschrift verschickt werden. Ich ersehe aus Ihrem Verzeichnisse der Kommardirten Offiziere das Ihnen vorgeschrieben ist die Ihnen anvertrauten Engländer bis zu ihrer Bestimmung zu bringen; dieses ist überflüssig sondern sie müssen sie blos bis zu erster Garnison bringen von wo sie wieder zu der nächsten in der nehmlichen Ordnung geführt werden sollen. Ihr gnädiger Kaiser

Paul.

Den 30-ten October, Anno 1800.
In Gatschina.

(Переводъ). Господинъ генералъ отъ кавалеріи фонъ-деръ Паленъ. Англійскіе шкипера и матросы, находящіеся въ Эстляндскихъ, Лифляндскихъ и Курляндскихъ портахъ, также должны быть взяты и съ тою же предосторожностью разосланы по различнымъ мѣстамъ. Я вижу изъ вашего рапорта объ откомандированныхъ офицерахъ, что имъ предписано доставить до мѣстъ назначенія ввѣренныхъ имъ англичанъ—это лишнее; они должны только довести ихъ до перваго гарнизона, откуда они имѣютъ быть отправлены въ слѣдующій—тѣмъ же порядкомъ. Къ вамъ благосклонный

Павелъ.

30-го октября 1800 г.
Гатчино.

LXI.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи и Санктпетербургскій военный губернаторъ графъ фонъ-деръ Паленъ. Состоящее позади каменнаго дому, каммеръ-коллегіею занимаемаго, порожжее мѣсто, пролегающее

на Офицерскую улицу, длиною десять, шириною по сей улицѣ четырнадцать, въ другомъ концѣ тринадцать сажень, повелѣваемъ отдать навсегда къ сосѣдственному Сиротскому для дѣвицъ училищному дому. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Ноября 17 дня 1800 года
С.П.Бургъ.

LXII.

[Собственноручно].

Вицъ-губернатора Татаринова смѣнить, а смѣня послать жить его внѣ обѣихъ столицъ.

Павелъ.

Помѣта на оборотѣ: „Іюля 31 дня".

LXIII.

[Собственноручно].

Хранящіяся у васъ деньги Нарышкина извольте отослать къ арміи Интендапту чтобъ причислилъ въ армейскую сумму. 18 р. 56 коп.

Помѣта: „Полученъ 23 ноября 1800 года".

Примѣчаніе. Повелѣніе писано на лоскуткѣ бумаги, форматомъ меньщаго чѣмъ нынѣшнія визитныя карточки.

Примѣчанія составилъ въ 1871 г. **М. Д. Хмыровъ.**

ПАСТОРЪ ЗЕЙДЕРЪ.

Читатели „Русской Старины“, вѣроятно, помнятъ сказанія о судьбѣ, постигшей пастора Зейдера въ іюнѣ мѣсяцѣ 1800 г.: схваченный по доносу цензора Тимковскаго—онъ былъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Нерчинскъ. См. „Русскую Старину“ изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 463—490; XXII, стр. 117—156. Помѣщаемъ нынѣ относящіеся къ этому дѣлу официальные документы.

Ред.

I.

Государственной юстицъ коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ.

Предложеніе.

По дошедшимъ къ его императорскому величеству свѣдѣніямъ, что въ Лифляндской губерніи существуютъ партикулярные лезебибліотеки, государю императору благоугодно было высочайше повелѣть, дабы нигдѣ и никакихъ законопротивныхъ книгъ не было; естли же найдены будутъ гдѣ сомнительныя, таковыя препровождать въ цензуру; о чемъ отъ предмѣстника моего къ надлежащему исполненію и сообщено было 11-го марта прошлаго 799 года Лифляндскому генералу-геберпатору Нагелю; которой вслѣдствіе того и предписалъ повсемѣстно въ губерніяхъ управленію его ввѣренныхъ. Находящейся же близъ Дерпта въ Ранденѣ пасторъ Зейдеръ, не только имѣющихся у него книгъ не представилъ куда слѣдуетъ, и не объявилъ о существованіи у него лезебибліотеки, но и раздавалъ изъ оной для чтенія сумнительные и уже запрещенные, о чемъ Рижская цензура сама усмотрѣла изъ газетъ въ Дерптѣ печатаемыхъ, а симъ самымъ и преступилъ онъ высочайшія повелѣнія. Почему его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: книги у пастора Зейдора опечатать и прислать его ко мнѣ, въ мѣстѣ съ ними. При исполненіи сего каталоговъ книгамъ онъ не предъявилъ по неоднократнымъ требованіямъ, отзываясь, будто намѣреваясь давно сію библіотеку уничтожить, оные изорвалъ. По привозѣ пастора Зейдера ко мнѣ, отобравъ отъ него объясненіе, имѣлъ я счастіе всеподданнѣйше докладывать его величеству и получилъ высочайшее повелѣніе: судить его яко преступника законовъ и наказавъ тѣлесно сослать въ Нерчинскъ въ

работу, о чемъ государственной юстицъ коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ предлагаю, препровождая при семъ и пастора Зейдера. Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ.

Маія 29-го дня 1800 года.

Пасторъ Зейдеръ оставленъ до востребованія въ вѣдѣніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Макарова.

II.

По указу его императорскаго величества самодержца всероссійскаго, въ государственной юстицъ коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ, по предложенію господина генерала отъ инфантеріи, генерала прокурора, генерала провіантъ-мейстера и кавалера Обольянинова, въ коемъ изображено: «По дошедшимъ къ его императорскому величеству свѣдѣніямъ, что въ Лифляндской губерніи существуютъ партикулярные лезебибліотеки, государю императору благоудно было высочайше повелѣть, дабы нигдѣ и никакихъ законопротивныхъ книгъ не было; если же найдены будутъ гдѣ сумнительные, таковыя препровождать въ цензуру; о чемъ отъ предмѣстника къ надлежащему исполненію и сообщено было 11-го марта прошлаго 799 года Лифляндскому генералу губернатору Нагелю, корой въ слѣдствіе того и предписалъ повсемѣстно въ губерніяхъ управленію его ввѣренныхъ. Находящейся близь Дерпта въ Ранденѣ пасторъ Зейдеръ, не только имѣющихся у него книгъ не представилъ куда слѣдуетъ, и не сбъявилъ о существованіи у него лезебибліотеки, но и раздавалъ изъ оной для чтенія сумнительные и уже запрещенные, о чемъ рижская цензура сама усмотрѣла изъ газетъ въ Дерптѣ печатаемыхъ, а симъ самымъ и преступилъ онъ высочайшія повелѣнія. Почему его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: книги у пастора Зейдера опечатать и прислать его къ господину генералъ-прокурору вмѣстѣ съ ними. При исполненіи у сего каталоговъ книгамъ онъ не предъявилъ, по неоднократнымъ требованіямъ, отзываясь, будто, намѣреваясь давно сію библіотеку уничтожить, оные изорвалъ. По привозѣ пастора Зейдера отобравъ отъ него объясненіе, господинъ генералъ-прокуроръ имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать его величеству и получилъ высочайшее повелѣніе, судить его яко преступника законовъ и наказавъ тѣлесно, сослать въ Нерчинскъ на работу».

Во исполненіе таковаго высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія на основаніи законовъ.

определено:

Какъ во 1-хъ высочайше конфирмованнаго шведскаго церковнаго устава отъ 1686 года XIX главы въ 21-мъ § о проповѣдникѣ изображено: «буде обличится онъ по дѣлу касающемуся до чести и жизни, и прощенъ не будетъ, тогда епископъ долженъ его священническаго сана лишить, и потомъ да подвергнется свѣтскому наказанію».

Во 2-хъ земскаго уложенія (шведскаго изданія) заглавія о королевскомъ правѣ примѣчанія, а написано: «буде кто, знатнаго ли или низкаго состоянія, въ предѣлахъ государства не станетъ повиноваться королю, и воспротивится его повелѣніямъ или запрещеніямъ, того наказать согласно 9-й главѣ о королевскомъ правѣ; въ главѣ же сей установлено:

«Кто станетъ говорить противъ короля или королевскихъ совѣтниковъ объ одномъ ли или нѣсколькихъ, что либо касающееся до чести и достоинства ихъ, доказать же будетъ не въ состояніи, таковому да отрубится голова; естьли же кто произнесетъ слова поносительные, до достоинства и чести не относящіеся, да накажется денежнымъ штрафомъ 40 марокъ, или да посадится въ королевскую тюрьму на мѣсяцъ на хлѣбъ и на воду».

Таковыхъ и земскаго уложенія заглавія о королевскомъ правѣ въ главѣ XXXII изображено: «буде кто нарушитъ приговоръ учиненной отъ короля или королевскихъ судей рѣшительною грамотою, съ того взыскать въ казну 40 марокъ, каковой денежной штрафъ однакожъ королевскимъ суднымъ уставомъ отъ 1614 года въ 8-мъ § возвышенъ до ста талеровъ серебряной монеты».

и въ 3-хъ морскаго устава 5-й книги 1-й главы въ 146-мъ пунктѣ предписано:

«Всякъ какого-бъ чина и достоинства ни былъ, кто вѣдѣніемъ и волею противъ указовъ и повелѣній проступится, за то казненъ будетъ смертію; а ежели кто невѣдѣніемъ указъ или повелѣніе преступитъ, тотъ по разсмотрѣнію дѣла наказанъ быть имѣетъ».

Равномѣрно и высочайше изданныхъ воинскихъ артикуловъ 135-й гласитъ:

«Никтобъ ниже словомъ или дѣломъ или письмами самъ собою или черезъ другихъ къ бунту и возмущенію, или иное что учинить причины не далъ, изъ чего бы могъ бунтъ произойдти. Ежели кто противъ сего поступитъ, оный по розыску дѣла живота лишится, или на тѣлѣ наказанъ будетъ».

Выше прописаннымъ его императорскаго величества имяннымъ указомъ, касательно пастора Зейдера, повелѣно: «наказать его тѣлесно и сослать въ Нерчинскъ на работу».

Того ради юстицъ-коллегія положила: сказаннаго пастора Зейдера, котораго (какъ явствуетъ изъ находящихся въ коллегіи росписей о духовныхъ) зовутъ Фридрихомъ Самуиломъ Зейдеромъ и который по сіе время былъ пасторомъ въ Ранденѣ близь Дерпта, яко преступника законовъ, по снятіи съ него пасторскаго званія и достоинства въ присутствіи сія коллегіи при препозитахъ Вольфѣ и Рейнботѣ;—наказать тѣлесно кнутомъ двадцатью ударами и сослать въ Нерчинскъ въ работу; а въ Санктпетербургское губернское управленіе сообщить дабы благоволено было привесть рѣшеніе сіе въ надлежащее исполненіе, и о всемъ томъ предварительно всеподданнѣйше доложить его императорскому величеству посредствомъ господина генерала-прокурора.

(Подписали члены юстицъ-коллегіи).

Маія 31 го дня 1800 г.

III.

Милостивый государь мой Иванъ Андреевичъ! По врученной мнѣ отъ вашего превосходительства копіи съ опредѣленія юстицъ-коллегіи о пасторѣ Зейдерѣ, имѣлъ я счастіе докладывать его императорскому величеству, и получивъ высочайшее на оное соизволеніе, обращаю при семъ къ вамъ копію для надлежащаго исполненія, которое должно быть сдѣлано не чрезъ гражданскаго, но чрезъ военнаго губернатора, о чемъ къ нему отъ меня уже и писано; а для представленія Зейдера въ коллегію для снятія сана извольте отнестись къ Александру Семеновичу Макарову, коему отъ меня дано уже надлежащее приказаніе. Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ пребываю милостивый государь мой вашего превосходительства покорный слуга Петръ Обольяниновъ.

Павловскъ.
Маія 31-го дня 1800 года.

Его превосходительству Вейдемейеру.

Prod. in Coll. Just. d. 1 Jun. 1800.

IV.

Въ правительствующій сенатъ рапортъ. Съ полученнаго въ сей коллегіи отъ господина генерала отъ инфантеріи, генерала-прокурора, генерала-провіантмейстера и кавалера Обольянинова предложенія съ изображеніемъ его императорскаго величества высочайшаго именнаго повелѣнія касательно ранденскаго пастора Зейдера, преступившаго законы, юстицъ-коллегія честь имѣетъ представить правительствующему сенату при семъ засвидѣтельствованную копію. Маія 31 дня 1800 года.

І. Вильке, С. А. Визингъ, К. К. Миллеръ.

По 3-му департаменту

V.

Милостивый государь, Петръ Хрисанфовичъ! Получивъ почтеннѣйшее вашего высокопревосходительства письмо отъ 31-го маія, касательно бывшаго пастора Зейдера, предложилъ я тотчасъ юстицъ-коллегіи о исполненіи учиненнаго ею и высочайше апробованнаго его императорскимъ величествомъ приговора, снятіемъ съ преступника въ присутствіи коллегіи духовнаго сана и достоинства; по учиненіи чего онъ отъ коллегіи отправленъ къ господину военному губернатору графу фонъ-деръ-Палену; о чемъ извѣщая васъ, милостивый государь! есмь съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностью. Іюня 1-го дня 1800 года. (Вейдемейеръ, предсѣдатель юстицъ-коллегіи).

VI.

Рапортъ.

Сего дня господинъ президентъ фонъ-Вейдемейеръ предложилъ сей коллегіи письмо полученное отъ его высокопревосходительства господина генерала отъ инфантеріи, генерала-прокурора, генерала-провіантъ-мейстера и кавалера Обольянинова, письмо, изображающее всевысочайшее его императорскаго величества соизволеніе на приведеніе въ исполненіе приговора сея коллегіи касательно бывшаго пастора Зейдера, яко преступника законовъ, съ котораго письма коллегія учинивъ зависящее отъ нее исполненіе высочайшаго, при семъ имѣетъ честь представить правительствующему сенату засвидѣтельствованную копію. Іюня 1-го дня 1800 года.

І. Вильке, С. А. Визингъ, К. Ф. Бриллингъ.

По 3-му департаменту.

VII.

Рапортъ.

Въ сходствіе объявленнаго въ письмѣ отъ вашего высокопревосходительства къ господину президенту юстицъ-коллегіи дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Вейдемейеру высочайшаго его императорскаго величества повелѣнію, бывшій Ранденской пасторъ Фридрихъ Людевигъ [1]) Зейдеръ въ присутствіи оной коллегіи при господинѣ дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Макаровѣ, и двухъ лютеранскихъ препозитахъ отъ духовнаго сана и достоинства отрѣшенъ и для послѣдующаго наказанія отправленъ господину военному губернатору графу фонъ-деръ-Палену. О чемъ вашему высокопревосходительству симъ донести честь имѣю. (Кѣмъ подписано?)

VIII.

Юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ.

Предложеніе.

Его императорское величество всемилостивѣйше снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе при семъ препровождаемое, Дерптскаго уѣзда, ранденскаго приходу пастора Зейдера, несчастнымъ образомъ отъ мѣста его отдаленнаго и просящаго объ опредѣленіи на оное, согласно желанію прихожанъ, по прежнему, высочайше указать соизволилъ разсмотрѣть юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ, можетъ-ли проситель возвращенъ быть къ прежней проповѣднической должности, и ежели мѣсто дѣйствительно праздно, и законныхъ препятствій не окажется, то опредѣлить его на оное по прежнему, оградивъ отъ всякаго порицанія, по случаю претерпѣннаго имъ несчастія. О исполненіи чего юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ предлагаю съ тѣмъ, дабы оная увѣдомила меня, какое учинено будетъ ею по сему высочайшему повелѣнію разсмотрѣніе и положеніе. А. Беклешовъ.

№ 3863. Сообщ. А. Фехнеръ.
Ноября 7-го дня 1801 года.
Prod. d. 11 November 1801.

[1]) Ошибка: его звали Фридрихомъ Самуиломъ.

РАЗСКАЗЫ СТАРАГО ПАЖА О ВРЕМЕНИ ПАВЛА I,

записанные сыномъ пажа.

Покойный отецъ мой—Константинъ Карловичъ Бошнякъ—принадлежалъ къ небогатой дворянской семьѣ, родоначальникъ которой выѣхалъ въ Россію при Петрѣ Великомъ. Подобно множеству фамилій, предстояло и нашему роду, въ средѣ котораго не было ни богатыхъ, ни сколько нибудь знатныхъ людей, пребывать въ совершенной неизвѣстности и вести ту же крайне скромную жизнь, которую ведемъ мы, послѣдніе потомки и безъ того неважнаго, хотя сравнительно съ нашими предками—все таки захудалаго рода. Тѣмъ не менѣе обстоятельства сложились такъ, что многіе представители нашей негромкой фамиліи принимали нѣкоторое, и отчасти довольно видное участіе въ событіяхъ русской исторіи послѣдняго времени. Такъ прадѣдъ мой, заурядный гарнизонный полковникъ и саратовскій комендантъ въ эпоху Пугачевскаго погрома, сдѣлался извѣстнымъ русскому читающему люду, благодаря геніальному перу Пушкина, посвятившему двѣ странички описанію ссоры упрямаго служаки съ знаменитымъ Державинымъ. Дѣдъ мой, воспитанный на счетъ извѣстнаго Бирона въ Митавской гимназіи, Карлъ Ивановичъ Бошнякъ [1]), русскій и православный, хотя и носившій нѣмецкое имя по семейнымъ, ни для кого изъ постороннихъ не интереснымъ обстоятельствамъ—былъ въ числѣ кавалеровъ, сопровождавшихъ въ Данію Брауншвейгскую фамилію. Связи, имъ сдѣланныя въ это путешествіе, и родство съ нѣкоторыми Курляндскими родами, получившими силу и значеніе при дворѣ императора Павла, помогли ему по прибытіи въ Петербургъ, куда онъ почти совсѣмъ раззорившись пріѣхалъ искать службы — помѣстить двухъ сыновей (изъ нихъ — одинъ былъ мой отецъ) несмотря на свой небольшой чинъ—въ Пажескій корпусъ.

Отецъ мой вступилъ въ это заведеніе, походившее болѣе на част-

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ", изд. 1874 г. томъ IX, воспроизведены были снятые имъ силуэты съ членовъ несчастной Брауншвейгской фамиліи, при чемъ дѣдъ названъ лѣкаремъ. Могу утвердительно сказать, что онъ лѣкаремъ никогда не былъ, хотя можетъ быть и носилъ это званіе между лицами, сопровождавшими сестеръ Іоанна Антоновича въ Данію.

Ал. Б.

ный пансіонъ, чѣмъ на военное училище, въ тотъ самый годъ, когда изъ него вышелъ И. Ф. Паскевичъ (будущій фельдмаршалъ, князь Варшавскій). Въ памяти моей остались нѣкоторые разсказы изъ того времени, особенно объ ужинѣ въ Михайловскомъ замкѣ въ вечеръ, предшествовавшій воцаренію императора Александра I-го. Часть этихъ разсказовъ я, съ позволенія редакціи «Русской Старины», постараюсь передать неискуснымъ перомъ моимъ—ея читателямъ.

Въ ту пору въ Пажескомъ корпусѣ воспитывалось гораздо менѣе ста человѣкъ, и самый корпусъ помѣщался въ Милліонной улицѣ въ какомъ-то неказистомъ казенномъ или частномъ помѣщеніи. У пажей были свои дядьки изъ крѣпостныхъ людей, которые имъ прислуживали, мыли малолѣтнихъ господъ своихъ въ банѣ, чистили имъ платье и т. п. Ученье въ корпусѣ шло плохо; военныя науки и математику въ самомъ скромномъ объемѣ преподавалъ К. Ф. Клингенбергъ (бывшій потомъ директоромъ Павловскаго Кадетскаго корпуса), прочіе преподаватели были еще того менѣе замѣчательны, и если обращалось въ научномъ отношеніи какое нибудь вниманіе—такъ это на изученіе иностранныхъ языковъ, въ особенности французскаго, которымъ покойный отецъ мой владѣлъ въ совершенствѣ. Главнѣйшимъ дѣломъ и обязанностью пажей—было прислуживать во дворцѣ императорской фамиліи и ея гостямъ, особенно за вечернимъ столомъ.

Для этого пажи раздѣлялись на очереди, и тѣ, на долю которыхъ выпадала подобная честь, освобождались въ тотъ день отъ классныхъ занятій, въ замѣнъ чего они отправлялись въ отдѣльную комнату, гдѣ ожидалъ ихъ парикмахеръ. Съ помощью плохой поммады и муки, они выходили оттуда напудренными, съ туго заплетенными косичками, въ которыя вплеталась тонкая проволока и съ особенной прической висковъ, носившей названіе ailes du pigeon. Затѣмъ мальчиковъ, не смѣвшихъ пошевельнуться, чтобы не испортить мудренаго головнаго убора, облекали въ французскіе кафтаны и въ шелковые чулки, и въ этомъ видѣ сажали безъ шляпъ въ глухую придворную карету, доставлявшую ихъ во дворецъ. Тамъ въ столовомъ залѣ, украшенномъ картинами батальной живописи и довольно слабо освѣщенномъ канделябрами съ восковыми свѣчами, былъ уже накрытъ ужинъ.

Не смотря на извѣстную всѣмъ воздержность въ пищѣ императора Павла, столъ убирался великолѣпно, и въ особенности изобиловалъ десертомъ. Пажи становились окого него, впереди придворныхъ лакеевъ, и въ руки каждому изъ нихъ давали по тяжелой серебряной тарелкѣ, обернутой въ салфетку, а для того, чтобы они знали ка-

кимъ образомъ держать ее и подавать на столъ, дѣлались въ корпусѣ предварительныя репетиціи.

Ровно въ девять часовъ вечера двери изъ внутреннихъ аппартаментовъ растворялись, и императоръ въ сопровожденіи императрицы, наслѣдника престола и прочихъ лицъ императорской фамиліи съ ихъ воспитателями графомъ Строгановымъ и княгиней Ливенъ—вступалъ въ залъ. Онъ шелъ обыкновенно впереди всѣхъ подъ руку съ императрицей, и только однажды, когда въ Петербургъ пріѣхалъ шведскій король, уступилъ это первенство своему гостю, слѣдуя непосредственно позади его [1]. Грозно кругомъ оглядываясь и фыркая во всѣ стороны, онъ отрывистымъ движеніемъ снималъ съ рукъ краги, которыя вмѣстѣ съ шляпой принималъ отъ него дежурный камеръ-пажъ. Императоръ садился за столъ, имѣя по правую руку свою августѣйшую супругу, а по лѣвую—великаго князя Александра Павловича. Прочіе приглашенные собесѣдники чинно занимали приготовленныя для нихъ мѣста. За столомъ царило глубокое молчаніе, прерываемое иногда государемъ да графомъ Строгановымъ, дерзавшимъ подъ часъ даже вступать въ споръ съ грознымъ повелителемъ. Случалось, что когда государь былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа—къ столу призывался придворный шутъ (существовало и такое званіе) Иванушка, изумлявшій иногда самаго Павла смѣлостью своихъ рѣчей. Этотъ Иванушка былъ отличнымъ орудіемъ для лицъ, которыя хотѣли обратить на кого нибудь гнѣвъ или милость монарха. Отъ себя обыкновенно онъ ничего не вздумывалъ, но какъ попугай повторялъ выученное, при чемъ при вопросѣ—отъ кого онъ слышалъ какую нибудь черезъ чуръ смѣлую выходку — указывалъ не на тѣхъ, кто таковой его дѣйствительно научилъ, а на лицъ, объ которыхъ его учители нарочно запрещали ему говорить, зная навѣрно, что ихъ-то именно онъ и назоветъ.

Однажды государь, выслушивая далеко не глупые отвѣты на вопросъ: «что отъ кого родится» обратился къ Иванушкѣ:

— «Ну, Иванушка, а отъ меня что родится?»

Шутъ, ни мало не оробѣвъ, бойко отвѣчалъ:

---

[1]) Гордый императоръ умѣлъ быть любезнымъ, когда того хотѣлъ. Такъ отецъ разсказывалъ мнѣ, что въѣзжая въ Москву предъ коронаціей—Павелъ, сидя верхомъ на лошади, сдѣлалъ весь путь отъ Тверской заставы до Кремля съ обнаженной головой, изъ вѣжливости къ привѣтствовавшему его народу. Но онъ-же, замѣтивъ, что выѣздная обстановка многихъ Московскихъ тузовъ лучше и щеголеватѣе придворной—запретилъ частнымъ лицамъ ѣздить цугомъ, и имѣть при экипажахъ гайдуковъ и скороходовъ. А. В.

— «Отъ тебя, государь, родятся чины, кресты, ленты, вотчины, сибирки, палки, каторги, кнуты..........»

Разгнѣванный этимъ отвѣтомъ императоръ приказалъ немедленно заковать бѣднаго шута въ кандалы и наказать палками. Съ трудомъ могли его умилостивить, и все ограничилось лишь тѣмъ, что удалили дурака изъ Петербурга [1]).

По окончаніи ужина, государь предъ тѣмъ, чтобы удалиться во внутренніе покои, осматривалъ пажей, и снявъ со стола вазы съ остатками конфектъ и бисквитовъ, бросалъ таковые въ дальній уголъ зала, видимо забавляясь какъ мальчики, толкая и обгоняя другъ друга, старались набрать какъ можно болѣе лакомствъ. Дворъ успокоивался въ то время очень рано, и когда пажей привозили въ корпусъ, то на корпусныхъ часахъ было обыкновенно десять.

Отецъ мой не былъ очевидцемъ припадковъ гнѣва, столь страшныхъ у своеобычнаго государя, но хорошо помнилъ событіе, по поводу котораго, по всѣмъ соображеніямъ, слѣдовало ожидать такого припадка. Между тѣмъ вопреки всеобщимъ ожиданіямъ дѣло окончилось благополучно.

На Адмиралтейскихъ эллингахъ строился корабль «Благодать» и императоръ со многими членами двора пожелалъ лично находиться при его спускѣ; огромное судно, сдвинувшись съ стапелей, остановилось на пол-пути и не погрузилось въ воду. Всѣ ожидали бѣды для строителей, но вышло иначе: государь совершенно равнодушно самъ разсказывалъ объ неудачѣ, извинялъ ее, объяснялъ причины, при чемъ высказывалъ мнѣнія, доказывавшія его знакомство съ морскимъ дѣломъ.

Другой памятный для отца эпизодъ относился къ ужину во дворцѣ въ вечеръ, предшествовавшій внезапной кончинѣ Павла Петровича, который, сидя за столомъ, былъ очень веселъ, чему-то много смѣялся и безпрестанно перешептывался съ сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Это необыкновенно веселое расположеніе духа государя обратило на себя вниманіе даже мальчиковъ-пажей, и одинъ изъ нихъ—Зайцевъ, обратясь послѣ ужина къ отцу, сказалъ ему:

---

[1]) Шута этого впослѣдствіи хорошо знали въ Москвѣ, гдѣ онъ коротал дни свои въ домѣ извѣстной красавицы Настасьи Воиновны Нащокиной. Пользуясь положеніемъ „невмѣняемости“, онъ часто заставлялъ гостей своей хозяйки глотать самыя горькія пилюли, и притомъ всегда при большомъ обществѣ. А. В.

— «Замѣтилъ-ли ты Бшнякъ, какъ государь шептался съ наслѣдникомъ? Точно онъ ему царство передавалъ!»

Неосмысленныя слова ребенка оказались пророческими. Едва успѣли пажи освободиться отъ неудобнаго придворнаго костюма и заснуть на своихъ перинахъ, какъ въ корпусѣ произошло какое то странное движеніе. Ходившіе по корридору офицеры въ пол-голоса передавали одинъ другому извѣстіе, что государь внезапно скончался. Разбуженные мальчики бросились къ окнамъ, въ которые брезжился разсвѣтъ: на улицѣ шпалерами разставлены были солдаты, и ходившіе между рядами священники приводили ихъ къ присягѣ новому государю.

Чрезъ два дня пажей, уже съ отрѣзанными косами, повезли во дворецъ поклониться тѣлу императора. Онъ лежалъ въ своемъ гатчинскомъ мундирѣ, а лицо было закрыто огромной треугольной шляпой.

Придворная жизнь пажей кончилась. Къ придворному столу въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ стали призывать однихъ камеръ-пажей, которые становились за креслами императора и императрицъ лишь для парада. Молодой государь нашелъ, что сыновьямъ почетныхъ дворянъ не прилично выполнять обязанности придворныхъ лакеевъ. «Мы», разсказывалъ мнѣ отецъ, «не были такъ щекотливы относительно своего дворянскаго достоинства, и съ горечью вспоминали о пропавшихъ для насъ безслѣдно дворцовыхъ лакомствахъ».

Оканчивая этотъ разсказъ, я могу завѣрить лишь въ томъ, что онъ переданъ вѣрно. А дѣйствительно-ли все происходило такъ, какъ здѣсь написано—ручаться не имѣю права: можетъ быть старику измѣняла память при воспоминаніи о давнихъ событіяхъ.

А. К. Бошнякъ.

1-го октября 1880 г.
г. Нерехта.

ПРОЭКТЪ О УСТРОЙСТВѢ ВОЕННОЙ ПОЛИЦІИ

ПРИ ГВАРДЕЙСКОМЪ КОРПУСѢ [1]).

1821 г.

1.

«Быть по сему. Александръ».

„Лейбахъ, генваря 4-го 1821 года".

Начальство гвардейскаго корпуса необходимо должно имѣть самыя точныя и подробныя свѣдѣнія не только обо всѣхъ происшествіяхъ въ ввѣренныхъ войскахъ, но еще болѣе о расположеніи умовъ, о замыслахъ и намѣреніяхъ всѣхъ чиновъ. Корпусъ сей окружаетъ государя, находится почти весь въ столицѣ и разныя части онаго, не бывъ раздѣлены какъ въ арміи большимъ пространствомъ, тѣсно связаны и въ безпрерывномъ сношеніи между собою. Источники, посредствомъ которыхъ получаетъ начальство свѣдѣнія, весьма недостаточны и даже не надежны. Обыкновенный путь есть чрезъ полковыхъ командировъ; но часто назначаютъ сами, часто по собственной выгодѣ или по ложному понятію могутъ скрывать разныя происшествія и къ несчастію иногда за ними самими необходимо бываетъ наблюдать; ихъ поступки, обхожденіе, иногда злоупотребленія, бывъ неизвѣстны высшему начальству, могутъ довести подчиненныхъ до неудовольствія и произвести вредныя послѣдствія; о семъ узнаютъ слишкомъ поздно; вся удобность предупредить или отвратить зло можетъ быть упущена и тогда необходимость можетъ поставить прибѣгнуть къ опаснымъ мѣрамъ.

Если даже полковые командиры будутъ все знать происходящее въ полкахъ и доводить до свѣдѣнія начальства, но сего еще недостаточно. Офицеры посѣщаютъ общества, имѣютъ связи; безпокойное броженіе умовъ во всей Европѣ, особенно со времени послѣднихъ происшествій, можетъ вкраться и къ намъ; могутъ найтиться и злонамѣренные люди, кои будучи всегда недовольны самымъ лучшимъ правленіемъ, въ надеждѣ собственныхъ выгодъ, станутъ замышлять пагубныя затѣи; можетъ даже встрѣтиться, что чужеземцы, завидуя величію Россіи, подошлютъ тайныхъ искусныхъ агентовъ, кои

[1]) Писано рукою ген.-адъют. Васильчикова.

легко успѣютъ вкрасться въ общество. Естественно, что все вниманіе такихъ людей обратится на гвардію. Полковые командиры, не имѣя никакихъ способовъ, никогда сего узнать не могутъ и даже дать имъ къ тому средства не всегда можетъ быть полезно, отъ подчиненныхъ же нельзя ожидать свѣдѣній о семъ.

Словомъ при теперешнемъ положеніи дѣлъ, совершенно необходимо имѣть военную полицію при гвардейскомъ корпусѣ, для наблюденія войскъ, расположенныхъ въ столицѣ и окрестностяхъ; прочія по отдаленности не могутъ быть удобно наблюдаемы и въ семъ отношеніи не такъ важны.

Полиція сія должна быть такъ учреждена, чтобъ и самое существованіе ея покрыто было непроницаемою тайною. Невѣдая о ней, менѣе будетъ недовѣрчивы и она принесетъ болѣе пользы; но когда извѣстно будетъ даже другому какому нибудь начальству, то вѣроятно, что по соревнованію скоро перестанетъ быть тайною.

Тотъ, кому поручено будетъ управленіе сею частію, долженъ состоять въ непосредственномъ завѣдываніи командующаго корпусомъ и отъ него прямо получать приказанія и наставленія. Всѣ же употребляемыя для собранія свѣдѣнія зависятъ уже непосредственно отъ управляющаго, также дѣла производятся въ квартирѣ его, дабы частое появленіе въ корпусномъ дежурствѣ новыхъ лицъ не произвело любопытства и не заставило разъискивать о цѣли или по крайней мѣрѣ догадываться объ оной.

Всѣ употребляемые по сей части, особенно управляющій, избирается съ особенною осмотрительностію. Послѣдствія донесеній гражданской полиціи не могутъ быть столь пагубны, какъ ложныя, необдуманныя или увлеченныя донесенія военной полиціи. Необходимо, чтобы на управляющаго можно было положиться, чтобы онъ всею душою привержен былъ пользѣ своего государя, былъ основателенъ, зналъ свое дѣло, всю важность занимаемаго мѣста и не страшился непріятностей отъ тѣхъ лицъ, коихъ злоупотребленія могутъ быть открыты. Управляющій сею частію назначается съ высочайшаго дозволенія командующимъ корпусомъ, всѣ прочіе уже имъ избираются съ разрѣшенія командующимъ корпусомъ. Онъ одинъ по другому какому либо мѣсту можетъ состоять при штабѣ, служба же прочихъ не числится, но въ случаѣ особеннаго отличія могутъ быть удостоиваемы къ наградамъ подъ другими видами.

Управляющій еженедѣльно представляетъ вѣдомости, и въ случаѣ нужды особенныя записки. Всѣ свѣдѣнія безъ изъятія должны относиться къ военной части, изъ гражданскихъ единственно тѣ, кои по свойству своему, могутъ имѣть вліяніе на войска, какъ то распускае-

мые на счетъ войскъ слухи, толки о распоряженіяхъ начальства, о перемѣнахъ и проч. Наконецъ сумма, необходимая на издержки, должна быть отпускаема на имя корпуснаго командира и выдаваема управляющему безъ росписки въ книгахъ дежурства, всегда впередъ, дабы онъ имѣлъ средства дѣйствовать во всякомъ случаѣ, ни чемъ не затрудняясь.

II.

«Быть по сему. Александръ».
„Лейбахъ, генваря 4-го 1821 года“.

Примѣрное исчисленіе издержекъ, потребныхъ для военной полиціи гвардейскаго корпуса.

	Число людей.	Сумма въ годъ. Одному.	Всѣмъ
Смотрителей для наблюденія всего происходящаго въ полкахъ и за нижними чинами, гдѣ они только бываютъ, на работахъ, въ баняхъ и проч.	9	600	5,400
На расходы ихъ для свѣдѣнія, связей, для переѣздовъ находящихся въ окрестностяхъ при доставленіи свѣдѣній и прочіе	—	—	5,000
Одинъ, который бы могъ быть употребляемъ для повѣрки, не будучи ни имъ извѣстенъ, не самъ не зная	1	—	1,400
Смотрителей для наблюденія за офицерами, кокорые должны имѣть всѣ способы, чтобы свести связи и посѣщать публичныя мѣста и частныя общества, гдѣ бываютъ офицеры.	3	3,000	9,000
Письмоводитель для переписки и веденія въ исправности журналовъ и проч.	1	—	1,200
Управляющему жалованья не полагается, такъ какъ долженъ получать оное по другому мѣсту, но на удобную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, экипажъ для разъѣздовъ по городу и въ окрестности	1	—	6,000
На канцелярскіе расходы	—	—	2,000
На экстраординарныя издержки, какъ: то угощенія при развѣдываніяхъ, посылки, награжденія за отличія и проч.	—	—	10,000
Итого . . .	15	—	40,000

Остающаяся въ концѣ года за издержками сумма причисляется къ слѣдующему.

Сверхъ сего потребно единовременно на первое обзаведеніе.	—	—	5,000

[Изъ бумагъ К. В. Чевкина].

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

1829.

Въ эпоху заключенія Адріанопольскаго міра въ 1829 году, въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 67), а затѣмъ и въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 106) появилась корреспонденція, надѣлавшая въ свое время, въ офиціальныхъ сферахъ, не мало тревогъ. Статейка эта была напечатана подъ заглавіемъ: «Отрывокъ письма русскаго офицера изъ арміи».

Содержаніе этой скромной, незатѣйливой статейки нижеслѣдующее:

«5-го августа. Лагерь между Бургасомъ и Адріанополемъ.

«Послѣ сраженія при Кулевчѣ, армія турецкая еще могла намъ противопоставить значительныя силы; но великій визирь не сдѣлалъ ни одного шага для освобожденія Силистріи, и когда мы пошли чрезъ Балканъ (чего онъ не могъ не знать, ибо приготовленія наши не были скрыты), то онъ ограничилъ всѣ распоряженія свои приказаніемъ отрядамъ своимъ на Камчикѣ, быть храбрыми и бдительными. Преграда сія была уничтожена при первомъ рѣшительномъ усиліи; далѣе горы не представляли намъ никакихъ трудностей; дорога, шедшая верстахъ въ десяти отъ морскаго берега, была препокойная, и далеко лучше пути, идущаго изъ Краіовы въ Бухарестъ. И такъ сей Балканъ есть только выдумка, или шутка; удивительно, что донынѣ могли вѣрить оной. Турки разсѣялись, и мы къ сожалѣнію, видимъ ихъ приходящими къ намъ безъ оружія, для того, чтобы просить открытыхъ листовъ для себя и семействъ своихъ. Казаки наши почти не стрѣляютъ: ибо бóльшая часть непріятельскихъ отрядовъ бросаютъ оружіе и уходятъ по домамъ. Порта близка къ сильному перевороту; народъ утомленъ повиновеніемъ султану».

Когда злополучный номеръ «Одесскаго Вѣстника» достигъ русской главной квартиры, Забалканскій герой находился уже въ Адріанополѣ; легко себѣ представить непріятное впечатлѣніе, произведенное на него отзывомъ, что сей Балканъ есть только выдумка или шутка!!! Усмотрѣно здѣсь нѣчто въ родѣ подрыва вѣры въ неувядаемыя свойства новыхъ лавръ, которыми только что увѣнчалось чело побѣдителя при Кулевчѣ. Не теряя дорогаго времени, графъ

Дибичъ, 23-го сентября, обратился къ графу Чернышеву съ нижеслѣдующимъ письмомъ:

«Въ приложеніи къ 67-му номеру «Одесскаго Вѣстника» на 286 стр. помѣщенъ отрывокъ письма русскаго офицера изъ арміи, отданный въ печать безъ позволенія высшаго начальства».

«Имѣя въ виду высочайшія постановленія, дабы никто изъ лицъ, принадлежащихъ арміи, не смѣлъ печатать заключеній своихъ о военныхъ дѣйствіяхъ безъ предварительнаго представленія статьи своему начальству, я просилъ графа Михаила Семеновича Воронцова, чтобы онъ потребовалъ отчета отъ редактора газеты, кто именно отдалъ въ печать помянутый отрывокъ и увѣдомилъ бы о семъ меня, но отвѣта до сихъ поръ еще не могъ имѣть».

«Нынѣ въ 106-мъ номерѣ «Сѣверной Пчелы» отрывокъ сей перепечатанъ вновь; не смотря на всю нелѣпость статьи сей, не каждый можетъ судить о ея несправедливости и перешедъ въ иностранныя газеты, онъ подастъ случай недоброжелателямъ славы россійскаго оружія къ ѣдкимъ замѣчаніямъ, которыя хоть и будутъ безъ сомнѣнія отвергнуты просвѣщенными читателями, но поддерживаемыя людьми неблагонамѣренными, могутъ имѣть вредное вліяніе».

«Обстоятельство сіе побуждаетъ меня покорнѣйше просить в. с., доведя сіе до свѣдѣнія государя императора, сдѣлать съ вашей стороны надлежащее распоряженіе объ отысканіи лица, осмѣлившагося сіе печатать, которое по мѣсту пребыванію должно принадлежать ко 2-му корпусу ввѣренной мнѣ арміи, для должнаго съ него по законамъ взысканія».

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.»

9-го октября 1829 г. графъ Чернышевъ сообщилъ генералъ-адъютанту А. Х. Бенкендорфу, что вслѣдствіе письма графа Дибича отъ 23-го сентября: «государю императору повелѣть благоугодно было, чтобы ваше высокопревосходительство по собраніи надлежащихъ справокъ доложили бы Е. И. В. отъ кого именно статья сія получена редакціею «Одесскаго Вѣстника», кто сочинитель оной, по чьему разрѣшенію напечатана въ Одессѣ и наконецъ на какомъ основаніи перепечатана въ «Сѣверной Пчелѣ?»

«Сообщая вамъ м. г., высочайшую волю сію, имѣю честь быть и проч.»

Неизвѣстно какими результатами увѣнчались бы справки ген.-адъютанта Бенкендорфа, если-бы рокъ не придалъ бы всей этой бурѣ въ стаканѣ воды неожиданно комическую развязку. Читатели убѣдятся въ этомъ изъ письма графа Дибича отъ 10-го октября 1829 г. (изъ Адріанополя) графу Чернышеву:

«Получивъ увѣдомленіе г.-а. графа Воронцова, что извѣстное в. с. изъ отзыва моего отъ 23-го сентября за № 137 письмо, напечатанное въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», сообщено для напечатанія графомъ Ланжерономъ, я считаю всякое дальнѣйшее по сему разысканіе не нужнымъ; но полагаю неизлишнимъ на будущее время поставить въ непремѣнную обязанность цензуры, имѣть наистрожайшее наблюденіе, дабы впредь подобныя неправильныя извѣстія не были помѣщаемы въ нашихъ газетахъ по причинамъ, которыя я имѣлъ уже честь сообщить вамъ м. г., въ вышеупомянутомъ моемъ отзывѣ».

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.»

Не лишнее замѣтить здѣсь, что графъ Ланжеронъ удалился изъ второй арміи, дѣйствовавшей въ Турціи, послѣ назначенія графа Дибича въ 1829 г. главнокомандующимъ, какъ старшій въ чинѣ генералъ.

№ 142

ДѢЛО

О учрежденіи надзора за поведеніемъ извѣстнаго поэта Титулярнаго Совѣтника Пушкина.

Началось 17 Октября 1833 года.

На 2-хъ листахъ.

Кончено 30 Октября 1833 года.

По канцеляріи Казанскаго Военнаго Губернатора.

„17 Октября“. *Секретно*

№ 4344

УПРАВЛЕНІЕ
НИЖЕГОРОДСКАГО
ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА

КАНЦЕЛЯРІЯ.
столъ 2.

9 Октября 1833 года.
№ 333.

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ.

Господину Казанскому Военному Губернатору.

Санктпетербургскій Оберъ Полицмейстеръ, отъ 20 минувшаго Сентября за № 264, увѣдомилъ меня, что по Высочайше утвержденному положенію Государственнаго Совѣта, объявленному предмѣстнику его предписаніемъ Господина Санкт-петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, отъ 19 августа 1828 года № 211, былъ учрежденъ въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ за образомъ жизни и повѣденіемъ извѣстнаго поэта, Титулярнаго Совѣтника Пушкина, который 14 Сентября выбылъ въ имѣніе его, состоящее въ Нижегородской Губерніи.

Извѣстясь, что онъ, Пушкинъ, намѣренъ былъ отправится изъ здѣшней въ Казанскую и Оренбургскую Губерніи, я долгомъ считаю о вышеписанномъ извѣстить Ваше Превосходительство, покорнѣйше прося въ случаѣ прибытія его въ Казанскую Губернію учинить надлежащее распоряженіе о учрежденіи за нимъ во время пребыванія его въ оной секретнаго полицейскаго надзора за образомъ жизни и повѣденіемъ его.

Военный Губернаторъ Л (не разборчиво).

Секретарь И. Княгинскій.

№ 4344

30 Окт. 1833

№ 8327

Г. Нижегородскому Военному Губернатору.

На отношеніе Вашего Превосходительства, отъ 9 сего Октября за № 338, имѣю честь увѣдомить, что извѣстный поэтъ Титулярный Совѣтникъ Пушкинъ, за поведеніемъ коего слѣдовало учредить Полицейскій надзоръ, прибылъ въ Казань 6 Сентября и выѣхалъ изъ оной въ Оренбургъ 8-го числа того же мѣсяца.

№ 8328

Г. Правящему должность Казанскаго Полицiймейстера.

По высочайше утвержденному положенію Государственнаго Совѣта былъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ секретный Полицейскій надзоръ за образомъ жизни и поведеніемъ извѣстнаго поэта Титулярнаго Совѣтника Пушкина; (въ подлинномъ зачеркнуто: „который изъ С.-Петербурга въ имѣніе свое, состоящее въ Нижегородской Губерніи"), который 14-го минувшаго Сентября выбылъ изъ С. Петербурга въ имѣніе его, состоящее въ Нижегородской губерніи, а изъ оной въ Казанскую губернію.

Нижегородскій Военный Губернаторъ увѣдомляя о семъ меня проситъ, согласно помянутому Высочайше утвержденному Мнѣнію Государственнаго Совѣта, учредить за Титулярнымъ Совѣтникомъ Пушкинымъ надзоръ".

Зная, что Г. Пушкинъ недавно былъ въ Казани и 8 минувшаго Сентября выѣхалъ изъ оной въ Оренбургъ, я рекомендую Вашему Благородію, въ случаѣ прибытія Пушкина въ Казань, имѣть за поведеніемъ его строгое наблюденіе.

Въ семъ дѣлѣ перенумерованныхъ листовъ два. Коллежскій Регистраторъ В (не разборчиво).

Примѣчаніе. Вышенапечатанное дѣло весьма обязательно сообщено намъ въ копіи М. Е. Ковалевскимъ чрезъ посредство Г. К. Рѣпинскаго.
Ред.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

Глава третія [1]).

Центральныя учрежденія по крестьянскому дѣлу:

I.

Образованіе Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу.—Составъ комитета и его направленіе.—Князь Орловъ,—князь Долгоруковъ,—графъ Адлербергъ, Муравьевъ,—графъ Панинъ,—князь Гагаринъ,—Ростовцевъ,—Ланской и его товарищъ Левшинъ.

Виленской, петербургской и нижегородской адресы съ проектами отвѣтныхъ на нихъ рескриптовъ и дополнительныхъ отношеній министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній разсматривались въ Секретномъ комитетѣ. Я поименовалъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ этого комитета. Изъ предыдущаго изложенія ясно былъ виденъ характеръ дѣятельности какъ всего комитета, такъ и его членовъ, въ особенности тѣхъ, которые принимали болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ.

Со времени опубликованія первыхъ двухъ рескриптовъ и дополнительнаго отношенія къ петербургскому генералъ-губернатору, т. е. со времени, когда крестьянское дѣло перестало быть секретнымъ, не было причины удерживать въ секретѣ то высшее учрежденіе, которому поручено было разсмотрѣніе предположеній по сему предмету въ законодательномъ порядкѣ. Но тѣмъ не менѣе прошло болѣе мѣ-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—332; изд. 1881 г., т. XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; (май) стр. 1 32.

сяца со времени опубликованія первыхъ двухъ рескриптовъ, прежде чѣмъ рѣшено было секретный комитетъ переименовать въ «главный комитетъ по крестьянскому дѣлу» и обнародовать объ учрежденіи этого комитета во всеобщее свѣдѣніе.

Случайно, а можетъ быть и не случайно, высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Главнаго Комитета состоялось 8-го января 1858 г., слѣдовательно на другой день по подписаніи московскими дворянами адреса объ открытіи губернскаго комитета, т. е. на другой день по уничтоженіи того затрудненія, которое считалось препятствіемъ къ дальнѣйшему ходу крестьянскаго дѣла.

Комитетъ этотъ учреждался, какъ сказано было въ высочайшемъ повелѣніе 8-го января, «для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи».

Предсѣдательство въ комитетѣ государь оставилъ за собой, съ предоставленіемъ князю Орлову, при отсутствіи государя, заступать его мѣсто.

Составъ комитета оставался тотъ же самый, съ прибавленіемъ одного члена—министра юстиціи графа Панина, которымъ значительно подкрѣплялась и безъ того составлявшая въ комитетѣ сильное большинство—охранительная партія. Взамѣнъ этого одинъ изъ старыхъ членовъ выбылъ сейчасъ послѣ образованія главнаго комитета. Баронъ, нынѣ графъ Корфъ, хотя и былъ назначенъ членомъ сего послѣдняго комитета, но вслѣдъ затѣмъ возобновилъ просьбу объ увольненіи его отъ занятій по крестьянскому дѣлу, о чемъ онъ просилъ въ предъидущемъ году и не получилъ согласія государя. Вторичная просьба барона Корфа была уважена и онъ былъ освобожденъ отъ присутствія въ главномъ комитетѣ. Затѣмъ вмѣстѣ съ княземъ Орловымъ, по открытіи главнаго комитета, въ немъ считалось 12 членовъ.

Изъ этого числа только три лица поступили въ комитетъ по особому выбору Государя: Его Императорское Высочество великій князь Константинъ Николаевичъ, К. В. Чевкинъ (бывшій тогда министромъ путей сообщенія) и генералъ Ростовцевъ (бывшій въ то время начальникомъ военно-учебныхъ заведеній); прочіе 9 членовъ были назначены по занимаемымъ ими тогда должностямъ: князь Орловъ, какъ предсѣдатель государственнаго совѣта, графъ Блудовъ, какъ главно-управляющій II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, князь Гагаринъ, какъ предсѣдатель департамента законовъ; князь Долгоруковъ, какъ шефъ жандармовъ, остальные пять членовъ, какъ министры: графъ Адлербергъ (отецъ) двора и удѣловъ, Ланской—внутреннихъ дѣлъ, графъ Панинъ—юстиціи, Муравьевъ—государственныхъ имуществъ и Брокъ—фи-

нансовъ, на мѣсто котораго очень скоро поступилъ, сдѣлавшись министромъ финансовъ, Княжевичъ.

Производство дѣлъ по комитету было возложено, по прежнему, на государственную канцелярію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря Буткова, съ назначеніемъ въ помощь ему С. М. Жуковскаго, который въ то время былъ статсъ-секретарь существовавшаго тогда департамента польскихъ дѣлъ государственнаго совѣта и который занимался уже дѣлопроизводствомъ по секретному комитету.

Бо̀льшая часть лицъ изъ назначенныхъ членами главнаго комитета, при его открытіи сошли уже въ могилу. Изъ 12-ти человѣкъ остались нынѣ (въ 1875 г.) въ живыхъ только два: великій князь Константинъ Николаевичъ и графъ А—ъ, если его можно считать живымъ. Бойкій, дѣятельный и вліятельный въ то время государственный секретарь Бутковъ нѣсколько лѣтъ уже не занимается дѣлами, страдая душевной болѣзнію (1875). Но назадъ тому 17 лѣтъ, значительное число изъ умершихъ были еще полны силъ и страстей, несмотря на преклонные годы многихъ изъ нихъ.

Переименованіе Секретнаго комитета въ Главный не могло измѣнить того направленія и той степени сочувствія къ крестьянскому дѣлу, которыя тамъ преобладали съ самаго начала дѣла.

Изъ членовъ Главнаго Комитета искренно желали освобожденія крестьянъ и готовы были помогать въ этомъ дѣлѣ Государю только четверо: великій князь Константинъ Николаевичъ, Ланской, графъ Блудовъ и генералъ Чевкинъ. О пятомъ членѣ, который несомнѣнно и искренно желалъ успѣха предпринятаго государемъ преобразованія, Я. И. Ростовцевѣ—я скажу послѣ.

При содѣйствіи либеральныхъ членовъ и еще болѣе при твердыхъ настояніяхъ государя были написаны виленской рескриптъ и дополнительное къ нему отношеніе.

Но едва-ли кто-либо изъ союзниковъ министра внутреннихъ дѣлъ, были убѣждены, что утвержденные, согласно его представленію, виленскій рескриптъ и отношеніе представляли наиболѣе удобный и наиболѣе справедливый исходъ крестьянскаго вопроса. Было довольно трудно поддерживать собственность однѣхъ усадебъ, обязательное пользованіе прочими угодьями, во время перехода и затѣмъ послѣ этого времени добровольныя соглашенія крестьянъ съ помѣщиками. Взамѣнъ этого ничего не было готоваго; понятія о крестьянскомъ вопросѣ были до того сбивчивы, что одинъ изъ полезнѣйшихъ впослѣдствіи членовъ главнаго комитета, К. В. Чевкинъ, по финансовымъ соображеніямъ сдѣлался отъявленнымъ противникомъ выкупа, при чемъ защит-

никамъ началъ, утвержденныхъ для виленскаго генералъ-губернаторства, невозможно было черезъ нѣсколько не только недѣль, но даже дней, предлагать что-либо другое. Поэтому слабые по своему вліянію, безъ ясно установленнаго понятія о дѣлѣ и безъ взаимнаго между собой согласія, либеральные члены комитета не могли выдержать напора охранительной партіи, которая воспользовалась всѣми слабыми сторонами виленскихъ началъ уничтоженія крѣпостной зависимости и, подъ видомъ исправленія надѣланныхъ ошибокъ, хотѣла, при утвержденіи петербургскаго дополнительнаго отношенія, измѣнить самый смыслъ рескрипта. Словомъ, консерваторы на первый разъ очень ловко взяли на себя роль людей практическихъ, которые силою вещей принуждены исправлять ошибки увлекшихся теоретиковъ. За охранителями на нѣкоторое время осталось поле дѣйствія. Я скажу нѣсколько словъ о главныхъ представителяхъ охранительной партіи.

Князь Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, былъ самымъ близкимъ человѣкомъ, почти другомъ покойнаго императора (Николая I), оказавшимъ полную преданность ему 14-го декабря. Онъ пользовался любовію и уваженіемъ царскаго семейства за его неизмѣримую преданность къ царскому дому и несомнѣнныя заслуги.

Бывши шефомъ жандармовъ, онъ не внушалъ къ себѣ того страха и того общественнаго нерасположенія, которые возбуждалъ къ себѣ его предшественникъ графъ Бенкендорфъ. Въ обществѣ онъ усвоилъ себѣ отъ Орловыхъ временъ Екатерины то полу-европейское и полуазіятское барство, которое такъ еще недавно производило у насъ сильное обаяніе.

По своимъ родственнымъ связямъ въ молодости, онъ не чуждъ былъ аристократическаго интеллигентнаго кружка временъ Александра Павловича и братъ его, Михаилъ Ѳедоровичъ, попалъ въ число декабристовъ. Онъ обладалъ здоровымъ умомъ, русской смѣтливостію и придворной ловкостью, но не былъ развитъ и былъ лѣнивъ. Онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ, но въ состояніи былъ съ тонкостію дипломата провести и съ настойчивостію прямаго человѣка поддерживать свои убѣжденія. Онъ не зналъ русскаго народа и не понималъ его потребностей; но считалъ себя русскимъ до мозга костей и патріотомъ до героизма. Словомъ, онъ былъ человѣкомъ прошедшаго, но не будущаго. Его заслуги, лѣта, занимаемое имъ высокое мѣсто въ служебной іерархіи, общественное положеніе, родственныя связи и главное—сила при дворѣ дѣлали его опаснымъ главой начавшагося сейчасъ послѣ выхода перваго рескрипта оппозиціоннаго движенія. Надо еще прибавить, что въ главу этого движе-

нія князь Орловъ попалъ не съ умышленнымъ намѣреніемъ противодѣйствовать государю, а по невольному увлеченію своими убѣжденіями.

Къ нему примыкалъ преемникъ его по должности шефа жандармовъ князь Василій Андреевичъ Долгорукій, — человѣкъ съ способностями крайне обыкновенными и вовсе не развитый, но по своимъ связямъ, довѣрію къ нему государя, а главное по своей должности онъ могъ сдѣлать много вреда дѣлу и людямъ, которые защищали начатое преобразованіе.

Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, — сынъ воспитательницы покойнаго императора, товарищъ его дѣтства, первый его адъютантъ и съ тѣхъ поръ неразлучный его спутникъ, о которомъ Николай Павловичъ въ своемъ завѣщаніи выразился, что онъ любилъ его какъ брата. При такихъ близкихъ отношеніяхъ къ царскому семейству и при занимаемой имъ должности министра двора и удѣловъ, онъ былъ также опасный противникъ крестьянскаго дѣла.

Но ни Орловъ, ни Долгорукій, ни Адлербергъ, не могли формулировать желаній своей партіи, и потому не могли направлять дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Для этого они выбрали сначала одного Михаила Николаевича Муравьева, а потомъ или изъ опасенія его измѣны или для усиленія аристократическаго начала, или наконецъ для той и для другой цѣли, присоединили къ нему графа Виктора Никитича Панина.

М. Н. Муравьевъ былъ обязанъ, какъ это было замѣчено выше, своимъ послѣднимъ возвышеніемъ въ должность министра государственныхъ имуществъ аристократическимъ представителямъ крайней дворянской партіи. Не смотря на это возвышеніе, любовь къ деньгамъ и зудъ дѣятельности заставили его сохранить двѣ прежнія его должности, по которымъ онъ былъ подчиненъ двумъ министрамъ: какъ главный начальникъ межеваго корпуса министру юстиціи, а какъ предсѣдатель департамента удѣловъ—министру двора и удѣловъ.

Человѣкъ иной натуры не выбралъ бы для себя такого положенія. Онъ льстилъ и унижался передъ людьми, которые были ему нужны, и преслѣдовалъ сарказмами за глаза, а иногда и дерзкими выходками въ глаза тѣхъ, которые были ему не страшны. Въ жизни не одинъ разъ приходилось ему примѣнять эти два противоположныя отношенія къ людямъ, къ однѣмъ и тѣмъ же лицамъ, сообразно измѣненію ихъ положенія. Въ прошедшемъ его было самое тёмное пятно — его участіе въ дѣлѣ 14-го декабря. Онъ самъ отдался въ руки правительства и былъ привезенъ изъ Москвы въ Петербургъ съ жандармскимъ офицеромъ и посаженъ въ крѣпость. Люди, менѣе его компрометированные, какъ напримѣръ его братъ Але-

ксандръ Николаевичъ, поплатились болѣе или менѣе продолжительнымъ пребываніемъ въ Сибири; а онъ чуть-ли не прямо изъ крѣпости сдѣланъ былъ: сначала вице-губернаторомъ, а во время перваго польскаго возстанія былъ уже гражданскимъ губернаторомъ и самъ уже говорилъ, что онъ «не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые вѣшаютъ». До тѣхъ поръ, пока братъ его считался государственнымъ преступникомъ, онъ не велъ съ нимъ никакихъ сношеній. Онъ былъ уменъ, но умъ его былъ аналитическій: онъ имѣлъ способность только разрушать, а никогда ничего не могъ создать. Такого человѣка партія князя Орлова избрала въ руководители дѣла; впрочемъ, къ чести ихъ слѣдуетъ отнести, что они его не уважали. Не знаю, въ какой степени цѣнилъ его заслуги покойный императоръ (Николай Павловичъ), но императоръ Александръ II не любилъ и не уважалъ его. По своимъ нравственнымъ свойствамъ, Муравьеву ничего не стоило забыть все то, что онъ говорилъ во время только что оконченнаго имъ объѣзда губерній, и отречься отъ своихъ петербургскихъ единомышленниковъ, которымъ онъ обѣщалъ полное содѣйствіе; но онъ думалъ, что при участіи такихъ крупныхъ и вліятельныхъ личностей, каковы Орловъ, Адлербергъ, Долгорукій и многіе другіе, и рукоплесканіяхъ высшаго петербургскаго общества, съ сильной нравственной поддержкой изъ губерній, ему удастся исказить мысль объ освобожденіи крестьянъ, сдѣлавъ ихъ свободными только на бумагѣ. По его неспособности создавать, онъ не могъ противупоставить что либо положительное началамъ уничтоженія крѣпостной зависимости, утвержденнымъ для виленскаго генералъ-губернаторства. На этотъ разъ онъ не оправдалъ довѣрія своихъ покровителей; но разъ начало было сдѣлано—онъ дѣятельно принялся за разрушеніе.

Роль, нѣсколько похожая на роль дѣятельнаго заговорщика, приходилась ему по вкусу. Онъ съ формами народнаго трибуна началъ защищать псевдо-аристократическія начала, ввѣренныя его охранѣ. Орловы, А......., Долгорукіе, по своимъ связямъ съ царскимъ домомъ и по своимъ придворнымъ привычкамъ, не могли говорить такихъ дерзостей Великому Князю Константину Николаевичу и другимъ защитникамъ крестьянскаго дѣла, какія позволялъ себѣ говорить Муравьевъ, въ особенности за глаза.

Слава Богу, М. Н. Муравьевъ не могъ сдѣлать въ крестьянскомъ дѣлѣ того, что онъ желалъ сдѣлать; а впослѣдствіи, во время польскаго возстанія, онъ принесъ несомнѣнно громадную пользу Россіи. За это ему многое должно проститься.

Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ былъ избранъ предста-

вителями охранительной партіи вслѣдъ за Муравьевымъ, вторымъ оберегателемъ дворянскихъ крѣпостныхъ правъ. Онъ былъ человѣкъ съ большимъ образованіемъ, знатокъ классическихъ языковъ; но умъ его отличался необыкновеннымъ свойствомъ соединять въ себѣ: быстроту пониманія и ясность взгляда съ крайней тупостію и совершенно нелогическими выводами. Онъ въ одно и то же время обладалъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и неумѣніемъ излагать свои мысли письменно. Но плавныя рѣчи его очень часто оставались безъ всякаго заключенія, а въ письменныхъ его мнѣніяхъ нерѣдко ничего нельзя было понять. Словомъ, почти невозможно было признать, что бы умственныя способности графа Панина постоянно находились въ нормальномъ состояніи. Характеръ его состоялъ также изъ разныхъ противорѣчій: ничѣмъ непреодолимое упрямство стояло рядомъ съ весьма тонкимъ лицемѣріемъ; грубость и глубокое неуваженіе къ людямъ допускали въ то же время изысканную свѣтскую любезность; проявленія гражданской доблести—не исключали самыхъ предосудительныхъ въ нравственномъ отношеніи поступковъ. Эти качества ума и характера графа Панина, при сношеніяхъ его съ людьми, подлежали многоразличнымъ комбинаціямъ; иногда онъ проявлялъ однѣ хорошія свои стороны, иногда однѣ дурныя; иногда и тѣ и другія въ разныхъ сочетаніяхъ. То онъ являлся умнымъ и образованнымъ европейскимъ аристократомъ, въ лучшемъ значеніи этого слова; то безтолковымъ вельможею средне-азіятскаго ханства; то въ одно время и тѣмъ и другимъ. Въ сущности онъ былъ русскимъ бариномъ съ образованіемъ XIX вѣка и съ внутренними побужденіями XVII столѣтія. Этими характеристическими признаками свойствъ графа Панина можно только объяснить его отношенія къ государю, къ равнымъ себѣ и къ людямъ, стоявшимъ ниже его, а также ко всѣмъ вообще дѣламъ и въ особенности къ крестьянскому, къ которому онъ въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ относился какъ заклятый врагъ и какъ горячій защитникъ, но въ душѣ онъ не сочувствовалъ крестьянскому дѣлу и въ особенности былъ противъ освобожденія крестьянъ съ землей. О странностяхъ графа Панина существуетъ множество анекдотовъ, которые составятъ обильный матеріалъ для будущаго его біографа [1]).

---

[1]) Будущее собраніе анекдотовъ о Панинѣ я могу пополнить однимъ, слышаннымъ мною отъ Топильскаго, столь извѣстнаго его директора департамента. Какъ то въ январѣ 1858 года, я зашелъ къ Топильскому въ министерство юстиціи по дѣламъ земскаго отдѣла; онъ имѣлъ привычку жаловаться всѣмъ на свое положеніе. Въ настоящемъ случаѣ жалоба его состояла

Князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ по своему самостоятельному и сангвиническому характеру стоялъ особо, но всегда былъ готовъ на защиту сначала крѣпостныхъ правъ помѣщиковъ, а потомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ. Онъ принадлежалъ къ умнымъ людямъ того же времени, къ которому принадлежалъ и кн. Орловъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ Орловѣ было много придворной ловкости и свѣтскаго лоска, а князю Павлу Павловичу не доставало ни того, ни другаго. Взамѣнъ этого князю Орлову недоставало дѣловитости и знанія Россіи; у князя Гагарина было много первой и не было совершенно недостатка во второмъ. Кн. Орловъ былъ блистательнымъ военнымъ генераломъ, ловкимъ придворнымъ, представительнымъ дипломатомъ и важнымъ государственнымъ сановникомъ; а князь Гагаринъ былъ: сначала дѣльнымъ оберъ-прокуроромъ, потомъ думающимъ и читающимъ сенаторомъ, наконецъ умнымъ и понимающимъ дѣло членомъ государственнаго совѣта. Онъ ближе былъ къ русскому народу и болѣе его любилъ, чѣмъ предыдущій его сотоварищъ. Онъ былъ доступенъ для всѣхъ и не представлялъ изъ себя недосягаемаго вельможи, чѣмъ особенно страдалъ гр. Панинъ. Онъ очень любилъ Россію, любилъ также своихъ крестьянъ и былъ для нихъ добрымъ помѣщикомъ; но не понималъ, что для блага Россіи и для счастья крестьянъ необходимо уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. Бывши хорошимъ помѣщикомъ, о чемъ я лично слышалъ отъ бывшихъ его крестьянъ, онъ энергично возставалъ противъ безвозмездной отдачи крестьянамъ земли, купленной на ихъ собственные деньги, но на имя помѣщиковъ. Кн. Гагаринъ высказывавшійся всегда прямо и рѣзко и не имѣвшій силы при дворѣ, былъ для дѣла менѣе вреденъ другихъ своихъ единомышленниковъ, которые, дѣйствуя противъ воли государя, сохранили силу и значеніе.

Почти немедленно послѣ назначенія графа Панина членомъ Главнаго Комитета и соединенія его съ Муравьевымъ примкнулъ къ нимъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ; такимъ образомъ образовался тріумвиратъ, направленный противъ началъ уничтоженія крѣпостной зависимости, изложенныхъ въ дополнительномъ отношеніи къ виленскому рескрипту и созданный для опеки, а можетъ быть и для пе-

---

въ слѣдующемъ. „Хорошо вамъ! вы всегда можете видѣть вашего министра, всегда можете переговорить съ нимъ о дѣлахъ, а мое положеніе совсѣмъ другое. Вотъ, напримѣръ, теперь: два дня какъ умеръ товарищъ министра (?), а я не могу доложить объ этомъ своему министру; отправилъ къ нему два письма и не знаю распечаталъ ли онъ ихъ или нѣтъ“.

Я. С.

ремѣны министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго. Нельзя предполагать, чтобъ Я. И. Ростовцевъ, былъ избранъ вмѣстѣ съ гр. Панинымъ и Муравьевымъ для защиты помѣщичьихъ правъ партіи Орлова. По своему происхожденію, онъ слишкомъ далеко стоялъ отъ главныхъ представителей этой партіи, тогда какъ гр. Панинъ былъ имъ свой; а по полному довѣрію къ нему государя, онъ не могъ находиться въ такой отъ нихъ зависимости, въ какой былъ Муравьевъ, который обязанъ былъ аристократической партіи и занимаемыми имъ мѣстами, и получаемымъ въ разныхъ видахъ и подъ многочисленными предлогами огромнымъ содержаніемъ. Скорѣе можно предполагать, что государь послѣ несогласія его на просьбу Ростовцева объ освобожденіи отъ крестьянскаго дѣла, все болѣе и болѣе, какъ кажется, настаивалъ на его серьезномъ участіи въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса для того, чтобы при всѣхъ совѣщаніяхъ по этому вопросу имѣть человѣка, на котораго онъ вполнѣ полагался и съ которымъ онъ говорилъ вполнѣ откровенно.

Отношенія Я. И. Ростовцева къ заговору 14 декабря описано имъ самимъ въ «Отрывкахъ изъ моей жизни» и въ письмѣ къ князю Е. П. Оболенскому, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» (въ I книгѣ 1873 г). Прикосновеніе Ростовцева къ этому дѣлу выдвинуло его впередъ; онъ изъ строя попалъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, гдѣ оставался до конца своей жизни. Онъ умеръ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Но прежде онъ былъ начальникомъ штаба вѣдомства этихъ заведеній, — въ то время, когда главными начальниками были: спачала великій князь Михаилъ Павловичъ, а потомъ, послѣ его смерти, наслѣдникъ престола нынѣшній (1875 г.) Государь. Занимавшись съ Государемъ дѣлами военно-учебныхъ заведеній, Ростовцевъ пріобрѣлъ особенное расположеніе и полное его довѣріе. При восшествіи его на престолъ, общій говоръ называлъ Ростовцева самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ и предсказывалъ большое вліяніе Ростовцева на государственныя дѣла. Придумывали для него то то, то другое назначеніе. Ни одно изъ этихъ предсказаній не исполнилось; но тѣмъ не менѣе онъ одновременно былъ сдѣланъ: и главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, и членомъ какъ государственнаго совѣта, такъ и комитета министровъ. При образованіи Секретнаго Комитета для обсужденія крестьянскаго вопроса, онъ былъ назначенъ и членомъ Главнаго Комитета. Онъ отказывался отъ участія въ этомъ комитетѣ, по совершенному незнакомству съ дѣломъ; но государь убѣдилъ его остаться. Въ комитетѣ Ростовцевъ былъ человѣкомъ новымъ, дѣла онъ не зналъ, хотя имѣлъ небольшое имѣніе въ Псковской губерніи, но въ деревнѣ

никогда не жилъ. Съ людьми либеральнаго направленія, онъ не только не былъ близокъ, но находился во враждебныхъ отношеніяхъ. Онъ, какъ человѣкъ николаевскаго времени, не могъ не подозрѣвать въ либеральномъ направленіи опасности для трона и возможности революціоннаго движенія. Нѣкоторые поступки его, сдѣланные подъ вліяніемъ этихъ подозрѣній, возбудили къ нему нелюбовь людей прогрессивнаго оттѣнка, группировавшихся тогда въ Географическомъ обществѣ около Великаго Князя Константина Николаевича, который былъ также и предсѣдателемъ упомянутаго общества. Съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и его товарищемъ Ростовцевъ былъ въ холодныхъ сношеніяхъ, а къ министерству относился съ тѣмъ же подозрѣніемъ, съ какимъ смотрѣли на него и остальные члены комитета, хотя въ то время, кромѣ С. С. Ланскаго и А. И. Левшина, занимался крестьянскимъ дѣломъ исключительно одинъ я. Кромѣ Ланскаго изъ членовъ Комитета въ то время меня зналъ одинъ только Муравьевъ и я не успѣлъ еще прослыть такимъ краснымъ, какимъ считали меня впослѣдствіи. Я. И. Ростовцева, по его огромному самолюбію, особенно раздражали противъ интеллигентной административной партіи тѣ сарказмы, которыми его осыпали въ «Колоколѣ», потому что сообщеніе туда свѣдѣній о немъ онъ приписывалъ то той, то другой личности изъ либеральной партіи.

Изъ всего сказаннаго ясно можно видѣть, что Ростовцевъ въ теченіи всей своей прошедшей жизни никогда не прикасался къ крестьянскому вопросу, что познакомиться съ этимъ вопросомъ черезъ людей знающихъ онъ не могъ, потому что чуждался ихъ и не довѣрялъ имъ и что наконецъ ежедневно отъ помѣщиковъ и своихъ товарищей по комитету онъ слышалъ самую безпощадную критику на принятыя правительствомъ начала уничтоженія крѣпостной зависимости. Онъ могъ добросовѣстно, увлечься мыслію, какъ его увѣряли кругомъ, что правительство при первомъ приступѣ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, надѣлало много ошибокъ. Онъ, вмѣстѣ съ Муравьевымъ, брался поправлять пагубныя будто бы ошибки, онъ по незнанію дѣла вообще и малой административной и законодательной опытности, не могъ уразумѣть, что эти поправки совершенно искажали дѣло. Образовавшемуся тріумвирату изъ Муравьева, Панина и Ростовцева очень дѣятельно содѣйствовалъ государственный секретарь Бутковъ, который всегда былъ тамъ, гдѣ была сила, и по его отзывамъ о людяхъ можно было безъошибочно судить о степени силы той или другой изъ правительственныхъ личностей. Онъ же былъ связью между тремя главными дѣятелями реакціи и княземъ Орло-

вымъ. Ловкій и искусный въ канцелярскихъ пріемахъ Бутковъ былъ весьма полезенъ для обратнаго направленія дѣла.

Кто же были тѣ вредные люди, тѣ враги государства, которые готовили своему отечеству и своему государю столько бѣдствій? Кто же были тѣ лица, противъ которыхъ и проповѣдуемыхъ ими началъ должны были возставать истинные сыны отечества и нелицемѣрные слуги своего государя?

Это были министръ внутреннихъ дѣлъ и его товарищъ; первый представилъ проекты виленскаго рескрипта и дополнительное къ нему отношеніе, а второй посовѣтовалъ ему представить. Секретный комитетъ разсматривалъ эти проекты и представлялъ ихъ на высочайшее утвержденіе, но большинство членовъ комитета считали себя въ правѣ критиковать первые государственные акты по дѣлу освобожденія крестьянъ, какъ бы они въ нихъ не принимали участія.

Союзники министра внутреннихъ дѣлъ, составившіе меньшинство въ комитетѣ, одни сами усумнялись слѣдовало ли идти въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ по дорогѣ, указываемой виленскими актами объ освобожденіи крестьянъ, другіе замолчали (на первое время), силы не имѣя бороться съ Орловымъ и Ростовцевымъ. Такимъ образомъ, Ланской съ своимъ товарищемъ Левшинымъ предоставлены были собственнымъ своимъ силамъ, борьба для нихъ была невозможна; тѣмъ болѣе что они сами не были согласны между собой въ направленіи дѣла. Ланской былъ за повсемѣстное одновременное открытіе губернскихъ комитетовъ,—Левшинъ за постепенный ходъ крестьянскаго дѣла; Ланской совершенно отрекался отъ помѣщичьей партіи, Левшинъ не былъ въ состояніи этого сдѣлать. Я постараюсь обрисовать въ короткихъ словахъ личности министра внутреннихъ дѣлъ и его товарища, которымъ суждено было начать великое преобразованіе нынѣшняго царствованія, (писано въ 1875 г.).

Сергѣй Степановичъ Ланской въ 1857 году былъ 76-ти-лѣтній старецъ, имѣвшій слабость скрывать свою старость и придавать себѣ бодрый видъ. Онъ имѣлъ образованіе, какое давалось у насъ молодымъ людямъ богатыхъ фамилій въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія; т. е. зналъ два или три изъ новѣйшихъ языковъ и знакомъ былъ съ белетристическими сочиненіями, писанными на этихъ языкахъ. Въ молодости онъ былъ массономъ и членомъ «Союза Благоденствія», куда, какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, ввелъ его А. Н. Муравьевъ, но С. С. вышелъ изъ «Союза благоденствія» и вывелъ оттуда Муравьева задолго до 14-го декабря 1825 года. Ланской кажется обязанъ былъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что онъ не пострадалъ вмѣстѣ съ декабристами, по крайней мѣрѣ императоръ

Николай Павловичъ хвалился тѣмъ, что либерала Ланскаго онъ обратилъ на путь истинный. Во время довольно продолжительнаго отсутствія изъ Петербурга графа Перовскаго, Ланской, бывши уже членомъ государственнаго совѣта, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Можетъ быть это обстоятельство было одной изъ причинъ, почему онъ былъ назначенъ нынѣшнимъ государемъ (1875 г.) министромъ внутреннихъ дѣлъ.

По своимъ связямъ С. С. Ланской принадлежалъ къ фамиліи, которая выдвинулась впередъ во времена Екатерины, посредствомъ одного изъ ея фаворитовъ и не могла достигнуть той силы, какою пользовались Орловы. Родственныхъ связей съ другими аристократическими фамиліями Ланской не имѣлъ и потому онъ былъ свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ Орлова, который «не хотѣлъ на старости лѣтъ ссориться съ дворянствомъ», но взамѣнъ того неучаствовавшій во внутренней жизни царскаго семейства онъ не могъ имѣть того вліянія, какое имѣли Орловъ, А—гъ и Долгоруковъ: С. С. Ланской былъ чуждъ сословныхъ предразсудковъ и обладалъ свѣтлымъ взглядомъ на предметы; онъ вполнѣ былъ преданъ крестьянскому дѣлу, никогда не колебался въ направленіи и былъ вѣрнымъ исполнителемъ воли государя; но онъ не имѣлъ того обширнаго ума и той энергіи воли, которые дѣлали бы его способнымъ стать во главѣ движенія противъ стараго порядка вещей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ людей, которымъ было такъ трудно разстаться съ тѣмъ, съ чѣмъ они были связаны всѣми своими привычками и которые потому рѣшились на самое упорное сопротивленіе.

О немъ составилось несправедливое мнѣніе, что онъ былъ человѣкъ безъ твердой воли и что онъ легко поддавался вліянію окружающихъ его людей. Онъ могъ подчиняться этому вліянію въ мелочахъ, въ подробностяхъ, но отъ основныхъ своихъ убѣжденій онъ никогда не отступалъ. При докладахъ Сергѣй Степановичъ схватывалъ быстро главную мысль и скоро соглашался, если она не противорѣчила принятому имъ направленію. Весьма часто онъ самъ бралъ инниціативу въ дѣлѣ, набрасывая свои мысли карандашемъ на бумагѣ, предоставляя развитіе подробностей своимъ подчиненнымъ и никогда не останавливаясь на мелочахъ. Постоянная ровность характера, совершенное отсутствіе раздражительности и неистощимая веселость, приправленная юморомъ, дѣлали личныя сношенія съ нимъ особенно пріятными.

Во время выхода первыхъ двухъ рескриптовъ единственнымъ совѣтчикомъ С. С. Ланскаго по крестьянскому дѣлу былъ его товарищъ Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ. Онъ былъ воспитанникъ школы князя М. С. Воронцова, при которомъ онъ служилъ въ молодости и

былъ Одесскимъ градоначальникомъ. Съ университетскимъ образованіемъ, съ свѣтскимъ лоскомъ, съ мягкими воронцовскими формами и съ складной рѣчью, онъ производилъ пріятное и внушительное впечатлѣніе.

Неудачныя его распоряженія по чумѣ въ Одессѣ лишили его мѣста градоначальника, но не лишили репутаціи образованнаго, умнаго и дѣятельнаго человѣка. Эта репутація сопровождала его во время путешествій по киргизскимъ степямъ и по Европѣ, изъ которыхъ и то и другое оставило слѣды въ нашей литературѣ въ видѣ двухъ особыхъ изданій; репутація эта оставалась при немъ и тогда, когда онъ жилъ помѣщикомъ въ отставкѣ и когда былъ назначенъ директоромъ депертамента сельскаго хозяйства. Левшинъ не хотѣлъ причислять себя къ разряду чиновниковъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ свысока, и ему было очень непріятно, когда графъ Киселевъ, при представленіи его къ наградѣ, назвалъ его отличнымъ чиновникомъ. Претензія эта была отчасти справедлива, потому что по воспитанію, по своимъ мнѣніямъ, по своимъ симпатіямъ, а главное по своему складу ума, онъ былъ тогда, также какъ и теперь (1875 г.) образованнымъ и мягкимъ, но всё-таки—помѣщикомъ. Онъ придумалъ усадебную осѣдлость и переходное время и въ этомъ его большая заслуга: дѣло не представлялось особенно страшнымъ, и потому прошло, а остальное сдѣлалось при дальнѣйшемъ развитіи вопроса. Это дальнѣйшее развитіе Левшину представлялось въ такомъ видѣ, въ какомъ оно совершилось. Ему хотѣлось вести дѣло постепенно, не торопясь и при томъ не только не ссориться съ помѣщиками, но устроивать бытъ крестьянъ съ ихъ согласія и при ихъ полномъ содѣйствіи. Создавая Земскій Отдѣлъ, онъ предполагалъ, что въ засѣданіи отдѣла онъ будетъ приглашать губернаторовъ, губернскихъ предводителей дворянства и опытныхъ помѣщиковъ, и будетъ съ ними разсуждать о крестьянскомъ дѣлѣ, какъ онъ разсуждалъ о сельскомъ хозяйствѣ, предсѣдательствуя въ ученомъ комитетѣ министерства государственныхъ имуществъ.

Но всѣ его планы и желанія разрушились при распубликованіи первыхъ двухъ рескриптовъ и при ясно выраженной воли государя вести дѣло повсемѣстно и «не откладывая его въ даль». А. И. Левшинъ въ началѣ не сомнѣвался въ возможности усадебной осѣдлости и переходнаго положенія; дальнѣйшія уступки въ пользу крестьянъ онъ считалъ невозможными. Онъ убѣдился въ этомъ еще болѣе, когда долженъ былъ выслушивать отъ людей, съ которыми онъ до сихъ поръ во всемъ былъ согласенъ, самыя рѣзкія сужденія о началахъ, принятыхъ правительствомъ по его предложенію.

Онъ примкнулъ было къ тому оттѣнку помѣщичьей партіи, кото-

рая требовала выкупа, при содѣйствіи правительства, не только усадебныхъ мѣстъ, но и части другихъ угодій, но правительство запретило объ этомъ представлять. Сейчасъ по выходѣ первыхъ двухъ рескриптовъ, Левшинъ началъ терять присутствіе духа, а отзывы изъ губерній, и раздражительныя неодобренія предпринятой реформы, которыя онъ принужденъ былъ выслушивать и въ кругу родныхъ, и въ кругу общества, и въ сенатѣ, гдѣ онъ присутствовалъ, отняли у него энергію, необходимую для начавшейся борьбы. Онъ въ то время постоянно находился во внутренней борьбѣ либеральнаго направленія, къ которому онъ принадлежалъ по службѣ, съ безъотчетными вкоренившимися въ немъ понятіями помѣщика.

Въ этихъ колебаніяхъ онъ не могъ не дѣлать ложныхъ шаговъ. Такъ, напримѣръ, во время своихъ разъѣздовъ по губерніямъ, лѣтомъ 1858 г. усмотрѣвъ, что нижегородскій дворянскій комитетъ сдѣлалъ постановленіе о двухдневной барщинѣ, А. И. замѣтилъ, что это невыгодно будетъ для помѣщиковъ. Комитетъ внесъ это замѣчаніе товарища министра внутреннихъ дѣлъ въ журналъ и перемѣнилъ свое рѣшеніе не въ пользу крестьянъ.

Онъ какъ будто бы обрадовался, получивъ возможность сдать мнѣ всѣ находившіяся у него бумаги, и затѣмъ умылъ руки въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Онъ не одинъ разъ говорилъ мнѣ, что онъ думалъ вести дѣло не такъ какъ это пошло.

II.

Утвержденіе предположенія о Земскомъ отдѣлѣ.—Второе дополнительное отъ 17-го февраля 1858 г. отношеніе къ рескриптамъ.—Третіе дополнительное отношеніе отъ 4-го марта о дворовыхъ людяхъ.—Начало самостоятельной дѣятельности Я. И. Ростовцева.—Дѣло составленія программы для занятій губернскихъ комитетовъ.—Проектъ программы министерства внутреннихъ дѣлъ.—Появленіе этого проекта въ печатныхъ экземплярахъ и волненіе въ петербургскомъ обществѣ.

Такимъ образомъ, для князя Орлова не предстояло никакой трудности взять дѣло изъ рукъ министра внутреннихъ дѣлъ и передать его Муравьеву и Панину; Бутковъ своей канцелярской опытностію былъ чрезвычайно полезенъ въ этомъ походѣ противъ Ланскаго и Левшина. Но, успѣвъ поколебать довѣріе государя къ Ланскому и его союзникамъ, они не успѣли внушить полнаго довѣрія къ себѣ; съ полной вѣроятностію можно предположить, что государь самъ настаивалъ на непосредственномъ участіи въ дѣлѣ Я. И. Ростовцева;

участіе его впрочемъ обнаружилось вполнѣ не прежде составленія программы для губернскихъ комитетовъ. Не смотря на опредѣлившійся вполнѣ ходъ крестьянскаго дѣла, не смотря на образованіе высшаго законодательнаго наблюдательнаго учрежденія по этому предмету, предположеніе Ланскаго объ открытіи въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ особаго учрежденія для крестьянскаго дѣла, подъ названіемъ «Земскаго отдѣла», лежало въ государственной канцеляріи безъ всякаго движенія. Министръ внутреннихъ дѣлъ не имѣлъ особеннаго интереса сильно желать о формальномъ утвержденіи предположенія о новомъ учрежденіи и о штатахъ Земскаго отдѣла; на самомъ дѣлѣ и то и другое приведено въ исполненіе съ половины декабря 1857 года настолько, насколько это было нужно для безъостановочнаго хода дѣла. Представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о Земскомъ отдѣлѣ было утверждено не прежде какъ 4-го марта 1858 года и распубликовано указомъ сената 27-го того же мѣсяца. Странно было только, что представленіе это разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ въ то время, какъ былъ уже образованъ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, когда были уже открыты и приступили къ своимъ занятіямъ нѣсколько губернскихъ комитетовъ по устройству крестьянскаго быта, а Земскій отдѣлъ учреждался «для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земскаго хозяйственнаго устройства въ имперіи». Правда, такъ опредѣлена была цѣль новаго учрежденія въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ, но представленіе это было сдѣлано до выхода перваго рескрипта, когда вовсе не имѣлось въ виду того направленія дѣла, какое оно получило и которое вполнѣ уже обрисовалось во время обнародованія высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго совѣта о Земскомъ отдѣлѣ.

По представленію министра Земскій отдѣлъ долженъ былъ дѣйствовать въ коллегіальномъ составѣ, но по измѣнившемуся направленію дѣла отдѣлъ этотъ, какъ до утвержденія такъ и послѣ утвержденія министерскаго представленія, дѣйствовалъ подобно и другимъ частямъ министерства, которыя имѣютъ названія департаментовъ.

Поэтому составъ Земскаго отдѣла былъ приведенъ въ исполненіе настолько, насколько онъ касался канцеляріи, а не коллегіальнаго присутствія; т. е. былъ утвержденъ съ непремѣннымъ членомъ, завѣдующимъ дѣлами, и всѣ остальные чиновники. О коллегіальномъ присутствіи какъ бы забыли и вспомнили не прежде конца 1858 года; въ своемъ мѣстѣ я упомянулъ объ образованіи этого присутствія и о кратковременной его дѣятельности.

Выше подробно были исчислены всѣ тѣ отступленія не въ пользу

дѣла отъ дополнительныхъ соображеній министра къ виленскому рескрипту, какія были сдѣланы при составленіи дополнительнаго отношенія отъ 5-го декабря 1857 г. къ петербургскому генералъ-губернатору. Но въ концѣ этого отношенія было сказано тоже, что написано было къ виленскому генералъ-губернатору, т. е. что комитеты могутъ дѣлать отступленія отъ министерскихъ соображеній, но обязывались «въ своихъ дополнительныхъ мнѣніяхъ объяснить подробно причины» такихъ отступленій.

Представителямъ реакціоннаго направленія показалось этого мало. Поэтому 17-го февраля 1858 года составилось другое дополнительное отношеніе къ петербургскому генералъ-губернатору, которое сообщилось и другимъ начальникамъ губерній по мѣрѣ выхода рескриптовъ.

Въ этомъ второмъ дополнительномъ отношеніи (съ редакціей не министра внутреннихъ дѣлъ, а главнаго комитета) министръ писалъ, что всѣ его соображенія, которыя онъ сообщилъ въ первомъ отношеніи, нисколько не обязательны для комитетовъ.

«Мысли и предположенія мои,—говорилъ министръ,—не должны быть почитаемы какъ бы предрѣшеніемъ предлежащихъ вопросовъ: ихъ слѣдуетъ принимать только за указаніе на нѣкоторые существенные вопросы, предстоящіе обсужденію комитетовъ. Развитіе сихъ вопросовъ и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставлены высочайшими рескриптами самому дворянству, безъ стѣсненія тѣми, такъ сказать, совѣтами, которыя изложены въ моихъ отношеніяхъ».

Далѣе, по указанію главнаго комитета, министръ въ этомъ циркулярѣ писалъ: «неизмѣнными и неприкосновенными должны остаться лишь главныя начала, въ высочайшихъ рескриптахъ указанныя, ... т. е. обезпеченіе помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и подлежащихъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей [1]).

Такимъ образомъ къ «неизмѣннымъ и неприкосновеннымъ» началамъ не присоединялись: ни уничтоженіе крѣпостной зависимости, ни предоставленіе крестьянамъ въ собственность ихъ усадебъ, ни даже улучшеніе ихъ быта. Отсюда сдѣланъ соотвѣтствующій выводъ, изложенный въ четырехъ пунктахъ:

1-мъ устанавливался не одинъ срокъ для переходнаго времени и

[1]) Подчеркнуто было въ подлинникѣ. Я. С.

для выкупа усадьбъ, какъ это было сказано въ виленскомъ рескриптѣ и несовершенно еще уничтожено въ петербургскомъ, а два срока: одинъ для переходнаго времени болѣе короткій, а другой для выкупа усадебной осѣдлости —неопредѣленный. Въ циркулярѣ говорилось: «что если бы выкупъ усадебъ не успѣлъ бы совершиться въ теченіи переходнаго времени, то срокъ выкупа можетъ быть продолженъ....»;

2-мъ пунктомъ помѣщики успокоивались, что только выкупныя крестьянскія усадьбы могутъ переходить къ другимъ лицамъ и при томъ только къ такимъ, которыя принадлежатъ къ тому же мірскому обществу;

3-мъ пунктомъ допускалось перенесеніе крестьянскихъ усадебъ, а

4-мъ относительно другихъ угодій признавалось возможнымъ не только замѣнъ ихъ, но и всякія въ нихъ перемѣны.

Въ рескриптахъ и дополнительныхъ къ нимъ отношеніяхъ устанавлялись основныя начала устройства быта крестьянъ; что же касается до уничтоженія крѣпостной зависимости дворовыхъ людей, то въ виленскомъ дополнительномъ отношеніи упоминалось, что «съ введеніемъ новаго положенія, когда оно будетъ утверждено», подлежитъ: «принять мѣры къ постепенному сначала уменьшенію, а потомъ и уничтоженію этого класса людей, посредствомъ обращенія ихъ въ крестьянъ съ надѣломъ землей или перечисленія въ свободное состояніе съ согласія помѣщиковъ». При чемъ прибавлено, что «подробности по сему предмету требуютъ особаго на мѣстѣ развитія и разсмотрѣнія».

Въ петербургскомъ дополнительномъ отношеніи и это было выпущено. Но въ томъ и другомъ отношеніи было установлено правило, что съ введеніемъ новаго положенія «обращеніе крестьянъ въ дворовые должно быть прекращено». Такимъ образомъ не только вопросъ о дворовыхъ остался открытымъ; но даже самое увеличеніе этого класса посредствомъ обращенія въ дворовые было поставлено въ зависимость отъ утвержденія и введенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ. Объ этомъ вспомнили не прежде какъ черезъ три съ половиной мѣсяца послѣ выхода перваго рескрипта. Въ половинѣ 1857 года состоялось постановленіе о производствѣ десятой народной переписи. 2-го марта 1858 года послѣдовалъ именной правительственному сенату высочайшій указъ, которымъ «въ видахъ уменьшенія на будущее время числа дворовыхъ людей, «повелѣвалось: «со времени подачи ревизскихъ по десятой народной переписи сказокъ, помѣщичьихъ крестьянъ въ дворовые вновь не перечислять».

Вслѣдъ за симъ, именно 4-го марта, министръ внутреннихъ дѣлъ

въ дополнительномъ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору и другимъ начальникамъ губерній, по мѣрѣ выхода рескриптовъ, сообщилъ, что дворянскимъ комитетамъ поручается также: «разсмотрѣть и обсудить мѣры, необходимыя для будущаго устройства крѣпостныхъ дворовыхъ людей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ».

Затѣмъ въ циркулярѣ упоминалось объ имянномъ высочайшемъ указѣ 2-го марта и ожидаемаго послѣдствій его дополненіе (sic) дворовыхъ людей; «но тѣмъ не менѣе,—присовокуплялъ министръ,—устройство состоящаго нынѣ огромнаго ихъ числа требуетъ особенно подробнаго на мѣстѣ обсужденія и разсмотрѣнія. Съ сею цѣлію губернскому комитету подлежитъ обсудить: какія именно мѣры слѣдуетъ принять къ постепенному уменьшенію этого класса людей: посредствомъ обращенія ихъ въ крестьяне съ надѣломъ землей, или перечисленіе въ свободное состояніе или же иными способами, по ближайшему усмотрѣнію и соображенію губернскаго комитета». Предположенія по сему предмету губернскіе комитеты должны были представить вмѣстѣ съ предположеніями объ улучшеніи быта крестьянъ.

Такимъ образомъ состоялось положительное распоряженіе о дворовыхъ людяхъ и не упоминалось уже по поводу предположеній объ устройствѣ ихъ быта о «согласіи помѣщиковъ».

Послѣ петербургскаго рескрипта Главный Комитетъ очень часто бралъ инициативу по разнымъ вопросамъ на себя; я не могу теперь припомнить самъ ли главный комитетъ вспомнилъ о дворовыхъ, или починъ шелъ отъ насъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, если бы даже представленіе о дворовыхъ было сдѣлано нами, выходъ его изъ Главнаго Комитета въ такомъ благопріятномъ для дѣла видѣ должно признать побѣдѣ либеральнаго направленія. Это было первое послѣ виленскаго рескрипта распоряженіе, которое въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостной зависимости шло далѣе министерскихъ соображеній, изложенныхъ въ дополнительномъ отношеніи къ виленскому генералъ-губернатору. Имѣлъ ли вліяніе на это рѣшеніе Я. И. Ростовцевъ—мнѣ неизвѣстно; но нельзя отвергать того, что онъ, руководимый можетъ быть Государемъ, не могъ вполнѣ положиться на Муравьева, Панина и Буткова. Ростовцевъ искалъ и не находилъ истины въ средѣ, въ которой онъ вращался, а малая опытность въ гражданскихъ дѣлахъ мѣшала ему добраться до существа дѣла.

Начиная съ петербургскаго рескрипта до составленія программы для губернскихъ комитетовъ, крестьянское дѣло, конечно, въ реакціонномъ направленіи, велъ Муравьевъ; Ростовцевъ ему содѣйствовалъ и

поддерживалъ его мнѣніе. Начиная съ программы Ростовцевъ завладѣлъ дѣломъ. Если бы онъ зналъ дѣло или, покрайней мѣрѣ, если бы онъ не былъ зараженъ подозрѣніями къ людямъ либеральнаго направленія, то онъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ Государя, тогда же могъ способствовать успѣху дѣла. Незнаніе предмета заставляло его обращаться къ разнымъ лицамъ за совѣтами; а страхъ революціонныхъ проявленій не позволялъ ему посовѣтоваться съ людьми, которые могли бы быть для него полезны; но всего погубнѣе было для дѣла, что Ростовцевъ, отыскивая людей, съ которыми онъ могъ бы посовѣтоваться по крестьянскому дѣлу, напалъ на Позена. Это было истинное несчастіе. Можетъ быть въ Ростовцевѣ зарождались хорошія сѣмена, но пагубное вліяніе Позена уничтожило ихъ въ зародышѣ. Можетъ быть даже, что Позенъ вызванъ былъ въ Петербургъ партіей Орлова; онъ былъ родственникъ Муравьева (сынъ котораго былъ женатъ на дочери Позена,) бывшій начальникъ Буткова и большой пріятель самаго Я. И. Ростовцева.

Дѣло составленія программы заключалось въ слѣдующемъ. Въ 46 губерніяхъ 1377 человѣкъ обсуждали крестьянское дѣло въ 48 комитетахъ и коммисіяхъ. Изъ этого можно видѣть, что комитеты были многолюдны. Въ каждомъ изъ нихъ собиралось отъ 20 до 30 человѣкъ, а въ нѣкоторыхъ и болѣе. Составъ былъ самый разнообразный, начиная отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ до представителей богатыхъ аристократическихъ домовъ, отъ мелкихъ чиновниковъ и армейскихъ прапорщиковъ до генералъ-адъютантовъ и членовъ государственнаго совѣта; отъ помѣщиковъ, умѣющихъ только читать и писать, до профессоровъ и академиковъ; отъ ревностныхъ защитниковъ крѣпостнаго права до людей, вполнѣ сочувствующихъ освобожденію крестьянъ съ землей,—словомъ были люди всѣхъ общественныхъ положеній и всѣхъ оттѣнковъ мнѣній. Не было только крайнихъ радикаловъ, хотя поборники старыхъ порядковъ многихъ изъ членовъ комитетовъ честили этимъ именемъ.

Вопросъ былъ самый жгучій. Затрогивались и матеріальные интересы помѣщиковъ, и политическое значеніе дворянства. Кромѣ того разсмотрѣніе предположеній объ устройствѣ крестьянскаго быта въ губернскихъ комитетахъ было первымъ опытомъ болѣе или менѣе гласнаго обсужденія въ выборныхъ собраніяхъ общественнаго и государственнаго вопроса. До сихъ поръ всѣ молчали, первый разъ позволено было говорить и при томъ по вопросу такой важности. Должно было ожидать, что страсти разыграются и въ то же время обнаружится неумѣнье взяться за дѣло; а руководящихъ и сдерживающихъ

началъ не было: ни въ политической зрѣлости губернскихъ дѣятелей, которой вовсе не доставало, ни въ историческихъ примѣрахъ, ни въ образцахъ западныхъ государствъ, потому что ничего подобнаго одновременному и внезапному освобожденію двадцати милліоновъ крѣпостныхъ людей не было ни у кого на западѣ и, наконецъ, ни въ указаніяхъ правительства, которое само не знало желаетъ ли оно освобожденія крестьянъ съ землей или безъ земли; оно даже видимо колебалось между полнымъ освобожденіемъ и инвентарнымъ устройствомъ крѣпостныхъ, съ улучшеніемъ ихъ быта.

Рескрипты заключали въ себѣ только три пункта. Въ дополнительныхъ отношеніяхъ министра, правда, были нѣкоторыя указанія, но ихъ во первыхъ было недостаточно, а во вторыхъ составленнымъ въ Главномъ Комитетѣ циркуляромъ отъ 17 февраля 1858 года правительство отказывалось отъ этихъ указаній. Въ этомъ циркулярѣ заключались странныя вещи. «Нѣкоторые изъ дворянскихъ комитетовъ», говорилъ министръ въ предисловіи къ циркуляру, «встрѣчаютъ, какъ мнѣ извѣстно, затрудненія въ своихъ сужденіяхъ, не находя въ отношеніяхъ моихъ подробнаго развитія всѣхъ представляющихся имъ вопросовъ». Комитеты не довольствуются краткими указаніями министра, а просятъ дать имъ болѣе подробныя. Въ отвѣтъ на это Главный Комитетъ заставляетъ министра прежде всего отречься, что онъ давалъ комитетамъ какія-либо указанія, напротивъ «предоставлено самимъ дворянамъ развить и примѣнить къ различнымъ мѣстностямъ губерній основанія, въ высочайшихъ рескриптахъ указанныя», а онъ, министръ, сообщилъ свои соображенія только «въ общихъ чертахъ, дабы подробной программой не стѣснять разсужденій и собственныхъ предположеній губернскихъ комитетовъ». Хотя ему и сдѣлалось извѣстнымъ, что комитеты «встрѣчаютъ затрудненія», отъ недостатка подробныхъ указаній; но тѣмъ не менѣе онъ просить комитеты не считать его «мысли и предположенія какъ бы предрѣшеніями предлежащихъ вопросовъ» и «не стѣсняться тѣми, такъ сказать совѣтами, которые изложены въ отношеніяхъ». Такимъ образомъ правительство ставило себя въ положеніе, неизвѣстное вовсе въ западныхъ государствахъ. Тамъ обыкновенно правительство всѣ усилія употребляетъ, чтобъ избирательныя собранія приняли правительственныя предложенія; у насъ напротивъ выборные комитеты просятъ наставленій, въ которыхъ имъ отказываетъ само же правительство.

Но оставлять комитеты безъ руководства въ развитіи основныхъ началъ было невозможно. Кому принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ

—положительныхъ свѣдѣній я подъ руками не имѣю. Но не думаю, чтобы мысль составленія програмы могла возникнуть въ Главномъ Комитетѣ, сейчасъ послѣ того, какъ онъ призналъ неудобнымъ стѣснять комитеты «подробной программой». Можетъ быть я ошибаюсь, но въ моей памяти сохранилось убѣжденіе, что съ самаго открытія занятій первыхъ комитетовъ министерство внутреннихъ дѣлъ усвоило себѣ мысль, что безъ подробной програмы обойтись нельзя. Какъ бы то небыло первый проэктъ програмы былъ составленъ мной, въ общемъ видѣ одобренъ Левшинымъ и Ланскимъ и съ разрѣшенія министра напечатанъ особой брошюрой подъ названіемъ «проэктъ плана работъ, предстоящихъ дворянскимъ губернскимъ комитетамъ по устройству крестьянскаго быта».

Составленіе програмы было первымъ моимъ опытомъ серьёзной работы по крестьянскому дѣлу. Можетъ быть моя программа не могла быть утверждена по ея несовершенству, и, кромѣ того, мнѣ теперь представляются двѣ ошибки, которыя я сдѣлалъ.

Первая изъ этихъ ошибокъ заключалась въ томъ, что въ моемъ проэктѣ, нисколько не маскируя, ясно была указана конечная цѣль комитетскихъ занятій: совершенное освобожденіе крестьянъ съ землей. Въ направленіи програмы было положено, что крестьянамъ отбывать повинности «по мѣрѣ предоставленныхъ имъ угодій», съ принятіемъ впрочемъ въ соображеніе «мѣстныхъ удобствъ» въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти удобства увеличиваютъ средства крестьянъ; хотя я не рѣшился прямо сказать о сохраненіи существующаго надѣла, но поставилъ вопросъ: «предполагается ли сохранить или измѣнить его?» Было упомянуто, что могутъ быть мѣстности, гдѣ въ крестьянской надѣлъ войдутъ лѣсныя пространства. Предполагалось также, что комитеты раздѣлятъ повинности «на временныя и постоянныя». Къ временнымъ отнесены были: выкупъ усадебной осѣдлости и повинности, возлагаемыя на крестьянъ только на время переходнаго состоянія . . . . , такъ напримѣръ, за право безплатнаго пользованія господскимъ лѣсомъ, рыбной ловлей въ господскихъ водахъ и т. п. постоянныя повинности должны были опредѣляться «за угодья, предоставленныя крестьянамъ въ постоянное пользованіе... соразмѣрно отводимой крестьянамъ землѣ и соединенныхъ съ ней удобствъ и выгодъ». Между прочемъ вмѣнялось комитетамъ въ обязанность исчислить случаи, когда повинности барщинныя и произведеніями замѣнялись денежнымъ оброкомъ, въ особенности точно опредѣлить: право крестьянъ въ извѣстныхъ случаяхъ требовать такой замѣны и обязанность помѣщика удовлетворить этому тре-

бованію». Относительно земскихъ повинностей признавалось необходимымъ: «опредѣлить способы распредѣленія земскихъ повинностей между крестьянами и помѣщиками». Говорилось также, что комитеты опредѣлятъ случаи «перехода крестьянъ «на другія земли и въ другія сословія» во время и по окончаніи переходнаго состоянія. Допускалось, что крестьянамъ и во время переходнаго состоянія могутъ быть предоставлены «право свободно, безъ согласія міра и помѣщика, вступать въ бракъ, право полной собственности на строеніе, если оно выстроено на счетъ крестьянъ . . . . . и на все движимое имущество, право собственности на усадебную осѣдлость, на выкупъ ея . . . и т. п.».

Въ числѣ способовъ сокращенія крѣпостнаго состоянія для дворовыхъ людей хотя допускался личный выкупъ въ переходное время, но тутъ же было сказано, что они могли получать свободу по приговору суда за жестокое обращеніе, лично понесенное кѣмъ-либо изъ дворовыхъ. «Для переходнаго времени, по моему проэкту программы, требовалось: составить положеніе о содержаніи дворовыхъ и опредѣлить размѣръ денежнаго вознагражденія.

Другая моя ошибка въ дѣлѣ составленія программы была въ самомъ приступѣ къ дѣлу. Проэктъ программы былъ напечатанъ во сто экземплярахъ, съ цѣлію раздать ее возможно бо̀льшему числу лицъ для того, чтобы воспользоваться ихъ замѣчаніями. Затѣмъ по исправленіи проэкта согласно полученнымъ замѣчаніямъ, представить его министру окончательно для внесенія въ Главный Комитетъ.

Я широко воспользовался предоставленнымъ мнѣ С. С. Ланскимъ правомъ и щедро раздавалъ проэктъ программы и это, между прочимъ, способствовало неуспѣху нашей попытки вновь овладѣть дѣломъ.

Положимъ, что программа была несовершенна, но ее одобрилъ министръ, слѣдовательно, при нормальномъ ходѣ дѣла, она была бы внесена въ Главный Комитетъ и тамъ уже исправлена или замѣнена другой. Но тогда не такое было время; при томъ же самое печатаніе проэктовъ новыхъ законоположеній было вовсе не въ обычаѣ. Достаточно было показаться въ нѣсколькихъ рукахъ проэкту программы, составленному въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, что бы поднять тревогу и въ обществѣ, и между членами главнаго комитета. Вся охранительная партія, а она составляла огромное большинство всполошилась и подняла шумъ о разореніи помѣщиковъ и попраніи дворянскихъ правъ. Несчастный проэктъ читался какъ запрещенныя книги заграничнаго изданія. Проэктъ программы былъ въ рукахъ Муравьева, которому я самъ его представилъ согласно его желанію.

Безъ всякаго сомнѣнія, его читалъ и Ростовцевъ. Они его конечно не одобрили. Послѣ всего этого Ланской уже не рѣшился внести проектъ програмы въ Главный Комитетъ отъ своего имени; Ростовцевъ принялъ на себя этотъ трудъ, и для приготовленія себя къ этой работѣ онъ отправился въ Померанію, о чемъ было упомянуто выше.

Я, смѣясь, сравнивалъ вопли противъ програмы министерства внутреннихъ дѣлъ съ криками больнаго, который рѣшился на операцію, но какъ только докторъ началъ приготовлять все необходимое для операціи—больной сталъ кричать и отталкивать хирургическіе инструменты.

Въ томъ заключался недостатокъ нашей програмы, что инструменты черезъ чуръ были на виду. Но самая главная причина неуспѣха состояла въ тогдашнемъ направленіи, господствовавшемъ въ Петербургѣ.

Въ то время не могло пройти ничего, въ чемъ замѣчалось сочувствіе, а не противодѣйствіе крестьянскому дѣлу. По приведеннымъ мной выдержкамъ можно судить, что въ проектѣ програмы ничего не предполагалось такого, что не было дано Положеніями 19-го февраля 1861 года, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ требовалось менѣе.

Но по силѣ отпора можно видѣть по какому трудному пути шло крестьянское дѣло съ 1858-го по 1861 годъ.

Замѣчательно, что болѣе всего криковъ было противъ свободнаго вступленія крестьянъ въ бракъ и противъ освобожденія дворовыхъ за жестокое съ ними обращеніе.

III.

Пріѣздъ Позена въ Петербургъ; его участіе вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцевымъ и М. Н. Муравьевымъ въ составленіи новаго проекта програмы. Позенская програма получаетъ утвержденіе.

Ростовцевъ взялся составить за насъ програму занятій губернскихъ комитетовъ; но ему трудно было одному справиться съ этимъ дѣломъ. Надо было отыскать для програмы мастера дѣла. На помощь ему явился Позенъ. Но всего лучше представить самому Якову Ивановичу разсказать объ отношеніяхъ его къ Позену и объ участіи послѣдняго въ составленіи програмы.

«Мнѣ, какъ члену комитета, писалъ Ростовцевъ къ князю Е. П. Оболенскому [1]), поручено было обдумать проектъ програмы занятій губернскихъ комитетовъ; я началъ работать и совѣтовался со многими; неожиданно пріѣхалъ въ Петербургъ М. П. Позенъ, человѣкъ истинно государственный и образцовый помѣщикъ. Пріѣздъ его меня очень обрадовалъ, я дѣйствительно обратился къ нему за совѣтомъ и за наставленіемъ».

«Еслибъ было въ Петербургѣ десять такихъ Позеновъ [2]), то я обратился бы ко всѣмъ десяти. Въ дѣлѣ столь важномъ, въ дѣлѣ святомъ для отечества и для меня, я былъ бы преступникомъ, если бы довѣрилъ безусловно своему одностороннему мнѣнію».

«Сначала споры мои съ М. П. довели было насъ до разрыва, что извѣстно было и Государю, и князю Орлову».

«Заслуга обработки програмы, особенно въ развитіи подробностей, принадлежитъ конечно болѣе Позену, чѣмъ мнѣ; объ этомъ я тогда же докладывалъ Государю Императору и предсѣдателю государственнаго совѣта и сообщилъ моимъ товарищамъ и статсъ-секретарю Буткову».

Изъ этихъ словъ видно, что черезъ семь мѣсяцевъ, послѣ выхода програмы, самъ Ростовцевъ какъ бы отрекался отъ програмы и всю вину сваливалъ на Позена. Позенъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ весьма умный; въ какой степени онъ былъ образованный помѣщикъ—я не знаю. Но Позенъ въ сущности былъ не государственный человѣкъ, а канцелярскій дѣлецъ, къ счастію прошедшаго уже времени: сочи-

[1]) Въ письмѣ отъ 18-го ноября 1858 г., помѣщенномъ въ „Русскомъ Архивѣ", о чемъ было упомянуто выше. Я. С.

[2]) И одного было много. Я. С.

нитель невѣроятныхъ нынѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ, составитель блистательныхъ, но невѣрныхъ отчетовъ. Нравственная его репутація была незавидная, онъ долженъ былъ оставить службу не по своему желанію. Онъ находился подъ высокимъ покровительствомъ бывшаго тогда и въ свое время знаменитаго военнаго министра князя Чернышева, сила котораго до поры до времени могла покрыть всѣ возвозможныя продѣлки.

Позенъ мечталъ, опираясь на Ростовцева и Муравьева, опять войти на сцену и провесть крестьянское дѣло, столь извѣстнымъ ему канцелярскимъ путемъ. Мечтамъ его не суждено было осуществиться; но на первый разъ онъ имѣлъ успѣхъ.

Ростовцевъ, по его собственнымъ словамъ, сначала противился Позену, но, по незнанію дѣла, долженъ былъ уступить, не понимая всей зловредности позеновской программы. Муравьевъ, безъ сомнѣнія, помогалъ Позену и совѣтомъ и своимъ вліяніемъ на Ростовцева, Орлова и другихъ членовъ комитета. Задача Муравьева съ Позенымъ состояла, кромѣ поворота дѣла назадъ въ коренныхъ его началахъ, составить самую сложную и бестолковую программу По ихъ умственнымъ способностямъ, они могли бы написать что нибудь толковѣе, но имъ надобно было многое маскировать, и вмѣстѣ съ тѣмъ замедлить, затруднить и спутать все дѣло. Программа была утверждена.

Со времени составленія программы начинается плѣненіе Ланскаго Ростовцевымъ, Муравьевымъ и Панинымъ. Ростовцевъ въ письмѣ къ Оболенскому говоритъ, что программа, предварительно внесенія ея въ главный комитетъ, была разсмотрѣна особой коммисіей, въ составѣ которой былъ и министръ внутреннихъ дѣлъ; но что могъ сдѣлать одинъ Ланской, когда противъ него были трое? На эти совѣщанія не допускались: ни А. П. Левшинъ, ни я, хотя работа эта должна была бы идти въ главный комитетъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того дѣло велось самымъ спѣшнымъ образомъ, такъ что едва ли присылали Ланскому заготовленный Позеномъ проектъ для предварительнаго разсмотрѣнія, а если и присылали, то наканунѣ совѣщанія. Программа Позена конечно оказалась удобнѣе нашей.

Она все дѣло отдавала въ руки помѣщиковъ. На губернскіе комитеты возлагалось не только составленіе проектовъ положеній о крестьянахъ, но и приведеніе ихъ въ дѣйствіе. Примѣненія положеній къ отдѣльнымъ имѣніямъ дѣлали и объявляли крестьянамъ сами владѣльцы имѣній. Мало этого, на губернскіе же комитеты, послѣ приведенія крестьянскихъ положеній въ исполненіе предполагалось возложить «начертаніе сельскаго устава, опредѣлявшаго всѣ подробности крестьянскаго быта».

Программой ея составители хотѣли достигнуть трехъ цѣлей: во первыхъ, какъ можно болѣе замедлить ходъ дѣла и если представится возможность—похоронить его въ море бумагъ, какъ это дѣлалось въ предъидущее царствованіе, каждый разъ, когда возникалъ крестьянскій вопросъ; во вторыхъ, если бы до первой цѣли достигнуть было нельзя, то какъ можно менѣе предоставить крестьянамъ свободы въ переходное время, которое названо срочно-обязаннымъ положеніемъ и укрѣпить его на неопредѣленное время, и въ третьихъ, если бы обстоятельства помѣшали достиженію этой второй цѣли—постепенно подготовить освобожденіе крестьянъ, но не съ землей, а безъ земли.

Всѣ занятія комитетовъ дѣлились на три періода: 1) составленіе положенія, 2) дѣйствительное его исполненіе и 3) начертаніе сельскаго устава.

Для достиженія первой изъ трехъ указанныхъ ими цѣлей возможнаго замедленія дѣла, въ первый періодъ занятій комитетовъ, на нихъ возлагались сложныя обязанности, изъ которыхъ бо̀льшая часть была вовсе не нужна. Первый періодъ подраздѣлялся на предварительныя и окончательныя занятія. Къ предварительнымъ занятіямъ отчислены, кромѣ собранія самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, уѣздныя совѣщанія, которыя предполагалось дѣлать при самомъ выборѣ членовъ. Въ числѣ свѣдѣній признавалось нужнымъ имѣть не только числовыя данныя о крестьянскомъ населеніи въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи, но даже о числѣ въ каждомъ имѣніи грамотныхъ писарей, музыкантовъ, пѣвчихъ и т. п. Изъ собранныхъ свѣдѣній и отзывовъ уѣздныхъ дворянскихъ собраній комитетъ обязанъ былъ составить общіе своды. Нельзя было приписать неумѣлости (Позенъ и Муравьевъ были очень умные) заставить 48 комитетовъ и коммисій, при окончательныхъ занятіяхъ перваго періода, «исчислять» предоставляемыя крестьянамъ права свободныхъ податныхъ сословій «по своду законовъ». Вѣдь права эти ни могли же быть разныя въ разныхъ губерніяхъ. Точно также можно было бы потребовать отзывовъ дворянскихъ комитетовъ о степени вліянія помѣщиковъ на сельскую полицію и общественныя дѣла крестьянъ; но не заставлять во всѣхъ губерніяхъ составлять кодификацію по этому предмету. Не могла же степень этого вліянія быть одна въ Симбирской и другая въ Смоленской губерніи. Не было также надобности заставлять во всѣхъ губерніяхъ разработывать проекты общественнаго устройства крестьянъ, которое безъ сомнѣнія должно было быть одно и то же для всей Россіи, тѣмъ болѣе, что однимъ изъ составителей програмы, Му-

равьевымъ, такой проектъ былъ составленъ и посланъ для соображенія комитетовъ. Достаточно было бы потребовать отъ нихъ заключенія по разосланному проекту, не запрещая представить и свой проектъ каждому изъ комитетовъ, который пожелалъ бы этого.

Такимъ образомъ обезпечивался медленный ходъ дѣла, который могъ повести за собой совершенное забвеніе возбужденнаго вопроса. Но на случай неудачъ составители программы особенно заботились о возможно большемъ сохраненіи крѣпостныхъ правъ помѣщика: въ этомъ состояла вторая ихъ цѣль. Въ рескриптахъ упоминалось только, что помѣщикамъ «представляется вотчинная полиція», въ дополнительномъ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору и къ другимъ начальникамъ губерній. Это основное начало развивается слѣдующимъ образомъ: «крестьяне должны быть распредѣлены на мірскія общества. Завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ и составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ». Въ программѣ, въ главѣ «образованіе сельскихъ (а не мірскихъ) обществъ», указывается, что общество составляется изъ крестьянъ одного имѣнія; хотя бы такихъ имѣній было нѣсколько въ одномъ и томъ же селеніи. Въ предположеніяхъ Муравьева объ устройствѣ сельскихъ обществъ прямо говорится: каждое «помѣщичье имѣніе составляетъ сельское общество», затѣмъ въ означенной главѣ программы упоминается: о распредѣленіи поземельныхъ угодій между членами общества, о разверсткѣ казенныхъ и господскихъ повинностей, о полицейскомъ устройствѣ въ обществахъ и самый послѣдній параграфъ общественнаго управленія составъ его и предметы занятій».

Слѣдовательно составители программы не причисляли къ предметамъ занятій общественнаго управленія ни распредѣленія угодій, ни разверстку повинностей, ни сельскую полицію. Нельзя также не замѣтить, что въ дополнительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ говорилось и о «мірскихъ сходкахъ», и о «мірскихъ судахъ», въ программѣ же о нихъ вовсе не упоминается. Взамѣнъ этого, исчисляя предметы слѣдующей главы положенія: «Права и отношенія (къ кому?) помѣщика», составители программы развиваютъ по своему выраженіе министра «подъ наблюденіемъ и съ утвержденіемъ помѣщиковъ». По программѣ присвоивается помѣщику званіе «начальника общества» и опредѣляются «права и отношенія его къ обществу»: а) по сельскому благоустройству и порядку, б) по внутреннему управленію, в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами, г) по отправленію крастьянами повинностей

и д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и имущественныхъ». При исполненіи такой программы, не трудно было въ сущности сохранить крѣпостное состояніе крестьянъ, съ присвоеніемъ только другаго названія «срочно-обязаннаго положенія». Но если бы продленіе его на неопредѣленное время оказалось невозможнымъ, то въ виду этого обстоятельства, противники освобожденія крестьянъ никакъ не хотѣли допустить обязательнаго и неотъемленнаго надѣла крестьянъ землей, и въ особенности предоставленія имъ этого надѣла въ собственность. Въ этомъ заключалась третья цѣль программы, стремленіе къ которой видно было до составленія программы, и которая ясно обнаружилась въ послѣдовательномъ запрещеніи въ губернскихъ комитетахъ обсуждать, а въ литературѣ писать о выкупѣ земли. При составленіи программы всѣ старанія охранительной партіи были употреблены къ тому, чтобъ ослабить и затемнить все, что въ рескриптахъ и дополнительныхъ отношеніяхъ министра было сказано положительнаго и яснаго о поземельномъ устройствѣ крестьянъ.

Въ рескриптахъ говорилось, что «крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіи опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность, посредствомъ выкупа». По виленскому дополнительному отношенію выкупъ этотъ былъ несомнѣнно обязателенъ: какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, и долженъ былъ совершаться въ теченіи переходнаго времени. Обязательность выкупа усадебныхъ мѣстъ сохранилась въ петербургскомъ дополнительномъ отношеніи; сохранился также и «опредѣленный срокъ» этого выкупа, хотя онъ уже могъ не совпадать со срокомъ переходнаго времени. Въ программѣ же являются слѣдующія основанія: 1) «крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія (переходнаго состоянія), независящій отъ выкупа усадьбы», 2) «пользованіе потомственно усадьбой, съ платежемъ опредѣленныхъ процентовъ съ назначенной суммы и съ сохраненіемъ за крестьянами права выкупа, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества», и 3) «право продажи или передачи крестьянамъ усадьбъ только однимъ членамъ сельскаго общества или помѣщику съ согласія общества».

Изъ этого выходило, что вмѣсто собственности допускалось попотомственное пользованіе, т. е. польскій вѣчный чиншъ, слѣдовательно сохраненіе за помѣщиками всѣхъ такъ называемыхъ вотчинныхъ правъ, и сверхъ того возможность возвращенія земли помѣщику, правда съ согласія общества, но согласія этого легко было достигнуть, сдѣлавъ возможно высокую оцѣнку усадебной осѣдлости.

«Сверхъ того»,—сказано въ рескриптахъ,—«предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ количество земли, за которое они: или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику». Не только въ виленскомъ, но даже и въ петербургскомъ дополнительномъ отношеніи объяснялось, что «земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра». Даже обмѣнъ всей крестьянской земли или части ея допускается не иначе «какъ по соглашенію съ міромъ и съ утвержденія тѣхъ особыхъ присутствій, кои будутъ учреждаемы на основаніи новаго положенія».

О неприкосновенности крестьянской земли въ программѣ ничего не говорится. На это могутъ замѣтить, что въ программѣ неумѣстно говорить о началахъ; но въ главѣ: «усадебное устройство крестьянъ» сказано же было: о потомственномъ пользованіи усадьбой и о присоединеніи усадебныхъ участковъ къ помѣщичьей землѣ; а въ другой главѣ программы подтверждается: «неприкосновенность правъ собственности помѣщика», съ оставленіемъ за нимъ права «хозяйственнаго устройства по усмотрѣнію».

Вмѣсто надлежащаго для обезпеченія быта крестьянъ количества земли, по программѣ, губернскіе комитеты обязывались опредѣлить наименьшій размѣръ надѣла».

Послѣдовавшее по указу 2-го марта 1858 года, запрещеніе перечислять крестьянъ въ дворовые, кажется напугало составителей программы, въ особенности Позена, котораго не было, кажется, въ Петербургѣ, когда состоялся этотъ указъ. Ни чѣмъ инымъ нельзя объяснить желаніе составителей программы имѣть свѣдѣнія сколько состоитъ при каждомъ имѣніи изъ крестьянскаго населенія: писарей, конторщиковъ, лѣсничихъ, музыкантовъ, пѣвчихъ, ветеринаровъ, винокуровъ, садовниковъ, пастуховъ и проч.

Вѣроятно, на основаніи этихъ свѣдѣній, желали доказать, что безъ обязательной службы этихъ людей помѣщичьи хозяйства упадутъ. Составители программы съ необыкновеннымъ искуствомъ и чрезвычайной предусмотрительностію преслѣдовали свои цѣли до конца.

Ловкая изворотливость Позена и Муравьева особенно видна въ изобрѣтенномъ ими третьемъ періодѣ занятій губернскихъ комитетовъ. По программѣ періодъ этотъ назначался для «начертанія сельскаго устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта».

Къ этому авторы программы наивно прибавляютъ: «для этой части занятій подробныя программы могутъ быть составлены только передъ самымъ приступомъ къ работѣ, когда подробности новаго устройства ближе и яснѣе обозначатся практическимъ дѣйствіемъ новаго положенія». Составители программы, не допуская мысли объ освобожденіи крестьянъ съ землей, расчитывали на два исхода: или новаго закрѣпленія крестьянъ подъ другимъ названіемъ, или освобожденія крестьянъ безъ земли.

Въ первомъ случаѣ сельскій уставъ заключалъ бы въ себѣ всѣ подробности обязательнаго положенія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что примѣромъ могло служить изданное въ предъидущемъ царствованіи (Николая I) положеніе объ обязательныхъ крестьянахъ. Во второмъ сельскомъ уставѣ изложены были бы правила о вольномъ наймѣ работниковъ по контрактамъ. Названіе «срочно-обязанныхъ», придуманное при составленіи программы, могло бы служить и для того и для другаго положенія. Въ первомъ случаѣ опредѣленный положеніемъ срокъ служилъ бы временемъ для новой переоцѣнки предоставленной крестьянамъ земли и для новаго опредѣленія повинностей, какъ это было установлено для обязанныхъ крестьянъ; а во второмъ срокъ опредѣлялся бы контрактами, по истеченіи которыхъ слѣдовало бы заключить другіе, съ новыми условіями и новыми обязательствами.

Но какъ мало былъ подготовленъ Я. И. Ростовцевъ къ тому значенію, которое суждено было ему имѣть въ крестьянскомъ дѣлѣ, и какъ ловко пользовались этимъ дѣйствительные составители программы можно видѣть изъ того же письма отъ 18-го ноября 1858 г. къ князю Е. П Оболенскому, о которомъ я упомянулъ уже два раза. Ростовцевъ хотѣлъ увѣрить Оболенскаго, что «программа далеко подвинула вопросъ и была благодѣтельна для крестьянина и удобна для комитетовъ». По его мнѣнію, противники программы «не замѣчали двухъ услугъ, оказанныхъ имъ дѣлу освобожденія».

«1. Вслѣдствіе программы крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденіи положеній, не ожидая, какъ предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что отсрочило бы его освобожденіе на долгое время.»

«2. Крестьянину предоставлено программой право безсрочнаго пользованія усадьбой; выкупъ ея поставленъ ему въ право, а не въ обязанность и на неопредѣленный срокъ.

«При этомъ крестьянину, прибавляетъ Ростовцовъ, предоставляется возможность купить усадьбу не по указанію, а по собственному избранію гдѣ кто захочетъ».

Такъ увѣряли Я. И. Ростовцева—Позенъ и Муравьевъ, и онъ имъ повѣрилъ. По своему незнакомству съ дѣломъ и по своей неопытности какъ законодательной такъ и административной, онъ въ то же время, въ ноябрѣ 1858 г., хотя уже сомнѣвался въ достоинствахъ програмы и сваливалъ всю вину на Позена, однако не могъ или не хотѣлъ понять, что крестьяне не будутъ свободны единственно только оттого, что въ положеніи будутъ исчислены права свободнаго состоянія по «Своду законовъ». Поставленное, рядомъ съ этимъ исчисленіемъ, право помѣщика быть начальникомъ сельскаго общества, распорядителемъ общественныхъ крестьянскихъ дѣлъ и безапелляціоннымъ судьей во «взаимныхъ жалобахъ и спорахъ между крестьянами»—уничтожало вполнѣ право свободнаго состоянія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что они оставались во все время срочно-обязаннаго положенія «крѣпкими къ землѣ». Почти невѣроятно, но тѣмъ не менѣе, кажется, искренно Ростовцевъ увѣрялъ также кн. Е. П. Оболенскаго, что программа «была благодѣтельна для крестьянина между прочимъ потому, что ею устанавливалось безсрочное пользованіе усадьбой». Всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ ходомъ дѣла, очень хорошо понималъ, что чрезъ это хотѣли устранить обязательное для помѣщика отчужденіе его поземельной собственности. Для этого представлялся самый легкій способъ: дешевое пользованіе и чрезмѣрно дорогой выкупъ, что и было впослѣдствіи проэктировано многими дворянскими комитетами. Чтó разумѣлъ Я. И. Ростовцевъ возможностію для крестьянина купить усадьбу по собственному избранію—трудно понять. По отношенію 17 февраля помѣщикамъ предоставлялось право входить въ соглашеніе съ крестьянами о перенесеніи крестьянскихъ усадебъ, а по программѣ предоставлялось крестьянамъ право продажи и передачи своихъ усадебъ членамъ сельскаго общества. Казалось бы, что ни то, ни другое нельзя назвать возможностію купить усадьбу по собственному избранію крестьянами. И то, и другое правило написаны не для крестьянъ, а для помѣщиковъ, потому что и право продажи усадебъ «однимъ только членамъ сельскаго общества» было уже ограниченіемъ этого права, и сверхъ того прибавка къ этому: «или помѣщику», уничтожало не отъемлемость крестьянскихъ земель, объявленную въ виленскомъ и даже петербургскомъ дополнительныхъ отношеніяхъ.

Первая попытка къ составленію программы, какъ выше было замѣчено, была сдѣлана министромъ внутреннихъ дѣлъ; но реакціонная партія, заручившись содѣйствіемъ Я. И. Ростовцева, съумѣла привести въ исполненіе эту мысль такъ, что обратила это дѣло въ свою пользу. Обязательная сила для губернскихъ комитетовъ сообра-

женій министра внутреннихъ дѣлъ, высказанныхъ въ его дополнительныхъ къ рескриптамъ отношеніяхъ, была поколеблена предварительно опубликованія програмы, а сія послѣдняя уничтожала всякое значеніе этихъ соображеній. Министръ свои соображенія въ циркулярѣ отъ 17 февраля 1858 г., составленныя для него въ Главномъ Комитетѣ, называетъ совѣтами, которыми губернскіе комитеты не должны стѣсняться, а программу, при другомъ циркулярѣ отъ 22 апрѣля того же 1858 года, онъ же препровождаетъ, по высочайшему повелѣнію и «для руководства» въ губернскіе комитеты.

Я. А. Соловьевъ.

ПРОТОКОЛЪ

Комисіи по опредѣленію мѣста дуэли поэта М. Ю. Лермонтова близь Пятигорска.

Протоколъ утвержденъ г. Начальникомъ Терской Области Генералъ-Адъютантомъ Свистуновымъ въ гор. Пятигорскѣ—22 Сентября 1881 года.

---

12 Сентября 1881 года.

По поводу исполнившихся въ этомъ году 40 лѣтъ со времени смерти поэта М. Ю. Лермонтова (15 іюля 1841 года), Контрагентъ кавказскихъ минеральныхъ водъ статскій совѣтникъ А. М. Байковъ заявилъ г. начальнику Терской области предположеніе поставить, на свой счетъ, крестъ съ оградою на томъ мѣстѣ, вблизи Пятигорска, гдѣ М. Ю. Лермонтовъ былъ убитъ на поединкѣ.

Г. Начальникъ Области Генералъ-Адъютантъ А. П. Свистуновъ, вполнѣ одобряя это предположеніе, призналъ прежде всего необходимымъ—въ виду существующаго разногласія о мѣстѣ поединка,—опредѣлить таковое съ возможною точностію черезъ особую Комиссію подъ предсѣдательствомъ Вице-Губернатора Терской Области Г. Хр. Якобсона, изъ Коменданта подполковника Т. Гр. Швачкина, Полицеймейстера В. Ф. Пахотинскаго, Городскаго Головы К. I. Карпова и Контрангента минеральныхъ водъ А. М. Байкова.—Комиссіи поставлено задачею: чрезъ опросъ свѣдущихъ людей, и собраніе надлежащихъ данныхъ, прійти къ заключенію о мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ поэтъ, и за тѣмъ мѣстность эту, снявъ на планъ, опредѣлить пунктъ для постановки жертвуемаго креста съ оградою.—

По полученіи объ этомъ отъ г. Начальника Области предложеній (отъ 20 Іюля) Предсѣдатель и Члены Комиссіи единогласно положили: отыскать дѣла о дуэли;—обратиться съ просьбою о сообщеніи точныхъ данныхъ къ лицамъ, бывшимъ во время катастрофы въ близкихъ отношеніяхъ къ М. Ю. Лермонтову; — розыскать современниковъ событій и опросить ихъ; — осмотрѣть указываемыя ими мѣстности,—и провѣрить ихъ показанія сообщеніями очевидцевъ напечатанными въ повременныхъ изданіяхъ.—

Слѣдуя этой программѣ Комиссія:

1) Обратилась къ архиву здѣшняго Комендантскаго Управленія и въ Тенгинскій полкъ (гдѣ служилъ поэтъ), но никакой переписки, не смотря на тщательныя розыски,—не отыскано.—

2) Написала (черезъ члена своего К. I. Карпова) къ родственнику М. Ю. Лермонтова, живущему въ ст. Шелковой помѣщику Хастатову—въ 1841 году жившему въ Пятигорскѣ;—г. Хастатовъ указалъ на Евграфа Чалова, бывшаго двороваго ихъ человѣка, находящагося въ Пятигорскѣ.

3) Изъ современниковъ событія, болѣе знакомыхъ съ обстоятельствами дѣла, отыскались Пятигорскіе мѣщане Евграфъ Чаловъ и Иванъ Чухнинъ.—Прочіе, на которыхъ указывали, свидѣтельствовали только по слухамъ или

уже умерли.—Показанія Евграфа Чалова и Ивана Чухнина, данныя ими въ Комиссіи, при семъ прилагаются.

4) Въ окрестностяхъ Пятигорска не оказалось никакого внѣшняго знака, который могъ бы служить указаніемъ, гдѣ происходила дуэль.—

5) Въ Августѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Пятигорскъ Профессоръ Дерптскаго Университета Висковатовъ, который занимается составленіемъ біографіи поэта.—Члены Комиссіи воспользовались его пріѣздомъ и провѣрили собранные ими матерьялы тѣмъ богатымъ запасомъ свѣдѣній обо всемъ, что касается М. Ю. Лермонтова, который оказался у Профессора Висковатаго.—

По соображеніи всѣхъ данныхъ и свѣдѣній, всѣхъ показаній и печатныхъ сообщеній, Комиссія пришла къ заключенію:

а) что мѣсто дуэли ни въ какомъ случаѣ не ближе $2^1/_2$—3 верстъ отъ города.—А потому то мѣсто, которое указывается за кладбищемъ, не настоящее.—Членъ Комиссіи К. I. Карповъ, стоявшій первоначально за это мѣсто, заявилъ, что онъ на самомъ мѣстѣ дуэли въ 1841 году не былъ, а что ему только указывали мѣсто не подалеку отъ кладбища, почему онъ на немъ не настаиваетъ.—

б) что не подлежитъ сомнѣнію—ѣхавшіе изъ колоніи Каррасъ (гдѣ они были всѣ у колониста Рошке) противники—Лермонтовъ и Мартыновъ—и секунданты ихъ, какъ только выбрались изъ лѣса, повернули на лѣво къ подножію горы Машуки: проѣхавши настолько, чтобы не быть замѣченными съ большой дороги и увидавъ удобную площадку, остановились на ней.—Ѣхать далѣе имъ не было надобности; къ тому же собиралась гроза и наконецъ всегда былъ рискъ—удаляясь—подвергнуться нападенію горцевъ.—

в) что мѣстность, указанная Чаловымъ, болѣе всего соотвѣтствуетъ всѣмъ этимъ условіямъ и совокупности всѣхъ собранныхъ указаній.—

Хотя и указанная Чухнинымъ мѣстность находится въ томъ же направленіи,—но Комиссія приходитъ къ заключенію, что мѣсто дуэли, указываемое Чаловымъ, болѣе вѣроятное, такъ какъ онъ самъ былъ очевидцемъ дуэли; видѣлъ мѣсто днемъ и послѣ того много разъ бывалъ на этомъ мѣстѣ.—На него же, Чалова, какъ знающаго гдѣ происходила дуэль, указываетъ помѣщикъ Хастатовъ въ письмѣ на имя г. Карпова.—Чухнинъ же самъ не былъ очевидцемъ дуэли; братъ его, Кузьма, везшій тѣло Лермонтова ночью, легко могъ въ слѣдующіе дни ошибиться точнымъ опредѣленіемъ мѣста, тѣмъ болѣе, что по словамъ Ивана Чухнина—когда они пріѣхали на 3-й день на мѣсто, указанное Кузьмою Чухнинымъ, то на полянѣ никакихъ признаковъ дуэли не оставалось.—Мѣсто это впрочемъ находится въ близкомъ разстояніи отъ указываемаго Чаловымъ,—что еще болѣе подкрѣпляетъ показаніе сего послѣдняго.—

Мѣста, указываемыя Чаловымъ и Чухнинымъ, сняты на планѣ, при семъ прилагаемомъ.—

Въ засѣданіи Комиссіи было заявлено, что нѣкоторые находятъ болѣе соотвѣтствующимъ постановку на мѣстѣ дуэли не креста (особенно чугуннаго, могущаго легко въ такомъ уединенномъ мѣстѣ быть разбитымъ), а колонны, камня или т. п.—Жертвователь А. М. Байковъ отозвался, что хотя крестъ заказанъ, но онъ готовъ совершенно подчиниться въ этомъ отношеніи рѣшенію Господина Начальника Области.—

Останавливаясь на мѣстѣ, указаннымъ Чаловымъ, Комиссія находитъ, что кромѣ собранныхъ уже данныхъ могутъ являться еще новыя свѣдѣнія въ

подкрѣпленіе или опроверженіе ея заключенія.—По этому Комиссія полагаетъ: 1) настоящій протоколъ съ показаніями Чалова и Чухнина опубликовать черезъ газеты и журналы, пригласивъ всѣхъ знающихъ что либо по этому предмету сообщить Комитету по сооруженію памятника поэту, адрессуя во Владикавказъ; 2) экземпляры протокола и показаній съ тою же просьбою послать секунданту дуэли кн. А. И. Васильчикову и 3) крайнимъ срокомъ для сообщенія свѣдѣній назначить 1-е Апрѣля 1882 года.—Если къ этому времени никакихъ возраженій не поступитъ, то разрѣшить А. М. Байкову обозначить мѣсто, указанное Чаловымъ, тѣмъ способомъ, какой признаетъ Его Превосходительство Господинъ Начальникъ Терской Области болѣе удобнымъ.—

Настоящій протоколъ представить на благоусмотрѣніе Его Превосходительства Господина Начальника Терской Области.—

Подлинный за подписью Предсѣдателя и Членовъ Коммисіи.

Показанія Евграфа Чалова и Ивана Чухнина, данныя 11 Сентября 1881 года въ Комиссіи, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Пятигорскій мѣщанинъ Евграфъ Никитинъ Чаловъ, бывшій дворовый человѣкъ помѣщика Хастатова—родственника поэта М. Ю. Лермонтова, имѣетъ отъ роду 72-й годъ, проживаетъ въ Пятигорскѣ съ малыхъ лѣтъ.—Въ 1841 году Евграфъ Чаловъ, находясь при домахъ г. Хастатова въ г. Пятигорскѣ, содержалъ отъ себя тройки и верховыхъ лошадей.—Въ день дуэли поэта Лермонтова, два офицера, кажется Столыпинъ и князь Васильчиковъ, наняли у него, Чалова, двухъ верховыхъ лошадей для поѣздки въ колонію Каррасъ (она же Шотландка), и Чаловъ самъ поѣхалъ сопровождать ихъ.—Въ колоніи Каррасъ офицеры эти зашли въ домъ колониста Рошке, гдѣ встрѣтили Лермонтова, и еще одного или двухъ офицеровъ; и послѣ нѣкотораго пребыванія въ домѣ Рошке, всѣ вмѣстѣ поѣхали изъ колоніи по дорогѣ въ Пятигорскъ,—при чемъ Лермонтовъ съ однимъ изъ офицеровъ ѣхали на маленькихъ дрожкахъ, нанятыхъ у Семена Романовича, (фамиліи не помнитъ) *) содержавшаго въ то время въ Пятигорскѣ биржу и давно умершаго. Когда все общество офицеровъ подъѣхали къ горѣ Машукѣ, въ разстояніи приблизительно $2^1/_2$ версты отъ Пятигорска и свернувши съ дороги въ лѣво къ опушкѣ горы,—всѣ ѣхавшіе верхами слѣзли съ лошадей и отдали ему держать ихъ, которыхъ онъ водилъ нѣсколько въ сторонѣ отъ мѣста, гдѣ остановились офицеры; сколько припомнитъ это было уже подъ вечеръ; за тѣмъ, чрезъ самое короткое время, раздался выстрѣлъ и тутъ только онъ Чаловъ, узналъ цѣль поѣздки гг. офицеровъ и что Лермонтовъ убитъ на дуэли.—Вслѣдъ за этимъ два офицера, нанимавшіе у Чалова лошадей, и онъ самъ поскакали въ городъ, гдѣ—доѣхавъ до дома Умановыхъ—офицеры сдали ему лошадей и онъ отправился домой.—На чемъ и кѣмъ было привезено въ городъ тѣло Лермонтова онъ, Чаловъ, не видалъ и не знаетъ. — Мѣсто же дуэли, указываемое имъ, Чаловымъ, нынѣ сохранилось у него хорошо въ памяти, такъ какъ дѣло происходило днемъ и ему ранѣе хорошо была извѣстна окружающая мѣстность.—На мѣстѣ дуэли Лермонтова онъ, Чаловъ, впослѣд-

*) По словамъ Члена Коммиссіи К. I. Карпова, фамилія означеннаго Семена Романовича—Пантелѣевъ.—

ствіи бывалъ много разъ, указывалъ его лицамъ, интересовавшимся и хорошо помнитъ, что когда прибыли изъ Россіи родственники Лермонтова, чтобы перевезти тѣло его изъ Пятигорска, то онъ, Чаловъ, водилъ на мѣсто дуэли людей этихъ господъ.—По словамъ Чалова, съ мѣста дуэли въ 1841 году хорошо были видны колонія Каррасъ (Шотландка) и только что заселявшаяся колонія Николаевская, а равно гора, получившая названіе Перкальской скалы.—На это обстоятельство онъ тогда же обратилъ вниманіе и хорошо помнитъ.—

Въ день дуэли родственникъ М. Ю. Лермонтова помѣщикъ Хастатовъ, какъ заявляетъ Чаловъ, находился въ Кисловодскѣ и узналъ о дуэли только впослѣдствіи.—Ко всему изложенному Чаловъ добавляетъ, что такъ какъ сестры его мыли бѣлье на Лермонтова, то канаусовая рубашка, въ которой убитъ поэтъ, была отдана ему, Чалову, и онъ, къ сожалѣнію, сносилъ ее тогда же. — Впослѣдствіи бабушка Лермонтова присылала за тою рубахою, но ее уже не было.—Подписалъ: Пятигорскій мѣщанинъ Евграфъ Никитинъ Чаловъ.—

2) Пятигорскій мѣщанинъ Иванъ Андреевъ Чухнинъ, бывшій дворовый человѣкъ Мурлыкиныхъ, имѣетъ отъ роду 64 года, въ Пятигорскѣ проживаетъ 53 года.—Въ 1841 году находился при домѣ названныхъ помѣщиковъ въ Пятигорскѣ, въ качествѣ младшаго кучера, гдѣ также былъ старшимъ кучеромъ старшій братъ его Кузьма Андреевъ Чухнинъ, умершій 3 года тому назадъ.—Мурлыкины въ то время держали биржевыхъ лошадей и дрожки, на которыхъ ѣздили оба брата Чухнины.—Иванъ Чухнинъ утверждаетъ, что въ день дуэли М. Ю. Лермонтова, около десяти часовъ вечера, два офицера наняли у Мурлыкиныхъ дроги (въ видѣ линейки), на которыхъ поѣхалъ братъ Чухнина Кузьма, объяснившій ему тогда же, что онъ привезъ съ мѣста дуэли въ домъ Чилаева тѣло офицера Лермонтова и, какъ хорошо помнитъ Чухнинъ, на другой день послѣ этого онъ съ братомъ мылъ ту линейку, такъ какъ она была залита кровью.—Спустя два, три дня послѣ этого событія Иванъ Чухнинъ съ братомъ Кузьмою ѣздили съ гг. офицерами на мѣсто дуэли Лермонтова, каковое было указано Кузьмою Чухнинымъ; но дѣйствительно ли на этомъ мѣстѣ происходила дуэль, онъ положительно утвердить не можетъ, потому что самъ не былъ свидѣтелемъ ея, а основываетъ показаніе свое на словахъ умершаго брата Кузьмы, который — какъ выше сказано — пріѣхалъ на мѣсто дуэли поздно вечеромъ и легко можетъ быть не разсмотрѣлъ хорошо мѣстности; тѣмъ болѣе, что на полянѣ, которую указалъ Кузьма Чухнинъ, никакихъ слѣдовъ дуэли не было.—Подписалъ: Пятигорскій мѣщанинъ Иванъ Андреевъ Чухнинъ, а вмѣсто его неграмотнаго росписался Коллежскій Асессоръ Иванъ Васильевъ.—

По осмотрѣ Членами Комиссіи указываемаго Чаловымъ мѣста оказалось, что если ѣхать по самой верхней дорогѣ, ведущей изъ города къ Перкалкѣ, то въ разстояніи приблизительно $2^1/_2$ верстъ отъ города, на правой сторонѣ, у опушки лѣса, находится та поляна, на которой, по словамъ Чалова, происходила дуэль.—Мѣсто же, указываемое Иваномъ Чухнинымъ, находится почти въ томъ же разстояніи отъ города, но только ниже мѣста опредѣляемаго Чаловымъ, по направленію къ первой шоссейной будкѣ.—

Подлинно: за подписью Предсѣдателя и Членовъ Комиссіи.—

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ",

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи).

Съ 1 января 1882 г. «Модный Свѣтъ» начнетъ XV годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостію о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ" въ 1882 году будетъ выходить также

ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, съ 24-мя экстренными приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ

и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

Болѣе 3,000 политипажныхъ рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, нардессю, пальто, рукодѣлій и проч. въ текстѣ.
Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.
Раскраш. рисунки канвов., тамбурн. и друг. работъ. Рисунки въ русск. вкусѣ.
Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.
24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.
24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ картинки для II изданія, исполненныя лучшими иностран. художниками.
36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими иностран. художниками, для III изданія.
Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.
Колекцію рисеунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.
Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.
«Хорошій тонъ» или совѣты и указанія на всѣ случаи общественной жизни женщины.
Разныя отдѣльныя безплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ» съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

☞ **Кромѣ разныхъ отдѣльныхъ приложеній къ «Модному Свѣту» 1882 года будетъ приложена, безплатно,**

ИЗЯЩНАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРЕМІЯ, КАРТИНА:

„ВЕНЕЦІАНКА".

Премія эта по своему художественному исполненію, можетъ служить украшеніемъ всякой гостинной и будетъ разослана гг. подписчикамъ въ прочной упаковкѣ, во избѣжаніе порчи въ дорогѣ.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА" на 1882 г.:

I изданію, съ 12 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к. съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 6 р. 50 к.

II изданію, съ 24 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 7 р. 50 р.

III изданію, съ 36 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложеніям въ С.-Петербургѣ безъ достав.—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к. съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 9 р. 50 коп.

Главная контора Редакціи «Моднаго Свѣта» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

На 1882 года Редакція «Моднаго Свѣта» открыло для своихъ ..хъ подписчиковъ, конкурсъ на дамскія ручныя работы, съ десятью денежными преміями, суммою на 500 рублей. Подробности см. въ №№ «Мод. Св.» 1882 года.

О ПРИСЫЛКѢ ПѢСЕНЪ

[ТЕКСТОВЪ СЪ МЕЛОДІЯМИ.]

Въ Славянскихъ народныхъ пѣсняхъ, обрядахъ, играхъ, заговорахъ причитаніяхъ и пр., нынѣ еще исполняемыхъ народомъ, въ особенности въ деревенской глуши, въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ желѣзнодорожныхъ, фабричныхъ и городскихъ центровъ, несомнѣнно въ значительной степени сохраняются еще остатки языческой старины. Во многихъ пѣсняхъ, связанныхъ съ обрядами, играми и хороводами, ведущими свое начало изъ глубокой древности, нерѣдко таятся древніе языческіе элементы, лишь отчасти заслоненные отложившимися въ пѣсняхъ въ позднѣйшія, христіанскія, времена наслоеніями или скрывающіеся подъ новыми, христіанскими, формами и названіями. Удаленіе изъ этихъ пѣсенъ позднѣйшихъ наслоеній, замѣщеніе новыхъ формъ (и названій) старыми, какъ въ словесномъ, такъ и въ музыкальномъ отношеніи, можетъ дать возможность возстановленія, хотя приблизительно, древне-славянской языческой пѣсни.

Занимаясь изслѣдованіемъ вопроса о музыкѣ древнихъ Славянъ, я позволяю себѣ, съ цѣлью пополненія уже собранныхъ мною матеріаловъ, обратиться къ любителямъ славянской старины, имѣющимъ въ рукахъ еще неизданныя великорусскія, малорусскія, бѣлорусскія и галицко-русскія, а также западно-и южнославянскія пѣсни (именно тексты съ относящимися къ нимъ мелодіями), съ покорнѣйшею просьбою, не найдутъ ли они возможнымъ сообщить мнѣ такія пѣсни, съ указаніемъ, по возможности, тѣхъ мѣстностей, гдѣ пѣсни эти записаны, и съ разрѣшеніемъ воспользоваться ими въ предполагаемомъ трудѣ моемъ. Желательно было бы получить: пѣсни свадебныя, похоронныя, причитанія надъ покойниками и на могилахъ, заплачки, пѣсни исполняемыя при гаданіи вѣнками, въ Ивановскую ночь (купальскія), въ праздникъ обжинокъ, семицкія, игровыя и хороводныя вообще (включая сюда и исполняемыя при пляскѣ южно-славянскаго „коло" и болгарскаго „оро"), пѣсни, сопровождающія обрядъ „опахиванія" (коровьей смерти) и другіе обряды, коковы: встрѣча весны (веснянки), масляницы и пр., проводы зимы (смерти), ярилы, масляницы, заклинаніе дождя и т. п., кромѣ того, былины (сказителей), думы (бандуристовъ), героическія пѣсни (гусляровъ-слѣпцевъ,) пѣсни нищихъ и т. п., а также мелодіи, играемыя на инструментахъ во время народныхъ плясовъ и разыгрываемыя пастухами.

Считаю не лишнимъ прибавить, что въ изданныхъ сборникахъ пѣсенъ (съ мелодіями) не встрѣчается вовсе пѣсень, сопровождающихъ обрядъ „опахиванія" (коровьей смерти), и весьма мало похоронныхъ пѣсенъ, заплачекъ, причитаній, купальскихъ пѣсенъ, а также имѣющихъ отношеній къ явленіямъ природы, а именно сопровождающихъ встрѣчу весны, заклинаніе дождя, жатвенныхъ и т. п. Вслѣдствіе того, въ настоящемъ случаѣ сообщеніе такого рода пѣсенъ представляло бы преимущественный интересъ.

Всякая присылка пѣсенъ (текстовъ съ мелодіями) и инструментальныхъ мелодій, принадлежащихъ къ выше-поименованнымъ категоріямъ, будетъ принята съ глубокою благодарностью. Я покорнѣйше просилъ бы присылать пѣсни въ заказныхъ пакетахъ, по адресу: Александру Сергѣевичу Фаминцыну, СПБ. Екатерингофскій просп. № 33. **А. Фаминцынъ.**

Поступилъ въ продажу портретъ Государыни Императрицы

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Большая гравюра на мѣди, исполненная академикомъ **И. П. Пожалостинымъ** и отпечатанная на отличной бѣлой бумагѣ въ Парижѣ.

Цѣна портрета въ магазинѣ Фельтена въ Петербургѣ **ШЕСТЬ** руб.

Подписчики историческаго журнала „РУССКАЯ СТАРИНА" могутъ получить этотъ портретъ за **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкою и доставкою. Требованія благоволятъ обращать въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ" въ Петербургѣ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

предпринятыхъ изслѣдованій въ области Русской Правды, не будетъ лишнимъ и безполезнымъ въ русской историко-юридической литературѣ. Можно пожелать только, чтобы эти изслѣдованія были доведены до конца и не остались отрывкомъ изъ цѣлой системы.

Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи, составленный В. Д. Левпискимъ и И. Ѳ. Токмаковымъ. М. 1881. 53.

Въ настоящемъ указателѣ помѣщены: 1) каталогъ дѣламъ, рукописямъ, печатнымъ книгамъ и картамъ (съ 1582 г.), относящимся до образованія Ямскаго Приказа и учрежденія почтъ въ Россіи, въ свою очередь распадающійся: а) на дѣла архива и библіотеки мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ (1582—1812 г.), печатныя книги и карты; b) матеріалы, хранящіеся въ московскомъ почтамтѣ и почтовомъ отдѣлѣ московскаго политехническаго музея (1649—1850 и позднѣйшія распоряженія, а также карты); с) опытъ россійской библіографіи о почтѣ.

Архивный матеріалъ, указанный въ этомъ каталогѣ, важенъ для исторіи почтъ въ Россіи потому, что онъ заключаетъ свѣдѣнія, восходящія къ первоначальному учрежденію почтовой гоньбы, между тѣмъ какъ даже въ Полн. Собр. законовъ вошли распоряженія только съ 1649 г. Въ указателѣ сообщено, хотя краткое, но обстоятельное содержаніе матеріаловъ.

Кіевъ, его святыня, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для его почитателей и путешественниковъ. Н. Сементовскаго. 6-е исправлен. и дополн. изданіе книгопрод. Ю. Я. Оглоблина. 1881. 264 Ц. 1 р. 50 к.

Другія описанія Кіева не доступны для большинства читателей и посѣтителей по цѣнѣ и объему. Трудъ г. Сементовскаго, снабженный планомъ города, видами и рисунками, вполнѣ устраняетъ эти недостатки. Авторъ 25 лѣтъ занимался изученіемъ исторіи города и его древностей и въ свое время считался знатокомъ ихъ. Для своего описанія онъ воспользовался лучшими источниками и матеріалами, а также самыми памятниками старины и указаніями другихъ лицъ, занимавшихся последними. Въ его описаніе вошли слѣдующіе очерки: 1) географическое положеніе, климатъ, естественныя произведенія; 2) рѣки, протоки, ручьи, озера, острова, возвышенности и пр. 3) статистика; 4) лѣтопись и топографія; 5) полицейское раздѣленіе и управленіе Кіевомъ; 6—13— описаніе участковъ города; 14) окрестности Кіева.

Кромѣ того книга снабжена подробнымъ указателемъ. Мы слышали, что издатель, пріобрѣвшій право на нее, при слѣдующемъ изданіи намѣренъ сдѣлать въ ней существенныя исправленія и вообще улучшить во внѣшнемъ отношеніи.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1881. Книги 1 и 2.

Это послѣднія книги, изданныя подъ редакціею недавно скончавшагося секретаря Общества А. Н. Попова. Въ непродолжительное время своего редактированія почтенными трудами московскаго общества исторіи, Поповъ помѣстилъ цѣлый рядъ памятниковъ, какъ приготовленныхъ своимъ предшественникомъ—Бодянскимъ, такъ и имъ самимъ, принадлежащихъ преимущественно къ церковно-исторической и политической литературѣ. Въ послѣднихъ двухъ книгахъ напечатаны: историческая Палея, посланія архим. Фотія къ дѣвицѣ Аннѣ (Орловой) 1820—22 гг., записка объявленія ц—ча Ѳедора Алексѣевича, письма Ганки къ Норову и барону Корфу, матеріалы о ссылкѣ кн. В. Л. Долгорукова, изъ дѣлъ госуд. архива; Домострой по списку Общества съ предисл. И. Е. Забѣлина; библіографическіе матеріалы, собран. Поповымъ. Тамъ же помѣщены окончаніе II выпуска Библіографіи рѣдкихъ книгъ XVIII стол., составлен. Н. В. Губерти, и обширное изслѣдованіе В. Жмакина: «Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія», (762 стр.+96 прилож. и дополн.), представляющее обстоятельный и въ высше степени интересный очеркъ дѣятельности митрополита—«іосифлянина», а также подробное изложеніе и характеристику его сочиненій, важныхъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніи.

В. И.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ тринадцатый. **ФЕВРАЛЬ.** 1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ великаго князя **Михаила Павловича** — гравюра академика Л. А. Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1882.

II-я книга „Русской Старины" вышла 1-го февраля 1882 г.

Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію. 1700—1880. Составилъ генералъ-маіоръ Лалаевъ. Спб. 1880. Часть первая. 1700—1825. X+140. Часть вторая. 1825—1880. 283+20 ненумеров. въ 8 д. л.

Труды почтеннаго автора по части исторіи нашей военной педагогіи уже извѣстны читателямъ «Русской Старины». Въ изданномъ нынѣ «очеркѣ» М. С. Лалаевъ въ сжатой, но весьма удобопонятной формѣ изложилъ прогрессивное развитіе и усовершенствованіе военно-учебныхъ заведеній въ Россіи, со временъ Петра Великаго, по послѣдній годъ царствованія императора Александра Николаевича. Первая военная школа, учрежденная Петромъ, при бомбардирской ротѣ, около 1700 и имъ-же основанная въ Москвѣ «школа математическихъ и навигацкихъ наукъ» были первообразами военно-учебныхъ заведеній въ Россіи. Начатое преобразователемъ успѣшно продолжалось при его преемникахъ, даже оставившихъ безъ должнаго вниманія многія отрасли высшей государственной администраціи. Такъ, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1731 году послѣдовало основаніе перваго шляхетнаго корпуса, при Елисаветѣ Петровнѣ преобразованы училища инженерное и артиллерійское; наконецъ при Екатеринѣ II наши военно-учебныя заведенія могли занять видное мѣсто на ряду съ заграничными. Пруссія или Франція могли позавидовать нашему первому Кадетскому корпусу, воспитавшему въ своихъ стѣнахъ безсмертнаго героя Ларга и Кагула—Румянцева Задунайскаго. Затѣмъ, какъ-бы соревнуя одинъ передъ другимъ, наши кадетскіе корпуса въ послѣдующіе пятьдесятъ лѣтъ дали нѣсколько тысячъ просвѣщенныхъ офицеровъ по всѣмъ родамъ оружія и между этими тысячами многихъ полководцевъ, украсившихъ своими безсмертными именами страницы военныхъ отечественныхъ лѣтописей. «Личное наблюденіе за военно-учебными заведеніями составляла», по собственнымъ словамъ покойнаго Императора Александра II—«пріятнѣйшую для сердца Его Величества заботу». Въ теченіи двадцатипятилѣтія его царствованія (говоритъ авторъ «Очерка» въ своемъ предисловіи—«быстрое развитіе и усовершенствованіе всѣхъ отраслей военнаго дѣла, значительно возвысили и усложнили, сравнительно съ прежнимъ временемъ, тѣ требованія отъ войсковыхъ офицеровъ, коими главнѣйше обусловливается успѣхъ исполненія каждымъ изъ нихъ служебныхъ обязанностей. Преобразованныя Державною волею Монарха соотвѣтственно этимъ новымъ требованіямъ, военно-учебныя заведенія наши успѣли приготовить, въ истекшее двадцатипятилѣтіе, для всѣхъ родовъ оружія болѣе 12.000 офицеровъ, съ законченнымъ, общимъ и военно-научнымъ образованіемъ; сверхъ того, со времени учрежденія у насъ юнкерскихъ училищъ въ 1864 году, армія получила собственно изъ этого источника 17.280 офицеровъ».

Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской епархіи. Собраны В. Холмогоровымъ и діакономъ Г. Холмогоровымъ. Выпускъ первый. Русская десятина. Москва 1881. X+254 стр. въ б. 8 д. л. съ приложеніемъ чертежей fac simile. Цѣна 1 р. сер.

Первый выпускъ этого весьма полезнаго изданія составленъ въ исполненіе указа С. Синода 12-го октября 1866 года, предписавшаго духовному вѣдомству собрать матеріалы для церковныхъ лѣтописей. Сборникъ гг. Холмогровыхъ составленъ по документамъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, согласно съ приходными окладными книгами Патріаршаго казеннаго приказа. Книга состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ составъ перваго вошло описаніе 43 церквей; въ составъ втораго опись церковныхъ мѣстъ и земель Русской десятины; историческо-статистическое описаніе города Рузы.—Изданіе довольно опрятное, заслуживающее по внутреннему достоинству вниманіе всѣхъ занимающихся отечественною исторіею.

Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе заключенныхъ, пересыльныхъ, ихъ дѣтей и освобожденныхъ изъ подъ стражи, со времени возникновенія русской тюрьмы, до нашихъ дней. 1560—1880. В. Н. Никитинъ. Спб. 1880. IV+674 стр. въ 8 д. л.

Предметъ книги любопытенъ и разрабо-

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ

1798—1849.

Приложеніе къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1882 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 января 1882 г.

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18-го февраля 1877 г.

Глава XIII [1]).

О томъ, какъ духовныя лица ходили по приходу въ святки.

Въ Индіи, гдѣ такъ глубоко укоренилось раздѣленіе народа на касты, естественно каждому отцу съ малолѣтства пріучать своихъ дѣтей къ тому ремеслу, которое предназначено ему самою судьбою.

Какъ только руки дѣлаются способными дѣйствовать, сынъ портнаго принимается за иголку, сынъ кузнеца за молотокъ и, совершенствуясь болѣе и болѣе, усваиваютъ себѣ вполнѣ искуства шить платье и ковать желѣзо. И у насъ весьма нерѣдко замѣчаются подобныя явленія. Крестьянинъ большею частью пріучаетъ своего сына исполнять тѣ же самыя работы, которыя ему доставляютъ хлѣбъ и способы платить оброки и подати; купецъ своего сына водитъ въ лавку и тамъ на словахъ и на дѣлѣ показываетъ какъ надувать довѣрчивыхъ покупателей. Различіе отъ Индіи у насъ состоитъ въ томъ, что по уничтоженіи крѣпостнаго права всякій отецъ можетъ приготовлять сына къ какому угодно занятію, и всякому взрослому человѣку нынѣшній законъ не запрещаетъ перемѣнить свое ремесло.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86.

Духовенство наше, подобно жителямъ Индіи и нашихъ деревень и городовъ, тоже съ малолѣтства, по крайней мѣрѣ въ очень недавнія времена, любило пріучать своихъ сыновей къ отцовскому, такъ сказать, ремеслу, приготовлять къ тому, чтобы они, выросши, сдѣлались попами или дьяконами и причетниками. Да развѣ можно осуждать духовенство за это? сказали-бы мнѣ многіе изъ современныхъ моихъ священно-и церковно-служителей. Развѣ дурное дѣло съ малыхъ лѣтъ воспитывать своихъ дѣтей такъ, чтобы они со временемъ были достойными служителями алтаря, достойными провозвѣстниками слова Божія, совершителями таинствъ Христовыхъ, руководителями людей къ спасенію въ будущей и къ исполненію христіанскихъ обязанностей въ этой жизни? И я, съ своей стороны, не сталъ-бы осуждать духовенство за такіе поступки, если-бы только приготовленіе дѣтей къ пастырскому званію происходило разумно, въ истинно-христіанскомъ духѣ, чего къ сожалѣнію не было. Въ самомъ дѣлѣ, наше православіе, точно также какъ и всякая положительная религія, состоитъ изъ трехъ частей: догматической, нравственной и обрядовой. На первомъ мѣстѣ надобно поставить нравственную часть, потому что какая польза будетъ въ глубокомъ изученіи догматовъ и усердномъ исполненіи всѣхъ возможныхъ обрядовъ, если при этомъ человѣкъ остается безнравственнымъ и дѣлается похожимъ на тѣ гробы, которые, по словамъ Іисуса Христа, снаружи имѣютъ красивый видъ, а внутри наполнены остатками сгнившаго трупа. Догматы должны служить только опорою для нравственныхъ потребностей, если человѣкъ не находитъ этой опоры въ своей совѣсти, или въ своемъ сердцѣ. Обряды-же въ одномъ только случаѣ имѣютъ значеніе и должны считаться необходимыми, когда ими развивается, пробуждается и поддерживается религіозное настроеніе. Поэтому и духовенству нашему, если оно желаетъ въ дѣтяхъ своихъ видѣть преемниковъ себѣ, слѣдовало-бы главнымъ образомъ заботиться о развитіи въ нихъ христіански-нравственнаго чувства, и затѣмъ, или, пожалуй, при этомъ ознакамливать съ доступными дѣтскому уму религіозными догматами и доставлять имъ возможность присутствовать при совершеніи богослуженія. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ смотрѣть на религію не какъ на ремесло, на дѣтей не какъ на будущихъ цѣховыхъ этого ремесла, которымъ можно механически дать то или другое настроеніе. О нравственномъ

воспитаніи, объ ознакомленіи съ догматами, я скажу впослѣдствіи, когда я ознакомлю читателей съ духовно-учебными заведеніями и съ нравственностію духовенства, а теперь скажу пока объ обрядовой сторонѣ. На это, по моему мнѣнію, я тѣмъ болѣе имѣю права, что современное мнѣ духовенство существеннымъ образомъ обращало вниманіе на обрядовую сторону и къ обрядовой-то практикѣ пріучало и дѣтей своихъ.

По обычаямъ, утвердившимся въ былыя, давно минувшія времена, современное мнѣ духовенство, за весьма малыми исключеніями, которыя притомъ стали появляться во вторую половину царствованія Николая, прежде всего съ особенною заботливостью пріучало дѣтей къ духовному званію, избравши для этого самую слабую, и можно сказать, самую дурную сторону своего быта. Извѣстно, что кромѣ тѣхъ, такъ называемыхъ церковныхъ требъ, которыя считаются не произвольными, а необходимыми, какъ напримѣръ крещеніе, бракосочетаніе, погребеніе и т. д., есть въ духовенствѣ обычай ходить къ ряду по всѣмъ дворамъ прихода безъ приглашенія, даже противъ желанія прихожанъ, во Христовые и другіе праздники. Объ этихъ хожденіяхъ мною сообщено въ изданномъ въ Лейпцигѣ анонимномъ моемъ сочиненіи въ 1866 г. о православномъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ въ Россіи. Но и въ моихъ біографическихъ запискахъ я нашелъ нужнымъ поразъяснить этотъ предметъ. Оставляя разсказъ о хожденіяхъ до той главы, гдѣ я стану описывать церковныя требы, теперь займусь только подробно хожденіями въ праздникъ Рождества Христова.

Чтобы придать спеціально религіозный оттѣнокъ своимъ хожденіямъ по приходу въ праздникъ Рождества Христова, духовенство называетъ ихъ славленіемъ, прославленіемъ Христа, христославленіемъ; нѣкоторые усердные, доморощенные археологи въ этомъ прославленіи видятъ подражаніе тому славословію, которымъ, какъ разсказывается въ евангеліи, ангелы привѣтствовали Родившагося въ Виѳлеемѣ. Неизвѣстно, сколько минутъ или часовъ продолжалось ангельское славословіе, но духовенство, особенно сельское, выражаетъ свое христославленіе очень немногими, большею частью двумя пѣснопѣніями: „Христосъ рождается—славите“, и „Рождество Твое, Христе Боже нашъ“. Съ этого христославленіе обыкновенно и начиналось,—начинается еще и

теперь во многихъ мѣстахъ пріучиваніе дѣтей духовенства къ тому званію, къ которому они яко-бы предназначены по своему происхожденію и по заслугамъ своихъ отцовъ передъ Богомъ. Наука начиналась очень рано, иногда чуть не съ того-же самаго возраста, какъ сажали за азбуку. Предполагаемый священникъ или церковнослужитель начинаетъ свою служебную карьеру или подъ руководствомъ своего отца, или старшаго брата и какого нибудь другаго взрослаго семинариста; а иногда составляется группа изъ трехъ и болѣе малолѣтокъ, пускаютъ ихъ однихъ прославлять Христа своими невинными устами и ихъ приравниваютъ къ тѣмъ младенцамъ, про которыхъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что „тацѣхъ бо есть царствіе небесное". Надобно еще прибавить, что отцы пускаютъ однихъ дѣтей только въ самомъ селѣ, да и то, если оно не очень велико; по деревнямъ-же сами всегда ихъ водятъ съ собою. Мои подвиги по этой части начались очень рано, еще въ Палищахъ, именно на седьмомъ году моего возраста; притомъ прямо по деревнямъ всего прихода, потому что село состояло почти что изъ одного духовенства. Конечно, и я еще былъ младенцемъ при первомъ дебютѣ моей церковной практики, но другіе еще ранѣе съ нею знакомились. Когда батюшка мой переведенъ уже былъ въ Туму, но еще не переселился въ нее изъ Палищъ, то на святки онъ взялъ меня съ собою сюда и тутъ я, вмѣстѣ съ нимъ, съ дѣдушкой и пр. обошелъ тоже весь приходъ, прославляя Христа. Потомъ уже рѣшительно каждый годъ до самаго моего поступленія въ академію я не имѣлъ возможности освободиться отъ этой обязанности. Такимъ образомъ четырнадцать разъ я странствовалъ по дворамъ цѣлаго прихода и имѣлъ возможность наблюдать всѣ особенности этого странствованія. Но къ своимъ собственнымъ наблюденіямъ я присоединю и то, что слышалъ отъ другихъ, и со всѣмъ этимъ запасомъ познакомлю моихъ читателей, при которыхъ, авось Богъ дастъ, христославленіе или уничтожится вовсе, или потеряетъ тотъ дикій, нехристіанскій, а скорѣе промышленный или нищенскій характеръ, которымъ оно отличалось въ мое особенно дѣтство.

Въ городахъ уже издавна въ святки по дворамъ прихожанъ своихъ духовенство ходило, а нынѣ, какъ я слышалъ, ходитъ уже по мѣстамъ цѣлымъ причтомъ, священникъ съ епитрахилью на шеѣ, съ крестомъ въ рукѣ, поютъ общимъ хоромъ

и прославляютъ не только Христа, но и домохозяина, произнося и воспѣвая послѣднему многія лѣта по окончаніи своихъ пѣснопѣній. Но въ прежнее время (и теперь въ наибольшей части селъ) христославленіе происходитъ со всѣмъ иначе. Даже въ одноштатномъ селѣ, гдѣ иногда все духовенство состоитъ изъ трехъ человѣкъ, священникъ ходитъ одинъ, дьяконъ особо, а причетники большею частью въ одной компаніи. Объяснить это не трудно. Духовенство отличается многочадіемъ; частенько у каждаго лица причта бываетъ не только по два, а даже по четыре сына, которыхъ нужно брать съ собой въ приходъ, по заведенному обычаю. Въ такомъ случаѣ сразу походъ будетъ совершаться компаніей въ 10—15 человѣкъ; вѣдь это уже очень много; въ избѣ иного мужика даже нелегко будетъ и умѣститься; потомъ каждый крестьянинъ преимущественно находитъ нужнымъ удовлетворить вполнѣ только священника, какъ лицо особенно нужное, а дьяконъ и дьячекъ могутъ удовольствоваться и чѣмъ нибудь. Если-бы весь причтъ ходилъ вмѣстѣ, то былъ-бы священникъ въ проигрышѣ, а прочіе въ выигрышѣ; мужикъ или всѣмъ-бы имъ далъ извѣстное количество денегъ и тогда раздѣляй они ихъ между собою по закону; или, если-бы сталъ одѣлять каждаго поручно, то священнику, требующему прибавки себѣ, отвѣчалъ-бы: „батюшка, вотъ у меня осталось уже не много, отдай тебѣ все, имъ вотъ ничего не останется", и священнику трудно было-бы сказать: „расплатись сначала со мной, а тѣ могутъ и такъ уйдти". Между тѣмъ, пришедши одинъ, настойчивый священникъ надежнѣе получитъ все, что находитъ нужнымъ взять:— соперниковъ нѣтъ. Да и мужикъ появившимся дьякону и дьячкамъ скажетъ: „нѣтъ, ужъ не обезсудьте (т. е. не осудите), попу все отдалъ", или: „надобно поберечь для попа". Дѣти составили-бы новое затрудненіе. Священникъ сталъ-бы просить на своихъ дѣтей прежде, нежели очередь дошла-бы до дьякона и причетниковъ; дьяконъ также постарался-бы предупредить причетниковъ; начались-бы хлопоты, прошенія; священнику, уже удовлетворенному, сидѣть казалось-бы и скучно, а иногда и совѣстно, тогда-бы мужикъ сказалъ: „да гдѣ-же мнѣ еще взять денегъ, когда я все отдалъ батюшкѣ?" То-ли дѣло, когда священникъ ходитъ одинъ со своими дѣтьми? Полное раздолье,—нѣтъ никакихъ стѣсненій.

Если-же село состояло изъ нѣсколькихъ штатовъ, то хри-

стославленіе происходило почти всегда по всѣмъ его частямъ. Въ этомъ случаѣ партіи устраивались иначе. Священники соединялись вмѣстѣ, дьяконы составляли особый отдѣлъ, а причетники раздроблялись на нѣсколько партій. Совокупное хожденіе священниковъ было для нихъ очень выгодно. Каждый священникъ въ своей части старался помогать своимъ возлюбленнымъ о Христѣ братьямъ, убѣждая прихожанъ быть пощедрѣе къ нимъ, потому что вѣдь и они такіе-же какъ и онъ, священникъ, и въ нуждѣ могутъ замѣнить его. Но замѣчательно, что въ трехъштатныхъ селахъ слишкомъ рѣдко христославили всѣ три священника вмѣстѣ, такъ какъ между ними почти никогда не бывало согласія. Только матеріяльные интересы заставляли иногда отлагать въ сторону враждебныя свои отношенія. Не задолго до моей отставки и послѣ нее во многихъ трехъ-штатныхъ селахъ Мещоры всѣ священники соединялись вмѣстѣ въ святки съ особенною цѣлію. Ходить по цѣлому приходу находили затруднительнымъ; потерять выгоды, начавши ходить только по своей части, не хотѣлось; повысить вдругъ въ дворахъ своихъ прихожанъ таксу для пополненія этой потери—трудно: мужики не вдругъ поддадутся. И вотъ теперь начинаютъ ходить всѣ три священника вмѣстѣ, просятъ у хозяина дачи не на каждое лицо отдѣльно, а на всѣхъ вмѣстѣ. Такъ какъ дѣйствующимъ лицомъ былъ всегда третной священникъ, то дачи были удовлетворительны. Этотъ маневръ повторяли два—три года; тогда уже каждый священникъ начиналъ ходить по одной своей трети и требовалъ то же самое вознагражденіе за свои труды, какое они получали прежде всѣ трое. Мужикъ, разумѣется, упрямился; но ему доказывали, что изъ прочихъ поповъ никто уже не придетъ, что онъ беретъ за всѣхъ нихъ, что вѣдь если-бы они пришли сами, то хозяинъ заплатилъ-бы то же самое, что платилъ въ прошлый годъ и чего теперь отъ него требуютъ. Мужикъ помнется, почешется, поспоритъ, но, большею частію, уступитъ, и наконецъ новый, такъ сказать, налогъ входитъ въ силу.

При описанномъ мною распаденіи причта на отдѣльныя партіи, нельзя уже было думать о томъ, чтобы придать вполнѣ религіозный характеръ христославленію. Даже священники никогда не брали съ собою ни епитрахили, ни креста, дьякону-же и причетникамъ этого нельзя было и дѣлать. Даже

сами крестьяне принимали славельщиковъ, большею частью, безъ тѣхъ церемоній, которыя необходимы при совершеніи церковныхъ требъ. Извѣстно, что въ этихъ случаяхъ крестьянинъ всегда сначала попроситъ священника не начинать требы, пока онъ не зажжетъ восковой свѣчи передъ образомъ. Но во время святокъ, развѣ въ немногихъ домахъ, соблюдали этотъ обычай, даже когда священники славили Христа.

Батюшка мой при мнѣ ходилъ по приходу въ святки въ Палищахъ съ отцомъ Федоромъ, а въ Тумѣ съ дядюшкою Никифоромъ. Въ послѣднемъ случаѣ не хотѣлъ отставать дѣдушка съ своимъ сыномъ семинаристомъ, моимъ дядюшкою Васильемъ, а отецъ Никифоръ имѣлъ спутниками своего отца Михаила и сына Ивана. Такимъ образомъ всѣхъ насъ было семь человѣкъ. Послѣ число это сократилось, когда дядюшка Василій опредѣлился дьякономъ въ Прудки, а Ваня умеръ, но къ концу моей семинарской жизни пополнилось моимъ братомъ Алексѣемъ. И въ Палищахъ, и въ Тумѣ ходили по всѣмъ третямъ; кромѣ того въ послѣдней заѣзжали для славленія и въ Черкасовскій приходъ, впрочемъ въ очень немногіе дома, напр. къ богатому крестьянину деревни Горъ, сдѣлавшемуся купцемъ, Матвѣю Федорову и къ бурмистру деревни Симановой. Но для христославленія назначалась только одна недѣля; надобно было непремѣнно кончить все въ канунѣ новаго года. Въ первый день праздника нужно было служить утреню, обѣдню и обхаживать село. Кромѣ того, большею частью, одинъ изъ святочныхъ дней было воскресенье, когда опять половину дня, а пожалуй и болѣе, слѣдовало провести дома и въ церкви. Наконецъ въ субботу въ Тумѣ бываетъ базаръ, на который крестьяне любили пріѣзжать; въ этотъ день славить Христа было не выгодно, потому что очень часто приходилось слышать: „не обезсудьте, хозяинъ уѣхалъ на базаръ, а деньги заперъ, или взялъ съ собою". Поэтому зѣвать было некогда, — слѣдовало торопиться, или принимать особенныя экстраординарныя мѣры, чтобы обойдти въ неполныхъ семь дней 600—700 дворовъ, разбросанныхъ чуть не въ 30-ти деревняхъ. Однѣ изъ этихъ мѣръ относились къ деревнѣ Киряеву, дворовъ въ 50 — 60. Здѣсь былъ знаменитый бурмистръ Дементій и еще нѣсколько богатыхъ мужиковъ-хлѣбосоловъ. Если-бы въ ней славить Христа въ обыкновенный день, то чуть не весь

его пришлось-бы употребить на нее одну. Чтобы избѣгнуть такого замедленія, утреню служили въ первый день праздника необыкновенно рано, начиная ее въ 12 часовъ и даже поранѣе. По окончаніи ея, отправлялись въ Киряево и всю деревню старались обойдти до восхода солнечнаго, даже до разсвѣта, чтобы начать и отслужить обѣдню поранѣе. Въ слѣдующіе дни вставали очень рано, часа въ два — три, такъ что до разсвѣта не только пріѣзжали въ какую-либо деревню, иногда за пять, за семь верстъ, но и обхаживали не одинъ десятокъ дворовъ. Вечеромъ тоже не вдругъ оканчивалась работа. Старались пріѣзжать въ деревню засвѣтло, чтобы жители знали о нашемъ прибытіи и не запирали воротъ, а ожидали незванныхъ гостей. Потомъ уже ходили и, если деревня была великонька, то оканчивали ее часу въ 9 — 10-мъ. Дѣдушка разсказывалъ, какъ онъ, еще до батюшки, въ деревню Уткино пріѣхалъ уже послѣ сумерекъ; жители не знали о его прибытіи и приперли ворота; надобно было стучаться въ окна, и когда хозяева говорили: „поздненько", имъ отвѣчали: „послѣдній дворъ". Наконецъ пѣли „Христосъ рождается" и „Рождество Твое" очень скоро. При помощи всѣхъ этихъ средствъ дѣло шло скоро и спорко; помню я, какъ однажды мы въ одинъ день обошли четыре деревни: Спирино, Солово, Соснино и Уткино, имѣвшія до 160 дворовъ. Опишу съ подробностью цѣлый день христославленія.

По пріѣздѣ въ деревню останавливались въ самомъ началѣ ея, вылѣзали изъ саней, большинство шло въ крайній дворъ, оставивъ въ саняхъ не только лишнее верхнее платье, но и шапки, полагая, что даже послѣднія при постоянномъ переходѣ изъ одного двора въ другой сосѣдній, есть вещь излишняя. Кто нибудь одинъ, или нѣсколько, смотря по числу лошадей, отводилъ ихъ къ какому либо почетному, или знакомому крестьянину; такое дѣло поручалось преимущественно намъ дѣтямъ. Если деревни были невелики, стояли не на большой проѣзжей дорогѣ, не отличались воровствомъ и кромѣ того славленье начиналось и могло окончиться днемъ, то, остановивъ лошадей у воротъ снаружи, привязывали ихъ къ чему нибудь; тулупы, шапки и полсты оставляли въ саняхъ и, постучавши въ окно избы, говорили тому, кто выглядывалъ изъ него: „положите поповскимъ лошадямъ сѣнца". Если же котораго либо условія недоставало,

то не только вносили одежду, шапки и проч. въ избу, но и лошадей ставили на дворѣ. Но я уже сказалъ, что иногда пріѣзжали слишкомъ рано въ деревню, когда не только ворота во всѣхъ дворахъ были еще заперты, но и хозяева спали; въ этомъ случаѣ одинъ изъ партіи напередъ посылаемъ былъ стучать у окна жилой избы каждаго дома; — и это дѣло поручалось тоже дѣтямъ. Хорошо, если уже хозяева встали, тогда хлопоты были не продолжительны; на первый стукъ кто-либо выглядывалъ въ волоковое окно; ему говорили: „отоприте ворота, попы пришли", или: „попы идутъ". Но хлопоты увеличивались, если хозяева спали. Нужно было стучать покрѣпче и иногда приниматься за это не одинъ разъ. Чья нибудь голова высовывалась въ волоковое окно и услыхавши: „попы идутъ" иногда ворчали въ полголоса: „экъ ихъ чортъ принесъ съ которыхъ поръ". Но у многихъ мужиковъ бывало по двѣ избы; ночью не легко было узнать въ которой изъ нихъ хозяева помѣщаются, и потому случалось, что будильщикъ начиналъ стучаться въ нежилую избу; не получая отвѣта, онъ усиливалъ свой стукъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, онъ или самъ догадывался, что не за ту избу взялся, или слышалъ изъ сосѣдняго дома: „Что ты тамъ разстучался? они живутъ не въ этой, а въ другой избѣ". Къ большой бѣдѣ посланца, у нѣкоторыхъ крестьянъ избы бывали на задней части двора и ни одною стѣною не выглядывали на улицу; тутъ хозяинъ, даже проснувшись, могъ не слышать, что въ его ворота стучатся; спавшую же крѣпкимъ сномъ семью и архангелова труба, по поговоркѣ, не вдругъ бы разбудила; но и проснувшись Иванъ примется посылать Андрея, Андрей Марину, Марина Татьяну и пр. посмотрѣть кого это тамъ нелегкая принесла? Иногда же семья уже проснулась, но хозяинъ какимъ нибудь образомъ догадался, что явились славельщики; онъ размышляетъ принимать ли ихъ, или нѣтъ. Въ томъ и другомъ случаѣ стукальщикъ продолжаетъ стучать съ большимъ и большимъ усердіемъ; тутъ выглядываютъ изъ своихъ оконъ уже многіе сосѣди и начинаютъ острить, или давать свои совѣты. Случалось, что дворъ приходилось оставлять до дня. Можете уже судить, что положеніе передоваго было не очень завидно, особенно, если дулъ сильный вѣтеръ, или снѣгъ, или мятель. Но тутъ бывали и большія непріятности: собаки имѣли болѣе чуткое ухо, нежели

хозяева. Хорошо, если имъ нельзя было выскочить со двора, тогда своимъ ужаснымъ лаемъ онѣ помогали еще разбудить хозяевъ, въ противномъ случаѣ, выбѣжавши на улицу, онѣ бросались на стукальщика, какъ на нарушителя общественнаго спокойствія и ему приходилось трудновато защищаться, особенно если изъ сосѣднихъ дворовъ являлись другія собаки. Впрочемъ, пріѣзжать въ деревню рано утромъ, будить хозяевъ до разсвѣта, могли только священники, да и то въ своей части. А если бы такъ стали поступать прочіе члены причта, или самъ священникъ, но въ части не своей, тогда бы слишкомъ немногіе отперли ворота, притомъ пришлось бы услышать и стукальщику, и всѣмъ славельщикамъ такія благожеланія, отъ которыхъ бы, по поговоркѣ, не поздоровилось бы; причетникамъ же пожалуй досталось бы и что нибудь побольше. Вотъ почему и мы утро начинали всегда съ деревень прихода батюшки, или отца Никифора.

Но крестьяне иногда любятъ припирать ворота и днемъ; узнавши же о пріѣздѣ славельщиковъ, нарочно это дѣлали. Передоваго днемъ не посылали, поэтому толкнувшись въ запертыя ворота, надобно было всѣмъ стоять около нихъ и одному стучаться. Тутъ конечно сперва выглядывали въ окно, но не всегда скоро отпирали ворота. Хозяинъ иногда пригрѣлся на печкѣ и заснулъ; нужно было доложить ему о прибытіи дорогихъ гостей; не вдругъ онъ проснется, не вдругъ пойметъ въ чемъ дѣло; иногда даже велитъ посмотрѣть, а какіе это попы; иногда же нарочно помедлитъ отвѣтомъ, пусть де постоятъ, вѣдь никто ихъ не звалъ. Съ другой стороны и хозяйка, видя полъ избы покрытымъ пылью и всякою всячиною, находитъ нужнымъ поскорѣе вымести его, чтобы прилично встрѣтить батюшекъ, которые, въ награду за такое вниманіе къ нимъ, стоятъ на улицѣ. Затрудненіе увеличивается, если изба хозяевъ, какъ я уже сказалъ, стоитъ на задней части двора. Конечно, большею частію, скорѣе или медленнѣе, ворота отпираются, но случалось, что послѣ порядочнаго ожиданія кто нибудь выглядывалъ вновь въ окно, преимущественно мальчишки или дѣвчонки, и тоненькимъ голоскомъ говорили: „ступайте прочь; дарить нечѣмъ“. Разумѣется, что такое привѣтствіе приходилось слышать въ тѣхъ дворахъ, которые не принадлежали къ приходу стоящихъ у воротъ священниковъ. Мы въ Тумѣ это встрѣчали очень часто въ трети отца Ивана Петровича, который хоть самъ

хаживалъ по всѣмъ третямъ, но, какъ кажется, своимъ прихожанамъ не всегда совѣтовалъ быть очень внимательными къ своимъ сослужителямъ по алтарю господню. Случалось, что приходилось намъ въ дворахъ 3 — 5 къ ряду постучаться, подождать, услышать: „дарить нечѣмъ" и идти въ сосѣдній дворъ. О дьячкахъ же нечего и говорить.

Легко можно представить положеніе, въ которомъ должны были находиться духовныя лица при описываемыхъ мною сценахъ. Ночная темнота многое скрывала, а тутъ приходилось стоять у воротъ безъ шапокъ среди дня; мальчишки, которыхъ всегда много на улицѣ, останавливали свои игры и въ большей или меньшей близости посматривали на ожидающихъ славельщиковъ, а иногда плутишки даже посмѣивались и покрикивали; изъ сосѣднихъ домовъ выглядывало много головъ, частенько тоже съ насмѣшливыми физіономіями. Тутъ какой-либо, какъ будто по своему добродушію, даетъ совѣтъ: „да вы стучите-то покрѣпче; вѣрно они заснули". А тутъ ѣдутъ какіе-либо проѣзжіе, совершенно сторонніе, они и вовсе не стѣснялись. Иной мужикъ, сидя на возу, кричитъ другому, указывая кнутомъ на славельщиковъ: „смотри-ка, парень, сколько ихъ стоитъ у воротъ-то! Эка набралось!" Но особенно было непріятно, если въ это время по деревнѣ проѣзжалъ какой-либо знакомый священнику помѣщикъ, купецъ и проч. Деликатный человѣкъ раскланяется только любезно, а иногда постарается проѣхать не раскланиваясь; но другой, намѣренно или не намѣренно, остановится и спроситъ: „что это вы стоите на вѣтру у воротъ, да еще безъ шапокъ?" И во всѣхъ этихъ случаяхъ надобно стоять и молчать, скрѣпя сердце, или какъ нибудь отшучиваться, но вообще много много приходилось проглотить пилюль.

Если прихожане были люди старые и боялись враждовать съ своимъ батюшкой, то славельщики иногда рѣшались брать приступомъ ворота. Мнѣ самъ не одинъ разъ разсказывалъ мой зять, Василій Лебедевъ, что когда они во время славленія или другаго какого-либо хожденія, находили ворота запертыми то просили причетника Дмитрія Өедорова поскорѣе отпирать ихъ, не дожидаясь хозяевъ. Почтенный Дмитрій Өедоровичъ, или какъ его называли, дядя Митяй, былъ необыкновеннымъ силачомъ, о чемъ я впослѣдствіи скажу. Онъ могучимъ своимъ плечомъ

упирался въ ворота, которыя въ то время обыкновенно запирались деревянными замками особеннаго устройства, или не очень толстою палкою. Разумѣется и замокъ и палки разламывались, и дядя Митяй торжественно вступалъ въ сдѣланный имъ проломъ. Прихожане, которымъ жалко было своихъ замковъ, очень боялись атакъ дяди Митяя. „Погодите, погодите, сдѣлайте милость, кричитъ кто нибудь изъ нихъ, мы сейчасъ отопремъ".

Ворота, такъ или иначе отворены, вступаютъ славельщики на узкій или широкій дворъ, который покрытъ соломою и наполненъ коровами, свиньями, овцами и пр. Эти апатичныя и глупыя животныя мало обращаютъ вниманія на вошедшихъ. Но во многихъ домахъ были вѣрные сторожа общественной безопасности, такъ называемые неразлучные друзья человѣка,—дворовыя собаки, наибо̀льшею частію пользовавшіяся полною свободою. Иныя, конечно, поджавши хвостъ, убирались куда нибудь въ безопасное мѣстечко, увидавъ множество пожаловавшихъ гостей; другія, не желая ни выказывать полное равнодушіе, ни отличаться усердіемъ, полаютъ издали, сдѣлаютъ, такъ сказать, только честь и себѣ, и хозяину, и гостямъ. Но встрѣчались между ними страшные ненавистники послѣднихъ. Завидѣвъ славельщиковъ на дворѣ, онѣ бросаются по своему обычаю преимущественно на аріергардъ. Нападенія бывали иногда такъ быстры, или аріергардъ такъ слабъ и оплошенъ, что дворняшки вцѣплялись зубами въ подолъ платья и даже вырывали клочки изъ него. Особенно въ этомъ случаѣ страдали дѣти, которыя преимущественно и тянулись въ аріергардѣ. Поэтому, если нападеніе было предвидѣно, то ихъ ставили обыкновенно въ авангардъ, но и тутъ не обходилось безъ бѣды. Иныя дворняшки лежали гдѣ нибудь въ сѣняхъ; онѣ не слышали, или не обратили вниманія на то, когда вошли славельщики на дворъ, но едва голова ихъ авангарда показывалась въ сѣни, какъ вѣрный стражъ, желая поправить свою оплошность, съ яростью бросался на передоваго и тутъ малолѣтки съ ужасомъ старались спрятаться за своего отца, который впрочемъ и самъ былъ озадачиваемъ неожиданностью атаки. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, если не у всѣхъ, то у нѣкоторыхъ славельщиковъ бывало въ рукахъ оборонительное оружіе, въ видѣ толстой палки я еще видалъ спеціальное, такъ сказать, для этихъ случаевъ оружіе,—колдашъ, или калдашъ, не знаю какъ правильнѣе

писать. Чтобы сдѣлать это оружіе, выбирали въ лѣсу небольшое деревцо, вырывали или высѣкали его съ корнями и обрубали такъ, что остатки составляли на концѣ деревца порядочной величины шаръ, или нѣчто ему подобное, очищали, разумѣется, сучья и отрубали такую часть дерева, чтобы она была въ родѣ недлинной палки, около двухъ аршинъ, очень похожей на булаву швейцаровъ. Это и называлось калдашомъ. Вооруженные тѣмъ или другимъ оружіемъ, славельщики обыкновенно составляли авангардъ или аріергардъ отряда. Иногда же рѣшались давать нѣчто въ родѣ сраженія. Бывали извѣстныя уже издавна злыя дворняшки, которыя не у одного духовнаго лица отрывали куски отъ платья, за что, наконецъ, и рѣшались наказать ихъ. Этимъ особенно любили заниматься причетники и взрослые семинаристы, но принимать участіе не отказывались и иные священники. Сговорившись напередъ и вооружившись кто чѣмъ могъ, вступали они на дворъ. Злыя дворняшки (ихъ бывало по двѣ и даже по три у иного хозяина) съ остервененіемъ бросались на пришельцевъ. Эти, по задуманному напередъ плану, расходились въ разныя стороны и старались окружить атакующихъ и потомъ уже вели и сами атаку. Собаки, поздно увидавши военную хитрость, получая полновѣсные удары то съ той, то съ другой стороны, старались искать своего спасенія въ бѣгствѣ, бросались куда нибудь подъ амбаръ, горницу, перепрыгивая черезъ заборъ, заднія ворота и т. п. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ такихъ сраженій и слышалъ о многихъ изъ нихъ. Въ Палищахъ особенно причетники любили разсказывать о своей побѣдѣ, одержанной надъ двумя злѣйшими собаками въ деревнѣ Шишкинѣ. Нѣкоторыя собаки, получивши одинъ или нѣсколько такихъ уроковъ, дѣлались уже трусливыми передъ духовными особами, которыя тогда, большею частью, ходили въ платьѣ изъ домашняго сукна синяго цвѣта. „Едва бывало, съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ разсказывали двуногіе воители, появится синій лоскутъ на дворѣ, такъ собаки унеси Господи за заднія ворота“. Замѣчательно, что хотя пріѣздъ славельщиковъ скоро дѣлался замѣтнымъ въ деревнѣ, немногіе хозяева запирали куда нибудь своихъ собакъ: пусть-де полаютъ на незванныхъ гостей! Потомъ, когда славельщики вступали уже на дворъ и даже начинали ожесточенную битву, опять рѣдко появлялся къ нимъ изъ избы вспомогательный корпусъ, въ видѣ

хозяина, или другаго члена семейства,—пускай-де пощипятъ собаки незванныхъ гостей. Иногда даже видно было какъ въ какое-либо волоковое окно выглядываетъ тихонько кто нибудь и съ язвительною улыбкою посматриваетъ на сраженіе.

Такъ или иначе, славельщики вступаютъ со двора въ сѣни. Кромѣ собакъ, которыя, какъ я уже замѣтилъ, не ласково встрѣчали посѣтителей, здѣсь подвергались славельщики и другимъ непріятностямъ. У крестьянъ соблюдается немного чистоты даже въ избѣ, о сѣняхъже и говорить нечего. Грязь или наросты изъ нея лѣтомъ еще не опасны, хотя и тутъ можно поскользнуться и упасть. Но зимою такая опасность, особенно въ темнотѣ, почти неизбѣжна. Тамъ можно носкомъ сапога зацѣпиться за отвердѣвшій наростъ изъ грязи и спотыкнуться; здѣсь, на льду, составившемся изъ проточной воды или застоявшагося снѣга, и при осторожности спотыкнешься. Этому помогутъ покривившіяся или коскомъ сдѣланныя лѣстницы и полъ въ сѣняхъ, нерѣдко наклонившійся въ какую-либо сторону. И днемъ упасть тутъ очень легко, а въ темнотѣ еще легче. Слишкомъ рѣдко хозяинъ встрѣтитъ славельщиковъ съ горящею лучиною, надобно идти часто наугадъ, а въ сѣняхъ стоитъ разная посуда домашняя и другія вещи. Случалось даже, что и дверь не вдругъ отыскивалась, надобно было даже покричать или застучать. Входя, или вошедши уже въ избу, опять, при всей осторожности, можно и упасть и удариться о что нибудь лбомъ или верхнею частью головы. Двери въ избахъ не высоки; забудь наклониться, или наклонись не много, непремѣнно придется испытать лбомъ прочность верхняго бруса. Полати въ избѣ такъ низки, что верхомъ головы можно касаться ихъ, а тутъ еще поперегъ избы укрѣплены въ стѣнахъ одна или двѣ жерди для платья, или разныхъ рабочихъ принадлежностей. Возьмите все во вниманіе и вы повѣрите мнѣ, что при всей осторожности, рѣдкій изъ славельщиковъ, совершенно въ трезвомъ состояніи, не поскользнется, не упадетъ, не ударится о что нибудь въ сѣняхъ или избѣ того или другаго дома. О небольшихъ царапинахъ, синякахъ и опухоляхъ, которые отъ этого происходили, нечего и говорить. Но иногда приходилось и похромать немного, потереть руку спиртомъ, завязать часть лица платкомъ, чтобы прикрыть какой-либо очень замѣтный синякъ: все бывало и, по-

вторяю, бывало при всей осторожности, съ самымъ трезвымъ человѣкомъ.

Наконецъ славельщики, послѣ какихъ-либо приключеній или безъ всякихъ приключеній, дошли до передняго угла избы; можно уже пѣть стихиры — славить Христа. Прославленіе это немного требовало времени, произносилось даже скороговоркою, вѣдь въ день нужно перебывать въ 100—150 домахъ, и, если бывали тутъ взрослые семинаристы или молодые причетники и если при входѣ въ домъ встрѣтилось что-либо смѣшное, то пѣніе сопровождалось и прерывалось болѣе или менѣе замѣтнымъ смѣхомъ. Послѣ-же жаркой схватки съ собаками на дворѣ иные славельщики, запыхавшись, или вовсе не могли пѣть, или постоянно останавливались, чтобы перевести духъ.

Положеніе обитателей избы при христославленьи бывало различно, преимущественно въ зависимости отъ времени дня, въ которое оно происходило. Если славельщики пріѣзжали очень рано, то ихъ не рѣдко встрѣчалъ только одинъ хозяинъ, да еще развѣ баба, вздувавшая огонь; все-же прочее лежало на своихъ постеляхъ; духота и даже вонь иногда были нестерпимыя. Славельщики поютъ или пропѣли свои стихиры, а изъ обитателей кто сопитъ, кто храпитъ, кто даже издаетъ такой звукъ, который считается слишкомъ неприличнымъ. А тамъ дѣти, случайно проснувшіяся, или пробужденныя пѣніемъ, начинаютъ кто распѣвать свои колыбельныя пѣсни, кто кричать: „мама, мама“ и проч. Другіе-же, побольше, выглядываютъ съ полатей, или съ кутки, или съ постели на полу изъ подъ одежды, которою прикрыты и нерѣдко не только перешептываются между собою, но и посмѣиваются, или, какъ выражаются объ этомъ смѣхѣ, хихикаютъ, такъ что старики или старухи принуждены бываютъ даже прикрикнуть на проказниковъ.

По мѣрѣ приближенія къ разсвѣту, въ избѣ число проснувшихся увеличивается, опасность споткнуться, поскользнуться, удариться о что нибудь уменьшается, но взамѣнъ является новая непріятность: происходятъ, не менѣе предъидущихъ, неприличныя сцены. Я уже сказалъ, что тогда, бо̀льшею частію, избы были черныя. Поэтому, когда во время истопленія приходили славельщики, то, конечно, дверь въ избу была настежъ растворена, но за то верхняя часть ея занята была выходящимъ ды-

момъ. Слѣдовало сгибаться и въ этомъ положеніи пробираться по избѣ до передняго угла и начинать свое славословіе. Не ловко пѣть полусогнувшись, а тутъ еще дымъ, взволнованный прибытіемъ нѣсколькихъ человѣкъ и ихъ пѣніемъ, спускается еще ниже, попадаетъ и въ глаза, и въ носъ, и въ ротъ поющихъ, которымъ отъ этого приходится не только кашлять, но и задыхаться. Слушателей теперь уже очень довольно; не только проснулись всѣ двуногіе обитатели избы, но къ нимъ присоединяется еще порядочное количество четвероногихъ. Я тоже уже говорилъ, что у крестьянъ и даже у тогдашняго духовенства, въ избу, на болѣе или менѣе короткій срокъ, принимались четвероногія домашнія животныя.

И вотъ славельщики начинаютъ пѣть, а къ ихъ голосу иногда присоединяется мычаніе коровы, которая кушала свое мѣсиво; ея теленокъ, услышавъ голосъ своей мамаши, ей вторитъ; ягнята и овцы прибавляютъ свое блеянье, а свинья—хрюканье, а тутъ молодая семья послѣдней вскочитъ съ отведенной для нея мѣстности, разсыпется по избѣ или бросается подъ ноги славельщиковъ; иной поросенокъ захрюкаетъ, другой завизжитъ, потому что его кто-либо толкнулъ. Изъ домашнихъ-же животныхъ никто не былъ способнѣе собаки къ профанаціи христославленія. Она тоже забиралась въ избу и мирно лежала гдѣ-либо подъ лавкою, подъ печкою, или играла съ какимъ-либо мальчикомъ. Увидѣвши же вошедшихъ неизвѣстныхъ личностей, а иногда даже слишкомъ извѣстныхъ ея враговъ, она принималась выражать свое негодованіе на нихъ: громкій лай ея заглушалъ пѣніе, ее гонятъ,—она не вдругъ хочетъ уступить, усиливаетъ лай, или измѣняетъ его въ визгъ.

Печь въ избѣ истопилась, дверь и даже волоковое окно надъ печью закрыли; стараются поскорѣе нагрѣть остывшую избу, но черезъ эту самую поспѣшность чадъ распространяется по избѣ, даже замѣтнымъ образомъ для глаза, въ видѣ зеленоватаго тумана. Отчего легкія и головы деревенскихъ жителей не каждый день угораютъ въ этой атмосферѣ и не разстраиваютъ своего здоровья—не мѣсто здѣсь разбирать. Но духовныя лица, не привыкшія къ такому чаду, оказывались гораздо слабѣе крестьянъ. Хотя, при переходѣ изъ одного двора въ другой, они пользовались свѣжимъ воздухомъ и освѣжали имъ свои легкія и головы, но все таки рѣдкій святочный день проходилъ безъ того, чтобы они не

угорѣли, особенно, если почему либо въ иной избѣ надобно было подольше посидѣть; иногда-же иной, помоложе или послабѣе, не могъ продолжать своего христославленія и принужденъ былъ гдѣ-нибудь въ порядочной избѣ отлежаться.

Во вторую половину дня уже не было ни дыма, ни угара. Но русскій человѣкъ, особенно рабочій и пожилой, любитъ соснуть. Отъ этого славельщики, пришедши въ иной домъ, находили неспящими только маленькихъ дѣтей, которыя нерѣдко побаиваясь поповъ и увидавши ихъ близь себя, бѣжали съ крикомъ куда-либо въ уголъ или на печь. Прославили; если хозяинъ не успѣлъ проснуться отъ пѣнія, то его принимаются будить; не всякій вдругъ проснется, не торопливо поворотится и привстанетъ. Иногда, особенно если пришли причетники, или священникъ, но не приходскій, то потянется, покряхтитъ, даже сквозь зубы выразитъ неудовольствіе за то, что прервали его сладкій сонъ. Потомъ поклонится, пойдетъ за деньгами; разумѣется, надобно посидѣть или постоять. Тоже самое бываетъ и въ другое время дня, когда хозяинъ вышелъ на гумно или куда либо къ сосѣду. Остается присѣсть и подождать.

Частенько начинались тутъ разговоры, которыхъ главною темою бывало разрѣшеніе вопросовъ: когда будетъ Новый годъ, или Крещеніе, сколь великъ мясоѣдъ? На послѣдній вопросъ отвѣчать не тяготились. Но про оба праздника, особенно про Новый годъ, говаривали: да что вы объ этомъ все спрашиваете? Извѣстное дѣло—новый годъ всегда бываетъ въ тотъ-же день, какъ и Рождество. — Да почемъ-же намъ знать это? отвѣчаютъ какія-либо старушки.—Какъ почемъ? да тебѣ я сколько разъ уже это говаривалъ?—Ну, батюшка, извини, старая память—забыла.

Хожденія по вечерамъ имѣли сходство съ утренними; приходилось оступиться на лѣстницѣ, поскользнуться и упасть на ней или въ сѣняхъ, поискать дверь, приложиться къ верхнему косяку ея, зацѣпить за полати, поцѣловаться съ жердью, протянутой въ избѣ поперегъ ея и проч. проч., но новыхъ особенностей почти не встрѣчалось, развѣ только иной суровый хозяинъ скажетъ: „поздновато-же ходите, а мы уже спать сбираемся“ и проч.

Изъ лицъ, которыя прославляли Іисуса Христа при его рожденіи, или вскорѣ послѣ того приходили на поклоненіе ему, никто, по всей вѣроятности, и не получалъ и не требовалъ денежнаго воз-

награжденія:—ни ангелы, низшедшіе съ неба, ни пастухи, прибѣжавшіе изъ пустыни, ни Симеонъ и Анна, встрѣтившіе новорожденнаго въ Іерусалимскомъ храмѣ, ни волхвы, пришедшіе изъ далека,—съ востока; послѣдніе даже сами принесли драгоцѣнные подарки. На этомъ основаніи и нашимъ славельщикамъ слѣдовало-бы, пропѣвши „Христосъ рождается“ и „Рождество твое“, поклониться въ передній уголъ, гдѣ рѣдко нельзя не замѣтить изображенія Спасителя въ томъ или другомъ видѣ, потомъ поздравить хозяина съ праздникомъ, пожелать всему семейству здоровья, и въ награду за это, развѣ уже принять только ту благостыню, которую угодно будетъ хозяину имъ предложить. Тогда-бы описанныя нами сцены казались-бы странными и смѣшными, не унижали духовенства, а приписывались патріархальности деревенскихъ нравовъ, недогадливости деревенскихъ жителей; тогда-бы и про славельщиковъ можно было сказать: „конечно въ ихъ положеніи есть кое-что, чего бы не должно быть, но надъ ними смѣяться не слѣдуетъ, вѣдь они имѣютъ въ виду существеннымъ образомъ не матерьяльныя выгоды, а прославленіе Основателя Христіанства; и для достиженія послѣдней цѣли благодушно переносятъ непріятности“.

Но такъ-ли на самомъ дѣлѣ? Вотъ уже не только пропѣли „Христосъ рождается“ и „Рождество твое“, но и хозяинъ не спитъ, или проснулся и всталъ, стоитъ уже передъ славельщиками, даже принялъ благословеніе священника, который между ними находится. Что-же на самомъ дѣлѣ происходитъ? Хозяинъ стоитъ и держитъ одною рукою монету, или мѣшокъ съ деньгами, а другую опустилъ туда. Передъ нимъ причетники, дьяконы, семинаристы тоже почти всегда стоятъ, сами священники развѣ въ домахъ своихъ духовныхъ дѣтей сидятъ, а то стоятъ тоже.

Сличивши такое положеніе съ тѣми сценами, которыя вскорѣ бо́льшею частію происходятъ, какъ-то по неволѣ бываешь готовъ въ дѣйствующихъ лицахъ видѣть двѣ полувраждующія партіи, приготовившіяся къ предстоящей битвѣ. Рѣдкій хозяинъ не спроситъ: „а что, батюшка, какое нынѣ у васъ положеніе?“ или „почемъ вы нынѣ берете?“ или: „что-же мнѣ дать вамъ?“ или: „великъ нынѣ вамъ оброкъ?“ и т. п. и получитъ отвѣтъ: „да развѣ ты въ первый разъ встрѣчаешь насъ? Развѣ ты съ нами лѣтось не разсчитывался?“ А иногда скажутъ: „клади на руку, посмотримъ, что ты дашь?“ Такіе переговоры идутъ впрочемъ только съ священ-

никомъ, да и то тогда, когда онъ имѣетъ дѣло со своимъ прихожаниномъ. А съ дьякономъ и съ причетникомъ, да и со священникомъ, когда онъ бываетъ въ чужомъ приходѣ, расплатка происходитъ иначе. Вѣжливый, или хоть не очень грубый хозяинъ, подходитъ къ каждому славельщику, вынимаетъ изъ мошны или мѣшка то, что ему не жаль; одѣливши всѣхъ, отходитъ на свою позицію, дѣлаетъ общій поклонъ, проговоривши: „не обезсудьте", или „не извините" (вмѣсто извините). Но спроситъ-ли предварительно хозяина сколько ему дать, или самъ по собственному усмотрѣнію начнетъ расплату,—слишкомъ рѣдко случалось, чтобы она удовлетворяла славельщиковъ, чтобы они, поклонившись, сказали: „довольно, благодаримъ покорно". А большею частью оставляютъ протянутою правую руку, на ладони которой лежитъ данная благостыня и кто нибудь начинаетъ говорить: „маловато, родимый! Что это ты скупишься?" Тогда-то начинается борьба, а иногда нѣчто въ родѣ и войны. Рѣдкій хозяинъ не рѣшается отстаивать свой карманъ всѣми возможными силами. Ни одинъ тоже славельщикъ не хочетъ сдѣлать уступки ни одной копѣйки изъ того, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ ему получить. Защищающійся говоритъ: „нѣтъ ужъ не обезсудьте; времена нынѣ плохія, оброки большіе; хлѣбъ уродился плохо, самому скоро ѣсть будетъ нечего,—нѣтъ, какъ угодно, больше не могу". Или, если и прибавляетъ, то по немногу, стараясь выторговать хоть грошъ, хоть копѣйку. Атакующіе, съ своей стороны, возражаютъ: „ну, нечего упрямиться; Богъ милостивъ, заплатишь оброкъ, мы за тебя помолимся; вѣдь и намъ тоже надобно жить и ѣсть хлѣбъ, и намъ также приходится расплачиваться съ своими властями;—не упрямься, прибавь, пригодимся тебѣ". Податливый и уступчивый хозяинъ прибавляетъ съ большей или меньшей скоростью по копѣйкѣ, по грошу. Иногда онъ говоритъ, выворачивая мошну: „ну, право, больше нѣтъ, вотъ сами видите". Тогда ему совѣтуютъ поискать еще гдѣ нибудь, спросить у жены; начинается шептанье; то жена вынимаетъ изъ какой-либо завернутой тряпицы нѣсколько копѣекъ, то мужъ отправляется въ холодную горницу и приноситъ оттуда еще что нибудь, и кое-какъ дѣло улаживается. Но очень часто хозяинъ упрямится; тогда разговоръ принимаетъ желчный характеръ; начинаются упреки; противная сторона не уступаетъ, происходитъ уже споръ

тутъ и кое-что побольше. Повѣрьте мнѣ, г. читатель, что не въ ваше, а въ мое время, прежде уничтоженія крѣпостнаго права, нѣкоторые священники слишкомъ высоко на себя смотрѣли и считали себя чѣмъ-то въ родѣ барина по отношенію къ мужику, позволяли себѣ забываться, или по пословицѣ: и давали волю рукамъ своимъ; повѣрьте—я говорю правду. Что-же дѣлать, читатель? Вѣдь надобно-же было, чтобы въ христославленьи отражались пополнѣе событія, сопровождавшія рождество Іисуса Христа. А вы знаете, что вскорѣ за прибытіемъ волхвовъ послѣдовало избіеніе Виѳлеемскихъ младенцевъ. Въ XIX столѣтіи младенцевъ не избивали, а пинки, оплеухи, потасовки и проч. считались для мужика вещью обыкновенною; его не билъ только тотъ, кому онъ самъ осмѣливался дать сдачи.

Расплатки съ дѣтьми, съ семинаристами, происходили еще болѣе унизительнымъ образомъ. Иной хозяинъ сначала и знать не хотѣлъ ихъ: онъ только расплачивался съ членами причта. Эти, болѣе или менѣе удовлетворенные, наконецъ обращали вниманіе хозяина и на дѣтей своихъ, которые въ ожиданіи подачки стояли переминаясь съ ноги на ногу. „Да за что-же имъ-то давать?“ спрашивалъ иной грубо, иной съ саркастическою улыбкою. „Какъ-же не давать, отвѣчали ему, вѣдь они тоже вотъ пришли?“—„Ну что-же что пришли? Ихъ никто не звалъ“.—„Ну что это ты говоришь, вступались за обижаемыхъ. Вѣдь и ихъ надобно-же пріучить къ тому дѣлу, для котораго они родились; вѣдь ты своего учишь-же своему ремеслу; вѣдь они тоже хлѣбъ ѣдятъ; вѣдь на нихъ въ училище тоже нужны деньги; вѣдь они тоже и здѣсь пѣли, да и въ церкви Божіей читаютъ и поютъ; да можетъ быть когда нибудь будутъ твоимъ попомъ, или дьякономъ“. Вознагражденіе за труды этимъ будущимъ попамъ и дьяконамъ бывало не одинаково. Поповскій сынъ, особенно въ присутствіи отца, надѣлялся большею частію щедрѣе, нежели причетническій, хотя и тутъ случалось слышать: „Да за что-же ему давать больше, нежели этому? вѣдь они оба такіе-же мальчики“.

Но если неохотно хозяева расплачивались съ членами причта, то еще менѣе можно было ожидать снисходительности къ ихъ дѣтямъ. Пятакъ ассигнаціями развѣ въ богатомъ домѣ давали священническому сыну, а то шелъ въ дѣло грошъ и копѣйка ассигнаціями. Тогда еще много было монетъ въ половину и четверть

копѣйки, называемыхъ денежкою и полушкою. И одна такая монета давалась славельщику-семинаристу; въ случаѣ-же недостатка ея, хозяинъ иногда давалъ копѣйку на двухъ, на трехъ и, махнувъ рукою, прибавлялъ: „дѣлите сами, какъ знаете". Мнѣ разсказывалъ мой знакомый, наставникъ рязанской семинаріи, Николай Өедоровичъ Глѣбовъ, о которомъ послѣ мнѣ еще придется не разъ говорить, что отецъ ихъ, причетникъ, во время христославленія, взялъ съ собою своего сына, Ивана Өедоровича, бывшаго послѣ инспекторомъ Костромской семинаріи. Мальчикъ въ первомъ дворѣ получилъ полушку, во второмъ, третьемъ и четвертомъ по той-же самой монетѣ; тогда благородная оскорбленная гордость пробудилась въ ребенкѣ; онъ съ досадою бросилъ всѣ четыре полушки въ снѣгъ и болѣе не захотѣлъ ходить по дворамъ.

Иногда-же у мужика мелкихъ денегъ не оказывается. Расположенный къ духовенству крестьянинъ просто проситъ размѣнять деньги и вычесть при этомъ случаѣ то, что слѣдуетъ взять славельщикамъ себѣ. Но недовѣрчивый, скупой и не расположенный сначала требуетъ полную сдачу, считаетъ ее нѣсколько разъ, подозрѣвая не обманули-ли его, такъ что обыкновенно мѣдь раскладывали по гривнамъ. Точно также, намѣреваясь дать иному семинаристу копѣйку, не болѣе, а имѣя въ рукахъ только гроши и пятаки и не надѣясь получить сдачу, если онъ отдастъ ихъ, напередъ говаривалъ: „ну-ка, дайте мнѣ сдачи копѣйку, или два гроша!"—Да какую-же тебѣ сдачу? его спросятъ. Вѣдь ты еще ничего не давалъ. — „Дамъ, погоди, ты только сначала дай мнѣ сдачу-то и тогда получишь что нужно". И дѣлать нечего, давали, а потомъ принимались просить прибавочки. Нѣкоторые семинаристы, по природнымъ-ли наклонностямъ, или по привычкѣ изъ подражанія старшимъ, скоро и мастерски пріучались къ роли попрошаекъ. Обступятъ, бывало, бородатаго хозяина и кричатъ: „мнѣ, дядюшка, ты еще ничего не давалъ;— что это, дядюшка, какъ тебѣ не стыдно давать такую малость? Побойся Бога, вѣдь я уже не маленькій, вѣдь я давно уже въ семинаріи и проч.".

Если хозяинъ простоватъ и добрякъ, то ребята посмѣлѣе берутъ его и за руку и за платье, и спереди и сзади. Хозяинъ, оглушенный этими хлопотунами, повертывается и туда и сюда, отговаривается, уступаетъ, прибавляетъ; иной, наскучивши на-

хальствомъ, ругнетъ, даже и пошлетъ туда, куда русскій человѣкъ посылаетъ всѣхъ, кто ему не нравится.

Но иногда у крестьянина дѣйствительно не было денегъ. Разумѣется, нельзя же этому повѣрить съ перваго раза; вѣдь хозяинъ, можетъ быть, только скряжничаетъ. Начинаютъ упрашивать, убѣждать, усовѣщивать, грозить, напоминать объ услугахъ, которыя ему или оказаны, или со временемъ окажутся. И если всѣ усилія остаются безуспѣшными, идутъ вонъ. Но иногда, не получивъ денегъ, вознаграждаютъ себя другимъ способомъ. Въ рѣдкой деревнѣ крестьяне сидятъ сложа руки; въ каждой семьѣ чѣмъ нибудь занимаются или сбываютъ вещи, заготовленныя лѣтомъ, кто ткетъ кульки, рогожи, кто вьетъ завертки, плететъ лапти, торгуетъ лыками, дѣлаетъ кадки, ушаты и проч. и проч. Славельщики, не получивъ денегъ, начинаютъ просить заготовленныхъ издѣлій, а иногда и самъ хозяинъ предлагаетъ ихъ. И вотъ теперь идутъ изъ двора съ кульками, съ рогожей, съ лаптями, съ завертками, съ пучкомъ лыкъ, съ кадкою, ведромъ, ушатомъ и проч.; таскать все это по деревнѣ неудобно, поэтому кто нибудь изъ партіи отдѣляется и все пріобрѣтенное относитъ въ сани. Впрочемъ, если полученъ какой-либо кулекъ или завертка, то затыкаютъ ихъ за кушакъ и съ этимъ украшеніемъ прославляютъ Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показывается, чѣмъ можно благодарить за это прославленіе.

И вотъ такимъ-то образомъ ходили да похаживали славельщики изъ двора во дворъ, съ одной лѣстницы на другую, ходили угорѣлые, утомленные, а если была оттепель, то съ мокрыми подолами. Тамъ постоятъ у воротъ, тутъ посражаются на дворѣ съ собаками, поскользнутся и упадутъ на лѣстницѣ, даже скатятся съ нея до нижняго приступка, ударятся лбомъ или верхнею частью головы о что нибудь; въ одной избѣ встрѣтятъ ласковый пріемъ, получатъ должную, положенную ими награду или подачку; выходятъ отсюда, поблагодаря хозяина и пожелавъ ему много лѣтъ здравствовать; въ другомъ столкнутся съ неподатливымъ, или дѣйствительно бѣднымъ крестьяниномъ, долгонько съ нимъ поспорятъ, даже побранятся, а иногда дадутъ даже и волю рукамъ своимъ. Но, какъ я уже сказалъ, на послѣднее рѣшались только священники, и то немногіе. Особенно замѣчателенъ былъ въ этомъ отношеніи тумскій священникъ Алексѣй Ивановичъ Вихиревъ. Человѣкъ этотъ, владѣя богатырскою силою и еще болѣе дер-

зостью, слишкомъ часто давалъ волю своимъ рукамъ; прихожане его боялись болѣе, нежели становаго пристава. Причетнику же и дьячку прибѣгать къ такимъ средствамъ, для поддержанія своего авторитета, нечего было и думать. Случалось даже, что если какой-либо дьячекъ заговорилъ крупно съ скупымъ и горячимъ хозяиномъ, то этотъ, какъ обыкновенно выражаются, указывалъ ему гдѣ Богъ и гдѣ порогъ и выпроваживалъ его вонъ изъ избы не совсѣмъ деликатно.

Если какой-либо иностранецъ, совершенно незнакомый съ нашею религіею, съ нашими обычаями, съ костюмами того или другаго сословія, посмотрѣлъ бы на всю процедуру христославленія, то онъ никакъ бы въ славельщикахъ не сталъ предполагать духовныхъ особъ, служителей алтаря Господня, нашихъ пастырей и проч. Можетъ быть, онъ не счелъ бы ихъ за нищую братію, которая собираетъ милостыню по дворамъ, хотя бы относительно причетниковъ и дѣтей и имѣлъ бы право такъ думать: вѣдь и нищему едва-ли давали по полушкѣ, большею частью давали по копѣйкѣ, если только отдѣлывались деньгами; за то нищему давали перекрестясь, съ поклономъ, съ ласковыми словами: прими Христаради, а славельщиковъ и встрѣчали и провожали не всегда ласково. Но скорѣе всего ихъ сочли бы за какихъ либо поздравителей, въ родѣ сторожей присутственныхъ мѣстъ, полицейскихъ служителей, будочниковъ и проч.

Нисколько не скрывая того униженія, даже позора, которымъ подвергались часто славельщики, я долженъ сказать, что въ нихъ слишкомъ рѣдко замѣчался тотъ недостатокъ, который такъ ярко выказывается въ духовенствѣ при исправленіи ими церковныхъ требъ и особенно, какъ увидимъ ниже, въ пасхальную недѣлю: говорю о пьянствѣ. Въ святки оно встрѣчается не часто. Наши крестьяне почему-то не очень чествуютъ праздникъ Рождества Христова, не всѣ изъ нихъ празднуютъ даже и три дня, назначаемыхъ для этого церковью. Мнѣ случалось заставать цѣлыя семьи за работами, не только 27-го, но и 26-го декабря. Не празднуя сами, крестьяне не очень охотно угощаютъ и другихъ. Отъ этого духовенство, прославивъ Христа и получивъ мзду свою, не задерживается хозяиномъ, а въ многолюдныхъ приходахъ и само торопится скорѣе уйдти, чтобы успѣть побывать въ 100—150 домахъ, разбросанныхъ по разнымъ деревнямъ. Этого мало; въ иной день славельщикамъ или вовсе не-

удастся, или придется не много что нибудь закусить. Большіе еще выдерживаютъ голодъ, но маленькимъ иногда бываетъ тяжеленько, иной иногда и всплакнетъ. Поэтому нерѣдко догадливые люди берутъ съ собою нѣсколько калачей, которые и съѣдаются большею частью при переѣздахъ изъ одной деревни въ другую. Иногда же хлѣбосольный мужикъ, не имѣя возможности или времени приготовить обѣдъ для отцовъ духовныхъ, попроситъ ихъ выкушать рюмочку-другую винца и подастъ для закуски или ломоть хлѣба, или, если есть, нарѣжетъ тарелку говядины, свинины, ветчины и проч. Конечно и выпьютъ, что поднесутъ, за то уже непремѣнно все скушаютъ; въ послѣднемъ случаѣ окажутся преимущественно главными дѣйствующими лицами не старшіе, не пьющіе, а младшіе и вмѣстѣ алчущіе. Но въ каждомъ приходѣ бывало нѣсколько благодѣтелей хозяевъ, или хозяекъ, которые считали обязанностью поподчивать славельщиковъ, особенно священниковъ, обѣдомъ.

У насъ въ Тумѣ принадлежала къ такимъ лицамъ старуха Марина Гусева въ деревнѣ Голевѣ, старикъ Горбатовъ въ деревнѣ Шульгинѣ,—братья Ильины въ деревнѣ Макаровѣ. Бывало такъ и располагаемъ свое славленье, чтобы въ этихъ деревняхъ оно происходило днемъ. Пріѣхавши въ деревню, лошадей отводили въ гостепріимные дома, чтобы хозяева знали о нашемъ прибытіи. Затѣмъ ихъ домъ оставляли къ самому концу славленья, чтобы хозяйка успѣла и сварить и изжарить, чѣмъ-бы можно было поподчивать гостей. Вотъ наконецъ входимъ въ гостепріимную избу, обоняніемъ узнаемъ, что въ печи дожаривается, или уже изжарился гусь, или поросенокъ; пѣніе тутъ происходило не торопливо, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, пѣвали не одни: „Христосъ Рождается“ и „Рождество Христово“, а прибавляли къ нимъ „Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ, или любити убо намъ, яко безбѣдное страхомъ“. Затѣмъ накрывался столъ, усаживались за него; кушанья, можетъ быть, и не отличались гастрономическою изысканностью, за то приготовлялись изъ свѣжихъ и жирныхъ запасовъ, а кромѣ того голодъ былъ лучшею приправою. Но, увы! бывали и обманутыя надежды. Входили: ни запаха отъ жаркого изъ гуся или поросенка не ощущалось; пѣвали не по два, а по три стиха, какъ уже было заведено; хозяинъ расплачивался, но извинялся, что нынѣ по такимъ и такимъ-то причинамъ не успѣли приготовить обѣда. Ему, разумѣется, отвѣчали, что зачѣмъ извиняться, обѣдъ-бы насъ только

задержалъ, мы торопимся въ другія деревни и пр. Дѣлать нечего, уходили не пообѣдавши, и рады были, если въ другой деревнѣ добрый мужичокъ дастъ хоть что нибудь закусить. Да, вездѣ бываютъ разочарованія и обманы!

Кажется, въ христославленьи немного было пріятнаго, а между тѣмъ встрѣчалъ я много любителей его. Не говорю о лицахъ причта, имъ уже по утвердившимся обычаямъ нельзя было не ходить; имъ только этимъ можно и себя и семейство содержать; да наконецъ они отъ продолжительной практики привыкли къ этому. А то встрѣчалъ я любителей славить между болѣе или менѣе взрослыми семинаристами. Иной, бывало, съ нетерпѣніемъ ждетъ святокъ, не для того только, чтобы повидаться съ родными, а чтобы походить по приходу, пославить Христа и потомъ, по возвращеніи, если не съ восторгомъ, то съ циническимъ равнодушіемъ разсказывать о томъ, какъ онъ у мужика успѣлъ выпросить лишній грошъ или пятакъ, какими доводами онъ разжалобилъ его жесткое сердце.

Подобное настроеніе пріобрѣтается постепенно. Мальчикъ видитъ, что отецъ, пріѣхавъ изъ деревни послѣ христославленья, пересчитываетъ съ женою пріобрѣтенныя деньги, потомъ разсказываетъ шутливо о тѣхъ сценахъ, которыя происходили во время христославленья. У ребенка является желаніе самому посмотрѣть на все, самому добыть сколько нибудь денегъ. Вотъ его и берутъ въ приходъ; мать надѣваетъ на него лучшую рубаху, усаживаютъ его въ сани, укутываютъ въ тулупы; пріѣзжаютъ въ деревню, ходятъ изъ двора во дворъ. Живя въ домѣ духовнаго лица, мальчикъ съ трудомъ можетъ слышать правильный отзывъ о побирашничествѣ по приходу; напротивъ, онъ пріученъ смотрѣть на это, какъ на святой обычай. И потому, ходя по дворамъ, протягивая ручонку для полученія копѣйки и даже денежки, ребенокъ, по крайней мѣрѣ не всякій, понимаетъ то униженіе, которому подвергается. Его занимаютъ и нравятся деньги, а не способъ, которымъ они получены. Потомъ, если-бы онъ рано или поздно почувствовалъ вполнѣ унизительную роль славельщиковъ, то ему трудненько отказаться отъ нея; не всѣ отцы и матери похожи на отца Ив. Ѳедоровича Глѣбова, не всѣ и позволятъ сыну бросить четыре полушки въ снѣгъ и затѣмъ не ходить вовсе по приходу. Нѣтъ, ступай волею, или неволею, а если окажетъ ослушаніе, то прибѣгали и къ сильнымъ возбудительнымъ средствамъ.

Я зналъ одного ученика риторики, который не согласился было идти славить по своему селу; отца не было дома, мать долго уговаривала идти, но тотъ, лежа на полатяхъ, отказывался. Тогда старуха вынула изъ голика нѣсколько прутьевъ, встала на казенку, велѣла сыну лечь спиною вверхъ и, обнаживъ извѣстныя части тѣла, принялась сѣчь его. Конечно отъ невозможности сдѣлать большой размахъ, боль не могла быть сильною, но вѣдь все таки сѣкли, при томъ иного расположили-бы не на полатяхъ, а на полу, или скамьѣ, и пучокъ прутьевъ взялъ-бы въ руки отецъ, а не мать,—такъ пойдешь по неволѣ, не только славить Христа, но и собирать милостыню! Потомъ деньги имѣютъ чарующее дѣйствіе на дѣтей, можетъ быть болѣе, нежели на взрослыхъ людей, потому что у тѣхъ они рѣдко и въ маломъ количествѣ бываютъ. Чтобы воспользоваться этой страстью въ христославленьи, многіе отцы въ духовенствѣ позволяли своимъ дѣтямъ самимъ собирать копѣйки и гроши, а затѣмъ, или всѣ, или часть представляли въ собственное ихъ распоряженіе. А если отбирали все себѣ, то давали обѣщаніе употребить добытую сумму на какую-либо обновку сыну; ну какъ-же послѣ этого не ходить по приходу? И вотъ мало по малу человѣкъ втягивается въ колею. Можетъ быть онъ иногда и замѣтитъ унизительную роль, которую ему приходится разыгрывать. Но примѣръ старшихъ, подражаніе отцу, желаніе угодить своимъ родителямъ заставятъ пренебречь этимъ. А потомъ собственное самолюбіе, не имѣя выхода, само придастъ благовидные оттѣнки даже самой унизительной роли. И такимъ образомъ если человѣкъ и не дѣлается аматеромъ христославленія, то по крайней мѣрѣ оно обращается ему въ ремесло.

Обращаясь теперь къ себѣ самому, по совѣсти скажу о впечатлѣніи, которое производило на меня христославленье. Кажется, оно мнѣ сначала понравилось и я было, по поговоркѣ, сталъ входить во вкусъ его. Послѣ того, какъ въ Палищахъ и въ Тумѣ удалось по разу похристославить, у меня появилось желаніе участвовать въ хожденіяхъ по приходу и въ другихъ случаяхъ, когда меня къ тому вовсе ни батюшка, ни матушка не принуждали и не приглашали. Напримѣръ въ Пасху тумскіе причты ограничивались полученіемъ денегъ на нихъ только вообще и не водили съ собой дѣтей; тоже самое надобно сказать и о поминкахъ. А между тѣмъ и до поступленія въ училище и

нѣсколько лѣтъ послѣ того являлся самъ собою, не получивъ позволенія отъ своихъ родителей, вмѣстѣ съ другими въ приходѣ. Впрочемъ тутъ много способствовала моя бабушка Фекла Акимовна. Она, всегда живя въ селѣ, въ кругу духовенства, не могла и подумать, что не слѣдуетъ ходить по приходу, не только сыновьямъ, но и женамъ духовенства. Даже дивилась почему это моя маменька почти никогда не бывала въ приходѣ. Она-то долго, и по увольненіи дѣдушки за штатъ, продолжала ѣздить на поминки и въ Пасху, и для компаніи, а можетъ быть по желанію пріучить меня къ духовному званію, брала меня съ собою и даже защищала, если мнѣ дѣлали замѣчаніе, зачѣмъ я таскаюсь по приходу.

Къ счастью моему у меня не развилось страсти къ христославленью, ко всякимъ хожденіямъ духовенства по приходу, или лучше сказать къ побирашничеству, къ попрошайству. Можетъ быть этому способствовало то обстоятельство, что выславливаемыя мною деньги не поступали въ собственное мое распоряженіе, а всегда мною отдавались батюшкѣ и матушкѣ. Далѣе, никогда мнѣ не говорили въ видѣ поощренія: „ступай славь; на деньги, которыя выславишь, мы сошьемъ тебѣ сюртукъ, жилетку“ и проч. Такимъ образомъ деньголюбіе не развивалось во мнѣ и слѣдовательно ничѣмъ не закрывало пошлой стороны христославленія и бродяжничества по приходу. А между тѣмъ и другія стали встрѣчаться обстоятельства, которыя пробуждали во мнѣ отвращеніе отъ того и другого. Прежде всего меня начала тяготить обязанность славить Христа по селу. Въ деревни я ѣздилъ всегда съ батюшкою, дѣдушкою и дядюшкою; тутъ униженіе прикрывалось уваженіемъ, которое еще во многихъ жителяхъ, хоть по внѣшности, выражалось къ священникамъ. Тутъ мнѣ самому не было надобно просить прибавочекъ, являться одному передъ бородатыми хозяевами и стоять съ глазу на глазъ съ каждымъ изъ нихъ; я, такъ сказать, прикрывался отцовскою рясою. Но по селу почему-то всѣ три священника ходили вмѣстѣ и никого изъ дѣтей не бирали; здѣсь мнѣ пришлось ходить сначала съ своимъ дядюшкою Василіемъ Мартиновичемъ, а потомъ уже одному, при томъ въ первый день праздника. Въ это время у рѣдкаго хозяина не приходилось застать пировавшихъ гостей. Входишь въ избу и являешься передъ цѣлою веселою, а иногда и пьяною, компаніею; естественно и смѣлому ребенку сконфузиться въ такомъ случаѣ. Голосъ у меня былъ пло-

хой, пѣніе мое не органисто, не гармонично, даже непріятно; оно не только не могло обратить на себя вниманія пирующихъ, но и быть разслышано ими. Отъ этого мнѣ часто приходилось стоять и ждать, пока хозяинъ разстанется съ гостями, пока даже замѣтитъ меня, да и тутъ не всегда, да и не всякій скоро поворотится; конечно что нибудь дастъ, но иногда съ недовольною миною, за то что бесѣду его прервалъ какой-либо мальчуганъ, хоть и поповскій сынъ. Затѣмъ случалось, что иногда батюшка, хоть и сдержанно, выражалъ свою досаду на необходимость, какъ онъ выражался, „шататься, или таскаться по приходу, собирать грошами" и проч. Потомъ, однажды въ Пасху былъ я въ деревнѣ Снохинѣ и въ то время, какъ служили общій молебенъ на полѣ, я на дорогѣ стоялъ близь своей телѣги, въ которой лежало много хлѣбовъ, караваевъ, колобушекъ и пр. Мимо меня проходилъ помѣщикъ этой деревни, крестный мой отецъ, съ своимъ старшимъ сыномъ. Увидавши меня, онъ не только не сдѣлалъ мнѣ никакого привѣтствія, не похристосовался со мной, но съ самой злою, саркастическою улыбкою сказалъ: „ну что, есть-ли подаяніе?" (слова эти обыкновенно говорятъ нищимъ), и потомъ оба съ сыномъ захохотали и пошли далѣе. Я уже былъ лѣтъ 12-ти—13-ти и понялъ всю колкость насмѣшки; съ тѣхъ поръ я уже добровольно, аматеромъ, пересталъ шататься по приходу. Но отъ христославленья мнѣ отказаться было нельзя, а между тѣмъ, чѣмъ я становился взрослѣе, тѣмъ оно дѣлалось мнѣ невыносимѣе и даже отвратительнѣе.

Ученикомъ я былъ хорошимъ и пользовался уваженіемъ товарищей и расположеніемъ хоть нѣкоторыхъ наставниковъ; появились во мнѣ гордость и самознаніе, сталъ я ознакамливаться съ нѣкоторыми либеральными идеями, хоть и очень немногими, а тутъ ходи изъ двора во дворъ, стой передъ бородатымъ хозяиномъ, протягивай къ нему руку, какъ будто за милостынею, получай отъ него, иногда грошъ, или копѣйку ассигнаціями. Я готовъ былъ-бы вовсе не ѣздить на святки домой, а жить въ Рязани, хоть какъ нибудь, но дѣлать этого не могъ, и отъ того отвращеніе къ христославленью еще болѣе увеличивалось. Въ это время я еще имѣлъ много религіозности, даже нѣсколько фанатичности, но между тѣмъ тогда уже запала въ меня мысль не поступать въ священники. Я еще не зналъ, какъ и чѣмъ я буду жить, но поповство мнѣ не нравилось до самаго нельзя.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУГАЧЕВЦЫ И ПУГАЧЕВЪ ВЪ ТРЕСВЯТСКОМЪ-ЕЛАБУГѢ

въ 1773 — 1774 гг.

ОЧЕРКЪ. СОСТАВЛ. ВЪ 1845 Г. СВЯЩЕН. П. Н. КУЛЫГИНСКИМЪ.

I.

Есть пословица при видѣ безпорядка: „какъ Мамай воевалъ“, — но здѣсь, въ Вятской губ., вмѣсто Мамай, чаще говорятъ Пугачъ потому что первая эпоха, и по времени и по театру дѣйствій, слишкомъ отъ насъ отдаленна, а второй остались еще (въ 1845 г.) живые свидѣтели, хотя и не многіе. Умершіе дѣды и отцы врѣзали ее въ памяти внуковъ и дѣтей. Даже, если вы встрѣтите здѣсь старика и спросите, сколько ему лѣтъ—вамъ навѣрное отвѣтятъ: „я въ Пугащевчину былъ столькихъ то лѣтъ, или родился послѣ Пугачевщины спустя столько-то“. Слѣдовательно, чтобъ опредѣлить ему лѣта, надо знать, въ которомъ году былъ здѣсь Пугачевъ.

Послѣ этого, странно, что въ описаніяхъ Пугачевскаго бунта поименованы крѣпости, города и села, раззоренные этимъ самозванцемъ, даже перечислены жертвы его неистовства, но о Елабугѣ не сказано ни слова, хотя жители ея довольно страдали отъ мятежниковъ и видѣли самого ихъ предводителя въ стѣнахъ своихъ.

Впрочемъ, такое забвеніе о Елабугѣ не безъ причины: здѣсь не было рѣзни, какъ въ другихъ мѣстахъ, здѣсь угодно было Господу явить чудо.—Вотъ какъ объ этомъ разсказываютъ, не только здѣшніе жители, но и окрестныхъ селеній, а ихъ разсказы можно почесть вѣроятными, потому что событіе близко къ нашимъ временамъ.

Во время Пугачева Елабуга еще не была городомъ, и называлась селомъ Тресвятскимъ, которое принадлежало Казанской губерніи.

Въ немъ было три церкви: Спасская, Покровская и Николаевская [1]).

Пугачевъ, явившись на Яикѣ и значительно усилившись, угрожалъ Оренбургу. Тогда же, какъ пишетъ А. С. Пушкинъ, губерніи: Казанская, Нижегородская и Астраханская были наполнены шайками мятежниковъ. Правительство встревожилось и, письменными увѣщаніями, чрезъ духовенство и чиновниковъ, старалось успокоить народъ и потушить возгоравшееся пламя бунта.

Ноябрь мѣсяцъ 1773 года есть начало страданій жителей с. Тресвятскаго. Изъ Оренбургской губерніи, изъ-за Камы, явились сюда первые вѣстники бунта. Ихъ было не болѣе ста человѣкъ. Какъ важные чиновники, они, подъѣхавши съ луговой стороны къ селу, стали отъ него въ отдаленіи и потребовали къ себѣ жителей для переговоровъ. Тѣ не прекословили и выслали своихъ довѣренныхъ. Лишь только сіи явились, какъ одинъ изъ бунтовщиковъ, вѣроятно, грамотный, а можетъ быть болѣе другихъ дерзкій, вызвался прочитать указъ самозванца и, указывая на бумагу, прибитую къ дереву, кричалъ во всю мочь, чтобъ они покорились императору Петру III-му, который съ многочисленнымъ войскомъ находится въ оренбургской губерніи. Въ противномъ случаѣ, должны страшиться его гнѣва: селеніе будетъ разграблено, выжжено и самые жители будутъ истреблены. Тресвятчане, вразумленные увѣщаніями начальства, сказали, что они присягали императрицѣ и не нарушатъ своей присяги и готовы защищаться. Село, какъ увидимъ далѣе, съ одной стороны было укрѣплено валомъ и могло противиться такимъ ничтожнымъ непріятелямъ.

Послѣ такого отвѣта, мятежники опять удалились за Каму. Жители Тресвятскаго, зная, что тѣмъ дѣло не кончится, отнеслись

---

[1]) Елабуга, до покоренія Іоанномъ IV Васильевичемъ Казани, была татарское селеніе, и настоящее его названіе „Алабуга", какъ оно и пишется по магометански. Слово это татарское и означаетъ окунь. Дано, вѣроятно, по близь лежащему большому озеру, обильному прежде окунями, которые и по нынѣ еще не вывелись. Коренные жители Алабуги, по взятіи Казани, или были вытѣснены или удалились сами — не извѣстно; только нынѣшніе не считаютъ себя коренными, а переселенцами изъ лежащихъ на Волгѣ, выше Казани, губерній; названіе же Тресвятскаго Алабуга получила отъ иконы Трехъ Святителей, присланной царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ въ здѣшнюю Покровскую церковь; но названіе это почти совершенно забылось, когда, по преобразованіи губерній, это селеніе поступило въ число городовъ, гдѣ старинное названіе одержало верхъ. П. К.

въ губернскій городъ, съ извѣстіемъ, что здѣсь явились шайки Пугачева и что жители нуждаются въ помощи.

Между тѣмъ отовсюду приходили въ село не радостныя вѣсти, особенно изъ-за Камы, объ усиленіи самозванца. Въ это время, одинъ изъ жителей Тресвятскаго, нашелся предатель, Алексашка Бурмистровъ. Онъ былъ нравственности самой дурной, дерзокъ, силенъ, росту высокаго, словомъ имѣлъ всѣ качества душевныя и тѣлестныя, составляющія разбойника. Услыша о мятежѣ, онъ стаскался за Каму и прибылъ оттуда въ казацкой одеждѣ, сказывая, что онъ полковникъ его величества, и началъ разглашать самые нелѣпые слухи. Сколько его не уговаривали, чтобы онъ обуздалъ свой языкъ и снялъ съ себя позорный чинъ полковника самозванца, но ничто его не вразумляло.—Въ одно время, здѣсь, у богатаго человѣка, были крестины,—онъ не побоялся придти въ собраніе, и такъ дерзко обращался, что буйство его, относительно законной власти, вышло изъ границъ. Духовныя лица, а именно: протоіерей Іоаннъ Александровъ, пятидесяти-лѣтній старецъ [1]), священники: Григорій Яковлевъ Троянскій и Ѳеодотъ Романовъ, послѣ безполезныхъ увѣщаній, вздумали его схватить и представить маіору, о которомъ былъ уже слухъ, что онъ, съ ротою солдатъ, былъ не далеко отъ Елабуги, отряженный изъ Казани, по полученіи извѣстія о явившихся здѣсь шайкахъ Пугачева.

При помощи жителей, они его взяли, связали, посадили въ куль, и повезли, какъ залогъ вѣрности престолу. Радуясь, что остановили зло, безчестившее ихъ паству, они прибыли въ село Танайку, находящееся отсюда въ 8 верстахъ, гдѣ уже проявлялся духъ возмущенія. Народъ, видя такое явленіе, изъ любопытства, собрался, во множествѣ, къ тому дому, гдѣ они остановились. Услышавъ шумъ говорящаго народа, Бурмистровъ закричалъ въ кулѣ:

— „Батюшки, народъ православный! я полковникъ государя Петра Ѳеодоровича; не выдайте! злодѣи меня хотятъ погубить!"

Такимъ отчаяннымъ воплемъ онъ возбудилъ жителей къ жалости; они его выпустили изъ куля, и развязали веревки. Получивъ свободу, измѣнникъ не много употребилъ труда склонить

---

[1]) Въ соборныхъ метрикахъ онъ значится умершимъ 1784 года въ октябрѣ мѣсяцѣ, 60-ти лѣтъ.

на свою сторону народъ, и безъ того колебавшійся. Тогда вся ярость жителей обратилась на духовныхъ; Танаевцы ихъ били, таскали по землѣ, пинали и наконецъ посадили въ тотъ же куль, въ которомъ сидѣлъ Бурмистровъ, чтобы въ немъ опустить ихъ въ Каму. Но Богъ сохранилъ ихъ: изъ Танаевцевъ нашлись старики поумнѣе, которые положили въ совѣтѣ, что имъ не дано права судить и губить, а лучше представить виновныхъ самому государю, — такъ величали самозванца заблуждавшіеся жители. Такой совѣтъ одержалъ верхъ, и бѣдныхъ защитниковъ державной власти, связавши, повезли за Каму, въ Оренбургскую губернію, гдѣ находился Пугачевъ.

Во время путешествія, ихъ били по щекамъ, оплевывали, таскали за волосы, не разъ накладывали на шеи веревки, чтобы задавить, не разъ намѣревались отрубить головы,—всему этому причиною былъ окаянный измѣнникъ. Невинные страдальцы, видя безнадежное свое положеніе, молились Богу, и частовременно исповѣдывали другъ другу грѣхи свои. Злодѣи долго перевозили ихъ изъ мѣста въ мѣсто, таскали на протяженіи 200 верстъ и наконецъ довезли до крѣпости, которую здѣшніе назвали Нагайбакъ. Эта крѣпость обложена была партіями Пугачева, но еще держалась. Начальникъ оной, услыша о бѣдственномъ состояніи духовныхъ, принялъ въ нихъ участіе. Не могши взять силою, онъ вступилъ съ бунтовщиками въ переговоры, чрезъ постороннихъ людей. и выручилъ страдальцевъ изъ плѣна, чрезъ деньги. Мученики, какъ можно ихъ назвать по претерпѣннымъ ими страданіямъ, возвратились домой въ концѣ великаго поста, тяжко страдая въ продолженіи 5 мѣсяцовъ. А окаянный Бурмистровъ едва ли не до конца разыгрывалъ роль Іуды предателя. Близь Нагайбака онъ присоединился къ толпамъ Пугачева и самъ ли удавился, или былъ кѣмъ удавленъ — какъ бунтовщикъ — неизвѣстно, но только не возвращался на родину и не оставилъ по себѣ ни роду, ни племени.

Въ концѣ ноября 1773 года явились въ окрестностяхъ села шайки Пугачева, состоящія изъ казаковъ, татаръ и башкирцевъ. Они, именемъ Петра III-го, заставляли покоряться самозванцу. Окрестныя села, какъ-то: Челны, Сарали, Качка, Танайка и всѣ деревни, ближайшія къ Елабугѣ, не имѣя силы противиться, сдались. Большое село Танайка особенно прославило, или лучше

сказать, постыдило себя: въ немъ основался главный притонъ разбойниковъ. Такимъ образомъ, село Тресвятское осталось только одно на сторонѣ законной власти, и жители его рѣшились защищаться, хотя средства къ тому довольно были недостаточны.

Сами они ничего не смыслили въ военныхъ дѣлахъ. Оружіемъ ихъ было: нѣсколько охотничьихъ ружей и малая часть бердышей, которые и доселѣ (1845 г.) хранятся и, ржавчиною своею, свидѣтельствуютъ о своей давности. Улицы и переулки, съ запада и сѣвера, заставили полѣнницами (а дровами, обыкновенно, запасались на зиму). Къ востоку, тамъ гдѣ прежде была деревянная, а нынѣ каменная Николаевская церковь, находилась крѣпость, съ землянымъ валомъ и пятью деревянными башнями, чего нынѣ и слѣдовъ не видно. Таковыя укрѣпленія были устроены еще ранѣе Пугачевщины, для защиты отъ разбойниковъ, которые, въ прошедшемъ столѣтіи, во множествѣ, плавали по Камѣ и грабили набережныя селенія, а болѣе отъ нашествія башкирцовъ, которыхъ граница въ древнее время была отсюда, за Камой, не болѣе 30 верстъ. Изъ среды своей Тресвятчане избрали способныхъ людей, поставили ихъ на военную ногу и учредили, чтобы денно и нощно были караулы. Къ такимъ способамъ присоединялась надежда, что они не останутся безъ помощи отъ правительства, а болѣе всего возлагали надежду на Бога Спасителя. И Богъ послалъ имъ человѣка, необходимаго въ это смутное время.

Изъ Казани прибылъ маіоръ, прозваніемъ Пермскій, съ ротою солдатъ, состоящею изъ ста человѣкъ, съ барабанщикомъ, съ ружьями и пушкою, отряженный для защиты Тресвятскаго и для удержанія дальнѣйшаго разлива въ здѣшнихъ мѣстахъ Пугачевскихъ скопищъ. Но что эта за защита!

Впрочемъ, и авангардъ арміи самозванца не могъ похвалиться грознымъ воинскимъ видомъ. Казаки, татары и башкирцы почти не имѣли огнестрѣльнаго оружія и копій съ желѣзными наконечниками. Но жителей села болѣе безпокоили крестьяне сдавшихся селеній. Они, чтобы показаться тоже воинами, обвострили лутошки (то есть липовые палки, съ которыхъ содрали лыки себѣ для лаптей), и чтобы придать имъ видъ копій, верхушки замарали сажей или обожгли, и страшны были своею многочисленностію.

Село Тресвятское издавна было торговымъ мѣстомъ: хорошее мѣстоположеніе благопріятствовало тому. Кама, текущая недалеко,

а во время разлива приближающаяся къ самому селенію, была не послѣднимъ средствомъ для оборотовъ торговли. Еще съ незапамятныхъ временъ, болгары, карѳагеняне здѣшнихъ краевъ, не упустили изъ вида это мѣсто. Чтобы всѣ отрасли здѣшней промышленности прибрать въ свои руки и владѣть рѣкою, они выстроили городокъ, близь нынѣшней Елабуги, котораго остатокъ и нынѣ извѣстенъ подъ именемъ **чортова городища**. Жители окрестныхъ селъ и деревень привозили сюда для продажи все, что имъ доставляли поля, лѣса, промышленность и труды, а здѣсь покупали они не только необходимое для ихъ быта, но даже для нарядовъ и лакомства. Такое мѣсто, не говоря уже о сволочи Пугачева, и для окрестныхъ жителей было большою приманкой. Время Пугачевщины можно изъяснить словами писанія: „въ тыя дни не бяше царя во Израили: мужъ, еже угодно предъ очима его, творяше“. Мятежные крестьяне вздумали получить все то даромъ, что прежде покупали на деньги, и обогатиться на чужой счетъ. Здѣсь умудрились, или лучше сказать, обезумѣли самыя жены; посылая въ село, матери говорили своимъ дѣтямъ а жены мужьямъ: „принеси мнѣ китайки на сарафанъ“, другая—фату; иная—парчи на кокошникъ, да позументъ на него. Дѣвицы просили у своихъ братцевъ красныя ленточки въ косы и сафьяные башмаки. А дѣти, видя, что отцы собираются въ Тресвятское, лепетали: „тятя! принеси мнѣ гостинцевъ, калачикъ, изюму, пряничекъ: пѣтушка съ гребешкомъ“. При такомъ распутствіи, мятежники, собираясь толпами, отправлялись на похвальный промыселъ.

Первое нашествіе было въ день Богоявленія Господня, 6-го января 1774 года, во время обѣдни, когда бо̀льшая часть жителей была въ церквахъ. Они, услышавъ выстрѣлъ и тревогу, тотчасъ вышли изъ церквей и побѣжали къ укрѣпленіямъ; остались въ храмахъ только духовныя лица для окончанія Божественной службы. Выстрѣлъ послѣдовалъ отъ слѣдующей причины: толпы лутошниковъ, изъ Танайки, съ казаками, татарами и башкирцами, подошли къ селу и, ставши нѣсколько въ отдаленіи отъ полѣнницъ, послали одного соглядатая, Танаевца, разсмотрѣть что̀ дѣлается въ Елабугѣ. Бойкій соглядатай, избравши довольно большое отверстіе въ полѣнницѣ, устремилъ туда прозорливое свое око. Солдатъ, бывшій на стражѣ, замѣтилъ это и нацѣлилъ ружье въ глазъ Танаевца; пуля вышибла полѣно, которое ударило въ

грудь ему и соглядатай, отлетѣвши отъ полѣнницы на сажень, закрылъ свои зоркіе глаза на вѣки. Прискакалъ маіоръ съ солдатами, которые выстрѣлили въ толпу изъ ружей, а изъ пушки въ полѣнницу; пули и полѣнья, въ нихъ полетѣвшія, устрашили толпы такъ, что онѣ, ошеломленныя такимъ неожиданнымъ пріемомъ, побѣжали въ свои жилища, но не съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе.

Послѣ того, мятежники вздумали подступить къ селу другимъ образомъ. Тащатся въ село возовъ пятьдесятъ сѣна; но, выше возовъ, торчавшія обожженныя лутошки измѣнили хитрецамъ, которые скрывались за ними. Барабанщикъ это понялъ и ударилъ тревогу; солдаты съ пушкой явились и въ нихъ выстрѣлили; но выстрѣлъ столько былъ метокъ [1]), что пронесся гораздо выше ихъ головъ и ядро снесло охлопень съ избной крыши живущаго за логомъ крестьянина; впрочемъ, толпа побѣжала; только восемь человѣкъ изъ нея отдѣлились и устремились въ стоящую за логомъ деревню Ерзовку. Барабанщикъ, увидя это, схватилъ ружье, одинъ пустился за ними и выгналъ ихъ оттуда. Таковы были воины!

Эти нападенія здѣшніе жители называютъ приступами, ихъ считаютъ двѣнадцать; но всѣ они, со стороны враговъ, были безуспѣшны. Во время всякаго приступа, солдаты и жители стрѣляли изъ ружей по осаждающимъ, а особенно пушка была чистымъ пужаломъ для передавшихся Пугачеву. Солдаты и жители со всевозможною скоростію перевозили ее изъ мѣста въ мѣсто и стрѣляли тамъ, гдѣ, отъ множества приступающихъ, была большая опасность и вотъ, вмѣсто подарковъ матерямъ, женамъ, дѣтямъ, привозили ихъ дѣтей, мужей и отцовъ, избитыхъ, раненыхъ, а не рѣдко и трупы, для воздаянія имъ послѣдняго долга— погребенія.

Какъ только стража бывало увидитъ толпы народа, приближающагося къ селу, то жители, въ сопровожденіи духовенства, выносили икону Спасителя изъ храма, останавливались съ нею тамъ, гдѣ было болѣе опасно, и молились. Не разъ многочисленныя толпы привозили возы съ вѣниками, соломой, хворостомъ,

---

[1]) Говорятъ, что маіоръ Пермскій, жалѣя ослѣпленную чернь, велѣлъ выстрѣлами только пугать, а не убивать. П. К.

чтобы, приближась къ дровянымъ укрѣпленіямъ, бросить ихъ, зажженныя, для произведенія пожара и во время смятенія открыть себѣ путь; но всѣ ихъ выдумки обращались въ ничто: они съ какимъ то страхомъ подходили къ Елабугѣ, дѣйствовали не рѣшительно, робко, и всегда возвращались домой съ тѣмъ, съ чѣмъ и пришли, разсказывая, что чѣмъ болѣе подходили къ селу, тѣмъ болѣе оно скрывалось отъ глазъ ихъ. Оно было для нихъ окружено какою то мглою, туманомъ и они впередъ не видѣли, а оборотившись къ своимъ жилищамъ, ясно видѣли дорогу, по которой пришли, и она какъ будто ихъ манила спокойно возвратиться домой, что они и дѣлали.

Наконецъ, видя неудачу частныхъ приступовъ то съ той, то съ другой стороны, казаки, татары и башкирцы снеслись съ окрестными жителями и положили въ совѣтѣ, чтобы всѣмъ, вооружившись, кромѣ лутошекъ, вилами, топорами и всѣмъ, чѣмъ только возможно, въ одинъ день окружить Тресвятское и взять его, во что бы ни стало. Вслѣдствіе такого совѣщанія, оно окружено было несмѣтными толпами народа. Казаки, татары и башкирцы скакали въ толпахъ крестьянъ съ нагайками и дубинками, побуждая ихъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ—взять село.

Жители его, видя такое множество злодѣевъ, и не надѣясь на свои силы и на помощь солдатъ, прибѣгли къ Господу: молились Спасителю во храмѣ, служили молебны, вынесли изъ церкви Его икону, обнесли подлѣ слабыхъ своихъ укрѣпленій, ходили съ нею по улицамъ и останавливались у деревянной башни, стоящей надъ логомъ у Николаевской церкви. Маіоръ, какъ и во время всякаго приступа, распоряжался, скакалъ вездѣ, осматривалъ укрѣпленія, ободрялъ унывавшихъ жителей, которые скорбѣли объ истратѣ пороха, отъ чего ружья и пушка, столь страшныя для бунтовщиковъ, теперь остались для нихъ безполезными. Онъ говорилъ, что солдаты его готовы защищаться до послѣдней капли крови, что самъ онъ будетъ вездѣ, гдѣ только (будетъ) опаснѣе, увѣщевалъ ихъ вооружиться всѣмъ, чѣмъ только можно, и просилъ, чтобы они его солдатамъ, которыхъ онъ, раздѣливши, поставилъ на опасныя мѣста, вспомоществовали сколько возможно; утѣшалъ, что непріятели, хотя и многочисленны, но вооруженіе ихъ ничтожно, и они малодушны и робки, что слѣдуетъ только разъ ихъ встрѣтить храбро и эти трусы всѣ убѣ-

гутъ! Но помощь пришла не отъ скудныхъ вещныхъ пособій, а съ неба. Пока это происходило въ селѣ, черныя густыя облака облегли небо. Поднялись: вьюга, мятель, буря, что все ударило въ лицо осаждающихъ. Они отряхали отъ снѣга свои одежды, протирали глаза; но, по причинѣ сильной бури, за шагъ ничего не могли видѣть. Вертѣлся каждый на своемъ мѣстѣ—назади все для нихъ было ясно, а впереди—тьма непроницаемая. Вздумали подождать: не пройдетъ ли такая мятелица; но она часъ отъ часу только увеличивалась. Наконецъ, не могли вытерпѣть пронзительнаго вѣтра со снѣгомъ, который ужасно рѣзалъ имъ лица, они вскричали: это не просто! и, оборотивши тылъ, побѣжали нечестивые, ни единому же гонящу.

Это былъ послѣдній приступъ! Возвратившись въ мѣста своихъ жительствъ, окрестные крестьяне начали прозрѣвать отъ своего ослѣпленія. Во времена благополучныя, приходивши въ село, они за первый долгъ почитали сходить въ церковь, отслужить молебенъ предъ иконою Спасителя, повидаться съ знакомыми, близкими, даже родственниками, а теперь, одумавшись, говорили: что мы дѣлаемъ? Бурю, прогнавшую ихъ, они приписали чуду, происшедшему отъ иконы Спасителя, которую нынѣ съ благоговѣніемъ принимаютъ въ свои селенія каждогодно и молятся, всякой въ своемъ домѣ. Тогда, вмѣсто прежняго ожесточенія, заступило искреннее раскаяніе, и никто изъ нихъ уже не думалъ о возобновленіи приступовъ. Настала весна и искатели чужаго злата, хотѣвшіе собрать тамъ, гдѣ не расточали, и пожать, гдѣ не сѣяли, принялись воздѣлывать свои поля и огороды, отъ которыхъ плоды во всякое время вѣрнѣе.

Казаки, татары и башкирцы, опечаленные неудачею приступовъ, не могли сами по себѣ ничего предпринять и, оставшись праздными, начали объѣдать, опивать и разграблять окрестныя селенія, а особенно Танайку, которыя не могли уже вырваться изъ когтей злодѣевъ, и тѣмъ довольно наказали себя за временное отступленіе. Они ожидали своего предводителя съ главными силами, къ которымъ присоединясь, опять думали найти приволье и раздолье; но случилось не такъ.

Достойный ихъ вождь замедлилъ принести имъ приволье и раздолье. Маіоръ Пермскій благовременно сдѣлалъ представленіе начальству о томъ, сколько зла они здѣсь дѣлаютъ, что онъ на-

ходится отъ нихъ въ осадѣ и опасности, и что силы его недостаточны для истребленія ихъ, тѣмъ болѣе, что имъ передались всѣ здѣшнія селенія, кромѣ Тресвятскаго, въ которомъ онъ находится. Весной въ Тресвятское прибыли гусары, говорятъ, изъ-за Камы, и едва отдохнувши пустились прямо въ Танайку и начали рубить казаковъ, татаръ и башкирцовъ; они, видя невзгоду, стали скрываться, кто куда могъ; но ихъ находили въ погребахъ, овинахъ, логахъ и умерщвляли. Тоже сдѣлали и въ окрестныхъ селеніяхъ. Едва малая часть изъ нихъ успѣла спастись. Они еще явятся на сценѣ этой трагедіи. Танаевцовъ тоже вразумили и ихъ же добро и одежды привозили сюда и раздавали жителямъ, какъ награду за вѣрность. Здѣшніе старики не могли ничего сказать, кто былъ начальникомъ гусаръ и отъ кого они посланы были, а только оставшіеся въ живыхъ, очевидцы, говорятъ: „какъ теперь ихъ видимъ: молодцы, да и только!"

Такимъ образомъ главные непріятели были истреблены. Въ окрестныхъ селеніяхъ водворенъ порядокъ и устройство. Маіоръ Пермскій, видя, что нечего здѣсь дѣлать, вмѣстѣ съ гусарами отправился за Каму, въ Оренбургскую губернію, гдѣ война съ самозванцемъ была въ полномъ разгарѣ. Переправясь за Каму, они отдѣлились. Гусары успѣли присоединиться къ полкамъ Михельсона, а маіоръ Пермскій, здѣшній защитникъ, человѣкъ достойный любви и почтенія, въ 150 верстахъ отсюда, былъ окруженъ шайками Пугачева, вступилъ съ ними въ бой; но былъ подавленъ многочисленностію бунтовщиковъ и съ ротою изрубленъ на мѣстѣ; а другіе говорятъ, что онъ, при этомъ случаѣ, взятъ въ плѣнъ, представленъ Пугачеву, который требовалъ отъ него присяги себѣ, но, получивъ отказъ, велѣлъ содрать съ него кожу.

II.

Послѣ отбитыхъ приступовъ жители Елабуги успокоились и думали, что вся опасность миновалась, но спокойствіе ихъ не долго продолжалось. Гроза еще сильнѣе сбиралась для нихъ на востокѣ.

Здѣсь приличнымъ нахожу сослаться на два описанія Пугачевскаго бунта, изъ коихъ объяснятся мѣста и время, относительно нашего предмета.

В. Б. Броневскій пишетъ: „Пугачевъ, изгнанный изъ окрест-

ностей Оренбурга, послѣ многихъ неудачъ, не успѣлъ взять и Кунгура, пошелъ къ Камѣ, взялъ Осу, переправился чрезъ Каму и, раззоривъ Воткинскій и Ижевскій заводы, обратился на Казань. Полковникъ Толстой, высланный съ большою командою, сдѣлался жертвою дурныхъ распоряженій. Пугачевъ съ двадцатью тысячами вновь собранной сволочи, состоявшей изъ Яицкихъ казаковъ, ссыльныхъ, башкиръ и фабричныхъ крестьянъ, большею частію съ дубинками и заостренными кольями, 12-го іюля 1774 г., приступилъ къ Казани, со стороны Казанки".

А. С. Пушкинъ пишетъ: „23-го іюня Пугачевъ переправился чрезъ Каму и пошелъ на заводы Ижевскій и Воткинскій. Венцель, начальникъ оныхъ, былъ мучительски умерщвленъ, заводы разграблены и всѣ работники забраны въ злодѣйскую толпу.

Здѣсь, изъ описанія перваго, видно, что отъ Ижевскаго завода Пугачевъ прямо отправился въ Казань и 12 іюля подступилъ къ ней, а изъ втораго, что 23-го іюня онъ пошелъ на заводы Ижевскій и Воткинскій.

Оба они, разумѣется, по неимѣнію данныхъ, опустили мѣста и оставили промежутокъ времени, въ которое Пугачевъ не былъ въ бездѣйствіи и гдѣ нибудь проходилъ со своими шайками. Въ это время нами Тресвятчане и встрѣтили его.

Слухъ о томъ, что Пугачевъ, съ многочисленными толпами, переправился на здѣшнюю сторону Камы, и что онъ, раззорившій Воткинскій и Ижевскій заводы [1]), еще болѣе усилилъ толпы свои рабочими, ужасно поразилъ жителей Елабуги. Всѣ думали, что онъ на Казань пойдетъ чрезъ здѣшнія мѣста, какъ ближайшія [2]), и вѣсти о томъ, время отъ времени, начали проясняться, наконецъ уже не осталось никакого сомнѣнія. Тресвятчане болѣе всѣхъ имѣли причину бояться его кроваваго посѣщенія. Противу сонмищъ Пугачева, съ которыми онъ надѣялся взять и самую Казань, защищаться было невозможно. Защитникъ, маіоръ Пермскій, выбылъ; солдаты отправились съ нимъ, взяли и пушку.

Такія тѣсныя обстоятельства заставили достаточныхъ искать безопасныхъ мѣстъ подалѣе, особенно въ Казани. Протоіерей

---

[1]) Ижевскій заводъ отъ Елабуги находится въ 150 верстахъ.

[2]) Казань чрезъ Мамадыжъ разстояніемъ отсюда находится въ 180 верстахъ, а чрезъ Шуни по большой дорогѣ, называемой Арскою, въ 220 верстахъ. П. К.

Іоаннъ Александровъ, съ товарищами своего несчастія, зная по опыту, сколь тяжво быть въ рукахъ полчищъ Пугачевскихъ, тоже отправился въ Казань, по многолюдству и укрѣпленію, считая ее надежнымъ пристанищемъ.

Но шайки Пугачева, какъ ужасныя привидѣнія, всюду слѣдовали за ними и даже тамъ не дали имъ покоя: они должны были переносить всѣ тѣ бѣдствія, которыя въ то время терпѣла несчастная Казань; не думали даже остаться въ живыхъ; боялись задохнуться отъ тѣсноты, отъ дыму и жара горящей Казани, или быть избитыми отъ бунтовщиковъ, которые стрѣляли по крѣпости и едва въ нее не ворвались; но Господь помиловалъ ихъ. Неимѣющіе средствъ искать вдали безопаснаго убѣжища, нѣкоторые Тресвятчане выбрались изъ села на луга, лежащіе къ югу, гдѣ и нынѣ находятся высокіе осокоры и ивовый кустарникъ, прежде бывшій густымъ; тамъ они и спрятались. Остальные, препоручивъ себя промыслу Господню, остались въ своихъ жилищахъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня 1774 года явился Пугачевъ на пути къ Елабугѣ.

Нѣкоторые изъ казаковъ, татаръ и башкирцовъ, успѣвшіе укрыться отъ истребленія гусаръ, предстали предъ него, и сказали, что село Елабуга не сдалось и что, вѣрные ему, передовые полки, казаки, татары и башкирцы, кромѣ ихъ, всѣ изрублены.

Пугачевъ, выслушавъ такое извѣстіе, пришелъ въ ярость и обрекъ село на погибель, чего и должно было ожидать отъ такого злодѣя, какимъ описываютъ его: онъ, безъ пощады, безъ нужды, лилъ кровь, не только противившихся, но и добровольно сдававшихся ему жителей.

Въ осьми верстахъ отъ Елабуги расположился онъ ночевать въ селѣ Сараляхъ, въ домѣ заводчика Красильникова.

— Кстати о немъ.

Заводчикъ Семенъ Тихоновъ Красильниковъ, въ свое время, былъ человѣкъ значительный въ здѣшнихъ мѣстахъ. Онъ содержалъ мѣдиплавильный заводъ, къ которому были приписаны крестьяне; заводъ его былъ въ селѣ Сараляхъ, въ 8 верстахъ отсюда, на рѣчкѣ Каринкѣ, и занималъ прекраснѣйшее мѣстоположеніе, которымъ онъ умѣлъ воспользоваться. Въ прудѣ заводскомъ у него были насажены разнаго рода рыбы; на горѣ, у пруда, рисовался садъ съ аллеями, изъ деревъ разнаго рода,

въ здѣшнихъ мѣстахъ единственный. Отъ сада, на другой сторонѣ рѣчки Каринки, былъ его домъ большой и богато-убранный, гдѣ, какъ говорятъ, провелъ ночь Пугачевъ, а Красильниковъ на это время удалился въ Казань, гдѣ спасся въ крѣпости. Богатый отъ получаемой руды, онъ былъ богатъ и усердіемъ на богоугодныя заведенія. Въ мѣстѣ своего жительства, въ селѣ Сараляхъ (тамъ покоится и прахъ его) онъ выстроилъ каменную церковь. Въ здѣшнемъ соборѣ памятниками его усердія остались: серебряная, подъ золотомъ, риза въ 23 фунта на иконѣ Спасителя и такая же на иконѣ Корсунской Божіей Матери; первая на правой, а вторая на лѣвой сторонѣ иконостаса холодной церкви. Въ большой колоколъ для собора онъ приложилъ триста пудъ мѣди. Къ тому же онъ былъ человѣкъ просвѣщенный и любознательный. Рычковъ, извѣстный историкъ, бывшій въ здѣшнемъ краѣ, видѣлся съ Красильниковымъ, который сообщилъ ему преданія о чортовомъ городищѣ, увѣряя, что у него были записки о томъ, собранныя отцомъ его; но онѣ или сгорѣли, или утрачены по небреженію. Его преданія, какъ основательныя, были Рычковымъ изданы въ свѣтъ, на которыя ссылается и Эрдманъ, что отпечатано въ „Заволжскомъ Муравьѣ", въ 1 части изд. 1834 года. Подъ старость лѣтъ заводчика, мѣдная руда стала оскудѣвать; Красильниковъ скончался въ 1809 году. Нынѣ, гдѣ былъ садъ, стоятъ одни только пеньки; домъ палъ совершенно; гдѣ былъ богатѣйшій мѣдиплавильный заводъ, тамъ находится нынѣ мукомольная мельница; крестьяне, принадлежавшіе заводу, поступили въ государственное вѣдомство.

Въ домѣ Красильникова Пугачевъ повторилъ свой приговоръ относительно Тресвятскаго, намѣреваясь на другой день привести его въ исполненіе; но едва только онъ это сдѣлалъ, какъ почувствовалъ себя нездоровымъ: болѣзнь не дала ему успокоиться во всю ночь; онъ то ложился, то вставалъ; какіе-то грезы мучили его; да правда, и было ему о чемъ грезить. Такое безпокойство и мученіе онъ сочелъ слѣдствіемъ своего кроваваго приговора и, говорятъ, когда отмѣнилъ его, ему сдѣлалось нѣсколько легче.

На другой день, это, сказываютъ, было 28-го іюня 1774 г., на память Святыхъ апостоловъ Петра и Павла, онъ, все еще больной, разслабленный, сѣлъ на коня. Вотъ какъ очевидцы описывали его наружность: росту онъ былъ средняго, но широкъ въ

плечахъ; борода черная, не большая; глаза быстрые, проницательные: онъ былъ въ полной казацкой одеждѣ. По причинѣ болѣзни, не могши ѣхать скоро, онъ тихо тащился къ селу.

Передъ нимъ и за нимъ тянулась его сволочь; въ ней ничего не было воинскаго: вооружены они были, какъ уже сказано Броневскимъ, дубинками, заостренными кольями, сверху обожженными, по тогдашнему обыкновенію. Нѣкоторые имѣли и огнестрѣльное оружіе, взятое изъ заводовъ; ибо пушки и ружья, до того бывшія у него во множествѣ, онъ потерялъ при пораженіяхъ отъ Михельсона, выгнавшаго его изъ Оренбургской губерніи. Одежда ихъ была чрезвычайно разнообразна: одни были въ зипунахъ изъ овечьей шерсти, другіе въ суконныхъ дорогихъ кафтанахъ, иные въ сюртукахъ, во фракахъ и въ дорогихъ шубахъ, даже женскихъ; лѣтомъ, въ жаркое время, обливаясь пòтомъ, тащили ихъ на себѣ, ибо жаль было съ ними разстаться; иные въ лаптяхъ, котахъ, сапогахъ.

Надобно прибавить, что казаки, татары и башкирцы еще болѣе давали разнообразности этимъ шайкамъ: они имѣли свою національную одежду; у рѣдкаго не былъ назади мѣшокъ или пестерь, гдѣ они хранили похищенныя вещи.

У многихъ на зипунѣ, чрезъ плечо, какъ у генераловъ, привязаны были красныя ленты, какъ вывѣски крови; это были избранные изъ мужиковъ, его капитаны, т. е. люди, особенно отличавшіеся грабежемъ и убійствомъ.

Такой маскарадъ, конечно, былъ забавенъ; но въ то время смѣяться не было охотниковъ.

Въ Тресвятскомъ съ ужасомъ ожидали прибытія Пугачева; оставшіеся въ немъ жители не знали на что рѣшиться, а Пугачевъ, со всѣми силами, былъ надъ ихъ головами. Въ окрестныхъ селеніяхъ, сдавшихся прежде, гдѣ незадолго былъ водворенъ порядокъ, разсыпались толпы Пугачева и съ беззащитными поступали по своей волѣ.

Тресвятчане собрались близъ Храма Спасителя и, убитые горемъ, тихо совѣтовались о средствахъ, которыми бы можно отвратить страшную наступающую грозу. О сопротивленіи, какъ дѣлѣ невозможномъ, никто не смѣлъ и слова сказать; вздыхали о Пермскомъ, о солдатахъ, о пушкѣ; но согласились, что при настоящемъ случаѣ и это было бы недостаточно для ихъ защиты.

Послѣ долгихъ и тяжкихъ думъ, рѣшились наконецъ идти на

встрѣчу съ иконою Спасителя, на которую надежда въ то несчастное время столько разъ была спасительна. Они твердо были увѣрены, что пойдутъ встрѣтить не императора Петра III, а злодѣя, которому промыслъ попустилъ на время быть владыкою ихъ живота и смерти.

Конечно Богъ и государь выше всего земнаго; но не будемъ подвергать строгому суду встрѣчу самозванца съ такою процессіею: въ ту ужасную эпоху согрѣшили такимъ образомъ не одни наши дѣды. Всемилостивѣйшая государыня императрица Екатерина II, болѣе всѣхъ огорченная такимъ событіемъ, въ концѣ 1775 года, обнародовала общее прощеніе и повелѣла все дѣло предать вѣчному забвенію; забудемъ это и мы: пусть прахъ усопшихъ покоится въ мирѣ.

Относительно сарапульцевъ и елабужанъ, здѣсь можно сдѣлать замѣчаніе, которое не будетъ ни для той, ни для другой стороны обидно.

Сарапулъ и Елабуга—ближайшіе сосѣди: оба стоятъ на одномъ берегу Камы и одной губерніи и епархіи. Жители, по торговлѣ и по сосѣдству, между собою сблизились, скумились, сроднились; но между ими, какъ сосѣдями, подъ часъ заводится разговоръ о важномъ для тѣхъ и другихъ событіи—Пугачевщинѣ.

Сарапульцы вмѣняютъ имъ, елабужскимъ сосѣдямъ, въ вину встрѣчу самозванца; нельзя не сознаться!

Но сбивчиво разсказываютъ о себѣ, а экстрактъ ихъ разсказовъ таковъ: изъ Оренбургской губерніи пріѣхали къ нимъ два или три казака изъ партіи Пугачева и они сдались. Казаки, заразившіеся гдѣ то болѣзнію, вздумали здѣсь лечиться на парахъ. Лекарство это, вмѣстѣ съ болѣзнію, испарило и измѣнническій духъ ихъ и такимъ образомъ спасло сарапульцовъ.

Понынѣ у нихъ показываютъ мѣсто на горѣ, называемой Старцевою, гдѣ была ихъ расправа—висѣлица. Пугачевъ, разгромивши Воткинскій и Ижевскій заводы, самые къ нимъ ближайшіе, не былъ въ Сарапулѣ; а если бы онъ, съ огромными своими силами, вздумалъ идти на этотъ городъ, то, не знаю, чтобы они рѣшились сдѣлать?.....

Но возвратимся въ село Тресвятское.

Вслѣдствіе совѣта, священникъ Николаевской церкви, Григорій Михайловъ Замятинъ, пошелъ съ на-престольнымъ крес-

томъ; одни изъ жителей на встрѣчу несли икону, другіе слѣдовали за нею въ безмолвіи. За селомъ, гдѣ нынѣ большая дорога въ Сарапулъ, остановились и, увидя приближавшіяся съ шумомъ и крикомъ разнообразныя скопища Пугачева—оробѣли: одна минута, и судьба ихъ должна рѣшиться.

Пугачевъ, увидя встрѣчу, остановился; остановились и полчища его и, въ ожиданіи повелѣній, утихли: настала могильная тишина.

Приближась, на конѣ, къ встрѣчавшимъ, онъ, безъ гнѣва, тихо, слабымъ, по болѣзни, голосомъ сказалъ имъ:

— „Вы мятежники, бунтовщики, не сдавались!“

Священникъ отвѣчалъ: „мы присягали императрицѣ“.

Такой отзывъ Пугачевъ какъ будто не слыхалъ, обративъ все свое вниманіе на икону Спасителя.

Потомъ, вдругъ, соскочилъ съ коня, приложился къ кресту, предъ иконою совершилъ три земные поклона и тоже приложился, внезапно отдалъ приказъ, чтобы войска его не заходили въ село ни для ночлега, ни просто, и они, не всегда исполнявшіе охотно подобныя повелѣнія, въ этомъ случаѣ оказали безпримѣрное повиновеніе.

Здѣшніе говорятъ, что ихъ было несмѣтное число; но Броневскій пишетъ, что Пугачевъ переправился чрезъ Каму у Осы съ двадцатью тысячами. Если присоединить къ этому рабочихъ Воткинскаго и Ижевскаго заводовъ, да еще соръ, который онъ обыкновенно заметалъ по дорогамъ, то число его скопищъ, здѣсь бывшихъ, съ достовѣрностію можно опредѣлить двадцатью пятью тысячами, если только не болѣе. Одна половина сего сброда заняла сѣверную сторону Елабуги, въ хлѣбныхъ поляхъ, а другая къ югу, на лугахъ. Даже самъ Пугачевъ не поѣхалъ ночевать въ Тресвятское, а расположился провести ночь тоже на лугахъ, въ раскинутомъ шатрѣ. Старики показываютъ и мѣсто, гдѣ былъ его шатеръ; онъ отъ села не далѣе полу-версты, на видной открытой площади. Толпы, расположившіяся въ лугахъ, стали между скрывавшимися въ кустахъ жителями и Елабугой: всякое сообщеніе пресѣклось.

Невозможно описать ужаса жителей. Послѣднее ихъ пристанище вовсе оказалось ненадежнымъ; одна только малая рѣчка, Вятка, отдѣляла ихъ отъ полчищъ; невнятный гулъ ихъ говора

доносился къ нимъ и оледѣнялъ сердца. Они трепетали за жизнь свою, притаились, не смѣли переходить изъ мѣста въ мѣсто, дабы не обратить на себя вниманія злодѣевъ, которые весьма легко могли истребить ихъ. Къ усугубленію ихъ несчастія, рѣка Кама, на берегу которой они расположились, преграждала имъ путь къ дальнѣйшему побѣгу. Многіе тихо влезали на высокіе осокоры и смотрѣли, не горятъ ли оставленныя ими жилища и приникали ухомъ, не слышанъ ли вопль избиваемыхъ, оставленныхъ ими братій.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи старцы, жены, всѣ вообще, даже самыя дѣти, обращали взоры и сердца ко храму Спасителя и безъ словъ молились, молились усердно да Господь помилуетъ ихъ.

Не въ лучшемъ положеніи находились и оставшіеся въ Елабугѣ. Они, видя себя со всѣхъ сторонъ окруженными полчищами бунтовщиковъ, ждали только часа, когда онѣ стиснутъ, раздавятъ и уничтожатъ ихъ; настала ночь, молились Богу и, какъ предъ смертнымъ часомъ, исповѣдывались во грѣхахъ своихъ.

На другой день Пугачевъ, проведши ночь въ шатрѣ, всталъ, и за первый долгъ почелъ обратить взоры свои на Тресвятское и—не взвидѣлъ его. Полагая, что сонная дремота давитъ его глаза, онъ умылся и—снова ничего не видитъ. Онъ вздрогнулъ, сѣлъ на мѣсто и снова началъ протирать глаза, повелъ ими вокругъ и хотя они были открыты, но не видѣли ничего; короче: Пугачевъ ослѣпъ! [1]) Замѣтили это его приближенные и изумились. Вѣсть о томъ, перебѣгая изъ толпы въ толпу, поразила всѣхъ. Шумъ и крикъ утихли; всѣ, съ трепетомъ, смотрѣли на Елабугу, особенно на храмъ Спасителя; какой-то непонятный страхъ овладѣлъ ими, тѣмъ болѣе, что они ранѣе слышали о прежнихъ чудесныхъ отраженіяхъ.

Кромѣ сего, бунтовщики, зная, что подполковникъ Михельсонъ, столько разъ поражавшій ихъ въ Оренбургской губерніи, гнался за ними по пятамъ, страшились его прибытія. Они боялись, если онъ, подоспѣвши, ударитъ въ нихъ отъ востока въ тылъ, то всѣ они должны погибнуть, вмѣстѣ и съ слѣпымъ вождемъ

---

[1]) Внезапная слѣпота Пугачева, быть можетъ, покажется кому невѣроятною; но всеобщій гласъ народа — гласъ Божій — достаточно подтверждаетъ истину этого событія. П. К.

своимъ; ибо избранное ими мѣстоположеніе въ лугахъ весьма было опасно: по разбитіи ихъ скопищъ, чего они и ожидали, имъ некуда было бѣжать изъ клина, который они заняли. Къ югу лежала рѣка Кама, къ западу крутая гора, на которой стоитъ Чортово городище, а къ сѣверу стояло село Тресвятское, на жителей котораго они не могли надѣяться; ибо не знали, что оно оскудѣло и въ людяхъ и въ средствахъ защищаться, а полагали, если они увидятъ Михельсона, то, одушевленные надеждою, усугубятъ пораженіе; такое положеніе заставляло ихъ думать совсѣмъ не о грабежѣ, а какъ бы скорѣе убраться.

Болѣе всѣхъ, какъ и слѣдовало, былъ пораженъ самъ Пугачевъ. Опасное положеніе скопищъ, предшествующая болѣзнь, а особенно внезапное ослѣпленіе и для него показались перстомъ Божіимъ—и онъ не зналъ на что рѣшиться. Въ сопровожденіи приближенныхъ, хотѣлъ отправиться въ Тресвятское—чудно дѣло!—помолиться Спасителю; но раздумалъ потому, чтобы не испугать жителей: столько де сталъ набоженъ!

Наконецъ, изъ своихъ приближенныхъ, онъ выбралъ одного и послалъ въ село помолиться за себя; этого человѣка здѣшніе называютъ ординарцемъ Пугачева.

Ординарецъ смиренно прибылъ въ храмъ и предъ иконою Спасителя отслуженъ молебенъ за здравіе императора Петра III. Говорятъ, чему трудно повѣрить, онъ просилъ жителей, чтобы они позволили войскамъ „государя“ пройти чрезъ село, что было ближе, увѣряя, именемъ его, въ ихъ безопасности.

Ординарецъ возвратился къ самозванцу; послѣдній между тѣмъ прозрѣлъ, толпы его засуетились и начали изготовляться въ походъ. Собравшись, онѣ потянулись изъ луговъ къ селу, по дорогѣ, которая лежала близь Николаевской церкви; она и нынѣ таже. Жители ужаснулись; побѣжали въ свои домы, заперлись, окошки закрыли ставнями и въ щели робко смотрѣли, въ ожиданіи что̀ изъ этого выйдетъ. Жены, не смѣя громко рыдать, всхлипывали, прижимая дѣтей своихъ къ сердцу.

На самой дорогѣ, по которой надобно было проходить, стояла башня, двери ея были отворены и чрезъ нихъ потянулись пѣшія и конныя толпы Пугачева.

Онѣ оборачивались, смотрѣли на домы, но шли своею дорогою. Надобно было проходить близь самаго храма Спасителя;

крещенные бунтовщики снимали шапки, крестились и кланялись; самые татары и башкирцы говорили: Алла! Не сдѣлавши никакого неблагопристойнаго поступка, они вышли изъ села, и пошли по дорогѣ къ селенію Лекареву.

Эта неистовая и буйная сволочь, озираясь назадъ, шла тихо и безмолвно, какъ будто предводительствовалъ ею не Пугачевъ, а какая-то непостижимая сила.

Въ шести верстахъ за логомъ, перешедши мостъ на рѣчкѣ Танайкѣ, у деревни Колосовки, они отдохнули, и будто вырвавшись на волю съ прежнихъ тяжкихъ работъ заводскихъ, Нерчинскихъ рудниковъ, фабричныхъ, крѣпостныхъ и изъ тюремъ, въ которыхъ, не исключая ихъ вождя, рѣдкіе не были, они зашумѣли, закричали, или лучше, какъ разсказываютъ, „заорали, загагайкали,“ такъ что вся окрестность, переливаясь въ эхо, загрохотала.

Пугачевъ пошелъ отсюда на Мамадыжъ, городъ, принадлежащій Казанской губерніи, отстоящій отсюда въ 40 верстахъ, гдѣ при самомъ городѣ, переправился чрезъ рѣку Вятку и провалился навсегда.

Убытокъ здѣшнему мѣсту онъ причинилъ только тотъ, что потопталъ хлѣбъ и потравилъ луга. Потеря не велика, особенно тогда, когда каждый часъ надобно было благодарить Бога, что голова еще на плечахъ.

Подполковникъ Михельсонъ, гнавшійся за Пугачевымъ по пятамъ, въ Тресвятскомъ не былъ. Онъ, вѣроятно, зная, что, послѣ такой саранчи, нельзя было для войска найти никакого удобства и продовольствія, по дорогѣ, называемой Арскою, прошелъ отъ Елабуги къ сѣверу въ 30 и переправился чрезъ Вятку въ 64 верстахъ, именно тамъ, гдѣ перевозъ нынѣ называется Шунскимъ, близь татарской деревни Шуни.

III.

Хотя Пугачевъ вышелъ уже изъ границъ не только нынѣшняго Елабужскаго уѣзда, но и губерніи, слѣдовательно долженъ бы выйдти изъ границъ статьи нашей, но, — считаю не лишнимъ сообщить еще нѣсколько подробностей.

Громами, молніями и кровавыми дождями разразились черныя тучи Пугачева надъ другими мѣстами сильными и крѣпкими. Трудно повѣрить, какимъ образомъ село, малое, ничтожное, заб-

венное среди всеобщаго разрушенія, въ мѣстахъ, которыми проходилъ разрушитель, одно могло уцѣлѣть, тѣмъ паче, когда оно было еще причиною его ярости, къ чему подали поводъ долговременное сопротивленіе и истребленіе его передовыхъ полковъ; но это подлинно было такъ: только чудо могло спасти Тресвятское. Здѣсь Пугачевъ былъ самъ не свой и забылъ, что онъ—разбойникъ.

Когда сонмища грабителей и губителей удалились съ своимъ вождемъ и вся опасность миновалась, тогда, по извѣщенію о семъ, возвратились въ свои жилища и скрывшіеся въ кустахъ жители, и—какая радость, какой восторгъ!... Обрекши на погибель оставшихся въ селѣ своихъ знакомыхъ, друзей, родственниковъ, они увидѣли ихъ здоровыми, невредимыми. Угодно было Промыслу, чтобы ни одинъ волосъ не потерялся съ головъ жителей богоспасаемаго Тресвятскаго. Домы ихъ были цѣлы, имѣніе не было расхищено. Въ радости они обнимали другъ друга и за первый долгъ почли принести искреннюю, сердечную благодарность Богу Спасителю, предъ Его изображеніемъ, Который внялъ ихъ моленіямъ во дни скорби и печали. Одно только отравляло ихъ радость. Они скорбѣли о своихъ пастыряхъ, удалившихся въ Казань, которой несчастная участь скоро сдѣлалась извѣстною. Живы ли они, не слышно ли чего о нихъ, это было предметомъ ихъ заботъ и вопросовъ; но и они, въ концѣ іюля, прибыли благополучно. Новая радость!... Въ то несчастное время они болѣе всѣхъ изъ жителей претерпѣли страданій и мученій, и смерть, подъ разными видами, близко являлась къ нимъ; въ возмездіе за то они долго здѣсь были пастырями въ любви и почтеніи у жителей и въ преклонныхъ лѣтахъ опочили въ мирѣ.

Скажемъ здѣсь еще нѣчто о крестьянахъ окрестныхъ селеній, которые неволею или волею корысти присоединились къ толпамъ Пугачева и пошли на Казань; посмотримъ, какъ они возвратились. Нынѣ (т. е. въ 1845 г.) они умерли всѣ, а лѣтъ за 14 и за 10 были еще нѣкоторые въ живыхъ и мнѣ самому случалось слышать ихъ разсказы о томъ. Даже теперь (въ 1845 г.) многіе крестьяне говорятъ, что или дѣдъ, или отецъ ихъ ходили на Казань, а сущность ихъ разсказовъ одинакова: шли они до Казани, какъ паны; первый отсюда городъ, Мамадыжъ, встрѣтилъ ихъ съ иконами; села, деревни сдавались; пили, ѣли, что

хотѣли, брали, что понравится, взяли и Казань—цѣль своего похода—какое богатство!..

Дорогія одежды, шелковыя, бархатныя, вещи серебряныя, золотыя, таскались по улицамъ; набивали карманы деньгами. Но это приволье не долго продолжалось: на другой день пришелъ Михельсонъ и началъ рубить и стрѣлять въ нихъ; многіе были убиты, другіе полонены, всѣ разсѣяны. Всѣ побѣжали каждый къ своему дому; но вотъ задача: какъ перебѣжать изъ Казани до своего мѣста, болѣе 200 верстъ? Обстоятельства совершенно измѣнились: по разбитіи и разсѣяніи сборищъ Пугачева, о чемъ слухъ уже вездѣ распространился, жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ они проходили теперь, какъ побѣдители, вооружились вилами, топорами, косами, для принятія дорогихъ гостей, которые бѣжали совсѣмъ безоружные, и даже боялись взять какую нибудь дубинку, какъ знамя бунта Пугачева; многіе изъ нихъ были лишены жизни; слѣдующія за ними бѣгущія толпы, слыша о такой невзгодѣ, не стали заходить въ селенія, далеко ихъ обѣгали; но поставленные караулы находили ихъ вдали, гдѣ они опять попадали въ руки ожесточенныхъ крестьянъ.

Ради униженія, колѣнопреклоненія и имени Христа, нѣкоторые были милуемы; они ихъ отпускали, обыскавши напередъ, нѣтъ ли съ ними подозрительныхъ вещей. Многіе, по незнанію мѣстъ, заблуждались и гибли въ лѣсахъ отъ голода, вдали отъ селеній. Днемъ они не смѣли бѣжать, а скрывались въ лѣсахъ, даже болотахъ, гдѣ совсѣмъ погрузившись въ воду, прятали головы подъ большія лапушки и, мало поднявши ихъ, переводили дыханіе, какъ дикія подстрѣленныя утки; потому весьма рѣдкіе съ радостію увидѣли свои домы и принесли въ даръ семействамъ одну свою жизнь, какъ особенное благодѣяніе Божіе.

Такъ кончилась для Тресвятскаго эпоха Пугачевщины, страшная въ началѣ и продолженіи и столько отрадная въ окончаніи.

Только семьдесятъ лѣтъ (т. е. до 1845 г.) протекло отъ ея событія; но время уже успѣло положить на ней печать свою. Къ полнотѣ ея описаній многаго не достаетъ: здѣшніе старцы имя и отчество своего любимаго защитника, маіора Пермскаго, забыли; начальника гусаръ и прозванія припомнить не могутъ, числа мѣсяцовъ не всѣ удержались въ ихъ памяти.

Не много нужно времени—оно и остальнымъ очевидцамъ закроетъ глаза, разсказы въ устахъ потомковъ будутъ измѣняться и удаляться отъ истины болѣе и болѣе и, наконецъ, могутъ совсѣмъ изчезнуть.

Это было не послѣднею причиною собрать разсѣянное и совокупить воедино. Мнѣ, какъ уроженцу здѣшняго города, въ малыхъ лѣтахъ, дѣйствительныя событія Пугачевщины болѣе сказокъ врѣзались въ память, а послѣ, руководствуясь повѣствованіями очевидцовъ и стариковъ, такъ достовѣрными, я составилъ эту статью.

Свящ. П. Н. Кулыгинскій.

1845 г.

Примѣчаніе. Рукописный подлинникъ сего описанія мнѣ случайно достался отъ тестя моего, умершаго священника Николая Захарова Курочкина, нѣкогда бывшаго знакомымъ съ авторомъ сего описанія, священникомъ Кулыгинскимъ. Но какъ не доводилось мнѣ видѣть въ печати оное описаніе, да и едва ли гдѣ оное отпечатано, потому покорнѣйше прошу редактора многоуважаемаго журнала „Русская Старина" дать мѣсто оному описанію въ своемъ журналѣ.

Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, села Березовскаго, настоятель—священникъ Петръ Макаровъ Макаровъ.

Сообщ. 25 іюня 1879 г. П. М. Макаровъ.

ВАСИЛЬКО̀.

Пѣснь первая.

1.

Кипѣлъ народъ на стогнахъ Теребовля:
Глашатая послыша громкій зовъ,
Спѣшили старъ и младъ; они, какъ волны,
Со всѣхъ сторонъ стеклись на княжій дворъ.
Сошлись въ толпы и шепчутъ: „Что задумалъ!
Нашъ Василько? зачѣмъ онъ позвалъ насъ!“
Въ волненьи ждутъ, жужжа какъ рой пчелиной.
И вышелъ князь со свѣтлою дружиной.

2.

Явился онъ, какъ мѣсяцъ въ сонмѣ звѣздъ.
Замолкли всѣ и низко поклонились.
Склоня чело онъ съ краснаго крыльца
Заводитъ такъ отеческое слово:
„Вы знаете, сыны мои, для васъ,
Для тишины всей Руси православной,
Былъ съѣздъ князей, гдѣ потушивъ раздоръ,
Мы клятвою скрѣпили договоръ.

3.

„Князь Святополкъ и Мономахъ разумный
И всѣ князья, сѣвъ на одинъ коверъ,
Мы въ Любичѣ, какъ братья, примирились.
Нѣтъ! полно намъ губить святую Русь:
Мы, русскіе, забыли мать родную, [1])
У матери—сыны терзали грудь.
Но миръ насталъ—и крестное лобзанье
Ея на вѣкъ окончило страданье.

---

[1]) Варіантъ: Мы, русскіе, впились въ нее какъ враны.

4.

„Уже на Русь не придутъ, какъ на пиръ,
Толпы враговъ за вражьими толпами;
И Господомъ благословенныхъ нивъ
Ихъ бурные набѣги не потопчутъ:
Въ былой красѣ возстанутъ города,
И гдѣ теперь церквей сѣрѣетъ пепелъ,
Тамъ снова Спасъ сберетъ подъ отчій кровъ
Своихъ людей, спасенныхъ отъ оковъ.

5.

„Во времена раздора, Богъ всѣ кары
И гладъ и моръ на насъ ниспосылалъ:
Но онъ призритъ на клятву примиренныхъ;
Мы на крестѣ произнесли обѣтъ:
Да будетъ Русь намъ общею отчизной,
И если кто изъ насъ нарушитъ миръ,
Возстанемъ всѣ: пойдутъ на брата братья!
И крестъ и огнь, палящій огнь проклятья!

6.

„Теперь, когда вся русская земля
Ограждена и крестнымъ цѣлованьемъ
И дружными щитами всѣхъ князей,
Что медлить намъ? Подъимемъ стягъ на ляховъ,
Въ предѣлы ихъ внесемъ огонь и смерть,
И сломимъ духъ враговъ непримиримыхъ.
Но кто изъ васъ послѣдуетъ за мной
Въ веселый пылъ тревоги боевой?

7.

„Пойдемъ, друзья, за славой и добычей,
Въ страну враговъ. Пусть старцы, пусть отцы
Блюдутъ дома и мужи охраняютъ:
Но трубный звукъ васъ, юноши, зоветъ!
Во браняхъ вы еще не искусились.
Идите въ бой: и ляшскимъ серебромъ
Соборный храмъ заблещетъ; наши жены
Украсятъ имъ домашнія иконы.

8.

„Что други?“—Всѣ готовы за тобой!
Воскликнули и юноши и мужи:
Мы рады всѣ за нашимъ Васильномъ!—

И двинулись къ нему въ порывѣ сердца,
И пламень, какъ зарница, заигралъ
Во всѣхъ очахъ толпы тысячеглавой.
Всѣ рвутся въ бой, всѣ восклицаютъ вновь:
Твои—нашъ конь, нашъ мечъ, вся наша кровь!

9

Тогда одинъ изъ городскихъ старѣйшинъ
Ступилъ впередъ: „Кто отъ души не радъ
И честь и смерть дѣлить съ твоей дружиной?
Но ты у насъ гостишь, а не живешь.
А безъ тебя мы красныхъ дней не видимъ.
Останься: судъ нужнѣе намъ войны,
Когда ты здѣсь—и тяжбы нѣтъ въ народѣ:
Живемъ въ любви на отческой свободѣ.

10.

„Къ тебѣ идемъ на судъ; на княжій дворъ
Всѣ съ радостью: и смердъ и горожанинъ.
Пойдешь въ походъ? Тіунъ твой судитъ насъ,
А не миритъ, какъ ты, нашъ миротворецъ.“
„Нельзя намъ ждать, князь старцу отвѣчаетъ:
Дни осени настали, а весною
Не захочу оратая коней
Отторгнуть отъ невспаханныхъ полей.

11.

„Васъ ляхъ своимъ считаетъ достояньемъ:
Онъ помнитъ дань Червленскихъ городовъ.
Нѣтъ, вѣрьте мнѣ: въ душѣ его коварной
Не дремлетъ месть, онъ не забудетъ ввѣкъ,
Какъ нашу Русь отъ половцовъ спасая,
Навелъ я ихъ на Польшу; какъ поля
Опустошалъ я хищными полками
И села жегъ, губя враговъ врагами.

12.

„Но снова ляхъ послышитъ грозный кликъ:
На помощь звалъ я торковъ, берендѣевъ,
И половцевъ союзныхъ племена;
На встрѣчу имъ я съ младшею дружиной
Иду на Днѣпръ и буйныя толпы
Самъ проведу чрезъ русскіе предѣлы;
Настигну васъ, и съ бугскихъ береговъ
Мы дружно всѣ нахлынемъ на враговъ.“

13.

Князь Василько окинулъ всѣхъ очами;
И поклонясь народу, въ гридню онъ
Съ дружиною при кликахъ возвратился.
Всѣ разошлись обратно по домамъ:
Младые, снявъ со стѣнъ мечи и копья,
Острили ихъ и холили коней,
Да слушали, когда отцы и дѣды
Вели разсказъ про прежнія побѣды.

14.

Осѣдланъ конь княжой; онъ у крыльца
Храпитъ и ржетъ, по всадникѣ тоскуя;
Грызетъ онъ сталь и мечетъ гордый взоръ
На конный строй, оружіемъ блестящій.
Какъ жаръ глаза сверкаютъ. Подъ уздцы
Два отрока его, лаская, держутъ,
И подъ сѣдломъ играя, бурый конь
Горитъ въ златыхъ отливахъ, какъ огонь

15.

Весь сонмъ бояръ нисходитъ по ступенямъ:
Но князя нѣтъ. Въ божницу онъ вошелъ
Обнять свою Мстиславну на прощанье;
Онъ къ ней вступилъ и всплакалась она.
„Ты ѣдешь? ты не тронулся ручьями
Горючихъ слезъ? меня тебѣ не жаль,
Не жаль меня, предчувствіемъ томимой.
Теперь не я, а мечъ—твой другъ любимой.“

16.

Огонь течетъ, не слезы изъ очей!
„Сердечный другъ! нѣтъ, ты меня не любишь!
Не вѣришь мнѣ! не вѣрь, а ждетъ гроза.
Вчера мои двѣ дѣвушки сѣнныя
Къ ворожеѣ ходили: черный путь!
Заснула я, но смутное видѣнье,
Зловѣщій сонъ мою встревожилъ грудь
И слышалось въ просоньи: черный путь!

17.

„Не знаю я, сороки или вѣдьмы,
Но злую вѣсть на утренней зарѣ
Надъ теремомъ вѣщунья щекотали:
Не быть добру!“—„Ни словъ, ни темныхъ силъ

Не бойся! Я проѣздомъ черезъ Кіевъ
Свершу обѣтъ, молебенъ отслужу
Въ обители святаго Михаила:
Насъ осѣнитъ покровъ его и сила.

18.

„Я помолюсь и дастъ побѣду намъ
Заступникъ мой, небесный воевода".
„Такъ ѣдешь ты? но вспомни, насъ Господь
Благословилъ: въ себѣ ношу я бремя!
Твой первенецъ родится въ Божій міръ
Не при тебѣ; и кто же первый взглянетъ
На твоего младенца?" Словъ своихъ
Не кончила, невольно голосъ стихъ.

19.

Она, вздохнувъ, къ его груди припала
И какъ дитя, слезами залилась.
„Не плачь! походъ на ляховъ не продлится.. ."
Но слово самъ едва договорилъ ..
Главою къ ней склонился, обнялъ друга,
Поцѣловалъ въ чело, перекрестилъ,
И скрывъ въ душѣ кручины тяжкой бремя,
Сошелъ, ступилъ въ серебряное стремя.

20.

Дворъ зазвучалъ отъ топота копытъ.
Дыханье занялось въ груди Мстиславны;
Изъ терема взглянула—нѣтъ его.
Послѣдній строй, рядъ отроковъ и гридней.
Въ тесовые тѣснился ворота,
Напутствія по стогнамъ раздавались,
Дворъ опустѣлъ—но въ опустѣлой дворъ
Еще она вперяла тусклый взоръ.

21.

Затихъ и шумъ вдали, но жаднымъ слухомъ
Еще она ловила каждый звукъ
И крупныя жемчужины катились
Съ горячихъ вѣждъ изъ голубыхъ очей.
Она въ тоскѣ упала на колѣна,
Къ иконѣ взоръ сквозь слезы возвела,
И скорбь души, всю тяготу печали
Ея уста въ молитвѣ изливали.

22.

Граждане между тѣмъ, за строемъ строй,
На красный дворъ несли свои доспѣхи,
За ними вслѣдъ раздался стукъ колесъ.
Куда везутъ ихъ брони? На Владиміръ,
А черезъ день идетъ и войско въ путь
Три мечника несутъ княжіе латы.
Звенящую кольчугу, шлемъ стальной,
Украшенный насѣчкой золотой.

23.

Мстиславна сборъ услышала походной
И дѣвушку сѣнную позвала.
„Ты видѣла: безъ шлема, безъ кольчуги
Поѣхалъ князь? Онъ половцамъ себя
Довѣритъ, какъ друзьямъ. Я все забыла!
Его ли удержать я не могла?
Но на меня дохнула злая сила,
И все не то я въ страхѣ говорила.

24.

„Ворожея гадала при тебѣ?
Скажи мнѣ.... нѣтъ! пусть снова загадаетъ....
Что жъ выпало?“—„Она шептала намъ:
Бѣда, какъ громъ—не ждешь откуда грянетъ!“
„Такъ, половцы!... мнѣ снилось въ грудь его
Вонзился ножъ; меня обрызгалъ кровью;
Ощупала рукою—но по мнѣ
Лишь капли слезъ струились въ чудномъ снѣ.

25.

„Меня, мое дитя—онъ все оставилъ.
Зачѣмъ народъ не умолилъ его?
А я, зачѣмъ въ безпамятствѣ разлуки
Я именемъ Господнимъ, всѣхъ святыхъ,
Къ ногамъ припавъ, его не заклинала?
Но поздно! онъ на кіевскомъ пути,
Взметая пыль съ летучею дружиной,
Уже моей не тронется кручиной!“

Пѣснь вторая.

1.

Красуется престольный Кіевъ градъ
Одушевленъ народнымъ ликованьемъ:
Веселый, громкій гулъ колоколовъ
Расходится, какъ влаги кругъ струистый;
И звуки сурнъ и бубновъ, слитый шумъ
Всѣхъ голосовъ, всѣхъ кликовъ благодарныхъ,
Благихъ небесъ достойный ѳиміамъ,
Соединясь восходитъ къ небесамъ.

2.

Во всѣхъ церквахъ хвалу Господню пѣли
За крестный миръ, за свѣтлый съѣздъ князей.
Толпы гражданъ по граду волновались
Изъ края въ край; во храмы рои женъ
Шли въ ферезяхъ камчатныхъ, да краснѣли
Какъ маковъ цвѣтъ; а гридни на коняхъ,
Какъ соколы, по улицамъ летали
И нищихъ на княжой обѣдъ сзывали.

3.

Всѣ собрались на Ярославовъ дворъ
Убогіе и странники и старцы;
Перекрестясь, усѣлись вкругъ столовъ;
Дубовые подъ брашнами трещали,
Добыча смѣлой ловли—тамъ буй туръ,
Тутъ кабаны стояли, какъ живые,
И съ влагою искристо-золотой
Одна стопа шипѣла за другой.

4.

Самъ ласковый хозяинъ съ турьимъ рогомъ
Ходилъ вокругъ и старцамъ подносилъ [1])
Кипящій медъ изъ рукъ своихъ державныхъ.
За нимъ и князь Владимірской, Давидъ,
И всѣ бояре шли, да угощали.
Народъ, тѣснясь, толпился вкругъ двора
И повторялъ гостей веселыхъ клики:
Да здравствуетъ на долго князь великій!

---

[1]) Варіантъ: Ходилъ вокругъ и подносилъ гостямъ.

5

За трапезой былъ странникъ; на челѣ
Бездоміе (бездоліе?), быть можетъ и невзгоды,
А не лѣта, прорѣзали бразды.
Взоръ пламенѣлъ изъ подъ склоненной вѣжды;
Въ окладистой и черной бородѣ
Довременно сѣдины пробивались:
Такъ серебритъ луны незримый лучъ
Окраины широкихъ, темныхъ тучъ.

6.

Онъ всталъ, когда приблизился державный,
Съ поклономъ тихо всталъ онъ со скамьи,
Взглянулъ - печаль въ очахъ его сказалась [1].
„Ты бѣденъ? я на радость преложу
Твою печаль! и наволокъ и злата
Въ сей день проси всего!“—„Великій князь!
Я бѣденъ! но что у души отъято,
Не возвратитъ твое княжое злато.

7.

„Я не тужу о бѣдности своей;
Богатымъ я не жилъ и не родился.
Нѣтъ! на сердце иное налегло:
Я вспомнилъ.... но зачѣмъ тебя печалить
И облако на солнце наводить?“
„Нѣтъ, странникъ, скорбь повѣдай мнѣ!“—„Твой образъ
Мнѣ брата, князь, напомнилъ твоего;
Высокій станъ и орлій взоръ его.

8.

„Уже давно нѣтъ князя Ярополка!
Онъ въ землю легъ; но памятную пѣснь
Еще сыны Бояна напѣваютъ.
Я пѣлъ дѣла, я пѣлъ и смерть его;
При мнѣ онъ палъ; я гнался за Нерядцомъ.
Мой жадный мечъ убійцы не настигъ.
Но вотъ рубецъ! на память онъ остался,
Что честно я за князя подвизался.“

---

[1]) Вар: Взглянулъ—слеза въ глазахъ его блеснула.

9.

„Дай злата, князь! прервалъ пѣвца Давидъ.
Онъ отъ тебя награды ждетъ за рапу.“
„Нѣтъ, государь, жду милости иной:
Дозволь твое воспѣть гостепріимство,
Пусть нищіе, за хлѣбъ и соль твою,
Отплатимъ мы хоть благодарнымъ словомъ,
И мой напѣвъ, пройдя изъ устъ въ уста,
Умчитъ его въ грядущія лѣта.“

10.

Запѣлъ Боянъ. Въ серебряныя гусли
Не ударялъ онъ легкою рукой
И съ голосомъ не созвучали струны—
Нѣтъ, съ хитростью пѣвецъ, какъ соловей,
Не сочеталъ божественнаго дара.
Лилася пѣснь, какъ вольная струя,
По первому порыву, безъ искусства,
Отъ полноты восторженнаго чувства.

***

„Видѣлъ я міра сильныхъ князей,
Видѣлъ царей пированья;
Но на пиру, но въ сонмѣ гостей
Братій Христовыхъ не видѣлъ.
Слезы убогихъ искрами бьютъ
Въ чашахъ шипучаго меда.
Гости смѣются, весело пьютъ
Слезы роднаго народа.

***

Слава тебѣ! ты любишь народъ,
Чествуешь бѣдныхъ и старцевъ.
Слава изъ рода въ будущій родъ,
Солнышку нашему слава!
Ты съ Мономахомъ Русь умирилъ
Кроткой, могучей десницей;
Тучи развѣя, ты озарилъ
Русское небо денницей.

***

Слава князьямъ! но въ стаѣ орловъ.
Слышите, грастъ и воронъ.
Онъ напитался тукомъ гробовъ,
Лоснятся перья отъ крови.
Очи—красу молодаго чела—
Очи, подобны денницѣ,
Онъ расклевалъ- и кровью орла
Рдѣется въ орлей станицѣ.“

11.

Еще стоялъ осанисто пѣвецъ
И черный взоръ, какъ молнія изъ мрака,
Сверкалъ. Глядѣлъ онъ долго на князей.
Народъ не зналъ хвалить ли, нѣтъ Бояна,
И княжихъ словъ въ недоумѣньи ждалъ.
Но Святополкъ безмолвно озирался,
Сгущалась тьма на сумрачномъ лицѣ,
И въ горести забылъ онъ о пѣвцѣ.

12.

Онъ въ гридницу медлительной стопою
Идетъ, склоня угрюмое чело.
И проводивъ печальнаго очами,
Съ упрекомъ всѣ взглянули на пѣвца.
Зачѣмъ онъ пиръ разстроилъ?..... За державнымъ
Одинъ Давидъ послѣдовать дерзнулъ.
Пыталъ лица, очей его движенье
И наконецъ промолвилъ (въ) утѣшенье:

13.

„Я ближній твой по крови; кто иной
Отъ всей души твое раздѣлитъ горе?
Мнѣ былъ онъ по тебѣ дороже всѣхъ,
И долго самъ я сѣтовалъ о падшемъ,
Открой же мнѣ всю душу; я твой другъ!
Излей печаль о братѣ Ярополкѣ
И будетъ намъ отраднѣе вдвоемъ
И горевать, и поминать о немъ.

14.

„Господь, Господь единый, а не люди
Тебя и насъ утѣшитъ. Но къ чему
Въ день пиршества пѣвецъ, презрѣнный нищій,
На язву ядъ излилъ? Что до князей
За дѣло имъ?“—Я за любовь ко брату,
Прощаю все ему. Но что онъ пѣлъ?
Не вѣрю я..... Нѣтъ! я ли вѣрить стану
Порыву чувствъ и пылкихъ думъ обману!“

15.

—Что пѣснь? Что пѣснь? Давидъ, я сознаюсь,
Мнѣ въ душу пѣснь вдохнула подозрѣнье.
О комъ онъ пѣлъ?—„Ты знаешь, Святополкъ,
Извѣстно всѣмъ куда бѣжалъ Нерядецъ.“

—Куда бѣжалъ!.. но быть не может, князь,
Не можетъ быть. Какъ, дѣти Ростислава
Убійцы! нѣтъ, они въ крови родной
Не обагрятъ руки своей честной.

16.

„Я думалъ, что ты знаешь, мнѣ казалось
Скрываешь ты въ груди своей вражду,
Для тишины отчизны“—Я? до гроба
Я буду мстить за брата моего,
До гроба мстить и до послѣдней капли
Я выпью кровь убійцы .... Бѣдный братъ!
Ты юный палъ душой и станомъ красный
И не въ бою померкнулъ взоръ твой ясный

17.

Но мнѣ твоимъ не вѣрится словамъ.
Скорѣе всѣ, чѣмъ дѣти Ростислава....
Не вѣрю!—„Я напомню, Святополкъ:
Ты требовалъ отъ нихъ главы Нерядца?“
—Я требовалъ и былъ бы выданъ онъ,
Но онъ бѣжалъ —„Живетъ онъ въ Теребовлѣ.“
—Какъ? Василько.... убійцу... въ свой удѣлъ. ..
„Не принялъ, нѣтъ! не (но?) онъ его призрѣлъ....“

18.

—Холодный потъ съ раздумья проступаетъ;
Скажи мнѣ, князь, ужели Василько?
Пусть Володарь, умершій братъ ихъ Коринъ....
Но тотъ ли кто и славимъ и любимъ....
„Онъ черни льститъ на вѣчѣ, а дружина
За то его возноситъ до небесъ,
Что съ юныхъ лѣтъ ея послушный кличу,
Водилъ ее успѣшно на добычу.

19.

„Да что народъ! пусть славитъ онъ его;
Изъ гроба намъ не вызвать Ярополка.“
И взорами впился въ его чело.
Онъ жадно зрѣлъ какъ дума тяжелѣла.
Въ помостъ глаза уставя, Святополкъ
Безмолвенъ былъ. Онъ шевелилъ устами;
Отъ смутныхъ думъ горѣла голова,
Но на устахъ не строились слова.

20.

По гридницѣ поспѣшными шагами
Прошелъ.—Меня сомнѣнье тяготитъ;
Гдѣ нищій?—„Князь, ты нищему довѣришь?
Ему ли знать, онъ темный человѣкъ."
—А ты Давидъ, какъ знаешь?—„Я? Отъ многихъ.
Отъ Туряка.... но вспомни, Святополкъ,
Мы поклялись предъ всѣми, на налоѣ,
Блюсти любовь и Русь хранить въ покоѣ.

21

„И первый ты! Забудь же месть свою."
—Мнѣ братъ, мнѣ кровь его дороже мира.
Не буду я покоенъ.... не могу
Покойнымъ быть, пока я не открою
Всей тайны. Не томи: скажи мнѣ все...
Нѣтъ! ты не любишь брата... Изъ могилы
Онъ молитъ! къ намъ возноситъ скорбный гласъ:
На брань, Давидъ, на месть зоветъ онъ насъ;

22.

Онъ предо мной стоитъ окровавленный.....
Ты поблѣднѣлъ, Давидъ? ты самъ въ лицѣ
Отъ жалости и гнѣва измѣнился.
Клянись же, дай обѣтъ, что будешь мстить,
Какъ другъ, какъ братъ!—„Я помню Ярополка!
А на душу грѣха я не приму;
Не навлеку на имя укоризны,
Что первый я нарушилъ миръ отчизны."

23.

—Такъ вотъ, Давидъ, твоя любовь ко мнѣ?
„Повѣрь мнѣ, что я преданъ всей душою
Тебѣ, мой братъ старѣйшій, но какъ другъ
Не растравлю твоей сердечной язвы.
И такъ сказалъ я лишнее" —„Постой!
Иди! ты сталъ душою слабъ."—И долго
Ходилъ одинъ по гридницѣ пустой,
То быстрою, то медленной стопой

24.

Луна взошла на вышину лазури
И сыплетъ свѣтъ съ безоблачныхъ небесъ
И на вѣнцы Софія величавой,
И на святой Печерскій монастырь;

Главы церквей, какъ звѣзды, отдѣлились,
Свѣтлѣя отъ серебряныхъ лучей,
И Спасу въ честь ихъ сонмъ блистаетъ звѣздный,
Какъ и небесъ сверкающія бездны.

25.

Престольный градъ по шумномъ торжествѣ
Покоится какъ море послѣ бури.
Задумчивъ Днѣпръ: едва струится онъ;
Въ его волнахъ не плещутся русалки
И пѣсней заунывныхъ не поютъ;
Ихъ древніе пріюты опустѣли
И крестъ святой изъ ясно-синихъ водъ
Изгналъ на вѣкъ подводный хороводъ.

26.

Уже луна ср бристѣе мерцаетъ
И сумраки спустилися на Днѣпръ,
Прозрачное накинувъ покрывало
На горы и на сонный Кіевъ-градъ.
Недвижимъ онъ! и только гдѣ Владиміръ
Крещенья свѣтъ излилъ на свой народъ,
Во мракѣ челнъ, мелькая подъ горою,
Колышется, лелѣемый волною.

27.

Но кто стоитъ, опершись на весло?
Съ челна глядитъ онъ на высокій берегъ;
Какъ тѣнь другой спустился. Въ зыбкій челнъ
Едва ступилъ: „Узналъ ли ты, гдѣ нищій?"
„Я съ пиршества княжова шелъ за нимъ,
Надъ нимъ дышалъ, но во вратахъ внезапно
Отброшенный стремленіемъ толпы,
Уже съ трудомъ слѣдилъ его стопы.

28.

„Онъ скрылся. Я искалъ еще глазами
Куда онъ путь направилъ; но въ толпѣ
Пестрѣющей и странниковъ и нищихъ
Не распозналъ я рубища его.
Разсыпались полунагіе гости,
Остался я одинъ. Но будь хранимъ
Онъ вѣдьмами, въ вертепахъ подъ землею,
Я все его пристанище открою."

29.

Сказалъ и челнъ онъ оттолкнулъ весломъ;
Ударилъ имъ по влагѣ; отскочило
Оно отъ волнъ и съ плескомъ пало вновь.
Челнъ вышелъ изъ подъ тѣни горъ прибрежныхъ;
Блеснувъ, струя змѣею развилась,
Дошла до полъ Днѣпра и по теченью
Чуть зыблемыхъ, объятыхъ нѣгой волнъ
Она, свѣтясь, слѣдила легкій челнъ.

30.

Безъ веселъ онъ спускался. Днѣпръ покойно
Качалъ его, какъ старецъ колыбель.
„Ты слышишь ли Турякъ? звучнѣетъ пѣнье,
Ударь весломъ“.... Протяжно голоса
Исходятъ изъ обители Печерской;
Въ ней лучъ блеснулъ; незримая рука
По храму цѣпь златую протянула
И полонъ Днѣпръ молитвеннаго гула.

31.

„Мнѣ тяжело, Турякъ!“—Вернемся, князь —
„Нѣтъ, все равно: я Спасу неугоденъ,
Въ обители еще я утромъ былъ;
Давалъ обѣтъ Ему придѣлъ воздвигнуть:
Что жъ отвѣчалъ мнѣ схимникъ Іоаннъ:
Лежитъ ли грѣхъ на сердцѣ покаянье,
А не сребромъ обложенный придѣлъ,
Омоетъ духъ твой отъ грѣховныхъ дѣлъ.“

32.

—Все мало для монаховъ! Имъ хотѣлось
Въ твое княжое сердце заглянуть.—
„Отъ схимника я къ вѣщуну поѣхалъ,
Но отложилъ до ночи. Чернецы
Все видятъ, знаютъ: разгласятъ въ народѣ,
Что жертвы жгу богамъ моихъ отцовъ...
Какъ будто и грѣшно предъ небесами
Сегодня знать что̀ завтра будетъ съ нами.

33.

„Но будетъ ли онъ завтра?...“—Ѣдетъ онъ —
„Но ѣдетъ ли на Кіевъ?“—Отъ Кульмея

Что мнѣ кудесникъ передалъ вчера, [1])
Тебѣ пересказалъ я, князь, и время
Прибыть ему.—„Презрительный пѣвецъ
Едва изъ рукъ добычи не исторгнулъ!
Какъ онъ металъ безстыдно на меня
Свой мрачный взглядъ, исполненный огня.

34.

„Мнѣ чудилось, что весь народъ, всѣ очи
Въ меня вперясь!“—Тутъ былъ я, государь,
Я замѣчалъ за всѣми: на Бояна
Глядѣлъ весь пиръ и взоровъ не сводилъ.
Я знаю самъ, мнѣ только показалось,
Но если бъ я не гласно могъ пѣвца....
Чтобъ проводить его на новоселье....
Что думать тутъ? лишь слово, князь, да зѣлье....

35.

«Молчи Турякъ, ты извергъ“.—Государь!
По мнѣ хоть пой потѣшный соловей
Безъ умолку.—„Но чтобы онъ ни пѣлъ, [2])
Онъ поводъ далъ къ тому, чего я жаждалъ,
Турякъ. Теперь направленъ Святополкъ,
Онъ позоветъ тебя, будь скупъ на слово.
Я собственной предалъ его борьбѣ,
И пламя онъ раздуетъ самъ въ себѣ.»

36.

—Попалъ ли звѣрь, пусть онъ въ тенетахъ бьется
Лишь только бы тенетъ не разорвалъ.—
„Въ нуждѣ, шепни два слова о Кульмеѣ...
Но если нищій разъ еще придетъ?“
—Два ловчіе вблизи двора княжова
Твои бояре, Лазарь и Василь,
Ждутъ недруга и до исхода ночи
Блюдутъ вокругъ недремлющіе очи.—

[1]) Вар. «На завтра жду... сегодня ждалъ его...
Но ѣдетъ ли на Кіевъ?»—Что кудесникъ
Мнѣ отъ Кульмея передалъ вчера, и пр.

[2]) Вар. Я за тебя готовъ въ огонь и въ воду,
И въ самый адъ!—«Но, чтобы онъ ни пѣлъ, и пр.

37.

„Но если кто увидитъ слугъ моихъ?
Молва - огонь, чуть вспыхнетъ, все обхватитъ...
Какъ медлитъ онъ! Дождусь ли? Червь заботъ
Меня томитъ, какъ огненная жажда;
Но какъ свершимъ, то отдохнемъ душой;
Наказанный—предъ чернію виновенъ!....
И въ пропасти померкнетъ безъ слѣда
Съ высотъ небесъ упавшая звѣзда.

38.

„Что, другъ, успѣхъ?“—Все въ мірѣ, князь, гаданья,
Хоть иноки считаютъ ихъ за грѣхъ,
Но жрецъ теперь намъ тайну разгадаетъ.—
„Мы Выдубичь минули.“ Вправо челнъ
Направилъ онъ. „Но что за визгъ и вопли?“
Спросилъ Давидъ.—Не даромъ, государь,
Ведется слухъ давно про эту гору,
Что не тиха въ полуночную пору.—

39.

Еще взмахнулъ онъ веслами. „Турякъ.
Закинь багоръ!“ и челнъ причаливъ, оба
Взбираются по к утизнѣ горы.
И слѣва обогнувъ ея вершину,
Въ ущельѣ, по уступу, гдѣ земля
Обрушилась и поросла кустами,
Сокрылись. Тамъ за камнемъ тѣсной ходъ
Въ пещеры велъ подъ лоно самыхъ водъ.

40.

Подземный путь во всѣ концы вѣтвится,
Сто отзывовъ въ отвѣтъ на каждой звукъ
Грохочетъ въ немъ: то своды захохочутъ,
То всплещутъ, то завоютъ. Вѣдьма путь
Перебѣжала, громко засвистала,
За свистомъ свистъ раздался ей во слѣдъ.
„Гдѣ путь? земля колеблется подъ нами:
И я во тьмѣ теряюся очами.

41.

„Куда ступить?“—Все ниже, князь.—Блеснулъ
Имъ въ очи яркій свѣточъ—и не дѣва
Явилась, не земная красота,
Но съ небомъ, адъ слилися въ обольщенье,

Въ грозу очей и прелесть гнѣвныхъ устъ.
Въ рукѣ былъ мечъ, въ другой пылавшій свѣточъ.
И взоръ блуждалъ, какъ слово на устахъ:
Безумный взоръ въ плѣнительныхъ очахъ.

42.

Блѣдна—и грудь подъ русыми волнами,
Какъ легкій пламень въ трепетной рукѣ,
То падала, то воздымалась снова:
Дыханье прерывалось; и уста,
Когда искали звуковъ, то привычной
Улыбкою, казалось, разцвѣтутъ.
„Пришельцы!“ и промчалось слово гнѣва
Какъ первой звукъ волшебнаго напѣва.

43.

„Отвѣтъ! отвѣтъ! потушенъ ли огонь?“
– Неугасимъ, отвѣтствовалъ бояринъ,
И повторилъ Давидъ неугасимъ!
„Надъ симъ мечемъ завѣтнымъ нашихъ предковъ
Клянитесь вѣкъ блюсти святыню тайнъ.“
Клянемся!—„Если тайну разрѣшите,
Испепелитъ васъ пламя по частямъ
И вихри васъ развѣютъ по полямъ.“

44.

Клянемся!—Своды клятвы повторили.
Имъ усмѣхнулась чудная жена
И будто не ступая побѣжала.
За нею пламя, какъ свѣтила хвостъ,
Летѣло внизъ, потухло въ легкомъ бѣгѣ,
И путниковъ объемлетъ прежній мракъ.
Надъ ихъ челомъ пронесся звонкой хохотъ,
И вновь кругомъ звучитъ стогульный грохотъ.

45.

И вдоль пути глухіе голоса
Изъ стѣнъ пещерныхъ имъ шептали въ уши:
„Храните тайну; если врагъ про насъ
Узнаетъ, мы и сестры обернемся
Въ станицу птицъ ночныхъ и на куски
Кохтями растерзаемъ ваше тѣло.
И воскресимъ и растерзаемъ вновь
И высосимъ предательскую кровь.

46.

„Клянитесь же и въ третій разъ.“ Клянемся! —
Внезапно дверь отверзлась, понеслись
Стремительно на встрѣчу тучи дыма;
Сквозь облако вертепъ, какъ смутный сонъ,
Открылся: семь кумировъ, огнь предъ ними,
Кругомъ боговъ кружилась цѣпь старухъ,
И вкругъ нее съ веселостью безумной
Цѣпь юныхъ дѣвъ мелькала въ пляскѣ шумной.

47.

Незримой хоръ при заклинаньяхъ пѣлъ:
„Перунъ-ли въ тучахъ на крылѣхъ Стрибога
Промчится, вслѣдъ по радугѣ сойдутъ
Велесъ, богъ стадъ, Купала — плодоносецъ,
Калядо съ миромъ, Ладо — богъ любви,
А гдѣ любовь, тамъ благъ податель — Даж-богъ“.
Но смолкнулъ хоръ. При входѣ двухъ гостей
Распались звенья пляшущихъ цѣпей.

Жрецъ.

Добрые гости!

Хоръ.

Добрые гости!
Вѣдьмы, русалки! снова двойною
Цѣпью скачите. Вѣчно мѣняясь —
Юность и старость, лѣто — зима
Пляшутъ, летятъ двойной вереницей
Вкругъ неизмѣнныхъ, вѣчныхъ боговъ.
Снова летите птицей за птицей,
Шумно кружась двойной вереницей.

Жрецъ перуновъ.

Кружитесь вкругъ вѣчно-живаго костра
И пойте вѣчное проклятье!
Низринутъ небесный въ пучину Днѣпра —
Проклятье, вѣчное проклятье!

Всѣ.

Проклятье! вѣчное проклятье!

Незримый хоръ.

Горятъ, гремятъ небесныя проклятья.
Божественный въ сѣдую бездну палъ,
Но вѣрный Днѣпръ пріялъ его въ объятья
И влажными устами лобызалъ
Главу, стопы его святыя;
И передъ тѣмъ, кто вержетъ громъ,
Покорно волны вѣковыя
Поникли трепетнымъ челомъ.

Перуновъ жрецъ.

Костеръ, разметанный врагами,
Пылаетъ снова передъ нимъ!
Пусть тушатъ хладными устами [1]—
Священный огнь неугасимъ!

Всѣ.

Священный огнь неугасимъ! [2])

Хоръ жрецовъ.

Грудныхъ младенцевъ, непричастныхъ
Грѣху отцовъ,
Несите вѣдьмы и русалки
Предъ ликъ боговъ!

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «Пусть гасятъ крови, слезъ рѣками.»
[2]) Послѣ этого зачеркнуто:

Верховный жрецъ.

Перунъ! твой огнь, сокрытый подъ землею,
Изъ нѣдръ ея—пылающей рѣкою
На градъ преступный потечетъ,
И пепелъ стѣнъ, и прахъ невѣрныхъ братій,
Постигнутыхъ стрѣлой твоихъ проклятій,
Какъ жертву къ небу вознесетъ.

Мы на кострѣ сожжемъ начатки
От ихъ волосъ,
Чтобъ сынъ славянъ богамъ славянскимъ
Во славу росъ. [1]

Три вѣдьмы.

Мы змѣею зашипѣли,
И какъ вихорь понеслись;
Съ визгомъ въ теремы влетѣли,
И дѣтей изъ колыбели
Мы схватили и взвились.

Всѣ вѣдьмы.

Цѣпки у вѣдьмы медвѣжія лапы,
Легокъ нашъ конь, помело,
Свищемъ и скачемъ пока на востокѣ
Не разсвѣло.

Русалки.

Неслышной стопою
Касаясь земли,
Мы руку съ рукою
Какъ вѣтви сплели.
Мы пѣснь напѣвали.
И въ лунныхъ лучахъ
Какъ тѣни мелькали
На Лысыхъ горахъ.
Мы дѣвъ заманили
На пѣсенный гласъ,
Вкругъ липы водили;
И съ каждой изъ насъ,
Смѣясь, цѣловались
Онѣ сквозь вѣнокъ;
И съ нами сплетались
Въ русальный кружокъ.
Вотъ сходимъ. Какъ птицы
Посм.. и летимъ;

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто:
Чтобъ славянинъ въ любви и вѣрѣ
Душой возросъ!

Со смѣхомъ въ свѣтлицы
Порхнемъ къ молодымъ;
То шопотомъ сладко
Надъ люлькой поемъ,
Поемъ и украдкой
Дитя унесемъ.

Верховный жрецъ.

Святыхъ постригъ совершены обряды
И семь славянъ богамъ посвящены!
Да будутъ ихъ младенческіе сны
Исполнены божественной отрады.
Пусть Ладо къ нимъ въ видѣніи сойдетъ,
Пусть имъ внушитъ къ богамъ благоговѣнье,
И сладкое младенчества видѣнье
Глубоко въ душу западетъ.

Хоръ жрецовъ.

И пусть съ колыбели сердце ихъ дышетъ
Любовью къ богамъ славянскихъ племенъ,
Пусть каждый младенецъ имя услышитъ,
Святѣйшее всѣхъ небесныхъ именъ.

Верховный жрецъ.

Есть небеса надъ небесами
Превыше молній и громовъ;
Есть звѣздный теремъ надъ звѣздами!
И ни единый изъ боговъ
Не преступалъ его порога –
Судьба – при имени святомъ
Во прахъ поникните челомъ—
Сама Судьба—есть мысль Бѣлбога!

Всѣ жрецы.

Обрядъ свершенъ.

Верховный жрецъ.

Теперь распадитесь
Всѣ звѣнья цѣпей:
Два гостя ступите

Предъ жертвенный огнь.
Вопросъ вашъ я знаю—
И дамъ я отвѣтъ....
Русалки и вѣдьмы!
По дебрямъ, горамъ
Вы скачете ночью
Вкругъ кіевскихъ стѣнъ.
Кто прибылъ? Кто прибылъ?

Русалки.

На Рудицѣ станъ!

Вѣдьмы.

На Рудицѣ станъ!
И чуждому Богу
Въ шелкóвомъ шатрѣ
Тамъ молится витязь.

Верховный жрецъ.

Тотъ Богъ не спасетъ!
Запекшейся крови
Возьмите отъ жертвъ;
Скачите вкругъ стана,
Промчитесь грозой;
Отъ крови, согрѣтой
Дыханіемъ устъ,
Вы бросьте три капли
На витязя станъ.
Тамъ врагъ. тамъ гонитель
Славянскихъ боговъ. [1])
Русалки и вѣдьмы,
По доламъ, по горамъ
Разсѣйтесь, несите
Погибель врагамъ.

48.

Разсѣялись. Одинъ верховный жрецъ
Остался. „Знать грядущее-ли жаждешь—

---

[1]) После зачеркнуто:
Спѣшите, скачите,
Бѣду насвищите
На витязя станъ.

Иди за мной", Давиду онъ сказалъ.
И путниковъ сквозь рядъ боговъ проводитъ.
Въ священный сумракъ тихо сходитъ онъ.
Чуть свѣтитъ лучъ отъ тлѣющаго жара,
Въ крови стоитъ предъ ними Чернобогъ
И черепы повержены у ногъ.

49.

Верховный жрецъ на угли кинулъ жупелъ
И въ синій пламень черепъ положилъ.
Онъ шопотомъ невнятнымъ заклинанья
Надъ нимъ читалъ. Вотъ черепъ почернѣлъ
И наконецъ опепелились кости;
Вотъ жрецъ на нихъ перстомъ слѣдитъ черты:
„Внимай, Давидъ, благоговѣйнымъ слухомъ:
Успѣхъ тому, кто бодръ и силенъ духомъ!

50.

„Кто чашу яда смѣло поднесетъ
И дастъ врагу испить ее до капли!
Тебѣ есть путь, но нѣтъ полу-пути.
Отъ робкаго и боги отлетаютъ".
—На все готовъ, отвѣтствовалъ Давидъ
Въ смятеньи: я ручаюсь за начало:
Но что конецъ..... какъ низкіе рабы,
Мы при концѣ зависимъ отъ Судьбы.—

51.

„Въ свидѣтели приемлю Чернобога,
Давидъ! черты по черепу легли,
Во знаменье желаннаго успѣха;
Но вспомни: не пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Но богъ родной успѣхъ тебѣ даруетъ,
Но богъ славянъ, его-жъ отвергла Русь.
Затѣмъ, чтобъ намъ, питомцамъ бранной славы,
Безсильный грекъ, нашъ данникъ, далъ уставы.

52.

„Признай, люби отеческихъ боговъ:
Клянись!" Давидъ невольно поднялъ руку,
Но какъ свинецъ, отяжелѣла длань
И на плечо бояриа упала;

Турякъ взглянулъ съ усмѣшкой на него.
„Ужель тебя христьянской рай чаруетъ?"
Воскликнулъ жрецъ. „Но тамъ, средь чернецовъ,
Ты будешь сиръ и чуждъ своихъ отцовъ.

53.

Законъ христьянъ не доблесть, а смиренье:
Уже народъ женоподобенъ сталъ
И прежде всѣхъ самъ древній князь Владиміръ.
Вотъ первый бичъ; еще иной грозитъ!
Съ зари восходятъ тучи! Обратитесь!
Уже куетъ оковы гнѣвный богъ
И превратитъ всю Русь съ ея князьями
Въ развалины, сцѣпленныя бичами.

Александръ Одоевскій.

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ прелестнымъ стихотвореніямъ одного изъ талантливыхъ поэтовъ Пушкинской эпохи — князя Александра Ивановича Одоевскаго (декабриста), сообщенныхъ „Русской Старинѣ" изд. 1870 года (изд. третье, стр. 571 - 580) тоже декабристомъ М. А. Назимовымъ, мы помѣстили двѣ пѣсни того же Одоевскаго изъ поэмы „Василько". Сообщеніемъ этихъ главъ поэмы мы обязаны другу поэта, товарищу его по тюрьмѣ и ссылкѣ въ Сибирь, а затѣмъ и на Кавказъ, Александру Петровичу Бѣляеву, котораго обширныя и интересныя записки напечатаны въ „Русской Старинѣ" въ изд. 1880 и 1881 гг.

Князь А. И. Одоевскій род. въ 1804 г., умеръ 12-го августа 1839 г. на восточномъ берегу Чернаго моря, на Кавказѣ, въ ничтожной крѣпостишкѣ (нынѣ упраздненной) Псезуаппе.

Поэма „Василько", по свидѣтельству А. П. Бѣляева, состоитъ изъ четырехъ пѣсенъ. Первыя двѣ напечатаны, подъ наблюденіемъ Петра Александ. Ефремова, съ подлинной рукописи кн. А. И. Одоевскаго, которая, по выраженію г. Бѣляева, сохранена имъ „какъ памятникъ общей казаматской жизни съ дорогимъ другомъ и талантливымъ поэтомъ".—Третьей пѣсни у А. П. Бѣляева нѣтъ.

Не найдется ли она у кого либо изъ другихъ знакомыхъ и друзей поэта?

Ред.

ВЫСЕЛЕНІЕ ГОРЦЕВЪ СЪ КАВКАЗА.

III [1]).

Причины выселенія горцевъ.—Успѣхи русскаго оружія.—Перемѣна системы войны.—Казачья колонизація.—Неизбѣжность безусловной покорности горцевъ.—Обольщеніе ихъ собственными представленіями о могуществѣ и величіи Турціи и участіи Европы.

Окончаніе крымской войны, какъ сказано выше, доставило возможность усилить военныя дѣйствія, задержавъ на Кавказѣ всѣ войска, которыя были двинуты во время войны на закавказскую границу съ Турціей. Назначеніе князя Барятинскаго главнокомандующимъ кавказскимъ корпусомъ и выборъ имъ въ начальники штаба генерала Д. А. Милютина, съумѣвшаго централизировать всѣ самостоятельныя дѣйствія отдѣльныхъ начальниковъ и направить ихъ на исполненіе одного общаго плана покоренія Кавказа, содѣйствовало окончанію завоеванія края. Но едва-ли все это привело бы къ рѣшительнымъ результатамъ, если-бы не былъ совершенно измѣненъ прежній образъ веденія войны и принята система водворенія прочныхъ казачьихъ поселеній въ завоеванныхъ мѣстахъ, приведенная въ исполненіе (съ 1860 года) графомъ Евдокимовымъ. Вотъ какъ объясняетъ неизбѣжность этой системы начальникъ штаба генералъ Карцовъ въ письмѣ къ управляющему русскою миссіею въ Константинополѣ [2]).

«До 1860 года цѣль нашихъ дѣйствій на Кавказѣ состояла въ томъ, чтобы экспедиціями, предпринимавшимися въ мѣста, занятыя горцами, наносить имъ возможно частыя пораженія и, убѣдивъ ихъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., томъ XXXIII, (январь), стр. 161—176.

[2]) Письмо генерала Карцова къ управляющему русской миссіей въ Константинополѣ, отъ 23-го августа 1863 года, № 17. Ад. Б.

въ превосходствѣ нашихъ силъ, заставить изъявить покорность. Результатомъ этихъ экспедицій было то, что ближайшія къ намъ общества, жившія на равнинахъ, то покорялись, то снова возставали и постоянно насъ грабили, сваливая вину на сосѣдей, жившихъ выше ихъ, въ горахъ. Въ минувшую (Крымскую) войну всѣ общества, бывшія покорными, одновременно возстали и пришлось снова покорять ихъ».

«Стало очевидно, что при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, по прежней системѣ, на какихъ бы условіяхъ ни покорялись намъ горцы, покорность эта продолжалась бы только до тѣхъ поръ, пока они сами желали-бы соблюдать ее, а первый выстрѣлъ на Черномъ морѣ и даже какое нибудь вымышленное письмо султана или прибытіе самозванца-паши, снова могло бы возбудить войну. Если даже мы заняли бы горы укрѣпленіями и провели бы къ нимъ дороги, то все-таки приходилось бы постоянно держать въ горахъ огромное число войскъ и не быть покойнымъ ни одной минуты».

«Вслѣдствіе этого осенью 1860 года рѣшено было прекратить безполезныя экспедиціи и приступить къ систематическому заселенію горъ казачьими станицами; горцевъ же выселять на плоскость, подчиняя тѣмъ нашему управленію».

Предложенный графомъ Евдокимовымъ планъ безповоротнаго окончанія кавказской войны уничтоженіемъ непріятеля замѣчателенъ глубиною политической мысли и практическою вѣрностью. Нельзя не признать, разбирая исторію кавказской войны, что военныя экспедиціи причиняли большіе расходы людьми и деньгами и что прочное водвореніе русской власти на Кавказѣ могло распространяться только благодаря колонизаціи. Самые блистательные подвиги нашихъ генераловъ и изумительный героизмъ и самоотверженіе войскъ не оставило ничего, кромѣ славныхъ страницъ въ исторіи. Ужасъ, внушаемый экспедиціями непокорнымъ племенамъ, проходилъ очень скоро: они отдыхали отъ понесенныхъ потерь, возстановляли трудомъ все истребленное огнемъ и мечемъ, и вновь готовы были вступить въ бой съ нашими войсками, пополненными новыми рекрутами изъ Россіи. Но тамъ, гдѣ за военнымъ набѣгомъ слѣдовало прочное водвореніе, тамъ русское владычество оставалось навсегда. Не было примѣра, чтобы поселеніе, основанное на землѣ непокорныхъ горцевъ, было оставлено нами: какъ ни трудно было жить въ немъ, но эти трудности преодолѣвались назначеніемъ гарнизоновъ въ опасныя мѣста и движеніемъ войскъ впередъ, для покоренія новыхъ мѣстъ, обезпечивавшихъ занятый пунктъ.

Эта система практиковалась съ перваго появленія русскихъ на

Терекѣ, въ 1567 году, но она практиковалась въ силу необходимости, не какъ цѣль, а какъ неизбѣжное послѣдствіе необходимости обезпечить границу. Только въ новѣйшее время, съ 1769 года, начата искусственная колонизація съ цѣлью водворенія русскаго владычества поселеніемъ, по повелѣнію императрицы Екатерины II, 517 семей волжскихъ и 100 семей донскихъ казаковъ на рѣкѣ Терекѣ, которымъ и повелѣно именоваться Моздокскимъ полкомъ. Въ 1792 году переселено также, по повелѣнію той же императрицы, 3,000 семей донскихъ казаковъ въ Черноморіе и водворено здѣсь войско Черноморское. Этихъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы показать, что система колонизаціи для прочнаго покоренія Кавказа не только была давно извѣстна, но и практиковалась въ большихъ размѣрахъ во время кавказской войны. Тѣмъ не менѣе заслуга графа Евдокимова нисколько не уменьшается. Колонизація, представляя сложную и трудную государственную мѣру, по своему гражданскому характеру требуетъ много усилій со стороны администраціи и имѣетъ очень мало шансовъ для наградъ, которыя такъ легко достаются во время военныхъ дѣйствій. Оттого колонизація какъ система покоренія Кавказа, предоставляя все будущему и не представляя блистательныхъ отличій въ настоящемъ, никогда не отличалась сочувствіемъ боевыхъ кавказскихъ генераловъ. Всѣ они, пользуясь разъединенностью различныхъ частей Кавказа, постоянно предполагали экспедиціи, преслѣдовали хищниковъ за набѣги и составили славную эпопею кавказской войны, но рѣдко кто изъ нихъ думалъ о гражданскомъ устройствѣ зачятаго края и о его будущемъ. Солдатскія слободки при гарнизонахъ укрѣпленій возникали сами собой вслѣдствіе необходимости, но на нихъ меньше всего обращалось вниманія. Да и до сихъ поръ, нельзя не сознаться, еще не сдѣлано ничего, чтобы поднять умственный и нравственный уровень населенія этихъ зачатковъ русскихъ городовъ и ускорить развитіе его матеріальнаго благосостоянія. Князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ—оба составили себѣ карьеру на Кавказѣ и знали всѣ недостатки и весь вредъ разъединенности и безцѣльности военныхъ дѣйствій отдѣльныхъ начальниковъ по ихъ собственному почину. Оба они одинаково ясно понимали, что послѣ крымской войны наступило самое благопріятное время для окончанія кавказской войны и потому совершенно естественно, что предложенная графомъ Евдокимовымъ система дѣйствій заслужила одобреніе князя Барятинскаго. 24-го іюня 1861 года состоялся Высочайшій рескриптъ объ увеличеніи льготъ и пособій казакамъ кубанскаго казачьяго войска, переселяющимся на передовыя линіи, а 10-го мая 1862 года уже было

Высочайше утверждено положеніе о заселеніи предгорій западной части кавказскаго хребта кубанскими казаками и другими переселенцами изъ Россіи.

Исполненіе этого плана начато еще ранѣе. Въ концѣ 1857 года переселена графомъ Евдокимовымъ часть населенія Большой и Малой Чечни на новыхъ указанныхъ ей мѣстахъ и въ томъ же году заложена станица Родниковская на Большой Лабѣ. Въ маѣ 1858 года заложено 6 новыхъ станицъ Урупской казачьей бригады на рѣкахъ Урупѣ, Тегенѣ и Большомъ Зеленчукѣ и затѣмъ закладка ихъ продолжалась постепенно, по мѣрѣ движенія нашихъ войскъ впередъ.

Взятіе въ плѣнъ Шамиля, 25-го августа 1859 года, позволило ослабить военныя дѣйствія на восточномъ Кавказѣ и сосредоточить все вниманіе на окончательное покореніе западнаго Кавказа, который получилъ особенное значеніе послѣ крымской войны, указавшей, что сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря можетъ быть избранъ для десанта непріятелемъ и потому прочное его занятіе необходимо въ интересахъ обезпеченія всего Кавказа. Уничтоженіе нашего черноморскаго флота и стѣснительныя условія Парижскаго трактата не дозволили намъ, какъ это было прежде, базироваться на Черное море и неизбѣжно заставили признать правильность плана, задуманнаго графомъ Евдокимовымъ: базироваться при покореніи западнаго Кавказа на кубанское казачье войско и линіями новыхъ поселеній стѣснять постоянно горскія племена до полной невозможности жить въ горахъ. Поэтому, мы только заняли со стороны Чернаго моря: на югѣ Сухумъ и Гагры, необходимые для владѣнія Абхазіей, а на сѣверѣ Анапу и Новороссійскъ, и затѣмъ усиленнымъ крейсерствомъ и частыми десантами безпокоили непокорныя прибрежныя племена; главныя-же военныя дѣйствія происходили на сѣверномъ склонѣ кавказскаго хребта, гдѣ наши войска систематически подвигались впередъ, опираясь на существующія поселенія и устраивая новыя линіи. При самомъ началѣ исполненія этого плана, горцы поняли, что ихъ ожидаетъ и вслѣдствіе этого въ 1861 году три главныя изъ племенъ: Шапсуги, Абадзехи и Убыхи составили союзъ, отправили депутацію къ Государю Императору и предлагали покорность съ разными условіями. Но отъ нихъ потребовали безусловной покорности и прямо объявили, что они должны выселиться изъ горъ. Горцы взялись за оружіе и весь 1862 годъ напрягали всѣ усилія, но не могли остановить движенія нашихъ колоннъ отъ Анапы къ востоку и отъ Лабы къ западу и вытѣсненное отсюда населеніе въ числѣ 50,000

душъ, изъявивъ безусловную покорность, поселилось на Кубани и при устьяхъ рѣкъ, въ нее впадающихъ [1]).

Такимъ образомъ военные успѣхи наши привели горцевъ къ неизбѣжной покорности. Они, конечно, покорились бы этой тяжкой участи, не смотря на привычку къ полнѣйшей свободѣ и своеволію, если бы ихъ не сбивали съ толку европейская и турецкая дипломація. Имъ столько вѣковъ внушали, что могущественный султанъ, верховный представитель ислама, никогда не оставитъ ихъ своею помощью, а европейскія державы, въ своихъ интересахъ, не могутъ допустить Россіи овладѣть Кавказомъ;—что такое убѣжденіе не въ силахъ была поколебать самая очевидность фактовъ. Горцы видѣли невозможность противустоять русскимъ, но свято вѣрили въ близость внѣшней помощи. Графъ Евдокимовъ глубоко вѣрно оцѣнилъ такое настроеніе ихъ и тѣ безполезныя кровавыя жертвы, къ которымъ вело оно, и придумалъ очень правильный исходъ изъ этого труднаго, для обѣихъ сторонъ, положенія, именно: выселеніе въ Турцію.

«Такая мѣра. писалъ онъ къ начальнику штаба кавказской арміи, при настоящемъ положеніи туземцевъ, принесетъ намъ великую пользу и дастъ возможность, какъ горцамъ выйти изъ настоящаго ихъ напряженнаго положенія, такъ и намъ болѣе свободно развивать русскую колонизацію въ предгоріяхъ западной части кавказскаго хребта» [2]).

Мысль графа Евдокимова получила первое приложеніе при покореніи восточнаго Кавказа. Покойный фельдмаршалъ князь Барятинскій раздѣлялъ его основательность и еще весною 1860 года предполагалось направить въ Турцію, черезъ закавказскій край, 3,000 семей съ лѣваго фланга.

Дабы ускорить вопросъ о переселеніи горцевъ и устранить затрудненія со стороны Турціи, въ 1860 году былъ посланъ въ Константинополь генералъ-маіоръ Михаилъ Таріелловичъ Лорисъ-Меликовъ. Ему было поручено разъяснить нашему повѣренному князю А. Б. Лобанову-Ростовскому тѣ затрудненія, въ которыя мы могли быть поставлены, если-бы Порта отказалась принять переселенцевъ.

Генералъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ превосходно исполнилъ это порученіе и вмѣстѣ съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ выхлопоталъ у

---

[1]) Письмо генерала Карцова къ управляющему русской миссіей въ Константинополѣ, отъ 23-го августа 1863 года, № 17.

[2]) Письмо графа Евдокимова къ генералу Карцову, отъ 25-го іюля 1862 года, № 40 Ад. В.

Порты дозволеніе прибыть 3,000 семействамъ, которыя Турція обязалась поселить вдали отъ нашихъ предѣловъ. Послѣ того переселеніе продолжалось въ 1860, 1861 и 1862 годахъ, не возбуждая дипломатической переписки.

Впрочемъ, отправленіе этихъ семействъ черезъ Закавказье было отмѣнено и вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій совсѣмъ воспретилъ переселеніе съ восточнаго Кавказа, дозволивъ его только съ западной его части.

Что касается Порты, то она никогда не изъявляла прямаго согласія на переселеніе, хотя принимала горцевъ, уходившихъ съ Кавказа подъ предлогомъ поклоненія гробу Мухаммеда. Въ 1859 году она обнародовала правила по предмету колонизаціи кавказскихъ выходцевъ и просила наше правительство, чтобы переселенія эти совершались не разомъ, а малыми партіями [1]).

Тѣмъ не менѣе турецкое правительство и его эмиссары не переставали волновать горцевъ обѣщаніями всѣхъ благъ въ случаѣ переселенія, такъ какъ въ началѣ, предполагая, что это переселеніе будетъ совершаться постепенно и не потребуетъ особыхъ усилій и средствъ, правительство смотрѣло весьма благопріятно на приливъ горцевъ въ Турцію, какъ на мѣру, доставлявшую ей прекрасныя боевыя силы и средства увеличить преобладаніе мусульманскаго населенія въ средѣ христіанскихъ племенъ Балканскаго полуострова и въ малой Азіи [2]).

Съ другой стороны и главное кавказское начальство не желало лишиться энергическаго и многочисленнаго населенія. Кромѣ того явилось опасеніе, что турецкое правительство поселитъ горцевъ вдоль закавказской границы и создастъ тѣмъ большія затрудненія въ будущемъ [3]).

«Переселеніе непокорныхъ горцевъ въ Турцію, писалъ графъ Евдокимовъ [4]), безъ сомнѣнія, составляетъ важную государственную мѣру, способную окончить войну въ кратчайшій срокъ, безъ большаго напряженія съ нашей стороны; но во всякомъ случаѣ, я всегда смотрѣлъ на эту мѣру, какъ на вспомогательное средство

---

[1]) Отзывъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, отъ 15-го декабря 1859 года, № 389.

[2]) Депеша Новикова къ вице-канцлеру, отъ 14 (26) апрѣля 1864 года, № 63.

[3]) Письмо командующаго арміею князя Орбеліани къ графу Евдокимову, отъ 11-го сентября 1862 года, № 2065.

[4]) Письмо графа Евдокимова къ генералу Карцову, отъ 5-го сентября 1862 года, № 1604. **Ад. В.**

покоренія западнаго Кавказа, которая даетъ возможность не доводить горцевъ до отчаянія и открываетъ свободный выходъ тѣмъ изъ нихъ, которые предпочитаютъ скорѣе смерть и раззореніе, чѣмъ покорность русскому правительству. По моему мнѣнію, сколько бы ни вышло отъ насъ туземцевъ и гдѣ бы ни поселило ихъ турецкое правительство, хотя бы на южной границѣ въ сосѣдствѣ закавказскихъ провинцій, они не могутъ намъ принести существеннаго вреда. Непріязненныя ихъ дѣйствія противъ насъ могутъ имѣть мѣсто только при войнѣ съ Турціей, но и тутъ горцы, поставленные въ иныя условія жизни и оскудѣвши въ матеріальныхъ средствахъ, не составятъ для насъ грозной силы, которая вынудила бы прибѣгать къ какимъ нибудь усиленнымъ мѣрамъ».

Вслѣдствіе этого письма и, имѣя въ виду, что всякое противудѣйствіе намѣренію горцевъ переселиться, при томъ крайнемъ положеніи, въ которое они поставлены дѣйствіями нашихъ войскъ, было бы въ отношеніи къ нимъ только излишнею жестокостью, князь Орбеліани разрѣшилъ переселеніе, причемъ, принявъ въ соображеніе, что оно можетъ достигнуть значительныхъ размѣровъ, сообщилъ объ этомъ нашему послу въ Константинополь, для устраненія затрудненій, которыя Порта могла бы противупоставить переселенію [1]).

Это было дѣйствительно необходимо, такъ какъ до сихъ поръ, если Порта и возбуждала жалобы на выселеніе горцевъ съ Кавказа въ Турцію, то въ виду того, что переселялись отдѣльныя семейства и общества, уходившія подъ предлогомъ путешествія въ Мекку, всѣ такія жалобы устранялись подъ предлогомъ вѣротерпимости, въ силу которой мы не могли воспретить мусульманамъ исполнять ихъ религіозный долгъ. Но когда выселеніе предполагалось цѣлыми племенами и размѣры его было трудно предвидѣть, то и политическая предусмотрительность и человѣколюбіе одинаково обязывали насъ предупредить Порту объ ожидаемомъ наплывѣ переселенцевъ.

«Командующій войсками въ кубанской области графъ Евдокимовъ, писалъ генералъ Карцовъ къ нашему повѣренному въ Константинополѣ [2]), доноситъ, что на сѣверномъ склонѣ кавказскаго хребта нѣтъ болѣе непріятелей. Шапсуги частью переселены на Кубань; остальные, до послѣдняго человѣка, выселились на юго-западный склонъ. Абадзехи, стѣсненные съ двухъ сторонъ, изъявили совершенную покорность. Теперь войскамъ нашимъ предстоитъ очи-

---

[1]) Письмо князя Орбеліани къ графу Евдокимову, отъ 11-го сентября 1862 года, № 2065.

[2]) Письмо ген. Карцова къ Новикову, отъ 19-го октября 1863 года, № 8.

щать береговую полосу. Одна часть ихъ, поднявшись вверхъ по Пшишу, уже стала на вершинѣ хребта, разработываетъ дорогу и спускается въ Туапсе; другая колонна, поднявшись на хребетъ отъ укр. Григорьевскаго, начала спускаться къ устьямъ рѣки Джубы».

«Задача кавказской арміи близится къ концу. Стѣсненные въ узкой прибрежной полосѣ, горцы, при дальнѣйшемъ наступленіи войскъ, будутъ поставлены въ отчаянное положеніе. Немногіе изъ нихъ могутъ согласиться покинуть живописную природу родины, чтобы переселиться на при-Кубанскую степь. А потому, въ видахъ человѣколюбія и въ видахъ облегченія задачи, предстоящей нашей арміи, необходимо открыть имъ другой выходъ: **переселеніе въ Турцію**. Мы опасаемся затрудненій со стороны турецкаго правительства противъ такой высылки народа цѣлыми массами, тѣмъ болѣе, что горцы хотятъ ѣхать только въ два пункта: Константинополь и Трепизондъ; другихъ мѣстъ они не знаютъ и знать не хотятъ».

Вопросъ о выселеніи горцевъ подвергся въ Константинополѣ обсужденію совѣта министровъ и рѣшеніе его сообщено черезъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ Оттоманской [1]).

«Турецкое правительство не отказывалось принять въ свои предѣлы кавказскихъ горцевъ, желающихъ переселиться массами. Но при этомъ оно считало необходимымъ: 1) чтобы Константинополь и Трепизондъ не были единственными пунктами сосредоточенія и водворенія переселенцовъ. Турецкое правительство предоставляло себѣ право избрать мѣста для ихъ водворенія, и 2) чтобы Портѣ былъ данъ срокъ до мая 1864 года».

«Не могу скрыть, писалъ далѣе Новиковъ, что весь планъ выселенія горцевъ въ Турцію приводитъ здѣшнее правительство въ большое смущеніе».

Смущеніе это охватило не только Турцію, но и европейскую дипломацію, особенно французскую, созидавшую планы противудѣйствія Россіи при возбужденіи горцевъ. Дѣйствительно, засѣданіе совѣта турецкихъ министровъ было въ томъ же году, какъ совершена при содѣйствіи Наполеона III пресловутая экспедиція Лапинскаго, которая достигла результатовъ, совершенно обратныхъ предполагаемымъ.

«Извѣстіе о сдѣланной въ землѣ Убыховъ высадкѣ и доставленныхъ туда запасовъ оружія, писалъ генералъ Карцовъ къ Нови-

[1]) Письмо Новикова къ генералу Карцову, отъ $\frac{\text{23 ноября}}{\text{5 декабря}}$ 1863 года.

кову [1]), быстро разнеслось между горцами и въ первую минуту оживило ихъ надежды, при внѣшней помощи, на успѣхъ сопротивленія. Но потомъ они скоро поняли дѣйствительное значеніе доставленной помощи и потому признали за лучшее просить пощады».

«Турки знаютъ объ успѣхахъ нашего оружія, писалъ Новиковъ къ генѐралу Карцову [2]); иностранные представители молчатъ, но англійская колонія относится съ завистью и недоброжелательствомъ къ нашимъ успѣхамъ».

Въ депешѣ отъ 4/16 мая 1864 года къ вице-канцлеру Новиковъ подробно описываетъ свой разговоръ съ французскимъ посланникомъ маркизомъ де-Мутье (Marquis de Moustier), при посѣщеніи турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Али-паши и дѣлаетъ такое заключеніе:

«Видимо, что покореніе Кавказа произвело сильное и непріятное впечатлѣніе на французское правительство. Франція огорчается не уничтоженіемъ послѣдней преграды между нами и Турціей, а тѣмъ, что мы получили возможность противудѣйствовать ея завоевательнымъ стремленіямъ на Востокѣ. Она сожалѣетъ о благопріятныхъ шансахъ диверсіи на Кавказѣ для возстановленія независимости Польши, при содѣйствіи Турціи, увлеченной противъ Россіи. Всѣ эти иллюзіи теперь очевидно уничтожены».

Впрочемъ, какъ турецкой, такъ и европейской дипломаціи только и оставалось смущаться и огорчаться успѣхами нашего оружія. Если они не могли воспрепятствовать самому процессу завоеванія, то естественно вѣковыя усилія Россіи должны же были привести къ неизбѣжному концу и завоеваніе Кавказа сдѣлаться совершившимся фактомъ. Сожалѣть должно только о самихъ горцахъ, которые обманывали себя такъ долго ложными надеждами на чужую помощь и не подчинились исторической необходимости поступиться своеволіемъ для мирнаго воспріятія гражданственности. Всегда и вездѣ мелкія полудикія народности поглощались болѣе сильными народами и если утрачивали при этомъ національныя особенности и обычаи, то за то получали право на умственное и нравственное развитіе и пріобрѣтали болѣе высокую степень матеріальнаго благосостоянія. Такъ было-бы и съ горскими племенами Кавказа, безъ участія въ ихъ судьбѣ Турціи и европейской дипломаціи, которыя только и могли усилить ихъ настоящія потери и страданія, и приготовить въ будущемъ совершенное исчезновеніе ихъ, какъ отдѣльныхъ племенъ у народностей.

---

[1]) Письмо генерала Карцова къ Новикову, отъ 19 октября 1863 года, № 8.

[2]) Письмо Новикова къ генералу Карцову, отъ 5/17 апрѣля 1864 года.

IV.

Выселеніе горцевъ.—Планъ окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа.— Предоставленіе свободнаго переселенія въ Турцію и слабое по этому противудѣйствіе горцевъ.—Положеніе горцевъ при выселеніи.—Переѣздъ на кочермахъ въ Трепизондъ.—Положеніе ихъ въ Трепизондѣ.—Вмѣшательство Турецкаго правительства и иностранныхъ дипломатовъ.—Карантинъ.—Направленіе горцевъ на Самсунъ и Константинополь.—Необходимость пособія со стороны нашего правительства.—Регулированіе выселенія.—Высылка Турецкихъ и русскихъ военныхъ судовъ.—Кюстенджи и Варна.—Перевозка горцевъ на пароходахъ русскаго общества пароходства и торговли.—Усилія нашего правительства облегчить положеніе горцевъ.—Расходы по выселенію ихъ.—Заключеніе.

1862 — 1865.

Оффиціально выселеніе черкесскихъ племенъ, какъ военная и политическая мѣра, началось въ 1862 году, когда 10-го мая состоялось высочайшее утвержденіе постановленія Кавказскаго комитета о переселеніи горцевъ; въ дѣйствительности же оно послѣдовало вслѣдъ за усилившимися военными дѣйствіями на сѣверномъ Кавказѣ, послѣ крымской войны. Потерявъ еще тогда увѣренность въ своихъ силахъ и предвидя неизбѣжность подчиненія русской власти, наиболѣе зажиточные и предусмотрительные изъ горцевъ начали вывозить свои семейства въ Турцію, продавая на мѣстѣ, съ выгодою, свое имущество Такое неспѣшное и слабое переселеніе давало туркамъ возможность радушно принимать и щедро помогать переселенцамъ при новомъ водвореніи, но съ теченіемъ времени выселеніе приняло размѣры, поставившіе въ затрудненіе и наше, и Турецкое правительства, которыя не въ силахъ были оградить горцевъ отъ страданій и бѣдствій, вызванныхъ непониманіемъ дѣйствительности и ихъ фанатическими надеждами.

Впослѣдствіи, къ политическимъ и нравственнымъ стимуламъ выселенія, о которыхъ упомянуто выше, присоединились причины экономическія. Они выразились въ томъ, что болѣе почетные и вліятельные изъ горцевъ, послѣ освобожденія крестьянъ въ Россіи, боясь, съ принятіемъ нашего подданства, лишиться своихъ подвластныхъ, стали уходить въ Турцію, увлекая за собою невѣжественную массу, довѣрявшую ихъ уму, знанію и опытности. Эти именно лица и должны считаться иниціаторами выселенія. Вліяніе ихъ на народъ было неотразимо. Руководствуясь личнымъ интересомъ, они употребляли всѣ усилія, чтобы запугать желавшихъ перейти къ намъ произволомъ

русскихъ властей, солдатчиною и необходимостью отказаться въ будущемъ отъ мусульманской религіи, сносились съ турецкимъ правительствомъ, ѣздили въ Константинополь, представлялись султану, его сановникамъ, иностраннымъ посламъ, принимали у себя всякихъ эмиссаровъ, придавая имъ несвойственное значеніе и пр. При такихъ обстоятельствахъ всѣ предложенія нашего правительства горцамъ о свободномъ выселеніи ихъ на плоскость, гдѣ имъ безплатно отводились въ собственность участки. мало достигали цѣли. Къ тому же, самый размѣръ надѣла, по 6 десятинъ на душу, казался слишкомъ ничтожнымъ горцамъ, привыкшимъ свободно размѣщать свои хозяйства на землѣ, никому не принадлежавшей. Вотъ почему выселеніе къ намъ горцевъ, не смотря на все желаніе нашего правительства. состоялось въ размѣрахъ весьма ограниченныхъ и не превзошло 100 тыс. душъ, т. е. $^1/_6$ часть всего горскаго населенія.

Между тѣмъ быстрота, рѣшительность и успѣхъ военныхъ дѣйствій графа Евдокимова и его сподвижниковъ на сѣверномъ Кавказѣ, послѣ плѣненія Шамиля, въ связи съ водвореніемъ новыхъ казачьихъ станицъ, учрежденіемъ новыхъ линій [1]) и истребленіемъ непокорныхъ ауловъ—неизбѣжно должны были навести панику на горцевъ и поставить ихъ въ безвыходное положеніе. Въ февралѣ 1859 года изъявили покорность Кизылбековцы, Башильбаевцы, Тамовцы и часть Бесленеевцевъ; въ іюнѣ того же года Бжедухи; въ августѣ Темиргоевцы, Махошевцы, Егерукаевцы, Бесленеевцы, Шагиреевцы и Закубанскіе кабардинцы; въ ноябрѣ Абадзехи; въ январѣ 1860 года Натухайцы и Псховцы и тогда же заложены новыя станицы на верхнемъ Урупѣ, Маломъ Тегенѣ и Шебсѣ. Въ маѣ 1861 года перенесены казачьи поселенія на лѣвый берегъ Лабы и началось переселеніе Бесленеевцевъ и другихъ мелкихъ обществъ, здѣсь расположенныхъ. Въ 1862 году заняты казачьимъ поселеніемъ большая часть Натухайскаго округа и предгорія главнаго кавказскаго хребта между рѣками Большой и Малой Лабой и Бѣлой. Горцы собирались массами, составляли союзы, производили ожесточенныя нападенія на наши войска и поселенія; но съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе убѣждались въ невозможности удержать наше наступательное движеніе. Положеніе ихъ становилось невыносимымъ и графъ Евдокимовъ, вполнѣ оцѣнивъ это, нашелъ блистательный изъ него выходъ предоставленіемъ свободы выселенія въ Турцію лицамъ, не желавшимъ принять русскаго подданства.

[1]) Въ 1857 году заложено Майкопское укрѣпленіе, Нижне-Адагумское и Родниковская станица на рѣкѣ Лабѣ; въ 1858 году заложены 6 новыхъ станицъ по Урупу, Тегеню и Зеленчуку и т. д. Ад. Б.

«Военныя затрудненія въ покореніи Западнаго Кавказа, можно утвердительно сказать, писалъ графъ Евдокимовъ къ генералу Карцову [1]), уже миновались; колонизація должна совершиться въ наступающемъ году, мирнымъ путемъ, но остается не малое еще дѣло умиротворить совершенно край и положить твердые начатки къ развитію благосостоянія покойной жизни туземцевъ и сдѣлать ихъ навсегда безвредными для Россіи. Если бы горцы имѣли ясное понятіе о гражданской жизни и желали бы искренно однихъ мирныхъ занятій, разумѣется, дѣло устроилось бы безъ особыхъ хлопотъ. Они могли бы выйти къ намъ въ то время, когда возможны были полевыя работы, и нашли бы въ назначенномъ для нихъ поземельномъ довольствіи свободный просторъ, потому что земли не занятой еще много въ районѣ Кубанской области. Но дикость нравовъ, совершенное недовѣріе къ намъ и желаніе необузданной свободы долго будутъ служить препятствіемъ къ скорому водворенію между ними гражданственности и преданности къ нашему правительству. Волнуемые различными слухами извнѣ, они то готовы переселиться къ намъ, то просятъ уволить ихъ въ Турцію, надѣясь либо протянуть время, либо найти тамъ для себя обѣтованную землю».

Вслѣдствіе этого графъ Евдокимовъ находилъ, что спокойствіе въ средѣ такого населенія немыслимо и чтобы разъ навсегда покончить съ западнымъ Кавказомъ, считалъ неизбѣжнымъ обезсилить горское населеніе до того, чтобы интриги извнѣ не имѣли здѣсь почвы. Особенно важнымъ онъ признавалъ выселеніе горцевъ со стороны морскаго берега, видя въ этой мѣрѣ необходимую для насъ государственную задачу, разрѣшеніе которой можно достигнуть поощреніемъ къ выселенію небольшою «преміею» до 10 тысячъ семей горцевъ, хотя, судя по слухамъ, онъ думалъ, что выселеніе можетъ пріобрѣсти значительно бо́льшіе размѣры.

Раздѣляя вполнѣ мнѣніе графа Евдокимова, главнокомандующій арміей писалъ къ военному министру о необходимости назначить 100 тысячъ рублей въ пособіе переселенцамъ.

«Мѣра эта, говоритъ главнокомандующій [2]), избавитъ насъ отъ такихъ личностей, которыя отличаются фанатизмомъ и вреднымъ для насъ вліяніемъ на соплеменниковъ и ускоритъ окончаніе войны, а, слѣдовательно, уменьшитъ издержки, съ нею сопряженныя».

---

[1]) Письмо графа Евдокимова къ генералу Карцову, отъ 19 го сентября 1863 года, № 1532.

[2]) Отзывъ главнокомандующаго къ военному министру, отъ 10-го ноября 1863 года, № 115.

Такимъ образомъ наше правительство, очевидно, никогда не думало изгонять горцевъ, какъ писалось тогда въ европейскихъ газетахъ, но желало лишь окончанія тяжкой вѣковой войны на Кавказѣ и прочнаго покоренія безпокойныхъ обществъ, предоставляя имъ всѣ средства къ мирному и удобному водворенію на плодоносныхъ, черноземныхъ земляхъ долины рѣки Кубани и впадающихъ въ нее рѣкъ. Если же такой мирный переходъ горцевъ къ гражданственности не совершился, то винить въ томъ, по всей справедливости, слѣдуетъ не насъ, а турецкое правительство и европейскую дипломацію, которыя въ этомъ случаѣ вовсе не думали о благоденствіи горцевъ, но пользовались ими какъ средствомъ противудѣйствія развитію Россіи, забывая, что это средство представляло не мертвую массу, а цѣлыя племена, въ высшей степени способнаго и энергическаго населенія, которое истреблено безвозвратно тогда, когда во имя гуманности и цивилизаціи, оно должно было жить и, оставивъ свои дикіе нравы и порядки, воспріять цивилизацію, хотя бы это и совершилось насильственнымъ водвореніемъ ихъ на плоскости, не допускавшемъ продолженія безнаказанныхъ грабежей и междоусобій.

Наступленіе нашихъ войскъ, предпринятое съ цѣлью окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа, сопровождалось, какъ было уже сказано, требованіемъ безусловной покорности, которая выражалась согласіемъ горцевъ выселиться изъ горъ на плоскость въ указанныя правительствомъ мѣста и подчиниться во всемъ русской администраціи. Не желавшимъ исполнить это требованіе, предоставлялась свобода выселенія въ Турцію, на собственный счетъ и страхъ. Болѣе состоятельные люди приступили къ выселенію тотчасъ же, отправляясь изъ незанятыхъ нами приморскихъ пунктовъ на турецкихъ кочермахъ. Число такихъ переселенцевъ нельзя опредѣлить даже приблизительно: оно никому не было извѣстно и останется неизвѣстнымъ точно также, какъ и мѣста, куда они прибыли въ Турцію и гдѣ водворились. Горцы, не имѣвшіе состоянія, увлекаясь примѣромъ богатыхъ людей, бросали свое малоцѣнное имущество и выходили къ морскому берегу въ ожиданіи прихода турецкихъ судовъ и возможности перебраться на нихъ въ Турцію. Скопленіе этихъ несчастныхъ постоянно увеличивалось, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиливались ихъ страданія и лишенія. То, что дѣлалось въ незанятыхъ нами пунктахъ берега, можно только предполагать, но горцы, выселявшіеся черезъ Тамань, Анапу и Новороссійскъ, бѣдствовали на глазахъ русской администраціи и не могли быть оставлены безъ помощи. Графъ Евдокимовъ возбудилъ было вопросъ о перевозкѣ горцевъ въ Турцію на казенный счетъ, на пароходахъ Русскаго Общества Пароходства и

Торговли, но оно потребовало такой высокій фрахтъ, что услугами его воспользоваться было невозможно [1]) и потому въ 1862 году наняты были въ Керчи частныя суда, съ помощью которыхъ тогда же перевезено 130 душъ Бжедуховъ изъ Тамани, по 6-ти рублей, и 100 душъ Натухайцевъ изъ Новороссійска, по 2 рубля 50 копѣекъ. А какъ цѣны эти оказались слишкомъ высокими, то были приглашены новые хозяева, согласившіеся перевозить горцевъ: на пароходѣ по 4 рубля 50 копѣекъ, а на парусныхъ судахъ по 4 рубля. Въ то же время нашъ консулъ въ Трепизондѣ Мошнинъ, въ тѣхъ же видахъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы направить изъ Анатоліи къ Кавказскому берегу возможно бо́льшее число турецкихъ судовъ. Между тѣмъ ожиданіе войны въ 1863 году и приведеніе Кавказской арміи на военное положеніе нѣсколько пріостановили выселеніе и горцы начали перебираться на указанныя имъ мѣста при Кубани, получая пособіе отъ правительства, но не оставляя, однако, своего настроенія выселиться въ Турцію, которое только усиливалось внѣшнимъ возбужденіемъ и наступленіемъ нашихъ войскъ. Зима 1862—1863 года была особенно холодная и горцы лишены были всякой возможности сопротивляться.

«Военныя дѣйствія, производимыя нашими войсками съ разныхъ сторонъ въ непріятельскомъ краѣ, писалъ графъ Евдокимовъ къ генералу Карцову [2]), поставили значительную часть горскаго населенія въ положеніе безвыходное, которое еще болѣе усилилось суровою зимою и сильными морозами. Тѣснимые нашими войсками, туземцы выходили къ намъ съ единственнымъ желаніемъ найти у насъ какой нибудь пріютъ отъ 20° мороза и прокормиться у своихъ одновѣрцевъ до весны, чтобы потомъ устроиться на указанныхъ мѣстахъ» [3]).

Графъ Евдокимовъ разрѣшилъ горцамъ размѣщаться на зимовку въ мирныхъ, уже существующихъ аулахъ. Такое распоряженіе имѣло результатомъ, что всѣ они стали свободно, безъ особыхъ стѣснительныхъ административныхъ мѣръ, перебираться изъ горъ, какъ цѣлыми аулами, такъ и по одиночкѣ. Но все это не прекратило выселенія,

---

[1]) Общество требовало 20 тысячъ рублей въ мѣсяцъ за пароходъ подъ 1,000 пассажировъ или 10 тысячъ пудовъ багажа.

[2]) Письмо графа Евдокимова къ генералу Карцову, отъ 5-го января 1863 г., № 32.

[3]) Князь Орбеліани предписалъ генералъ-интенданту, отъ 29-го декабря 1862 г., № 2826, отпустить графу Евдокимову 10 тысячъ рублей на вспомоществованіе выходящимъ къ намъ съ покорностью горцамъ.

Ад Б

которое, по просьбѣ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, было только пріостановлено до весны [1]).

При этомъ сами горцы, выходя къ намъ съ покорностью, ставили условіемъ, чтобы имъ дозволяемо было воспользоваться отъѣздомъ въ Турцію на казенный счетъ, что и вносилось въ выдаваемыя имъ свидѣтельства [2]).

Подобнаго рода покорность, очевидно, не могла остановить нашихъ военныхъ дѣйствій, но требовала ихъ рѣшительнаго продолженія, для окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа. Къ марту мѣсяцу 1864 года весь сѣверный склонъ Кавказскаго хребта и прибрежье до Псезуапе были очищены отъ горцевъ, которые частью выселились на Кубань, частью размѣстились по мирнымъ ауламъ и вышли на морской берегъ въ ожиданіи прихода кочермъ для переѣзда въ Турцію [3]). Оставались только въ верховьяхъ рѣкъ Мзымты и Бзыби племена Убыховъ, Джигетовъ, Псху и пр. Противъ нихъ рѣшено было направить одновременно войска съ разныхъ сторонъ. Отрядъ генерала Геймана 16-го марта занялъ фортъ Лазаревъ, а по изъявленіи Шапсугами покорности—фортъ Головинскій, послѣ чего долженъ былъ двинуться вверхъ по рѣкѣ Шахе до снѣговыхъ горъ Оштенъ, устроивъ въ то же время линію временныхъ кордоновъ, для прикрытія новыхъ казачьихъ поселеній до рѣки Туапсе; затѣмъ, поднявшись по Шахе, спуститься къ верховьямъ рѣки Сочи и соединиться тамъ съ отрядомъ генерала Граббе, разработывавшимъ дорогу по Пшишу и Туапсе, который въ свою очередь, оставивъ на перевалѣ четыре баталіона, имѣлъ перейти къ верховьямъ рѣки Бѣлой, въ началѣ мая перевалить черезъ главный хребетъ у горы Оштенъ, перейти къ верховьямъ Малой Лабы и, соединившись съ войсками, разработывавшими здѣсь дорогу, двинуться въ долину верхней Бзыби, выгнать общество Псху и прокладывать дорогу къ Сухуму. Во время этихъ дѣйствій 6 баталіоновъ, расположенныхъ въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ, должны были двинуться изъ укр. Гагры въ землю Джигетовъ, а 8 баталіоновъ гренадерской дивизіи, при 8 орудіяхъ, высадиться со стороны моря въ средину земли Убыховъ [4]).

---

[1]) Отношеніе Новикова къ кн. Орбеліани, отъ 20-го ноября 1862 года, № 777.

[2]) Отношеніе графа Евдокимова къ генералу Карцову, отъ 7-го января 1863 года, № 43.

[3]) Отзывъ главнокомандующаго Кавказскою арміею къ военному министру, отъ 26—27-го марта 1864 года, № 523.

[4]) Отзывъ главнокомандующаго Кавказскою арміею къ военному министру, отъ 26—27-го марта 1864 года, № 523.

Горцы, сознавая невозможность сопротивленія столь значительнымъ силамъ, сосредоточеннымъ противъ нихъ, не допустили исполненія задуманнаго плана. Занявъ укр. Головинское, генералъ Гейманъ двинулся съ своимъ отрядомъ въ землю Убыховъ, самаго воинственнаго и извѣстнаго храбростью племени на восточномъ берегу Чернаго моря. Убыхи встрѣтили его съ оружіемъ въ рукахъ, но потерпѣвъ 19-го марта пораженіе при рѣкѣ Годлихѣ, изъявили покорность подъ условіемъ выселенія въ Турцію. Движеніе всѣхъ отрядовъ, согласно изложеннаго плана (исключая десанта, который сдѣлался ненужнымъ) продолжалось вполнѣ успѣшно и 21-е мая 1864-го года считается днемъ покоренія Западнаго Кавказа и окончанія Кавказской войны.

Быстрота и рѣшительность дѣйствій нашихъ войскъ возбудили панику въ горцахъ, спѣшившихъ во что бы то ни стало покинуть свои родныя горы и добраться до морскаго берега, чтобы выселиться поскорѣе въ Турцію. Они побросали при этомъ все свое имущество, исключая скота, который былъ согнанъ къ берегу, но за невозможностью взять его съ собою или сбыть кому нибудь, составлялъ только лишнюю тягость и затрудненіе. Раззоренные, безъ продовольствія, безъ денегъ и даже безъ одежды, горцы переносили всевозможныя лишенія на открытомъ морскомъ берегу, гдѣ расположены были таборами. Все это началось еще въ 1863 году и скоро переселеніе достигло непредвидѣнныхъ размѣровъ. Горцы уходили отовсюду, куда появлялись наши войска [1]). Между тѣмъ зима, какой не запомнятъ въ Анатоліи съ 1810 года, до крайности затрудняла сообщеніе Турціи съ Кавказскимъ берегомъ. Въ началѣ января 1864 года въ одномъ изъ самыхъ неудобныхъ для каботажныхъ судовъ мѣсяцевъ, изъ одного Трепизонда отбыло болѣе 100 баркасовъ [2]). Истощенные тяжкими лишеніями, на берегу, въ ожиданіи прихода судовъ изъ Турціи, горцы не выдерживали бѣдственнаго плаванія въ зимнее время, заболѣвая и умирая массами, какъ при переѣздахъ, такъ и по высадкѣ на берегу, гдѣ между ними развились сильнѣйшіе тифъ и оспа. Въ какомъ размѣрѣ происходило истребленіе этихъ несчастныхъ, можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ письма нашего консула въ Трепизондѣ [3]):

«Въ Батумъ переселеніе началось только въ послѣднее время. Горцевъ прибыло туда около 6,000 чел.; до 4,000 душъ отправлено

---

[1]) Письмо ген. Карцова къ Новикову, отъ 12-го декабря 1863 года, № 14.
[2]) Письмо Мошнина, отъ 9-го января 1864 года, № 9.
[3]) Письмо Мошнина къ ген. Карцову, отъ 10-го іюня 1864 года, № 276.

въ Чурук-су, на границы. Горцы пришли со скотомъ. Средняя смертность 7 чел. въ день. Скотъ изнуренъ и падаетъ.

«Сначала выселенія въ Трепизондѣ и окрестностяхъ перебывало до 247,000 душъ; умерло 19,000 душъ. Теперь осталось 63,290 чел. Средняя смертность 180—250 чел. въ день. Ихъ отправляютъ во внутрь пашалыка, но бо̀льшею частью въ Самсунъ.

«Въ Керасундѣ около 1,500 душъ.

«Въ Самсунѣ и окрестностяхъ слишкомъ 110,000 душъ. Смертность около 200 чел. въ день. Свирѣпствуетъ сильный тифъ.

«Въ Синопѣ и Инеболи около 10,000 душъ.

«За ноябрь и декабрь 1863 г. прибыло въ Трепизондъ 100 кочермъ. Отправлено въ Константинополь и Варну 4,650 чел. Среднимъ числомъ умирало въ день 40—60 чел. Находится еще въ Трепизондѣ 2,050 человѣкъ» [1]).

Какъ велика была нужда горцевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго оффиціальнаго документа:

«11-го декабря пароходъ привезъ въ Варну 850, а другой 180 чел. Турецкія власти приняли сначала горцевъ очень ласково. Когда прибылъ другой пароходъ, Турки, по случаю бывшей тогда холодной погоды, развели огонь на пристани, но когда лодочники начали высаживать голыхъ, слабыхъ, больныхъ и до 46 труповъ, умершихъ за одну ночь, они перепугались заразы и не хотѣли принимать переселенцевъ. Вообще горцы здѣсь въ бѣдственномъ положеніи и пользуются частною благотворительностью. Селяне, какъ христіане, такъ и мусульмане, вспоминая у нихъ размѣщеніе Крымскихъ татаръ 1860—1861 гг., крайне неблагопріятно смотрятъ на прибывающихъ [2]).

«Порта рада переселенію и принимаетъ мѣры къ его облегченію, но генералъ-губернаторъ лѣнивъ и на его совѣсти лежитъ вся болѣзненность и смертность. Переселенцы помѣщены въ грязи и скучены,—отсюда ужасающая смертность, за которую бы въ другихъ государствахъ привлекли мѣстныя власти къ уголовной отвѣтственности. Едва ли не нарочно мертвыхъ зарываютъ въ лучшемъ христіанскомъ кварталѣ. Консулъ выразилъ свое удивленіе генералъ-губернатору, но онъ объявилъ, что ему до черкесовъ нѣтъ никакого дѣла [3]).

«Великій визирь, по поводу эмиграціи, высказалъ, что эти люди

---

[1]) Письмо Мошнина къ ген. Карцову, отъ 28-го декабря 1863 года, № 563.

[2]) Донесеніе вице-консула въ Варнѣ къ повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, отъ 18-го декабря 1863 года, № 211.

[3]) Письмо Мошнина къ ген. Карцову, отъ 28-го декабря 1863 года, № 563.

изнурены голодомъ и приносятъ съ собою заразу, такъ что экипажи перевозившихъ ихъ судовъ, вслѣдствіе тифа, пришлось возобновить [1]).

«Лагерь въ Ачка-кале (близъ Трепизонда) совсѣмъ предполагается уничтожить, такъ какъ тамъ нельзя жить отъ нечистотъ и трупнаго разложенія. Чтобы воспользоваться порціонами горцы не убирали своихъ мертвецовъ изъ палатокъ и часто скрывали ихъ, зарывая въ самыхъ палаткахъ [2]).

«Населеніе испугано переселеніемъ и вознаграждаетъ себя покупкою невольницъ, на которыхъ цѣны сильно упали. На дняхъ паша купилъ 8 самыхъ красивыхъ дѣвушекъ по 60—80 рублей за каждую и посылаетъ ихъ для подарковъ въ Константинополь. Ребенка 11—12 лѣтъ обоего пола, можно купить за 30—40 рублей [3]).

«Такъ какъ горцамъ обѣщана свобода отъ военной службы на 20 лѣтъ, то въ Трепизондъ пріѣхалъ Али-паша съ цѣлью формировать войска изъ добровольныхъ охотниковъ. Въ Ачка-кале завербовано 500 человѣкъ. Горцы охотно идутъ на службу и турки отлично одѣваютъ и кормятъ новобранцевъ. Люди на подборъ и очень веселы; ихъ отправляютъ въ Константинополь. Съ цѣлью усилить желаніе поступить на службу, воспрещено продавать мужчинъ; за то женщинъ продаютъ и отправляютъ въ Константинополь цѣлыми партіями. Въ Трепизондѣ даже можно видѣть партіи въ 40—50 женщинъ, предводимыхъ однимъ хозяиномъ [4]).

«Положеніе горцевъ ухудшается. Пашѣ приказано не отправлять ихъ болѣе въ Константинополь, но задерживать въ Анатоліи. Онъ отвѣчалъ, что средства пашалыка истощены; что онъ не можетъ держать горцевъ и просилъ высылки пароходовъ, не отвѣчая за послѣдствія. Пароходы пришли и взяли нѣсколько тысячъ горцевъ, которымъ уже перестали давать чистый хлѣбъ, но смѣшанный съ кукурузой. Былъ случай голодной смерти. Тифъ слабѣе, оспа свирѣпствуетъ» [5]).

«Перевозимые на нашемъ пароходѣ «Бомборы» горцы до того бѣдны, что имъ нечего ѣсть, почему начальникъ Даховскаго отряда приказалъ наиболѣе нуждающихся довольствовать по морскому положенію» [6]).

---

[1]) Депеша Новикова къ вице-канцлеру, отъ 7 (19) января 1864 года, № 3.

[2]) Письмо Мошнина къ генералу Карцову, отъ 13-го мая 1864 года, № 236.

[3]) Тоже, отъ 11-го декабря 1863 года.

[4]) Тоже, отъ 22-го апрѣля 1864 года, № 187.

[5]) Тоже, отъ 8-го іюля 1864 года, № 315.

[6]) Рапортъ начальника войскъ Кубанской области, отъ 30-го апрѣля 1864 года, № 535.

«Въ рекруты турки берутъ только неженатыхъ и потому горцы продаютъ своихъ женъ и дѣтей и поступаютъ на службу» [1]).

Нельзя рѣшить, когда бѣдствія горцевъ достигали болѣе ужасающихъ размѣровъ: въ 1863 или въ 1864 году. Если въ 1863 году выселялись наиболѣе состоятельные горцы и скопленіе ихъ въ Анатоліи и Европейской Турціи не достигло еще, какъ въ 1864 году, тѣхъ громадныхъ размѣровъ, которые лишили турецкое правительство всякой возможности своевременно подавать помощь переселенцамъ, то съ другой стороны, ихъ неожиданное прибытіе на мелкихъ судахъ, которыя ради дешевизны нерѣдко перегружались невозможнымъ числомъ пассажировъ, вызывали чрезмѣрную болѣзненность и смертность и уничтожили всякую вѣроятность на устройство ихъ на новыхъ мѣстахъ, безъ помощи турецкаго правительства. Помощь эта дорого стоила туркамъ. По свидѣтельству нашего консула въ Трепизондѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1863 года турецкое правительство тратило ежедневно до 1,000 золотыхъ меджидіэ. Одного хлѣба выдавалось въ день болѣе чѣмъ на 20,000 піастровъ [2]). Водвореніе горцевъ, по словамъ нашего повѣреннаго въ Константинополѣ, было сопряжено съ громадными расходами, такъ что наличныхъ средствъ Порты не хватало и она предполагала заключить спеціальный заемъ для этой цѣли въ одинъ милліонъ турецкихъ лиръ или до шести милліоновъ рублей металлическихъ [3]). Опредѣлить по нашимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ дѣйствительный размѣръ расходовъ турецкаго правительства по пріему и водворенію горцевъ невозможно, да и едва-ли въ самой Турціи существуютъ какіе нибудь документы, по которымъ этотъ вопросъ можно было-бы разрѣшить точно и вѣрно.

Хорошій пріемъ и достаточное пособіе горцамъ, подобно тому, какъ и самое ихъ выселеніе, было весьма желательно турецкому правительству, но оно вовсе не ожидало поголовнаго выселенія черкесовъ. Смотря сначала на выселеніе, какъ на весьма благопріятный для нея шансъ усилить мусульманскій элементъ, для подавленія райи, она привлекла горцевъ, не расчитавъ своихъ наличныхъ средствъ, заигрывала съ пересилившимися, заставляя христіанское населеніе снабжать ихъ необходимымъ помѣщеніемъ и всѣмъ, что нужно для водворенія; она продолжала даже высылать эмиссаровъ для усиленія выселенія, но когда сотни тысячъ душъ обѣднѣвшихъ и изнуренныхъ черкесъ бросились разомъ въ Трепизондъ и Констан-

---

[1]) Письмо Мошнина къ ген. Карцову, отъ 24-го іюня 1864 года, № 293.

[2]) Тоже, отъ 18-го марта 1864 года, № 101.

[3]) Письмо Новикова къ ген. Карцову, отъ 30-го іюня 1864 года, № 419.

тинополь, Порта не только не была въ состояніи удовлетворить ихъ нужды, но увидѣла въ горцахъ опасность для внутренняго спокойствія.

«Турецкое правительство, писалъ нашъ повѣренный въ Константинополѣ [1]), желаетъ перевозить горцевъ въ разные пункты, чтобы не селить ихъ сплошными массами, для предупрежденія могущей произойти отъ того опасности для общественнаго порядка и для государственной власти».

«Изъ Трепизонда горцевъ направляютъ прямо къ Карсу и Арзингану, отчего по всей дорогѣ страшные разбои, писалъ Мошнинъ къ генералу Карцову [2]). На черкесовъ никакого суда нѣтъ и мѣстныя власти ихъ боятся. Эмин-паша ничѣмъ не занимается, кромѣ черкесскихъ дѣлъ и то затѣмъ, чтобы составить капиталъ на счетъ переселенцевъ».

«Предполагается, доноситъ нашъ консулъ въ Эрзерумѣ [3]), поселить до 4,000 семей горцевъ, размѣстивъ на 30 домовъ одно черкесское семейство, для его содержанія, выдачи ему посѣвовъ, постройки дома и пр. 1,500 семей должны быть отправлены въ Ванъ и Гекіяри; остальныя будутъ размѣщены въ Карсскомъ санджакѣ и Эрзерумскомъ вилаіетѣ, за исключеніемъ Баязетскаго округа, занятаго по преимуществу кочующими Курдами».

Такой способъ поселенія горцевъ и благодѣтельствованіе имъ на счетъ кореннаго, въ особенности христіанскаго населенія, естественно долженъ былъ внушить глубокую вражду между нимъ и пришельцами. Горцы водворялись вездѣ силою и какъ турецкія власти не всегда могли справиться съ противудѣйствіемъ жителей, то переселенцамъ оставалось одно: расправляться съ ними самимъ; но и такая задача совершенно противурѣчила всѣмъ надеждамъ ихъ на счастливую, безмятежную жизнь въ Турціи. Поставленные въ такое положеніе, они скоро поняли, какъ глубоко ошиблись и недовольство ихъ выразилось прямымъ сопротивленіемъ всѣмъ распоряженіямъ къ ихъ водворенію турецкаго правительства, которое, давъ разрѣшеніе принимать прибывающихъ съ Кавказа горцевъ, не имѣло никакого понятія о размѣрѣ переселенія. Пользуясь совершенною свободою выселяться и услугами турецкихъ каботажныхъ судовъ, всегда посѣщавшихъ Кавказскій берегъ, черкесы направлялись прежде всего въ

---

[1]) Тоже, отъ 18-го апрѣля 1864 года, № 242.
[2]) Письмо Мошнина къ ген. Карцову, отъ 18-го іюня 1864 года, № 288.
[3]) Отъ 21-го іюля 1864 года, № 118.

два пункта: Трепизондъ и Константинополь, такъ какъ другихъ городовъ въ Турціи они не знали [1]). Нахлынувъ сюда всею массою, они поставили мѣстныя власти въ крайне затруднительное положеніе. Водворять переселенцевъ въ порядкѣ между коренныхъ населеніемъ или отдѣльными колоніями съ политическою цѣлью въ видѣ военныхъ поселеній на границѣ съ Россіей и впереди Болгарскаго населенія въ Европейской Турціи, оказывалось положительно невозможнымъ, такъ какъ никакихъ плановъ и предположеній о распредѣленіи переселенцевъ не было и не могло быть сдѣлано. Все это составлялось и предполагалось уже въ то время, когда выселеніе достигло большихъ размѣровъ и переселенцамъ пришлось стоять таборами на берегу моря близъ Трепизонда и Константинополя, перенося всевозможныя лишенія и бѣдствія. Болѣзненность и смертность между переселенцами достигли, какъ сказано, ужасающихъ размѣровъ и угрожали зараженіемъ всего населенія эпидеміею тифа и оспы. «Недоумѣваю, что будетъ дѣлать турецкое правительство съ выходцами, писалъ Мошнинъ къ генералу Карцову [2]). Они тратятъ большія деньги, но распоряжаются дурно. Горцы очень стѣснены въ ихъ жилищахъ и между ними развиты тифъ и оспа. Для Трепизонда это сущее наказаніе. Сюда ѣдетъ изъ Константинополя членъ санитарнаго комитета Бароцци инспекторомъ по карантинной части».

Бароцци прибылъ въ Трепизондъ въ мартѣ мѣсяцѣ и иностранныя правительства предписали своимъ консуламъ помогать ему. Бароцци началъ съ того, что перевелъ всѣхъ горцевъ за городъ и настоятельно требовалъ, чтобы болѣе ихъ не привозили въ Трепизондъ, а направляли прямо въ лагерь при Ачка-кале, расчитывая такимъ неудобнымъ путешествіемъ отнять у черкесовъ охоту къ переселенію. Но, конечно, подобная хитрость, неизвѣстная горцамъ передъ отправленіемъ съ Кавказа, не могла остановить ихъ выселенія, а только вызывала совсѣмъ ненужныя лишенія и страданія, прогрессивно ухудшавшія положеніе и санитарное состояніе переселенцевъ. Пособія турецкаго правительства были недостаточны и не всегда доходили до переселенцевъ, число которыхъ никому не было извѣстно и постоянно увеличивалось. Порта обратилась къ нашему правительству съ просьбою остановить или, какъ выразился Фуад-паша, «réagir

---

[1]) Отношеніе ген. Карцова къ Новикову, отъ 12-го декабря 1863 года, № 14

[2]) Письмо Мошнина къ генералу Карцову, отъ 21-го февраля 1864 года.

contre cette fièvre d'émigration» [1]). Нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ отвѣчалъ на это, что русское правительство ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ бо̀льшая часть выселяющихся уходитъ изъ пунктовъ, нами не занятыхъ и принадлежащихъ непокорнымъ племенамъ. Въ отвѣтъ Новикову генералъ Карцовъ писалъ: «Турецкое правительство само возбуждало всегда между горцами симпатіи къ Турціи и вражду противъ русскихъ. Переселеніе есть результатъ этихъ возбужденій и разубѣдить горцевъ не ѣхать въ Стамбулъ и Трепизондъ Кавказское начальство безсильно» [2]).

Впрочемъ, европейскіе дипломаты по обыкновенію въ такомъ затруднительномъ положеніи не оставили Порту безъ своихъ совѣтовъ и содѣйствія, но какъ всегда это дѣлалось не съ цѣлью вывести Турцію изъ затрудненія, а воспользоваться случаемъ, чтобы сдѣлать зло Россіи. Выселеніе горцевъ, упрочивая за нами Кавказъ, казалось имъ бѣдствіемъ, которое необходимо устранить. Поэтому французскій, англійскій и въ особенности итальянскій послы и консула въ Трепизондѣ и другихъ городахъ употребляли всѣ усилія, чтобы удержать горцевъ, внушая имъ мысль возвратиться назадъ и отстаивать свою независимость [3]). Особенно, конечно, является страннымъ, что болѣе всѣхъ хлопоталъ объ этомъ итальянскій консулъ и польскій выходецъ Подайскій. Но горцы слишкомъ хорошо знали численность нашихъ войскъ и ходъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, а потому однимъ краснорѣчіемъ трудно было убѣдить ихъ въ необходимости приняться за новую войну съ Россіею. Итальянскій консулъ (Бовіо) не допускалъ, однако, мысли, что онъ поступаетъ безразсудно и неуспѣхъ своей пропаганды сваливалъ на то, что горцы «такая дрянь, на которую никогда нельзя разсчитывать» [4]).

Участіе иностранныхъ консуловъ въ судьбѣ переселенцевъ во всякомъ случаѣ не могло принести никакой пользы, такъ какъ они не имѣли средствъ оказать имъ матеріальную помощь, въ каковой единственно и нуждались горцы. Мечты о будущихъ дипломатическихъ комбинаціяхъ только сбивали съ толку самихъ консуловъ и вызывали безчеловѣчныя распоряженія, обрушившіяся на переселенцевъ новыми бѣдствіями. Такъ, напримѣръ, какъ будто въ видахъ забот-

---

[1]) Депеша Новикова къ вице-канцлеру, отъ 7-го (19-го) янв. 1864 года, № 3.
[2]) Отношеніе ген. Карцова къ Новикову, отъ 12-го декабря 1863 года, № 14.
[3]) Письмо Мошнина къ генералу Карцову, отъ 28-го ноября 1863 года.
[4]) Тоже, отъ 21-го февраля 1864 года.

ливости объ охраненіи здоровья жителей Трепизонда, по требованію иностранныхъ консуловъ, черкесы были поставлены лагеремъ въ Ачка-кале (въ одномъ часѣ разстоянія отъ города) и Сари-дере (въ трехчасовомъ разстояніи), въ мѣстахъ, извѣстныхъ своимъ вреднымъ климатомъ. Результатъ былъ тотъ, что съ начала переселенія до мая 1864 года изъ прибывшихъ въ Трепизондъ переселенцевъ умерло болѣе 30,000 чел. Не меньшее зло причинило горцамъ учрежденіе 15-ти дневнаго карантина для судовъ, приходящихъ съ Кавказскаго берега, произведенное тоже по требованію иностранныхъ консуловъ, въ видахъ предохраненія населенія отъ тифа и оспы. Карантинъ этотъ былъ фикціею, такъ какъ никакихъ карантинныхъ мѣръ не принималось мѣстными властями; суда имѣли постоянное сообщеніе съ берегомъ и только не смѣли выгружать переселенцёвъ, положеніе коихъ послѣ переѣзда на каботажныхъ судахъ, при тѣснотѣ мѣста и при изнуреніи, дѣлалось страшною пыткою.

«Бароцци, какъ французскій подданный, совершенно въ рукахъ французскаго консула въ Трепизондѣ Шефера, писалъ Мошнинъ къ генералу Карцову. Онъ видимо желалъ удержать горцевъ на Кавказѣ, въ виду нынѣшнихъ политическихъ событій въ Европѣ. Оттого и придумано воспрещеніе отправлять кочермы къ Кавказскому берегу, которое мнѣ удалось отмѣнить 15-ти дневный карантинъ, безъ соблюденія карантинныхъ мѣръ, выдуманъ тоже только для стѣсненія горцевъ. Въ Платанѣ (гавань подлѣ Трепизонда) стоятъ 54 баркаса, которымъ не даютъ ни чистаго, ни карантиннаго свидѣтельства» [1]).

Такое затрудненіе въ отправленіи кочермъ вынудило нашего консула въ Трепизондѣ договорить частный пароходъ «Хидаети-Бахри», который рѣшился отправиться на Кавказъ за горцами. Турецкое правительство тоже не бездѣйствовало: оно употребляло кочермы и военные пароходы для отвоза поселенцевъ изъ Трепизонда въ Батумъ, Самсунъ и другіе пункты Анатоліи и направленія ихъ во внутрь страны, а также для перевозки ихъ изъ Константинополя въ Анатолію и, кромѣ того, старалось направить переселенцевъ въ Варну и Кюстенджи, чтобы заселить ими Добруджу и Болгарію, гдѣ оно весьма боялось усилившагося христіанскаго населенія. Звѣрское истребленіе христіанъ въ названныхъ мѣстахъ башибузуками, преимущественно изъ горцевъ, доказываетъ, насколько Порта съумѣла воспользоваться переселеніемъ горцевъ, для исполненія политическихъ задачъ на Балканскомъ полуостровѣ.

---

[1]) Тоже, отъ 18-го марта 1863 года, № 101.

Однако этихъ средствъ турецкаго правительства было недостаточно, чтобы предотвратить бѣдствія горцевъ и дать правильное теченіе ходу переселенія. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1864 года, послѣ изъявленія покорности Убыхами, все Кавказское побережье стало принадлежать de facto Россіи, а 28-го апрѣля послѣдовало приказаніе главнокомандующаго объ опредѣленіи особыхъ довѣренныхъ лицъ. для наблюденія за выселеніемъ горцевъ и правильной выдачею имъ пособія при отправленіи. Съ этою цѣлью были назначены: въ Анапу и Новороссійскъ полковникъ Фадѣевъ, въ Тамань капитанъ-лейтенантъ Коргановъ, а въ Туапсе и Джубгу подполковникъ Батьяновъ. Остановить панику горцевъ и задержать ихъ безразсудное бѣгство при появленіи вблизи русскихъ войскъ, не было никакой возможности. Они собирались на берегу моря безъ всякихъ продовольственныхъ средствъ и даже безъ одежды. Чтобы предохранить ихъ отъ голодной смерти и прикрыть ихъ хотя какою нибудь одеждою для дальнѣйшаго отправленія, въ Сухумѣ были спѣшно закуплены 200 мѣшковъ хлѣба и 1,000 аршинъ простой бумажной матеріи, которые тогда-же были отправлены къ подполковнику Батьянову [1]). При такомъ положеніи, горцамъ необходима была помощь нашего правительства и въ ней имъ не было отказа. Бѣднѣйшимъ выдавали провіантъ и денежное пособіе въ размѣрѣ отъ 10-ти рублей на семью, до 2-хъ рублей на душу, при чемъ перевозка въ Турцію производилась на казенный счетъ. Скажемъ болѣе: главнокомандующій Кавказскою арміею въ бытность у рѣки Пшадъ, приказалъ находящихся на берегу близь Новороссійской бухты разныхъ племенъ горцевъ пользовать и довольствовать въ госпиталяхъ, до выздоровленія, на счетъ казны. При выселеніи Джигетовъ, имѣвшихъ на берегу много скота, котораго перевезти имъ не было возможности, сдѣлано распоряженіе, въ видахъ соблюденія интересовъ переселенцевъ, о продажѣ его и даже заключенъ контрактъ съ гражданиномъ Николадзе и съ маіоромъ Колосовскимъ о покупкѣ ими всего скота по установленной цѣнѣ. Но самымъ большимъ благодѣяніемъ для горцевъ все-таки оставалось прекращеніе ихъ бѣдственной стоянки на берегу моря и перевозка ихъ въ Турцію, для окончательнаго тамъ водворенія. Съ этою цѣлью были не только зафрахтованы въ «Обществѣ пароходства и торговли» три парохода и заняты всѣ наши свободныя паровыя

---

[1]) Рапортъ начальника Сухумской морской станціи, отъ 13-го іюня 1864 года, № 951.

суда, но даже разрѣшено, по соглашенію съ Портою, употребить на перевозку переселенцевъ, какъ турецкія, такъ и русскія военныя суда, снявъ съ нихъ предварительно, вопреки Парижскому трактату, боевыя вооруженія [1]). Всѣми этими мѣрами къ концу 1864 года выселеніе горцевъ было почти окончено. Оставалась только часть Абадзеховъ, Шапсуговъ и Бжедуховъ около Новороссійска, для которыхъ тамъ было собрано 20 паровыхъ и парусныхъ судовъ. Изъ нихъ 8-го ноября было отправлено на турецкомъ пароходѣ 2,500 душъ, а 12-го числа нагружено на другой пароходъ 4,000 душъ, но поднявшаяся буря помѣшала судамъ выйти въ море. Одно изъ нихъ «Нусрети-Бахри», 17-го ноября, было выброшено на берегъ и разбито, при чемъ изъ 470 душъ спасено 170, а остальные погибли. Несчастіе это остановило дальнѣйшую отправку горцевъ на парусныхъ судахъ, такъ что въ декабрѣ вывезено на турецкихъ пароходахъ Таифъ, Меджидіэ и Саик-Шады только 6,000 душъ; остальные же 4,600 остановлены до весны и размѣщены по сосѣднимъ казачьимъ поселеніямъ, гдѣ они были приняты съ полнымъ радушіемъ. Казаки усыновляли круглыхъ сиротъ и дѣлали все, чтобы облегчить страданія ихъ случайныхъ гостей, такъ что многіе изъ бѣдныхъ отказались отъ переселенія въ Турцію, а водворились въ Крымской станицѣ и Анапскомъ поселкѣ [2]). Справедливость такого радушія со стороны казаковъ свидѣтельствуется донесеніемъ намѣстнику кавказскому коммисара, назначеннаго турецкимъ правительствомъ по дѣлу переселенія горцевъ, Хаджи-Гейдул-Хасан-эфендія [3]), въ которомъ онъ краснорѣчиво излагаетъ благодарность горцевъ. Размѣщеннымъ у казаковъ горцамъ выдавался провіантъ изъ казенныхъ магазиновъ, а больные и слабые помѣщались для пользованія въ военныхъ госпиталяхъ. Всѣ же остальные горцы перевезены въ Турцію въ маѣ 1865 года на турецкихъ пароходахъ.

Вообще нельзя не признать большой гуманности въ отношеніяхъ русскаго правительства къ переселенцамъ. Были приняты всѣ мѣры къ доставленію имъ возможныхъ удобствъ, что много уменьшило ихъ бѣдствія и лишенія, хотя, конечно, при спѣшности дѣла, неизвѣст-

---

[1]) Отношеніе Новикова къ генералу Карцову, отъ 4-го апрѣля 1864 года, № 208 и его же донесеніе вице-канцлеру, отъ 31-го марта (12-го апрѣля) 1864 года, № 55.

[2]) Рапортъ наказнаго атамана Кубанскаго войска начальнику штаба, отъ 10-го января 1865 года, № 9.

[3]) Отъ 6-го марта 1865 года.

ности числа и матеріальныхъ достатковъ горцевъ, всегда были возможны ошибки въ частныхъ случаяхъ. Изъ записки капитана генеральнаго штаба Смѣкалова [1]) видно, что при отправленіи переселенцевъ изъ Новороссійска были безпорядки, которые могли признать умышленными со стороны мѣстной администраціи: богатые отправлялись безплатно на турецкихъ пароходахъ, забирая даже сѣмена для будущихъ посѣвовъ, а бѣдные оставались безъ хлѣба на берегу моря; число наличныхъ горцевъ и умершихъ показывалось невѣрно и пр. Все это было однако-же слишкомъ преувеличено въ Константинопольскихъ газетахъ и особенно въ Англійскомъ Levant Heralд'ѣ, гдѣ, между прочимъ, много говорилось о помощи переселенцамъ со стороны турецкаго правительства и благотворительности турокъ. Въ дѣйствительности подобнаго ничего не было и хлѣбъ или сухари никогда горцамъ не высылались изъ Турціи, но получались изъ Новороссійскаго провіантскаго склада.

Всѣ расходы по пособіямъ переселяющимся горцамъ со времени регулированія этой операціи назначеніемъ намѣстникомъ кавказскимъ особыхъ лицъ для наблюденія за нею, составляютъ 289,678 рублей 17 копѣекъ.

Въ іюнѣ 1864 года я отправился изъ Закавказья черезъ Константинополь въ Грецію, а оттуда въ Италію. Это было вслѣдъ за окончаніемъ войны на Западномъ Кавказѣ и въ самый разгаръ выселенія горцевъ въ Турцію. Слѣдуя вдоль Анатолійскаго берега, я встрѣчалъ ихъ во множествѣ въ открытомъ морѣ и былъ очевидцемъ ихъ горестнаго положенія въ Батумѣ и Трепизондѣ. Въ ноябрѣ того же года, на возвратномъ пути изъ Европы, я видѣлъ ихъ при несравненно еще худшей обстановкѣ въ Рущукѣ и Силистріи. Но никогда не забуду я того подавляющагó впечатлѣнія, какое произвели на меня горцы въ Новороссійской бухтѣ, гдѣ ихъ собралось на берегу около 17,000 человѣкъ. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствіе средствъ къ существованію и свирѣпствовавшая между ними эпидемія тифа и оспы, дѣлали положеніе ихъ отчаяннымъ. И дѣйствительно, чье сердце не содрогнулось бы при видѣ, напримѣръ, молодой черкешенки, въ рубищахъ лежащей

[1]) Отъ 10-го декабря 1864 года.

на сырой почвѣ, подъ открытымъ небомъ, съ двумя малютками, изъ которыхъ одинъ въ предсмертныхъ судорогахъ боролся съ жизнью въ то время, какъ другой искалъ утоленія голода у груди уже окоченѣвшаго трупа матери. А подобныхъ сценъ встрѣчалось не мало и всѣ онѣ были неминуемымъ слѣдствіемъ религіознаго фанатизма и непоколебимой увѣренности горцевъ въ ожидающей ихъ въ Турціи будущности, которую въ такихъ яркихъ краскахъ имъ рисовали османскіе эмиссары.

Сваливать вину въ постигшихъ горцевъ несчастіяхъ на насъ, какъ это, между прочимъ, дѣлали европейскія газеты и дипломаты было не трудно, но всѣ эти обвиненія оказывались по меньшей мѣрѣ ни на чемъ не основанными. Императоръ Александръ II, гуманнѣйшій изъ вѣнценосцевъ XIX вѣка, былъ слишкомъ далекъ отъ политики Филиппа III, знаменитаго своимъ королевскимъ повелѣніемъ 22-го сентября 1609 года, которымъ онъ нанесъ смертельный ударъ Маврамъ такъ безжалостно выброшеннымъ изъ Испаніи на пустынные берега Африки.

Александръ II желалъ лишь окончанія вѣковой борьбы съ черкесами, съ единственною цѣлью открытія имъ широкаго пути къ развитію между ними мирной гражданской жизни на привольныхъ земляхъ долины рѣки Кубани и ея притоковъ. Исполнителемъ своей державной воли онъ избралъ графа Евдокимова, который въ своихъ воззрѣніяхъ на интересы государства стоялъ настолько же неизмѣримо выше герцога Лермы или какого нибудь Донъ-Жуана-де-Рибейры, насколько черкесы въ культурномъ отношеніи уступали Маврамъ—этой лучшей части населенія Пиринейскаго полуострова. Только будущему историку предоставляется произвести безпристрастный приговоръ и оградить Россію отъ несправедливыхъ нареканій по поводу событія, составляющаго, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ грустныхъ страницъ въ нашей исторической лѣтописи.

Мы имѣли въ настоящей монографіи въ виду одно только выселеніе черкесскихъ племенъ; что-же касается оставленія Кавказской территоріи другими горцами, то это составитъ предметъ другой статьи, которая не замедлитъ явиться на страницахъ уважаемаго журнала «Русская Старина».

Ад. П. Берже.

Тифлисъ.
1881 г.

КЪ ПЕРЕЧНЮ ГРАВЮРЪ АКАДЕМИКА Л. А. СѢРЯКОВА.

Замѣтка.

Въ спискѣ, сообщенномъ Н. П. Собко на стр. „Русской Старины", гравюръ Сѣрякова [іюнь, 1881.] не упомянуты двѣ гравюры Л. А. Сѣрякова: видъ Севастополя, и видъ Балаклавы. Обѣ гравюры, съ помѣтками „рѣз. на деревѣ Сѣряковъ - печ. Ратгеръ", отпечатаны въ три слабые тона и помѣщены въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Крымъ съ Севастополемъ, Балаклавою и другими городами, съ описаніемъ рѣкъ, озеръ, горъ и долинъ, съ его исторіею, жителями, ихъ нравами и образомъ жизни. Съ двумя видами и планомъ. Изданіе Кораблева и Сирякова. Спб. Въ типографіи Эдуарда Веймара—1855".

Гравюры эти исполненіемъ своимъ напоминаютъ превосходнѣйшія политипажи—трудъ того же Л. А. Сѣрякова—въ книгѣ „Исторія и описаніе города Павловска," изд. 1877 года.

Кромѣ помянутаго сообщенія о двухъ гравюрахъ, необходимо дополнить списокъ произведеній Л. А. Сѣрякова слѣдующею замѣткою къ выноскѣ внизу стр. 316, іюньской книги „Русской Старины", изд. 1881 г.: что портретъ пѣвца былинъ Т. Г. Рябинина перепечатанъ изъ „Русской Старины", кромѣ 2-хъ изданій „Книги былинъ" Г. Авенаріуса, еще въ „Онежскихъ былинахъ," сборникъ А. Ѳ. Гильфердинга. Спб. 1873.

Позволяю себѣ надѣяться, что „Русская Старина," уже 12 лѣтъ собирающая и издающая матеріалы, освѣщающіе жизнь и дѣянія знаменитыхъ русскихъ людей, не откажетъ помѣстить на своихъ страницахъ и настоящую замѣтку, пополняющую списокъ произведеній нашего знаменитаго гравера.

В. В. Голубцовъ.

18 Сентября 1881.
Голубцовскій заводъ.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА [1].

По поводу соч. г. Елагина „Бѣлое духовенство и его интересы“.

I.

Въ началѣ 1881 года явилась книга, изданная подъ редакціею г. Елагина: «Бѣлое духовенство и его интересы». Мы, — приходское сельское духовенство, — жаждущіе и ждущіе улучшенія нашего положенія, всегда и отъ всей души благодарны тѣмъ, кто замолвитъ за насъ хоть однимъ словечкомъ,—читаемъ и перечитываемъ все, сочувствующее намъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Поэтому книга г. Елагина однимъ своимъ названіемъ возбудила въ насъ желаніе прочесть ее. Къ этому: епископъ донской епархіи рекомендовалъ ее духовенству («Дон. Еп. Вѣд.» № 4); въ Вятской епархіи сдѣлано распоряженіе: выписать ее во всѣ церкви, и даже на церковныя деньги («Ц.-Об. Вѣст.» № 39); а газета «Востокъ» чуть не возвела ее въ догматъ. Не прочесть такой книги было невозможно, чтобъ хоть только этимъ отвести душу отъ тоски, заѣдающей насъ въ иную пору. Но «Церковно-Общ. Вѣстникъ», «Церковн Вѣстникъ», «Православное Обозрѣніе», «Чтенія въ обществѣ любителей духов. просвѣщенія», «Новости», «Порядокъ», «Новое Время», гг. Гусевъ, Старовъ и др. заявили, что книга г. Елагина переполнена сплетнями, инсинуаціями, доносами, и называютъ ее неиначе, какъ «пасквилью» и «хулой» на духовенство. Такое разнорѣчіе не могло не увеличить желанія ближе познакомиться съ нею, чтобы провѣрить, по своему взгляду, и самую книгу и отзывы о ней. Прочесть то и другое было

[1]) Первый томъ „Записокъ Сельскаго Священника“ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1879—1881 гг., и нѣкоторыя главы изъ него, непосредственно относящіяся до описанія положенія и нуждъ бѣлаго духовенства, изданы редакціей „Русской Старины“ въ февралѣ 1882 г. отдѣльною книгою. Цѣна книги 1 руб. 30 коп.

необходимо, во 1-хъ, потому что составитель книги имени своего не открылъ; можно, слѣдовательно, предполагать, что онъ лицо свѣтское, весь вѣкъ свой живущій въ столицѣ, не знающее ни быта и ни жизни духовенства, ни отношеній его къ обществу и ни отношеній общества къ духовенству; во 2-хъ, самъ г. Елагинъ,—лицо свѣтское, живущее въ столицѣ и бывшее когда-то цензоромъ и цензоромъ, какъ гласитъ преданіе—безжалостнымъ;—человѣкъ, на обязанности котораго лежало розыскивать во всѣхъ, даже самыхъ лучшихъ, сочиненіяхъ одно только дурное, что не могло не отразиться на его характерѣ на всю его жизнь [1]). Намъ извѣстенъ напр. одинъ господинъ, бывшій когда-то директоромъ одной, извѣстной намъ, гимназіи и, за столкновеніе съ преосвященнымъ, удаленный отъ должности. Удаленіе это такъ повліяло на его характеръ, такъ возмутило его душу, что онъ, изъ-за преосвященнаго, озлобился на все духовенство и теперь, въ одномъ изъ почтенныхъ журналовъ извергаетъ цѣлые громы на всѣхъ насъ Можетъ быть было что нибудь подобное и съ г. Елагинымъ, почему онъ, даже и кромѣ навыка розыскивать во всемъ одно дурное, какъ и отставной директоръ, относится къ духовенству враждебно. Отзывы «Востока», «Порядка» и другихъ сдѣланы людьми, тоже свѣтскими и живущими въ столицѣ. Отзывъ, помѣщенный въ «Православномъ Обозрѣніи», данъ былъ хотя лицомъ и духовнымъ,—священникомъ, но священникомъ опять-таки столичнымъ; а между тѣмъ книга, какъ говорилось въ журналахъ, относилась, преимущественно къ намъ,—сельскимъ. Намъ показалось, поэтому, что ни самъ Елагинъ и ни его рецензенты не могли знать нашей жизни вполнѣ и могли впасть въ ошибки, хотя бы говорили они и безпристрастно. Само же сельское духовенство, — кого одни рвутся придушить, другіе защищаютъ,—молчитъ. Все это вмѣстѣ крайне возбуждало желаніе ближе познакомиться съ книгой Елагина, но, признаться, послѣ отзывовъ «Цер.-Общ. Вѣст.», «Церковн. Вѣст.» и др., рубля платить не хотѣлось. Брань-то мы, и не платя рубля, слушаемъ весь вѣкъ. Но вотъ одно лицо, живущее въ С.-Петербургѣ, сдѣлало мнѣ честь,—выслало мнѣ книгу г. Елагина и, при этомъ, съ тѣмъ, чтобы я, какъ сельскій священникъ, далъ свой безпристрастный и взятый съ жизни отзывъ. Такимъ образомъ я получилъ возможность ближе познакомиться съ книгой.

[1]) Извѣстно, что только транспаранты для письма т. е. простыя черныя линейки одобрялись цензоромъ Елагинымъ къ печати безъ помарокъ. У любителей курьезовъ—до сихъ поръ хранятся транспаранты съ подписью цензора Елагина.

II.

Книга г. Елагина «Бѣлое духовенство и его интересы», и по духу и по пріемамъ, напоминаетъ собою извѣстную нѣкогда брошюру г. Цитовича «Отвѣтъ ученымъ людямъ». Но эта послѣдняя имѣетъ то преимущество, по крайней мѣрѣ, что авторъ ея не скрывалъ своего имени, не прятался ни за чью спину и говорилъ прямо, что онъ, рекламирующій, есть г. Цитовичъ. Но здѣсь самъ авторъ, скрываясь самъ, всю отвѣтственность взвалилъ на плечи г. Елагина. Брошюра г. Цитовича стоила 25—30 к., брошюра же г. Елагина стоитъ цѣлый рубль. Читать покойно нельзя было и Цитовича, но Елагинъ превосходитъ его и цинизмомъ, и отборными ругательствами, и подозрѣніями, и науськиваніемъ, и инсинуаціями, и клеветою. И все это тѣмъ болѣе шокируетъ читателя, что рядомъ со всѣми такими выходками, и иногда на одной и той же страницѣ, чрезъ какія нибудь двѣ-три строки отъ лжи и клеветы, цитируетъ слова св. Писанія, искажаетъ ихъ, даетъ имъ свой собственный смыслъ и доказываетъ ими свою неправдивость; искажаетъ факты,—и ипокритски взываетъ къ закону, правительству и самому Богу. При этомъ безпрестанно: сбивчивость, недомолвки, темнота, набросъ словъ безъ доказательствъ, тогда какъ онѣ необходимы, и противорѣчія самому себѣ. Поэтому книга г. Елагина, собственно, не стоитъ серьезнаго вниманія. Но такъ какъ она явилась въ то время, когда и нѣкоторыя земства и литература заговорили о духовенствѣ и одни изъ разсуждающихъ о немъ недовольны имъ и желали бы замѣнить его даже мужиками, а другіе, напротивъ, предлагаютъ улучшить его положеніе; самая книга разослана г. Елагинымъ къ высокопоставленнымъ лицамъ съ цѣлію, конечно, заручиться мнѣніемъ ихъ въ свою пользу, прежде чѣмъ появятся въ литературѣ опроверженія на нее и так. образ. отвратить всякое улучшеніе въ быту духовенства; разослана г. Елагинымъ къ епархіальнымъ преосвященнымъ, чтобы, разумѣется, усилить строгости къ духовенству и за эту услугу духовенству поживиться на счетъ самаго духовенства и церквей [1]); такъ какъ общество мало знаетъ бытъ духовенства и можетъ составить понятіе о немъ по книгѣ г. Елагина,—то не сказать о ней ничего было бы грѣшно.

Книга г. Елагина раздѣлена на главы, но раздѣленіе это не имѣетъ

---

[1]) Еслибъ всѣ преосвященные сдѣлали такое же распоряженіе, какое сдѣлано Вятскимъ, то г. Елагинъ собралъ бы съ церквей болѣе 20,000 р.

С. Свящ.

ровно никакого значенія. По содержанію же она должна быть раздѣлена на два отдѣла. Въ первомъ г. Елагинъ говоритъ о нуждахъ духовенства и о томъ, какъ помочь ему въ этихъ нуждахъ; во второмъ же,—что духовенство и не стоитъ того, чтобы улучшать его положеніе. Самый вопросъ объ улучшеніи называетъ «несчастнымъ вопросомъ»; считаетъ за особенную милость Божію для церкви и государства, что духовенству не сдѣлано ничего до сихъ поръ; находитъ необходимо нужнымъ довести его до совершеннаго рабства и безличности. Хуже, лѣнивѣе, безсовѣстнѣе, безнравственнѣе, порочнѣе, грязнѣе, кляузнѣе, непокорнѣе власти и опаснѣе для общественнаго спокойствія онъ и не находитъ никого, и старается распространить и укрѣпить мысль эту въ обществѣ и правительствѣ. Этотъ второй отдѣлъ есть суть всей книги.

Къ первому отдѣлу слѣдуетъ отнести слѣдующія положенія, хотя самъ же г. Елагинъ называетъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства вопросомъ «несчастнымъ»:

Въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ не обращено вниманія на воспитательную часть юношества (57). Епископы должны имѣть надзоръ за приготовленіемъ будущихъ служителей церкви (79). Ученики должны неопустительно посѣщать богослуженіе, въ церкви пѣть и читать, а на домахъ болѣе изучать Творенія св. отцовъ (60). Между епархіальными вѣдомствами и семинаріями должна существовать тѣсная связь; семинаріи должны удовлетворять потребностямъ и нуждамъ епархій, такъ какъ онѣ приготовляютъ кандидатовъ на священническія мѣста (82). Чувство уваженія въ народѣ къ духовенству воспитано вѣками (136). Простой народъ безусловно преданъ священникамъ (135). Предъ прихожанами духовенство унижается, кланяется (168). Вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ условій духовенство не имѣетъ возможности должнымъ образомъ выполнять свои священническія обязанности (167). Духовный судъ нашъ имѣетъ весьма важные недостатки (86). Нужно пересмотрѣть всѣ церковные законы (166). Уставъ консисторій не полонъ; въ немъ со всѣми подробностями говорится о мелочахъ и ни слова о существенномъ, поэтому консисторіи только тѣмъ и занимаются, что оцѣживаютъ комаровъ и проглатываютъ верблюдовъ (159). При рѣшеніи дѣлъ онѣ обращаются и къ слову Божію, и къ церковнымъ канонамъ, и къ духовному регламенту, и къ высочайшимъ указамъ, и къ опредѣленіямъ св. Синода. При такой обширной свободѣ извлекать подходящіе къ дѣламъ законы откуда хочешь, понятное дѣло, возможенъ въ консисторіяхъ всякій произволъ (165, 166). И дѣйствительно, дѣла рѣшаются, можно сказать, наобумъ (165, строка 12). Нужно обезпе-

чить духовенство и нужно, чтобы были ему: а) добровольныя пожертвованія отъ прихожанъ; б) обязательныя пособія отъ тѣхъ же прихожанъ; в) вспоможенія отъ правительства и г) вспомоществованія отъ земства (168). Священникъ имѣетъ право не только охранять приношенія отъ прихожанъ, но и усиливать ихъ и возвышать (169). Онъ имѣетъ право требовать (!) отъ прихожанъ содержанія не только для себя, но и для сопутствующихъ ему въ жизни жены и дѣтей и имѣетъ власть не работать, т. е. не заниматься сторонними работами, съ цѣлію добыванія себѣ пропитанія (172). Духовенство имѣетъ право получать такое вознагражденіе, которое доставляло бы ему съ семействами обезпеченіе въ жизни полное, твердое и прочное. А такъ какъ однѣ добровольныя приношенія могутъ подлежать колебаніямъ и слѣд. нельзя достигнуть ими такого обезпеченія, поэтому духовенство должно быть обязательно обезпечено опредѣленными пособіями. Сюда относятся, по преимуществу, нарѣзка земли, устройство церковныхъ домовъ, пособія при обработкѣ земли и т. под. Правительство должно дать полное обезпеченіе духовенству при казенныхъ безприходныхъ церквахъ, священникамъ полковымъ, при церквахъ учебныхъ заведеній; должно быть положено жалованье лицамъ должностнымъ, какъ-то: членамъ консисторій, благочиннымъ, депутатамъ и пр. причтамъ бѣднѣйшихъ приходовъ, приходовъ, зараженныхъ расколомъ, а также приходовъ, имѣющихъ важное историческое значеніе. Должно быть положено пособіе всѣмъ городскимъ и сельскимъ причтамъ, или по-крайней мѣрѣ, причтамъ, недостаточно обезпеченнымъ мѣстными средствами. Послѣднее прямо вызывается необходимостью, но и первое было бы законно и справедливо (174). Состоя на службѣ церкви, духовенство оказываетъ въ то же время значительныя услуги государству. Оно охраняетъ общественную нравственность; утверждаетъ народъ въ законной преданности правительству; исполняетъ разныя порученія правительственныхъ лицъ и учрежденій. Правильно выдаваемое, хотя бы и небольшое, вознагражденіе показывало бы, что государство уважаетъ и цѣнитъ заслуги духовенства. Наконецъ правительство можетъ отводить духовенству казенныя земли, дозволять духовенству пользоваться казенными лѣсами, облегчать дѣтямъ доступъ въ разныя свѣтскія учебныя заведенія, для полученія воспитанія на казенный счетъ, или по крайней мѣрѣ безъ взноса платы за ученье и т. п. (175).

Вотъ, что говорится г. Елагинымъ въ пользу духовенства! Повидимому имъ сказано такъ много, что бóльшаго не пожелалъ бы и самый искренній нашъ другъ. Но, къ сожалѣнію, все это не болѣе, какъ микроскопическіе свѣтляки, на мгновеніе бросающіеся въ глаза

въ мутныхъ волнахъ океана: все, что ни говоритъ онъ въ пользу духовенства,—онъ самъ же опровергаетъ, и все это перепутано до того что привести въ систематическій порядокъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Поэтому мы будемъ разсматривать всю книгу отъ начала до конца,—въ томъ порядкѣ, въ какомъ она составлена.

Г. Елагинъ говоритъ: «вопросъ объ улучшеніи служебнаго, общественнаго и матеріальнаго быта бѣлаго духовенства развивается въ печати и въ правительственныхъ кругахъ уже болѣе 20 лѣтъ».

Напротивъ. Намъ лично извѣстно, что онъ былъ поднятъ назадъ тому лѣтъ 50, о чемъ нами нѣкогда было уже говорено («Русск. Старина» 1881 г., янв., стр. 47). Говоря такъ, г. Елагинъ съ перваго же слова показываетъ, что онъ плохо знаетъ тотъ «вопросъ», за который берется; первыми же словами показываетъ, что безусловно довѣряться ему нельзя, хотя онъ и говоритъ о себѣ, что онъ говоритъ «по совѣсти».

Въ виду такой продолжительности времени, какую занимаетъ вопросъ о духовенствѣ, г. Елагинъ предлагаетъ нѣсколько «мыслей и соображеній, приближающихъ къ окончательному его рѣшенію». Браться за роль руководителя правительства и общества и своимъ «мыслямъ и соображеніямъ» давать рѣшающее значеніе, есть, по нашему мнѣнію, болѣе, чѣмъ смѣло. Такая самоувѣренность невольно вселяетъ недовѣріе въ серьезное, основательное и безпристрастное сужденіе о предметѣ. Впрочемъ, сказавши такъ рѣшительно на 5 строкѣ своей книги, онъ увидѣлъ, послѣ, и самъ, что хватилъ слишкомъ уже далеко, а поэтому, на 142 стран. говоритъ: «мы не позволимъ себѣ и подумать о томъ, чтобы наши предположенія могли имѣть въ этомъ дѣлѣ какое либо значеніе». Подобныя противорѣчія самому себѣ у г. Елагина безпрестанно.

«Духовенство наше, безспорно, имѣетъ всѣ права на глубокое къ нему уваженіе. Мы не колеблясь скажемъ, что наше духовенство есть самое лучшее въ мірѣ» (1). «Газеты много пишутъ о немъ, но онѣ не исчерпали и сотой доли того, что дѣлается въ немъ. Пьянство поголовное; священники пьютъ и шатаются пьяные не только по деревнямъ и селамъ, но и въ городахъ, и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ» (97). «Пьяные совершаютъ не только приходскія требы, но и божественную литургію. Открытое нарушеніе постовъ, картежная игра сдѣлались почти обычными явленіями въ духовенствѣ. Появилось даже распутство... Вымогательство лишней платы за требы превосходитъ всякую мѣру» (98). «Настойчиво, требовательно (духовенство) высказываетъ недовольство существующимъ порядкомъ вещей, недовольство властію и готовность высвободиться отъ нея, хотя бы

это было соединено съ потрясеніемъ церковныхъ и государственныхъ началъ» (140). Которому изъ этихъ, крайне противурѣчущихъ одно другому отзывовъ прикажете вѣрить? Второй отзывъ есть, во всякомъ случаѣ, самая недобросовѣстная ложь и клевета, и, во всякомъ случаѣ, г. Елагинъ не имѣетъ права бросать грязью на все духовенство. Несправедливъ отзывъ г. Елагина второй, но несправедливъ и первый,—что все «духовенство имѣетъ, безспорно, всѣ права на глубокое къ нему уваженіе». Мы вовсе не хотимъ скрывать того, что между нами есть люди и порочные,—они есть, но только, къ утѣшенію нашему, какъ исключенія. Если же онъ не обращаетъ вниманія на эти не большія исключенія,—сознаетъ и убѣжденъ, что «духовенство имѣетъ всѣ права на глубокое уваженіе, то зачѣмъ же онъ такъ поноситъ? Если мы хороши, то честно ли говорить, что мы негодяи? Если заслуживаемъ уваженія мы, то, слѣд. не заслуживаетъ его тотъ, кто такъ насъ злословитъ. Что же значитъ вся такая путаница: промолвитъ добренькое словечко, да и начнетъ изливать цѣлые потоки брани? Мы думаемъ, что у него есть какое нибудь очень больное мѣстечко, и онъ забудется, скажетъ правду, но вдругъ вспомнитъ, встрепенется, да и начнетъ метать свои громы и направо, и налѣво. Иначе такой путаницы у человѣка умнаго мы и объяснить не можемъ.

«Во время поголовнаго невѣжества, оно (духовенство) оставалось единственнымъ, хотя и слабо мерцающимъ, свѣточемъ для народа; оно свято хранило церковные уставы» (2). «Русскій народъ всегда, въ глубинѣ души, уважалъ и любилъ духовенство. Одинъ изъ иностранцевъ, путешествовавшихъ по Россіи, говоритъ: разъ онъ въ Новгородѣ наткнулся на такую сцену: священникъ вышелъ изъ кабака и упалъ въ грязь» (136). Чьему отзыву вѣрить тутъ, — Елагина или иностранца, котораго цитируетъ самъ же г. Елагинъ? Мы думаемъ, что плохимъ «свѣточемъ» можетъ быть такой священникъ, у котораго у самаго темнѣетъ въ глазахъ до того, что падаетъ въ грязь. «Случившіеся тутъ люди, продолжаетъ цитируемый г. Елагинымъ иностранецъ, подняли его, попросили у него благословенія, поклонились ему и честно повели его домой». Елагинъ старается увѣрить всѣхъ, что нынѣшнее духовенство не заслуживаетъ уваженія и приводитъ примѣръ, какъ уважалось оно 200 лѣтъ назадъ. По нашему же мнѣнію нѣтъ ничего особеннаго, если мужики, толпившіеся около кабака и, можетъ быть, вмѣстѣ съ попомъ пьянствовавшіе, подняли его изъ грязи и «честно», т. е. непоколотивши, отволокли его домой. Это можетъ случиться и нынѣ. Но не можемъ не согласиться съ г. Елагинымъ, что обстоятельства, дѣйствительно, измѣнились: 200 лѣтъ назадъ мужики вытаскивали изъ грязи пьяныхъ поповъ, нынѣ же не

мужики, а люди образованные бросаютъ грязью и не въ пьяныхъ,—пишутъ цѣлыя книги пасквили, лжи и клеветы и стараются убѣдить въ этомъ лицъ высокопоставленныхъ!.. Да, скажемъ опять, обстоятельства измѣнились.

«Со временъ Петра I духовенство стало подниматься въ своемъ образованіи. Къ концу прошлаго столѣтія большинство священниковъ состояло изъ окончившихъ курсъ семинарій». Говорить такъ,—значитъ или намѣренно искажать правду, или не знать совсѣмъ духовенства прошедшаго столѣтія и степени его образованія. Не въ прошедшемъ, но въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія составляли одинъ учебный округъ губерніи: пензенская, самарская (уѣзды николаевскій и новоузенскій), часть астраханской (царевскій уѣз.), донская и саратовская, при ихъ огромнѣйшихъ пространствахъ и многомилліонномъ населеніи, т. е. на всю эту огромнѣйшую мѣстность семинарія была только въ Пензѣ. Возможное ли же дѣло, чтобы одна Пензенская семинарія давала ученыхъ священниковъ болѣе, чѣмъ на три тысячи приходовъ? Конечно, она и не давала. Мы знаемъ положительно, что въ 1820-хъ годахъ Пензенскій епископъ Ириней, объѣхавши только часть епархіи (одной пензенской), собралъ до 50-ти священниковъ безграмотныхъ, изъ коихъ были и такіе, которые не знали и азбуки и заучли кое что изъ службы наизустъ, о чемъ нами было говорено въ свое время («Русск. Стар.» 1879 г. томъ XXIV, январь стр. 161). Когда наша епархія сдѣлалась самостоятельною, семинарія существовала уже лѣтъ двадцать и я былъ уже въ семинаріи, то, въ 1840-хъ годахъ, преосвященный Іаковъ (Вечерковъ) раза по два и по три въ годъ пріѣзжалъ въ семинарію къ намъ и предлагалъ ученикамъ богословскаго класса выходить изъ семинаріи,—что ему нужны священники, что ему, иначе, приходилось рукополагать безграмотныхъ пономарей, что и было, дѣйствительно, дѣломъ обыкновеннымъ. Въ самомъ началѣ 1850-хъ годовъ, — когда поручена была мнѣ должность благочиннаго, то въ вѣдомствѣ моемъ, изъ 18-ти священниковъ, окончившихъ курсъ семинаріи, было три священника,—только; остальные же были изъ исключенныхъ изъ семинаріи или училищъ. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы окончившихъ курсъ было болѣе и по другимъ губерніямъ. И, слѣдовательно, нѣтъ основанія вѣрить г. Елагину.

«Это были люди терпѣнія и труда» (2) На этотъ разъ Елагинъ сказалъ всесовершеннѣйшую правду. Крѣпостные крестьяне, до отпуска ихъ изъ крѣпостной зависимости, были тоже «люди терпѣнія и труда»; но добровольны ли были эти «терпѣніе и трудъ»; можно ли ставить это въ заслугу, въ добродѣтель? Послѣ этого и всякій

волъ, съ ярмомъ на шеѣ, есть животное «терпѣнія и труда»,—животное добродѣтельное?

«Они владѣли секретомъ (?) мыслить обо всемъ по научному и дѣлать все по церковному». Такихъ людей было много и до Петра I. Изъ самыхъ ближайшихъ къ эпохѣ Петра можно указать на патріарховъ Гермогена, Филарета и Никона и др., которые не обучались даже ни въ какихъ школахъ, но «владѣли секретомъ и мыслить по научному, и дѣлать по церковному».

III.

«Съ реформою духовныхъ училищъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, духовное образованіе пошло по широко разчищенной дорогѣ и стало давать блестящихъ дѣятелей». Прежде всего замѣтимъ, что г. Елагинъ употребилъ слово: «реформа», тогда какъ далѣе на стран. 156-й самъ же говоритъ: «слово «реформа» опозорено реформаціею, и не должно вовсе быть употребляемо». Что же значитъ это? Дѣло ясно: тутъ говоритъ онъ о прежнихъ училищныхъ порядкахъ. Тутъ представляется пріятная ему картина: оборванный, голодный и грязный бурсакъ; онъ, г. Елагинъ, входитъ въ училище,—и предъ нимъ все трепещетъ; вздумалось,—и онъ поретъ до полусмерти; разбушевалась богатырская кровь,—и онъ топчетъ ногами, рветъ руками и зубами, по всей своей волюшкѣ, — онъ здѣсь власть, здѣсь о н ъ, — и больше никого! Устройство такихъ училищъ называйте, какъ вамъ угодно, ему все равно;—тутъ можно сказать и «реформа». Но вотъ ему говорятъ: въ училищахъ введена новая реформа, и вольную волюшку и широкую русскую натуру нужно пріудержать,—пороть-то учениковъ уже нельзя. «Какъ такъ! восклицаетъ Елагинъ. Реформа! Въ православно-духовныхъ училищахъ реформа! Да вѣдь это и слово-то поганое, еретическое! Православные христіане, заступитесь! Слово «реформа» опозорено реформаціей и не должно быть употребляемо»! Выходитъ, стало быть, что новые училищные порядки кольнули его въ больное мѣсто. Вотъ гдѣ и причина, почему онъ противорѣчитъ самъ себѣ. Послѣ этого слѣдовало бы къ г. Елагину отнестись, какъ къ человѣку больному и оставить его въ покоѣ; но, думается опять: съ какой же стати давать бить себя всякому, кому вздумается? Почему же и не отвести отъ себя ударовъ, хотя бы и больнаго? И, поэтому, продолжаемъ.

Духовныя учебныя заведенія были устроены такъ хорошо, въ такомъ совершенствѣ, что «оставалось только держаться принятаго на-

правленія». Такъ говоритъ г. Елагинъ на 3-й страницѣ своей книги; но на стр. 52-й говоритъ: «онѣ (учебн. заведенія) требовали весьма важныхъ и существенныхъ преобразованій». Извольте тутъ понимать: хвалитъ г. Елагинъ преобразованныя въ началѣ нынѣшняго столѣтія учебныя заведенія, или порицаетъ? Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, послѣ такихъ безпрестанныхъ противорѣчій самому себѣ, серьезно смотрѣть на книгу г. Елагина? А между тѣмъ человѣкъ берется быть рѣшителемъ такихъ вопросовъ, надъ которыми трудились ни одна сотня головъ и ни одинъ десятокъ лѣтъ.

«Духовныя училища давали блестящихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной и церковной службы» (3). Къ чему тутъ ложь? Были ли, напр. хоть даже не «блестящіе» на военномъ поприщѣ? Были ли инженеры, техники, химики, агрономы и под.? На гражданскую службу поступало очень много, очень много было докторовъ, но о комъ изъ нихъ можно сказать, что это былъ блестящій дѣятель? Ни мало не желая уменьшать достоинствъ ихъ и чести, мы обязаны, однако же, сказать, если желаемъ оставаться справедливыми, что все это были люди зауряднные, обыкновенные. Ктожъ изъ мало-мало образованныхъ людей не знаетъ русской исторіи и ея дѣятелей, особенно «блестящихъ»? Говорить такъ, какъ говоритъ г. Елагинъ, значитъ усиливаться, во чтобъ то ни было, хотя бы даже и враньемъ, доказать то, что хотѣлось бы доказать. А это значитъ неуважительно относиться къ обществу,—считать его способнымъ вѣрить всякому вздору.

«Изъ среды ученаго монашества, вслѣдъ за Платономъ и Филаретомъ, а частію подъ ихъ вліяніемъ, вышла цѣлая плеяда архіереевъ, гигантовъ мысли и дѣла, которымъ удивлялись даже иностранцы, бывшіе въ Россіи (3)». Монашество здѣсь, скажемъ мы, не причемъ. И Платонъ, и Филаретъ, и др. обучались не въ монашескихъ какихъ нибудь академіяхъ; монахами сдѣлались они послѣ. И эти, и другіе знаменитые своею ученостью, іерархи, можетъ быть, были бы такими же, и даже болѣе знаменитыми учеными людьми, еслибъ они не принимали монашество, или даже были людьми свѣтскими. Указывать на монашество нѣтъ никакого основанія. Что плеядѣ бывшихъ «гигантовъ мысли и дѣла» удивлялись иностранцы,—это не мѣшало бы доказать ссылками на показанія иностранцевъ.

«Представители этой плеяды, какъ живые памятники добраго стараго времени, какъ звѣзды первой величины на церковномъ небѣ, остаются еще доселѣ на нашихъ первосвятительскихъ и нѣкоторыхъ другихъ (?) каѳедрахъ». Что же тутъ особеннаго? Такъ и должно быть, по естественному закону природы: открылись мѣста, ихъ за-

няли имѣвшіяся въ наличности лица; придетъ время, когда и эти помрутъ; мѣста займутся слѣдующимъ поколѣніемъ и т. д. Теперь на этихъ мѣстахъ люди, получившіе образованіе до 1850-хъ годовъ потомъ займутъ ихъ — пятидесятыхъ, тамъ восьмидесятыхъ и т. д. Можно ли же считать въ особенную заслугу заведеніямъ до пятидесятыхъ годовъ, что теперь занимаютъ мѣста ихъ питомцы? Какъ же иначе быть? И почему знать, что намѣстники нынѣшнихъ достойныхъ іерарховъ будутъ хуже ихъ, — что они не будутъ такими же «звѣздами первой величины?» Предполагать противное нѣтъ никакого разумнаго основанія. Г. Елагинъ никогда, вѣроятно, не обращалъ вниманія на то, что въ людяхъ бываетъ, такъ называемая, старческая болѣзнь: любить и хвалить только то, что было «въ наше время». Эта-та болѣзнь замучила его.

«Бѣлое духовенство (а черное?) подъ управленіемъ мудрыхъ архипастырей продолжало неуклонно идти по пути усовершенствованій».

Какъ жаль, что г. Елагинъ не указалъ ни на одинъ видъ епископской дѣятельности прежнихъ временъ, гдѣ онъ, прямо, указывалъ бы на возвышеніе умственнаго и нравственнаго состоянія духовенства! По нашему мнѣнію, г. Елагину слѣдовало бы сказать: вотъ такой-то епископъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, особенные употреблялъ труды на то, чтобы священники вели собесѣдованія съ раскольниками; вотъ что онъ для этого сдѣлалъ и вотъ какіе утѣшительные плоды его трудовъ видны до сихъ поръ. Такой-то заботился о возвышеніи умственнаго состоянія духовенства, такой-то — нравственнаго, — и вотъ эти епархіи выдаются своими хорошими качествами предъ другими епархіями, до сихъ поръ. Но есть ли это? Мы ни мало не желаемъ уменьшать блеска свѣтилъ Московскаго неба, гдѣ свѣтили «Платоны и Филареты», но желали бы слышать: какими особенными достоинствами отличается московское (всей епархіи) духовенство, цѣлыхъ полвѣка освѣщаемое этими свѣтилами? Въ самомъ дѣлѣ: о благотворномъ вліяніи на духовенство, въ этомъ отношеніи, этихъ, дѣйствительно, ученыхъ мужей слышать весьма желательно было бы. Желательно бы слышать: какую память въ духовенствѣ они оставили о себѣ? Отдать честь всякому человѣку слѣдуетъ, но преувеличивать не должно. Скажемъ только пословицу: «слухомъ земля полнится»...

«Въ пятидесятыхъ годахъ (духовенство) представляло уже собою сословіе, высоко стоявшее въ общественномъ мнѣніи». Хорошо памятны намъ времена 1850-хъ годовъ и, поэтому, сдѣлаемъ краткій очеркъ.

IV.

Дѣти духовенства, обучаясь, жили или по квартирамъ, или въ казенныхъ бурсахъ. Квартиры всегда бывали у самаго бѣднаго и, часто, самаго безнравственнаго народа: отставныхъ солдатъ, солдатокъ, вдовъ-мѣщанокъ и под.; ученики нравственно гибли, — и никто не обращалъ на это вниманіе. Бурса-же,— это, по выраженію «Цер.-Об. Вѣстника» (1881 г. №53), скорѣе походила на этапный домъ, чѣмъ на жилое помѣщеніе, назначенное для дѣтей, оторванныхъ отъ материнскихъ попеченій. Это были всегда старыя и разрушавшіяся зданія, съ гнилыми полами, разбитыми окнами и дверями, сырыя, холодныя; полы мылись только разъ въ годъ, во время лѣтнихъ каникулъ; кроватешки сбитыя изъ досокъ, грязныя, изрѣзанныя, а иногда бывали и просто нары; войлока и подушонки засаленные, грязные, корявые, рваные и, въ теченіи всего года, не перемѣнялись, не мылись и не вывѣтривались; бѣлье суровое, толстое и перемѣнялось чрезъ двѣ недѣли, — послѣ бани; насѣкомыя кишѣли во всѣхъ складкахъ бѣлья (если только можно назвать черные бѣльемъ) и въ головѣ и разъѣдали тѣло до парши; самое бѣлье мылось такъ, что насѣкомыя оставались живыми въ складкахъ и послѣ стирки; шубенки и чапанишки были унизаны ими. Каждый бурсакъ, поэтому, жарилъ свою шубу и чапанъ въ банѣ и имѣлъ баночку «политани» (неаполитанская мазь) для истребленія насѣкомыхъ въ головѣ. Позволимъ себѣ, при этомъ, въ доказательство справедливости нашихъ словъ, сдѣлать маленькую выписку изъ книги г. Старова «Въ защиту бѣлаго духовенства»: Въ одной изъ губерній обширнаго русскаго царства существовалъ «начальникъ»,—прямымъ долгомъ котораго было заботиться о благѣ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній и однако въ теченіи двадцати лѣтъ своего начальствованія онъ ни разу не былъ въ подвластныхъ ему школахъ. Разъ пріѣхалъ къ нему знакомый протоіерей изъ столичнаго города и попросилъ его показать ему училище, находившееся противъ самаго дома начальника. «Не ходите, не совѣтую, услышалъ онъ въ отвѣтъ на свою просьбу: я самъ ни разу тамъ не былъ, тамъ васъ насѣкомыя заѣдятъ»... Ни въ какомъ случаѣ этотъ примѣръ не есть исключеніе. Мы положительно можемъ утверждать, что и наша старая бурса не видывала въ своихъ стѣнахъ «начальника». Но продолжаемъ: къ обѣду подавалась огромная, человѣкъ на десять, деревянная чашка щей и каши; хлѣбъ изъ прѣлой муки, съ пескомъ и не пропеченый,— было дѣломъ, почти, обыкновеннымъ. Большинство учениковъ были

оборваны, ободраны; въ холстовыхъ, полосущетыхъ холстахъ ходили и въ комнатахъ и въ классы; сапоги безъ подошвъ... Не только ректорà, инспекторà и учителя, изъ которыхъ въ половину были священники, но даже комнатные надзиратели—«стáршіе», - ученики изъ старшаго класса,—обращались съ учениками варварски. «Стáршіе» колотили своихъ подчиненныхъ, какъ только хотѣли, а учителя пороли до того, что несчастныхъ, часто, стаскивали за-мертво. Поэтому побѣги учениковъ изъ училищъ были безпрестанны. За побѣги же и болѣе выдающіеся проступки сѣкли подъ звонкомъ. Этому роду истязаній придавался особенный видъ торжественности: выходили на средину двора ректоръ, инспекторъ, учителя и ученики всѣхъ классовъ,—и сторожъ начиналъ, не торопясь, звонить въ колоколъ, висѣвшій на столбѣ около классовъ. Народъ уже зналъ, что̀ значатъ подобный звонъ въ училищѣ и сбѣгался со всѣхъ сторонъ сотнями. Выводили несчастнаго,—и начинали сѣчь... Сѣкли, иногда, до тѣхъ поръ, пока мальчикъ, часто 13—14 лѣтъ, терялъ сознаніе... Такъ пастыри церкви вели своихъ питомцевъ къ пастырству, въ доброе—старое время—во времена «звѣздъ первой величины на церковномъ небѣ» Платоновъ и Филаретовъ и всей плеяды гигантовъ «мысли и дѣла»! Преосвященные сами бывали въ училищахъ только на экзаменахъ и только по одному какому нибудь предмету, въ теченіе же года они не бывали тамъ никогда, или много, если два раза; такіе случаи—два раза,—можно было отнести даже къ необыкновеннымъ. Что дѣлалось въ училищахъ и семинаріяхъ,—преосвященный не имѣлъ возможности и знать, какъ думается намъ, потому что тамъ творились, иногда, между учениками, начальствомъ и преподавателями такія дѣянія, что терпѣть не было бы никакой возможности. Религіозно-нравственная сторона лежала исключительно на инспекторѣ, который воспитаніе выражалъ только тѣмъ, что ставилъ на колѣна, въ классѣ или казенной столовой; заставлялъ въ столовой молиться и класть казенные поклоны, пока ѣдятъ другіе ученики; сажалъ «за голодный столъ», т. е. провинившагося сажали за особый столъ, напротивъ обѣдавшихъ и ставили передъ нимъ огромную деревянную чашку съ водой, клали ложку и кусокъ хлѣба,—и виновный долженъ былъ сидѣть во время обѣда; билъ по лицу кулаками, рвалъ волосы, харкалъ въ лицо, поролъ, давалъ дурную аттестацію и, наконецъ, настаивалъ на исключеніе изъ заведенія. Училищная жизнь ученика была такова, что родные его, провожая въ училище, вопили, какъ надъ покойникомъ, и самъ ученикъ плакалъ, какъ обреченный на смерть.

Священническія мѣста давались безъ всякихъ соображеній о ре-

лигіозно-нравственномъ состояніи прихожанъ и нравственномъ и умственномъ состояніи кандидатовъ на мѣста. Тутъ имѣлось въ виду только: хорошій ученикъ и дурной, богатый приходъ и бѣдный. Хорошему ученику давался богатый приходъ; лѣнтяю, малоспособному и съ дурнымъ поведеніемъ—бѣдный, т. е. или малолюдный, или зараженный расколомъ и молоканствомъ. Священники нетрезвые, бывшіе подъ запрещеніемъ,—люди негодные никуда уже,—въ наказаніе посылались въ бѣдные приходы. Но наказывались-то тутъ, собственно, не столько священники, сколько несчастные приходы... Консисторіи строго наблюдали, чтобы по исповѣднымъ вѣдомостямъ было означаемо какъ можно меньше не бывшихъ у исповѣди и св. причастія; иначе: какъ? почему? отчего?—Закидаютъ запросами. При тогдашнемъ взглядѣ правительства на раскольниковъ подобные священники умѣли извлекать пользу и изъ консисторскихъ распоряженій и изъ взглядовъ правительства: они дѣлали доносы,—раскольниковъ тѣснили, раззоряли, выселяли. Чтобъ избавиться отъ раззореній, раскольники откупались у священниковъ: не исправляя никакой требы, многіе священники вносили въ церковные документы и крещеніе, и браки, и пр. и брали деньги. Такимъ образомъ они только распространяли и укрѣпляли расколъ.

И все это было во времена «гигантовъ мысли и дѣла!»......

Бесѣдъ съ раскольниками не вели ни сами преосвященные и ни священники; если гдѣ, иногда, и велись онѣ, то это было, какъ рѣдкое исключеніе. Правда, были оффиціальные, казенные миссіонеры, но они только грабили, о чемъ мы, тоже, говорили въ свое время («Русск. Старина» изданіе 1880 г., августъ, стр. 705—708).

Духовныхъ журналовъ въ то время было хотя и, вообще, мало, но ихъ сельское духовенство, почти, не выписывало; городское же, хотя, въ большинствѣ, и выписывало, но во многихъ церквахъ они лежали неразрѣзанными. Духовенство, вообще, читало очень мало. Мы не знаемъ ни одного случая, ни по своей губерніи, ни по другимъ, извѣстнымъ намъ, чтобы духовныя власти тѣхъ временъ дѣлали распоряженія о выпискѣ книгъ и журналовъ, поощряли и направляли духовенство къ чтенію. Никогда и ни одинъ преосвященный не спрашивалъ, во время обозрѣнія епархіи, или когда священники представлялись ему: что онъ читаетъ, какъ проводитъ время, какія имѣетъ онъ книги, какія имѣются при церквахъ, читаетъ ли онъ что нибудь прихожанамъ и даетъ ли что нибудь читать имъ на домъ? Объ этомъ никто и никогда и не заикнулся. А между тѣмъ, по г. Елагину, это были «гиганты мысли и дѣла...»

Г. Елагинъ говоритъ: «епископъ въ епархіи есть тоже, что солнце

въ мірѣ (73). Бѣлое духовенство, подъ ихъ (епископовъ) управленіемъ, продолжало неуклонно идти по пути усовершенствованія» (3). Мы совершенно согласны съ нимъ, но не можемъ сказать, при этомъ, если безусловно желаемъ остаться честными людьми: солнце, и солнце въ высшей степени благотворное, если только это солнце, при обходѣ вокругъ своей области не прячется за темныя тучи,—при обозрѣніи церквей не ограничивается однѣми формальностями и смотромъ церковныхъ документовъ. Преосвященные прежнихъ временъ, при обозрѣніи церквей, обыкновенно смотрѣли церковные документы, но, по нашему мнѣнію, для подобныхъ мелкихъ дѣлъ есть мелкіе люди: благочинные и писцы консисторій; подобныя дѣла не стоютъ того, чтобы преосвященный тратилъ за ними свое дорогое время. Обязанности преосвященнаго слишкомъ велики: онъ есть намѣстникъ апостоловъ, онъ есть руководитель вѣры и нравственности многихъ десятковъ тысячъ, пасомыхъ имъ, – цѣлой епархіи. Апостольскія же обязанности онъ можетъ выполнять только тогда, когда стоитъ онъ, насколько возможно, ближе къ паствѣ: сближеніе же возможно только при самыхъ частыхъ посѣщеніяхъ приходовъ и сердечныхъ, отеческихъ къ нимъ отношеніяхъ. Здѣсь онъ можетъ ближе ознакомиться съ довѣренными, поставленными имъ его помощниками,—духовенствомъ, вникнуть въ его бытъ, узнать насколько точно выполняетъ оно его порученія,—духовныя свои обязанности; насколько и какія употребляетъ оно средства къ развитію и укрѣпленію умственнаго и нравственнаго состоянія себя самаго и прихожанъ; здѣсь онъ имѣетъ возможность научить и направить дѣло служенія; побѣсѣдовать съ самою паствою и узнать религіозное и нравственное ея состояніе; узнать ея особыя слабыя стороны, дать ей наставленіе и указанія священникамъ, что̀ и какъ они должны, въ этомъ случаѣ, дѣлать. Какъ можетъ измѣниться жизнь пастырей церкви и клира отъ обозрѣній такого рода преосвященными своей паствы,—сколько исправилось бы отъ пороковъ и какъ усилилась бы въ духовенствѣ ревность къ дѣлу служенія!.. Такія обозрѣнія,—одно плодотворнѣе цѣлыхъ тысячъ консисторскихъ: «Приказали». Преосвященные, дѣйствительно, и обозрѣвали свои епархіи. Изъ множества обозрѣній представлю одинъ примѣръ тѣхъ временъ, того золотаго вѣка, въ которомъ одномъ г. Елагинъ видитъ всѣ блага «церкви», гдѣ епископы, какъ солнца, освѣщали вселенную,—«возвышали умъ и нравственность духовенства и такимъ образомъ высоко ставили его въ общественномъ мнѣніи» (3). Я беру въ примѣръ обозрѣніе церквей преосвященнымъ Аѳанасіемъ, бывшимъ епископомъ саратовскимъ и потомъ архіепископомъ астраханскимъ. Аѳанасія беру я потому, что онъ принадле-

жить именно къ той «плеядѣ архіереевъ,—гигантовъ мысли и дѣла», которая образовалась подъ лучами московскаго солнца,—Филарета, въ которомъ отразился свѣтъ самаго солнца, и который самъ, потомъ, могъ вліять на имѣвшихъ быть архіереями, бывши ректоромъ С.-Петербургской академіи. Я беру, кажется, именно «звѣзду первой величины на церковномъ небѣ (3),—по мысли г. Елагина. (Говоря о преосвященномъ Аѳанасіѣ, я нимало не желаю уменьшать его достоинствъ. Я говорю, просто, какъ историческій фактъ). При преосвященномъ Аѳанасіѣ я былъ уже благочиннымъ и, потому, не знать его во всѣхъ подробностяхъ я не могъ.

Преосвященный, Аѳанасій, намѣреваясь ѣхать для обозрѣнія епархіи, задолго еще до выѣзда, сдавалъ въ консисторію предложеніе о поѣздѣ и, при этомъ, прилагалъ маршрутъ съ точнымъ обозначеніемъ какого числа онъ будетъ въ извѣстномъ селѣ утромъ, гдѣ будетъ въ обѣдъ, гдѣ ночевать и въ какія села должно съѣзжаться духовенство сосѣднихъ селеній. Консисторія тотчасъ разсылала указы и маршруты благочиннымъ. Получаешь указъ и тотчасъ же, бывало, скачешь въ села, лежавшія по пути и осматриваешь рѣки, овраги, рытвины и мосты. Скачетъ за мной и становой приставъ, осматриваетъ дорогу, оретъ и колотитъ десятскихъ и старостъ, приказываетъ все чинить и уравнивать, подготовляетъ лошадей, велитъ сбивать народъ къ встрѣчѣ съ хлѣбомъ-солью и къ назначенному времени быть всѣмъ наготовѣ. Пріѣдешь въ село, осмотришь церковь, документы, вымуштруешь стариковъ-дьяконовъ и дьячковъ, чтобы предъ преосвященнымъ стояли прямо, глядѣли ему въ глаза и руки держали по швамъ, что требовалъ преосвященный непремѣнно, и, коротенько, объяснишь имъ 10 заповѣдей. Распорядишься, чтобы пѣвчіе были помѣщены въ удобномъ домѣ,— чтобъ было и просторно и поглуше, дабы не всякій слышалъ и видѣлъ ихъ охальства и безобразія; чтобъ они были укормлены и упоены до отвалу. Съѣздишь къ сельскому помѣщику и попросишь его принять преосвященнаго, такъ какъ въ домахъ священниковъ бывать онъ не любилъ и бывалъ тамъ только въ такихъ случаяхъ, когда не было въ селѣ ни барина, ни управляющаго, ни становой и въѣзжей квартиры,—некуда больше заѣхать. Устроивши все въ одномъ селѣ, мчишься въ другое. По церкви начиналась чинка, чистка, бѣлка, крашенье, письмо церковныхъ документовъ и зубренье 10 заповѣдей по Филаретову катехизису. Объѣхавши всѣ села, являешься къ преосвященному и рапортуешь ему, что дороги исправны, мосты надежны и ѣхать можно; гдѣ будутъ ждать его обѣдать и гдѣ приготовленъ ночлегъ.

Наканунѣ пріѣзда преосвященнаго мчалась въ село пьяная, без-

путная и безобразная орда,—архіерейская свита,—и громила все,—и всякій священникъ старался поскорѣе допоить и уложить, если нельзя выпроводить. Вечеромъ, наканунѣ пріѣзда, пріѣду и я. Утромъ, на другой день, ѣду въ поле, верстъ за пять отъ села, и жду владыку съ почетнымъ рапортомъ. Вѣстовые уже разставлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Къ обѣду видишь мчится, сломя голову, тройка и кучеръ, стоя, хлыщетъ безъ ума на всѣ стороны загорѣвшихся лошадей,—это исправникъ. Значитъ сейчасъ и самъ владыка. Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ стахъ саженій мчится шестерикомъ карета съ двумя кучерами и одинъ изъ нихъ тоже безпощадно бьетъ едва ни падающихъ лошадей и неистово кричитъ на форейтора. Это ѣдетъ владыка, и кучеръ, неистовствующій и надъ форейторомъ, и надъ лошадьми, — его собственный кучеръ. Поровнявшись со мной, карета останавливается, служка отворяетъ дверку и я подаю почетный рапортъ. Пока лакей затворяетъ дверку,—обѣщаешь кучеру дать на водку и попросишь, чтобъ онъ не особенно гналъ лошадей и далъ мнѣ уѣхать съ версту впередъ, бросаешься въ нарочито приготовленную легонькую тележку и летишь, какъ угорѣлый, чтобъ успѣть пріѣхать къ церкви раньше владыки, стряхнуть съ себя пыль, или обтереть грязь и вывести владыку изъ кареты. Кучеръ, дѣйствительно, нѣкоторое время, поѣдетъ потише, но онъ еще на станціи взялъ на водку съ почтосодержателя, чтобъ не загнать лошадей. Разставленные вѣстовые давно уже ускакали, и благовѣстъ начался. При въѣздѣ въ село, а большею частію при церковной оградѣ, народъ встрѣчалъ съ хлѣбомъ-солью. Владыка выходилъ, благословлялъ хлѣбъ, цѣловалъ его, на четыре стороны благословлялъ народъ и шелъ въ церковь, поддерживаемый подъ руки благочиннымъ и сопутствовавшимъ ему протоіереемъ. Нѣкоторые изъ священниковъ, при встрѣчѣ, въ церкви говорили рѣчи. Но однажды, въ балашевскомъ уѣздѣ, съ священникомъ Горизонтовымъ былъ такой случай: только что онъ началъ, было, говорить, какъ преосвященный строго спросилъ его: что ты хочешь говорить? Горизонтовъ смѣшался и насилу проговорилъ: „рѣчь".—А благочинному показывалъ ты, что хочешь говорить?

— Нѣтъ.

— «Такъ ты будешь молоть вздоръ, а я буду слушать! Пошелъ прочь»!

Преосвященный отодвинулъ Горизонтова въ сторону и пошелъ въ церковь.

Послѣ обыкновенной встрѣчи и многолѣтія преосвященный входилъ въ алтарь, садился и дѣлалъ маленькій экзаменъ, при этомъ бранилъ всѣхъ на весь народъ; народъ же стоитъ, слушаетъ и смот-

ритъ. Перебранивши всѣхъ (причтъ), онъ выходилъ на амвонъ и спрашивалъ прихожанъ: «довольны ли вы причтомъ? Если недовольны, я сейчасъ выведу въ другой приходъ, въ монастырь пошлю, выгоню! Говорите»! И это говорилось самымъ строгимъ, самымъ суровымъ тономъ, на всю церковь. Не разъ случалось, что по жалобѣ кого нибудь, можетъ быть, перваго негодяя, членъ причта лишался мѣста, безъ всякаго изслѣдованія дѣла, стало быть лишался дома и всего нищенскаго своего имущества и раззорялся въ конецъ... Послѣ такого опроса преосвященный уѣзжалъ въ домъ помѣщика, уѣзжалъ и изъ прихода, не видавши уже болѣе священника. Причтъ призывался, иногда, для экзамена и просмотра документовъ и въ домъ помѣщика. Какая бы ни была тутъ жалоба хозяиномъ дома на члена причта, — пощады уже не было: хозяинъ вполнѣ могъ располагать судьбою несчастнаго.

Посѣщеніе преосвященнаго заканчивалось или горькими слезами, или безобразнымъ пьянствомъ—и пьянствомъ не причта только, а и всего села. Удаленные отъ мѣстъ съ женами своими и дѣтьми горько плакали; а тѣ, которымъ сошло все съ рукъ благополучно и обошлось одной только бранью за какія нибудь мелочи, запивали свою радость, какъ только возможно. Лишь только владыка изъ села вонъ,—къ батюшкѣ валитъ цѣлая толпа поздравлять его съ благополучнымъ отъѣздомъ и спить съ него за то, что никто изъ мужиковъ не пожаловался ему,—и начиналось пьянство... Разшевеливши свою душеньку у батюшки, мужики начнутъ пить на складчину, начнутъ пить «на мірскія»,—и пьянствуютъ дня два и даже три.

Такъ «духовенство (и паства) неуклонно шло подъ управленіемъ гигантовъ мысли и дѣла по пути усовершенствованій»...

Другихъ послѣдствій и быть не могло, если и духовенство и паства видѣли только архіерейскій громъ, пѣвческій разгромъ,—и ни слова мира, любви и назиданія. Въ преувеличиваніи или искаженіи историческихъ фактовъ, я надѣюсь, никто укорить меня не можетъ. «Слишкомъ много нужно безчестности, по словамъ библіографа «Чтеній въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» (1881, мартъ, 98) чтобы беззастѣнчиво лгать на весь міръ Божій, когда, при сравнительно большой гласности, нынѣ существуетъ постоянная опасность для лгуна быть изобличеннымъ со всѣхъ сторонъ»,—и лжи я не дозволю себѣ ни однимъ словомъ. Пусть г. Елагинъ укажетъ мнѣ хоть на одно слово, гдѣ я уклонился бы отъ правды; но я увѣренъ, что ни онъ, и никто другой сдѣлать этого не могутъ.

Предмѣстникъ преосвящ. Аѳанасія, преосв. Іаковъ (Вечерковъ) отличался отъ Аѳанасія только тѣмъ, что, при обозрѣніи епархіи,

всегда почти говорилъ съ раскольниками, ходилъ къ начетчикамъ въ дома и велъ съ ними продолжительныя бесѣды. Самимъ имъ лично множество старообрядцевъ присоединено къ православію и единовѣрію (кажется до 16.000 душъ); но на то, каковы были священники раскольническихъ приходовъ, по умственному и нравственному ихъ состоянію, сомнительно, чтобъ обращалъ онъ должное вниманіе, такъ какъ мнѣ были извѣстны священники нѣкоторыхъ раскольническихъ приходовъ, и могу сказать, что жизнь ихъ была далеко не безукоризненна. При томъ, лучшихъ и взять было не гдѣ. Самъ онъ былъ истинный монахъ: часто служилъ, много говорилъ поученій, много читалъ, жизнь велъ уединенную, былъ постникъ до изумленія; но къ духовенству былъ ужасно строгъ: по первой жалобѣ когобъ-то ни было, особенно старухи-барыни, выгонялъ изъ прихода, запрещалъ, посылалъ въ монастырь и соборъ; всякому, въ особенности помѣщику или барынѣ, стоило только дойти до него, — и священникъ пропалъ. Десятки разъ приводилось намъ быть свидѣтелями посѣщеній имъ церквей,—и всѣ посѣщенія были одинаковы: обычная встрѣча, просмотръ метрикъ, спросъ мужиковъ о поведеніи причта, благословеніе народа и—отъѣздъ въ другое село. Разъ только, помнится, въ с. Лысыхъ Горахъ онъ заставилъ пономаря прочитать символъ вѣры. Тотъ началъ: вѣрую во единаго Бога... Постой! Когда начинаешь читать: «вѣрую», то всегда крестись. Благочинный! Оштрафуй его рублемъ! Діаконъ! Читай». Тотъ началъ, конечно, уже перекрестившись. Потомъ взялъ шнуровую метрику самъ, копію далъ благочинному и сталъ спрашивать: «кто записанъ въ рожденныхъ подъ №..?» Тотъ прочелъ. — «Въ бракахъ подъ № ? — Сказалъ. — «Подъ №.. ?». «Такъ». Пересмотрѣвши №№ съ десятокъ, вышелъ на амвонъ, спросилъ: «довольны всѣ причтомъ?» благословилъ народъ и уѣхалъ. Ревизія, значитъ, чисто чиновничья, казенная.

Каждый воспитанникъ семинаріи, предъ рукоположеніемъ во священники, долженъ былъ выучить наизусть нагорную бесѣду Спасителя и прочитать ее каѳедральному протоіерею; а наканунѣ самаго рукоположенія долженъ былъ въ крестовой церкви, въ присутствіи преосвященнаго, сказать себѣ назиданіе: преосвященный давалъ тэму,—какой нибудь текстъ изъ посланій апостольскихъ, въ родѣ: «настой благовременнѣ»... или: «священникъ долженъ быть ни пьяница, ни убійца...»: воспитанникъ долженъ былъ составить, на заданный текстъ, проповѣдь и произнести.

Теперь спросимъ: имѣеть-ли право г. Елагинъ говорить, что, «подъ управленіемъ мудрыхъ архипастырей», при прежнихъ порядкахъ, «духовенство шло по пути усовершенствованій»?.. Въ умѣ нѣтъ у

насъ унижать достоинство и дѣятельность архипастырей прежнихъ временъ, и еслибъ кто заподозрилъ насъ въ этомъ, то пусть докажетъ, что все было не такъ, какъ говоримъ мы.

V.

«Въ пятидесятыхъ годахъ духовенство представляло уже собою сословіе, высоко стоявшее въ общественномъ мнѣніи». Такъ какъ г. Елагинъ въ подтвержденіе своихъ словъ не представилъ ни одного факта, то представимъ ихъ мы. Приэтомъ прежде прошу позволен'я разсказать объ одномъ представленіи нашемъ преосвящ. Аѳанасію, о чемъ упоминали уже мы въ прежнихъ нашихъ Ззапискахъ» («Русская Старина», изд. 1880 г., августъ, 693). Въ сентябрѣ (1848 г.) мы получили отъ благочиннаго повѣстку явиться всѣмъ причтомъ, съ церковными документами, въ д. Ивановку, въ имѣніе Е. А. И., для представленія его преосвященству. Оказалось, что туда собрано было все духовенство изъ 16 селъ. Насъ собралось тамъ 18 священниковъ, 16 діаконовъ и 38 причетниковъ,—цѣлый полкъ. Мы собрались за два дня до пріѣзда преосвященнаго. Преосвященный пріѣхалъ къ И – вой, какъ хорошій знакомый, отдохнуть на недѣльку отъ дѣлъ. Сюда съѣхалось много помѣщиковъ, а еще болѣе барынь, изъ ближайшихъ селъ. Тутъ же былъ и пріятель нашъ, солдатъ (управляющій имѣніемъ Желтухина) Агафоновъ. Въ первый день по пріѣздѣ преосвященный не принималъ насъ и потому мы толпились у барскихъ воротъ не долго. На другой день, намъ было велѣно явиться въ 10 часовъ. Мы, конечно, явились, но, на этотъ разъ, пришлось потомиться у воротъ побольше. Въ 12 часовъ уже преосвященный, идя съ хозяйкой дома и гостями мимо насъ, велѣлъ явиться намъ въ 10 часовъ на завтра. Мы, разумѣется, стояли безъ шляпъ, но никто изъ сопровождавшихъ его не снялъ фуражки и не кивнулъ намъ. Являемся на завтра: ввалили семьдесять человѣкъ и грянули, разомъ, въ ноги преосвященному. Мы заняли собою больше половины зала. Преосвященный, въ великолѣпной сѣрой атласной рясѣ и голубой камилавкѣ, сидѣлъ на диванѣ, хозяйка и гости—вдоль стѣнъ. При нашемъ входѣ не привсталъ никто и никто не кивнулъ намъ головой, какъ будто пришло, просто, стадо барановъ. Мы всѣ, заведеннымъ порядкомъ стали принимать благословеніе по одиночкѣ: подойдешь, поклонишься въ ноги, примешь благословеніе, опять поклонишься въ ноги и отойдешь. Преосвященный, сидя, по одиночкѣ, благословилъ насъ и потомъ спрашиваетъ благочиннаго; «кто изъ нихъ у тебя пьяница»?

— У меня пьяницъ нѣтъ, ваше преосвященство.

Сидѣвшая тутъ барыня-мироносица, старуха К—ва:

— Нѣтъ, ваше преосвященство, благочинный покрываетъ ихъ. Нашъ священникъ N. N. совсѣмъ спился! Вмѣсто того, чтобъ созывать мужиковъ въ церковь, онъ созываетъ къ себѣ на помочь, и поитъ ихъ виномъ. Мнѣ не надо его, возьмите его отъ меня, куда хотите. Не надо мнѣ его, не надо, не надо!.. И замахала руками.

— Я, ваше преосвященство, дѣйствительно, прошлое воскресенье, помочь собиралъ, но обѣдня у меня была. Я человѣкъ бѣдный, нанять работать мнѣ не на что, я и попросилъ добрыхъ людей. Я...

— Молчать! Отъ этого мѣста я тебя отрѣшаю. Ищи другой приходъ! Пьяница! Какъ же ты, благочинный, говоришь, что у тебя нѣтъ пьяницъ? Ты съ ними вмѣстѣ пьянствуешь!

— Дѣйствительно, ваше преосвященство, благочинный вмѣстѣ съ ними пьянствуетъ; вы изволили правду сказать.

— Я ни водки, и даже никакого вина не пью совсѣмъ, ваше преосвященство.

— Молчать! Чтожъ ты думаешь, что я больше повѣрю тебѣ?

Егоръ Ѳеодоровичъ шепчетъ мнѣ: коль не вѣритъ никому, такъ ужъ и сдѣлалъ бы К—ву благочинницей надъ нами. N. N. подошелъ къ преосвященному, сталъ на колѣна: «ваше преосвященство! Помилуйте! У меня тутъ домъ»...

— Молчать, дуракъ! Вонъ пошелъ!

— Ваше преосвященство (не вставая съ колѣнъ), я человѣкъ бѣдный, у меня два сына въ семинаріи, я разворюсь совсѣмъ, долженъ буду исключить дѣтей, они погибнутъ...

— Благочинный, отведи его прочь! Вы, господа, довольны своимъ причтомъ? Говорите! Если нѣтъ, такъ...

Всѣ, въ томъ числѣ и нашъ Агафоновъ, привстали: «довольны, ваше преосвященство, очень довольны»!

N. N. «Ваше преосвященство»!.. Но К—ва: «завтра же велю твой домъ снести съ моей земли! По бревешку велю раскидать. Преосвященнѣйшій владыка отказать уже изволили тебѣ отъ нашего прихода; ты теперь уже не нашъ. Завтра же, чтобъ и духу твоего не было въ нашемъ селѣ».

— Ваше преосвященство, помилуйте!

— Пошелъ вонъ! Священникъ села Р. К—ій! Сюда!

К—ій подошелъ къ столу, поклонился въ ноги и сталъ.

— Скажи: какія обязанности священника!

— Научать народъ вѣрѣ...

К—ва: «ну, ужъ нашъ попъ научитъ! Самъ мужиковъ поитъ виномъ по праздникамъ».

Тутъ его преосвященство перебралъ насъ всѣхъ, кромѣ, впрочемъ, меня, Егора Ѳеодоровича и благочиннаго. Сколько «дураковъ» мы получили тутъ отъ щедротъ его преосвященства, что не перечтешь и по пальцамъ! Что ни слово, то: «дуракъ, дуракъ, дуракъ! И по рожѣ-то видно, что дуракъ»! Каждый подойдетъ къ столу, поклонится въ ноги, 5—10 получитъ «дураковъ», поклонится въ ноги за милостивое слово опять и отойдетъ. Начальникъ же нашъ, благочинный, получалъ по нѣскольку «дураковъ», послѣ каждаго, на загладочку: «дуракъ, дур къ! И благочинный дуракъ, что даетъ тебѣ (въ формулярѣ) отмѣтку хорошую,—дуракъ и онъ». И это послѣ каждаго спрошеннаго. Такимъ образомъ если мы, 70 человѣкъ, получили по 7 «дураковъ», то нашъ о. благочинный удостоился получить ихъ семьдесятъ разъ седмерицею.

Послѣ испытанія въ знаніяхъ догматовъ вѣры и правилахъ христіанской нравственности, сталъ заставлять, опять всѣхъ по одиночкѣ, пѣть по октоиху. И опять: поклонъ, «дуракъ», поклонъ и—вонъ. Тутъ уже непремѣнно на каждую нотку сѣло по «дураку».

— «Удивительно, какъ они всѣ глупѣютъ на должностяхъ! Вѣдь дуракъ на дуракѣ! Ступайте»!

Священникъ N. N. опять хотѣлъ, было, просить преосвященнаго, но онъ велѣлъ благочинному вывести его. Священникъ этотъ былъ крайне бѣдный и совершенно трезвый. Но чѣмъ-то, къ его горю, не угодилъ этой мироносицѣ,—и пропалъ. Переводъ въ другой приходъ раззорилъ его въ конецъ. Дома его барыня хотя и не раскидала, но онъ, все равно, проданъ за ничто.

Также прошу читателя припомнить мой разсказъ, какъ мой батюшка, безъ всякой вины и безъ всякаго суда и слѣдствія, былъ посыланъ въ соборъ «на усмотрѣніе» на двѣ недѣли, только «по жалобѣ любителя церкви Н. И. Б.» Припомнить, какъ священникъ, магистръ и профессоръ П. Н. С. былъ переведенъ въ худшій приходъ за то, что, попросту, безъ рясы, пришелъ къ сосѣдкѣ, знакомой старухѣ-барынѣ въ домъ смотрѣть ея цвѣты, по ея зову; какъ товарищъ мой по семинаріи Д. былъ переведенъ въ худшій приходъ за то, что, въ отсутствіе барина, пришелъ учить его сына безъ рясы. Въ Самарской губерніи одинъ священникъ выручилъ, разъ, изъ бѣды мужика —далъ ему въ займы 100 р., по прошествіи условленнаго срока сталъ спрашивать долгъ. Мужика и подъучили подать преосв. Ѳеофилу на священника просьбу, что тотъ тѣснитъ его. По этой просьбѣ, безъ всякихъ объясненій, священникъ былъ переведенъ въ худшій приходъ и, конечно, раззоренъ. При личномъ объясненіи преосвященный только сказалъ ему: «не связы-

вайся съ мужикомъ». Бывали и такіе случаи: священникъ подаетъ прошеніе объ увольненіи его въ Кіевъ на поклоненіе св. мощамъ. Преосвященный даетъ резолюцію: «уволить, а мѣсто его считать празднымъ». Священникъ подаетъ опять прошеніе, что идти въ Кіевъ онъ раздумалъ и чтобъ мѣсто отдалъ ему опять. Преосвященный: «что, вздумалъ, было, пошляться? Въ антиминсѣ есть мощи, и цѣлуй ихъ». И мѣсто возвратилъ опять.

При такой безличности, духовенство, позоримое публично и выгоняемое изъ приходовъ по жалобѣ всякаго негодяя, при полнѣйшей зависимости отъ прихожанъ въ самыхъ жизненныхъ своихъ потребностяхъ, нищенскомъ выпрашиваніи хлѣба для своего пропитанія, грабежѣ консисторій и благочинныхъ,—не могло нравственно возвыситься само, не могло имѣть и должнаго вліянія на прихожанъ, а слѣдовательно и не могло «высоко стоять въ общественномъ мнѣніи». Оно, дѣйствительно, и не стояло. О священникахъ безпрестанно, бывало, слышешь даже отъ мужика: «не хотѣлось только доѣхать до архерея, онъ прошколилъ бы его заставилъ бы въ монастырѣ воду толочь»! Или: «только доѣхать до архерея! Онъ его... Въ семинаріи ихъ много; сейчасъ пришлетъ другаго!» По такимъ отношеніямъ къ священникамъ образовалась даже пословица: «намъ кто ни попъ, тотъ батька». Пословица эта есть прямое доказательство самыхъ легкихъ отношеній общества къ духовенству. Священнику нужно было пресмыкаться предъ каждымъ негодяемъ и потворствовать всѣмъ его скотскимъ инстинктамъ, чтобы только сохранить себя отъ позора и раззоренія. Такая униженность, такое рабство предъ каждымъ, такой грабежъ, такая безличность были причиною того, что духовенство пило и надлежащимъ образомъ дѣломъ своимъ не занималось, а этимъ еще болѣе теряло къ себѣ уваженіе въ обществѣ и вредило и себѣ, и дѣлу своего служенія.

VI.

«Духовенство пятидесятыхъ годовъ имѣло всѣ задатки для развитія своей плодотворной дѣятельности въ будущемъ». Задатки для плодотворной дѣятельности есть въ каждомъ человѣкѣ; но они развиваются только при благопріятныхъ къ тому условіяхъ; иначе они такъ и останутся одними только задатками. Такъ было и съ духовенствомъ. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилось оно, плодотворная его дѣятельность проявилась крайне слабо и была именно только въ «задаткахъ», развитіе же этой дѣятельности оставляло «будущему». Когда явились обстоятельства, нѣсколько благопріят-

ствующія этому развитію,—тотчасъ измѣнилось многое: содержаніе казенныхъ учениковъ училищъ и семинарій улучшилось; отцы стали помѣщать дѣтей своихъ на болѣе сносныхъ квартирахъ; училищное начальство не стало дозволять имъ квартировать по трущобамъ; безмысленное зубренье уроковъ замѣнилось толковымъ изученіемъ науки; истязанія учениковъ прекратились; взяточничество консисторій и благочинныхъ уменьшилось; благодаря съѣздамъ духовенство получило возможность мѣняться мыслями, впечатлѣніями и развивать себя; стало выписывать газеты и журналы, устроивать домашнія, церковныя и благочинническія библіотеки; стало заботиться объ образованіи народа. Такъ, въ саратовской губерніи до «пятидесятыхъ годовъ» было всего 19 народныхъ школъ отъ министерства государственныхъ имуществъ и удѣловъ. Послѣ «пятидесятыхъ годовъ» духовенство стало открывать школы и уже въ 1860 году при церквахъ состояло 120 училищъ, съ учениками муж. п. 1800 и жен. 640. Въ 1861 г. прибыло училищъ 403, учившихся муж. п. 6871 и жен. 516. Въ 1862 г. состояло на лицо 576 училищъ, учившихся 10,662 муж. п. и 1341 жен. п. Въ 1863 г. 531 училище и 9,398 м. п. и 114 ж. п. учившихся. Училища помѣщались: 202 въ церковныхъ сторожкахъ, 197 въ домахъ духовенства, прочія же по домамъ крестьянъ (Сарат. Епарх. Вѣд. 1878 г. №№ 14—15). «Чтобы ни говорили о фиктивномъ значеніи этихъ оффиціальныхъ цифръ, въ смыслѣ преувеличенія, говоритъ г. Правдинъ (Опис. саратов. епар.), остается неопровержимымъ тотъ фактъ, что было время, когда вдовая діаконица, жена пономаря, священникъ съ вдовою дочерью, дьячекъ со свояченой, заштатный пономарь были народными учителями и, при томъ, единственными почти проводниками грамотности въ приходахъ; обучали дѣтей въ своихъ хатахъ, по тѣснотѣ и неудобству ихъ, въ церковныхъ сторожкахъ, и обучали безмездно, если только подъ платою разумѣть денежное вознагражденіе, а не всѣ жизненные продукты, въ родѣ 10 яицъ, пуда муки и под.» Министерство Народнаго Просвѣщенія нашло неудобными такія школы, открыло школы на казенный ладъ,—и, по крайней мѣрѣ, три четверти дѣтей оставлены коснѣть въ полномъ невѣжествѣ. Но духовенство все, что могло сдѣлать для народнаго образованія, сдѣлало, и духовенство, скажу опять, не «до пятидесятыхъ годовъ», а 1860-хъ. Духовенство стало дѣятельнѣе вести церковныя и домашнія бесѣды и заботиться о распространеніи религіозно-нравственнаго состоянія народа; вести постоянныя и усиленныя бесѣды съ сектантами; устроило свѣчные заводы и на эти средства стало давать образованіе дѣтямъ своимъ—дѣвочкамъ; устроило сиротскіе пріюты, зара-

ботные дома, даровыя столовыя для каждаго приходящаго; улучшило содержаніе казенно-коштныхъ учениковъ духов. училищъ, устроило и для себя: «неприкосновенные капиталы», для вспоможенія вдовамъ и сиротамъ, и образовало капиталы для взаимнаго вспоможенія,—нѣчто въ родѣ спеціальнаго банка для духовенства епархіи; образовало капиталъ для вспоможенія учащимся въ высшихъ духов. заведеніяхъ. Подобное общество существуетъ въ саратов. губерніи двѣнадцать лѣтъ, имѣетъ у себя 1,600 членовъ и капиталъ общества возросъ до 200 слишнимъ тысячъ руб. Пособія изъ него заштатнымъ и сиротамъ возросли уже до 12 т. руб. въ годъ. Два года тому назадъ открыто взаимное страхованіе домовъ духовенства отъ пожаровъ; погорѣвшіе и участвовавшіе въ страхованіи получили вполнѣ страховыя преміи, вновь произвели постройки и, при всемъ томъ, на удовлетвореніе погорѣльцевъ въ будущемъ имѣется сбора до 16,600 р Повторяю опять: вся эта жизнь и дѣятельность явилась въ духовенствѣ «послѣ пятидесятыхъ» годовъ.

Правда, дѣятельность духовенства заставляетъ желать очень еще многаго; но, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ оно находится, и этой дѣятельности слишкомъ достаточно.

«Оставалось держаться, по отношенію къ духовенству, принятаго направленія». То есть, другими словами: слѣдовало держать духовенство вѣчно въ униженіи и нищетѣ;—въ невѣжествѣ и духовенство и народъ; оставить снова помыкать священникомъ всякой бабѣ, торгашу, солдату, мужику; дать полный разгулъ ихъ варварству и грабежу?! Какой же благородный человѣкъ пожелаетъ это даже «смертельному» своему врагу и даже, какъ говорится, «злому татарину»?! Желать возврата старыхъ порядковъ можетъ только или тотъ, кто не зналъ этихъ порядковъ, или тотъ, кто находилъ свое благополучіе въ несчастіи другаго...

«Но»... Послѣ этого: «но» поставлено три точки. Значитъ: пропало все,—finis Poloniae! «Нежданно, негаданно появились обстоятельства, повернувшія дѣло въ противную сторону». Дѣйствительно: въ царствованіе незабвеннаго Отца нашего отечества, Царя-освободителя, Царя-мученика много осушено слезъ, нежданно-негаданно для людей, которымъ были милы эти слезы. Было-бы вѣрнѣе, еслибъ г. Елагинъ сказалъ откровенно: «явилось то, чего многимъ не хотѣлось»,—точно такъ, какъ: отпустили на волю крестьянъ, чего нѣкоторымъ помѣщикамъ не хотѣлось бы.

VII.

«Послѣ крымской войны вся Россія заговорила о прогрессѣ и цивилизаціи. Появилась обличительная литература, поставившая себѣ задачею находить во всемъ недостатки и всюду мѣшаться съ своими указаніями. Духовенство, конечно, не могло быть нетронутымъ. И вотъ въ средѣ самихъ же священниковъ нашелся измѣнникъ своему призванію, не постыдившійся издать за границею рѣзкій пасквиль на русскую церковь, подъ заглавіемъ: «О сельскомъ духовенствѣ въ Россіи».

Толчокъ къ движенью вызванъ не печатью, а Высочайшею властію. Въ государствѣ много найдено такого, что не соотвѣтствовало современнымъ требованіямъ,—и послѣдовательно, одно за другимъ, начались необходимыя измѣненія во всѣхъ частяхъ государственнаго строя. Литература, какъ и слѣдовало, явилась посредницею между правительствомъ и обществомъ,—она открывала, на что правительству нужно было обратить вниманіе прежде всего, ей нужно было указать на все дурное, на все нетерпимое и требовавшее измѣненія, и изложить свое мнѣніе. Она дѣлала это и, такимъ образомъ, оказывала услугу и правительству, и обществу. Духовенство, какъ члены того же государства, соприкасающіеся со всѣми его членами и имѣющіе участіе и вліяніе въ общемъ перестроѣ, не могло, конечно, остаться безъ вниманія литературы,—она заговорила и объ немъ. Духовенство,—этотъ членъ государственнаго организма, былъ также боленъ, какъ и другіе члены, и требовалъ радикальнаго лѣченія. Въ литературѣ много заговорилось о немъ, но говорившіе, какъ люди посторонніе, не могли знать вполнѣ внутренней его болѣзни. Нужно было, чтобы само духовенство разсказало о своихъ недугахъ, открыло себя во всей своей полнотѣ: нужно было указать, что въ организаціи его хорошо и не требовало измѣненій, что̀ можетъ быть еще терпимо и что̀ не отложно требовало измѣненія. Но не будетъ, кажется, преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что между высшими и низшими слоями духовенства мало было общенія. Не за много десятковъ лѣтъ епископы перестали пороть священниковъ и отдавать въ солдаты,—отношенія были, почти, тѣ же, что отношенія бывшаго рабовладѣльца къ своимъ крестьянамъ,—и потому обѣ стороны находили причины молчать. И вотъ являются піонеры изъ низшаго духовенства: Морошкинъ, Беллюстинъ, Ростиславовъ, Помяловскій и др., и описали бытъ духовенства. Общество увидѣло такія картины, о которыхъ оно прежде не имѣло и понятія и съ большимъ интересомъ стало читать ихъ

описанія. Кажется, что дурнаго тутъ не было ничего, но, оказалось, что не всѣмъ было это пріятно. Но что же дѣлать? О состояніи всякаго класса людей со всею точностію и всесторонне и могутъ сказать только люди, принадлежащіе къ тому классу; посторонніе же знать не могутъ, какъ бы ни были близки они. Ни одинъ докторъ, самый опытный и самый внимательный, не можетъ въ точности узнать внутренней болѣзни человѣка, по одному внѣшнему осмотру; нужно, чтобы о состояніи своемъ, откровенно и со всею подробностію, разсказалъ самъ больной. Такъ и здѣсь. Но г. Елагинъ видитъ тутъ возмущеніе противу власти и правительства, и даже ересь. Морошкина онъ называетъ «измѣнникомъ своему призванію». Но, по нашему мнѣнію, онъ такой же измѣнникъ, какъ и всякій честный человѣкъ, какъ и всѣ дѣятели литературы, раскрывающіе дѣйствительные общественные недуги, съ цѣлію, чтобы недуговъ этихъ было, насколько возможно, меньше. «Церковный Вѣстникъ» говоритъ (1881 г. № 9) «что Морошкинымъ, Беллюстинымъ и др., къ сожалѣнію, недоразумѣнія въ средѣ нашего духовенства нѣсколько преувеличены». Можетъ быть и такъ. Больной человѣкъ, часто, находитъ въ себѣ такія болѣзни, какихъ у него и нѣтъ на самомъ дѣлѣ; но случается и такъ, что болѣзнь-то и есть,—больной-то говоритъ и правду, да ему не вѣрятъ, потому что, со стороны, не замѣчаютъ этой болѣзни.

Ненавистны г. Елагину желанныя Морошкинымъ и другими улучшенія въ быту духовенства, — и вотъ г. Елагинъ нападаетъ теперь со всею яростію своей злобы; но нападаетъ не на самыя лучшенія, а на тѣхъ, кто указалъ на дурныя стороны состоянія духовенства. Онъ нападаетъ не на мысли, а на самыхъ мыслителей. Мало этого: онъ нападаетъ даже на тѣхъ, кто читалъ ихъ произведенія, нападаетъ даже и на правительство, которое, по его словамъ, вникло въ ненормальное состояніе духовенства и сдѣлало нѣкоторыя улучшенія въ его быту. Ратуя противъ преобразованій, вмѣсто того, чтобы разобрать ихъ, выяснить хорошія и дурныя стороны ихъ, онъ, со всею силою злобы, нападаетъ на дѣятелей преобразованій, громитъ ихъ и, съ особенною желчью, разсказываетъ всѣ мельчайшіе оттѣнки ихъ жизни, выставляетъ все дурное, все, что только могъ собрать и даже выдумать объ нихъ порочнаго; со всѣмъ тщаніемъ собираетъ всю грязь, и старается закидать ею, чтобы показать ихъ всему міру людьми отвратительными и тѣмъ отклонить всѣхъ отъ чтенія ихъ произведеній. Улучшенія въ духовенствѣ онъ сознаетъ самъ дѣломъ необходимымъ,—объ этомъ онъ самъ, невольно, высказывается нѣсколько разъ; но онъ не желаетъ, чтобъ онѣ были. Поэтому у него является въ сужденіяхъ безпре-

станно какая-то двойственность,—двойственность, съ которою не сладить онъ самъ, и доходитъ до того, что онъ говоритъ то, чего, въ другое время, навѣрное, не сказалъ бы: «церкви», напр., онъ даетъ такое опредѣленіе, что, навѣрное, постыдится самъ, если вникнетъ въ то, что говоритъ онъ. Не могши ничего сказать противу идей Морошкина, сознаетъ пользу осуществленія ихъ, но не хочетъ этого осуществленія,—и поноситъ Морошкина. Съ бо̀льшею еще яростью онъ накидывается на профессора Дмитрія Ивановича Ростиславова, одинъ изъ посмертныхъ трудовъ котораго еще и нынѣ печатается на страницахъ «Русской Старины». Тутъ доходитъ онъ до неистовства и забываетъ всякія приличія: Морошкина обзываетъ онъ ябедникомъ, Ростиславова скудоумнымъ и Московской салопницей, Помяловскаго—пьяницей, и только Беллюстина одного не тронулъ ни чуть, но это, вѣроятно, потому, что бранить мертвыхъ гораздо удобнѣе, а И. С. Беллюстинъ находится въ добромъ здоровьѣ. Желая отвести общественное вниманіе отъ переданныхъ ими сообщеній и проведенныхъ идей и, чувствуя, однакоже, свое безсиліе опрокинуть эти сообщенія и идеи, г. Елагинъ силится убѣдить міръ, что люди эти, по своему умственному и нравственному состоянію, и не могли сказать ничего путнаго,—что все, что ни говорили они,—это одна «ябеда, скудоуміе, сплетня, пасквиль и галлюцинаціи пьяницы», что слушать этихъ людей нельзя ни въ какомъ случаѣ, словомъ: г. Елагинъ дѣлаетъ то, чего ни одинъ серьезный человѣкъ, дорожащій собственнымъ своимъ достоинствомъ и уважающій достоинства другихъ, не дозволитъ себѣ. Выставляя Морошкина и др. людьми самыми порочными, г. Елагинъ забываетъ, что и негодные люди могутъ говорить годныя рѣчи; онъ забываетъ, что всѣ они вышли изъ старой школы, ученики которой, по словамъ самаго г. Елагина, «имѣли всѣ задатки для развитія своей плодотворной дѣятельности»; онъ забываетъ, что враги наши высказываютъ намъ, иногда, болѣе правды, чѣмъ лучшіе наши друзья. Напротивъ, и Морошкинъ, и другіе заслуживаютъ общее уваженіе даже потому одному, что у нихъ нѣтъ той запальчивости, нѣтъ той злобы, не лѣзутъ изо всѣхъ силъ, до умопомѣшательства, до забвенія всякихъ приличій и собственной чести, до чего доходитъ г. Елагинъ, говоря о бѣломъ духовенствѣ. Такая площадная брань показываетъ, что̀ за господинъ самъ бывшій цензоръ г. Елагинъ, къ какому разряду людей принадлежитъ онъ и можно ли серьезно относиться къ тому, что говорится въ разбираемой нами книгѣ. Дѣйствительно, кто ни начиналъ разбирать ее, никто критики своей не доводилъ до конца. Библіографъ, на[illegible] «Чтеній, въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» (96) г[illegible]ритъ: мы отказываемся

находить смыслъ во всей этой путаницѣ и по поводу ея считаемъ нужнымъ отмѣтить только тотъ фактъ, что составитель разбираемой книги съ формальной, логической стороны обращается слишкомъ свободно. Книжка состоитъ изъ восьми главъ, но всѣ онѣ находятся въ такомъ отношеніи другъ къ другу, что любую изъ нихъ можно выбросить, и цѣлое не потерпитъ отъ этого никакого ущерба». Дѣйствительно: фанатизмъ, озлобленность, желчь, сбивчивость, недомолвки, неясность, противорѣчія самому себѣ, искаженіе фактовъ, ложь, клевета,—отнимаютъ всякую охоту серьезно разсматривать ее.

Г. Елагинъ изливается желчью па Морошкина за то, что онъ «не постыдился издать за границею рѣзкій пасквиль на русскую церковь». Православному христіанину слышать пасквиль на православную церковь и, вдобавокъ, отъ православнаго священника, конечно, крайне грустно. Пасквиль на православную, святую, соборную и апостольскую церковь прискорбно слышать всякому православному христіанину, и тѣмъ болѣе прискорбно, что она печатается въ странѣ инославной, враждебно можетъ быть, и безъ того относящейся къ нашей церкви, и дома у себя, эта пасквиль, какъ чума, обхватила всѣхъ: никто не обратилъ вниманія ни на то, что она есть произведеніе человѣка безнравственнаго, который, когда еще учился, былъ ябедникомъ; ни на то, что она печатана въ странѣ еретической—и очумѣли всѣ: «публика и высшія руководящія сферы»; «печать же ухватилась за питье помой изъ этой книги съ жадностью дикаря и стала варьировать ея содержаніе на тысячи ладовъ». Все пропало,—погибло православіе! Одинъ только, русскій Маркъ Ефесскій, Н. В. Елагинъ стоитъ, какъ несокрушимая скала и разсѣкаетъ собою мутныя волны океана!..

Такъ какъ у г. Елагина, что ни слово, то новая брань, новая неточность, нетактичность и непослѣдовательность, то и мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы прослѣдить всю его книгу, насколько достанетъ у насъ терпѣнія. «Книга (Морошкина) произвела сенсацію не только въ публикѣ... но и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ». Но развѣ «высшія правительственныя сферы» не должны быть включаемы въ число публики? У насъ обыкновенно говорятъ: низшій классъ, средній и высшій; который же изъ нихъ, по Елагину, составляетъ публику и который нѣтъ? Стало быть, по Елагину, еслибы, положимъ хоть въ театрѣ, собрались военные и гражданскіе губернаторы, министры, сенаторы и под., то мы должны были бы сказать, что актеры играли одни и публики не было ни души? Далѣе: «книга произвела сенсацію не только въ публикѣ, имѣвшей возможность прочитать ее, но и въ высшихъ прави-

тельственныхъ сферахъ». Неужели публика «имѣетъ возможность прочитать» всякую книгу, а «высшія правительственныя сферы» не могутъ? Но потому ли онъ и разослалъ свою книгу къ высокопоставленнымъ лицамъ, что онъ зналъ, что онѣ не имѣютъ возможности читать то, что доступно публикѣ? Неточность въ выраженіяхъ на каждомъ шагу. Опять: «печать ухватилась за питье помой изъ этой книги съ жадностью дикаря». Дозволитъ ли себѣ порядочный человѣкъ относиться съ такимъ цинизмомъ о печати? Нѣтъ, люди мало мальски порядочные о печати говорятъ не такъ. Не припомнитъ ли Елагинъ словъ Шведскаго короля, сказанныхъ имъ въ прошломъ году, при открытіи одного государственнаго учрежденія? Король, увидѣвши корреспондентовъ журналовъ, сказалъ: «государствомъ управляютъ: правительство, народъ и печать». Мы не припомнимъ, буквально, словъ государя, но смыслъ тотъ. Послѣ этого каждому позволительно сказать, что г. Елагинъ набросился на всѣхъ съ жадностью дикаря и рветъ зубами: одного,—зачѣмъ ты писалъ; другаго,—зачѣмъ ты читалъ; третьяго,—зачѣмъ ты дѣлалъ? Но онъ такъ жалокъ съ своей злостью, что даже не возбуждаетъ гнѣва, хотя дѣло идетъ лично объ насъ и ближе всѣхъ ложится къ нашему сердцу.

VIII.

Но возвратимся къ книгѣ Морошкина.

«Морошкинъ написалъ пасквиль на русскую церковь...» Чтобы опредѣлить, насколько тяжка его вина противу православія, мы разсмотримъ: что такое церковь, какая ея цѣль, какія ея права и, потомъ, увидимъ, въ чемъ заключается «пасквиль» на нее Морошкина! «Церковь», по катехизису Филарета, который г. Елагинъ долженъ знать, «есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствомъ». Ея цѣль: вести людей къ правильной нравственной жизни,—къ спасенію. Цѣлію церкви опредѣляются ея права, соотвѣтственно правамъ должна имѣть она и средства. Все, что не соотвѣтствуетъ ея цѣли, ея назначенію, не должно составлять ея права; все, что выше правъ ея, не должно принадлежать ей; всѣ средства, не ведущія прямо къ ея цѣли, не должны быть ею употребляемы. Цѣль христіанъ,—спасеніе; средства къ нему,—любовь къ Богу и людямъ; цѣль всѣхъ членовъ церкви — споспѣшествовать другъ другу ко спасенію,—укрѣплять во взаимной любви; средства ихъ опять та жа любовь. Глава церкви Господь I. Христосъ гово-

рилъ ученикамъ: «заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга. Потому и узнаютъ всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою» (Іоан. XIV, 34, 35). И ученики его говорили своимъ ученикамъ: «кто не любитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ, во тьмѣ ходитъ и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза (I Іоан. II, 11). Нелюбящій брата пребываетъ въ смерти (14), есть человѣкоубійца (15). Станемъ же любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною (18). Заповѣдь Божія, чтобы мы любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ» (III, 24). И любовь должна быть полная, совершенная, и не только къ друзьямъ, но и къ самымъ врагамъ и даже гонителямъ нашимъ: «любите враги ваша, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ» (Мѳ. V, 44). Что же церковь должна дѣлать съ людьми порочными? Судить и подвергать наказаніямъ? Основатель и глава Господь I. Христосъ подалъ въ этомъ вѣрующимъ примѣръ собою: «кто поставилъ меня судіею»? сказалъ онъ однажды. Я пришелъ не судить міръ, а спасти. Не судите и вы, да не будете сами судимы». (Мѳ. VI, 1). «Если же согрѣшитъ противу тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то ты пріобрѣлъ брата своего. Если не послушаетъ, возьми съ собой еще одного или двоихъ. Если не послушаетъ ихъ, скажи церкви; если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь,— оставь его» (Мѳ. XVIII, 15, 16, 17). Такъ говорили и ученики Господни вѣрующимъ: есть люди „исполнены всякой неправды, лукавства, корыстолюбія, злобы, зависти, убійства, распрей, обмана, злонравія, клеветы...... неизвинителенъ ты, судящій другаго. . Ты знаешь, что есть судъ Божій на дѣлающихъ такія дѣла". (Рим. I, 30; II. 2). «Осуждая такія дѣла, ты дѣлаешь это по своему упорству и нераскаянному сердцу, и тѣмъ собираешь себѣ гнѣвъ Божій въ день суда" (II, 5). „Если впадетъ человѣкъ въ нѣкое согрѣшеніе, вы, духовніи, исправляйте таковаго духомъ кротости, блюдый себѣ", и, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны молиться другъ за друга.

Вотъ цѣль и права церкви.

Основанная Пострадавшимъ изъ любви къ грѣшникамъ, все ученіе ея есть любовь, и примѣры жизни подвижниковъ ея есть только одна любовь,—никакихъ карательныхъ мѣръ она и имѣть не можетъ. Иначе она потеряла бы свое значеніе, свое достоинство и владѣла бы тѣмъ, что ей и несвойственно, и не принадлежитъ,—она была бы не послѣдовательницею своего Основателя, Христа,—Спасителя грѣшниковъ. Церковь, преслѣдуя свою цѣль и имѣя опредѣленныя права,

не можетъ и не должна присвоивать себѣ правъ гражданскихъ. Но такъ какъ государство и общество, среди которыхъ она находится, могутъ вліять на нее,—могутъ расширять и сокращать ея права, то, чтобы проводить ей тихое и безмятежное житіе, чтобы безпрепятэтвенно совершать дѣло своего служенія,—она должна молиться за царя и за всѣхъ начальствующихъ. «Въ наказаніе дѣлающему злое ненапрасно они и мечъ носятъ» (Рим. XIII, 4). Карательныя мѣры, поэтому, принадлежатъ не церкви, а власти гражданской; церковь же есть нравственная сила, есть царство, но царство Христа Спасителя,—царство не отъ міра сего; могущество свое она имѣетъ въ силѣ благодати Божіей, но не въ силѣ уголовныхъ гражданскихъ законовъ и не въ силахъ карательныхъ.

Какой же «рѣзкій пасквиль» написалъ Морошкинъ «на русскую церковь»? «Тотъ, отвѣчаетъ самъ г. Елагинъ, что онъ печатно оповѣстилъ всѣмъ, «что у насъ въ Россіи, даже и послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, все еще остается сословіе забитое, загнанное, лишенное всѣхъ человѣческихъ правъ и проводящее свою жизнь въ невыносимой зависимости отъ архіерейскаго деспотизма». Гдѣ же тутъ, спрашивается, «пасквиль» на Св. соборную и апостольскую церковь? Тутъ говорится только о томъ, что духовенству жить скверно? Такъ какъ пасквиля дѣйствительно не указалъ и самъ г. Елагинъ, то слѣдовательно онъ солгалъ, наклеветалъ. Здѣсь говорится только, что духовенству плохо живется «отъ архіерейскаго деспотизма»,—выражена несостоятельность прежняго архіерейскаго управленія и недовольство имъ.—Слѣдовательно Елагинъ «церковію» называетъ архіереевъ? Дѣйствительно Елагинъ дальше говоритъ: «расширите гражданскія права церкви, расширятся гражданскія права и духовенства» (9); «церковь въ почетѣ, въ почетѣ и духовенство» (9); церковь устранили, и занялись исключительно духовенствомъ» (10); «архіереи тянули на сторону церкви и духовенства, міряне...» (24). Здѣсь уже явно, что подъ „церковію" г. Елагинъ разумѣетъ исключительно преосвященныхъ. Стало быть русскій народъ можно поздравить съ новымъ богословомъ и ученіемъ небывалымъ въ самый разгаръ еретическихъ ученій. Неужто г. Елагинъ, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ уже не знаетъ православнаго вѣроисповѣданія? Г. Елагинъ оказалъ медвѣжью услугу преосвященнымъ, взявшись не за свое дѣло! Вотъ, что значитъ ревность не по разуму! Не зная основныхъ началъ и духа христіанской религіи вообще и православнаго исповѣданія, въ частности, онъ взялся быть ихъ поборникомъ.

Нѣтъ, скажемъ мы, съ насъ довольно и того, что мы храмы Божіи стали называть „церковію", а если еще и преосвященныхъ будемъ

называть „церковію“ и присвоимъ имъ всѣ права ея, то мы уйдемъ дальше даже римско-католиковъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, одинъ на весь міръ, а у насъ будетъ что ни городъ, то папа. Вотъ до чего довело поборничество самовластія архіереевъ составителя книги и опасенія его за ограниченіе этого самовластія! Поборничество самовластія аріереевъ дошло до ереси. Нельзя не пожалѣть такихъ несчастныхъ!

Елагинъ говоритъ: «Морошкинъ,—ябедникъ еще въ академіи, не отсталъ отъ ябедничества и во священникахъ, написалъ «пасквиль на русскую церковь». «Другой, такой же негодяй, Помяловскій, выгнанный изъ с.-петербургской семинаріи за пьянство, замотался и допился до delirium tremens и, въ этомъ состояніи, однажды написалъ какой-то разсказъ изъ своей училищной жизни. Печать подхватила это, произвела его въ геніи и стала понуждать его писать и писать. Вѣчно пьяный и, нуждаясь въ деньгахъ на вино, онъ сталъ писать; онъ писалъ и, въ то же время, сознавалъ самъ со слезами на глазахъ, что онъ пишетъ подъ вліяніемъ галюцинацій самую отчаянную ерунду и написалъ «Бурсацкіе очерки». Явился и третій писака, Ростиславовъ, профессоръ и экономъ академіи и публицистъ. Бывши профессоромъ, онъ читалъ физико-математическія науки; но профессоръ былъ онъ такой, что алгебру и геометрію излагалъ самымъ элементарнѣйшимъ способомъ. Записки его, въ нынѣшнее время, стыдно было бы дать въ руки ученикамъ 3 класса гимназіи. Физику преподавалъ хотя и обширнѣе и опыты производилъ хотя и хорошо, но методъ преподаванія былъ не научный, а скорѣе популярный. На лекціяхъ былъ онъ положительно несносенъ: до десяти разъ повторялъ одно и то же. Случалось даже и то, что говоритъ-говоритъ, отойдетъ отъ доски и поведетъ такую рѣчь: господа! Математика такая наука, что, не усвоивши одного, нельзя идти далѣе. Я повторю еще. Кто знаетъ, тотъ можетъ заняться чѣмъ нибудь другимъ. И начнетъ повторять опять. Такая назойливость (?) доводила до того, что студенты не могли его видѣть. Бывши экономомъ, онъ самъ все покупалъ, что принималъ, все выдавалъ—вездѣ все самъ,—до малѣйшей вещицы,—и студенты были недовольны имъ. Какъ публицистъ—это было продолженіе профессора и эконома: какъ въ академіи онъ собиралъ всякія кляузы чрезъ ябедниковъ, такъ и тутъ: объѣхалъ почти всю Россію, всюду собиралъ сплетни отъ ябедниковъ и написалъ два огромнѣйшихъ тома (о монастыряхъ). Но кому, кромѣ Ростиславова, придетъ въ голову выносить всякую мерзость на показъ! Онъ написалъ книгу о бѣдственномъ состояніи бѣлаго духовенства. Это не публицистъ, а московская салопница»!.. «И этимъ людямъ повѣрили, на нихъ полагались, по ихъ указаніямъ рѣшились пре-

образовать русскую церковь»!... «При этихъ-то условіяхъ и подъ вліяніемъ этихъ-то побужденій и поднятъ былъ правительствомъ несчастный (!) вопросъ о расширеніи гражданскихъ правъ и улучшеніи матеріальнаго быта духовенства,—рѣшились преобразовать русскую церковь. Духовенство приняло все это за чистую монету: стали появляться кружки для поднятія и проведенія вопросовъ, направленныхъ къ ослабленію архіерейскаго самовластія». «Въ сущности печать заботилась вовсе не о нищихъ. Она стояла тогда изъ старыхъ крѣпостниковъ и вновь народившихся нигилистовъ. Она опасалась, что, съ паденіемъ помѣщичьей власти, слишкомъ усилится вліяніе въ народѣ духовенства. Требовалось разстроить ряды его, поселить въ немъ внутреннюю междоусобицу, оторвать отъ вліянія архіереевъ и, если будетъ возможно, вооружить противъ правительства».

Такимъ образомъ у г. Елагина выходитъ: печать,—это поголовные нигилисты,—тутъ все зло государства; она увидѣла недовольство духовенства своимъ положеніемъ и поспѣшила воспользоваться имъ, чтобы возстановить его противу правительства. Для этого она стала стараться расположить къ нему правительство принять его подъ свое покровительство. Правительство поддалось жалобамъ печати, взяло въ руководители Мороткина, Помяловскаго и Д. И Ростиславова,—и начало дѣлать улучшенія въ быту духовенства. А для того, чтобы имѣть вѣрнѣйшій успѣхъ въ духовенствѣ къ бунту, нужно было сдѣлать его благодарнымъ и преданнѣйшимъ правительству; нужно было улучшить его бытъ и учебныя заведенія, нужно было «избавить его отъ архіерейскаго деспотизма» и такимъ образомъ отнять у него вліяніе на народъ. И все это сдѣлано! Вопросъ объ улучшеніи быта духовенства поднятъ,—«бомба брошена,—и русская церковь обратилась въ страшное пожарище: одно въ ней истлѣло уже, другое горитъ и обгорѣло, иное только еще загорается: поднятъ вопросъ о выборномъ началѣ, о съѣздахъ» и под.—и бунтъ готовъ!..

И. В. Помяловскій писалъ свои очерки бурсы хотя и больной, но у него есть смыслъ; а тутъ, сколько вы ни ломайте головы, никакъ не поймете этой путаницы. Но г. Елагинъ, повидимому, и не заботился осмыслить свои умствованія, ему только нужно было провести свою idée fixe, которая не выходитъ изъ головы его ни на одно мгновеніе и которая, кажется, была поводомъ составленія всей книги. Подобной путаницы у г. Елагина множество; но, при чтеніи ея, если не доберешься до смыслу, то прямо можно говорить: тутъ говоритъ онъ: «печать - нигилисты; правительство—близоруко; архіереямъ нужно дать полную власть по церковнымъ и гражданскимъ дѣламъ, поповъ затереть». Озлобленія или преувеличенія съ нашей стороны и нѣтъ, и быть не можетъ; мы все это увидимъ изъ дальнѣйшей его рѣчи.

IX.

Правительство и печать отразить Елагину съумѣютъ сами, если найдутъ это стоющимъ ихъ вниманія; но за себя не сказать ничего мы не можемъ. Въ этой безсмыслицѣ видна самая низкая и, въ то же время, самая наивная іезуитская каверза: желая, во что бы-то ни было, отклонить правительство отъ оказанія помощи духовенству и не имѣя разумныхъ и честныхъ къ тому доводовъ, онъ говоритъ: «возможно ли улучшать бытъ духовенства! Вѣдь оно только и рвется къ бунту противу правительства и если не возстаетъ еще на него, такъ это потому только, что оно удерживается крѣпкими и надежными руками преосвященныхъ. Вырвите его изъ этихъ рукъ,—и все пропало. Рвется къ бунту и народъ, но епархіи вліяютъ на духовенство, духовенство вліяетъ на народъ,—и все обстоитъ благополучно. Разорвите первое кольцо этой цѣпи,—второе тотчасъ разорвется само собою: отнимите вліяніе архіереевъ на духовенство, духовенство потеряетъ вліяніе на народъ, и бунтъ поголовный!»... Есть ли послѣ этого, на русской землѣ, умные, честные и преданные престолу люди?... Одинъ только Н. В. Елагинъ, прочихъ же всѣхъ метлой мети....

Г. Елагинъ выражаетъ мысль, что духовенство потому вліяло на народъ, что архіереи держали его въ крѣпкихъ рукахъ. Но, спрашивается, какимъ же образомъ это происходило? Елагину нужно было указать на эти нити, чтобъ видѣть насколько вредно сокращеніе архіерейской власти, чего, однакожъ, и не было и чего онъ такъ страшно боится. Но онъ ничего не говоритъ. Онъ, по обыкновенію, скажетъ ложь, оставитъ ее безъ доказательствъ,—и тѣмъ закончитъ дѣло. А между тѣмъ, при бѣгломъ чтеніи его книги, ложь эта бросается въ глаза и многимъ можетъ казаться правдой. Такъ и здѣсь. Преосвященные имѣли право, какъ и нынѣ его имѣютъ они, приказывать духовенству дѣлать то, что находили они нужнымъ, стало быть имѣли возможность всегда на духовенство вліять; духовенство же начальническаго права надъ прихожанами не имѣло и не имѣетъ, и начальническаго вліянія имѣть не можетъ и не должно. Оно пріобрѣтаетъ вліяніе строгостью своей жизни, точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, любовію къ приходу и уважительнымъ обращеніемъ съ нимъ преосвященныхъ въ глазахъ прихожанъ. Но такъ ли это было въ тѣ времена, которыя съ такимъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ восхваляетъ г. Елагинъ? Нѣтъ. Будетъ ли, напр., прихожанинъ уважать свое духовенство, если преосвященный, пріѣхавши въ село, войдетъ на амвонъ церкви и ста-

нетъ спрашивать, на весь народъ, прихожанъ: «довольны ли вы своимъ духовенствомъ? Говорите! Если недовольны, то я сейчасъ выведу отъ васъ всѣхъ; въ монастырь пошлю, удалю отъ должности,— говорите! Они (духовенство) всѣ у васъ дуракъ на дуракѣ, пьяницы!» Будутъ ли почитать прихожане, когда преосвященный, говоря съ причтомъ, кричитъ на весь храмъ: «дуракъ, дуракъ, дуракъ?» Будетъ ли священникъ вліять на прихожанъ, если удаляли его изъ прихода и тѣмъ разворяли его въ конецъ по первой жалобѣ всякаго негодяя, безъ всякаго разслѣдованія его вины, какъ велось у насъ въ былое время? И, послѣ этого, г. Елагинъ имѣетъ право говорить, что духовенство вліяло на народъ, благодаря исключительно вліянію на него прежнихъ епископовъ? Изъ уваженія къ прежнимъ іерархамъ мнѣ хотѣлось бы, чтобъ мои слова оказались ложью, но я говорю факты. Бывали у насъ іерархи достойнѣйшіе, люди святой жизни, положившіе души свои за паству свою, но большинство духовенства вело себя при нихъ крайне безобразно. Стоглавый соборъ нашелъ необходимымъ положить правило для поддержанія нравственности духовенства; но едва прошло сорокъ лѣтъ, какъ патріархъ Іовъ долженъ былъ издать новыя правила и поставить поповскихъ старостъ для надзора за духовенствомъ, о которыхъ, со времени собора, и забыли. Старосты должны были наблюдать, что бы во всѣхъ церквахъ отправлялась божественная служба и, предъ литургіею, пѣлись молебны о благосостояніи св. Божіихъ церквей, о здравіи государя и его семейства и о всемъ православномъ христіанствѣ; чтобы попы служили въ своихъ церквахъ и не нанимались служить въ другихъ церквахъ и не оставляли безъ службы свои; чтобы за службу брали только по алтыну, а въ большіе праздники по два, но не больше; чтобы, когда христолюбцы принесутъ милостыню за молебны и панихиды, милостыни эти раздавались по назначенію и под. Патр. Іовъ сдѣлалъ все, что могъ; но чрезъ 10 лѣтъ (1 окт. 1604 г.) патріаршій тіунъ, которому поручено было выдавать знамена священникамъ, нанимавшимся служить по чужимъ церквамъ, доложилъ патріарху, что поповскіе старосты и десятскіе поповъ и діаконовъ отъ безчинства не унимаютъ; безмѣстные попы и діаконы въ поповскую избу не ходятъ и предъ литургіею правила не правятъ, а садятся у Флоровскаго моста и чинятъ всякія безчинства, заводятъ игры, бранятся и борются между собою и тутъ же нанимаются служить литургію и пр. (Ист. м. Макарія, т. X, стр. 60, 61). Точно также и въ ближайшее къ намъ время, а равно и въ настоящее, были и есть теперь достойнѣйшіе архипастыри, а между тѣмъ и были, и есть теперь недостойнѣйшіе служители церкви.

Іерархи наши не много могли сдѣлать добра, если зло лежало въ самомъ духовенствѣ. Но если, при этомъ, и они не особенное употребляли усиленіе къ искорененію безпорядочности въ духовенствѣ, если и они, иногда, подавали поводъ къ неуваженію прихожанами духовенства, то г. Елагинъ говорить то, что говоритъ онъ, не имѣетъ права. Теперь, по словамъ г. Елагина, идетъ пожарище: идетъ междоусобища, духовенство вышло изъ подъ власти преосвященныхъ и вліянія на народъ духовенство болѣе уже не имѣетъ. Теперь, дѣйствительно, отношенія преосвященныхъ къ духовенству сильно измѣнились: они чтутъ теперь въ священникѣ человѣческое и пастырское достоинства; но уменьшилось ли ихъ вліяніе? Нѣтъ, напротивъ, оно въ тысячи разъ увеличилось. Сила никогда не сдѣлаетъ того, что сдѣлала любовь. И мы смотримъ теперь на преосвященнаго не какъ на грознаго повелителя, а какъ на отца,—съ полнымъ довѣріемъ, уваженіемъ и любовію. Вліяніе наше на приходы отъ такого отношенія не только не уменьшилось, но даже увеличилось, или, по крайней мѣрѣ, не уменьшилось; осязательнымъ, такъ сказать, доказательствомъ тому служитъ, между прочимъ, послѣднее событіе съ евреями: во многихъ мѣстахъ раззореніе евреевъ прекращено было, именно, благодаря вліянію приходскихъ священниковъ.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

Къ «Запискамъ» о жизни Акад. гравера Пожалостина.

Въ сентябрской книгѣ „Русской Старины", изд. 1881 г., въ автобіографіи моей, между прочимъ, на страницѣ 114 сказано: „Окружной начальникъ Донской прямо взятокъ не бралъ, а бралъ въ займы подъ росписки и безъ росписокъ и ни кому ни гроша не уплачивалъ". Дѣйствительно въ бытность мою сельскимъ писаремъ дѣйствія г. Донскаго были таковы. Между тѣмъ, когда я былъ отправленъ въ С.-Петербургъ, Донской оставался на своей должности года три или четыре; въ эти годы, какъ мнѣ сообщено, онъ заплатилъ почти всѣ долги по волостямъ, чрезъ продажу всѣхъ своихъ крохотныхъ имѣній и изъ выкупной ссуды своей дочери Варвары Петровны. Къ крайнему моему сожалѣнію, о такомъ благородномъ въ высшей степени поступкѣ Петра Павловича Донскаго свѣдѣнія мною получены только 2-го января сего 1882 года. Изъ доставленныхъ мнѣ свѣдѣній видно, что г. Донской дѣлалъ долги не по прихоти, а по неволѣ: рязанская палата государственныхъ имуществъ навязала ему завѣдываніе сиротскимъ пріютомъ, учрежденнымъ А. Θ. Андреевымъ: г. Донской, не имѣя для того времени по службѣ, нѣсколько разъ отказывался отъ завѣдыванія пріютомъ, но палата настаивала на своемъ; оставаясь по неволѣ завѣдующимъ, Донской вынужденъ былъ дать довѣренность своему подчиненному на веденіе расходовъ по пріюту; довѣренностію его злоупотребляли, а на Донскаго палата дѣлала ежегодно начеты, которые онъ пополнялъ одолжаясь по волостямъ, а въ концѣ концовъ поплатился всѣмъ своимъ состояніемъ и нравственно убитъ.

Живъ-ли или нѣтъ Петръ Павловичъ Донской, для меня безразлично: я считаю своимъ долгомъ печатно возстановить истину и поправить свою невольную ошибку; а потому убѣдительно прошу редакцію дать мѣсто настоящему моему письму въ ближайшей книгѣ „Русской Старины".

Во всемъ же остальномъ содержаніе моихъ воспоминаній вполнѣ вѣрно.

Академикъ Ив. П. Пожалостинъ.

14-го января
1882 г.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Переписка в. к. Павла Петровича съ гр. Петромъ Панинымъ

въ 1778 г.

Въ теченіе тринадцати лѣтъ (1870—1882 гг.) мы сообщили на стр. „Русской Старины" множество матеріаловъ первѣйшаго значенія для характеристики и жизнеописанія императора Павла Петровича, какъ за время его кратковременнаго царствованія, такъ и въ періодъ до восшествія его на престолъ.

Наиболѣе обширный и монументальный источникъ для знакомства съ в. к. Павломъ, — за время его дѣтскаго возраста, — конечно дневникъ С. А. Порошина, напечатанный нами въ новомъ и значительно полнѣйшемъ изданіи, въ приложеніи къ „Русской Старинѣ" 1881 г.

Не исчерпавъ и десятой доли того обширнаго запаса матеріаловъ, который собранъ нами именно по отношенію къ Павлу Петровичу — мы вслѣдъ за изданіемъ дневника Порошина представляемъ нынѣ едва-ли не самые интересные документы—обрисовывающіе, такъ сказать, политическіе взгляды в. к. Павла Петровича и взгляды его на различные государственныя вопросы, высказанные имъ за долго до вступленія на престолъ: это переписка его съ однимъ изъ наиболѣе чтимыхъ имъ дѣятелей Екатерининскаго царствованія— Петромъ Панинымъ.

Покойный П. С. Лебедевъ въ своей извѣстной монографіи о графахъ Паниныхъ (изд. въ 1862 г.) привелъ лишь отрывки изъ этихъ документовъ; но по громадному своему значенію для характеристики лица, ихъ писавшаго, документы эти заслуживаютъ того, чтобы быть вполнѣ воспроизведенными на страницахъ „Русской Старины".

I.

В. К. ПАВЕЛЪ — ПАНИНУ.

10-го мая 1778 г. изъ Царскаго Села.

Графъ Петръ Ивановичъ! Поступокъ мой въ разсужденіи васъ, долженъ показаться вамъ чувствительнымъ, ибо намѣреніе мое есть съ вами вступить въ разсужденіе, не предупредивъ васъ ничѣмъ, и при томъ о матеріи, о которой мы никогда не говорили. Должностію своею нахожу открыться передъ вами, дабы вы знаніями своими просвѣтили въ ту минуту, въ которую все мракомъ покрывается, и подвигъ мой извиненъ можетъ быть единственно предметомъ предъ вами.

Князь Репнинъ писалъ къ вамъ, въ письмѣ своемъ, о магазейнахъ, о расположеніи полковъ по имперіи и о рекрутованіи ихъ и просилъ на то вашего мнѣнія: сіе все сдѣлалъ онъ отчасти по моимъ словамъ. Мнѣ сіе тѣмъ пріятнѣе было, что увидѣлъ симъ случаемъ, что мы одного мнѣнія; и если можно молодому человѣку быть самолюбиву, то признаюсь, что мое самолюбіе было тронуто, видѣвъ, что мои мысли сходятся съ вашими.—Теперь приступимъ къ дѣлу.

На первые три пункта, въ которыхъ вы, графъ Петръ Ивановичъ, говорите единственно о расположеніи войскъ сообразно съ противолежащимъ сосѣдомъ и съ внутренними обстоятельствами, я правила ваши нахожу святымиі и при семъ прилагаю росписаніе мое по нынѣшней репортиціи, куда которую дивизію я назначаю. Сверхъ того долженъ сказать, что почитаю четыре главныя части у государства нашего; слѣдственно и четыре арміи, составленныя на случай соединенія изъ приличныхъ, по удобности, дивизій: 1-я противъ шведовъ и для сѣверной части Европы, и составлена изъ дивизіи финляндской, с.-петербургской;—ревельская же можетъ и туда жъ служить, а равномѣрно и во 2-ю—противъ и за короля прусскаго, австрійцевъ и южной части Европы,—состоитъ изъ лифляндской, бѣлорусской и смоленской, а въ случаѣ недостатка и эстляндскую взять можно. 3-я противъ турокъ и татаръ, и состоитъ изъ астраханской, украинской и азовской дивизіи. 4-я оберегаетъ Сибирь, какъ наружно такъ и внутренно, и состоитъ изъ оренбургской и сибирской дивизіи. Сверхъ того оставляю, для внутренней стражи, казанскую, нижегородскую и московскую дивизію, съ тѣмъ, чтобъ могли и резервомъ служить въ нужныя мѣста. Гарнизоны полагаю я составленные изъ рекрутъ, дабы слѣдуя правиламъ первой воинской коммиссіи были школою, а не богадѣльнею войска.—Правило, которому слѣдовалъ въ таковомъ

расположенія, есть слѣдующее: я почитаю, что мы окружены тремя родами народовъ, которые, всякой, имѣетъ свой образъ войны: европейцы, турки и татары, башкирцы, киргизцы и прочіе сибирскіе, кочующіе народы; а какъ первое воинское правило — употреблять оружіе противъ оружія, то я думаю необходимымъ, чтобъ каждая изъ сихъ частей была составлена изъ сходственнаго рода войскъ съ тѣмъ образомъ войны. И такъ, первую составить надлежитъ часть изъ совершенно регулярнаго войска, обученнаго безъ пристрастія (sic) схожо на сосѣдей. Вторую почитаю я во всемъ сходною съ первою, съ тою только разностію, что первая, будучи противъ шведовъ, должна состоять больше изъ пѣхоты, по естественному положенію земли; и въ числѣ оной необходимо должно имѣть дробныя части егерей, или другой легкой пѣхоты. Во второй же имѣть всѣ тѣ оружія, каковы потребны для прямой европейской войны; для чего и надлежитъ кавалерію той части привести въ то состояніе, въ какомъ она вышла изъ прусской войны.—Третію можно оставить составленную изъ тѣхъ самыхъ оружій, въ той пропорціи, изъ каковыхъ она таперь составлена; ибо тотъ родъ кавалеріи, за которымъ мы теперь увязалися — самой наиупотребительнѣйшій, единственно для сей части.—Четвертая часть, будучи въ казусѣ всегда пассивной, а не активной войны, а по пространству своему будучи весьма обширна, должна состоять больше изъ кавалеріи, нежели изъ пѣхоты; но не изъ таковой, изъ каковой предъидущая составлена, а изъ того самаго рода войскъ, изъ каковыхъ положено ей было состоять по разсужденію коммиссіи 763-го года, то есть изъ драгунъ, какъ конной пѣхоты. Вотъ, вообще, мысли мои на первую часть разсужденія вашего. Вы чрезъ сіе увидите, что мы не столь много удалены другъ отъ друга образомъ мыслей нашихъ; а что касается до системы, по которой послѣдняя воинская коммисія слѣдовала въ расположеніяхъ своихъ, то какъ вы сами изъ согласія моего съ нею усмотрѣть можете, оная мнѣ не чужда, въ генеральномъ видѣ; но не извѣстенъ я о причинахъ частныхъ сдѣланныхъ перемѣнъ или новыхъ учрежденій, о спознаніи которыхъ я бы съ радостію адресовался къ секретарю Якимову; но какъ онъ получилъ отставку, то не имѣю я уже нужныхъ бумагъ и достать ихъ не въ состояніи; сверхъ того, будучи онъ ни кѣмъ не руководствуемъ, когда мнѣ до него было дѣло, сплошь не тѣ бумаги мнѣ доставлялъ, каковыя мнѣ надобны были; и для того думаю, что мнѣ будетъ полезнѣе въ таковомъ случаѣ адресоваться всегда къ вамъ, какъ къ тому, который изъ первенствующихъ въ той коммиссіи былъ; а теперь, по совѣту вашему, буду стараться достать протоколъ оной.

Касательно до магазейновъ не могу я ничего съ основаніемъ сказать, не имѣя достаточныхъ локальныхъ и подробныхъ свѣдѣній, а буду держаться только общихъ идей. Во первыхъ, что для всякаго предпріятія должны быть разныхъ родовъ пріуготовленія, слѣдовательно магазейны временные и запасные, не только для хлѣба, но и протчему всему. О семъ послѣднемъ не стану я здѣсь говорить, предоставляя себѣ въ другой разъ изъяснить вамъ о сей матеріи мои мысли, а по случаю первыхъ, то есть хлѣбныхъ и фуражныхъ, совершенно вашего мнѣнія; ибо довольно одного здраваго разсудка ощутить пользу онаго; не говоря о пространныхъ свѣдѣніяхъ вашихъ касателько до нашей земли.

Теперь остался мнѣ третей пунктъ къ разсужденію съ вами, въ которомъ вы говорите о расположеніи войскъ по имперіи и о рекрутованіи ихъ. Подъ именемъ расположенія здѣсь разумѣю я не то генеральное, о которомъ я уже говорилъ, но расположеніе полковъ частно, по квартерамъ. Здѣсь я долженъ сказать, что должно сколько можно полки ставить вмѣстѣ, не разбивая оныхъ по частямъ, какъ конные такъ и пѣшіе, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ, или довольно мѣста для поставленія оныхъ цѣлыми нѣтъ, или гдѣ оное востребуется для лучшаго порядка внутри земли, или лучшаго обереженія границъ. Главная неудобность въ раздробленіи таковомъ полковъ состоитъ въ томъ, что каждая часть, будучи подъ особливымъ, частнымъ командиромъ, трудно за оными смотрѣть, а еще труднѣе, что бы онѣ сами сохраняли себя въ желаемомъ благоустройствѣ, — отъ чего происходитъ неравенство въ службѣ, разныя прихоти и экцесы; не говоря о томъ, что таковая раздробленная часть войска не можетъ такъ скоро наступательно дѣйствовать, ибо весьма много времени пройдетъ пока соединятся всѣ части, изъ которыхъ для каждой надобно особое доставленіе всѣхъ нужныхъ вещей. Поставя же полки вмѣстѣ, всегда они будутъ подъ глазами своихъ начальниковъ, готовы къ выступленію; изъ сего самаго, что они вмѣстѣ будутъ стоять, станутъ быть почтенными гарнизонами, способнѣе ко всякому движенію, и съ большею удобностію можно будетъ въ нихъ старое исправить, перемѣнить, или и вновь завести. Сія удобность вдвое важнѣе для коннаго полку, ибо всякое довольствіе, снабженіе и содержаніе, а еще больше—экзерсиція удвоятся, по соображенію человѣка и лошади между собою, а особливо для нашей націи, которая весьма мало способна, кромѣ нѣкоторыхъ провинцій, къ конной службѣ.—Здѣсь весьма важное примѣтить встрѣчается: жены и дѣти тѣхъ, кто полагаетъ животъ свой за отечество, и сами они, когда дряхлы или стары станутъ. Когда однажды будутъ учреждены неподвижно квар-

теры, то натурально будетъ, по возможности, изъ тѣхъ самыхъ мѣстъ брать людей въ службу, гдѣ которая часть войска стоитъ; слѣдовательно они сами будутъ всегда въ возможности, когда будутъ стары, дряхлы или выслужатъ нѣкоторую пропорцію лѣтъ, возвращаться въ домъ, которой иногда они и забываютъ, по физической невозможности въ оной возвратиться. Жены же ихъ, будучи чрезъ то съ ними вмѣстѣ, больше будутъ привязаны къ мѣсту и отнимется случай къ побѣгу, а дѣти оставаясь всегда подъ глазами командировъ, не будутъ пропадать или выходить въ иныя состоянія, какъ нынѣ бываетъ, и живучи при томъ на одномъ мѣстѣ, физическое сложеніе ихъ успѣетъ окрѣпнуть, отъ чего и будемъ мы имѣть всегда готовыхъ, натуральнихъ рекрутъ, для которыхъ надобно учредить, пока они въ малолѣтствѣ, во время отсутствія отцевъ, нѣкоторое содержаніе, вмѣстѣ и съ матерями; а сверхъ того имѣть гарнизонные баталіоны, дабы помѣщаяся въ оные могли тамъ ко всей тягости службы привыкать мало по малу; а для отслужившихъ время свое отцевъ ихъ нѣкоторое пропорціональное число инвалидныхъ мѣстъ, дабы живучи гдѣ они хотятъ, безъ отягощенія, въ награжденіе службы ихъ получали содержаніе.

Вотъ, вкратцѣ, мнѣніе мое о сей части вашего разсужденія. Съ большимъ удовольствіемъ приступаю я къ послѣдней, въ которой упоминаете вы о учрежденіи кантоновъ для полковъ, по примѣру другихъ государствъ. Сія мысль столь свята, что и государь Петръ Великой оное зачалъ и въ дѣйство уже производить. Не войду я въ подробное разсмотрѣніе сего по той самой причинѣ, по какой не вошелъ я и выше, говоря о доставленіи пропитанія войску. Признаюсь еще разъ здѣсь, что свѣдѣнія мои больше состоятъ въ гаданіяхъ, нежели въ прямомъ знаніи вещей, а удобность мысли столь ощутительна, а особливо для патріотическаго сердца, что не остается, кажется мнѣ, иного, какъ исполнить при первомъ случаѣ оную. Но открою вамъ здѣсь мысль свою въ пополненіе сего. Во первыхъ: учредивъ таковые кантоны по способности земли, а не по способности полковъ, въ мирное время, по прошествіи мѣсяцевъ учебныхъ, необходимымъ почитаю отпускать таковыхъ кантонистовъ нѣкоторое число и при томъ людей надежныхъ и хорошаго поведенія, на зиму или до перваго повелѣнія, въ домы; но чтобы сія часть отпускаемыхъ людей не превосходила четвертую или третію часть, а естли сего много, то пятую или шестую изъ полку. Сіе тотъ авантажъ имѣетъ, что люди сохраняютъ связь свою въ землѣ, а родные ихъ и близкіе не будутъ отчаяваться при отдачѣ таковаго въ службу, какъ нынѣ бываетъ, почитая его почти мертвымъ человѣкомъ,—чрезъ что служ-

ба не будетъ столь страшною для земли казаться; а солдаты, не отвыкая отъ жизни съ крестьянами, будутъ конечно воздержнѣе въ экцесахъ, проходя сквозь селеніи. Касательно до отпусковъ таковыхъ, я имѣлъ къ большому удовольствію своему, примѣръ весьма удачный опыта, сдѣланнаго мною надъ моимъ собственнымъ полкомъ, нынѣшнею зимою: отпущено было разныхъ нижнихъ чиновъ до ста человѣкъ, изъ которыхъ не только ни одинъ не бѣжалъ, но кромѣ мертваго всѣ возвратились.

Сихъ обѣихъ родовъ рекрутованія, то есть помѣщеніе солдатскихъ дѣтей и наборъ изъ крестьянъ, нахожу я для содержанія арміи вашей весьма недовольно. Можетъ быть сіи два средства достаточны были естли бы первыхъ довольное число сохранилось, а вторыхъ не столько было уже взято, единственно для содержанія въ обыкновенномъ комплектѣ арміи. Но вамъ самимъ извѣстно, что учрежденіе для первыхъ и [1]) весьма недостаточно и суть великія злоупотребленіи; что же касается до вторыхъ, то армія наша вышедъ изъ нѣмецкой войны натурально была не въ комплектѣ; что съ 762-го по 767-й годъ, и того съ пять лѣтъ, рекрутовъ набираемо не было, слѣдовательно армія мало по малу начала исчезать; что отъ самаго 763 года всегда сильная часть войскъ за границею была и въ непріятельскихъ дѣйствіяхъ, къ которымъ присоединилися повѣтріи и сильныя въ Польшѣ побѣги,—что границы наши разными пріобрѣтеніями распространилися. Слѣдовательно, когда сообразите всѣ исчисленные мною, такъ сказать подрывы оной (арміи) то найдете, что не только по нынѣшнему состоянію ея, но и естли бы была въ комплектѣ, весьма пропорціонально недостаточна. Здѣсь рождается натурально вопросъ: чѣмъ сему помочь? Мысль моя конечно не та, чтобы пользовавшись гнуснымъ и поноснымъ покоемъ и все покинувъ, занять себя и отечество экономизируя въ средствахъ—отъ чего бы мы потеряли и послѣднюю инфлюенцію въ Европѣ; но помочь себѣ, не упуская ничего изъ рукъ, съ поспѣшностію и нечувствительнымъ образомъ для земли.—Теперь приступлю къ исчисленію ихъ, прося васъ, откровенно и не менажируя меня—ибо въ семъ дѣлѣ не на себя гляжу, но на пользу отечества—на каждый пунктъ мой особенно сказать мнѣ мысль свою.

Первымъ способомъ почитаю я деньги, которыхъ у меня конечно больше нежели людей; но, по несчастію, употребляются онѣ или на то, чтобы доставить себѣ тѣ удовольствія, которыя самыя достать было бы можно, естлибы мы располагали оныя согласно съ време-

[1]) Здѣсь пробѣлъ въ рукописи.

немъ и съ обстоятельствами; или на то, чтобы окружать себя людьми, кои не довольствуясь милліонами, которые имъ даются, удвояютъ расходъ ихъ непорядочнымъ поведеніемъ и правленіемъ частей своихъ. То самое количество денегъ, которое употребляется теперь на военную часть, съ прибавленіемъ на то нѣкотораго числа изъ остающейся ежегодно суммы и употребляющейся на вышепомянутые расходы, равномѣрно и на безвременное нынѣшнее воеваніе, достаточно бы было къ доставленію намъ, въ прибавокъ нашимъ, людей, и на умноженіе арміи нашей, или изъ Польши, откудова сосѣди наши обильно берутъ, или и изъ самой Германіи, способомъ Голштинскаго дома, котораго первой голосъ и шефъ находится въ моей фамиліи. Вотъ, генерально, мысль моя, но никакъ не оболванена; и такъ прошу васъ тѣмъ больше преподать мнѣ на сіе свѣту.—Здѣсь только помяну одно, что примѣтилъ мнѣ князь Репнинъ. Въ случаѣ естли бы таковое вербованіе въ дѣйство пошло, употреблять ли оное на комплектованіе нашихъ собственныхъ полковъ, перемѣшивая съ нашими людьми или на составленіе совсѣмъ новыхъ, иностранныхъ? Когда получу отъ васъ на сіе совѣтъ, тогда и войду въ дальнѣйшее разсмотрѣніе сей матеріи.

Извините меня, естли пользовавшись первымъ случаемъ, который вы подали мнѣ себѣ открыться, столько индискретенъ былъ и написалъ двѣнадцать страницъ мыслей и гаданій моихъ; но зная васъ уповалъ, что вы упустите мнѣ оное ради намѣренія, и при томъ, по вашему познанію вещей, отдѣлите то, что полезнымъ быть можетъ отъ пустаго одного гаданія, или отъ произведеннаго живностію воображенія.

Съ сими двѣнадцатью страницами, которыя препоручаю вамъ, препоручаю и себя въ продолженіе дружбы вашей и остаюсь навсегда вашимъ вѣрнымъ.

II.

ПАНИНЪ—ВЕЛ. КНЯЗЮ

Мая 6-го дня 1778 года. Москва.

Всемилостивѣйшій государь.

Удостоился получить я писаніе Вашего Императорскаго Высочества, пущенное сего мѣсяца 10-го числа, только вчерашній день, при возвращеніи моемъ изъ случившейся отлучки отъ здѣшняго города.

Всемилостивѣйшая во ономъ ко мнѣ довѣренность преисполнила душу мою наичувствительнѣйшею благодарностію, которую вашему и—му высочеству чрезъ сіе всеподданнѣйше приношу.

Спознанныя изъ него, Ваши благовременныя, толико прилѣжныя упражненія, труды проницанія и промышленія о истинномъ благѣ отечества моего, по той части службы ея, которая составляетъ надеждн҄ѣйшую подпору и доставляла по днесь ей лучшія пособія къ возвышенію могущества и славы, не могли не объять усердное патріотическое и подданническое сердце радостію совершеннѣйшею, съ предвозвѣщаніемъ въ свое время всякаго блага любезному своему отечеству, — что и возбудило вознести теплѣйшія молитвы къ Вышнему Существу, о соблюденіи столь драгоцѣннѣйшаго для Россіи здравія, о покровительствѣ душевныхъ дарованій и о подкрѣпленіи тѣлесныхъ силъ Вашихъ до позднѣйшаго вѣка человѣческаго, на понесенія, съ благополучнѣйшими всегда успѣхами, упражненій, присвоенныхъ божественнымъ устроеніемъ къ порфироносцамъ, установляемымъ вышнею десницею, для доставленія истиннаго благосостоянія поручаемымъ подъ скипетръ ихъ областямъ.

Сіи суть—всемилостивѣйшій государь!—самыя истинныя движенія теперь души моей, преданнѣйшей вашему и. выс-ву наиусерднѣйшею подданническою вѣрностію и упражнявшейся до самыхъ уже почти послѣднихъ дней жизни ея всегда въ попеченіяхъ и рядѣніяхъ, предпочтительнѣе всему собственному, на споспѣшествованіе истинной славы своихъ монарховъ и къ прямому благу своего отечества.

Я беру смѣлость возласкать себя, что существо оныхъ удостоитъ представить вашему и. выс-ву мѣру поставляемаго мною счастія въ томъ, что хотя недовѣдомой совсѣмъ мнѣ случай, однако не только доставилъ до воззрѣнія, но и до благоволенія Вашего испрошенное отъ меня княземъ Репнинымъ разсужденіе о нѣкоторыхъ расположеніяхъ по военной службѣ, въ примышленіи о которой ваше и. выс-во упражненіе свое теперь употреблять благоизволяете; и сколь обрадованіе мое о томъ безмѣрно, столь готовность и усердіе мое не имѣютъ предѣловъ, исполнить повиновеніе высочайшему повелѣнію Вашему, о принесеніи моего всенижайшаго разсужденія на тѣ части военной службы, на которыя вы предписать изволили, и къ непромедлительному сочиненію коего употребляю теперь я все сокращающіяся уже мои силы и познанія, но съ тѣми всеконечно неограниченными: откровенностію, усердіемъ и вѣрностію, съ коими я, при подданническомъ благоволеніи, имѣю счастіе, до окончанія жизни моей всегда пребывать.

Вашего и. выс-ва всемилостивѣйшій государь всенижайшимъ и наипреданнѣйшимъ подданнымъ графъ Петръ Панинъ.

III.

В. К. ПАВЕЛЪ—ПЕТРУ ПАНИНУ.

Сентября 14-го дня 1778 года.

Графъ Петръ Ивановичъ!

Получилъ я съ несказаннымъ удовольствіемъ письмо ваше отъ 6-го числа мая. Удовольствіе мое соразмѣрно важности предмета взаимной нашей откровенности и, притомъ, согласію мыслей нашихъ. Сіе послѣднее служитъ мнѣ предсказаніемъ, что достанется намъ вмѣстѣ исполнить то, о чемъ разсуждаемъ. И такъ повторяю еще просьбу мою, сдѣланную въ первомъ моемъ письмѣ къ вамъ: быть, съ одной стороны, чистосердечну, съ другой—не приписывать намѣреніе мое и мысли ни къ чему иному, какъ къ горячему моему желанію наклонить всѣ вещи и заставить ихъ течь надлежащимъ и точнѣйшимъ порядкомъ къ доброму концу, который есть благо общее. Таковое согласіе мыслей моихъ побуждаетъ меня далѣе вамъ открыться, дабы проходя всѣ части матеріи сей, по мѣрѣ какъ онѣ будутъ встрѣчаться, я вамъ открывалъ мысли мои по онымъ и при томъ получалъ совѣтъ отъ васъ на оныя. И такъ, теперь приступлю къ дальнѣйшему разсмотрѣнію, съ приложеніемъ при семъ разсужденій. Раздѣлю оное такимъ образомъ: во первыхъ, пройду во второй разъ нѣкоторые пункты перваго моего разсужденія, дабы болѣе изъяснить вамъ мысли мои и узнать подробнѣе ваше мнѣніе; во вторыхъ показать вамъ мысли свои на пункты вашего разсужденія, о которыхъ я прежде съ вами не говорилъ: относительно артиллеріи, до которой еще вовсе не касался; то поелику часть сія, важностію своею, заслуживаетъ особливое вниманіе, предоставляю я себѣ говорить объ оной въ первомъ моемъ, послѣ сего, письмѣ; а при томъ, по скольку взаимныя наши разсужденія подавать намъ будутъ новыя идеи, не оставлю и въ оныхъ сноситься съ вами. Впрочемъ пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ......

РАЗСУЖДЕНІЕ.

Весьма мнѣ лестно, что я самъ собою, безъ всякаго съ вами соглашенія, попалъ на мысль вашу, въ расположеніи арміи на четыре главные корпуса, почитая васъ весьма знающимъ и наполненнымъ благими намѣреніями во всемъ, касающемся до отечества нашего.

Зачинаю съ перваго пункта вашего разсужденія. Нѣтъ нужды мнѣ повторять причинъ, для которыхъ раздѣлилъ я военныя силы

на четыре части. Сіи главныя части не могутъ инако управляемы быть,— по обширности каждой изъ оныхъ, слѣдственно и для надобности скорѣйшаго по таковому пространству исполненія,—какъ каждая однимъ шефомъ. Но таковая часть должна каждая, по мнѣнію моему, раздѣлена быть на дробныя части, какъ то: дивизіи, подъ управленіемъ частныхъ генераловъ, состоящихъ подъ командою генерала, управляющаго всею тою частью. Сіе я дѣлаю для того, что не достало бы главнаго командира на сношеніе съ каждымъ полковымъ командиромъ, и при томъ для того, чтобы въ сношеніи военной части съ сивильною было болѣе способности; потому что можно бы было таковую дивизію расположить въ границахъ одной изъ губерній изъ заключающихся въ предѣлахъ той части войска. При томъ были бы чрезъ то готовые корпусы на случающіяся заграничныя, временныя дѣйствія. — Что же касается до того, чтобы вся военная сила была подъ личнымъ начальствомъ и подъ собственнымъ повелѣніемъ самаго владѣющаго государя, въ дѣлахъ домостроительства ихъ и по чинамъ, слѣдующимъ къ произвожденію, по старшинству всего вообще войска, а не по каждой арміи,—чтобъ приходить имъ къ государю черезъ посредство военной коллегіи,—то сіи два разсужденія заслуживаютъ каждое особеннаго примѣчанія. Я думаю, что стыдно бы было тому, кто, отъ Бога произведенъ того пола и званія, служить безпосредственно отечеству своему, безпосредственно же не упражнялся бъ главнѣйшею частію службы онаго, какова есть защита государственная. Сей пунктъ не требуетъ больше экспликаціи, думаю я.—Касательно же до домостроительства и до протчаго внутренняго расположенія, то необходимо государь долженъ, дабы не занять излишно своего времени одною частью, положиться въ семъ на военную коллегію, которая однако же не смѣла никогда ничего вновь завести или перемѣнить не спросивши государя. Сіе кажется излишнимъ на первый взглядъ; но стоитъ взглянуть на предстоящія таковыя оной коллегіи поступки, чтобы видѣть злоупотребленія, раждающіяся отъ того, и на всеобщій вредъ. Здѣсь прибавлю одно только разсужденіе: начальникъ всякой, въ какомъ бы званіи ни былъ и въ какой бы части то ни было, имѣетъ свой образъ мыслей, предметъ концовъ и образъ къ достиженію оныхъ: кто можетъ все сіе лучше вѣдать, кромѣ его самого?—слѣдовательно, кто можетъ лучше исполнить намѣреніе его, какъ самъ онъ? ибо всякой другой, какъ бы близко ни подходилъ образомъ мыслей своихъ къ нему, все въ чемъ либо разнствовать будетъ, не говоря о томъ, что способность исполнить открываетъ и новыя мысли. Всякая таковая разность въ до-

стиженіи какого либо конца великую произвесть можетъ, или медленность, или и самую неудачу. Я конечно удаленъ отъ того, что бы думать, что бъ кто (изъ) васъ,—а особливо государь, окруженный всегда блескомъ и льстецами,—могъ мыслить, а тѣмъ больше—дѣлать (ибо мысль можетъ быть свята, а обстоятельства невозможны) безъ ошибки; и для того я и полагаю для государя способы облегчающіе его, въ страхѣ ошибиться, о которыхъ здѣсь не у мѣста говорить; но всякой согласится со мною, что теченіе дѣлъ, происходящее и веденное отъ одного и одинмъ весьма способнѣе всякаго другаго, въ которомъ тотъ, который начинаетъ, одного образа мыслей, а исполнитель совсѣмъ другаго,—не говоря о томъ, что къ сему примѣшаться можетъ и прикрытой умыселъ собственныхъ видовъ.—Касательно же до произведенія по старшинству всего вообще войска, а не по каждой арміи, чтобы приводить къ государю черезъ посредство военной коллегіи, то о семъ я здѣсь ничего не помяну, ибо оное болѣе подлежитъ ко второму отдѣленію всего моего разсужденія.

Приступаю къ третьему пункту, въ которомъ вы разсуждаете о употребленіи оружія противъ оружія. Я почитаю, что сего правила держаться должно, какъ и всякаго другаго, по мѣрѣ возможности; и поелику нѣтъ правилъ безъ исключенія, я, въ репартиціи моей прислалъ почти всю легкую конницу въ часть противъ турокъ и татаръ потому только, что большее изъ оной число, будучи родъ ландмилиціи, таковымъ распоряженіемъ будетъ находиться всегда дома. Что же касается до легкой артиллеріи, о которой вы говорите въ томъ же пунктѣ, то какъ она относится до особливой части, о которой мы будемъ говорить,—я предоставляю показать вамъ мысли свои о ней до того времени.

Въ осьмомъ пунктѣ, гдѣ говорите о кантонахъ и о кантонистахъ, то долженъ я объясниться съ вами, что кантоны разумѣю нѣкоторое пространство земли съ своими жителями, приписанное по близости, или хотя по способности, по общему государственному расчисленію, къ какой либо изъ четырехъ армій, не назначивая такого именно округа къ тому или другому полку; за тѣмъ, что одинъ полкъ предъ другимъ можетъ имѣть болѣе нужды въ людяхъ; а назначивая ихъ для арміи вообще, будетъ росписаніе оныхъ кантонистовъ (а не кантоновъ) зависѣть отъ хозяйства начальника. Главное же дѣло, что бы таковой кантонистъ былъ какъ можно ближе къ дому своему и въ не необыкновенномъ ему климатѣ,—пространство Россіи заключая столь много разнообразныхъ. Отъ сего, думаю, зависитъ весьма много и сохраненіе людей.

Въ третьемъ на десять пунктѣ, гдѣ вы говорите о вербованіи полковъ, ничего я не имѣю прибавить къ первому своему разсужденію: но желалъ бы знать, для чего вы предполагаете не мѣшать чужестранныхъ съ нашими людьми. Знаю напередъ, что разность въ законѣ удаляетъ людей, а особливо непросвѣщенныхъ, другъ отъ друга,—что всякаго иностраннаго труднѣе достать, а слѣдовательно и удовольствовать, нежели своего, а особливо содержаніемъ, каковое получаютъ наши люди, отъ чего бы произошла въ перемѣшиваніи таковыхъ людей зависть другъ передъ другомъ; тѣмъ больше, что чужіе бы получали больше своего. Еще прибавить и то надобно, что всякой чужой человѣкъ, будучи склоннѣе къ побѣгу національнаго. таковой послѣдній можетъ легко подговоренъ быть къ побѣгу; а съ другой стороны, формируя особливые полки, не произойдетъ ли равная вышеупомянутой зависти, когда увидятъ иностранцовъ сихъ, отмѣненныхъ разными образами отъ нихъ, цѣлыми кучами вмѣстѣ. Не спорю, что можетъ произойти отъ сего самаго эмулація (?); но для сего предполагать надобно нѣкоторой родъ воспитанія. Признаюся, что я думаю, что легче произойдетъ изъ сего зависть нежели эмулація (?). Но какъ о сей матеріи говорить найдется весьма много удобствъ и неудобствъ, въ исчисленіе которыхъ весьма бы пространно было входить теперь,—а онѣ лучше чувствуются, нежели изъяснится могутъ,—то и предоставляю частное раздробленіе сей матеріи до отвѣта вашего. Что же касается, откуда именно доставать таковыхъ вербованныхъ людей, то и на сей пунктъ желалъ бы знать особенно мысли ваши; а между тѣмъ снесусь о семъ и съ братомъ вашимъ, графомъ Никитою Ивановичемъ.—Что же касается до того, достаточны ли способы денежные для доставленія себѣ чужихъ людей, то артикулъ сей, кажется мнѣ, что и для васъ и для меня не былъ затруднителенъ; ибо не изыскивая новыхъ средствъ для доставленія себѣ дохода, довольно бы было премѣнить только назначеніе доходовъ, издерживаемыхъ нынѣ—какъ я въ первомъ своемъ разсужденіи сказалъ—безвременно. Естьли же бы необходимо надобно было приняться за какой нибудь новой денежной способъ, то изобрѣтенной вами кажется мнѣ весьма полезенъ; но, чтобы взойти мнѣ въ большую о сей матеріи подробность, не имѣю я въ сей части довольнаго испытанія и знанія.

Окончивъ теперь повторительное разсужденіе о томъ, о чемъ уже съ вами говорилъ, приступлю въ семъ, второмъ пунктѣ къ изъясненію мыслей моихъ на преподанныя вами мнѣ мысли, о которыхъ съ вами еще не разсуждалъ.

Въ самомъ первомъ, говоря о раздѣленіи всего войска на IV

главные корпуса, говорите вы, что Сибирской (корпусъ), составленной единственно изъ драгунъ или подводной пѣхоты преполагался подъ безпосредственное повелѣніе военной коллегіи, ради минованія промедленія въ перепискѣ, по столь дальнему отстоянію. Посему случаю скажу я мысль свою. Во-первыхъ, что касается до войскъ, составляющихъ Сибирской корпусъ, то полагаю я драгунъ или подводную пѣхоту наиспособнѣйшимъ родомъ войска для того мѣста, по великому пространству той земли, по вѣтренности сосѣдей ея и по дешевизнѣ содержанія фуражемъ. Во-вторыхъ, что бы быть сему корпусу подъ начальствомъ военной коллегіи, то на сіе я согласиться не могу, потому что сей резонъ и имѣлъ бы мѣсто тогда, когда государь бы былъ таковъ, или такого пола, чтобъ ими разстояніе мѣстъ, или излишней въ упражненіяхъ трудъ его страшилъ. Но какъ хорошій хозяинъ любитъ всегда самъ помѣстьи свои осматривать и болѣе удовольствіемъ своимъ почитаетъ, нежели трудомъ, таковое исполненіе должностей своихъ, то излишне обремененъ не будетъ онъ, когда и сія часть, какъ и всѣ прочія, его хозяйскимъ глазомъ осматриваемы будутъ.

Во второмъ пунктѣ говорите вы о гарнизонахъ, кои неоспоримо должны быть школою и запасомъ полеваго войска; и притомъ о недостаткѣ рекрутовъ въ землѣ, равномѣрно и о соображеніи вѣрнымъ счисленіемъ, какое число всего войска можно утвердить, содержа изъ собираемаго со всего государства рекрутъ. по мѣрѣ того со сколькихъ душъ, не единственно положенныхъ въ подушную перепись—въ коей состоятъ и старые и не возросшіе—но по мѣрѣ преполагаемаго, примѣрнаго оныхъ половины токмо настоящихъ работниковъ, кои одни въ военную службу и годны, и пр. Къ сему пункту приступлю я разсужденіемъ своимъ совсѣмъ вновь, ибо до сего я еще не касался, и раздѣлю его на двое. Начну съ положенія гарнизоновъ; во второмъ буду говорить о набираемыхъ въ землѣ рекрутахъ. Неоспоримо, что гарнизонные баталіоны суть школы и магазейны всей арміи и притомъ натуральная всегдашняя защита крѣпостей, границъ и внутренности земли во время выступленія арміи въ походъ. По сей цѣли гарнизоновъ должно бы напередъ вѣрное положеніе, по дѣйствительной надобности, всѣхъ въ государствѣ крѣпостей и укрѣпленныхъ мѣстъ, взявъ себѣ за предметъ естественное положеніе земли, сосѣднія обстоятельства и дальнѣйшія намѣренія, относящіяся до всегдашняго политическаго всего государства положенія; но какъ сіе въ разсужденіе наше не входитъ и притомъ всегда лучше, а особливо сначала, въ большихъ вещахъ держаться стараго

и извѣстнаго, хотя можетъ быть и удаленнаго отъ совершенства, нежели заводить новое, которое можетъ быть было бы и лучше прежняго, но отъ котораго можетъ произойти неизвѣстность всегда вредная въ обществѣ, когда дѣйствовать должно; и для того, на первой случай, взять хотя нынѣшнее положеніе числа гарнизоновъ, равномѣрно и крѣпостей, и стараться оные гарнизоны наполнять и комплектовать поелику возможно. Заведя такимъ образомъ запасъ людей и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онымъ менѣе случая пропадать, легче можно будетъ готовыми солдатами комплектовать полевую армію. Касательно до набиранія съ земли рекрутъ, то необходимо должно препорцію изыскать, со сколькихъ душъ брать ежегодно можно. Затѣмъ ежегодно (набирать), чтобы упущеніемъ одного или нѣсколькихъ лѣтъ не удвоить или не умножить послѣ того собираемаго числа и чрезъ то не сдѣлать чувствительнѣе урону землѣ; ибо легче всякому давать одного всякой годъ, нежели по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ разомъ, за все то время, съ котораго рекруты набираемы не были.

Второй-на-десять пунктъ вашъ касается до такой матеріи, которая, по важности своей, заслуживаетъ особое вниманіе. Вы говорите воономъ, приводя разные неоспориваемые резоны въ подкрѣпленіе разсужденія вашего, о нуждѣ имѣть въ офицерахъ дворянъ. Не стану я входить здѣсь до повторенія оныхъ. Теперешнее положеніе вещей оскорбляетъ лишь всякое, ревнующее къ пользѣ общей сердце, и сіе самое оскорбленіе понуждаетъ неукоснительно приняться—хотя разсужденіями единственно—дабы поспѣть пріуготовиться, всѣми силами и всѣми мѣрами, помочь вкравшемуся вреду, съ одной стороны отъятіемъ изъ службы всѣхъ препонъ и злоупотребленій, отвращающихъ отъ оной, такъ и побужденіемъ дворянства во что бы то ни стало служить. Естли бы служба не посрамлена была злоупотребленіями и прочими и естьли бы дворянство, со всѣмъ тѣмъ, служить не хотѣло, то еще бы легче было привлечь его къ службѣ, поелику бы извиненія никакого не было удаляться отъ нея; но теперь столь много другихъ причинъ въ самой службѣ и въ зависящихъ отъ начальниковъ оной, что начать должно съ очищенія оныхъ. Для сего я начну исчисленіемъ тѣхъ причинъ, которыя удаляютъ дворянство отъ службы. Первую и главную почитаю я — нынѣшнее неуваженіе службы военной, которое, присоединяясь къ тому, что у насъ ничего непоколебимаго нѣтъ (слѣдовательно и важность вещей всегда зависитъ отъ временнаго расположенія того, котораго воля служитъ закономъ), болѣе отвращаетъ, нежели привлекаетъ къ себѣ, а особливо

отъ злоупотребленій, родившихся отъ вышеупомянутыхъ причинъ. Не скрою я предъ вами и того, что приписываю я, хотя не безпосредственно, отчасти и свободѣ данной дворянству: служить и не служить, недостатокъ нынѣшній дворянства въ службѣ; ибо когда получило оное таковую свободу, то было еще оно, исключая нѣкоторое число, недовольно просвѣщено воспитаніемъ, чтобъ видѣть цѣль и чувствовать прямую цѣну сдѣланной для него выгоды. Свобода, конечно, первое сокровище всякаго человѣка, но должна быть управляема прямымъ понятіемъ оной, которое не инымъ пріобрѣтается, какъ воспитаніемъ; но оное не можетъ быть инымъ управляемо (чтобъ служило къ добру), какъ фундаментальными законами; но какъ сего послѣдняго нѣтъ, слѣдовательно и воспитаніе порядочнаго быть не можетъ; а отъ того рождаются всякія неправыя понятія вещей, слѣдовательно и злоупотребленія—каковаго рода и въ семъ казусѣ находятся, а особливо, будучи прикрыто неоспоримыми причинами неудовольствія отъ дурнаго управленія начальниковъ сей части.

Здѣсь долженъ я упомянуть о другихъ причинахъ, развратившихъ службу. 1-я изъ оныхъ—излишняя власть, данная начальникамъ частнымъ, перемѣнять по службѣ старое и заводить новое. Отъ сего всегда раждается въ службѣ неизвѣстность и взысканія излишнія, отвращающія добрую волю каждаго; 2) Способы, данныя симъ начальникамъ къ производенію и къ отличію не по очереди, а иногда по прихотямъ; равномѣрно и къ наказанію и взысканію таковождое. Вы согласитесь конечно со мною, что таковыя причины, не изыскивая иныхъ, довольны суть для затрудненія службы, которая уже и безъ того, сама по себѣ, подвергаетъ столь различнымъ опасностямъ и трудностямъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ подвигъ чести, въ самомъ высокомъ своемъ смыслѣ, въ какой бы землѣ то ни было, могъ довольно силенъ быть, заставить преодолѣть таковыя службы непріятности. Послѣ исчисленія всѣхъ сихъ причинъ неудивительно, что отъ нея отвращаются, а особливо, когда въ другихъ, меньшей важности службахъ гораздо больше выгодъ и покоя, и не отнята возможность, въ оныя переходя, сими выгодами пользоваться. Я конечно удаленъ отъ той мысли, чтобъ употребить какіе нибудь способы принужденія, для препятствія оставлять военную службу, но почитаю необходимымъ отнять всѣ способы къ таковому побѣгу изъ оной, во первыхъ, большимъ отличіемъ всякаго военно-служащаго; во-вторыхъ—персональнымъ уваженіемъ государя къ сей службѣ; въ-третьихъ—отнятіемъ средствъ у начальниковъ исполнять по прихо-

тямъ своимъ, слѣдовательно развращать и портить службу. Въ четвертыхъ—строгимъ взысканіемъ, чтобы служба исполнялась вездѣ равнымъ образомъ, и пр. Первое правило при всякомъ взысканіи, чтобъ была возможность исполнить взыскиваемое; притомъ отнять поелику возможно, способъ къ неисполненію; а за симъ слѣдуетъ строгое взысканіе начальниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

•

ЧЕРНОГОРІЯ И ЕЯ ОТНОШЕНІЯ КЪ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

Хорошія отношенія, существовавшія между Россіей и Черногоріей еще съ 1711 года, повидимому, нѣсколько измѣнились со стороны Россіи, по случаю появленія въ Черногорію, 1767 года, самозванца Стефана Малаго подъ именемъ русскаго императора Петра III. Россія смотрѣла на этого самозванца совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ Черногорія. Она видѣла въ немъ человѣка, который могъ-бы быть опасенъ для общественнаго спокойствія Россіи, если-бы случайно онъ появился въ ней, чего конечно не понимала Черногорія. Поэтому Екатерина II была права, что употребляла съ начала довольно крутыя мѣры противъ этого самозванца; ей очень хорошо были извѣстны дѣла самозванцевъ на Руси, и потому она желала предотвратить всякія случайности, могущія отсюда возникнуть. Неблагопріятныя отношенія Россіи къ Черногоріи продолжались все до восшествія на престолъ русскій императора Павла I, хотя и въ это время императрица Екатерина II два раза—въ 1769 и 1778 гг.—посылала къ черногорцамъ свои «возбудительныя» грамоты, приглашая ихъ на войну противъ турокъ, на что черногорцы охотно соглашались; но не смотря на то, мы видимъ, что въ 1775 году черногорскимъ делегатамъ, пріѣхавшимъ въ Россію во главѣ съ Петромъ Петровичемъ, бывшимъ тогда еще архимандритомъ, отказывается въ ихъ просьбахъ, на основаніи того, что черногорцы, «прилѣпясь нѣкоему презрительному самозванцу и бродягѣ всячески учинили себя недостойными высочайшаго покровительства государыни императрицы». А въ 1785 году, тотъ-же Петровичъ, бывшій уже тогда архіереемъ, предвидя борьбу съ турками, отправился было по Европѣ попытать счастье «дабы мушто праха и олова дали, да понесе у Церну Гору». Спачала онъ

отправился въ Петербургъ, но на третій день по пріѣздѣ своемъ былъ, позорнымъ образомъ, по повелѣнію князя Потемкина, выгнанъ изъ Россіи посредствомъ полиціи, безъ паспорта и даже безъ всякаго допроса. Но въ чемъ состояла его виновность? Дѣло въ томъ, что Петровичъ, на пути своемъ въ Петербургъ, заѣхалъ по приглашенію генерала Симеона Зорича, серба по происхожденію, въ его имѣніе Шкловъ, надѣясь и отъ него получить какой-либо помощи, или по крайней мѣрѣ, добраго совѣта. Но вышло наоборотъ. Еще прежде Зоричъ и его братъ генералъ Неранчичъ находились въ нехорошихъ отношеніяхъ съ княземъ Потемкинымъ, а это было изъ-за какихъ-то ихъ плановъ на счетъ Балканскихъ славянъ. Сербинъ-же какой то, по прозванію Марковичъ, находившійся тогда на службѣ въ Петербургѣ, въ качествѣ переводчика, воспользовался пребываніемъ Петровича въ Шкловѣ и сдѣлалъ доносъ на него, что и онъ будто принимаетъ участіе въ планахъ Зорича и Неранчича и что Неранчичъ, по договору съ Петровичемъ, желаетъ сдѣлаться королемъ Черногорскимъ и царемъ Сербскимъ, что Петровичъ, желаетъ сдѣлаться членомъ св. синода и тому подобныя нелѣпости. Все это конечно принято во вниманіе. Да еще и то обстоятельство, что съ архіереемъ Петровичемъ находился тогда въ качествѣ секретаря римскій аббатъ Франциско-Долчи-де Вицковичъ, не мало способствовало его изгнанію ибо подозрѣвали, что Долчи шпіонъ австрійскій. Всѣ эти обстоятельства послужили къ тому, что надъ Петровичемъ произнесенъ былъ приговоръ заочно, такъ что, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, все было готово. Но зналъ-ли архіерей Петровичъ про всѣ эти интриги?.. На этотъ вопросъ пока мы не будемъ отвѣчать. Очевидно только то, что подобныя дѣла говорятъ не въ пользу хорошихъ отношеній между Россіей и Черногоріей въ то время. Но по воцареніи Павла I, и послѣ того, какъ черногорцы, въ 1796 году, одержали славную побѣду надъ турками, дѣла совсѣмъ измѣнились. Въ 1798 году, присланъ былъ изъ Черногоріи, съ поздравительнымъ письмомъ императору Павлу I, воевода черногорскій Николай Черноевичъ-Давидовичъ. Давидовичъ былъ принятъ какъ нельзя лучше и императоръ исполнилъ всѣ просьбы черногорцевъ, представленныя ему Давидовичемъ. Кромѣ того, императоръ пожаловалъ митрополита орденомъ св. Александра Невскаго и послалъ ему 15 золотыхъ медалей для раздачи черногорскимъ главарямъ. Черноевичъ Давидовичъ возвратился на родину и тамъ вручилъ митрополиту знаки отличія и письмо отъ тогдашняго россійскаго государственнаго канцлера князя Безбородко. Черногорцы ликовали отъ радости. Давидовичу не долго приходилось оставаться въ Черногоріи, ибо въ слѣдующемъ

1799 году, посланъ онъ былъ опять съ новыми инструкціями въ Россію отъ митрополита и всего народа черногорскаго. Я и предлагаю здѣсь вниманію читателя тѣ документы, изъ которыхъ можно увидѣть, въ чемъ состояла просьба черногорцевъ, которые объясняютъ многое изъ исторіи Черногоріи, и которые, думаю, не лишены интереса и для русскаго человѣка.

Документы эти помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Письмо князя Безбородки къ митрополиту черногорскому Петру Петровичу Нѣгошу. 2) Письмо Давидовича къ князю Безбородку (по первомъ своемъ возвращеніи изъ Россіи). 3) Представленное Давидовичемъ императору прошеніе (первое). 4) Представленное Давидовичемъ императору прошеніе (второе). 5) Описаніе двадцати сраженій, происходившихъ между черногорцами и турками съ 1711 по 1800 годъ. 6) Письмо русскаго адмирала Ушакова къ австрійскому коменданту Броди въ Боккѣ ди Катаро и 7) Письмо митрополита черногорскаго Петра Петровича Нѣгоша къ Давидовичу.

Живко Драговичъ.

I.

Письмо канцлера кн. Безбородко къ черногорскому митрополиту Петру Петровичу Нѣгошу.

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 30 дня 1798 года.

Преосвященнѣйшій и превосходительнѣйшій митрополитъ Черныя Горы Петръ Петровичъ!

Присланное отъ господъ губернаторовъ, воеводъ, князей и сердарей черногорской и бердской славяносербскихъ областей поздравительное письмо къ его им. величеству, съ посланнымъ отъ оныхъ въ званіи ходатая оберъ воеводою графомъ Черноевичемъ-Давидовичемъ, самимъ имъ поднесено въ Москвѣ его величеству. Съ какимъ же благоволеніемъ монаршимъ оное принято ваше преосвященство изволите усмотрѣть изъ императорской грамоты нынѣ въ отвѣтъ къ нимъ и ко всему почтенному черногорской и бердской славяносербскихъ областей обществу посланной, съ тѣмъ же ходатаемъ ихъ оберъ воеводою графомъ Черноевичемъ-Давидовичемъ, которая и послужитъ доказательствомъ, о всегдашнемъ его им. величества покровительствѣ и милостяхъ къ тѣмъ областямъ и правителямъ оныхъ. Поздравляю ваше преосвященство почестію особенно вамъ отъ всемилостивѣйшаго государя моего являемою пожалованіемъ вамъ кавалерскихъ знаковъ россійскаго императорскаго ордена св. Александра Невскаго при

семъ же отправленнаго. Что же принадлежитъ до господъ черногорской и бердской области губернаторовъ, воеводъ, князей и сердарей въ поздравительномъ письмѣ ихъ подписавшихся, угодно было его величеству пожаловать имъ пятнадцать золотыхъ медалей съ портретомъ его им. величества, для ношенія на красныхъ лентахъ, которые медали покорнѣйше прошу ваше преосвященство приказать имъ раздать отъ высочайшаго его имени по прилягаемому у сего реестру. О прочихъ дѣлахъ представляю изустно увѣдомить васъ помянутому оберъ воеводѣ графу Черноевичу-Давидовичу, которому я долгомъ почитаю отдать справедливость въ усердномъ его и похвальномъ поведеніи, по которымъ и не оставленъ онъ отъ щедротъ монаршихъ, какъ содержаніемъ во время его здѣсь бытности, такъ и награжденіемъ при отпускѣ. Пребываю съ искреннимъ почтеніемъ вашего преосвященства покорный слуга, его им. величества канцлеръ, дѣйств. тайный совѣтникъ, сенаторъ и россійскихъ императорскихъ орденовъ кавалеръ князь Безбородко.

II.

Письмо графа Черноевича-Давидовича къ канцлеру кн. Безбородко.

(Переводъ съ французскаго). Ваша свѣтлость, въ первомъ письмѣ моемъ я имѣлъ честь увѣдомить вашу свѣтлость о пріѣздѣ моемъ на родину и о торжественной присягѣ, принесенной этимъ народомъ его величеству, императору всея Россіи.

Въ настоящее время я не могу видѣть равнодушно критическое положеніе этого народа, который своей неизмѣнной преданностью къ своему монарху и къ монарху прочихъ народовъ, родственныхъ и дружественныхъ намъ по религіи, навлекъ на себя величайшую ненависть со стороны австрійскаго коменданта, находящагося здѣсь въ бывшей венеціанской Албаніи: видя всюду со времени моего возвращенія какъ восторженно они выказываютъ свою признательность за всѣ милости, оказанныя имъ его величествомъ черезъ меня, и не имѣя никакой возможности удержать ихъ отъ этого, онъ имѣетъ частыя совѣщанія съ Скутарійскимъ пашою, употребляя всѣ усилія, чтобы возстановить его противъ насъ съ одной стороны, а онъ со своей стороны, чтобы притѣснить насъ; этой комбинаціей онъ надѣется принудить насъ подчиниться австрійскому дому.

Подобное вѣроломство непростительно по отношенію къ націи, которая не разъ оказывала австрійцамъ значительныя услуги, и въ

особенности въ то время, когда они вступили во владѣніе бывшей венеціанской Албаніей; имъ никогда не удалось бы утвердиться въ ней безъ содѣйствія этого народа, такъ какъ французская флотилія уже пришла въ Рагузу съ цѣлью прогнать ихъ. Тогда видя свое отчаянное положеніе, они послали просить помощи у митрополита и у народа. Митрополитъ, считая ихъ друзьями и союзниками Россіи, тотчасъ явился къ нимъ на помощь съ войскомъ; французы, узнавъ объ этомъ, обратились въ бѣгство, а они спокойно тамъ поселились. Хороша теперь благодарность съ ихъ стороны. Но если это продолжится долго, то между нами произойдетъ большая рѣзня и что бы мы не оказались виновны въ этомъ, то его высокопреосвященство писалъ уже императору въ Вѣну, предупреждая его о дурныхъ послѣдствіяхъ, какія можетъ повлечь за собою недобросовѣстное поведеніе его коменданта. Въ настоящее время мы ѣдемъ съ митрополитомъ въ Острого, гдѣ находится много турокъ, прибывшихъ изъ Герцеговины и Румыліи; они ожидаютъ насъ на совѣщаніе, желая заключить съ нами перемиріе. Возвратившись отсюда, я отправлюсь въ Петербургъ, чтобы имѣть счастье передать его величеству увѣренія живѣйшей благодарности со стороны этого народа, и имѣть счастье заявить вамъ лично, что я пребуду до послѣднихъ дней моей жизни съ искренней благодарностью вашей свѣтлости всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга графъ Николай Черноевичъ-Давидовичъ.

III.

Ваше императорское величество всемилостивѣйшій государь. Будучи я возбужденъ ревностію и всегдашнимъ моимъ усердіемъ къ высочайшему двору россійскому, старался во всѣхъ случаяхъ изыскивать новыя средства къ изобрѣтенію какой нибудь пользы для всероссійскаго престола, и къ вящшему доказательству моей къ вашему величеству преданности. Преисполненъ будучи таковаго усердія, дерзаю я вашему императорскому величеству представить касательно до черногорскихъ и бердскихъ славено-сербскихъ, храбростію отличающихся народовъ, нижеслѣдующіе подробности и мое объ нихъ всенижайшее мнѣніе. Имѣя не заемныя въ томъ свѣдѣнія, но будучи очевиднымъ всему тому свидѣтелемъ, яко тамошній уроженецъ, что народъ сей изъ древнихъ временъ ни отъ кого не зависящій, имѣя духъ мужества противу нечаянныхъ и превосходныхъ непріятельскихъ нападеній сильнѣйшій отпоръ, безъ всякой помощи и единственно самъ собою съ полезными выгодами дѣятельно составляютъ. Они отъ

юныхъ лѣтъ своихъ до старости вооружены, и по единовѣрію съ усердіемъ ко всероссійской державѣ весьма преклонны, какъ можно видѣть изъ прилагаемой при семъ копіи описанія бывшихъ до сего времени главнѣйшихъ двадцати непріятельскихъ нападеній со временъ Петра Великаго, кромѣ тѣхъ сраженій, которыя безпрестанно съ пограничными турками происходятъ. Но изъ всѣхъ оныхъ наилучшее было то, и намъ великую потерю причинившее, которое случилось въ 1767 году, ибо какъ тогда въ нашихъ краяхъ появилась одна персона названіемъ Стефанъ Малой, подъ именемъ россійсскаго императора Петра Третьяго, и народъ черногорскій по своему усердію къ россійскому престолу повѣря тому всякую честь и послушаніе оказывалъ, то турецкій султанъ послалъ противу насъ три визира румелійскаго, босанскаго и албанскаго съ тремя сильными арміями; а съ другой стороны венеціанская республика съ своимъ войскомъ и флотомъ совокупясь съ ними атаковали вдругъ Черную Гору, и по жестокомъ сраженіи два мѣсяца продолжавшееся турки и венеціане прогнаны были изъ предѣловъ нашихъ, но мы претерпѣли тогда великіе разворенія, а все для усердія нашего къ Россіи, которое никогда совершенно отъ того священнаго престола признано не было; ибо мы въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ потеряли самыя лучшія приморскія мѣста, кои у насъ венеціанская республика неправильно похитила, чтобъ не могли мы принимать изъ Россіи присылаемыхъ къ намъ никакихъ особъ. Но нынѣ наша нація паки въ такомъ цвѣтущемъ и сильномъ положеніи, что еще никогда не была; ибо управляющій оною теперешній митрополитъ своимъ благоразуміемъ и храбростію народа, по разбитіи албанскаго визира, отобравъ все прежде потерянное и учредя хорошіе законы и порядки, привелъ ее въ состояніе наслаждаться благоденствіемъ подъ сильнымъ и щедрымъ покровительствомъ вашего имп. величества. Но таковое наше положеніе и при этомъ великое усердіе и преданность къ священному престолу Вашему, всемилостивѣйшій государь, всѣмъ нашимъ сосѣдямъ столь противно и завидно, что они всякіе способы изыскиваютъ, чтобъ намъ причинить пагубу, позабывши о тѣхъ услугахъ, которые мы для нихъ въ разные времена противъ турокъ оказывали, а особливо теперь противъ французовъ, или чтобы отторгнуть насъ отъ высокославной имперіи вашего величества представленіемъ намъ столь великихъ выгодъ и пользы, о чемъ можно усмотрѣть изъ прилагаемыхъ при семъ копій съ писемъ графа де-Туро и пріѣзжавшаго къ намъ австрійскаго генерала Рукавина, которой критикуя наистрого нашу приверженность ко двору россійскому, говоритъ, что мы никакой отъ того помощи получить не можемъ, будучи въ такомъ

дальнемъ разстояніи, и что Россія болѣе намъ вреда нежели помощи можетъ сдѣлать, о чемъ изъ копіи письма адмирала Ушакова писаннаго къ австрійскому комендаиту въ Бока ди Катаро можно увидѣть, австрійское намѣреніе, касающееся до нашей націи; особливо противъ меня ихъ злоба столь явна. что они ничего не щадили, чтобы мнѣ не только вредъ причинить, но также и смерть, въ разсужденіи моей преданности къ вашему имп. величеству, которую не токмо старался внушить въ народѣ нашемъ, но и во всѣхъ протчихъ, насъ окружающихъ славено-сербскихъ народахъ, а напротивъ опровергать всѣ ихъ намѣренія и прожекты клонящіеся къ нашему народу, а также и прочихъ непріятелей вашихъ особливо же французскихъ возмутителей, какъ можно увидѣть изъ писемъ моихъ къ его превосходительству Сергѣю Лазаревичу Лашкареву и изъ митрополитскихъ къ нему же господину Лашкареву и прочимъ. Чрезъ таковое въ нашей націи вновь возбужденное усердіе всѣ тѣ народы насъ окружающіе готовы съ нами соединиться и вмѣстѣ подъ вашимъ покровительствомъ быть и высокомонаршую вашу волю во всѣхъ случаяхъ готовы исполнять и собою жертвовать, и имянно: Далматіяне, приморскіе жители, Герцеговцы, Босняки, Албанцы и Сербіанцы, и предъ моимъ выѣздомъ изъ всѣхъ сихъ провинцій посылаемы были тайнымъ образомъ къ митрополиту нашему депутаты, прося чтобъ я не преминулъ о таковомъ ихъ усердіи всенижайше представить вашему им. величеству и просить споспѣшествованія употребить ихъ къ вашимъ услугамъ. О семъ можно увидѣть изъ полномочнаго даннаго мнѣ листа. Сколько я могу замѣтить изъ положенія тѣхъ мѣстъ и изъ расположенія народа, при первой могущей случиться, съ оттоманскою портою войны можно бъ въ тѣхъ краяхъ весьма важные дѣла произвести въ пользу вашего имп. величества, порядочно установя наши войска, на подобіе ландмилицскихъ, и постановя въ оныхъ подлежащее число командировъ изъ тамъ находящихся; въ каковомъ случаѣ надобнобъ было таковые войска раздѣлить на три корпуса, одну часть изъ нихъ посадить на флотилію, составя оную изъ хорошихъ купеческихъ судовъ тамъ имѣющихся; также построить на озерѣ лежащемъ между нами и скутарійскими стѣнами, нѣсколько судовъ канонирскихъ изъ находящагося тамъ въ довольномъ количествѣ лѣса и прочихъ матеріаловъ, и оные вооружить; потомъ подступить къ Скутары съ трехъ сторонъ: флотиліею съ моря и блокировать его канонирскими судами съ озера, а арміею съ сухаго пути, въ каковомъ случаѣ можно бы послать часть оной арміи въ близъ лежащіе горы называемые малисорскими и соединить ея съ тамошними жителями, ибо тутъ кромѣ христіанъ никого нѣтъ, которая и остаться

28*

должна тамъ ради удержанія всякаго сукурса, которой бы можно. было подать изъ нутръ Албаніи; въ такомъ случаѣ Скутары по своей слабости не долго можетъ противиться и непремѣнно долженъ въ скорости сдаться. По взятіи онаго, яко главнаго города всей Албаніи, безъ всякаго сопротивленія можно маршировать впредь и не теряя времени завоевать всю Албанію, въ которой находится по вѣрному вычисленію не болѣе какъ двадцатая часть турковъ, а прочіе все христіане, которые только и ожидаютъ случая чтобъ съ нами соединиться, будучи очень турецкимъ правленіемъ угнетены. По завоеваніи же Албаніи, будетъ не въ отдаленности отъ насъ Архипелагъ съ Кандіею и Мореею и съ прочими островами греческими и гдѣ живутъ христіане. И сколь мудрый столь и трудолюбивый предводитель, какъ на сухѣ такъ и на морѣ съ помощію оныхъ единовѣрныхъ и усерднѣйшихъ воиновъ можетъ весьма важные произвести дѣла.

Другая армія самая большая и изъ лучшаго войска составлена быть должна, чтобъ выступить въ пограничную теперь съ нами провинцію называемую Сербія. Здѣсь также почти никакого урона ни сопротивленія не потерпимъ, ибо въ сей провинціи живущіе народы суть съ нами не только единовѣрные, но и единое житіе и единомысліе съ нами имѣютъ, и чрезъ средство наше ожидаютъ своего освобожденія; а какъ сія провинція граничитъ съ Валахіею и Румеліею, то по удачномъ началѣ войны, когда со стороны россійской перейдетъ россійская армія рѣку Дунай, можетъ оная армія соединиться одною частію своею съ россійскою и поспѣшествовать дальнему предпріятію; а между тѣмъ другою частію останется въ Сербіи для удерживанія всякаго сукурса стремящагося изъ Румеліи къ Босніи и Сербіи.

Съ третіею арміею надобно вступить въ босанскіе предѣлы, гдѣ вдругъ знатная часть оныхъ называемая Герцеговина, съ нами пограничная, съ великою охотою къ намъ пристанетъ; ибо сей народъ съ нами единовѣренъ и единоплеменный, а при томъ и угнетенъ малымъ числомъ магометанцовъ между ими находящихся; почему съ нетерпѣливостію и ожидаетъ отъ оныхъ освободиться. Оный соединясь съ нами, можетъ та армія тогда далѣе пойти въ Боснію, гдѣ нигдѣ турки не въ состояніи будутъ устоять противъ тѣхъ соединенныхъ силъ, которые ежедневно будутъ умножаться чрезъ стекающихся изъ разныхъ мѣстъ славено-сербскихъ воиновъ. А по завоеваніи оной къ Бѣлграду спуститься, которой будетъ тогда находиться въ совершенной блокадѣ въ разсужденіи положенія нашихъ войскъ, и можно будетъ имѣть совершенную коммюникацію съ вой-

скамн вашего им. величества. Тогда зависѣть будетъ отъ воли вашего им. величества дальнѣйшее предпріятіе. Изъ сего послѣдуетъ для Россія та выгода, что кромѣ помощи отъ нашихъ войскъ, которые могутъ соединиться съ россійскимъ, какъ выше упомянуто, Турки принуждены тогда будутъ собрать и обратить большія ихъ силы къ вамъ, а сверхъ того, Албанія, Герцеговина, Боснія и Сербія, гдѣ самое лучшее войско турецкое, не возмогутъ пріуготовляться къ дальнему походу и принуждены будутъ оставаться на мѣстѣ для охраненія своихъ фамилій и имѣнія. Слѣдственно такимъ образомъ можно Россіи меньшею половиною своей арміи нежели сколько оной надлежалобъ, съ великою выгодою и съ исполненіемъ всякаго намѣренія съ турками войну открыть. Впрочемъ естли невозможно въ разсужденіи политическихъ обстоятельствъ нынѣ предпринять сего дѣла, то по крайнѣй мѣрѣ благоволите ваше имп. величество подтвердить вящше покровительство ваше нашему народу и учредить въ тамошнихъ краяхъ при митрополитѣ одну особу въ россійскомъ чинѣ, которая могла бы соотвѣтствовать благонамѣренію онаго и наблюдать все то, что относится къ интересу Имперіи Россійской, которая тайнымъ образомъ и подъ другимъ видомъ могла бы пріуготовить всѣ тамошніе славено-сербскіе илирическіе народы къ россійской пользѣ, которые бъ готовы были ко всякому случаю. Также удалили бы отъ тѣхъ народовъ разные замыслы, намѣренія и происки непріятелей россійскихъ, и словомъ исполняла бы усердно и вѣрно все то, что могло-бъ быть на нее отъ высочайшаго вашего двора возложено, и не пропускало бы ничего безъ доносенія вашему министерству, что токмо могло-бъ быть достойно примѣчанія чрезъ переписки посредствомъ вашихъ консуловъ и посланниковъ. Но для совершеннаго успѣха, таковая персона, долженъ быть тамошній уроженецъ, знающій народъ, обычай ихъ и мѣстоположеніе; при этомъ же будучи онъ тамошній, не могъ бы быть никому подозрителенъ и слѣдственно, могъ бы во всемъ успѣть по желанію вашего им. величества, и ниникому бъ извѣстно не было, кромѣ тогда, когда бы вашему величеству заблагоразсудилось.

Тамошній митрополитъ и вся нація вѣдая мое усердіе къ вашему императорскому величеству и привязанность къ своему отечеству желаютъ, какъ изъ ихъ писемъ можно видѣть изъ тамошняго мѣста данныхъ мнѣ отъ ихъ, желаютъ, чтобъ это было отъ вашего императорскаго величества возложено на меня. Я съ моей стороны почелъ бы себя счастливымъ когда-бъ только могъ имѣть случай совершенно доказать мое усердіе и преданность вашему императорскому величеству, которую я съ молодыхъ моихъ лѣтъ всегда имѣлъ ко двору

россійскому и не пропускалъ ни одного случая, чтобъ на опытахъ ее доказать, какъ можно видѣть изъ теперешнихъ моихъ поступковъ въ нашемъ отечествѣ. Я также и во время послѣдней турецкой войны, сколько силъ было, не щадилъ себя посвятить къ пользѣ и славѣ россійской имперіи, какъ можно видѣть изъ приложенныхъ здѣсь копій съ атестатовъ отъ націи мнѣ данныхъ. Естьли-же въ семъ дѣлѣ употребленъ быть не могу, то всенижайше прошу ваше императорское величество принять меня въ число вѣрнослужащихъ престолу вашему воиновъ съ чиномъ полковника, которой я имѣлъ въ венеціанской службѣ тогда, когда ее оставилъ въ силу присланнаго отъ россійскаго двора въ наши края возбудительнаго манифеста для вооруженія насъ противъ турокъ, и съ награжденіемъ какимъ благоугодно будетъ, чтобы я могъ чѣмъ здѣсь себя содержать; а тѣмъ самымъ не только я могъ-бы приведенъ быть въ состояніе оказать предъ высокославнымъ лицемъ вашимъ мою преданность и наивящше побужденъ-бы былъ заслужить монаршія ваши милости, но еще и быть въ готовности во всякомъ случаѣ летѣть къ моимъ соотечественникамъ для исполненія вашего императорскаго величества приказанія.

По усердію нашихъ народовъ могли-бы они быть употреблены съ великимъ авантажомъ и изъ внѣ нашего отечества. Я-бы о семъ могъ обстоятельно представить, когда-бы сіе нужно было.

Ради обстоятельнаго усмотрѣнія тѣхъ областей и мѣстоположенія ихъ, о коихъ я упомянулъ, при семъ представляю сочиненный мною планъ съ подробнымъ описаніемъ тѣхъ странъ и сосѣдственныхъ мѣстъ, и предая все оное какъ и самаго себя монаршему благоволенію, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и преданностію пребываю и проч. графъ Николай Черноевичъ-Давидовичъ.

Августа « » дня
1800 года.

(Изъ Моск. архива минист. иностр. дѣлъ. Изъ связки 5 дѣлъ по сношеніямъ Россіи съ Черногоріей).

IV.

Всемилостивѣйшій монархъ! Будучи избраннымъ въ моемъ отечествѣ отъ всего общества для принесенія вашему императорскому величеству благодарности за всевысочайшія милости, которыми мы подъ покровительствомъ великодержавнаго скипетра вашего пользуемся, и для испрошенія еще нужнаго ко всеобщей нашего отечества пользѣ сопряженной и съ россійскою, предданѣйше прошу дабы всемилостивѣйше благоволено было:

1) Повелѣть изыскать средство для присоединенія Бокеской провинціи къ Черной Горѣ, ибо народъ въ оной обитающій австрійцами не завоеванъ, а противъ всѣхъ правъ французскою республикою имъ отданъ; да и самъ бокеской народъ будучи очень недоволенъ ихъ правленіемъ того желаетъ; чрезъ которое соединеніе и открытіе публичнаго правленія нашему черногорскому народу оказано будетъ вящшее покровительство, а для Россіи великая польза, ибо мы тогда пріобрѣтемъ приморскія гавани, въ которыхъ россійскій флотъ не только во всякомъ случаѣ можетъ имѣть совершенное пристанище, но еще можетъ снабжаться какъ провіантомъ, такъ и людьми могущими быть употребляемы для дессанта и знающими искуство мореплаванія, что можно видѣть и изъ прошедшей войны съ Оттоманскою Портою, въ продолженіи которой знатная часть людей на россійскомъ флотѣ была изъ славянъ бокескихъ. Таковое наше положеніе прекратитъ всѣ намѣренія австрійскаго двора, касающіяся до разныхъ турецкихъ владѣній, ибо австрійцы всѣ средства употребляютъ на присоединеніе къ себѣ Албаніи; къ чему и албанскій паша, будучи недоволенъ своимъ султаномъ и обольщенъ отъ австрійскаго двора великими обѣщаніями, охотно приступаетъ. Но въ разсужденіи положенія нашей Черной Горы дѣлать имъ сего неудобно. О таковомъ ихъ намѣреніи узнали мы чрезъ посредство бывшаго при конференціяхъ между албанскимъ пашой и австрійскимъ находящимся въ бокеской провинціи комендантомъ драгомана ихъ.

2) Есть-ли невозможно присоединить бокескую провинцію, то по крайней мѣрѣ заставить австрійцовъ, чтобъ намъ была возвращена завладѣнная неправильно венеціанскою республикою часть оной, какъ въ поднесенномъ мною планѣ показано, гдѣ также находится одна гавань называемая Трасте, которая для того венеціанцами отнята, дабы мы посредствомъ оной не могли принимать россіянъ къ намъ пріѣзжающихъ.

3) Позволить намъ въ Черной Горѣ имѣть флагъ россійскій, въ знакъ того высочайшаго покровительства, которое ваше императорское величество нашей націи даровать соизволили.

4) Народы, которые пожелаютъ къ намъ присоединиться, позволить намъ принимать и пользоваться имъ равнымъ съ нами покровительствомъ Россіи.

5) Комерція наша, отправляемая въ чужихъ краяхъ моремъ и сухимъ путемъ, была-бъ подъ защитой Россіи, и пользовалась-бы правами на равнѣ съ природными россіянами.

6) Какъ не безъизвѣстна вашему императорскому величеству привязанность вообще всего славянскаго народа къ высочайшему двору

вашему, по единовѣрію и единоязычію, которые къ избавленію своему отъ турецкаго ига, всю свою надежду полагаютъ на ваше императорское величество чрезъ посредство нашей Черной Горы, яко единаго остатка вольнаго народа изо всего славянскаго, которую вольность мы храбростію своею сохраняемъ безъ малаго 400 лѣтъ. Но могли ли бы они имѣть каковую либо надежду быть причисленными къ вѣрноподданнымъ вашего величества, естьли бы исполнились вредныя противу насъ австрійскаго двора намѣренія, къ исполненію которыхъ, не преставая никогда, всевозможное стараніе они употребляютъ, дабы чрезъ сіе разстроить благонамѣреніе вашего императорскаго величества, клонящееся къ избавленію вышеупоминаемыхъ народовъ? Почему для сохраненія онаго и нашей безопасности нужно намъ, для вновь учрежденія во владѣніи нашемъ разныхъ необходимо нужныхъ военныхъ и гражданскихъ заведеній и распорядковъ къ общему благоустройству 80,000 червонныхъ, а для вновь нынѣ нами заводимой гвардіи изъ присоединяющихся къ намъ нашихъ же соотечественниковъ, бывшихъ въ венеціянской службѣ офицеровъ и протчихъ чиновъ знающихъ военную службу 10,000 ружей со штыками и таковое же число лядунокъ и артиллерійскихъ орудій 12, 6 и 3-хъ фунтовыхъ пушекъ, каждаго сорта по 10-ти и мортировъ 10-ть же. Сіи орудіи нужны какъ для оной гвардіи, такъ и для протчаго войска, а для возобновленія пороховныхъ нашихъ заводовъ на десять мельницъ нужныхъ чугунныхъ инструментовъ, за что все и повелѣть отпустить деньги изъ казны съ возвращеніемъ оныхъ ежегодно по назначенному количеству. Есть ли на сіе не будетъ соизволенія, то замѣнять оныя производимыми намъ въ пенсію по 1,000 червонныхъ. Оружіе (можно выдать) изъ стараго штата россійскихъ войскъ, а на пороховой заводъ откуда заблагоразсуждено будетъ. И на какую сумму всего онаго составитъ, причислить оную къ вышепоказанной долговой, отъ чего и можемъ придти гораздо въ лутчшее состояніе, и сверхъ нашей безопасности отъ австрійцевъ, можемъ при первомъ открытіи между турецкою и россійскою имперіями войны, къ воспомоществованію Россіи во всякой исправности готовыми быть.

7) Снабдить насъ двумя малыми типографіями, изъ которыхъ одна была-бы церковная, а другая гражданская, и къ тому нѣкоторое число гражданскихъ книгъ, могущихъ служить для училищъ; а также и необходимо нужнымъ военнымъ запасомъ какъ-то, порохомъ и свинцомъ, и оное все причислить къ вышепоказанной долговой суммѣ 80,000 червонныхъ. Сей военный запасъ находимъ за лутчше получить изъ города Николаева, въ которомъ нужда наша превосходитъ всѣ протчіе, потому, что продажа онаго какъ съ австрійской, такъ

и турецкой сторонъ совершенно запрещена, и мы доставать онаго ни отъ куда и не можемъ, а какъ французы во время бытности своей въ Италіи сдѣлали въ нашемъ владѣніи дессантъ, то въ разсужденіи вновь ими оного завоеванія легко могутъ и опять оное-же сдѣлать, а мы желая отражать ихъ какъ и прежде опасаемся недостатка въ порохѣ. Впредъ-же для легчайшаго доставленія себѣ онаго, какъ вышеупомянуто, намѣрены мы вновь завести въ отечествѣ свои заводы, а для лучшаго въ ономъ успѣха, повелѣть мнѣ взять съ собою человѣка обращавшагося въ семъ мастерствѣ, а также и другаго для типографіи.

8) Назначенной намъ отъ вашего императорскаго величества въ знакъ благоволенія портретъ, повелѣть препроводить до города Николаева по почтѣ, отъ куда по возвращеніи моемъ могу взять его съ собою на кораблѣ, на которомъ мнѣ отправиться въ мое отечество, которое видѣть оной портретъ нетерпѣливо желаетъ и для котораго еще прежде моего отъѣзда пріуготовлено въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ его намѣрены поставить мѣсто, и котораго присутствіе въ отечествѣ моемъ утвердитъ совершенную преданность Россіи.

9) По обратному моему изъ Россіи пути, повелѣть кому слѣдуетъ, дабы я въ городѣ Николаевѣ могъ купить невозбранно для обуви нашихъ войскъ небольшое количество кожъ въ чемъ имѣемъ крайнюю нужду.

10) По просьбѣ митрополита, Цетиньскому монастырю пенсіи сверхъ положенной 500 рублей въ три года кому слѣдуетъ повелѣть всемилостивѣйше прибавить, и также находящагося въ Москвѣ отставнаго полковника Ѳому Марошевича уроженца Черной Горы, по желанію его, отправить въ отечество.

11) Назначенную намъ пенсію отъ вашего императорскаго величества по 1000 червонныхъ въ годъ, по случаю неполученія нами за два года, въ сходственность полученнаго мною отъ митрополита письма, всемилостивѣйше повелѣть мнѣ выдать, а на предъидущее время отъ куда оная, а равно и монастырская производимы будутъ нынѣ ассигновать.

12) Находящагося въ Рагузѣ при консулѣ, коллежскаго ассессора Ямпольскаго, какъ нація наша видитъ всегдашнее его стараніе о пользѣ общей и привязанность къ оной, то по просьбѣ митрополита и оной, всемилостивѣйше повелѣть переименовать его консуломъ, или чѣмъ либо наградить, а также и намъ позволить наградить его, изъ числа всемилостивѣйше вашимъ величествомъ пожалованныхъ, медалью.

13) Въ общихъ мирныхъ съ Франціею трактатахъ благоволено-бъ было протчимъ дворамъ объявить высочайшаго двора вашего къ намъ

протекцію, а особливо австрійскому и турецкому, требованіемъ отъ перваго уступленія намъ вышеупомянутой Бокеской области, или по крайней мѣрѣ, чтобъ возвращена была намъ неправильно отнятая венеціянцами часть оной, называемая гавань Трасте; а отъ втораго— о сей высочайшей вашей къ намъ протекціи въ своей имперіи публикованія.

14) Позволить мнѣ о всемъ, что усмотрю я въ отечествѣ моемъ достойное примѣчанія, и клонящееся къ пользѣ двора вашего императорскаго величества доносить, и для того повелѣть россійскому консулу въ Рагузѣ находящемуся, дабы онъ посылаемые мною къ министерству вашего величества письма принималъ и доставлялъ. За таковыя-жъ высокомонаршія къ намъ благоволенія и милости обязываемся мы во всякомъ случаѣ когда только вашему императорскому величеству угодно будетъ, какъ и въ прежнее время всегда къ высочайшему двору вашего величества вѣрнопреданны были, выставлять по сороку тысячъ войскъ нашихъ сухопутныхъ противъ непріятелей вашего величества, которые будутъ со всею ревностію для васъ великаго государя жертвовать собою, и которыхъ мы сами собою въ теперешнемъ нашемъ положеніи располагать можемъ, не включая тѣхъ народовъ, которые въ союзѣ нашемъ къ намъ присоединиться могутъ.

Всемилостивѣйшій государь вашего императорскаго величества вѣрнопреданный черногорскій оберъ-воевода и бывшій венеціянской службы полковникъ графъ Черноевичъ-Давидовичъ.

Октября „ “ дня
1800 года.

(Изъ Моск. архива минист. иностр. дѣлъ, изъ связки 5 дѣлъ по сношеніямъ Россіи съ Черногоріей).

V.

Черногорское славено-сербское собраніе будучи въ первой разъ получило отъ россійскаго императора Петра Перваго грамоты чрезъ нарочно своихъ посланныхъ въ 1711 году Михаила Милорадовича и Ивана Лукачевича отъ Подгорицы, возбуждая и приглашая черногорскую націю къ подъятію оружія своего въ помощь его противъ общаго христіанскаго врага турецкаго султана, къ чему оныя по усердію къ вѣрѣ и въ надеждѣ его обѣщаніяхъ добровольно согласившись, приняли вышереченныхъ пословъ въ свое владѣніе, и приглася еще прочихъ околичныхъ единовѣрныхъ славенскихъ народовъ въ

союзѣ своемъ, собрали знатное число войскъ, съ которыми наступили съ разныхъ сторонъ на турецкія владѣнія, отъ чего происходили между ими неоднократно великія, кровопролитныя баталіи; таковое ихъ дѣйствіе дѣлало знатную диверсію и великую помощь Россіи и ея арміи, будучи турки обращали на ихъ самое лутчее свое войско изъ пограничныхъ своихъ губерній, какъ-то изъ Босніи, Герцеговины и Албаніи. Все сіе черногорцы производили въ россійскую пользу безъ никакихъ отъ нея на то запасовъ ниже малѣйшія помощи; продолжая свое дѣйствіе съ великимъ успѣхомъ до самаго конца воспослѣдовавшаго между Россіей и турками мира. Тогда черногорцы оставшись на жертву не только таковой сильной имперіи, каковою была въ тогдашнее время турецкая, но еще венеціанской республикѣ, претерпѣли превеликія бѣдственныя страданія, защищаясь сами собою безъ никакихъ помощей, противу нечаянныхъ и превосходныхъ непріятельскихъ нападеній какъ то ниже слѣдуетъ:

Въ 1712 году, армія турецкая состоящая изъ 60,000 войскъ, подъ предводительствомъ сераскера Ахмедъ паши наступила, но была разбита совершенно. По той побѣдѣ Оттоманская Порта разсудила за благо искать мира у черногорцевъ, но мы обѣщавшись исполнить соизволеніе его императорскаго величества, покусились въ мирѣ не пріятелямъ отказать. На оное Оттоманская Порта въ 1714 году, вооружась отправила болѣе ста тысячъ войска подъ предводительствомъ визира Думанъ паши Чупрелича на нашу Черную Гору, которой дошедъ до насъ, предпочелъ коварной обманъ храбрости, и чрезъ разныя полезнѣйшія обѣщанія намъ (когда уже мы о заключеніи мира Россіи съ турками получили извѣстіе) охотными насъ къ миру сдѣлалъ, такъ что наши вельможи, повѣривъ лицемѣрнымъ его клятвамъ не остереглися идти въ лагерь турецкій для переговоровъ числомъ 37 человѣкъ, которые всѣ безчестною измѣною арестованы. Потомъ вдругъ турки нападши на Черную Гору нечаянно, нашедъ насъ въ безопасности, пятую часть земли огню и мечу предали, а плѣнивши многихъ изъ народу и вышереченныхъ вельможъ повѣсили на висѣлицахъ.

Въ 1716 году, босанскія два паши: Ченгичъ съ бегомъ Любовичемъ и прочими окружными пашами, сильною арміею на насъ наступили. Божіею же помощію отъ нашихъ были побѣждены и побиты; а паша съ бегомъ Любовичемъ и прочими начальниками, числомъ до 77 человѣкъ, взяты были въ полонъ, которымъ всѣмъ головы отрублены были.

Въ 1727 году, Ченгичъ-Бекиръ паша сильнымъ множествомъ войска на Черную Гору учинилъ нападеніе, но войско его на голову

разбито было: онъ же съ малымъ числомъ скоростію своей лошади счастливо себя спасти могъ однако-жъ подъ Ачаковымъ россійскимъ войскомъ былъ убитъ.

Въ 1739 году, визиръ Ходаверди паша Магмутъ Беговичъ съ восьмью пашами и многочисленнымъ войскомъ пришелъ на домъ воеводы Дрекаловича, которое войско въ конецъ разбито было, начальниковъ-же изъ знатнѣйшихъ турокъ числомъ 70 человѣкъ, которые въ одной башнѣ затворились, живыми сожжены были.

Въ 1750 году, турецкое войско состоящее изъ босняковъ и герцеговцевъ нечаянно на границу нашу напали, но малымъ числомъ нашего войска побиты были.

Въ 1755 году, по прибытіи изъ Россіи черногорскаго митрополита Василія Петровича Нѣгоша, турецкій султанъ, болѣе по наговору Венеціанской республики, нежели по своему хотѣнію, 1756 года послалъ на Черную Гору 50,000 войскъ подъ предводительствомъ Османъ паши, которое черногорцы сусредши на своихъ границахъ 25-го декабря на голову разбили и самого предводителя Османъ пашу ранили, получа въ добычу не малое число непріятельскаго экипажа и военно-пленнаго оружія.

Въ 1758 году мая 15-го дня, турецкая армія состоящая изъ 60,000 войска подъ командою Абдула паши Пармаковича была черногорцами разбита подъ городомъ Спужемъ.

Въ 1761 году апрѣля 3-го дня, Бекиръ паша Отманагичъ атаковалъ Брдцкія владѣнія съ многочисленнымъ войскомъ, откуда былъ съ великимъ урономъ прогнанъ.

Въ 1765 году сентября 23-го дня, паша Никшичило собравши сильное войско изъ Босніи и Герцеговины, атаковалъ черногорцевъ при селѣ Тарнины, гдѣ былъ на голову разбитъ.

Въ 1767 году, увѣдомившись Оттоманская Порта, что нѣкто по названію Стефанъ Малый подъ именемъ россійскаго царя Петра Третьяго появился въ Черной Горѣ, которому народъ черногорскій, по своему усердію и привязанности къ Россійскому престолу, повѣря, всякую честь и послушаніе оказывалъ, въ 1768 году отправила противъ черногорцевъ три арміи состоящія изъ 120,000 войска подъ предводительствомъ трехъ визирей, Босанскаго, Румелійскаго и Албанскаго Мегметъ Бушатлія. Первой сталъ своимъ лагеремъ подъ городомъ Оногощемъ при самыхъ Черногорскихъ съ Герцеговиною границахъ, а второй и третій съ другой стороны въ Зеты на берегахъ рѣки Морачи близъ Подгорицы. Въ то самое время венеціяне по договору съ турками поставили вездѣ на своихъ границахъ войско, издавши строгой манифестъ между своими подданными, дабы

никто въ нужномъ случаѣ, подъ лишеніемъ имѣнія и жизни, не смѣлъ принимать въ своихъ домахъ черногорскихъ женъ и дѣтей, и никакого сношенія съ ними не имѣть, ни споможенія имъ не дѣлать, ниже никакихъ военныхъ запасовъ имъ не продавать. Въ таковыхъ столь претяжкихъ обстоятельствахъ турки, желая имѣть въ своихъ рукахъ Стефана Малаго названнаго Петромъ Третьимъ и еще патріарха Беркича въ Черной Горѣ спасшагося отъ турецкихъ напастей, предлагали черногорцамъ миръ и всякія выгоды естьли они согласятся ихъ живыхъ предать въ ихъ руки, въ противномъ же случаѣ угрожали огнемъ и мечемъ безъ пощады. Но будучи храбрость и великодушіе завсегда природно было черногорской націи, не дозволяло имъ первое сдѣлать, а втораго избѣгнуть не могли; для того турки сдѣлали съ трехъ сторонъ сильное нападеніе на Черную Гору, вѣдая же при томъ, что черногорцамъ невозможно было достать никакихъ военныхъ запасовъ, кромѣ тѣхъ, кои они отбирали съ убитыхъ непріятелей, намѣрились было завладѣть безъ большаго сопротивленія всѣми черногорцами, какъ то и удалось имъ съ начала третью часть оной зажечь; но ни по двухъ мѣсячныхъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ, турки были принуждены съ великимъ стыдомъ и прежестокимъ своимъ урономъ отступить въ своихъ границахъ.

Въ 1769 году, черногорцы получа высочайшую императорскую противъ тогдашнихъ россійскихъ непріятелей турковъ возбудительную грамоту, чрезъ князя Георгія Владимеровича Долгорукова, не преминули усердно употребить всѣ силы свои противъ турковъ, какъ то албанцовъ, герцеговцовъ и босняковъ, и обратить на ихъ всѣ свои силы, чрезъ каковую диверсію оказали Россіи не малые услуги; однакожъ по заключеніи мира оставшись безъ всякой помощи и протекціи, турки и венеціанцы не токмо по прежнему имъ продолжали возможныя угнетенія, но еще старались всячески о ихъ совершенномъ раззореніи.

Въ 1769 году, по отъѣздѣ изъ Черной Горы князя Юрья Владимеровича Долгорукова, Венеціанская республика отправила свое войско подъ командою бригадира Рафаила Крановича, чтобъ завладѣть черногорскими монастырями въ Маинѣ и въ Станевичѣ, для того что въ оныхъ черногорцы принимали какъ первыхъ офицеровъ, которые отъ россійскаго императорскаго двора посылаемы были, также и помянутаго князя Долгорукова; но второй черногорцы оружіемъ оборонили, а первой одержать не могли, поелику оной находился близъ самаго венеціанскаго города Будва между Маинами ихъ подданными, коихъ венеціане съ недавняго времени отъ черногорцевъ похитя подъ свое иго ставили, который по упаденію Венеціан-

ской республики паки съ черногорцами освобожденъ, нынѣ находятся въ ихъ владѣніи.

Въ 1774 году, будучи какъ черногорцы, такъ и сосѣдственные имъ бердянскіе народы возбуждены были высочайшею императорскою грамотою, также и упомянутымъ княземъ Долгоруковымъ, противъ тогдашнихъ россійскихъ непріятелей турковъ, то по заключеніи между ими мирнаго договора того-жъ 1774 года, Мегметъ Бушатлія албанскій паша, по султанскому повелѣнію собравши множество турецкаго войска, цѣлой уѣздъ по названію Кучи по жестокому сраженію огню и мечу предалъ, и главную въ ономъ фамилію Дрекаловича, коей болѣе 300 домовъ было, въ конецъ разворилъ, многихъ въ полонъ взялъ и темницами и разными другими мученіями, жизни лишилъ. Остальные же бѣгствомъ въ Черной Горѣ спаслись, кои потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ съ помощію черногорцевъ паки къ своимъ мѣстамъ возвратились, гдѣ непрестанное претерпѣваютъ и нынѣ угнетеніе.

Въ 1776 году августа 15 дня, Истій же паша съ сильнѣйшимъ войскомъ атаковалъ черногорцевъ въ Частву, гдѣ также разбитъ былъ и самъ раненъ.

Въ 1779 году іюня 1 дня, паша Магмутъ бей съ арміею состоящей изъ 40,000 турковъ, въ Бердакъ былъ разбитъ и самъ убитъ.

Въ 1785 году, Махмутъ паша скутарійскій, самозванный визирь албанскій, желая быть въ независимости отступилъ отъ своего султана, у коего военнымъ образомъ многія мѣста похитя учинился довольно силенъ; при таковыхъ своихъ благополучныхъ успѣхахъ, не пропустилъ также воспользоваться распрями и междоусобными несогласіями, кои тогда происходили въ черногорскомъ народѣ по причинѣ отсутствія въ чужіе краи ихъ матрополита; ибо онъ собравши всѣ свои силы въ 1786 году, сдѣлалъ сильное нападеніе на Черную Гору, и удавшись ему пройти чрезъ одинъ край оной, ступилъ въ венеціанское владѣніе, гдѣ всю одну комунитадъ называемую Пастроевичи предалъ огню и мечу, и такъ далѣе слѣдовалъ покуда ступилъ въ своихъ границахъ.

Въ 1788 году, албанскій визирь скутарійскій паша Бушатлія учинилъ на пограничное черногорское и бердское мѣсто, по мѣрѣ съ 8000 войскъ, нечаянное нападеніе, и зажегши нѣсколько селеніевъ, былъ прогнанъ съ потерею изъ 320 турковъ и самъ раненъ.

Въ 1788 году, во время послѣдней Россійской и цесарской съ турками войны, по возбудительнымъ отъ обоихъ тогда союзныхъ дворовъ чрезъ нарочныхъ офицеровъ присланныхъ грамотами, въ доказательство всегдашней къ Россійской имперіи привязанности, черно-

горцы вооружились и противъ турковъ всѣми силами воевали, отъ чего наконецъ великія уроны претерпѣвали; но и въ семъ случаѣ при мирномъ трактатѣ забвенію преданы были какъ и всегда.

Въ 1789 году, албанскій визирь скутарійскій Бушатлія, собравши албанское войско тайнымъ образомъ ночью напалъ на селенія Бѣлопавлицки близь Спужа находящіяся въ разныхъ мѣстахъ, но и тогда равный же жребій имѣлъ.

Въ 1791 году, турки напали на черногорское на границѣ находящееся село Крусе, которое опаливши съ кровію заплатили, ибо въ томъ же году черногорцы раззорили турецкую пограничную крѣпость Охмутичъ.

Въ 1792 году, турки атаковали черногорцевъ при селѣ называемое Дражевина, гдѣ по великой потерѣ съ обѣихъ сторонъ турки прогнаты были.

Венеціанская республика разъярена будучи на черногорцевъ, что они какъ въ первыхъ случаяхъ, такъ и въ послѣдней россійской и цесарской съ турками войны обѣимъ имперіямъ услуги свои оказывали, забывши всѣ тѣ спомогательства, коихъ она сама всегда въ своихъ нуждахъ отъ сего народа получала, столь безчеловѣчное тиранство противъ черногорцевъ явнымъ образомъ показала, что въ 1795 году апрѣля 25 дня, находящійся тогда въ Бокѣ австрійскій комендантъ Марко Зорзи приказалъ на собравшійся предъ городомъ Катаромъ на базаръ народъ черногорскій, изъ пушекъ съ картечію стрѣлять, гдѣ кромѣ мужскаго пола осталось женъ и дѣвицъ 45 мертвыхъ и раненыхъ, отъ чего потомъ между черногорцами и бокезами великое кровопролитіе произошло, которое и нынѣ еще не прекратилось.

Находящійся во вновь покрытыхъ бывшихъ венеціанскихъ владѣніяхъ называемыхъ Бокою отъ Катара, австрійскій генералъ Броди, которой вѣдая приверженность черногорскаго народа къ россійской имперіи употреблялъ найподлые и найковарные способы, чтобы ихъ отъ того отвратить и цесарскому двору привлечь, наконецъ видя безполезное его стараніе начиналъ подражать бывшимъ прежде его венеціанцамъ, дѣлая черногорцамъ всякія возможныя притѣсненія. Но недовольствуясь съ тѣмъ покусился было вѣроломнымъ и наглымъ образомъ, 1798 года, октября 8 числа, похитить черногорцамъ одинъ ихъ монастырь въ селѣ Махинѣ находящейся, почему отрядилъ подлежащее число солдатовъ съ частію провинціальнаго войска для занятія онаго, о чемъ извѣстясь митрополитъ Петръ Петровичъ Нѣгошъ тотъ часъ послалъ въ упомянутый монастырь своего племянника съ подлежащимъ числомъ черногорцевъ и приказаніемъ, чтобъ въ немъ до послѣдняго защищаться и его непріятелямъ не пустить. Потомъ

давши объ этомъ извѣстіе черногорцамъ и бердьянамъ черезъ нѣсколько дней собралось великое множество на своихъ съ цесарскими границахъ, откуда отправили своихъ пословъ къ австрійскому генералу Броди, чтобъ ему сказать, естьли не отступитъ отъ своего неправеднаго намѣренія, то они почитая его яко явнаго и вѣроломнаго непріятеля, готовы ступить вооруженною рукою въ его провинціи и отмщеніе дѣлать, почему генералъ Броди съ великимъ своимъ стыдомъ былъ принужденъ, не токмо отступить отъ своего намѣренія, но и письменно въ томъ черногорцевъ увѣрить.

Въ 1796 году, во время французской съ австрійцами войны, албанскій визиръ и скутарійскій паша Махмутъ, видя себя такъ сильнымъ наипаче по двукратномъ разбитіи султанской арміи, что и самой Портѣ страшенъ былъ, намѣреніе его по договору съ французами простиралось къ соединенію къ берегамъ Дуная своихъ силъ съ французсками и съ .... Оглубея видинскаго имѣвши тому весьма удобное время поелику венеціане позвали было тогда всѣ военныя изъ Которской Боки судна и найлутчее изъ всей провинціи войско.

Боснійскіе и герцеговскіе народы также ожидали его въ готовности, но чтобы соединиться съ ними будучи надлежало ему чрезъ бердинскія съ Черногоріею соединенныя мѣста проходить, кои возбранили албанцами съ Герцеговиною и Босніею комюникацію имѣть, то онъ умысливши оныя прежде отъ Черныя Горы отцѣпить и къ себѣ присвоити, потомъ соединясь съ герцеговцами удобнѣй Черную Гору обладати и такъ далѣе по учрежденномъ съ французами плану своимъ оружіемъ поступати. Для того писалъ черногорскому митрополиту Петру Петровичу Нѣгошу, дабы помянутымъ бердянскимъ жителямъ не подавать никакой помощи и не пропускать ни одного въ черногорскихъ границахъ увѣряя его, что онъ ни малѣйшаго убытка не намѣренъ черногорцамъ нанести; но митрополитъ, которому турецкое вѣроломство и поступки довольно были извѣстны не разлучая бердянскихъ жителей отъ черногорскихъ, получа таковое гордостію и коварствомъ надменное письмо, немедленно отказавши собралъ свои силы, видя удобный случай ко отмщенію за прежде учиненное имъ раззореніе по тогдашнемъ черногорскомъ несогласію, соединясь съ бердскими народами близъ пограничнаго турецкаго города Спужа 11-го числа іюля вступилъ съ непріятелемъ въ прежестокое сраженіе, которое болѣе семъ часовъ безпрерывно продолжалось, однакожъ Божіею очевидною помощію такъ сильно турковъ разбили, что гнали ихъ до самаго турецкаго города Спужа, гдѣ остальное ихъ войско отъ черногорцевъ спаслось. Побѣдителямъ досталось въ добычу 11 знаменъ и множество военноплѣннаго оружія.

Храбрость черногорскихъ воиновъ столь жесточайше озлобила албанскаго визира, будучи онъ до тѣхъ поръ всегда побѣдителемъ бывалъ, что онъ единственно о томъ и занимался, изыскивая всѣ средства и способы какъ бы отомстить черногорцамъ за стыдъ и погибель своихъ турковъ, и возобновить первую славу своего оружія. Не жалѣя своей казны, всевозможными силами набралъ войско, коихъ болѣе 50,000 собравши на восемь частей раздѣлилъ и на удобныхъ мѣстахъ кругомъ Черной Горы при границахъ поставилъ для диверсіи, а самъ съ 30,000 лутчаго войска на берегахъ Морачи близъ Подгорицы лагеремъ сталъ, уповая такимъ расположеніемъ со всѣхъ сторонъ въ безпорядокъ и замѣшательство черногорцевъ привести. Но черногорцы разославши вездѣ противъ реченныхъ непріятельскихъ корпусовъ для удержанія подлежащее число войскъ, оставили только шесть тысячъ отборныхъ воиновъ, коихъ раздѣля на три части, въ 1796 году сентября 22-го числа, ступили въ сраженіе съ большимъ турецкимъ войскомъ предводительствуемымъ самимъ албанскимъ визиремъ на мѣстѣ называемомъ Крусе, гдѣ черногорцы, по долгому сраженію, одержали надъ турками совершенную баталію, гная ихъ до самыхъ турецкихъ крѣпостей, послѣ коей приносили къ лагеру своему безчисленное множество турецкихъ головъ, между коими была и голова самаго албанскаго визира, нынѣ находящаяся бальзамированная при митрополитской резиденціи, а также и одѣяніе его съ оружіемъ и съ конемъ. Въ томъ сраженіи получили черногорцы великое число оружія, по большей части въ серебрянной оправѣ, 16 знаменъ и множество другой добычи.

VI.

Письмо адмирала Ушакова къ австрійскому коменданту въ Боккѣ ди Катаро, генералу Броди.

12-го іюля, 1799 года. Благополучный корабль святой Павелъ при Корфу.

Ваше превосход. м. гос. По связи совершенной дружбы всемилостивѣйшихъ государей нашихъ императоровъ, не ожидалъ я интригъ сихъ и замысловъ, употребляемыхъ вами и генеральнымъ австрійскимъ консуломъ Христоплеври въ Зантѣ находящимся, противу прежде бывшихъ венеціанскихъ острововъ, побѣдоноснымъ оружіемъ союзныхъ державъ отъ французовъ освобожденныхъ. И сверхъ чаянія, таковой поступокъ перепискою вашею съ означеннымъ генеральнымъ консуломъ открывается, а оной противенъ есть искренности и

совершенной дружбѣ нынѣ существующей. Также интриги, происки и неблагопріятные поступки въ разсужденіи митрополита и народа черногорскаго становятся явственны изъ слѣдующаго случая: по высочайшему имянному повелѣнію всемилостивѣйшаго государя моего императора, въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ отправленъ былъ изъ эскадры флота капитанъ лейтенантъ Клопанисъ въ Черную Гору къ преосвященному митрополиту Нѣгошу, и вмѣсто оказанія ему благопріятства и пособія, со стороны вашей, подъ видомъ удерживанія и карантина, всякія препятствія и затруднительности нанесены были ему безподобно, а когда и допущенъ онъ былъ съ письмами и до разговора съ митрополитомъ, и тогда употребленъ былъ строгой и неприличный за нимъ присмотръ какъ бы по подозрѣнію. Да и съ самымъ митрополитомъ и народомъ черногорскимъ поступки ваши не соотвѣтствуютъ искренности дружбы, хотя они и укрыты завѣсою политики вами употребляемой. Собственное письмо ваше поступки открываетъ достаточно. Долгомъ почелъ откровенно объясниться вашему превосходительству и просить, таковые напрасные затѣи и замысли отставить и поступать съ.мѣстами и народами, подъ протекцію и покровительствомъ всемилостивѣйшаго государя моего императора состоящими съ искреннимъ благопріятствомъ. Я увѣряю васъ, что въ замыслахъ вашихъ, безъ особой взаимной высочайшей воли, ни въ чемъ и малѣйше успѣть не можете. Впрочемъ рекомендую себя въ продолженіе дружбы и благопріятства, съ каковымъ истиннымъ желаніемъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч. адмиралъ Θеодоръ Ушаковъ.

VII.

Письмо митрополита черногорскаго Петра Петровича Нѣгоша къ графу Николаю Черноевичу-Давидовичу.

Іюля 14 дня 1800 года. Въ Черной Горѣ, на Станѣвичѣ.

Любезный соотечественникъ Николай Петровичъ. По отъѣздѣ вашемъ изъ Черной Горы я не имѣлъ отъ васъ никакого извѣстія, кромѣ того отъ 18 ноября прошлаго года съ острова Микуни. Я извѣстился отъ тѣхъ черногорцевъ, которые вами отправлены въ Константинополь, о вашемъ тамъ пребываніи, и удивляюсь, что вы не писали какой успѣхъ тамо имѣли по дѣлу нашему касающемуся до Порты. Здѣсь какъ мнѣ видѣть, европейская война приближается къ мирному заключенію; въ такомъ случаѣ пожалуйста всѣми мѣ-

рами постарайтесь при высочайшемъ дворѣ исходатайствовать, въ силу даннаго вамъ отъ сей націи наставленія, да бы благоволено было совокупить Бокельскую провинцію съ Черною Горою, и подъ явную протекцію россійскую, съ открытіемъ публичнаго правленія, законнымъ образомъ принять. Наши сосѣди австрійцы соумѣстно съ турцима непрестаннымъ угнѣтеніемъ и насиліемъ насъ обременяютъ. Поелику сейчасъ принялъ я извѣстіе, что визиръ Босанскій посылалъ нарочнаго диздара Беговича отъ Требиня для договору къ Бушатліе въ Скадаръ, который туда и обратно заѣзжалъ въ Кастелъ Новый, гдѣ съ генераломъ Броди свиданіе и постановленіе имѣли о нашемъ истребленіи! Но о сей справедливости представте гдѣ принадлежитъ. И что мы терпѣнія не имѣемъ оное больше продолжать, а намѣрены въ противномъ случаѣ границы наши оружіемъ защищать, и естьли воспослѣдуетъ благополучный намъ успѣхъ, то оной къ чести и славѣ священнаго того престола имѣемъ приписать. Я самому императору по отъѣздѣ вашемъ писалъ за васъ, такожде вицеканцлеру г. Панину и Димитрію Львовичу г. Нарышкину, и при ономъ письмо включено и къ вамъ. Потрудитесь по дѣлу Ямпольскаго о производствѣ его настоящимъ консуломъ въ Рагузѣ, попъ же Джика назначенъ въ отставку, и каковое же теченіе возъимѣетъ наше дѣло пожалуйте подробно въ обстоятельствѣ здѣшнее національное собраніе увѣдомить. Такожде можете имѣть сношеніе съ Фомомъ Марковичемъ г. Марошевичемъ, и естьли по прошенію моему резолюція о немъ будетъ учинена, то пускай пріѣзжаетъ безъ закоснѣнія въ Черную Гору.

Впрочемъ да управитъ васъ Всевышняго десница, и желаю вамъ во всѣхъ предпріятіяхъ счастливаго успѣха и пр. митрополитъ черногорскій Петръ Петровичъ Нѣгошъ.

NB. Употребите всѣ средства, что бы испросить нѣсколько пороху да свинцу, въ чемъ крайняя нужда наша состоитъ, такъ какъ я вамъ и въ первомъ письмѣ писалъ. Также постарайтесь быть назначеннымъ по повелѣнію его им. величества въ своемъ отечествѣ званіемъ соотвѣтствующимъ вашему чину. Таковое на васъ возложенное со стороны императора достоинство, послужитъ особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не малымъ выгодамъ и общей пользѣ. При прочими дѣлами не забудьте представить гдѣ слѣдуетъ, о заслугахъ и усердію изъ россіянъ діакона Алексѣя, находящагося въ нашей консисторіи при письменыхъ дѣлахъ, и просить, дабы благоволѣно было его съ чѣмъ либо наградить. Я при семъ случаѣ отправилъ письма на имя графа г. Ростопчина, также и г. Лашкарева упоми-

ная объ васъ. Свидѣтельствуйте мое почтеніе его сіятельству графу господину Димитрію Львовичу Наришкину и пишите ко мнѣ что скорѣе объ вашемъ здоровіи, состояніи и о порученномъ вамъ дѣлу, ибо я скучаю не имѣя о томъ извѣстія, время теперь удобное, поспѣшайте Бога ради что скорѣе къ намъ. Петръ Петровичъ.

Примѣчаніе. Изъ моск. архива минист. иностр. дѣлъ. Изъ связки 5 дѣлъ по сношеніямъ Россіи съ Черногоріей.

Сообщ. въ октябрѣ 1880 г. **Живко Драговичъ**

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

I.

1797. Генваря 23. Въ Тульчинъ.

Генералъ фельдмаршалъ графъ Суворовъ Рымникскій.

Заключая по присланному отъ васъ донесенію, что вы не получили еще повелѣній нашихъ о неупотребленіи офицеровъ въ курьерскія должности, для примѣру другихъ приказали: отправленнаго отъ васъ капитана Мерлина помѣстить въ Ригу въ гарнизонный полкъ; удивляемся, что вы тамъ, коего мы почитали изъ первыхъ къ исполненію воли нашей, остаетесь послѣднимъ и какъ достоинство должно поддерживаемо быть временемъ, то и кажется, что вы впредь не доведете насъ до сомнѣнія въономъ. Павелъ.

II.

13 февраля 1797 г. Въ Вильну.

Господину тайному совѣтнику Булгакову.

Князь Зубовъ поѣхалъ на Вильну, то и счелъ нужнымъ написать къ вамъ Яковъ Ивановичъ, чтобы вы имѣли за нимъ наблюденіе по прежнимъ его связамъ особливо съ Прусаками, о чемъ имѣя наблюденіе и мнѣ донесите. Есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

(Сіе все повелѣніе писано собственною его императорскаго величества рукою).

III.

15 февраля 1797 г. Въ Георгіевскъ.

Генералу Гудовичу.

Поручаю вамъ, Иванъ Васильевичъ, вступить въ распоряженіе войскъ, бывшихъ подъ командою г. Зубова. Препоручаю также строгое имѣть наблюденіе за переписками находящихся въ томъ корпусѣ и генерально взойти въ подробности всего по той части касаю-

щагося и разныхъ оттуда сюда отношеній, которые и по сіе время идутъ къ князю Зубову, а частію къ г. Салтыкову мимо меня, именуя сего послѣдняго еще подполковникомъ гвардіи и ведя всю переписку еще старымъ обрядомъ, хотя неоднократно туда уже писано, какъ и о непосылкѣ офицеровъ курьерами. Прошу переписку вести со мною, взойти въ распоряженіе какъ войскъ, такъ и прочихъ дѣлъ того края и смотрѣть бдительно, о происходящемъ какъ за границею, такъ и у себя въ войскѣ. Полагаясь на васъ, есмь вашимъ благосклоннымъ.

Павелъ.

(Сіе все повелѣніе писано собственною его императорскаго величества рукою).

IV.

18 февраля. 1797 г Въ Невель.

Господину генералъ-лейтенанту Елагину.

По полученному мною донесенію отъ Полоцкаго прокурора Любощинскаго, увидѣлъ я, что тамошнія замѣшательсгва произошли отъ мерскихъ разглашеній одного попа, коего намѣреніе клонилось не признавать меня тѣмъ, что я есть. Рекомендую вамъ онаго попа непремѣнно достать, а впрочемъ поступать, имѣя въ виду совершенное успокоеніе того края, и не теряя времени. Пребываю вамъ благосклонный. Павелъ.

V.

26 февраля 1797 г Въ Ригу

Господинъ генералъ-лейтенантъ Паленъ.

Съ удивленіемъ освѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ вами оказанныхъ въ проѣздъ князя Зубова чрезъ Ригу, изъ сего и дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коему и поведѣніе мое противъ васъ соразмѣрно будетъ. Сіе письмо можете показать генералъ лейтенанту Бенкендорфу. Павелъ.

VI.

26 февраля 1797 г. Въ Ригу.

Господинъ генералъ лейтенантъ Бенкендорфъ.

Извѣстясь обо всемъ произшедшемъ въ Ригѣ въ проѣздъ князя Зубова, удивляюсь какъ вы могли допустить все сіе сдѣлать и видя изъ сего слабость исправленія должности вашей, дѣлаю вамъ за сіе выговоръ. Павелъ.

VII.

9 марта 1797 г.

Господинъ генералъ маіоръ князь Мещерскій.

Далъ я позволеніе по пребыванію здѣсь генералъ-лейтенанта Водковскаго женѣ его здѣсь жить съ дѣтьми; по сему случаю извольте, Федоръ Федоровичъ, къ ней съѣздить и предупредить ее, что если будетъ отъ нея малѣйшая сплетня, неустройство, или будетъ принимать чужестранныхъ, или претензія допущенною быть во дворецъ въ мое общество, то туже минуту вышлю не только отсюда, но и изъ столицы. Вамъ благосклонный. Павелъ.

Мужу я позволилъ на нѣсколько часовъ иногда ѣздить въ Петербургъ по дѣламъ, но соблюдайте, чтобы отнюдь не ночевалъ.

(Сіе все повелѣніе писано собственною его императорскаго величества рукою).

VIII.

12 апрѣля 1797 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ.

Узнавъ черезъ присланный отъ васъ рапортъ къ генералъ фельдмаршалу графу Салтыкову, что въ Хотинѣ и Молдавіи оказалась опять моровая язва, удивляюсь очень, что вы о семъ не меня перваго извѣстили и поступили противъ предписанія должности на васъ возложенной. Замѣчая изъ сего наклонность къ обороту порядка вещей напрежая (на прежнія) постановленія, объявляю вамъ, что въ случаѣ вторичнаго впаденія въ подобную погрѣшность, вы смѣнены быть имѣете яко человѣкъ, несоотвѣтствующій воли моей и исполненія по повелѣніямъ вамъ даннымъ. Павелъ.

IX.

1 мая 1797 г.

Господинъ генералъ лейтенантъ Водковскій.

Изъ полученнаго отъ васъ донесенія о случившемся у васъ въ домѣ убійствѣ вижу я, что вы не наблюдаете приказанія, даннаго вамъ, что отнюдь никому въ Павловскомъ не стрѣлять. За сіе нерадѣніе и оплошность по должности дѣлается вамъ выговоръ, о чемъ вы у себя при паролѣ объявить имѣете. Павелъ.

X.

5 августа 1797 г.

Г. генералъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ.

Извѣстите отъ себя гражданскихъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ куда вы отправили полковника Бордова и капитана Капустинскаго, чтобы за сношеніями оныхъ имѣлъ смотрѣніе. Маіоры: Антингъ, Грессеръ и ротмистръ Четвертинскій изъ службы исключаются. Вслѣдствіе приложеннаго при семъ рапорта пошлите арестовать и привести въ Кіевъ генералъ-маіора Маркова, гдѣ судить его военнымъ судомъ. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

XI.

5 августа 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ графъ Буксгевденъ.

За находящимся въ С. Петербургѣ исключеннымъ изъ службы маіорѣ Антингѣ имѣть всегдашнее наблюденіе. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ.

XII.

5 августа 1797 г.

Господинъ статскій дѣйствительный совѣтникъ Митусовъ.

Имѣйте смотрѣніе, чтобы исключенные изъ службы маіоры: Антингъ и Грессеръ и ротмистръ Четвертинскій и подобные имъ свиты Суворова не имѣли никакого сношенія и свиданія съ живущимъ въ новгородской губерніи, бывшимъ фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

(Подчеркнутыя слова писаны собственною его императорскаго величества рукою).

XIII.

7 января 1798 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ.

Исключеннаго изъ службы войска донскаго полковника Грекова за приставомъ отправить въ Шлюссельбургъ и отдать тамъ коменданту: болѣзнь, непрепятствующая г. Грекову пьянствовать, не помѣшаетъ ему ѣхать на покой для пришествія въ трезвое состояніе. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

XIV.

25 февраля 1798 г.

Господинъ генералъ-маiоръ Ховенъ.

Присланный за подписанiемъ вашимъ полковой рапортъ не по формѣ написанный раздѣленiемъ полка на эскадроны, а не на роты, разодранный къ вамъ возвращаю. Удивляясь что вы со времени пожалованiя васъ въ генералъ-маiорскiй чинъ до сихъ поръ не научились писать рапортовъ, кое невѣденiе по службѣ и приписываю долговременному пребыванiю вашему при особѣ князя Потемкина.

Павелъ.

XV.

16 января 1799 г.

Господинъ генералъ отъ инфантерiи Розенбергъ.

За сдѣланные безпорядки въ корпусѣ вашемъ, по жалобѣ Вѣнскаго двора, я исключилъ изъ службы генералъ лейтенанта Львова, коего съ полученiя сего немедленно отправьте въ С. Петербургскую крѣпость.

Павелъ.

XVI.

6 мая 1799 г.

Господинъ генералъ маiоръ Плуталовъ.

Содержащагося въ Шлюссельбургской крѣпости порутчика Дибича. повелѣваю вамъ съ посланнымъ при семъ фельдъегеремъ отправить въ Тверь къ тамошнему коменданту генералъ маiору Мариловскому 2-му, въ полкъ котораго онъ опредѣленъ. Павелъ.

XVII.

11 iюля 1799 г.

Господинъ генералъ-маiоръ Шилингъ.

Присланнаго къ вамъ отъ генералъ-лейтенанта Ланжерона, выключеннаго изъ службы генералъ-лейтенанта Тормасова, повелѣваю вамъ посадить въ вѣренную вамъ крѣпость. въ коей и содержать на впредь до моего повелѣнiя. Павелъ.

XVIII.

17 іюля 1799 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Бенкендорфъ.

Увѣдомленъ я, что въ противность воли моей носятъ въ Ригѣ круглые шляпы, то удивляюсь таковому послабленію должности вашей; надѣюсь, что сіе случается въ послѣдній разъ, а въ противномъ случаѣ вы мнѣ за оное отвѣчать будете. Павелъ.

XIX.

20 марта 1800 г.

Господинъ генералиссимусъ князь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій.

Дошло до свѣдѣнія моего, что во время командованія вами войсками моими зъ границею, имѣли вы при себѣ генерала, коего называли дежурнымъ вопреки всѣхъ моихъ установленій и высочайшаго устава, то удивляяся оному, повелѣваю вамъ увѣдомить меня что васъ побудило сіе сдѣлать. Павелъ.

XX.

23 марта 1800 г.

Господинъ генералъ-маіоръ Хитровъ.

Съ сожалѣніемъ усмотрѣлъ я изъ присланныхъ людей ввѣреннаго вамъ полка на укомплектованіе гвардіи, что въ полку вашемъ даете вы людямъ позитуру, приличную болѣе для кулачнаго боя, нежели для службы и совсѣмъ не сходственною съ данными постановленіями о выправкѣ людей въ изданномъ мною уставѣ, исполненія котораго требую я отъ всей своей арміи, то за сіе и дѣлаю вамъ выговоръ.

Павелъ.

XXI.

1800 г. марта 23 дня.

Выписка изъ высочайшаго приказа.

Его императорское величество усматривая по присылаемымъ въ гвардію изъ полковъ людямъ, что во многихъ полкахъ оные имѣютъ позитуру болѣе сходную для кулачнаго боя, нежели приличную для солдата, что и сегодня было особенно замѣчено съ людьми изъ полку генералъ-маіора Хитрово, которые были такъ задерганы, что отъ нихъ добиться слова нельзя было, что и дается къ примѣчанію всей арміи.

Сообщилъ въ 1876 г. К. А. Висковатовъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

I.

ПИСЬМА ЕГО КЪ А. А. БЕСТУЖЕВУ И К. Ѳ. РЫЛѢЕВУ.

1822—1825.

(Сообщилъ П. А. Ефремовъ)

Въ дополненіе къ послѣднему изданію сочиненій Пушкина покойный Исаковъ предполагалъ напечатать еще одинъ томъ, который бы заключалъ въ себѣ письма поэта, разбросанныя нынѣ по разнымъ періодическимъ изданіямъ и сборникамъ, частію недавнимъ и общеизвѣстнымъ, частію же довольно стариннымъ и почти не находимымъ въ продажѣ, какъ напр. «Русская Правда», изданная въ Кіевѣ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Изданіе этого тома остановилось за смертью г. Исакова, но надо полагать составитъ часть будущаго новаго собранія сочиненій нашего великаго поэта.

Между письмами этого тома, приготовлявщагося мною къ печати, одно изъ первыхъ мѣстъ по своему значенію занимаютъ немногія уцѣлѣвшія изъ обширной переписки поэта съ А. А. Бестужевымъ и К. Ѳ. Рылѣевымъ, начавшейся съ 1822 года и продолжавшейся вплоть до несчастнаго событія 14 декабря 1825 года. Изъ писемъ къ Бестужеву сохранилось только девять, а къ Рылѣеву только два; не уцѣлѣли также и «замѣчанія» поэта на поэму Рылѣева «Войнаровскій», которыми повидимому онъ очень дорожилъ, потому что упоминаетъ о нихъ въ своихъ письмахъ къ брату, къ кн. Вяземскому и Бестужеву.

До сихъ поръ, однако, и этотъ уцѣлѣвшій десятокъ писемъ не появлялся въ нашей печати въ своемъ полномъ составѣ. Незначи-

тельные отрывки, съ пропусками, цензурными измѣненіями, сокращеніями и неправильно установленной хронологіей самыхъ писемъ, появились только въ статьяхъ В. П. Гаевскаго о «Дельвигѣ» и въ «Матеріалахъ» П. В. Анненкова, да два письма, составленныя изъ трехъ, были напечатаны въ смѣси журнала «Русское Слово». Поэтому мы надѣемся, что читатели «Русской Старины» не посѣтуютъ на насъ за воспроизведеніе этихъ писемъ во всей ихъ полнотѣ и возможной вѣрности, говоримъ возможной, потому что подлинники, сколько намъ извѣстно, нынѣ уже утратились и текстъ писемъ мы печатаемъ по тремъ спискамъ: А. Н. Аѳанасьева, В. И. Касаткина и Г. Н. Геннади.

П. А. Ефремовъ.

I.

(Изъ Кишинева. 21 іюня 1822).

Милостивый государь Александръ Александровичъ! Давно собирался я напомнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю по неволѣ, и благодарю васъ, какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни, и желаю, чтобъ онѣ вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется, голубушка еще поумнѣла; не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одного честолюбія; отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Предвижу препятствія къ напечатанію стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень.....; повидимому, ее настращали моимъ именемъ. Не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напр. услужливаго Плетнева, или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ). Повторяю вамъ, она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева; онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи; обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи. Пушкинъ.

21-го іюня 1822. Кишиневъ.

II.

(Изъ Кишинева. 13 іюня 1823).

Милый Бестужевъ. Позволь мнѣ первому перешагнуть чрезъ приличія и сердечно благодарить тебя за Полярную Звѣзду, за твои письма, за статью о литературѣ, за Ольгу, и особенно за Вечеръ на бивакѣ! Все это ознаменовано твоею печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. О «Взглядѣ» [1]) можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова [2]) и обижать Майкова? «Елисей» истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи:

Когда для пироговъ она у ней топилась;
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а герой, который упалъ въ песокъ:

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказываютъ всѣ, кто ходитъ въ тотъ кабакъ,
Что видѣнъ и поднесь въ пескѣ сей самый знакъ. [3])

Все это уморительно. Тебѣ, кажется, болѣе нравится Благо-....ніе, однако жъ Елисей кажется смѣшнѣе, слѣдственно полезнѣе для здоровья. Въ разсужденіи 1824 года — постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни. Но нельзя ли вновь осадить цензуру, и со втораго приступа овладѣть моей анѳологіей? Разбойниковъ я сжегъ—и подѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевскаго. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ «Полярной Звѣзды», то

---

[1]) «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи» въ Пол. Зв. на 1823. Тамъ же напечатаны его Романъ и Ольга и Вечеръ на бивакѣ.

[2]) Осиповъ — авторъ шуточныхъ переложеній Энеиды и Овидіевыхъ Превращеній. Объ упоминаемой ниже поэмѣ В. И. Майкова: «Елисей или раздраженный Вакхъ» Пушкинъ вспоминалъ и въ очеркахъ VIII главы Онѣгина: „читалъ охотно Елисея“.

[3]) См. въ изданіи сочиненій В. Майкова (Спб. 1867) стр. 333, 336 и 354.

напечатай его. [1]) Впрочемъ чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ.—Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются: онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать временъ слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви.—Дельвигъ мнѣ съ годъ ужъ ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня; онъ васъ, т. е. тебя обниметъ за меня. Прощай, до свиданья.— А. П.

13 Іюня.

III.

(Изъ Одессы, 12 января 1824).

Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! а какой же смыслъ имѣетъ: «Какъ ясной влагою полубогиня грудь вздымала» или «съ болѣзнью и тоской твои глаза» и проч. [2]) Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности! Это простительно Воейкову, но et tu autem Brute?

Гнѣдичъ шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ и объ немъ нѣтъ ни слуху ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ.

---

[1]) Отрывокъ былъ напечатанъ только впослѣдствіи въ „Пол. Зв." 1825.

[2]) Элегія „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда" была напечатана въ „Пол. Зв." на 1824 г. съ тремя послѣдними стихами, исключавшимися потомъ во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина. Въ двухъ другихъ стихотвореніяхъ, тогда же напечатанныхъ, поэтъ указываетъ опечатки: вмѣсто „надъ ясной влагою" и „съ боязнью и тоской".

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя, sans rancune, и съ благодарностію за все остальное—прозу и стихи. Ты—все ты, т. е. милъ, живъ, уменъ; Баратынскій прелесть и чудо. Признаніе—совершенство! [1]) Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе. Рылѣева Войнаровскій [2]) несравненно лучше всѣхъ его Думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ—молодецъ. Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобой стихами, но сдѣлай милость..... пощади! Прощай, мой милый Walter. Туманскаго вчера и сегодня я не видалъ, и письма твоего не отдалъ. Онъ славный малый, но какъ поэта я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости.— А. Пушкинъ.

1824, янв. 12. Одесса

(Адресъ. Его высокобл. Ник. Ив. Гречу, въ Спбгѣ, въ газетной экспедиціи, прошу доставить г. Бестужеву).

IV.

(Изъ Одессы. 8 февраля 1824).

Ты не получилъ, видно, письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти [3]) въ Полярной Звѣздѣ скажу, что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ, et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малый и много обѣщаетъ; но зачѣмъ пишетъ онъ: для снисходительнаго, вниманія, милостивый государь N.N. и ожидаетъ ободрительной улыбки прекраснаго пола, для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, не нужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностью. Булгаринъ говоритъ, что Николай Бестужевъ отличается новостію мыслей; можно бы съ бóльшимъ уваженіемъ употреблять слово мысли

Арабская сказка — прелесть [4]). Совѣтую тебѣ, дружокъ, заворотъ этого Сенковскаго. Между поэтами не вижу Гнѣдича — это досадно; нѣтъ и Языкова — и его жаль. Похабный мадригалъ А. Родзянки

---

[1]) Въ Пол. Зв. на 1824 г. напечатаны стих. Баратынскаго: Истина, Аглая, Римъ. Признаніе и Къ*** (Лутковскому).

[2]) Отрывокъ былъ напечатанъ въ той же книжкѣ Пол. Звѣзды.

[3]) «Замокъ Нейгаузенъ» въ Полярной Звѣздѣ на 1824.

[4]) Витязь буланаго коня О. И. Сенковскаго.

можно бы оставить покойному Нахимову: «Вчера люблю и мыслю» помѣстятъ современемъ въ грамматику для примѣра безсмыслицы [1]). Плетнева Родина хороша, Баратынскій — чудо; мои пьесы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь, что мой Фонтанъ [2]) шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

> Aux douces loix des vers, je pliais mes accents
> De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны.

Третій пунктъ, и самый нужный, съ эпиграфомъ: безъ церемоніи. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва-ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ цензурой. Даромъ у тебя брать не стану; къ тому же я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе, нежели тебѣ. — Объ моей поэмѣ нечего и думать. [3]) Если когда нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ.

Прощай, поклонъ Рылѣеву, обними Дельвига, брата и братью.

8-го февраля 1824 г.

(Адресъ. Его высокобл. м. г. Ник. Ивановичу Гречу въ Спбгѣ. Въ газетной экспедиціи. Прошу доставить господину Бестужеву).

V.

(Изъ Одессы. 29-го іюня 1824 г.).

Милый Бестужевъ, ты ошибся, думая что я сердитъ на тебя — лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на твое послѣднее письмо (другаго я не получалъ). Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти; я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой. Но пріятно-ли вывѣшивать на показъ ...... свои ......? Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней «Звѣздѣ», напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи.—Чортъ дернулъ меня написать еще не кстати о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки, и при-

[1]) Мадригалъ Родзянки: Къ милой, оканчивается стихами: Вчера, сегодня, безпрестанно люблю и мыслю о тебѣ.

[2]) „Бахчисарайскій Фонтанъ" напечатанъ въ 1824 г. Тогда онъ еще не выходилъ и здѣсь говорится о слухахъ, предшествовавшихъ его появленію.

[3]) Говорится объ «Евгеніи Онѣгинѣ».

поминать тутъ же элегическую мою красавицу. — Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными! [1]) Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что-жъ она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней съ «однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей»? Обязана-ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики..... Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ «Вѣстникѣ Европы» (единственный журналъ, на котораго не имѣю права жаловаться), что Булгаринъ не былъ въ правѣ пользоваться перепиской двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, перекрестясь, предалъ все это забвенію. Отзвонилъ и съ колокольни долой. Мнѣ грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто-жъ будетъ писать? М. Дмитріевъ, да А. Писаревъ? Хороши! Если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гёте, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобъ ихъ стравить, поддразнить, или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же замѣчательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но больше не буду [2]).

Онѣгинъ мой ростетъ, да чортъ его напечатаетъ. — Я думалъ, что цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ, но вижу, что и при старомъ по старому. Если согласіе мое не шутя тебѣ нужно для напечатанія Разбойниковъ», то я никакъ его не дамъ, если не пропустятъ грезъ и харчевни (скоты! скоты! скоты!), а п...а—къ чорту его.

Кончу дружеской коммисіей—постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости. Напомни этому милому безпамятному эгоисту, что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ. — Оный Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1,000 р. асс. Нынѣ за ту же цѣну хочетъ у него ихъ купить.—Согласится

---

[1]) Въ Литературныхъ Листкахъ на 1824 г (февраль, № 4-й) Булгаринъ напечаталъ изъ предыдущаго письма, что авторъ Б. Фонтана писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургѣ: „Недостатокъ плана..... а печатаю потому что“ и проч.

[2]) Говорится о замѣткѣ Пушкина въ „Сынѣ Отечества“ 1824 г. по поводу полемики изъ-за предисловія кн. Вяземскаго къ изданію „Бахчисарайскаго Фонтана“.

ли Аристипъ Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу, mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1,000 roubles. Покажи ему мое письмо. — Мужайся, дай отвѣтъ скорѣй, какъ говоритъ Богъ Іова или Ломоносова.

29-го іюня 1 24 г. Одесса.

VI.

КЪ РЫЛѢЕВУ.

(Изъ Михайловскаго. 25-го января 1825).

Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывки изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы они тебѣ понравились. Жду «Полярной Звѣзды» съ нетерпѣніемъ; знаешь для чего? для Войнаровскаго [1]). Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужевъ пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ. Скажи ему, что онъ не правъ. Ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраса, и Pucelle, и Веръ-Вера, и Рейнеке-Фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Ляфонтена, и басни Крылова, и проч. и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи. Но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ въ мнѣніи о критической статьѣ Плетнева, но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности, къ тому же переводный слогъ его останется навсегда образцовымъ. Охъ! ужъ эта мнѣ республика словесности! За что корить? За что вѣнчать? Что касается до Батюшкова, уважимъ въ немъ несчастіе и несозрѣвшія надежды: прощай, поэтъ [2]).

25-го января.

---

[1]) Въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г. новыхъ отрывковъ Войнаровскаго, однако, напечатано не было; а явился онъ въ началѣ того-же года въ отдѣльномъ изданіи, вполнѣ.

[2]) Восемь писемъ Рылѣева къ Пушкину напечатаны нами въ изданіи сочиненій перваго (Спб. 1874 г., стр. 203—214). Г. Анненковъ, напечатавшій отрывки изъ настоящаго письма, неправильно отнесъ его къ 1824 году.

VII.

(Изъ Михайловскаго, послѣ 25-го января 1825).

Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова. Я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма была извѣстна прежде времени; теперь нечего дѣлать, принужденъ ее напечатать, пока не растаскали ее по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ [1]). Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ. — Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его — характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то б...., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина — но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно-комическаго генія.—Теперь вопросъ: въ комедіи «Горе отъ ума», кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? — Это непростительно. — Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину — прелестна — и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна

[1]) „Горе отъ ума“ привезъ и прочиталъ Пушкину Ив. Ив. Пущинъ 11-го января 1825 г.

была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ — его воля.

О стихахъ я не говорю—половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову, можетъ быть я въ иномъ ошибся.—Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. —По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ, кажется, Олегъ не нравится – напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ — есть черта трогательнаго простодушія, да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.

Листъ кругомъ; на сей разъ довольно. Я не получилъ Литературныхъ Листковъ Булгарина тотъ №, гдѣ твоя критика на Боуринга. Вели прислать [1]).

VIII.

(Изъ Михайловскаго. 21-го марта 1825).

Отвѣчаю на первый параграфъ твоего **Взгляда** [2]). «**У римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку геніевъ**». Грѣхъ отнять это титло у такихъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Люкрецій, хоть они, кромѣ двухъ послѣднихъ (виноватъ! Горацій не подражатель), шли столбовой дорогой подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту; сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддисона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moor и Byron. Изъ этого мудрено вывести какое нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной французской литературѣ.

„**У насъ есть критика и нѣтъ литературы**“, гдѣ же ты, это нашелъ? Именно критики у насъ недостаетъ. Отселѣ репутація

---

[1]) Что письмо это написано вскорѣ послѣ предыдущаго письма къ Рылѣеву, а не 24 марта 1824. какъ указываетъ г. Анненковъ, подтверждается увѣдомленіемъ Рылѣева и отвѣтомъ Бестужева отъ 12 **февраля** 1825 г [Соч. Рылѣева 1874, стр. 206]

[2] „Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и въ началѣ 1825 годовъ“ въ Пол. Звѣздѣ на 1825 г. Статья была прислана Пушкину еще до выхода альманаха въ свѣтъ, а самый альманахъ посланъ изъ Петербурга 25 марта.

Ломоносова (уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта; онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова —Кумиръ Державина, $^1/_4$ золотой $^3/_4$ свинцовый, донынѣ еще не оцѣненъ. «Ода къ Фелицѣ» стоитъ на ряду съ «Вельможей», «Ода Богъ»—съ «Одой на смерть Мещерскаго», «Ода къ Зубову» недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ также. Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ что такое Крыловъ—Крыловъ, который столь же выше Ляфонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо.—Что же ты называешь критикой? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? Свои статьи?.... Но признайся, что все это не можетъ установить мнѣнія въ публикѣ (у одного только народа критика предшествовала литературѣ—у германцевъ), не можетъ почесться уложеніемъ вкуса.– Каченовскій тупъ и скученъ, Гречъ и ты остры и забавны—вотъ и все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика? Нѣтъ, фразу твою можешь сказать на оборотъ: литература кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ. Впрочемъ, ты и самъ не много позже съ этимъ согласишься.

«Отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ?» Во первыхъ, у насъ Державинъ и Крыловъ; во вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ?

«Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу». Отчего же нѣть? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины - вѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не хуже другаго. Карамзинъ кажется ободренъ, Жуковскій не можетъ жаловаться, Крыловъ также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго—и не говорю: слава Богу!

«Ободреніе можетъ оперить только обыкновенные таланты». Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ, но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства, Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елизаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своихъ заступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика..... Державину покровительствовали три царя.—Ты не то сказалъ, что хотѣлъ; я буду за тебя говорить.—

Во первыхъ, пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину.—Рылѣеву не пишу, жду сперва Войнаровскаго. Скажи ему, что въ отношеніи мнѣнія Байрона онъ правъ; я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowley и Byron въ моемъ спорѣ заврались. У меня есть на то очень, очень дѣльное опроверженіе.—Хочешь пришлю? Переписывать скучно.

Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его «Думахъ» я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай, да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія.—Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все таки ты не правъ; все таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки, все таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Донъ Жуаномъ. Никто болѣе меня не уважаетъ Донъ Жуана [первыя 5 пѣсней — другихъ не читалъ], но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона, сравниваешь ее съ моею и требуешь отъ меня таковой же.—Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помину нѣтъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. У меня бы затрещала набережная, если бъ коснулся я сатиры.—Самое слово сатирическій не должно бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсень. Ахъ! если бъ заманить тебя въ Михайловское!.... Ты увидишь, что если уже и сравнивать Онѣгина съ Донъ Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse) Татьяна или Юлія? 1-я пѣснь просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается). Симъ заключаю полемику нашу.... Жду Полярной Звѣзды. Давай ее сюда.

Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ литературныхъ мнѣніяхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы, кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію.—Безкорыстное признаніе въ этомъ требуетъ душевной силы.—Впрочемъ, этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей. Да возьмись за романъ.—Что тебя держитъ? Вообрази: у насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ слова; въ Европѣ также получишь свою цѣну: во первыхъ, какъ истинный талантъ; во вторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ, etc. Подумай, братъ, объ этомъ на досугѣ.... но тебѣ хочется въ ротмистры!....

21 Марта. Михайловское.

IX.

КЪ РЫЛѢЕВУ.

(Изъ Михайловскаго. Въ концѣ апрѣля 1825).

Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать: знаки восхищенія, прекрасно, и пр. Полагая, что хорошее писано съ умыслу, не счелъ за нужное отмѣчать для тебя. Что сказать тебѣ о Думахъ? [1]) Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы Петра въ Острогожскѣ чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго, русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина — первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ).

Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ герба Россіи. Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ языческаго Олега. Новѣйшій, двуглавый Орелъ, есть гербъ византійскій, и принятъ у насъ во время Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ «тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды»

Объ Исповѣди Наливайко скажу, что мудрено что нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ, но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать.— Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть? Прощай, поэтъ, когда-то свидимся?

X.

(Изъ Михайловскаго. Въ концѣ апрѣля 1825).

Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія.—Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести, а какъ онъ льстилъ?

---

[1]) „Войнаровскій“ и отдѣльное изданіе „Думъ“ вышли одновременно. „Исповѣдь Наливайко“ помѣщена въ Пол. Звѣздѣ на 1825 г.

„О, вспомни! какъ въ томъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ.
Смотри. я рекъ, тріумфъ—минуту.
А добродѣтель вѣкъ живетъ".

Прочти посланіе къ Александру (Жуковскаго 1815 г.). Вотъ какъ русскій поэтъ говоритъ русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ.....

О нашей лирѣ можно зказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ: Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются; они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными— вотъ чего п....ъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!....

Все, что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междоусобныхъ (прелесть!) подражаніяхъ - прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ, вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ Онѣгинѣ ты не высказалъ всего, что имѣлъ на сердцѣ; чувствую почему—и благодарю; но зачѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покамѣстъ мы будемъ руководствоваться личными нашими отноніями, критики у насъ не будетъ, а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ [1]) напоминаетъ турниръ W. Scott'a. Брось нѣмцевъ и обратись къ намъ православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, это хорошо для поэмы романтической. Романъ требуетъ болтовни; высказывай все начисто.— Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драмы, смотритъ на солнцѣ въ полночь (стр. 330) etc. Но описаніе стана литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ—прелесть; конецъ также. Впрочемъ вездѣ твоя необыкновенная живость...

Рылѣевъ покажетъ тебѣ, конечно, мои замѣчанія на Войнаровскаго, а ты пришли мнѣ свои возраженія. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 г. жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому же, какъ не ему, обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

---

[1]) „Ревельскій турниръ" въ Пол. Звѣздѣ на 1825 г.

XI.

(Изъ Михайловскаго. 30 ноября 1825).

Я очень обрадовался письму твоему, мой милый, я думалъ уже, что ты на меня дуешься. Радуюсь и твоимъ занятіямъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій, таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты, да кажется Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ—учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить. Ты ѣдешь въ Москву, поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ; онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было бы чудно-хорошо. Ты пеняешь мнѣ за то, что я не печатаюсь; надоѣла мнѣ печать опечатками, критиками, запрещеніями, etc. Однако поэмы мои скоро выйдутъ [1]). И онѣ мнѣ надоѣли. Русланъ—молокососъ, Плѣнникъ—зеленъ, и предъ поэзіей кавказской природы поэма моя—Голиковская проза. Кстати, кто писалъ о горцахъ «Пчелѣ»? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ-ли, герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева, etc. Въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ—поэма моя была бы еще лучше.—Важная вещь! я написалъ трагедію [2]) и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Лямартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ — все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ. Что такое его «Духи»? [3]) До сихъ поръ я ихъ не читалъ.—Жду твоей новой повѣсти, да возьмись-ка за цѣлый романъ, и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на Коцебятину. Кланяюсь планщику Рылѣеву [4]), какъ говаривалъ покойникъ Пла-

---

[1]) Изданіе поэмъ тогда не состоялось. Плетневъ предлагалъ это Пушкину въ августѣ 1825 г. (Вѣстн. Евр. 18·1, № 3, стр. 8), но затѣмъ дѣло остановилось только на изданіи мелкихъ стихотвореній.

[2]) Борисъ Годуновъ.

[3]) „Шекспировы Духи", драма въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, напечатана въ 1825 г. въ Спб.

[4]) Намёкъ на то, что Рылѣевъ имѣлъ обыкновеніе предварительно набрасывать планъ или конспектъ для своихъ „думъ".

товъ, но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ.

Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

30 ноября.

(Штемпель: „Опочка 3-е декабря". Адресъ: „Его высокобл. Кондратью Ѳедоровичу Рылѣеву, въ Спбгѣ, у Синяго моста, въ домѣ Американской Компаніи. Прошу доставить г. Бестужеву").

XII [1]).

Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ и что — слава Богу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего-жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы. Въ теченіе шести лѣтъ, посмотри — сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили подѣломъ и понапрасну, а далѣе... ни гугу! Почему это? Ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста — нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся — никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5-ти рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ Ты сердишься за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего—такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего—такъ служи, да не сочиняй. Милый мой — ты поэтъ и я поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

---

[1]) Приводимъ кстати и этотъ черновой набросокъ, имѣющій отношеніе къ помѣщенной перепискѣ (ср. 10-е письмо), отысканный г. Анненковымъ въ бумагахъ поэта (Пушкинъ, стр. 249—250).

II.

Оффиціальное объявленіе А. С. Пушкину рѣшенія по дѣлу объ элегіи: „Андрей Шенье".

1827—1831.

(Сообщилъ П. А. Ефремовъ).

Прочитавъ въ «Русской Старинѣ», 1882 г. № 1, производившееся въ Казани дѣло объ установленіи полицейскаго надзора надъ пріѣзжавшимъ туда Пушкинымъ, я припомнилъ другое подобное же дѣлопроизводство, нѣсколько лѣтъ тому назадъ предупредительно сообщенное мнѣ П. Я. Дашковымъ, у котораго нынѣ хранится оно въ подлинникѣ.

Читателямъ «Русской Старины» извѣстно уже изъ статьи, помѣщенной въ этомъ изданіи (1874 г., т. XI, стр. 584—8), что надпись какого-то переписчика въ 1827 г. на стихотвореніи «Андрей Шенье» будто оно относится къ 14 декабря 1825 г., дала поводъ къ дѣлу, восходившему до государственнаго совѣта. Извѣстно и рѣшеніе, по которому Пушкинъ за силою манифеста 22 августа 1826 г. освобожденъ отъ суда и слѣдствія, но было положено обязать его подпискою, чтобы ничего впредь не выпускалъ въ публику безъ пропуска цензурою (при этомъ, независимо отъ оффиціальнаго приговора опредѣлено было, за неумѣстные отзывы по дѣлу 14 декабря, учредить за нимъ полицейскій надзоръ).

Кажется этимъ бы дѣло и должно было тогда же кончиться, но оказалось совсѣмъ иное. Рѣшеніе, за разъѣздами Пушкина, долго оставалось ему не объявленнымъ и ходило за нимъ по разнымъ губерніямъ, такъ что наконецъ достигло до него только, такъ сказать, наканунѣ свадьбы: онъ женился 1 февраля 1831 г., и только дня за два, за три московской полиціи удалось сообщить поэту «пріятную» для него и вѣроятно уже давно извѣстную ему новость.

Вотъ эта переписка, съ сохраненіемъ орѳографіи:

I. Печатный листъ.

Съ помѣтою сверху: „23-го ноября 1828".

Изъ Новгородскаго Губернскаго Правленія въ С.-Петербургское таковое-жъ, № 54498.

Новгородское Губернское Правленіе по выслушаніи указа Правительствующаго Сената отъ 27-го Августа за № 2298 о кандидатѣ словѣсныхъ наукъ Московскаго Университета состоящемъ въ 10-мъ

классѣ Андреѣ Леопольдовѣ сужденномъ заимеціе у себя возмутительныхъ стиховъ сочиненія Александра Пушкина и учиненіе на нихъ надписи, что они на 14 Декабря 1825 года Опредѣлило: Въ исполненіе указа Правительствующаго Сената учинить слѣдующее: 1) для объявленія опредѣленія Государственнаго Совѣта въ семъ указѣ изложеннаго кандидату Московскаго университета 10-го класса Леопольдову поосвобождении на предь изъ тюремнаго заключенія, Новгородской Полиціи предписать указомъ, въ которую сопроводить для выдачи ему и аттестатъ выданный ему изъ Московскаго Университета и доставленный Новгородскою Уголовною Палатою при сообщеніи съ учиненіемъ на ономъ надписи рѣшенія Государственнаго Совѣта до него относящагося; причемъ велѣть оной Полиціи взыскать съ него Леопольдова должныя имъ жительствующимъ въ С.-Петербургѣ хозяйкѣ квартиры его ревельской урожденки Пихмаль 21 руб. 90 коп. и квартирующему у ней служащему въ Комитетѣ строенія Гидравлическихъ работъ Архитекторскому помошнику Скотти 38 руб. кои повзысканіи и отослать прямо отъ себя для выдачи тѣмъ лицамъ въ С.-Петербургское Губернское Правленіе которому о семъ предварительно сообщить чтобы благоволило приказать кому слѣдуетъ объявить опредѣленіе Сената ревельской урожденки Марьи Пихмаль и живущему у ней Архитекторскому помошнику Скотти а равно и выдать Леопольдова вещи ему или доверяемому отъ него хранящіяся въ С.-Петербургской Полиціи и по исполненіи прямо отъ себя донести Правительствующему Сенату 5 департаменту. 2) О равномерномъ объявленіи сего опредѣленія жительствующей въ Москвѣ Полковницѣ Гурьевой дворовому человѣку Брызгалову и писарю Яковлеву и одонесеніи по исполненіи прямо отъ себя Правительствующему Сенату Московскому Губернскому Правленію сообщить и Канцеляріи Его Императорскаго Величества (sic) Великаго Князя Михаила Павловича Генералъ-Фельдцейместера отнестись; а поелику рѣшеніе сіе должно быть объявлено какъ Чиновнику Александру Пушкину такъ и 14 класса Коноплеву но мѣсто пребыванія Губернскому Правленію не извѣстно да и въ решеніи сего не значится, и для того объявленіи опредѣленія Сената объ нихъ Пушкинѣ и Коноплевѣ отнести на распоряженіе всѣхъ Губернскихъ Правленій и Правительствъ и Войска Донскаго Войсковой Канцеляріи которыми о семъ въ копіи указа сего и сообщить, съ темъ чтобы благоволили поотысканіи означенныхъ лицъ и по объявленіи имъ сего решенія прямо отъ сѣбя донести Сенату. 4) Новгородскому Уѣздному Суду за упущеніе его по сему дѣлу согласно опредѣленію Новгородской Уголовной Палаты утвержденному и Правительствующимъ Сенатомъ учинить чрезъ указъ чувствительный выговоръ съ подтвержденіемъ въ

впредь быть осмотрительнее и отъ опущеній остерегаться съ тѣмъ чтобы онъ все хранящіеся у него вещи отобранные отъ Леопольдова немедленно ему выдалъ съ роспискою и затѣмъ 5) о семъ распоряженіи и Правительствующему Сенату 5 Департаменту донести рапортомъ. Октября 23-го дня 1828 года. Совѣтникъ «П..... Секретарь..... подканцеляристъ Андотскій,

Помѣта: 1-й экспедиціи, 1-й столъ. «Подъ № 233».

II. Копія съ письменнаго отношенія.

На печатномъ бланкѣ: новгородскаго губернскаго правленія. 1 экспедиціи, 1 столъ.—12 августа 1829 г. № 26785.

Въ С.-Петербургское Губернское Правленіе.

Правленіе сіе слушавъ во первыхъ указъ Правительствующаго Сената слѣдующаго содержанія: Правительствующій Сенатъ слушали рапортъ сего Правленія коимъ въ слѣдствіе указа Сената отъ 27 Августа 1828 года о приведѣніи въ исполненіе Высочайше конфирмованнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о Кандидатѣ Словѣсныхъ наукъ Московскаго Университета состоящемъ въ 10 классѣ Андрее Леопольдовѣ сужденномъ за имѣніе у себя возмутительныхъ стиховъ Александра Пушкина и учиненія на нихъ подписи что они на 14 Декабря 1825 года доносяя о учиненномъ по тому указу въ некоторыхъ частяхъ исполненія и распоряженіи по прочимъ предмѣтамъ того указа пишетъ, что о объявленіи рѣшенія Правительствующаго Сената Александру Пушкину по жительству его въ Псковской Губерніи троекратно сообщено тамошнему Губернскому Правленію и въ заключеніе испрашиваетъ содѣйствія со стороны Правительствующаго Сената къ поспешнейшему исполненію Псковскимъ Губернскимъ Правленіемъ требованій сего Правленія опредѣлилъ Псковскому Губернскому Правленію предписать дабы требованіе сего Правленія о объявленіи Александру Пушкину Высочайше конфирмованнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта выполнено было немедленно и по исполненіи донеслобъ Правительствующему Сенату съ первоотходящею почтою; и во вторыхъ сообщеніе Псковскаго Губернскаго Правленія коимъ на сообщеніе сего Правленія съ приложеніемъ копіи съ указа Правительствующаго Сената по дѣлу о кандидатѣ словесныхъ наукъ Московскаго университета состоящемъ въ 10 классѣ Андрее Леопольдовѣ сужденномъ за имѣніе у себя возмутительныхъ стиховъ Александра Пушкина и учиненіе на нихъ надписи что они на 14 Декабря 1825 года, требовало отыскавъ чиновниковъ Александра Пушкина и 14 класса Коноплева объявить имъ оной указъ и по исполненіи довести Правительствующему Сенату, сообщаетъ что оное Правленіе объ отысканіи Гг. Пушкина и Коноплева и объявленіи имъ

указа Правительствующаго Сената предписывало всемъ Псковской губерніи Градскимъ и Земскимъ Полиціямъ отъ которыхъ получены донесенія что Пушкина и Коноплева въ вѣдомствахъ ихъ неоказалось, опочецкій же Земскій Судъ донеся, что хотя въ вѣдомствѣ его находится имѣніе Пушкина но самъ Господинъ Пушкинъ пребыванія въ немъ неимѣетъ, почему какъ изъ донесенія Опочецкаго Земскаго Суда видно, что Господинъ Пушкинъ находится въ С.-Петербургѣ то въ избежаніе излишнихъ переписокъ отнеслось въ С.-Петорбургское Губернское Правленіе съ препровожденіемъ копіи съ указа Правительствующаго Сената съ требованіемъ чтобы благоволило по объявленіи онаго Господину Пушкину съ подпискою донести Правительствующему Сенату, которому о томъ отрапортовано и учиненную справку опредѣлило: какъ изъ справки видно, что Правленіе сіе о объявленіи рѣшенія Правительствующаго Сената по изъясненному дѣлу Александру Пушкину по жительству его въ Псковской Губерніи троекратно сообщено Псковскому Губернскому Правленію мѣжду тѣмъ изъ полученнаго нынѣ сообщенія того правленія видно, что тотъ Пушкинъ жительство имѣетъ въ С.-Петербургѣ, а по сему оному С.-Петербургскому Губернскому Правленію сообщивъ о семъ требовать дабы благоволило по объявленіи прямо отъ себя донести Правительствующему Сенату и Правленіе сіе увѣдомить, о чемъ равно и объ оказавшемся по справкѣ Правительствующему Сенату донести рапортомъ.—Съ подлиннымъ вѣрно: въ должности секретаря Федотовъ. Читалъ столоначальникъ Миловидовъ.

Сбоку карандашемъ:
По донесенію Управы Благочинія
Пушкинъ 9 Марта 1829 г. выѣхалъ
въ Тифлисъ.

III. Подлинное отношеніе

Съ помѣткою сверху: „Пушкина. 13 Ноября.“

На бланкѣ: С.-Петербургскій Оберъ-Полиціймейстеръ. Канцелярія. Столъ 2-й. 11 Ноября 1830. № 16595.

Въ С.-Петербургское Губернское Правленіе.

Въ слѣдствіе отношенія онаго Губернскаго Правленія, за № 20284, имѣю честь увѣдомить, что по предписанію Г. Военнаго Генералъ-Губернатора отъ 5 числа Іюня, какъ Управа Благочинія увѣдомляетъ, предписано было Приставу Московской части учинить розысканіе. не возвратился ли сюда чиновникъ Александръ Пушкинъ, на сіе онъ Приставъ Управѣ донесъ, что Г-нъ Пушкинъ (какъ отецъ его чиновникъ 5 Класса Сергѣй Пушкинъ объявилъ) находится въ Городѣ Москвѣ.

и возвратится ли отъ туда неизвѣстно, о чемъ отъ Управы донесено Губернскому Правленію 22 числа Іюля за № 7628-мъ.—Генералъ-Маіоръ «Кокошкинъ».

(Внизу: „спр. 6038“)
„Гут.“

IV. Подлинное отношеніе.

Съ помѣтой сверху: „№ 1743.—Н.—Пушкина.—24 февраля.“

На бланкѣ: М. В. Д. Московское Губернское Правленіе. — 1-й Экспедиція, 1-го Отдѣленія, 2-го Стола.—№ 9660.—Февраля 17 дня 1831 года.

Въ С.-Петербургское Губернское Правленіе.

Благоволитъ оное Правленіе на сообщеніе свое отъ 27 Генваря сего года за № 2214 быть извѣстно, что указъ Правительствующаго Сената Чиновнику Пушкину объявленъ; о чемъ отъ сего Правленія донесено Правительствующему Сенату и увѣдомлено Новгородское Губернское Правленіе.—Совѣтникъ Новиковъ.- За Секретаря Селецкій.

(Сбоку: „У Гуторовича вѣрно“ Внизу: „спр 518“).
Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Дворянская грамота, выданная Юрію Петровичу Лермантову, отцу поэта.

Лѣтомъ 1881 года отправился я по слѣдамъ поэта Михаила Юрьевича Лермантова, желая отыскать что можно въ мѣстахъ, въ коихъ пребывалъ онъ. Преимущественно останавливался я въ Пензенской губерніи и на Кавказѣ. Въ селѣ Тарханахъ, гдѣ провелъ поэтъ юность и лежитъ теперь прахъ его, удалось мнѣ, благодаря обязательной помощи главнаго управляющаго имѣніями гг. Столыпиныхъ, Петра Николаевича Журавлева, собрать свѣдѣнія о поэтѣ. Между прочимъ удалось отыскать и дипломъ на дворянство, выданный отцу поэта въ 1829 году, вѣроятно для представленія его начальству университета и университетскаго пансіона, гдѣ учился сынъ Юрія Петровича, будущій великій поэтъ нашъ.—Петръ Юрьевичъ былъ помѣщикъ Тульской губерніи Ефремовскаго уѣзда, гдѣ принадлежало ему небольшое имѣньице «Кроптовка». Видны были сомнѣнія относительно правъ его на дворянство, или же бумаги были не въ полномъ порядкѣ, почему и понадобилось исходатайствованіе диплома. Къ сожа-

лѣнію мнѣ до сихъ поръ не удалось получить изъ Тульскаго депутатскаго собранія надлежащихъ свѣдѣній о Лермантовѣ и помѣстьи его Кроптовкѣ.

Печатая текстъ грамоты, я сохранилъ правописаніе. Грамота литографирована на листѣ пергамента. Вокругъ рамка съ гербами уѣздовъ: Тульскаго, Бѣлевскаго, Одоевскаго, Крапивинскаго, Черньскаго, Новосильскаго, Ефремовскаго, Богородицкаго, Епифанскаго, Веневскаго, Каширскаго и Алексинскаго.

Пав. А. Висковатый.

ГРАМАТА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

От губернскаго предводителя дворянства и уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ собраныхъ для составленія дворянской родословной книги данная дворянину капитану Юрію Петровичу Лермантову.

Разсмотрѣвъ, на основаніи Всемилостивѣйше въ 1785 году апрѣля 21-го дня пожалованный, и 1801 года апрѣля 2-го числа Высочайше утвержденной, россійскому дворянству грамматы, предъявленныя отъ него г-на Лермантова о дворянскомъ его достоинствѣ доказательства, признали оныя согласными съ предписанными на то правилами, въ слѣдствіе коихъ, по силѣ восемдесятъ второй статьи объявленной граматы, онъ и родъ внесенъ въ дворянскую родословную Тульской губерніи книгу, въ шестую ея часть; во свидѣтельство чего мы губернскій предводитель и депутаты, во исполненіе Всевысочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, дали ему сію граммату за подписаніемъ нашимъ, утвердивъ оную печатью. Дворянскаго собранія Тульской губерніи марта 10-го дня 1829 года.

Правящій должность губернскаго Тульскій предводитель дворянства Саковнинъ.

Веневскій депутатъ поручикъ Григорій Хрущовъ.
Чернскій депутатъ лейбъ-гвардіи поручикъ Мещериновъ
Бѣлевскій депутатъ артиллеріи поручикъ Евсеевъ (?)
Богородецкій депутатъ корнетъ и кавалеръ Герше .. (?).
(Слѣдуютъ подписи всѣхъ прочихъ уѣздныхъ предводителей до того тѣсно написанныя, что трудно разобрать фамиліи. Все скрѣпилъ. Дворянства секрета ь и кавалеръ Федоровъ.

Съ низу приложена печать.
Съ боку: „№ 940 по исходящей книгѣ“.

ЧЕРТЫ КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ РУССКАГО ОБЩЕСТВА

1820—1826 гг.

Черты эти заимствуемъ изъ перлюстрованныхъ писемъ, представленныхъ высшимъ властямъ московскимъ почтъ-директоромъ Рушковскимъ въ 1820 — 1826 годахъ.

Читателямъ „Русской Старины“ извѣстно обширное собраніе писемъ, также секретно вскрытыхъ московскимъ почтъ-директоромъ Иваномъ Борисовичемъ Пестелемъ и представленныхъ имъ въ 1790—1795 гг. императрицѣ Екатеринѣ II: часть драгоцѣннаго для исторіи того времени собранія этихъ писемъ была помѣщена въ „Русской Старинѣ“ 1874 года, въ томѣ IX, стр. 57, 258 и 465.

Изслѣдованіе о перлюстраціи и о томъ обширномъ примѣненіи, какое она имѣла при Екатеринѣ II—составлено профессоромъ А. Г. Брикнеромъ и также напечатано въ «Русской Старинѣ», изд 1873 г., томъ VII, стр. 75.

Перлюстрація, т. е. секретное вскрытіе и копировка чужихъ писемъ, учрежденіе въ высшей степени печальное, съ точки зрѣнія общественной нравственности, имѣло, какъ оказывается, обширное въ старину примѣненіе. Самыя высокопоставленныя лица не были щадимы и ихъ письма безцеремонно вскрывались. Что въ концѣ концовъ это учрежденіе нисколько не достигало той цѣли, какою старались оправдывать перлюстрацію чиновники, такъ либо иначе ее вѣдавшіе, именно будто бы перлюстрація содѣйствовала къ охранѣ внутренней и внѣшней безопасности государства, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: съ 1817 по 1825 годъ назрѣвалъ обширный политическій заговоръ; тайныя общества множились и развѣтлялись; почтъ-директора вскрывали и переписывали письма, — представляли по начальству и.... власти почти только наканунѣ взрыва узнали о заговорѣ.

Представляемыя выдержки, найденныя въ завѣщанныхъ намъ бумагахъ К. В. Чевкина, которому вѣроятно поступили отъ гр. И. И. Дибича,—какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ не только о странности, но и о совершенной безполезности перлюстраціи, практиковавшейся въ старину не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ другихъ государствахъ. Ред.

I.

Кондратій Рылѣевъ къ Натальѣ Михайловнѣ Рылѣевой въ Подгорное.

С.-Петербургъ, 25-го ноября 1820 года.

„Милый другъ Наташинька! Увѣдомляю, что просьба матушкина получена въ сенатѣ, но какъ полагаютъ, возвращена будетъ съ надписью, ибо таковыхъ въ общемъ собраніи не разсматриваютъ. Такъ говорилъ мнѣ одинъ секретарь сенатской; но я думаю, что это значитъ въ переводѣ: дай! Я писалъ уже объ этомъ къ Алексѣю Михайловичу. Я буду стараться, сколько моей силы станетъ. Оберъ-прокуроръ Мавринъ знакомъ намъ весьма хорошо, но все безъ денегъ ничего нельзя будетъ сдѣлать. Деньги лучшіе стряпчіе, а потому и скажи матушкѣ и Ивану Михайловичу, чтобъ поспѣшили выслать къ январю рублей тысячу. Разумѣется, я употреблю ихъ въ такомъ случаѣ, когда дѣлу можно будетъ дать чрезъ то хорошій оборотъ. Завтра же ѣду къ оберъ-секретарю Ушакову просить, дабы просьба была принята. Изъ прилагаемой записки изъ сената отъ секретаря въ отвѣтъ на мою выправку чрезъ Крестьяна Ивановича увидите, что уже пора подмазывать".

II.

Отвѣтъ секретаря Михаила Спицына къ Крестьяну Ивановичу Нейману.
(Выписка при письмѣ Рылѣева).

„Честь имѣю увѣдомить, что просьба отъ помѣщицы Матрены Тевяшевой получена, но, какъ полагаютъ, возвратится съ надписью, ибо таковыхъ общее собраніе разсматривать не можетъ. Впрочемъ, все можете попросить оберъ-секретаря Ивана Яковлевича Ушакова, который можетъ быть и пособитъ этому дѣлу".

III.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ къ княгинѣ Аннѣ Михайловнѣ Щербатовой въ Москву.

С.-Петербургъ, 2-го января 1821 года.

„Cette fois-ci ma chère Tante, je vois ecris pour vous annoncer positivement que j'ai demandé mon congé. Dans un mois je compte vous écrire pour vous annoncer que je l'ai obtenu. Ma demande a fait une vive sensation sur certaines personnes. D'abord on n'a pas

voulu croire que je le demandais sérieusement, ensuite on a été obligé d'y ajouter foi, mais on ne conçoit pas jusqu'à présent comment j'ai pu m'y résoudre au moment où je devais obtenir ce que j'avais eu l'air de désirer, ce que tout le monde désire tant et ce qui est enfin regardé comme la chose la plus flatteuse que puisse obtenir un jeune homme dans mon grade. Il y a des personnes qui pensent encore que dans mon voyage à Troppau je me suis assuré cette faveur et que je n'ai demandé mon congé que pour l'enchérir. Dans quelques semaines ils seront détrompés. Le fait est que je devais en effet être nommé aide de Camp de l'Empereur après Son retour, du moins d'après le dire de Wassiltchikoff. J'ai trouvé plus amusant de dédaigner cette faveur que de l'obtenir. Je me suis amusé à montrer mon mepris à des gens qui méprisent tout le monde. Vous voyez qu'il n'y a rien là dedans qui ne soit fort simple. Au fond je Vous avoue que je suis ravi de m'être soustrait à leurs bienfaits, car il faut que vous sachiez qu'il n'y a rien au monde de si bêtement arrogant que ce Wassiltchikoff et ce que je viens de faire est un véritable tour que je lui ai joué. Vous savez que je suis trop bien ambitieux pour l'être de la faveur et de la ridicule considération qu'elle rapporte. Si j'ai jamais désiré quelque chose de semblable, ce n'etait que comme l'on désire un joli meuble ou un equipage élégant, en un mot comme un jouet, hé bien, joujou pour joujou. J'aime encore mieux celui de voir le depit de la sottise arrogante.

„Dans deux mois tout au plus je vous reverrai. Mon frère et moi nous nous fixerons pour quelque temps à Moscou, moi jusqu'au moment où je pourrais me retirer en Suisse où je compte me fixer pour jamais et mon frère jusqu'au moment où il ira vivre dans sa terre. Vous l'y suivrez probablement? Que pourriez vous faire de mieux? Vous vivrez tranquillement et dans une indépendance parfaite. Je viendrai vous voir tous les trois ans, tous les deux ans, peut-être tous les ans, mais mon pays sera la Suisse... Il m'est impossible de rester en Russie pour plus d'une raison..."

[Переводъ]. „Этотъ разъ, любезная тетушка, я взялся за перо съ намѣреніемъ сообщить вамъ, что я положительно подалъ просьбу

о моемъ увольненіи. Черезъ мѣсяцъ я надѣюсь извѣстить васъ о томъ, что просьба моя уважена. Надобно вамъ сказать, что она произвела сильное впечатлѣніе на нѣкоторыя личности. Сначала не хотѣли вѣрить, что я серьезно прошу отставки, затѣмъ по неволѣ пришлось повѣрить этому, но до сихъ поръ никто не можетъ понять, какимъ образомъ я могъ рѣшиться на это въ то время, какъ я долженъ былъ получить то, чего я, повидимому, такъ желалъ, чего всѣ такъ добиваются и, наконецъ, того, что для молодаго человѣка въ моемъ чинѣ считается самой лестной наградой. Иные полагаютъ даже, что я испросилъ эту милость во время моей поѣздки въ Троппау и что я подалъ прошеніе объ отставкѣ лишь съ цѣлью придать ей болѣе вѣсу. Черезъ нѣсколько недѣль они будутъ всѣ выведены изъ заблужденія. Дѣло въ томъ, что по возвращеніи императора меня должны были дѣйствительно назначить флигель-адъютантомъ къ нему; такъ говорилъ, по крайней мѣрѣ, Васильчиковъ. Я счелъ болѣе забавнымъ пренебречь этой милостью, нежели добиваться ея. Мнѣ было пріятно выказать пренебреженіе людямъ, пренебрегающимъ всѣми. Какъ видите, все это чрезвычайно просто. Въ сущности надобно сознаться, я очень доволенъ, что мнѣ удалось отдѣлаться отъ благодѣяній, такъ какъ скажу откровенно—нѣтъ на свѣтѣ человѣка столь высокомѣрнаго, какъ Васильчиковъ, и моя отставка будетъ настоящимъ сюрпризомъ для него. Вы знаете, что я слишкомъ честолюбивъ, чтобы гоняться за чьей-нибудь милостью и за пустымъ почетомъ, связаннымъ съ нею. Если я и желалъ когда-либо чего-нибудь подобнаго, то это было все равно, какъ если бы я желалъ имѣть красивую мебель или изящный экипажъ, однимъ словомъ, какую-нибудь игрушку; ну такъ игрушка за игрушку! Мнѣ еще пріятнѣе въ этомъ случаѣ видѣть злобу высокомѣрнаго глупца.

„Черезъ два мѣсяца, не болѣе, я увижусь съ вами. Мы съ братомъ поселимся на нѣкоторое время въ Москвѣ; я проживу тамъ до отъѣзда моего въ Швейцарію, гдѣ я намѣреваюсь остаться навсегда, братъ же—до отъѣзда своего въ имѣнье. Вѣроятно вы поѣдете съ нимъ? Что можетъ быть лучше? Вы будете жить тамъ спокойно и совершенно независимо. Я буду навѣщать васъ года черезъ три, черезъ два, можетъ быть ежегодно, но отечествомъ

моимъ будетъ Швейцарія... Мнѣ невозможно оставаться въ Россіи по многимъ причинамъ".

Примѣчаніе По поводу упоминаемаго здѣсь кн. Илларіона Васильчикова отмѣтимъ, что напечатанный въ „Русской Старинѣ" изд. 1882 г. томъ XXXIII, январь, стр. 217—218,—„Проектъ его о устройствѣ секретной полиціи" (18 1 г.)— есть тотъ самый, о которомъ онъ пишетъ князю П. М. Волконскому въ своихъ письмахъ 1820—1821 гг., которыя нами напечатаны еще въ 1871 г. „Русская Старина" томъ III, декабрь, стр. 660—661; но тогда, въ 1871 г., мы не могли отыскать этого весьма интереснаго документа — для обрисовки и лицъ, и событій—конца царствованія Александра I-го.

Ред.

IV.

Зубкова къ сыну ея Зубкову въ Парижъ.

Москва, 10-го января 1821 года.

„Третьяго дня была здѣсь дуэль. Карцовъ съ Наумовымъ и всѣхъ было 15 человѣкъ въ трактирѣ у Коппа. Первые двое дрались на сабляхъ, а прочіе всѣ таскались за волосы. Раненыхъ тяжело никого не было, кромѣ одного офицера, которому Карцовъ отрубилъ три пальца на рукѣ. Они были всѣ пьяные. Коппъ испугавшись поѣхалъ къ Шульгину и всѣхъ ихъ взяли; но Шульгинъ ихъ всѣхъ помирилъ и далѣе этого не вышло. Отъ Шульгина Карцовъ съ двумя другими, не знаю съ кѣмъ, опять поѣхали къ Коппу и тамъ опять пили и ужинали и прибили бѣднаго Коппа до полусмерти. Такъ и уѣхали. Уже не знаю чѣмъ это теперь кончится. Нужно было бъ проучить, а я думаю сойдетъ съ рукъ. Карцовъ кончитъ тѣмъ, что его никуда въ домы не пустятъ".

V.

Алекс. Тизенгаузенъ къ брату Фед. Егор. Тизенгаузену въ Москву.

С.-Петербургъ, 13-го февраля 1821 года.

„Я несчастнѣе васъ всѣхъ, попалъ я въ такой корпусъ, что его нельзя назвать корпусомъ, а просто тюрьмою или для мученія дѣтей. Меня разъ пять напрасно наказывали, не такъ какъ ты думаешь дѣтей наказываютъ, но строже солдата. Кормятъ насъ хорошо; кабы не этотъ ротный начальникъ, я очень благодаренъ тому, кто меня въ сей корпусъ опредѣлилъ; но только

ротный командиръ двоихъ загналъ въ гробъ розгами, и я не иначе думаю получить конца моей жизни какъ не отъ него. Мнѣ это очень стыдно и даже больно объ своемъ начальникѣ такъ относиться, но что-жъ дѣлать, когда онъ самъ заставляетъ. Я скоро попрошу папиньку, чтобъ онъ меня въ другой корпусъ перевелъ. У насъ многіе переходятъ изъ нашей роты въ другіе корпуса. Мнѣ очень хочется въ артиллерійскій корпусъ попасть.....

„Я дни провожу свои все плачу, но что-жъ дѣлатъ, когда у меня счастіе такое".

VI.

Выписка изъ письма безъ подписи изъ Москвы, отъ 27-го апрѣля 1826 года, къ Владиміру Наркизовичу Хвощинскому въ С.-Петербургъ.

„Мать твоя старалась дать тебѣ понятіе о законѣ нашемъ; но къ несчастію она рано скончалась. Вотъ твое несчастіе, ты попалъ на руки къ Шлецеру, который успѣлъ отравить юность твою ядомъ пагубы подобныхъ тебѣ не сотни, но тысячи. Такъ нынче въ день самаго праздника Головинъ также воспитанникъ Майора, бывшій секретарь Г. Г. кн. Гол. написавъ болѣе листа причины и показавъ чрезъ оное свое безбожіе, кончилъ свою жизнь изъ мушкетона въ ротъ. Вотъ слѣдствіе нынѣшняго воспитанія, просвѣщенія и большаго ума, но не благоразумія. Всѣ твои письма явно открываютъ, что ты есть собратъ какому-нибудь тайному обществу и заведенъ подобно другимъ молодымъ людямъ съ бѣглымъ, но не опытнымъ умомъ, обѣщаніями хорошаго общества, чинами, богатствомъ. Вотъ, что льститъ молодость, которая ничего не видитъ впередъ. Нынѣшнее воспитаніе учитъ лицемѣрить, притворяться, будто чтитъ Бога, творитъ добрыя дѣла, а внутренно есть врагъ Бога и человѣчества. Всѣ тайныя общества, подъ какимъ бы благотворительнымъ названіемъ ни были, есть ядъ. Честный человѣкъ и христіанинъ долженъ жить не таясь. Скажу тебѣ, что я не ломаю головы и увѣренъ твердо, что Государь нашъ премудрый Николай Павловичь будетъ короноваться въ Москвѣ на царство Русское (а завоеванныхъ царствъ у нашего Царя много) такъ какъ предки его, да и не было примѣра ни въ одномъ царствѣ, чтобъ два раза коро-

новались Цари, а особенно въ покоренныхъ царствахъ, и въ добавокъ, какъ я слышу Польская гвардія уничтожается, и такъ можемъ быть покойны, что на помазанника Божія не коснется рука нечестивца. Бойся пороковъ, а всего болѣе тайныхъ обществъ, бѣги ихъ, ихъ время миновалось, и я не пророчествую, а сказываю тебѣ, видя явно милость Бога нашего, что всѣ скопы дьявола и его общества разрушены, и Богъ Всемогущъ, истребитъ ихъ до конца, давши намъ премудраго Царя, а время покаянія никогда не поздно. Вотъ совѣтъ старца юности неопытной, а коли невнемлешъ, то оставь меня доживать остальные дни спокойно".

Отмѣтка генер.-адъют. барона Дибича. «...désire que vous preniez des informations sur le Chwostchinsky dont il est question ici et que vous fassiez suivre les notices contenues dans cette lettre pour en rendre compte à...»

VII.

Надежда Небольсина къ Ек. Ив. Зыбиной въ Москву.

С.-Петербургъ, 16-го марта 1826 года.

„Vous savez sans doute que l'Impératrice a fixé le 14 pour quitter Taganrog et que j'ai déjà reçu la marcheroute pour aller à Kalouga; il se trouve qu'ils ont oublié de s'informer si le chemin était bon et par suite du même esprit de vertige, qui règne à Taganrog, ils ont oublié la statistique de Russie où ils auraient dû voir que le Donetz se repand au mois de Mars six verstes de largeur; enfin quand même ils auraient oublié la géographie, depuis 8 mois qu'ils sont à Taganrog, ils auraient pu y apprendre que les rivières débaclent au mois de Mars et que les ruisseaux dans cette saison deviennent dest orrents. Qui ne sait pas qu'on ne voyage pas en Russie le mois de Mars? mais l'Impératrice après avoir été 4 mois dans le vague, se décide enfin, pour se retracter deux jours après; elle a perdu le sens commun et tous ceux qui se trouvent avec elle".

„L'Impératrice Mère par contre est très intéressante; la Religion lui donne des forces pour remplir tous ses devoirs; elle a été

à l'enterrement, elle pleurait sur le cercueil et puis se jetant dans les bras de son fils Nicolas ils confondirent leurs larmes. Le chant avait cessé, le silence de l'église n'était interrompu que par des sanglots, c'était vraiment une scène déchirante; elle est partie avant que l'Empereur fut porté à la fosse, elle avait déjà fait beaucoup trop pour d'autres».

[Переводъ] „Безъ сомнѣнія вы уже знаете, что императрица [Елисавета Алексѣевна] назначила свой отъѣздъ изъ Таганрога на 14-е число и я получила уже маршрутъ до Калуги; оказывается, что они позабыли освѣдомиться о томъ, въ какомъ состояніи находятся дороги и подъ вліяніемъ сумятицы, господствующей въ Таганрогѣ, позабыли статистику Россіи, изъ которой они могли бы усмотрѣть, что Донецъ разливается въ мартѣ мѣсяцѣ на шесть верстъ въ ширину; наконецъ, если бы они даже позабыли географію, то могли бы по крайней мѣрѣ во время ихъ восьми-мѣсячнаго пребыванія въ Таганрогѣ узнать, что рѣки разливаются въ мартѣ мѣсяцѣ и что въ это время года небольшіе ручейки обращаются въ потоки. Кому неизвѣстно, что въ Россіи нельзя путешествовать въ мартѣ мѣсяцѣ? Но императрица, не знавшая всѣ эти 4 мѣсяца что предпринять, рѣшила наконецъ ѣхать, но вѣроятно черезъ два дня измѣнитъ свое рѣшеніе; она и всѣ ея окружающія положительно потеряли голову".

„Вдовствующая государыня [Марія Θедоровна] напротивъ того, вполнѣ заслуживаетъ сочувствія; религія придаетъ ей силы для исполненія всѣхъ ея обязанностей; она была на похоронахъ, плакала надъ гробомъ и затѣмъ, бросившись въ объятія своего сына Николая, они залились вмѣстѣ горькими слезами. Пѣвчіе смолкли, и тишина въ церкви нарушалась только ихъ рыданіями; эта сцена была поистинѣ раздирающая; она уѣхала прежде нежели императора опустили въ могилу; и безъ того она вынесла больше другихъ".

VIII.

Бывшій Иркутскій губернаторъ Трескинъ къ брату въ Москву.

С.-Петербургъ, 5-го апрѣля 1826 г.

...„Надо знать, что нынѣшній государь не прежній... Нынѣшняго государя окружающіе его еще не проникли и не могутъ ручаться за свою прочность. Кажется онъ не позволитъ никому располагать собою; слышно, онъ остороженъ и серіозенъ... По видимому государь кажется ко всему внимателенъ и шутить не любитъ“.

„Не смотря, что гр. Аракчеевъ теперь кажется ничего болѣе не значитъ, какъ начальникъ военныхъ поселеній, но впрочемъ легко станется, что онъ со временемъ по хитрости, точности по службѣ и сходству характера войдетъ въ бывшій кредитъ Скоро и сему можетъ быть развязка“.

IX.

Александръ Тургеневъ къ Степану Петровичу Жихареву въ Москву.

Дрезденъ отъ 9 (21) декабря 1826 г.

„Дружба твоя до слезъ меня тронула, да и не меня одного. Слова твои о другѣ молодости передалъ слово въ слово въ письмѣ къ нему. Оно утѣшитъ, хотя на минуту, его въ одиночествѣ. — Ему нужно напоминать, что его любятъ, что онъ не одинъ въ мірѣ, и что сердца наши не перестали для него биться. Сказалъ ему и все, что ты для насъ дѣлаешь и не сердись — приписалъ это болѣе твоей дружбѣ къ нему, нежели къ намъ. Въ началѣ это и согласно и съ истиною, и, конечно, ему сладостно будетъ знать, что онъ не пересталъ намъ благодѣтельствовать и не однимъ примѣромъ нравственной, строгой, дѣятельной жизни. Но поѣздка твоя въ Петербургъ для насъ все меня тревожитъ, авось и безъ нее обойдется. О деревнѣ я и самъ думаю, что одинъ только страхъ продажи и барщины ихъ держать въ порядкѣ можетъ. Сажай на пашню, кто не платитъ, но прибѣгать къ другимъ средствамъ безполезно, ибо они къ побоямъ также бы привыкли, какъ къ нравственнымъ наказаніямъ или къ пѣни. Да и кому поручить такую власть, отъ которой-бы и самъ

желалъ отказаться. О процентахъ въ А. я также думаю, но по его разсчетамъ ему достаточно будетъ, хотя и упрашивалъ его не жалѣть ничего для своего успокоенія. Мы можемъ и должны во всемъ себѣ отказывать; его должно покоить. Онъ одинъ у насъ—и самъ одинъ вездѣ. Не могу или не смѣю выражать всего, что чувствую. Но любовь и почтеніе къ нему съ каждымъ днемъ усиливается и невинность его ежедневно обнаруживается".

X.

Николай Обручевъ къ Владиміру Обручеву въ Смоленскъ.

Варшава, 10-го декабря 1826 г.

„Государь цесаревичъ [Константинъ Павловичъ] дѣлаетъ каждый день разводы не смотря на худую погоду, онъ сказалъ, что должно служить усердно новому государю; но вотъ интересное обстоятельство: медицинская академія въ Парижѣ издала въ трехъ томахъ разборъ болѣзни государя Александра и вывела замѣчаніе, что Вилье лечилъ его неосновательно; это заставило нашего доктора отвѣчать, и въ письмѣ своемъ онъ самъ признаетъ, что болѣзнь государя не была такъ опасна, но на него сильно дѣйствовали моральныя впечатлѣнія.

„O mon ami, quelles fâcheuses circonstances — voilà les paroles de l'Empereur adressées à Vilié; on peut ajouter confiance à tout cela après ce que nous connaissons pour sûr que l'Empereur versait des larmes au moment où le rapport de la révolte du regt. Semenofsky lui était parvenu; je le crois bien, parce que feu l'Empereur était sensible au bien de son peuple".

[Переводъ]. „О мой другъ, какія прискорбныя обстоятельства,— вотъ слова, сказанныя Вилье императоромъ; всему этому можно повѣрить, такъ какъ мы знаемъ навѣрно, что императоръ заплакалъ, получивъ извѣстіе о возмущеніи Семеновскаго полка; это не мудрено, такъ какъ покойный императоръ заботился о благѣ своего народа".

[Изъ бумагъ К. В. Чевкина].

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НАЗИМОВЪ

Попечитель Московскаго учебнаго округа.

1853—1855 гг.

Мг. Михаилъ Ивановичъ! Въ числѣ бумагъ прежняго времени сохранились у меня копіи съ оффиціальныхъ писемъ бывшаго попечителя Московскаго учебнаго Округа В. И. Назимова къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову. Предлагаю эти документы для помѣщенія на страницахъ „Русской Старины“ въ томъ вниманіи, что они имѣютъ интерессъ, какъ матеріалъ для исторіи отечественной литературы и журналистики. Мнѣ кажется они могли бы быть напечатаны безъ всякаго неудобства въ настоящее время, такъ какъ и писавшій эти письма, и тотъ, къ кому онѣ писаны, не находятся уже въ живыхъ. Одно изъ нихъ, писанное въ 1853 г., содержитъ въ себѣ ходатайство о разрѣшеніи выпуска въ свѣтъ просмотрѣннаго московскою цензурою новаго изданія сочиненій Гоголя, безъ всякихъ пропусковъ и измѣненій. Оно интересно въ томъ отношеніи, что новое изданіе сочиненій такого писателя, какъ Гоголь, могло встрѣчать какія-то затрудненія и что для ихъ устраненія потребовалось усиленное ходатайство. Другое письмо, писанное въ 1855 г., по поводу ходатайства о разрѣшеніи изданія въ Москвѣ новаго журнала Русская Бесѣда, интересно тѣмъ, что оно заключаетъ въ себѣ мнѣніе оффиціальнаго лица о такъ называемыхъ Московскихъ славянофилахъ. Если не ошибаюсь — это впервые высказанное въ оффиціальной сферѣ, 25 лѣтъ тому назадъ, безпристрастное мнѣніе объ этой литературной партіи, находившейся тогда „не въ авантажѣ“. И правительство, и публика, за исключеніемъ лишь немногихъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, смотрѣли неблагосклонно на представителей этой партіи.—Конечно, съ тѣхъ поръ воды много утекло и въ настоящее время взгляды на нихъ значительно измѣнились. Заслуги такихъ писателей, какъ Хомяковъ, Самаринъ, братья

Кирѣевскіе и Аксаковы, закрѣпили навсегда за этой партіей права гражданства и въ литературѣ, и въ общественномъ сознаніи. Вотъ почему я думаю, что напечатаніе этихъ писемъ въ настоящее время можетъ имѣть не одинъ ретроспективный интересъ. Собственно для меня оглашеніе этихъ писемъ составляетъ долгъ правды, который я охотно исполняю изъ уваженія къ памяти В. И. Назимова. Примите увѣреніе въ совершенномъ къ вамъ уваженіи.

М. Н. Похвисневъ.

6 января 1882 г.
С.-Петербургъ.

I.

« » Мая 1853. Москва.

Милостивый государь, Авраамъ Сергѣевичъ! Вчерашняго числа я имѣлъ честь войти къ вашему превосходительству съ оффиціальнымъ представленіемъ, о разрѣшеніи новаго изданія сочиненій Н. Гоголя, въ 4-хъ частяхъ, напечатанныхъ въ 1842 году въ С.-Петербургѣ и нынѣ вновь одобряемыхъ къ печати Московскою цензурою. Независимо отъ сего представленія, позвольте мнѣ въ настоящемъ письмѣ, обратить просвѣщенное вниманіе вашего превосходительства на этотъ, по моему мнѣнію, немаловажный предметъ.

Новое изданіе означенныхъ сочиненій оказывается необходимымъ, какъ потому что литературные труды покойнаго Гоголя составляютъ единственное достояніе его семейства, такъ и потому, что экземпляры прежняго изданія, сдѣлавшись рѣдкими, продаются по неимовѣрно-высокой цѣнѣ. Но кромѣ этихъ уваженій есть еще болѣе существенная причина, заставляющая желать появленія въ свѣтъ новаго изданія произведеній Гоголя: это ихъ высокое нравственное и художественное достоинство. Ваше превосходительство конечно изволите согласиться, что сочиненія этого писателя, не смотря на комическій характеръ, въ нихъ преобладающій, проникнуты самымъ нравственнымъ направленіемъ и исполнены чистой любви ко всему отечественному, ко всѣмъ кореннымъ основаніямъ нашей жизни. Лучшимъ доказательствомъ его убѣжденій служитъ „Переписка его съ друзьями,“ въ которой онъ съ особенною силою, высказалъ и преданность церкви и приверженность къ государю, однимъ словомъ всѣ истинно русскія чувствованія. Изданіе такого рода писателей, по моему мнѣнію, не только не

должно затруднять, но еще слѣдуетъ поощрять всѣми возможными способами. Но дабы новое изданіе могло имѣть полный успѣхъ и не потерять цѣны въ глазахъ читателей—необходимо дозволить отпечатать сочиненія Гоголя безъ перемѣнъ и исключеній, въ томъ видѣ какъ онѣ были просмотрѣны авторомъ и одобрены цензурою. Такое снисхожденіе, по существующимъ цензурнымъ правиламъ, допускается въ отношеніи къ новымъ изданіямъ извѣстныхъ русскихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ и конечно, по всей справедливости, должно быть примѣнено къ сочиненіямъ Гоголя. Въ этомъ убѣжденіи, зная, что ваше превосходительство всегда изволите сочувствовать всякому дѣлу на пользу истинно русскаго просвѣщенія, я не усомнился обратиться къ вамъ съ убѣдительнѣйшею просьбою поддержать сдѣланное мною представленіе и оказать ваше содѣйствіе къ успѣшному его разрѣшенію. По предоставленной вамъ власти ваше превосходительство имѣете полную къ тому возможность. Отъ просвѣщеннаго покровительства вашего будетъ зависѣть участь твореній, составляющихъ украшеніе и богатство отечественной литературы.

Съ чувствами истиннаго уваженія и совершенной преданности честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

Владиміръ Назимовъ.

Его превосходительству А С. Норову.

Примѣчаніе. Покойный кн. Д. А. Оболенскій въ статьѣ своей о новомъ изданіи соч Гоголя, помѣщенной въ „Русской Старинѣ" 1878 г., свидѣтельствуетъ о томъ живомъ участіи, которое принималъ въ дѣлѣ выпуска въ свѣтъ этого изданія Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, и что только благодаря этому участію, сочиненія нашего знаменитаго писателя, въ новомъ изданіи, могли явиться въ свѣтъ безъ всякихъ пропусковъ. Къ этому вполнѣ справедливому свидѣтельству считаемъ не лишнимъ присовокупить, что препятствія и затрудненія, встрѣченныя при выпускѣ въ свѣтъ этого изданія, неизбѣжныя при тогдашнихъ цензурныхъ порядкахъ, возбуждены были не Московскою цензурою, а напротивъ того цензура эта, какъ намъ лично извѣстно, и особенно предсѣдатель ея тогдашній попечитель учебнаго округа отнеслись къ этому дѣлу съ живымъ патріотическимъ сочувствіемъ. Напечатанное выше письмо попечителя къ бывшему министру народнаго просвѣщенія можетъ служить неоспоримымъ тому доказательствомъ. М. П.

II.

« » Декабря 1855 г.

Милостивый государь, Авраамъ Сергѣевичъ. Московскій цензурный комитетъ, вслѣдствіе поданнаго въ оный прошенія гг. Кошелева (Алексан. Ив.) и Филипова (Тертія Ив.), вошелъ отъ 23-го минувшаго сентября въ главное управленіе цензуры, съ представленіемъ о разрѣшеніи помянутымъ лицамъ издавать въ Москвѣ, учено-литературный журналъ, подъ названіемъ Русская Бесѣда. Независимо отъ оффиціальнаго, по сему предмету ходатайства, я, въ отсутствіе в. п—ства изъ С.-Петербурга, обращался письмомъ къ управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія князю П. А. Вяземскому, съ объясненіемъ причинъ, побуждающихъ меня поддерживать предпріятіе гг. Кошелева и Филипова, прося его содѣйствовать къ удовлетворенію ихъ просьбы.

Не получая до сего времени увѣдомленія о послѣдствіяхъ моего ходатайства и между тѣмъ, извѣстясь, частнымъ путемъ, что предположеніе объ изданіи означеннаго журнала встрѣтило, будто бы, препятствіе въ главномъ управленіи цензуры, я считаю долгомъ моимъ представить вашему превосходительству нѣкоторыя необходимыя, по этому вопросу, объясненія и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать вамъ мои убѣжденія касательно этого, въ настоящее время, немаловажнаго предмета.

Вашему превосходительству не безъизвѣстно, что, въ послѣднее время, публичная литературная дѣятельность, вслѣдствіе крайне стѣснительныхъ мѣръ цензуры, у насъ замѣтно ослабѣла. Стѣсненіе мысли и умственнаго развитія неизбѣжно должно было имѣть вредныя послѣдствія какъ для успѣховъ отечественнаго просвѣщенія, такъ и вообще для нравственнаго состоянія Русскаго общества. Наша публика, уже достигшая извѣстной степени образованія, не находя для себя умственной пищи въ скудныхъ произведеніяхъ отечественнаго слова, по необходимости, должна была обратиться къ источникамъ иностраннымъ, не всегда безукоризненнымъ, и въ нихъ почерпать всѣ свои насущныя свѣдѣнія.

Мьжду тѣмъ русская мысль и русское слово, при всѣхъ запретительныхъ мѣрахъ, не могли однако же совершенно остано-

виться въ своемъ развитіи; не имѣя возможности высказываться гласнымъ образомъ, онѣ искали себѣ исхода на другомъ болѣе безопасномъ пути и вслѣдствіе этого приняли странное и совершенно неестественное направленіе. Вмѣсто печатной гласной литературы образовалась литература негласная, письменная. Въ рукахъ читающей публики появились, во множествѣ списковъ, разныя сочиненія по всѣмъ современнымъ вопросамъ наукъ и словесности и между ними, разумѣется, нашли себѣ путь и рукописи содержанія не совершенно одобрительнаго. Но что всего прискорбнѣе: невозможность, въ которую были поставлены наши писатели и вообще образованные люди печатно высказывать свои мысли, была, можно сказать, одною изъ главныхъ причинъ того неудовольствія и того ропота, которые съ нѣкотораго времени, обнаружились въ нашемъ обществѣ. Ваше превосходительство конечно изволите согласиться со мною, что такое неестественное положеніе представляетъ явленіе крайне неутѣшительное и что, наконецъ, слѣдуетъ подумать какъ-бы измѣнить его къ лучшему. Всѣ стѣснительныя, по части народнаго просвѣщенія, мѣры вызваны были, какъ мнѣ кажется, излишнимъ опасеніемъ революціонныхъ идей, волнующихъ умы въ Западной Европѣ. Пора наконецъ убѣдиться, что эти идеи, какъ совершенно намъ чуждыя и противуположныя кореннымъ началамъ русской жизни, не могутъ имѣть дѣйствія на большинство нашего общества. Впрочемъ русское правительство такъ сильно, что оно всегда можетъ съ успѣхомъ противудѣйствовать вторженію вредныхъ и ложныхъ началъ, не препятствуя чрезъ то правильному и неизбѣжному ходу просвѣщенія. И русскому-ли правительству страшиться истиннаго просвѣщенія? Оно само было воспитателемъ, образователемъ своего народа; оно было первымъ двигателемъ его на пути умственнаго и гражданскаго развитія; желательно для славы и благоденствія Россіи, чтобы и на будущее время, оно продолжало дѣйствовать въ томъ же духѣ.

Если изложенныя мною мысли справедливы, то справедлива и та мысль, что, въ настоящее время, необходимо дать бо̀льшій просторъ и движеніе нашей умственной жизни, для чего слѣдуетъ поощрять нашихъ писателей и наши таланты, обращая ихъ отъ вреднаго бездѣйствія, въ которомъ они коснѣютъ, раздражаясь

только въ безплодныхъ сѣтованіяхъ,—къ трудамъ полезнымъ и возвышеннымъ. Само собою разумѣется, что одною изъ первыхъ мѣръ, для достиженія этой цѣли,—должно быть смягченіе цензурныхъ правилъ, доведенныхъ, въ послѣднее время, до такой степени строгой придирчивости, при которой уже не возможна никакая литература. Не входя въ подробности по этому вопросу, я скажу только, что для выхода изъ того запутаннаго положенія, въ которое поставлена наша цензура, необходимо вернуться къ коренному уставу 1828 года, отмѣнивъ всѣ послѣдующія дополнительныя постановленія, ничего существенно не дополняющія и только затрудняющія прямыя дѣйствія благоразумной цензуры.

Я увѣренъ, что ваше превосходительство изволите раздѣлять мои мысли по этому предмету. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ исходатайствованное вами высочайшее дозволеніе г. Каткову издавать, съ начала будущаго года, учено-литературный и политическій журналъ [„Русскій Вѣстникъ"]. Этотъ знакъ монаршаго вниманія и довѣрія къ нашимъ писателямъ обрадовалъ всѣхъ любящихъ успѣхи русскаго просвѣщенія. Въ настоящее время въ Москвѣ почти не существовало ни одного значительнаго періодическаго изданія; между тѣмъ здѣсь возникъ и образовался первый русскій журналъ, здѣсь, на этомъ поприщѣ, когда-то дѣйствовали благороднѣйшіе представители русской мысли и русскаго слова: Карамзинъ, Жуковскій и другіе.

Но если признано полезнымъ, въ видахъ возбужденія нашей усыпленной литературы, дозволить изданіе журнала г. Каткова съ товарищами, то я не вижу причины почему не предоставить того же права гг. Кошелеву и Филипову, тѣмъ болѣе, что сіи послѣдніе, не менѣе г. Каткова, представляютъ ручательствъ относительно своихъ нравственныхъ качествъ. Или полагаютъ, что новый журналъ будетъ излишнею и даже вредною роскошью и что для московской публики достаточно одного періодическаго изданія? Но почему же въ тридцатыхъ годахъ, въ Москвѣ, одновременно издавалось нѣсколько журналовъ: „Телеграфъ", „Московскій Вѣстникъ", „Вѣстникъ Европы", „Атеней"? Всѣ они имѣли читателей и однако же вреда для общества отъ того не происходило? Неужели съ тѣхъ поръ вкусъ къ чтенію и потребность образованія у насъ уменьшились? Или этимъ правомъ могутъ безопасно пользоваться только одни петербургскіе литераторы? Я

полагаю, что, въ настоящее время, безъ всякаго неудобства, можно разрѣшать изданіе новыхъ журналовъ. Пусть наши литераторы трудятся, пусть высказываютъ свои мысли, тѣмъ легче будетъ для правительства слѣдить за ходомъ общественнаго мнѣнія и, въ случаѣ нужды, направлять его.

Если же предпріятіе Г.г. Кошелева и Филипова принято неблагопріятнымъ образомъ по той, будто бы, причинѣ, что журналъ этотъ предназначается служить органомъ для такъ называемой Славянской партіи, то я, при семъ случаѣ, считаю необходимымъ и удобнымъ сообщить вашему превосходительству мои мысли по этому предмету, основанныя на 12-ти лѣтнемъ строгомъ наблюденіи моемъ за дѣйствіями этой партіи, или выражаясь точнѣе,—литературнаго кружка. Пора наконецъ отдать себѣ отчетъ— что̀ такое эти славянофилы, которыхъ постоянно представляли людьми опасными и вредными? Въ чемъ же заключаются ихъ цѣль и дѣйствія? Кто принадлежитъ къ этой партіи?

Лѣтъ двадцать тому назадъ, вслѣдствіе естественнаго развитія образованія, а также и ближайшаго знакомства съ собственною исторіею, возникло и укрѣпилось между различными Славянскими народами, населяющими Европу, сознаніе своей національности и одноплеменности. Это сознаніе выработалось на почвѣ чисто литературной и хотя, въ началѣ, и не имѣло политическаго значенія, однако же, вслѣдствіе постояннаго антагонизма между элементами славянскимъ и нѣмецкимъ, перешло и въ область политическихъ убѣжденій. На насъ русскихъ славянскій вопросъ подѣйствовалъ только со стороны литературной; но мы не могли однако-же остаться равнодушными къ пробужденію славянской національности, столь долгое время подавленной и потому наши литераторы и мыслящіе люди отозвались сочувствіемъ къ своимъ соплеменникамъ. Образовался литературный обмѣнъ мыслей между нами и различными славянскими народностями. Всѣ эти сношенія, повторяю, производились внѣ области политики, а въ кругу литературно-ученыхъ интересовъ. Наше правительство, не желая возбуждать неудовольствія дружественной сосѣдственной державы, не только чуждалось славянскаго движенія, но еще не совсѣмъ благопріятно смотрѣло на людей, увлекавшихся этимъ движеніемъ. Между тѣмъ западные народы, привыкшіе господствовать и считать себя непо-

грѣшимыми и первенствующими какъ въ области мысли, такъ и въ области жизни, неиріязненно встрѣтили эти стремленія меньшихъ своихъ братьевъ къ самостоятельности умственной и политической — западные публицисты сочинили слово панславизмъ, подъ которымъ разумѣли ими же придуманное стремленіе славянскихъ племенъ къ политическому слiянію, провозглашая, при каждомъ удобномъ случаѣ, что Россія будто-бы покровительствуетъ этому стремленію, въ видахъ собственныхъ интересовъ.

Вслѣдствіе этого усилился антагонизмъ между этими народностями. Антагонизмъ этотъ еще болѣе возбудилъ въ народахъ славянскихъ любовь ко всему родному и страсть къ историческимъ изслѣдованіямъ и разработкѣ славянскихъ древностей. Это весьма естественное движеніе отразилось и на насъ. Мы въ это время изъ періода подражательнаго переходили въ пору зрѣлаго возраста и сознанія. Отрезвившись послѣ упоенія иноземными образцами, весьма понятнаго во всякой юной литературѣ, мы обращались къ изученію отечественной старины и исторіи. На этомъ благородномъ пути, наши ученые и литераторы были встрѣчены одобреніемъ и поощреніемъ правительства. Лучшимъ памятникомъ этого покровительства служатъ учрежденіе Археографической коммисіи и изданіе разныхъ актовъ историческаго и юридическаго содержанія и древностей государства Россійскаго. Въ Москвѣ, какъ въ городѣ, гдѣ сохранилось наиболѣе памятниковъ прежней русской жизни, образовался кружокъ молодыхъ литераторовъ, страстно предавшихся изученію отечественной старины и исторіи. Между ними нашлось нѣсколько пылкихъ умовъ, которые, увлекшись своимъ пристрастіемъ къ старинѣ, дошли до крайне односторонняго убѣжденія, что реформа Петра Великаго имѣла во многомъ вредныя для Россіи послѣдствія. Эти-то люди названы были славянофилами. Такое крайнее воззрѣніе встрѣтило, разумѣется, возраженіе и противодѣйствіе со стороны литераторовъ, державшихся такъ называемаго направленія западнаго. Завязалась литературная полемика и споръ, не между партіями, которыхъ въ настоящемъ значеніи этого слова не существовало, а между двумя различными мнѣніями. Этотъ споръ заключался въ предѣлахъ чисто-литературныхъ и былъ совершенно чуждъ политическаго значенія. Къ сожалѣнію нашлись люди, которые заподо-

зрили такъ называемыхъ славянофиловъ въ какихъ-то политическихъ замыслахъ и признали ихъ людьми опасными и вредными, чѣмъ-то въ родѣ якобинцевъ, тогда какъ это люди весьма мирные, благочестивые отцы семейства, помѣщики, вовсе не помышляющіе о нарушеніи законнаго порядка вещей. Можно отвергать крайніе выводы ихъ мнѣнія, но нельзя вполнѣ осуждать самое направленіе, потому что оно основано на чистой любви ко всему отечественному, къ уставамъ нашей церкви, къ народнымъ нашимъ обычаямъ, къ нашему родному языку и вмѣстѣ съ тѣмъ на сочувствіи къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ. Люди, раздѣляющіе этотъ образъ мыслей, даже и въ его исключительности, отличаются благородными нравственными свойствами и не заслуживаютъ того нареканія, которому они, по недоразумѣнію, подверглись съ стороны правительства. Если же обвинять всѣхъ любящихъ славянскую старину и исторію, то пожалуй можно назвать славянофилами и лучшихъ нашихъ писателей. Карамзинъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь любили обращаться мыслію къ древней Россіи и въ ней искать примѣровъ для нынѣшняго поколѣнія; однако же никто изъ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей не почиталъ ихъ опасными и вредными писателями. Замѣчательно, что между такъ называемыми московскими славянофилами есть люди съ истиннымъ талантомъ. Приведу имена Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскаго. Ваше превосход. имѣете въ настоящее время, полную возможность обратить ихъ въ полезныхъ и приверженныхъ правительству дѣятелей. Вотъ что заставляетъ меня вторично ходатайствовать объ испрошеніи высочайшаго дозволенія Г.г. Кошелеву и Филипову издавать въ Москвѣ журналъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить о разрѣшеніи тѣмъ изъ московскихъ литераторовъ, которые обязаны подпискою представлять свои сочиненія въ главное упр. цензуры, вносить ихъ прямо въ мѣстную цензуру. Если бы въ предполагаемомъ журналѣ и нашли себѣ мѣсто мнѣнія любителей Славянства, то это послужило бы для самаго правительства средствомъ ближе ознакомиться съ ихъ взглядами. Оно всегда имѣетъ возможность обуздать заблужденіе и своеволіе мыслей, гдѣ бы оно ни обнаружилось.

Прошу ваше превосходительство извинить меня за это длин-

ное письмо. Я полагаю, что изложенныя въ немъ мысли заслуживаютъ полнаго вашего вниманія.

Съ чувствами истиннаго уваженія и совершенной преданности честь имѣю быть в. п. покорнѣйшій слуга Владиміръ Назимовъ

Декабря 1855.
Москва.
Его превосходительству А. С. Норову.

Сообщ. М. Н. Похвисневъ.

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

Матеріалы и замѣтки.

На страницахъ „Русской Старины“ всегда получали мѣсто матеріалы, служащіе къ изученію тѣхъ условій, въ которыхъ находилась въ нашемъ отечествѣ умственная дѣятельность, занимающая первостепенное мѣсто въ развитіи всякаго народа. Большинство этихъ матеріаловъ, весьма понятно, относилось еще къ дореформенной и крѣпостной Россіи, когда надъ умственною сферою жизни всецѣло господствовала полицейско-бюрократическая опека, въ формѣ предварительной цензуры. Матеріалы эти давали понятіе о томъ, какія послѣдствія приносила эта опека русской литературѣ, выясняли, что̀ подвергалось преслѣдованіямъ и считалось вреднымъ въ области мысли и насколько государство, общество и отдѣльныя лица спасались этимъ путемъ отъ воздѣйствія „превратныхъ идей“ или „лжеученій“. Слѣдующій затѣмъ періодъ исторіи русской умственной жизни, ознаменовавшійся обильнымъ нарожденіемъ и развитіемъ политическихъ идей и направленіемъ мысли къ изслѣдованію народнаго быта и основъ общественной организаціи, создалъ, какъ извѣстно, новыя или, вѣрнѣе, видоизмѣненныя внѣшнія условія для нашей печати. Условія эти выразились въ положеніяхъ о печати 6-го апрѣля 1865 года, заимствованныхъ изъ законовъ, господствовавшихъ во Франціи въ первое время второй имперіи, и заключались, главнымъ образомъ, въ освобожденіи нѣкоторой части печати отъ предварительной цензуры, съ установленіемъ двоякаго рода отвѣтственности для редакторовъ, издателей и авторовъ: передъ судомъ, въ случаяхъ нарушенія какого нибудь уголовнаго или полицейскаго закона, и передъ администраціею, въ случаяхъ обнаруженія въ періодическомъ изданіи или сочиненіи „вреднаго направленія“.

Этотъ періодъ, видимо, доживаетъ свои послѣдніе дни, о чемъ можно заключить уже изъ того, что практика допустила много уклоненій отъ закона 6-го апрѣля 1865 года, какъ въ пользу печати, такъ и въ ограничительномъ смыслѣ, а въ 1880 году, самимъ правительствомъ возбужденъ былъ вопросъ о необходимости пересмотра законовъ о печати. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ начали уже появляться матеріалы, могущіе выяснить какія именно услуги оказали эти внѣшнія условія печати государству, обществу, русской литературѣ и вообще успѣхамъ умственнаго развитія Россіи. Къ числу любопытнѣйшихъ матеріаловъ этого рода слѣдуетъ отнести воспроизведенный газетою „Русь“

(въ ноябрѣ и декабрѣ 1881 г.) „судебный процессъ“ о воспрещеніи въ 1868 году газеты „Москва“, выходившей подъ редакціею И. С. Аксакова.

При такихъ обстоятельствахъ, мы сочли своевременнымъ дать мѣсто въ „Русской Старинѣ“ не безъинтересному очерку изъ исторіи другаго періодическаго изданія, воспрещеннаго въ 1878 году, безъ всякаго уже „процесса“, въ самомъ концѣ той административной дѣятельности, въ планы которой входило прекращеніе существованія газеты „Москва“ [1]). Изъ сопоставленія этихъ матеріаловъ можетъ получиться, такимъ образомъ, довольно цѣльная картина изъ исторіи внѣшнихъ условій русской печати, за десятилѣтній періодъ времени—1870—1879 гг. Ред.

I.

Въ 1876 году я вздумалъ издавать еженедѣльную, политическую и литературную газету. Необходимо напомнить тогдашнія обстоятельства и условія печати. Мнѣ онѣ были очень хорошо знакомы, я не былъ новичкомъ въ дѣлѣ. Основать независимую газету, съ чисто политическими, общественными и литературными цѣлями, составляло мой давнишній идеалъ. Я питалъ его съ университетской скамьи, когда и началось участіе мое въ журналистикѣ.

Съ 1863 г. и до конца 1869 г., я почти исключительно писалъ въ подцензурныхъ и притомъ провинціальныхъ газетахъ. Можетъ быть, то время было другое, но о предварительной цензурѣ у меня не сохранилось неблагопріятныхъ впечатлѣній. Случалось, цензоръ зачеркнетъ два-три слова, иногда цѣлую фразу. Помню, однажды, цензорское перо положило красный крестъ на всю мою статью, уничтожило ее цѣликомъ; но старичекъ цензоръ тутъ же поинтересовался узнать кто авторъ и, удовлетворивъ свое любопытство, черезъ посредство редактора, просилъ мнѣ передать свое извиненіе. „Очень хорошо, мнѣ очень жаль, прибавилъ онъ,—но что же дѣлать — нельзя“. Вообще отношенія были довольно благодушныя и не разъ случалось, что цензоръ, редакторъ и авторъ совокупно ломали голову, какъ бы такъ выразить и закутать въ такія неуловимыя формы вѣрную мысль или полезный совѣтъ, чтобы не пропала статья, чтобъ извѣстное явленіе не было обойдено молчаніемъ, но чтобы не вышло и какого нибудь „недоразумѣнія“ или „нахлобучки“ со стороны мѣстной администраціи или изъ Петербурга..

---

[1]) Настоящій очеркъ доставленъ намъ 2-го декабря 1880 г., но, за недостаткомъ мѣста, мы не могли его напечатать до настоящаго времени. Ред.

Перебравшись въ столичную печать и связавъ съ тѣхъ поръ съ нею свою личную судьбу самыми тѣсными, неразрывными узами, я надѣялся, что тутъ-то и откроется широкое поле для независимаго литературнаго труда. Мнѣ казалось, что это все равно, что моряку выбраться въ открытое море, что выброшенной на берегъ рыбѣ снова очутиться въ родной стихіи. Вѣдь „столичная печать" — это означало „свободу" и самостоятельность, это говорило объ избавленіи мысли и слова отъ цензурныхъ пеленокъ, отъ унизительной и раздражающей опеки надъ человѣческимъ умомъ и творчествомъ. Оказалось, что „столичная свобода" печати не болѣе какъ плохо намалеванная, далеко не блестящая, скоро продырявившаяся и обезцвѣтившаяся декорація. Цензура царила надъ этою печатью не только во всей своей мертвящей силѣ, но въ измѣненной своей оболочкѣ создала надъ умственною жизнью и словомъ новый, гораздо болѣе опасный для литературы гнетъ. Это былъ гнетъ редакторскаго и издательскаго страха, это гнетъ излишней осторожности, разсчета, усердія и податливости. Съ предварительною цензурою боролись; изобрѣтенную же въ столицахъ „свободу" уступали, съуживали и спускали по такой наклонной плоскости, что приходилось сомнѣваться въ человѣческомъ разумѣ и приравнивать къ донкихотству простой гражданской долгъ и обыденное самоуваженіе. Нѣкоторые черезчуръ напуганные издатели превосходили самую опасливую цензуру, являлись бо̀льшими цензорами, нежели сама цензура. Во время предварительной цензуры, я не видѣлъ, чтобъ редакторамъ и авторамъ приходилось ломать свои убѣжденія, извращать свое нравственное и умственное *я*. Тамъ могли вычеркнуть фразу, запретить всю статью, книгу, нумеръ газеты, но вы оставались тѣмъ, чѣмъ были, васъ ничто не заставляло склоняться сегодня передъ администраторомъ, завтра — передъ публикою. Вы постоянно были въ поступательномъ положеніи относительно цензуры и подъ этимъ напоромъ случалось, что она уступала сегодня то, что считала недозволеннымъ вчера. Здѣсь же происходило совершенно обратное явленіе. Вы вынуждались собственноручно налагать оковы на свою „свободу", на свою мысль, на свою творческую фантазію... Насколько интересы издателей, редакторовъ и сотрудниковъ были общи по отношенію къ предварительной цензурѣ, настолько они разъединились, разбились на личные и

частные во время этой мнимой „столичной свободы“ печати. Тамъ, если не всѣ, то большинство этихъ интересовъ тянули въ пользу независимой мысли и убѣжденнаго печатнаго слова; здѣсь, наоборотъ, большинство выдавало одинокихъ борцовъ за права печати, ставило ихъ въ исключительное положеніе, подвертывало подъ удары, которые тѣмъ болѣе получали оправданіе, чѣмъ сговорчивѣе, изворотливѣе становился общій тонъ журналистики. Среди свободныхъ и независимыхъ людей самое рѣзкое слово и самая смѣлая, допустимъ даже невѣрная, мысль проходятъ безбоязненно; но въ средѣ людей, придавленныхъ административнымъ гнетомъ, тонъ уже нѣсколько возвышенный и убѣжденный голосъ кажутся чѣмъ-то тревожнымъ.

Въ началѣ 1876 г., все это не было, однако, для меня такъ яснымъ, какъ теперь. Правда, что циркуляры графа К. И. Палена и графа Д. А. Толстаго объявляли въ ту годину большинство родителей въ неблагонадежности, вносили разладицу въ семьи и приглашали казенныхъ учителей и прокуроровъ взять на себя родительскія обязанности; но подобныя заблужденія и колебанія семейныхъ основъ печать имѣла возможность тогда же смягчить и ввести въ должныя границы. Точно также не осталась безъ должнаго разъясненія и извѣстное дѣло Лонгинова съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, которыя изъ академическаго изданія, въ нарушеніе вѣковой традиціи, были обращены въ оброчную статью министерства народнаго просвѣщенія. Интрига, лежавшая въ основѣ этого дѣла, скоро вышла наружу и привела къ тому, что старѣйшее русское изданіе поступило въ ликвидацію вмѣстѣ съ лошадьми и прочимъ хламомъ неудачно спекулировавшей банкирской конторы. Какъ ни неблагопріятны были эти признаки, но ничто не предвѣщало, что для русской печати могли наступить гораздо худшія еще и болѣе тягостныя времена (1877—1879 гг.).

Напротивъ, имѣлись основанія къ болѣе радужнымъ и успокоительнымъ надеждамъ. Въ началѣ 1876 г. разгоралось уже то „славянское движеніе“, которое скромно началось съ августа 1875 г., съ денежнаго сбора въ пользу босняковъ и герцеговинцевъ. Многіе были увѣрены, что вниманіе къ ужасамъ турецкаго гнета, къ невыгоднымъ послѣдствіямъ турецкаго управленія и искреннее увлеченіе идеею освобожденія балканскихъ славянъ, соболѣзнованіе къ ихъ страданіямъ и помощь въ ихъ борьбѣ — окажутъ

благопріятное вліяніе...... Какъ нарочно, къ этому же времени умеръ М. Н. Лонгиновъ и на мѣсто начальника главнаго управленія по дѣламъ печати назначенъ В. В. Григорьевъ. Правда, одна газета, въ видѣ напутственнаго слова новому начальнику, объявила, что главнѣйшая заслуга покойнаго М. Н. Лонгинова заключалась въ томъ, что онъ энергически преслѣдовалъ „разбойниковъ пера и мошенниковъ печати", но независимые, честные, убѣжденные люди вздохнули свободнѣе, узнавъ объ этой смерти. Извѣстно, что въ теченіи трехъ лѣтъ, благодаря М. Н. Лонгинову, не появлялось ни одной новой газеты, ни одного новаго журнала. Мнѣ лично случилось имѣть довольно характерное объясненіе съ Лонгиновымъ по этому поводу.

Это было еще въ началѣ его поприща по обузданію и пресѣченію русской умственной жизни.

Я пришелъ, чтобъ узнать о судьбѣ одного издательскаго предположенія. Меня заставили нѣсколько пообождать. Затѣмъ растворилась дверь изъ „кабинета" и ко мнѣ выбѣжалъ черномазый, коренастый человѣкъ, съ быстрыми, развязными манерами и въ какомъ-то юношескомъ пиджакѣ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ такимъ тономъ, какимъ говоритъ человѣкъ, привыкшій быть вѣжливымъ только съ высшими и желающій сразу внушить, что разговаривать „со всякимъ" онъ не намѣренъ.

Получивъ желаемое объясненіе, Лонгиновъ прервалъ его не менѣе короткимъ и рѣзкимъ „нельзя" и повернулся, чтобъ скрыться въ своемъ „кабинетѣ". Меня взорвала эта чиновничья безцеремонность въ обращеніи съ просителями и людьми, во всякомъ случаѣ привыкшими къ порядочному обществу. Не помню теперь, какимъ путемъ, но я удержалъ Лонгинова въ пріемной и побудилъ его дать объясненіе отказу. Тогда между нами произошелъ приблизительно слѣдующій разговоръ:

— Общія или частныя причины служатъ къ отказу?

— Общія, въ частности противъ просителя ничего не имѣется.

— Но чѣмъ же мотивируются эти общія причины? Вѣдь по закону о печати каждому не возбранено предпринимать новое изданіе, лишь бы не было отрицательныхъ препятствій?

— Дозволеніе принадлежитъ министру... министръ рѣшилъ никому не разрѣшать.

— Но вѣдь это уничтоженіе закона, ограниченіе правъ...

— Это ужь какъ вамъ угодно!... Можете жаловаться въ Сенатъ... Не вы одни, вотъ ихъ тутъ цѣлая куча, подобныхъ прошеній... Даже московскому генералъ-губернатору отказано, хотя онъ усиленно ходатайствовалъ въ пользу одного лица... Это общее теперь правило, обижаться нечего.

— Сколько я понимаю, эта мѣра означаетъ общее недовольство печатью... Но какъ-же въ такомъ случаѣ объяснить, что существующія изданія обращаются въ концессію, въ монополію?... Эта мѣра закрѣпощаетъ читателей за тѣми изданіями, которыми вы сами недовольны!

— И такъ ихъ расплодилось много... Намъ читать, услѣдить за ними даже невозможно!...

— Въ такомъ случаѣ назначьте новаго чиновника. За что-же должна отвѣчать и закрѣпощаться читающая публика?

— Это ужь вы подите объясняйтесь съ министромъ, если ему угодно будетъ дать вамъ отчетъ въ правительственныхъ распоряженіяхъ!...

На этомъ разговоръ нашъ кончился и это было первое и послѣднее мое свиданіе съ М. Н. Лонгиновымъ. Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ трехъ лѣтъ онъ былъ вѣренъ своей системѣ. Новыя изданія не разрѣшались и этимъ объясняется, что образовалась своего рода торговля неосуществившимися или неудавшимися изданіями. Общее издательское право обратилось въ концессіонное, въ привиллегію.

Въ декабрѣ 1875 г., вскорѣ послѣ смерти М. Н. Лонгинова, попривыкшій уже къ этой „системѣ“ литературный міръ пораженъ былъ вдругъ пріятною неожиданностью: въ газетахъ появилось объявленіе объ изданіи съ 1876 г. въ Петербургѣ новой газеты. Честь сломленія „лонгиновой системы“ выпала на долю благополучно издающейся и до сихъ поръ на нѣмецкомъ языкѣ газеты „St.-Petersburger Herold“. Первоначально, по поводу прошенія издателей, изъ главнаго управленія по дѣламъ печати послѣдовалъ стереотипный, хорошо знакомый многимъ, отвѣтъ: „на ходатайство просителей г. министръ не соизволилъ“. Но видно нѣмцы не сговорчивѣе насъ, русскихъ, и болѣе привыкли къ уваженію своихъ правъ. Они не удовольствовались отказомъ и отправились къ министру. Тогда обнаружился, какъ передавали, слѣдующій курьезъ: три года главное управленіе по дѣламъ печати, именемъ министра, отказывало по всѣмъ просьбамъ о но-

выхъ изданіяхъ, даже не безпокоясь докладывать ему объ этомъ. Три года умственная жизнь Россіи вгонялась въ произвольныя, обращенныя въ монополію и привиллегію, рамки, а глава министерства даже и не подозрѣвалъ, что его именемъ чинится подобное насиліе и стѣсненіе обезпеченныхъ закономъ за каждымъ образованнымъ, незаподозрѣннымъ и неопороченнымъ человѣкомъ правъ! Оказалось, что М. Н. Лонгинову, еще въ началѣ его „поприща“, удалось провести свою „систему“ въ формѣ какого-то „общаго доклада“, о которомъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ забылъ вскорѣ и думать [1]). Во всякомъ случаѣ редакція „St. Petersburger Herold“ добилась разрѣшенія, не смотря на этотъ „общій докладъ“, и съ тѣхъ поръ предать его забвенію пришлось уже журнальному міру. Вскорѣ потомъ, при В. В. Григорьевѣ, стали возникать другія новыя изданія. Въ числѣ ихъ первое мѣсто принадлежало „Дневнику писателя“ Ѳ. М. Достоевскаго. Вскорѣ, наконецъ, стало извѣстно, что А. С. Суворину, въ компаніи съ В. И. Лихачевымъ, разрѣшено пріобрѣсти и издавать газету „Новое Время“.

Все это, какъ сказано уже, предвѣщало тогда благопріятный поворотъ для нашей внутренней жизни и для связанныхъ съ нею судебъ печати. Меня особенно привлекалъ примѣръ Ѳ. М. Достоевскаго и я приступилъ къ осуществленію своей завѣтной мечты. Съ В. В. Григорьевымъ я былъ немножко знакомъ. Никто даже не могъ тогда и подозрѣвать, чтобъ при немъ общее положеніе печати дойдетъ до такихъ невзгодъ, до такого паденія, что даже тяжелыя времена М. Н. Лонгинова должны были казаться „красными днями“....... Не въ укоръ В. В. Григорьеву

---

[1]) До какой степени покойный М. Н. Лонгиновъ прибѣгалъ къ неправдѣ, прикрываясь именемъ министра внутреннихъ дѣлъ—ничего не вѣдавшаго объ этомъ, служатъ нѣсколько случаевъ относящихся до „Русской Старины“: въ 1873 г. (октябрь) Лонгиновъ просто по капризу распорядился вырѣзать изъ этого изданія, остановивъ книгу, одинъ литературный дневникъ 1830-хъ годовъ, составлявшій семь печатныхъ листовъ, т. е. 112 страницъ; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Лонгинова, съ разрѣшенія А. Е. Тимашева—этотъ вполнѣ невинный дневникъ явился въ той-же „Русской Ста инѣ“. А что выдѣлывалъ тотъ-же М. Н. Лонгиновъ съ прелестными „Воспоминаніями Татьяны Петровны Пассекъ“! нѣсколько разъ сряду онъ вырѣзалъ ихъ изъ книгъ „Русской Старины“! доколѣ наконецъ смерть Лонгинова не дозволила, при томъ-же А. Е. Тимашевѣ, выйдти въ свѣтъ этимъ замѣчательнымъ Запискамъ даровитой писательницы какъ на страницахъ „Русской Старины“, такъ и въ отдѣльномъ изданіи. Ред.

говорится это [1]). Напротивъ, цѣлью этихъ замѣтокъ руководитъ именно желаніе, чтобъ выяснилась важность общихъ условій, въ которыя поставлено печатное слово въ Россіи. Власть этихъ условій обращала въ ничто самыя благія и идеальныя стремленія. Пока онѣ не будутъ измѣнены, тщетно надѣяться на усилія вернуть печатному слову подобающее ему значеніе и, главное, навсегда укрѣпить безпрепятственное развитіе умственной жизни Россіи.

Какъ бы то ни было, но въ январѣ 1876 г., исполненный надеждъ, я очутился въ кабинетѣ В. В. Григорьева, въ томъ же главномъ управленіи по дѣламъ печати. Онъ принялъ меня съ свойственными ему любезностью и словоохотливостью. Желаніе мое онъ выслушалъ терпѣливо, какъ человѣкъ ученый и любознательный, привыкшій читать и имѣть дѣло со всякими „фантазіями". Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько любимыхъ своихъ фразъ о самонадѣянности петербургскихъ журналистовъ, о безпочвенности ихъ и незнаніи дѣйствительности; но охотно согласился, когда я замѣтилъ ему, что при нынѣшнихъ государственныхъ и общественныхъ условіяхъ никто не можетъ ручаться, что онъ стоитъ на почвѣ и выражаетъ дѣйствительные интересы жизни. Въ концѣ концовъ, В. В. Григорьевъ просилъ дать ему время подумать, сообразить и приглядѣться къ моимъ статьямъ. Ровно черезъ мѣсяцъ, въ назначенный срокъ, я снова явился въ управленіе. Въ пріемной меня ожидало хорошее, казалось, предзнаменованіе. Я встрѣтилъ г. Суворина. Его дѣло было уже рѣшено въ благопріятномъ смыслѣ. Я пожелалъ ему отъ души успѣха...

Увидѣвшись съ В. В Григорьевымъ, мнѣ показалось, что онъ былъ захваченъ какъ-бы врасплохъ моею настойчивостью. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ обѣщалъ, однако, „поговорить съ министромъ". Я не удовольствовался этимъ обѣщаніемъ. Я сказалъ, что очень хорошо знаю бюрократическіе пріемы и термины. Мнѣ нужно „предстательство", а не докладъ, такъ какъ министру я неизвѣстенъ. В. В. Григорьевъ улыбнулся по поводу этой прозорливости и сталъ распространяться о томъ, что у него, В. В. Григорьева, „свой взглядъ на людей и на журналистовъ въ частности. Всѣ ихъ выходки, все это „либеральничанье" хороши, пока отвѣчаютъ чужая газета, чужой карманъ. Личный интересъ приводитъ къ благоразумію и сдержанности. Вотъ „бѣдный N. N.

[1]) Писано въ декабрѣ 1880 г., при жизни В. В. Григорьева. Ред.

пострадалъ черезъ своихъ сотрудниковъ", а онъ, В. В. Григорьевъ, вполнѣ увѣренъ, что каждый изъ нихъ, неукротимость которыхъ главнымъ образомъ ставилась въ вину N. N., (Григорьевъ называлъ быв. редактора газеты), остепенится и совсѣмъ иначе поведетъ себя въ своей газетѣ. „Своя-то рубашка ближе къ тѣлу".

Меня удивилъ этотъ циничный взглядъ на журналистовъ; но я не могъ не сознавать, что извѣстный издательскій страхъ и уступчивость давали В. В. Григорьеву поводъ къ подобной практической философіи [1]). Подъ вліяніемъ горячаго желанія достигнуть излюбленной цѣли, человѣкъ не обращаетъ должнаго вниманія на преграды и неудобства; онѣ кажутся ему несущественными и одолимыми. Такъ и я не придалъ особаго значенія означенной философіи. Мнѣ показалась она просто въ видѣ маленькаго предостереженія. Я отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія издатель и редакторъ ближе заинтересованы въ существованіи изданія и расположены къ бо́льшей осторожности, но и сотрудникамъ не чужды тѣже интересы. Во всякомъ случаѣ, съ полною искренностью, я увѣрилъ В. В. Григорьева, что мое изданіе будетъ въ предѣлахъ закона и правительственныхъ распоряженій, тѣмъ болѣе, что борьба слишкомъ не равна и во власти главнаго управленія находится столько могущественныхъ средствъ къ обузданію и покаранію строптивыхъ. Замѣтивъ, что эти обузданія не такъ легки, какъ кажется, В. В. Григорьевъ, въ концѣ концовъ, обѣщалъ мнѣ свое „предстательство" предъ министромъ, а не простой докладъ. Дѣйствительно, въ мартѣ 1876 г., я получилъ желаемое разрѣшеніе на изданіе еженедѣльной, политической и литературной газеты „Русское Обозрѣніе".

---

[1]) В. В. Григорьевъ вообще отличался откровенностью при изложеніи своей практической философіи. Въ бытность его на службѣ въ Оренбургскомъ краѣ, онъ вѣдалъ управленіемъ киргизовъ и отличался талантливымъ изложеніемъ въ годовыхъ отчетахъ всѣхъ красотъ преуспѣянія инородцевъ подъ отческимъ управленіемъ его и прочихъ чиновниковъ. „Вдругъ узнаю я, разсказываетъ г-жа Б—ва, бывшая въ то время съ мужемъ въ томъ краѣ, — что киргизы сотнями мрутъ отъ голода и В. В. Григорьевъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ отвращенію бѣдствія. Я съ недоумѣніемъ говорю ему объ этомъ у себя, за обѣдомъ.

— „Да, это дѣйствительно ужасно, отвѣчалъ совершенно спокойно Василій Васильевичъ, но это такъ кажется только съ перваго разу: а потомъ поприглядитесь и совершенно свыкнитесь съ этимъ обычнымъ здѣсь явленіемъ".

II.

Я желалъ начать изданіе съ осени; но разгорѣвшаяся въ Сербіи война и живое участіе русскаго общества въ ней побудили измѣнить первоначальное предположеніе. Первый нумеръ „Русскаго Обозрѣнія“ вышелъ 11-го іюля 1876 г. До конца августа, въ теченіи семи недѣль, все обстояло благополучно, разумѣя цензурныя условія... За этотъ короткій промежутокъ времени, нельзя не отмѣтить, однако, того явленія, которое должно быть знакомо многимъ изданіямъ, но которое недостаточно взвѣшивается. Между тѣмъ оно служитъ къ характеристикѣ журнальнаго міра и съ новою силою свидѣтельствуетъ, какъ тяжело обставлена у насъ идейная борьба и насколько нынѣшнія условія печати не благопріятствуютъ сплоченію и взаимопомощи даже въ дѣлахъ и случаяхъ несомнѣнно общаго интереса . . . .

. . . .

„Русское Обозрѣніе“ испытало всю безотрадность этихъ условій во все время своего существованія. Ни разу въ журналистикѣ оно не встрѣтило поддержки, когда эта нравственная помощь была крайне необходима не только въ интересахъ изданія, но въ интересахъ всей печати и общества. Его обходили молчаніемъ одни, въ то время, когда градъ насмѣшекъ, площадной брани и искаженій сыпался со стороны всѣхъ остальныхъ, составлявшихъ большинство журнальнаго міра. Чувство одинокости, безнадежности, незаслуженной обиды, явной несправедливости не разъ овладѣвало редакціей. Какъ возмущается желчь и безсильно опускаются руки, какой запасъ энергіи и вѣры въ добро необходимо имѣть, среди равнодушія и безъучастія тѣхъ, сочувствіемъ и нравственнымъ одобреніемъ которыхъ дорожишь, и среди злобы и несправедливостей враждебнаго лагеря! При такихъ условіяхъ, маленькому, матеріально небогатому, начинающему изданію, основанному литературными труженниками, почти нѣтъ возможности пробиться, сдѣлаться даже извѣстнымъ обществу, въ интересахъ котораго оно выходитъ на борьбу . . . .

. . . .

Одинокому, предоставленному своимъ собственнымъ силамъ, небогатому матеріальными средствами новому журналу оставалось на долю только горькое сознаніе, что ему не найти ни дру-

зей, ни поддержки въ корифеяхъ журнальнаго міра. Содѣйствія однихъ оно не въ состояніи было пріобрѣсти, другіе привыкли болѣе обращать вниманіе на враговъ, нежели на друзей, третьи считали невыгоднымъ (въ издательскихъ интересахъ) вниманіе къ своему собрату, четвертые находили это неудобнымъ въ виду цензурныхъ соображеній, всѣ же остальные считали и выгоднымъ, и удобнымъ противодѣйствовать ему, убивать его въ общественномъ мнѣніи,. не говоря конечно о тѣхъ, которые по своимъ искреннимъ убѣжденіямъ, политическимъ и общественнымъ принципамъ, не могли быть въ союзѣ съ новымъ журналомъ и должны были враждовать съ нимъ. Спрашивается теперь, развѣ все это нормальныя явленія, развѣ такіе пріемы, обычаи и условія благопріятны для всей печати, для достоинства журналистики, для поддержанія честныхъ литературныхъ труженниковъ, для развитія литературныхъ направленій и освобожденія печати отъ издательской спекуляціи? Тѣмъ не менѣе, и съ этими неблагопріятными условіями можно было бы бороться, надъ ними можно было бы торжествовать и они сами, вѣроятно, измѣнились бы къ лучшему, еслибъ на помощь имъ и во вредъ истиннымъ интересамъ литературы не являлись стороннія обстоятельства.

Исторія „Русскаго Обозрѣнія" представляетъ тому лучшій, поучительный и ободряющій примѣръ.

Журналъ этотъ не только успѣлъ стать на ноги, пробиться сквозь общественное равнодушіе и невѣдѣніе, онъ не только вправѣ гордиться нравственнымъ успѣхомъ, пріобрѣтеннымъ въ сравнительно короткое время, но какъ будетъ показано ниже, „Русское Обозрѣніе" успѣло достигнуть такого матеріальнаго положенія, что могло бы оплачивать всѣ издержки изданія и служить самостоятельно опорою литературнаго труда. Но тутъ-то явились тѣ обстоятельства, которыя мы привыкли называть „независящими". По счастью, ихъ открыто называютъ теперь нынѣшними законами и условіями печати. На нихъ обращено уже должное вниманіе и можетъ быть, при дружномъ содѣйствіи всей журналистики, при помощи подобныхъ разоблаченій, онѣ измѣнятся къ лучшему, не будутъ стоять на дорогѣ умственной жизни, не станутъ подрывать независимое, убѣжденное печатное слово.

III.

Первое предостереженіе „Русское Обозрѣніе“ получило 24-го августа 1876 г., на сорокъ пятый день послѣ своего рожденія. Самъ инспекторъ типографій почтилъ редакцію своимъ визитомъ, выразилъ чувство своего соболѣзнованія, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ относительно „непріятной обязанности“, вручилъ бумагу, заставилъ росписаться и уѣхалъ.

Я охотно повѣрилъ „непріятной обязанности“ г. инспектора, но еще болѣе почувствовалъ непріятность положенія тѣхъ, которые предостерегались. Читая прекрасно написанную бумагу, видя въ ней ссылки на законъ, на какія-то статьи и заключеніе, во всемъ согласное съ основаннымъ на нихъ „распоряженіемъ“, я находился въ положеніи человѣка, внезапно оторваннаго отъ работы, отъ своихъ мыслей и разсчетовъ и очутившагося нежданно, негаданно, передъ судилищемъ, изрекающимъ велѣнія рока. Мало того, что человѣка невѣдомо за что потянули къ суду, но уже и осудили и наказали, не потрудившись даже объявить, въ чемъ заключалась его вина, нисколько не признавая даже, что у него могутъ найтись какія нибудь оправданія; недостаточно того, что человѣкъ чувствуетъ, что какая-то невѣдомая рука налегаетъ на его мозгъ, толкаетъ и тащитъ его, но остается неизвѣстнымъ даже куда и почему производится это „направленіе“......

Распоряженіе было на этотъ счетъ очень лаконично.

Оно просто указывало, что первое предостереженіе дано за фельетонъ № 7-й газеты „Русскаго Обозрѣнія“.

Въ этомъ фельетонѣ, какъ и въ большинствѣ, говорилось не объ одномъ предметѣ. Если трудно, чтобъ составилось два совершенно одинаковыхъ мнѣнія объ одной и той же статьѣ, посвященной одному цѣльному вопросу, если и въ этомъ случаѣ, даже при одинаковости вкусовъ и убѣжденій, одному придется по сердцу такое-то мѣсто, такое-то выраженіе, а другой найдетъ, что именно здѣсь-то и слѣдовало бы выразиться иначе, яснѣе, осторожнѣе или, наконецъ, совсѣмъ даже промолчать, то можно себѣ представить тѣ недоумѣнія, которыя вызываются по поводу предостереженія, даннаго за фельетонъ!

Причины административныхъ взысканій печати не только не объ-

яснялись, но ихъ тщательно скрывали отъ ближайше заинтересованныхъ лицъ—редакторовъ и издателей. Только нѣкоторымъ, въ особыхъ, благопріятныхъ случаяхъ, когда изданія пользовались расположеніемъ и взысканія вызывались со стороны, помимо „заключеній" главнаго управленія, удавалось проникнуть въ эти „эльвезинскія таинства". Вообще-же, это считалось празднымъ любопытствомъ и неумѣстнымъ притязаніемъ на проникновеніе въ бюрократическіе виды и соображенія. Подвергавшимся взысканіямъ предоставлялась свобода предостерегаться вообще и опасаться всего. Прежде бывало, по примѣру бонапартистскихъ „considerant", въ текстъ предостереженій вставлялось „принимая въ соображеніе" и объяснялись мотивы взысканія. Редакторъ, а съ нимъ и публика узнавали, напримѣръ, что въ статьѣ, говорящей о разъединенности земствъ и о пользѣ земскихъ съѣздовъ, усматривается явное порицаніе существующему порядку и прямое стремленіе къ измѣненію установленнаго образа правленія. (Такое предостереженіе получено было однажды прежними „С.-Петербургскими Вѣдомостями"). Хотя отъ заинтересованныхъ взоровъ и въ этихъ случаяхъ скрывались тѣ логическіе пути и головоломныя соображенія, при помощи которыхъ получались подобныя неожиданныя заключенія, но редакторъ узнавалъ, по крайней мѣрѣ, что о земскихъ съѣздахъ говорить не слѣдуетъ и о другихъ съѣздахъ надлежитъ выражаться осторожно. Точно также и публика могла изъ этого понять, что газеты недаромъ помалчиваютъ о такомъ или другомъ предметѣ или явленіи, о той или другой потребности, что тутъ кроется что-то опасное, подрывчатое... Кромѣ того, мотивы все таки обязывали нѣсколько, соблюдали видъ причинности, приглашали хотя къ послѣдовательности и нѣкоторому безпристрастію. При нихъ нельзя было, по крайней мѣрѣ, давать предостереженія безъ всякаго повода... Все это сдѣлалось возможнымъ, когда всякія церемоніи были отброшены и взысканія стали налагаться безъ всякихъ объясненій. „Преобразованіе" это совершилось во времена М. Н. Лонгинова, безъ измѣненія закона, административнымъ путемъ, и съ тѣхъ поръ долго покоилось на незыблимыхъ основахъ, не въ примѣръ прочимъ реформамъ, не смотря на смѣну лицъ, вѣяній и эръ.

Первое предостереженіе я перенесъ стоически, съ восточною покорностью судьбѣ. Я перечелъ провинившійся фельетонъ, же-

лая отыскать преступленіе и исправиться. Тамъ говорилось о пріѣздѣ Бразильскаго императора, выражалось сочувствіе его нежеланію пользоваться офиціальнымъ пріемомъ; но вмѣстѣ иронически указывалось, что въ этомъ нежеланіи кроется для насъ опасность. Оставаясь частнымъ путешественникомъ, Донъ-Педро усмотритъ, пожалуй, у насъ такія вещи, которыя всякая опытная хозяйка любитъ припрятать отъ глазъ гостя. Онъ узнаетъ, чего добраго, что посѣщенные имъ университеты висятъ на волоскѣ, въ виду Любимовскихъ проектовъ, и что за показанными ему школами скрываются сотни дѣтей, не имѣющихъ доступа къ образованію даже въ столицѣ. Все это была совершенная правда и заслуживало, казалось, исправленія, а не наказанія тѣхъ, кто не довольство ался блестящими декораціями нашего школьнаго дѣла на разныхъ выставкахъ и въ музеяхъ. Далѣе упоминалось о пріостановкѣ, постигшей „Русскій Міръ", указывалось, что взысканіе это привлекло вниманіе публики къ инкриминированной статьѣ, которая прошла было безслѣдно, и что сотрудники пріостановленнаго изданія остались безъ заработка; при этомъ указано было на печальную участь одного молодаго человѣка, который, послѣ долгихъ поисковъ, только за нѣсколько дней передъ тѣмъ, получилъ въ этой редакціи занятія. Опять все это были факты и хотя разсужденія клонились къ неодобренію распоряженія и самой системы административныхъ взысканій съ печати, но вѣдь на это было право, обезпеченное закономъ, по отношенію ко всѣмъ административнымъ дѣйствіямъ. Наконецъ, въ заключеніе фельетона говорилось о журналистикѣ, именно объ ея разъединенности и равнодушіи къ своимъ интересамъ. Въ этомъ случаѣ тоже, казалось бы, не изъ-за чего было цензурѣ безпокоиться и предостерегать. Словомъ, если читатели угадаютъ, за что дано это предостереженіе, если они признаютъ, что во всемъ этомъ было что-то опасное, какое нибудь „лжеученіе", какая нибудь „вредная идея", если они признаются, что они не читали и сами не думали тысячу разъ на подобныя же тэмы и въ такомъ же родѣ,—то они будутъ очень счастливы. Мнѣ же и до сихъ поръ приходится только удивляться и недоумѣвать.

Тутъ кстати привести новый примѣръ, какъ легко налагались на печать разныя тягости. Можно сказать, что только лѣнивый не заносилъ своего копыта на эту пресловутую „свободу мысли въ обсужденіяхъ" и удары эти сыпались, конечно, безъ всякихъ

справокъ съ закономъ. Печать-же съ покорностью выносила урѣзки своихъ правъ... Ни жалобы, ни даже однороднаго ходатайства нельзя было добиться со стороны тѣхъ, кто ежедневно поучалъ публику...

Съ первыхъ же недѣль изданія „Русскаго Обозрѣнія", редакціи пришлось убѣдиться, что въ Петербургѣ заведены были какія-то особыя, крайне невыгодныя для газетъ и для публики правила розничной продажи нумеровъ. Все это дѣло было отдано на руки семи или восьми кулаковъ, избранныхъ типографскимъ надзоромъ и утвержденныхъ тогдашнимъ Петербургскимъ градоначальствомъ. Этимъ кулакамъ однимъ почеркомъ пера закабалены были интересы публики, изданій и, наконецъ, дѣйствительныхъ продавцевъ газетъ. Изъ свободнаго труда и заработка, правила создали монополію, такую же концессіонную систему, какую М. Н. Лонгиновъ изобрѣлъ для самихъ изданій. Нѣсколько десятковъ тысячъ рублей попадали въ руки этихъ семи или восьми избранныхъ концессіонеровъ, безъ всякаго съ ихъ стороны риска и труда. Помимо ихъ воли и согласія нельзя было купить или продать ни одного нумера газеты или журнала на улицахъ Петербурга и въ окрестностяхъ. Свои громадные барыши они тянули съ кого Богъ пошлетъ: то съ редакцій, то съ продавцевъ газетъ, то съ публики, смотря по обстоятельствамъ. Отъ этихъ кулаковъ до извѣстной степени зависило пустить въ ходъ газету, или стѣснить ея распространеніе. Они требовали, напримѣръ, такихъ уступокъ, что отдѣльная продажа нумеровъ становилась убыточною и потому невозможною. Такъ какъ благополучіе этихъ кулаковъ находилось въ полномъ распоряженіи градоначальства, потому что отъ послѣдняго зависило отнять это монопольное право и связанные съ нимъ барыши отъ Евлампьева и передать Семенову,— то и для градоначальства, такимъ образомъ, получалась возможность оказывать давленіе на столичную печать. Незамедливъ испытать на себѣ всѣ невыгоды этихъ правилъ, получивъ изъ публики нѣсколько заявленій по этому поводу, „Русское Обозрѣніе" не замедлило выступить печатно противъ этой монополіи, этой своего рода откупной системы. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что правила эти созданы произвольно, усмотрѣніемъ градоначальства, вопреки закону, подъ предлогомъ удобства надзора. Оно, дѣйствительно, было удобно, но не всякое удобство

полиціи согласуется съ закономъ и можетъ быть навязываемо публикѣ. Полиціи, напримѣръ, очень удобно было бы для соблюденія наружной тишины и порядка, запереть всѣхъ жителей въ домахъ, не выпускать никого на улицы или выслать въ отдаленныя мѣста всѣхъ сомнительныхъ. Тогда, пожалуй, и однимъ городовымъ на весь Петербургъ можно было бы, ограничиться; но такія полицейскія удобства находятся въ полномъ противорѣчіи съ удобствами населенія и государства и нигдѣ не могутъ быть терпимы. Между тѣмъ, подобное удобство создало для себя Петербургское градоначальство въ указанномъ случаѣ. Вмѣсто того, чтобъ надзирать за 100—200 продавцами газетъ, оно предоставило это дѣло только семи или восьми лицамъ, которые очутились хозяевами дѣла, а дѣйствительные торговцы попали къ нимъ въ кабалу, въ батраки, вмѣстѣ съ изданіями и интересами публики. Въ законѣ сказано, что уличная продажа газетъ, журналовъ и книгъ разрѣшается градоначальникомъ. Истинный смыслъ закона тотъ, что это свободный трудъ и пользованіе имъ предоставлено каждому, кому это не будетъ запрещено градоначальствомъ. Правила же, созданныя административнымъ порядкомъ, вывернули этотъ законъ на изнанку: на основаніи ихъ, торговля эта никому не разрѣшалась, за исключеніемъ нѣсколькихъ произвольно избранныхъ лицъ; свободный трудъ сданъ былъ на откупъ, обращенъ былъ въ привиллегію. Другими словами, въ этомъ случаѣ повторилось тоже самое, что и съ издательскимъ правомъ, которое въ теченіи трехъ лѣтъ, по благоусмотрѣнію М. Н. Лонгинова, обращено было въ концессію.

„Русское Обозрѣніе“ все это разъяснило и печатно пригрозило даже жалобою въ сенатъ на подобное безцеремонное обращеніе съ закономъ и правомъ. Безъ сомнѣнія, ни одинъ голосъ не раздался въ журналистикѣ на поддержку этого справедливаго протеста, удача котораго могла ограничить произвольныя нарушенія интересовъ общества и частныхъ лицъ и въ другихъ болѣе важныхъ случаяхъ; но за то редакція вскорѣ имѣла удовольствіе принимать у себя депутацію отъ торговцевъ газетами и нѣсколько лицъ, которымъ упорно отказывали прежде въ разрѣшеніи и грозили даже высылкою за повтореніе этихъ домогательствъ. Всѣмъ имъ, совершенно неожиданно, разрѣшеніе теперь было выдано. Незаконно созданная монополія была сломлена. Изъ того, что этого такъ легко было добиться, можно за-

ключить, что тогдашній градоначальникъ и не подозрѣвалъ даже истиннаго значенія подсунутыхъ ему „правилъ" и того произвола, который чинился подъ ихъ покровомъ. А между тѣмъ порядокъ этотъ столько времени практиковался и печать молча ему подчинялась!

Первый шагъ только труденъ. За первымъ предостереженіемъ 16 ноября 1876 г. послѣдовало и второе. Виновнымъ оказывался опять фельетонъ, появившійся въ № 18; но на этотъ разъ къ нему была пристегнута еще статья подъ заглавіемъ: „Разладъ жизни съ успѣхами науки и послѣдствія такого разлада". Передавать содержаніе этихъ статей и разгадывать что въ нихъ нецензурнаго было бы излишне. Истинная причина кары разъяснилась, какъ читатели увидятъ, болѣе прямымъ путемъ. Ограничусь лишь, курьеза ради, указаніемъ, что та самая статья, которая такъ не понравилась цензурѣ, не пришлась по вкусу и какому то „либеральному кружку". По крайней мѣрѣ, въ редакціи было получено безъименное заявленіе въ этомъ смыслѣ, съ указаніемъ, что по поводу этой статьи № 18 газеты былъ „изорванъ въ клочки". Такого „либеральнаго" отношенія къ чужому мнѣнію редакція не могла, конечно, оставить безъ вниманія. Все неприличіе подобныхъ „либеральныхъ манипуляцій" было указано въ № 19 „Русскаго Обозрѣнія", а въ слѣдующемъ выпускѣ пришлось напечатать распоряженіе о второмъ предостереженіи за ту же самую (№ 18) статью. Такимъ образомъ выходило, что или либеральныя руки рвали ту статью, за которую газета подверглась взысканію, или административная кара преслѣдовала то, что не согласовалось со вкусами таинственнаго либеральнаго кружка. Въ обоихъ случаяхъ выходило явное противорѣчіе. Оба предостереженія, какъ либеральное, такъ и охранительное, свидѣтельствовали лишь объ одинаковой нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ......... Замѣтимъ ужь, кстати, что неоднократно случалось, что тѣ самыя статьи, которыя появлялись въ „свободной" столичной прессѣ и вызывали строгія административныя взысканія, очень благополучно перепечатывались въ провинціальныхъ изданіяхъ, съ разрѣшенія подчиненныхъ главному управленію по дѣламъ печати цензоровъ.

Въ исторіи „Русскаго Обозрѣнія" такіе курьезы повторялись неоднократно, при чемъ провинціальной перепечатки удостоивались, конечно, самыя выдающіяся мѣста инкриминированныхъ

статей. Можетъ быть провинціальные цензора и получали потомъ должныя внушенія за обнаруженіе подобной непрозорливости; но фактъ остается фактомъ: отъ свободной столичной печати требовалось, чтобъ она была осторожнѣе, воздержаннѣе и цензурнѣе самихъ цензоровъ!..

Дать газетѣ или журналу второе предостереженіе—это все равно, что привязать человѣка къ бочкѣ съ порохомъ. Второе предостереженіе—это постоянно висящій надъ изданіемъ, надъ редакціей и сотрудниками дамокловъ мечъ. Послѣ втораго предостереженія, никогда нельзя быть покойнымъ, невозможно дѣлать никакихъ разсчетовъ, нельзя быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. Издатель долженъ ежеминутно ожидать, что раздавшійся у его двери звонокъ возвѣщаетъ, что онъ приговоренъ таинственнымъ рокомъ къ громадному штрафу или обреченъ на полное раззореніе; сотрудники, пробудясь послѣ безсонной трудовой ночи, могутъ узнать пріятную новость, что ихъ работа пропала даромъ, что задуманныя ими статьи утратили всякое значеніе, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ имъ придется жить въ проголодь и потомъ столько же времени оправляться; типографія и весь связанный съ нею людъ точно также ежеминутно рискуютъ остаться безъ дѣла, безъ заработка.... Вотъ что означаетъ второе предостереженіе, потому что за нимъ также легко можетъ послѣдовать и третье, съ неизбѣжною пріостановкою изданія на срокъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ. Главное управленіе по дѣламъ печати очень хорошо знало, какія тяжелые оковы налагало второе предостереженіе на журналистику и какая отсюда получалась „свобода“ мнѣній и оглашеній. Въ тяжкія времена оно любило, поэтому, держать подъ этимъ гнетомъ всѣ сколько нибудь независимыя изданія. Были примѣры, что въ такомъ шаткомъ, невыносимомъ положеніи журналы и газеты держались цѣлые годы. Можно представить, какого мытарства, какой заботливости, какихъ уступокъ и оглядокъ все это стоило такимъ издателямъ и ихъ сотрудникамъ. Нужно было выворачивать мысль, притворяться глухими и нѣмыми; все это обходилось неисчислимыми умственными и нравственными терзаніями для сколько нибудь добросовѣстныхъ изданій и журналистовъ .... Легко теперь взвѣсить, какъ затемнялись истина, недостатки и интересы нашей жизни. Можно себѣ представить, что̀ это былъ за „либерализмъ“. Не трудно догадаться, какія услуги способенъ былъ оказывать и тотъ «кон-

серватизмъ», который продиктованъ былъ опасеніемъ административныхъ каръ и соединенныхъ съ ними убытковъ. И все это было послѣдствіемъ предоставленія установленной закономъ свободы печати на произволъ административныхъ взысканій, все это зависило отъ какихъ-то вторыхъ и третьихъ предостереженій, появлявшихся нежданно-негаданно, безотчетно, изъ сферы управленія по дѣламъ печати, которое совершенно изолировано отъ дѣйствительной жизни.....

Получивъ 16 ноября 1876 г. второе предостереженіе, также неожиданно и непонятно, какъ и первое, я рѣшился, скрѣпя сердце, отправиться въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, чтобъ попытаться узнать, наконецъ, что означали эти кары? Смирившись духомъ и подготовивъ себя къ воспріятію всевозможныхъ внушеній и наставленій, тѣмъ болѣе, что я чувствовалъ себя нѣсколько обязаннымъ передъ В. В. Григорьевымъ (за его ходатайство о разрѣшеніи газеты), я снова очутился въ знакомомъ кабинетѣ. Передо мною былъ уже не прежній В. В. Григорьевъ, но возсѣдалъ уже вполнѣ освоившійся съ своею ролью, и потому увѣренный въ себѣ и въ своихъ силахъ блюститель благочинія въ русской мысли. Въ голосѣ его слышались раздражительныя нотки. Вмѣсто прямаго отвѣта на мой вопросъ, Григорьевъ распространился о „господахъ журналистахъ“, которые позволяютъ себѣ судить и рядить обо всемъ, осмѣливаются навязывать совѣты и мнѣнія правительству, а въ сущности говорятъ только пустяки и глупости, ровно ничего не вѣдая и не понимая. Я осмѣлился замѣтить на это, что „обсуждать дѣйствія“ дозволяетъ законъ; если же подъ выраженіемъ „обсужденіе“ слѣдуетъ разумѣть только похвалы, то такое толкованіе составляетъ для всѣхъ еще новость и что во всякомъ случаѣ, во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо, чтобъ оно было разъяснено закономъ же. Что касается до неосновательности и до глупости, то очень странно, что противъ глупости не вступаетъ основательность и умъ, а предпочитаются никого не убѣждающія и ничѣмъ не объясняемыя кары. Для умныхъ мнѣній всегда найдется мѣсто и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и въ другихъ, частныхъ изданіяхъ, которымъ за эти услуги даже и платить не придется. Въ заключеніе, такъ какъ все это было „вообще“, относилось ко всей журналистикѣ, я попросилъ категоричнѣе указать въ чемъ именно заключались преступленія „Русскаго Обозрѣнія“ противъ логики,

знанія и истины? Тогда В. В. Григорьевъ еще болѣе раздраженно замѣтилъ, что оба предостереженія даны „за нахальный тонъ" газеты. Такимъ образомъ, отъ мнѣній, разума и истины, мы перешли уже на музыкальную почву. „Нахальное" опредѣленіе тона газеты истощило весь запасъ моего смиренномудрія. Я поспѣшилъ отвѣтить, что дѣйствительно „Русское Обозрѣніе" не говоритъ лакейскимъ языкомъ и услужливый тонъ не въ его природѣ; но едва ли найдется и цензурное постановленіе, предоставляющее карать изданіе за то, что ему свойственны тотъ языкъ и тотъ тонъ, которые общи всѣмъ свободнымъ и уважающимъ себя людямъ. По крайней мѣрѣ, добавилъ я, можно поручиться, что во всѣхъ сужденіяхъ и логическихъ пріемахъ газеты не найдется даже и слова „нахальный". В. В. Григорьевъ, безъ сомнѣнія, понялъ сущность этой реплики, сдѣлалъ приличную случаю оговорку, смягчился и съ начальническаго тона перешелъ на болѣе благодушный.

Въ началѣ января 1877 г. „Русское Обозрѣніе" получило третье предостереженіе, съ пріостановкою изданія на два мѣсяца—до 12 марта 1877 г.

Эта тяжкая кара, послѣдовавшая въ горячее время подписки, объяснялась фельетономъ № 1 и передовою статьею № 2 газеты. Я не пробовалъ уже ходить за разъясненіями въ Главное Управленіе по дѣламъ печати. Опытные журналисты говорили мнѣ, что тяжелое взысканіе постигло газету „за мрачныя краски". Дѣйствительно, и фельетонъ, и передовая статья были посвящены обычному обзору политической и общественной жизни за истекшій годъ. Свѣтлаго въ этой жизни было очень мало. Тогда назрѣвали тѣ бѣдствія, которыя теперь для всѣхъ стали ясными. Ихъ не желали замѣчать и предупредить тѣмъ болѣе гибельныя послѣдствія. Согласовалось ли такое отношеніе къ жизни съ обязанностями независимой и „свободной" печати? По неволѣ выходили „мрачныя краски"..... Газета каралась за то, что не измѣняла публицистическому долгу. Кары эти не могли уловить ни одного дѣйствительнаго нарушенія цензурныхъ постановленій, общихъ законовъ или правительственныхъ распоряженій.

Онѣ послѣдовали за „тонъ" и за „краски"—по части музыки и живописи.

Г. К. Градовскій.

2-го декабря 1880 г.
С.Петербургъ.

ѲЕДОРЪ КЛЕМЕНТЬЕВИЧЪ ГЕЙСМАРЪ,

въ битвѣ подъ Сточекомъ 2-го февраля 1831 г.

Въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» за 1881 годъ помѣщена интересная біографія генералъ-адъютанта барона Гейсмара, извѣстнаго дѣятеля турецкой 1828—1829 гг. и польской 1830—1831 гг. войнъ. Въ пятой главѣ упомянутаго очерка описано дѣло 2-го февраля 1831 г. подъ Сточекомъ [1]), въ которомъ баронъ Гейсмаръ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе отъ польскаго генерала Дверницкаго. Хотя фактическая часть изложена у автора біографіи, вообще, вѣрно, но освѣщеніе событію дано такое, которое только и понятно, если вспомнить, что въ данномъ случаѣ внукъ говоритъ о подвигахъ своего дѣда. Польскій генералъ, съ отрядомъ изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, 17 эскадроновъ и 6 орудій, сосредоточивается у Сточека, гдѣ занимаетъ позицію. Узнавши объ этомъ, Гейсмаръ, имѣющій въ своемъ распоряженіи конно-егерскую дивизію, оставляетъ одну бригаду у Сѣрочина, а съ другою двигается противъ Дверницкаго и дѣлитъ ее еще на двѣ части: генералъ Пашковъ съ Переяславскимъ конно-егерскимъ полкомъ и 4 орудіями слѣдуетъ по прямой дорогѣ отъ Сѣрочина на Сточекъ, а самъ Гейсмаръ съ Виртембергскимъ конно-егерскимъ полкомъ и 6 орудіями направляется по кружной дорогѣ влѣво, для атаки поляковъ во флангъ. Обѣ дороги представляли дефиле, трудныя для движенія, причемъ лѣвая длиннѣе правой; тѣмъ не менѣе бѣ колонны выступили одновременно. Большой лѣсъ вскорѣ отдѣлилъ ихъ совершенно отъ оставленной у Сѣрочина бригады. Пер-

---

[1]) Кстати замѣтимъ, авторъ ошибочно пишетъ названія мѣстныхъ пунктовъ, такъ, напримѣръ, Сточекъ у него превращается въ Стожокъ, Сѣрочинъ въ Сорочинъ и т. п. А. П.

вымъ вышелъ къ Сточеку Пашковъ. Послѣ непродолжительной канонады, Дверницкій атаковалъ его сосредоточенными силами. Пашковъ со 2-мъ дивизіономъ бросился въ атаку, а 1-му дивизіону приказалъ взять во флангъ поляковъ, но этотъ дивизіонъ, подъ вліяніемъ паническаго страха передъ десятернымъ противникомъ, далъ тылъ и увлекъ за собою весь полкъ; поляки захватили два орудія. Въ это время появляется колонна Гейсмара; Дверницкій, покончивши съ Пашковымъ, обращается противъ Виртембергскаго полка. Бывшій впереди 3-й дивизіонъ не выдержалъ атаки превосходнаго противника и повернулъ назадъ; этому-же послѣдовали и оба остальные дивизіона, не смотря на старанія Гейсмара остановить бѣгущихъ; поляки захватили здѣсь 6 орудій. Вотъ схематическій очеркъ этого печальнаго для насъ боя. Кто-же былъ причиною пораженія? Составитель біографіи главнымъ образомъ обвиняетъ войска и притомъ въ самой рѣзкой формѣ. «Гейсмаръ—говоритъ онъ—забылъ, что атакуетъ Дверницкаго не съ Томскимъ и Колыванскимъ полками (полки, бывшіе подъ его командою въ ночь съ 14-го на 15-е сентября 1828 г. подъ Бойлешти)—этими чудо-богатырями, не знавшими преградъ своему наступленію и выполнявшими всѣ возлагаемыя на нихъ приказанія».. Далѣе: «Подъ Сточекомъ всѣ усилія Гейсмара воодушевить трусовъ— остались тщетными»; наконецъ: «Послѣднее обстоятельство [1]) устрашило поляковъ, прекратило ихъ дальнѣйшее преслѣдованіе и дало возможность Гейсмару собрать и привести въ порядокъ трусовъ ввѣренныхъ ему конно-егерскихъ полковъ». И только далѣе, наградивши войска такими эпитетами, біографъ замѣчаетъ: «Надо признаться, что со стороны Гейсмара лично, въ сраженіи подъ Сточекомъ, было сдѣлано нѣсколько крупныхъ ошибокъ: атака была ведена недостаточными силами и отрядъ свой онъ разбросалъ на большомъ протяженіи — это дало полякамъ возможность разбить наши колонны по частямъ». Приведенное замѣчаніе теряется среди пространныхъ разсужденій о трусости войскъ; а между тѣмъ въ распоряженіяхъ Гейсмара и заключается вся почти сущность вопроса. И дѣйствительно, эти самые полки черезъ пять только дней уже дѣйствуютъ совершенно иначе въ сраженіи подъ Вавромъ: «Генералъ-фельдмаршалъ послалъ конно-егерскій Его Величества короля Виртембергскаго полкъ, давая оному случай отомстить за пораженіе, потерпѣнное онымъ при Сточекѣ. Атака ведена генералъ-маіоромъ Пашковымъ и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: опрокинувъ совер-

---

[1]) Т. е. присутствіе бригады въ Сѣрочинѣ.

шенно польскій № 3-й конно-егерскій полкъ, онъ врубился въ каре польскихъ гренадеръ. Смятые и опрокинутые сею атакою, они стѣснены къ болоту, въ коемъ и потеряли множество людей погибшими. Остальные, видя сіе, положили оружіе» [1]). Такимъ образомъ конно-егеря Гейсмара вовсе не были такими трусами, какъ говоритъ его біографъ, и нужно было только умѣть правильно ими пользоваться. Въ этомъ отношеніи Гейсмаръ дѣлаетъ цѣлый рядъ промаховъ. Прежде всего, идя противъ сосредоточеннаго противника, имѣвшаго вдобавокъ отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, онъ дѣлитъ свои войска на двѣ части и такимъ образомъ добровольно лишаетъ себя содѣйствія, на рѣшительномъ пунктѣ, цѣлой ихъ половины. Затѣмъ, не зная въ точности обстановки, онъ уже заранѣе составляетъ планъ дѣла и предполагаетъ атаковать непріятеля и съ фронта, и съ фланга, а для этого ему пришлось еще раздробить свои слабыя силы на двѣ части, легко подвергавшіяся отдѣльнымъ ударамъ противника, занимавшаго центральное положеніе. Самый расчетъ движенія, въ довершеніе всего, былъ сдѣланъ невѣрно, такъ какъ лѣвая дорога длиннѣе правой, а обѣ колонны выступили одновременно и не могли держать между собою связи въ этой лѣсистой и трудно проходимой мѣстности. Въ результатѣ получилось то, чего слѣдовало ожидать: изъ всей своей дивизіи Гейсмаръ съумѣлъ противупоставить на полѣ битвы значительно превосходному противнику только 6 эскадроновъ, т. е. $^1/_4$ отряда, а за тѣмъ подставилъ подъ его удары еще 6 эскадроновъ. Эти непостижимыя распоряженія столь опытнаго начальника объясняются слѣдующимъ образомъ однимъ изъ участниковъ кампаніи: «Пораженіе Гейсмара въ особенности было прискорбно, потому что онъ потерпѣлъ его по собственной винѣ, отъ излишней своей самонадѣянности. Не испытавъ дотолѣ неудачъ, онъ находилъ все возможнымъ для своего неукротимаго мужества и никакое предпріятіе не считалъ неисполнимымъ. Не смотря на предупрежденіе авангарднаго начальника, что непріятель очень силенъ, онъ не отмѣнилъ своего намѣренія. Упрекнувъ съ пренебреженіемъ начальника авангарда въ чрезмѣрной осторожности, онъ атаковалъ противника смѣло и рѣшительно. Считая отрядъ своего врага только рухавкой

---

[1]) Архивъ военно-ученаго комитета главнаго штаба Ивановъ и кн. Тенишевъ: „Изложеніе военныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ" и пр. гл. 2-я, подъ 2-мъ февраля. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ добросовѣстную обработку офиціальныхъ данныхъ о войнѣ 1830—1831 гг. (до назначенія Паскевича главнокомандующимъ), къ сожалѣнію, осталось въ рукописи. А. П.

(новонабранная пѣхота), онъ былъ увѣренъ, что однимъ взмахомъ сабли разгонитъ шайку бунтовщиковъ, какъ это разъ ему и удалось. Въ этой увѣренности онъ не могъ и думать о возможности неуспѣха и не только не обезпечилъ себѣ пути отступленія, какъ дѣлаетъ каждый менѣе самонадѣянный начальникъ, но, напротивъ, боялся, что непріятель отъ страха убѣжитъ и лишитъ его лавроваго вѣнка» [1]).

Въ заключеніе слѣдуетъ привести еще одну изъ причинъ нашей неудачи подъ Сточекомъ,—о ней упоминаютъ современники, а именно: передъ самой войной конно-егерей вооружили пиками: наконечники къ нимъ были доставлены изъ коммисаріата, но выдѣлкою древокъ должны были озаботиться сами полковые командиры на походѣ; по недостатку средствъ и времени, древка сдѣланы были кое-какъ и солдаты вовсе необучены владѣть пиками. Получивъ приказаніе атаковать, они пустились смѣло, но, не надѣясь на свое новое оружіе, начали бросать пики и вынимать сабли; это произвело сначала остановку въ атакѣ, потомъ замѣшательство и, наконецъ, было одною изъ причинъ неудачи [2]).

А. К. Пузыревскій.

---

[1]) М—въ: „Отрывки изъ походныхъ записокъ о войнѣ въ Польшѣ“. Военный Сборникъ 1860 г., мартъ, стр. 22—23.

[2]) Неѣловъ: „Воспоминанія о Польской войнѣ 1831 г.“, стр. 62.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЕГО ЖИЗНИ.

(Письма Өедора Горемыкина къ Я. И. Ростовцеву).

Превосходная гравюра, исполненная рѣзцомъ покойнаго Академика Сѣрякова—портретъ великаго князя Михаила Павловича,—гравюра, приложенная при настоящей книгѣ „Русской Старины“ и исполненная съ чрезвычайно схожаго съ оригиналомъ портрета,—даетъ намъ поводъ напомнить читателямъ о младшемъ братѣ императора Николая Павловича.

Строгій исполнитель тогдашнихъ требованій службы, великій князь Михаилъ Павловичъ отличался беззавѣтною преданностью своему верховному вождю и душою въ сущности весьма доброю. Хотя великій князь тщательно скрывалъ эту доброту, но особое вниманіе къ нуждамъ подчиненныхъ и поразительная щедрость при поддержкѣ матеріальнаго ихъ быта—выдавали командира, наружно крайне суроваго.

В. К. Михаилъ Павловичъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма типическій представитель—„Николаевской“ эпохи и желательно бы было, чтобы лица, близко его знавшія, вполнѣ безпристрастно оживили его личность въ своихъ воспоминаніяхъ. Ред.

Варшава, 12 августа 1849 г. $8^1/_2$ часовъ вечера.

Сегодня утромъ отправилъ я къ в. пре-ву бумаги съ письмомъ моимъ, въ которомъ писалъ о здоровьѣ великаго князя (Михаила Павлоича). Въ нѣсколько часовъ все измѣнилось: онъ былъ сегодня на смотру 1 гренадерской артиллерійской бригады, потомъ поѣхалъ на Мокотовское поле, на ученье 7 легкой кавалерійской дивизіи, и тамъ, въ $2^1/_4$ часа съ нимъ сдѣлался ударъ!... Мы привезли его съ поля безъ памяти, безъ языка и правой руки и ноги; кровопусканіе, горчица, піявки, рожки, ледъ на голову, кувшины горячей воды къ ногамъ—все было сейчасъ сдѣлано, и до сей поры еще помогло мало. Онъ пришелъ, кажется, въ память, но не можетъ говорить и дѣйствовать пораженною рукою. Въ $4^1/_2$ часа его пріобщили св. Таинъ. Теперь онъ спокойнѣе, кажется, спитъ, по крайней мѣрѣ, дышетъ ровно и тихо; но пульсъ очень слабъ и появляется рвота.—Яковъ Васильевичъ (Вилліе?) и сбѣжавшіеся 4 доктора качаютъ головами,

обнадеживаютъ, но не вѣрно. — Во всякомъ случаѣ, жизнь его можетъ быть сохранена, но здоровье утрачено на всегда.—

Теперь мы сидимъ возлѣ спальни больнаго, и сами не знаемъ что Богъ дастъ къ утру.—Надѣемся, молимся,—но все остальное и пугаетъ и убиваетъ насъ.—

Николай Матвѣевичъ (Толстой) не велѣлъ мнѣ извѣщать васъ о семъ, пока какой нибудь результатъ не объяснится; но зная, что В. К. Константинъ Николаевичъ сейчасъ ѣдетъ въ Пбургъ, я не могъ не сообщить собственно вамъ о человѣкѣ, котораго вы такъ любите и которому такъ преданы.—Посторонніе слухи васъ бы болѣе разтревожили, чѣмъ мое извѣщеніе; но Николай Матвѣевичъ проситъ васъ, не объявлять еще о семъ никому, ибо и государь еще никому о семъ не велѣлъ давать знать.—

Я не премину извѣщать васъ далѣе о томъ, чѣмъ Богъ насъ порадуетъ. Его святая Воля!—

Не могу болѣе писать какъ отъ тяжести ужаснаго впечатлѣнія, такъ отъ усталости, такъ и оттого, что писать болѣе нечего, ни болѣе радостнаго ни болѣе печальнаго.—Мы всѣ въ какомъ-то туманѣ. На государя, который не отходитъ отъ кровати, нельзя смотрѣть безъ горчайшихъ слезъ.—

Пути Божіи неисповѣдимы, — но случай этотъ убилъ мой духъ потрясъ надежду, — и я самъ не знаю что дѣлается съ моимъ разсудкомъ.—Теперь вижу, какъ горячо люблю я великаго князя.

Ѳ. Горемыкинъ.

Бельведеръ.
8½ часовъ вечера.

Варшава, 13 августа 11½ часовъ утра

Слава Богу, его высочеству хоть не много получше; ночь провелъ въ забытьи, сегодня утромъ произнесъ нѣсколько словъ и въ правой рукѣ оказывается нѣкоторая жизненность. Медики начинаютъ имѣть нѣкоторую надежду, хотя нельзя сказать, чтобъ больной не былъ еще въ большой опасности.

Государю угодно послать меня на Рюгенъ съ извѣщеніемъ къ ея высочеству. Отправляюсь туда сегодня въ 5 часовъ по желѣзной дорогѣ черезъ Берлинъ, и государь повелѣлъ мнѣ, въ случаѣ, если великая княгиня Елена Павловна пожелаетъ ѣхать въ Варшаву (что и вѣроятно), то сопровождать ее до сюда.

Ѳ. Горемыкинъ.

Бельведеръ.

18 августа 1849 г. Путбусъ, на островѣ Рюгенѣ.

Выѣхавъ 13-го числа изъ Варшавы, я прибылъ 15-го на островъ Рюгенъ, въ Путбусъ, гдѣ нашелъ ихъ высочества великую княгиню и великую княжну не совсѣмъ здоровыми, и долженъ былъ сразить ихъ ужасною вѣстію въ то самое время, когда онѣ всего менѣе того ожидали.

Ея высочество немедленно рѣшилась ѣхать въ Варшаву, куда мнѣ приказано проводить ее. Но какъ русскій пароходъ не пришелъ еще, а другого никакого нѣтъ, то надобно было посылать въ Берлинъ просить Прусскаго короля о присылкѣ своего корабля; все это, вмѣстѣ съ приготовленіями и необходимыми предосторожностями на счетъ здоровья великой княжны, задерживаетъ здѣсь великую княгиню до воскресенья, 26-го.

Между тѣмъ, вслѣдъ за мною, ежедневно является здѣсь одинъ изъ нашихъ адъютантовъ съ дальнѣйшими извѣстіями,—слава Богу,—довольно отрадными и подающими нѣкоторыя, хотя еще слабыя и невѣрныя, надежды. Великій князь оказываетъ болѣе памяти, (доказательство, что мозгъ сохраненъ,—а это главное); кое-что выговариваетъ, имѣетъ немного натуральнаго сна; самъ попросилъ чаю и выпилъ чашку, узнаетъ людей, иныхъ самъ называетъ,—однимъ словомъ, на нашъ взглядъ, есть много признаковъ, по которымъ мы почти увѣрены, что онъ поправится, но доктора остаются въ тѣхъ же опасеніяхъ, находятъ его положеніе немного лучшимъ, недозволяя однако предаваться никакимъ надеждамъ.

Я полагалъ, что вы, немедленно по полученіи извѣстія, можетъ быть, сами поспѣшите сюда; но къ сожалѣнію, кажется, не кончилось еще дѣло, по которому вамъ нельзя оставить Петербургъ.

Болѣе писать вашему превосходительству не имѣю; предметовъ много, но они теперь не кстати, и притомъ дорога и тяжкія сцены съ в. кн. и особенно съ в. княжной привели меня въ такое тревожное состояніе, что еще не могу справиться съ мыслями. Благодарю Бога, что помогъ мнѣ счастливо исполнить мое нелегкое порученіе. Ихъ высочества довольно здоровы и покойны, и объявленіе имъ печальной новости обошлось безъ большой бѣды.—Выѣзжая въ воскресенье 21-го, онѣ будутъ въ Варшавѣ около пятницы, 26-го; до того времени и государь вѣроятно изволитъ оставаться тамъ.—Тогда опредѣлится, что далѣе предпринять съ великимъ княземъ, и тогда же надобно ожидать и какого либо рѣшенія на счетъ передачи всѣхъ его управленій другимъ лицамъ.

Часто, съ какимъ-то болѣзненнымъ ощущеніемъ, думаю я и объ

васъ: какъ глубоко и тяжко долженъ огорчать васъ этотъ ужасный случай, и какъ должны вы страдать при извѣстной мнѣ любви и преданности вашей къ е. в-ву. Тѣмъ болѣе молю я Бога, чтобъ сохранилъ намъ, по крайней мѣрѣ, васъ и ваше здоровье; я васъ умоляю—беречь себя для блага огромной семьи, теперь почти осиротѣлой.

25 августа 1849 г. Варшава.

Прибывъ сегодня изъ Путбуса въ Варшаву, поспѣшаю представить вамъ продолженіе извѣстій о состояніи здоровья нашего великаго князя.

Получаемыя въ Путбусѣ и дорогою ежедневные бюлетени и словесныя свѣденія, представляли мнѣ состояніе больнаго въ лучшемъ видѣ,—даже подавали нѣкоторыя надежды; но теперь, войдя въ его комнату, вижу, что надежда остается только на Господа Бога. Въ теченіе этихъ 12 дней, е. высочество ужасно измѣнился: рука, послѣ нѣсколькихъ признаковъ оживленія, опять замерла и, равно какъ и ноги, остаются недвижимы и большею частію холодны; языкъ сталъ было по свободнѣе, нѣсколько разъ онъ даже внятно и съ толкомъ произносилъ кое какія слова, но большею частію лепечетъ болѣзненнымъ голосомъ какіе то звуки, которыхъ никакъ разобрать нельзя.—Нѣсколько разъ возобновлялась лихорадка, которой сначала даже обрадовались-было, ожидая реакціи въ пользу пораженныхъ частей; но какъ пароксизмы обходились безъ испарины, которой никакъ произвести не могли, то они послужили только къ бо́льшему еще истощенію силъ больнаго.—Теперь, дня три, продолжается, съ небольшими перерывами—икота, и иногда столь сильная, что отрыжки слышны въ другой комнатѣ;—все показываетъ сильное разложеніе желчи и еще болѣе его ослабляетъ.—Упадокъ силъ такъ великъ, что онъ почти никакого движенія дѣлать не можетъ, и даже здоровыми частями едва владѣетъ; третьяго дня, дыханіе и пульсъ сдѣлались такъ слабы, что медики признали необходимымъ дать ему мускусъ; послѣ четырехъ пріемовъ онаго, онъ началъ дышать свободнѣе и пульсъ хотя слабо, но довольно правильно, опять бьется. Все это время, онъ очень послушенъ, принимаетъ всѣ лекарства и терпѣливо позволяетъ дѣлать съ собою все, что нужно, хотя стоны показываютъ, что это ему тяжело; въ 14 дней, онъ выпилъ только раза три по нѣскольку глотковъ чаю, и раза два вливали ему по полу-чашкѣ бульону.—Все время, онъ лежитъ съ закрытыми глазами въ забытьи; настоящаго же сна имѣетъ немного; по вечерамъ иногда заговариваетъ, но изъ прорывающихся словъ, которыя разобрать успѣваютъ, видно, что это бредъ. Теперь, нѣсколько дней сряду, онъ по часту стонетъ, и по временамъ такъ громко и такимъ голо-

сомъ, что сидящіе за двѣ, за три комнаты, выдерживать не могутъ. Внутренно, онъ, кажется, сознаетъ свое положеніе; по крайней мѣрѣ въ тѣ минуты, когда приходитъ въ себя, узнаетъ окружающихъ, иногда называетъ ихъ по именамъ; государя и цесаревича всегда узнаетъ и смотря на нихъ съ нѣжностію, часто хватаетъ ихъ руки и держитъ долго; вчера, самъ спросилъ Н. М. Толстаго и также долго держалъ его за руку, силился что-то сказать, но понять было нельзя. Кромѣ одного выраженія: envoyez à Pétersbourg (которое впрочемъ различно толковать можно); кажется, какъ бы боится (свиданія), ибо, когда в. кн. Ольга Николаевна, предъ отъѣздомъ, взошла въ спальню и стала за ширмами, то онъ услышалъ шорохъ платья, задрожалъ, сталъ ворочаться въ ту сторону, и всю ночь былъ безпокоенъ.

Сегодня великая княгиня Елена Павловна пріѣхала. На первое время, она ограничилась только тѣмъ, что подошла къ двери и посмотрѣла на больнаго сквозь отверстіе; теперь идетъ между медиками разсужденіе пустить-ли ее совсѣмъ, и хотѣли было даже на это рѣшиться, но Его Величество просилъ повременить, ибо въ эти дни, больной такъ ослабѣлъ, что всякое сильное ощущеніе, даже радостное, можетъ убить его. В. княж. Екатерину Михаиловну совсѣмъ не пускаютъ, даже въ сосѣднюю комнату. Насъ также теперь не впускаютъ и кромѣ медиковъ входятъ въ спальную государь, цесаревичъ, Н. М. Толстой и Огаревъ.

Вотъ все, что я могу сказать в. п—ству о состояніи нашего начальника и благодѣтеля. Напрасно допрашивалъ я медиковъ, какое можно сдѣлать заключеніе, и можно ли имѣть какую нибудь надежду; но они, измученные двухъ недѣльными усиліями, приведенные въ недоумѣніе упорствомъ и странными явленіями болѣзни, рѣшительно ничего сказать не могутъ, кромѣ того, что опасность велика, надежды мало, но что нельзя еще вполнѣ отчаяваться. Остается только, съ вѣрою и надеждою положиться на волю Провидѣнія.

Передъ печальными этими подробностями изчезаетъ интересъ всякихъ другихъ новостей; война кончилась; фельдмаршалъ со славою воротился въ Варшаву; войска, за исключеніемъ 3 пѣх. корпуса, возвращаются изъ Венгріи; гвардія идетъ назадъ въ Пбургъ. Государь предполагалъ 20 или 21 выѣхать отсюда, но теперь остается въ ожиданіи пока болѣзнь е. высочества не приметъ какого нибудь оборота. Е. выс Цесаревичъ командуетъ гв. и гр. корпусами; по прочимъ же управленіямъ приказано, до времени, устроить ходъ дѣлъ такъ, какъ было во время заграничныхъ поѣздокъ его высочества, а о тѣхъ предметахъ, о которыхъ посылались къ нему доклады, испрашивать разрѣшенія г. военнаго министра....

Безпрестанно думаю я о васъ; меня напугали разсказомъ, что вы, не получивъ еще моего письма отъ 12-го, узнали о нашемъ общемъ несчастіи внезапно отъ Л. В. Дубельта, въ комисіи, и сами заболѣли. Понимаю, что подобное извѣстіе могло на васъ такъ подѣйствовать, но заклинаю васъ, сколько отъ васъ зависитъ, поберегите себя. Вы теперь остались у насъ одни, и положеніе военно-учебн. заведеній было бъ еще ужаснѣе, еслибъ васъ не было

Ѳедоръ Горемыкинъ.

Варшава. 28-го августа. 4 часа по полудни.

Ваше превосходительство уже вѣроятно готовы на всѣ дурныя отъ меня новости: желалъ бы, чтобъ настоящая достигла до васъ не чрезъ меня, но тѣмъ не менѣе исполняю тяжкую обязанность, съ отчаяніемъ въ сердцѣ увѣдомить васъ, что въ $2^1/_2$ часа сегодня, великаго князя нашего не стало!... Послѣ трехъ дней мучительной агоніи, онъ испустилъ духъ на рукахъ государя, наслѣдника и великой княгини. Ничего болѣе сказать не могу: и не въ силахъ, и не знаю. Говорятъ, что государь сегодня вечеромъ изволитъ ѣхать обратно въ Петербургъ: отъ него вы узнаете о распоряженіяхъ, какія могло произвести наше это общее несчастіе.

Посреди мрачныхъ мыслей, подавляющихъ мою голову, могу сообщить вамъ только одно утѣшительное: мѣсто усопшаго, по званію главнаго начальника в. учебныхъ зав., занимаетъ е. в. наслѣдникъ.

Молю Бога, да подкрѣпитъ силы ваши въ эти тяжкія минуты...

Ѳедоръ Горемыкинъ.

Прошу извиненія в. пр-ва за безпорядокъ этого письма: и рука трясется, и въ глазахъ темно.

31-го августа 1849. Варшава.

Пишу къ в. п. подъ вліяніемъ столь грустныхъ, столь тяжкихъ ощущеній, что конечно, письмо это не доставитъ вамъ никакого удовольствія.—Сегодня совершилось три дня, какъ чистая высокая душа нашего великаго князя отлетѣла къ божественному источнику всего чистаго и высокаго, а мы здѣсь, стоя около его тѣла, не можемъ еще унять сердечной тоски, которая не только не усвоивается душѣ, но напротивъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе давитъ душу, туманитъ мысли, наводя болѣе и болѣе на печальныя размышленія и о себѣ, и о жизни человѣческой, и раскрывая болѣе и болѣе великость потери, понесенной государствомъ, обществомъ, службою и наконецъ всѣми, кто былъ близокъ къ усопшему.—Второстепенные, мелкіе оттѣнки характера и дѣйствій начальника, иногда сердитаго и грознаго, исчезаютъ вмѣстѣ съ жизнію, не оставляя ни малѣйшаго горькаго впечатлѣнія; напротивъ, въ душѣ остается воспоминаніе благороднѣйшаго, нѣжнѣйшаго отца, друга правды и че-

ловѣчества, поборника законовъ и порядка, ревнителя службы и долга, которому остался вѣренъ неизмѣнно до конца своей жизни, принесенной въ жертву своимъ обязанностямъ. — Звуки встрѣчнаго марша, которымъ отдавали ему честь при его появленіи передъ фронтомъ, еще не успѣли замолкнуть, когда смертельный ударъ сразилъ его; они были прощальною почестію, съ которою его повезли съ поля, уже полумертваго. Я вижу въ этомъ какъ бы примѣръ, указаніе намъ всѣмъ,—служить до послѣдняго истощенія силъ, не ослабѣвать въ усердіи и дѣятельности даже тогда, когда въ груди его уже таится зародышъ смертельной болѣзни.—Съ такими мыслями стоимъ мы около безвременнаго гроба покойнаго, и самые твердые изъ насъ не могутъ удержать слезъ. — Впрочемъ, напрасно я о немъ распространяюсь: стóитъ только побыть часъ, другой, въ печальной комнатѣ, видѣть то единодушное, искреннее соучастіе, съ какимъ люди всѣхъ чиновъ и званій, особенно военные, сами по себѣ, безъ наряда и приказа, толпятся безпрерывно у гроба, прося позволенія какъ милости поклониться усопшему, тогда какъ тутъ нѣтъ ничего, что могло бы занять праздное любопытство, -- никого, передъ кѣмъ можно бы было съ разсчетомъ выказать свое усердіе. Слезы, въ темномъ уголкѣ, какого-нибудь стараго Тутолмина, составляютъ самое краснорѣчивое надгробное слово усопшему.

Печальныя распоряженія, между тѣмъ, идутъ своимъ порядкомъ; въ ночи съ 29 на 30 происходило бальзамированіе тѣла покойнаго, совершившееся по новому способу, вліянія (injection) бальзамическаго раствора въ вены, весьма удачно.—Тѣло покойнаго, истерзанное кровоизвлекающими средствами, очень измѣнилось, похудѣло разительно, даже потеряло свои формы; но лице сохранило всю правильность; сдѣлалось совершенно бѣло и блѣдно, но удержало выраженіе спокойствія и той ясной чистоты, какая отличала его душу.—Въ ночи съ вечера на сегодня, положили его въ гробъ. Теперь оно простоитъ въ Бельведерѣ 4 дня; 4-го сентября, въ воскресенье, будетъ перевезено въ соборъ на 2 дни, а 6-го отправляется изъ Варшавы.—Поѣздъ назначенъ на почтовыхъ; маршрутъ расчитанъ на 9 дней (съ ночлегами), такъ что 15-го будемъ въ Петербургѣ. Всѣ состоявшіе при е. в. лица и адъютанты ѣдутъ вмѣстѣ, вслѣдъ за гробомъ; подъ весь поѣздъ заготовляется 118 лошадей на каждой станціи.—Всѣ распоряженія возложены на г. Бибикова.

Ея высочество Елена Павловна съ дочерью, проведя послѣдніе три дни у постели умирающаго, который узналъ ихъ и очень былъ обрадованъ, — выдержали это тяжкое время съ удивительною твердостію и покорностію волѣ Божіей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ печалію,

которая ни съ чѣмъ сравниться не можетъ. Сегодня, послѣ утренней панихиды, онѣ простились въ послѣдній разъ съ усопшимъ и отправились въ Штеттинъ, откуда на пароходѣ поѣдутъ въ Петербургъ. Прощаніе ихъ съ нами представляло сцену, раздирающую душу: обѣ онѣ много насъ благодарили, хотѣли еще говорить—и не могли; мы, обливаясь слезами, молча поцѣловали ихъ руки, и безмолвно, съ рыданіями проводили до кареты.

2-го сентября 1849. Варшава

6-го сентября выѣзжаетъ кортежъ изъ Варшавы и ночуетъ въ Остроленкѣ; 7-го въ Сувалкахъ; 8-го въ Ковнѣ; 9-го въ Вилькомірѣ; 10-го въ Динабургѣ; 11-го въ Рѣжицѣ; 12-го въ Островѣ; 13-го въ ст. Катежномъ; 14-го въ ст. Городцѣ и 15-го въ Чесмѣ.

Здѣсь все, какъ само собою разумѣется,— скучно, грустно, уныло; душа изнемогаетъ отъ печальныхъ впечатлѣній; звуки заупокойныхъ мотивовъ безпрерывно раздаются въ ушахъ, и Бельведеръ, съ опустѣлыми своими комнатами, сталъ намъ противенъ.—Скажу вамъ со всею откровенностію, что общее грустное настроеніе духа всѣхъ нашихъ гг. усиливается еще неудовольствіемъ на одно лице, которому поручены всѣ распоряженія, и который своимъ страннымъ поведеніемъ со всѣми, отравилъ у всѣхъ священныя чувства благоговѣнія, которыми въ эти минуты исполнены всѣ. — При положеніи тѣла въ гробъ, надъ открытымъ ликомъ покойнаго, завязался между нимъ и Н. М. Толстымъ такой неумѣстный споръ, что всѣ, въ глубокомъ негодованіи, хотѣли уйти изъ комнаты. Послѣ все кончилось, конечно, извиненіями, но невыгодное впечатлѣніе осталось навсегда.

Θедоръ Горемыкинъ.
Сообщ. К. А. Висковатовъ.

Примѣчаніе. Вотъ свѣдѣнія о службѣ Θедора Горемыкина.

Θедоръ Ивановичъ Горемыкинъ окончилъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ въ л.-гв. московскій полкъ прапорщикомъ (6-го авг. 1829 г.). Впослѣдствіи выслушалъ полный курсъ въ Имп. Военной академіи. Въ 1839 г., назначенъ адъюнктъ-профессоромъ тактики въ Военную академію. Въ 1843 г. назначенъ профессоромъ тактики въ той же академіи. Въ 1844 г. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ всей пѣхоты отдѣльнаго гвард. корпуса. Въ томъ же году назначенъ членомъ военно-цензурнаго комитета. Въ 1847 г. назначенъ адъютантомъ къ Вел. Кн. Михаилу Павловичу, главнокомандующему гвард. и гренад корпусами. Въ 1849 г., янв. 1, назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Въ этомъ же году уволенъ отъ должности профессора тактики, и, въ чинѣ полковника, назначенъ флигель-адъютантомъ Е. И. Вел—ва.

Въ 1830 г. Горемыкинъ участвовалъ въ экспедиціи за Кубань противъ кавказскихъ горцевъ. Въ 1849 г., во время движенія войскъ гвард. и грен. корпусовъ къ западнымъ границамъ, находился при Вел. Кн. Мих. Павловичѣ въ гор. Варшавѣ. Умеръ въ 1850 г. Ред.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

† 18 ноября 1881 г.

Николай Николаевичъ былъ камеръ-пажемъ, когда произошло событіе 14 декабря 1825 года, и финляндскій полкъ привлекъ на себя вниманіе императора Николая. Полкъ этотъ былъ изъ самыхъ забытыхъ въ гвардіи. Желая поднять его на общественной лѣстницѣ, государь высказалъ желаніе, чтобы пажи не пренебрегали имъ, и вотъ Н. Н. началъ въ немъ службу, хотя могъ бы достать вакансію и въ 1-й дивизіи.

Въ 1830-хъ годахъ онъ былъ нѣкоторое время въ отставкѣ; но родственникъ его, генералъ Головинъ, ставъ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, вызвалъ его вновь на службу, и послѣдняя была блистательна. Бывшій начальникъ Черноморской береговой линіи, генералъ Анрепъ, напр. писалъ Головину: „Не могу быть достаточно благодарнымъ вашему высокопревосходительству за назначеніе начальникомъ 3-го отдѣленія линіи (въ Сухумѣ) такого превосходнаго, высокодаровитаго штабъ-офицера, какъ полк. Муравьевъ". Я самъ читалъ эту бумагу въ дѣлахъ кавказскаго штаба и прибавлю, что отзывъ Анрепа оправдывался тѣмъ, что при Муравьевѣ были совершенно покорны убыхи т. е. тѣ изъ горцевъ западнаго Кавказа, которые потомъ дольше всѣхъ прочихъ оставались враждебными намъ и никогда не были покорены оружіемъ. Эта административная умѣлость и обратила на Муравьева вниманіе императора Николая, который произвелъ его въ генералы и потомъ отправилъ губернаторомъ въ Тулу, давъ сначала случай ознакомиться съ гражданскими дѣлами при ревизіи Новгородской губерніи.

Въ Тулѣ Николай Николаевичъ оставался не долго; но онъ первый изъ всѣхъ русскихъ губернаторовъ поднялъ тамъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ. Девять помѣщиковъ, въ томъ числѣ кн. Голицынъ и одинъ изъ Норовыхъ, подписали приготовленный по внушенію Муравьева адресъ государю объ освобожденіи крестьянъ. Императоръ былъ очень доволенъ, но повелѣлъ продолжать дѣло съ крайнею осторожностью и прежде всего добиться бо̀льшаго числа помѣщичьихъ подписей подъ адресомъ. А какъ таковыхъ собрать не удалось, то дѣло кануло въ воду. Только государь не забылъ „либерала и демократа“, т. е. по про̀сту благороднаго, человѣколюбиваго губернатора, и въ 1848 г., молодымъ генералъ-маіоромъ, послалъ его управлять восточной Сибирью.

Это было своего рода событіемъ. Разные gros bonnets въ Петербургѣ находили, что это скандалъ. Въ Омскѣ, когда ген.-губ. западной Сибири кн. Горчаковъ узналъ, что у него сосѣдомъ будетъ молодой человѣкъ, 38 лѣтъ, то пришолъ въ азартъ. Увидавъ явившагося на дежурство чиновника Б-ва, онъ закричалъ ему: „поздравляю тебя, Б-въ,—ты министръ!“ А когда Б-въ, молодой человѣкъ, вытаращилъ отъ удивленія глаза, то прибавилъ: „ты не вѣришь? Вотъ тебѣ доказательство: Муравьевъ, такой же мальчишка какъ ты, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ...“ Это тотъ самый Горчаковъ, что былъ удаленъ изъ Сибири по ревизіи Анненкова и потомъ подвизался подъ Альмой и Инкерманомъ.

О генералъ-губернаторствѣ Н. Н. Муравьева въ Сибири я уже не мало говорилъ въ моихъ „Воспоминаніяхъ объ Амурѣ“; но не могу не прибавить еще одного-двухъ фактовъ, которые, по весьма понятной причинѣ, не могъ обнародовать при его жизни. Весною 1857 г., въ Читѣ, представлялись ему мѣстные чиновники и, между прочимъ, строители многихъ казенныхъ зданій въ только что возникавшемъ областномъ городѣ. Николай Николаевичъ совѣтовалъ имъ быть возможно экономными при составленіи смѣтъ и дѣйствительной постройкѣ зданій. Кто-то сослался на то, что смѣты, по необходимости, составляются на основаніи „Урочнаго Положенія“.—„Ахъ, не говорите мнѣ пожалуйста про эту гнусную книгу: вѣдь она сочинена графомъ К., чтобы обкрадывать государство. Мы съ вами можемъ дѣлать и что-нибудь лучшее“.

Рѣзкость Муравьева заходила иногда и дальше порицаній

отставныхъ министровъ. Въ 1856 году, при коронаціи, князь Барятинскій, стоявшій ниже его по спискамъ генералъ-лейтенантовъ былъ произведенъ въ полные генералы. Николай Н-чъ тотчасъ подалъ въ отставку, и того же попросилъ другой, не менѣе извѣстный правдивостью генералъ-губернаторъ и генералъ-лейтенантъ, кн. С. Государь не принялъ этихъ просьбъ; но какъ они были единственными отъ всѣхъ обойденныхъ Барятинскимъ, то князь С. при встрѣчѣ съ Муравьевымъ во дворцѣ сказалъ ему: „мы съ вами, Н. Н-чъ, кажется, одни въ Россіи генералъ-лейтенанты; остальные — лакеи“. Князю С., издавно извѣстному подобными выходками, это прошло; но на Муравьева нѣкоторое время косились.

Въ 1861 г., вслѣдствіе непринятія проэкта Н. Н-ча о раздѣленіи восточной Сибири и Амурскаго края на два генералъ-губернаторства, онъ попросилъ объ увольненіи отъ должности, которую 13 лѣтъ занималъ со славою и пользою для страны [1]). Съ этого времени собственно начинается его недѣятельная жизнь, которая и продолжалась 20 лѣтъ. Но въ его способностяхъ къ широкой и плодотворной дѣятельности не сомнѣвались даже люди, въ сущности его нелюбившіе: ему было предлагаемо управленіе Польшею и Кавказомъ.

Отъ перваго назначенія онъ отказался словами: „пусть мнѣ скажутъ сначала: чего хочетъ правительство въ Варшавѣ: искренняго мира или полицейскаго спокойствія и порядка? уступокъ полякамъ или усмиреніе ихъ? Тогда я пойду. А вилять—не въ моемъ характерѣ“. Это было въ злополучный періодъ колебаній правительства, когда не одинъ Муравьевъ, отъ природы горячій и рѣзкій, уклонялся отъ назначенія въ Польшу, но и очень мягкій Тучковъ и многіе другіе...

Кавказъ былъ предложенъ покойному графу, когда было рѣшено увольненіе князя Барятинскаго. Одинъ вліятельный генералъ получилъ порученіе спросить Николая Николаевича, пойдетъ ли онъ на намѣстническое мѣсто въ Тифлисъ?—„Какъ! развѣ князь Баря-

---

[1]) Нѣсколько иной выводъ дѣлаетъ Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ въ своей обширной монографіи: „Амурское дѣло и его вліяніе на Восточную Сибирь и Государство“. См. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. томъ XXXII, стр. 75—110; 387—418. Нравственная личность и государственная дѣятельность гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго слишкомъ выходитъ изъ ряда, чтобъ не вызывать самыхъ разностороннихъ сужденій. Ред.

тинскій умеръ?“ отвѣчалъ, вскочивъ со стула, Муравьевъ. „Нѣтъ, но онъ увольняется отъ должности“. Такъ, помилуйте, какъ же я могу быть его преемникомъ? Вѣдь вліяніе его при дворѣ сохранится, и здѣсь, въ Петербургѣ, на все кавказское будутъ смотрѣть его глазами, такъ что я, намѣстникъ, буду пѣшкою.— „Что же я долженъ сказать тѣмъ, которые мнѣ поручили спросить васъ“?—А то и скажите, что слышали; да прибавьте, что по мнѣнію моему послѣ князя Барятинскаго самостоятельнымъ правителемъ Кавказа можетъ быть только членъ императорской фамиліи.

Такъ оно и случилось. Муравьевъ же былъ преданъ забвенію.

Но полное забвеніе было невозможно, не смотря на стараніе многихъ редакторовъ и докладчиковъ номерныхъ бумагъ. За изгнанника rue Miromenil не разъ вступался кто-то, кто умнѣе Вольтера, т. е. общественное мнѣніе. А пріѣзжіе въ Парижъ русскіе искали какъ особой чести и удовольствія встрѣчаться съ старикомъ-юношей.

И онъ высоко цѣнилъ это вниманіе, особенно со стороны сибиряковъ, иногда привозившихъ ему байкальскихъ омулей и амурскіе яблоки, иногда присылавшихъ сочувственные телеграмы. Переставъ начальствовать, онъ сталъ симпатичнѣйшимъ человѣкомъ, какимъ былъ отъ природы. Чтó напр. былъ для него я, какъ не капризный штабсъ-капитанъ, ушедшій со службы изъ восточной Сибири довольно рѣзкимъ манеромъ и даже вызвавшій, въ 1858 г., его замѣчаніе: „онъ со мною не хочетъ служить“. Однако, сколько разъ имѣлъ я удовольствіе, въ 1876—1877 годахъ, принимать его у себя, въ крошечной комнаткѣ скромнаго отеля Saint-Roch? И мы часами бесѣдовали не объ одномъ прошломъ, а о современномъ и грядущемъ Россіи, особенно азіятской, о ихъ благѣ и счастіи, такъ упорно имъ недающимся.

Что нѣкоторые соперники старались набросить на Муравьева тѣнь забвенія, это понятно. Онъ кололъ имъ глаза, онъ третировалъ ихъ en canaille. Такъ нѣкто N. N., теперь, кажется, то же умершій, являлся довольно часто въ Парижъ соглядатайствовать въ тамошнемъ высшемъ русскомъ обществѣ, а вмѣстѣ и развлекаться съ дамами полусвѣта. Никалай Николаевичъ не пускалъ его къ себѣ и, разумѣется, тотъ оглашалъ его потомъ въ Петербургѣ человѣкомъ „непримиримой оппозиціи“.

Парижъ. **М. И. Венюковъ.**

ПРОТОІЕРЕЙ ІОСИФЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЕВЪ.

† 27-го декабря 1881 г.

27-го декабря 1881-го года скончался на шестьдесятъ второмъ году жизни, протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, предсѣдатель учебнаго комитета при св. Синодѣ, человѣкъ замѣчательнаго ума, еще болѣе замѣчательной энергіи, одинъ изъ достойнѣйшихъ священнослужителей православной церкви.

Уроженецъ Орловской губерніи, Іосифъ Васильевичъ получилъ высшее образованіе въ С.-Петербургской Духовной Академіи, изъ которой выпущенъ въ 1846 году первымъ магистромъ [1]). Начальство академіи оставило его при академіи, имѣя въ виду назначить его на одну изъ академическихъ кафедръ. Но въ это время какъ разъ сдѣлалось вакантнымъ мѣсто священника при русской церкви въ Парижѣ, гдѣ дотолѣ представителемъ православной церкви былъ о. Д. Вершинскій [2]). Магистерская диссер-

---

[1]) Для незнакомыхъ съ прежнимъ дореформеннымъ строемъ Духовныхъ Академій, слѣдуетъ замѣтить, что въ академію поступали обыкновенно лучшіе изъ окончившихъ полный курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, одинъ (примѣрно) изъ пятидесяти, по назначенію епархіальныхъ начальствъ. Затѣмъ, при окончанія курса, достоинство студента опредѣлялось его мѣстомъ (по количеству балловъ) въ спискѣ. Быть первымъ среди отборной даровитой молодежи— было верхомъ отличія. Первый магистръ академіи соотвѣтствовалъ эминенту въ нѣкоторыхъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ стараго времени.
Н. В.

[2]) О. Дмитрій Вершинскій († 1858 г.) въ свое время пользовался громкою извѣстностію и какъ священникъ, и какъ ученый философъ и богословъ. Ему принадлежитъ переводъ логики Бахмана (1837 г.) на русскій языкъ (перваго учебника на русскомъ языкѣ по этому предмету), исторія философіи по Асту (1831 г.) и обозрѣніе пиѳагорской философіи по Риттеру (1832 г.). Затѣмъ, кромѣ разныхъ статей богословскаго характера (например, о Галликанской церкви) особенно извѣстенъ его „мѣсяцесловъ православной церкви“, состав-

тація Васильева, обратившая на него особенное вниманіе начальства, имѣла своимъ предметомъ критическое разсмотрѣніе ученія римской церкви „о главенствѣ папы", и св. Синодъ призналъ за лучшее отправить молодаго ученаго въ одинъ изъ центровъ католицизма въ качествѣ священника тамошней православной церкви. Васильевъ вполнѣ оправдалъ это избраніе. Онъ скоро сдѣлался духовнымъ центромъ русской колоніи въ Парижѣ и былъ истиннымъ духовнымъ пастыремъ всѣхъ русскихъ, посѣщавшихъ столицу Франціи. Въ эпоху Крымской войны онъ явился благотворителемъ русскихъ плѣнныхъ, посѣщая ихъ въ мѣстахъ ихъ заключенія и собирая для нихъ нескудныя подаянія среди своей паствы. По поводу плѣнныхъ о. Іосифъ лично представлялся императору Наполеону, у котораго выхлопоталъ имъ многія облегченія. Одною изъ главныхъ заслугъ его для православной церкви было построеніе великолѣпнаго храма въ Парижѣ, который составляетъ всецѣло плодъ его трудовъ; онъ собиралъ деньги на постройку храма, при чемъ его обширныя связи и знакомства много помогли успѣху сбора, ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ о разрѣшеніи этой постройки и денежномъ вспомоществованіи на нее и т. д.

Другою неменьшею заслугою его для церкви было основаніе и изданіе въ продолженіе девяти лѣтъ (ноябрь 1858 г.—1867 г.) въ Парижѣ православнаго духовнаго журнала: L'union chrétiénne. Въ этомъ изданіи бо̀льшая часть статей за указанное время принадлежитъ его перу: о. Іосифъ писалъ по французски также легко и изящно, какъ и порусски. Статьи его впрочемъ рѣдко являлись подъ его собственнымъ именемъ: бо̀льшая часть ихъ имѣетъ псевдонимы: J. W., Абъ-Юсуфа, Королева и т. д., а иныя и совсѣмъ не имѣли подписи. Главнымъ сотрудникомъ его по изданію былъ С. Н. Сушковъ (бывшій редакторъ „Правительственнаго Вѣстника") и аббатъ Геттэ, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ о. Іосифа, присоединившійся къ православію и нынѣ состоящій православнымъ священникомъ при русской церкви въ Парижѣ, авторъ весьма хорошей церковной исторіи на французскомъ языкѣ, весьма подробной, составленной по первоисточникамъ, въ духѣ право-

---

ленный при пособіи парижскихъ библіотекъ. Дополненія «мѣсяцеслова» арх. Сергія въ 1879 году. Это было единственное въ русской литературѣ научное сочиненіе по этому предмету. Н. В.

славной церкви (два тома этой исторіи имѣются и въ русскомъ переводѣ кн. Волконскаго). А. С. Хомяковъ, не смотря на то, что не раздѣлялъ идеи изданія, выражаемой въ названіи L'union chrétienne (христіанское единеніе или унія),—по его мнѣнію никакая унія, т. е. сдѣлка, компромиссъ между православіемъ и католицизмомъ невозможны, такъ какъ истина религіозная одна, и она всецѣло принадлежитъ православію,—напечаталъ въ журналѣ о. Васильева одну свою статью „о значеніи словъ каѳолическій и соборный", по поводу рѣчи іезуита Гагарина—въ видѣ письма къ редактору (L'union chrétienne 1860 г. № 45), хотя на приглашеніе редактора къ постоянному сотрудничеству, отозвался отказомъ.

Самыми замѣчательными статьями въ этомъ журналѣ были знаменитыя письма о. Васильева къ Нантскому (католическому) епископу Жакмэ и къ извѣстному историку Гизо, въ которыхъ авторъ побѣдоносно опровергаетъ заблужденія запада относительно ученія и организаціи управленія русской православной церкви. Несокрушимая діалектика и богатство эрудиціи нашего богослова въ этихъ письмахъ обнаружились во всемъ блескѣ и онѣ доставили ему, можно сказать, всемірную извѣстность, такъ какъ объ этой полемикѣ заговорила вся почти религіозная печать Европы и Америки. Въ русскомъ переводѣ эти письма были напечатаны во всѣхъ безъ исключенія духовныхъ русскихъ журналахъ [1]).

Вообще своею дѣятельностію въ Парижѣ о. Іосифъ возбудилъ на западѣ живѣйшее вниманіе къ русской церкви и много способствовалъ возникновенію тѣхъ стремленій къ сближенію съ Восточною церковію со стороны протестантовъ и католиковъ, которыя завершились основаніемъ отчасти такъ называемыхъ національныхъ церквей (въ Италіи), и старокатолической церкви въ Германіи, а также дѣятельностію въ томъ же смыслѣ отдѣльныхъ богослововъ (Пюзея и Пальмера въ Англіи, Іонга въ Америкѣ и др.).

Труды І. В. Васильева обратили на него справедливое вниманіе нашего духовнаго начальства, и когда началось преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній (въ 1867 г.) и учрежденъ былъ учебный комитетъ при св. синодѣ, онъ вызванъ былъ въ Петербургъ и сдѣланъ первымъ предсѣдателемъ этого комитета.

[1]) Журналъ L'union Chrétienne издается и доселѣ о. Владиміромъ Гетэ.

Подъ его руководствомъ дѣятельностію комитета совершилось самое преобразованіе этихъ заведеній, введены въ семинаріяхъ новыя руководства и т. д.

Не ограничиваясь дѣятельностію по званію члена учебнаго комитета, о. Васильевъ имѣлъ большое и благотворное вліяніе на ходъ церковныхъ дѣлъ у насъ вообще въ послѣдніе 12 лѣтъ, благодаря уваженію, которымъ онъ пользовался со стороны бывшаго оберъ-прокурора св. синода графа Д. А. Толстаго. Не меньшимъ значеніемъ пользовался покойный въ средѣ петербургскаго общества какъ духовникъ, законоучитель и проповѣдникъ. Его бесѣды въ Сергіевскомъ соборѣ постоянно привлекали громадное стеченіе народа.

Наконецъ, когда въ началѣ прошедшаго года по иниціативѣ нѣкоторыхъ петербургскихъ священниковъ (протоіереевъ Д. Я. Никитина, І. Г. Заркевича, священниковъ М. И. Соколова и К. И. Вѣтвѣницкаго и др.) возникло въ Петербургѣ „общество религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви“, о. Іосифъ былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ совѣта этого общества. Его энергіи и практическому уму общество обязано своей нынѣшнею организаціею и вполнѣ успѣшнымъ началомъ своей дѣятельности.

Н. И. Барсовъ.

Къ портрету Ивана Карловича Гебгардта.

Съ широкою душой въ широкомъ, полномъ тѣлѣ,
Съ живою мыслію и бойкимъ языкомъ,
Онъ милъ въ бездѣлкахъ, честенъ въ дѣлѣ,
И носитъ свѣтлый умъ, подъ темнымъ парикомъ.

Вл. Бенедиктовъ.

Сообщ. **В. К. Шульцъ.**

Памяти А. П. Заблоцкаго

АНДРЕЙ ПАРФЕНОВИЧЪ ЗАБЛОЦКІЙ-ДЕСЯТОВСКІЙ

† 24-го Декабря 1881 г.

I.

Графъ И. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи импер. Александра I, Николая I и Александра II. трудъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго.

Привѣтствуемъ этотъ цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу. Обнимая все настоящее столѣтіе и касаясь важнѣйшихъ событій внутренней и внѣшней политики Россіи, новый трудъ этотъ весь основанъ на неизданныхъ матеріалахъ и потому проливаетъ свѣтъ на многія событія, недавно пережитой эпохи. Въ основаніе описанія ихъ положены дневникъ, записки, переписка и оффиціальные документы гр. Киселева, составляющіе обширный архивъ послѣдняго, завѣщанный имъ гр. Д. А. Милютину. Матеріалы эти дополнены авторомъ данными, почерпнутыми изъ оффиціальныхъ архивовъ: Е. И. В. вел. кн. Константина Николаевича и министерствъ военнаго и государственныхъ имуществъ. Самый же разсказъ распадается на слѣдующія части: въ I томѣ описаны первые годы жизни и службы Киселева (1788—1819): служба его въ званіи начальника штаба 2-й арміи (1819—1828), стоявшей на югѣ Россіи; участіе въ войнѣ съ Турціей (1828—29) и управленіе Дунайскими княжествами (1824—1834). Весь второй томъ посвященъ крестьянскому вопросу, такъ какъ обнимаетъ время управленія Киселевымъ министерствомъ государственныхъ имуществъ (1838—1856 г.) и отношеніе его къ крестьянскому вопросу въ царствованія Николая I и Александра II съ подробнымъ изложеніемъ хода его въ разныхъ комитетахъ и другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Въ III томѣ описана дипломатическая дѣятельность Киселева въ Парижѣ (1856—1863) и послѣдніе годы его жизни, проведенные также за границею (онъ умеръ въ Парижѣ). Весь IV томъ занятъ приложеніями.

Отмѣтимъ нѣкоторыя частности изъ біографіи гр. Киселева, имѣющія обще-историческій интересъ и сообщаемыя въ новыхъ матеріалахъ. Стрем-

леніе къ законности и отчетности въ служебной дѣятельности составляетъ отличительную черту характера Киселева. Въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ онъ любилъ брать на себя иниціативу въ томъ или другомъ дѣлѣ, близко и основательно ознакомившись съ нимъ; таковы его предположенія объ устройствѣ черноморскаго войска, объ устройствѣ военно-судной части, о собираніи военно-статистическихъ свѣдѣній, описанія турецкихъ войнъ, преобразованія въ управленіи дунайскихъ княжествъ, заботы по улучшенію быта крестьянъ и т. д. Для массы этой административной работы Киселевъ всегда находилъ надежную опору въ умственномъ трудѣ, который занимаетъ видное мѣсто въ его частной жизни. Интересуясь военно-историческими вопросами во время пребыванія своего въ званіи начальника штаба, Кисилевъ знакомится предварительно съ библіографіей турецкихъ войнъ, для чего П. И. Пестель высылаетъ ему изъ Петербурга каталоги картъ и газетъ на французскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ, латинскомъ и итальянскомъ языкахъ (т. I, 208). Онъ постоянно слѣдилъ за журналами; но чтеніе Светонія и Плутарха, бывшаго для него любимымъ авторомъ въ теченіи 30 лѣтъ (изъ біографій котораго онъ отдаетъ предпочтеніе римлянамъ за энергію и настойчивость въ покореніи міра, передъ греками, которымъ была свойственна болѣе интрига, чѣмъ великая политика, за исключеніемъ Александра Македонскаго, имѣвшаго цѣлью покорить міръ, чтобъ просвѣтить его), предпочитаетъ современной французской литературѣ. Досугъ свой онъ посвящаетъ самымъ разнообразнымъ вопросамъ литературы: Штраусу и Ренану, Кинглеку (исторія крымской войны) и Сперанскому (соч. Корфа), письмамъ Маріи Антуанеты и запискамъ Дениса Давыдова, запискамъ Шишкова, соч Ланфре, исторіи Богдановича и Луи Блана (1848 г.); статьямъ Волавскаго о русскихъ финансахъ и библіографіи польскаго вопроса, по которому у него было собрано все, относящееся къ нему (намъ извѣстно, что это собраніе продавалось въ 1872 г. на одной изъ набережной Парижа и досталось въ разныя руки). Прочтя то или другое сочиненіе, онъ дѣлаетъ о нихъ бѣглыя, но часто мѣткія заключенія въ своемъ дневникѣ. Прочтя книгу Mystères des couvents de Naples, онъ замѣчаетъ: „сочиненіе это написано очевидно французомъ новой школы, по запискамъ дамы молодой Италіи, и поэтому книга внушаетъ весьма мало довѣрія, но представляетъ любопытныя данныя, раскрывающія главныя причины паденія Бурбоновъ въ Италіи. Тѣ же самыя причины будутъ имѣть подобный результатъ въ Испаніи, если, какъ и прежде, будутъ упорствовать въ томъ, чтобы ничему не научиться и ничего не забывать“ (Ш, 361—379, 416—417). Масса политическихъ, нравственныхъ и практическихъ замѣтокъ о событіяхъ и лицахъ, близкихъ къ нашему времени, разсыпана въ его дневникѣ и письмахъ. Но безъ сомнѣнія центромъ всей его дѣятельности, по важности предмета и практическимъ послѣдствіямъ, былъ крестьянскій вопросъ, къ которому онъ относился вполнѣ искренно,

болѣе широко, чѣмъ всѣ другіе въ царствованіе императора Николая, и остался вѣренъ этимъ взглядамъ до конца, не смотря на реакціонныя стремленія нѣкоторыхъ изъ его позднѣйшихъ современниковъ.

Въ царствованіе Николая I въ публикѣ за Киселевымъ утвердилась репутація главнаго или, точнѣе сказать, единственнаго поборника освобожденія крестьянъ. Извѣстный профессоръ и членъ академіи наукъ Парротъ, лично не знавшій Киселева, привѣтствовалъ его интимнымъ письмомъ за то, что онъ взялся за дѣло крестьянъ въ направленіи самомъ либеральномъ, и просилъ принять его голосъ какъ предшественникъ голоса всего общества, а Демидовъ предлагалъ даже отъ себя, въ распоряженіе академіи наукъ, 10,000 руб. ассигнаціями на премію за лучшее сочиненіе о лучшихъ способахъ къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ, но время конечно не благопріятствовало подобнымъ предпріятіямъ (т. IV, 217—219)

По поводу частныхъ случаевъ, въ которыхъ Киселевъ являлся поборникомъ правъ крестьянъ (помѣщичьихъ) на земли, ими пріобрѣтенныя, онъ высказался категорически (въ 1847 г.): „Время наступило отсѣкать все то, что въ крѣпостномъ состояніи болѣе отяготительно, а жить, работать и пріобрѣтать безъ права на собственность есть положеніе противуестественное". На возраженія-же, сдѣланныя ему въ комитетѣ министровъ, онъ отвѣчалъ, что „когда представляется общее положеніе, то обыкновенно возражаютъ ему, что внезапный переворотъ опасенъ и что слѣдуетъ частями и послѣдовательно исправлять зло, отсѣкая его при каждомъ удобномъ случаѣ; а когда случай къ тому представляется, тогда находятъ, что текущее дѣло не можетъ возбуждать сужденій столь важныхъ. Подобная теорія ведетъ прямо къ тому, чтобы оставаться въ неподвижности и ожидать кровавыхъ событій, могущихъ вынудить правительство согласиться на то, въ чемъ отказать уже будетъ не въ силахъ". Его поддержали тогда гр. Левашевъ и Адлербергъ и постановлено было вопросъ о признаніи крестьянской собственности разсмотрѣть въ законодательномъ порядкѣ. Но, какъ трудно было идти въ подобныхъ вопросахъ прямымъ путемъ, видно изъ послѣдующаго хода этого дѣла. Въ совѣщаніяхъ о немъ постановлено было „хранить глубокую тайну". Наконецъ, когда Киселеву удалось выхлопотать годичный кредитъ до 300,000 руб. сер. на выкупъ крестьянъ отъ казны, а крестьянамъ тѣхъ имѣній, которыя подлежатъ продажи съ публичнаго торга за долги, пріобрѣтать право собственности на земли и прочія принадлежности имѣнія, внося выкупную сумму (указъ 8 ноября 1847 г.), то правительству стали подаваться записки о вредныхъ и опасныхъ послѣдствіяхъ этого закона, а одна изъ нихъ была озаглавлена „о возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи вслѣдствіе указа 8 ноября". Въ заключеніи ея прямо утверждается, что такимъ образомъ народъ пріучается къ коварству заговоровъ, такъ какъ крестьянамъ дается законный поводъ совѣщаться

между собою о средствахъ къ освобожденію себя отъ помѣщичьей власти; что такимъ, повидимому, законнымъ образомъ народу преподаютъ уроки коммунизма". Противъ послѣднихъ словъ государь написалъ: „въ первый разъ слышу и не вѣрю". Эти обвиненія, по справкамъ Киселева, вовсе не подтвердились. Не смотря на это, дѣйствовавшее положеніе указа 1847 г. уже въ 1849 г., послѣ новыхъ обсужденій, было отмѣнено (т. II, 294—308). По мысли того-же Киселева въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западныхъ губерній Россіи были введены обязательные инвентари (309—312). Описывая экстраординарное засѣданіе государственнаго совѣта по этому вопросу, (7 мая 1854 г.), Киселевъ замѣчаетъ: „Здѣсь явились страсти, которыя мы видѣли при разсмотрѣніи дѣла объ обязанныхъ крестьянахъ... Конфузія была необычайная и нѣкто уподоблялъ это засѣданіе торговой банѣ; все клонилось къ тому, чтобъ въ успокоеніе русскихъ помѣщиковъ отмѣнить въ западныхъ губерніяхъ инвентари, замѣнивъ ихъ 3-хъ дневною работою по указу 1797 г., т. е. разрушить то, что существуетъ въ западныхъ губерніяхъ по примѣру Европы уже 300 лѣтъ (314—315). Понятно, что Киселевъ привѣтствовалъ начало рѣшительнаго намѣренія освободить крестьянъ въ царствованіе Александра II (т. III, 31) и успокоивалъ слишкомъ пессимистическія опасенія словами: „но когда совершались великія реформы безъ смутъ всякаго рода? (II, 354—355)". Въ другой полуоффиціальной бесѣдѣ онъ выражаетъ мысль, „что разъ вступивши на путь прогресса, нельзя возвращаться назадъ и ронять власть колебаніями, которыя у насъ вреднѣе, чѣмъ гдѣ либо": онъ начертываетъ общій очеркъ предстоящихъ работъ на пути реформъ (III, 32—33). Онъ привѣтствуетъ всякій новый шагъ на этомъ пути. Уже въ 1857 г. онъ настаиваетъ на немедленномъ разрѣшеніи вопроса о раскольникахъ. „Терпимость безъ явнаго покровительства расколу—вотъ формула, вполнѣ выражающая мою мысль". Онъ предлагаетъ отмѣнить стѣснительныя мѣры въ ихъ гражданскомъ быту; удовлетворить ихъ религіозныя нужды; признать законность церковныхъ актовъ и записей старообрядческихъ священниковъ; назначить единовѣрческаго епископа, допустивъ его до присутствія въ синодѣ; а рядомъ съ этимъ рекомендуетъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія православнаго духовенства и при всѣхъ приходахъ учредить школы (т. IV, 268—70). А вотъ какъ высказывается онъ въ дневникѣ (4 мая 1864 г.), по поводу отмѣны тѣлесныхъ наказаній: „Указы 17 апрѣля о совершенной почти отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, распространенные на военныхъ, доставили мнѣ величайшее удовольствіе послѣ моей неудачи по этому предмету въ теченіи 20 лѣтъ при императорѣ Николаѣ. Полагаютъ сохранить употребленіе розогъ (200 ударовъ) въ извѣстныхъ случаяхъ; я думаю, что это ошибка: это умаляетъ великую законодательную мѣру, уничтожаетъ значеніе и обаяніе этой реформы. Несмотря на то, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія есть великое со-

бытіе, дѣлающее честь законодателю" (III, 346). За долго до введенія всеобщей воинской повинности, Киселевъ признавалъ ея необходимость „для успѣха военнаго дѣла въ Россіи" (411—412).

Но съ особеннымъ интересомъ до конца Киселевъ продолжалъ слѣдить за крестьянскимъ дѣломъ и крайне несочувственно относился къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя грозили въ будущемъ большими затрудненіями для Россіи и думали, что этотъ вопросъ слѣдовало разрѣшить на основаніи земельныхъ отношеній, существующихъ въ Англіи (311, 369—70). Всякіе доводы въ пользу несостоятельности крестьянъ въ дѣлѣ свободы его просто возмущали. Такъ, по поводу благодарности, выраженной ему въ Москвѣ въ 1856 г. государственными крестьянами (бывшими помѣщичьими), выкупленными въ казну по его докладу, онъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Они были столь счастливы сознавать себя свободными, какъ и я, видя эти старыя бороды, омоченныя слезами благодарности. Послѣ этого и многихъ другихъ изъявленій благодарности крестьянъ, которыми я управлялъ, пусть скажутъ мнѣ еще, что рабы предпочитали оставаться въ рабствѣ, не переходя въ управленіе мин. госуд. имуществъ. Это одно изъ тѣхъ безстыдныхъ пустословій, присущихъ нашимъ бывшимъ владѣльцамъ человѣческаго мяса» (396).

Въ ряду множества замѣчаній о лицахъ и событіяхъ, разбросанныхъ въ дневникѣ и письмахъ Киселева, заслуживаютъ быть отмѣченными подробности о Пестелѣ-декабристѣ, (письма котораго къ Киселеву и разъясненіе этихъ отношеній вошли въ I томъ); о М. Н. Муравьевѣ (объ управленіи государственными имуществами и генералъ-губернаторствѣ въ Сѣверо-западномъ краѣ, (т. III, 312, 388); о Назимовѣ (также генер.-губ. (388); о Н. И. Тургеневѣ, съ которымъ Киселевъ сблизился въ Парижѣ (386); о княгинѣ Ливенъ (413); небольшая, но мѣткая характеристика великой княгини Елены Павловны («Елена—это ученый нашего семейства: я къ ней отсылаю европейскихъ путешественниковъ, говорилъ о ней импер. Николай (ib. 306—380).

По личнымъ наблюденіямъ, Киселевъ строго отзывается о знатныхъ русскихъ туристкахъ, которыя, вопреки француженкамъ, не умѣютъ скрывать своего невѣжества, и считалъ это «результатомъ пустаго воспитанія, получаемаго у насъ женщинами, о которомъ я всегда соболѣзную», замѣчаетъ онъ (397). Многіе недостатки такъ называемаго свѣтскаго общества онъ прямо приписываетъ тому же воспитанію, «въ которомъ религіозное образованіе ограничивается преподаваніемъ обрядовой стороны и не касается развитія началъ нравственности, могущихъ руководить человѣка въ жизни, какъ гражданина, супруга, сына и отца семейства. Большинство нашихъ священниковъ, впрочемъ, и не въ состояніи сдѣлать это» (408). О религіозныхъ убѣжденіяхъ самаго Киселева мы узнаемъ изъ слѣдующаго признанія: «Я не убѣжденъ въ спасе-

нія души выполненіемъ церковнаго обряда; но здѣсь она сливается съ воспоминаніемъ для меня драгоцѣннымъ и которое надѣюсь сохранить до послѣдней минуты жизни... Безсмертно только то, что не имѣетъ начала—Богъ или природа» (448). Но онъ выражалъ негодованіе на критику религіозныхъ ученій, въ родѣ книги Ренана, причемъ замѣчаетъ, что матеріализмъ въ мысли и жизни современнаго общества много обязанъ своимъ развитіемъ евреямъ: „главные изъ нихъ пишутъ, а пролетаріи занимаются матеріальною частью“ (379—380).

Отмѣтимъ еще два отзыва Киселева о литературныхъ произведеніяхъ. Прочитавъ I книгу «Окраинъ Россіи» Самарина, онъ замѣчаетъ: «Книга написана хорошимъ слогомъ, но съ раздраженіемъ, и потому едва ли можетъ имѣть тѣ добрыя послѣдствія, которыхъ ожидаетъ авторъ: мы еще не дозрѣли до такого образа дѣйствій, при нашей формѣ государственнаго управленія» (413). По поводу книги Ланфре о Наполеонѣ I, онъ говоритъ: «Исторія Наполеона I Ланфре есть замѣчательное произведеніе тѣмъ, что можетъ служить поправкою исторіи Тьера. Послѣдній, вмѣсто исторіи, написалъ академическую похвалу, чрезвычайно оцѣненную бонапартистами и царствующимъ императоромъ Наполеономъ III, который въ одной изъ своихъ рѣчей назвалъ автора народнымъ историкомъ, что его чрезвычайно польстило, какъ онъ мнѣ это сказалъ въ одномъ изъ великосвѣтскихъ салоновъ» (416—417).

Весь IV томъ разсмотрѣннаго труда занимаютъ приложенія, состоящія изъ писемъ и оффиціальныхъ записокъ, относящихся къ различнымъ вопросамъ служебной дѣятельности гр. Киселева.

Нашею цѣлью было познакомить читателя съ общимъ содержаніемъ достойнаго труда А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Общій интересъ его настолько великъ, что желающіе ближе ознакомиться—обратятся къ самой книгѣ.

В. С. Иконниковъ.

II.

Монументальный трудъ о жизни и государственной дѣятельности гр. Киселева—славнѣйшаго изъ сподвижниковъ императора Николая и знаменитаго государственнаго дѣятеля эпохи реформъ императора Александра II—даетъ намъ право остановиться и на составителѣ этого труда.

Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій принадлежитъ къ той группѣ русскихъ людей, которые имѣли честь и славу принять непосредственное участіе въ разработкѣ предначертанныхъ волею Александра II преобразованій всего внутренняго общественнаго строя Россіи.

Говоря, и весьма часто, на страницахъ «Русской Старины» о многихъ опочившихъ сномъ вѣчности, а также и о живыхъ еще сподвижникахъ Александра II, Царя-Освободителя и Преобразователя, мы остались въ долгу предъ Андреемъ Парфеновичемъ, упустивъ моментъ, когда могли поговорить о его крупной доли участія въ трудахъ, оцѣнка которыхъ принадлежитъ уже исторіи; этотъ моментъ былъ — празднованіе въ 1879 году пятидесятилѣтней годовщины вступленія его на государственную службу [1]).

Перепечатываемъ брошюру, изданную въ то время М. М. Стасюлевичемъ въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Она заключаетъ въ себѣ «привѣтствія А. П. Заблоцкому-Десятовскому, сказанныя ему на дружескомъ обѣдѣ по случаю пятидесятилѣтія его службы и отвѣтъ его». Отвѣтъ этотъ въ высшей степени замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что особенно ярко освѣщаетъ тѣ идеалы, къ которымъ стремился А. П. въ его полувѣковой службѣ Государю и Отечеству.

Ред.

На дружескомъ обѣдѣ 23-го ноября 1879 года Я. К. Гротомъ были прочтены слѣдующія слова К. Д. Кавелина [2]):

«Позвольте, глубоко уважаемый и дорогой Андрей Парфеновичъ, принести вамъ, отъ имени собравшихся здѣсь вашихъ почитателей и друзей, сердечное поздравленіе по случаю вашего пятидесятилѣтняго юбилея.

---

[1]) Эти строки, равно какъ и разборъ книги о гр. Киселевѣ, были написаны и даже набраны еще при жизни А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Ред.

[2]) К. Д. Кавелинъ, по случаю болѣзни, не могъ быть на обѣдѣ.

Мы привыкли видѣть васъ предсѣдателемъ нашихъ полуоффиціальныхъ и дружескихъ собраній. Это установилось какъ-то само собою, и еслибъ былъ пущенъ на баллотировку вопросъ, правильно-ли это то единогласное рѣшеніе доказало бы, что такъ должно быть и на будущее время, пока мы собираемся.

Сегодня всего болѣе кстати припомнить, за что̀ мы васъ чтимъ и любимъ.

Мы знаемъ и помнимъ, что въ теченіи пятидесяти лѣтъ ваша обширная и разнообразная служебная, общественная и литературная дѣятельность шла, безъ измѣны и колебаній, въ одномъ и томъ же просвѣщенномъ, полезномъ для родины направленіи, которое мы цѣнимъ и раздѣляемъ, которому всѣ мы сочувствуемъ.

Ближайшій сотрудникъ графа Киселева съ самаго учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, вы вмѣстѣ съ этимъ замѣчательнымъ русскимъ государственнымъ дѣятелемъ положили твердое основаніе юридически-упроченному и въ хозяйственномъ отношеніи устроенному и обезпеченному быту государственныхъ крестьянъ. Теперь уже не тайна, что это было прологомъ къ величайшему дѣлу нынѣшняго царствованія—къ отмѣнѣ крѣпостнаго права.

Мы знаемъ и помнимъ, что первое негласное разслѣдованіе о крѣпостной зависимости, о ея нравственныхъ и экономическихъ послѣдствіяхъ, возложено довѣріемъ графа Киселева на васъ; что вы не уклонились отъ этого щекотливаго порученія и выполнили его съ всегдашнимъ вашимъ талантомъ и просвѣщеннымъ взглядомъ, не смягчая безотрадной картины крѣпостнаго быта, что́ для васъ лично было бы, можетъ быть, въ то время полезнѣе, чѣмъ говорить правду.

Всѣ мы живо помнимъ, какъ почти за двадцать лѣтъ до отмѣны крѣпостнаго права, вы перенесли вопросъ о немъ въ литературу на́ экономическую почву, и въ знаменитой статьѣ о колебаніяхъ цѣнъ на хлѣбъ, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ», нанесли защитникамъ этого права, вѣрной и сильной рукой, ударъ, отъ котораго они не могли опомниться до 1861 года.

Мы не можемъ забыть, что, тотчасъ послѣ отмѣны крѣпостнаго права, вы настояли на необходимости безотлагательной отмѣны винныхъ откуповъ, выставили наглядно весь ихъ вредъ и доказали возможность получать такой же доходъ отъ питей при акцизномъ управленіи. Благодаря вашей энергіи и опытности, откупа̀ перестали отравлять Россію нравственно и матеріально, не смотря на силу откупщиковъ, на частные интересы, на опасенія уменьшенія государственныхъ доходовъ. Вамъ принадлежитъ планъ теперешней акцизной системы. Блистательное выполненіе этого плана другими, без-

укоризненно чистыми, руками доказало на дѣлѣ всю правильность, цѣлесообразность и практическую приложимость главныхъ мыслей, положенныхъ въ основаніе преобразованія.

Я бы долго не кончилъ, если-бъ захотѣлъ коснуться, хотя бы только въ общихъ чертахъ, вашей почтенной и благотворной дѣятельности по водворенію у насъ правильной земледѣльческой культуры и распространенію научныхъ свѣдѣній по части земледѣлія, по устройству въ Россіи, на новыхъ основаніяхъ, государственнаго контроля и по разрѣшенію многихъ другихъ законодательныхъ вопросовъ величайшей важности. Ваша видная дѣятельность и труды по дѣламъ здѣшняго городскаго управленія извѣстны всѣмъ и высоко цѣнятся. Русская наука и литература тоже близко васъ знаютъ, какъ талантливаго писателя и полноправнаго своего сочлена. На всѣхъ вашихъ дѣлахъ и трудахъ лежитъ печать высокихъ дарованій, зрѣлой мысли, глубокаго знанія и яснаго пониманія условій и дѣйствительныхъ потребностей русской жизни, и надъ всѣмъ царитъ, какъ основной тонъ, просвѣщенный строй идей, выдержанный отъ начала до конца.

Вотъ за что мы вами дорожимъ и васъ любимъ; вотъ почему мы собрались сегодня васъ праздновать. Не за старшинство лѣтъ, а за то, что вы были и есть, мы съ радостью видимъ васъ во главѣ нашихъ собраній не выбраннымъ и безсмѣннымъ предсѣдателемъ.

Въ заключеніе; прошу дозволить мнѣ высказать здѣсь мои личныя чувства къ душевно почитаемому юбиляру. Многіе, конечно, найдутъ въ нихъ выраженіе и своихъ собственныхъ впечатлѣній.

Я познакомился съ Андреемъ Парфеновичемъ впервые въ 1848 году. Въ теченіи этого длиннаго періода времени я не разъ имѣлъ случай испытать и оцѣнить все постоянство, всю неизмѣнность его дружескаго участія и расположенія. Не было радостнаго или горестнаго событія въ моей жизни, къ которому бы Андрей Парфеновичъ не отнесся съ самымъ сердечнымъ, задушевнымъ сочувствіемъ. Не разъ оно поддерживало мои колеблющіяся силы. Такія впечатлѣнія трудно забыть. Онѣ никогда не изглаживаются».

Вслѣдъ за этими словами А. Д. Галаховъ сказалъ:

«Любезный другъ!

Позволь сказать тебѣ нѣсколько словъ не о служебномъ юбилеѣ твоемъ, а по поводу этого юбилея. Всѣмъ извѣстна пословица: «дружба дружбой, а служба службой», и вотъ я теперь внутренно справляю другой юбилей – юбилей нашей дружбы. По значенію, онъ не можетъ

равняться съ юбилеемъ твоей служебной дѣятельности, но у него есть свое преимущество: онъ старше годами, онъ—свыше пятидесятилѣтній. Мы познакомились съ тобой, когда ты еще былъ на университетской скамьѣ; это знакомство перешло потомъ въ пріязнь и наконецъ обратилось въ дружбу. Припоминая такой долгій періодъ, я вижу, какъ ты, благодаря добрымъ, симпатичнымъ качествамъ души твоей, былъ безупреченъ въ своихъ отношеніяхъ ко всѣмъ, съ которыми сходился въ юности, какъ ты дорожилъ ими, какъ ты не только былъ готовъ оказывать имъ услуги, но и на самомъ дѣлѣ оказывалъ. Доказательствъ не привожу, щадя твою скромность и не желая выставлять на показъ то, что̀ должно храниться въ сердцѣ благодарнаго. Однимъ словомъ, на поприщѣ дружбы ты такой же достойный юбиляръ, какъ и на поприщѣ службы. Замѣчу однако, по долгу справедливости, что на этихъ двухъ поприщахъ ты не всегда былъ послѣдователенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ службѣ, напримѣръ, ты ратовалъ противъ крѣпостнаго права, а въ дружбѣ, напротивъ, ты съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе закрѣплялъ за собою привязанность своихъ друзей».

На эти привѣтствія Андрей Парфеновичъ отвѣчалъ:

«Слова Константина Дмитріевича и Алексѣя Дмитріевича прежде всего возбуждаютъ въ душѣ моей чувство благодарности къ сказавшимъ ихъ и къ вамъ, дорогіе мои друзья; привѣтъ вашъ озарилъ свѣтлымъ лучомъ наступающій вечеръ моей жизни.

Принимая этотъ привѣтъ за знакъ вашей пріязни ко мнѣ, я хотѣлъ бы дать себѣ отчетъ въ причинахъ ея.

Пріязнь эта, какъ и привѣтъ вашъ, тѣмъ дороже для меня, что они безкорыстны; между нами нѣтъ такого рода зависимости, которая бросала бы въ этомъ отношеніи хотя малѣйшее сомнѣніе: ни одинъ изъ васъ ничѣмъ мнѣ не обязанъ, и скорѣе я у васъ въ долгу, чѣмъ вы у меня.

Я думаю, что пріязнь, о которой я говорю, есть результатъ взаимной симпатіи.

Какъ ни разнообразны пути жизни, пройденные нами, въ нихъ есть много общаго.

Для всѣхъ насъ памятно время, когда тяжелый гнетъ лежалъ надъ свободнымъ проявленіемъ мысли, когда противъ него, какъ противъ контрабанды, воздвигались заставы разнаго рода. Но это время было то, когда по выраженію поэта—

Тяжелый млатъ,
Дробя стекло, ковалъ булатъ.

Въ это время были люди, которые занимались самою опасною для нихъ контрабандою, именно: изученіемъ вопросовъ администраціи и политики, а главное—изученіемъ положенія народа, его нуждъ и желаній. Эти люди не имѣли между собою никакой внѣшней связи, но ихъ соединяла связь нравственная—служеніе одному дѣлу; у этихъ людей было то, безъ чего самая жизнь не представляетъ ничего нравственно-привлекательнаго, а лишь скопленіе безцѣльныхъ случайностей. Другими словами, у этихъ людей былъ идеалъ, къ которому они стремились, какъ библейскій народъ стремился въ обѣтованную землю чрезъ пустыни, преслѣдуемый фараонами.

Въ чомъ же состоялъ этотъ идеалъ?

Эти люди не были ни революціонерами (хотя впослѣдствіи клеймили ихъ этимъ именемъ), ни конституціалистами; они не мечтали о перестройкѣ общества на новыхъ началахъ; эти люди не были одержимы любоначаліемъ, не стремились къ достиженію власти для самоуслажденія; они не были одержимы страстію къ обогащенію; они не были и тѣмъ, что нынѣ называютъ карьеристами.

Идеалъ ихъ былъ—водвореніе правды въ тѣхъ сферахъ жизни, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать. Идеалъ этотъ былъ простъ, какъ проста самая правда; объ этомъ идеалѣ никто не проповѣдывалъ, онъ, какъ выражаются натуралисты, зарождался у нихъ самопроизвольно.

На пути къ этому идеалу у нихъ были два охранителя: трудъ и чувство долга. Въ трудѣ они видѣли не только средство, безъ котораго нельзя законно упрочить свое положеніе въ обществѣ, но и необходимую составную часть полнаго наслажденія жизнію.

Въ исполненіи долга они видѣли основной законъ нравственности.

Эти люди глубоко оскорблялись несправедливостями, съ которыми они встрѣчались; но это оскорбленное чувство не доводило ихъ до отчаянія, ибо они вѣрили въ силу правды, точно такъ, какъ мы теперь, несмотря на тучи, покрывающія въ настоящую минуту мракомъ весь горизонтъ, вѣримъ, что надъ ними сіяетъ солнце, что эти тучи или разойдутся сами собою, или разгонитъ ихъ вѣтеръ, и лучи свѣта озарятъ насъ.

Когда поднялись у насъ великіе вопросы объ уничтоженіи вѣковой несправедливости въ той или другой сферѣ гражданской жизни Россіи, когда для разрѣшенія этихъ вопросовъ понадобились умственные матеріалы, оказалось, что ихъ можно было достать только у тѣхъ, которые тайною контрабандою провозили ихъ чрезъ всякаго рода заставы и преграды, копили, берегли ихъ въ чаяніи, что наступитъ время, когда понадобится пустить этотъ капиталъ въ оборотъ.

И вотъ почему эти люди явились въ передовыхъ рядахъ дѣяте-

лей, и безъ всякихъ масонскихъ или иныхъ знаковъ,—узнали другъ друга, сошлись какъ старые знакомые.

Вы, мои дорогіе друзья, принадлежали къ этимъ умственнымъ контрабандистамъ. Думаю, что не будетъ съ моей стороны самохвальствомъ, если я скажу, что и я принадлежалъ къ нимъ. И вотъ причина нашего взаимнаго сочувствія.

Всякій разъ, когда я оглядываюсь на мое прошедшее, предо мною встаютъ свѣтлые образы тѣхъ, сближеніе съ которыми развивало во мнѣ и поддерживало нравственныя начала, и благодарность къ которымъ я сохраню до послѣдняго моего вздоха. Я не буду приводить имена еще живущихъ, а скажу только объ умершихъ. Прежде всего, когда я былъ еще на студенческой скамьѣ, мое благодарное воспоминаніе останавливается на профессорѣ математики въ московскомъ университетѣ П. С. Щепкинѣ, человѣкѣ, въ которомъ умъ и образованіе соединялись съ прекрасными качествами сердца.

Къ этому же времени относится и начало дружбы моей съ недавно умершимъ Н. И. Любимовымъ, честныя убѣжденія и безупречная жизнь котораго извѣстны многимъ изъ васъ.

Къ началу петербургскаго періода моей жизни относится знакомство и потомъ дружба съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, человѣкомъ замѣчательнымъ своимъ многостороннимъ образованіемъ, литературными и художественными талантами и въ особенности своею неограниченною добротою сердца, и съ незабвеннымъ для всѣхъ насъ Н. А. Милютинымъ. Не могу также не вспомнить о Самаринѣ. Съ нимъ я не былъ въ короткихъ или, вѣрнѣе, частыхъ сношеніяхъ; но у меня хранятся его письма ко мнѣ, какъ доказательство того, что мы понимали другъ друга и уважали. Съ первыхъ дней знакомства моего съ нимъ, я увидѣлъ въ немъ драгоцѣнный камень, который чѣмъ болѣе разсматриваешь, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ его твердости, тѣмъ болѣе открываешь въ немъ лучезарныя грани.

Изъ служебной сферы я не могу не вспомнить трехъ лицъ: Брадке, Чевкина и графа Киселева.

Брадке всегда къ фамиліи своей прибавлялъ частицу фонъ,—и не смотря на это, не смотря на то, что онъ считался Эвельскимъ дворяниномъ, въ немъ не было ничего, чѣмъ кичатся настоящіе остзейскіе фоны; но если въ немъ не было остзейскаго фона, за то въ немъ былъ фондъ: умъ, честность и доброта. Говорятъ, что онъ былъ нѣсколько гернгутеръ, или піетистъ. Я съ нимъ на этой почвѣ никогда не встрѣчался и потому ничего не знаю.

Что касается до Чевкина, то память о немъ еще свѣжа у всѣхъ; служебныя мои съ нимъ сношенія дали мнѣ случай узнать его коротко и видѣть въ этомъ бѣдномъ тѣлесномъ составѣ—глубокій умъ,

прекрасную душу, теплое, можно сказать, нѣжное сердце; онъ всегда былъ на сторонѣ угнетенныхъ, какъ это онъ доказалъ участіемъ своимъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Онъ былъ горячій патріотъ. Я не могу забыть послѣдняго его присутствія въ государственномъ совѣтѣ: дѣло было о судебной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ; Чевкинъ, уже больной, явился въ государственный совѣтъ и въ прекрасныхъ, исполненныхъ, можно сказать, юношескаго жара, словахъ указывалъ на необходимость устройства въ царствѣ Польскомъ такого порядка, который охранялъ бы силу и въ особенности честь русскаго имени. Это была лебединая пѣснь Чевкина, живо напомнившая мнѣ такую же пѣснь старшаго Питта въ англійскомъ парламентѣ.

Съ Павломъ Дмитріевичемъ Киселевымъ я находился въ сношеніяхъ съ 1837 года, и чѣмъ болѣе эти сношенія продолжались, тѣмъ болѣе укрѣплялась моя связь съ нимъ. Онъ не забылъ меня, живя за границею: въ пакетѣ съ духовнымъ завѣщаніемъ мы нашли одно только письмо, и это письмо было ко мнѣ, въ которомъ онъ прощался со мною.

Въ Киселевѣ была особая способность привязывать къ себѣ тѣхъ, которыхъ онъ приближалъ къ себѣ; но эта привязанность рождалась сама собою,—ибо онъ не былъ щедръ на льстивыя слова. Его по справедливости можно назвать старѣйшимъ между умственными контрабандистами, о которыхъ я говорилъ, какъ это сознавалъ покойный Ю. Ѳ. Самаринъ, ибо онъ служилъ той же идеѣ, которой служили мы—идеѣ законности. Сочувствіе его къ народу, его гуманность извѣстны. Я могу привести здѣсь слова изъ письма его къ одному пріятелю, который, по случаю остзейскихъ дѣлъ, ссылался на общественное мнѣніе. Киселевъ отвѣчалъ ему: «я уважаю общественное мнѣніе, но что бы оно ни говорило, я всегда буду на сторонѣ слабыхъ». Я обязанъ многимъ Киселеву, но въ особенности тѣмъ, что учился у него тремъ общественнымъ добродѣтелямъ: законности, порядку и предусмотрительности.

Впрочемъ, о Киселевѣ я могъ бы говорить много и много; заключу тѣмъ, что если судьба дастъ мнѣ возможность кончить его біографію, то она покажетъ, что о Киселевѣ можно сказать то же, что сказалъ древній ораторъ объ одномъ знаменитомъ мужѣ: «возблагодаримъ, граждане, боговъ за то, что онъ родился не въ другой, а въ нашей странѣ».

Я оканчиваю мою эктенью, и обращаюсь къ себѣ. «День мой вечерѣетъ; закатъ приближается; я жду его спокойно, а теперь, послѣ вашихъ привѣтствій, жду его съ отрадною надеждою, что онъ не покроется мгновенно мракомъ забвенія,—что надъ моимъ закатомъ будетъ еще горѣть вечерняя заря воспоминаній вашихъ о томъ, который любилъ и уважалъ васъ, котораго любили и вы, мои дорогіе друзья.

Однако возвратимся еще къ жизни; будемъ жить, пока живется».

III.

24-го декабря 1881 г. въ два часа пополудни скончался Членъ Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретарь, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій.

Такъ возвѣстила повѣстка, приглашавшая друзей, сослуживцевъ и почитателей отдать послѣдній долгъ—праху почившаго.

Смерть Андрея Парфеновича была мгновенная, тихая, безъ малѣйшаго страданія; даже тихаго стона не слетѣло съ его сомкнувшихся на вѣки устъ.

Еще за нѣсколько минутъ онъ бесѣдовалъ съ своей семьей и со своимъ ближайшимъ другомъ и зятемъ—П. П. Семеновымъ о государственной росписи,—о предпринятомъ кн. М. С. Волконскимъ трудѣ: «графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, его жизнь и государственная дѣятельность»—и о производящейся переписи населенія С.-Петербурга.

Андрей Парфеновичъ умеръ съ книгою въ рукахъ.

27-го декабря 1881 г. вокругъ гроба его, — не обставленнаго и не обложеннаго орденами и звѣздами (согласно волѣ опочившаго)— соединилось множество представителей всѣхъ классовъ общества. Тутъ было много Членовъ Государственнаго Совѣта, Сенаторовъ, представителей печати, литературнаго фонда, городскаго общественнаго управленія, разныхъ благотворительныхъ обществъ и толпа дѣтей-питомцевъ основаннаго покойнымъ пріюта для бѣдныхъ дѣтей.

Маститый старецъ, протоіерей Андреевскаго Собора на Васильевскомъ островѣ, въ которомъ отслужена была заупокойная литургія и отпѣваніе,—протоіерей Александръ Камчатовъ сказалъ истинно-задушевное слово надъ прахомъ усопшаго. Слѣдующими трогательными словами заключилъ онъ свою рѣчь:

....«Почившій высокій сановникъ въ нашей скромной приходской средѣ извѣстенъ больше какъ простой человѣкъ-христіанинъ. Такимъ знали его и считали всѣ мы, маленькіе люди, такимъ знали его и почитали всѣ призрѣваемые нашимъ приходскимъ благотворительнымъ обществомъ, которое именно по его мысли и настоянію организовано, и въ такомъ видѣ существуетъ со дня открытія. Такимъ образомъ, его, единственно, попеченію обязаны всѣ бѣдные прихода нашего тѣмъ,

что нашли желанную, но не жданную благовременную помощь, а съ нею спасеніе отъ холода и голода, и чрезъ то отъ преждевременной смерти, и что еще и того страшнѣе, отъ отчаянія въ своемъ безотрадномъ положеніи, отъ утраты всякой вѣры на милосердіе Божіе, отъ озлобленія и ненависти противъ всѣхъ людей, непонимавшихъ ихъ безотраднаго положенія, и отъ ропота на Божественное провидѣніе. Столько благодѣтельно для бѣдныхъ такое общество, руководителемъ котораго, за все время существованія онаго, и самою животворною силою, всѣмъ руководящею, все направляющею къ благотворной цѣли, былъ незабвенный благодѣтель бѣдныхъ, нашъ усопшій. Учрежденіемъ благотворительнаго приходскаго общества, онъ, невѣдомо для себя самаго, соорудилъ себѣ безсмертный памятникъ, который будетъ служить для многихъ поколѣній поучительнымъ урокомъ того, сколько добра можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ множеству людей, человѣкъ, не обладающій даже богатствомъ, а довольствующійся очень обыкновенными средствами, но одушевленный одною свѣтлою мыслью, однимъ искреннимъ желаніемъ вывесть, вытащить безпріютныхъ бѣдняковъ изъ ихъ жалкаго, безотраднаго положенія въ положеніе сносное и больше или меньше покойное. Намъ, чтителямъ въ Бозѣ усопшаго, остается пожелать, чтобъ духъ его, всегда столь бдительно надзиравшій за бѣдными и устроявшій возможно наилучшія средства къ ихъ существованію, жилъ въ его преемникахъ и одушевлялъ ихъ на подвиги человѣколюбія, къ утѣшенію всѣхъ нуждающихся въ этой малости и милостынѣ. Думаемъ и вѣримъ, что и онъ желалъ, чтобы дѣло общественнаго благотворенія процвѣтало, возростало и приносило съ каждымъ годомъ новые и большіе плоды.

«Миръ праху твоему въ Бозѣ почившій и въ Немъ полагавшій спасеніе твое и всѣхъ присныхъ твоихъ! Вѣчный покой духу твоему во свѣтлыхъ обителяхъ праведныхъ духовъ! Вѣчная память тебѣ, какъ доброму сыну церкви, какъ вѣрному слугѣ служебнаго долга, какъ честному труженику, примѣрному сослуживцу, товарищу, другу, примѣрному родителю, супругу, какъ отцу и покровителю всѣхъ бѣдныхъ нашего Богохранимаго прихода! Подвигъ добрый совершилъ ты, поприще кончилъ, вѣру соблюлъ; да воздастъ же тебѣ праведный Судія вѣнецъ правды! (2 Тим. 4, 8) Аминь».

IV.

27-го декабря 1881 г., въ день погребенія А. П. Заблоцкаго, въ газетѣ «Порядокъ» (№ 356) явился некрологъ покойнаго, написанный его другомъ, всѣми уважаемымъ профессоромъ К. Д. Кавелинымъ. Приводимъ его почти вполнѣ:

«Съ Заблоцкимъ сошелъ въ могилу еще одинъ изъ тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые исподоволь подготовляли въ правительственныхъ сферахъ отмѣну крѣпостнаго права и, когда дѣло созрѣло, приложили къ нему свои руки. Вездѣ такое лицо пользовалось бы громкою извѣстностью въ цѣлой странѣ; у насъ А. П. Заблоцкаго всѣ хорошо знали только въ административной средѣ и въ литературныхъ и ученыхъ, преимущественно петербургскихъ, кружкахъ. Жизнь его прошла за письменнымъ столомъ у себя, въ кабинетѣ, или въ канцеляріи, за книгой, да въ командировкахъ по дѣламъ службы по Россіи и заграницу. Оттого одни посвященные въ тайны нашей бюрократіи и близко стоящіе къ образованному петербургскому обществу, могутъ знать, понимать и цѣнить заслуги этого, въ высокой степени замѣчательнаго, человѣка.

«А. П. Заблоцкій-Десятовскій происходилъ изъ небогатой дворянской семьи. Отецъ его владѣлъ хуторомъ Напрасновкой въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи. Здѣсь Андрей Парфеновичъ и родился [1]). Воспитывался онъ сначала въ новгородъ-сѣверской гимназіи, потомъ въ московскомъ университетѣ по физико-математическому факультету; въ 1827 году окончилъ курсъ со степенью кандидата и золотой медалью, а въ 1832 году удостоенъ степени магистра физико-математическихъ наукъ [2]). Въ томъ же году онъ посту-

---

[1]) Родъ Заблоцкихъ происходитъ изъ дворянъ стародубскаго уѣзда, черниговской губерніи. Предки Заблоцкихъ приняли придаточную къ настоящей фамиліи Десятовскихъ отъ принадлежавшей имъ деревни Деситухи и начали называться по фамиліи Заблоцкими-Десятовскими.

Деревня Десятуха находится въ 12 верстахъ отъ Стародуба и въ настоящее время принадлежитъ г-жѣ Миклашевской.

Яковъ Ив. Довголевскій.

28 декабря 1881 г.

[2]) Достопочтенный товарищъ Андрея Парфеновича по университету Я. И. Довголевскій доставилъ намъ весьма рѣдкій экземпляръ магистерской диссертаціи Заблоцкаго. Эта брошюра въ 50 стран. мелкой печати, подъ заглавіемъ: „О способахъ изслѣдованія кривыхъ линій втораго порядка. Разсужденіе на степень магистра физико-математическихъ наукъ кандидата Андрея Заблоцкаго“. Москва, въ Унив. типографіи, 1831 г., въ 8 долю.

пилъ на службу въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ провелъ бо́льшую часть своей жизни и службы и Н. А. Милютинъ. Пять лѣтъ спустя, 1837 году, покойный переведенъ въ V отдѣленіе Собственной Е. И. В. канцеляріи, а въ слѣдующемъ году,—въ министерство государственныхъ имуществъ, въ которомъ и пробылъ слишкомъ двадцать лѣтъ. А П. Заблоцкій былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ графу Киселеву, повѣреннымъ его задушевныхъ думъ и плановъ, и остался съ нимъ въ тѣсныхъ связяхъ по самую его смерть.

Теперь ни для кого не тайна, что учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ было какъ бы прологомъ къ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Поборники его, которые тогда густыми рядами окружали престолъ и наполняли собою ряды высшей администраціи, знали это, и потому относились крайне недоброжелательно къ графу Киселеву, его министерству и главнѣйшимъ его сотрудникамъ, между которыми особенно выдавался А. П. Заблоцкій своимъ умомъ, обширными познаніями, талантомъ, трудолюбіемъ и искреннею приверженностью идеѣ освобожденія крестьянъ. Крѣпостники не могли простить Заблоцкому, что въ 1841 году онъ былъ посланъ во внутреннія губерніи для изслѣдованія положенія крѣпостныхъ крестьянъ и возвратился изъ этой поѣздки съ запиской, представлявшей цѣлый обвинительный актъ противъ отжившихъ свой вѣкъ крѣпостныхъ отношеній. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ 1846 или 1847, покойный нанесъ изслѣдованіями своими о колебаніи цѣнъ на хлѣбъ, напечатанными въ «Отечественныхъ Запискахъ», новый, сильный ударъ крѣпостному праву съ экономической стороны. Не трудно понять, сколько нерасположенія съ разнымъ сторонъ должно было накопиться на голову А. П. Заблоцкаго. Политическіе враги не пренебрегали ничѣмъ, чтобъ вредить ему, хотя бы въ мелочахъ. Всѣ помнятъ, какъ покойный свѣтлѣйшій князь Меншиковъ снизошелъ до агитаціи противъ избранія Заблоцкаго въ члены англійскаго клуба, въ чемъ и успѣлъ. Позднѣе, въ 1859 году, бывшій министръ государственныхъ имуществъ, графъ М. Н. Муравьевъ, далеко не раздѣлявшій взглядовъ графа Киселева, закрылъ цѣлый департаментъ, которымъ управлялъ А. П. Заблоцкій, чтобъ оставить его не у дѣлъ; но тогда изъ этого маневра вышло совсѣмъ не то, чего ожидалъ графъ Муравьевъ. Ставшій ненужнымъ по министерству государственныхъ имуществъ, Заблоцкій оказался весьма нужнымъ въ канцеляріи государственнаго совѣта, и былъ назначенъ статсъ-секретаремъ въ департаментѣ экономіи. Здѣсь для дѣятельности покойнаго открылось широкое поле. Онъ принялъ участіе въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ,

которому служилъ всю свою жизнь. Но самымъ выдающимся дѣломъ и заслугой его, за этотъ періодъ его дѣятельности, была отмѣна питейныхъ откуповъ и замѣна ихъ акцизнымъ сборомъ. А. П. Заблоцкій былъ душою этой законодательной реформы, одной изъ важнѣйшихъ минувшаго царствованія, провелъ ее, не смотря на сильнѣйшее противодѣйствіе съ разныхъ сторонъ, и много содѣйствовалъ тому, чтобъ приведеніе ея въ исполненіе попало въ надежныя и вѣрныя руки К. К. Грота. Это еще умножило явныхъ и тайныхъ недоброжелателей покойнаго, пополнивъ ихъ не одними откупщиками.

Упраздненіе питейныхъ откуповъ было послѣднимъ выдающимся, крупнымъ дѣломъ въ служебной дѣятельности А. П. Заблоцкаго. Наступили другія времена, выступили на сцену другіе люди, враждебные совершившимся преобразованіямъ и тѣмъ, кто ихъ проводилъ. Послѣдніе были устранены и лишены возможности дѣйствовать. Въ маѣ мѣсяцѣ 1867 года, Заблоцкій былъ сданъ въ комитетъ финансовъ, гдѣ его замѣчательные государственные способности и таланты чахли въ бездѣйствіи въ продолженіе восьми лѣтъ. За шесть лѣтъ передъ тѣмъ, точно такимъ же образомъ, былъ сданъ въ московскій сенатъ Н. А. Милютинъ, котораго извлекли оттуда лишь чрезвычайныя событія въ Польшѣ. Уже на склонѣ дней, шестидесяти-семилѣтній Заблоцкій назначенъ (1875) членомъ государственнаго совѣта. Это званіе было для него лично весьма почетнымъ оффиціальнымъ опроверженіемъ тѣхъ клеветъ, которыя на него взводились за его блестящую административную дѣятельность и за участіе въ преобразованіяхъ минувшаго царствованія; но силы, послѣ долгаго бездѣйствія, были уже не тѣ; не было, да и не могло быть, и прежней бодрости духа. Къ тому же, не происходило ничего такого, что̀ бы ее подстрекало и поддерживало.

Мы коснулись только самыхъ выдающихся сторонъ жизни и дѣятельности покойнаго. Разсказать всю его трудовую, многополезную жизнь въ нѣсколькихъ словахъ, посвященныхъ его дорогой памяти, нѣтъ возможности. За время продолжительной его службы, не возникало въ нашей администраціи почти ни одного экономическаго, финансоваго или промышленнаго вопроса или проекта, къ обсужденію и разработкѣ котораго онъ не былъ бы привлеченъ и не приложилъ своихъ рукъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ, подъ его редакціей издавались журналы министерствъ: внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, онъ издавалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1845—1847), «Сельское Чтеніе», выдержавшее нѣсколько изданій. Въ 1833 году, положилъ первое основаніе статистическимъ изслѣдованіямъ С.-Петербурга, въ книжкѣ,

изданной подъ названіемъ: «Статистическое Обозрѣніе С.-Петербурга». Подъ его руководствомъ велись многіе годы статистическія работы и изслѣдованія въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и въ географическомъ обществѣ. За всѣмъ тѣмъ, онъ еще находилъ время и для другихъ занятій. Покойный былъ, въ 1859 году, однимъ изъ основателей общества литературнаго фонда, составилъ уставъ этого общества, вмѣстѣ съ однимъ его членомъ, и нѣсколько лѣтъ былъ предсѣдателемъ общества.

Плодомъ командировки его за-границу, въ 1869 году, для изученія системы устройства сбора прямыхъ налоговъ, было превосходное сочиненіе о финансахъ Пруссіи. Въ 1869 году, А. П. Заблоцкій былъ однимъ изъ учредителей общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Андреевскаго собора на Васильевскомъ острову, предсѣдательствовалъ въ немъ и велъ его дѣла съ самаго основанія общества до своей кончины.

А. П. Заблоцкій принадлежалъ, по своему рожденію, складу ума и характера, къ малороссійскому племени, внесшему такой богатый вкладъ несравненныхъ талантовъ во всѣ стороны русской жизни. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ, какіе намъ удавалось встрѣчать—тонкій, въ высокой степени объективный, какъ у бо́льшей части нашихъ выдающихся южанъ,—ясный и трезвый до нѣкоторой сухости. Но сердце у него совсѣмъ не было сухое. Его немногіе, близкіе друзья знаютъ это по собственному опыту. Онъ умѣлъ любить глубоко, выдержанно, всю жизнь, и былъ трогателенъ своею привязанностью. Для бѣдныхъ, страдающихъ, несчастныхъ, особливо изъ простого люда, сердце его было всегда широко раскрыто.

Когда человѣкъ умираетъ, проживъ семьдесять слишкомъ лѣтъ, нѣтъ мѣста сожалѣніямъ о надеждахъ, которыя онъ унесъ съ собою, о трудахъ, которые онъ могъ-бы еще совершить. Но передъ гробомъ А. П. Заблоцкаго невольно шевелится въ душѣ другая, горькая мысль: отчего родина далеко не вполнѣ воспользовалась всѣмъ тѣмъ, что̀ могли ей принести его высокіе таланты, обширныя знанія, опытность и неутомимое трудолюбіе? Или мы, подобно Петру Великому, такъ богаты силами, что не знаемъ—куда ихъ дѣвать? Жатва велика, а жнецовъ что-то не видно.

Пожелаемъ дорогой родинѣ побольше такихъ дѣятелей, какимъ былъ А. П. Заблоцкій, но пожелаемъ также, чтобъ для ихъ талантовъ и дѣятельности былъ болѣе широкій просторъ и сложились болѣе благопріятныя условія. Теперь уходятъ уже послѣдніе изъ плеяды государственныхъ дѣятелей, открывшихъ дверь въ будущую Россію...

По прежнему все пусто. Здравствуй племя.
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій, поздній возрастъ.
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь.

27-го декабря 1881 г.

Примѣчаніе отъ Ред. „Русской Старины". Достойно замѣчанія, что тяжкой памяти 1881 годъ унесъ въ могилу много изъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей Россіи. Однихъ только членовъ Государственнаго Совѣта умерло въ 1881 г. одиннадцать человѣкъ, таковы:

Баронъ Будбергъ.
В. П. Бутковъ.
А. И. Войцеховичъ.
А. П. Заблоцкій-Десятовскій.
Д. Н. Замятнинъ.
Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.
Ген.-ад. Непокойчицкій.
Кн. Д. А. Оболенскій.
Принцъ Петръ Ольденбургскій.
Графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ.
Графъ Б. А. Перовскій.

Между тѣмъ издавна замѣчено, что въ предъидущіе годы умирало у насъ членовъ Государственнаго Совѣта отъ трехъ до шести и никогда до 1881 г. не превышало девяти лицъ въ годъ. Ред.

V.

Въ пятницу, 15-го января 1882 г., въ засѣданіи петербургской городской думы нѣсколько гласныхъ почтило память А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго воспоминаніями о его жизни и дѣятельности. Такъ гласный В. И. Лихачевъ сказалъ [1]).

«Мм. гг. Въ промежутокъ времени между послѣднимъ собраніемъ городской думы въ прошломъ году и нашимъ сегодняшнимъ засѣданіемъ насъ постигла утрата: 24-го декабря прошлаго года, умеръ одинъ изъ старѣйшихъ и полезнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей столицы, гласный нашей думы, членъ государственнаго совѣта, Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій. Разбирать его государственныя заслуги я не стану. Припомню только, что, еще сорокъ лѣтъ назадъ, когда никто въ Россіи не смѣлъ громко говорить объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, А. П. Заблоцкій-Десятовскій подалъ свой голосъ за освобожденіе крестьянъ съ землею и—скромный тогда чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ—прямо, открыто и смѣло высказалъ это мнѣніе въ представленномъ имъ министру, графу П. Д. Киселеву, отчетѣ о своей поѣздкѣ по Россіи.

Припомню еще, что, спустя почти двадцать лѣтъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій принималъ дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ и, вслѣдъ затѣмъ, по уничтоженію откупной системы, разорявшей народъ и развращавшей администрацію.

Еще въ ту пору, когда только немногіе просвѣщенные люди понимали всю пользу народнаго образованія, когда о такихъ школахъ, какія у насъ теперь, не было и помину, А. П. Заблоцкій-Десятовскій распространялъ школы среди государственныхъ крестьянъ и самъ писалъ для нихъ книги. Его «Ручная книжка грамотнаго поселянина», изданная въ первый разъ книгопродавцемъ, отцомъ нашего городского головы, Ильей Глазуновымъ, расходилась въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, такъ же какъ и «Сельское Чтеніе» и «Разсказы о Богѣ, человѣкѣ и природѣ», составленныя А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ вмѣстѣ съ княземъ Одоевскимъ. Кто читалъ сочиненія Бѣлинскаго,

[1]) Приводимъ эти рѣчи изъ послѣдняго выпуска „Извѣстій Спб. думы“.

тотъ знаетъ, какое огромное значеніе придавалъ нашъ строгій критикъ этимъ первымъ книгамъ для народнаго чтенія Всѣ эти книги сохранили свое значеніе и свой интересъ для народа и теперь: не далѣе, какъ въ 1864 году вышло 11-е изданіе 1-й книги «Сельскаго Чтенія», а въ 1872 году 9-е изданіе «Ручной Книжки».

Коснувшись лишь отчасти государственной и литературной дѣятельности А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, я считаю долгомъ остановиться на его дѣятельности городской, здѣсь, въ стѣнахъ нашей петербургской городской думы. Эта дѣятельность подлежитъ вашей, мм. гг., оцѣнкѣ.

Уроженецъ юга, занесенный судьбою въ Петербургъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій скоро полюбилъ нашъ городъ и въ теченіи тридцати почти лѣтъ, когда онъ былъ гласнымъ, имъ много потрачено энергіи и труда, не безъ ущерба для себя лично, на пользу городского самоуправленія, городской думы и городского населенія.

При первой для него возможности, А. П. Заблоцкій-Десятовскій вступилъ въ ряды городскихъ дѣятелей и въ 1853 году былъ избранъ въ гласные петербургской городской общей думы. Это прежнее, на сословія раздѣленное собраніе, первый зародышъ городского самоуправленія и, притомъ, зародышъ довольно уродливой формы, тѣмъ не менѣе представлялось какою-то аномаліею въ общемъ административномъ строѣ стараго времени.

Съ этимъ зачаткомъ самоуправленія не мирилась тогдашняя администрація, и немало требовалось и энергіи и устойчивости, чтобъ охранить хотя бы малѣйшій признакъ самостоятельности городского самоуправленія. Въ числѣ первыхъ защитниковъ городского самоуправленія, городской казны и городской самостоятельности постоянно стоялъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій, въ качествѣ гласнаго, товарища старшины 1-го отдѣленія (потомственныхъ дворянъ) и оставившаго по себѣ почтенную память въ исторіи старшины 1-го отдѣленія (1862—1868 годовъ). Конечно, такая защита нерѣдко отзывалась невыгодно на самихъ защитникахъ, вредила ихъ служебной карьерѣ, устанавливала имъ репутацію людей «неспокойныхъ», и нужно было много выдержки, стойкости и честнаго отношенія къ дѣлу, чтобъ отстаивать свои законныя права̀.

Сто̀итъ напримѣръ, только взглянуть на старыя смѣты, чтобъ удивиться, какіе только разнообразные расходы, неимѣющіе ничего общаго ни съ обязанностями, ни съ интересами города, не далѣе, какъ 20 лѣтъ назадъ, относились, по произволу администраціи, на городскую казну. Много нужно было времени и труда, чтобъ посте-

ненно городская казна, путемъ изъ года въ годъ повторяемыхъ ходатайствъ и домогательствъ, избавлялась постепенно отъ такихъ неправильныхъ и непроизводительныхъ расходовъ. Въ этомъ отношеніи, петербургская дума и городское населеніе много обязаны А. П. Заблоцкому-Десятовскому. Въ качествѣ члена и предсѣдателя городской финансовой коммисіи, онъ вызывалъ ходатайства думы объ освобожденіи городской казны отъ того или другого неправильно на нея возложеннаго расхода и, затѣмъ, въ качествѣ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, на утвержденіе котораго, въ прежнее время, представлялась городская смѣта, имѣлъ возможность разъяснять основательность и справедливость такихъ ходатайствъ.

Не было почти ни одного сколько-нибудь важнаго или полезнаго для города дѣла, въ которомъ не проявлялись бы участіе или даже починъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ «Извѣстія городской думы», обязанныя А. П. Заблоцкому-Десятовскому своимъ появленіемъ на свѣтъ: по его предложенію, сдѣланному въ 1862 году, о необходимости знакомить предварительно гласныхъ и городское общество съ дѣлами, подлежащими рѣшенію городской думы, «Извѣстія» начали издаваться съ 1863 года. Перелистывая эти «Извѣстія» за первыя десять лѣтъ, постоянно встрѣчается А. П. Заблоцкій-Десятовскій, то дѣлающій какое-нибудь полезное городу предложеніе, то избираемый въ ту или другую комисію. Вотъ перечень только главнѣйшихъ его занятій въ городской думѣ съ 1863 года, когда онъ состоялъ старшиною перваго отдѣленія: въ 1865 году избранъ старшиною на второе трехлѣтіе; въ 1866 году участвовалъ въ устройствѣ мѣръ противъ холеры и въ организаціи мирового института; до 1869 года состоялъ отъ думы членомъ высочайше учрежденной комисіи по дѣламъ столичнаго управленія; въ 1869 году предсѣдательствовалъ въ комисіи о снабженіи Петербурга мясомъ; въ 1870 году избранъ въ комисію о квартирномъ налогѣ, о примѣненіи къ Петербургу новаго «Городового Положенія» и до 1871 года состоялъ членомъ особой комисіи объ устройствѣ больничной части; въ 1872 году, во время бытности заграницею, по порученію думы, собралъ для нея свѣдѣнія объ устройствѣ тамъ скотобоенъ и о другихъ предметахъ городского хозяйства; въ 1873 году участвовалъ въ составленіи проекта правилъ переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ; былъ избранъ предсѣдателемъ комисій: по производству общей переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ и финансовой, разсматривавшей городскую смету и общее денежное положеніе городского управленія; въ 1874 году предсѣдательствовалъ въ

комиссіи о существующихъ по мѣстнымъ положеніямъ сборахъ. Не перечисляя далѣе всѣхъ комисій, въ которыхъ, въ качествѣ члена или председателя, участвовалъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій, нельзя не упомянуть еще, что ему принадлежитъ первоначальная мысль объ устройствѣ при управѣ статистическаго отдѣленія, объ изслѣдованіи съ санитарною цѣлью водъ въ петербургскихъ рѣкахъ и каналахъ, о производствѣ періодически переписи въ Петербургѣ и еще многія другія.

Въ послѣдніе годы состояніе здоровья и засѣданія въ государственномъ совѣтѣ препятствовали А. П. Заблоцкому-Десятовскому бывать на всѣхъ собраніяхъ думы; но онъ не переставалъ интересоваться городскими дѣлами и продолжалъ дѣятельно участвовать въ дѣлѣ, также тѣсно связанномъ съ городскимъ благосостояніемъ: въ дѣлѣ взаимнаго страхованія. Пользуясь большимъ уваженіемъ «петербургскаго общества взаимнаго страхованія», котораго состоялъ членомъ, онъ несомнѣнную пользу приносилъ до самой смерти, въ качествѣ предсѣдателя наблюдательнаго комитета, своими многосторонними познаніями.

Въ заключеніе, укажу еще на одну отрасль благой дѣятельности А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Благодаря его доступности и готовности оказать посильную помощь всякому, нуждающемуся въ ней, онъ пользовался расположеніемъ мѣстнаго населенія Васильевскаго острова, гдѣ жилъ, и ему удалось организовать довольно широкую благотворительность основаннаго въ 1868 году общества вспоможенія бѣднымъ прихода андреевскаго собора. Подъ предсѣдательствомъ и его руководствомъ это общество не только оказывало нуждающимся въ приходѣ помощь постоянную и единовременную, но на собранныя посильныя пожертвованія выстроило въ 1877 году каменный домъ, стоившій 42,000 руб., въ которомъ помѣстило богадельню, гдѣ содержатся 30 престарѣлыхъ женщинъ, и пріютъ, гдѣ 14 дѣтей сиротъ получаютъ не только содержаніе, но и образованіе.

Такіе постоянные, почти 30-ти лѣтніе труды А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго на пользу городского населенія, городская дума не можетъ не цѣнить. Вотъ почему было бы справедливо удовлетворить желанію многихъ гласныхъ—почтить память умершаго А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго и назвать его именемъ двѣ городскія начальныя школы на Васильевскомъ островѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ его зналъ бѣдный людъ.

Въ этомъ и заключается мое предложеніе городской думѣ, и, если оно будетъ принято, я дополню его тѣмъ, чтобъ копію приговора о семъ думы сообщить вдовѣ покойнаго, съ выраженіемъ чувства

соболѣзнованія городского общества о постигшей ее и все семейство покойнаго утратѣ».

Вслѣдъ затѣмъ гласный М. И. Семевскій сказалъ:

«Чувство глубокаго уваженія, которое имѣемъ мы всѣ, здѣсь присутствующіе, къ памяти покойнаго А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, даетъ мнѣ поводъ и послѣ обстоятельнаго очерка его дѣятельности представленнаго гласнымъ Лихачевымъ, еще на нѣсколько минутъ остановить ваше, гг. гласные, вниманіе на заслугахъ и нравственной личности покойнаго Андрея Парфеновича.

Въ теченіи тридцати лѣтъ А. П. состоялъ членомъ С.-Петербургскаго городскаго общественнаго управленія и, что весьма замѣчательно, до послѣдняго вздоха своей жизни принималъ самое живое участіе во всемъ, что близко касалось интересовъ города; по свидѣтельству его зятя и ближайшаго друга П. П. Семенова, послѣдній разговоръ А. П., за нѣсколько минутъ до смерти, былъ разговоръ о переписи городскаго населенія; разспрашивая обо всѣхъ подробностяхъ работъ по переписи, покойный указывалъ на тѣ благотворные результаты, которые будетъ имѣть, при разрѣшеніи множества вопросовъ, до Петербурга касающихся, правильно составленная перепись населенія С.-Петербурга. Какъ предсѣдатель финансовой коммисіи, А. П. оставилъ въ «Извѣстіяхъ Спб городской думы» весьма важныя замѣчанія и указанія по бюджету городскому, замѣчанія, которыми руководствуются наши бюджетныя коммисіи до настоящаго времени.

Любопытенъ тотъ фактъ при оцѣнкѣ нравственной личности покойнаго, что онъ, благодаря своему обширному уму, необыкновенному такту, благодаря всему складу своей нравственной личности, всегда имѣлъ замѣчательное руководящее вліяніе на тѣхъ лицъ, которыя имѣли удовольствіе его знать или принимали участіе въ той или другой изъ отраслей его обширной дѣятельности. Едва ли ошибусь, если скажу, что это руководящее благотворное вліяніе чувствовалъ на себѣ и говорившій передо мною гласный; нѣсколько гласныхъ какъ прежнихъ, такъ и нынѣшняго состава Думы, могутъ съ признательностью къ памяти А. П. наименовать себя его учениками. Долгомъ считаю заявить, что въ теченіи четырехъ лѣтъ (1877—1880 гг.) принимая участіе въ трудахъ финансовой коммисіи, С.-Петербургскою Думою ежегодно учреждаемой, я былъ обязанъ Андрею Парфеновичу въ моихъ трудахъ многими совѣтами и указаніями.

Останавливаясь на отношеніяхъ А. П. къ бюджету городскому, по

которому онъ въ прежніе годы столь много потрудился, я могу засвидѣтельствовать, что никто болѣе его не печаловался еще въ 1860-хъ и въ 1870-хъ годахъ, что громадная часть городскихъ доходовъ не идетъ на удовлетвореніе наиболѣе существенныхъ нуждъ населенія; никто болѣе его не печаловался, что смѣта нашихъ расходовъ разбухаетъ годъ отъ году на сохраненіе, такъ сказать, лишь внѣшняго порядка. И никто болѣе его не радовался тому явленію, когда въ 1877 году, переданы были, наконецъ, въ вѣдѣніе городскаго управленія тѣ 16 школъ, которыя въ четыре года, благодаря заботамъ Думы, возросли до 105, а вмѣстѣ съ тѣмъ возросли и расходы С.-Петербурга на народное образованіе [1]).

Учрежденіе двухъ новыхъ (а не переименованіе только двухъ уже существующихъ) народныхъ училищъ, во имя Андрея Парфеновича, было бы наиболѣе соотвѣтствующимъ чествованіемъ его памяти.

Но быть можетъ явится у кого-нибудь вопросъ: какое же непосредственное отношеніе имѣлъ А. П. къ дѣлу народнаго образованія, чтобы именно этимъ видомъ, а не какимъ-нибудь другимъ, почтить его 30-лѣтнюю безкорыстную, честную службу городскому обществу? Я скажу: имѣлъ онъ отношеніе къ народной школѣ громадное. Не болѣе 40 лѣтъ назадъ, когда многочисленное сельское населеніе Россіи находилось еще подъ ярмомъ крѣпостнаго ига, только въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ, кое-гдѣ, какъ звѣздочки мерцали школы въ томъ сумракѣ безграмотности, которымъ окутано было сельское населеніе Россіи. Такъ напр. въ Саратовской губ. еще въ 1850-хъ гг., на всемъ ея громадномъ пространствѣ, не было ни одной сельской школы у крестьянъ помѣщичьихъ, но было 19 училищъ для государственныхъ крестьянъ. 20 лѣтъ тому на-

---

[1]) Еще весною 1881-го года покойный Андрей Парфеновичъ, въ бесѣдѣ со мною, указывалъ съ сожалѣніемъ на то, что городское управленіе, частью стѣсненное другими нуждами, частью по равнодушію, мало обращаетъ вниманія на поддержку благотворительныхъ учрежденій. Есть нѣсколько обществъ и учрежденій въ Спб., которыя многіе годы трудятся въ дѣлѣ огражденія бѣднѣйшихъ классовъ населенія отъ самой вопіющей нужды и городское управленіе не только своевременно не поддерживаетъ ихъ, но даже и не интересуется ими. Ничтожныя суммы, какія появляются по этому предмету въ смѣтѣ расходовъ С.-Петербурга—появляются совершенно случайно и ничтожны по размѣрамъ, таковы напр. единовременныя пособія „Обществу дешевыхъ квартиръ“ - почти двадцать лѣтъ трудящемуся съ честью въ столицѣ, и „Обществу дешевыхъ столовыхъ“, о которомъ Дума услыхала чуть ли ни впервые въ 1880 г.

задъ, я былъ командированъ А. В. Головнинымъ, бывшимъ въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, командированъ, въ числѣ нѣсколькихъ литераторовъ и педагоговъ, для изученія положенія сельскихъ школъ. Нерѣдко я проѣзжалъ цѣлые уѣзды, въ которыхъ были однѣ только школы государственныхъ крестьянъ. Конечно, эти школы имѣли недостатки, и недостатки громадные, на которые я и указалъ въ своихъ отчетахъ—министерствомъ тогда же напечатанныхъ [1],—но эти недостатки легко объяснялись тѣмъ временемъ, въ которое возникли помянутыя школы и отсутствіемъ на мѣстахъ исполнителей (за немногими исключеніями), которые бы сочувственно относились къ благимъ, въ отношеніи школъ, мѣрамъ министерства государственныхъ имуществъ. Во всякомъ случаѣ, сельскія школы этого министерства въ 1840—1850-хъ годахъ были все-таки немногіе свѣточи народнаго образованія, разсѣянные въ средѣ сельскаго населенія по лицу русской земли.

Кто же былъ основателемъ, руководителемъ этихъ школъ? Кто снабжалъ ихъ книгами? кто горячо ратовалъ за распространеніе грамотности въ народѣ?

То былъ ближайшій совѣтникъ и впослѣдствіи другъ достопамятнаго министра Киселева, Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій, нынѣ опочившій сномъ вѣчности гласный С.-Петербургской Городской Думы.

Въ виду сказаннаго, повторяю: учрежденіе въ С.-Петербургѣ двухъ новыхъ начальныхъ училищъ, а отнюдь не переименованіе только двухъ уже существующихъ школъ, учрежденіе таковыхъ училищъ во имя Андрея Парфеновича, было бы наилучшимъ памятникомъ, вами ему сооруженнымъ.

Пусть сотни дѣтей, которыя будутъ воспитываться подъ сѣнью этихъ школъ, читая на вывѣскахъ училищъ имя покойнаго, усвоятъ себѣ сознаніе, что честная служба обществу не только чтится при жизни, но и почитается въ грядущихъ поколѣніяхъ, изъ вѣка въ вѣкъ».

Гласный П. В. Жуковскій сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «А. П. такая личность, которая дѣлала намъ честь тѣмъ, что участвовала въ нашихъ собраніяхъ. При его многочисленныхъ государ-

[1] М. Семевскаго: „Грамотность въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ". Изд. 1864 г., 8 д. стр. 1—91; „Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ крестьянъ", изд. 1863 г., въ 8 д. стр. 1—93 и проч.

ственныхъ занятіяхъ, онъ могъ смотрѣть на эту дѣятельность, какъ на второстепенную, тѣмъ не менѣе, я знаю изъ разговоровъ съ А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, что онъ эту дѣятельность ставилъ наравнѣ съ тою, которая дала ему такую блистательную служебную карьеру. Я взволнованъ, мм. гг.! Дѣйствительно, я чувствую всю громадность утраты, которую мы понесли; скажу болѣе: что, можетъ быть, намъ придется еще много времени ждать такого маститаго, удрученнаго опытомъ старца, который руководилъ, такъ сказать, молодое поколѣніе, служа честно на пользу городского управленія. Я душевно радъ и признателенъ тѣмъ гласнымъ, которые предложили увѣковѣчить память А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго учрежденіемъ двухъ школъ его имени, и прибавилъ бы только одно: поставить въ этихъ школахъ его портретъ, чтобъ дѣти учились и смотрѣли на портретъ этотъ, какъ на портретъ человѣка, который дѣйствительно лучшіе годы своей жизни посвятилъ на то, чтобъ дать народу образованіе».

Гласный П. О. Яблонскій предложилъ, независимо школъ, учредить стипендію имени покойнаго въ Петербургскомъ университетѣ.

Всѣ эти предложенія встрѣчены были собраніемъ С.-Петербургской Городской Думы весьма сочувственно и утверждены имъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА"

ДЛЯ ДѢТЕЙ ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТІЙ.

„Игрушечка" одобрена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій и Учебнымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, а также воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Въ 1882 году журналъ „ИГРУШЕЧКА" издается еженедѣльно отъ 1½ до 2½ печатныхъ листовъ, съ рисунками въ текстѣ и силуетами **Е. М. Бемъ**. Годовое изданіе состоитъ изъ 50 №№, что составляетъ въ годъ до 100 печатныхъ листовъ и до 300 рисунковъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Авенаріусъ*, *Атава*, *М. Н. Богдановъ* (проф), *Н. П. Вагнеръ* (проф.), *Воскресенская*, *И. Ѳ. Горбуновъ*, *Геслинъ*, *С. Д. Дрожжинъ*, *гр. Е. Капнистъ*, *Н. Н. Кувшинниковъ*, *С. И. Лаврентьева*, *Н. С. Лѣсковъ*, *В. Л. Львовъ*, *С. П. Миропольскій*, *Я. П. Полонскій*, *А. Н. Плещеевъ*, *Д. П. Садовниковъ*, *гр. Е. Сальясъ* (будетъ, между прочимъ, его повѣсть: „Самоваръ"), *А. І. Сахарова*, *Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ*, *И. В. Сорокинъ* (проф.), *гр. Н. И. Толстая*, *А. Н. Толивѣрова*, *А. К. Шеллеръ* (*А. Михайловъ*), *Е. Ф. Юнге* и др

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи журнала „ИГРУШЕЧКА", Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16; въ „**Современномъ книжномъ магазинѣ**", Пушкинская ул., домъ 4, гдѣ находится отдѣленіе конторы журнала „ИГРУШЕЧКА", и въ книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**" и **Н. Г. Мартынова**. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться *исключительно* въ контору редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца 2 руб. Безъ доставки: на годъ 5 руб., на полгода 3 руб.

Редакторъ-Издательница **Татьяна Петровна Пассекъ**.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

десятое ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ изданіе

„НАШЕГО ДРУГА"

Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ **Баронъ Н. А. Корфъ**. Учебникъ этотъ, разошедшійся въ 200 тысячахъ экземпляр., былъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Пр., Духовно-Учебнымъ Комитетомъ, Главнымъ Комитетомъ по образованію войскъ и Военно-Ученымъ Комитетомъ. Нынѣ «Нашъ Другъ» появляется въ переработанномъ и вполнѣ преобразованномъ видѣ. Онъ распадается на двѣ книги—ученическую и учительскую: **«Нашъ Другъ»** и **Руководство къ «Нашему Другу»**. Первая изъ нихъ, стоющая **65 к.**, состоитъ исключительно изъ прежнихъ пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ 120 статей для чтенія и хрестоматіи, дополненной образцами нашихъ лучшихъ прозаиковъ. Эта книга снабжена **110 художественно исполненными рисунками** въ текстѣ не только изъ области реальныхъ знаній, но и эстетическаго характера, а также портретами многихъ достопамятныхъ людей (Петра I, Екатерины II, Александра II, Пушкина, Гоголя, Крылова, Уатта, Фультона, Дженера и друг.). Что касается **Руководства къ «Нашему Другу»** (книга для учителей), то оно составляетъ томъ въ 190 страницъ самой убористой печати, въ который отнесены всѣ бесѣды и диктовки, задачи и прочія упражненія, прежде помѣщавшіяся въ книгѣ для чтенія, а теперь выдѣленныя изъ нея и значительно дополненныя въ новой переработкѣ. Въ этомъ «Руководствѣ» помѣщены также дополненія по географіи, исторіи и статистикѣ къ статьямъ «Нашего Друга» съ историко-географическимъ описаніемъ 10 городовъ Россіи, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ историческомъ порядкѣ отъ Новгорода до Тифлиса. На каждые 100 экземпляровъ «Нашего Друга» прилагается **безплатно** по 4 экз. «Руководства». Въ отдѣльной же продажѣ его цѣна 50 коп. Главный складъ «Нашего Друга» и «Руководства» къ нему въ книжномъ магазинѣ В. А. Цвылева, (Спб., Малая Садовая, д. № 2), гдѣ находятся на коммиссіи всѣ изданія Ф. Павленкова.

танъ добросовѣстно; но, какъ намъ кажется, ея заглавіе могло бы быть менѣе пестро. В. Н. Никитинъ составилъ свою книгу на половину изъ статей уже напечатанныхъ имъ въ различныхъ изданіяхъ, другую половину написалъ вновь. Въ отношеніяхъ историческомъ и статистическомъ въ книгѣ г. Никитина очень много любопытнаго и поучительнаго; не мало трогательныхъ, эпизодическихъ разсказовъ объ административно-карательныхъ мѣрахъ былыхъ временъ; многія страницы проникнуты чувствами живѣйшаго сострадаеія къ «несчастненькимъ».

Повторяемъ, историческая часть въ книгѣ г. Никитина отдѣлана въ возможной полнотѣ и не лишена интереса. Читателю можетъ показаться, что самый предметъ книги главнымъ образомъ направленъ къ той цѣли, чтобы воздать громкую хвалу частной дѣятельности Общества попечительства о тюрьмахъ; но это возрѣніе ошибочно. Авторъ воздаетъ только должную справедливость неутомимой заботливости членовъ и своихъ сотоварищей.

Во внѣшности изданіе однако не соотвѣтствуетъ своимъ внутреннимъ достоинствомъ: оно довольно грязненько, а бумага до того тонка, что печать одной страницы просвѣчиваетъ на другой. Во многихъ мѣстахъ итоги пропечатаны сплошными строками а не столбцами, что нѣсколько затрудняетъ чтеніе. Изъ этихъ итоговъ краснорѣчивѣйшій находится на стр. 571, и по этому отпечатанъ прописью крупнымъ, жирнымъ шрифтомъ. Въ теченіе 34 лѣтъ своей благотворительной дѣятельности, Общество попечительства о тюрьмахъ израсходовало на улучшеніе мѣстъ заключеній: 1.263,837 руб. 43 коп. Цифра почтенная, по которой читатель можетъ судить, хотя приблизительно, скольким лицамъ она принесла существенной пользы и на сколько способствовала улучшенію ихъ быта.

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова.—Съ портретомъ и факсимиле автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Спб. 1882 г. въ б. 8 д. стр. XXVIII+600.

Очень хорошо отпечатанная объемистая книга эта вмѣщаетъ въ себѣ собраніе двадцати четырехъ наиболѣе живыхъ и интересныхъ монографій покойнаго Благосвѣтлова; здѣсь читатель найдетъ статьи по поводу воскресныхъ школъ; объ университетскомъ вопросѣ; о женскомъ трудѣ и его вознагражденіи; о политической экономіи для богатыхъ;—политическіе предразсудки;объ исторической школѣ Бокля;—Имперія декабрской ночи; Маколэ—историкъ;—Гарибальди;—ученое самообольщеніе;—одинъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей (гр. Сперанскій);—изъ путешествія по Швейцаріи и проч. и проч. Все это расположено въ систематическомъ порядкѣ и книгѣ предпосланъ прекрасно написанный очеркъ жизни и характеристика автора, принадлежащій перу нашего извѣстнаго публициста—Н. В. Шелгунова.

Благосвѣтловъ, столь безвременно похищенный смертью, принадлежитъ къ группѣ людей талантливыхъ и стоявшихъ на высотѣ принятой на себя обязанности.—Питомецъ Спб. университета, онъ много лѣтъ во время жизни заграницей, посвятилъ на довершеніе своего образованія, при чемъ прекрасно овладѣлъ иностранными языками, читалъ много, посѣщалъ лекціи лучшихъ профессоровъ въ Парижѣ и всю жизнь служа наукѣ, слѣдилъ за нею.—Какъ человѣкъ живой, въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ умѣлъ придать жизнь и тѣмъ журналамъ, которые издавалъ: постоянный успѣхъ «Русскаго Слова» и затѣмъ — «Дѣла» краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ умѣлости ихъ дѣйствительнаго редактора и издателя.

Имя Григорія Евлампіевича Благосвѣтлова лично для насъ воскрешаютъ много прекрасныхъ воспоминаній: пишущій эти строки былъ однимъ изъ его учениковъ (1853—1855 гг.) и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1856—1860 гг.), былъ въ самыхъ дружескихъ съ нимъ сношеніяхъ. Съ чувствомъ признательности вспоминаемъ мы о его живомъ, прекрасномъ изложеніи—лекцій и о его бесѣдахъ о самыхъ различныхъ вполнѣ жизненныхъ вопросахъ. Мы имѣемъ нѣсколько интересныхъ писемъ этого педагога и литератора, которыми при удобномъ случаѣ подѣлимся съ читателями «Русской Старины».

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ тринадцатый. **МАРТЪ.** **1882 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ великой княгини **Елены Павловны**, супруги в. кн. Михаила Павловича. Гравюра 1823 г. въ снимкѣ, исполненномъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1882.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1882 г.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Рос. имперіи. Т. V. Спб. 1881. 605 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Этотъ полновѣсный томъ однѣхъ постановленій и распоряженій по духовному вѣдомству обнимаетъ только царств. Екатерины I, и такимъ образомъ вполнѣ исчерпываетъ дѣятельность свѣтскаго и духовнаго правительства относительно церкви въ этотъ періодъ. Понятно, что значительная часть этихъ матеріаловъ и не вошла въ Полное собр. законовъ. Не касаясь матеріаловъ, имѣющихъ церковно-административный характеръ, замѣтимъ, что многіе изъ нихъ важны для исторіи православной миссіи, церковныхъ школъ, исправленія церковныхъ книгъ, языческихъ обрядовъ, (рус. и инородцевъ) религіозныхъ вѣрованій (о преслѣдованіи за ложныя чудеса, богохульство, небытіе у исповѣди и причастія и т. п.), для исторіи раскола (весьма много) и иностранныхъ церквей въ Россіи; брачныхъ отношеній и т. п. Изданіе снабжено именнымъ и предметнымъ указателями.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XXXII. Спб. 638. Т. XXXIII, 551. Т. XXXIV. 560+47. Ц. по 3 р. за томъ.

Послѣ нѣкотораго промежутка въ изданіи, Общество подарило нашу историческую литературу цѣлымъ рядомъ новыхъ весьма цѣнныхъ матеріаловъ.

Томъ XXXII, изданный подъ редакціей профессора В. И. Сергѣевича, составляетъ продолженіе (т. 5-й) труда покойнаго Д. В. Полѣнова, посвященнаго знаменитой Екатерининской коммисіи. Въ только-что изданномъ томѣ представлена дѣятельность Большаго собранія съ 7 апр. по 9 сент. 1768 года. Нельзя не признать справедливыми нѣкоторыя измѣненія, внесенныя Обществомъ въ изданіе сихъ матеріаловъ: такъ, оно постановило печатать ихъ въ подлинномъ видѣ, а не въ новѣйшей переработкѣ, которая могла быть дѣломъ рукъ того или другого редактора. Въ приложеніи къ обзору занятій коммисіи помѣщены подлинныя мнѣнія депутатовъ. Редакторъ настоящаго тома справедливо обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя частности. Такъ покойный редакторъ не считалъ нужнымъ помѣщать баллотировочные листы, находящіеся въ дневныхъ запискахъ, а между тѣмъ изъ результатовъ баллотировки можно сдѣлать иногда весьма вѣроятныя заключенія о настроеніи самаго собранія по тому или другому вопросу, такъ, между прочимъ, проф. Сергѣевичъ указываетъ, что извѣстный своею защитою улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, депутатъ Коробьинъ, при баллотировкахъ, слѣдовавшихъ послѣ подачи своего голоса за этотъ вопросъ, имѣлъ значительный перевѣсъ передъ другими, и его противники, выступившіе съ сильными нападками на его мнѣніе, даже потерпѣли своего рода фіаско. Это даетъ право г. Сергѣевичу заключить, что большинство собранія не было враждебно, слѣдовательно, и къ мысли Коробьина объ улучшеніи быта крѣпостныхъ. Настоящій томъ снабженъ введеніемъ издателя матеріаловъ, въ которомъ онъ проводитъ мысль, еще прежде высказанную имъ въ статьѣ объ Екатерининской коммисіи, помѣщенной нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Вѣстникѣ Европы», а именно, что главный недостатокъ дѣятельности коммисіи заключался въ личныхъ качествахъ ея маршала—А. И. Бибикова, который не былъ подготовленъ къ такой роли. Едва ли, впрочемъ, можно принять это мнѣніе въ такомъ широкомъ смыслѣ.

Недавно той же коммисіи были посвящены статьи проф Брикнера въ Журн. Мин. Нар. Просв., но онъ не могъ еще воспользоваться настоящимъ томомъ матеріаловъ.

XXXIII томъ Сборника заключаетъ во 1-хъ весьма важное дополненіе къ XXIII тому, въ которомъ были помѣщены письма Екатерины II къ Гримму. Тогда общество не располагало еще письмами къ ней послѣдняго. Часть ихъ была отыскана позднѣе въ Госуд. архивѣ, а часть ихъ сообщена въ Общество П. И. Бартеневымъ, хотя и это собраніе нельзя еще считать полнымъ. Съ большими перерывами оно обнимаетъ 1764—96 гг.; о другихъ письмахъ его можно судить пока лишь по письмамъ самой императрицы.

1-е марта

Минулъ годъ горестному, злосчастному дню.

Внѣшній, формальный трауръ снимется, но внутренній останется. На историческую могилу великаго историческаго дѣятеля Россіи — Царя-Освободителя — въ этотъ день годовой тризны понесутся помыслы всѣхъ русскихъ людей. Что совершилось? Не понять Русской землѣ и теперь, по минованіи года, ни причинъ, ни побужденій злостнаго дѣла. Осиротѣлая и оцѣпененная, стоитъ и теперь Россія передъ могилою, сокрывшею прахъ добродушнѣйшаго и любимѣйшаго изъ ея Царей.

Только этимъ полнымъ разбитіемъ мыслей и объясняется то хаотическое состояніе, въ которомъ пребываютъ теперь русскіе люди. Всѣ сознаютъ это состояніе, но не имѣютъ силъ отъ него освободиться. Рѣзкія, отрывочныя мысли и планы несутся въ обществѣ, въ печати, по разнымъ направленіямъ, соперничая другъ съ другомъ нерѣдко въ полной практической неприложимости.

Возгласы объявляющихъ себя народолюбцами и не допускающихъ потому бытія русской интелигенціи, сталкиваются съ другими, не менѣе тягостными кликами о томъ, что ни интелигенція, ни народъ ничего совершать не могутъ, что одинъ надзоръ и только надзоръ можетъ привести къ успокоенію. Это все клочки, потерявшіе связность; отрывки подавленнаго, разбившагося размышленія. Да и какъ было не разбиться ему послѣ тяжкаго, страшнаго событія 1-го марта.

Можно ли теперь скоро разобраться въ массѣ великихъ и сложныхъ дѣлъ, заведенныхъ усопшимъ Царемъ? На неустанную энергію и великій патріотизмъ дѣятелей былъ въ правѣ разсчитывать Царь-Освободитель, взявъ на себя великую миссію обновленія Россіи.

Гдѣ вы, дѣятели-патріоты, на работу которыхъ разсчитаны безпримѣрныя въ исторіи реформы? Покиньте безплодныя пререканія, откажитесь отъ недостойныхъ укоровъ, соедините́сь въ цѣлый, могучій союзъ русскихъ людей, поддержите работу, въ которой нуждается русское государство и его Вѣнценосный Вождь. Не забудемъ, русскіе люди, что великій Монархъ, котораго не престанемъ оплакивать, оставилъ намъ завѣтъ на выполненіе дѣла, столько же труднаго, сколько великаго. Свершивъ властію Самодержца не себялюбивое, но величайшее, невиданное въ исторіи народолюбивое дѣло — освобожденіе милліоновъ крѣпостныхъ душъ съ землею, Онъ создалъ тѣмъ новый складъ соціальныхъ и аграрныхъ отношеній, какого не знала исторія. Послѣдствія этихъ новыхъ отношеній вызовутъ, да и начали уже вызывать многое, что потребуетъ неустанныхъ, мирныхъ, но трудныхъ работъ. Вдумайтесь въ великое, предначертанное для васъ дѣломъ покойнаго Монарха!

Чѣмъ болѣе будутъ достигаемы важные плоды этихъ новыхъ отношеній, Имъ созданныхъ, тѣмъ ярче и свѣтлѣе будетъ выдѣляться въ ходѣ дальнѣйшей исторической жизни Россіи свѣтлый историческій образъ Царя-Освободителя, Царя-Мученика.

19-го февраля 1882 г.
С.-Петербургъ.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

СУПРУГА В. К. МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА

въ 1824 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1882 г.

дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 января 1882 г. Экспедиція заготовл. [illegible]

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

Глава четвертая [1])

Предположенія объ уѣздныхъ учрежденіяхъ и временныхъ генералъ-губернаторахъ.

I.

Порученіе составленія предположеній объ усиленіи полиціи Ланскому и Муравьеву.—Предположенія Министерства Внутреннихъ дѣлъ.—Участіе въ дѣлѣ устройства уѣздныхъ учрежденій графа Панина и Ростовцова.—Ихъ предположенія.

Реакціонная партія считала свою задачу направить крестьянское дѣло въ пользу одного дворянскаго сословія не вполнѣ еще исполненной. Измѣненныя ею начала будущаго устройства крестьянскаго быта требовали обезпеченія въ такомъ устройствѣ уѣздныхъ учрежденій, которое проектировало бы: какъ приведеніе въ исполненіе положеній о крестьянахъ, которые будутъ составлены съ соблюденіемъ помѣщичьихъ интересовъ надъ крестьянскими, такъ и для постояннаго поддержанія господства помѣщиковъ надъ крестьянами. Поэтому въ дѣлѣ предположеній объ устройствѣ уѣздныхъ учрежденій, также какъ и при составленіи программы занятій губернскихъ комитетовъ, министерству внутреннихъ дѣлъ суждено было испытать свое безсиліе.

Каждый разъ, когда возникалъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, между прочими препятствіями къ его разрѣшенію

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—362; изд. 1881 г., томъ XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; томъ XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., томъ XXXIII, январь, стр. 227—258.

выставлялись: несовершенство нашихъ учрежденій, какъ полицейскихъ, такъ и судебныхъ, въ особенности первыхъ. Въ этомъ было много правды: но въ то же время такой пріемъ употреблялся какъ одно изъ средствъ къ устрашенію правительства и къ остановленію дальнѣйшаго развитія мысли объ освобожденіи крестьянъ. Этотъ пріемъ былъ употребленъ и въ нынѣшнемъ царствованіи [1]) передъ выходомъ рескриптовъ; но Государь не испугался этого устрашенія, также какъ и многихъ другихъ. Видя, что устрашеніе не подѣйствовало, охранительная партія рѣшилась и это дѣло взять изъ рукъ министерства внутреннихъ дѣлъ и поправить его согласно своимъ цѣлямъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ 18-го февраля 1858, возлагалось на министра внутреннихъ дѣлъ (Ланскаго) и министра государственныхъ имуществъ (Муравьева) представить соображенія объ усиленіи земской полиціи, въ виду предстоящаго преобразованія крестьянскаго быта.

Дѣло о полиціи, точно также какъ вообще объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, производилось въземскомъ отдѣлѣ, поэтому оно мнѣ извѣстно не менѣе крестьянскаго. Оказалось, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ существовала особая коммисія о преобразованіи полиціи, дѣлопроизводителемъ которой былъ М. Е. Салтыковъ, тогда чиновникъ особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ и писатель, тогда и нынѣ (1875) извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Щедрина. Я получилъ отъ него все производство и обширную записку, въ которой заключалось: и историческое обозрѣніе предположеній о преобразованіи полиціи, и подробный разборъ всѣхъ недостатковъ полицейскаго устройства; но, сколько я помню, никакого окончательнаго формулированнаго проекта не было.

Съ тѣми недостатками городской и земской полиціи, которые обнаруживались въ практической жизни на каждомъ шагу, я былъ знакомъ, живши такъ долго, въ теченіи первой половины моей жизни, въ разное время во многихъ изъ нашихъ губерній; но не служивши по министерству внутреннихъ дѣлъ, я не имѣлъ случая непосредственно по служебнымъ дѣламъ соприкасаться съ полиціей и участвовать въ какихъ либо предположеніяхъ по

---

[1]) Писано въ 1875 г.

устройству полиціи и вообще уѣзднаго управленія. Въ тогдашнемъ же нашемъ обществѣ, которое тщательно устранялось правительствомъ отъ участія своимъ мнѣніемъ въ правительственныхъ распоряженіяхъ, не могло составиться яснаго понятія: отъ чего происходитъ недостатокъ въ устройствѣ полиціи и какія слѣдуетъ принять мѣры къ ихъ устраненію. Кромѣ того, какія мѣры не придумывались бы, невозможно было ожидать существеннаго улучшенія полиціи безъ освобожденія крестьянъ. Поэтому изученіе переданнаго мнѣ дѣла было для меня весьма полезно.

Неудовлетворительное положеніе полиціи главнѣйше зависѣло отъ слѣдующихъ причинъ: отъ незначительнаго жалованья, которое не могло удовлетворить необходимыя потребности, какъ бы умѣренны онѣ ни были; отъ раздѣленія однородной дѣятельности земской и городской полиціи на двѣ независимыя другъ отъ друга части, отъ обремененія полицейскихъ чиновниковъ самыми разнородными обязанностями, происходящаго отъ смѣшенія судебной, слѣдственной и хозяйственно-распорядительной дѣятельности съ обязанностями полицейскими. При такомъ устройствѣ полиціи, которая распоряжалась, производила слѣдствія, судила и въ то же самое время приводила въ исполненіе собственныя свои распоряженія и приговоры,—она не могла вселить къ себѣ довѣрія и съ тѣмъ вмѣстѣ лишалась надлежащей силы. Отъ такого неправильнаго соединенія исполнительныя дѣла не могли имѣть той быстроты, какая требуется по свойству ихъ; а дѣла судебныя и слѣдственныя, страдавшія также отъ медленности, сверхъ того много теряли отъ недостатка въ чиновникахъ юридическихъ познаній и практическаго навыка, пріобрѣтаемаго единственно только при исключительномъ занятіи судебными и слѣдственными дѣлами.

Всѣ эти несовершенства увеличивались отъ предоставленія выбору одного сословія главныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Такое право выбора, которое было предоставлено одному дворянскому сословію, еще болѣе способствовало отсутствію безпристрастія и энергіи въ дѣйствіяхъ, ибо полицейскіе чиновники, завися отъ избранія дворянства, даже при всей благонамѣренности, не могли дѣйствовать совершенно свободно въ дѣлахъ своихъ избирателей.

Для болѣе совершеннаго устройства полиціи необходимо было: избавить ее отъ всѣхъ несвойственныхъ ей обязанностей; соеди-

нить уѣздную и городскую полицію въ одно учрежденіе; уничтожить коллегіальное сложное производство; назначить на полицейскія должности чиновниковъ отъ правительства и опредѣлить имъ достаточное содержаніе. Для полнаго осуществленія этихъ улучшеній необходимо было: образованіе новыхъ земско-хозяйственныхъ учрежденій и судебная реформа. Затѣмъ для разбора взаимныхъ споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, должно было проектировать особыя спеціальныя учрежденія, отдѣльныя отъ прежнихъ судебныхъ установленій и независимыя отъ полиціи.

Приступы со стороны представителей охранительной партіи къ овладѣнію дѣломъ объ устройствѣ полиціи, начались черезъ одинъ или два мѣсяца послѣ того, какъ дѣло это поступило ко мнѣ. Такое непродолжительное время вообще было коротко, а для меня, занятаго другими спѣшными работами, оно дѣлалось еще короче. Я успѣлъ только войти въ дѣло и составить предварительныя соображенія о мѣрахъ къ устраненію существующихъ недостатковъ въ полицейскомъ устройствѣ. Впрочемъ, если бы я и успѣлъ, и съумѣлъ бы составить самое совершенное предположеніе, то оно не могло бы имѣть успѣха: тогдашніе охранители думали не объ улучшеніи полиціи, на основаніи разумныхъ началъ, а объ усиленіи ея посредствомъ предоставленія ей ничѣмъ неограниченной власти; т. е. вмѣсто введенія законности думали объ увеличеніи произвола. Кромѣ Муравьева, къ этому дѣлу, по волѣ Государя, присоединились графъ Панинъ и Ростовцевъ, а сзади ихъ вѣроятно и Позенъ. Они торопились окончить дѣло поскорѣе, держась русской пословицы „куй желѣзо, покуда горячо“. Программа имъ удалась, — они ожидали полнаго успѣха и въ дѣлѣ усиленія полиціи. Ланской не могъ съ ними бороться.

Въ это время (весной 1858 г.), однажды, по обыкновенію, я прихожу въ земскій отдѣлъ, гдѣ я бывалъ каждый день, кромѣ праздниковъ; мнѣ говорятъ, что пріѣзжалъ, по порученію министра юстиціи, знаменитый въ своемъ родѣ директоръ департамента М. И. Топильскій: проситъ меня въ тотъ же день побывать у графа Панина. Я отправился въ домъ министра юстиціи, гдѣ у него былъ оффиціальный кабинетъ и пріемная. Обо мнѣ сейчасъ доложили; дверь въ кабинетъ отворилась и на порогѣ показался, въ бѣломъ галстухѣ и лентѣ, С. С. Ланской, заѣхавшій къ Панину послѣ доклада у Государя,

и сзади его длинная фигура министра юстиціи. Я слышалъ какъ онъ, прощаясь съ Сергѣемъ Степановичемъ (Ланскимъ), спросилъ какъ меня зовутъ. Потомъ, подавши мнѣ руку, сказалъ: „мнѣ пріятно познакомиться съ вами, Яковъ Александровичъ; я просилъ васъ ко мнѣ для того, чтобы вы познакомили меня съ положеніемъ, въ какомъ находится у васъ дѣло о преобразованіи полиціи". Затѣмъ онъ пригласилъ меня въ кабинетъ, гдѣ недалеко отъ двери стоялъ письменный столъ, вѣроятно назначенный для объясненій съ чиновниками. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть противъ него. Было бы съ моей стороны крайне несвоевременно, а слѣдовательно и безразсудно, говорить съ Панинымъ о необходимости радикальнаго преобразованія полицейскаго устройства. Поэтому я ограничился указаніемъ на тѣ измѣненія, которыя, какъ мнѣ показались, возможно было провести даже и въ то время.

Я объяснилъ ему, что, по предположеніямъ министерства, полагается соединить земскую и городскую полицію въ одно учрежденіе, подъ начальствомъ казеннаго чиновника — уѣзднаго исправника, которому признается необходимымъ дать товарища, также по назначенію правительства. Коллегіальное присутствіе съ сословными засѣдателями допускается только для особенно важныхъ дѣлъ, не требующихъ спѣшности при исполненіи. Въ видѣ помощниковъ исправника: по исполнительной полиціи остаются становые пристава, живущіе въ своихъ станахъ; а по слѣдственной части предполагается учредить слѣдственныхъ приставовъ съ постояннымъ мѣстопребываніемъ въ уѣздномъ городѣ, откуда они командируются для производства слѣдствій. Жалованье полицейскимъ чиновникамъ возвышается. Земскіе суды и городскія правленія закрываются. Наконецъ, для облегченія полиціи, всѣ хозяйственныя распорядительныя дѣла, которыя находятся въ полиціи, передаются въ проектируемый, взамѣнъ разныхъ уѣздныхъ комитетовъ, уѣздный совѣтъ, который долженъ собираться въ опредѣленные сроки для обсужденія хозяйственныхъ дѣлъ, относящихся до всѣхъ сословій. Совѣтъ этотъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, состоитъ изъ представителей всѣхъ сословій.

Что касается до учрежденій для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, то министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предполагается образовать три инстанціи: стано-

вой судъ, состоящій изъ становаго судьи по выбору дворянъ и трехъ засѣдателей: одного изъ дворянъ и двухъ изъ крестьянъ; уѣздное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ четырехъ засѣдателей: одного отъ дворянъ, одного отъ правительства и двухъ отъ крестьянъ; наконецъ третію инстанцію составитъ губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, которое предполагается образовать,—подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, прокурора и двухъ членовъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ,—одного по назначенію губернатора, другого по выбору дворянства.

Во время всего этого объясненія, графъ Панинъ ни разу не перервалъ меня; я нѣсколько разъ пріостанавливался, ожидая отъ него вопроса, но тщетно. Мой докладъ похожъ былъ на лекцію. Подъ самый конецъ, онъ сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса и попросилъ меня доставить ему, въ видѣ справки, то, что я ему объяснялъ на словахъ. Копія съ этой справки сохранилась въ моихъ бумагахъ, безъ чего я не могъ бы теперь (1875 г.), черезъ семнадцать лѣтъ, вспомнить сущность моего объясненія съ графомъ Панинымъ.

Внезапное приглашеніе мое къ Панину и встрѣча моя у него съ С. С. Ланскимъ, объясняется тѣмъ, что вѣроятно наканунѣ (въ четвергъ, день доклада у государя министра юстиціи), Государь объявилъ графу Панину, что онъ долженъ принять участіе въ предположеніяхъ объ устройствѣ уѣздныхъ учрежденій; а на другой день (въ пятницу—день доклада министра внутреннихъ дѣлъ), государь сказалъ объ этомъ Ланскому и поручилъ ему условиться съ Панинымъ о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Предлогомъ для участія Панина было то, что, вмѣстѣ съ преобразованіемъ полиціи, предполагалось создать новыя учрежденія для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами.

Потомъ я очень хорошо понялъ глубокое молчаніе графа Панина во время моего объясненія; все, что я ему докладывалъ, было совершенно несогласно съ мнѣніемъ его и его единомышленниковъ—въ чемъ должно состоять усиленіе полиціи. По ихъ мнѣнію, Россіи грозило страшное бѣдствіе отъ крестьянскаго дѣла, отъ котораго взволнуется весь народъ и потому, прежде обнародованія положенія о крестьянахъ, необходимо объявить всю Россію

въ осадномъ положеніи. Поэтому у нихъ родилась мысль въ лицѣ уѣзднаго начальника и становыхъ исправниковъ создать начальствующихъ въ уѣздѣ лицъ, не органически связанныхъ съ существовавшими тогда учрежденіями, а поставленныхъ выше ихъ, для наблюденія за ихъ дѣйствіями и для направленія ихъ дѣятельности. Въ учрежденіяхъ же, тогда существовавшихъ, вовсе не предполагалось дѣлать какихъ либо улучшеній. Уѣздные начальники могли быть назначены изъ гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ офицеровъ; а становые непремѣнно изъ военныхъ. Подобно уѣздному управленію, и губернскія гражданскія власти предполагалось подчинить временнымъ генералъ-губернаторамъ изъ военныхъ генераловъ, въ подчиненіи которыхъ въ уѣздахъ были бы уѣздные начальники и становые исправники. Словомъ для всей Россіи, въ видахъ предупрежденія революціоннаго движенія, проектировалось, кромѣ существовавшаго обыкновеннаго гражданскаго, чрезвычайное военное управленіе, — точно также, какое было введено послѣ возстанія въ западныхъ губерніяхъ и въ привислянскомъ краѣ.

Немудрено, послѣ того, что графъ Панинъ не проронилъ ни одного слова во время моихъ объясненій [1]).

Послѣ свиданія моего съ графомъ Панинымъ, мы получили отъ Ростовцова нѣчто въ родѣ программы основныхъ началъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, которыхъ предполагалось три инстанціи: 1) посредники по выбору дворянства, 2) уѣздная расправа, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника, изъ представителей отъ дворянъ, и крестьянъ, 3) губернская расправа, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскихъ предводителей и управляющаго палатой государственныхъ имуществъ. Самое названіе „расправъ“ показываетъ, что онѣ предназначались не столько для разбора, обыкновеннымъ гражданскимъ порядкомъ, жалобъ и дѣлъ между помѣщиками и

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Въ чемъ заключаются недостатки уѣзднаго полицейскаго управленія и какія надлежитъ принять мѣры къ ихъ исправленію. Съ какимъ сожалѣніемъ въ душѣ онъ слушалъ меня, или объяснялъ мой взглядъ неопытностію и пылкостію; или съ какой подозрительностію (что болѣе вѣроятно), онъ причислялъ меня къ адептамъ той партіи, которой приписывалъ (намѣреніе) осуществить глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи“. Я. А. Соловьевъ.

крестьянами, сколько для расправы съ сими послѣдними въ случаяхъ ихъ неповиновенія. Въ запискѣ, присланной Ростовцовымъ, замѣчательны два мѣста:

Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что „жалобы на помѣщика во всѣ три инстанціи могутъ поступать не иначе какъ отъ имени общества, даже и въ томъ случаѣ, если бы жалоба была частная отъ одного крестьянина. Это необходимо для предупрежденія жалобъ многочисленныхъ и неосновательныхъ.“ Поэтому выходило, что если помѣщикъ сдѣлалъ въ отношеніи одного какого либо крестьянина вопіющую несправедливость, то крестьянинъ обязанъ былъ просить созвать сходъ и на сходѣ разсказать что̀ сдѣлалъ съ нимъ помѣщикъ; и затѣмъ право жалобы принадлежало сходу. Трудно предположить, чтобы подобное правило предлагали люди, хлопотавшіе изо всѣхъ силъ о предупрежденіи волненій.

Въ концѣ записки Ростовцова было сказано: „Если въ теченіи каждыхъ двухъ лѣтъ не дойдетъ ни одной жалобы до уѣздной расправы или до расправы губернской; если въ теченіи каждыхъ двухъ лѣтъ не будетъ въ губерніи ни одного несчастнаго столкновенія двухъ сословій, то въ первомъ случаѣ посредникъ, во второмъ уѣздный начальникъ и члены уѣздной расправы, а въ послѣднемъ предсѣдатель и члены расправы губернской могутъ быть представлены къ всемилостивѣйшимъ наградамъ (подарку, высочайшему благоволенію, ордену и чину)“.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ положено было, что проектированіе главныхъ началъ возьмутъ на себя: учрежденіе по крестьянскимъ дѣламъ—министръ юстиціи; уѣзднаго полицейскаго устройства — министръ внутреннихъ дѣлъ; а сельскаго устройства—министръ государственныхъ имуществъ (Муравьевъ). О предположеніяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ по этому послѣднему устройству я докладывалъ также графу Панину въ первое мое свиданіе съ нимъ; по нашему предположенію полагалось въ каждомъ обществѣ установить большой и малый мірскіе сходы, первый для всѣхъ вообще дѣлъ, а второй для разбора маловажныхъ проступковъ и маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ крестьянъ.

Разумѣется, не была забыта вотчинная полиція, которая предоставлялась по рескриптамъ помѣщику.

Вслѣдствіе упомянутаго предварительнаго соглашенія, по порученію С. С. Ланскаго, я приступилъ къ составленію проекта глав-

ныхъ началъ устройства уѣзднаго управленія. Въ моихъ бумагахъ сохранилось три редакціи съ отмѣтками: „первая“, „вторая“ и „третья“ редакціи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ первой редакціи былъ еще уѣздный совѣтъ, но уже является уѣздный начальникъ, хотя онъ не стоитъ отдѣльно, но сливается съ уѣзднымъ управленіемъ, образуемымъ изъ земскаго суда и городскаго управленія; въ уѣздномъ же совѣтѣ предсѣдательствуетъ не онъ, а уѣздный предводитель. Нѣтъ уже особыхъ слѣдственныхъ приставовъ, а уѣздное управленіе дѣлится на три отдѣла: два исполнительные по уѣзду и по городу (земской исправникъ и городничій) и одно слѣдственное (непремѣнный засѣдатель земскаго суда). Допускалось, по неотложнымъ дѣламъ, коллегіальное присутствіе уѣзднаго управленія, хотя съ прокурорскимъ надзоромъ уѣзднаго стряпчаго, но безъ крестьянскихъ представителей. По второй редакціи исключенъ былъ уѣздный совѣтъ; объ участіи стряпчаго уже не упоминалось; а также появился становой исправникъ, но одинъ на цѣлый уѣздъ, въ видѣ помощника уѣзднаго начальника.

Предположенія наши во второй редакціи были посланы къ графу Панину, который возвратилъ ихъ испещренными его замѣчаніями, и вмѣсто нашихъ предположеній, прислалъ свою редакцію. Изъ его замѣчаній я приведу только нѣкоторыя. О сліяніи земскаго суда съ городническимъ правленіемъ, онъ замѣтилъ: „Это сліяніе можетъ быть полезно, но оно требуетъ болѣе опредѣленныхъ указаній, которыя могутъ быть изложены въ наставленіи уѣзднымъ начальникамъ“. О томъ, что „уѣздный начальникъ есть не отдѣльное непосредственно начальствующее лицо уѣзднаго управленія, посему онъ не даетъ ему предписаній, а самъ всѣ свои распоряженія дѣлаетъ черезъ уѣздное управленіе“, противъ этого пункта гр. Панинъ написалъ: „Слишкомъ не опредѣлительно и во многихъ случаяхъ связало бы уѣзднаго начальника, что противно цѣли его назначенія“. Министерство внутреннихъ дѣлъ, потерявъ всю надежду на учрежденіе особой должности слѣдственныхъ приставовъ, полагало, по крайней мѣрѣ, образовать въ составѣ уѣзднаго управленія особый слѣдственный отдѣлъ. Графъ Панинъ возражалъ: „Слѣдственную часть неудобно совершенно отдѣлить отъ полиціи: часто на обязанности сей послѣдней должно лежать производство изслѣдованій по обнаруженіи подавшихъ къ тому поводъ обстоя-

тельствъ. Удобнѣе, какъ полагалось прежде, имѣть слѣдственныхъ приставовъ въ прямомъ распоряженіи полицейскаго начальства". Противъ проектированной статьи, что „уѣздное управленіе не имѣетъ коллегіальнаго устройства, а въ извѣстныхъ только случаяхъ составляетъ общее присутствіе, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника, графъ Панинъ сдѣлалъ замѣчаніе: „Безъ всякаго указанія это останется неисполнимымъ предположеніемъ и вообще коллегіальный порядокъ на низшихъ степеняхъ управленія неудобенъ" [1]).

Не вдаваясь въ подробную оцѣнку его замѣчаній, нельзя не сказать, что главная ихъ цѣль заключалась въ устраненіи всякихъ дѣйствительныхъ органическихъ улучшеній въ устройствѣ полиціи, съ тѣмъ чтобы оставить неприкосновеннымъ тотъ идеалъ уѣзднаго начальника, который онъ себѣ усвоилъ. Идеалъ этотъ состоялъ въ томъ, что уѣздный начальникъ долженъ будетъ не управлять, а наблюдать, руководить и преслѣдовать. Имѣя въ виду эту главную цѣль, онъ не обращалъ уже вниманія, что такое замѣтное законодательное дѣйствіе, какъ соединеніе земской и городской полиціи, не могло найти себѣ мѣсто въ наставленіи уѣздному начальнику. Онъ забывалъ также, что, не допуская въ извѣстныхъ только случаяхъ коллегіальное присутствіе въ уѣздномъ управленіи, онъ не уничтожалъ его въ земскомъ судѣ, который оставлялъ неприкосновеннымъ. Въ замѣчаніяхъ по слѣдственной части, онъ высказалъ ясное понятіе, что полиція обязана сохранить слѣды преступленія, а для производства слѣдствій дол-

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Въ этихъ замѣчаніяхъ выразились свойства ума и характеръ графа Панина. Умъ его отличался необыкновеннымъ свойствомъ соединять въ себѣ: быстроту пониманія и ясность взгляда съ крайней тупостью и совершенно не логическими выводами; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ неоспоримымъ краснорѣчіемъ, хотя плавныя его рѣчи очень часто оставались безъ всякаго заключительнаго вывода, — и полнымъ неумѣніемъ излагать свои мысли письменно. Характеръ его состоялъ также изъ разныхъ противорѣчій: ничѣмъ непреодолимое упрямство съ весьма тонкимъ лицемѣріемъ; грубость и глубокое неуваженіе къ людямъ допускали въ то же время изысканную свѣтскую любезность. Самыя высокія проявленія гражданской доблести стояли рядомъ съ самыми предосудительными побужденіями души и сердца. Эти качества ума и характера, при сношеніяхъ графа Панина съ людьми, подлежали многоразличнымъ комбинаціямъ: иногда онъ проявлялъ однѣ хорошія свои стороны, иногда однѣ дурныя; иногда и тѣ, и другія въ разныхъ сочетаніяхъ". Я. А. Соловьевъ.

жны быть особые чиновники, но въ то же время полагалъ оставить ихъ въ прямомъ распоряженіи полиціи. Министерство внутреннихъ дѣлъ, принимая въ соображеніе тогдашнія неблагопріятныя обстоятельства, предполагало только въ составѣ самой полиціи образовать особый слѣдственный отдѣлъ; а онъ замѣчалъ, что нельзя отдѣлить слѣдствіе отъ полиціи. Черезъ два года онъ былъ горячимъ защитникомъ подчиненія „судебныхъ слѣдователей“ не полиціи, а суду.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ препроводилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ свою редакцію главныхъ началъ какъ уѣзднаго управленія, такъ и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Въ этой редакціи выразилось во всей чистотѣ то, что желали тогдашніе охранители, т. е. полнаго осаднаго положенія. Все полицейское устройство оставалось прежнее, но вполнѣ подчинялось уѣздному начальнику, который почти не подчинялся губернскому начальству, ведя съ нимъ „одну лишь сокращенную переписку о ходѣ управленія и о главныхъ происшествіяхъ въ уѣздѣ“. Самыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ ставились въ такую зависимость отъ уѣзднаго начальника, что выборъ дворянами мировыхъ судей и ихъ кандидатовъ предполагалось производить въ его присутствіи и предоставить ему „право объявлять избирающимъ, что кандидатъ, по дурному управленію своимъ имѣніемъ или порочному поведенію, недостоинъ званія мироваго судьи“. Было предположено также, что если въ уѣздной расправѣ уѣздный начальникъ (предсѣдатель) будетъ не согласенъ съ одинаковымъ мнѣніемъ обоихъ засѣдателей, „то дѣло переносится въ соединенное присутствіе расправы и уѣзднаго суда, которое просматриваетъ дѣло подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника“.

II.

Личныя совѣщанія Ланскаго, Муравьева, Панина и Ростовцова.—Предположенія Муравьева о волостномъ и сельскомъ устройствѣ.—Постепенное измѣненіе первоначальныхъ предположеній объ уѣздныхъ учрежденіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ.—Засѣданія Главнаго Комитета подъ предсѣдательствомъ Государя Александра II.—Высочайшее одобреніе главныхъ началъ уѣздныхъ учрежденій и сообщеніе для соображенія Комитетовъ предположеній о волостномъ и сельскомъ устройствѣ.—Требованіе отзывовъ отъ начальниковъ губерній „о возможности, способахъ и порядкѣ примѣненія главныхъ началъ уѣзднаго устройства".

Послѣ этого начались личныя совѣщанія между тремя министрами, въ которыхъ принималъ участіе и Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Первыя два или три совѣщанія были на городской квартирѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Сергѣй Степановичъ Ланской, хотя и приглашалъ меня являться къ этому времени къ нему на квартиру,—онъ желалъ, чтобы я въ качествѣ дѣлопроизводителя присутствовалъ на этихъ совѣщаніяхъ,—но у него не доставало храбрости и силы воли настоять на этомъ. Являлись акуратно, вмѣстѣ съ Лоде [1]), котораго привозилъ съ собою Муравьевъ, просиживать во время совѣщанія въ комнатѣ передъ кабинетомъ, въ которомъ происходило совѣщаніе,—положеніе весьма незавидное. Наше участіе въ этихъ совѣщательныхъ вечерахъ состояло въ томъ, что намъ также подавали чай, какъ и лицамъ, находящимся въ кабинетѣ. Я уже видѣлъ, что въ то время дѣлу нельзя было помочь; но старался уменьшить по возможности зло и, главное, сохранить дѣло за министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ ожиданіи другаго болѣе благопріятнаго времени. Поэтому для устраненія невозможной, по внутреннему содержанію и по формѣ, редакціи графа Панина, я приготовилъ, по порученію Сергѣя Степановича, третью редакцію „главныхъ началъ для устройства уѣзднаго управленія полиціи". Она была принята съ нѣкоторыми незначительными исправленіями, отмѣченными на моемъ экземплярѣ карандашомъ рукой Ланскаго. Онъ отстоялъ: 1) что земскій судъ и городническое управленіе сливаются въ одно присут-

---

[1]) Тогда и нынѣ (1875) членъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ и петербургской помѣщикъ, тогда камеръ-юнкеръ, нынѣ статской совѣтникъ. Я. С.

ственное мѣсто, которое непосредственно подчинялось уѣздному начальству; 2) что становые исправники назначаются вмѣсто становыхъ приставовъ, и 3) что уѣздный начальникъ и уѣздное управленіе находятся въ прямомъ и полномъ подчиненіи начальнику губерніи и состоятъ подъ указами губернскаго правленія. Образованіе особаго слѣдственнаго отдѣла не прошло.

Проектъ графа Панина объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ также подвергся замѣчаніямъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ и нѣкоторыя особенно несообразныя мѣста его были исключены, какъ напримѣръ право уѣзднаго начальника не допускать до выбора не по закону, а по собственному своему усмотрѣнію того или другаго кандидата. Впрочемъ за нимъ осталось право присутствовать при выборахъ и представлять губернскому начальству о неутвержденіи кандидатовъ по неодобрительному поведенію.

По вопросу о сельскомъ и волостномъ устройствахъ, хотя это дѣло принялъ на себя Муравьевъ, онъ обратился ко мнѣ, поручивъ мнѣ составить проектъ этого устройства, но напередъ высказалъ то, чего онъ желаетъ. На основаніи рескриптовъ, вотчинная полиція оставалась за помѣщикомъ. Муравьевъ доводилъ эту вотчинную полицію до полнаго вмѣшательства помѣщика во всѣ крестьянскія дѣла, и въ то же время предоставлялъ помѣщику „за грубость, безчинство и т. п.“ наказывать крестьянъ, безъ участія крестьянской расправы, въ размѣрѣ 10 ударовъ розгами и не болѣе трехъ дней ареста. Право помѣщика, въ случаѣ его отсутствія, переходило на управляющаго. При редакціи, я старался смягчить требованіе Муравьева; но часть этихъ смягченій Муравьевъ исключилъ. Въ моихъ бумагахъ сохранился черновой, писанный моей рукой, и бѣловой, переписанный послѣ Муравьевскихъ исправленій, экземпляры предположеній о сельскомъ и волостномъ устройствѣ. На бѣловомъ экземплярѣ сдѣлана помѣтка моей рукой: „Редакція, составленная по указанію М. Н. Муравьева, и впослѣдствіи имъ нѣсколько дополненная“.

Доклады мои Муравьеву по этому предмету были по вечерамъ; сколько я помню, на это потрачено было два или три вечера. Онъ скоро не любилъ ничего рѣшать, притомъ, по обыкновенію, эти доклады сопровождались разговорами и сужденіями вообще о крестьян-

скомъ дѣлѣ. Я помню одинъ изъ этихъ разговоровъ, во время котораго онъ долго и послѣдовательно развивалъ мысль, что крестьянамъ не слѣдуетъ давать земли на основаніи его убѣжденія, что „они, свиньи, изроютъ только землю". Разумѣется, мнѣ очень тяжело было слушать такія сужденія, которыя я впрочемъ не оставлялъ безъ возраженій. Подъ конецъ нашего разговора, не смотря на мое близкое знакомство съ характеромъ сужденій М. Н. Муравьева, я былъ пораженъ неожиданностію другаго заключенія Михаила Николаевича. Онъ, послѣ крестьянъ, перешелъ къ помѣщикамъ, разобралъ ихъ по косточкамъ и вывелъ заключеніе, что „и помѣщики не лучше крестьянъ". При этомъ конечно нельзя было не вспомнить гоголевскихъ Собакевича и прокурора. Но возвращаюсь къ прерванному разговору о совѣщаніяхъ по устройству полиціи и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

Передъ послѣднимъ совѣщаніемъ С. С. Ланской объявилъ мнѣ, что сами его сотрудники потребовали моего присутствія при этомъ послѣднемъ совѣщаніи, которое было на дачѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Засѣданіе Главнаго Комитета для разсмотрѣнія предположеній объ уѣздныхъ учрежденіяхъ, въ которомъ предполагалъ предсѣдательствовать самъ Государь, было назначено черезъ нѣсколько дней, поэтому дѣло велось самымъ торопливымъ образомъ. Въ назначенный день и часъ я пріѣхалъ на министерскую дачу. Ланской былъ не въ духѣ. Вскорѣ потомъ всѣ собрались и усѣлись около круглаго стола, поставленнаго посрединѣ гостиной министерской лѣтней квартиры. Я сидѣлъ между Ростовцовымъ и Муравьевымъ. Совѣщаніе началось съ чтенія предположеній объ уѣздномъ управленіи. Сначала читалъ я, а потомъ предложилъ свои услуги Я. И. Ростовцовъ для того, чтобы дать мнѣ возможность выпить мою чашку чая. Совѣщаніе было вечеромъ. Дѣло состояло въ одномъ чтеніи; если и были замѣчанія, то два или три редакціонныя; сущность была уже рѣшена въ предъидущія совѣщанія. Съ окончаніемъ чтенія объ уѣздномъ полицейскомъ управленіи меня отпустили, съ тѣмъ, чтобъ я распорядился перепиской прочитаннаго къ завтрашнему утру; но предварительно просили Ланскаго, для выигранія времени, подписать листъ чистой бумаги, на которомъ долженъ былъ помѣститься конецъ предположеній. Ланской былъ подъ нравственнымъ давленіемъ. Когда я вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ кабинетъ,

чтобы принять отъ него подписанный имъ листъ чистой бумаги, тогда онъ произносилъ междомѣтія самаго сильнаго неудовольствія и поправлялъ свой парикъ съ затылка на лобъ, что было самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ мрачнаго настроенія духа. Отпуская меня, графъ Панинъ сказалъ мнѣ, что онъ завтра „пришлетъ“ ко мнѣ своего директора департамента Топильскаго съ переписанными и подписанными имъ, графомъ Панинымъ, предположеніями объ учрежденіяхъ для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, съ тѣмъ чтобы предположенія эти были вмѣстѣ отправлены въ Главной Комитетъ.

На другой день переписанныя представленія я самъ отвезъ къ Топильскому (который былъ гораздо старше меня и чинами, и годами). Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и передалъ мнѣ, что Панинъ желаетъ, чтобы предположенія о полиціи были скрѣплены мной по листамъ, а то, что шло отъ нихъ, скрѣплено имъ, Топильскимъ, хотя оба представленія сшиваются въ одну тетрадь. До сихъ поръ все было понятно, хотя обыкновенно представленія изъ министерствъ въ высшія учрежденія не скрѣпляются по листамъ. Но необыкновенно странно для меня показалось сообщенное мнѣ Топильскимъ желаніе графа Панина, чтобы я, при скрѣпѣ, писалъ только имя и фамилію (Яковъ Соловьевъ), тогда какъ, по установленному порядку, употребленіе имени не обязательно, а фамиліи должно предшествовать обозначеніе: или должности, или чина. Я было воспротивился этому странному требованію; но Топильской столь меня умолялъ: „вамъ все равно,—твердилъ онъ,—вашъ министръ на это не обратитъ вниманія, а для меня могутъ выйдти изъ этого непріятности“. Я убѣдился этими доводами и исполнилъ странное желаніе графа Панина. Во всякое другое время всѣ подобные пріемы были бы невозможны. Почему необходимо было заставлять Ланскаго подписывать бѣлый листъ бумаги, какъ будто бы я не могъ на другой день утромъ представить къ его подписанію бѣловой экземпляръ предположеній объ уѣздномъ управленіи и полиціи? Почему эти предположенія должны были быть сшиты съ предположеніями министра юстиціи по другому предмету; развѣ и тѣ и другія предположенія не могли идти отдѣльно каждое изъ своего министерства? Все это доказываетъ справедливость сдѣланнаго выше замѣчанія, что Ланской въ то время находился какъ бы

въ плѣну. Панинъ, Муравьевъ и Ростовцевъ не отходили отъ него и къ нему никого не допускали. Этимъ объясняются ихъ первыя секретныя совѣщанія, при которыхъ присутствіе человѣка, знакомаго съ подробностями дѣла, могло быть полезно для Сергѣя Степановича. Въ послѣднее свое засѣданіе они хотя и пустили меня, но единственно въ видахъ соблюденія канцелярскаго порядка, — для того чтобъ предположенія, идущія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, были переписаны въ его министерствѣ и скрѣплены чиновникомъ, у котораго въ производствѣ находилось дѣло о преобразованіи полиціи. При этомъ они связали Ланскаго предварительной подпиской, изъ опасенія, чтобы онъ, при подписаніи, чего либо не перемѣнилъ. Кромѣ всего этого они не желали предварительнаго оглашенія дѣла, зная, что оно будетъ имѣть противъ себя тѣхъ людей, которыхъ они хотѣли представить въ глазахъ Государя: или неблагонадежными, или неопытными. Великая Княгиня Елена Павловна и Великій Князь Константинъ Николаевичъ покровительствовали этому, правда немногочисленному, кружку людей. Они могли предупредить Государя, но имъ дѣло не могло быть извѣстно, потому что оно велось въ секретныхъ совѣщаніяхъ и съ необыкновенною торопливостію; Ланской былъ связанъ своимъ согласіемъ, поэтому онъ не могъ говорить Государю противъ имъ самимъ подписанныхъ предположеній, поэтому также на него не могъ опереться Великій Князь Константинъ Николаевичъ и другіе члены Главнаго Комитета, которые не захотѣли бы согласиться съ внесенными туда предположеніями.

При такой обстановкѣ Орлову и Ростовцеву легко было расположить Государя въ пользу началъ будущаго устройства уѣздныхъ учрежденій и, затѣмъ, разсмотрѣніе ихъ въ Главномъ Комитетѣ было одной только формальностію. Но какъ бы то ни было, начала эти вышли изъ главнаго комитета въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были туда внесены. Въ томъ же засѣданіи комитета былъ утвержденъ проектъ циркуляра, при которомъ министръ внутреннихъ дѣлъ, отъ 16 мая 1858 г., препроводилъ одобренныя предположенія къ начальникамъ губерній. Циркуляръ этотъ оканчивался слѣдующимъ образомъ:

„Государь Императоръ одобрилъ сіи главныя начала; но признавая полезнымъ, прежде окончательнаго утвержденія означенныхъ

выше предположеній. подвергнуть оныя ближайшему соображенію на мѣстѣ, высочайше соизволилъ повелѣть: (проекты преобразованія) во 1-хъ, уѣзднаго управленія и полиціи, а во 2-хъ, (проектъ) учрежденій для разбора недоразумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами, сообщить вашему превосходительству съ тѣмъ, чтобы вы, сообразивъ сіи главныя начала съ мѣстными обстоятельствами ввѣренной вамъ губерніи, доставили мнѣ, никакъ не позже 1-го августа сего 1858 года, заключеніе ваше о возможности, способахъ и порядкѣ примѣненія означенныхъ выше главныхъ началъ во ввѣренной управленію вашему губерніи, развивъ оныя съ большой подробностію, соотвѣтственно мѣстнымъ обстоятельствамъ и особенностямъ".

Поставленіе въ главѣ уѣзднаго управленія полиціи и учрежденія для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами—уѣзднаго начальника съ властію почти ничѣмъ неограниченной, казалось недостаточнымъ. Съ установленіемъ сильной власти въ уѣздѣ, губернская власть, сосредоточенная въ лицѣ губернатора, представлялась слабой. Въ самомъ дѣлѣ, власть губернатора, какъ она была ни велика, но тогда была уже связана нѣкоторыми установленными закономъ условіями. Для уѣздныхъ начальниковъ почти всѣ эти условія уничтожались; они почти освобождались изъ прежней подчиненности губернаторамъ, слѣдовательно власть сихъ послѣднихъ дѣйствительно ослабѣвала. Одинъ ложный шагъ ведетъ за собой другіе.

III.

Новыя начала уѣздныхъ учрежденій ведутъ за собой мысль объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторовъ.—Порученіе министру внутреннихъ дѣлъ составить инструкцію для генералъ-губернаторовъ.—Записка по этому предмету, представленная С. С. Ланскимъ Государю.—Замѣчанія Государя.—Намѣреніе С. С. Ланскаго подать въ отставку.—Благопріятный исходъ личныхъ объясненій Ланскаго съ Государемъ.

Безпорядки и волненія крестьянъ, которыхъ опасались, могли не ограничиваться однимъ уѣздомъ. Они могли распространиться на нѣсколько уѣздовъ; для прекращенія безпорядковъ и волненій въ такомъ размѣрѣ обыкновенная власть губернатора признавалась недостаточной. Опасность представлялась еще грознѣе, если бы волненія крестьянъ перешли за предѣлы губерній и возникли одновременно въ двухъ или нѣсколькихъ сосѣднихъ губерніяхъ.

Государю представляли, и едва ли не всѣхъ болѣе говорилъ объ этомъ Ростовцевъ, что власть губернаторовъ сама по себѣ слаба, но она еще дѣлается слабѣе отъ неудачнаго выбора лицъ на губернаторскія мѣста и отъ обремененія начальниковъ губерній текущими дѣлами. Обращалось также вниманіе, что губернаторы —гражданскіе чиновники, а для экстренныхъ и рѣшительныхъ мѣръ необходимы люди военные. Даже власть генералъ-губернаторовъ, которые были въ столичныхъ губерніяхъ и на окраинахъ имперіи, несмотря на то, что они были военные, признавалась недостаточно сильной, потому что генералъ-губернаторы стѣснены были въ своихъ дѣйствіяхъ данной имъ инструкціей. Словомъ, и послѣднія преграды развитію личнаго произвола, установленныя закономъ, считались препятствіемъ къ успѣшному ходу задуманнаго преобразованія.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ страховъ и опасеній возникла мысль объ учреждении должности временныхъ генералъ-губернаторовъ. Вѣроятно въ томъ же засѣданіи главнаго комитета, въ которомъ были разсмотрѣны предположенія объ уѣздныхъ учрежденіяхъ, была одобрена эта новая мѣра для обезпеченія общественнаго спокойствія. Въ томъ же маѣ 1858 года государственный секретарь сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ высочайшее повелѣніе о томъ, что ко времени обнародованія положенія о крестьянахъ предполагается назначить на нѣсколько губерній временныхъ генералъ-губернаторовъ, вслѣдствіе чего государь возлагаетъ на него, министра, составить и представить на утвержденіе главнаго комитета инструкціи временнымъ генералъ-губернаторамъ.

Ланской былъ противъ учрежденій временныхъ генералъ-губернаторовъ. Онъ поручилъ составленіе всеподданнѣйшаго доклада по этому предмету находившемуся въ то время въ Петербургѣ Тобольскому губернатору В. А. Арцимовичу, вскорѣ потомъ назначенному калужскимъ губернаторомъ.

В. А. Арцимовичъ, по своему направленію, вполнѣ принадлежалъ партіи прогресса. Кромѣ того, какъ губернаторъ одной изъ сибирскихъ губерній, онъ на себѣ испыталъ все неудобство генералъ-губернаторской власти, но надѣялся освободиться отъ нея, получивъ губернаторское мѣсто въ великорусскихъ губерніяхъ. Онъ, по порученію министра, написалъ записку, въ которой до-

казывалъ, что учрежденіе генералъ-губернаторовъ не только не полезно и ненужно, но даже вредно. Ланской рѣшился представить эту записку государю.

Записка эта была написана сильно и рѣзко. Это объясняется духомъ того времени, когда люди либеральнаго направленія надѣялись, что освобожденіе крестьянъ будетъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ, и что съ этимъ вмѣстѣ произойдутъ соотвѣтствующія перемѣны во всемъ остальномъ. Чѣмъ болѣе охранительная партія шла по пути реакціи, тѣмъ болѣе люди прогресса начинали замѣчать, что, вмѣсто освобожденія, усиливается тотъ гнетъ административнаго произвола, отъ котораго такъ страдала Россія въ прошедшее время. Авторъ записки, сверхъ того, какъ губернаторъ, бѣжавшій отъ генералъ-губернаторской власти изъ Сибири, ужасался при мысли, что онъ опять встрѣтится съ этой властію и при томъ въ видѣ еще менѣе привлекательномъ. Люди противной партіи, когда узнаютъ, что записка о генералъ-губернаторахъ была написана В. А. Арцимовичемъ, непремѣнно скажутъ, что онъ желалъ смутъ и волненій въ Россіи; но для меня подобное подозрѣніе, если бы оно составилось, представляется совершенной несообразностію, несмотря на мои крупныя несогласія съ В. А. Арцимовичемъ во время нашей общей службы въ Варшавѣ [1]). Записка Арцимовича, можетъ быть, страдала рѣзкостію; но въ сущности она выражала мысль всѣхъ истинно русскихъ, которые правильно и безпристрастно смотрѣли на тогдашнее положеніе вещей и которые чистосердечно желали блага своему отечеству, а не одному какому нибудь классу народонаселенія.

Въ запискѣ, представленной Ланскимъ государю 1-го и возвращенной отъ него 5 августа 1858 года, разсматривалось два вопроса:

1. „Дѣйствительно ли состояніе государства требуетъ повсемѣстнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ для сохраненія порядка и предупредитъ ли безпорядки учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ?“ и

---

[1]) В. А. Арцимовичъ (римско-католическаго исповѣданія), по русскому крестьянскому дѣлу и по всѣмъ соединеннымъ съ этимъ дѣломъ реформамъ дѣйствовалъ какъ коренной русскій. Я. С.

2. „Какія послѣдствія произведетъ установленіе генералъ-губернаторовъ въ отношеніи къ губернскому и общему управленію имперіи?“

Отвѣчая на первый вопросъ, министръ внутреннихъ дѣлъ свидѣтельствовалъ, что народъ вѣритъ правительству и вполнѣ надѣется, что крестьянское дѣло будетъ разрѣшено безпристрастно. Поэтому для правительства нѣтъ необходимости „становиться въ оборонительное положеніе“, напротивъ, оно имѣетъ всѣ поводы „держаться законнаго способа дѣйствій, когда народъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ распоряженіямъ правительства“. Установленіе чрезвычайнаго надзора подастъ поводъ предполагать о недовѣріи къ народу, что вызоветъ подобное же чувство народа къ правительству: въ народѣ можетъ родиться мысль, что оно намѣрено рѣшить крестьянское дѣло не безпристрастно.

Давая отвѣтъ на второй вопросъ, министръ представлялъ, что съ учрежденіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ надо измѣнить весь іерархическій порядокъ, начиная отъ сената до послѣдней полицейской инстанціи. Если измѣненіе это не будетъ сдѣлано закономъ, то оно послѣдуетъ на дѣлѣ само собой отъ столкновенія властей. Затѣмъ, собственно въ губерніяхъ, генералъ-губернаторы уронятъ значеніе губернаторовъ и ослабятъ ихъ власть и въ то же время не въ состояніи будутъ своею дѣятельностію пополнить тотъ пробѣлъ, который обнаружится отъ ослабленія власти губернатора. Канцелярія ихъ сдѣлается новой лишней инстанціей, которая будетъ привлекать къ себѣ дѣла и не въ состояніи будетъ разрѣшать ихъ скоро и правильно. Сообщенныя министру внутреннихъ дѣлъ предположенія, чтобы при составленіи инструкціи имѣть въ виду освободить генералъ-губернаторовъ отъ „мелочныхъ и текущихъ дѣлъ“—неудобоисполнимо. Они будутъ завалены просьбами и жалобами; безъ уничтоженія своего значенія, они не могутъ оставлять ихъ безъ разсмотрѣнія и разбора, что неминуемо поведетъ за собой переписку. Предоставленіе имъ права опредѣлять и увольнять полицейскихъ чиновъ въ 36 до 50 подвластныхъ имъ уѣздахъ не улучшитъ полицію. Оно лишитъ губернаторовъ вліянія на полицейскихъ чиновниковъ, а генералъ-губернаторы не въ состояніи будутъ оцѣнять вѣрно способности и нравственныя качества органовъ полицейской власти, разсѣян-

ныхъ въ 4—5 губерніяхъ. Опытъ показалъ, что генералъ-губернаторское управленіе, тамъ, гдѣ оно есть или было, не улучшаетъ мѣстной администраціи и не уничтожаетъ „взяточничества и казнокрадства".

Отвѣтъ на второй вопросъ Ланской закончилъ слѣдующими словами:

„Такимъ образомъ учрежденіе генералъ-губернаторовъ, представляющееся съ перваго взгляда мѣрой сильной и строгой, на самомъ дѣлѣ не внесетъ въ губернское правленіе новыхъ жизненныхъ началъ; но напротивъ придастъ ему какую-то двойственность, поколеблетъ и ослабитъ полезное вліяніе губернаторовъ, возбудитъ безплодныя и даже вредныя столкновенія съ высшими учрежденіями и неминуемо усложнитъ производство дѣлъ и переписку, а по крестьянскому дѣлу, это учрежденіе не только окажется слишкомъ слабымъ для предупрежденія безпокойствъ и волненій, но, облеченное произволомъ, ничѣмъ неограниченнымъ, оно породитъ въ обѣихъ сословіяхъ, и помѣщичьемъ и крестьянскомъ, недовѣріе и неудовольствіе, которыя и суть прямыя причины волненій и безпокойствъ".

Затѣмъ въ запискѣ дѣлается выводъ о невозможности составить инструкціи безъ коренныхъ измѣненій въ административномъ порядкѣ и въ самыхъ законахъ. Нельзя было ее писать и потому, что самыя положенія о крестьянахъ и о связанныхъ съ ними новыхъ учрежденіяхъ, не были еще даже проектированы, между тѣмъ власть генералъ-губернаторовъ признавалась необходимой для введенія въ дѣйствія именно упомянутыхъ положеній.

Въ доказательство того, что установленіе временныхъ генералъ-губернаторовъ не соотвѣтствовало ни настроенію умовъ, ни общему государственному порядку, въ запискѣ приведено нѣсколько данныхъ изъ исторіи учрежденія постоянныхъ генералъ-губернаторовъ. Существованіе генералъ-губернаторовъ, сказано было въ запискѣ, обусловливалось недовѣріемъ правительства къ мѣстному населенію или по отдаленности края, или по историческимъ и племеннымъ особенностямъ. Правда, въ два предшествующія царствованія возникала мысль о повсемѣстномъ учрежденіи генералъ-губернаторовъ, но каждый разъ была отвергаема, какъ несоотвѣтствующая системѣ правильнаго управленія. Правда также и то, что съ 1819 года было образовано генералъ-губерна-

торство изъ пяти великорусскихъ губерній (Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской); но комитетъ, учрежденный высочайшимъ рескриптомъ 6 декабря 1826 г., въ журналѣ своего засѣданія 4-го мая 1827 года, постановилъ: „нѣтъ сомнѣнія, что нужно сосредоточить въ одномъ мѣстѣ, а не въ одномъ лицѣ, всѣ части управленія въ губерніи, усилить надзоръ полиціи, утвердить общественную безопасность, положить преграду злоупотребленіямъ и уклоненіямъ“. Комитетъ признавалъ невозможнымъ достигнуть всего этого средствами, употребляемыми въ поименованныхъ пяти губерніяхъ генералъ-губернаторомъ Балашевымъ, и потому полагалъ возстановить въ этихъ губерніяхъ порядокъ, существовавшій до 1819 года. Даже въ отдаленныхъ сибирскихъ губерніяхъ произволъ генералъ-губернаторовъ старались ограничить совѣтами.

Уничтоженіе рязанскаго генералъ-губернаторства было встрѣчено мѣстными жителями съ радостію; между ними о временахъ генерала Балашева сохранились: „самыя тяжелыя преданія, напоминающія трудныя времена воеводскаго и намѣстническаго управленія съ принадлежащими имъ свойствами кормленія и произвола“. Въ министерской запискѣ указано было также, что упраздненіе въ 1856 году харьковскаго и витебскаго генералъ-губернаторовъ произвело общую радость не только въ губерніяхъ, освобожденныхъ отъ управленія генералъ-губернаторовъ, но во всей Россіи; ибо мѣра эта была принята, какъ выраженіе стремленія къ утвержденію законности.

Хотя министръ признавалъ невозможнымъ составить инструкцію для временныхъ генералъ-губернаторовъ, но тѣмъ не менѣе въ представленной государю запискѣ обратилъ вниманіе на предварительныя по этому предмету соображенія, выраженныя въ отношеніи государственнаго секретаря, въ которомъ выражено, въ 1-хъ, что нынѣшняя инструкція для генералъ-губернаторовъ почти не присвоиваетъ имъ никакой власти и никакихъ правъ и во 2-хъ, что временные генералъ-губернаторы уполномочены будутъ дѣйствовать всѣми средствами къ введенію и сохраненію порядка.

Инструкція для генералъ-губернаторовъ, и донынѣ дѣйствующая, была составлена въ 1853 году при участіи бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова, управлявшаго около 16 лѣтъ

кіевскимъ генералъ-губернаторствомъ. Этой инструкціей, которая признавалась недостаточной и слабой, генералъ-губернатору предоставлялось право непрестанной ревизіи подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ и даже уполномочіе къ прекращенію „нарушенія законовъ, всего противнаго безопасности и пользѣ общей, или же несообразнаго съ видами верховнаго правительства, извѣстными ему, какъ лицу, полнымъ довѣріемъ государя императора облеченному", но онъ еще имѣетъ право: „преслѣдовать всѣми зависящими отъ него средствами излишнюю роскошь, расточительность, безпутство и мотовство". Мало того: „устремляя свое вниманіе на духъ и нравственное направленіе во всѣхъ сословіяхъ, генералъ-губернаторъ уполномоченъ властію устранять всякій поводъ къ ложнымъ понятіямъ, превратнымъ толкованіямъ и гибельному лжемудрствованію".

Послѣ этой выписки изъ сводовъ законовъ, въ запискѣ говорилось:

„Ужель дальнѣйшее развитіе власти генералъ-губернаторовъ возможно? Если, въ видахъ соблюденія общественнаго порядка, имъ предоставлено будетъ употреблять не исключительно однѣ, на чувствѣ справедливости и законѣ основанныя мѣры, но всѣ безъ разбора средства, то власть генералъ-губернаторовъ уже перестанетъ быть властію, а перейдетъ въ неограниченное самовластіе и безотчетный произволъ".

Министръ, докладывая государю, что онъ не только не видитъ возможности составить инструкціи для временныхъ генералъ-губернаторовъ, но и самое учрежденіе этой должности считаетъ ненужнымъ, даже вреднымъ, съ своей стороны высказывалъ мнѣніе о мѣрахъ, которыя въ замѣнъ этого слѣдовало бы принять.

Онъ утверждалъ, что „не должно опасаться важныхъ затрудненій и безпокойствъ, если утвержденныя положенія будутъ заключать въ себѣ условія дѣйствительнаго улучшенія въ бытѣ крестьянъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для устраненія тѣхъ маловажныхъ затрудненій, которыя могутъ встрѣтиться, министръ высказывалъ свое мнѣніе о средствахъ къ усиленію губернаторской власти. Въ числѣ ихъ первое мѣсто должно занимать осмотрительный выборъ людей на губернаторскія должности. Затѣмъ необходимо: расширить предѣлы власти начальниковъ губерній, временно освободить ихъ

отъ предсѣдательства во всѣхъ губернскихъ учрежденіяхъ, съ возложеніемъ обязанностей предсѣдателя на вице-губернаторовъ; предоставить начальникамъ губерній устранять всѣхъ неблагонадежныхъ полицейскихъ чиновниковъ, какъ выборныхъ, такъ и правительственныхъ, ассигновать въ распоряженіе губернаторовъ особыя суммы на экстраординарные расходы снабдить ихъ, сейчасъ по разсмотрѣніи положеній о крестьянахъ, особой инструкціей и сдѣлать предусмотрительное распредѣленіе войскъ.

„Въ случаѣ же“,—продолжалъ министръ—„особыхъ мѣстныхъ, возникшихъ въ какой-либо губерніи или даже уѣздѣ, затрудненій и недоразумѣній при установленіи новыхъ крестьянскихъ отношеній, всегда можно будетъ послать, куда понадобится, уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ, которыя обязаны будутъ давать дѣлу правильное направленіе, сообразно полученнымъ на этотъ исключительный случай инструкціямъ. Власть этихъ уполномоченныхъ лицъ, не вмѣшивающихся въ общій ходъ администраціи и оканчивающихъ свои въ губерніи дѣйствія съ прекращеніемъ повода ихъ командированія, будетъ разниться существенно отъ власти генералъ-губернаторовъ и слѣдовательно не будетъ имѣть тѣхъ неудобствъ, которыя соединены съ этимъ учрежденіемъ“.

Министръ заканчивалъ свой докладъ словами: „спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства“.

Записка эта не могла имѣть немедленнаго успѣха по многимъ причинамъ. Ретроградная партія, тогда господствующая, видѣла въ Ланскомъ и въ его еженедѣльныхъ докладахъ Государю большое препятствіе къ осуществленію своихъ плановъ, и потому всѣ средства употреблялись, чтобы уронить его въ глазахъ Государя. Краснымъ нельзя было его называть, поэтому старались представить его человѣкомъ совершенно безхарактернымъ и притомъ крайне устарѣвшимъ, и потому находившимся въ рукахъ красныхъ, которые дѣлали изъ него, что хотѣли. Они заставляли его представлять и лично Государю, и въ Главный Комитетъ то, что имъ было нужно. Кромѣ того, Государь, желая освободить крестьянъ, въ то же время, и что весьма понятно, желалъ предотвратить всякія серьезныя потрясенія, а тогдашніе его совѣтники успѣли его убѣдить, что единственной для этого мѣрой можетъ

быть учрежденіе генералъ-губернаторовъ. Они были правы съ своей точки зрѣнія: готовя для крестьянъ такое положеніе, какимъ крестьяне не могли остаться довольными, и, предвидя весьма основательно волненія и бунты, они хотѣли подавить предвидѣнное ими народное волненіе военной силой и немедленными крайними уголовными наказаніями.

Надо, впрочемъ, правду сказать, что едва ли многіе изъ консерваторовъ, окружающихъ Государя, дѣйствовали съ такой логичной послѣдовательностію и съ такимъ полнымъ сознаніемъ того, что они предлагали Государю. Весьма многіе изъ нихъ, по совершенному незнанію Россіи и частію по дѣтскимъ, частію по крѣпостнымъ понятіямъ о государственномъ управленіи, не знали другихъ средствъ предотвращенія народныхъ волненій, кромѣ тѣхъ, которыя употребляются: родителями и воспитателями противъ непослушныхъ дѣтей и помѣщиками противъ нѣкоторыхъ крѣпостныхъ. Строгій гувернеръ, въ одномъ случаѣ, и крутой управляющій—въ другомъ, могли исправить непослушныхъ дѣтей и укротить непокорныхъ крѣпостныхъ. Типъ предполагавшагося генералъ-губернатора имѣетъ большое сходство съ гувернеромъ и управляющимъ.

Окружающіе Государя люди, частію, не хотѣли, частію не могли понять, что справедливое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, правильное раздѣленіе властей, съ установленіемъ новыхъ самостоятельныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, безпристрастный разборъ споровъ между помѣщиками и крестьянами и вообще строго законное веденіе всего дѣла,—всѣ эти мѣры, взятыя вмѣстѣ, были надежнѣе для сохраненія общественнаго спокойствія, чѣмъ произвольная ничѣмъ неограниченная власть временныхъ генералъ-губернаторовъ. Подобная власть была бы вредна при всемъ совершенствѣ лицъ, которыя были бы назначены на эти должности; но многіе изъ нихъ, какъ люди военные, при всей ихъ честности и благонамѣренности, были бы далеко несовершенны по незнакомству ихъ съ бытомъ народа, съ отношеніями между сословіями, съ мѣстными условіями, съ устройствомъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій и даже съ основными началами государственнаго управленія.

Изъ тогдашнихъ министровъ и совѣтниковъ Государя могъ и

осмѣлился доложить о такомъ взглядѣ на предметъ одинъ только Ланской, въ чемъ его великая заслуга предъ Государемъ и отечествомъ; всѣ остальные говорили ему то, что онъ привыкъ слышать прежде до вступленія своего на престолъ. Ему говорили, что крестьяне—грубая масса или, какъ нынче (въ 1875 г.) выражаются: „стихійный слой", которую удовлетворить ничѣмъ нельзя; что крестьяне понимаютъ свободу въ томъ, что имъ отдадутъ всю помѣщичью землю и освободятъ ихъ отъ всѣхъ податей и повинностей. Говорили также, что освобожденіе крестьянъ возбудитъ неудовольствіе помѣщиковъ и что неизвѣстно какіе размѣры примутъ эти неудовольствія. Наконецъ увѣряли, что красные демократы, которыхъ множество въ Петербургѣ, и разсѣянные по всей Россіи только ждутъ освобожденія крестьянъ, чтобы возбудить одно сословіе противъ другаго и низпровергнуть весь государственный строй.

Государю говорилъ объ этомъ и шефъ жандармовъ (кн. Долгоруковъ), у котораго сосредоточивались свѣдѣнія изъ всей Россіи; говорилъ министръ государственныхъ имуществъ и удѣловъ (Муравьевъ), который слылъ за человѣка необыкновенно умнаго и вполнѣ знакомаго съ бытомъ народа; того же мнѣнія были и предсѣдатель государственнаго совѣта (князь Алексѣй Орловъ) и министръ двора — личные друзья покойнаго Государя (Николая Павловича); вполнѣ соглашался съ этимъ министръ юстиціи (Панинъ); не противорѣчилъ, а можетъ быть въ то время и поддакивалъ извѣстный по своему уму министръ путей сообщенія (Чевкинъ), и наконецъ горячо доказывалъ необходимость учрежденія генералъ-губернаторовъ Ростовцевъ, человѣкъ, которому Государь, кажется, болѣе всѣхъ вѣрилъ.

Что же рядомъ съ такимъ согласнымъ хоромъ всѣхъ членовъ главнаго комитета, могъ значить единичный голосъ добродушнаго, но смѣлаго С. С. Ланскаго! Одинъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ могъ поддержать Ланскаго, но онъ былъ за границей и притомъ онъ тогда вообще еще не пользовался большой силой и сверхъ того, около этого времени, враги его личные, а ихъ было уже не мало, и по убѣжденіямъ—успѣли охладить отношенія къ нему Государя, что кажется и было причиной его отъѣзда изъ Петербурга. Напротивъ, въ то время Государь совѣ-

товался по крестьянскому дѣлу: или съ Ростовцовымъ, котораго также не было въ Петербургѣ, или съ княземъ Орловымъ, съ которымъ Государь читалъ вмѣстѣ или которому давалъ читать записку Ланскаго о генералъ-губернаторахъ. Въ послѣднемъ случаѣ князь Орловъ, съ помощію свѣдѣній изъ III отдѣленія и редакціонныхъ способностей Буткова, могъ представить письменный докладъ, направленный противъ Ланскаго и его записки. Послѣ всего понятно, что замѣчанія Государя на запискѣ о генералъ-губернаторахъ были еще болѣе рѣзки, чѣмъ справедливое, но тѣмъ не менѣе рѣзкое, мнѣніе его министра.

Замѣчанія Государя были многочисленны и относились ко всѣмъ предметамъ, затронутымъ Ланскимъ въ его запискѣ. Онѣ касались: 1) успокоительнаго взгляда на тогдашнее положеніе дѣла; 2) возбужденія сомнѣнія въ безпристрастномъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса; 3) опасеній относительно послѣдствій мѣры учрежденія генералъ-губернаторовъ; 4) сужденій о самомъ учрежденіи; 5) мѣръ, предположенныхъ министромъ, и наконецъ послѣдній — 6) разрядъ замѣчаній Государя состоялъ изъ общихъ заключеній — и выводовъ какъ о самомъ дѣлѣ, такъ и о запискѣ. Для удобства изложенія и для избѣжанія повтореній такихъ выраженій, каковы слѣдующія: министръ доказывалъ, утверждалъ, представлялъ и т. п., Государь замѣтилъ, возражалъ, написалъ и т. п., я изложу мысли министра и замѣчанія на нихъ Государя въ формѣ разговора между ними.

Министръ. Народъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ распоряженіямъ правительства.

Государь. „Все это такъ, пока народъ находится въ ожиданіи [1]), но кто можетъ поручиться, что когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе и народъ увидитъ, что ожиданія его, т. е. что свобода по его разумѣнію не сбылась, не настанетъ ли для него минута разочарованія? Тогда уже будетъ поздно посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они уже были на мѣстахъ. Если Богъ помилуетъ и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать

---

[1]) Какъ эти слова, такъ и всѣ послѣдующія, которыя будутъ напечатаны разрядкою, подчеркнуты были самимъ Государемъ Александромъ II.

всѣхъ временныхъ генералъ-губернаторовъ и все войдетъ опять въ законную колею".

Министръ. Не должно опасаться важныхъ затрудненій и безпокойствъ.

Государь. „Напротивъ, того-то и должно опасаться".

Министръ. Крестьяне спокойно будутъ ожидать утвержденія положеній.

Государь. „Дай Богъ, но этой увѣренности по всему, до меня доходящему, я не имѣю".

Министръ. Спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства.

Государь. „Да, но къ несчастію наше положеніе и административная организація еще далеки отъ этого".

Министръ. Предлагаемыя въ запискѣ, вмѣсто учрежденія генералъ-губернаторовъ, мѣры будутъ достаточны, если только самыя положенія будутъ составлены въ видахъ государственной пользы.

Государь. „Какіе же другіе виды могутъ быть?"

Министръ. Успѣхъ крестьянскаго дѣла будетъ зависѣть отъ вѣрнаго практическаго соглашенія правъ и выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Государь. „Совершенно такъ".

Министръ. Послѣдствіемъ учрежденія генералъ-губернаторовъ будетъ возбужденіе въ народѣ мысли, что правительство ему не довѣряетъ, что и вызоветъ подобное же чувство недовѣрія народа къ правительству.

Государь. „Въ этомъ я вовсе не согласенъ, ибо мы не должны отъ себя скрывать, что Россія входитъ въ новую еще не бывалую эру, и потому на будущее преступно было бы правительству смотрѣть, такъ сказать, сложа руки. Такъ надобно быть готовымъ ко всему, и въ этомъ случаѣ предусмотрительность должна успокоить, а не тревожить. Эти всѣ опасенія возбуждены людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, т. е. ниспроверженія законнаго порядка".

Министръ. Правительству нѣтъ надобности ставить себя

„въ оборонительное положеніе“; оно съ полной увѣренностію въ общее спокойствіе, можетъ „держаться законнаго способа дѣйствія“!

Государь. „Дѣло не въ оборонительномъ положеніи, а въ томъ, чтобы дать болѣе власти мѣстному начальству. Никогда и рѣчи не было о незаконномъ способѣ дѣйствія, но въ экстренныхъ случаяхъ должны быть принимаемы и экстренныя мѣры. У насъ къ сожалѣнію довольно было примѣровъ пагубныхъ послѣдствій нераспорядительности мѣстныхъ властей, привыкшихъ къ одному формализму и совершенно теряющихся въ подобныхъ случаяхъ“.

Министръ. Единоличная власть генералъ-губернаторовъ поведетъ за собою произволъ, который даже въ отдаленномъ краѣ какова Сибирь, старались ограничить совѣтами.

Государь. „По теоріи это прекрасно, но не въ практикѣ“.

Министръ. Въ два предыдущія царствованія каждый разъ, когда возникала мысль о повсемѣстномъ учрежденіи генералъ-губернаторовъ, мѣра эта была отвергаема.

„Государь. „Это такъ, но не должно забывать, что мы теперь находимся не въ нормальномъ положеніи“.

Министръ. „Несвойственно“ измѣнять существующія іерархическія отношенія съ той единственной цѣлію, чтобы сдѣлать возможной „власть временную“ и при томъ „личную“.

Государь. „Я тутъ ничего несвойственнаго не вижу; ибо дѣло идетъ о временномъ учрежденіи, долженствующемъ кончиться съ окончательнымъ введеніемъ новаго устройства крестьянъ. Обыкновенный административный порядокъ этимъ не измѣнится, а учреждается только временно новая полицейская власть.

Министръ. Если измѣненіе въ іерархическомъ порядкѣ будетъ сдѣлано закономъ, то оно произойдетъ само собой, вслѣдствіе неминуемыхъ частныхъ столкновеній и пререканій.

Государь. „Столкновеній и пререканій быть не должно, ибо въ инструкціи временныхъ генералъ-губернаторовъ долженъ быть положительно опредѣленъ кругъ ихъ дѣйствій“.

Министръ. Власть губернаторовъ упадетъ до низкаго зна-

ченія несамостоятельныхъ чиновниковъ, и они принуждены будутъ заботиться не столько объ управленіи губерніями, „сколько объ угожденіи генералъ-губернаторамъ".

Государь. „Съ этимъ я также не согласенъ, ибо дѣло не въ угожденіи, а въ исполненіи приказаній лицъ, облеченныхъ отъ меня особымъ полномочіемъ".

Министръ. Власть генералъ-губернаторовъ не имѣетъ никакихъ условій къ усовершенствованію администраціи.

Государь. „Власть генералъ-губернаторовъ, какъ я ее понимаю, должна быть основана совсѣмъ на другихъ началахъ".

Министръ. Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ расправамъ (въ утвержденныхъ положеніяхъ названныхъ присутствіями) предполагается предоставить разбирать дѣла между помѣщиками и крестьянами окончательно и безъ апелляцій, а власть генералъ-губернаторовъ можетъ уничтожить это начало.

Государь. „Слова эти" (подчеркнуты самимъ Государемъ), кажется достаточно объясняютъ дѣло".

Министръ. Сомнительно, чтобы дѣйствія военной силы, призванной въ случаѣ надобности, генералъ-губернаторомъ, были бы болѣе успѣшны, чѣмъ дѣйствія той-же силы, командированной, по требованію губернатора, такъ какъ губернаторы имѣютъ право обращаться къ военному начальству съ требованіемъ содѣйствія.

Государь. „Въ этомъ и будетъ разница; ибо генералъ-губернаторы должны будутъ сами дѣйствовать, а не обращаться съ просьбой къ военному начальству".

Министръ въ заключеніе резюмировалъ всѣ свои доводы противъ учрежденія генералъ-губернаторовъ, какъ это видно изъ предъидущаго изложенія содержанія его записки.

Государь. „Это собственно гражданскій или канцелярскій взглядъ и вовсе несогласный съ моимъ".

Министръ. Составленіе инструкцій преждевременно, такъ какъ не составлены еще крестьянскія положенія и не утверждены проектированныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

Государь. „Это значитъ отложить ее до того, когда въ ней уже не будетъ нужды или когда уже будетъ поздно".

Министръ. Предполагается предоставить генералъ-губерна-

торамъ, для сохраненія общественнаго порядка, употреблять не однѣ только законныя мѣры, но „всѣ безъ разбора средства“.

Государь. „Не понимаю, какъ такая мысль можетъ войдти въ голову человѣка, знающему мой образъ мыслей и мои желанія“.

Министръ. Установленіе генералъ-губернаторовъ будетъ препятствовать водворенію законности.

Государь. „Я понимаю, что это не нравится вашимъ директорамъ департаментовъ“.

Министръ. Генералъ-губернаторы будутъ преувеличивать опасность изъ желанія придать себѣ новую важность и значеніе.

Государь. „Надѣюсь, что лица, которыя будутъ для сего выбраны мною и облечены полнымъ моимъ довѣріемъ, вполнѣ его оправдаютъ“.

Министръ. Генералъ-губернаторовъ, если они будутъ учреждены, нельзя освободить отъ текущихъ и маловажныхъ дѣлъ, ибо они, чтобъ не уронить своей власти, обязаны будутъ принимать: прошенія, жалобы, письма и т. п.

Государь. „Непремѣнно должно ихъ отъ этого освободить. Жалобы, имъ приносимыя, должны ими передаваться губернаторамъ“.

Министръ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей записки проводилъ мысль: о необходимости возвышенія власти губернаторовъ.

Государь въ трехъ мѣстахъ сдѣлалъ свои замѣчанія:

1) „Этимъ и должно заняться для будущаго“.

2) „Буду ожидать по этому вашего представленія“.

3) „Это относится до разширенія власти гражданскихъ губернаторовъ и должно войдти въ ваше соображеніе“.

Министръ. Если бы между членами губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу нашлись люди, способные занять губернаторскія мѣста, то такимъ людямъ слѣдовало бы предоставлять эти мѣста, не стѣсняясь чинами.

Государь. „Весьма будетъ полезно“.

Всѣ эти отзывы Государя, согласные съ мнѣніемъ министра, относились: къ улучшеніямъ, которыя не мѣшали учрежденію временныхъ генералъ-губернаторовъ. Но по всѣмъ соображеніямъ о возвышеніи власти губернаторовъ, взамѣнъ учрежденій генералъ-губернаторовъ, Государь выражалъ полное свое неодобреніе, что видно изъ послѣдующаго:

Министръ. При введеніи крестьянскаго положенія слѣдовало бы временно освободить губернаторовъ отъ предсѣдательства во всѣхъ подвластныхъ ему губернскихъ учрежденіяхъ.

Государь. „Здѣсь предполагается именно то, что я хочу сдѣлать для временныхъ генералъ-губернаторовъ".

Министръ. Слѣдовало бы ассигновать особыя суммы въ распоряженіе губернаторовъ на экстраординарные расходы.

Государь. „Будетъ излишнее съ учрежденіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ".

Министръ, перечисливъ всѣ предполагаемыя имъ мѣры къ расширенію власти гражданскихъ губернаторовъ, прибавилъ: всѣ эти мѣры достаточны для удержанія порядка и повиновенія.

Государь. „Я ихъ не считаю достаточными безъ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ".

Министръ. Въ случаѣ какихъ-либо особыхъ мѣстныхъ затрудненій, всегда можно будетъ командировать уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ.

Государь. „Вотъ почему я желаю, чтобы подобныя лица были уже на мѣстахъ".

Въ заключеніе, Государь отозвался: „Всѣ сіи соображенія не измѣняютъ моего убѣжденія въ необходимости и пользѣ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ".

Возвращая записку министру, Государь сдѣлалъ общій выводъ своихъ впечатлѣній по прочтеніи этой записки: „Я прочелъ все съ большимъ вниманіемъ и долженъ вамъ откровенно сказать, что записка эта сдѣлала на меня весьма грустное впечатлѣніе. Она вѣрно составлена не вами, а кѣмъ нибудь изъ директоровъ департаментовъ или канцеляріи, которымъ предполагаемое новое учрежденіе крѣпко не нравится, ибо должно ослабить ихъ власть и то значеніе, которымъ они привыкли пользоваться и часто употреблять во зло".

По существу своего мнѣнія и всѣхъ доводовъ, приведенныхъ противъ предполагаемаго учрежденія генералъ-губернаторовъ, Ланской былъ совершенно правъ. Онъ обязанъ былъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ разоблачить цѣли, для которыхъ совѣтовали

государю учредить временныя генералъ-губернаторства, обнаружить всю неосновательность этого учрежденія, какъ мѣры государственной, и указать на тѣ послѣдствія, которыя произошли бы отъ этого вообще и въ особенности для крестьянскаго дѣла. Но по формѣ выраженія своего мнѣнія о мѣрѣ, предварительно уже одобренной Государемъ, онъ былъ неправъ. Онъ могъ говорить въ такомъ тонѣ противъ людей, которые совѣтовали Государю учредить временныхъ генералъ-губернаторовъ. Они имѣли въ виду: или личныя соображенія, или интересы своего сословія, забывая: и пользу государственную, и благо отечества, и славу, даже безопасность своего Государя, котораго лично увѣряли въ своей преданности. Если совѣты ихъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, были искренни, то они находились въ совершенномъ невѣдѣніи: и исторіи, и науки государственнаго управленія, и свойствъ своего народа. Но Государь, который такъ чистосердечно желалъ освобожденія крестьянъ, такъ мужественно приступалъ къ совершенію этого великаго дѣла, такъ неутомимо боролся съ мнѣніями почти всѣхъ его окружающихъ,—заслуживалъ бо̀льшаго вниманія со стороны своего министра, „человѣка, знающаго его образъ мыслей и его желанія“, человѣка, которому онъ первому сообщилъ свою мысль объ освобожденіи крестьянъ.

Положеніе Ланскаго было весьма непріятное, тѣмъ болѣе, что внутренно онъ не могъ не сознавать своей ошибки. Онъ рѣшился просить Государя объ отставкѣ, изложивъ свое прошеніе въ письмѣ къ Государю. Редакція этого письма стоила Ланскому продолжительныхъ соображеній и совѣщаній съ нѣкоторыми изъ близкихъ ему лицъ. Ко дню доклада письмо это было готово, Ланской взялъ его съ собой. Докладъ былъ назначенъ въ Зимнемъ Дворцѣ, куда Государь долженъ былъ пріѣхать вмѣстѣ съ императрицею изъ Царскаго Села, гдѣ они жили. Кто предупредилъ императрицу о намѣреніи Ланскаго просить о его увольненіи, я не знаю, можетъ быть великая княгиня Елена Павловна, которая постоянно благоволила къ Ланскому; но императрица приняла въ немъ теплое участіе и ходатайствовала за него у Государя во время переѣзда изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Слова ли императрицы, или личное расположеніе Государя къ Ланскому, или и то, и другое вмѣстѣ, но какъ-бы то ни было, Государь

встрѣтилъ Ланскаго весьма милостиво, обнялъ его и выразилъ надежду, что Ланской на него не сердится. Въ послѣдующемъ разговорѣ Сергѣй Степановичъ замѣтилъ, что въ иностранныхъ газетахъ назначаютъ уже преемника ему.

Государь отозвался, что подобныя извѣстія не имѣютъ никакого основанія и что, если служба Ланскаго болѣе будетъ ненужна, то онъ первый узнаетъ объ этомъ. Послѣ этого объясненія, Ланской не счелъ нужнымъ представлять Государю приготовленную имъ просьбу отъ отставкѣ.

Объясненія Ланскаго съ Государемъ имѣли благопріятныя послѣдствія лично для министра; но мысль объ учрежденіи генералъ-губернаторовъ не была оставлена. Объ этомъ учрежденіи было упомянуто во всеподданнѣйшихъ письмахъ Ростовцева, о которыхъ подробно будетъ сказано ниже; но здѣсь, чтобы окончить рѣчь о генералъ-губернаторахъ, слѣдуетъ упомянуть о нихъ. Въ положеніи Главнаго Комитета, состоявшемся по поводу этихъ писемъ, и высочайше утвержденномъ 26-го октября 1858 года, слѣдовательно почти черезъ три мѣсяца послѣ записки Ланскаго, между прочимъ было сказано: „Къ разсмотрѣнію, въ главныхъ же началахъ, предположеній, относящихся до правъ и обязанностей генералъ-губернаторовъ, приступить въ Главномъ Комитетѣ, тогда, когда поступитъ въ оный проектъ ихъ инструкцій. предоставивъ между тѣмъ государственному секретарю, для соображеній по этому предмету, потребовать отъ военнаго министра свѣдѣнія о числѣ войскъ, квартирующихъ въ каждой губерніи, особенно тамъ, гдѣ есть помѣщичьи крестьяне“.

Изъ этого видно, что мысль о генералъ-губернаторахъ не была оставлена [1]). Но министръ внутреннихъ дѣлъ не торопился пред-

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: «но инструкція для нихъ поручалась составить государственному секретарю; министерство внутреннихъ дѣлъ избавлялось отъ этого. Почему не только эта инструкція, но даже проекты ихъ не явились на свѣтъ? Причина этого была не одна, а нѣсколько. Во первыхъ, самому Буткову такая работа была не по силамъ, не смотря на его замѣчательныя способности, какъ докладчика и какъ редактора чужихъ мыслей. Во вторыхъ, работа эта сама по себѣ была трудная, поэтому онъ не могъ отыскать человѣка, понимающаго дѣло, способнаго и сочувствующаго предположенію о генералъ-губернаторахъ; тѣмъ болѣе, что всѣ способ-

ставленіемъ этой инструкціи, впрочемъ его и не торопили; мысль о генералъ-губернаторахъ, также какъ и объ устройствѣ уѣздной полиціи изъ военныхъ офицеровъ, начинала терять свою силу. Самое напоминовеніе о ней въ журналѣ отъ 26-го октября едва-ли не было сдѣлано по настоянію Я. И. Ростовцова, который дольше всѣхъ держался за предположеніе о необходимости общаго военнаго положенія во время введенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ, что заставляетъ предполагать, что починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ ему. Главная причина непопулярности предположенія о генералъ-губернаторахъ заключалась въ томъ, что послѣдователи охранительныхъ началъ въ губерніяхъ, хотя и старались изъ всѣхъ силъ сохранить за помѣщиками какъ можно болѣе власти надъ крестьянами; но сами вовсе не желали, что̀ весьма впрочемъ понятно, испытывать на себѣ деспотическую и произвольную власть ни военныхъ генераловъ, въ качествѣ генералъ-губернаторовъ, ни штабъ и оберъ-офицеровъ, въ качествѣ уѣздныхъ начальниковъ и становыхъ исправниковъ. Словомъ, на этомъ предметѣ сходились люди всѣхъ партій и всѣхъ оттѣнковъ мнѣній, всѣ были противъ подобныхъ учрежденій. Отъ этой мысли, въ виду такого единодушія въ общественномъ мнѣніи, мало-по-малу отставали всѣ его защитники. Едва ли Ростовцевъ въ началѣ 1859 года не оставался единственнымъ защитникомъ поставленія всей Россіи на военное положеніе; но и онъ долженъ былъ покориться общественному мнѣнію.

Отреченіе, хотя еще неполное, правительства отъ мысли о генералъ-губернаторахъ, выразилось въ высочайшемъ повелѣніи 25-го марта 1859 года, по поводу установленія новыхъ началъ для уѣздныхъ учрежденій; въ этомъ высочайшемъ повелѣніи, предварительно разсмотрѣнномъ въ главномъ комитетѣ, между прочимъ, было сказано: „при приведеніи въ дѣйствіе положенія о новомъ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, могутъ быть случаи,

---

ные статсъ-секретари Государственнаго Совѣта и ихъ помощники были противъ этого предположенія. Въ третьихъ, и что главное, послѣдователи охранительныхъ началъ въ губерніяхъ хотя и старались изо всѣхъ силъ какъ можно болѣе сохранить власть помѣщиковъ надъ крестьянами, но сами вовсе не желали испытывать на себѣ деспотическую и произвольную власть военныхъ генераловъ“. Я. С.

когда окажется недостаточной не только уѣздная полицейская власть, но и губернская въ настоящихъ ея предѣлахъ, то Его Величество изволитъ признавать необходимымъ, что бы на мѣстахъ были такія лица, кои имѣли-бы право, въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣйствовать именемъ Высочайшей власти. Для исполненія сего слѣдуетъ сообразить нынѣ существующіе законы о власти губернаторовъ при нарушеніи общественнаго спокойствія и опредѣлить положительно случаи, когда власть эта можетъ быть недостаточной для обезпеченія общественнаго спокойствія. Государь Императоръ изволитъ поручать министру внутреннихъ дѣлъ представить въ свое время соображенія въ какихъ губерніяхъ право дѣйствовать именемъ высочайшей власти можетъ быть предоставлено губернаторамъ и въ какихъ, по особеннымъ уваженіямъ, будетъ настоять надобность ввѣрить оную особо, по довѣрію Его Величества, назначеннымъ лицамъ."

Блѣдные остатки отъ предположенія о генералъ-губернаторахъ выразились въ командированіи, одновременно съ обнародованіемъ положеній, въ каждую губернію по одному свиты Его Величества или генералъ-маіору, или флигель-адъютанту. Такимъ образомъ какъ бы произошло соглашеніе: мнѣнія, выраженнаго въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, что въ случаѣ мѣстныхъ затрудненій можно будетъ командировать уполномоченныхъ лицъ, съ замѣчаніемъ Государя на это мнѣніе: „вотъ почему я желаю, чтобы подобныя лица были уже на мѣстахъ".

Я. А. Соловьевъ.

НИКОЛАЙ КАРЛОВИЧЪ РУТЦЕНЪ.

Біографическій очеркъ изъ эпохи освобожденія крестьянъ.

Въ 1880-мъ году умеръ Несторъ курскаго губернскаго земства,—Николай Карловичъ Рутценъ, умеръ въ самый день созыва того земскаго собранія, котораго засѣданій онъ не пропустилъ ни разу въ теченіи XV лѣтъ. Курское земство почтило память своего заслуженнаго ветерана стипендіей, помѣщеніемъ его портрета въ залѣ земства и сочувственнымъ адресомъ его вдовѣ.

Мы, русскіе, охотно печатаемъ и читаемъ въ своихъ журналахъ дѣянія даже очень второстепенныхъ личностей европейской общественной жизни, но не привыкли придавать серьезное значеніе и даже дѣлать какую нибудь оцѣнку честнымъ дѣятелямъ нашей собственной общественной жизни.

Мы, такъ сказать, обязательно, по принципу, сочувствуемъ и освобожденію крестьянъ, и земскому самоуправленію, и развитію народнаго образованія. Но намъ очень рѣдко приходитъ въ голову, что всѣ эти хорошія дѣла непремѣнно дѣлаются какими нибудь хорошими людьми, и поэтому не интересуемся знать ни ихъ именъ, ни ихъ работы. Не многія руководящія личности, въ родѣ Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина, князя В. А. Черкасскаго, Я. А. Соловьева, далеко не исчерпываютъ вопроса. Это дѣятели центральные, государственные, но кромѣ такихъ дѣятелей бываютъ серьезные и полезные дѣятели мѣстные, непосредственными усиліями которыхъ законодательныя реформы становятся явленіями живой жизни.

Однимъ изъ такихъ плодотворныхъ дѣятелей былъ Николай Карловичъ Рутценъ.

Онъ былъ не только изъ дѣятелей, но изъ „провозвѣстниковъ“ реформъ прошлаго царствованія. Онъ ждалъ ихъ и подготовлялъ къ нимъ сочувствіе другихъ раньше, чѣмъ онѣ наступали.

Я зналъ Николая Карловича уже послѣ его энергическихъ работъ по крестьянскому дѣлу въ Орловской грберніи и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ онъ игралъ видную роль. Я зналъ его только земцемъ курскаго губернскаго земства. Я былъ однимъ изъ близкихъ товарищей его на этомъ полѣ, десять лѣтъ отстаивая съ нимъ рядомъ обоимъ намъ дорогіе общественные интересы, и могъ поэтому узнать его ближе, чѣмъ многіе. Но, и кромѣ меня, его привыкли знать и цѣнить земцы 2-хъ губерній, гдѣ онъ дѣйствовалъ—Орловской и Курской,—т. е. цѣлая порядочная страна.

Интересно было посмотрѣть и послушать Николая Карловича въ засѣданіяхъ земскихъ собраній. Его оригинальная высокая фигура, съ сѣдою гривою, безпорядочно откинутою назадъ, съ лицомъ, полнымъ ума, воодушевленія, въ костюмѣ, небрежномъ до крайности,—внушала какое-то особенное довѣріе и симпатію. Николай Карловичъ имѣлъ замѣчательный талантъ слова. Рѣчь его была въ высшей степени естественна, проста и жива, какъ откровенная дружеская бесѣда, но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, сверкала такими яркими образами, такимъ тонкимъ остроуміемъ, поражала такою убѣдительною и строгою логикою, что бороться съ нею было очень трудно и передъ нею часто умолкали самые рѣшительные противные взгляды. Я не сомнѣваюсь, что въ странахъ, гдѣ цѣнятся парламентскія дарованія, такой оригинальный ораторскій талантъ, какъ Рутцена могъ бы играть выдающуюся роль въ политическихъ и общественныхъ собраніяхъ. Но сильнѣе его дара слова вліяли на рѣшенія земскаго собранія глубокія и цѣльныя убѣжденія Николая Карловича. Это былъ съ головы до ногъ человѣкъ принципа, а не компромисса и не личностей. Это было до того всѣмъ ясно, что даже откровенные враги его почитали въ немъ эту нравственную стойкость.

Николай Карловичъ былъ земскимъ работникомъ не въ смыслѣ кропотливаго труженичества надъ разными пунктами уставовъ, докладами коммиссій, и т. п. Во многихъ вопросахъ чисто хозяйственнаго характера онъ даже вовсе не принималъ участія. Но за то въ немъ горѣло яркимъ свѣтомъ руководящее и одушевляющее начало земскаго дѣла; онъ, какъ весталка, охранялъ неприкосновенную чистоту этого начала отъ всякихъ посягательствъ

невѣжества, корысти, распущенности, отъ всякаго вторженія въ него чуждаго ему духа. Всѣ хорошо знали, что стоитъ только затронуть въ собраніи вопросъ въ которомъ замѣшаны щекотливыя личныя отношенія, интересы партій, разныя закулисныя вліянія, стоитъ только кому нибудь, при разрѣшеніи подобнаго вопроса, малодушно вильнуть въ сторону съ строго земскаго и строго законнаго пути,—какъ тотчасъ же поднимается эта высокая фигура съ сѣдою гривою, съ глазами, сверкающими негодованіемъ и насмѣшкою, и прорвется, какъ градовая туча, безпощадными обличеніями. Собраніе чувствовало въ этой страстной и честной рѣчи голосъ своей возмущенной совѣсти и нерѣдко дружно присоединялось къ нему. Это земское начало до такой степени было присуще Николаю Карловичу, что мнѣ всегда земское собраніе казалось чѣмъ-то не полнымъ, чѣмъ-то не настоящимъ, пока не появлялась въ немъ его энергическая сѣдая фигура. Послѣдніе годы Николай Карловичъ былъ постоянно боленъ и не могъ принимать въ собраніяхъ того дѣятельнаго участія, какъ прежде, и какъ ему хотѣлось. Полу-живой, едва дыша, онъ однако пріѣзжалъ изъ своей деревни въ Курскъ на каждое земское засѣданіе, сопутствуемый цѣлыми сундуками земскихъ постановленій, отчечетовъ, смѣтъ и т. п., въ которыхъ онъ любилъ рыться, отыскивая упущенные источники дохода, незамѣченные остатки суммъ и проч.

Въ этомъ горячемъ интересѣ къ вопросамъ общественной жизни онъ почерпалъ силу для забвенія тѣхъ страданій, которыя быстро приближали его къ могилѣ. Но и больной, съ прерывающимся голосомъ, останавливаемый на каждомъ словѣ глубокимъ кашлемъ, Николай Карловичъ до конца дней своихъ оставался въ собраніяхъ тою же нравственною силою, вдохновляющею на честное гражданское дѣло, направляющею на правдивый путь. Поэтому мнѣ кажется, что было бы вполнѣ умѣстно познакомить наше общество съ крупнѣйшими фактами жизни такого почтеннаго общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе, что факты эти довольно характерно обрисовываютъ интересную эпоху и интересныхъ людей, среди которыхъ жилъ Николай Карловичъ. Нижеслѣдущая небольшая біографія его написана въ строго объективныхъ чертахъ ближайшимъ другомъ и спутникомъ жизни Николая Карловича, знавшимъ не только каждый шагъ его жизни, но и всякое движеніе его мысли.

Евгеній Марковъ.

1826 — 1880 гг.

«Блаженни ихъ же избра, память ихъ въ родъ и родъ».
Изъ Псалтири.

I.

Николай Карловичъ Рутценъ родился въ 1826 году 4-го ноября въ городѣ Орлѣ. Дѣтство свое онъ провелъ въ семьѣ; отецъ и мать его жили въ деревнѣ въ сельцѣ Костюрино около г. Малоархангельска, а зимой большею частію въ Орлѣ; нерѣдко имъ приходилось также по дѣламъ жить въ Москвѣ и Петербургѣ. Николай Карловичъ былъ старшій сынъ и они любили его больше всѣхъ дѣтей. Дѣтей всѣхъ учили и воспитывали дома, для этого старались вездѣ отыскивать лучшихъ учителей русскихъ и иностранныхъ. Но въ то время трудно еще было справляться съ домашнимъ воспитаніемъ: учителя были большею частью невѣжественны, въ особенности такими оказывались иностранцы, которые брались учить всѣмъ наукамъ. Такъ Н. К. вспоминалъ, что одинъ изъ нихъ, на отвѣтъ Н. К., что $^1/_2:{}^1/_2$ будетъ 1, сталъ съ нимъ спорить и побѣжалъ на верхъ справляться съ учебникомъ; другой какъ вѣнецъ литературнаго образованія, далъ ему читать романъ своего сочиненія, гдѣ герои то и дѣло пьютъ шампанское; когда Н. К. спросилъ у него, зачѣмъ они все пьютъ шампанское, онъ отвѣчалъ: „не напиваться же имъ сивухой!“ Про одного такого учителя Н. К. слышалъ разсказъ отъ Грановскаго: одна его знакомая барыня приглашала француза давать также и уроки исторіи; онъ ей отвѣчалъ на это: „cela s'entend de soi même, Madame, cela s'apprend toujours avec le français. Не удовлетворяясь этими энциклопедистами, Н. К. съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ учителѣ математики Василіѣ Петровичѣ Петровѣ. Петровъ былъ въ то время учителемъ математики въ Орловской гимназіи (кандидатъ Московскаго университета, товарищъ А. И. Герцена).

Это былъ человѣкъ, по нраву своему, вполнѣ дикій и грубый до безобразія, но такъ какъ онъ хорошо зналъ свой предметъ и былъ очень требователенъ къ ученикамъ, а математикѣ нельзя учить шутя, то вызубривши у него геометрію, Н. К. понялъ

ее и полюбилъ математику. Не смотря на грубое обращеніе Петрова, Н. К. говорилъ, что увидалъ свѣтъ въ его ученіи: въ опредѣленныхъ и правильныхъ математическихъ отвѣтахъ онъ нашелъ себѣ удовлетвореніе; впослѣдствіи, живя въ Орлѣ, онъ поддерживалъ съ нимъ всегда хорошія отношенія и вся семья относилась къ нему съ крайнею снисходительностію. Еще съ бо́льшимъ уваженіемъ Н. К. вспоминалъ о священникѣ Сидонскомъ, который давалъ ему уроки въ Петербургѣ. Сидонскій изучалъ съ нимъ Евангеліе и научилъ его понимать Евангеліе во всемъ его христіанскомъ примѣненіи. Про него онъ, впрочемъ, говорилъ, также полу-шутя, что онъ убилъ въ нёмъ литературный талантъ слишкомъ строгимъ разборомъ его сочиненій. По русски Н. К. писалъ всегда съ ошибками, называлъ себя безграмотнымъ, бумаги предпочиталъ диктовать. Декламацію онъ зналъ порядочно, любилъ стихи (въ особенности хорошо ихъ читалъ), такъ что на экзаменѣ, при поступленіи въ университетъ, его декламація спасла отъ грамматическихъ ошибокъ: когда онъ сказалъ стихи, кажется „Клеветникамъ Россіи", одинъ экзаменаторъ сказалъ другому: „я заслушался". И впослѣдствіи Н. К. очень цѣнилъ декламацію, какъ признакъ полнаго понимапія произведенія; онъ полагалъ, что это замѣняло и вполнѣ можетъ замѣнить съ успѣхомъ тѣ часто не совсѣмъ удачныя cherchant midi à quatorze heures выученныя толкованія лучшихъ писателей новѣйшими педагогами! Древними языками онъ никогда не занимался, и еле-еле прошелъ на университетскомъ экзаменѣ, благодаря своимъ ярко обозначившимся способностямъ къ математикѣ. Новые языки онъ зналъ порядочно и вотъ весь итогъ его домашняго воспитанія.

Удовольствіе же его и радости въ этотъ періодъ его жизни, да и много позднѣе, сосредоточивались исключительно на охотѣ: какъ высшую награду за прилежаніе ему заказывали ружье, покупали собаку, брали на охоту... Онъ вспоминалъ, что мать обѣщала ему купить перепелку, за то чтобы онъ поѣхалъ съ нею въ Коренную на ярмарку; онъ вспоминалъ, что молился Богу объ успѣхѣ на охотѣ. Своимъ воспитателемъ въ дѣлѣ охоты онъ считалъ извѣстнаго охотника Ивана Михайловича Казакова (сосѣда и пріятеля отца Н. К.), котораго всегда приводилъ, какъ авторитетъ. Всѣ окружныя болота и лѣса имѣли для него особенную

прелесть: каждый лазъ, каждый кустъ, каждая дорожка, были связаны для него съ охотничьими воспоминаніями, о которыхъ онъ передавалъ намъ въ самыхъ живыхъ разсказахъ.

II.

Qu'on s'éclaire et qu'on persévére, a ce double prix Dieu donne la force et permet le succès.

Dalambert.

Въ 1842 году Николай Карловичъ поступилъ въ Московскій университетъ на математическій факультетъ, откуда и вышелъ кандидатомъ въ 1846 году.

Все время университетской жизни онъ занимался очень охотно математикой, посѣщалъ постоянно лекціи, записывалъ ихъ, сдавалъ хорошо экзамены, велъ себя, такъ сказать, безъукоризненно, такъ что, когда по окончаніи курса, онъ пришелъ проститься съ Платономъ Степановичемъ (Нахимовъ, инспекторъ студентовъ) и поблагодарить его, тотъ ему сказалъ: „вамъ за что меня благодарить, съ вами никакихъ хлопотъ не было, вотъ другіе студенты" и пр. пр... Жилъ Н. К. студентомъ почти все время у профессора Грановскаго и вспоминалъ объ этой жизни, какъ о времени крайняго своего уединенія на верху, въ квартирѣ у Тимофея Николаевича, такъ какъ его застѣнчивость, возрастъ и положеніе студента не позволяли ему часто пользоваться обществомъ Грановскаго и его кружка. Но не смотря на это, обаятельное вліяніе Тимофея Николаевича не могло не отразиться на характерѣ и идеяхъ Н. К. Общительность, привѣтливость и доступность были между прочимъ крайне развиты у Н. К. Ему впослѣдствіи не разъ приходилось въ деревнѣ бесѣдовать съ увлеченіемъ о разныхъ великихъ открытіяхъ и проэктахъ въ мірѣ физики и механики съ мужикомъ—машинистомъ-самоучкой или внушать какому нибудь недоучившемуся семинаристу (сыну колокольника, какъ онъ ихъ называлъ) гуманные взгляды новѣйшей педагогики. Николай Карловичъ вспоминалъ часто какъ заговорился Грановскій, отпуская его по окончаніи курса въ деревню на хозяйство: перекладная давно уже стояла у крыльца квартиры Грановскаго, когда Тимофей Николаевичъ все еще горячо проповѣдовалъ ему о высотѣ тѣхъ обязанностей, которыя связаны съ его новымъ по-

ложеніемъ. Когда Н. К., растроганный, простился съ Грановскимъ, чтобы отправиться въ путь, онъ былъ очень удивленъ, что ямщикъ привезъ его на Московскую почтовую станцію, объяснивъ, что у нихъ по положенію, ежели лошади прождали болѣе двухъ часовъ, должно брать другихъ.

Вотъ одно воспоминаніе Н. К. о Грановскомъ, записанное съ его словъ; оно характеризуетъ тогдашнее время: въ 1845-мъ году профессоръ Грановскій защищалъ свою магистерскую диссертацію; студенты и профессора того времени вѣроятно помнятъ, что Тимофей Николаевичъ долго былъ адъюнктомъ и что бы получить прибавокъ жалованія, хотѣлъ быть экстраординарнымъ профессоромъ. Не желая писать особой диссертаціи, Грановскій представилъ статью, помѣщенную имъ, не помню въ какомъ журналѣ.

Я помню, что между студентами ходили тогда слухи, что эта диссертація дурно принята факультетомъ, что предлагали Грановскому взять ее назадъ, и что когда Грановскій не согласился, то тѣ профессора, которые больше всего возражали на диссертацію, сказали, что возражать публично не будутъ.

Офиціальнымъ оппонентомъ былъ назначенъ профессоръ Гофманъ, которому и предметъ былъ чуждъ, и который по русски говорилъ какъ нѣмецъ, такъ что ожидалось, что Грановскій будетъ поставленъ въ очень непріятное положеніе при защитѣ, и что произойдетъ скандалъ. Но вышло совсѣмъ не то: когда Грановскій, грустный и задумчивый, взошелъ на кафедру, 700 человѣкъ ему зааплодировали; тутъ аплодировали не диссертаціи, которую большинство не читало, а профессору и его дѣятельности; я посмотрѣлъ въ то время на попечителя: онъ сидѣлъ недвижимъ, какъ будто не слыша грома рукоплесканій, а про Платона Степановича (Нахимовъ, инспекторъ) говорятъ, что онъ бѣгалъ кругомъ и кричалъ: „это не студенты, а публика“.

Слова профессоровъ, говорившихъ за Грановскаго, покрывались рукоплесканіями, и шикали тѣмъ, въ рѣчахъ которыхъ думали видѣть недоброжелательство. Это было въ 1845-мъ году, тогда говорили: „какъ на это посмотрятъ? Какъ бы не растолковали, что это бунтъ, имѣютъ ли право студенты выражать свое мнѣніе о профессорѣ? Профессоръ, если не прямое начальство студентовъ, то назначается начальствомъ, не будетъ ли это имѣть дурнаго вліянія на преуспѣваніе Россіи?—говорили тогдашніе Маниловы,—или

не можетъ ли быть этимъ поколеблена крѣпость Россійской имперіи?“ Но не такъ думалъ Грановскій; онъ очень дорожилъ мнѣніемъ о себѣ студентовъ, въ немъ онъ видѣлъ единственную опору своей плодотворной дѣятельности! На первой своей лекціи, послѣ диспута, онъ благодарилъ студентовъ, приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: „Благодарю васъ, мм. гг., за тотъ пріемъ, которымъ вы меня почтили 12 февраля, но я просилъ бы васъ не выражать болѣе вашихъ симпатій ко мнѣ такъ громогласно; къ чему публичное выраженіе сочувствія между старинными, испытанными друзьями; оно можетъ только обратить вниманіе на васъ и меня: не перетолкуйте моихъ словъ: я ихъ говорю не изъ чувства боязни ни за себя, ни за васъ, это чувство было бы равно недостойно и васъ, и меня. Побережемъ себя для безконечно болѣе серьезнаго дѣла—для служенія нашей великой Россіи, той Россіи, которая съ равнымъ презрѣніемъ отворачивается отъ старческихъ сожалѣній о прошедшемъ и отъ невызрѣвшихъ мечтаній о будущемъ. Побережемъ себя для этого великаго служенія! Еще разъ благодарю васъ, господа; кто бы изъ васъ не пришелъ ко мнѣ, во имя 12 февраля, тотъ найдетъ во мнѣ всегда признательнаго брата!“

Платонъ Степановичъ стоялъ на своемъ: онъ доложилъ графу (такъ звали въ унив. попечителя—графа С. Г. Строганова), который самъ былъ тамъ, что аплодировала публика и что можетъ быть нѣкоторые студенты были увлечены публикой. Разсказывали въ университетѣ, что графъ благодарилъ Грановскаго за умѣренность его возраженій во время диспута, но при этомъ сказалъ ему: „одно замѣчаніе я позволю себѣ сдѣлать, Тимофей Николаевичъ, зачѣмъ вы не остановили студентовъ?“—„Какъ же я взялъ бы это на себя, ваше сіятельство, отвѣчалъ Грановскій, когда здѣсь были вы и Дмитрій Павловичъ (Голохвастовъ)?“ Графъ на это сказалъ ему: „Вы смѣетесь надо мной, васъ бы студенты послушали, меня бы ошикали“.

III.

Вскорѣ по выходѣ Николая Карловича изъ университета, у него умерла мать и на его рукахъ остались двѣ молоденькія сестры, братъ и 1000 душъ крестьянъ въ Орловской губ., въ имѣніи матери (урожденной Потемкиной), на которыхъ лежали такіе огромные и просроченные долги казнѣ и частнымъ лицамъ, что почти равнялись стоимости имѣній по цѣнѣ того времени.

При такомъ положеніи, о какой нибудь дѣятельности для себя лично Н. К. не смѣлъ и думать, хотя его сильно влекло въ корпусъ путей сообщенія, по его страстной наклонности къ механикѣ.

Онъ остался дома и постоянно занимался, а еще болѣе мучился съ дѣлами и хозяйствомъ, проводя почти все время или въ рекрутскихъ присутствіяхъ, или въ бесѣдахъ съ кредиторами, или становыми приставами въ конторахъ своихъ имѣній, куда его безпрестанно вызывали для описи и сдачи этихъ имѣній въ опеку. Встрѣтясь съ Н. К. гдѣ-то въ обществѣ, Ив. Серг. Тургеневъ спросилъ его, чѣмъ онъ занимается въ деревнѣ? Н. К. отвѣчалъ ему: „описываю свои имѣнія", и хотя Тургеневъ съ перваго разу этого не могъ понять, но это выраженіе вполнѣ характеризовало его тогдашнюю дѣятельность относительно имѣній. Брата своего онъ готовилъ въ то время въ университетъ, съ сестрами ѣздилъ для ихъ уроковъ и удовольствій въ Москву и Петербургъ. Онъ окружалъ ихъ полными заботами, какъ умѣлъ, и любя ихъ всей душей, пользовался взамѣнъ ихъ безграничною привязанностію и преданностію. Сестры говорили часто про Н. К., что во всей его жизни не было ни одного промежутка, когда бы онъ не былъ кѣмъ нибудь особенно любимъ. Кромѣ этихъ дорогихъ отношеній, въ этотъ тяжелый періодъ его жизни большимъ утѣшеніемъ для него является опять также охота, которой онъ предавался съ полнымъ увлеченіемъ въ промежутокъ между дѣлами и описями. Да еще какъ только представлялась возможность, онъ учился механикѣ, которую страстно любилъ, жалуясь постоянно на недостатокъ университетскаго образованія; онъ вспоминалъ съ большимъ удовольствіемъ объ урокахъ механики въ Петербургѣ Пафнутія Львовича Чебышева и съ большою нѣжностью объ интерес-

ныхъ для него бесѣдахъ съ Сергѣй Ивановичемъ Астраковымъ въ Москвѣ. Въ то время въ высшей степени занималъ Николая Карловича одинъ его проэктъ, которому онъ придавалъ огромное общественное значеніе; это „проэктъ перевозки грузовъ по снѣгу и по льду посредствомъ пароваго двигателя"; его увлекала между прочимъ и простота мысли исполненія; онъ разсчитывалъ, что это доставитъ Россіи неисчислимыя выгоды, слѣлавъ общедоступными всѣ лѣсныя и другія богатства сѣверо-восточной Россіи, казенныя и частныя.

Проэктъ этотъ имъ вполнѣ разработанъ дома и за границей и былъ напечатанъ въ „Промышленномъ Листкѣ" и отдѣльными брюшюрами въ Москвѣ и Парижѣ въ Génie Indistruel. Н. К. имѣлъ привилегію на этотъ способъ перевозки, который былъ имъ представленъ на обсужденіе въ Академію наукъ и не смотря на то, что это составляло его idée fixe почти до конца жизни, проэктъ этотъ остался имъ невыполненнымъ, сначала за недостаткомъ свободныхъ средствъ, потомъ за охватившей его общественной дѣятельностью, а наконецъ за недостаткомъ здоровья и энергіи.

Ввѣренное же ему хозяйство онъ мало по малу привелъ въ порядокъ, благодаря аккуратности счетовъ и платежей и умѣренности расходовъ; больше всего ему помогло въ этомъ освобожденіе крестьянъ: лежащія на имѣніяхъ безчисленныя запрещенія не позволяли ему продавать ни одного имѣнія, а тутъ обязательный выкупъ полныхъ крестьянскихъ надѣловъ пошелъ на покрытіе долговъ, остальная же половина земли (половина досталась крестьянамъ) была раздѣлена имъ, за смертью брата, на 3 равныя части съ двумя сестрами, и теперь три семьи съ благодарностію пользуются хорошимъ состояніемъ, которое онъ сохранилъ и устроилъ, отдавъ на это лучшіе свои годы. Дворовымъ онъ еще въ 1856 году, послѣ своей свадьбы, предложилъ всѣмъ свободу; ею воспользовались всѣ мастеровые и молодые люди, старики же и немощные остались; многимъ онъ далъ осѣдлость (земли), а другіе до смерти оставались и остаются на его попеченіи. Прислуга же съ 1856 года была уже вся нанятая и потому лично для насъ освобожденіе дворовыхъ прошло незамѣченнымъ. Въ имѣніи же своего отца при с. Покровскомъ Фатежскаго уѣзда, гдѣ Н. К. жилъ послѣднее время, не удалось отклонить крестьянъ отъ рѣшенія взять дворовый надѣлъ: увлеченные примѣромъ сосѣдей, они

никому не хотѣли вѣрить, тѣмъ болѣе своему помѣщику. Н. К. и черезъ годъ предлагалъ имъ перейти на выкупъ, они и тогда не согласились. И такъ крестьяне с. Покровскаго находились все время въ опекѣ у Ник. Карл.; выпуски онъ имъ отдавалъ обязательно за самую ничтожную плату; земля, по опредѣленію Н. Карл., отдается у насъ теперь озимая—15 р., за обработку одной десятины озимой платится 9 рублей. Яровая земля отдается десятина за десятину такъ называемо изъ полу, земля у насъ отличная, сдается только своимъ крестьянамъ.

Общественная же дѣятельность Н. К., по выходѣ изъ университета, состояла въ томъ, что онъ былъ почетнымъ попечителемъ уѣзднаго Рыльскаго училища, и въ этой скромной роли Н. К. стремился быть полезнымъ дѣлу народнаго образованія: онъ съ большимъ интересомъ посѣщалъ экзамены и тогда еще, въ 1850-хъ годахъ, онъ составилъ проэктъ о преобразованіи уѣздныхъ училищъ (въ виду ихъ разобщенности со всей системой воспитанія) въ прогимназіи, которыя каждому открывали бы путь къ дальнѣйшему образованію и давали бы возможность жителямъ уѣздныхъ городовъ воспитывать дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ у себя, дома. Проэктъ этотъ Н. К. докладывалъ и устно, и письменно бывшему въ то время министру народнаго просвѣщенія Ширинскому-Шихматову, который отвѣчалъ ему на это, что правительство въ существующемъ порядкѣ руководится высшими соображеніями...

IV.

Дню прошедшему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!
Аксаковъ.

20 ноября 1857-го года вышли первые рескрипты объ освобожденіи крестьянъ... Хорошо памятно это время; Н. К. прочелъ ихъ на почтовой станціи въ Тулѣ, въ декабрѣ, на пути въ Москву; въ полчаса у него готовъ былъ проэктъ объ выкупной операціи крестьянскихъ надѣловъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, онъ изложилъ его подробно въ письмѣ къ одному изъ лучшихъ своихъ знакомыхъ и пріятелей Ивану Васильевичу Павлову, который отвѣчалъ ему на это съ свойственнымъ ему остроуміемъ: „Кумъ, банки или пьявки (онъ

былъ медикъ), а средство найти надо!" Проэктъ выкупа земли для крестьянъ давно уже занималъ Николая Карловича и былъ имъ уже составленъ и представленъ, кажется, въ Опекунскій совѣтъ, вскорѣ по выходѣ изъ университета. Проэктъ этотъ состоялъ приблизительно въ томъ, чтобы, собравъ на первый разъ нѣсколько частныхъ средствъ, откупить у помѣщика одну деревню съ землей, затѣмъ, предоставивъ крестьянамъ свободу, заложить ихъ землю въ опекунскій совѣтъ, обязавъ ихъ выкупать ее въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, а на полученныя бумаги изъ опек. совѣта покупать другую деревню, и такъ всю Россію. Подписка эта была открыта и деньги хранились у товарища Н. К. Алексѣя Осиповича Левицкаго,—правда, что ихъ было только 50 р., которые за смертью Левицкаго, по его просьбѣ, были возвращены Н. К. въ 1858 г. Какъ ни рвался Н. К. къ общественной дѣятельности, въ виду открываемой въ то время новой жизни, давно ожидаемой, но всѣ его попытки и желанія попасть по выборамъ или по назначенію на службу крестьянскому дѣлу, оставались безуспѣшными до самаго открытія института мировыхъ посредниковъ въ 1861 году, куда онъ прямо и былъ назначенъ Орловскимъ губернаторомъ, графомъ Левашевымъ.

Въ началѣ 1858 года Н. К. уѣхалъ изъ Москвы въ Орелъ на дворянское собраніе, состоявшееся для поднесенія государю адреса. Орловскимъ губернскимъ предводителемъ былъ въ то время В. В. Апраксинъ; вотъ какъ говоритъ о немъ Яковъ Александровичъ Соловьевъ въ своихъ въ высшей степени интересныхъ Запискахъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" (см. изданіе 1881 г.), вспоминая объ отзывахъ губернскаго предводителя на первые рескрипты:

„Замѣчателенъ отзывъ Орловскаго предводителя дворянства В. В. Апраксина: онъ между прочимъ писалъ намъ, что предпринятая правительствомъ мѣра возлагаетъ на губ. предв. дворянства священную обязанность склонять всякаго дворянина къ содѣйствію видамъ правительства, если не по убѣжденію, то по чувству личнаго самохраненія".

Апраксинъ желалъ послать отъ двор. собранія такъ называемый безусловный адресъ, т. е. желаніе освобожденія крестьянъ съ землей, на тѣхъ условіяхъ, какъ желало правительство, собраніе же почти все склонялось въ пользу освобожденія безъ земли: кто просилъ остзейскихъ правъ, кто чего... Такъ какъ

трудно—почти невозможно было составить большинство по уѣздамъ для безусловнаго адреса, то положено было такъ: тамъ, гдѣ не будетъ единогласія безъ земли, тамъ будетъ считаться, что желаютъ освобожденія съ землей.—Н. К. участвовалъ въ то время по 4-мъ уѣздамъ: Орловскому, Мезенскому, Болховскому и Малоархангельскому; переходя изъ одного въ другой, онъ старался принимать участіе въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ составлялось единогласіе „безъ земли", и именно: въ Орловскомъ и Малоархагельскомъ, когда кричали: „мы всѣ единогласно желаемъ безъ земли", Н. К. вставалъ и говорилъ: „я дворянинъ Орловскаго уѣзда и я желаю съ землею." Апраксинъ съ удовольствіемъ замѣчалъ: „значитъ здѣсь нѣтъ единогласія!" Тоже повторялось и въ Малоархангельскомъ: „я дворянинъ Малоархангельскаго уѣзда, и я желаю съ землею!" Значитъ и здѣсь нѣтъ единогласія, замѣчаетъ Апраксинъ. Послѣ, когда у Н. К. спрашивали, зачѣмъ онъ сидитъ въ Орловскомъ уѣздѣ, когда его тамъ не любятъ? Онъ отвѣчалъ: „чтобы никогда у нихъ не было единогласія". Як. Ал. Соловьевъ въ своихъ Запискахъ пишетъ („Русская Старина" апр. 1881 г.): „Левшинъ передалъ мнѣ довольно значительную пачку полученныхъ отзывовъ губернаторовъ и предводителей на циркуляры министра внутренныхъ дѣлъ, съ препровожденіемъ первыхъ двухъ рескриптовъ. Первое впечатлѣніе, по прочтеніи ихъ, было самое тяжелое. Надо было употребить всю силу воли, чтобы сбросить съ себя невольное вліяніе тѣхъ страховъ и ужасовъ, которые рисовались въ воображеніи губернскихъ предводителей и даже нѣкоторыхъ губернаторовъ". Вслѣдъ затѣмъ въ 1858-мъ же году было дворянское собраніе для выборовъ членовъ въ губернскій комитетъ по крестьянскому дѣлу, по одному отъ каждаго уѣзда. Н. К. страстно желалъ попасть и не скрывалъ своего желанія, но въ уѣздѣ были опредѣленные на этотъ предметъ взгляды, сформированныя партіи и готовые напередъ кандидаты. Н. К. разсказывалъ объ одномъ смѣшномъ эпизодѣ по случаю этихъ выборовъ: предводитель мезенскаго у. М. В. Мимаковъ созвалъ дворянъ къ себѣ въ домъ и предложилъ передъ баллотировкой въ собраніи подписать здѣсь листъ на выборъ двухъ кандидатовъ: Шеншина и Крашенинникова. Николай Карловичъ возмущался этимъ пріемомъ вообще, а теперь въ особенности онъ протестовалъ противъ этой подписки, говоря, что во 1-хъ, самъ желаетъ баллотироваться, а во 2-хъ, что даже во-

все не знаетъ одного изъ кандидатовъ, именно Крашенинникова. Его мнѣніе раздѣлялъ и поддерживалъ между прочимъ одинъ Телепневъ, говоря, что онъ знаетъ только Шеншина, а другаго не знаетъ. Но такъ какъ Мимаковъ настаивалъ на подпискѣ, то Телепневъ и подписался: „Поручикъ Телепневъ въ отношеніи Шеншина“. Это возбудило всеобщій смѣхъ и крайнюю досаду Мимакова, находившаго, что листъ испорченъ и подписка не состоялась... Но не смотря на все свое желаніе, Н. К., къ крайнему своему прискорбію, не попалъ въ комитетъ ни отъ дворянъ, ни отъ правительства, но тѣмъ не менѣе это не охлаждало его желанія; по окончаніи Орловскихъ выборовъ, онъ говорилъ: „жаль, что я продалъ имѣніе жены въ Ефремовскомъ уѣздѣ, я бы сейчасъ поѣхалъ баллотироваться въ Тулу“. О выборахъ въ губ. комитеты Як. Ал. Соловьевъ въ своихъ Запискахъ замѣчаетъ: „впослѣдствіи, при назначеніи членовъ губернскихъ присутствій и мировыхъ посредниковъ, министерство оставляло за собой большую долю вліянія на это назначеніе, но относительно членовъ отъ правительства въ губернскіе комитеты этого не было сдѣлано, при изданіи первыхъ рескриптовъ, а при послѣдующихъ нельзя было и настаивать на этомъ“ (см. „Русскую Старину“ изд. 1881 г.).

V.

Въ 1860 году Николай Карловичъ былъ выбранъ въ Орловское губ. дворянское собраніе, для повѣрки земскихъ суммъ отъ Орловскаго уѣзда—вотъ тутъ собственно онъ въ первый разъ вступаетъ въ общественную жизнь: депутаты, по его иниціативѣ, доложили общему собранію дворянства, что отчетность находится въ хаотическомъ порядкѣ: показаны расходы, которые вовсе не производились, дѣланы сверхсмѣтные расходы, не смотря на высочайше утвержденную смѣту, изъ которой нельзя выходить; деньги, назначенные на одинъ предметъ, расходовались на другой, остатки по одному отчету, перенесенные въ другой, рознились между собой; неизвѣстно было ни количество долговъ земства, ни остатковъ и пр. и пр. Вслѣдствіе этого доклада, по ходатайству Орловскаго дворянства и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, открыта была коммисія для повѣрки расходовъ зем-

ства Орловской губ. и составленія предположеній объ измѣненіи правилъ повѣрки расходовъ суммъ земскаго сбора; въ составъ этой коммисіи должны были войти депутаты по одному отъ каждаго уѣзда (изъ статьи Совр. Лѣтоп. 1861 г.).

Изъ всѣхъ депутатовъ для этой повѣрки явилось въ Орелъ только двое: Николай Васильевичъ Карташевъ отъ Малоархангельскаго уѣзда и Николай Карловичъ Рутценъ отъ Орловскаго. Остальные 10 всѣ отказались подъ разными предлогами. Кто, говорили, получилъ мѣсто, кому средства не позволяли служить безъ жалованья и т. п. Но и вдвоемъ, работая усердно надъ этой повѣркой, они открыли много безпорядковъ и злоупотребленій, о которыхъ Н. К. писалъ въ Современной Лѣтописи „Русскаго Вѣстника" въ началѣ 1861 г. въ № 7, 11, 23, за подписью „Депутатъ отъ Орловскаго уѣзда по повѣркѣ земскихъ суммъ" и о которыхъ они доложили Орловскому дворянскому собранію. Въ расходахъ земства принимало участіе огромное количество лицъ: губернаторъ, губернскій предводитель, голова, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, предсѣдатель казенной палаты, всѣ уѣздные предводители, городничіе, исправники, начальники квартировавшихъ войскъ и бывшаго ополченія, строительная коммисія въ своемъ многочисленномъ составѣ и пр. и пр., а заведенный порядокъ былъ таковъ, что всякое, самое маловажное упущеніе или злоупотребленіе, привлекаетъ къ отвѣтственности чуть ни всѣхъ. (Изъ Современ. Лѣтоп.).

Вотъ что̀, между прочимъ, говорится въ статьяхъ Н. К. Въ 1856 году показанъ расходъ на лагерь на сумму 12,171 р. 82½ к., а никакого лагеря въ этомъ году не было (№ 7). Огромные расходы были произведены на дрова для войскъ, квартировавшихъ по деревнямъ, что совершенно противно статьямъ 363 и 366 устава о зем. пов. (которыя обязуютъ довольство на мѣстахъ) и потому цѣна дровъ напр. въ Карачевскомъ уѣздѣ, въ лѣсныхъ мѣстахъ, за казенную сажень доходило до 19 рублей, а произошло это отъ того, что подрядчикъ получалъ за дрова по городской справочной цѣнѣ, да еще за провозъ ихъ изъ города въ уѣздъ, такъ что въ лѣсу дрова обходились дороже, чѣмъ въ городѣ; для нѣкоторыхъ мѣстъ, по бумагамъ, возились дрова изъ города за 60 верстъ (№ 11). Далѣе Н. К. пишетъ: огромный расходъ на дрова составляетъ главную причину неясности от-

четовъ; какъ смѣтныя деньги были истрачены на дрова, то тратились деньги, опредѣленные на другія статьи, такъ напр. показанъ расходъ на починку ветхостей Брянскихъ казармъ; починки казармъ не было, а расходъ производился также на дрова; наконецъ когда и заимствовать изъ другихъ статей стало уже нечего, то явились сверхсмѣтные расходы, доходившіе иногда до значительныхъ цыфръ (№ 11). Имѣя въ виду, что по закону начальникъ губерніи имѣетъ право расходовать сверхсмѣтно до 600 р., донося министру, министръ разрѣшаетъ до 3,000 руб., расходы свыше этой послѣдней суммы представляются имъ черезъ госуд. совѣтъ на высочайшее утвержденіе,—собраніе депутатовъ спрашивало: какимъ образомъ была разрѣшена выдача сверхъ смѣтной суммы на дрова болѣе 60 тысячъ, и въ прошломъ году на это получено увѣдомленіе, что о сверхъ-смѣтныхъ расходахъ было представлено г. министру вн. дѣлъ отъ 17 октября 1856 г. за № 2267; нынѣ, 2-го января, собраніе депутатовъ нашло нужнымъ просить о доставленіи, какъ представленія къ министру, такъ и его разрѣшенія; прямаго отвѣта на эту бумагу не получено, но въ числѣ представленныхъ дѣлъ оказалось и представленіе къ министру за № 2267 и отвѣтъ его высокопревосходительства. Въ представленіи этомъ ходатайствовалось о разрѣшеніи снабжать дровами войска, квартировавшія по селеніямъ: г. министръ, руководствуясь статьями 363 и 366 IV тома, это ходатайство оставилъ безъ уваженія. Затѣмъ собраніе депутатовъ спрашивало: нѣтъ ли еще какой переписки по этому предмету, и получило въ отвѣтъ, что нѣтъ (Совр. Лѣт. 1861 г., іюнь, № 23).

„Значительные остатки, писалъ Н. К. (въ № 7), отъ сбора прежнихъ трехъ-лѣтій почти не служатъ къ уменьшенію сборовъ на будущіе года, потому что оставляются подъ предлогомъ не выплаченныхъ суммъ за сдѣланные расходы или для текущихъ расходовъ на время до утвержденія новой смѣты, и эти-то остатки, заключающіеся въ сотняхъ тысячъ рублей, даютъ возможность тратить деньги земства, не затрудняясь смѣтою". Въ этой же статьѣ онъ говоритъ: „законъ, какъ всѣмъ извѣстно, предоставилъ право предводителямъ дворянства и купечества заботиться о состояніи ихъ мѣстнаго бюджета и провѣрять произведенные расходы. Но всѣмъ также извѣстно, что почти нигдѣ земство не пользовалось, какъ слѣдуетъ, этимъ правомъ. Однимъ изъ доказа-

тельствъ этому служитъ то. что смѣты расходовъ, выходящія изъ госуд. совѣта, большею частью меньше смѣтъ, предлагаемыхъ губерніями, такъ что выходитъ, что плательщики сами будто бы предлагаютъ платить болѣе, чѣмъ сколько находитъ нужнымъ правительство отъ нихъ требовать (Совр. Лѣт. 1861 г., февр., № 7). Повѣрка эта, требующая труда, терпѣнія, настойчивости и такта, поглощала все время Н. К. и Карташева, который трудился еще болѣе усидчиво, проводя за бумагами всѣ ночи; знакомые Н. В. Карташева помнятъ, что онъ имѣлъ привычку ночь обращать въ день, а день въ ночь. Вотъ среди этой-то работы и застало Н. К. назначеніе его въ мировые посредники въ Малоархангельскій уѣздъ, въ іюлѣ 1861 года.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ прочитанъ въ Орлѣ 9 марта 1861 года и крестьяне спокойно выжидали приведенія его въ исполненіе. Въ этомъ же году, 12 января, состоялся въ Орлѣ обѣдъ бывшихъ студентовъ московскаго и другихъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній,—довольно многочисленный; распорядителемъ былъ Николай Карловичъ; ему выпала честь предложить тостъ за государя. Вотъ его рѣчь: „Жизнь есть измѣненіе, движеніе; сознаніе жизни — сознаніе перемѣнъ. Товарищи-математики найдутъ естественнымъ, а другіе товарищи извинятъ, что чистый математикъ вопросъ о жизни сводитъ къ вопросу о движеніи. Свойство движенія опредѣляется въ данный моментъ пройденнаго пространства по времени. Какъ же опредѣлилось это отношеніе въ нашей умственной жизни? Еще такъ недавно почти закрытые университеты дали доступъ намъ всѣмъ, способнымъ слушать лекціи; прежняя литература, бо̀льшею частію воспѣвавшая только дѣву и луну, обратилась къ живымъ вопросамъ и отозвалась на „всѣ мольбы и плачи“. Выражаясь опять математически, господа, функція умственнаго прогресса получила въ наше время не диферансъ, а конечное приращеніе; еще сверхъ того въ разсматриваемое нами время ожидается приливъ новыхъ силъ: 22 милліона людей съ часу на часъ ждутъ свободы и изъ среды ихъ выступятъ новые дѣятели, которые съ честью понесутъ знамя русской науки! Передъ тѣмъ какъ съ благоговѣйной признательностію предложить тость за главнаго двигателя этого движенія, пожелаемъ, господа, чтобы при помощи образованія, сумма для него всѣхъ вредныхъ сопротивленій была возможно minimum. Здоровье нашего Царя!“

VI.

Отнынѣ не будетъ ни Эллинъ, ни Іудей, ни рабъ, ни свободь, ни мужеска полъ, ни женскъ, но всяческая и о всѣхъ Господь.

Сочувствуя всей душей освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и улучшенію быта крестьянъ, Николай Карловичъ во всей своей дѣятельности мироваго посредника неуклонно и неотступно преслѣдовалъ эту цѣль, служа ей всѣми своими силами. Ему удалось сохранить порядокъ въ своемъ участкѣ, не прибѣгая ни разу къ помощи военной силы: ему удалось сдѣлать удобныя для крестьянъ разверстанія, провести нѣкоторыя мѣры, полезныя для крестьянъ, благодаря сильной поддержкѣ предсѣдателя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Орловскаго губернатора графа Николая Васильевича Левашева и членовъ отъ правительства: Аркадія Дмитріевича Карпова и добрѣйшаго Алексѣя Ивановича Нарышкина, которые также усердно шли къ одной и той же цѣли съ правительствомъ: къ улучшенію быта крестьянъ. Такъ, въ его участкѣ 2-мъ, Малоархангельскаго уѣзда, крестьяне князя Меншикова получили полный надѣлъ, хотя свѣтлѣйшій передъ объявленіемъ воли отрѣзалъ часть крестьянскихъ надѣловъ, назвавъ ихъ арендою. Князь Меншиковъ не только далъ имъ полный надѣлъ, и свою землю въ аренду, но еще по письму Н. К. простилъ имъ старую недоимку и помогъ деньгами послѣ пожара. Въ имѣніи княжны Голицыной было выдано ею своимъ крестьянамъ за деньги очень много рекрутскихъ квитанцій, избавляющихъ ихъ рекрутства. Н. К. ходатайствовалъ, чтобы квитанціи эти правительство зачло имъ за службу; это вызвало общее распоряженіе и квитанціи, выданныя помѣщиками, были зачтены по всей Россіи. Спустя долго послѣ этого, когда уже Николай Карловичъ не служилъ, ему пришлось ѣхать на почтовыхъ на перекладной, по шоссе изъ Орла въ Курскъ; ямщикъ, узнавши его, погналъ изо всей силы лошадей, приговаривая: „жаль, что не припрегъ третью" (онъ ѣхалъ парой). На вопросъ Н. К. развѣ онъ его знаетъ, онъ отвѣчалъ: „какъ не знать, намъ бы не грѣхъ вашу милость и на себѣ провезти; мнѣ бы безъ

васъ въ солдатахъ быть". Откуда? „Съ Мокрецовъ, имѣнія княгини Голицыной". Ник. Карл. устроилъ въ имѣніи князя Куракина волостной банкъ, написалъ самъ для него уставъ, банкъ имѣлъ большіе обороты и подъ его контролемъ шелъ отлично, подъ управленіемъ очень умнаго и дѣльнаго старшины Ивана Семеновича Сотникова, но, къ сожалѣнію, еще подобныя учрежденія не могутъ идти безъ контроля, и послѣ Н. К. старшина спился и банкъ окончилъ свое существованіе.

При Н. К. въ его участкѣ возникали училища; онъ часто посѣщалъ волостные суды, которые, при соблюденіи порядка и всѣхъ правилъ, выносили иногда Соломоновы рѣшенія. Словомъ, Н. К. усердно служилъ крестьянскому дѣлу, такъ что когда послѣ него, по жалобѣ одного помѣщика, кажется Букрѣева, было произведено дознаніе надъ его дѣйствіями членомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Пушинниковымъ, Н. К., встрѣтясь съ нимъ, сказалъ ему съ полнымъ сознаніемъ своей правоты: „Стало быть вамъ нечего дѣлать, коли вы надо мной производите дознаніе", на что тотъ отвѣчалъ, что онъ ничего и не нашелъ. Въ другой разъ, на жалобу Букрѣева, отчего Н. К. не объявилъ крестьянамъ, что они работали у него по прежнему до введенія Уставной грамоты, (а уставную грамоту онъ оттягивалъ), Н. К. отвѣчалъ: „на основаніи персидской пословицы: „Слово серебро, а молчаніе золото."

Помѣщики очень странно относились тогда къ мировымъ посредникамъ: настроеніе ихъ дворянской, какъ Петербургской, такъ и губернской оппозиціи, Я. А. Соловьевъ въ своихъ Запискахъ характеризуетъ такъ: они ожидали, что явятся: „неповиновеніе крестьянъ, возмущенія, сначала мѣстныя, а потомъ общій бунтъ, словомъ представлялась пугачевщина со всѣми ужасами и съ прибавленіемъ глубоко задуманной демократической революціи" („Русск. Старина" 1881 г., апр., стр. 754). Мировые посредники конечно были далеко отъ того, чтобы раздѣлять эти воззрѣнія, но съ другой стороны вовсе не были такъ увѣрены, что крестьяне останутся довольны тѣмъ положеніемъ, которое они имъ объявятъ. И вотъ при такомъ то положеніи дѣлъ помѣщики относились къ мировымъ посредникамъ, какъ къ своимъ управляющимъ, обязаннымъ соблюдать ихъ самые мелкіе и узкіе интересы; они вызывали ихъ по поводу самаго малѣйшаго дѣла, требовали съ крестьянъ самое малѣйшее упущеніе, выводили изъ терпѣнія крестьянъ

самыми мелкими придирками и вызывали мировыхъ посредниковъ разбирать. Н. К. разсказывалъ, что онъ полдня ходилъ съ помѣщикомъ по пахотѣ, отыскивать на какой сажени нѣтъ 8 бороздъ (по урочному положенію двойна должна была имѣть 8 бороздъ въ сажени), а съ другимъ ходилъ по выгону нѣсколько часовъ, отыскивая слѣдовъ пастьбы скота. Не видя сочувствія къ себѣ мировыхъ посредниковъ, малоархангельскіе дворяне 3 раза собирались въ уѣздное собраніе, чтобы просить Н. К. выдти въ отставку, вмѣстѣ съ двумя другими его товарищами А. Д. Чиркинымъ и Н. И. Якушкинымъ, называли ихъ хамскими посредниками, безпрестанно писали на нихъ жалобы въ губ. по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, писали даже анонимныя письма; въ Малоархангельскѣ былъ даже замѣчательный револьверъ: онъ былъ купленъ однимъ помѣщикомъ въ защиту отъ крестьянъ, а потомъ перекупленъ однимъ мировымъ посредникомъ въ защиту отъ дворянъ.

Н. К. шутя говорилъ дворянамъ, что ему дадутъ медаль „за спасеніе погибающихъ.“ Но и къ дворянамъ Н. К. относился справедливо, исполняя насколько возможно ихъ законныя требованія; ему даже пришлось защитить одного Малоархангельскаго помѣщика Хлѣбникова,—дѣло котораго, по его мнѣнію, несправедливо обсуждалось въ мировомъ съѣздѣ,—слѣдующими словами, обращенными къ дворянскому предводителю Скарятину: „Est ce à moi qui suis Corse de Vous dire, que Toulon est français“. Когда Левашевъ назначилъ Н. К. править должность члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по болѣзни Карпова, Н. К. взялъ на себя работу по отдѣлу разрѣшенія выкупныхъ сдѣлокъ и подвинулъ его въ самое короткое время, работая постоянно дома вмѣстѣ съ своимъ домашнимъ секретаремъ Андрей Сергѣевичемъ Исаевымъ, который несъ съ нимъ всю службу мироваго посредника. Общіе пріемы всегда помогали Н. К. въ успѣхѣ дѣла: и здѣсь, такъ какъ разрѣшеніе выкупныхъ сдѣлокъ постоянно задерживалось, за несоблюденіемъ разныхъ формальностей, онъ напечаталъ общую форму, со всѣми необходимыми вопросами, которую и разослалъ всѣмъ мировымъ посредникамъ; стоило только поставить въ каждую графу отвѣтъ и выкупная сдѣлка была правильно составлена. (Прежде присылались иногда безъ всякихъ

свѣдѣній, иногда только съ однимъ названіемъ имѣнія). Такимъ образомъ и тутъ онъ споспѣшествовалъ скорѣйшему столь желаемому окончанію всѣхъ обязательныхъ отношеній.

VII.

Въ 1864 году открылся учредительный комитетъ въ Царствѣ Польскомъ.—Долго правя должность отъ правительства въ губ. по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, Н. К. отсталъ отъ дѣлъ своего участка, а такъ какъ мѣсто члена отъ правительства, за смертью Карпова, было предложено Левашевымъ г. Ратынскому, то Н. К. и задумалъ перейти въ Польшу, гдѣ правительство желало надѣлить крестьянъ землею. Н. К. просилъ Алексѣя Ивановича Нарышкина, съ которымъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, передать Якову Александровичу Соловьеву, что онъ желалъ бы перейти на службу въ Царство Польское, на что получилъ отвѣтъ телеграммой Нарышкину въ слѣдующихъ словахъ: „Высылайте Рутцена". Соловьевъ, по пріѣздѣ Николая Карловича въ Варшаву, далъ ему мѣсто предсѣдателя Калишской коммисіи, сказавъ ему, что когда служилъ въ земскомъ отдѣлѣ, считалъ своею обязанностію знать мировыхъ посредниковъ, а потому зналъ и его по его дѣятельности въ Орловской губерніи. Много тогда хорошихъ дѣятелей перешло на службу крестьянскому дѣлу въ Царство Польское! И въ Калишской коммисіи Н. К. служилъ съ тѣмъ же рвеніемъ и направленіемъ, какъ и въ Орловской губ., до тѣхъ поръ, пока его разстроенное здоровье не заставило вернуться въ деревню на отдыхъ.

О своей дѣятельности въ Польшѣ Н. К. сохранилъ самыя лучшія воспоминанія, такъ какъ и тамъ, работая надъ устройствомъ быта польскихъ крестьянъ, съ широкими полномочіями, онъ могъ идти въ томъ направленіи, которому всего горячо сочувствовалъ, и которое твердо поддерживало правительство, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей тогдашняго времени: Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева, кн. В. А. Черкасскаго, В. А. Арцимовича и др.

И въ своей калишской комиссіи Н. К. всевозможными средствами избѣгалъ, при разверстаніи, помощи военной силы, находя это плохимъ средствомъ знакомить народъ съ монаршею милостью;

разъ за это даже одинъ маіоратный владѣлецъ графъ Толь принесъ на него жалобу графу Бергу — намѣстнику Царства Польскаго. Дѣло было такъ: при всеобщемъ обязательномъ надѣленіи землей крестьянъ Царства Польскаго, русскимъ маіоратнымъ владѣльцамъ было предоставлено право сдѣлать это добровольно; правительство вѣроятно не желало отнять у нихъ эту честь, а они поняли это иначе и большинство изъ нихъ не хотѣло надѣлять своихъ работниковъ (были исключенія, впрочемъ, въ комиссіи Н. К. графиня Крейцъ); изъ этого выходили безпорядки; Н. К. никакъ не могъ усмирить бунтующихъ каморниковъ въ имѣньи графа Толя, и когда, вслѣдствіе жалобы послѣдняго, Я. А. Соловьевъ потребовалъ отъ Н. К. объясненія, Н. К. написалъ ему, что имъ были приняты всѣ мѣры, что имъ были дѣланы неоднократныя разъясненія и увѣщанія, что они были оштрафованы, зачинщики арестованы, но передъ тѣмъ, какъ ввести войска въ имѣніе русскаго маіоратнаго владѣльца, онъ считалъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія учредительнаго комитета. На это Я. А. Соловьевъ отъ себя и отъ Берга выразилъ ему благодарность за всѣ принятыя имъ мѣры. Никуда калишскій военный начальникъ не могъ пронестись съ казаками безъ того, чтобы Н. К. или не остановилъ его, или не отправлялся бы съ нимъ туда же. Войска не могли быть введены ни въ одно селеніе, безъ вѣдома предсѣдателя комиссіи и сколько разъ его личное присутствіе на мѣстѣ разрѣшало дѣло мирнымъ путемъ. Бывали дѣла очень сложныя, но благодаря поддержкѣ учредительнаго комитета, онѣ всегда разрѣшались въ смыслѣ улучшенія положенія крестьянъ.

Можно себѣ представить тѣ затрудненія, которыя происходили въ дѣлахъ: сколько разъ, на мѣстѣ и въ засѣданіяхъ, разслѣдовалось каждое дѣло!

Первый правильный рекрутскій наборъ, между прочимъ, прошелъ при Н. К. въ полномъ порядкѣ. Для польскихъ пановъ онъ также старался какъ можно скорѣе разрѣшать ликвидаціонныя табели (наши выкупныя сдѣлки), такъ какъ всѣ они въ то время нуждались въ деньгахъ. Польскимъ крестьянамъ правительство дало всѣ надѣлы ихъ безвозмездно, отдавъ за землю панамъ по оцѣнкѣ выкупными свидѣтельствами. Н. К. говорилъ тогда, что осталась теперь очередь за остзейскими губерніями, что надо ѣхать туда надѣлять крестьянъ землей; на это

ему одинъ польскій помѣщикъ, очень умный, сказалъ, что съ этимъ знаменемъ: „Земля крестьянамъ“ можно завоевать всю Европу! (кажется не своя мысль). Проникнутый желаніемъ пользы дѣлу, пользуясь довѣріемъ высшихъ инстанцій и имѣя большую власть, положеніе Н. К. по службѣ было самое хорошее и личныя его отношенія почти ко всей комиссіи были тоже самыя лучшія; не видя въ немъ никакихъ личныхъ стремленій и исканій, его товарищи справедливо видѣли въ немъ хорошую силу; онъ же къ нимъ относился въ высшей степени доброжелательно, стараясь словомъ и примѣромъ внушить имъ любовь къ дѣлу; умѣренность и экономію. Товарищи его были съ разныхъ концевъ Россіи и изъ разныхъ родовъ войска и учебныхъ заведеній, разнаго возраста, разнаго образа мыслей, но очень скоро, въ засѣданіяхъ комиссіи, на его сторонѣ почти всегда составлялось большинство.

Кромѣ засѣданій комиссій, которыя бывали въ Калишѣ, онъ остальное время почти постоянно бывалъ въ разъѣздѣ; одинъ, въ полушубкѣ, на перекладной (даже казака не имѣлъ), иногда съ письмоводителемъ полякомъ отправлялся на разборъ дѣлъ и только изрѣдка, окончивши дѣла, позволялъ себѣ принять участіе въ какой-нибудь охотѣ за кабанами и козами, куда его, впрочемъ, приглашали часто, узнавъ, что панъ-презусъ любитъ охоту.

Разстроенное здоровье Н. К. не позволяло ему долго продолжать службу по крестьянскому дѣлу, и Я. А. Соловьевъ просилъ его не брать отставку, а причислиться къ учредительному комитету, въ томъ предположеніи, что онъ опять можетъ вернуться на службу; онъ такъ и сдѣлалъ.

Горячо служилъ тогда крестьянскому дѣлу учредительный комитетъ въ Царствѣ Польскомъ! Нерѣдко всю ночь продолжалъ онъ засѣданія... Я. А. Соловьевъ собиралъ всѣхъ у себя; обо всемъ узнавалъ лично, и изъ его писемъ къ Н. К. можно судить о томъ, какъ онъ слѣдилъ самъ за всѣми и за всѣмъ!

VIII.

Въ іюлѣ 1866 года, Николай Карловичъ вернулся въ имѣніе своего отца въ с. Покровское, Курской губ., Фатежскаго уѣзда. Найдя уже открытыя земскія и мировыя учрежденія, Николай Карловичъ не могъ думать брать на себя какую-нибудь обязательную службу.

Здоровья давно уже не хватало ему, а теперь и подавно! Но въ то время открыли такой просторъ общественной дѣятельности для каждаго, что Н. К. всегда могъ имѣть столько дѣла, сколько хотѣлъ, и сколько могъ взять: „жатва поспѣла—дѣятелей нѣтъ“. Открыты были училища, училищные съѣзды, училищные совѣты, земскія уѣздныя и губернскія собранія, съ ними ревизіонныя комиссіи, наконецъ, присутствія по крестьянскимъ дѣламъ—вездѣ, вездѣ принималъ онъ горячее и, по мѣрѣ своихъ силъ, дѣятельное участіе, въ качествѣ председателя или члена училищнаго совѣта, уѣзднаго и губернскаго гласнаго, почетнаго мироваго судьи, члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, члена попечительнаго совѣта и попечителя разныхъ учебныхъ заведеній. Фатежское земство никогда не отказывалось отъ его услугъ и ни въ чемъ не препятствовало его дѣятельности; къ сожалѣнію, его разбитое здоровье не позволяло Н. К. служить земству, какъ бы онъ желалъ! Онъ посѣщалъ училища, самъ часто давалъ уроки, экзаменовалъ, возился съ учителями, провѣрялъ ихъ, наставлялъ и помогалъ.

Онъ старался организовать въ училищныхъ совѣтахъ дѣло народнаго образованія, отстаивая его интересы въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Не пропустивъ, въ качествѣ гласнаго, за все время, ни одного ни уѣзднаго, ни губернскаго собранія, онъ являлся всегда постояннымъ и работающимъ членомъ ревизіонныхъ комиссій, и всегда, и при всѣхъ обстоятельствахъ прямо и откровенно выражалъ свое мнѣніе о дѣлахъ и людяхъ.

Въ качествѣ члена ревизіонной комиссіи въ губернскомъ земскомъ собраніи Н. К. потрудился еще надъ приведеніемъ въ порядокъ отчетности губернской управы. Онъ нашелъ остатки земскихъ сборовъ, не переведенные отъ старыхъ учрежденій и ста-

рыя недоимки, нигдѣ не числившіяся, и убѣдилъ губернское земское собраніе назначить ихъ на народное образованіе. Устроенная на эти деньги губернскимъ земскимъ собраніемъ учительская школа въ городѣ Курскѣ съ большимъ успѣхомъ, въ настоящее время, ведетъ свою дѣятельность на пользу всей губерніи, подъ руководствомъ искренно преданнаго дѣлу народнаго образованія директора Ивана Ивановича Шалфеева. Проводя принципъ взаимной помощи, онъ исходатайствовалъ у губернскаго земскаго собранія помощь голодающимъ самарцамъ. Сторонникъ и поборникъ реальнаго образованія, онъ возбуждалъ ходатайство о дарованіи правъ поступленія въ университетъ реальнымъ училищамъ. Искренно желая прогресса, путемъ мирныхъ реформъ, онъ возбуждалъ вопросъ о переселеніи крестьянъ изъ густо населенныхъ мѣстностей... вопросы эти еще и теперь стоятъ на очереди... Журналы губернскаго земскаго собранія свидѣтельствуютъ объ его горячемъ участіи, которое оживляя его, поглощало послѣдній остатокъ его силъ. Вотъ, между прочимъ, мнѣніе Н. К., высказанное въ губернскомъ земскомъ собраніи на представленный правительствомъ обсужденію губернскаго собранія проектъ министерства финансовъ о замѣнѣ подушной подати и другихъ подушныхъ сборовъ подворнымъ налогомъ и поземельною податью (журналы 6 очереднаго курскаго губернскаго земскаго собранія 17-го ноября по 2-е декабря 1870 г.).

Мнѣніе гласнаго Николая Карловича фонъ-Рутценъ: „Не отступая отъ мысли, высказанной мною въ прошедшемъ засѣданіи, что намъ не должно предрѣшать вопросовъ, которые должны быть рѣшены въ будущемъ экстраординарномъ собраніи, я думаю, господа, что есть одинъ вопросъ, къ которому мы должны приготовиться, чтобы въ предстоящихъ объ немъ сужденіяхъ внести должную трезвость. Вы вѣрно, господа, догадываетесь, что вопросъ этотъ есть вопросъ о томъ: есть ли возможность оставить всю тяжесть налоговъ на бѣднѣйшемъ классѣ населенія? Мнѣ могутъ сказать, что въ проектѣ нигдѣ буквально не предложенъ этотъ вопросъ. Неужели, господа, вы не видите, что предложенная вамъ реформа—есть одна изъ тѣхъ великихъ реформъ нашего времени, проведенная великимъ человѣкомъ? Невозможно допускать, чтобы правительство, предложившее обсуждать нашъ проектъ, забыло ту статью закона, по которой земство имѣетъ

право обсуждать лишь тѣ вопросы, которые касаются интересовъ всего земства, а не отдѣльныхъ сословій; по моему мнѣнію, ошибочно ограничивать эту реформу узкими рамками переложенія подушнаго налога на землю, принадлежащую тому же платящему сословію. Всѣмъ намъ извѣстно, что это частью исполняется теперь тамъ, гдѣ подати вносятся не по душамъ, а по тягламъ, исполнялось всегда при крѣпостномъ правѣ въ тѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ всегда обкладывалась не душа, а тягло. Замѣтьте еще, господа, что эта реформа производится тѣмъ же консервативнымъ способомъ, въ которомъ вы должны узнать пріемъ, употребляемый во всѣхъ русскихъ реформахъ нашего времени. Вы, конечно, замѣтили, что призваны судить объ этомъ дѣлѣ лишь члены уѣздныхъ управъ и губернскіе гласные. Не безъ намѣренія обойдены уѣздныя собранія. Правительство не желало возбуждать раздражительныхъ преній между гласными платящими и неплатящими. Между нами въ губернскомъ собраніи, только, кажется, одинъ гласный изъ крестьянскаго сословія, да и тотъ въ настоящее засѣданіе не пришелъ, но правительство знало, что есть, или нѣтъ между нами лично платящихъ гласныхъ, мы разрѣшимъ этотъ вопросъ, съ подобающею справедливостію, что мы не обманемъ ни довѣрія правительства, ни довѣрія нашихъ избирателей, и что мы здѣсь представляемъ не личные интересы, но интересы всего земства. Сомнѣніе въ этомъ было бы и оскорбительно для курскаго земства, еще такъ недавно единогласно постановившаго пожертвовать своему отечеству, въ случаѣ надобности, всѣмъ состояніемъ и жизнью! (По случаю возвращенія правъ Россіи на Черное море). Искренно это чувствуя, я вмѣстѣ съ тѣмъ сознаю, что и наши личные интересы совершенно совпадаютъ съ интересами земства! Господа! Я консерваторъ, консерваторъ по убѣжденію, консерваторъ и по положенію: я уже человѣкъ не молодой, имѣю весьма достаточное состояніе, имѣю дѣтей. Я вполнѣ заинтересованъ въ сохраненіи существующаго порядка, но не могу же я сознавать нормальнымъ то положеніе, когда за существующій порядокъ, за сохраненіе имущества платятъ страховую премію не тѣ, которые ими пользуются. Я предлагаю, господа, принявши на себя часть повинности, застраховать наши имущества, будущность нашихъ дѣтей. Облегчите тяжесть платящихъ сословій! Пусть необходимость эта созрѣваетъ

въ вашихъ сердцахъ въ теченіи того времени, которое намъ дано на обсужденіе этого вопроса; я убѣжденъ, господа, что ваше сердце и вашъ умъ выработаютъ рѣшеніе, достойное вашей чести и обезпечивающее будущность вашихъ дѣтей"!

IX.

Губернское земское собраніе оцѣнило въ Николаѣ Карловичѣ его безкорыстную службу обществу, почтивъ его память своимъ высокимъ вниманіемъ. Узнавъ о кончинѣ Николая Карловича, оно постановило 9-го декабря 1880 года:

1) учредить степендію имени Николая Карловича фонъ-Рутценъ для лучшаго воспитанника курской земской учительской школы, образовавъ для этого капиталъ въ 6,000 руб., съ тѣмъ, чтобы воспитанникъ имени Рутцена продолжалъ свое ученіе въ одномъ изъ учительскихъ институтовъ, безъ обязательности отслуживать земству;

2) помѣстить портретъ Николая Карловича въ залѣ учительской школы, которой онъ былъ однимъ изъ главныхъ основателей и состоялъ членомъ попечительнаго совѣта до послѣдняго времени;

3) отслужить въ присутствіи земскаго собранія панихиду по Николаѣ Карловичѣ въ учительской школѣ и

4) выразить его вдовѣ соболѣзнованіе курскаго земскаго губернскаго собранія письмомъ.

Живя послѣднее время почти постоянно въ деревнѣ, Николай Карловичъ интересовался очень и успѣхами сельскаго хозяйства, вводилъ разныя усовершенствованія въ обработкѣ и сѣво-оборотахъ, устраивалъ крахмальные заводы, любилъ очень садоводство. Но при этомъ онъ всегда старался „воевать съ природой", какъ онъ выражался, а съ людьми: считалъ каждую мѣрку картофеля, каждый возъ навоза — а заработанную плату повышалъ добровольно и добровольно уменьшалъ ренту земли.

Живя постоянно въ семьѣ своей, онъ живо интересовался воспитаніемъ и успѣхами дѣтей, желая словомъ и примѣромъ передать имъ все, что въ немъ было хорошаго. Онъ, между прочимъ, самъ училъ ихъ математикѣ, старшаго сына самъ приготовилъ въ общій классъ техническаго московскаго училища, съ старшей

дочерью прошелъ изъ математики весь курсъ мужской гимназіи; меньшимъ дѣтямъ тоже доставались его уроки и всѣмъ неисчерпаемыя, интересныя, оживленныя бесѣды, о которыхъ сохранится въ нихъ вѣчная память.

6-го декабря 1880 года, въ ночь, Николай Карловичъ скончался въ с. Покровскомъ, въ присутствіи всей своей семьи и нѣжнолюбимой имъ сестры Александры Карловны Татариновой. Своимъ духовнымъ завѣщаніемъ Николай Карловичъ уровнялъ части дочерей съ сыновьями и отдалъ шесть тысячъ рублей въ пользу слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, въ которыхъ видѣлъ въ высшей степени полезныхъ дѣятелей обществу.

А. Р—нъ.

6-е декабря 1881 г.
С. Покровское.

ЗАПИСКИ ИЛЬИ ВАСИЛЬЕВИЧА СЕЛИВАНОВА.

XII [1]).

Три замѣтныхъ личности.

Въ двадцатыхъ, а отчасти и въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, жили въ Москвѣ три личности, не говорю знаменитыхъ, но до того не похожія на другихъ, по своей дѣятельности, образу жизни или привычкамъ, что ихъ невозможно было не замѣтить, тѣмъ болѣе, что они представляли такую особенность русской жизни, какую въ Европѣ встрѣтить или вовсе невозможно,—или по крайней мѣрѣ встрѣтить можно очень рѣдко.

Личности эти: шутъ Иванъ Савельевичъ Сальниковъ; духовный полицiймейстеръ Даможировъ и помѣщикъ и домовладѣлецъ въ Москвѣ, Иванъ Александровичъ Левашовъ.

Иванъ Савельевичъ былъ послѣднимъ могиканомъ или представителемъ того поколѣнія шутовъ, которые составляли почти необходимую принадлежность всякаго богатаго барскаго дома или даже двора, въ старину. Когда я его видалъ, это былъ старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, державшiйся, впрочемъ, прямо и ходившiй въ чемъ-нибудь особенномъ, но далеко не шутовскомъ нарядѣ. Чаще всего я его встрѣчалъ въ бѣломъ суконномъ сюртукѣ съ висячимъ воротничкомъ, по тогдашней модѣ,—и чрезвычайно длинныхъ панталонахъ, лиловаго или сѣраго цвѣта, которые большими сборками доходили до полу, представляя его чѣмъ-то въ родѣ мохнатаго пѣтуха. Лѣтомъ я его встрѣчалъ въ черной пуховой шляпѣ съ большими полями и очень узкой тульей вверху, въ родѣ тѣхъ, какіе носили во Франціи во время большой революціи 1793 года, а съ этой шляпы висѣлъ большой пукъ, развивающихся по вѣтру, разноцвѣтныхъ атласныхъ лентъ. Онъ былъ принятъ во всѣхъ самыхъ аристократическихъ домахъ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXVIII, іюнь, стр. 286—316; іюль, стр. 477—484; августъ, стр. 725—752; томъ XXIX, декабрь, стр. 851—890. Изд. 1881 г. томъ XXXI, августъ, стр. 531—546.

Москвы и ему позволялось многое, о чемъ, конечно, теперь даже никто и думать бы не осмѣлился, и что, конечно, привело бы въ изумленіе всякаго непосвященнаго. Иногда у него были такія сальныя, даже и для тогдашняго времени, выходки, что теперь, когда мода на эти шутки прошла, теперь даже и повѣрить трудно, что ихъ допускали въ порядочномъ домѣ. Даже такая высоконравственная, хорошо образованная, безусловно строгая къ себѣ и другимъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, всѣми вполнѣ и достойно уважаемая дама, какъ княгиня Татьяна Васильевна Голицына, супруга генералъ-губернатора Дмитрія Владиміровича Голицына, не могла отрѣшиться отъ вліянія времени и обычаевъ, допускала съ собою такое обращеніе и не только тогда, когда кромѣ домашнихъ никого не было, но и даже при постороннихъ, позволяя себя называть просто Таничкой. Разсказывали мнѣ, что однажды, когда у князя были гости, и княгиня играла въ карты, а Иванъ Савельевичъ расхаживался по гостиннымъ, онъ вдругъ подошелъ къ ней, заглянулъ ей въ карты и сказалъ: „Ахъ Таничка, ma chère, какая къ тебѣ игра-то припендерила!“ Слово: ma chère была его обыкновенная поговорка, съ которой онъ обращался ко всѣмъ дамамъ и дѣвицамъ, называя этихъ послѣднихъ не по фамиліямъ, а по уменьшеннымъ именамъ. Такъ одной дѣвицѣ, очень знатной фамиліи, которая была извѣстна, какъ хорошая піанистка, онъ тоже въ большомъ обществѣ сказалъ:

— Ма́шинька, ma chère, поди сыграй на фортепихальцахъ-то!

Постояннымъ же предметомъ, и иногда даже очень неумѣстныхъ его насмѣшекъ, были сенаторы. Онъ говорилъ, какъ только въ Петербургѣ заведется дуракъ, его шлютъ тотчасъ въ Москву сенаторомъ. Надо сознаться, что иногда дѣйствительно бѣдные сенаторы доставляли достаточный матеріалъ для шутокъ.

Какъ извѣстно, въ старый сенатъ назначались, почти всегда, люди старые, долго послужившіе, ветхіе до того, что ихъ даже можно было назвать развалинами.

Пишущій эти строки, самъ въ 1829 году служилъ въ сенатѣ и можетъ многое разсказать объ этихъ, впрочемъ, достойныхъ всякаго уваженія старикахъ, которыхъ призывали судить иногда очень сложныя дѣла, тогда какъ имъ нуженъ былъ покой и отдыхъ: ибо бо́льшая часть изъ нихъ потеряли и слухъ, и память. Такъ одинъ изъ нихъ, еще первоприсутствующій, обѣщавшій утромъ того дня, когда должно было докладываться дѣло, одному

моему знакому Н. П. Ш., обратить на его дѣло особое вниманіе, по давнишнему знакомству, и даже взявшій, для памяти, докладную записку, не только все забылъ или не слыхалъ во время доклада,—но вновь подтвердилъ свое обѣщаніе—когда дѣло было уже доложено и проиграно.

Вотъ какъ это произошло:

Ш. сталъ ему говорить объ этомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ поступленія дѣла въ сенатъ, т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ и подалъ ему докладную записку. Такъ какъ онъ былъ съ нимъ знакомъ домами и встрѣчалъ его часто, то онъ и напоминалъ ему время отъ времени объ этомъ дѣлѣ и чтобъ старикъ не забылъ, подалъ ему въ продолженіи этого времени 6 или 7 докладныхъ записокъ. Старикъ всякій разъ увѣрялъ его, что дѣло его правое, такъ какъ онъ увѣренъ, что Ш—ъ и не затѣетъ неправаго дѣла и что онъ всѣ силы употребитъ, чтобъ рѣшить дѣло въ его пользу.

Въ день, назначенный для доклада, Ш—ъ, все-таки не очень довѣряя памяти своего старика, самъ поѣхалъ въ сенатъ, какъ для того, чтобъ напомнить еще разъ, да кстати и узнать чѣмъ дѣло рѣшено, и когда онъ вошелъ въ оберъ-секретарскую комнату, предшествующую присутствію, то увидѣлъ выходящаго изъ стеклянной двери сенаторской оберъ-секретаря, который, на вопросъ его, грустно отвѣчалъ, что дѣло его проиграно, что сенаторы, не исключая и первоприсутствующаго, всѣ были на сторонѣ его противника, и что онъ, какъ докладчикъ, сколько ни старался убѣдить ихъ, что они ошибаются, не могъ ничего сдѣлать.

Въ самый разгаръ этого разговора вышелъ изъ сенаторской нашъ первоприсутствующій, и когда Ш—ъ сталъ укорять его, что онъ забылъ о данномъ обѣщаніи помочь ему, старикъ, нисколько не смущаясь, самымъ одобряющимъ и успокоивающимъ образомъ сталъ увѣрять Ш—а, что онъ можетъ быть совершенно покоенъ; что онъ хорошо помнитъ о его дѣлѣ, и когда дѣло будетъ докладываться, всѣ силы употребитъ, чтобъ помочь ему.

— Да оно уже доложено, ваше высокопревосходительство! вскричалъ ошеломленный незадачею Ш—ъ.

— Какъ доложено? этого быть не можетъ! Я не слыхалъ его! отвѣчалъ озадаченный первоприсутствующій. И только свидѣтельство оберъ-секретаря могло убѣдить его, что дѣло доложено и проиграно.

41*

Другой, въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ, пять, шесть дней въ недѣлю постоянно ошибался дверью и вмѣсто того, чтобъ повернуть изъ передней на лѣво въ секретарскую и затѣмъ въ сенаторскую, повертывалъ на право въ канцелярію. Дойдетъ бывало до середины комнаты, оглядится, плюнетъ, а затѣмъ поплетется назадъ. А какіе казусы происходили по пятницамъ въ общемъ собраніи—и разсказывать грустно. Бывало чиновники канцеляріи общаго собранія зовутъ къ себѣ знакомыхъ изъ департаментовъ смотрѣть на потѣху, тѣмъ болѣе, что въ старомъ сенатѣ изъ канцеляріи въ секретарскую и изъ секретарской въ сенаторскую или присутствіе были стеклянныя двери и, слѣдовательно, было можно изъ канцеляріи не только видѣть, но даже слышать все, что происходило въ присутствіи. Но я бы не кончилъ, еслибъ захотѣлъ разсказывать всѣ анекдоты, которые ходили въ городѣ объ этихъ несчастныхъ старикахъ, виноватыхъ только тѣмъ, что, потерявъ на службѣ отечеству и здоровье, и способности, они снова были призваны на такое дѣло, къ которому они не готовились и которое они приняли, чтобъ не умереть на старости съ голоду.

Что продѣлывали оберъ-секретари съ этими стариками, даже обидно было видѣть. Да и между собой они ссорились иногда такъ забавно, что невозможно было бы иногда воздержаться отъ смѣха, еслибы не было такъ грустно при мысли, что отъ этихъ когда-то дѣятельныхъ, способныхъ и вполнѣ полезныхъ людей, впавшихъ теперь въ младенчество, зависитъ судьба не только достоянія, но и чести и добраго имени людей, имѣвшихъ несчастіе судиться въ сенатѣ. Большимъ счастіемъ для тяжущихся или подсудимыхъ было если оберъ-прокуроръ занимался дѣломъ какъ надо. А то были такіе оберъ-прокуроры, что пропускали опредѣленія къ исполненію два раза въ годъ, разомъ по нѣскольку сотъ и болѣе, къ первому іюню и къ первому январю, что и было причиною, что дѣла тянулись по нѣскольку лѣтъ и бѣдные подсудимые сидѣли годы въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія.

Я, напримѣръ, знаю одно дѣло, ожидавшее рѣшенія въ сенатѣ девять лѣтъ. Хорошо, что подсудимые по этому дѣлу, увѣренные, что ихъ ожидаетъ Сибирь, не очень желали скорѣйшаго окончанія.

А какія были рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ, право, ихъ, по пословицѣ: не хитрому уму не выдумать и въ вѣкъ. Знаю

одно такое, потому что бывши уѣзднымъ судьею и мнѣ пришлось приводить его въ исполненіе. Дѣло это было о землѣ между Гавриловымъ и Жулебинымъ, принадлежность которой обѣ стороны доказывали крѣпостными актами. Дѣло производилось много лѣтъ, три раза доходило до сената и три раза было обращаемо въ нижнюю инстанцію для дополненія. Это было уже въ четвертый разъ, что оно дошло до сената.

Вотъ это знаменитое рѣшеніе.

„По вопросу о томъ: кому должна принадлежать горная земля: Гаврилову или Жулебину и обращаясь къ узаконеніямъ, сенатъ находитъ, что недавно послѣдовалъ законъ о спеціальномъ размежеваніи, а потому опредѣляетъ: предписать, кому слѣдуетъ, велѣть кому нужно разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи существующихъ узаконеній“. Гражданская палата, въ которую послѣдовалъ такой указъ сената, навела на справку, что дѣло производилось въ такомъ-то уѣздномъ судѣ и приказано этому суду въ точности исполнить указъ сената.

Послѣ того, что сказано выше, всякій пойметъ, что лица, рѣшавшія дѣла, были не сенаторы, а оберъ-секретари, особливо если они умѣли сколько-нибудь говорить и были любимы стариками. Да и гдѣ же была у стариковъ какая возможность просматривать дѣла стараго производства? Чтобъ не потеряться въ этомъ морѣ бумагъ, надо было имѣть крѣпкую, да и крѣпкую голову; для образчика приведу примѣръ.

Когда я опредѣлился въ сенатъ въ 1827 году, я засталъ тамъ цѣлое отдѣленіе, состоящее изъ оберъ-секретарей, секретарей, столоначальниковъ и писцовъ, всего человѣкъ пятнадцать, образованное для одного дѣла. Отдѣленіе это существовало года два или три и занималось составленіемъ записки изъ дѣла. Дѣло это, такъ называемое Лисичкинское, состояло изъ трехсотъ шестидесяти пяти тысячъ листовъ, а краткая записка, изъ него составленная, заключала 10,000 листовъ.

Кончилось ли дѣло это, начавшееся по доносу Лисичкина о злоупотребленіяхъ по питейнымъ откупамъ, и чѣмъ оно кончилось—не знаю. Слышалъ только, что оно отправлено было въ Петербургъ и на пути пропало безслѣдно, кажется, сгорѣло вмѣстѣ съ постоялымъ дворомъ, въ которомъ остановились подводы, его везшія.

Такое исчезновеніе дѣлъ во время пути было въ тогдашнее

время не рѣдкость: я знаю еще одинъ случай, въ которомъ обозъ съ чаемъ, шедшій изъ Москвы въ Рязань, на пути въ Зарайскомъ уѣздѣ пропалъ безъ вѣсти, вмѣстѣ съ везшими его людьми и лошадьми. Сколько не было слѣдствій, всѣ онѣ кончились ни чѣмъ.

Не всѣ, впрочемъ, сенаторы были старые и ветхіе, были даже и такіе, которые при всѣхъ многочисленныхъ занятіяхъ своихъ не отказывались отъ служенія музамъ, какъ говорилось въ старину. Мнѣ случайно досталось одно стихотвореніе, написанное, если не ошибаюсь, первоприсутствующимъ въ одномъ изъ гражданскихъ департаментовъ сената, П. И. О—мъ, и обращенное къ его товарищу—другому сенатору Б—у, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ коммиссіи строеній въ Москвѣ, что нынѣ называется строительное отдѣленіе при губернскомъ правленіи или думѣ.

Вотъ это стихотвореніе:

Сенаторъ и совѣтникъ тайный,
Строеній главный президентъ,
Тебѣ готовъ поставить монументъ,
Когда поможешь мнѣ въ бѣдѣ моей ты крайней.
По Божіей милости, по царской власти,
Имѣю домъ въ Москвѣ, Арбатской части;
Хочу построить и конюшню и чуланъ,
Не прикажи меня томить,
И выдай поскорѣе планъ.

Вспоминая все это, вполнѣ должно смотрѣть на судебную реформу, уничтожившую старые суды, какъ на истинное благодѣяніе. Оберъ-секретари, истинные рѣшители дѣлъ, наживали огромные деньги. Одинъ изъ такихъ, бывшій оберъ-секретаремъ въ одномъ изъ гражданскихъ департаментовъ московскаго сената, У—въ, сватался за мою родственницу и въ числѣ выгодъ, доставляемыхъ его сватовствомъ, не таясь говорилъ, что оберъ-секретарь получаетъ не менѣе 25 тысячъ (асс.) дохода въ годъ.

А въ уголовномъ процессѣ — были другіе фортели. Ужь не говорю о томъ, что при неимѣніи не только свода, но даже простаго собранія законовъ, уголовныя палаты приводили въ своихъ рѣшеніяхъ такіе законы, которые никогда издаваемы не были; особенно отличалась въ этомъ случаѣ рязанская палата. Она наставитъ столько указовъ, что надо только дивиться ея изобрѣтательности;—мало этого: приводитъ самый текстъ указа, котораго никогда не существовало—и приходится вѣрить ей на-слово, по-

тому что повѣрить справедливость ея указаній или изобличить ее во лжи,—нечѣмъ. Существовалъ, кажется, только одинъ указатель, помнится Горѣшкина, но и тотъ былъ такъ несовершененъ, такъ не полонъ—что имъ руководствоваться было нельзя. Высочайшіе указы, по полученіи, подшивались одинъ подъ другой и изъ этого къ концу года составлялась книжища страшной толщины, въ которой, чтобъ отыскать что нибудь, надо было перелистывать всю книжищу отъ перваго листа до послѣдняго. А какъ такихъ книжищъ, чтобъ найти что нибудь, надо было пересмотрѣть цѣлые десятки,—то право откажешься отъ всякой повѣрки, махнешь рукой и скажешь: вѣроятно вѣрно, ежели написано.

Не могу воздержаться, чтобъ не разсказать одного случая, который произошелъ въ томъ столѣ, въ которомъ я сидѣлъ для засѣданій.

Поступило изъ рязанской уголовной палаты дѣло о засѣченномъ помѣщикомъ С—мъ своемъ дворовомъ человѣкѣ. Не довольствуясь тѣмъ, что этого несчастнаго сѣкли по приказанію Стерлигова, баринъ вскочилъ ему съ сапогами на спину во время сѣченія, и топталъ его каблуками, отъ чего тотъ и умеръ. Когда дѣло поступило,—я его видѣлъ,—оно состояло по крайней мѣрѣ изъ 120 или 150 листовъ. Вмѣстѣ съ дѣломъ пріѣхалъ въ Москву сынъ С—а, конно-піонеръ, въ черной шапочкѣ, потому что вслѣдствіе удара саблей, голова у него была трепанирована. Пріѣхавши, онъ разумѣется повидался и съ столоначальникомъ, и секретаремъ. Вслѣдствіе этого свиданія столоначальникъ на другой день объявилъ намъ, его помощникамъ, что онъ чувствуетъ себя что-то нездоровымъ и чтобъ не лежать дома даромъ, возьметъ С—говское дѣло съ собою на домъ, размѣтитъ его для написанія записки изъ дѣла и пришлетъ завтра, а меня, какъ старшаго помощника, просилъ распорядиться раздѣлить дѣло по рукамъ и писать скорѣе. Когда на другой день онъ выслалъ дѣло—я увидалъ, что оно страшно похудѣло: изъ 120 или 150 листовъ въ немъ осталось не болѣе 75 или 80. Да и не мудрено: всѣ показанія свидѣтелей, обвиняющихъ С—а, были изъ дѣла вырѣзаны и вслѣдствіе этого С—ъ, конечно, былъ оправданъ и рѣшеніе уголовной палаты, которое, помнится, обвиняло его—было Сенатомъ отмѣнено,—и къ концу года для того, чтобъ въ годовомъ отчетѣ значилось менѣе не рѣшенныхъ дѣлъ, такъ какъ написать опредѣленія по всѣмъ рѣшеннымъ дѣламъ было некогда, писались одинъ

только верхній листъ, да послѣдній, который должны были подписать сенаторы, по карандашу,—въ середину же вкладывали бѣлую бумагу, — иногда полстопы, и старички подписывали, не подозрѣвая какъ грубо ихъ обманываютъ.

Возвращаюсь къ шуту Савельичу.

Иванъ Савельевичъ, какъ говорили тогда, былъ крѣпостнымъ человѣкомъ, кажется, князя Г—а; былъ отпущенъ на волю, и пріобрѣлъ состояніе или отъ своего помѣщика или отъ другаго, одной съ нимъ фамиліи, слѣдующимъ очень оригинальнымъ образомъ.

Побился онъ объ закладъ на двухъ этажный каменный домъ, что за однимъ проходомъ, произведетъ извѣстный звукъ сто разъ сряду. Какъ ни казалось это странно, но тѣмъ не менѣе справедливо, что онъ честно выигралъ пари и получилъ домъ, который и оставилъ въ наслѣдство своему сыну. Сына этого я зналъ пробирнымъ ученикомъ, когда служилъ въ горномъ правленіи.

Даможивовъ назывался духовнымъ полиціймейстеромъ, потому что постоянно присутствовалъ при всѣхъ архіерейскихъ служеніяхъ и въ соборѣ распоряжался всѣмъ, какъ у себя дома; даже разводилъ по мѣстамъ тѣхъ изъ духовенства, которые не знали гдѣ стоять въ извѣстныя минуты богослуженія. Ужъ о молящихся и говорить нечего! Онъ нисколько не затруднялся толкать ихъ и иногда очень не церемонно, особливо когда надо было очистить дорогу для митрополита или служащаго архіерея, во время крестныхъ ходовъ. Надо думать, что онъ когда-то служилъ въ военной службѣ, потому что держался прямо и носилъ что-то въ родѣ казакина, голубаго цвѣта, сѣрые рейтузы и саблю на боку, а назади болталась у него напудренная коса съ бантикомъ изъ черной ленты. Былъ ли это мундиръ его прежняго служенія или самимъ сочиненный фантастическій костюмъ, этого не могу сказать.

Шагалъ онъ и распоряжался такъ увѣренно, что никому, какъ видно даже, и въ голову не приходило сомнѣваться въ его правѣ. Въ соборѣ или въ приходахъ, гдѣ служилъ митрополитъ, онъ хозяйничалъ какъ у себя дома, и всѣ: и духовенство, и молящіеся подчинялись его распоряженіямъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока или пятидесяти, не болѣе. Даже городская полиція какъ будто признавала его авторитетъ: ибо не было слышно, чтобы она когда нибудь вошла съ нимъ въ пререканія относи-

тельно требуемаго имъ порядка. Что касается до духовенства, тѣмъ болѣе новички, такъ тѣ просто обращались къ нему за указаніями, что̀ и какъ дѣлать, особливо когда собирались въ процессію, во время которой онъ шелъ всегда впереди, раздвигая народъ, чтобы онъ не могъ загородить процессіи дорогу или затруднить ея шествія.

Левашевъ, Иванъ Александровичъ, былъ, какъ сказано, помѣщикъ, владѣлецъ двухъ тысячъ душъ и дома въ Москвѣ, въ переулкѣ на Воздвиженкѣ. Его считали богатымъ человѣкомъ, потому что у него раза два или три въ зиму бывали балы, на которые собиралось большое количество московскаго общества и попасть туда считалось даже почетнымъ. Это былъ худощавый старичокъ, очень образованный, чрезвычайно приличный, весьма привѣтливый и любезный, котораго знали всѣ, болѣе всего по его странной привычкѣ спать вездѣ, только не дома: на балахъ, маскарадахъ, простыхъ вечерахъ, даже въ театрѣ; встрѣтить его можно было всюду и непремѣнно спящимъ. Говорили, что въ молодости онъ былъ въ Парижѣ, и тамъ знаменитая Ленорманъ предсказала ему, что онъ умретъ въ постелѣ. Поэтому то онъ и не ложился никогда въ постель, а вмѣсто этого старался быть всегда на народѣ и спать не въ постелѣ, а гдѣ нибудь сидя въ креслахъ. Понятно, онъ могъ бы спать, сидя въ креслахъ, и дома, но вѣроятно онъ боялся смерти и старался быть всегда на людяхъ и вѣроятно по ночамъ онъ не спалъ вовсе.

Я зналъ еще одного такого господина Г. В. Т—а, который не спалъ всю ночь, а ложился только тогда, когда всѣ встаютъ. Чтобы не дремать ночью, онъ держалъ у себя въ спальной кого нибудь изъ прислугъ своихъ крѣпостныхъ, и они должны были стоять передъ нимъ всю ночь на ногахъ: такъ какъ передъ бариномъ сидѣть неприлично. Это правда, что онъ ихъ мѣнялъ, призывая по очереди, то одного, то другаго, только бы не оставаться одному. Разсказывали, что онъ дѣлалъ это отъ страху, а причиною этого страха была кровавая исторія, въ которой онъ, бывши еще молодымъ человѣкомъ, принималъ участіе: разсказывали, что отецъ его былъ убитъ своею женою въ обществѣ съ французомъ, учителемъ, съ которымъ она была въ нѣжныхъ отношеніяхъ, такъ что впослѣдствіи вышла за него замужъ. Это случилось тогда, когда дѣти были еще молоды; когда же они выросли и возмужали,

то отплатили непрошенному вотчиму тѣмъ же, т. е. отправили его въ Елисейскіе. Правда ли это—не знаю, знаю только, что всѣ четыре брата, участвовавшіе въ событіи, были какіе-то странные, лобызались другъ съ другомъ самымъ нѣжнымъ образомъ, цѣловали даже другъ у друга руки или въ плечико, а между тѣмъ постоянно судились, такъ что даже не могли раздѣлиться. Когда я былъ уѣзднымъ судьею, они предлагали мнѣ двѣсти пятьдесятъ десятинъ отличной черноземной земли, или двадцать пять тысячъ рублей денегъ, только бы я раздѣлилъ ихъ. Они не могли между собою сговориться даже въ самыхъ мелочахъ. Не утверждаю справедливости этого, хоть и говорили мнѣ за вѣрное, что деревянный двухъ этажный отцовскій домъ они распилили на трое, такъ какъ не могли устроиться такъ, чтобы онъ достался въ однѣ руки. Даже дѣти старшаго, о которомъ я началъ говорить, были какіе-то странные. Одинъ, уже женатый, живя въ деревнѣ, вмѣсто занятія приказывалъ зашивать себя въ медвѣжью шкуру и на четверенькахъ ходилъ по двору. Дворныя собаки, разумѣется, бросались на него и рвали сколько могли и это доставляло ему удовольствіе. Съ женой, на которой онъ женился по любви, влюбившись въ нее въ театрѣ, гдѣ онъ, видавши ее только одинъ разъ, отправился со сватовствомъ, онъ ссорился двадцать разъ на дню и двадцать разъ мирился. И это не дома только, но и въ гостяхъ, дѣлавшихся такимъ образомъ невольными свидѣтелями его семейной жизни, потому что ссоры, происходившія большею частію отъ его ревности къ кому только можно, сопровождались или приличными упреками, или приличными лобызаніями съ испрашиваніемъ на колѣняхъ прощенія и всякою подобною обстановкою, иногда до такой степени приторною, что дѣлалось гадко. Батюшка его имѣлъ множество тяжебъ—кромѣ братьевъ, еще и съ сосѣдями, а потому постоянно леталъ въ Петербургскій Сенатъ, гдѣ дѣла эти производились. Все это было далеко прежде устройства желѣзныхъ дорогъ, что и давало ему поводъ говорить, что онъ живетъ не въ домѣ, а въ кибиткѣ, такъ какъ въ этихъ поѣздкахъ онъ проводилъ бо̀льшую половину года.

Имѣлъ онъ до нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ, разбросанныхъ по разнымъ деревнямъ въ двухъ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ Россіи.

— Пріѣду бывало въ деревню, — говорилъ онъ, — и высѣку старосту.

— За что вы его высѣчете,—спрашиваю его,—неужели всякій изъ нихъ непремѣнно виноватъ въ чемъ нибудь?

— Ну, на этотъ разъ можетъ быть и не виноватъ, но ужъ навѣрно мошенничалъ въ мое отсутствіе. Пусть зачтетъ это на будущее время.

Кромѣ странности не спать по ночамъ дома, а спать днемъ всюду, гдѣ попало, у Левашова была еще другая странность: ѣздить по всѣмъ похоронамъ, какіе случалось только ему узнавать: богатые ли, бѣдные—это все равно. Онъ входилъ въ церковь, стоялъ при отпѣваніи, шелъ затѣмъ въ домъ покойнаго, отвѣдывалъ кутьи и потомъ провожалъ покойника до послѣдняго жилища. Я сказалъ выше, что Иванъ Александровичъ не разбиралъ кто былъ покойникъ: былъ ли это какой нибудь мастеровой или аристократъ; ему все равно, онъ провожалъ людей, которыхъ не только никогда не зналъ, но о которыхъ никогда даже не слыхивалъ. Для чего онъ это дѣлалъ, это была его тайна, которую онъ унесъ съ собой въ могилу. Было ли это постоянное memento mori чтобы поддерживать въ себѣ христіанское смиреніе, или другое что—не знаю; не могли же ему въ самомъ дѣлѣ нравиться плачъ и вопли надъ покойникомъ, и это каждодневно. Значитъ, была другая какая нибудь побудительная внутренняя причина, которая осталась неизвѣстной.

Многіе думали, и это всего вѣроятнѣе, что присутствіе на похоронахъ было новымъ средствомъ помогать бѣднымъ и именно въ такія минуты, когда помощь всего необходимѣе—такъ какъ при тѣсномъ помѣщеніи у мастеровыхъ держать мертваго негдѣ, а похоронить не на что.

XIII.

Старинная генеалогическая картина.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, отецъ мой, жившій въ своей усадьбѣ, Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда, сельцѣ Любавѣ, нашелъ у себя на чердакѣ, не замѣчаемый имъ прежде, и на половину зарытый въ разный хламъ,—большой кусокъ полотна. Это его удивило, такъ какъ на чердакъ этотъ ходилъ онъ часто по поводу лекарственныхъ травъ, тамъ сушившихся, и другимъ ходить туда не было возможности: ибо ходъ на чердакъ былъ изъ его комнаты, въ которой онъ находился постоянно. Эти соображенія заставили его думать, что этотъ кусокъ холста лежитъ

очень давно, тѣмъ болѣе, что онъ былъ весь въ грязи и заваленъ глубоко въ пыли и всякомъ хламѣ. Отрывши его, онъ къ удивленію увидѣлъ на немъ слѣды какого-то рисунка. Когда же его вымыли, оказалось, что это картина, гравированная (?) на полотнѣ, аршинъ трехъ длиною и аршина въ два съ половиной вышиною, изображавшая въ верхней половинѣ Бога Саваоѳа на облакахъ, а нѣсколько пониже Его—сонмъ святыхъ, изъ которыхъ я особенно помню Андрея Первозваннаго, такъ какъ тутъ же изображенъ былъ и крестъ, на которомъ онъ былъ распятъ. Изъ облаковъ, на которыхъ возсѣдали угодники, исходили громы и молніи, теряющіеся въ пространствѣ. Въ нижней части картины, на землѣ лежалъ человѣкъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ, т. е. латахъ и шлемѣ и у него изъ живота росли два масличныхъ дерева, раздѣляющіяся по обѣимъ сторонамъ картины, такъ что средина была открыта и на ней изображено взятіе войсками укрѣпленныхъ городовъ, ряды воиновъ и клубы дыма. Подъ рыцаремъ въ латахъ надпись: Видевито кроль или король Борусскій,. а на масличныхъ деревьяхъ висѣли медаліоны, съ изображеніемъ въ нихъ человѣческихъ поясныхъ фигуръ, съ надписями различныхъ именъ съ фамиліей Шереметьевыхъ; — впрочемъ не всѣ медаліоны были съ изображеніемъ Шереметьевыхъ, были на нихъ посторонніе лица: нѣкоторыя носили даже очень странныя и непонятныя названія, такъ напримѣръ, изображена была женская фигура, и подъ ней надпись „Кобила“.

Когда я пріѣхалъ на лѣто къ отцу въ деревню, онъ по просьбѣ моей подарилъ мнѣ эту картину, такъ какъ я имѣлъ въ виду пожертвовать ее въ музей, какъ историческую рѣдкость. Пріѣхавши въ Москву, я отвезъ ее показать моему пріятелю Николаю Семеновичу Селивановскому, который упросилъ меня оставить ее у него на нѣкоторое время, что я и сдѣлалъ. Долго была она у него, года два. Когда я ее спрашивалъ, онъ всегда упрашивалъ меня оставить картину ему еще на нѣкоторое время. А затѣмъ, заболѣлъ и умеръ; исчезла и моя картина; вѣроятно Селивановскій или пожертвовалъ ее куда нибудь въ музей или отдалъ Шереметьевымъ.

Не помню, кто-то говорилъ мнѣ, что подобная картина была поднесена Шереметьеву Петромъ Могилой и что бывшая у меня есть, вѣроятно, копія съ нея.

И. В. Селивановъ.

Москва. 30-го ноября 1880 г.

ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ СОКОЛОВЪ,

основатель портретной акварельной живописи въ Россіи

1787—1848.

I.

Вѣроятно многіе изъ старожилъ Петербурга и Москвы помнятъ акварельнаго портретиста Петра Ѳедоровича Соколова. Его извѣстность, какъ художника, еще долго не исчезнетъ въ средѣ людей, понимающихъ и любящихъ искусство; но такъ какъ недолговѣчность произведеній, писанныхъ акварельными красками тогo времени, грозитъ въ будущемъ изгладить одну изъ привлекательнѣйшихъ ея сторонъ—колоритъ, а поколѣніе его современниковъ рѣдѣетъ съ каждымъ годомъ и скоро сойдетъ все въ могилу, то нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ художникѣ, съ цѣлью упрочить за нимъ достойное мѣсто въ исторіи русской живописи, мнѣ кажется, будутъ вполнѣ умѣстны и своевременны.

Не всякому, конечно, извѣстно, что П. Ѳ. Соколовъ, такъ сказать, создатель акварельной живописи на бумагѣ. Русское общество, по какому то странному небреженію ко всему туземному, проглядываетъ въ своей жизни такія явленія, изъ которыхъ французы или нѣмцы создали бы весьма видное мѣсто въ своемъ формулярномъ спискѣ заслугъ, оказанныхъ человѣчеству. Мы же какъ-то не довѣряемъ сами себѣ, и если въ натурѣ русскаго трудоваго человѣка отсутствуетъ всякая заносчивость и самомнѣніе, то въ націи замѣчается настолько же равнодушія къ проявленіямъ своей самобытности и талантливости. По крайней мѣрѣ, я могу отнести все

сказанное къ первой половинѣ текущаго столѣтія, т. е. къ такому періоду младенчества нашей печати, когда напрасно было бы искать въ ней какой либо отзывчивости и къ болѣе крупнымъ явленіямъ общественной жизни.

Надо оговориться, что акварельныя краски до П. Ѳ. Соколова употреблялись не иначе, какъ бо̀льшая часть изъ нихъ —съ бѣлилами при работѣ на слоновой кости (miniature) и исключительно съ бѣлилами на бумагѣ (gouache). Безъ примѣси же корпусныхъ красокъ на̀чалъ первымъ работать мой отецъ и довелъ колоритъ въ этомъ жанрѣ до замѣчательной степени совершенства и особой прелести. Позднѣйшіе его послѣдователи—Гау, Шрейнцеръ и др., не обладавшіе при этомъ строгостью рисунка, которой отличались работы Петра Ѳедоровича, не могли усвоить той правдивости и свѣжести колорита, тѣхъ замѣчательно мягкихъ переходовъ изъ свѣтовыхъ частей къ полутонамъ и глубокимъ тѣнямъ, которыя составляли главную прелесть этого жанра и вмѣстѣ его трудность.

Мнѣ, какъ сыну, нерѣдко слѣдившему за техническими пріемами работы отца, извѣстно, что къ смывкамъ, притираньямъ, сглаживаньямъ или какимъ нибудь средствамъ внѣ пріемовъ чисто живописныхъ, онъ никогда не прибѣгалъ. Съ замѣчательной смѣлостью правдивый тонъ лица, платья, кружева аксессуара или фона ложился сразу, почти въ полную силу и детализировался смѣшанными, преимущественно сѣроватыми тонами, съ замѣчательною прелестью и вкусомъ, такъ что ходъ кисти, ея удары, спусканье краски на „нѣтъ“, оставались на виду, не мѣшая полной законченности всѣхъ частей. Отъ этого въ роботахъ его никогда не было замѣтно никакой замученности и труда; все выходило свѣжо, легко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рельефно и эффектно въ красках. Работалъ онъ быстро и хотя позднѣйшіе его портреты отличались большою силою и законченностью, но краткость времени, потраченнаго на нихъ, изумляла всѣхъ, близко слѣдившихъ за его трудами. Любимыми моими портретами работы отца были именно тѣ, которые дѣлались въ одинъ сеансъ и почти въ одно утро. Особенной правдивостью и реальностью отличались именно эти работы и, конечно, еслибы не вынужденная необходимость для каждаго художника подчиняться извѣстнымъ требованіямъ общества и времени, реальность была бы самой выдающеюся чертой его таланта, еще задолго до господства этого направленія въ

современной портретной живописи. Въ эпоху его первыхъ начинаній, т. е. около семидесяти лѣтъ тому назадъ, вліяніе такихъ портретистовъ, какъ Лампе, Лауренсъ, Боровиковскій, Левицкій, было слишкомъ сильно и необоримо, чтобы до извѣстной степени не подчинить своимъ формамъ молодой развивающійся талантъ. Всѣ капитальнѣйшія достоинства этихъ мастеровъ непосредственно отразились въ его первыхъ акварельныхъ работахъ, не путемъ простой подражательности или погони за эффектами масляной живописи, но въ особомъ изяществѣ линій, мягкости контуровъ, переливѣ тоновъ и той граціи во всемъ, которой отличались живописцы XVIII столѣтія. Не смотря на малые, почти миніатюрные, размѣры портретовъ, они заключали въ себѣ столько законченности и картинности, что нимало не потеряли бы отъ увеличенія до натуральныхъ размѣровъ, если соотвѣтственно поднять и силу колорита до силы масляныхъ красокъ.

Возвращаясь къ техникѣ его жанра, къ несчастію уже совсѣмъ исчезающаго, я долженъ упомянуть, что хотя бо̀льшею частію онъ писалъ на англійской бумагѣ, называемой бристольской, (съ гладкою поверхностью которой онъ обращался съ необыкновеннымъ умѣньемъ), не рѣдко однако же предпочиталъ довольно шероховатый ватманъ, въ особенности для мужскихъ портретовъ. Я помню нѣсколько такихъ портретовъ, написанныхъ имъ на бумагѣ слабаго кофейнаго цвѣта, придававшаго необыкновенно пріятный тонъ всей картинѣ. Только въ этихъ случаяхъ онъ позволялъ себѣ употреблять одинъ или два мазка бѣлилами на самыхъ выдающихся блестящихъ мѣстахъ, напр. на бѣльѣ, и за то какъ выдвигали всѣ прелести красокъ эти ловко и правдиво намѣченные мазки. Всѣ свѣтовые эффекты вызывались имъ обыкновенно неприкосновенной бѣлизной бумаги, и только тотъ оцѣнитъ по достоинству истинное мастерство акварелиста, кто самъ потрудился, хотя бы копируя, изобразить столь модное въ то время убранство дамскихъ нарядовъ блондами и кружевами, не прибѣгая къ смывкамъ и бѣлиламъ. Въ передачѣ этихъ аксессуаровъ Петръ Ѳедоровичъ достигъ полнаго совершенства: перепутанность кружевнаго рисунка въ безконечномъ разнообразіи складокъ передавалась имъ съ фотографическою вѣрностью, но, конечно, не такъ безжизненно и сухо; передавалась, казалось, такъ просто и съ такой легкостью..... а сколько нужно было таланта и умѣнья, чтобы сдѣлать трудное и сложное — легкимъ и простымъ.

II.

Жизнь Петра Ѳедоровича не была обильна событіями.

Трудъ и непеременжающаяся работа наполняли всецѣло его существованіе.

Онъ родился въ 1787 г., въ Москвѣ, и, вскорѣ за появленіемъ его на свѣтъ, умеръ его отецъ; мать же вступила во второй бракъ за нѣкоего фонъ-Гильднера. Періодъ времени до выхода его изъ академіи художествъ, въ 1810 году, совершенно неизвѣстенъ. Изъ нѣкоторыхъ семейныхъ преданій достовѣрно только, что онъ былъ нелюбимый сынъ у матери и объ образованіи его хлопотали очень мало. При поступленіи же его въ академію — тогда еще закрытое заведеніе съ опредѣленнымъ курсомъ наукъ— принималъ въ немъ участіе сенаторъ Пещуровъ. Изъ нѣкоторыхъ, часто юмористическихъ, разсказовъ отца, уцѣлѣвшихъ въ моей памяти, можно заключить, что пребываніе въ академіи не могло оставить въ немъ сладкихъ воспоминаній: пища была грубая, форменная одежда дѣлалась новая только для выпускныхъ студентовъ; все же рванное и истасканное донашивалось низшими классами, приходя въ совершенно безформенное состояніе; теплой выходной одежды часто совсѣмъ не было, вслѣдствіе чего отецъ мой поплатился тяжелою болѣзнью въ стѣнахъ заведенія. Традиціонныя грубыя отношенія профессоровъ къ ученикамъ не исчезли и до сего времени; можно себѣ представить, каковы онѣ были въ то время. Тѣмъ не менѣе, въ 1809 г., онъ былъ награжденъ второю золотою медалью за представленную имъ програму на заданную тему „Андромаха оплакиваетъ убитаго Гектора". Программа эта до сихъ поръ находится въ одной изъ залъ академіи художествъ. Въ слѣдующемъ, 1810 г., онъ оставилъ академію, не получивъ первой золотой медали, дающей право на поѣздку за границу на казенный счетъ.

Изъ разсказовъ отца, подтверждающихъ предположеніе о небрежномъ отношеніи къ нему матери, я удержалъ въ памяти описаніе крайне фантастическаго наряда съ нѣкоторыми даже женскими принадлежностями, въ которомъ онъ долженъ былъ оставить академію по окончаніи курса и начать жизнь внѣ ея стѣнъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ разсказахъ этихъ,

по крайне добродушному и веселому характеру отца, не проглядывало ни малѣйшаго ожесточенія къ памяти его матери, впослѣствіи нашедшей подъ его кровомъ, вмѣстѣ съ вотчимомъ и его родителями, сыновнюю любовь и уваженіе, въ которыхъ такъ нуждается старость, какъ бы мало правъ она на нихъ ни имѣла.

О первыхъ его дебютахъ въ жизни остались отрывочно въ моей памяти только нѣкоторые, всегда юмористическіе, эпизоды, не дающіе понятія ни о матеріальномъ, ни о психическомъ его въ то время состояніи. Помню только, что бѣдствія его продолжались не долго, что случай помогъ ему устроиться въ какомъ то семейномъ домѣ, съ цѣлью приготовленія мальчика сына въ академію, и что чрезъ это семейство онъ имѣлъ первые заказы, а слѣдовательно, и первыя средства къ удовлетворенію своихъ юношескихъ потребностей. Театръ онъ любилъ безгранично и прелестно цитировалъ стихи Озерова, подражая знаменитому въ то время актеру Яковлеву. Не знаю, какія серьезныя причины помѣшали ему продолжать свое художественное образованіе на поприщѣ исторической живописи. Вѣроятнѣе всего, что первыя удачныя попытки въ акварельномъ жанрѣ и нѣкоторая матеріальная оттого выгода увлекли настолько молодаго человѣка, что возобновленіе какихъ бы то ни было отношеній къ академическому начальству донельзя ему претили и заставляли откладывать попытки въ этомъ смыслѣ съ году на годъ, пока, наконецъ, женитьба, въ 1820 году, не унесла послѣднія надежды на Римъ и Италію.

Онъ женился на Юліи Павловнѣ Брюлло, родной сестрѣ Карла и Александра Брюлловыхъ, до конца жизни сохранившихъ къ нему дружеское и родственное расположеніе. Сохранился портретъ моего отца, рисованный въ 1833 г., Иваномъ Павловичемъ Брюлловымъ, умершимъ на 19 году жизни и едва ли ни самымъ талантливымъ изъ всего этого даровитаго семейства.

Отецъ моей матери, Павелъ Ивановичъ Брюлло, хотя французскаго происхожденія, но нѣмецъ и пуританинъ по характеру, не смотря на нѣкоторую руссофобію въ складѣ ума, очень полюбилъ моего отца за его талантливость и веселый нравъ и охотно согласился на этотъ бракъ. Въ это время репутація его, какъ единственнаго акварельнаго портретиста, установилась прочно, работы и заказы продолжались безъ перерыва, кругъ знакомства

увеличивался, пока, наконецъ, чрезъ посредство графа Степана Ѳедоровича Апраксина, всегда очень его любившаго и бывшаго посаженнымъ отцомъ на свадьбѣ, онъ былъ приглашенъ въ Аничковъ дворецъ, занимаемый великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, написать портретъ нынѣ покойнаго Императора Александра Николаевича, въ то время трехлѣтняго ребенка. Удачное исполненіе этого портрета доставило отцу цѣлую серію заказовъ отъ большаго двора, гдѣ онъ писалъ императрицу Елизавету Алексѣевну и многихъ иностранныхъ принцевъ для ея альбома, съѣхавшихся по какому то случаю въ Петербургъ. Вслѣдъ за воцареніемъ императора Николая Павловича отцу было поручено исполненіе портретовъ и другихъ подростающихъ членовъ августѣйшаго семейства, и наконецъ самой императрицы Александры Ѳеодоровны. Портреты эти до сихъ поръ занимаютъ видныя мѣста во внутреннихъ покояхъ многихъ дворцовъ. Не могу при этомъ не упомянуть о двухъ разсказахъ отца изъ этого времени.

Когда работались портреты великихъ княженъ Маріи и Ольги Николаевны, въ весьма граціозной дѣтской группѣ, отцу необходимо было имѣть ихъ платьица, чтобы заняться отдѣлкою ихъ на дому. Проѣзжая съ женою на какой-то званый вечеръ мимо Зимняго дворца, онъ остановился, чтобы захватить ихъ съ собою. Знакомый со всѣми входами и выходами дворца, отецъ направился прямо въ дѣтскую половину, гдѣ помѣщался гардеробъ. Каково же было его изумленіе, когда, отворивъ дверь въ дѣтскую, ему представилась слѣдующая картина: посреди комнаты императоръ Николай Павловичъ — въ сюртукѣ, безъ эполетъ, и мимо него торжественное шествіе маленькой арміи, въ различныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ формахъ, съ барабанами, свистульками, гремушками, малъ-мала меньше, съ комической важностью старающихся держать строй, чтобы заслужить милостивое одобреніе своего командира. Увидавъ моего отца, императоръ велѣлъ ему остаться смотрѣть „какой у него разводъ“. Эта маленькая комедія продолжалась довольно долго, пока, наконецъ, Государь не закончилъ церемоніи, разставивъ ноги и заставивъ весь отрядъ пройти подъ ними, какъ корабли проходили подъ колоссомъ родосскимъ.

Морозъ былъ большой и мать чуть не замерзла, дожидаясь въ каретѣ возвращенія мужа.

Извѣстно, что императоръ Николай Павловичъ никогда не соглашался позировать для своего портрета; но послѣ вполнѣ удачнаго портрета императрицы, сдѣланнаго ему въ подарокъ, онъ сдался на ея усиленныя просьбы и назначилъ моему отцу, чрезъ министра двора князя Волконскаго, день и часъ, въ который онъ долженъ прибыть во дворецъ для сеанса. Конечно, онъ пріѣхалъ часомъ ранѣе, чтобы устроить удобное освѣщеніе, приготовить палитру и т. д. Государь, наконецъ, вошелъ, но расположеніе духа было иное: комната, предназначенная для работы, ему почему то не понравилась; онъ велѣлъ отцу перенестись въ смежную и сѣлъ, прежде чѣмъ отецъ успѣлъ приготовиться, на первый попавшійся стулъ, при такомъ невозможномъ освѣщеніи, что художникъ, собравшись съ духомъ, рѣшился, въ крайне осторожныхъ выраженіяхъ, сдѣлать на этотъ счетъ замѣчаніе. Отвѣтомъ было сухое и повелительное „рисуй“. Прошло съ четверть часа молчаливой работы, въ которую отецъ едва успѣлъ набросать карандашемъ черты лица и приняться за краски, какъ Государь всталъ, подошелъ къ работѣ и, не долго думая, взялъ со стола кисть, развелъ какую то темную краску и, проведя подъ носомъ начатаго портрета два гигантскихъ уса, вышелъ изъ комнаты, сказавъ, что это его произведеніе отецъ можетъ оставить себѣ на память. О дальнѣйшихъ сеансахъ не было болѣе и помину.

Послѣ работъ при большомъ дворѣ приливъ заказовъ сталъ еще усиленнѣе, такъ что было необходимо завести книжку для записыванія назначаемыхъ для сеансовъ часовъ и часто исполненіе заказовъ откладывалось на мѣсяцъ и болѣе съ соблюденіемъ очереднаго порядка. Все великосвѣтское общество охотно ѣздило провести пріятный часъ времени въ мастерской художника и, притомъ, настолько же изъ уваженія къ артисту, какъ и расположенія къ человѣку, въ высшей степени общительному, веселому, и хотя не обладавшему салоннымъ лоскомъ и иностранными жаргонами, прикрывающими часто полнѣйшую безсодержательность, но за то, по своей нравственной порядочности и уму, сходившемуся со всякимъ, кто обладалъ этими качествами. Въ моей памяти сохранились до сихъ поръ воспоминанія о рѣдкихъ въ то время вечерахъ камерной музыки, устраивавшихся у него и привлекавшихъ немногочисленный кружокъ истинныхъ любителей и цѣнителей этого рода музыки, изъ которыхъ и теперь, вѣ-

роятно, еще найдется нѣсколько человѣкъ, не забывшихъ вынесенное ими съ этихъ вечеровъ пріятное впечатлѣніе. Исполнителями были: Мауреръ, Бемъ, А. Ѳ. Львовъ и графъ М. Ю. Віельгорскій со своей знаменитой віолончелью, завѣщанной имъ Давыдову, у котораго въ рукахъ она теперь находится.

Какъ истинно русскій человѣкъ, отецъ очень любилъ Москву и нѣсколько разъ въ теченіи 1830-хъ годовъ посѣщалъ ее, останавливаясь иногда у князя И. Ѳ. Голицына, но болѣе у своего задушевнаго пріятеля Е. И. Маковскаго (отца столь извѣстныхъ теперь художниковъ), въ домѣ котораго онъ былъ принятъ какъ родной. Здѣсь онъ отдыхалъ отъ усиленныхъ трудовъ и съ любовью осматривалъ и изучалъ памятники древности, съ которыми знакомилъ его московскій старожилъ Е. И. Маковскій. Здѣсь же въ немъ зародилась мысль оставить Петербургъ и поселиться въ Москвѣ, что онъ и исполнилъ въ послѣдніе годы своей жизни. Не разъ высказывалъ онъ сѣтованія на сухія безжизненныя рамки, въ которыхъ академія сдавила живопись историческую, оставляя безъ всякой разработки неисчерпаемыя сокровища отечественной исторіи. Мысль вѣрная и, высказанная такъ задолго до пріобрѣтенія ею права ходячей истины, свидѣтельствуетъ о чуткости художественныхъ понятій человѣка, можетъ быть вслѣдствіе только антипатичной ему лжи въ академическомъ направленіи и малаго знакомства съ ходомъ дѣла на западѣ остановившагося на скромномъ жанрѣ акварельнаго портретиста. Въ 1842 г. разстроенное здоровье его и жены заставило ихъ предпринять поѣздку заграницу. Путешествія подобнаго рода составляли въ то время событіе не маловажное; приходилось судьбу свою довѣрять и морскимъ стихіямъ, и земнымъ случайностямъ. Сборы были затруднительные, притомъ же, разсчитывая возвратиться изъ заграницы прямо въ Москву, надо было устроить окончательно дѣла въ Петербургѣ. Домъ свой, въ Грязной ул. (нынѣ Николаевская), онъ продалъ; старшихъ двухъ сыновей, уже посѣщавшихъ академію, пристроилъ на Васильевскомъ островѣ, а меня, 11-ти лѣтняго мальчика, помѣстилъ въ гимназію пансіонеромъ.

До Штетина приходилось ѣхать моремъ и здѣсь, въ теченіе почти 3-хъ сутокъ, довелось имъ перенести всѣ ужасы шторма въ Балтійскомъ морѣ, до такой степени врѣзавшіяся мучительнымъ впечатлѣніемъ въ ихъ памяти, что весь обратный путь, чрезъ 1½ года,

былъ совершенъ уже посуху, со всѣми неудобствами почтоваго сообщенія. Въ Германіи впервые глазъ художника, въ пору заката его дней, обновился незнакомыми ему до того впечатлѣніями картинъ величественной природы. О Саксонской Швейцаріи часто вспоминалъ онъ съ восторгомъ. Доктора опредѣлили для пользованія Баденъ-Баденъ и оттуда, по выдержаніи курса, они поѣхали въ Парижъ. Послѣ осмотра всѣхъ рѣдкостей этого міроваго города и отдавъ дань разсѣянію и удовольствіямъ, пришлось писать портреты многихъ лицъ изъ русской колоніи. Портреты графини Б. и С. надѣлали не мало шуму и привлекли новую серію заказовъ, такъ что Парижъ грозилъ обратиться въ тотъ же Петербургъ и надломить силы, возстановленныя водами. Избѣгая усиленной работы, онъ оставилъ, тѣмъ не менѣе, въ Парижѣ нѣсколько прелестныхъ портретовъ, въ томъ числѣ герцогини де-Серра-Капріоли, но отъ поѣздки въ Лондонъ, куда его усиленно приглашалъ на готовую работу англійскій посланникъ, онъ отказался, и осенью 1843 г. вернулся въ Россію. Заботы о дѣтяхъ и нѣкоторыя неустроенныя дѣла заставили его однако снова поселиться въ Петербургѣ и только въ 1846 г. ему удалось, наконецъ, исполнить завѣтную мечту—переѣхать окончательно жить въ Москву.

Нечего говорить, что и здѣсь труженикъ отецъ былъ занятъ постоянно. Зрѣніе у него было еще отличное, силы не ослабѣли и едва ли не лучшія его произведенія относятся именно къ этому времени. Особенно памятны мнѣ портреты княгини Мещерской, рожд. гр. Строгановой, княгини Щербатовой, Стрекаловой и друг.

Первое лѣто по пріѣздѣ въ Москву онъ провелъ въ имѣніи Мерчикъ, около Харькова, графини Н. А. Орловой-Денисовой, очень любившей наше семейство и взявшей съ отца слово, что и слѣдующее лѣто мы проведемъ въ Мерчикѣ. Обѣщаніе это однако исполнить не удалось, не помню, по какимъ обстоятельствамъ, но въ слѣдующее роковое, послѣднее лѣто его жизни, поѣздка состоялась. Въ 1848 г. холера косила свои жертвы чуть ли не на протяженіи всей Россіи; около Харькова она была особенно сильна; село въ 2000 душъ ежедневно оглашалось воплями сопровождавшихъ печальныя процессіи; отчаянныя причитанія доносились до барскаго дома, въ которомъ приняты были всѣ мѣры для разсѣянія его обитателей, поддержанія бодрости духа и предо-

храненія отъ заразы. Уныніе, тѣмъ не менѣе, закрадывалось въ сердце и подъ личиной беззаботности не трудно было угадать внутреннее настроеніе, тяжелымъ гнетомъ придавившее весь, еще недавно безпечный и веселый, деревенскій кружокъ.

Вслѣдствіе ли какой неосторожности, или болѣзнь намѣтила отца, не ожидая никакихъ поводовъ, но только онъ захворалъ внезапно и, не смотря на всевозможныя усилія докторовъ вырвать его изъ рукъ смерти, черезъ два дня, 3-го августа 1848 г., его не стало. Онъ похороненъ вблизи дома имѣнія Мерчикъ, подъ роскошною растительностью вѣковаго сада.

Александръ Соколовъ.

4-го декабря 1881 г.
С.-Петербургъ.

ВАСИЛЬКО.

Поэма князя А. И Одоевскаго [1]).

Пѣснь четвертая.

1.

Уже давно палаты Святополка
Могильная объяла тишина,
И царствуетъ со сумраками ночи.
Лѣниво Сонъ на стольный Кіевъ-градъ
Склонилъ свои распущенныя крылья:
Но Святополкъ не дремлетъ; онъ горитъ,
Онъ отъ себя съ усильемъ гонитъ думу
И въ тишинѣ еще внимаетъ шуму.

2.

„Какъ онъ любимъ, какъ онъ любимъ, Давидъ.
Еще мнѣ вѣче въ слухѣ раздается...“
(Такъ молвилъ онъ. Давидъ стоялъ предъ нимъ
И наблюдалъ души его порывы).
„Я самъ ушелъ: все вѣче разошлось
По Кіеву, но доходили клики
Еще ко мнѣ, среди моихъ палатъ,
Гремя какъ въ тучахъ грома перекатъ.

3.

„Несносный гулъ! все слышу тѣже клики!..
Зачѣмъ давно ты не пришелъ ко мнѣ,—
Въ тотъ самый мигъ, какъ распустилъ я вѣче..
Я ждалъ тебя, твоихъ совѣтовъ ждалъ.“

---

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1882 г., томъ XXXIII, февраль, стр. 313—336.

— Но, Святополкъ, съ дружиною до ночи
Ты въ гридницѣ гремѣлъ противъ граждавъ,
И въ шумѣ словъ, въ пылу негодаванья,
Не могъ вести со мною совѣщанья.

4.

— Я лишній былъ. Теперь уже пора
Не словъ, а дѣла.—„Мнѣ одно осталось,
Давидъ! .. пустить на волю!... Весь народъ
Заступится за князя. Изъ темницы
Онъ мнѣ на зло исторгнетъ Василька. .
Какъ думаешь?... велю я снять оковы!"
— Но прежде, чѣмъ освободишь его,
Сойдешь-ли, князь, съ престола своего?

5.

— Совѣтую сойти тебѣ съ престола:
Уже онъ ковъ замыслилъ на тебя,
Но не имѣлъ къ тому еще предлога;
Теперь на все рѣшится: есть предлогъ;
И на престолъ онъ ступитъ изъ поруба!
Тогда иной услышишь гулъ. Народъ
Измѣной не почтетъ своей измѣны,
И кликами поколебаетъ стѣны.

6.

— Вся чернь воскликнетъ: Мы спасли его.
Мы совлекли оковы: онъ невиненъ,
Онъ праведникъ, нашъ свѣтлый Василько!
И станетъ гнать тебя, какъ вѣроломца;
Себя почтетъ преступный твой народъ
Твоимъ судьей, поставленнымъ отъ Бога.
И будешь изъ земли конца въ конецъ
Скитаться, какъ несчастный твой отецъ.-

7.

„Не допущу себя до посрамленья,
Давидъ! Но я, хотя и убѣжденъ
Въ душѣ, какъ ты, что Василько преступенъ:
Но... если онъ невиненъ?..."—Поздно, князь!
Зачѣмъ, зачѣмъ ты прежде не размыслилъ,
Пока его еще не оскорблялъ?
Въ порубѣ онъ, оковами тягчимой,
Уже горитъ враждой непримиримой.

8.

— Теперь все поздно, князь! Невиненъ онъ?
То будетъ месть грознѣе. Онъ невиненъ?...
Пусть выйдетъ изъ темницы: гласъ его
Во всѣ концы по Руси пронесется:
Что истины сильнѣе?—созоветъ
Поборниковъ своей правдивой мести,
Придетъ вся Русь по долгу, изъ любви
И утолитъ себя въ твоей крови.

9.

— Кого мы разъ въ сей жизни оскорбили,
Того должны стереть съ лица земли.
Тебѣ нельзя признать его невиннымъ;
Но впрочемъ, я, какъ ты, увѣренъ, князь,
Что онъ вполнѣ преступенъ.—„Я не знаю,
Давидъ, на что рѣшиться? не могу
Убить его; держать его—не смѣю;
И въ мысляхъ я, теряясь, цѣпенѣю.

10.

„Давидъ! уже мятежный вѣча кликъ
Напомнилъ мнѣ, что было за Всеслава..."
— Желаешь, князь? Я увезу его:
На все готовъ для брата и для друга.—
„Вези его.... онъ какъ игла въ очахъ...
Вези скорѣе, дѣлай съ нимъ, что знаешь...
Вонъ, вонъ, отсюда! Онъ несносенъ мнѣ,
Я убѣжденъ во всей его винѣ."

11

Грядами тучъ заволокло все небо;
Въ безмѣрномъ мракѣ свѣтятъ два огня [1]),
Два свѣточа горятъ передъ порубомъ.
Темничные затворы въ тишинѣ
Внезапно загремѣли. Князь очнулся.
По сладостной молитвѣ онъ дремалъ.
Мстиславнѣ другу, въ тихомъ сновидѣньѣ
Его уста шептали утѣшенье.

---

[1]) Варіантъ: Въ беззвѣздномъ мракѣ свѣтятъ два огня.

12.

Вошелъ Турякъ, и четверо за нимъ,
И освѣтилъ темницу яркой свѣточъ;
„Иди за нами, князь; никто какъ Богъ!
Надѣйся, князь, на кротость Государя“.
— Мой Спасъ —моя надежда. Но меня
Куда теперь ведете?.. „Ты узнаешь;
Судьба твоя къ рѣшенію близка“.
И окруживъ, выводятъ Василька.

13.

На немъ гремятъ, сгибаяся, оковы,
Съ трудомъ стопы передвигаетъ онъ.
Вотъ вышелъ князь; медлительнымъ дыханьемъ
Въ себя вдыхаетъ воздухъ; къ небесамъ
Свой вольный взоръ съ улыбкою возводитъ,
И съ именемъ заступницы святой
Гремящею перекрестясь рукою,
На грудь свою склонился онъ главою

14.

Уже по стогнамъ кіевскимъ стучатъ
Тяжелыя колеса. Домъ за домомъ
Минуется; но ни единый взоръ
Во тьмѣ ночной и въ тишинѣ безлюдной
Изъ оконъ не стремится къ Васильку.
Не взглянетъ на него [1]) изъ состраданья.
Какъ шумныя колеса ни стучатъ;
Но мирный сонъ объемлетъ стольный градъ.

15.

Зачѣмъ ихъ стукъ въ сердцахъ не отозвался,
Защитниковъ собой не пробудилъ?..
Проѣхавъ чрезъ ворота Золотыя,
Князь Василькò прощальный бросилъ взоръ
На Кіевъ-градъ, гдѣ братьевъ онъ оставилъ,
Не снявъ грѣха съ преступной ихъ души.
Уже съ горы быстрѣе скачутъ кони:
Помчались какъ разбойникъ отъ погони.

---

[1]) Варіантъ: Не взглянетъ со слезою состраданья

16.

Вкругъ узника, по сторонамъ, Василь
И Лазарь, слуги вѣрныя Давида,
И Дмитръ, его конюшій. и Сновидъ,
А впереди два Торчина сидѣли
„Куда меня везете?“ – Въ Теребовль, –
Сказалъ Василь; и всѣ захохотали.
Сошолся взглядъ со взглядомъ; изо всѣхъ
Исходитъ вновь невольный дикій смѣхъ.

17.

Князь Василько, взглянувъ на нихъ съ участьемъ,
Отъ глубины души своей вздохнулъ.
Но вотъ за нимъ раздался конскій топотъ,
Летитъ какъ вихорь всадникъ молодой:
„Мой князь, отецъ мой крестный! Дайте! Дайте
Мнѣ сѣсть къ нему!“ воскликнулъ Михаилъ.
Конь мчится, весь на воздухѣ; но даромъ
На скачущихъ онъ дышитъ теплымъ паромъ.

18.

„Стой, стой!“ еще воскликнулъ Михаилъ.
Къ нему Василь мгновенно обернулся,
И палицей ударя сшибъ съ коня.
Онъ палъ, изъ горла кровь заклокотала.
„О Боже, Боже, узникъ закричалъ,
Какъ Іова меня ты искушаешь“.
И къ сыну взоръ летѣлъ сквозь ночи тьму;
Но взоръ, но крикъ не доходилъ къ нему.

19.

Простылъ и слѣдъ за узникомъ державнымъ.
Съ небесъ, затканныхъ темной пеленой,
Луна изъ тучъ уныло проглянула
И озарила блѣдное лицо
Младаго Михаила. – Онъ недвижимъ
Лежалъ; въ рукахъ поводья; вѣрный конь
Его чела касался длинной гривой
И землю рылъ ногой нетерпѣливой.

20.

Шелъ нищій по дорогѣ. Онъ едва
Въ ручьяхъ кровавыхъ отрока завидѣлъ,
Бѣжитъ къ нему стремглавъ. Съ испуга конь
Шарахнулся и Михаилъ очнулся
„Гдѣ Василько?. .. Куда везутъ его? ..
Скажи мнѣ добрый человѣкъ!.. Не знаешь?....
Они меня не взяли. Нѣтъ! Злодѣй
Меня ударилъ палицей своей.“

21.

— Ты отрокъ Василька?—съ участьемъ нищій
Спросилъ его и побѣжалъ къ ручью.
Чело страдальца, грудь его больную
Онъ освѣжилъ студеною волной.
— Что? лучше ли? Тебѣ рукою дряхлой
Я помогу держаться на конѣ. —
Вотъ отрокъ сѣлъ; и нищій осторожно
Повелъ коня къ дубровѣ придорожной.

22.

Въ бору огонь изъ хижины мерцалъ.
На стукъ выходитъ съ дочерью старушка
И съ нищимъ обѣ юношу съ коня
Снимаютъ; на соломенное ложе
Внеся его, спускаютъ тихо съ рукъ;
И дѣвушка какъ ангелъ надъ могилой
Съ печалію склонилася надъ нимъ
И грѣетъ грудь дыханіемъ своимъ.

23.

— Людей нашли мы добрыхъ, — молвилъ нищій,
— Теперь, прости! я шелъ, какъ ты, во слѣдъ
За Васильковъ. Спѣшу! про все узнаю,
И въ Теребовль на крыльяхъ полечу. —
„Возьми коня, сказалъ съ усильемъ отрокъ,
И впалъ въ забвенье:--конь, мой конь лети...
Какъ шибко скачутъ..... Стой!.. Я, князь, съ тобою!
Я буду цѣпь поддерживать рукою. “ -

24.

Уже подъ нищимъ скачетъ борзый конь
По той дорогѣ, гдѣ давно со стражей
Проѣхалъ свѣтлый узникъ Василька
Уже въ то время въ Бѣлгородъ примчали.
Во тмѣ ночной, въ глубокой тишинѣ,
Его ввели въ истопку, разложили
Предъ нимъ коверъ; и Торчинъ—Берендѣй
Выноситъ ножъ изъ-за полы своей.

25.

Онъ точитъ ножъ, бросая взглядъ на князя.
Тогда заря зардѣла ъ въ небесахъ
И на цѣпяхъ его засеребрилась.
Онъ разгадавъ, сквозь сумракъ тяжкихъ думъ,
Свой горькій жребій, всталъ, взглянулъ съ любовью
На ясную предшественницу дня.
Во всей красѣ, въ одеждѣ разноцвѣтной,
Плыла она по небу свѣтъ привѣтной.

26

Идетъ во всемъ величіи женихъ
За свѣтлой, за краснѣющей невѣстой,
Пылаетъ солнце, неба исполинъ,
Живитъ весь міръ; и пламенное око
Встрѣчаетъ взоръ прощальный Василька
Какъ радостенъ восходъ по долгой ночи!
И узникъ въ память, съ жадностью очей
Врѣзаетъ міръ блестящій отъ лучей

27.

„Какъ Спасъ, ты льешь и свѣтъ и жизнь на землю!"
Воскликнувъ громко, душу всю излилъ
Онъ въ утренней и пламенной молитвѣ.
Едва окончилъ, Торчинъ, Дмитръ, Сновидъ,
Всѣ бросились на князя; но цѣпями
Онъ ихъ разитъ, и падаютъ во прахъ;
Встаютъ—и вновь повержены: оковы
Враговъ, какъ мечъ, всегда разить готовы.

28.

На крикъ вбѣжали двое. На коверъ
Они его повергнувъ и опутавъ,
На грудь взложили доски: по концамъ
Сновидъ и Дмитръ, Василь и Лазарь сѣли.
Онъ застоналъ, и затрещала грудь;
Послѣдній свѣтлый взоръ ужъ закатился [1]),
Лучи души потухнули въ очахъ
И замеръ стонъ на трепетныхъ устахъ.

29.

Взялъ Торчинъ ножъ, готовясь къ ослѣпленью;
Ударилъ—но не въ очи: онъ лицо
Страдальца перерѣзалъ.—„Ты неловокъ"—
Сказалъ Василь. Краснѣя, Торчинъ ножъ
Отеръ полою; вотъ его въ зѣницу
Ввернулъ: кровь брызнула изъ подъ ножа;
Ввернулъ его въ другую—и ланиты
Уже волной багровою покрыты.

30.

Всѣ вышли вонъ. Остался Василько
Одинъ. Онъ на коврѣ какъ трупъ кровавый
Недвижимъ, безъ дыханія лежалъ,
И запеклись—не очи—но отверстья;
Чернѣютъ два кровавыя пятна:
Ты ихъ, Давидъ, не смоешь съ книги жизни:
Нетлѣнныя, они горятъ на ней,
Какъ мука вѣчная душѣ твоей [2]).

31.

Уже опять мучители страдальца
Сбираются въ дорогу. Дмитръ, Сновидъ
Вошли; изъ глазъ слеза у нихъ пробилась.
Вотъ завернувъ его въ коверъ, несутъ,
Какъ мертваго; взложили; скачутъ кони;
Вотъ Здвиженскъ мостъ подъ ними продрожалъ;
И въ домъ, къ пріему путниковъ готовой,
Уже летитъ по площади торговой.

---

[1]) Варіантъ: Уже безъ взоровъ закатились очи.

[2]) Было прежде написано: «И адскій огнь зажгутъ въ душѣ твоей», а потомъ еще разъ поправлено: «И пламень мукъ зажгутъ въ душѣ твоей».

32.

Священникъ былъ хозяинъ дома. Онъ
Гостей такихъ не ждалъ; нѣтъ! дыбомъ волосъ
Всталъ на сѣдой, маститой головѣ.
Внесли коверъ; обѣдать сѣла стража;
Василь совлекъ сорочку съ Василька,
„Смой кровь!“ сказавъ, хозяйкѣ бросилъ въ руки;
И старица и внемлетъ и глядитъ:
Но замеръ духъ, и вся какъ листъ дрожитъ.

33.

И вдругъ, спѣша, ее на дворъ выноситъ,
И держитъ недвижимо предъ собой;
Взрыдала. «Нашимъ воплемъ не поможемъ,
Не плачь, старушка!“ нищій ей сказалъ:
„Къ чему твой стонъ? Нѣтъ, лучше дай рубашку:
На ней нужна мнѣ кровь...“ И взявъ, исчезъ;
Но старица рыдала; воплей сила
Страдальца изъ забвенья пробудила.

34.

Привставъ, „гдѣ я?“ промолвилъ тихо онъ.
— Ты въ Здвиженскѣ; сказалъ Василь.—„Ахъ, дайте
Воды испить.“ За каплей каплю пьетъ,
Вздохнулъ, себя ощупалъ; „Гдѣ рубашка?“
Воскликнулъ онъ.“ Свлекли ее съ меня?
Ее зачѣмъ вы сняли? Нѣтъ, въ сорочкѣ,
Нѣтъ, я хотѣлъ, одѣтый въ кровь мою,
Предстать передъ Всевышняго судью!“

35.

И ослабѣлъ онъ снова отъ усилья.
Предъ нимъ стоялъ священникъ: „Помертвѣлъ!
Отходитъ онъ! Запасными дарами
Я причащу страдальца“.—Но зачѣмъ?
Сказалъ Василь, онъ осужденъ князьями,
Зачѣмъ спасти ты хочешь духъ его?—
„Господь суда отъ міра не пріемлетъ!“
Рекъ старецъ; но словамъ никто не внемлетъ.

36.

„Предъ Спасомъ не виновенъ Василько,
И предъ людьми страдалецъ не виновенъ:
Пройдутъ князья, пройдетъ и судъ князей;
Но истина на небѣ и въ потомствѣ
Какъ солнце просіяетъ.“ - Онъ ума
Отъ старости лишился,—молвилъ Лазарь,
И вслѣдъ за нимъ захохоталъ вокругъ
Весь дикій сонмъ князьямъ покорныхъ слугъ.

37.

Страдальца путь оконченъ. Во Владиміръ
Заранѣе пріѣхалъ князь Давидъ
И тѣсный домъ къ пріему приготовилъ.
Онъ Василька за стражею провелъ
И въ душную и мрачную темницу.
Зачѣмъ, Давидъ? По сумракѣ ночей
Уже ему не свѣтится денница
И цѣлый міръ какъ мрачная темница! .

Александръ Одоевскій.

Сообщ. А. П. Бѣляевъ.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

Глава XIV [1]).

О поступленіи моемъ въ Касимовское духовное училище.

Описывая разные предметы, относящіеся къ сельскому житью-бытью духовныхъ лицъ и ихъ семействъ, я уже вовсе не касался своихъ ученыхъ занятій въ Тумѣ. Въ Палищахъ я выучился читать славянскую грамоту, т. е. азбуку, часословъ и псалтырь, началъ тоже немного учиться писать, но ушелъ недалеко. Въ Тумѣ теперь пришлось вновь приняться за свою ученость. Псалтырь и здѣсь, къ моему сожалѣнію, заставляли меня повторять, или, какъ тогда говорили, твердить; и я твердилъ, твердилъ и, право, чуть-чуть не вытвердилъ наизустъ. Писать меня заставляли каждый день, но безъ надзора и потому главная моя забота состояла въ томъ, чтобы написать страницу или двѣ,—сколько приказывали, а объ изяществѣ я мало заботился. Если ужъ очень дурно и нерадиво написать бывало, то конечно побранятъ и даже посѣкутъ, - ну, да все ничего; поскорѣе-бы написать, да отправиться на улицу поиграть! Но батюшка мой рѣшился меня учить такимъ предметамъ, которые въ то время почти нигдѣ не входили въ программу домашняго воспитанія дѣтей духовенства, именно русской грамматикѣ и ариѳметикѣ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 681-704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86.

Низшія духовныя училища тогда раздѣлялись на уѣздныя и приходскія. Въ первыхъ было два класса, называвшихся высшимъ и низшимъ отдѣленіями; послѣднія тоже раздѣлялись на два класса: первый и второй. Здѣсь, въ первомъ положено было учить одному чтенію и письму; только многіе учителя, по доброй волѣ или по частному распоряженію училищнаго начальства, начинали учить грамматикѣ и ариѳметикѣ. Во второмъ-же классѣ преподавали главнымъ образомъ грамматику, первую часть ариѳметики и сокращенный катехизисъ и опять тоже по усердію начинали преподаваніе латинскаго и отчасти и греческаго языка; еще въ обоихъ классахъ учили нотному пѣнію по обиходу. Очевидно, что всякому кончившему курсъ священнику очень легко было приготовлять своего сына къ поступленію прямо въ уѣздное училище. Батюшка мой такъ и думалъ; и вотъ почему меня еще дома засадили за краткій катехизисъ, грамматику и ариѳметику, даже за латинскій и греческій языки, съ тѣмъ, чтобы не было надобности отдавать меня въ приходское училище. Хорошо не припомню, какъ мнѣ преподавались эти предметы; кажется преимущественно держались принятой изстари методы, т. е. заставляли учить грамматику съ нѣкоторыми впрочемъ пропусками.

Относительно ариѳметики поступали раціональнѣе, объясняя мнѣ многое на словахъ, и потому я еще съ дѣтства отличался бойкостью по части счисленія. Но держать меня дома, не причисляя хоть по формѣ къ училищу, папа мой находилъ не удобнымъ. Тогда духовенство еще очень боялось такъ называемыхъ разборовъ, или лучше наборовъ, посредствомъ которыхъ правительство, не одинъ уже разъ, всѣхъ дѣтей духовнаго званія, или нигдѣ не учившихся, или исключенныхъ изъ училищъ и семинарій, брало въ военную службу. И потому бо̀льшая часть духовенства старалась поскорѣе записать дѣтей своихъ въ училище. Въ сентябрѣ 1818 г. и меня повезли для такой записи въ Касимовъ. Кажется, можно было-бы сдѣлать это не тревожа моей персоны. Но батюшка находилъ нужнымъ записать меня не въ первый, а во второй классъ приходскаго училища; а для этого начальство училищное должно было подвергнуть меня экзамену по части чтенія и письма. Кромѣ того уже такъ было заведено, что новаго рекрута учености непремѣнно приводили къ смотрителю, который считалъ за нужное поглядѣть на него. Въ Каси-

мовъ ѣхалъ я безъ всякихъ опасаній; я зналъ, что это не болѣе, какъ прогулка и что черезъ нѣсколько дней опять придется возвратиться въ Туму и разсказывать своимъ сестрамъ и сверстникамъ про свое путешествіе. Оно мнѣ, дѣйствительно, доставило много пріятнаго. До того времени я только и ѣздилъ по деревнямъ своего прихода, но дорога изъ Палищъ въ Туму хотя простиралась зимою до сорока верстъ, пролегала по глухимъ лѣсамъ и только по одному селу и четыремъ деревнямъ, значитъ для меня ничего новаго не представляла. Теперь пришлось ѣхать шестьдесятъ верстъ по густо населенной мѣстности, гдѣ по самой дорогѣ, или близь нея, расположено было много селъ и деревень съ нѣсколькими помѣщичьими домиками. Особенно меня заинтересовалъ Гусевскій погостъ. Въ немъ было сотни двѣ или три дворовъ, расположенныхъ по разнымъ улицамъ, и двѣ очень хорошихъ каменныхъ церкви съ колокольней. Батюшка пошелъ къ которому-то изъ священниковъ, а я остался въ телѣгѣ, около самыхъ церквей и не могъ ими налюбоваться; онѣ мнѣ показались чудомъ архитектурнаго искуства. Но когда, по возвращеніи батюшки, мы поѣхали далѣе и я его забрасывалъ множествомъ вопросовъ, то онъ шутя говорилъ мнѣ: „погоди-ка, вотъ увидишь Касимовъ, тогда еще не то заговоришь. Я тебѣ его издали покажу“. Вскорѣ мы въѣхали на довольно значительную возвышенность, называемую Карцевою горою, съ которой открывался прекрасный видъ на Касимовъ, находившійся еще верстахъ въ десяти. День былъ ясный, городъ, расположенный по берегу Оки, версты на три, съ мечетью и девятью церквами, съ нѣсколькими десятками каменныхъ и сотнями деревянныхъ домовъ, ярко освѣщался солнечнымъ свѣтомъ и представлялся мнѣ въ какомъ-то очаровательномъ видѣ. Я постоянно предлагалъ батюшкѣ вопросы: „Это что такое?“ и проч., такъ что онъ наконецъ сказалъ: „ну, погоди, вотъ скоро пріѣдешь въ Касимовъ, тамъ все увидишь вблизи“. По пріѣздѣ меня тотчасъ отпустили посмотрѣть на городъ, отдавши подъ руководство брата Вани и давши мнѣ нѣсколько копѣекъ на лакомство. Ваня, въ качествѣ ментора, повелъ меня на рынокъ, но, по дорогѣ мы прошли близь соборной Успенской и Благовѣщенской церквей, остановились противъ большихъ и точно хорошихъ домовъ Губарева и Алянчинова, постояли близь военной гауптвахты, гдѣ расхаживали и сидѣли

гусары изюмскаго полка; я дѣйствительно, по русской пословицѣ, потерялъ глаза, на все заглядываясь. Но рынокъ и такъ называемый обжорный рядъ, едва-ли меня не болѣе всего поразилъ. Я никогда еще не видѣлъ такого количества лавокъ, лавочекъ, купцовъ, торговокъ съ разнообразными товарами и съѣстными припасами, хотя никакого базара не было. Мы тотчасъ-же, на данныя мнѣ деньги, купили яблокъ и еще что-то. Тутъ подошли къ намъ товарищи Вани, который меня отрекомендовалъ имъ, какъ будущаго товарища. Они какъ-то были не веселы, или очень озабочены, но сочли обязанностью указать на училище; которое стояло отъ обжорнаго ряда на противоположной сторонѣ площади. Видъ училищныхъ зданій произвелъ на меня, не знаю почему, непріятное впечатлѣніе, такъ что, какъ ни уговаривали они меня, я ни за что не согласился, не только заглянуть въ него, но даже подойти къ нему и ушелъ на квартиру. Въ Касимовѣ мы прожили четыре, пять дней, въ теченіе которыхъ я, разумѣется, осмотрѣлъ весь почти городъ, по крайней мѣрѣ все, что мнѣ показалось достойнымъ вниманія. Меня особенно интересовала татарская мечеть съ своимъ высокимъ минаретомъ и Ока. Татары въ моихъ глазахъ были нехристи, не вѣрующіе въ Бога, зачѣмъ-же это имъ нужна своя церковь, какъ я называлъ мечеть? И потомъ, зачѣмъ ее позволили построить, при томъ, очень недалеко отъ нашего собора? Ока-же меня удивляла своей шириною и плывущими по ней барками; до тѣхъ поръ я видѣлъ небольшія рѣчки и только по дорогѣ въ Касимовъ узналъ что̀ такое лодки и паромы, на перевозѣ въ Гусевскомъ погостѣ. А тутъ передъ моими глазами текла широкая рѣка и по ней плыли барки, на которыхъ лежало товаровъ до 20,000—30,000 пудовъ. Все это впрочемъ скоро приглядѣлось и мнѣ стало скучно. На лакомства мнѣ въ иной день ничего не давали; надобно было довольствоваться только обѣдомъ и ужиномъ вмѣстѣ съ Ванею и другими семинаристами, которымъ приготовлялись только щи и каша, тогда какъ въ Тумѣ можно было полакомиться молокомъ. Поиграть не съ кѣмъ; Ваня — единственный знакомый въ цѣломъ городѣ, уходилъ въ классъ, или занимался зубреніемъ уроковъ. Наконецъ, къ величайшему моему удовольствію, батюшка объявилъ мнѣ, что мы возвращаемся въ Туму, къ смотрителю же на экзаменъ меня и не водили. Батюшка былъ почетнымъ человѣ-

комъ въ уѣздѣ и короткимъ знакомцемъ смотрителя и инспектора училища. Они ему на слово повѣрили на счетъ моей учености и безъ экзамена приняли въ число учениковъ втораго приходскаго класса.

Возвратился я въ Туму уже съ высокимъ понятіемъ о своей особѣ; я уже не былъ теперь какой-либо, какъ всѣ мои тумскіе пріятели, простой сельскій мальчишка, а ученикъ 2-го приходскаго класса, притомъ не Митя или Митька, а Дмитрій Ростиславовъ. Только я никакъ не могъ понять, почему мнѣ дали такую фамилію или прозвище, какъ обыкновенно тогда выражались въ духовныхъ училищахъ и духовенствѣ. Для объясненія такого моего непониманія считаю нужнымъ прибавить, что въ то время, которое я описываю, и даже послѣ еще долго, фамильныя названія у большинства духовныхъ лицъ были мало употребительны. Не учившіеся въ училищѣ даже часто вовсе не имѣли никакой фамиліи, даже научившіеся и кончившіе полный курсъ семинарскихъ наукъ не дорожили своими фамиліями, а и сами себя называли и другимъ, не исключая начальства, извѣстны были по имени и отчеству. Батюшка мой, несмотря на свою благочинническую должность, подписывался на всѣхъ рапортахъ консисторіи и къ архіерею Иваномъ Мартиновымъ. Потомъ родные братья, обучавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, часто имѣли различныя фамиліи, напримѣръ, изъ дѣдушкиныхъ дѣтей, батюшка мой прозывался Тумскимъ, дядюшка Иванъ—Весельчаковымъ, а дядюшка Василій — Крыловымъ. Со мной въ семинаріи учился товарищъ Меньшовъ и изъ двухъ его братьевъ назывался одинъ Средневымъ, а другой Большевымъ. Одинъ изъ академическихъ товарищей моихъ былъ Вихровъ, а братъ его, курсомъ старше насъ, Орловъ; они были изъ тверской семинаріи.

На основаніи этого обычая, духовныя лица, отдавая дѣтей своихъ въ училище, давали имъ такія фамиліи или прозвища, которыя почему-либо имъ нравились. Люди простые, не изобрѣтательные, не ученые, брали въ этомъ случаѣ во вниманіе или: 1) названіе села, такъ напримѣръ, изъ четырнадцати селъ Касимовскаго уѣзда, принадлежащихъ къ Мещорѣ, только Черкасово и Фролъ, сколько я помню, не дали прозвища дѣтямъ своего духовенства, а изъ прочихъ вышли мнѣ извѣстные Тумскіе и Тумины, Бреневы, Лѣсковы, Палинскіе, Пещуровы, Куршины,

Верикодворскіе, Гусевы, Нармины, Палицины и Прудчхи; 2) храмовые праздники: отсюда множество Вознесенскихъ, Воскресенскихъ, Воздвиженскихъ, Богословскихъ, Богородицкихъ, Благовѣщенскихъ, Никольскихъ, Рождественскихъ, Срѣтенскихъ, Успенскихъ, Покровскихъ, Троицкихъ, Ильинскихъ, Предтеченскихъ и проч. и проч.; 3) званіе отца: отсюда Протопоповы, Поповы, Дьячковы, Дьяковы, Пономаревы; замѣчательно, что слова „священникъ" и „причетникъ" не пользовались популярностью; я не помню ни одного семинариста съ фамиліею Священникова или Причетникова; 4) имя отца, или дѣда—отсюда Ивановы, Васильевы, Карповы, Алексѣевы, Александровы, Антоновы, Петровы, Павловы и проч. По матерямъ слишкомъ рѣдко семинаристы прозывались.

Обучавшіеся же въ семинаріяхъ и вообще обнаруживавшіе притязаніе на ученость или остроуміе, давали фамиліи своимъ дѣтямъ, сообразуясь или съ тѣми качествами, которыя въ нихъ замѣчались, или съ тѣми надеждами, которыя на нихъ разсчитывали. Отсюда множество Смирновыхъ, Кротковыхъ, Славскихъ, Славинскихъ, Поспѣловыхъ, Чистяковыхъ, Надеждиныхъ, Надежиныхъ, Разумовыхъ, Разумовскихъ, Добрыниныхъ, Добровыхъ, Твердовыхъ и проч. Тутъ, впрочемъ, очень любили фамиліи, составленныя изъ двухъ словъ, — особенно тѣ, въ которыя входили слова: Богъ, добро и благо. Отсюда безчисленное множество Тихоміровыхъ, Остроумовыхъ, Миролюбовыхъ, Миротворскихъ, Миловиновыхъ, Боголюбовыхъ, Благосвѣтловыхъ, Благонравовыхъ, Благосердовыхъ, Благонадеждиныхъ, Чистосердовыхъ, Добромысловыхъ, Добролюбовыхъ, Добронадеждиныхъ, Доброхотовыхъ, Добронравовыхъ, Добротворскихъ и проч. Мы въ академіи любили смѣяться надъ своими новгородскими товарищами; ихъ было четверо: Боголюбовъ, Добронравовъ, Остроумовъ, Благовѣщенскій. Но русскій языкъ казался для многихъ недостаточнымъ, или можетъ быть надобно было блеснуть знаніемъ латинскаго или греческаго языковъ; отсюда Сперанскіе, Амѳитеатровы, Палимсестовы, Урбанскіе, Антизитровы, Витулины, Мещеровы.

Само начальство не хотѣло тоже не заявить своего участія въ этомъ дѣлѣ; иные потому что отцы имъ самимъ предоставляли дать прозваніе сыновьямъ, а другіе даже отнимали у отцовъ право на это. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ былъ смотритель

скопинскаго училища Илья Россовъ. Для фамилій учениковъ онъ пользовался всѣми науками, особенно естественными и исторіей: у него были Орловы, Соловьевы, Волковы, Лисицыны, Алмазовы, Изумрудовы, Румянцовы, Суворовы, и проч. и проч. Однажды, онъ вздумалъ отличиться передъ правленіемъ семинаріи и обратить его вниманіе на свою изобрѣтательность. Онъ прислалъ списки, въ которыхъ ученики внесены были, такъ сказать, отдѣльными группами, по свойству своихъ фамилій, т. е. писались къ ряду Румянцовы, Суворовы, Кутузовы, потомъ Орловы, Соловьевы, Птицыны, далѣе Волковы, Лисицыны, Куницыны. Но правленіе семинаріи возвратило списки съ строгимъ выговоромъ и приказало составить ихъ по успѣхамъ учениковъ, а не по значенію фамилій ихъ.

Россовъ былъ семинаристъ, ему еще простительно было дѣлать глупости, но многіе отцы-ректора, академисты, магистры любили остроумничать по части фамилій. Если имъ почему-либо нравился какой-либо ученикъ, то они перемѣняли его фамилію и давали другую, которая имъ казалась лучше. Этой затѣйливостью отличался ректоръ рязанской семинаріи Иліодоръ, о которомъ придется мнѣ много говорить. Моего товарища Дмитрова перекрестилъ въ Меліоранскаго, ученика богословія Кобыльсскаго — въ Богословскаго и проч.

Когда я уже былъ въ академіи, синодъ какъ-то догадался, что надобно положить конецъ этой безурядицѣ, которая была причиною многихъ недоразумѣній при дѣлахъ по наслѣдствамъ. Онъ издалъ указъ, которымъ предписывалось, чтобы всѣ священно- и церковно-служители поименовывались и подписывались по имени и фамиліи, чтобы дѣти ихъ имѣли фамиліи своихъ отцовъ. Въ это время мой батюшка рѣшился поступить довольно оригинально. У него уже было четверо дѣтей: я при должности, а прочіе еще обучались, но имѣли всѣ мою фамилію. Онъ подалъ прошеніе архіерею, чтобы ему самому дозволено было именоваться Ростиславовымъ. Точно также поступилъ мой дядя Иванъ Мартиновичъ: онъ изъ Весельчакова сталъ Добровольскимъ, потому что такъ прозывался его старшій сынъ, обучавшійся тогда еще, кажется, въ семинаріи. Я очень жалѣлъ, что не зналъ о намѣреніи батюшки перемѣнить свою фамилію. Не знаю почему онъ захо-

тѣлъ назвать меня Ростиславовымъ, но я не любилъ этой фамиліи; мнѣ пріятнѣе было бы быть Тумскимъ.

По возвращеніи насъ домой, скоро замѣтили, что я въ научномъ отношеніи не дѣлаю большаго прогресса. Батюшкѣ препятствовали имѣть постоянный и бдительный надзоръ за мною его священническая и благочинническая должность, а матушка не могла быть моимъ руководителемъ по части грамматики и ариѳметики. Я-же, съ своей стороны, любилъ побѣгать по улицѣ, или въ избѣ пошалить, поговорить съ сестрами, тѣмъ болѣе, что какъ человѣкъ бывалый, видѣвшій въ Касимовѣ разные виды, могъ считать себя въ правѣ занимать разсказами всѣхъ, кто хотѣлъ меня слушать. Конечно, когда замѣчали мою неисправность и лѣность, пускали въ ходъ плетку, или прутъ, —конечно непріятно было ощущать ихъ прикосновеніе къ своей особѣ,—поплачешь, примешься за урокъ, дня два—три будешь исправенъ; ну, а потомъ опять мало по малу живешь и бѣгаешь по прежнему. Вотъ почему и положено было послѣ святокъ отправить меня окончательно въ училище. Во время христославленія если какой-либо домохозяинъ не очень былъ щедръ къ моей особѣ, его уговаривали не обижать меня: „вѣдь ему нужны деньги: его, послѣ Крещенія, повезутъ въ Касимовъ“. Въ половинѣ января 1819 г. дѣйствительно начали приготовлять меня къ переселенію въ училище; сшили три пары бѣлья, связали теплые чулки, носки и варишки, покрыли нагольный, поизношенный тулупъ полосатой нанкой, купили красный коломенковый кушакъ, галстухъ на шею и платокъ носовой. А за день, или за два, матушка сама напекла для меня пышекъ. И тогда, даже и теперь въ Рязанской губерніи матери, при отправленіи своихъ дѣтей въ училище, или семинарію, послѣ всякаго каникулярнаго времени, готовятъ имъ изъ пшеничной муки десятка по два, или по три на каждаго, сдобныхъ пышекъ, запекая иногда въ нихъ яйца. Это лакомство семинаристу малолѣтнему даетъ возможность не вдругъ перейдти на ученическую пищу; утромъ и по окончаніи послѣ-обѣденнаго класса, съѣвши пышечку, особенно съ яичкомъ, онъ поуспокоивается и съ меньшимъ горемъ идетъ въ классъ, или принимается за урокъ.

Всѣ приготовленныя для меня вещи были-бы мнѣ очень пріятны, если-бы я ими могъ пользоваться, живя въ Тумѣ, но

теперь они производили на меня непріятное впечатлѣніе. Училище мнѣ вовсе не нравилось. Бывши въ Касимовѣ, я, какъ выше сказано, даже не хотѣлъ и войдти въ него. И дома конечно мнѣ приходилось сидѣть за книгою, но не болѣе — 5 — 6 часовъ въ сутки. А въ училищѣ, какъ я видѣлъ уже, Ваня и его товарищи просиживали 6—7 часовъ въ классѣ, и возвратившись домой, принимались за уроки, сидѣли за ними цѣлый вечеръ, да и по утру вставали рано.

Потомъ, меня давно уже стращали училищемъ, когда замѣчали мою неисправность, лѣность и шаловливость. „Ну вотъ, погоди дружокъ, поступишь въ училище, тамъ отучатъ тебя отъ этого, тамъ вышколятъ тебя“. Частенько тоже случалось слышать разсказы духовныхъ лицъ, нашихъ гостей, о томъ, какъ ихъ сѣкали и школили въ семинаріи; иной даже, чтобы позабавиться, обращался ко мнѣ, приговаривая: „слушай, Митя, да на усъ наматывай: и тебѣ скоро придется ознакомиться съ училищными розгами; такія они свѣжія, жидкія, такъ плотно прилегаютъ къ тѣлу; чудо какъ хороши, лучше бани выпарятъ ими!“ Однажды, моя матушка, очень меня любившая, хотя и не потакавшая моимъ шалостямъ, говорила батюшкѣ: „что дѣлать нашему Митенькѣ въ училищѣ съ своимъ голосомъ? какъ ему выучиться пѣть по нотамъ?“ Папа мой хладнокровно отвѣчалъ матушкѣ: „ничего, не бойся, выучится и пѣть,—лоза выучитъ!“ Наконецъ и Ваня, въ каникулярное время, сообщилъ мнѣ много извѣстій объ училищномъ житьѣ-бытьѣ, о томъ, что ихъ учитель сердитъ и золъ, что сѣкутъ ихъ больно, что вообще жизнь въ училищѣ не радостная. Кромѣ того, въ случаѣ какой-либо ссоры между нами, онъ говаривалъ: „ну, смотри братъ, когда поступишь въ училище, я припомню это! Если станутъ тебя сѣчь, то я самъ возьму лозу и такъ тебя отпорю, что небу будетъ жарко, узнаешь меня!“ Послѣ всего этого возможно-ли было мнѣ оставаться равнодушнымъ и спокойнымъ при отъѣздѣ моемъ въ Касимовъ. Сестры мои тоже раздѣляли мое горе; когда пришлось мнѣ ѣхать, онѣ расплакались, но я, не знаю уже какимъ образомъ, удержался отъ слезъ, сѣлъ въ сани, гдѣ меня завернули въ тулупъ; тутъ, ни для кого не замѣтно, я немножко поплакалъ.

Батюшкѣ прежде всего нужно было позаботиться о квартирѣ для меня въ Касимовѣ. Онъ не довѣрялъ, да и имѣлъ причины

не довѣрять моему усердію къ наукамъ; при томъ, при самомъ лучшемъ усердіи, мнѣ нужны были руководители, которые-бы, хотя сколько нибудь, разъясняли мнѣ уроки, наставляли, когда я долженъ ходить въ классъ, готовить уроки. даже будили меня утромъ, иначе я могъ проспать половину класснаго времени.

Въ высшемъ отдѣленіи училища были, конечно, ребята рослые, здоровые, которые могли справиться и не съ такимъ ребенкомъ, какимъ я тогда былъ, но батюшка имъ не довѣрялъ, зная, что бóльшая часть этихъ господъ сами еще имѣютъ нужду въ надзорѣ. Поэтому онъ нашелъ за лучшее поручить меня надзору хозяина и хозяйки. Ему, какъ священнику, и особенно какъ благочинному, давно уже былъ знакомъ повытчикъ Касимовскаго духовнаго Правленія Иванъ Ефимовичъ Бѣляевъ. У него-то меня и помѣстили на квартиру. Къ этому, можетъ быть, побуждало батюшку и то, что тутъ уже жили три семинариста Павелъ Кудрявцевъ, изъ высшаго отдѣленія, сынъ заштатнаго погостинскаго священника Якова; Евсей Прудковъ, изъ низшаго отдѣленія, сынъ Прудковскаго священника Ивана Федотовича, и еще мой двоюродный братъ и односельчанинъ Ваня, товарищъ мой по второму приходскому классу.

Впрочемъ настоящимъ хозяиномъ дома былъ старикъ-вдовецъ и бездѣтный священникъ Успенской церкви отецъ Федоръ, который далъ квартиру у себя Бѣляеву, какъ мужу своей племянницы Анны Яковлевны; они-то и завѣдывали всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Домъ былъ большой, съ мезониномъ. Но мы, семинаристы, являлись туда только по экстреннымъ случаямъ, по приглашенію, а помѣщались вмѣстѣ съ двумя работницами въ весьма тѣсной кухнѣ. Почти половина ея занята была русскою печью и чуланомъ, въ другой стоялъ столъ, скамейка, лохань для умыванья, были лавки и кутокъ; такъ что не только негдѣ было поставить для насъ кровати, но даже мы не могли всѣ улечься на лавкахъ; поэтому и спали большею частію зимою на палатяхъ, на печи и на куткѣ, а лѣтомъ на сушилѣ, или даже въ мезонинѣ.

Характеръ и нравственныя качества какъ хозяевъ, такъ и сожителей-квартирантовъ моихъ, равно какъ и домашней прислуги, не могли назваться благопріятными для новаго ученика приходскаго училища. Отецъ Өедоръ почти каждый вечеръ бывалъ гдѣ-либо

въ гостяхъ и возвращался домой поздно ночью, большею частію на-веселѣ или совсѣмъ пьянымъ. Пріѣдетъ бывало и такой подниметъ стукъ въ дверь сѣней, что даже мы просыпались. Онъ и не могъ и не хотѣлъ смотрѣть за мною; его о томъ даже едва ли просили. Иванъ Ефимовичъ былъ дѣловой приказный, но усердный почитатель Бахуса и страшный любитель картежной игры. Когда я уже былъ въ семинаріи, онъ проигралъ казенныя деньги, за что, равно какъ и за пьянство, былъ отставленъ отъ службы и потомъ еще жилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, промышляя составленіемъ кляузныхъ бумагъ и посѣщеніемъ кабаковъ. Этотъ господинъ не думалъ тоже за мною надзирать. Жена его, Анна Яковлевна, была очень умная, добрая и добросовѣстная женщина, но разумѣется не могла руководить меня въ ученыхъ занятіяхъ. Бѣляевъ, для удовлетворенія своей страсти къ игрѣ, часто уходилъ къ кому либо въ гости, особенно къ смотрителю гражданскаго уѣзднаго училища, или зазывалъ кого-либо къ себѣ. Но не рѣдко прихаживалъ даже на кухню и тутъ для шутки,—чтобы убить время, игрывалъ съ семинаристами въ карты, именно въ горку и въ три листика. Семинаристы оказались очень понятливыми и переимчивыми, такъ что когда я поселился съ ними, они уже всѣ трое были страстными охотниками покартежничать, просиживали иногда для этого чуть ни цѣлыя ночи, играя, разумѣется, на деньги. Анна Яковлевна допустила или не могла остановить это, потому что Кудрявцевъ и Прудковъ поступили къ ней на квартиру уже картежниками и взрослыми; Кудрявцевъ уже брилъ бороду, а Евсей оставленъ на другой курсъ въ низшимъ отдѣленіи; ей ихъ усмирять такъ, какъ они меня усмиряли, было уже трудно, даже невозможно, а Иванъ Ефимовичъ радъ былъ на бездѣльѣ хоть съ кѣмъ-нибудь поиграть. Кромѣ того и Кудрявцевъ, и Прудковъ любили уже и выпить. Ни одинъ изъ нихъ не кончилъ семинарскаго курса; оба поступили въ приказные: Кудрявцевъ—въ какое-то гражданское судебное мѣсто, гдѣ вскорѣ отъ пьянства умеръ, а Прудковъ въ консисторію, сначала Рязанскую, а потомъ Черниговскую—и тамъ, и тутъ былъ пьяницею и большимъ взяточникомъ. Даже мой милый братецъ Ваня былъ уже ловкимъ игрокомъ и молодцомъ на разныя штуки: онъ умѣлъ уже забирать въ долгъ калачи и другія лакомства, притомъ называясь не своимъ име-

немъ. Онъ, должно думать, далеко бы ушелъ по своимъ проказамъ, но въ концѣ 1819 года умеръ отъ горячки.

Такимъ образомъ, строго судя, трудно было мнѣ найти въ своей квартирѣ хорошихъ для себя руководителей. Кудрявцевъ неохотно оставлялъ свои занятія, Прудковъ самъ тихо учился, Ваня немного болѣе меня зналъ; только всѣ они, разумѣется, любили быть моими командирами и употреблять, особенно первые двое, даже для посылокъ. Впрочемъ Анна Яковлевна, не входя въ подробности ученой части, считала обязанностью слѣдить за моими занятіями и нравственностію; особенно зорко смотрѣла, чтобы я не сдѣлался картежникомъ и мотомъ и не ругался неприличными слова, а въ случаѣ какихъ либо проступковъ готова была меня и усовѣщивать, и наказывать.

Въ послѣднемъ случаѣ она находила усердную себѣ помощницу въ работницѣ Аннѣ. Какъ кухарка, она была женщина ловкая и честная, но злая въ высшей степени. Завися вполнѣ отъ хозяевъ, она предъ ними была услужлива, развѣ только чѣмъ либо обиженная и раздосадованная говаривала грубости. За то какъ будто находила наслажденіе въ томъ, чтобы хоть на комъ нибудь сорвать свое сердце. Кудрявцевъ и Прудковъ были уже довольно взрослые, и живя давно въ этой квартирѣ, умѣли приглядѣться ко всѣмъ; этихъ обоихъ ужъ трудненько было Аннѣ Яковлевнѣ сѣчь, работницѣ Аннѣ бранить; послѣдней они сами умѣли давать сдачу. Ваня былъ почти однѣхъ лѣтъ со мною, но живши полтора года въ Касимовѣ, пріобрѣлъ опытность, какъ увертываться отъ бѣды. Такимъ образомъ бѣда вся валилась на меня. Этому былъ еще поводомъ сторонній случай. Батюшка мой, какъ-то однажды, замѣтивъ грубость Анны, сказалъ при ней хозяевамъ: охота вамъ держать такую мерзавку, я давно ее согналъ бы отъ себя. Анна, не имѣя возможности мстить моему батюшкѣ, обнаруживала всю свою злобу на мнѣ.

— Что вы, матушка Анна Яковлевна, мало сѣчете ребятъ; съ ними нечего церемониться; вѣдь шалуны страшные, особенно вотъ этотъ новенькій! Да сами, матушка, своихъ рукъ не марайте; у меня славная лоза приготовлена; велите-ка мнѣ съ нимъ расправиться. Вотъ я бы положила его на эту скамейку, или ущемила голову между ногами, ужъ у меня онъ не вывернулся бы изъ рукъ.—Позвольте-ка, матушка, позвольте.

Или получивши позволеніе, приговаривала:

— Вотъ этакъ лучше, да вы сами не смотрите, я ужъ не промахнусь, не ударю по рубахѣ; или: - что вы говорите: будетъ; нѣтъ, еще, еще, еще, вотъ этакъ, видишь бѣсенокъ, все вертится, надобно привязать къ скамейкѣ, или заставить робятъ держать его.

На все это жаловаться дома нельзя было. Мнѣ бы, по всей вѣроятности, не очень повѣрили, потому что меня считали шалуномъ и лѣнтяемъ. Но если бы и повѣрили, то тотчасъ не перевели бы на другую квартиру, а сначала переговорили бы съ хозяевами. Анна Яковлевна, разумѣется, съумѣла бы защитить себя и обвинить меня. Можетъ быть, кончилось бы тѣмъ, что еще попросили бы быть построже ко мнѣ. На Анну же жаловаться еще опаснѣе было. Хозяева ее считали необходимою для себя; изъ-за моей жалобы ее бы не сослали; и она, узнавши о ней, постаралась бы въ извѣстномъ случаѣ приготовить получше лозу и покрѣпче стегать ею меня. Затѣмъ мнѣ строго-на-строго семинаристы-квартиранты наговорили, чтобы я ни слова не говорилъ о томъ, что дѣлается въ квартирѣ, особливо о картахъ.

— Если ты хоть что-нибудь скажешь, ну тогда держись, мы тебѣ отплатимъ, вѣдь ты изъ нашихъ рукъ не вывернешься.

Надобно удивляться, какимъ образомъ я въ этой квартирѣ, съ одной стороны, не пріучился къ пьянству, къ картежничеству, а съ другой—не сдѣлался трусливымъ, забитымъ, безхарактернымъ человѣкомъ. Пьяницею быть конечно мнѣ было еще раненько, да и Анна Яковлевна противъ такой наклонности, по всей вѣроятности, приняла бы рѣшительныя и суровыя мѣры, поручила бы Аннѣ выбить изъ меня дурь. Но къ картамъ пристраститься легко было; меня даже нерѣдко и приглашали принять участіе. Признаюсь, самая игра меня очень занимала и увлекала; не играя самъ, я любилъ смотрѣть, какъ другіе играютъ и просиживалъ около нихъ цѣлые часы, даже за полночь. Къ счастію моему, я зналъ, что батюшка, узнавши о моемъ картежничествѣ, не далъ бы мнѣ потачки; я еще дома слыхалъ, съ какимъ негодованіемъ онъ всегда отзывался объ этой наклонности и при удобныхъ случаяхъ частенько мнѣ говаривалъ:

— Смотри, и ты не научись играть въ карты въ деньги; Боже

тебя сохрани, если я узнаю что-нибудь въ этомъ родѣ; тогда не проси у меня милости.

Что же касается до характера, то жизнь моя у Бѣляева пріучила меня къ сдержанности, къ осторожности, къ молчаливости, которыя близко граничили съ скрытностію; но за то по неволѣ заставили меня искать опоры въ самомъ себѣ. Посовѣтоваться было не съ кѣмъ, а между тѣмъ затруднительные для меня случаи очень часто встрѣчались; приходилось самому все обдумывать и соображать; именно по неволѣ приходилось быть умнымъ.

Обдумывая теперь при старости тогдашнее мое житье, я не назову его хорошимъ, оно было тяжело для меня; но вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что едва ли бы мнѣ лучше было, если бы меня поставили на другой квартирѣ. Вѣдь нанять для меня какую-либо богатую квартиру, приставить ко мнѣ хорошаго гувернера было, по тогдашнимъ понятіямъ, по условіямъ Касимовской жизни, по состоянію моего батюшки, невозможно; слѣдовало тоже помѣстить съ семинаристами у другихъ хозяевъ. Но семинаристовъ пускали къ себѣ на квартиру только причетники, рѣдко дьяконы и священники, бѣдные мѣщане и солдаты. Не красива и не просторна была наша кухня. Частенько случалось въ ней угарать отъ чаду, приходилось спать на полатяхъ и пр. Но все таки у насъ не было такой отвратительной грязи, нечистоты и тѣсноты, какія встрѣчались въ другихъ квартирахъ. Анна Яковлевна сама очень заботилась о томъ, чтобы у насъ не заводились тѣ насѣкомыя, съ которыми семинаристы сродняются; она сама часто мнѣ мыла и чесала голову. Ея заботливости надобно приписать, что мы почти одни въ цѣломъ училищѣ не страдали чесоткою. Относительно пищи она тоже была добросовѣстна. Столъ нашъ конечно не отличался изысканностію и множествомъ блюдъ, состоялъ изъ щей и каши; но говядина и масло всегда были свѣжія, пища приготовлялась опрятно и вкусно; Анна—мой врагъ—въ этомъ отношеніи была мастерица. Весьма нерѣдко сама Анна Яковлевна съ нами вмѣстѣ ужинала. Для полдника, для завтрака мы могли брать хлѣба, сколько угодно, и если почему-нибудь не успѣешь позавтракать, то не запрещали запастись съ собою ломтемъ въ классъ; въ праздники жъ насъ угощали и пирогомъ и еще какимъ-либо блюдомъ. Въ другихъ квартирахъ пришлось бы имѣть общій столъ съ своими соквартирантами-семинаристами; а

они тогда рѣдко покупали говядину, довольствуясь только забѣливать щи сметаною. А если покупали говядину, то хозяйки уменьшали ее въ свою пользу, и снявши жиръ со щей и даже отливши часть ихъ, дополняли горшокъ водою: тутъ у меня, какъ я послѣ испыталъ, былъ бы большой проигрышъ. Если бы даже поставили меня къ какому либо хозяину нахлѣбникомъ, какимъ я былъ у Бѣляевыхъ, то и тутъ я не выигралъ бы. Всѣ такіе хозяева, какъ я слыхалъ отъ своихъ товарищей, поступали съ ними очень не добросовѣстно и нерѣдко морили голодомъ.

Конечно, мнѣ доставалось отъ Анны Яковлевны и отъ Анны и отъ соквартирантовъ; приходилось выносить жестокія даже наказанія; но и въ другихъ квартирахъ, особенно пока я еще учился въ приходскомъ училищѣ, житье мое было бы не радость. Рѣдкіе хозяева или хозяйки не получали позволенія отъ отцовъ, или не считали себя въ правѣ смотрѣть за нами—семинаристами и принимать исправительныя мѣры. Можетъ-быть мнѣ пришлось бы рѣже знакомиться съ хозяйскою лозою, но за то таски, колотушки въ голову, кулачныя увѣщанія, удары толстымъ ремнемъ и палкою были бы вещью обыкновенною. Какой-либо мѣщанинъ, отставной солдатъ, дьячекъ и ихъ благовѣрныя супруги поступали съ нашимъ братомъ и глупѣе, и грубѣе, и безчеловѣчнѣе, нежели Анна Яковлевна. Эта наказывала за проступки, за шалости, разобравши ихъ, а тѣ просто били бы чѣмъ и какъ ни попало. Но главное дѣло, меня надобно было бы еще отдать подъ надзоръ кого-либо изъ высшеклассныхъ учениковъ. А эти господа, за немногими исключеніями, обращались съ ввѣренными имъ низшеклассными, особенно приходскими, несравненно безалабернѣе, безтолковѣе, безчеловѣчнѣе, нежели взрослые, хоть сколько-нибудь образованные люди. Мальчонка, будучи начальникомъ другаго мальчонки, дѣлается почти всегда его мучителемъ; ниже я опишу много возмутительныхъ подробностей по этой части. Конечно, я былъ очевидцемъ и пьянства, и картежничества моихъ соквартирантовъ. Но въ тѣхъ квартирахъ, гдѣ командовали высшеклассные, мерзостей было гораздо больше, нежели у насъ. Напр. Анна Яковлевна никакъ не позволяла употреблять площадную брань; услышавши ее, она не потакала даже большимъ. Картежная игра у высшеклассныхъ была въ бóльшей модѣ, нежели у насъ на

квартирѣ,—проигрывали всѣ деньги, полученные отъ отцовъ, такъ что приходилось ѣсть одинъ только хлѣбъ. Пьянство было открытѣе, нежели у насъ: Кудрявцовъ и Прудковъ напивались гдѣ-либо не на своей квартирѣ и, пришедши домой, старались прикрыть свой грѣхъ отъ Анны Яковлевны. А гдѣ командовали высшеклассные, тамъ пили дома и маленькихъ дѣтей посылали въ кабакъ за водкой, и даже иногда принуждали и приглашали ихъ выпить. Право, кажется, мнѣ едва ли было бы лучше жить на другой квартирѣ, пока бы я не перешелъ въ высшее отдѣленіе.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

Воспоминанія Г. К. Градовскаго.

IV [1]).

„Русское Обозрѣніе“ испытало всѣ невзгоды пріостановки изданія въ тотъ періодъ времени, когда болѣе практичныя редакціи не допускаютъ „никакого либерализма“. По этой именно причинѣ, нашлись въ журнальной средѣ прозорливые люди, которые объясняли пріостановку газеты „выгодами“ редакціи, неудачею подписки. Честный образъ дѣйствій и вѣрность публицистическому долгу до такой степени были немыслимы, что казались многимъ чѣмъ-то въ родѣ самаго тонкаго плутовства. Въ глазахъ другихъ, это по меньшей мѣрѣ было смѣшное донкихотство! Прозорливые люди, однако, обманулись.

Ровно въ назначенный срокъ, не запоздавъ ни однимъ днемъ, „Русское Обозрѣніе“ снова появилось.

Выпуская двойные нумера, газета могла просуществовать только до 17-го апрѣля 1877 г., включительно. Изъ шести выпусковъ, только одинъ ускользнулъ отъ кары. Предостереженія акуратно слѣдовали черезъ нумеръ, но относились къ каждому изъ нихъ. Можно было думать, что каждый нумеръ заслуживалъ только половину предостереженія; но двѣ половины складывались въ какой-то таинственной лабораторіи и образовывали цѣлое, которое появлялось уже въ формѣ извѣстнаго „распоряженія“. Пропускъ одного нумера объясняется, надо полагать, тѣмъ, что онъ вышелъ на свѣтлый праздникъ. Такимъ образомъ, одинъ день въ году, цензура проникласъ (1877 г.) терпимостью и христіанскимъ всепро-

[1]) См „Русскую Старину“ изд. 1882 г., т XXXIII, февраль, стр. 491—510.

щеніемъ: въ этотъ день умолкъ ея тогдашній вопль „распни"! Зато послѣдовавшее затѣмъ распоряженіе, объявившее газетѣ второе предостереженіе, не удовольствовалось однимъ этимъ взысканіемъ: одновременно была воспрещена и розничная продажа нумеровъ „Русскаго Обозрѣнія". Необходимо замѣтить, что прерванная первою пріостановкою подписка побудила публику быть осторожною. „Русское Обозрѣніе" расходилось главнымъ образомъ посредствомъ розничной продажи нумеровъ. Теперь, простымъ административнымъ распоряженіемъ, отымалось у изданія и это матеріальное подспорье, хотя отчасти исправлявшее несправедливость первой пріостановки. Необходимо замѣтить, что запрещеніе розничной продажи, въ іерархической лѣстницѣ взысканій, считается слабѣйшимъ и потому обыкновенно предшествуетъ предостереженіямъ. Оно, такъ сказать, предостерегаетъ отъ предостереженія. Газета, получившая „запрещеніе розничной продажи", удваиваетъ осторожность и всѣ издательскіе помыслы клонятся къ тому, чтобъ заслужить прощеніе. Съ разрѣшеніемъ розничной продажи, возвращается нѣкоторое спокойствіе и надежда, что гроза предостереженій миновала. Но „Русское Обозрѣніе" не считали нужнымъ предохранять отъ предостереженій предварительнымъ запрещеніемъ розничной продажи. Зато, когда стало извѣстно, что розничная продажа нумеровъ этого еженедѣльнаго изданія доходитъ до такихъ размѣровъ, о которыхъ только мечтаютъ многія ежедневныя газеты, то взысканіе это незамедлило явиться въ видѣ сверхсмѣтной добавки ко второму предостереженію. Едва ли это не былъ единственный примѣръ одновременнаго примѣненія двухъ строгихъ каръ за одну и ту же вину. Но въ принципѣ тогдашней практики Главнаго управленія по дѣламъ печати, еще со временъ дальновиднаго М. Н. Лонгинова, входило правило: „бей независимое слово рублемъ" и только особенно не сговорчивыхъ валяй уже „дубьемъ". Эта практическая философія, хотя и противорѣчила „охранительнымъ" возгласамъ противъ разрушителей основъ и собственности, но относительно печати въ то время считалось, что всѣ средства хороши. Примѣненіе ея, къ сожалѣнію, находило оправданіе въ безпринципности, разъединенности и матеріальной разсчетливости большинства журналистики.

Останавливаясь на вопросѣ, что̀ вызывало такое систематиче-

ское преслѣдованіе „Русскаго Обозрѣнія", приходится опять теряться въ недоумѣніяхъ. Мы въ это время были наканунѣ войны. Теченіе тянуло насъ въ тотъ грозный потокъ, который нанесъ намъ столько ранъ и разрушеній въ 1853—1855 годахъ. Приходилось измѣнить убѣжденіямъ, вкоренившимся послѣ крымской войны. Во всѣхъ инкриминированныхъ статьяхъ, „Русское Обозрѣніе" старалось противодѣйствовать слишкомъ легкимъ разсчетамъ на успѣхъ и презрительнымъ отношеніямъ къ непріятелю. Изъ опасенія, чтобъ не повторились разочарованія крымской войны, газета напоминала тогдашнія неурядицы, предостерегала отъ хищничества интендантства и подрядчиковъ. Она указывала на опасность новой европейской коалиціи, которую можно было бы обезоружить лишь въ томъ случаѣ. еслибъ наше внутреннее положеніе отвѣчало тѣмъ высокимъ гуманнымъ идеямъ, которыя заявлялись въ дѣлѣ защиты славянскихъ народностей отъ турецкаго гнета. Газета выражала опасеніе, чтобы и неудача, и побѣды не были бы одинаково невыгодны для Россіи. Прискорбныя послѣдствія неудачи сами по себѣ понятны; военный же успѣхъ, хотя бы и надъ такимъ слабымъ и раздираемымъ внутренними безпорядками врагомъ, какъ турки, могъ лишь отуманить наше сознаніе и усилить реакцію.

„Русское Обозрѣніе", со времени сербскихъ неудачъ, не разъ выставляло и старалось вкоренить въ общественномъ сознаніи убѣжденіе, что освободителемъ можетъ быть только тотъ, кто самъ свободенъ отъ всего внутренняго зла, неправды и хищенія; и приходить въ негодованіе отъ внутреннихъ неурядицъ чужой жизни имѣютъ основаніе лишь тѣ, кто сознаетъ и исправляетъ собственное нестроеніе. Наши воинственные возгласы противъ турокъ слишкомъ напоминали легкомысленные крики парижской толпы: „въ Берлинъ, въ Берлинъ", и нашу собственную самоувѣренность наканунѣ крымской войны. Обязанность трезвой печати было предостерегать отъ подобныхъ увлеченій, за которыя приходится расплачиваться горькими униженіями и разочарованіями.

Спрашивается, что же тутъ было или могло быть противоправительственнаго или вреднаго? Если газета ошибалась, если предостереженія ея были излишнею мнительностью, тѣмъ лучше. Само правительство заявляло о своемъ миролюбіи и приступало

къ войнѣ съ тою осторожностью, которая дѣлаетъ ему честь. Предостереженія печати могли имѣть отношеніе только къ обществу, чтобъ умѣрить его пылъ и легкомысліе тѣхъ, которые разжигали воинственныя страсти и шутили такимъ страшнымъ, безчеловѣчнымъ дѣломъ, какъ война.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ извѣстно, значительнѣйшая часть опасеній, выраженныхъ въ „Русскомъ Обозрѣніи", оправдалась на дѣлѣ. Еслибъ печати была предоставлена законная свобода, можетъ быть у насъ были бы строже взвѣшены турецкія силы; гг. Грегеры и Горвицы, съ интендантствомъ во главѣ, не предоставили бы продовольствіе арміи на произволъ случая, и всегда возможныя на войнѣ частныя неудачи не были бы встрѣчены такъ растерянно; легкомысленный воинственный пылъ не смѣнился бы такимъ унизительнымъ и трусливымъ разочарованіемъ, какъ это случилось послѣ плевненскихъ штурмовъ и снятія осады Карса. Наконецъ, какъ мы знаемъ теперь, и опасеніе, что самый успѣхъ войны не принесетъ пользы нашему внутреннему развитію, вполнѣ оправдалось. Не только общее положеніе наше въ 1878 и 1879 гг. значительно ухудшилось, но и самое сознаніе необходимости его улучшенія и преобразованія со всею силою возникло только въ началѣ 1880 года.

За что же, повторяемъ, преслѣдовалось независимое слово въ печати; кому и чему эти кары и стѣсненія умственной дѣятельности приносили пользу?

Само собою разумѣется, что всѣ указанныя опасенія выражались въ „Русскомъ Обозрѣніи" до объявленія войны. Какъ только послѣдовалъ Высочайшій манифестъ отъ 12-го апрѣля 1877 г., газета поспѣшила присоединиться ко всей печати съ пожеланіями полнаго успѣха нашей арміи. Чаша испытаній была налита — приходилось ее испить. Предостерегать было уже несвоевременно; слѣдовало заботиться о томъ, какъ бы довершить съ честью и безъ особыхъ потерь начатое дѣло. Въ этомъ смыслѣ, въ самый день объявленія войны, редакція адресовала телеграмму Августѣйшему Главнокомандующему и получила отъ Его Императорскаго Высочества весьма любезный отвѣтъ. Такъ какъ это могло выяснить обществу и особенно карающему главному управленію по дѣламъ печати истинный смыслъ отношеній газеты къ войнѣ, то въ ближайшемъ нумерѣ были напечатаны, какъ редак-

ціонная телеграмма, такъ и отвѣтъ на нее Главнокомандующаго южною арміею. Желая еще болѣе успокоить главное управленіе по дѣлалъ печати и имѣя въ виду, что большинство придирокъ его вызывалось фельетонами, редакція рѣшилась болѣе не помѣщать ихъ, сосредоточивъ вниманіе уже не на вопросахъ и недугахъ нашей внутренней жизни, но на сообщеніи извѣстій съ театра войны, которыя подвергались особой, тогда же установленной цензурѣ. Въ такомъ видѣ и вышелъ 17-го апрѣля 1877 года № 12—13 „Русскаго Обозрѣнія". Все это ни къ чему доброму, однако, не повело.

Черезъ два дня по выходѣ № 12—13, ко мнѣ зашелъ одинъ знакомый предупредить, что на счетъ „Русскаго Обозрѣнія" онъ слышалъ весьма неутѣшительную вѣсть. Готовится, будто бы, третье предостереженіе и продолжительная пріостановка. Крайне обезпокоенный и возмущенный этимъ извѣстіемъ, я отправился въ Театральную улицу, чтобъ узнать въ чемъ дѣло. Почти у воротъ цензурнаго комитета встрѣчаю цензора, которому препровождался экземпляръ газеты до выпуска его изъ типографіи. Я сообщилъ ему свои опасенія и получилъ довольно успокоительный отвѣтъ. Онъ жаловался на безпокойство, причиненное ему „Русскимъ Обозрѣніемъ": благодаря газетѣ, онъ не спалъ въ ночь съ 16-го на 17-е апрѣля, предшествующую выходу послѣдняго нумера. Оказалось, что цензоръ получилъ отъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати В. В. Григорьева записку, въ которой было приказаніе отправиться въ типографію, просмотрѣть нумеръ „Русскаго Обозрѣнія" и задержать его, если въ немъ будетъ хотя что-нибудь сомнительное въ цензурномъ отношеніи. Цензоръ исполнилъ приказаніе своего начальства и, въ нарушеніе закона, безъ вѣдома редакціи, пересмотрѣлъ не представленный ему нумеръ въ типографіи передъ самымъ печатаніемъ его. „Вы понимаете,—добавилъ цензоръ къ своему разсказу,—своя рубашка ближе къ тѣлу; еслибъ я нашелъ что-нибудь сомнительное, я задержалъ бы нумеръ; но въ немъ не было даже и фельетона. Однако, вы видите, какое противъ васъ настроеніе, а потому вамъ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ". Поблагодаривъ за любезное объясненіе цензора, отъ котораго дѣйствительно не встрѣчалось никакихъ придирокъ и который въ данномъ случаѣ творилъ лишь волю пославшаго его,—я зашелъ

на всякій случай въ цензурный комитетъ. Здѣсь тоже ровно ничего не знали и не подозрѣвали даже о ночной экскурсіи цензора въ типографію. Послѣдній нумеръ „Русскаго Обозрѣнія“ никакихъ недоумѣній не возбуждалъ и никакихъ представленій по его поводу цензурный комитетъ не дѣлалъ. Совершенно успокоенный всѣмъ этимъ, я не отправился за дальнѣйшими справками въ главное управленіе по дѣламъ печати. Мнѣ претило входить въ это управленіе, изъ котораго сыпались кары и прежде, не справляясь даже съ мнѣніемъ цензуры, поверхъ, такъ сказать, ближайшихъ блюстителей благочинія въ русской мысли. Къ тому же, мнѣ казалось непрактичнымъ самому возбуждать тревогу и сомнѣнія въ благонамѣренности своей газеты.

Въ тотъ же день, позднимъ вечеромъ, одинъ изъ инспекторовъ типографій, съ свойственною имъ вѣжливостью, вручилъ мнѣ „распоряженіе“, въ силу котораго за № 12—13 „Русскаго Обозрѣнія“ объявлялось третье предостереженіе, съ пріостановкою изданія на высшій срокъ—шесть мѣсяцевъ.

Въ жгучее время войны, когда даже лѣнивые и полуграмотные жадно читаютъ газеты, „Русское Обозрѣніе“ приговаривалась къ шестимѣсячной смерти.

Поводомъ такой кары послужилъ тотъ самый нумеръ, который былъ строго просмотрѣнъ и пропущенъ самою цензурою. Коментаріи, полагаемъ, излишни.

Сознавая, что отъ этого удара газета, всѣ потраченные на нее труды, заботы и средства могутъ окончательно погибнуть и зная очень хорошо, что многіе подписчики не выписываютъ другой газеты, я поспѣшилъ принять мѣры, чтобъ хотя нѣсколько ослабить бѣду. Во время этой шестимѣсячной пріостановки подписчикамъ на „Русское Обозрѣніе“ высылались другія газеты. Обезоруженный, приговоренный къ молчанію и бездѣйствію, въ то горячее время, когда не только публицистъ, но всякій мыслящій человѣкъ жаждетъ печатнаго слова и обмѣна мыслей, — я не въ силахъ былъ сидѣть сложа руки. Я рѣшился отправиться на театръ войны и съ этою цѣлью предложилъ редакціи „Голоса“ быть ея военнымъ корреспондентомъ. Такъ какъ на Дунаѣ имѣлось уже много корреспондентовъ, то мое намѣреніе было отправиться въ Малую Азію, въ кавказскую армію, о которой, казалось, въ то время всѣ забыли, полагая, что тамъ дѣло ограни-

чится лишь оборонительнымъ положеніемъ. Редакція „Голоса" охотно приняла мое предложеніе и всѣ сборы, начиная отъ разрѣшенія со стороны военнаго начальства, улажены были въ нѣсколько дней.

Передъ отъѣздомъ, я отправился къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанту А. Е. Тимашеву. Мнѣ хотѣлось хотя что-нибудь сдѣлать въ пользу газеты и разъяснить то шаткое, невыносимое положеніе, въ которомъ находилась печать, пользующаяся кличкою „свободная". А. Е. Тимашевъ принялъ меня очень любезно, какъ свѣтскій, воспитанный человѣкъ. Моя жалоба на главное управленіе по дѣламъ печати была выслушана съ большимъ тактомъ. А. Е. Тимашевъ заявилъ, что лично противъ меня онъ рѣшительно ничего не имѣетъ и упорно отрицалъ мое предположеніе, что ему нѣкогда слѣдить за всею печатью. Я полагалъ, что почти всегда ему приходится полагаться на представленія главнаго управленія, которое увлекается и отрывочныя мѣста и фразы статей, безъ связи съ общимъ направленіемъ газеты, возводитъ въ преступленія. Министръ, напротивъ, завѣрялъ, что онъ очень внимателенъ и строгъ къ этимъ представленіямъ, всегда самъ просматриваетъ заподозрѣнныя статьи и иногда умѣряетъ рвеніе главнаго управленія. Это навело разговоръ на войну, на общее наше положеніе и на положеніе печати въ частности. А. Е. Тимашевъ упрекалъ печать въ легкомысленности, въ подстрекательствѣ общества къ войнѣ; онъ говорилъ о тягости войны и объ опасности со стороны тѣхъ державъ, которыя косвенно поддерживаютъ Турцію и готовы, при случаѣ, подать ей прямую помощь. Онъ нѣсколько удивился, когда я выразилъ полное согласіе со всѣми этими опасеніями и заявилъ, что „Русское Обозрѣніе" получало кары за тѣ самыя статьи, которыя противорѣчили легкомысленнымъ отношеніямъ къ войнѣ. Я вполнѣ убѣдился, что истинное направленіе газеты оставалось неизвѣстнымъ министру, который и въ самомъ дѣлѣ лишенъ физической возможности услѣдить за всею печатью. Изъ этого разговора, я сдѣлалъ еще одно открытіе, очень характерное для выясненія взглядовъ господствовавшихъ во вліятельной средѣ по отношенію къ печати въ пережитое нами тяжкое время. Слыша самые презрительные отзывы А. Е. Тимашева о нѣкоторыхъ газетахъ и журналистахъ, объ ихъ двоедушіи, продажности

и готовности изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ на всякія сдѣлки съ совѣстью и на всевозможныя выходки передъ публикою, — я выразилъ мнѣніе, что существующія условія печати и система административныхъ взысканій не благопріятствуютъ независимой, честной, не спекулятивной печати, а поощряютъ именно ту нравственную разнузданность и то торгашество, которыя такъ возмущаютъ министра. Каково же было мое удивленіе, когда въ отвѣтъ на это, я услышалъ, что администраціи удобнѣе справляться и имѣть дѣло съ тѣми журналистами, которые преслѣдуютъ чисто коммерческія цѣли. Я пробовалъ представить соображенія, какая опасность грозитъ государству и обществу отъ растлѣнія такой силы, какъ печать, отъ уничтоженія независимаго, искреннаго слова, но убѣдился, что журналистика разсматривается только какъ зло, которое по необходимости приходится терпѣть, и что въ полезныя, плодотворныя услуги ея истиннымъ интересамъ государства, правительства и общества—нѣтъ ни малѣйшей вѣры.

Какъ извѣстно, заблужденіе это не ново и за него нельзя винить тѣхъ или другихъ лицъ. Эти заблужденія были отмѣчены еще покойнымъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, по отношенію къ тому времени, когда Дельвигъ, Пушкинъ и другіе лучшіе представители литературы пытались создать и противоставить честную журналистику той монопольной журнальной гликѣ, которая подъ фирмою Булгарина, Греча и Сеньковскаго „торговала благонамѣренностью и патріотизмомъ“ [1]). Упоминая о тѣхъ тонкостяхъ и ухищреніяхъ, которыя пускались въ ходъ для удержанія этой вредоносной монополіи и объясняя какимъ образомъ возникновеніе честной журналистики встрѣчало противодѣйствіе въ правительственныхъ сферахъ, князь В. Ѳ. Одоевскій говоритъ: „Одинъ глубокомысленный человѣкъ, и не безъ вѣса, громко говорилъ, что лучше монополія въ рукахъ людей, съ которыми нечего церемониться, чѣмъ распространеніе журналовъ. Подъ вліяніемъ этихъ „глубокомысленныхъ“ соображеній и ошибочныхъ взглядовъ на печать, воспитались люди той среды, изъ которой большею частью вышли дѣятели современной намъ эпохи. Неудивительно, что подобныя заблужденія возродились въ пережитое нами критическое время и

---

[1]) Выраженіе П. В. Анненкова.

что возымѣла свое значеніе старая привычка видѣть опасность въ гласномъ обмѣнѣ мнѣній и забывать сокрушительную силу, пристрастіе и увлеченія стоустной молвы, всегда таинственной и безконтрольной. Только случайно благопріятныя обстоятельства могли создать въ современныхъ намъ государственныхъ дѣятеляхъ убѣжденіе, что лучшее орудіе противъ всякихъ „превратныхъ толковъ" и противъ злоупотребленій печатнымъ словомъ заключается въ самой печати, при условіи ея независимости. Считается азбучною истиною, что государственная власть обязана поддерживать нравственность. Очевидно, одно только заблужденіе можетъ допускать исключенія изъ этого правила. да еще по отношенію къ такой могучей силѣ, какъ печать".

Мы обязаны тутъ отмѣтить еще одинъ, очень грустный фактъ, но также весьма важный для объясненія недавняго, и дастъ Богъ невозвратнаго, прошлаго русской печати.

Если въ 1830—1840 годахъ, нецеремонное обращеніе съ печатью и противодѣйствіе честной журналистикѣ находили поддержку и отчасти оправданіе въ умственномъ и нравственномъ обликѣ тѣхъ журналистовъ, „съ которыми нечего церемониться", – то совершенно аналогическія явленія соотвѣтствуютъ и нашей эпохѣ. Выше было упомянуто, что большинство каръ, постигшихъ „Русское Обозрѣніе", предпринято было по непосредственному почину главнаго управленія по дѣламъ печати, помимо ближайшихъ цензурныхъ учрежденій. Оказывается, что и въ починѣ главнаго управленія бывалъ иногда еще починъ. Онъ возникалъ съ той стороны, съ которой всего менѣе его можно было ожидать, всѣ интересы которой, казалось, противорѣчили преслѣдованіямъ печатнаго слова. Находились руки, которыя преподносили главному управленію совсѣмъ готовые, просмотрѣнные, подчеркнутые и коментированные цензорскіе доклады на полахъ „Русскаго Обозрѣнія". Эти добровольцы по цензорской части выходили изъ учено-литературной (?) среды... Они не стѣснялись отбивать хлѣбъ у чиновниковъ цензурнаго вѣдомства, не разъ тяготившихся своими обязанностями, и подводили ихъ подъ начальническіе выговоры за нерадѣніе. Намъ совѣстно называть этихъ лицъ, изъ уваженія къ ихъ положенію; но живы еще непосредственные свидѣтели этого постыднаго явленія, которые не откажутся, въ случаѣ надобности, подтвердить его. Да и дѣло не въ

именахъ теперь, а въ фактахъ. Подобные факты вполнѣ объясняютъ тотъ презрительный тонъ, съ которымъ А. Е. Тимашевъ и другіе государственныя лица отзывались, въ пережитые тяжелые годы, о „либеральной“ печати и о тѣхъ или другихъ газетахъ и журналистахъ. Сама журналистика (?) лѣзла подъ ярмо и подводила подъ него другихъ!...

V.

Въ сентябрѣ 1877 года, передъ истеченіемъ шести-мѣсячнаго срока пріостановки изданія, я возвратился изъ Малой Азіи въ Петербургъ, для возобновленія „Русскаго Обозрѣнія“. Проѣхавъ изъ конца въ конецъ, съ юга на сѣверъ, всю Россію, я былъ пораженъ рѣзкою перемѣною въ общественномъ настроеніи. Исчезли прежніе легкіе взгляды на войну, безъусловная вѣра въ успѣхъ, презрительныя отношенія къ туркамъ. Невзгоды войны повсюду уже чувствовались. Множество семействъ осиротѣло, многіе города переполнены были ранеными и больными. Недостатки въ организаціи медицинской помощи, интендантская безъурядица и хищничество тыла арміи и главнымъ образомъ неудачные, кровавые штурмы и отступленія производили замѣтное смущеніе. Недовольство, негодованіе, преувеличенныя опасенія, безнадежность провожали меня отъ Александрополя до Петербурга. Болѣе, нежели когда нибудь сознавалъ я тогда, какія услуги могла бы оказать печать, если-бъ не была у насъ стѣснена передъ войною и не обращена въ льстивые листки, заискивавшіе то у толпы, то у администраціи. Стѣсненія гласности совершили свое дѣло и во время войны. Многіе не вполнѣ довѣряли корреспонденціямъ, предполагая, что не вся истина могла въ нихъ проскользнуть. Изъ тѣхъ же мѣстъ, изъ которыхъ не было вовсе корреспонденцій, росли самые чудовищные слухи, подливавшіе масло въ огонь. Такъ было, напримѣръ, по поводу извѣстнаго возстанія на Кавказѣ, гдѣ у многихъ были родные, знакомые, которыхъ считали погибшими. Съ трудомъ приходилось успокоивать черезчуръ взволнованныхъ и умѣрять, не тотъ здоровый, смѣло глядящій въ глаза опасности скептицизмъ, который обыкновенно у насъ преслѣдовался, но скептицизмъ позорный, трусливый, недостойный великаго народа, который всегда находилъ себѣ приволье въ общественной бездѣятельности, въ безправіи и приводилъ къ безсилію и упадку

духа. Чтобъ характеризовать до какой степени рѣзко измѣнилось общественное настроеніе въ эти шесть мѣсяцевъ, достаточно привести слѣдующій примѣръ. Осажденный со всѣхъ сторонъ тревожными вопросами объ общемъ положеніи Кавказской арміи, я рѣшился печатно отвѣчать на нихъ, тѣмъ болѣе, что не всѣ же могли меня лично слышать. Я свидѣтельствовалъ о прекрасномъ духѣ арміи, о томъ, что единственною причиною (ближайшею, конечно) временной пріостановки наступленія былъ недостатокъ войскъ и что въ отрядѣ Михаила Таріелловича Лорисъ-Меликова (нынѣ графа) интендантская часть въ безъупречномъ состояніи. Все это было сущею правдою и не замедлило подтвердиться; но подало поводъ одному лицу съостроумничать: онъ заявилъ, въ печати, что по всему видно, что я собираюсь поступить въ интендантскіе чиновники. А шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ, одно предположеніе о возможности военныхъ неудачъ и интендантскихъ безпорядковъ вызывало обвиненія въ „туркофильствѣ“ и административныя преслѣдованія со стороны Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

Въ Петербургѣ и Москвѣ общее недовольство какъ бы сосредоточивалось и вызывало серьезное безпокойство въ правительственныхъ сферахъ. Сами чиновныя власти не могли не сознавать, что поводы къ недовольству и сомнѣніямъ существовали. Особенный переполохъ произошелъ въ Петербургѣ, когда дѣла подъ Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ заставили петербургское общество сознать, что война не маневры въ Красномъ Селѣ и почувствовать то, что ранѣе переносили многіе другіе города, успѣвшіе сродниться съ тѣмъ или другимъ полкомъ. Къ сожалѣнію, причинъ неудачъ всѣ искали на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ поступкахъ или распоряженіяхъ отдѣльныхъ лицъ, тогда какъ корень ихъ лежалъ въ условіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ и прежде всего въ нашей мыслебоязни. Имѣвъ случай бесѣдовать въ то время со многими остававшимися въ Петербургѣ представителями правительственной власти, я вынесъ убѣжденіе, что тревога и тотъ опасливый, нездоровый скептицизмъ, о которомъ говорено выше, проникли далеко за предѣлы чисто общественной сферы, но вѣрнаго взгляда на причины почти буквальнаго повторенія уроковъ Крымской войны не было замѣтно и не чувствовалось даже сознаніе въ не-

обходимости его выясненія. Этимъ въ достаточной мѣрѣ объясняется почему послѣ одержаннаго въ концѣ концовъ военнаго успѣха мы обречены были перенести еще два года (1878 и 1879) наиболѣе тягостной реакціи, отъ которыхъ только теперь нѣсколько отдыхаемъ, благодаря началу новой политики.

Это отступленіе необходимо было для уясненія тѣхъ обязанностей, которыя возлагались въ то время на печать. Должна-ли была честная, независимая, преданная государственнымъ интересамъ журналистика выкрикивать противъ Грегера и Горвица и натравливать общество, съ предъугаданнаго дозволенія, на тѣхъ или другихъ начальниковъ арміи, или долгъ ея заключался въ томъ, чтобъ выяснить коренныя причины повторившихся неблагопріятныхъ явленій эпохи Крымской войны? Возобновившееся „Русское Обозрѣніе" стояло на этой объективной точкѣ зрѣнія. Изъ этого уже ясно, что оно заранѣе обречено было на смерть.

VI.

Осенью 1877 года, однако, все это не могло такъ ясно сознаваться, какъ теперь. Напротивъ, были нѣкоторые благопріятные и обнадеживавшіе признаки. Они заключались въ благопріятномъ оборотѣ, который произошелъ въ отношеніяхъ ко мнѣ лично со стороны тогдашнихъ правительственныхъ лицъ. Возвратившись въ Россію, я не только былъ порадованъ сочувственнымъ отношеніемъ къ моимъ военнымъ корреспонденціямъ со стороны общества, но и пріятно удивленъ одобреніемъ ихъ въ правительственной сферѣ. Военная цензура почти не касалась моихъ корреспонденцій. Въ самомъ главномъ управленіи по дѣламъ печати, съ которымъ я разстался при полномъ разрывѣ, мнѣ довелось слышать много любезностей. Министръ внутреннихъ дѣлъ не только привѣтливо меня встрѣтилъ и разспрашивалъ, но и не ожидая выхода „Русскаго Обозрѣнія", отмѣнилъ запрещеніе розничной продажи. Словомъ, уѣхавъ на театръ войны страшно неблагонадежнымъ, я возвратился самымъ благонамѣреннымъ человѣкомъ. Такъ какъ въ эти шесть мѣсяцевъ во мнѣ не произошло никакой внутренней перемѣны, то и было основаніе надѣяться, что перемѣны слѣдуетъ искать въ самыхъ цензурныхъ условіяхъ, во взглядахъ

на независимое печатное слово. Я возобновилъ поэтому газету съ надеждою на лучшія и болѣе безпристрастныя къ ней отношенія.

Въ это время „Голосъ“ предложилъ мнѣ опять ѣхать спеціальнымъ военнымъ корреспондентомъ, но на этотъ разъ уже за Дунай. Оказалось, что бывшіе въ дунайской арміи спеціальные корреспонденты этой газеты были удалены и ей запрещалось вовсе ихъ имѣть въ арміи. „Голосъ“ пробовалъ послать новаго корреспондента, но онъ не былъ допущенъ. Тогда-то редакція и обратилась ко мнѣ, въ надеждѣ авось для меня будетъ сдѣлано исключеніе. Такъ какъ военная жилка болѣе или менѣе сидитъ въ каждомъ, такъ какъ всѣ наши помыслы и чувства въ то время устремлены были къ родной арміи, то весьма понятно, что я согласился. Къ тому же и предложенныя мнѣ тогда матеріальныя условія давали надежду пополнить хотя отчасти опустошенія, произведенныя въ кассѣ „Русскаго Обозрѣнія“ предшествовавшими карами. Устроивъ редакціонную часть, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, я опять уѣхалъ изъ Петербурга, успѣвъ выпустить при себѣ только одинъ нумеръ газеты.

Должное разрѣшеніе изъ главной квартиры Дунайской арміи я получилъ очень легко и при томъ дѣйствительно по исключенію, о чемъ и упомянуто въ сохраняющихся у меня документахъ. Упираю на этотъ фактъ собственно для того, чтобъ показать, что „благонадежность“ моя не только продолжалась, но получила новое, блистательное подтвержденіе. Въ ноябрѣ 1877 г., во время войны, передъ паденіемъ Плевны, во время новой неудачи подъ Еленою, мнѣ лично, на мою отвѣтственность, было разрѣшено то, въ чемъ отказывалось цѣлой редакціи одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ Россіи. Я пробылъ за Дунаемъ 4½ мѣсяца, перешелъ за Балканы и дождался въ Санъ-Стефано заключенія предварительнаго мира. Изъ всего этого можно заключить, что вредоносность моей публицистической дѣятельности, если она только существовала, во всякомъ случаѣ не была особенно велика и не выдавалась изъ общаго уровня. Не могъ же я въ такой короткій промежутокъ времени измѣниться? Тѣмъ не менѣе, возвратившись въ Россію, черезъ Константинополь и Одессу, въ послѣднихъ числахъ февраля 1878 г., меня разомъ поразили двѣ горестныя вѣсти. За пять недѣль передъ тѣмъ, въ послѣднемъ дѣлѣ 18-го января 1878 г. (повтореніе батумскихъ

штурмовъ) мой родной братъ былъ убитъ наповалъ на непріятельскихъ окопахъ, подавая примѣръ храбрости разстроеннымъ солдатамъ. Хотя я лично и отдѣлался счастливо отъ ранъ и тифа, но не менѣе тягостная нравственная и матеріальная невзгода разразилась надо мною во время моего пребыванія на театрѣ войны.

„Русское Обозрѣніе" успѣло получить за это время пять предостереженій, съ прежними шестью—всего одиннадцать.

Два изъ нихъ подошли подъ амнистію, послѣдовавшую въ декабрѣ 1878 г., а остальныя послѣдовали за пять новогоднихъ нумеровъ. Съ 8 февраля 1878 г. „Русское Обозрѣніе" опять было пріостановлено и опять на шесть мѣсяцевъ. Не гостепріимно встрѣтила меня на этотъ разъ родина!..

Бо́льшая часть предостереженій послѣдовала опять за мои статьи, присланныя съ театра военныхъ дѣйствій. Я писалъ ихъ подъ вліяніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя поражали болѣе или менѣе каждаго, кто былъ въ Дунайской арміи. Ихъ испытывали отчасти, какъ мнѣ случалось не разъ убѣдиться, весьма многіе Дѣло въ томъ, что въ бѣдной Арменіи, представляющей развалины отжившаго, удаленнаго отъ вліянія новой цивилизаціи народа, наши внутренніе недостатки нисколько не бросаются въ глаза. Напротивъ, все наше казалось неизмѣримо выше. Тамъ це чувствовалось никакого разлада, тамъ вашъ умъ и сердце находились въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что совершалось. Вы видѣли, что сильный пришелъ на помощь слабому, что цивилизованные люди борются противъ варваровъ, что богатый и свободный народъ протягиваетъ руку бѣдному и угнетенному. Понятно, что и въ корреспонденціи мои не могло прокрасться никакой горечи, никакого сомнѣнія въ самой умѣстности нашей помощи и освободительной роли. Совсѣмъ иное чувствовалось на Дунайскомъ театрѣ войны. Уже при первомъ шагѣ черезъ границу, при сравненіи, напримѣръ, чистенькаго, благоустроеннаго, прекрасно вымощеннаго и освѣщеннаго, кипучаго жизнью городка Яссы съ нашимъ мертвеннымъ Кишиневымъ становилось какъ-то неловко. Тутъ же, въ Яссахъ, не давая оправиться, васъ поражало другое, гораздо болѣе тягостное сознаніе. На козлахъ прекрасныхъ парныхъ фаэтоновъ вы встрѣчали родныхъ вамъ людей, слышали родной вамъ языкъ. Ваше понятное любопытство быстро удовлетворяется. Вы узнаете, что эти зажиточные, гражданами

смотрящіе, люди вытѣснены въ маленькую Румынію, во время ихъ вытѣсненія бывшую еще турецкою провинціею, религіозными преслѣдованіями. А вѣдь мы кричимъ, что за крестъ мечъ нашъ поднятъ, а у васъ еще не изгладились отголоски высокопарныхъ возгласовъ противъ угнетателей православія! Ну въ какомъ же положеніи долженъ очутиться человѣкъ, незараженный лицемѣріемъ, подъ вліяніемъ подобнаго впечатлѣнія? Онъ разбѣжался спасать, сражаться за попранную вѣру, и вдругъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ соотечественниками, отыскавшими здѣсь именно ту религіозную свободу, во имя которой подъятъ мечъ!

И чѣмъ далѣе по Румыніи, тѣмъ хуже, тѣмъ сильнѣе чувствуется какая-то фальшь всего предпринятаго дѣла, тѣмъ болѣе приходится краснѣть да краснѣть за наши порядки, за наше высокомѣріе и ослѣпленіе. При переѣздѣ въ другія части Европы тоже совѣстно, но не такъ, какъ здѣсь, гдѣ вы ожидали совсѣмъ другаго, куда вы идете на помощь, какъ сильный къ слабому. Вы видите во всякой общинѣ школу, когда у насъ только разсуждали не повредитъ-ли образованіе и какой за нимъ удесятиренный надзоръ учинить. Вы видите обезпеченную личность, слышите открытую свободную рѣчь. Полная свобода печати, ничѣмъ не стѣсненная книжная торговля васъ поражаютъ на каждомъ шагу въ Бухарестѣ. Всѣмъ этимъ люди пользуются во время войны. О предостереженіяхъ и запретахъ и о многомъ другомъ не добромъ здѣсь забыли и думать. Цѣлое поколѣніе успѣло вырости, не подозрѣвая даже, что внѣ-судебныя расправы могутъ гдѣ нибудь существовать. Вы замѣчаете наконецъ на окнахъ книжныхъ магазиновъ, въ рукахъ нашихъ чиновниковъ, офицеровъ, тѣ „запрещенныя“ русскія и иностранныя изданія, одно названіе которыхъ произносилось у насъ шопотомъ, съ оглядкою. Вы чувствуете, что здѣсь совѣстно даже спросить, не можетъ-ли грозить отъ всего этого какая нибудь опасность государственному или общественному порядку. Васъ не поймутъ, на васъ поглядятъ какъ на какого нибудь чудака. И вы знаете въ то же время, что весь этотъ замѣтный, бросающійся въ глаза благопріятный переворотъ произошелъ въ какихъ нибудь 25 лѣтъ, въ то самое время, когда мы такъ опасались „скользкой покатости прогресса“; вы сознаете, что эта маленькая страна неизмѣримо менѣе „подготовлена“ къ этому положенію, что у нея нѣтъ такой богатой

литературы, какъ въ Россіи, что вообще нравственные, умственные и матеріальные источники ея быта гораздо ниже нашихъ. А вѣдь мы и ее нѣкогда спасали и спасли изъ-подъ турецкаго ярма, да и теперь никто, какъ мы, ей же несемъ свободу, самостоятельность! Что же это сонъ, тяжкій кошмаръ, или все это происходитъ на яву? Вы спѣшите отдѣлаться отъ всего этого, отъ этой горечи, отъ этихъ тягостныхъ сравненій и переѣзжаете за Дунай. Тутъ, вы полагаете, настоящая наша миссія. Но и тутъ безпощадная правда изготовляетъ для васъ неожиданность въ видѣ явнаго благосостоянія, необыкновенной зажиточности болгарскаго населенія. Ихъ нельзя и сравнивать съ крестьянствомъ многихъ нашихъ губерній. Многіе при видѣ этого говорили: „ну ужь братушки! И это имъ не житье! Засадилъ-бы ихъ.. Бунтовать вздумали!.. Одно слово—балованный народъ“. И на лицахъ говорившихъ это вы схватывали оттѣнки тѣхъ же недоумѣній, той же раздвоенности, того же чувства горечи, которыя невидимо накопляются въ васъ съ самаго переѣзда черезъ границу. Вы очень хорошо знаете, что они будутъ сражаться, съумѣютъ умереть и постоять за честь русскаго оружія; но все-же для многихъ изъ нихъ внутренній смыслъ войны исчезъ.

Спрашивается, послѣ всего этого, если вы честный публицистъ, если вы любите родину и дорого вамъ ея развитіе, — могли-ли вы скрыть отъ своего общества всѣ эти впечатлѣнія, могли-ли вы содѣйствовать тому невѣдѣнію, въ которомъ задыхалась ваша страна и который стоилъ ей такихъ тяжкихъ жертвъ? Обязаны ли вы были таить истину, какъ бы она горька ни казалась? Вотъ за стремленіе разоблачить все это, помочь нашему прозрѣнію, и посыпались новыя кары на „Русское Обозрѣніе“. Остальныя взысканія вызывались такими же отношеніями газеты къ внутреннимъ нашимъ событіямъ. Въ этомъ числѣ достойно вниманія предостереженіе, послѣдовавшее за напечатаніе письма бывшаго Оренбурскаго прокурора г. Павлова-Сильванскаго, разоблачившаго, въ самой сдержанной формѣ, тѣ, между прочимъ, явленія, которыя въ 1880 г. вызвали сенаторскую ревизію Уфимской губерніи со всѣми извѣстными нынѣ послѣдствіями.

Такимъ образомъ я засталъ изданіе „Русскаго Обозрѣнія“ пріостановленнымъ на шесть мѣсяцевъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ, т. е. 8-го августа 1878 г., я готовился возобновить изданіе. Пу-

бликаціи были сдѣланы, часть нумера была уже набрана. Но за четыре дня до выхода, именно 4-го августа, совершилось извѣстное уличное убійство генерала Мезенцова. Я узналъ объ этомъ происшествіи въ 5 часовъ; въ тотъ же день, около 12 часовъ ночи, получено мною приглашеніе явиться въ главное управленіе по дѣламъ печати для выслушанія „особаго правительственнаго распоряженія". На другой день В. В. Григорьевъ мнѣ объявилъ, что „Русское Обозрѣніе" приговорено къ смерти. Оно осуждено было еще разъ за прежнія вины и въ предвидѣніи новыхъ, по совершенно стороннему печати поводу!.. За все она у насъ была, въ пережитые годы, отвѣтчица...

VIII.

Такъ кончилось кратковременное существованіе газеты, не имѣвшей спекулятивныхъ цѣлей и, благодаря преслѣдованіямъ, не принесшей редакціи ничего, кромѣ значительнаго убытка и долговъ. Подъ такими-то вліяніями приходилось существовать столичной „свободной печати". Самая исторія окончательнаго запрещенія „Русскаго Обозрѣнія" въ высшей степени характерна для выясненія недавняго нашего прошлаго и заслуживала бы описанія; но это слишкомъ было еще недавно...... Ограничусь лишь замѣчаніемъ, что, по усвоенной привычкѣ, печать, печатающая всевозможные некрологи, ни однимъ словомъ не помянула погибшую газету. Зато нашлись такія лица, которыя сочли долгомъ заявить, что „Русское Обозрѣніе" исчезло съ лица земли отъ равнодушія публики, по недостатку читателей.

Извѣстно, что когда была запрещена первая честная и независимая газета на Руси, основанная Дельвигомъ, другомъ Пушкина, и запрещена за усмотрѣнную въ ней неблагонадежность, то раззорительная и нравственная тягость этой расправы, безъ суда и оправданія, такъ потрясла Дельвига, что онъ заболѣлъ и умеръ. Съ тѣхъ поръ нервы наши успѣли пообвыкнуть къ подобнымъ „случайностямъ", и плохой тотъ литераторъ, который не разсчитываетъ на нихъ, вдаваясь въ публицистику. Онъ заранѣе долженъ готовиться на всѣ испытанія. Тѣмъ не менѣе, несправедливость всегда тяжело переносить и благо тому обществу, которое оберегается отъ нихъ.

По поводу запрещенія „Литературной Газеты“ Дельвига, находившійся тогда еще въ цвѣтѣ силъ князь П. А. Вяземскій, самъ на себѣ испытавшій всяческія заподозриванія и обвиненія, писалъ:

— „Есть ли послѣ того возможность писать, не имѣвъ духа быть Ѳадѣемъ Булгаринымъ, который рѣшительно казнитъ и милуетъ кого угодно? И какая польза отъ того, что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія Блудовъ, а не какой нибудь Фотій, когда ни тотъ, ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона и писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что Государь уважилъ бы истину, еслибъ кто раскрылъ ее передъ нимъ. Но всѣ молчатъ“.

Намъ также были дарованы Государемъ-Освободителемъ новые законы и свобода, но никто не хотѣлъ уважать ихъ. Насъ освобождали отъ цензуры для того, чтобы честные некривящіе совѣстью, уважающіе печать люди и журналы страдали и погибали, для вящаго торжества лицемѣрной, низко услужливой, растлѣнной печати, во славу и утѣшеніе современныхъ Гречей и Булгариныхъ! При недавнихъ условіяхъ печати (въ 1870—1879 гг.) тоже никто не считалъ долгомъ „отстаивать существующаго закона или писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ“; никто не хотѣлъ „раскрыть истину“ и „всѣ молчали“.

Г. К. Градовскій.

20-го декабря 1880 г.
С.-Петербургъ.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

По поводу соч. г. Елагина „Бѣлое духовенство и его интересы".

X [1]).

Въ выборѣ благочинныхъ духовенствомъ г. Елагинъ видитъ уменьшеніе власти епископовъ. Но выбирало ли духовенство,—въ собственномъ смыслѣ этого слова? Нѣтъ. Духовенство избирало троихъ кандидатовъ и представляло преосвященнымъ па утвержденіе одного изъ нихъ благочиннымъ. Преосвященные утверждали того, кого находили болѣе достойнымъ, а случалось, что не утверждали никого, и назначали по своому личному усмотрѣнію. Гдѣ же здѣсь уменьшеніе епископской властв?

«Въ вопросѣ о выборномъ началѣ орудовалъ, главнымъ образомъ, Морошкинъ?» Неправда. Выборы благочинныхъ ведутъ свое начало съ московскаго собора 1551 года. Съ того еще времени стали выбираться поповскіе старосты для надзора за духовенствомъ и церквами. Въ теченіи времени, мало-по-малу, выборы замѣнились епископскимъ назначеніемъ; но смыслъ о выборахъ данъ уже былъ. Въ послѣднее время они, въ первый разъ, введены въ кіевской епархіи митрополитомъ Арсеніемъ. Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Арсеній только возстановилъ выборы, долѣе другихъ мѣстъ державшіеся въ томъ краю и, вѣроятно, чтобы чрезъ выборы узнать о лицахъ, болѣе другихъ уважаемыхъ мѣстнымъ духовенствомъ. Извѣстно также, что м. Арсеній отличался охраною старой дисциплины и, вообще, строгою требовательностью, относительно исполненія духовенствомъ своихъ обязанностей и старался лично узнавать качества духовенства. Бывши самъ человѣкомъ труда и долга, онъ старался вселить и въ духовенствѣ свои добрыя качества; желая подобрать лучшихъ себѣ по-

[1]) См. „Русская Старина" изд. 1882 г., томъ XXXIII, февраль, стр. 365—401.

мощниковъ, онъ предоставилъ духовенству право указать ему на такихъ людей и, если находилъ, что избранное духовенствомъ лицо не соотвѣтствовало его требованіямъ, такихъ онъ не утверждалъ. Такъ было и вездѣ, гдѣ введенъ былъ выборъ благочинныхъ. И, слѣд., 1) не Морошкинъ проводникъ выборнаго начала, и 2) оно не могло служить къ ослабленію епископской власти. Не можемъ не прибавить къ этому выписки изъ отчета Иркутскаго преосвященнаго за 1880 годъ. «Въ 1873 году, говоритъ преосвященный, мною предоставлено было духовенству самому избирать и представлять мнѣ на утвержденіе благочинныхъ. Епархіальное духовенство отвѣтило мнѣ на это предложеніе избраніемъ тѣхъ же самыхъ благочинныхъ (за исключеніемъ двухъ), которые прежде опредѣлены были епархіальнымъ начальствомъ. На слѣдующее трехлѣтіе выборы, также, соотвѣтствовали моимъ видамъ и, если пришлось сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ избранныхъ лицахъ, то духовенство приняло это безропотно, совершенно покорно» (Ц.-Общ. В. 1881 г. № 64). Отчетъ достоуважаемаго преосвященнаго писанъ не для г. Елагина. Онъ есть результатъ семилѣтняго наблюденія и опыта одного изъ просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ. Есть ли тутъ, хоть тѣнь, — что-нибудь похожее на злобныя клеветы г. Елагина: Морошкинъ ли «орудовалъ» при доставленіи права выбора духовенству иркутскимъ преосвященнымъ и выказало ли духовенство непокорность власти? г. Елагинъ, разумѣется, знаетъ все это очень хорошо; но ему не выносимо даже то одно, что духовенство собирается, разсуждаетъ и выражаетъ свои пожеланія, тогда какъ онъ требуетъ, чтобы оно безусловно не смѣло выражать ни въ чемъ своей жизни. У него два идеала, къ которымъ онъ силится подвести организацію въ дух. управленіи: плантаторъ и негръ,—такія отношенія онъ желалъ бы видѣть и между преосвященными и духовенствомъ.

«Изъ духовнаго міра стали появляться въ журналахъ и газетахъ пикантныя корреспонденціи съ изложеніемъ самыхъ плачевныхъ елегій на темы о бѣдномъ, забитомъ духовенствѣ». Не говоря уже о томъ, съ какой ироніей говорится это, мы спросимъ г. Елагина: преступленіе ли, если больной головою будетъ говорить, что у него болитъ голова? Точно также можетъ ли считаться преступленіемъ, если мы и всякій видимъ какія-нибудь неудобства въ жизни, находимъ, какъ бы можно было, по нашему мнѣнію, устранить ихъ,—и высказываемъ свое мнѣніе? Принимать во вниманіе наше мнѣніе, или не принимать, — это дѣло высшей власти. Но такъ какъ сверху не все видно, что дѣлается внизу, то мы и раскрываемъ. Говорить ложь не позволительно, но говорить правду, надѣемся, всякій имѣетъ право. И къ чему г. Елагину силиться опровергать то, что признано даже

нашими врагами! Вмѣсто того, чтобы такъ язвить насъ, пусть г. Елагинъ возьметъ, на время, должность пономаря, пріѣдетъ въ деревню безъ одежды, безъ хлѣба и безъ денегъ, остановится у мужичка въ избѣ, возьметъ мѣшокъ или лукошко, да и пойдетъ собирать себѣ «новинки», чтобъ не умереть съ голоду! Укоряющихъ насъ въ жадности и несправедливыхъ жалобахъ много, но почему никто не испытаетъ нашей жизни? Идти въ священники, это значило бы рѣшить свою участь на весь вѣкъ, на это, навѣрное, не рѣшится никто; но, на нѣкоторое время,—для испытанія только,—побывать въ пономаряхъ можно бы всякому. Не испытавши же, какія представленія вы ни составляйте себѣ, вы не поймете, мы увѣряемъ. Мы желаемъ улучшенія нашего положенія, но развѣ это есть преступленіе? Кто же его для себя не желаетъ? Это свойственно всякому живому существу, и рыба, по пословицѣ, ищетъ, гдѣ глубже. Если же улучшеніе это невозможно, то оставьте насъ жить, какъ мы живемъ,—не добивайте насъ вашими насмѣшками и клеветою!..

«Духовенство стало собираться въ кружки для поднятія и проведенія вопроса къ ослабленію архіерейскаго самовластія» (idea fix г. Елагина). Ложь! Никакихъ, никогда и нигдѣ, духовенство кружковъ не собирало. Г. Елагину слѣдовало бы указать, хоть на одинъ подобный сборъ духовенства, если онъ говоритъ правду, но этого онъ не сдѣлалъ и мы утверждаемъ, что сдѣлать и не можетъ. Да и что за безсмыслица: «собирались кружки»! Какъ бы могло это быть? Собирать можетъ только благочинный и съ разрѣшенія преосвященнаго. Но положимъ, что, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, взялъ благочинный разрѣшеніе и собралъ,—собралъ да и говоритъ: «давайте, братцы, не станемъ слушать архіерейскихъ распоряженій! Давайте напишемъ статью, что архіереи тѣснятъ, и пошлемъ ее въ Ц.-О.-Вѣстникъ»! Можетъ ли что быть и безсмысленнѣе, и наглѣе подобной клеветы! Если вникнуть въ каждое выраженіе г. Елагина, то теряется всякое терпѣніе: что ни слово, то какая-нибудь или клевета, или нелѣпость. При всемъ стараніи остаться хладнокровнымъ при разборѣ его книги,—сдѣлать этого нѣтъ почти возможности. Будь это серьезное произведеніе и даже съ большими обвиненіями насъ, мы и смотрѣли бы серьезно; оно не раздражало бы до такой степени; но тутъ ложь, клевета, нелѣпость чуть ни на каждой строкѣ,—такъ и хочется махнуть рукой и положить книгу въ сторону; но есть люди, которые поклапяются этой книгѣ, стало быть нужно разобрать ее.

О состояніи духовенства прежнихъ временъ можно найти, дѣйствительно, сотни статей и въ русской исторіи, и во всѣхъ, почти,

журналахъ и газетахъ; но статьи эти писаны людьми вовсе не духовными. Въ журналахъ, сколько намъ извѣстно, подобныхъ статей, писанныхъ духовенствомъ, нѣтъ ни одной. Въ нѣкоторыхъ газетахъ хотя, иногда, и появляются статейки подобнаго рода, но кѣмъ онѣ писаны,—это извѣстно однѣмъ только редакціямъ; знать этого не можетъ ни самъ г. Елагинъ, ни мы и никто другой; но онъ положилъ уже себѣ во всемъ винить насъ,—и винитъ.

XI.

Г. Елагинъ говоритъ: «духовенство желаетъ расширенія гражданскихъ правъ и улучшенія матеріальнаго своего положенія, но возможно ли это и стóитъ ли оно того? Ни въ какомъ случаѣ! Духовенство наше (безъ исключенія!) не исполняетъ должнымъ образомъ пастырскихъ своихъ обязанностей, допускаетъ въ приходахъ всевозможные безпорядки (въ городахъ—злостныя банкротства, кражу банковъ; по деревнямъ—кражу лошадей, порубку лѣсовъ?); не занимается, какъ слѣдуетъ, обученіемъ крестьянскихъ дѣтей (а какъ слѣдуетъ?); не ведетъ никакой (!) борьбы съ раскольниками (не жжетъ на кострахъ? А о бесѣдахъ съ ними мы совѣтывали бы ему читать хоть однѣ Саратов. Епарх. Вѣдомости); не выказываетъ въ нужныхъ случаяхъ благородной стойкости (не отражаетъ пасквиля г. Елагина?); уклоняется отъ всякаго дѣла въ пользу крестьянскихъ обществъ (не наблюдаетъ за потравой хлѣбовъ и луговъ, не расчитываетъ пастуховъ, не смотритъ за общественными хлѣбными магазинами и под.?) интригуетъ (между кѣмъ?); клевещетъ (какъ г. Елагинъ?); ссорится (стр. 17); ненавидитъ другъ друга; взаимная любовь въ приходахъ и причтахъ охладѣла (27); система денежнаго вымогательства проводится открыто, безъ всякаго зазора; кто даетъ больше, за тѣмъ остается право пользоваться таинствами церкви незатруднительно; кто даетъ мало, тому говорятъ: дополни; кто ничего не даетъ, тому говорятъ: живи, какъ знаешь; оставляй дѣтей своихъ безъ крещенія, умирай безъ покаянія,—ты бѣденъ, а намъ нужны богатые, имѣющіе возможность обезпечивать матеріальный бытъ духовенства (28, 29); пьянство поголовное: священники пьютъ и шатаются пьяные не только по деревнямъ и селамъ, но и въ городахъ, и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, напр. пароходахъ, вокзалахъ ж. дорогъ и т. п. Пьяные совершаютъ не только приходскія требы, но и божественныя литургіи; нарушеніе постовъ — открытое; картежная игра сдѣлалась, почти, обычнымъ явленіемъ; распутничаетъ; вымогательство за требы прево-

сходитъ всякую мѣру; въ случаѣ неплатежа требуемой платы — заставляетъ прихожанъ являться къ нему до десяти разъ; часто отказываетъ въ совершеніи крещенія и погребенія; за крещеніе требуетъ по 5 р., за бракъ—по 20 и 25 р. (98); ни чѣмъ серьезнымъ въ обществѣ себя не заявляетъ (124); о настоящемъ трудѣ не имѣетъ и понятія (125). Посмотрите на священника, какъ онъ живетъ,—вотъ обыденная жизнь сельскаго духовенства: вставши по утру, пьетъ онъ чай; затѣмъ упивается чтеніемъ «Церковно-Общественнаго Вѣстника» (а тѣ, которые не выписываютъ его, чѣмъ упиваются? г. Елагинымъ?); дѣлаетъ небольшія распоряженія по хозяйству и совершаетъ прогулку (по гуменникамъ и огородамъ крестьянъ?); потомъ въ 11 или 12 часовъ обѣдаетъ, ложится отдохнуть и послѣ опять часа полутора занимается чаепитіемъ; вечеромъ проводитъ время въ пріятномъ обществѣ съ «развитыми» людьми (пріѣхавшими съ покосу или пашни?) и, по большей части, за картами. Посмотрите на любаго изъ этихъ тружениковъ: недаромъ они цвѣтутъ и пышутъ здоровьемъ (здоровье, — признакъ правильной жизни). На чтеніе серьезныхъ книгъ, въ родѣ, напр. Твореній св. отцовъ, они смотрятъ, болѣе или менѣе, свысока: все-дескать ерунда (!), не стóитъ читать. Обученіемъ дѣтей своихъ не занимаются. Занятія по сельскому хозяйству считаютъ унизительнымъ. Церковные документы не пишутъ весь годъ, и уже предъ новымъ годомъ,—когда нужно давать отчетъ благочинному,—посидятъ дней десять,—и опять на весь годъ (а метрики? тоже пишутъ въ концѣ года?). Больныхъ заставляютъ привозить изъ-за 15—20 верстъ, и не только младенцевъ для крещенія, но (страшно сказать) даже томящихся въ предсмертной агоніи, гдѣ они часто, въ сторожкахъ, и умираютъ. Подстригаютъ себѣ волосы и бороды, выставляютъ на шеѣ и на рукахъ огромнѣйшіе воротнички и рукавчики; въ разговорахъ употребляютъ всѣ современныя слова и фразы (мужицкія-то?); курятъ табакъ и сигары; развязно говорятъ и судятъ обо всемъ на свѣтѣ (въ такомъ случаѣ г. Елагинъ долженъ былъ указать: о чемъ священникъ имѣетъ право говорить и судить, и о чемъ нѣтъ); держатъ себя въ полномъ сближеніи съ обществомъ (а нужно держать себя священнику, какъ можно дальше отъ своихъ прихожанъ?) (128, 129). Заботятся, чтобы достигнуть истиннаго самоуправленія (вотъ гдѣ она,—суть-то!) (132). Мало всего этого (а намъ кажется, что достаточно и этого!) *недовольство существующимъ порядкомъ вещей, недовольство властію и желаніе освободиться отъ нея* (idée fixe!), *хотя бы это было соединено съ потрясеніемъ церковныхъ и государственныхъ началъ* (140. Курсивъ въ подлинникѣ). Духовенство требуетъ себѣ казенныхъ лѣс-

ныхъ дачъ; чтобы прихожане обработывали ему землю, рубили и возили ему дрова, были обложены оброкомъ въ его пользу и пр. И этому духовенству хотятъ улучшить матеріальный его бытъ и расширить гражданскія права»! Такимъ образомъ духовенство, по г. Елагину,—это тигры, это дикіе звѣри, которыхъ необходимо нужно держать въ желѣзныхъ клѣткахъ и на крѣпкихъ цѣпяхъ. Улучшите его бытъ,—и революція! пропали и церковь и государство!...

Больше этого сказать, кажется, нельзя уже ничего, но мы не сказали и половины того, что̀ сказалъ онъ объ насъ. Онъ ставитъ насъ хуже всякихъ разбойниковъ, хуже всякихъ душегубовъ, измѣнниковъ отечеству, крамольниковъ.... За такой пасквиль, по справедливости, онъ заслуживалъ бы полнаго нашего презрѣнія, какъ гадина; за тѣ мерзости, какія онъ приписываетъ намъ, мы имѣемъ полное право назвать его такъ. Представьте всякій себя на нашемъ мѣстѣ: что̀ сказали бы вы, еслибъ объ васъ говорилось то, что г. Елагинъ говоритъ объ насъ?! Мы имѣемъ полное право отвернуться отъ него, какъ отъ гадины, но... къ нашему успокоенію, на него нужно смотрѣть, какъ на больнаго, а отнюдь не какъ на человѣка здравомыслящаго: его неотвязная idée fixe не даетъ ему покою ни на одно мгновеніе; она преслѣдуетъ его всюду и онъ доходитъ до изступленія и забываетъ все. Но, во время такого пароксизма, погладьте его тихонько по головкѣ, согласитесь съ нимъ и поддакните ему,—что епископъ-де есть то же, что солнце въ мірѣ (73); міряне должны безусловно повиноваться власти епископа (75); даже Святѣйшій Синодъ не имѣетъ права дѣлать распоряженій безъ вѣдома (согласія) епископа (77); государство должно (?) возвратить право епископамъ преслѣдовать, судить и расправляться съ раскольниками (145); невѣріе, кощунство и распутство (а казнокрадство и др.?) должны наказывать (какъ? бить нещадно батожьемъ?); они не должны стѣсняться ни гражданскими законами и ни общественнымъ мнѣніемъ (144). Права епископа должны быть расширены вполнѣ,—по всей широкой русской натурѣ, по всей волѣ... Приласкайте г. Елагина и скажите ему это, — и онъ сейчасъ: «а! коль скоро такъ, то и духовенство будетъ въ почетѣ (9),—расширятся и гражданскія права духовенства, расширятся и способы его содержанія. Такими способами должны быть: добровольныя пожертвованія прихожанъ; но хорошій (?) священникъ можетъ постепенно возвышать и усиливать свои доходы (169. Теперь онъ дозволяетъ даже и вымогательство!). Священникъ имѣетъ право требовать (!) себѣ содержанія и семьѣ и самъ не работать (172); можетъ требовать (!) жалованья отъ правительства и прихожанъ (173); можетъ требовать (!) отъ казны земли, лѣсныхъ

дачь, обезпеченія дѣтямъ доступа поступленія въ разныя свѣтскія учебныя заведенія, воспитанія на счетъ казны или безъ взноса за право обученія (175)».

Можно ли, послѣ этого, сердиться на г. Елагина? Гг. Елагинъ и М*,—это какъ сіамскіе близнецы: хотите,—считайте ихъ за двоихъ, не хотите,—считайте за одного. И г. Елагинъ и г. М* обо всемъ судятъ здраво; но какъ только зашла рѣчь о духовенствѣ, то унеси Господи! Но мы хорошо знаемъ, почему засѣла имъ въ головы ихъ idée fix», поэтому и прощаемъ имъ вся ихъ согрѣшенія.... Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не считать г. Елагина человѣкомъ больнымъ?—На 8-й страницѣ, напр., онъ даже самый вопросъ объ улучшеніи быта духовенства называетъ «несчастнымъ» вопросомъ; на 9-й же говоритъ: слѣдуетъ расширить гражданскія права и улучшить матеріальный бытъ. и даже прибавляетъ: и этимъ введете въ естественныя его границы. Человѣкъ больной, это не требуетъ и доказательствъ, потому что, во-первыхъ, ни одинъ человѣкъ, считающій себя порядочнымъ, не дозволитъ себѣ такъ позорить служителей церкви одного изъ обширнѣйшихъ государствъ въ мірѣ, между которыми, нѣтъ сомнѣнія, множество людей и высокообразованныхъ, и высоконравственныхъ, и преданныхъ всею душою своему долгу. Во-вторыхъ: ни одинъ здравомыслящій не можетъ такъ противорѣчить самъ себѣ. Такія противорѣчія самому себѣ, чрезъ какія нибудь двѣ страницы, есть несомнѣнный признакъ болѣзненнаго состоянія. Такъ мы и будемъ, не тревожась его бранью, говорить съ нимъ хладнокровно, какъ съ человѣкомъ больнымъ.

XII.

Слѣдующія за симъ сужденія г. Елагина таковы, что всѣ, кто ни брался разсматривать ихъ,—не находили въ нихъ смыслу и отказывались отъ разбора ихъ. Чтобъ не томить читателя, я опускаю большую часть и беру не многое. Онъ говоритъ: «расширить гражданскія права и улучшить матеріальный бытъ духовенства, съ точки зрѣнія церкви (?), значитъ поставить духовенство по условіямъ общественной и семейной жизни въ такое положеніе, которое давало бы ему возможность исполнять свои церковныя обязанности безъ всякихъ стѣсненій». То, какимъ тономъ говоритъ онъ это, видно, что онъ думаетъ, что онъ говоритъ такія высокія истины, до которыхъ никто еще до него не додумывался. Но въ этомъ вѣдь и вопросъ весь, объ этомъ именно и писали и Морошкинъ, и др., объ этомъ

заботится и правительство, и общество. Напрасно онъ негодуетъ на всѣхъ и напрасно думаетъ, что только одинъ онъ можетъ предлагать такія, недомыслимыя ни кѣмъ, истины.

«Нужно опредѣлить, говоритъ онъ, обязанности духовенства по ученію, священнослуженію»... И онъ думаетъ, что христіанская церковь, существующая двѣ, почти, тысячи лѣтъ, ни разу не подумала объ обязанностяхъ пастыря и не выяснила ихъ? И онъ думаетъ, что пастыри церкви до сихъ поръ не знаютъ своихъ обязанностей? Вѣроятно онъ думаетъ, что онъ указалъ на такой недосмотръ въ православной церкви, на который никто еще до него не обращалъ и вниманія. Здѣсь что-то совсѣмъ уже ребяческое.

«Потомъ, по сводамъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ, выяснить, что̀ именно въ семейномъ бытѣ духовенства служитъ препятствіемъ къ должному выполненію обязанностей духовенства». Это было бы весьма интересно. Вотъ примѣръ для выясненій «по гражданскимъ и церковнымъ законамъ»: у дьячка с. Ивановки приходъ крайне бѣдный, а семья большая,—и онъ все лѣто, съ утра до ночи, въ полѣ; къ крестинамъ и похоронамъ ему являться нѣтъ времени; съ болью душевной онъ бываетъ на богослуженіи среди недѣли,—онъ вѣчный труженикъ. Выясните же причины отсутствій его при требоисправленіяхъ, «по сводамъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ»! И все это Елагинъ говоритъ самымъ серьезнымъ тономъ, упоминаетъ о законахъ, такъ что подумаешь, что онъ и въ самомъ дѣлѣ говоритъ что нибудь серьезное, требующее справокъ съ законами!

«Находится церковь въ почетѣ—почитаютъ и духовенство. Нѣтъ уваженія къ церкви—не будутъ уважать и ея служителей, какими бы высокими правами ни были они награждены отъ государства... Поставьте церковь въ возможность исполнять свои священныя обязанности безъ всякихъ стѣсненій. Чрезъ это вы расширите гражданскія права церкви, т. е. введете въ естественныя ихъ границы и расширите способы содержанія духовенства». Церковь мы обязаны теперь разсматривать по двумъ вѣроученіямъ: по ученію православному и по Елагинскому. По православному: церковь есть отъ Бога установленное общество людей, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами. Если это общество христіанъ находится между не христіанами, положимъ въ Турціи, и турки уважаютъ грековъ-христіанъ, то, конечно, уважаютъ, нераздѣльно со всѣми греками, и ихъ духовенство,—и на оборотъ; потому что духовенство отъ другихъ членовъ церкви отдѣляемо быть не можетъ,—оно составляетъ церковь вмѣстѣ съ другими ея членами. И если всѣ христіане пользуются нѣкоторыми гражданскими правами въ Турціи, то,

конечно, пользуется ими и духовенство. Въ этомъ г. Елагинъ правъ. Но какимъ же образомъ, спрашивается, чрезъ то, что турки не разоряютъ грековъ, можетъ улучшиться бытъ духовенства? Тѣмъ только развѣ, что съ состоятельныхъ прихожанъ могутъ брать больше за требы? Перенесемъ то же ученіе о церкви къ намъ въ Россію. У насъ въ государствѣ всѣ христіане (инородцевъ мы не беремъ въ расчетъ). Всѣ мы, русскіе, соединенные вѣрою и пр., составляемъ церковь. Приложите теперь слова г. Елагина: если русскій народъ въ почетѣ...—но у кого? у иностранцевъ?—то и духовенство въ почетѣ. Тогда, пожалуй, правда. Но какимъ образомъ, чрезъ уваженіе къ намъ иностранцевъ, улучшится матеріальный бытъ духовенства? Стало быть нужно слова г. Елагина отнести къ себѣ самимъ, и слѣдовательно нужно, чтобы русская церковь была въ почетѣ у себя самой? Далѣе онъ требуетъ, разумѣется, у правительства: «поставьте церковь, т. е. русскій народъ, какъ общество христіанъ, соединенныхъ вѣрою, таинствами и пр., въ естественныя его границы, расширьте гражданскія права его»... А изъ этого слѣдуетъ, что г. Елагинъ находитъ, что русскій народъ находится въ неестественныхъ границахъ по гражданскимъ правамъ и требуетъ расширенія ихъ всему русскому народу. Такимъ образомъ г. Елагинъ, приписывая намъ недовольство существующимъ порядкомъ вещей, самъ, подъ видомъ благочестія, просто заговаривается до какого-то сумбура.

Но у него тутъ каверза еще и другаго рода, и этою каверзою онъ ввелъ въ заблужденіе «Церковный Вѣстникъ» (1881 № 13). «Церковный Вѣстникъ», не имѣя обычая самъ говорить каверзнымъ языкомъ, не предполагалъ его и въ г. Елагинѣ и потому не подозрѣвая, что онъ, подъ «церковію», разумѣетъ не церковь православную, вселенскую, соборную и апостольскую, а исключительно епископовъ,—согласился съ его мнѣніемъ; но другіе журналы и г. Старовъ видѣли съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, и каверзу г. Елагина немедля изобличили. Онъ, какъ Морошкина укорялъ въ хулѣ на церковь, разумѣя подъ церковію исключительно епископовъ, такъ и здѣсь. Прослѣдите всю книгу г. Елагина отъ начала до конца, и вы увидите, что̀ такое церковь по его воззрѣнію. Церковь—это епископъ съ неограниченною властію, которому должны быть подвластны всѣ и который въ дѣйствіяхъ своихъ не долженъ обращать вниманія не только на гражданскіе законы, но и на общественное мнѣніе; который дѣйствуетъ во всемъ самовластно, «безъ всякихъ стѣсненій», — для котораго нѣтъ никого и ничего, кромѣ него. Теперь и представьте: г. Елагинъ поднимается на дыбы, хочетъ затоптать всѣхъ и вся, — а тутъ говорятъ ему: пономаря-то вы, пожалуйста, ужъ не перево-

дите изъ прихода въ приходъ безъ всякой причины!—Какъ такъ, вскрикиваетъ онъ! Да и накинулся на всѣхъ; и на самыхъ пономарей, и на тѣхъ, кто говоритъ, что пономарю жить плохо, и на тѣхъ, кто слушаетъ это, да и на тѣхъ, наконецъ, кто могъ, по своимъ силамъ, не много улучшить его положеніе. Вотъ причина, почему онъ такъ желчно и съ такимъ неистовствомъ относится къ духовенству? При подобномъ, вѣроятно, воззрѣніи на церковь въ единичномъ лицѣ папы, въ западной церкви образовалась формула при посвященіи клириковъ: «хочу служить,—значитъ царствовать». Нѣтъ сомнѣнія, что и г. Елагинъ точно также, въ этомъ же смыслѣ,—кощунственно приводитъ слова Спасителя: ищите прежде царствія Божія,—и онъ хочетъ царить; и не безъ цѣли, поэтому, не досказалъ словъ Спасителя: и правды Его, потому что она ему не нужна совсѣмъ: онъ хорошо знаетъ, что въ такомъ царствѣ, какого домогается онъ, правда,—дѣло лишнее. Приведенными словами Спасителя онъ именно показалъ свое кощунство: Спаситель, словами: ищите царствія Божія и правды Его, заключилъ Свое ученіе о смиреніи и преданности промыслу Божію; г. Елагинъ же, напротивъ, подтверждаетъ свое ученіе о властолюбіи,—и необуздываемую никакими законами и приличіями власть епископовъ называетъ царствомъ. Но онъ не хочетъ понять, что идеализируемое имъ царство есть царство князя вѣка сего, а не намѣстниковъ апостольскихъ.

Не правду говоритъ г. Елагинъ и то, что если «церковь», т. е. епископъ, «въ почетѣ, то почитаютъ и духовенство». Прошу припомнить недавній мой разсказъ, когда мы, человѣкъ 70, были вызваны преосвященнымъ Афанасіемъ въ деревню И. къ Е. А. И. Церковь-то (по г. Елагину) сидѣла въ почетѣ,—въ гостинной на диванѣ, а мы три дня толпились у барскихъ воротъ, и когда проходили мимо насъ, вмѣстѣ съ преосвященнымъ, гости и потомъ впустили насъ въ домъ, то намъ никто изъ чтителей церкви не кивнулъ и головой и одного изъ насъ, по жалобѣ барыни, тотчасъ выгнали изъ прихода и эта почитательница преосвященнаго кричала, что она раскидаетъ домъ несчастнаго священника. Я беру жизнь, какова она была, безъ всякихъ преувеличеній, и могу сказать, переживши многое, что мы благодаримъ Господа, что всѣ эти времена миновали! Тяжело вспоминается то времячко, когда помѣщикъ или управляющій его, какой нибудь Карлъ Карлычъ, курляндскій гражданинъ, высказывали всѣ знаки почтенія владыкамъ, устроивали имъ обѣды и именно для того, чтобы чрезъ нихъ выгнать священника и раззорить его. Такихъ дѣлъ были сотни на нашихъ глазахъ, но на глазахъ дѣдовъ нашихъ бывало и то, что зазоветъ баринъ весь причтъ къ себѣ на дворъ, какъ

бы для церковной службы, да за потраву луговъ, безъ дальнихъ хлопотъ, и перепоретъ всѣхъ,—прежде, чѣмъ перепоретъ ихъ, за то же, по жалобѣ барина, епископъ. Зловредной нынѣшней печати тогда еще не было, законы и общественное мнѣніе были на сторонѣ сильнаго, безсильные же не имѣли и права обнаруживать своего мнѣнія, — и все было: и тишь, и гладь, и Божья благодать, чего и нынѣ домогается г. Елагинъ.

«Церковь устранили вовсе изъ круга зрѣнія и занялись исключительно духовенствомъ, тогда какъ она имѣетъ много нерѣшенныхъ вопросовъ существенной важности. Ей нужно исправить свои отношенія къ государству и обществу. Нужно серьезно подумать о расширеніи благотворной дѣятельности, о распространеніи религіозно-нравственнаго образованія въ народѣ и о примиреніи съ раскольниками». Никакихъ недоразумѣній и нерѣшенныхъ вопросовъ между церковію, государствомъ и обществомъ нѣтъ и быть ихъ не можетъ. Отношенія церкви опредѣляются ея цѣлію: къ обществу—споспѣшествовать другъ другу любовію ко спасенію; къ правительству—исполнять его распоряженія по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать его предначертаніямъ и молиться «за царя и за вся, иже во власти суть». И расширеніе благотворной дѣятельности, слѣдовательно, и распространеніе религіозно-нравственнаго образованія, и примиреніе съ раскольниками лежатъ на обязанности церкви со времени ея основанія, и перерѣшать тутъ нечего. При такой опредѣленности круга дѣйствій церкви, правительству не было нужды измышлять новыя стороны отношеній къ церкви и включать ее въ «кругъ своего зрѣнія». Правительство увидѣло только, что служители церкви не могутъ надлежащимъ образомъ исполнять своихъ обязанностей, не могутъ всецѣло посвящать себя служенію общества, что они брошены на произволъ судьбы и, вмѣсто прямыхъ своихъ обязанностей, должны, прежде всего, заботиться о своемъ существованіи; что средства, которыя они употребляютъ при этомъ, прямо противоположны ихъ служенію, что онѣ отвлекаютъ вниманіе отъ главной цѣли ихъ, что многое идетъ не такъ, какъ слѣдовало бы идти: во мнѣніи администраціи, общества и самаго духовенства приходы раздѣлились на хорошіе и плохіе—по ихъ доходности; духовная администрація устроилась по примѣру администраціи гражданской со всѣми мельчайшими оттѣнками ея формализма и, какъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ того времени, развились безконтрольность, произволъ и взяточничество. Епископы, заваленные всевозможными журналами, протоколами, слѣдственными дѣлами, прошеніями и подобнымъ бумажнымъ хламомъ, не имѣли времени и возможности вникать во всѣ судейскіе извороты

консисторскихъ дѣльцовъ, давали широкій просторъ «произволу» и не имѣли времени лично надзирать и руководить ни духовенства и ни самой паствы. Епископъ зналъ духовенство, почти исключительно, только по отзывамъ благочинныхъ и по отзывамъ помѣщиковъ, желавшихъ видѣть въ духовенствѣ безгласныхъ рабовъ и, по первой жалобѣ этихъ блюстителей нравственности, каралъ его безпощадно. Само духовенство, раскинутое по всему огромному пространству государства, не видя своего архипастыря иногда 10—20 лѣтъ, не слыша отъ него необходимаго наставленія и руководства и ни дружескаго совѣта своего собрата, безъ нравственной и матеріальной поддержки, вполнѣ завися средствами своего существованія отъ прихожанъ и потому вынужденное потворствовать ихъ порокамъ, а иногда даже и поощрять къ нему, созывая къ себѣ пить водку изъ-за какихъ нибудь пяти возовъ сѣна или дровъ; задавленное нуждой, обезличенное администраціей, одинокое,—вело изолированную жизнь и дѣлалось апатичнымъ къ долгу своего служенія. Въ глуши, оно теряло и тѣ научныя познанія, съ какими выходило изъ учебныхъ заведеній; одиночество и незнаніе никакого дѣла, чтобъ заняться имъ въ свободное время, нерѣдко доводило его до нетрезвости въ дружескихъ бесѣдахъ съ прихожанами; приходы оставались едва просвѣщенными въ основныхъ истинахъ вѣры. Духовная администрація почитала возможнымъ измѣнять религіозныя убѣжденія раскольниковъ не словомъ разумнаго разъясненія истинъ православія и не словомъ любви, но гражданскими административными мѣрами, — и расколъ умножился. Поэтому, при незабвенномъ Царѣ-мученикѣ, увеличено содержаніе епископамъ, дано жалованье членамъ консисторій, увеличено жалованье служащимъ при консисторіяхъ, поднятъ вопросъ о поднятіи умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго состоянія приходскаго духовенства, и кое-что уже сдѣлано. Улучшить бытъ приходскаго духовенства, въ этихъ отношеніяхъ, находилась неотложная надобность, потому что съ состояніемъ духовенства тѣсно связано и состояніе прихожанъ: въ видахъ поднятія умственнаго, нравственнаго и религіознаго состоянія народа, даже необходимо было нужно поднять умственное и нравственное состояніе духовенства, точно такъ, какъ во всѣхъ гражданскихъ присутственныхъ мѣстахъ увеличено содержаніе чиновниковъ, сколько въ видахъ обезпеченія самихъ служащихъ, столько же, и еще даже болѣе, для пользы общества,—«отъ лицепріятія и мздоимства его ограждая». Гражданскія палаты, губернскія правленія и под. — притча въ народѣ въ былое время, — сдѣлались теперь совсѣмъ не то, что были онѣ прежде. Даже наши консисторіи стали совсѣмъ не тѣ, что были онѣ до этого

времена. Не будь духовенство до такой степени безправно и безлично,—нѣтъ сомнѣнія, что и въ нихъ взяточничество прекратилось бы совсѣмъ, меньше стали бы грабить духовенство и архіерейскіе секретари.

XIII.

Г. Елагинъ подсмѣивается, что у правительства «возобладала мысль, что стóитъ только улучшить внѣшнее положеніе духовенства, тогда церковныя дѣла исправятся сами собою: богатое и высокопоставленное духовенство поведетъ-де эти дѣла съ апостольскою ревностію. Мысль эта есть явное кощунство надъ истиною. Она опровергается безчисленными наблюденіями». Смѣяться здѣсь совершенно не кстати, потому что богатства никто не проситъ, никто о немъ и не говоритъ и никто его и дать не можетъ. Пусть знаетъ онъ: мы желали бы, чтобъ содержаніе наше равнялось не болѣе, какъ содержанію среднихъ сельскихъ приходовъ, но получалось безъ униженія себя и дѣла нашего служенія; чтобъ мы были выведены изъ того положенія, въ какомъ мы теперь находимся, и могли сказать слово правды во всякое время, не боясь непріятныхъ послѣдствій. Наблюдалъ ли г. Елагинъ такіе случаи?—У меня, наприм., нѣтъ луговъ, а сѣно, между тѣмъ, нужно; покупать же его, повозно, не по моимъ средствамъ; поэтому и бываетъ такъ: выходятъ крестьяне дѣлить луга, иду туда и я, приношу ведро водки и прошу, чтобъ отдѣлили и мнѣ частичку; поднесу по стакану, они отдѣлятъ и тутъ же скосятъ. Если крестьянъ собралось много, и мое ведро только возбудило жажду къ вину, то они закричатъ всѣ: «батюшка! Купи еще полведерка, еще травки прибавимъ»! И я покупаю еще. Сѣно достанется мнѣ дешевле купленнаго, но за то какою жертвою сердечной болѣзни получаю я его!.. Могу ли я, послѣ этого, говорить: не пей, когда пою ихъ самъ! Но имѣй я въ своемъ владѣніи столько же покосу, сколько даютъ мнѣ, я не вводилъ бы въ грѣхъ моихъ прихожанъ и имѣлъ бы возможность дѣлать внушенія о трезвости; теперь же дѣлать этого я не могу.

По «безчисленнымъ наблюденіямъ г. Елагина выходитъ, что богатые священники живутъ хуже, чѣмъ бѣдные». Наблюденія не есть еще неоспоримое доказательство. Тутъ много зависитъ отъ того, кто наблюдаетъ и какъ наблюдаетъ. Г. Елагинъ, при своихъ наблюденіяхъ, упустилъ изъ виду главное,—что священники богатыхъ приходовъ и священники «большаго города», которыхъ обличаетъ онъ въ бездѣятельности и роскоши, находятся совершенно подъ тѣми же условіями, подъ которыми находимся и мы,—тѣ же униженія и тѣ же вымогатель-

ства, и разница только въ томъ, что мы беремъ грошами, а они рублями. Кромѣ того: сила, окружающая священниковъ „большаго города“, и соединенныя съ нею всевозможныя формальности, давятъ ихъ дѣятельность несравненно еще больше, чѣмъ всякаго священника бѣднѣйшей деревни. Вслѣдствіе чего самостоятельной дѣятельности выказывать они могутъ очень не много. Пастырь «большаго города» видитъ, наприм., религіозно-нравственную заразу въ своей паствѣ и находитъ нужнымъ сказать слово назиданія; но сдѣлать этого онъ не можетъ никоимъ образомъ. Онъ долженъ, такъ сказать, чуть ни оповѣстить сперва, что онъ желалъ бы сказать вотъ что... и спросить мнѣнія того же зараженнаго общества, къ которому хочетъ онъ обратиться съ словомъ назиданія: находитъ ли оно нужнымъ предоставить говорить ему объ этомъ и, если по отзыву вожаковъ общ. мнѣнія окажется, что общество не желаетъ, чтобъ онъ говорилъ, то пастырь долженъ молчать и дать развиваться заразѣ во всю свою силу. Согласитесь же, что это нелѣпость! Однако выходитъ такъ. Припомните гвалтъ чуть ни всѣхъ газетъ, когда о. протоіерей Палисадовъ сказалъ слово назиданія о спиритизмѣ... Неосновательна укоризна священникамъ «большаго города» и въ томъ, что въ городѣ мало благотворительныхъ церковныхъ учрежденій. Г. Елагинъ долженъ знать, что только немногія церкви имѣютъ къ тому средства, и долженъ также знать, что такое церковные старосты «большихъ городовъ». Что «не всѣмъ дѣтямъ бѣднѣйшихъ классовъ общества дается религіозное образованіе»,—укоризна, прямо, неосновательная: онъ долженъ знать опять, что къ тому, чтобы дать всѣмъ религіозное образованіе, не имѣетъ средствъ даже само правительство, а не то чтобъ приходскій священникъ. Намъ лично было извѣстно два—три семейства «большаго города» изъ класса высокообразованныхъ и пользовавшихся общею извѣстностію, гдѣ родителями, подъ страхомъ отказа отъ дома, запрещено было домашнимъ наставникамъ говорить что либо о Богѣ, при урокахъ дѣтямъ. Что же можетъ сдѣлать здѣсь священникъ? Что можетъ сдѣлать священникъ съ дѣтьми, бѣгающими по улицамъ, живущими по трущобамъ, по магазинамъ, въ мастерскихъ, на фабрикахъ? Главное же,—что архитекторы зданія Божія (I Кор. III, 10) не то, что архитекторы зданія человѣческаго. Архитекторъ поставитъ памятникъ, церковь, домъ и под.—и всякій видитъ кто и что поставитъ, и память о немъ хранится вѣка; зданіе же архитектора Божія,—слово назиданія и примѣрную жизнь видятъ очень немногіе; оно, часто, бываетъ не замѣчаемо даже и тѣми, въ чьей душѣ создано оно. Сказать просто: благотворное вліяніе священника на паству для посторонняго зрителя трудно уловимо и можно отрицать его, иногда, совсѣмъ, тогда какъ оно очень сильно. Г. Ела-

гинъ говоритъ, что у священниковъ большаго города» ряса—не ряса часы—не часы». Не знаю, можетъ быть есть священники и такіе; но намъ не разъ приходилось бывать въ собраніяхъ и въ домахъ нѣкоторыхъ священниковъ «большаго города» и священники, всѣ безъ исключенія, какихъ мы знаемъ, поражали насъ своею внимательностію, добротой и простотой домашней обстановки. Если, дѣйствительно, и есть священники, «у которыхъ ряса—не ряса, часы—не часы», то необходимо принять во вниманіе то, что священникъ, живя среди такого общества, гдѣ роскошь развита до крайнихъ предѣловъ, не можетъ вести себя, не примѣняясь, хотя нѣсколько, къ обществу, иначе онъ, на каждомъ шагу, будетъ встрѣчать Елагиныхъ, только другаго рода: его будутъ осуждать за простоту одежды и отбѣгать, какъ отъ мужика. Къ состоянію общества примѣняться необходимо, къ нему примѣнялись и сами апостолы и говорили, поэтому, о себѣ: всѣмъ быхъ вся: съ іудеями были мы, какъ іудеи, съ эллинами,—какъ эллины. Съ прилично одѣтыми необходимо и священнику быть прилично одѣтымъ. Мы хорошо знаемъ, что въ городахъ прилично одѣваться заставляетъ священника, часто, необходимость.

Еще болѣе неудачное указаніе дѣлаетъ г. Елагинъ на англійскихъ священниковъ. Онъ говоритъ: «Знаемъ мы и другія страны... наше духовенство зарится на англійскихъ священниковъ». На это отвѣтимъ мы: знаемъ и мы другія страны и знаемъ, можетъ быть, не хуже, чѣмъ онъ; и знаемъ, также, что русское духовенство вовсе не «зарится», какъ выражается онъ, на англійскихъ священниковъ Знаемъ, также, и то, что англійскіе священники далеко не всѣ богаты: есть тамъ, по городамъ, очень богатые по собственному ихъ имущественному состоянію, но, по деревнямъ, за то, почти поголовно, крайне бѣдны,—точно также, если еще не хуже, чѣмъ у насъ.

Точно также неудачно указаніе на Дёллингера. По мнѣнію Дёллингера англійскій простой народъ не бываетъ вовсе въ церквахъ и находится въ полномъ религіозномъ одичаніи, и именно потому, что пасторы живутъ по барски. Онъ полагаетъ, что если-бъ пасторы были бѣдны, то они ближе были бы къ народу и народъ не дошелъ бы до такого ужаснаго положенія въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Онъ со скорбію видитъ, что пасторы уклонились отъ пути, указаннаго Господомъ: Господь, посылая апостоловъ на проповѣдь, сказалъ имъ: «не берите съ собой ни золота, ни серебра, ни двухъ одеждъ... будьте въ томъ домѣ, гдѣ васъ примутъ, ѣшьте то, что вамъ дадутъ»... Предъ вознесеніемъ же предвѣщалъ имъ лишенія, скорьби и страданія, но не почетъ и не прекрасно устроенные церковные пастораты. Англійскіе же пасторы не исполняютъ этой заповѣди

Господней,—и народъ гибнетъ». Дёллингеръ, съ своей точки зрѣнія, правъ, но нужно быть безпристрастнымъ и послѣдовательнымъ. Мы скажемъ ему: Господь далъ наставленіе апостоламъ не имѣть ничего и вести скитальническую жизнь; апостолы вполнѣ исполняли Его заповѣдь и терпѣли голодъ, жажду, наготу, всевозможныя лишенія, побои и всѣ скончались мученическою смертію. Ту же заповѣдь и примѣръ собою апостолы передали своимъ преемникамъ, — епископамъ. Преемственность апостольства идетъ въ епископахъ до настоящаго времени, со всѣми обязанностями и правами, какія даны были Господомъ апостоламъ. Слѣдовательно, заповѣдь Господня о скорьбяхъ, лишеніяхъ, нищенствѣ и скитальничествѣ прямо и непосредственно относится къ самому Дёллингеру, какъ епископу,—какъ апостольскому преемнику. Пусть же онъ, въ примѣръ своимъ пасторамъ выполнитъ прежде самъ заповѣдь Господню: броситъ свои дворцы, десятки тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго доходу, почетъ, шелкъ, бархатъ, ливрейныхъ гайдуковъ, швейцаровъ поваровъ, кареты, загородные зáмки, сады съ цвѣтниками, парками, фонтанами, прудами, гротами и пр. и всѣ удобства и прихоти лордовъ, и ходитъ по лондонскимъ трущобамъ и мызамъ, ночуетъ тамъ, гдѣ его примутъ, и ѣстъ то, что дадутъ ему; считаетъ за особое себѣ счастіе, если какой-нибудь милордъ притравитъ его бульдогами и пьяный блузникъ хватитъ его въ за-шей. Пусть онъ, повторяемъ, подастъ собою примѣръ, и тогда уже укоряетъ пасторовъ.

Пресвитеры, старцы, предмѣстники пасторовъ, были избираемы, въ началѣ христіанства, епископами себѣ въ помощники и вели такую же труженическую жизнь, какъ и епископы, — они подражали во всемъ епископамъ. Но вотъ прошло, почти, двѣ тысячи лѣтъ,— и все во всемъ свѣтѣ измѣнилось: Дёллингеры построили себѣ дворцы, окружили себя всѣми удобствами и роскошью, напутственное же слово, данное имъ Господомъ, чрезъ свои дворцы перекидываютъ на пастораты, — оставаясь сами жить со всѣми прихотями, велятъ пасторамъ скитаться по подземельнымъ трущобамъ. Нѣтъ, мы скажемъ Дёллингеру словами апостола: образъ бывайте вѣрнымъ. Если нищенство онъ считаетъ необходимо нужнымъ для достойнѣйшаго прохожденія пастырскаго служенія, то прими его сначала самъ, — тогда уже требуй его и отъ пасторовъ, — оставь прежде самъ свои дворцы, тогда уже выгоняй и пасторовъ изъ ихъ домовъ. Если же Дёллингеръ не хочетъ самъ разстаться съ удобствами жизни, то требовать этого отъ пасторовъ онъ не имѣетъ и права. Какъ въ началѣ христіанства пресвитеры подражали во всемъ епископамъ, такъ и теперь пасторы подражаютъ имъ во всемъ. Въ этомъ случаѣ прямо

къ Дёллингеру относятся слова Господни, сказанныя фарисеямъ: налагаютъ бремена тяжка и неудобьносима, тогда какъ сами не хотятъ двигнути и перстомъ. Въ самой Англіи. какъ мы уже сказали, много бѣдняковъ пасторовъ; Испанія и Италія переполнены духовенствомъ, монахами и монахинями всевозможныхъ сортовъ, живущими бѣдно и находящимися въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ народомъ; однакоже похвалиться религіозно-нравственнымъ состояніемъ этого народа нельзя ни въ какомъ случаѣ.

Такимъ образомъ «безчисленныя наблюденія» г. Елагина совершенно неудачны, хотя онъ говоритъ и «по совѣсти».

Г. Елагинъ говоритъ, что духовенство западныхъ нашихъ губерній съ увеличеніемъ жалованья стало жить хуже, — въ нравственномъ отношеніи.

Западнаго духовенства я, почти, не знаю, и потому говорить о немъ не буду.

XIV.

Что духовенство не должно имѣть ни обезпеченнаго матеріальнаго состоянія и никакихъ гражданскихъ правъ, г. Елагинъ доказываетъ исторіею. Онъ говоритъ, что «въ первые три вѣка христіанства пастыри церкви не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ и не были вовсе обезпечены въ средствахъ содержанія». Отвѣчаемъ: ссылкою на первые вѣка онъ хочетъ дать доказательствамъ своимъ болѣе вѣсу и силы, но подобная ссылка имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда ею доказывается ученіе о какомъ нибудь догматѣ; въ данномъ же случаѣ ссылаться на первые вѣка есть полнѣйшая нелѣпость. Самъ основатель вѣры, Господь І. Христосъ, былъ преданъ позорной смерти. какъ государственный преступникъ, «называвшій себя царемъ и противившійся кесарю». Естественно, что и послѣдователи ученія Его, какъ возмутители общественнаго порядка и спокойствія, должны были быть гонимы и преслѣдуемы; слѣдовательно о какихъ-бы то ни было правахъ и преимуществахъ предъ другими не могло быть и рѣчи. Однако, какъ ни нелѣпо указаніе на первые вѣка, но г. Елагинъ силится доказать этимъ, что-де и въ первые вѣка христіанства духовенство было ниже всѣхъ сословій, не имѣло гражданскихъ правъ. ни обезпеченнаго содержанія, слѣдовательно давать это ему теперь было бы противно обычаю, укрѣпленному первыми вѣками, а первые-де вѣка для настоящаго времени должны быть основаніемъ. Говорить такъ, значитъ считать все общество полнѣйшими невѣждами. Мы хорошо знаемъ, что провозвѣстники евангелія

первыхъ вѣковъ были гонимы и терпѣли во всемъ всевозможныя лишенія, но одни ли они? Нѣтъ, вмѣстѣ съ ними были гонимы, мучимы и даже предаваемы смерти и всѣ вѣрующіе во Христа,—какъ пастыри, такъ и самые пасомые. Кѣмъ были гонимы пастыри церкви? Іудеями и язычниками, учениками же своими они были глубоко чтимы. Г. Елагинъ же силится возстановить на насъ нашу паству,—нашихъ учениковъ, чтобъ и они гнали насъ также, какъ гнали пастырей первыхъ вѣковъ жиды и идолопоклонники. Онъ силится возбудить къ намъ ненависть тѣхъ, которые довѣряютъ намъ свою душу и совѣсть; онъ хочетъ изъ архипастырей нашихъ сдѣлать первосвященниковъ іудейскихъ и преслѣдовать насъ; онъ хочетъ изъ правительства нашего сдѣлать римскихъ цезарей,—и лишить насъ всѣхъ человѣческихъ правъ. Но если гражданскія права имѣютъ всѣ, и лишаются ихъ только одни каторжники, то мы-то почему должны быть приравнены къ нимъ? Въ настоящее время обращено вниманіе даже на каторжниковъ и бывшій нашъ губернаторъ М. Н. Галкинъ-Враскій, посланъ облегчить участь даже сосланныхъ на Сахалинъ, а надъ нами г. Елагинъ хочетъ усилить надзоръ... Да, теперь и мы можемъ сказать съ апостоломъ: мы, какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый (1 Кор. IV, 13)!...

«Нѣтъ въ исторіи высоко-священныхъ примѣровъ, чтобы проповѣдники слова Божія пользовались гражданскими правами и чтобъ отъ этого зависѣло благосостояніе церкви» (14), говоритъ г. Елагинъ. Но онъ не можетъ не знать и, конечно, знаетъ и намѣренно игнорируетъ жизнь апостола Павла. Г. Елагинъ говоритъ, что ап. Павелъ говорилъ о себѣ, — что посланникамъ Божіимъ Богъ судилъ быть какъ бы приговоренными къ смерти и что всѣ апостолы терпѣли голодъ, жажду и пр., и что слѣдовательно приходское духовенство должно слѣдовать апостоламъ. То правда, что апостолы терпѣли всякаго рода лишенія, но тотъ же апостолъ, на котораго Елагинъ указываетъ, не забывалъ и своихъ гражданскихъ правъ, и пользовался ими, когда находилъ это нужнымъ. Такъ апостолъ сказалъ однажды: «меня, римскаго гражданина, били безъ суда» (Дѣян. XVI, 37). Узнавши, что апостолъ имѣетъ право гражданства, начальники города пришли къ нему, извинялись предъ нимъ и защищали его отъ разъяренной черни. Въ другой разъ, въ Іерусалимѣ, іудеи, за благовѣстіе его, подняли бунтъ, — и тысяченачальникъ, чтобъ дознать причину бунта, растянулъ его ремнями и хотѣлъ бичевать; но когда ап. Павелъ сказалъ, что онъ римскій гражданинъ, то онъ тотчасъ же отпустилъ его и на другой день дозволилъ ему говорить снова всенародно. Когда же народъ сталъ рваться опять, чтобъ убить его, то тысяче-

начальникъ далъ въ охрану ему воиновъ пѣшихъ 200, конныхъ 70 и 200 стрѣльцовъ и проводилъ его въ Кесарію. И это все благодаря тому, что ап. Павелъ имѣлъ гражданскія права. Слѣдовательно гражданскія права способствовали ему распространять христіанское ученіе. Поэтому весьма желательно было бы иногда воспользоваться правами гражданства и намъ, чтобъ могли сказать и мы: «насъ, русскихъ гражданъ, безъ суда штрафуютъ и судятъ въ такихъ судебныхъ учрежденіяхъ (консисторіяхъ) гдѣ, по словамъ самихъ защитниковъ ихъ, допускался «всякій произволъ».

«Въ первые вѣка христіанства пастыри церкви не были обезпечены въ средствахъ содержанія». Опять напрасное указаніе на первые вѣка. Люди, проповѣдывавшіе чуждую правительству религію и почитаемые за возмутителей общественнаго спокойствія, разумѣется и не могли пользоваться отъ него содержаніемъ. Но зато у множества вѣровавшихъ были одно сердце и одна душа: никто не называлъ имущества своего своимъ, но все было общее. Всѣ владѣвшіе землями и домами продавали ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому изъ вѣровавшихъ давалось, кто въ чемъ имѣлъ нужду. Всѣ поддерживали другъ друга. Приношенія были изобильныя, никто не жалѣлъ ничего. Тѣснимые всѣми, христіане сплотились въ одну душу. То было не то время, чтобъ установлять опредѣленныя приношенія. Въ послѣдующее время служители церкви начали выдѣляться мало-по-малу изъ общества вѣрующихъ. Въ III в. имъ запрещены были общественныя должности, вѣрующіе же обязывались содержать ихъ. Издѣльной платы, какъ теперь практикуется это у насъ, не было, но вѣрующіе приносили въ мѣста собранія на молитву, по мѣрѣ силъ своихъ и усердія, все, что имѣли, преимущественно же жизненные продукты: хлѣбъ, масло, вино и под. Одни приносили при каждомъ посѣщеніи мѣстъ молитвы, другіе чрезъ мѣсяцъ или нѣсколько разъ въ годъ. Одни приносили въ домъ молитвы, другіе въ домъ епископа или особыя кладовыя. Въ домѣ молитвы питались бѣднѣйшіе изъ вѣрующихъ, приносимое же епископу дѣлилось между нимъ, пресвитерами и клиромъ и также давалось бѣднѣйшимъ. Ни епископъ, ни пресвитеры и ни клиръ не были людьми богатыми, но и не вносились въ число бѣдныхъ. Они имѣли свои особыя приношенія и настолько достаточныя, что могли удѣлять отъ нихъ нуждающимся. Лишенные покровительства закона, они вполнѣ были обезпечиваемы вѣрующими. Изъ особыхъ же приношеній поступало и на нужды церкви вообще и на нужды молитвенныхъ домовъ. Пастыри же церкви обязаны были всецѣло посвящать себя исполненію своихъ обязанностей: они должны были утверж-

дать вѣру и блюсти за нравственностью христіанъ. Нѣкоторые же как изъ пастырей, такъ даже изъ вѣровавшихъ міряпъ, вынуждены были защищать христіанское ученіе отъ языческихъ философовъ, писать апологіи и доказывать міру, что христіанское ученіе потому для нехристіанъ кажется безнравственнымъ и вреднымъ, что никто, какъ слѣдовало бы, не вникалъ въ его сущность; разъясняли христіанское ученіе, отражали ложь тѣхъ, кои клеветали намѣренно, и тѣмъ людей безпристрастныхъ и желавшихъ знать истину примиряли съ христіанствомъ. Но вотъ прошло полуторы тысячи лѣтъ,—и измѣнилось все: теперь нельзя уже сказать, что у вѣрующихъ одно сердце и одна душа, чтобъ они помогали другъ другу въ нуждахъ, лишая себя въ необходимомъ; добровольныя приношенія сократились и для самыхъ храмовъ, служители же церкви брошены на произволъ судьбы и вынуждены брать плату, какъ работники, — поштучно, за каждое дѣло,—за каждое требоисправленіе. Нападенія на церковь и ея служителей идутъ и нынѣ со всѣхъ сторонъ и съ неменьшею силою, чѣмъ въ первые вѣка христіанства; но нападенія эти идутъ теперь уже не извнѣ,—не отъ языческихъ философовъ и софистовъ, а отъ философовъ своихъ —именующихъ себя христіанами,— философовъ, которые, чтобы успѣшнѣе увлечь за собою общественное мнѣніе, рекламируютъ о себѣ, что они «имѣютъ ясное представленіе о служебныхъ отношеніяхъ духовенства и знаютъ его хорошо (137)»,— не то что въ былое время философы языческіе. Языческіе философы защищали государственную религію и оберегали общественное спокойствіе съ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла; въ христіанскихъ же дѣйствуютъ страсти, хотя они и силятся прикрыть ихъ благочестіемъ. Языческіе философы, позоря христіанство, желали привлечь народъ къ капищамъ государственныхъ боговъ; философы же христіанскіе пишутъ хулы и пасквили, и позоримыхъ ими служителей церкви заставляютъ, чрезъ посредство сочувствующихъ себѣ лицъ, платить имъ за это изъ средствъ храмовъ Господнихъ (Церк.-Общ. Вѣст. № 39). Невольно восклицается при этомъ: o tempora, o mores! Немногіе изъ пастырей и мірянъ находили въ себѣ силы воли подвергаться опасностямъ въ борьбѣ со врагами христіанства; еще менѣе мы видимъ таковыхъ ревнителей истины теперь, по той причинѣ, что всѣмъ извѣстно, что враги свои и злѣе, и опаснѣе враговъ внѣшнихъ. Чѣмъ кончилась борьба защитниковъ правды съ ея врагами? Борьба была жестокая и многовѣковая, но истина восторжествовала. Гг. Елагины, желающіе намъ зла теперь, считаютъ что они восторжествуютъ надъ истиною; но мы твердо вѣруемъ, что истина, скоро или нѣтъ, всетаки восторжествуетъ; потому что кто-бы и чтобы

ни говорилъ, какіе бы доводы ни представлялъ и какія бы препятствія ни полагалъ, но бытъ духовенства улучшиться долженъ, и онъ улучшится непремѣнно,—этого требуетъ польза всего государства.

XV.

Давно уже измѣнилось ненормальное положеніе дворянъ, давно измѣнился бытъ войска, чиновниковъ, купцовъ, крестьянъ, давно правительство старалось, старается и нынѣ дать лучшее положеніе всѣмъ классамъ общества, и мы увѣрены, что оно не забудетъ и духовенства. Духовенство, хотя и есть едва не капля въ океанѣ народа, хотя оно составляетъ самую небольшую частицу нашего обширнѣйшаго государства, какъ, наприм., у меня въ округѣ на 34,000 душъ имѣется всего 14 священниковъ; хотя не мудрено правительству между 34,000 просчитать 14, не обратить на нихъ вниманія, между множествомъ дѣлъ внутреннихъ и неменьшихъ дѣлахъ внѣшнихъ, забыть о немъ даже совсѣмъ или считать дѣло это терпимымъ и откладывать его поэтому на неопредѣленное время; но какъ бы ни была частица эта ничтожна по количеству среди обширнѣйшей массы народа, но оставлять ее въ забросѣ нельзя,—по той причинѣ, что эта частица, ничтожная по количеству ея членовъ, есть сила, и сила великая, сила могучая, непобѣдимая и незамѣнимая. Силу эту сознаетъ и само правительство: тысячами примѣровъ доказано уже, что правительство въ дѣлахъ особенной важности, въ дѣлахъ, гдѣ признаетъ оно могучую силу свою малосильною, гдѣ чувствуетъ нужду въ помощи другой могучей силы, оно всегда прибѣгало и прибѣгаетъ къ содѣйствію духовенства. И правительство не ошибалось никогда, —помощь являлась всегда и помощь самая надежная: священникъ живетъ среди народа и имѣетъ съ нимъ связь до того тѣсную, что она бываетъ, во многихъ случаяхъ, тѣснѣе даже, чѣмъ связь дѣтей съ родителями. Младенецъ, лишь только появится на свѣтъ Божій, какъ несутъ его къ священнику, который молится о его здравіи и спасеніи. Далѣе: священникъ наблюдаетъ, чтобы младенца какъ можно чаще носили въ храмъ и пріобщали Св. Таинъ. Онъ смотритъ потомъ, чтобы ребенокъ ходилъ въ храмъ вмѣстѣ съ родителями; учитъ его познавать и любить Бога и ближнихъ,—въ храмѣ, въ школѣ, въ домѣ; наблюдаетъ за нимъ при каждой встрѣчѣ, при каждой шалости и проступкѣ дѣлаетъ ему замѣчанія, наставленія, внушенія и при каждомъ добромъ дѣлѣ – похвалу и одобреніе. Такъ онъ слѣдитъ за нимъ до гроба. При исповѣди и родители, и дѣти открываютъ ему свою душу, всю свою жизнь, всѣ свои дѣла, слова и даже мысли,

чего не открыли бы они никогда даже роднымъ отцу и матери. При радости и горѣ они идутъ къ своему пастырю, или чтобы помолиться съ нимъ вмѣстѣ Господу, или попросить помощи, добраго совѣта и утѣшить изнывающую въ несчастіи душу. Такая тѣсная связь неизбѣжно предполагаетъ сильное вліяніе,—и оно, дѣйствительно, есть. Священникъ вліяетъ на прихожанина въ храмѣ, у себя и у него въ домѣ и при встрѣчѣ съ нимъ во всякомъ мѣстѣ. Иногда достаточнымъ бываетъ даже одного слова, одного присутствія, одного взгляда, чтобы удержать отъ порока или заставить сдѣлать доброе дѣло. Сколько случаевъ имѣетъ священникъ вліять на приходъ свой, и какъ разнообразны и многочисленны эти случаи,—исчислить этого нѣтъ возможности. Священникъ и самъ часто не замѣчаетъ того, когда и какъ повліялъ онъ на приходъ свой; не замѣчаетъ иногда этого и самый приходъ, а между тѣмъ вліяніе есть, и вліяніе сильное,—такое же, если еще не болѣе, чѣмъ вліяніе родителей на дѣтей своихъ, котораго однако же часто не замѣчаютъ ни сами родители и ни ихъ дѣти. Вліяніе священника, какъ и родителей, и воспитателей, неуловимо и часто выражается въ такихъ мелочахъ жизни, на которыя никто не обращаетъ и вниманія. А такъ какъ и вся жизнь наша состоитъ изъ мелочей, то вліяніе ихъ отражается на всей жизни. Всякій попечительный отецъ ставитъ непремѣнною своею обязанностію, чтобы дѣти его имѣли такихъ воспитателей, вліяніе которыхъ благотворно отразилось бы на всю ихъ жизнь. Точно также на мѣстахъ священниковъ должны быть люди съ умомъ, съ солиднымъ образованіемъ, съ вѣрнымъ взглядомъ на жизнь, съ тактомъ, съ крѣпкою вѣрою въ Бога и любовію къ ближнимъ. Тогда между ними и прихожанами будетъ обоюдное довѣріе, любовь, уваженіе и откровенность. Приходъ подъ вліяніемъ достойнаго священника, составляетъ такую общину, которой не въ состояніи поколебать никакая зловредная сила. Священникъ въ приходѣ есть двигательная сила, сила, могущая дать приходу самое благотворное направленіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ несчастію, могущая растлить его до невѣрія и самыхъ крайнихъ пороковъ... Нужно дать поэтому такое направленіе этой силѣ, чтобы она благотворно выразилась и благотворно повліяла на приходъ, нужно облагородить ее и устранить препятствія, могущія стѣснять благотворную ея дѣятельность.

Такъ правительство и поступило: нѣкоторыя улучшенія въ быту духовенства оно сдѣлало. Улучшенія эти тотчасъ же проявили себя хорошими слѣдствіями и для приходовъ, и для самаго духовенства. Но какъ радость одного почти всегда приноситъ горе другому и наоборотъ, какъ, наприм , отпускъ на волю крестьянъ былъ ударомъ

для завзятыхъ крѣпостниковъ, преслѣдовавшихъ во всемъ одни только свои личные интересы, такъ случилось и здѣсь: съ улучшеніемъ быта духовенства явилось цѣлое полчище людей, несочувствующихъ этому дѣлу. Но правительство, сдѣлавши для духовенства что могло, остановилось,—умолкли было и наши недоброжелатели. Но вотъ, въ послѣднее время, въ обществѣ заговорили было опять объ улучшеніи,—и полились со всѣхъ сторонъ на духовенство самыя площадныя ругательства (стран. 98, строка 7). И г. Елагинъ, и г. М* въ особенности поносятъ насъ, просто, кажется, до истерическихъ припадковъ: мерзѣе, отвратительнѣе духовенства они не находятъ, кажется, никого и ничего во всемъ мірѣ. Поэтому мы и считаемъ своею священною обязанностію постоять за свою честь, показать обществу, что мы вовсе не таковы, какъ размалевываютъ насъ гг. Елагины и подобные имъ ревнители благочестія. Со всѣхъ сторонъ духовенство и слышитъ, и видитъ, и терпитъ самыя несправедливыя и самыя невыносимыя оскорбленія, но оно уже прислушалось, присмотрѣлось и притерпѣлось ко всякимъ неправдамъ и оскорбленіямъ,—и молчитъ. Но Господь не оставляетъ насъ: въ защиту нашу являются люди изъ мірянъ: А. И. Поповицкій, гг. Старовъ, Гусевъ и др., и говорятъ о насъ то, каковы мы въ дѣйствительности. Не можемъ не отнестись съ глубокою благодарностію къ нѣкоторымъ газетамъ и журналамъ свѣтскимъ и ко всѣмъ, вообще, журналамъ духовнымъ.

XVI.

Гг. Елагинъ приписываютъ всевозможныя гадости всему духовенству. Одно уже это показываетъ, что они говорятъ пристрастно и, слѣдовательно, нельзя довѣрять имъ и въ остальномъ, что говорятъ они. Неужто дурно все поголовно, неужто уже нѣтъ никого людей порядочныхъ? Нѣтъ, напротивъ, что они есть, что ихъ много, что ихъ большинство, такъ объ этомъ лишне было бы и говорить. Что порочные между нами есть, этого и мы не отвергаемъ. Но гдѣ же, въ какомъ сословіи нѣтъ ихъ? Духовенство должно быть образцомъ высокой нравственности? Правда. Но развѣ не всѣ мы при крещеніи говорили: «отрицаюсь сатаны и всѣхъ дѣлъ его?!» Развѣ не тѣ же обязанности лежатъ на каждомъ? И священники не ангелы, не съ неба сошли и теперь живутъ не между ангелами... Нужно судить по человѣчески,—они такіе же люди. Но если смотрѣть будете безпристрастно на всѣхъ людей, то увидите, что пороковъ между духовенстомъ и меньше, и пороки эти слабѣе. «Духовенство, почти исклю-

чительно, страдаетъ нетрезвостью». Но мы имѣли уже случай говорить въ прежнихъ нашихъ «Запискахъ», что нужно еще благодарить Господа, что пьянства между духовенствомъ мало, принявши въ соображеніе условія его жизни!..

Говорятъ, что пороки въ духовенствѣ можно уничтожить, или иначе: духовенство можно исправить строгостью, что стóитъ только выбрать благонадежныхъ благочинныхъ, усилить надзоръ, и все измѣнится къ лучшему. Нѣтъ, отвѣчаемъ мы, такое мнѣніе совершенно ошибочно. Я старикъ—сельскій священникъ и благочинный; духовенство знаю, какъ нельзя лучше, и скажу: много, много я думалъ, чтó нужно бы сдѣлать, чтобы между духовенствомъ нетрезвости было меньше, и пришелъ къ такому заключенію, что нужно измѣнить весь строй его,—нужно поставить его въ лучшія условія, нужно облагородить его, нужно поставить такъ, чтобы оно само сознавало собственное свое достоинство, нужно вытащить его изъ грязи. А чтобы поправить дѣло одною строгостію,—мнѣніе совершенно ошибочное. Посмотрите на жизнь: каковы дѣти у самаго строгаго отца? Когда они на глазахъ у него, то они, дѣйствительно, кажутся самыми благонравными; но посмотрите на нихъ, какія штуки выдѣлываютъ они за угломъ!.. Ужъ ни въ строгости ли держали нѣкоторые помѣщики своихъ крестьянъ! Однако же мы видѣли, что чѣмъ строже былъ помѣщикъ, тѣмъ безсовѣстнѣе были его люди. Вообще же воровства и распутства между крѣпостными крестьянами было несравненно больше, чѣмъ между свободными. Скажу изъ собственныхъ моихъ наблюденій. Тридцать лѣтъ уже, какъ я благочиннымъ; много перебывало въ моихъ рукахъ всякаго народу; могу сказать, что я хорошо знаю другія благочинія и распоряженія епархіальной власти, и скажу: порочнаго человѣка вы не то, чтобъ въ монастырь, а посылайте хоть за монастырь, куда угодно, онъ все-таки останется порочнымъ, если нѣтъ въ немъ собственнаго убѣжденія въ необходимости оставить такой родъ жизни. Порокъ есть нравственная болѣзнь, а всякая болѣзнь излечивается только тогда, когда устраняются причины, производящія ее. Какъ одной діэтой и строгими внушеніями доктора не излечишь горячки, такъ одной голодухой, позореньемъ и строгостью не исправишь порока; ни «благонадежные» благочинные, ни подписки, ни консисторіи,—никто и ничто не исправитъ его, если не будутъ устранены причины, производящія его. Если за духовенствомъ будетъ усиленъ надзоръ благочинныхъ и консисторій, то кто же будетъ смотрѣть за самими благочинными и членами консисторій? Вѣдь самъ Н. В. Елагинъ говоритъ, что «между ними есть люди дурные» (85 стр., 23 строка)! Чего добраго можно надѣяться отъ людей «дур-

ныхъ»? Вѣдь можетъ же случиться, что всѣ четыре члена консисторіи случайно будутъ именно «дурные»? Благочинныхъ избирать будутъ уже не духовенство, а эти самые члены и подберутъ, конечно, себѣ подъ масть. Что же тогда будетъ? Нѣтъ, лучше не дожить до этого... Прошедшее хорошо показало намъ, чего мы тогда ждать должны.

«Изъ отчетовъ, представляемыхъ на высочайшее усмотрѣніе, видно, что пороки между духовенствомъ годъ отъ году увеличиваются». Но мы, находящіеся въ средѣ духовенства, положительно завѣряемъ, что духовенство ведетъ себя несравненно благороднѣе и благонравнѣе, чѣмъ было это 20—30 лѣтъ тому назадъ. Дѣло въ томъ: съ открытіемъ мировыхъ учрежденій измѣнился и характеръ народа. Всякій почувствовалъ человѣческое свое достоинство, но не всякій еще достигъ облагороженія своихъ понятій; всякій видитъ, что можетъ найти скорый судъ, но за то открылось широкое поле и къ кляузамъ всякаго рода. Въ прежнее время напьются, подерутся, поклонятся другъ другу въ ноги, и запьютъ мировую; теперь же поссорятся—и съ жалобой. Бывало два какихъ нибудь становыхъ пристава мирятъ цѣлый уѣздъ, оберутъ и праваго, и виноватаго, и отобьютъ охоту жаловаться; теперь же и сельскіе, и волостные суды, и мировые судьи, и окружные суды нигдѣ, почти, не берутъ ни съ кого—и у всѣхъ дѣла по горло. Бывало попадись въ лапы къ благочинному, онъ тебя такъ обработаетъ, что зачешется въ затылкѣ, а залѣзь въ консисторію, такъ тутъ тебѣ и аминь... Нынѣ же я не слышалъ случая, чтобы выборные благочинные брали взятки, меньше стали брать и консисторіи, боясь, конечно, гласности, и всякій лѣзетъ судиться. Когда обирали и праваго, и виноватаго, тогда суда боялись и старались поэтому прекратить дѣло дома. И казалось отъ этого, что проступковъ мало. Но какъ только обирать стали съ разборомъ, смотря по человѣку, то страху стало меньше и больше стало открываться проступковъ.

Многіе утверждаютъ, что нравственность духовенства будто дѣйствительно падаетъ и извиняютъ это общимъ упадкомъ нравственности въ обществѣ. Но едва ли и общественная нравственность ниже теперь, чѣмъ было это прежде. При оцѣнкѣ нравственности необходимо, кажется, брать во вниманіе возрастъ цѣнителя,—старый человѣкъ говоритъ это или молодой. Старики, какъ говорилъ уже я, почти всегда страдаютъ старческимъ недугомъ: у нихъ въ обычаѣ восклицать: «то ли было въ наше время! Богатыри,—не вы!» А какъ посмотришь попристальнѣе на этихъ богатырей, такъ и увидишь, что и ихъ лупили также, какъ и нынѣшнихъ не богатырей. Бывало

какой нибудь секретарь живетъ себѣ втихомолку и, то домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку, никто ни слова, какъ будто такъ и быть подобаетъ. Нынѣ же нельзя даже облагодѣтельствовать какого нибудь дикаря-башкира: заплати ему хоть цѣлую полтину за десятину, и то начнутъ кричать во всѣхъ газетахъ: «башкиръ ограбили, землю у башкиръ отняли»!... Всѣ кричатъ: какія времена настали нынѣ! А какъ взглянешь въ исторію, то и увидишь, что куда-то много такихъ благодѣтелей бывало и въ прежнее время! Было время, что отбивали не то, чтобъ пустынныя степи, а цѣлыя населенныя деревни, и полтинъ не платили,—и ничего. Что же нужно сдѣлать, чтобы подобныхъ благодѣтелей было меньше? Исключительно однѣ строгости до желанной цѣли не доведутъ. Духовенство и теперь ведетъ себя лучше другихъ сословій, и много лучше, чѣмъ вело оно себя въ прежнее время; а между тѣмъ оно выставляется міру въ самомъ позорномъ видѣ и все болѣе и болѣе развращающимся, и за нимъ гг. Елагины предлагаютъ усилить надзоръ. Не можемъ не повѣрить, что такое мнѣніе о немъ крайне обидно всему духовенству... Терпѣть позоръ предъ цѣлымъ свѣтомъ, и позоръ незаслуженный, — тяжело! Наказанія безъ вины ведутъ не къ исправленію, а къ большему пороку. Но дай Богъ, но очень легко можетъ случиться это и съ духовенствомъ. Въ столицѣ знать того не могутъ, что дѣлается въ захолустьяхъ, и я скажу, какъ фактъ, что мнѣ привелось уже не разъ слышать скорбныя рѣчи такого рода: «чтожъ нынѣ, хоть пей, хоть не пей, все равно, — все равно всѣхъ считаютъ пьяницами»! Подобное же настроеніе къ добру не поведетъ.

Сельскій Священникъ.

ПЕРЕСМОТРЪ ВОПРОСА О ГУННАХЪ.

Статья Д. И. Иловайскаго.

Въ разсужденіи своемъ о Гуннахъ, напечатанномъ въ Ж. М. Н. Пр. (1881, май), относительно ихъ наружности, я упиралъ преимущественно на тѣ преувеличенія и то пристрастіе, которыя очевидны въ ихъ изображеніи со стороны Амміана и въ особенности Іорнанда. Я только слегка коснулся того искусственнаго безобразія, на которое могутъ указывать извѣстія о какихъ-то глубокихъ нарѣзахъ на щекахъ младенцевъ. Оставляя въ полной силѣ мое положеніе о помянутыхъ преувеличеніяхъ и пристрастіи, въ настоящемъ своемъ разсужденіи обращу особое вниманіе на такія свидѣтельства, которыя прямо указываютъ, что въ вопросѣ о наружности Гунновъ едва ли не главную роль игралъ элементъ безобразія искусственнаго. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ передъ собою два свидѣтельства, принадлежащія двумъ латинскимъ поэтамъ-панегиристамъ V вѣка, именно Клавдіану и Аполинарію Сидонію.

Клавдіанъ въ началѣ V вѣка сочиняетъ стихотворенія въ порицаніе правителю Восточной имперіи Руфину и въ похвалу правителю Западной имперіи, своему покровителю Стилихону. Въ одномъ такомъ стихотвореніи онъ описываетъ, какъ Стилихонъ побѣдилъ варваровъ, измѣннически призванныхъ Руфиномъ со стороны Дуная. Въ числѣ этихъ варваровъ являются и Гунны. Вотъ какими чертами изображаетъ ихъ Клавдіанъ:

„Это народъ, обитающій на крайнихъ восточныхъ предѣлахъ Скиѳіи, за хладнымъ Танаисомъ (gelidum Tanais), самый знаменитый изъ тѣхъ, которыхъ озаряетъ Большая Медвѣдица (Arctos alit), гнусный по своимъ нравамъ, мерзкій по наружности, съ энергіей, незнающей устали, питающійся добычею, убѣгающій отъ Цереры (т. е. отъ земледѣлія), считающій игрушкою рѣзать себѣ лицо (frontemque secari ludus) и съ гордостью клянущійся именемъ павшихъ пред-

ковъ (или родственниковъ—parentes). Никогда двойная природа (duplex natura) не соединяла въ себѣ тѣснѣе всадника-центавра съ его роднымъ конемъ: при чрезвычайной быстротѣ они не соблюдаютъ никакого строя (въ нападеніи), и (показавши тылъ) возвращаются неожиданно". (Сочиненія Клавдіана. Изд. Панкука. Paris. 1830. I томъ, 50 стр.).

Очевидно Клавдіанъ писалъ подъ впечатлѣніемъ все той же преувеличенной молвы о страшной дикости и безобразіи Гунновъ и изображаетъ ихъ съ помощью обычныхъ въ то время риторическихъ пріемовъ. Но для насъ тутъ важно собственно одно указаніе: Гунны рѣжутъ, царапаютъ, обезображиваютъ себѣ лицо. Если сопоставить это указаніе съ свидѣтельствами Амміана и Іорнанда, то увидимъ, что Гунны не только дѣлали какіе-то глубокіе нарѣзы на лицахъ младенцевъ; но и потомъ, по требованію своихъ обычаевъ, нерѣдко безобразили свое лицо новыми рубцами и царапинами. По словамъ того же Іорнанда, скорбь свою о смерти Аттилы Гунны между прочимъ выразили тѣмъ, что по обычаю обрили часть волосъ на головѣ и сдѣлали свои лица еще болѣе безобразными посредствомъ глубокихъ разрѣзовъ. Ибо «печаль о такомъ воителѣ они хотѣли выразить не женскими стенаніями и слезами, а мужскою кровью». Но подобнаго рода выраженіе печали объ умершемъ вождѣ, именно царапаніе лба и носа и бритье волосъ вокругъ головы, по свидѣтельству Геродота, существовало еще у Царскихъ Скиѳовъ. А эти Скиѳы, по всѣмъ даннымъ, были племя арійское, отнюдь не туранское Слова Клавдіана, что для Гунновъ разрѣзы на лицѣ были игрушкою, обычнымъ явленіемъ, даютъ понять, что операція эта производилась довольно часто. Они царапали лицо при смерти не только такого общаго ихъ царя, какъ Аттила, но и при потерѣ своихъ мелкихъ племенныхъ князей, при смерти своихъ родителей и старшихъ въ родѣ. Намекъ на это обстоятельство у Клавдіана заключается и въ приведенномъ сопоставленіи царапанія лица съ клятвою умершими родителями. Отсюда можно заключить, что безобразные, свѣжіе рубцы и шрамы на ихъ лицахъ были обычнымъ явленіемъ, особенно въ то воинственное время, когда приходилось часто терять близкихъ людей и предводителей. Не забудемъ, что это искусственное безобразіе посредствомъ глубокихъ разрѣзовъ начиналось у Гунновъ уже съ самаго младенчества. Слова Іорнанда, что Гунны старались своихъ младенцевъ заранѣе пріучить къ перенесенію ранъ (лицевыми разрѣзами) получаютъ такимъ образомъ ясный, опредѣленный смыслъ; дѣйствительно, эти разрѣзы потомъ дѣлались для нихъ «игрушкою».

Обратимся теперь къ Аполинарію Сидонію. Въ шестидесятыхъ

годахъ пятаго столѣтія имъ написанъ длинный стихотворный панегерикъ только что возведенному на престолъ римскому императору Антемію. Въ числѣ подвиговъ, совершенныхъ симъ послѣднимъ, Сидоній упоминаетъ его побѣду надъ толпою Гунновъ, сдѣлавшихъ набѣгъ на Иллирійскія провинціи. Панегерикъ изображаетъ варваровъ слѣдующими чертами:

„Тамъ, гдѣ бѣлый Танаисъ (Albus Tanais) падаетъ съ Рифейскихъ горъ и течетъ по долинамъ Гиперборейскимъ, подъ сѣвернымъ созвѣздіемъ Медвѣдицы, живетъ народъ, грозный духомъ и тѣломъ, такъ что на самыхъ лицахъ его дѣтей уже напечатлѣнъ какой-то особый ужасъ. Круглою массою возвышается его сдавленная голова (consurgit in arctum massa rotunda caput). Подо лбомъ въ двухъ впадинахъ, какъ бы лишенныхъ глазъ, виднѣются взоры (geminis sub fronte cavernis visus adest oculis absentibus). Свѣтъ, едва брошенный въ полость мозга, проникаетъ до наружныхъ, крайнихъ орбитъ, однако незакрытыхъ (acta cerebri in cameram vix ad refugos lux pervenit orbes, non tamen et clausos) [1]; такъ чрезъ малое отверстіе они видятъ обширныя пространства, и недостатокъ красоты (majoris luminis usum) возмѣщаютъ тѣмъ, что различаютъ малѣйшіе предметы на днѣ колодца. Чтобы носъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ шлему, круглая повязка придавливаетъ нѣжныя ноздри (новорожденныхъ). (Tum, ne per malas excrescat fistula duplex obtundit teneras circumdata fascia nares, ut galeis cedant). Такимъ образомъ материнская любовь обезображиваетъ рожденныхъ для битвъ, поелику при отсутствіи носа поверхность щекъ дѣлается еще шире. Остальная часть тѣла у мущинъ прекрасна: широкая грудь, большія плечи, подпоясанный ниже пупа животъ (succincta sub ilibus alvus). Пѣшіе, они представляются средняго роста; но если видишь ихъ на конѣ, то они кажутся высоки (procera forma); такими же часто являются они, когда сидятъ. Едва ребенокъ покидаетъ лоно матери, какъ онъ уже на спинѣ коня. Можно подумать, что это члены одного тѣла, ибо всадникъ какъ бы прикованъ къ лошади; другіе народы ѣздятъ на конскомъ хребтѣ, а этотъ живетъ на немъ. Овальные луки, острые дротики, страшная и вѣрная рука, несущая неизбѣжную смерть, и ярость, сыплющая удары безъ промаха. Вотъ какой народъ вторгся внезапно, переправившись на своихъ телѣгахъ черезъ замерзшій Истръ и избороздивъ колесами его влажный ледъ“.

---

[1]) Это очень темное и неудобное для передачи мѣсто у Сидонія; но смыслъ его ясенъ: авторъ, указывая на небольшіе глаза Гунновъ и доводя ихъ чуть ни до отсутствія, тѣмъ ярче желаетъ выставить ихъ чрезвычайно острое и дальнее зрѣніе. Д. И.

Здѣсь въ изображеніи Сидонія повторяется почти та же характеристика Гунновъ какъ у Клавдіана, но съ нѣсколько бóльшими подробностями относительно ихъ искусственнаго уродства. Сидоній прямо указываетъ на гуннскій обычай помощью тѣсныхъ повязокъ придавать черепу младенцевъ неестественную форму, и не одному черепу: вмѣстѣ съ нимъ носъ также получалъ приплюснутую форму, что сильно безобразило ихъ лица. Онъ объясняетъ намъ, зачѣмъ, съ какою цѣлью дѣлалось это безобразіе: ради шлема, чтобы шлемъ сидѣлъ плотнѣе на головѣ. Любопытно какъ отнеслись къ этому извѣстію нѣкоторые изъ тѣхъ европейскихъ ученыхъ, которые занимались вопросомъ о Гуннахъ. Само собой разумѣется, что, какъ скоро безобразіе Гунновъ является не прирожденнымъ качествомъ, а дѣломъ обычая, искусственнаго уродованія, то естественно это безобразіе не можетъ служить доказательствомъ какой либо извѣстной народности. Но прежде чѣмъ остановиться на подобномъ вопросѣ, въ европейской исторіографіи, по почину Дегиня, уже сложилось мнѣніе о пришествіи Гунновъ въ Европу изъ монгольскихъ степей съ чертами монгольской расы. Не всѣ однако ученые видѣли въ нихъ чистыхъ Монголовъ: нѣкоторые сочли ихъ племенемъ угро-финскимъ, и это мнѣніе можно назвать господствовавшимъ доселѣ въ исторической этнографіи; другіе склоняются къ ихъ турецкому или татарскому происхожденію. Что же сдѣлалъ извѣстный французскій историкъ Амеде Тьери въ своемъ сочиненіи Histoire d'Attila et de ses successeurs (Paris. 1856)? Вѣроятно, чтобы не обидѣть ни одну изъ этихъ почтенныхъ народностей, онъ преспокойно умѣстилъ ихъ всѣхъ трехъ въ гуннскомъ типѣ. А именно, по его мнѣнію, Гунны во первыхъ раздѣлялись на двѣ большія вѣтви: бѣлую и черную, восточную и западную. Это еще бы ничего, потому что нѣкоторые источники дѣйствительно говорятъ о племени Ефталитовъ или Бѣлыхъ Гунновъ. Затѣмъ онъ восточныхъ или бѣлыхъ считаетъ турецко-татарскимъ племенемъ, а западныхъ или черныхъ угрофинскимъ. И наконецъ предполагаетъ, что господствующимъ верхнимъ классомъ у нихъ были Монголы. Господство сихъ послѣднихъ, т. е. Монголовъ, по мнѣнію Тьери, и объясняетъ намъ почему Гунны приплюскивали своимъ младенцамъ носъ и устраивали имъ голову клиномъ: они дѣлали это будто бы для того, чтобы походить на свою аристократію, т. е. на Монголовъ. Вотъ какое объясненіе даетъ намъ Тьери; при чемъ прямое указаніе Сидонія на искусственное прилаживаніе головы къ шлему онъ отвергаетъ какъ несерьезное. (Т. I. стр. 7—9). И это мнѣніе, руководствующееся произвольными предположеніями и отрицающее источники, нашло послѣдователей въ исторической литературѣ.

Нѣсколько иначе взглянулъ на тотъ же предметъ извѣстный петербургскій академикъ Беръ въ своемъ трактатѣ о Макрокефалахъ (Die Makrokephalen im Boden der Krym und Oesterreichs. Memoires de l'Academie des sciences. VII-e serie. T. II. № 6. St. Petersb. 1860). Онъ яснѣе понялъ, что, разъ мы допустимъ искусственное уродованіе у Гунновъ, извѣстное опредѣленіе ихъ народности, на основаніи безобразной наружности, теряетъ подъ собою почву, и опредѣленіе это становится очень шаткимъ. А потому Беръ поступилъ логичнѣе чѣмъ Тьери: онъ просто отвергаетъ извѣстіе Сидонія о повязкахъ, сдавливавшихъ голову. Для этого онъ старается иначе толковать нѣкоторыя мѣста приведеннаго описанія и даже переиначиваетъ самый текстъ. Напримѣръ, вмѣсто consurgit in arctum massa rotunda caput, онъ предлагаетъ читать Caput massa rotunda consurgit in arcum, т. е. вмѣсто стѣсненной или сдавленной головы у него получается какая то дугообразная, лукообразная или сводообразная голова; что, по его словамъ, даетъ намъ простое изображеніе монгольскаго строенія головы. А еще вѣрнѣе, прибавляетъ онъ, вмѣсто consurgit in arctum поставить in arcem, т. е. in arcem capitis; выходитъ, что голова поднимается круглою массою къ темени, или оканчивается теменемъ. Затѣмъ искусственное придавливаніе носа у Гунновъ онъ отвергаетъ, потому что оно будто бы физически очень затруднительно, да и было ненужно для шлема; такъ какъ шлемъ не надѣвался ниже глазъ. Увѣряя, будто Сидоній въ данномъ случаѣ не заслуживаетъ вѣры, онъ указываетъ на его противорѣчія о глазахъ: у Гунновъ глазъ нѣтъ, и въ то же время они видятъ мелкіе предметы на днѣ колодца. Но такое толкованіе нѣкоторыхъ поэтическихъ вольностей, породившихъ нѣкоторыя недостаточно ясныя. точныя выраженія въ описаніи Сидонія, вызвано у Бера тою предвзятою мыслію, что у Гунновъ были природныя монгольскія черты, а не искусственныя, только ихъ напоминающія. Ничто не препятствуетъ предположить, что у Гунновъ употреблялись шлемы съ какими либо наличниками, ради которыхъ дѣйствительно не давали носу принять его надлежащіе размѣры. Надобно замѣтить, что Беръ не согласенъ съ мнѣніемъ объ угрофинской народности Гунновъ, а буквально держится Дегиня и называетъ ихъ чистыми Монголами. Онъ полагаетъ, что они совершенно походили на Калмыковъ, и Сидоній будто невѣрно понялъ то, что ему разсказывали объ ихъ наружности. Но въ той же монографіи почтенный ученый самъ приводитъ многіе примѣры искусственнаго уродованія и сдавливанія младенческихъ череповъ повязками у разныхъ народовъ, сдавливанія, которое до позднѣйшаго

времени встрѣчалось даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи и южной Франціи, гдѣ никакихъ Монголовъ исторія не знаетъ.

Съ какою же цѣлью Гунны такъ уродовали свою голову и лицо? Тьери отвергаетъ помянутое выше объясненіе Сидонія. А между тѣмъ это объясненіе вполнѣ удовлетворительно. Доказательствомъ тому служитъ примѣръ другихъ народовъ. Нѣкоторыя племена кавказскихъ горцевъ доселѣ употребляютъ ту же систему повязокъ для младенцевъ, т. е. придаютъ головѣ ихъ болѣе округлую и нѣсколько коническую форму. И для чего бы вы думали? Для того чтобы ихъ національная шапка (папаха) сидѣла потомъ плотнѣе на головѣ. Если есть народы, которые голову, такъ сказать, подлаживаютъ къ шапкѣ, а не наоборотъ, то естественнымъ является стараніе дикихъ, воинственныхъ Гунновъ подогнать свою голову къ шлему, и не только голову, но и носъ. Главная ошибка сравнительной исторической этнографіи доселѣ заключалась въ томъ. что наши европейскія понятія о мужской красотѣ она примѣняла къ вопросу о Гуннахъ; тогда какъ у нихъ самымъ привлекательнымъ мущиною былъ тотъ, кто убилъ наибольшее количество непріятелей и кто могъ обвѣшать шею и грудь своего коня пучками волосъ съ кожею, содранною съ непріятельскихъ череповъ. (Говорю это по сравненію съ другими народами того времени). У народовъ дикихъ и воинственныхъ мы не рѣдко встрѣчаемъ стараніе придать страшный видъ своей наружности, чтобы ужасать непріятелей. Этотъ обычай еще въ нашу эпоху можно было наблюдать, напримѣръ, у тѣхъ американскихъ дикарей, которые уродовали свои лица и устроивали себѣ изъ волосъ и перьевъ громадные головные уборы. Нѣчто подобное встрѣчается и у древнихъ германцевъ въ эпоху болѣе раннюю, чѣмъ гуннская. У древнихъ европейскихъ народовъ мы встрѣчаемъ также примѣры татуированія своего тѣла, скальпированія непріятелей и тому подобные обычаи, свойственные временамъ дикимъ и воинственнымъ. Очевидно Гунны отличались особымъ усердіемъ по части уродованія своихъ лицъ и приданія себѣ страшнаго вида; тогда какъ у болѣе западныхъ европейскихъ народовъ, и между прочимъ у Готовъ, подобные обычаи уже давно смягчились или выходили изъ употребленія. Іорнандъ между прочимъ говоритъ, что тѣ, кто могъ бы противустоять имъ въ войнѣ, не выносили ихъ ужаснаго вида и въ страхѣ обращались въ бѣгство (quos bello forsitan minime superabant vultus sui terrore nimium pavorem ingerentes, terribilitate fugabant). Конечно въ этихъ его словахъ опять таки есть доля преувеличенія, чтобы нѣсколько оправдать пораженіе любезныхъ ему Готовъ; однако несомнѣнно и то, что Гунны своимъ искусственнымъ уродствомъ въ нѣкоторой

степени достигали цѣли, т. е. однимъ своимъ видомъ наводили страхъ на непріятеля. Если мы обратимся къ вторженіямъ въ Европу дѣйствительно туранскихъ народовъ, каковы Угры, Печенѣги, Половцы и наконецъ Татаро-Монголы, то не найдемъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобы эти народы поражали европейцевъ одною своею страшною наружностію. Историческая этнографія находила въ описаніи Гунновъ калмыцкій типъ. Но кого же и когда Калмыки пугали однимъ своимъ видомъ? Развѣ дѣтей, а никакъ не взрослыхъ мужчинъ, носившихъ оружіе.

Я повторяю, что только воображеніе европейскихъ писателей новаго времени усмотрѣло монгольскія черты въ описаніи Гунновъ у Амміана и Іорнанда. Никто изъ нихъ не говоритъ объ узкихъ, косыхъ глазахъ и выдавшихся скулахъ, остромъ подбородкѣ и т. п. отличіяхъ монгольскаго типа. Никто также не говоритъ о желтизнѣ ихъ кожи. Іорнандъ сообщаетъ, что лицо Гунновъ ужасающей черноты, но если принять буквально это свидѣтельство, то ихъ можно пожалуй относить къ Маврамъ, Арабамъ, наконецъ къ Цыганамъ, (а извѣстно, что Цыгане принадлежатъ къ арійской расѣ) и т. п. Въ этомъ случаѣ мы можемъ предположить или искусственное черненіе своего лица, опять съ тою же цѣлью придать себѣ страшный видъ, или обычное преувеличеніе Іорнанда по отношенію къ ненавистнымъ Гуннамъ. Да славяне, по извѣстію греческихъ писателей той же эпохи, совсѣмъ не отличались бѣлизною лица. Объ этомъ прямо говоритъ современный византійскій историкъ Прокопій; онъ же замѣчаетъ, что они были покрыты грязью и всякою нечистотою и вообще имѣли гуннскіе нравы. Прокопій между прочимъ сообщаетъ извѣстіе, что Бѣлые Гунны имѣли бѣлую кожу и были отнюдь не безобразны. (De Bello Pers. I. 3). Изъ этого извѣстія можемъ заключать, что не всѣ Гунны слѣдовали обычаю безобразить свое лицо, или что Бѣлые Гунны принадлежали къ иному племени. Въ противуположность Бѣлымъ Гуннамъ въ источникахъ мы однако не находимъ названія Черные Гунны. Впослѣдствіи въ X вѣкѣ встрѣчаемъ въ Приазовьѣ «Черныхъ Болгаръ» или собственно Черную Болгарію. Но такія названія не означаютъ непремѣнно дѣленія народовъ по цвѣту кожи. Такъ въ русской лѣтописи мы находимъ Черныхъ и Бѣлыхъ Угровъ, безъ указанія, въ какомъ отношеніи они находились другъ къ другу. Далѣе извѣстны названія Бѣлая, Черная и Червонная Русь, которыя опять таки не имѣютъ никакого отношенія къ цвѣту кожи. Точно также извѣстны Бѣлые Хорваты, но никакихъ Черныхъ Хорватовъ мы не знаемъ.

Помянутое искусственное уродованіе у Гунновъ, по всѣмъ призна-

камъ, вмѣстѣ съ поселеніемъ ихъ въ при-дунайскихъ странахъ и съ успѣхами ихъ гражданственности, постепенно смягчалось и выходило изъ употребленія. Прокопій, говоря о византійскихъ партіяхъ цирка, сообщаетъ, что эти партіи въ своемъ костюмѣ и прическѣ подражали Гуннамъ, т. е. брили щеки и подбородокъ и подстригали кругомъ голову, оставляя чубъ на затылкѣ или на темени. Трудно предположить, чтобъ въ Византіи явились гуннскія моды, если бы Гунны продолжали себя безобразить также, какъ въ предыдущіе вѣка. Наконецъ Болгаре, водворившіеся на Балканскомъ полуостровѣ, будучи чисто Гуннскимъ народомъ, не представляютъ въ источникахъ даже никакого намека на какія либо неарійскія черты ихъ наружности. Обращу также вниманіе читателей на гуннскихъ женщинъ. Очевидно обычай безобразить свое лицо касается только однихъ мущинъ, т. е. «рожденныхъ для битвъ», какъ выражается Сидоній. Хотя женщины сарматскія извѣстны своимъ участіемъ въ войнахъ, но на безобразіе гуннскихъ женщинъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека. Напротивъ, въ нѣмецкой пѣснѣ о Нибелунгахъ говорится о множествѣ красивыхъ женщинъ въ странѣ Гунновъ. Имѣемъ полную возможность заключить, что гуннскія женщины отнюдь не были чужды общей славянкамъ миловидности.

Что касается до объема и сложенія Гунновъ, приведенное описаніе ихъ Сидоніемъ ясно подтверждаетъ, что они были коренастый, но статный народъ средняго роста; они даже были бы высокаго роста, если бы ноги у нихъ своею длиною соотвѣтствовали туловищу. На это обстоятельство очевидно вліяла привычка съ дѣтства постоянно сидѣть на конѣ, отъ чего ноги развивались не совсѣмъ нормально и получали выгнутую наружу форму. (Есть мнѣніе, что у насъ Великороссы отличаются отъ Малороссовъ также болѣе короткими ногами). Хотя высокій ростъ и не составляетъ непремѣнную принадлежность всѣхъ славянскихъ народовъ, тѣмъ не менѣе Іорнандъ, называя Гунновъ малорослыми, и въ этомъ случаѣ относится къ нимъ съ очевиднымъ пристрастіемъ, если его извѣстіе сличить съ Сидоніемъ.

Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ иныя свидѣтельства, можетъ быть также пристрастныя, о невысокомъ ростѣ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ.

Такъ византійскій писатель IX вѣка Ѳеофанъ разсказываетъ слѣдующее по поводу смерти римскаго императора Валентиніана, царствовавшаго во второй половинѣ IV вѣка. Савроматы, «народъ малорослый и жалкій», возстали противъ Римлянъ; но были побѣждены императоромъ и прислали просить мира. Смотря на пословъ, Валентиніанъ спросилъ: «ужели всѣ Савроматы такого жалкаго вида?»

«Ты видишь изъ нихъ самыхъ лучшихъ», отвѣчали послы. Тогда онъ громко воскликнулъ объ ужасномъ положеніи Римской имперіи, противъ которой возстаютъ даже такіе презрѣнные люди, какъ Савроматы. Отъ этого сильнаго восклицанія и энергическаго всплеска руками у Валентиніана будто бы лопнула жила, и онъ истекъ кровію. Извѣстіе это имѣетъ нѣсколько легендарный характеръ; но оно указываетъ на то, какъ свысока иногда смотрѣли Греки и Римляне на дунайскихъ Сарматовъ; а подъ дунайскими Сарматами въ данномъ случаѣ разумѣется одинъ изъ славянскихъ народовъ. Кстати прибавимъ, что въ помянутомъ панегирикѣ Аполинарій Сидоній миръ, заключенный послѣ побѣды Антемія надъ Гуннами, называетъ Сарматскимъ миромъ. (Sarmaticae paci pretium etc). Ясно, что Гунновъ въ его время причисляли къ народамъ сарматскимъ. А что подъ Сарматами обозначались племена арійскія, не туранскія, въ этомъ теперь согласны почти всѣ ученые.

Средній ростъ Гунновъ, взятыхъ въ массѣ, само собой разумѣется, не мѣшалъ многимъ отдѣльнымъ личностямъ достигать атлетическихъ размѣровъ. Такъ мы имѣемъ извѣстія армянскихъ историковъ отъ V до VII и VIII вѣка, которые повѣствуютъ о Гуннахъ, дѣлавшихъ въ древности набѣги съ сѣвернаго Кавказа на армянскія владѣнія; при чемъ иногда встрѣчаемъ упоминанія о гуннскихъ богатыряхъ, вступавшихъ въ единоборство съ армянскими героями. Изъ византійскихъ же извѣстій напомню въ особенности разсказъ Прокопія о гуннскомъ витязѣ Хорсомантѣ въ исторіи Готской войны.

Изъ той характеристики Гунновъ, которую даетъ намъ Сидоній, обращу вниманіе еще на одну подробность. Именно на фразу succincta sub ilibus alvus—низко подпоясанный животъ. Никто изъ западныхъ ученыхъ доселѣ повидимому не замѣчалъ этой подробности; они даже ее не совсѣмъ понимали. Напримѣръ, въ имѣющемся у меня подъ рукою Ліонско-Парижскомъ изданіи 1836 года, которое снабжено переводомъ и комментаріями, авторы ихъ Грегуаръ и Коломбе передаютъ эту черту въ переводѣ словами une taille svelte (31 стр.), а въ комментаріѣ: ils n'ont presque point de ventre (346 стр.). Но Сидоній совсѣмъ не хотѣлъ сказать, что у Гунновъ была тонкая талія или что живота у нихъ почти не было. Онъ говоритъ, что они низко подпоясывались по животу. Для насъ русскихъ такое подпоясываніе совершенно понятно, ибо мы и до сихъ поръ встрѣчаемъ его у нашихъ крестьянъ. Относительно Гунновъ означенная фраза сдѣлается для насъ еще нагляднѣе, если мы посмотримъ на Керченскія фрески, открытыя въ 1872 году, гдѣ сарматскій элементъ Пантикапеи является именно опоясаннымъ низко по животу. И если черта эта была замѣ-

чена въ тѣ времена, то ясно, что она также составляла одно изъ бросающихся въ глаза отличій отъ другихъ народовъ.

Итакъ мнѣніе о чудско или турко-монгольскомъ происхожденіи Гунновъ, основанное главнымъ образомъ на описаніи ихъ страшной наружности—это мнѣніе падаетъ само собою, какъ скоро мы подвергнемъ его болѣе тщательному анализу. Тогда мы убѣдимся, что съ одной стороны въ этомъ описаніи находится значительная доля преувеличенія, а съ другой оно ясно указываетъ на исскуственное уродованіе гуннскихъ физіономій руками ихъ родителей или ихъ собственными, на ихъ несомнѣнное стараніе придать себѣ страшный видъ, внушавшій непріятелямъ ужасъ и трепетъ.

Послѣ наружности доказательствомъ туранства служили свирѣпые, дикіе нравы Гунновъ, ихъ кочевой образъ жизни, и т. п. Но такія доказательства порождались недостаточною зрѣлостью сравнительной историко-этнографической науки. Сравнивая внимательнѣе бытъ и степень развитія разныхъ народовъ, мы убѣждаемся, что дикость, воинственность, кочеваніе и т. п. не могутъ служить признаками только монгольскихъ или турецкихъ племенъ. Арійскія племена также проходили ступени кочеваго быта, особенно тамъ, гдѣ ихъ окружала степная природа. А своею воинственностью они въ общей массѣ превосходили народы чудско и турко-монгольскіе. Византійскіе писатели относительно нравовъ прямо уподобляютъ Гунновъ Склавинамъ и Антамъ. Свирѣпостью своею Гунны поражали только на войнѣ, а во время мира это былъ простодушный народъ, по свидѣтельству того же Прокопія—противоположныя черты, которыми по преимуществу отличается славянская раса. Относительно жестокости Готы въ то время не только не были ниже Гунновъ, а иногда едвали ихъ не превосходили. Такъ самъ Іорнандъ разсказываетъ, что готскій король Винитаръ, побѣдивъ Антовъ, взялъ въ плѣнъ ихъ князя Бокса (Богша) и повѣсилъ его вмѣстѣ съ его сыновьями и семидесятью боярами. Извѣстны также и въ ту же самую эпоху свирѣпость Вандаловъ, ихъ хищничество и страсть къ разрушенію. Слѣдовательно, подобныя черты никоимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ туранской расы. Для насъ гораздо важнѣе то обстоятельство, что Гунны оказались народомъ весьма воспріимчивымъ къ европейской христіанской цивилизаціи; примѣръ чему мы видимъ на Болгарахъ, какъ на коренномъ Гуннскомъ племени. Извѣстно, какіе сравнительно быстрые успѣхи сдѣлали они относительно гражданственности и какъ они въ свою очередь явились главными двигателями въ дѣлѣ цивилизаціи почти всего славянскаго міра. Даже Гунны, оставшіеся въ странахъ при-азовскихъ, совсѣмъ не были народомъ жалкимъ и бѣднымъ, какъ

это можно заключить изъ словъ того же Іорнанда. Въ половинѣ VI вѣка мы встрѣчаемъ у кубанско-таманскихъ Гунновъ князя Горда, который ѣздилъ въ Константинополь и тамъ принялъ крещеніе; при чемъ самъ императоръ Юстиніанъ былъ его воспреемникомъ. Воротясь домой, Гордъ затѣялъ гоненіе на язычество и велѣлъ истреблять идоловъ; а тѣ, которые были сдѣланы изъ серебра и электрона, приказывалъ расплавлять. Такими мѣрами онъ вызвалъ возмущеніе и погибъ. Но эти идолы, изваянные изъ серебра и электра (смѣсь серебра съ золотомъ), конечно не говорятъ въ пользу особой бѣдности и дикости азовскихъ Гунновъ того времени.

Только когда мы отрѣшимся отъ всѣхъ указанныхъ недоразумѣній и заблужденій, которыя доселѣ господствовали въ наукѣ по отношенію къ Гуннамъ, только тогда для насъ сдѣлаются совершенно понятными и ясными многія мѣста средневѣковыхъ писателей, гдѣ Гунны очевидно сближаются или прямо отожествляются съ славянами. Приведу примѣры: армянскій историкъ V вѣка Моисей Хоренскій, сообщая о вторженіи Болгаръ съ сѣвернаго Кавказа въ Арменію, прибавляетъ, что мѣстность, въ которой они поселились, получила названіе Вананд, т. е земля Вендовъ. А слово Венды, сколько извѣстно, служило древнѣйшимъ названіемъ славянъ вообще или значительной ихъ части. Изъ византійскихъ писателей Прокопій по нравамъ и обычаямъ сближаетъ Гунновъ съ Склавинами и Антами; Кедренъ прямо говоритъ: «Гунны или Склавины». Изъ западныхъ или латинскихъ лѣтописцевъ Беда Достопочтенный называетъ Гуннами западныхъ Славянъ. Саксонъ Граматикъ говоритъ о войнѣ Датчанъ съ гуннскимъ царемъ; причемъ подъ Гуннами разумѣетъ часть балтійскихъ Славянъ. Эдда древнѣйшая (Семундова) упоминаетъ гуннскихъ богатырей, въ томъ числѣ Ярислейфа, т. е. Ярослава, и вообще подъ Гуннами разумѣетъ Славянъ. Вилькинга Сага, городъ славянскаго племени Велетовъ, называетъ столицею Гунновъ. Значительная часть древней Россіи названа страною Гунновъ у Іорнанда (Гунниваръ) [1], Гельмольда (Гунигардъ) и Саксона (Куногардія).

Любопытно слѣдующее извѣстіе Гельмольда: Saxonum voce slavi

---

[1]) Отожествлять слово варъ въ названіи Гунниваръ съ мадьярскимъ словомъ означающимъ городъ, было бы слишкомъ поспѣшно и произвольно. Мало ли какое значеніе могло имѣть это варъ. Напомню названіе аварскаго народа у Ѳеофилакта Симокатты Варъ и Хуни (сложное Вархониты). Напомню названіе рѣки (повидимому Днѣпра) у кочевыхъ народовъ временъ Константина Багрянороднаго Варухъ, что я привожу въ связь съ названіемъ у него же одного изъ Днѣпровскихъ пороговъ Вару-Форосъ. Д. И.

canes vocantur, т. е. «на языкѣ Саксовъ Славяне называются собаками». Тутъ очевидное сближеніе названія Гуннъ съ нѣмецкимъ словомъ Hund. Пользуясь этимъ созвучіемъ, Саксы обратили именованіе славянъ Гуннами въ бранное слово. Для насъ важно въ этомъ мѣстѣ Гельмольда то, что рѣчь идетъ не объ отдѣльномъ какомъ либо лѣтописцѣ; а вообще у Саксовъ Славяне назывались Гуннами. Наконецъ Шафарикъ изъ одного нѣмецкаго сочиненія 1830-хъ годовъ приводитъ такое сообщеніе: въ Швейцаріи въ Валискомъ кантонѣ потомковъ поселившихся тамъ когда-то Славянъ Нѣмцы до сихъ поръ называютъ Гуннами (Слав. Древ. I т. 2 кн. 97). Точно также, по замѣчанію латинскихъ переводчиковъ и коментаторовъ Эдды Самунда, до сихъ поръ (т. е. до ихъ времени) въ сѣверной Германіи народъ называетъ Гуннами древнихъ ея обитателей и ихъ погребальные холмы именуетъ гуннскими ложами или логовищами—Hunenbette (ibid. 96). Всѣ подобные факты доселѣ поборниками туранства Гунновъ (въ томъ числѣ и Шафарикомъ) объяснялись помощію разныхъ предположеній и измышленій, напр. близкимъ сосѣдствомъ Гунновъ и Славянъ, подчиненіемъ Славянъ Гуннамъ, или просто недоразумѣніями и т. п. Но подобныя голословныя мнѣнія, повторяю, должны наконецъ уступить мѣсто болѣе тщательному критическому анализу источниковъ.

Немалому разъясненію вопроса о Гуннахъ могутъ помочь раскопки ихъ могильниковъ; но тутъ конечно является опять вопросъ: гдѣ же искать этихъ могильниковъ и какъ отличить гуннскіе курганы отъ другихъ народовъ? Я полагаю, главная трудность въ томъ и заключается, что нѣтъ данныхъ для отличія гуннскихъ могилъ отъ славянскихъ, и если бы Гунны были особый отъ нихъ народъ, то вѣроятно давно бы и могильники ихъ обратили на себя вниманіе своими отличіями. Я только что упомянулъ о гуннскихъ ложахъ или могилахъ въ сѣверной Германіи; любопытно было бы узнать, сохранились ли до нашихъ дней указанія на нихъ со стороны мѣстныхъ жителей. Далѣе, я укажу на Болгарію, какъ мѣсто осѣдлости кореннаго гуннскаго племени. Древнѣйшія болгарскія могилы въ то же время могилы гуннскія, и любопытно было бы подвергнуть ихъ изслѣдованію. Наконецъ въ Россіи, не говоря о раскопкахъ, производившихся на югѣ, т. е. на Кубани, около Керчи и около нижняго Днѣпра, гдѣ несомнѣнно жили Гунны и гдѣ однако не найдено ихъ особыхъ могилъ, я укажу на раскопки Д. Я. Самоквасова въ древней Черниговской и Переяславской области, т. е. въ землѣ Сѣверянъ. Этихъ Сѣверянъ мы имѣемъ полную возможность отожествлять съ однимъ изъ значительныхъ гуннскихъ племенъ, съ Савирами, которые изъ болѣе южныхъ областей постепенно подвинулись къ среднему Днѣпру.

Но, какъ извѣстно, раскопки, произведенные въ Сѣверщинѣ, пока не открыли намъ никакого особаго народа, отличнаго отъ Славянъ, и похожаго на Чудь или Монголовъ.

Насколько удачна предложенная мною новая постановка вопроса о Гуннахъ, пусть судятъ другіе. Во всякомъ случаѣ я остаюсь при полномъ убѣжденіи, что истина рано или поздно восторжествуетъ въ наукѣ, и что всякій историческій народъ займетъ въ исторіи должное ему мѣсто, т. е. получитъ не болѣе и не менѣе того, сколько ему слѣдуетъ.

Послѣ того какъ было уже окончено изложенное выше разсужденіе о Гуннахъ, получилъ я недавно изданную диссертацію К. Грота Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка (Спб. 1881 г.). Книга эта имѣетъ непосредственное отношеніе къ тому же вопросу, и тѣмъ болѣе, что авторъ ея беретъ для своей задачи широкую основу и предпосылаетъ событіямъ IX вѣка пространное вступленіе, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на судьбу средне-и нижнедунайскихъ земель до начала IX вѣка». Здѣсь онъ пытается выяснить тѣ народности и тѣ народныя движенія, сценою которыхъ были данныя земли, начиная съ Готовъ и Даковъ и кончая Аварами. Казалось бы, подобное выясненіе въ наше время немыслимо въ ученой диссертаціи безъ тщательнаго пересмотра вопроса о Гуннахъ и водвореніи Славянъ на Дунаѣ. Однако, что же мы видимъ? Подробно пересматривая, напримѣръ, вопросъ о происхожденіи Румынъ, и возвращаясь къ нему не одинъ разъ, г. Гротъ почти обходитъ Гунновъ и Славянъ. Ибо нельзя же считать учеными разсужденіями слѣдующія о нихъ фразы, разбросанныя тамъ, сямъ: «Воинственная кочевая орда монгольскаго племени Гунновъ, оставивъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ, степи средней Азіи, во второй половинѣ IV вѣка устремилась на западъ, въ Европу. Увлекши съ собою встрѣтившіяся на пути массы другихъ кочевниковъ, по всей вѣроятности турецкаго, а можетъ быть также и финскаго племени, она, возрастая въ количествѣ, неудержимымъ потокомъ хлынула въ степи нынѣшней южной Россіи» (33). «Есть достаточное основаніе предположить, что съ Гуннами проникли на Дунай первыя толпы Славянъ». «Эти толпы Славянъ могли быть увлечены съ береговъ Днѣстра, гдѣ онѣ до прихода Гунновъ жили подъ властью Готовъ. Были ли онѣ невольно захвачены гуннскимъ потокомъ, или присоединились къ нему по собственному побужденію, сказать трудно. Первое намъ кажется вѣроятнѣе. Неизвѣстно также составляли ли славяне въ гуннской ордѣ нѣчто отдѣльное, напр. родъ особыхъ славянскихъ

дружинъ, или они представляли одинъ изъ элементовъ того разнороднаго сброда, какимъ въ сущности была орда собственно гуннская». «Во всякомъ случаѣ эти первыя, можетъ быть и довольно многочисленныя, славянскія толпы были, такъ сказать, еще случайными пришельцами на берега средняго Дуная». «Побѣжденные возставшими противъ нихъ Готами и Гепидами, толпы Гунновъ разбрелись повидимому въ разныя стороны; часть ихъ вернулась, кажется, въ свое прежнее временное мѣстожительство на берега Чернаго моря» (35 – 36).

На какихъ данныхъ, на какихъ источникахъ основаны всѣ эти кажется и можетъ быть, остается для читателя неизвѣстнымъ. Любопытно то основаніе, на которомъ предположено первое проникновеніе Славянъ на Дунай вмѣстѣ съ Гуннами. Этимъ основаніемъ служатъ «показанія Приска, оставившаго описаніе своихъ впечатлѣній о путешествіи и пребываніи у Аттилы» и «указаніе Іорнанда, называющаго пиршество на могилѣ Аттилы стравой, словомъ чисто славянскимъ». Въ высшей степени характерно это повтореніе прежнихъ домысловъ, будто славянскія черты, представленныя Прискомъ, относятся не къ Гуннамъ, а къ Славянамъ, бывшимъ въ ихъ ордѣ, и будто слово страва заимствовано Гуннами у подчиненныхъ Славянъ. Выходитъ, будто Прискъ и Іорнандъ, говоря о Гуннахъ, описывали не ихъ самихъ, а подчиненныхъ имъ Славянъ. Между тѣмъ послѣдній ясно и положительно говоритъ, что слово «страва» принадлежало самимъ Гуннамъ (Stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi etc.). И есть ли какое вѣроятіе, что бы такой важный бытовой обрядъ, какъ торжественное погребальное пиршество, Гунны называли не собственнымъ, а чужимъ словомъ? Слѣдовательно, та историческая школа, къ которой принадлежитъ г. Гротъ, просто на просто отрицаетъ прямыя и положительныя свидѣтельства непосредственныхъ источниковъ. Съ помощью подобныхъ пріемовъ, онъ конечно легко отвергаетъ мнѣніе о давности Славянъ на Дунаѣ и признаетъ «первое ихъ появленіе тамъ (въ видѣ военныхъ дружинъ въ гуннской ордѣ) относящимся къ V вѣку, а первое разселеніе ихъ народными массами—къ VI вѣку» (23). Съ вопросомъ о древнихъ поселеніяхъ Славянъ на Дунаѣ тѣсно связаны свидѣтельства источниковъ о Дунайскихъ Сарматахъ, и необходимо было выяснить сихъ послѣднихъ. Если г. Гротъ не отожествляетъ ихъ со Славянами, то долженъ былъ разслѣдовать, кто же такое были эти Сарматы. Но онъ преспокойно употребляетъ слѣдующія выраженія: въ Маркоманской войнѣ «приняли участіе не только Маркоманны, Квады, но и другія германскія и сарматскія полчища» (28); «многочисленные Германцы и Сар-

маты, переселенные сюда Римлянами» (31). Подобныя выраженія повторяются и далѣе на многихъ страницахъ; но читатель такъ и остается въ недоумѣніи, что такое авторъ разумѣетъ подъ именемъ Сарматъ? Разумѣлся ли подъ этимъ названіемъ какой нибудь живой народъ или это названіе есть пустой звукъ?

Въ такомъ же родѣ идутъ и дальнѣйшія гаданія о поселеніи Славянъ въ средней Европѣ. Какъ первыя славянскія толпы проникли сюда, слѣдуя за ордою Гунновъ, такъ потомъ «въ дѣлѣ заселенія новыхъ территорій и политическаго объединенія имъ помогли другія орды турецкаго племени: сначала Болгары, потомъ Авары» (56). Оказывается, что Славяне постоянно притекали на Дунай въ хвостѣ турецкихъ племенъ, и притомъ втихомолку, украдкою отъ историческихъ свидѣтельствъ. Всѣ эти ихъ незамѣтныя для исторіи движенія въ хвостѣ турецкихъ ордъ только предполагаются. А такое предположеніе оказывается необходимымъ, потому что иначе какъ же объяснить появленіе тутъ несомнѣнно славянскихъ народовъ и государствъ въ послѣдующіе вѣка? Если бы вмѣсто подобныхъ гаданій и предположеній, авторъ ученой диссертаціи постарался, на основаніи прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, выяснить, кто такое были Гунны и Болгаре и на чемъ основаны мнѣнія о ихъ монгольствѣ и татарствѣ тогда гаданія и домыслы о незамѣтныхъ движеніяхъ Славянъ въ среднюю Европу и на Дунай устранились бы сами собою. Но до такого критическаго отношенія къ помянутымъ мнѣніямъ еще не достигла та историческая школа, изъ которой онъ вышелъ.

Вслѣдствіе невѣрнаго представленія о Болгарскомъ царствѣ, будто бы основанномъ татарскою ордою, не выяснились отношенія этого царства къ Моравской державѣ, такъ называемая Тисская Болгарія и болгарское владычество въ Трансильваніи; хотя у него этимъ предметамъ посвящено не мало страницъ (85—97). Ставъ на ложную точку зрѣнія, авторъ поневолѣ отвергаетъ свидѣтельство Анонима Нотарія о томъ, что Мадьяры нашли болгарскія княжества на территоріи древней Дакіи. Положимъ, Анонимъ позволялъ себѣ разные вымыслы; но онъ былъ тенденціозенъ собственно по отношенію къ Мадьярамъ; а съ какой стати было ему выдумывать что либо говорившее въ пользу широкаго распространенія Болгаръ къ сѣверу отъ Дуная? И тутъ же какъ нарочно приведены факты, его подтверждающіе, именно одна грамота XIII вѣка, вспоминающая о болгарскомъ владычествѣ въ Трансильваніи, и славянское нарѣчіе трансильванскихъ Болгаръ, отличавшееся архаическими особенностями (92—93). Какимъ же образомъ эти Болгаре, обитавшіе тамъ до прибытія Мадьяръ, могли сохранить древнѣйшія формы славянскаго языка,

если бы они не были Славяне? Такой естественный вопросъ, по извѣстнымъ пріемамъ школы, устраняется слѣдующимъ предположеніемъ: Славяне трансильванскіе принадлежали къ вѣтви Славянъ болгарскихъ (94). Замѣтьте, они принадлежали не къ Болгарамъ собственно, а къ болгарскимъ Славянамъ. Но что это за племя, болгарскіе Славяне, и откуда оно взялось, такіе вопросы или остаются безъ отвѣта со стороны школы или вызываютъ рядъ новыхъ домысловъ и предположеній.

Точно также поверхностно выясняется далѣе племенное происхожденіе Моравань. Хотя въ заглавіи книги стоитъ прежде всего Моравія; но оказывается, что вопросъ о народности Моравань не входилъ въ задачу изслѣдованія и могъ быть «только слегка имъ затронутъ» (98). Поэтому вопросы о проповѣди Кирилла и Меѳодія и церковно-славянскомъ языкѣ сводятся только къ указанію разнообразныхъ мнѣній (99 и далѣе). На основаніи предположеній о позднемъ появленія (въ концѣ VI вѣка) Славянъ въ Панноніи, Истріи и Каринтіи, о невоинственномъ ихъ характерѣ и т. п. разсматриваются ихъ отношенія къ Франкской монархіи (104 и далѣе); причемъ совсѣмъ остались неразъясненными отношенія Славянъ къ Аварамъ и вся эпоха Аварская; а кто такое были Авары, о томъ нѣтъ даже и попытокъ къ разъясненію. Такимъ образомъ относительно происхожденія и характера Моравской державы, послѣ этой диссертаціи мы не только остаемся при тѣхъ же скудныхъ свѣдѣніяхъ, какія существовали до ея появленія, но и самыя эти свѣдѣнія подверглись еще болѣе невѣрному освѣщенію.

Гораздо съ бо̀льшею любовью и съ бо̀льшимъ тщаніемъ г. Гротъ отнесся къ начальной исторіи Мадьяръ. Тутъ на первомъ же шагу онъ встрѣтился съ извѣстнымъ ихъ притязаніемъ происходить отъ Гунновъ Аттилы. Но, какъ оказывается, сами мадьярскіе ученые, и преимущественно Гунфальви, отвергаютъ теперь какъ гуннское происхожденіе племени Секлеровъ, такъ и вообще уже не настаиваютъ на близкомъ родствѣ Мадьяръ съ Гуннами «Помимо своей научной несостоятельности, сближеніе Мадьяръ съ Гуннами, съ цѣлью опредѣленія народности первыхъ, не можетъ ни къ чему повести уже потому, что происхожденіе самихъ Гунновъ представляетъ пока неразрѣшимую загадку—вслѣдствіе абсолютнаго отсутствія какихъ бы то ни было положительныхъ данныхъ для ея рѣшенія, напр. остатковъ языка. Мы можемъ только предполагать, что гуннская орда была сбродомъ разныхъ кочевыхъ элементовъ какъ монгольскаго и турецкаго, такъ вѣроятно и финскаго племенъ» (158). Этотъ выводъ или, точнѣе сказать, этотъ тупикъ, къ которому пришла туран-

ская теорія Гунновъ въ теченіе полуторасталѣтняго своего существованія, въ высшей степени любопытенъ и поучителенъ; но въ то же время онъ совершенно естественный. Ни къ чему иному и не могла придти туранская теорія, отрицающая, напримѣръ, положительныя указанія источниковъ на славянскій языкъ Гунновъ и отнимающая у Болгаръ ихъ родной языкъ. Такимъ образомъ Гунны Валаміра и Аттилы, которыхъ источники описываютъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ племенемъ, представлявшимъ сплошную однородную массу, оказываются на основаніи предположеній и вѣроятій какимъ-то сбродомъ разныхъ туранскихъ элементовъ, точнѣе сказать какими-то безплотными тѣнями; хотя эти тѣни никуда не исчезли и продолжали жить въ разныхъ славянскихъ народностяхъ, особенно въ Болгарахъ.

Объемъ настоящей статьи не позволяетъ мнѣ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе второй половины книги, посвященной собственно Мадьярамъ; хотя и здѣсь можно сдѣлать много замѣчаній на критическіе, историческіе и филологическіе пріемы автора. Напримѣръ, онъ отрицаетъ связь между именемъ народа Мадьяры и города Маджаръ на р. Кумѣ, на томъ основаніи, что названіе города не собственное, а значитъ по татарски «развалины»: «Маджаръ былъ разрушенъ Тамерланомъ» (151). Но извѣстно ли автору, что этотъ городъ изображается значительнымъ и торговымъ по нашимъ лѣтописямъ въ 1319 году, по поводу убіенія Михаила Тверскаго въ Ордѣ? Слѣдовательно названіе его существовало до Тамерланова разоренія. Онъ повторяетъ также невозможное толкованіе названія Мордва, какъ «люди воды» (165); тогда какъ здѣсь ва совсѣмъ не финское слово, а русское собирательное окончаніе. Сама Мордва не называла себя въ такой именно формѣ; а такъ называли ее Русскіе. Далѣе весьма гадательными представляются разсужденія Грота о характерѣ турецкихъ и финскихъ народовъ и ихъ взаимномъ вліяніи (187—189), о Хазарахъ (211), о пути Угровъ по рр. Окѣ и Угрѣ (213), о Бѣлыхъ и Черныхъ Уграхъ, между которыми никакой разницы не оказывается (236—246), о времени появленія Угровъ на Дунаѣ (247) и пр. пр.

Обращу вниманіе читателей на отношеніе автора къ извѣстію нашей лѣтописи подъ 898 годомъ о прохожденіи Угровъ мимо Кіева и ихъ становищѣ на мѣстѣ, которое называлось Угорскимъ. Въ своей Исторіи Россіи (ч. II, прил. I) я доказываю, что названіе урочища «Угорское» лѣтописецъ постарался осмыслить и связалъ съ нимъ становище Угровъ; что урочище это расположено было на крутомъ лѣсистомъ берегу Днѣпра и входило въ черту внѣшняго вала, окру-

жавшаго городъ Кіевъ; что противъ него не могла переправляться кочевая орда, ибо Днѣпръ тутъ развѣтвляется на многіе рукава и притоки; что Települ Уграмъ не лежалъ путь мимо Кіева и, наконецъ, что они появились уже на Дунаѣ гораздо ранѣе 898 года. Г. Гротъ не согласенъ со мною, и приводитъ примѣры Печенѣговъ и Половцевъ, которые приходили подъ Кіевъ (261). Но это не аналогія. Вопросъ поставленъ не относительно набѣговъ на Кіевъ, а относительно лѣтописнаго домысла, будто урочище Угорское получило свое названіе потому, что тутъ Угры останавливались становъ, когда проходили мимо Кіева съ востока по дорогѣ въ Паннонію. Извѣстно также, что Печенѣги, осаждавшіе Кіевъ, стояли гораздо далѣе, за Лыбедью, а не на такой близкой мѣстности какъ Угорское. Надобно не имѣть понятія о топографіи Кіева, чтобы повторять наивный домыселъ лѣтописца о происхожденіи названія Угорское отъ бывшаго на немъ когда-то становища проходившей тутъ кочевой орды. Принявъ это показаніе русской лѣтописи за историческій фактъ, г. Гротъ очевидно не знаетъ что дѣлать съ 898 годомъ, и считаетъ его ошибкою лѣтописца. Точно также онъ считаетъ ошибкою лѣтописца слова что Угры «устремились чрезъ горы великія яже прозвашася горы Угорскія» (т. е. Карпатскія). Онъ задался цѣлью доказать, что Мадьяры вошли въ Паннонію съ юга, черезъ Желѣзныя ворота Дуная, а не съ востока черезъ Карпаты, какъ о томъ согласно говорятъ русская лѣтопись и мадьярскій Анонимъ Нотарій короля Бѣлы. Всѣ показанія послѣдняго авторъ отвергаетъ сплошь; тогда какъ слѣдовало бы отвергать только то, что не выдерживаетъ провѣрки по другимъ даннымъ. А такъ называемаго Нестора онъ считаетъ достовѣрнымъ тамъ, гдѣ является очевидная несообразность, т. е въ вопросѣ объ Угорскомъ; указаніе же его на путь Мадьяръ чрезъ Карпатскія горы отвергаетъ голословно. Мы такой критики не понимаемъ. Если черезъ Карпаты трудно было проходить кочевой ордѣ, то чрезъ Желѣзныя ворота, гдѣ горы оставляютъ проходъ только рѣчнымъ порогамъ, путь былъ еще труднѣе; а движеніе чрезъ боковыя, горныя долины остается однимъ предположеніемъ; чрезъ Карпаты также ведутъ многія рѣчныя долины и боковыя тропинки. Затѣмъ г. Гротъ, настаивая на южномъ пути чрезъ Валахію, не объяснилъ намъ слѣдующаго обстоятельства. Валахія, по крайней мѣрѣ западная ея часть, и сосѣдняя часть Трансильваніи находились тогда во владѣніи Болгаръ; а знаменитый болгарскій царь Симеонъ только что разгромилъ Мадьяръ въ самыхъ ихъ жилищахъ. Какъ же это они послѣ того прошли безпрепятственно по землѣ своихъ побѣдителей, и притомъ чрезъ горныя тропинки, которыя легко было оборонять отъ кочевниковъ? Эти

соображенія автору очевидно и въ голову не пришли. Такимъ образомъ вопросъ о пути Мадьяръ, послѣ многихъ разсужденій о немъ г. Грота, остался пунктомъ еще болѣе темнымъ.

Далѣе, вмѣсто того, чтобы сочинять Мадьярамъ путь изъ Черноморья къ Желѣзнымъ дунайскимъ воротамъ мимо Кіева, автору слѣдовало заняться гораздо болѣе важнымъ вопросомъ: о началѣ государственной организаціи въ мадьярской ордѣ. А для этого слѣдовало болѣе выяснить ихъ отношенія къ Хазарамъ, что въ свою очередь обязывало его заняться разъясненіемъ хазарской народности, а не обходить ее совершеннымъ молчаніемъ, какъ будто она уже вполнѣ разъяснена. Г. Гротъ полагаетъ, что въ мадьярскую орду вошли и турецкіе элементы, на основаніи разныхъ изслѣдованій о мадьярскомъ языкѣ. Но онъ слишкомъ поверхностно коснулся извѣстій Константина Б. о Кабарахъ, которые отдѣлились отъ Хазаръ, ушли къ Униамъ, и къ семи ихъ племенамъ присоединились въ качествѣ восьмаго. Это осьмое племя, по словамъ Константина Б., превосходило храбростью собственно угорскія племена, и еще въ его время сохраняло свой языкъ. Слѣдовательно, оно заняло какъ бы первенствующее положеніе въ мадьярской ордѣ, и весьма возможно, что именно этотъ чужой элементъ послужилъ закваской при образованіи государственнаго быта и далъ Мадьярамъ династію. Разъяснить это обстоятельство было тѣмъ важнѣе, что ни г. Гротъ, ни кто другой не указалъ историческихъ аналогій, доказывающихъ, что Мадьяры, какъ финское племя, способны были создать государство сами по себѣ, безъ помощи чужаго элемента [1]).

Равнымъ образомъ осталась недостаточно выясненною г. Гротомъ другая, также весьма важная сторона дѣла: участіе нѣмцевъ въ мадьярскомъ вторженіи и та роль, которую разыгралъ при этомъ Арнульфъ. Авторъ очевидно пытается уменьшить это участіе и по-

[1]) Во всякомъ случаѣ вопросъ о Кабарахъ требовалъ отъ автора болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ голое охужденіе того, что сказано мною о нихъ по поводу Аваровъ (въ Розыск. о началѣ Руси) Дѣло въ томъ, что господствовавшая теорія о Гуннахъ доселѣ спутывала и вопросъ объ Аварахъ. Теперь же, когда я пересмотрѣлъ вопросъ о Гуннахъ, болѣе уяснилась для меня и народность Аваровъ, которыхъ западные лѣтописцы часто называли Гуннами. (Аварская держава въ Панноніи состояла изъ небольшаго господствующаго кавказскаго племени Аваръ и многочисленнаго славянскаго или гуннскаго населенія). Вмѣсто простой передачи легендарныхъ разсказовъ о Лебедіѣ и Арпадѣ, г. Гроту слѣдовало выяснить прежде Аваръ, Хазаръ и отношенія къ нимъ Угровъ; тогда бы возникновеніе мадьярскаго государства не осталось также темно и легендарно, какъ было и до появленія его диссертаціи. Между

чему-то считаетъ переселеніе Мадьяръ въ Моравію просто событіемъ «непредъотвратимымъ» (324). Разумѣется, если мы станемъ на точку фатализма, то никакихъ разъясненій въ исторіи и не потребуется.

Наконецъ самый главный выводъ г. Грота заслуживаетъ особаго вниманія по своей новизнѣ и оригинальности. Оказывается, что разрушеніе Великоморавской державы и водвореніе на ея мѣстѣ мадьярской орды были чрезвычайно полезны для славянства: эта орда спасла его отъ германизаціи. «Таковы великіе результаты мадьярскаго погрома» (415). Какъ въ вопросѣ о Гуннахъ туранская теорія пришла къ вышеприведеннымъ отрицательнымъ результатамъ; такъ и въ значеніи мадьярскаго погрома ни къ чему болѣе историческому она не могла придти. Когда же будетъ возстановлена истинная, начальная исторія славянства до IX вѣка включительно; когда убѣдятся, что это не были тамъ-сямъ разсѣянныя и незамѣтно для исторіи проникшія на западъ кучки; что то была эпоха, въ которую славянство, такъ сказать, лилось черезъ край обширными потоками и между прочимъ наводнило Дунайскія земли; что кризисъ, наступившій въ моравской державѣ по смерти Святополка, походилъ на подобные временные кризисы въ исторіи Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ и т. д — тогда выводы относительно возможной германизаціи славянства конечно получатся совершенно другіе. А теперь, благодаря туранской теоріи, мы можемъ успокоиваться на счетъ западныхъ славянъ тою мыслію, что мадьяризація спасаетъ ихъ отъ германизаціи, а германизація отъ мадьяризаціи.

Въ заключеніе мы должны всетаки отдать справедливость несомнѣнному трудолюбію и порядочной эрудиціи, которыя обнаружилъ молодой авторъ въ своей книгѣ. А ея, указанные мною, недостатки относятся не столько лично къ нему, сколько составляютъ неизбѣжные результаты той исторической школы, изъ которой онъ вышелъ.

Д. И. Иловайскій.

Москва

прочимъ г. Гротъ только въ примѣчаніи, мимоходомъ, упоминаетъ мнѣніе г. Куника о тур цкой династіи у Мадьяръ (225); тогда какъ, повторяю, этотъ пунктъ требуетъ серьезнаго разсмотрѣнія. Но при этомъ нужно еще предварительно опредѣлить, были ли Кабары пришлымъ турецкимъ или туземнымъ кавказскимъ племенемъ. Я пвожу ихъ въ связь съ Черкесами-Кабардинцами (тоже и покойный Брунъ). Если г. Гротъ несогласенъ, то ему слѣдовало нѣсколько заняться этимъ предметомъ. Д. И

КЪ ВОПРОСУ О РУСАХЪ.

Археологическая замѣтка.

Въ № 8 „Журн. М. Н. Пр." за 1881 г. напечатана статья В. В. Стасова. „Замѣтки о „Русахъ" Ибнъ-Фадлана и другихъ арабскихъ писателяхъ", имѣющая цѣлію доказать отсутствіе въ этихъ разсказахъ не только элементовъ чисто русскихъ, но въ большинствѣ случаевъ даже и норманскихъ. Авторъ совѣтуетъ „вычеркнуть разсказы Ибнъ-Фадлана и нѣкоторыхъ другихъ арабскихъ писателей изъ числа тѣхъ описаній, которыя должны служить для опредѣленія бытовыхъ чертъ, такъ какъ въ нихъ описывается не русскій народъ, а какой-то другой народъ на Волгѣ, въ бытѣ котораго совмѣстно присутствовали элементы финскихъ и тюрскихъ народовъ" (стр. 315).

Не вдаваясь въ подробный анализъ фактовъ, приводимыхъ г. Стасовымъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, я постараюсь обратить здѣсь особенное вниманіе только на тѣ археологическія данныя, которыя какъ разъ опровергаютъ вышеприведенное мнѣніе почтеннаго автора объ упомянутомъ арабскомъ писателѣ X вѣка.

Бѣлорусская страна, какъ извѣстно, до настоящаго времени служитъ тѣмъ краемъ, гдѣ черты архаической старины сохранились во всей своей силѣ. По этимъ существующимъ чертамъ мы можемъ угадывать и о бытѣ и нравахъ бѣлоруссовъ прежняго времени. Въ бѣлорусскихъ напр. пѣсняхъ до сихъ поръ сохранилось воспоминаніе о южной прародинѣ славянъ; Бѣлоруссія до сихъ поръ оказывается исходнымъ и главнымъ мѣстомъ древнѣйшаго торжества Купалы [1]); она до сихъ поръ сохранила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остатки древняго родоваго патріархальнаго быта со всѣми его оригинальными чертами. Поэтому, изученіе Бѣлоруссіи въ бытѣ, нравахъ, курганахъ, городищахъ и пр. могло бы открыть много новаго и интереснаго въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ. То, что намъ удалось открыть въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ курганахъ, скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ разсказъ Ибнъ-Фадлана о бытѣ „Русовъ". Передавая слова Ибнъ-Фадлана о погребеніи русовъ X вѣка, сопровождавшемся постройкой на могилѣ чего-то подобнаго круглому холму и посадкой въ серединѣ большаго дерева, г. Стасовъ утверждаетъ, что „всѣ эти подробности чужды не только скандинавамъ и славянамъ, но и вообще европейскимъ народамъ" (стр. 289). Обычай сажать деревья на могилахъ, по словамъ г. Стасова, „встрѣчается только у

---

[1]) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, I, стр. 62.

черемисъ" (стр 391), слѣдовательно и въ древности онъ могъ существовать только у финскихъ народовъ. Я не знаю, существовалъ-ли и существуетъ-ли обычай посадки деревьевъ на могилахъ скандинавовъ и черемисъ, но что онъ существуетъ у бѣлоруссовъ и частію у крестьянъ Новгородской губерніи, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: „Кладбище бѣлоруссовъ всегда красуется на самомъ возвышенномъ, живописномъ пунктѣ, усаженномъ березами, рябинами, соснами и елями" [1]). Въ настоящее время обычай этотъ, впрочемъ, мало-по-малу исчезаетъ. Само собой разумѣется, существующій обычай не могъ явиться въ недавнее время; онъ имѣетъ свое начало въ глубокой древности. И дѣйствительно, на нѣкоторыхъ древнихъ бѣлорусскихъ курганахъ и до сихъ поръ красуются вѣковые дубы и сосны, посаженные очевидно въ моментъ насыпанія этихъ кургановъ; на другихъ же вмѣсто деревьевъ сохранились одни лишь гнилые пни. На одномъ изъ кургановъ Рославльскаго уѣзда, по Брянскому шоссе, близъ села Радичей, древнѣйшей колоніи Радимичей, до настоящаго времени возвышаются двѣ вѣковыя сосны, посадку которыхъ мѣстные крестьяне приписываютъ сказочнымъ богатырямъ. Далѣе. Погребеніе покойниковъ въ сидячемъ положеніи съ мѣховою шапкою на головѣ, по словамъ г. Стасова, тоже „нигдѣ не встрѣчается ни у норманновъ, ни у славянъ, и хотя въ одномъ рисункѣ XIV в., св Бориса и везутъ одѣтаго въ полный княжескій костюмъ и съ мѣховою шапкою на головѣ; но эта шапка на головѣ св. Бориса есть только знакъ княжескаго достоинства... Народы арійскаго племени даже въ началѣ среднихъ вѣковъ никогда не хоронились въ сидячемъ положеніи" (стр. 289) и тѣмъ менѣе подобное явленіе можно встрѣтить у славянъ, такъ какъ нигдѣ объ этомъ въ лѣтописяхъ не говорится. Дѣйствительно, въ лѣтописяхъ много кой о чемъ не говорится, что несомнѣнно однако существовало. Нѣкоторыя явленія древне-русской жизни мы можемъ угадывать или по аналогіи съ другими соотвѣтствующими явленіями или наконецъ по даннымъ археологіи. Года два тому назадъ во ста саженяхъ отъ существующаго въ г. Рославлѣ великана-городища, при раскопкѣ одного изъ кургановъ былъ найденъ полный человѣческій скелетъ въ сидячемъ положеніи и съ бѣлорусскою шапкой на головѣ. Шерсть шапки оказалась до такой степени прилипшею къ черепу, что стоило не малаго труда отодрать ее. По всей вѣроятности подобное явленіе можно встрѣтить и въ другихъ курганахъ бѣлорусскаго края. Очевидно, какъ обычай погребенія покойниковъ въ сидячемъ положеніи и съ шапкою на головѣ, такъ равно и обычай сажанія деревьевъ на могилахъ и курганахъ несомнѣнно существовалъ въ древней Руси, по крайней мѣрѣ, если не у всѣхъ славянъ, то у кривичей. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что разсказы арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Фадлана отнюдь не слѣдуетъ считать какъ исключительно относящимися до быта и нравовъ одного только финскаго племени, какъ то утверждаетъ г. Стасовъ. Нѣчто подобное арабскій писатель могъ наблюдать, конечно, и у славянъ.

И. Краснопёровъ.

---

[1]) См. мою статью въ «Русской Мысли» 1880 г., кн. 8: «Экономическій бытъ крестьянъ Рославльскаго уѣзда».

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Переписка в. к. Павла Петровича съ гр. Петромъ Панинымъ въ 1778 — 1779 гг.

МНѢНІЕ [1]).

Не стану я говорить о необходимости, нуждѣ и пользѣ имѣть оборону государственную, всякой чувствуя довольно оную; но буду разсматривать, какъ оную располагать сообразно съ мѣстомъ, временемъ и случаемъ. Мѣстомъ разумѣю я сосѣда и силы его, и внутренность свою. Временемъ—обстоятельства, въ которыхъ мы теперь, внутренно и наружно. Случаемъ—способы, которыми достигнуть до желаемаго относительно до первыхъ двухъ обстоятельствъ.—По первому изъ сихъ трехъ отдѣленій нахожу нужнымъ раздѣлить государственную оборону на четыре главныя части, сообразуясь четыремъ главнымъ частямъ границъ государства; ибо четыре главныя стороны имѣетъ оно, въ разсужденіи сосѣдей. Внутренность же можно раздѣлить почти также на четыре главныя части, по сходственности въ оныхъ народовъ, ихъ нравовъ и обычаевъ. Для всего сего и надлежитъ раздѣлить всѣ силы свои, какъ оборонительныя, такъ и наступательныя, на четыре части.

Первая будетъ оборонительною противъ Швеціи и заключается въ приморскихъ, Балтійскаго моря губерніяхъ, съ нѣкоторымъ резервомъ со стороны сѣверной части и позади сихъ губерній. Вторая противъ прочихъ европейскихъ сосѣдей, лежащихъ позади Польши; а заключаться будетъ въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши губерніяхъ, съ резервомъ въ самыхъ ближайшихъ, позади лежащихъ губерніяхъ. Третья—противъ турокъ, татаръ и персіянъ; а заключаться будетъ въ полуденныхъ губерніяхъ, съ резервомъ въ ближнихъ позади оныхъ губерніяхъ. Четвертая—противъ кочующихъ народовъ и Китая, то-есть отъ самаго Каспійскаго моря до Тихова; а заключаться будетъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXIII, февраль, стр. 403—418.

въ тѣхъ губерніяхъ, которыя находятся въ сей дистанціи, съ резервомъ внутри самихъ оныхъ, для обузданія разныхъ, какъ закономъ, такъ и нравами, народовъ. Каждую изъ сихъ частей государственной обороны составить должно изъ силъ достаточныхъ, какъ къ оборонѣ такъ и къ наступанію, и при томъ того рода войска, которое способнѣе, смотря по мѣстоположенію и противъ лежащему непріятелю. Для изъясненія сего приложено здѣсь росписаніе полковъ, штаты оныхъ, табели и нѣкоторыя изъясненіи.

По второму изъ сихъ трехъ отдѣленій нахожу нужнымъ сообразить безпокойныя нынѣшнія, наружныя обстоятельства въ южной нашей части, которыя всегда будуть дѣйствовать, и сами движимы бывають завидующими славѣ нашей государствами; и для сего необходимо нужно привести себя въ сильное и не зависящее ни отъ чьего вспоможенія состояніе, дабы всегдашнимъ почтеннымъ состояніемъ брать поверхность, какъ инфлюенціею, такъ и самимъ дѣломъ,—не только въ дѣлахъ, отъ зависти противу насъ рождающихся, но и въ видахъ собственныхъ нашихъ, безъ оглядки къ кому бы то ни было, какъ къ тѣмъ только, кого мы сами изберемъ. Для сего быть намъ должно всегда на готовѣ, а мѣшаться самымъ дѣломъ какъ можно менѣе; ибо у насъ и домашнихъ хлопотъ довольно. А за симъ, не имѣя довольнаго времени мѣшаться со свободными руками въ чужія дѣла, лучше быть въ такомъ состояніи намъ, чтобъ отъ почтенія къ силѣ нашей, пріобрѣтеннаго готовностію всегдашнею, не задержали насъ управляться съ внутренностію покойно и тѣмъ самымъ и не изнуряли оную, и чрезъ то легче могли достичь до тишины.—До сего можно бы, думаю, достичь, оставя излишнія претензіи, стараяся имѣть непоколебимыми союзниковъ своихъ, бо́льшею ласкою и довѣренностію. Лучше имѣть одного вѣрнаго, нежели многихъ, по наружности только.—Но не мѣсто здѣсь входить въ дальнія подробности по политической части; тѣмъ болѣе, что въ политикѣ, кромѣ генеральныхъ правилъ, которыя должны быть основаны на честности и доброй вѣрѣ, трудно входить, и почти невозможно, въ большія объясненія, для того что люди и обстоятельства ежеминутно почти премѣняются и отъ того казусы рождаются всегда новые, которыхъ всѣхъ никакъ предвидѣть нельзя; а, — по мѣрѣ того, какъ встрѣчаются новыя обстоятельства—имѣя всегда за основаніе постоянныя и непремѣнныя правила, можно будетъ всегда располагаться благоразумно, съ точностію, безъ излишней скорости и тихости, но соблюдая всегда счастливую и всегда поверхность во всемъ имѣющую середину.

Государство наше теперь въ такомъ положеніи, что необходимо надобенъ ему постоянной и долговременной покой. Прошедшая вой-

на, польскія безпокойства, да къ тому же и оренбургскія замѣшательства, кои начало свое имѣли отъ неспокойствія бывшихъ яицкихъ, а нынѣ уральскихъ казаковъ, довольныя суть причины къ помышленію о тишинѣ; ибо все сіе изнуряетъ государство людьми, а чрезъ то и уменьшаетъ хлѣбопашество, изнуряя землю. Хотя прошедшая война и къ нашей пользѣ кончилась; но мы претерпѣли въ то самое время недородами, язвой,—которая, конечно, слѣдствіемъ войны была,—безпокойствіями внутренними, а болѣе того — рекрутскими наборами, столько, что остается только желать продолженія мирнаго состоянія, которое утвердя тишину и спокойствіе, позволило бы вещи привести въ порядокъ и наконецъ наслаждаться совершеннымъ покоемъ. Къ достиженію сего надобно начать учрежденіемъ всего того, что можетъ утвердить внутреннее спокойствіе, зависящее отъ домашняго положенія каждаго. Когда сняты будутъ налоги, пресѣчены наряды съ земли, то каждый, не лишаясь имѣнія своего, отцы—дѣтей, а господа — тѣхъ, коихъ трудами живутъ, не будетъ имѣть причинъ къ негодованію; и тогда то пресѣкутся всѣ народныя неудовольствія. Нашъ же народъ таковъ, что малѣйшее удовлетвореніе заставитъ его забыть цѣлые годы неудовольствія и бѣдствія самыя. По сіе время мы, пользуясь слѣпымъ повиновеніемъ народа и естественнымъ его, счастливымъ сложеніемъ физическимъ и моральнымъ, все изъ цѣлаго кроили, не сберегая ничего. Но время помышлять о сохраненіи столь драгоцѣннаго, пред(ан)наго его расположенія, дабы употребить оное тамъ, гдѣ уже, по крайности случая, ни пріуготовленіями, ни пріятіемъ всѣхъ благоразумныхъ мѣръ, учинить ничего невозможно. Таперь дѣйствуемъ мы всегда самыми послѣдними средствами, не оставляя ничего въ запасѣ; а отъ того, естлибы случилась какая неудача, нечѣмъ уже оную въ томъ самомъ мѣстѣ наградить; а увидѣли бы себя принужденными натягивать силы свои изъ другихъ мѣстъ и тѣмъ самымъ ослаблять тѣ части государства, которыя оными защищаемы были. И такъ, во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ употребляемъ все, что имѣемъ, не оставляя ничего въ запасѣ, какъ будто бы увѣрены были во всегдашнемъ, счастливомъ успѣхѣ оружія; а всѣ уроны награждаемъ безпрестанными рекрутскими наборами; а отъ того земля терпитъ и хлѣбопашество вмѣстѣ съ нею; люди исчезаютъ, а наконецъ не остается довольнаго числа, ни дома, ни предъ непріятелемъ. А естли бы всѣ силы пріуготовлены были заблаговременно, то бы комплектованіе ихъ чинимо было по малу и почти нечувствительнымъ образомъ. Расположивъ ихъ сходно съ положеніемъ земли, не будетъ нужды дѣйствовать всѣмъ частямъ, пока на одну только нападеніе есть; да и та будучи въ состояніи,

хотя первыя временно, защитить, а не изнурить то мѣсто, которому защищеніемъ служитъ; мѣсто же будетъ помощію тѣмъ самымъ силамъ, которыя учреждены для обороны его. И такъ, вмѣсто того, что защита бываетъ иногда въ тягость защищаемому, она будетъ, напротивъ того, дѣйствительною обороною, а земля сама подкрѣпленіемъ; ибо не можно, чтобы и самой нерадивой, видя домъ и себя въ опасности, не вооружился. Но когда защиты нѣтъ, а которая и есть, но въ тягость, то прежде нежели до дѣла дойдетъ, вмѣсто пріуготовленія къ отпору воспослѣдуетъ бунтъ. Таковаго существа были Оренбургскія безпокойствіи. Распредѣля же силы оборонительныя, во первыхъ по силѣ земель, а во вторыхъ по силѣ противулежащаго сосѣда, есть средство всегда быть сильну и свѣжу, землѣ не въ тягость и готову къ отпору и даже кь отмщенію обидъ. Человѣкъ первое сокровище государства, а трудъ его богатство. Его нѣтъ—трудъ пропалъ и земля пуста; а когда земля не въ дѣлѣ, то и богатства нѣтъ. Сбереженіе государства—сбереженіе людей; сбереженіе людей—сбереженіе государства. Для сего сбереженія потребно средство, которое я, можетъ быть, пашелъ. Государство почитать должно тѣломъ, государя—головою, законы—душою, богатство и изобиліе—здоровьемъ, военныя силы—руками и всѣми тѣми членами, кои къ защищенію служатъ, а религію—закономъ, подъ которымъ все состоитъ. Благоразумный человѣкъ будетъ почитать сохраненіе здоровья и силъ тѣла своего первою вещію со стороны физической. Полагая военныя силы руками и всѣми членами, служащими къ оборонѣ, должно ихъ,—слѣдуя сему сравненію—имѣть и содержать точно въ томъ состояніи, въ какомъ бываютъ оные члены у здороваго и сильнаго тѣла, то есть сильными и крѣпкими, безъ излишества; ибо естли бы было излишество, тогда бы, конечно, оное вредило остальнымъ членамъ, отъимая у нихъ, для той излишней крѣпости, соки необходимые къ равному довольствію всѣхъ членовъ, и потому къ сохраненію равновѣсія во всѣхъ частяхъ тѣла, безъ котораго здорову быть нельзя.

Государство, въ которомъ какая нибудь часть, расходами своими или инымъ чѣмъ, затрудняетъ другія, или препятствуетъ свободному теченію оныхъ, есть тѣло, у котораго членъ одинъ отнимаетъ соки и другіе, чрезъ то, выводитъ изъ равновѣсія и потому навлекаетъ какія нибудь бѣдствія, чрезъ долгое или короткое время. Изъ сего слѣдуетъ, что военныя силы въ государствѣ должны быть таковы, чтобы не въ тягость оному были, но въ оборону и защиту, а сверхъ того достаточны не только для защищенія, но и для наступательныхъ дѣйствій и содержанія внутренняго порядка.—Всякая часть го-

сударства раздроблена опять на свои части, и потому должно, чтобы каждая изъ оныхъ была одна съ другою въ равновѣсіи; ибо всѣ сіи малыя части вмѣстѣ составляютъ одну большую, отъ которой зависитъ цѣлость и безопасность общества. Сколь скоро въ оной равновѣсіе потеряно будетъ, столь скоро одна часть будетъ дѣйствовать лучше, а другая хуже. Что же тогда постраждетъ? Безъ сомнѣнія—тѣло; отъ того что въ одномъ членѣ будетъ болѣе силы, нежели въ другомъ; потому что одинъ членъ будетъ болѣе въ себя вбирать соковъ, нежели другой. И такъ, несомнѣнно, что равновѣсіе надобно и во всѣхъ военныхъ частяхъ, для сохраненія общества. Равновѣсіе полагаю въ томъ, чтобы, во первыхъ, всѣ границы защищены были вездѣ равно; второе—что бы губерніямъ не была защита ихъ тягостію и чтобы одной предъ другой не было содержаніе оной труднѣе; третіе—чтобы оборона была въ одномъ состояніи повсюду, ибо, кромѣ безопасности, польза общая требуетъ, чтобы всѣ части повсюду пропорціонально дѣлали тоже, каждая въ своемъ родѣ; тогда будутъ онѣ всѣ споспѣшествовать къ пользѣ общей, а не инако; ибо въ противномъ случаѣ одна часть будетъ перевѣшивать другую; а о вредѣ, отъ сего послѣдующемъ, говорилъ уже выше. Изъ сего видно, что три вещи, потребныя къ равновѣсію, необходимы и къ цѣлости общества: 1) отъ равнаго всѣхъ границъ защищенія зависитъ, безъпосредственно, цѣлость; 2) отъ расположенія защиты въ губерніяхъ, безъ отягощенія ихъ, зависитъ покой, довольство и равновѣсіе; 3) отъ равнаго состоянія, повсюду, обороны зависитъ равная повсюду безопасность. Объяснивъ все, приступлю къ дѣлу и начну съ 1-го пункта, о равномъ всѣхъ границъ защищеніи.

Границы должны быть повсюду укрѣплены крѣпостями, линіями или инымъ чѣмъ; оное зависитъ отъ мѣстоположенія и противулежащаго сосѣда. Оныя огражденія привести въ безопасное оборонительное состояніе: крѣпости,—укрѣпя ихъ по правиламъ, порядочно, и снабдивъ войскомъ, оружіемъ и разными припасами; линіи—расположа по онымъ, въ пристойныхъ мѣстахъ, войско, оружіе и припасы, но все сіе такимъ образомъ, чтобы защищало нѣкоторое разстояніе, а не одинъ токмо пунктъ, какъ въ крѣпостяхъ. Въ иныхъ же мѣстахъ служили бы довольнымъ укрѣпленіемъ и натуральныя преграды, какъ напримѣръ, лѣса, болота и въ оныхъ засѣки, и пр. Въ таковыхъ мѣстахъ нужды нѣтъ повсюду содержать войски, а имѣть только ихъ въ такомъ разстояніи, чтобы въ случаѣ какого нибудь предпріятія непріятельскаго, можно было предупредить или остановить его покушеніе. При всѣхъ таковыхъ расположеніяхъ имѣть должно всегда предъ глазами общей и единой предметъ—цѣлость госу-

дарства. Войски, по сему же предмету, должны набираемы быть въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, которымъ должны они служить обороною, для того, чтобы лучше рачили въ охраненіи ихъ; ибо, обороняя огражденную ими часть государства, обороняютъ купно домы свои и родственниковъ своихъ; а при томъ не будетъ пропадать ихъ столь много отъ перемѣны воздуха и менѣе убывать ихъ будетъ побѣгами, поелику они и служа находятся почти дома и вмѣстѣ съ своими родственниками; а паче всево выгода чрезъ оное будетъ та, что употреблены они будутъ противъ натуральнаго и смежнаго имъ непріятеля, который, будучи имъ уже знакомъ, менѣе для нихъ казаться будетъ опасенъ; ибо ничто не отнимаетъ столь скоро бодрости, какъ неизвѣстность, тѣмъ паче въ людяхъ не просвѣщенныхъ. Такимъ образомъ защита границъ будетъ по всему государству равна, ибо духъ, дѣйствующій въ оборонителяхъ, будетъ одинаковъ по всѣмъ мѣстамъ; и чрезъ сіе достигли бы до общаго предмета, которой есть равновѣсіе, ибо всѣ части и вездѣ успѣвали бы равно въ сохраненіи цѣлости.

При расположеніи защиты въ губерніяхъ, наблюдать должно, какъ я уже выше сказалъ, 1) чтобы не была защита въ тягость защищаемому, но, напротивъ того, дѣйствительною обороною, а земля подкрѣпленіемъ; 2) распредѣлять силы оборонительныя по силѣ земель и по силѣ противулежащаго сосѣда.

Нѣтъ лучшаго способа къ приведенію въ дѣйствіе перваго изъ сихъ двухъ раздѣленій, какъ учредить повсюду то самое, что уже у насъ заведено въ Слободской и Новороссійской губерніяхъ. Полки, расположенные въ нихъ, содержатся людьми, лошадьми, провіантомъ и проч. отъ самыхъ тѣхъ губерній; то чинить точно сіе и повсюду, съ тою разницею, что тѣ мѣста, кои малолюдны или инымъ чѣмъ недостаточны, занимали бы отъ сосѣднихъ губерній, естьли въ оныхъ, изъ-за содержанія своихъ войскъ, есть остатки. Рекрутовъ же брать до тѣхъ поръ только, пока солдатскіе дѣти не начали бы замѣнять оныхъ,—о которыхъ, вслѣдствіе сего, подробно говорить стану. Чрезъ сіе, равновѣсіе вездѣ соблюдено будетъ, а земля будетъ, какъ изъ сего видно—подкрѣпленіемъ. Что-жъ касается до втораго отдѣленія, то оное ясно понять можно изъ приложеннаго здѣсь росписанія полковъ, которые расположены, сколько по силѣ прилежащаго къ границѣ сосѣда, столько и по числу жителей тѣхъ губерній, гдѣ оные полки квартируютъ, равно какъ и по ихъ нравамъ и склонностямъ.

Причину тому, чтобы оборона повсюду равна была, показалъ я, говоря выше о равновѣсіи. Оная есть—равная повсюду безъопасность. И такъ, стану стараться объяснить все то, что думаю нужнымъ къ

приведенію обороны повсюду въ одно состояніе. 1) Предписать всѣмъ начальникамъ, отъ фельдмаршала до рядоваго, все то, что должно имъ дѣлать; тогда можно будетъ на нихъ взыскивать, естьли что нибудь будетъ упущено, а не прежде; ибо надобно, чтобы каждый зналъ, что ему дѣлать должно, чтобы потомъ можно было отъ него требовать отвѣта, для чего онъ упустилъ то или другое. Теперь слышно безъпрестанно, что у того полкъ, или другая какая часть, лучше, а у того хуже, и что отъ того такой и такой произошелъ вредъ, и проч.; обвиняя всегда притомъ частнаго командира. А о томъ никто и не помышляетъ, что не данъ способъ имъ всѣмъ равно хорошимъ быть; а чрезъ то, и не отъ нихъ быть дурными. Сдѣлать такое всѣмъ предписаніе, сверхъ того штаты всему, ограничa ихъ такъ, чтобы никто изъ своей головы,—не представя куда надлежитъ, не смѣлъ ниже бездѣлки перемѣнить; ибо сколько головъ, столько разныхъ мыслей; а въ службѣ мысль должна быть одна. 2) Смотрѣть за исполненіемъ всѣхъ предписаній весьма строго, дабы упущеніемъ, какимъ бы то ни было, не порвать цѣпи порядка, отъ которой зависитъ безъопасность. Но предписаніе, съ своей стороны, должно быть ясно, чтобы никто не могъ извинить себя неразумѣніемъ, — начиная отъ мундирныхъ и аммуничныхъ вещей и кончая строевымъ порядкомъ; а притомъ и снять всѣ затрудненія и препятствія, которыя могли бы встрѣтиться, каждому по своей части, въ самомъ исполненіи предписаннаго; ибо надлежитъ, заставя человѣка дѣлать что нибудь, дать къ тому всѣ способы, но оные, для отвращенія всякихъ злоупотребленій, ограничить. Все сіе сдѣлавъ такимъ образомъ, не упускать никому ничего и строго за упущенія взыскивать, дабы вездѣ и во всемъ завести равенство, которое необходимо нужно къ достиженію того, чтобы всѣ части, равно всякая въ своемъ родѣ, споспѣшествовали къ общему предмету. Изъ таковаго предписанія всему, и, чрезъ то, ограничиваніе каждаго, слѣдуетъ то, что всѣ будутъ несравненно довольнѣе и охотнѣе къ службѣ, ибо не будутъ страдать и видѣть себя подчиненными прихотямъ и неистовствамъ частныхъ командировъ, которые чрезъ то сквернятъ службу и, вмѣсто пріохочиванія къ ней, удаляютъ отъ нея всѣхъ. Когда всякой будетъ дѣлать, что ему предписано, со всевозможною точностію, то не будетъ никто выводить вещи изъ равновѣсія, а чрезъ то и безъопасность повсюду будетъ равна. Но, кромѣ безъопасности, польза общая требуетъ, чтобы всѣ части повсюду пропорціонально дѣлали тоже, каждая въ своемъ родѣ, для споспѣшествованія къ пользѣ общей, какъ я уже выше сказалъ.

На поляхъ вышеприведенной черновой записки [1]) вел. кн. Павла Петровича написаны рукою его же, великаго князя Павла Петровича нижеслѣдующія разсужденія.

«До обстоятельствъ внутреннихъ коснулся я поелику предпріятіе мое до нихъ относится, и для того примѣчу, что государство наше, по положенію и по величинѣ своей таково, что ни въ комъ нужды ему не будетъ, пока мы сами того не захотимъ или не навлечемъ того; но отъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ всегда будемъ имѣть довольно дѣла дома, по нижеслѣдующимъ причинамъ.

«Земля наша весьма обширна, и потому невозможно такъ усмотрѣть, чтобъ цѣпь ни гдѣ порвана не была. Недовольное просвѣщеніе въ людяхъ, по короткости времени, съ котораго мы начали просвѣщаться, а особливо въ сравненіи другихъ европейскихъ народовъ;— внутренніе безпорядки, родящіеся какъ отъ разныхъ въ государствѣ нашемъ живущихъ народовъ, не обузданныхъ законами гражданскими, такъ отъ частыхъ интригъ дворскихъ, которыя перемѣняя почти образъ мыслей и упражняя умы, мѣшали и отводили ихъ отъ порядка и отъ помышленія о заведеніи или учрежденіи законовъ—основанія и узды всѣмъ. Но какъ и можно требовать, чтобъ тотъ помышлялъ о законахъ, кто интересъ свой находитъ въ безпорядкѣ и, потому, въ опроверженіи оныхъ?—Сіе разсужденіе довело бы насъ до того, о чемъ я не намѣренъ здѣсь говорить; но помяну только о генеральномъ положеніи вещей, не входя ни въ какую подробность, и потому скажу, что государство наше, будучи въ безпрестанныхъ движеніяхъ съ царства государя Петра перваго, зачинаетъ приходить въ нѣкоторую слабость, которую, какъ ее самую, такъ и ея слѣдствія, предупредить должно, дабы все зданіе или весь корпусъ не рушился, какъ ослабѣвшее отъ многихъ припадковъ тѣло; для чего и должно стараться тѣло покоемъ исцѣлить. Спокойствіе внутреннее зависитъ отъ спокойствія каждаго человѣка, составляющаго общество. Чтобъ каждой былъ спокоенъ, то должно, чтобъ, какъ его собственныя, такъ и другихъ подобныхъ ему страсти были обузданы. Чѣмъ ихъ обуздать инымъ намъ, какъ законами?—они, общая узда. И такъ, должно о семъ фундаментѣ спокойствія общаго подумать. Здѣсь опять воспрещаю себѣ болѣе о семъ говорить, ибо нечувствительно сіе разсужденіе довело бы меня до того пункта, отъ котораго твердость и непоколебимость законовъ зависитъ, утверждая на всегда бытіе и состояніе каждаго и рода его. Когда единожды законы

---

[1]) Послѣ словъ записки:.... „соблюдая всегда счастливую и всегда поверхность во всемъ имѣющую. середину“.

утвердятся тѣмъ способомъ, которымъ и состояніе каждаго утверждается, то не трудно будетъ приступить къ исполненію какого бы то ни было предпріятія, ибо тогда не можетъ инаго быть въ обыкновенномъ теченіи вещей, какъ сходнаго съ благоразуміемъ. Между тѣмъ, ничто не мѣшаетъ приступить къ исполненію, частно, моего намѣренія о военной части, поелику сходно можетъ, если допустятъ нынѣшнія обстоятельства. Здѣсь нахожу необходимымъ помянуть, — говоря о положеніи внутреннемъ, — о положеніи нынѣшнемъ военной части. Чтобъ онсе лучше можно было объяснить, покажу исторически, сколько сія часть терпѣла перемѣнъ со времени начала своего.

Первое основаніе положено было Петромъ Великимъ, сообразно съ тогдашнимъ нашимъ и всей Европы положеніемъ; но учредилъ онъ войско не набранное, но все по наряду служащее; и такъ вся тягость лежала на землѣ.—Во время царствованія императрицы Екатерины первой и императора Петра втораго, вещи были на томъ же основаніи: но не мода тогда была о семъ помышлять, и такъ никого и не сыскалось, кто бы за симъ смотрѣлъ; да сверхъ того, правиломъ политическимъ было тогда принято: истребить мало по малу все войско, дабы, не навлекая себѣ ревности отъ прочихъ державъ, насъ оставили бы въ покоѣ. Всякому изъ сего видно, сколь порочно было сіе правило и сколь оно пахло тогдашнимъ непросвѣщеніемъ, слабостію духа и, подъ симъ видомъ крывшимися, подлыми дворскими интригами. Конечно покой хорошъ, но не тотъ, который происходитъ отъ слабости или унынія, - такъ какъ и предпріимчивость, которая бы происходила отъ безпокойствія духа.— Императрица Анна, вступивъ на престолъ и будучи окружена людьми бодраго духа, нашлась принужденною взяться за сію запущенную часть. Люди перемѣнившись—все инако пошло: вотъ епока вторая въ войскѣ нашемъ. Когда законовъ нѣтъ, то и узды нѣтъ; а когда ея нѣтъ, то страсти дѣйствуютъ, а благоразуміе—тогда только, когда оно съ страстьми случится согласно. При сей епокѣ страсти дѣйствовали и, между прочимъ, ненависть персональная и родъ мщенія. И такъ, все, что ни было дѣлано во второй сей епокѣ, показавшееся дурнымъ, было слѣпо перемѣнено, вмѣстѣ съ вступленіемъ императрицы Елисаветы первой. Не отымая у нее хорошихъ качествъ, должно сказать, что царствованіе ея было не столь порядочно, какъ той, которая была предъ нею на престолѣ. Многія вещи потеряли силу свою и дѣйствіе ихъ ослабѣло. Страсти были тому причиной. Страсть государя отворяетъ двери всѣмъ пользоваться. Не видитъ уже своими глазами и не можетъ укорять другихъ, ибо чувствуетъ, что могутъ и его самого укорить. Послѣдніе годы не входила уже она ни

во что, по причинѣ болѣзней своихъ, а дѣлали ея именемъ тѣ, кто хотѣлъ дѣла превращать по своимъ видамъ. Отъ сего зачало все терять свою связь;—вотъ четвертая епока.—Здѣсь вступилъ покойный отецъ мой на престолъ и принялся заводить порядокъ; но стремительное его желаніе завести новое, помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оное. Прибавить къ сему должно, что неосторожность, можетъ быть, была у него въ характерѣ и отъ ней дѣлалъ многія вещи, наводящія дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ персоны его, а не противъ самой вещи, и погубили его, и заведеніямъ порочный видъ старались дать. Чего интриги не въ состояніи навести, естьли благоразуміе, осторожность и твердость духа не противустоятъ имъ? Пятой епоки конецъ здѣсь должно положить.—При вступленіи на престолъ нынѣ царствующей Императрицы, увидѣли нужду перемѣнять и поправить вещи по военной части. Нѣтъ вещи на свѣтѣ, которую не надлежало бы, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ чемъ нибудь перемѣнить или исправить, дабы согласоваться съ временемъ и обстоятельствами. Опасались однако же за то самое взяться, что̀ причли въ вину одному, не перемѣнивъ сперва виду вещи, и такъ самое тоже стали дѣлать, но не подъ тѣми именами и прикрывая всегда единую наружность, дабы не показаться предъ свѣтомъ противурѣчащимися. Большая часть изъ сихъ перемѣнъ не самими Государями нашими дѣланы; слѣдовательно поправляли тѣ же самые люди, которыхъ самихъ бы надлежало исправить. Прибавлю къ сему то, что партикулярный человѣкъ имѣетъ всегда соблюдать болѣе консидерацій, нежели Государь или правительство; и такъ, поправленія дѣланныя не служили на всѣ части, а на тѣ, можетъ быть, которыя не относились до персонъ. Должно примѣтить, что такого рода поправленія, каковы дѣланы были коммисіею, часто прикрываютъ страсти тѣхъ, кто оную составляютъ, или того, кто ею начальствуетъ. И такъ можно почитать большую часть дѣлъ таковыхъ исполненіемъ прихотей того или другаго, а не исправленіемъ недостатковъ сей части. Отъ сего и раждается всегда, что передѣланы бываютъ вещи никакой важности въ себѣ не заключающія, пока тѣ, въ которыхъ наибо̀льшее зло замыкается, остаются не только безъ поправленія, но и безъ малѣйшаго уваженія. Во время сего послѣдняго царствованія, военная часть терпѣла еще перемѣну. Правда, что меньше она была тѣхъ, о которыхъ помянулъ выше, но отъ причинъ и отъ дѣйствій, можетъ быть не вреднѣе ли сія была всѣхъ прочихъ. Большая часть людей видитъ сукъ въ глазу у другаго, пока не видитъ и бревна въ своемъ. Увидѣли правящіе военною частію

недостатки, злоупотребленія и захотѣли оное исправить, а можетъ быть и опорочили только то, что другими дѣлано было. Но какъ часто бываетъ, что искавъ лучшаго теряютъ сплошь хорошее, то при семъ случаѣ и стали порочить все, что дѣлано ни было, пока надобно было на(ис?)править бы злоупотребленія однѣ; опорочивъ же и развязавъ узлы, держащіе цѣпь—умѣнія и не стало: старое почти истребили, а новаго ничего не сдѣлали. И такъ, теперь никто уже и не знаетъ, что и какъ дѣлать; да къ тому прибавить должно, что и не мода теперь, что либо наблюдать изъ предписаній, а исправнымъ быть—стыдъ и низкость духа. Отъ сего и идетъ все по прихотямъ каждаго; а часто прихоть состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не дѣлать и угождать своимъ необузданнымъ страстямъ. Вотъ плачевное состояніе, до котораго у насъ военная часть дошла. Но не все зло исчислилъ я: теперь приступаю къ другаго рода злу, которое при таковомъ управленіи еще опаснѣе для всего общества, ибо нечѣмъ исправить въ сію минуту; если же запустится мало, то и бо́льшимъ чѣмъ не исправишь. Во время сихъ столь скоропостижныхъ перемѣнъ, къ несчастію нашему отъ тѣхъ же причинъ почти, отъ которыхъ и внутренность перемѣнялась,—перемѣнялось и наружное наше положеніе, и почти столько же разъ. сколько и прочія вещи. Имѣли мы при государѣ Петрѣ первомъ союзниками своими: короля Датскаго и Прусскаго, вмѣстѣ съ Англіею. По кончинѣ его, до самаго царствованія императрицы Анны, политическая связь была такова, что трудно что либо сказать точнаго, ибо не думаю, чтобъ тогда много и съ связью думали о ней. И такъ приступлю прямо къ царствованію императрицы Анны. Она вступила въ союзъ, начатой Петромъ Великимъ. Тѣмъ самымъ имѣли къ намъ зависть прочія державы, а особливо Аустрійской домъ, по причинѣ успѣха нашего противъ турокъ, и въ то самое время побудилъ Францію, (которая имѣла вражду уже противъ насъ за выборъ короля Августа II и дѣло подъ Гданскомъ) а оная—Швецію, которая и начала непріятельскіе поступки противъ насъ, тотчасъ по замиреніи съ турками. При императрицѣ Елисаветѣ не оружіе, а интриги вѣнскаго и французскаго двора имѣли успѣхъ и перемѣнили систему нашу политическую и навязали намъ на шею свои интересы и своихъ союзниковъ, шведовъ; а прежніе наши стали быть непріятелями.

В. К. ПАВЕЛЪ—КЪ ГР. ПАНИНУ.

Октября 11-го дня 1779 г.

Графъ П. И. При семъ посылаю къ вамъ одну часть моихъ мнѣній, которая мною самимъ сдѣлана еще въ 774-мъ году; а какъ вы тутъ много увидите такого, о чемъ я къ вамъ писалъ уже въ прежнихъ

моихъ письмахъ, то изъ сего и заключите, что оное есть собранные отъ нѣкотораго времени матеріалы, служащіе основаніемъ всѣмъ нашимъ разсужденіямъ. Со временемъ сообщу вамъ и остальную часть моихъ мнѣній; а между тѣмъ пребываю вашимъ вѣрнымъ....

Генваря дня 1779 г.

Графъ П. И. Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я писалъ, что пришлю къ вамъ мысли свои, встрѣтившіяся мнѣ въ разныя времени, касающіяся до разныхъ частей войска нашего. Одна изъ главныхъ казалася мнѣ: департаментъ или мѣсто, управляющее онымъ. Предпріятіе сіо можетъ показаться вамъ, по деталямъ своимъ, излишно пространнымъ для одного человѣка; но предупреждаю васъ, что не входилъ инако въ оныя, какъ будучи руководимъ уже сдѣланными прежними предписаніями, къ которымъ примѣнилъ мысли свои; гдѣ же оныхъ предписанія не находилъ, тутъ только довольствовался упоминать о самыхъ тѣхъ вещахъ,—что вы легко и усмотрите изъ пространства нѣкоторыхъ и изъ краткости другихъ пунктовъ;—имѣя, однако же, всегда передъ глазами основанія, на которыхъ желалъ видѣть сію часть, и сношенія, въ которыхъ желалось бы мнѣ, чтобъ подчиненныя ея части между собою были. Другой предметъ еще былъ въ томъ, что не входилъ въ дальныя детали; казалось мнѣ, въ разныхъ вещахъ, что злоупотребленіе и недовольное разсмотрѣніе вещей было основаніемъ по сіе время онымъ; а какъ сіе требовало исправленія, а для онаго локальное познаніе обстоятельствъ, которыя сами могутъ премѣняться чрезъ время, то и представилъ все сіе до самаго того времени, въ которое исполненіе будетъ слѣдовать предписанію.

Пребываю вашимъ вѣрнымъ.

ГР. ПЕТРЪ ПАНИНЪ — ВЕЛ. КНЯЗЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ.

Января 13-го дня 1779 года. Москва.

Всемилостивѣйшій государь!

По истощеніи всѣхъ естественныхъ силъ на превозможеніе нынѣшнихъ, сильно обновившихся во мнѣ летучей подагры головныхъ припадковъ, достигнулъ я теперь только всеподданнѣйше исполнить вашего императорскаго высочества два, полученныя мною въ свое время, высочайшія повелѣнія, на которыя отвѣтныя, всенижайшія мои разсужденія, на каждое особенно, по тому же самому порядку, какимъ, всемилостивѣйшій государь, расположенія предписаны были, имѣю я счастіе при семъ препроводить въ высочайшее ваше благоволеніе,—прося всеподданнѣйше, всѣ въ нихъ недостатки, необходимо происшедшія,—сколько по столь долговременному уже выступленію

моему отъ всѣхъ государственныхъ свѣдѣній и связей познанія дѣлъ, столь болѣе еще отъ оскудѣнія естественной моей способности къ важнымъ размышленіямъ, соображеніямъ и къ правильнымъ заключеніямъ,—милосердо замѣнить тѣми безпредѣльными усердіемъ о поспѣшествованіи, всѣми остальными моими силами, высочайшимъ попеченіемъ наслѣдника престола о истинномъ благѣ моего отечества, вѣрностію неограниченною и откровенностію совершенною ко освященной особѣ вашей, кои руководствовали въ душѣ моей къ составленію сего приношенія; и съ которыми я, до послѣдняго моего издыханія, пребываю со всеподданнѣйшимъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшій государь! вашему императорскому высочеству всенижайшимъ и вѣрнѣйшимъ подданнымъ графъ Петръ Панинъ.

Всенижайшее отвѣтное разсужденіе на два полученныхъ повелѣнія, на первое, препровожденное отъ 14-го числа сентября 1778 года.

Нельзя, кажется, не признать сей справедливости, что по разнымъ, довольно многимъ прежнимъ размышленіямъ и перемѣнамъ о изысканіи регулярнымъ войскамъ наилучшихъ раздѣленій на части, къ способнѣйшей удобности какъ надзирать ихъ въ предположенной исправности, такъ располагать и обращать для самыхъ сраженій, чтобъ не было изъ всѣхъ другихъ наилучшимъ принятое уже у всѣхъ Европейскихъ державъ раздѣленіе войскъ на арміи, подъ предводительство каждой особливымъ фельдмаршаломъ, а арміи на дивизіи подъ начальство полныхъ генераловъ, дивизіи на части подъ надзираніе генералъ-порутчиковъ, а части на брегады подъ распоряженіе генералъ-маіоровъ; но только въ ономъ, противъ настоящаго существа и важности сей службы, вкрадываются, часто происками, не только въ званіе военныхъ министровъ, да въ самыхъ полководцевъ и въ другіе важные чиноначальники, такія персоны, которыя, кромѣ тщеславнаго побужденія возноситься военными чинами, не имѣютъ отнюдь, не только намѣренія отваживать себя въ военные, настоящіе труды и опасности, но всѣми образами отклоняютъ себя отъ оныхъ. Таковыя же персоны, не сопрягаясь съ войсками ни раздѣленіемъ съ ними собственныхъ, не только опасности въ жизни и въ увѣчьѣ, ниже въ чести и въ бремени походныхъ трудовъ, имѣютъ справедливыя для себя причины управлять войсками и пріуготовлять ихъ по однимъ только тѣмъ, постороннимъ угожденіямъ, изъ которыхъ бы они могли извлекать соблюденіе собственныхъ видовъ, столь вредныхъ, въ самомъ ихъ началѣ, существительной надежности войскъ къ полезнымъ исполненіямъ той самой должности, для чего только войска содержатся на великомъ государственномъ иждивеніи и съ чувствительнымъ ему бременемъ; а отъ таковаго, вкрадывающагося почти

повсемѣстно, въ воинскую часть злоупотребленія, нельзя конечно не признать самымъ лучшимъ спасеніемъ и предохраненіемъ, когда владѣющій государь, безъ всякаго посторонняго посредства, можетъ самолично войско управлять и надзирать его чрезъ тѣхъ, приономъ, военноначальниковъ, кои учреждены по установленной во всемъ связи, для повиновенія одного чина другому, и которые въ таковомъ случаѣ не могутъ, кажется, иные быть, какъ уже сопряженные съ войскомъ, собственною неразрывностію раздѣлять съ нимъ, при всякомъ случаѣ, собственные неутомимые труды, честь и самой животъ; то, при столь важномъ и ничѣмъ неизбѣжномъ сопряженіи съ войскомъ всякаго ихъ чиноначальника, не будетъ уже инако свойственно, какъ всякой изъ нихъ, по своему званію, станетъ при востребованныхъ случаяхъ приносить самому Государю мнѣнія свои, на пріуготовленія и содержаніе войскъ, самыя чистосердечнѣйшія и безъ всякихъ другихъ видовъ кромѣ, чтобъ способомъ единственнаго благосостоянія войскъ пріобрѣтать свое возвышеніе и соблюдать собственную честь и жизнь. При такихъ же истинахъ и кажется непрекословнымъ заключеніемъ, что можетъ представляться для отечества счастливѣе и обрадованнѣе, какъ спознаніе, что природной, высокой Наслѣдникъ престола его, возрощей до настящаго возмуженія, въ нѣдрахъ своего отечества, съ прозорливѣйшимъ проницаніемъ и съ неутомленною прилежностію на пріуготовленіе полезнѣйшихъ для имперіи размышленій, признаетъ непремѣнною государскою должностію самолично управлять и во всемъ надзирать надъ государственною обороною, яко надъ единственною, надежднѣйшею подпорою цѣлости и безопасности онаго.

Сколь справедливо, что надзираніе и управленіе въ войскѣ всякому снабженію, по сопряженіи во ономъ со общимъ государственнымъ внутреннимъ домостроительствомъ, требуетъ отдѣленія отъ настоящаго надъ войсками начальства въ особливое присутственное мѣсто, столько же, кажется, неоспоримымъ, чтобъ не только то мѣсто, но ниже и ничто другое не имѣло, конечно, власти дѣлать въ войскѣ какія либо перемѣны, или новыя заведенія, безъ доклада Государя—не токмо такого, которой самолично начальствуетъ надъ войсками, ниже и безъ того, которой начальство войскъ хотя и оставляетъ изъ самоличнаго управленія, но далъ предписаніе, есть ли не на всякую подробность, то, конечно, съ генеральными на все предположеніями и установленіями; да и кромѣ сего, истинное усердіе, освобожденное уже отъ всѣхъ собственныхъ выгодъ и корыстей, но сохраняющее во всей совершенной цѣлости ревностное свое желаніе споспѣшествовать при всякихъ случаяхъ истинной славѣ своего государя и прямому благу отечества, извлекаетъ еще присовокупить къ

сему, что и сами владыки земные предуспѣваютъ гораздо способнѣе и достигаютъ счастливѣе до своихъ высокихъ желаній, когда для премѣнъ прежднихъ учрежденій и установленій, окоренившихся уже государственною къ нимъ привычкою,—особливо таковыхъ, при которыхъ, и способомъ коихъ имперія все торжествовала надъ разными своими непріятелями, прославленными предъ собою въ благоустройствахъ, возвышаясь сама всегда въ собственномъ могуществѣ,—учреждаютъ собранія изъ мужей, испытанныхъ прямою практикою въ званіяхъ, вѣрности и усердіи, для разсматриванія напередъ, способомъ разсужденій оныхъ тѣхъ предметовъ, къ премѣнѣ которыхъ приступать намѣреваются: съ какимъ онѣ намѣреніемъ и съ какими основаніями были прежде учреждены; что̀ въ нихъ недостаточнаго почему признается; а тѣ недостатки какими средствами удобнѣе и возможнѣе переправить или и перемѣнить, въ какое лучшее положеніе, не только не выступая, ниже и не повреждая всей государственной общей связи въ его безвредности.

Противурѣчить не возможетъ, кажется, никто, одаренный отъ естества праведнымъ о всемъ понятіемъ и благими намѣреніями, чтобъ не было совершенно полезнѣе и во всемъ благоуспѣшнѣе, когда избраніе о общемъ благѣ, ко утвердительному преположенію, и дѣйствительное во всемъ исполненіе состоитъ въ безпрекословной и безъотмѣнной власти у одной владѣющей особы. Сколь же сіе ни полезно для правленія цѣлаго государства, особливо весьма пространнаго и составившагося изъ земель разнообразныхъ въ положеніяхъ, въ обычаяхъ и въ вѣрѣ,—но больше еще оное необходимо уже надобно для начальства надъ войсками, и съ соблюденіемъ уже неупустительнымъ, чтобъ никто въ нихъ не дерзалъ перемѣнять ни самыхъ безделицъ изъ того, что оному въ штатахъ и повелѣніяхъ предписано отъ начальствующаго надъ войскомъ; для того особливо, что хотя въ перемѣнахъ самыхъ малостей и нѣтъ важностей, но въ томъ есть величайшее, чтобъ въ войскѣ, состоящемъ изъ разномыслящихъ умовъ, никто не смѣлъ, во отправленіи своихъ должностей, иного дѣлать, кромѣ того, что ему отъ главы онаго приказывается и не отваживался бъ пріучать себя попускаться на перемѣну,—что подчиненному представляется иногда и малостію; но въ существѣ силы войска есть самая душа того, чтобъ не вкоренялось въ немъ наипагубнѣйшаго ему своевольства, презрѣніемъ и небреженіемъ ко̀ всѣмъ повелѣніямъ, происходящимъ по чинамъ службы.

Здѣсь, безпредѣльныя вѣрноподданнаго откровенность и усердіе заставили было еще возвратиться на вышеобъясненное уже разсужденіе, что и для самаго того, дабы единожды преположенныя учреж-

денія и повелѣнія, ко общему исполненію, могли непремѣнностію своею пріобрѣтать въ сердцахъ каждаго къ твердости своей окорененіе, а не единственный страхъ, то признается лучшимъ и для онаго средствомъ, чтобъ ко всякимъ перемѣнамъ, востребующимся во общихъ учрежденіяхъ и повелѣніяхъ, приступать не инако, какъ по выслушаніи и разсмотрѣніи достаточно разсужденій о томъ у повѣренныхъ чиновниковъ той службы, въ коей предпринимается сдѣлать какую перемѣну прежнимъ учрежденіямъ. Но когда счастіе представило уже увидѣть наслѣдника престола собственное, столь благополучное объ ономъ расположеніе, то пресѣкаясь дальнымъ о сей матеріи разсужденіемъ, приступаю къ всенижайшему объясненію моего чистосердечнѣйшаго мнѣнія на прочія, послѣдующія по ихъ порядку предписанія.

Не разнствовалъ я, и теперь ни мало не разнствую моимъ всенижайшимъ разсужденіемъ, чтобъ не было справедливо, какъ предположеніе легкихъ войскъ къ сторонѣ, облежащей азіатскими народами, гдѣ и сами тѣ войска имѣютъ поселенное пребываніе, такъ что и употребленіе оружія равнаго противу равнаго имѣетъ свою удобность, потолику токмо всеконечно, поколику нѣтъ никакихъ правилъ безъ исключенія; но коснулся я о сихъ двухъ пунктахъ въ прежнемъ моемъ приношеніи, ради единственнаго внесенія ко примѣчанію сего, что въ послѣднихъ двухъ войнахъ практика удостовѣрила все воюющее войско нѣсколько о противномъ тому, что заключалось прежде всѣми, до испытанія на тѣхъ войнахъ, какъ нашими легкими войсками, колико они, въ способныхъ употребленіяхъ и противъ регулярнѣйшихъ войскъ полезны, такъ и многочисліе при арміяхъ легкой артиллеріи.

По касательному до кантоновъ и кантонистовъ, то, по объясненію послѣдняго предписанія, не остается мнѣ, кромѣ обрадованія о счастливомъ повстрѣчаніи разсужденія моего, согласнаго во всемъ съ высочайшимъ въ томъ предъусмотрѣніемъ.

Въ той имперіи, коя существенно преизобилуетъ внутри себя самой разными пособіями, — при такомъ наисчастливѣйшемъ и всемилостивѣйшемъ расположеніи высокаго наслѣдника престола ея, что самъ онъ соизволяетъ пріуготовлять уже намѣренія свои, обратить расходы государственные, отъ излишнихъ употребленій на пріумноженіе оборонительной силы государства,—конечно найдутся въ свое время самые нетрудные способы къ собранію денегъ на пріумноженіе войска; почему усерднымъ дѣтямъ отечества не остается теперь, кромѣ что только наполняться радостію о такомъ предъузнаніи.

По пункту до подвозной пѣхоты, ради обороны Сибирскаго края,

отношу я къ бо́льшему лишь моему счастію, что мысль моя объ ономъ могла удостоиться сходствія высочайшему собственному расположенію; но повторяюсь къ сему однимъ только тѣмъ, что прибавленіе ко онымъ полкамъ самыхъ легкихъ орудій, хотя и на всякую роту по одному, кажется могло бъ быть весьма полезно; а что принадлежитъ до прежняго учрежденія о состояніи того корпуса безпосредственно подъ военною коллегіею, то конечно несказанно счастливѣе для имперіи, естьли владѣющій Государь соизволитъ всего безъ изъятія государственною обороною повелѣвать собственною персоною, безъ всякаго посредства; и конечно нѣтъ ничего свойственнѣе, какъ хозяину мужескаго пола распоряжать собственно самому и управлять всѣмъ тѣмъ, что защищаетъ, подкрѣпляетъ и сохраняетъ цѣлость, какъ его собственной особы, такъ государства, имъ обладаемаго и тѣхъ всѣхъ доходовъ и пособій, коими сохраняется всеобщая безвредность,—но что требуетъ неутомленности безпредѣльной.

По разсужденію о гарнизонныхъ, не имѣю же я ничего другаго, кромѣ ощущенія въ душѣ моей радостнѣйшаго наполненія о томъ заключеніи, кое счастливѣйшая для отечества моего прозорливость наслѣдника престола внушила въ великую душу его о придерживаніи во всемъ всегда лучше къ старому, испытанному, нежели заводить новизны неиспытанныя, послѣдуя согласнымъ моимъ разсужденіямъ и въ семъ, что теперичное положеніе Россіи, возвысившееся весьма много предъ прежнимъ своимъ состояніемъ, требуетъ всеконечно особливаго, наивнимательнѣйшаго разсужденія и соображенія со многими прочими государственными обстоятельствами и съ вѣрными, подробными освѣдомленіями и размышленіемъ о предположеніи, сколько содержать имперіи, для чего, какъ какихъ крѣпостей или укрѣпленій, такъ гарнизонныхъ баталіоновъ и прочихъ, присвоенныхъ къ сей службѣ чиновъ.

О наборѣ съ земли рекрутъ, съ вѣрнымъ изъисканіемъ положительной ко оному пропорціи такой, чтобъ земля могла выносить безъ всеконечнаго раззоренія и съ преположеніемъ непремѣннаго срока къ набору, — я нахожу подданическою должностію, усердіемъ и откровенностію присовокупить только сіе, что въ одинъ годъ неподоспѣвшіе возрастомъ своимъ люди въ годность къ службѣ, могутъ еще созрѣвать ко оной; то не удобнѣе ли можно преполагать сроки рекрутскимъ наборамъ чрезъ три года, дабы пятнадцати-лѣтніе люди къ осмнадцатому году, а семнадцати-лѣтніе къ двадцатому году, созрѣвать успѣвали; но какъ нѣтъ регулъ безъ исключенія, то и въ семъ основаніи, случай продолженія войны и первой годъ выступленія изъ оной перемѣняетъ всеконечно мирное наполненіе всего вой-

ска, тѣмъ числомъ, сколько когда убылоль его, или удобности обожданія полнаго укомплектованія требовать и дозволять могутъ.

О злоупотребленіяхъ, внѣдрившихся въ военную россійскую службу, высокое предусмотрѣніе и выведенное изъ него заключеніе расположены на самыхъ неоспоримыхъ всеконечно истинахъ о сей подлинности, что тѣ злоупотребленія не привлекаютъ, а отженяютъ отъ службы россійское дворянство, особливо при недавномъ полученіи имъ всемилостивѣйшаго освобожденія отъ долговременнаго порабощенія тягостному игу неволи; при такой еще несозрѣлости, что не все оно воспитаніемъ столько пріуготовлено, чтобъ сей полученной, наидрагоцѣннѣйшей себѣ даръ могло оно употреблять всегда въ такое благо отечеству, дабы службѣ его не прикоснулось нѣкотораго затрудненія. Но какъ и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ благовоспитаніе вошло уже во всю созрѣлость, рѣдко обходилось, или и никогда, чтобы отъ важныхъ перемѣнъ не было чувствовано нѣкоторыхъ непріятныхъ восколебаній при первоначальныхъ, изъ новыхъ перемѣнъ движеніяхъ, коими большая часть людей ввергается въ заблужденіе; а тѣмъ больше еще, когда они почувствуютъ освобожденіе себя отъ тѣснѣйшаго претерпѣнія,—то посему кажется и въ россійскомъ дворянствѣ, при первомъ восколебаніи сладостію вольности, большая часть поверглась, и повергается еще въ заблужденіе гораздо вреднѣе для себя собственно, нежели службѣ отечества; да только чаятельно, что однимъ движеніемъ, свойственнымъ при такомъ происшествіи, слабому естеству человѣческому, а не истребленіемъ изъ сердецъ преждняго своего, ревностнаго усердія къ службѣ государю и отечеству; и ежелибъ здоровые и молодые дворяне, выступающіе изъ военной службы, при первомъ ихъ прельщеніи вольностію, наѣхавши въ домахъ, какъ семьи свои, отъ коихъ они зависятъ, недовольными о выходѣ ихъ изъ службы, такъ и большая часть собственные доходы совсѣмъ несоразмѣрными тому, чтобъ могли они удовлетворять недостатку тому привыкшему образу ихъ жизни, которымъ они пользовались въ службѣ, спомоществованіемъ жалованья и любочестіемъ отъ чиновъ начальства своего, со всегдашнею надеждою о возвышеніи своемъ въ почестяхъ, не находили бъ въ тоже время въ своемъ отечествѣ наисоблазнѣйшихъ предметовъ ко всегдашнему отвлеченію ихъ отъ трудности военной службы, умноженіемъ наивеличайшаго числа земскихъ мѣстъ, къ помѣщенію на нихъ самыхъ молодыхъ и совсѣмъ незаслуженныхъ штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ,—какъ въ казначеи и землемѣры, такъ и въ разныя тѣмъ подобныя земскія служенія, въ которыхъ получившіе мѣста не только обогащаются, да и въ чины возвышаются безъ всякой трудности; то нельзябъ сомнѣ-

ваться, чтобъ бо̀льшая часть выступающихъ изъ военной службы штабъ и оберъ-офицеровъ однимъ первымъ бѣшенствомъ о вольности, безъ таковыхъ соблазнительныхъ примѣровъ, не возвращались опять добровольно въ первую свою службу, коя и имѣла-бъ конечно получить между ими нѣкоторыхъ еще и къ лучшей преждняго, своей пользѣ. Но теперь, ко исправленію толико распространившихся злоупотребленій и побудительныхъ имъ причинъ, повреждающихъ не только одну военную службу, но безопасность отечества и самое дворянство, чтожъ можетъ счастливѣе для всего того быть и радостнѣе ощущенію въ сердцѣ вѣрнаго сына отечеству своему, какъ усмотрѣніе проницанія объ ономъ наслѣдника престола самыя праведныя. съ намѣреніемъ къ поправленію того, въ свое время, наилучшими средствами и съ милостивѣйшимъ преположеніемъ о ненасилованіи всемилостивѣйше пожалованнаго дворянству дара вольности, которую всякой изъ нихъ правомыслящей почитаетъ драгоцѣннѣе своей жизни и первѣйшимъ отъ себя залогомъ безпредѣльной вѣрности и усердія Государю и отечеству.

Разсуждается за удобнѣе составлять изъ чужестранныхъ людей особливые полки, по симъ предусмотрѣніямъ: 1) россійскіе люди, какъ и всѣ прочіе, во ученіяхъ церкви вѣры своей, особливо отъ большой части невѣжественныхъ духовныхъ, очень тверды еще со многими и суевѣрными предъубѣжденіями, по коимъ тягостно имъ соединятся, съ добрымъ согласіемъ, въ артельную жизнь съ людьми другихъ вѣръ; особливо же причиняетъ въ томъ больше затрудненіе усердное содержаніе постовъ. Чтожъ ближе къ непріятельскимъ дѣйствіямъ, то сильнѣе убѣждается всякой вѣры своей ученіемъ, да и со вкорененнымъ суевѣріемъ, что вообще съ великою еще различностію въ нравахъ подлыхъ россіанъ съ другими европейцами дѣлаетъ большее безпокойство на приведеніе ихъ въ согласную артельную жизнь съ чужестранными. 2) Пріученіе чужестранцовъ, сверхъ военныхъ экзерцицій еще и къ національному языку занимаетъ очень много время и труда; а при составленіи въ Россіи чужестранныхъ націй особливыхъ полковъ, которая имѣетъ и подъ собственнымъ скипетромъ многія другихъ націй области и провинціи, есть кажется удобность оставлять и содержать тѣхъ людей полки съ ихъ собственнымъ языкомъ, по примѣру, во Франціи нѣмецкихъ, а въ Швеціи — финскихъ полковъ; да Россія содержитъ уже и теперь полки, однихъ гусарскихъ званій, и національные, и особые, вербованные изъ чужестранцовъ. 3) Въ содержаніи вербованныхъ людей, противу національныхъ, кажется не можетъ другаго излишества быть, кромѣ развѣ самаго малаго, и тѣхъ денегъ, кои даются при пріемахъ на руки.

Но и со всѣмъ тѣмъ чужестранные не могутъ излишествовать передъ россіанами, когда пріимется въ примѣчаніе и будетъ внушаться имъ самимъ, что россійскіе солдаты берутся изъ поселянъ, а они, будучи тамъ на землѣ, платили не только за себя, да и за семейство свое, пришедшее въ старость и не вступившее еще возрастомъ къ работамъ, подати—какъ государственныя, такъ и помѣщичьи, отъ коихъ они, однимъ вступленіемъ въ войско, не токмо освободились, да еще и за нихъ, во время и службы ихъ, платятъ опые другіе поселяна; къ тому жъ, какъ дѣти ихъ, съ семи лѣтъ, содержатся на государственномъ пропитаніи, такъ и они сами, при одряхлѣніи получаютъ не такъ какъ вербованные люди собственно собою пропитаніе, но отъ короны, или возвращаются на прежнія свои земли; когда-жъ все сіе причтется,—какъ по справедливости и слѣдуетъ, къ окладному жалованью россійскихъ солдатъ, которое они получаютъ на одни свои прихоти, а въ прочемъ нынѣ они достаточно удовольствованы всею одеждою и пищею,—то со онымъ причисленіемъ, не чаю, чтобъ обыкновенной годовой окладъ вербованныхъ солдатъ превосходилъ россійскихъ; по чему и нѣтъ справедливости россійскимъ солдатамъ завидовать вербованнымъ. Въ прочемъ же кажется, всякое другое равенство не будетъ трудно содержать между ими, при безпристрастныхъ только главныхъ военноначальникахъ.

Доставать на вербованіе людей не представляется способнѣе удобности, какъ благополучное нынѣ расположеніе съ Польшею, и тѣхъ провинцій, которыя состоятъ, чужестранныхъ націй, подъ скипетромъ Россіи, также и Малороссіи, изъ коихъ, о способахъ по послѣдней мѣрѣ не довольные фундаменты заводимыхъ полковъ, подъ названіемъ самыхъ тѣхъ провинцій, всенижайше ссылаюсь на первое отвѣтное мое приношеніе.

На второе включеніе, препровожденное всемилостивѣйшимъ писаніемъ, отъ 11-го числа октября того жъ [1778] года.

Размышленіемъ и вниманіемъ, предводимыми, хотя бъ и не самыми совершенными: вѣрностію, любовію и безкорыстнымъ усердіемъ къ своему отечеству, не возможно бъ было природному сыну его не повторять нѣсколько разъ восхищеннымъ прочитаніемъ сего втораго включенія; а при всякомъ прочитаніи, душѣ подданнаго, не чувствуя въ себѣ конечно никакого недостатка къ своему отечеству, въ самой полности любви, усердія и вѣрности, а къ наслѣдной крови

своихъ государей безпредѣльной и искреннѣйшей преданности, не возможно еще болѣе не наполнятся при томъ ощущеніемъ совершенной радости о наиблагополучнѣйшемъ, отечеству его послѣдующемъ счастіи, которое вѣрно предвозвѣщается изъ усмотрѣннаго, воономъ приложеніи, объятія наслѣдникомъ престола, во всей обширности, наипрозорливымъ вниманіемъ, въ самой точности и живости, всея союзной связи разныхъ перемѣнъ, праведныхъ надобностей и вкравшихся злоупотребленій во всей той имперіи, для обладанія которой, милосердой о Россіи вышней промыслъ предь опредѣлилъ его къ своему времени и наполнилъ святую его душу толико благими дарованіями, изъ непремѣнности коихъ не можетъ уже иначе всеконечно произойтитъ, какъ совершенное щастіе и благосостояніе толико милліонамъ дѣтей россійской имперіи и ея самой твердой цѣлости и могущественной безопасности, подъ драгоцѣннымъ его скипетромъ съ наилучшимъ процвѣтеніемъ собственно славы его, сопряженной нераздѣленно съ щастливѣйшею славою всѣхъ вообще его природныхъ подданныхъ. Но какъ тутъ, хотя и наипріятнѣйшія размышленія для усерднаго подданнаго, по самой живой картинѣ о всемъ вообще положеніи любезнѣйшаго ему отечества, изображенной высокимъ и неутомленнымъ вниманіемъ самаго наслѣдника престола, не могутъ вовлещи въ пространство не совмѣстное времени и отведетъ далеко отъ намѣренія, особливо по военной только части, то пылающее, безпредѣльное и совсѣмъ безкорыстное для себя, собственно подданническое усердіе, изъ разсужденія о общемъ россійскомъ положеніи, внутреннемъ и внѣшнемъ, и по связи его съ прочими державами, не можетъ не подтвердить въ драгоцѣнномъ сердцѣ наслѣдника престола сего наиблаженнѣйшаго въ немъ заключенія, что и во всѣхъ общихъ, безъ изъятія, государственныхъ распоряженіяхъ нѣтъ полезнѣе, вѣрнѣе и славнѣе, какъ наблюденіе и неотступленіе никогда отъ священнѣйшихъ правилъ честности, добрыя вѣры, такъ и самой естественной истинны, которая есть единственная цѣлость всякой во всемъ твердости и безопасности, и къ соблюденію коей подлинно нѣтъ ничего вѣрнѣе, какъ утвержденіе непремѣнныхъ и неприкосновенныхъ, фундаментальныхъ государству законовъ.

По относительному до единой части военной, то самая блаженнѣйшая и праведнѣйшая сія мысль, чтобы содержаніе военныхъ силъ размѣрять государственному во всемъ равновѣсію и силамъ прилежащихъ народовъ, а предметъ и намѣреніе о войскахъ имѣть единственно для обороны своего отечества, а не для удовлетворенія славолюбія цѣною крови человѣческой,—и что россійской имперіи благо-

словенныя, собственныя во всемъ могущества и пособіи подлинно такого существа, по которымъ бы полагаться не невозможно-бъ было, при недреманномъ соблюденіи неповрежденными никогда всѣхъ учрежденныхъ, благоразумныхъ государственныхъ установленій, дабы Россія, по собственному могуществу, могла обходиться безъ нужды въ другихъ державахъ; но однакожъ, при ободреніи спознаніемъ въ высокомъ наслѣдникѣ престола собственнаго сего, праведнаго заключенія, что нѣтъ правилъ безъ исключенія, принимаю смѣлость, по онымъ двумъ обстоятельствамъ, отнестись на непреложность того заключенія, присовокупляя еще къ нему, что нынѣшнихъ временъ содержащаяся политическая связь между всѣми европейскими державами, о соблюденіи европейскаго равновѣсія, усилилась уже столько, что всякой державѣ необходимостію слѣдуетъ предостерегать и охранять себя въ той же общей политической связи между всѣми; не меньше же того, россійская имперія, по столь обширному ея пространству, для надеждинаго на всякое время предохраненія повсемѣстной защиты не достанетъ никакъ возможности содержать соразмѣрнаго числа оборонительной военной силы, а понеже составленіе имперіи изъ многихъ народовъ разновѣрныхъ и разнообычныхъ, коихъ и не на такой отдаленной обширности, на которую самаго вѣрнаго, бдительнаго надзирателя недостаетъ на всякое время; да и такое разнородіе въ надеждномъ, ихъ собственно, на правительство удовольствіи и внутреннемъ спокойствіи, совсѣмъ невозможно-жъ: то по сему кажется и требуетъ россійское положеніе, какъ не уклоняться никогда, употреблять войско свое, но только нѣкоторыми частями, сколь часто удобности дозволять могутъ, въ практическія всегда военныя дѣйства къ постороннимъ у союзниковъ войнамъ, такъ и наблюдать о всемъ вообще нашемъ войскѣ, предпочтительнѣе всему прочему готовое, и въ ближайшихъ мѣстахъ, содержаніе бо̀льшей части его къ наступательнымъ дѣйствіямъ надъ спознавающими заблаговременно нападателями на Россію, въ ихъ земляхъ; отвращая всегда, всѣми удобовозможными образами, чтобъ не допускать вносить въ Россію внѣшнимъ непріятелямъ своего оружія, посредствомъ котораго открывается почти уже дозволенной путь, вступившему съ ружьемъ непріятелю въ чужую землю, не возбранять себѣ всякими всенародными оглашеніями, приводить жителей той земли къ отвращенію отъ преждняго своего правительства и отъ короны,—что̀ для Россіи представляется наиопаснѣйшимъ, по составленію ея изъ многихъ народовъ, прежде завоеванныхъ, или пришедшихъ подъ россійской скипетръ отъ постороннихъ коронъ, способомъ покровительства его.

Не могутъ быть приняты справедливѣе правила и лучшія мѣроположенія о укрѣпленіи границъ крѣпостями, линіями и засѣками, по удобности имъ государственныхъ границъ мѣстоположеній, къ надежднѣйшей, повсемѣстной оборонѣ оныхъ отъ непріятельскаго въ нихъ впаденія,—какія изображены въ намѣреніяхъ по сей матеріи, и нельзя же, кажется, полезнѣе изъявленныхъ тутъ же мѣръ ко изысканію равновѣсія въ содержаніи обороны государственной съ ея внутреннимъ состояніемъ и съ военными силами прилежащихъ державъ, такъ равномѣрно ко введенію въ войскѣ, по общему разсужденію о всѣхъ обыкновенныхъ государствъ положеніи, прямо натуральныхъ поощреній къ лучшему защищенію и оборонѣ самыхъ тѣхъ жительствъ и семействъ, изъ коихъ состоять имѣютъ сами оборонительныя войска; а не меньше сего и средство укомплектованія войска впередъ больше солдатскими уже дѣтьми, всеконечно могли бы быть наиполезнѣйшими, какъ для войска, такъ и для самаго государства. Но понеже Россія въ натуральномъ положеніи, сколько почти необъемлемымъ, пространнымъ раздѣленіемъ на самыя дальнѣйшія, мѣсто отъ мѣста отстоянія, со труднѣйшимъ пресѣченіемъ всегдашняго между собою сношенія, и что войско россійское, окорененнымъ уже обычаемъ, привычно комплектоваться бо̀льшею частію людьми, оказавшимися въ великихъ продерзостяхъ, въ ихъ собственныхъ жилищахъ и семьяхъ, которые, и за свою отдачу ими въ рекрута, всегда дышатъ, особливо въ первоначальное время, самыми злодѣйскими на нихъ мщеніями, а часто, при нескоромъ ихъ отдаленіи отъ порожденныхъ мѣстъ, поступали на пожоги оныхъ и на убійство отдачиковъ своихъ;—столь много сія имперія разнствуетъ и совсѣмъ не сходствуетъ со всѣми другими европейскими державами, что представляетъ одна она о себѣ совсѣмъ особливыя во всемъ соображенія и требуетъ повсемѣстныхъ, точныхъ освѣдомленій, которыя всеконечно, въ свое время, и не останутся отъ столь попечительнѣйшаго и не предъубѣдительнаго высокаго на все вниманія. Но по касательному, единственно, до всемѣстнаго укрѣпленія границъ, принимаю смѣлость сослаться на представленное же здѣсь, выше, разсужденіе, что всегдашнему соблюденію всѣхъ, столь обширныхъ границъ отъ впаденія непріятельскаго надежднѣе относиться на предметы содержанія войскъ во всегдашней исправной готовности предупреждать непріятельскія впаденія собственнымъ вступленіемъ въ ихъ земли; и что, какъ на такой случай, такъ и для необходимо уже случившейся обороны собственныхъ границъ. Россія требуетъ благоразумнѣйшаго расположенія по удобнѣйшимъ мѣстамъ, какъ не отда-

ленно отъ каждой границы, такъ и въ самой внутренности за оными,— устроенія и всегдашняго содержанія достаточныхъ укрѣпленныхъ сборныхъ мѣстъ, со изобильно наполненными арсеналами и магазейнами, изъ коихъ и къ которымъ возможно было, при дѣйствіяхъ съ непріятелями, съ вѣрностію получить къ войскамъ снабженіе и уклоняться къ нимъ при востребованіяхъ войскамъ, отъ изнеможенія, поправленія и отдыхновенія; да не худо же бъ было, изъ послѣдняго примѣра народнаго возмущенія, тѣ всѣ внутренніе города, гдѣ собираются денежные государственные доходы и содержатся земскіе архивы, что бы возобновлены быть могли, по стариннымъ обычаямъ, въ ихъ укрѣпленіяхъ, удобныхъ задерживать на нѣсколько, до приспѣянія ближней имъ подмоги, первоначальныя возмутительныя движенія, отъ коихъ никакое благоразуміе не можетъ обнадеживаться на всякое время.

Чтобы войска, во время мирное, имѣли всегдашнее пребываніе на непремѣнныхъ квартирахъ, въ такомъ расположеніи, дабы было способно получать имъ свое прокормленіе отъ самыхъ тѣхъ, и къ нимъ въ близости прилежащихъ мѣстъ,—то доставитъ всеконечную, большую обоюдную пользу, какъ войскамъ, такъ и землѣ; но къ тому еще, чтобъ какъ коронныя издержки на пропитаніе войскъ могли удерживать всегда соразмѣрность доходовъ своихъ, такъ и чтобъ корона не подрывала народной, не пахарей, покупки въ цѣнахъ необходимаго и имъ пропитанія, случаемъ закупокъ отъ короны пропитанія войску не при заблаговременной для цѣнъ удобности, но при настояніи уже необходимой нужды, чтобъ войскъ не допустить до претерпѣнія голода. Какъ корона богатѣе всѣхъ ея подданныхъ, то обыкновенно такими случаями больше и возвышаются самою ею цѣны на всеобщее пропитаніе, иногда и до несносности для бѣдныхъ; а когда уже корона накупится и цѣны хлѣбу войдутъ въ свою обыкновенную мѣру, то тогда и бываетъ, что можно бъ и для войска покупать хлѣбъ въ третью долю той цѣны, что корона платила при неблаговременномъ его заготовленіи; ко отвращенію чего, не полезнѣе ли, быть можетъ, чтобъ годовое пропитаніе всему содержимому во всей имперіи войску, провіантомъ и фуражемъ, разчислено было: по чему причтется онаго на всякую пахатную душу, и положены бъ были непремѣнные оному цѣны между короной и пахарями, такой пропорціи, чтобъ при обыкновенномъ урожаѣ, по мѣрѣ трудовъ и по разности мѣстъ, въ обыкновенныхъ цѣнахъ хлѣбу, была имъ отъ короны довольная прибыль; а при неурожаяхъ онаго, чтобъ ужъ и корона не имѣла нужды нести убытки въ возвышеніи цѣнъ, распо-

ложа, чтобъ все расчисленное вседневное только пропитаніе войску выставляли пахари натурою, во учрежденные магазейны, по самой срединѣ приписанныхъ къ каждому магазейну селеній, сколько удобности дозволятъ,—на то, чтобъ поставка была не изъ весьма дальныхъ отстояній, расположивъ ради того всѣ тѣ магазейны, сообразно къ такой удобности, въ срединахъ непремѣнныхъ войску—не только бригадныхъ, но хотя-бъ и полковыхъ — квартиръ; равножъ и при водяныхъ пристаняхъ, способныхъ дѣлать изъ нихъ развозъ водою, куда, на отдаленныя войска, обрѣтется лучшая способность; а за расположенный на пахарей, въ магазейны, тотъ хлѣбъ и фуражъ, чтобъ даваны были квитанціи, которыми бъ они уплачивали и отъ нихъ принимались, вмѣсто денегъ, въ число подушнаго съ нихъ оклада. Ко всей же сей, заимно между всѣми сопряженной пользѣ, одна твердость только непремѣнныхъ войску, въ мирное время квартиръ, доставитъ всеконечно самыя способныя средства и удобности; но только и притомъ, по крѣпостямъ и по другимъ сборнымъ укрѣпленіямъ, чтобъ запасные, ради войска и на случай войны, магазейны оставить заготовлять всегда обыкновенною, на наличныя деньги закупкою, коя можетъ заготовляема быть всегда благовременно и при удобностяхъ добраго, а не худаго урожая, дабы симъ посредствомъ сама корона оставалась же въ способствованіи общей торговли внутренними произращеніями, яко въ главнѣйшемъ поощреніи подданныхъ своихъ къ работѣ, содержащемъ цѣлость ихъ.

Предписаніе въ войскѣ должностей каждому чину и собственнаго всякому поведенія во отправленіи службы, отъ самаго вышняго и до послѣдняго званія, безъ всякихъ околичностей и украшенія слога но съ самою ясною точностію и краткостію, послужитъ конечно удобнѣйшимъ средствомъ видѣть и содержать войско въ наилучшей надежности, со всегдашнею готовностію дѣйствовать имъ въ прямую пользу своему отечеству, въ славу владѣющаго монарха, въ почтеніе и уваженіе могущества благословеннаго его скипетра, какъ отъ всѣхъ чужихъ державъ, такъ и во внутренности собственной. Ко всякому наилучшему предписанію должностей и обряда службы единая есть душа — неутомленное и никогда не ослабѣваемое настояніе и надзираніе, чтобы никакое предписаніе не только не оставалось при одномъ лишь ревнительномъ начинаніи, а чтобы каждое, въ свое настоящее время, было всякимъ дѣйствительно исполнено, и никогда не допущаемо, не только къ перемѣнамъ, безъ самой необходимой нужды, ниже и къ ослабленію, дабы всѣ вообще и каждый особенно сдѣлалъ

въ душѣ своей совершенную довѣренность и привычку, что изучась прямо своей должности, при радѣтельномъ ея во всемъ отправленіи, не можетъ никогда уже подвергаться, по премѣннымъ предписаніемъ должностей и обрядовъ, опасности, погрѣшенію и замѣшательству въ оныхъ.

Собственноручно графомъ П. И. Панинымъ: „Сочинено въ Москвѣ, 1779 г., генваря 12 дня".

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ И АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ

въ 1822—1825 гг.

Личность и общественная дѣятельность князя А. Н. Голицына достаточно подробно изслѣдованы въ нашей литературѣ, въ нѣсколькихъ спеціальныхъ монографіяхъ, посвященныхъ культурной исторіи эпохи Александра I-го, и въ цѣломъ рядѣ записокъ его современниковъ. Одинъ перечень всѣхъ сочиненій, журнальныхъ статей, записокъ и замѣтокъ, вообще матеріаловъ для его біографіи, занялъ бы нѣсколько страницъ. Не вдаваясь въ такой перечень, такъ какъ не пишемъ біографіи князя Голицына, мы считаемъ достаточнымъ въ настоящій разъ, какъ на коментарія къ печатаемымъ ниже письмамъ, сослаться на отзывъ о кн. А. Н. Голицынѣ его современниковъ. Минуя разсказы и сужденія о немъ Вигеля [1]), мы приведемъ здѣсь подлинныя слова о Голицынѣ Вл. Ив. Панаева [2]) и Стурдзы [3]).

«Изъ камеръ-пажей Екатерины и камергеровъ Павла, Голицынъ былъ вдругъ возведенъ въ оберъ-прокуроры св. Синода, не зная самъ, какъ довелось ему войти въ святилище и въ завѣтную область христіанскихъ идей. Не смотря на жалкіе недостатки свѣтскаго образованія, на скудость познаній и прежнюю, крайне разсѣянную, жизнь, Голицынъ, по какому-то чувству приличія, остепенился, принялся за трудъ, отказался отъ суетныхъ забавъ, началъ обуздывать колкость языка, бросилъ кощунство и перемѣнилъ всѣ наружные пріемы» («Рус. Старина», 1875 г., февраль). «Многіе сомнѣвались въ чистотѣ религіозныхъ чувствъ Голицына; но я, говоритъ Панаевъ, служившій въ то время подъ его начальствомъ, и бывшій въ сношеніяхъ съ самыми близкими ему людьми, могу утвердительно сказать, что этотъ достойный

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. III, стр. 114–115 и др.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1867 г.

[3]) Записки Стурдзы напечатаны нами въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г.

человѣкъ, при добрѣйшемъ довѣрчивомъ сердцѣ, склонный по самому характеру своему къ созерцательности, къ чудесному, дѣйствовалъ вслѣдствіе внутренняго увлеченія; оттого, можетъ быть, и переходилъ за черту, не зналъ предѣловъ своей ревности, вѣрилъ ложному благочестію другихъ, и, къ сожалѣнію, подчинялся вредному ихъ вліянію» («Вѣстн. Европы», 1867).

Эти «жалкіе недостатки свѣтскаго образованія», о которыхъ говоритъ Стурдза, это «незнакомство съ завѣтною областію христіанскихъ идей», эта его склонность къ чудесному и довѣрчивость къ людямъ и повели его къ такимъ дѣйствіямъ, которыя вовсе ужъ не гармонировали съ званіемъ оберъ-прокурора св. синода, обязаннаго, по меньшей мѣрѣ, въ сферѣ оффиціальной своей дѣятельности, быть солидарнымъ съ призваннымъ представителемъ конфессіональнаго церковнаго ученія—св. Синодомъ. Онъ вдался въ крайній мистицизмъ и сдѣлался не только его послѣдователемъ въ своей личной внутренней жизни, но и авторитетнымъ пропагаторомъ его въ сферѣ своей власти по званію оберъ-прокурора св. Синода. Почти вся та мистическая литература, которая развилась въ Россіи за время 1817—1824 гг., обязана своимъ появленіемъ не только его инціативѣ, но и его оффиціальному содѣйствію и покровительству. Чтобы дать ходъ «Сіонскому Вѣстнику» Лабзина, онъ самъ взялъ на себя цензуру этого изданія, и не просматривая, разрѣшалъ къ печати все, что выходило изъ подъ пера этого писателя, котораго, по свидѣтельству Стурдзы, считалъ первымъ духовнымъ писателемъ въ Россіи, за что, по его же, вѣроятно, ходатайству, Лабзину данъ былъ орденъ Владиміра 2-й степени. Затѣмъ, уже въ 1820 г., по его распоряженію, служившіе при немъ чиновники Ястребцевъ и Пряничниковъ занялись переводомъ и изданіемъ сочиненій Штиллинга, Гіонъ, Таулера и многаго множества другихъ. Не ограничиваясь переводомъ и изданіемъ этихъ сочиненій, Голицынъ циркулярными отношеніями отъ своего лица, какъ оберъ-прокурора Синода, рекомендовалъ эти сочиненія епархіальнымъ преосвященнымъ, которые, угождая его желаніямъ, и выписывали ихъ цѣлыми сотнями, въ свою очередь предписывая покупать ихъ духовенству, по цѣнѣ, назначенной самимъ оберъ-прокуроромъ—иногда очень высокой (напримѣръ, книжка сочиненій г-жи Гіонъ стоила 6 р.) [1]). Затѣмъ, позже, князь не усумнился присоединиться даже къ обществу Татариновой, по крайней мѣрѣ, посѣщать ея радѣнья.

---

[1]) Подробныя документальныя свѣдѣнія по этому предмету см. въ книгѣ „Историческіе и критическіе опыты Н. Барсова". Спб. 1879. (Къ исторіи мистицизма, стр. 250—258). Нѣкоторые біографы Фотія и изслѣдователи его эпохи указываютъ на быстрое распространеніе мистическихъ книгъ—иныхъ нѣсколькими изданіями—какъ на фактъ, доказывающій необычное сочувствіе русскаго общества того времени къ мистицизму. Намъ кажется, что объ этомъ слѣдуетъ

Нижеслѣдующія письма Голицына къ Фотію вполнѣ подтверждаютъ отзывы о немъ Панаева и Стурдзы, знакомятъ насъ съ его піэтизмомъ, хотя писанныя къ знаменитому поборнику ученія церкви, онѣ ни разу не выходятъ за предѣлы конфессіональнаго благочестія, лишь изрѣдка обнаруживая признаки суевѣрія, да своей фразеологіей напоминая живо языкъ пѣснопѣній хлыстовъ и квакеровъ, въ средѣ которыхъ вращался князь очень долго. Тѣмъ не менѣе въ письмахъ этихъ слышится иногда какой-то звукъ условности, чувствуется недостатокъ безусловной искренности. Эти письма, по нашему мнѣнію, не столько выражаютъ искреннія чувства человѣка, ищущаго отвести душу въ интимной религіозной бесѣдѣ съ святымъ человѣкомъ, съ «аввой», какъ это представляется съ перваго взгляда, сколько свидѣтельствуютъ объ умѣньи образованнаго свѣтскаго человѣка говорить языкомъ благочестія въ тонѣ и духѣ своего корреспондента. Не лишне замѣтить, что въ то время, когда писались эти письма, Голицынъ заявилъ уже себя энергическимъ поборникомъ враговъ православія (первый циркуляръ о выпискѣ переведенной Ястребцовымъ книги: «воззваніе о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова» относится къ 1820 году), а Фотій напротивъ выступилъ уже въ качествѣ неустаннаго и безпощаднаго врага всякаго мистическаго сектантства. Какъ понимать послѣ этого эти обращенія Голицына къ Фотію за душеспасительными совѣтами и столь довѣрчивыя и нѣжныя изліянія имъ своихъ благочестивыхъ чувствованій? Простодушнымъ-ли недомысліемъ различія между тѣмъ пониманіемъ религіи, котораго представителемъ является Фотій, и тѣмъ служеніемъ мистицизму, которому отдался министръ духовныхъ дѣлъ? или это было съ его стороны одно ловкое лицемѣріе, соединенное съ желаніемъ пріобрѣсти его если не дружбу, то отсутствіе вражды и затѣмъ пріязнь такихъ сильныхъ сторонниковъ Фотія, какъ графиня Анна Алексѣевна Орлова? Два біографа Фотія (гг. Карновичъ и Миропольскій) держатся двухъ противоположныхъ воззрѣній на этотъ предметъ. Г. Карновичъ («Русская Старина» 1875 г. кн. VII и VIII) видитъ въ Голицынѣ, въ его отношеніяхъ къ Фотію, лукавство и хитрость опытнаго царедворца, угадавшаго значеніе Фотія для внутренней политики Россіи; г. Миропольскій («Вѣстникъ Европы» 1878 г. №№ 11 и 12) считаетъ Голицына человѣкомъ искреннимъ, простодушнымъ и наивнымъ, съ необычайнымъ простосердечіемъ отдавшимся въ коварныя сѣти, разставленныя ему вѣроломнымъ монахомъ.

Средину между двумя отзывами занимаетъ сужденіе о Голицынѣ современнаго намъ историка перевода Библіи на русскій языкъ. Князь Голицынъ,

---

думать иначе: какъ видно изъ цифръ, приводимыхъ въ статьѣ, упомянутой выше, на основаніи подлинныхъ архивныхъ документовъ, по крайней мѣрѣ 4/5 всего количества этихъ книгъ выписывалось духовенствомъ, изъ уваженія или угожденія авторитету Голицына. Н. Б.

говоритъ И. А. Чистовичъ, по природному расположенію очень мягкій и воспріимчивый человѣкъ, сблизившись съ мистиками, и самъ сдѣлался мистикомъ. Это не былъ мистицизмъ теоріи, но — нравственнаго чувства и сердца. Евангеліе съ божественною заповѣдію любви ко всѣмъ людямъ сдѣлалось его постояннымъ спутникомъ и руководителемъ. Но какъ область нравственнаго чувства и благожелательности сближаетъ всѣхъ людей между собою, такъ Евангеліе, въ извѣстномъ отношеніи, сближаетъ всѣхъ христіанъ безъ различія исповѣданій. Православіе и всякое другое христ. исповѣданіе, со всѣми выродившимися изъ нихъ духовными обществами, расколами и сектами, казались ему образованіями, по составу болѣе сложными и по времени болѣе поздними, нежели собственно христіанство, или христіанство евангелія, первоначальная основа всѣхъ исповѣданій, первообразъ нашей вѣры и жизни. Разности, раздѣляющія между собою различныя исповѣданія и ихъ членовъ, были-ли онѣ догматическія, каноническія или обрядовыя, имѣли въ его глазахъ только второстепенное и подчиненное значеніе, значеніе вѣроисповѣдной формы, сквозь которую духъ вѣрующаго въ каждомъ исповѣданіи долженъ пробиваться къ духу евангелія и къ свѣту заповѣдуемой имъ любви ко всѣмъ, какъ къ братьямъ во Христѣ. Выходя изъ этихъ понятій, Голицынъ относился одинаково къ православной церкви, какъ и къ неправославнымъ исповѣданіямъ, принялъ подъ свое покровительство всѣ секты и религіозныя общества. Всѣ они были для него явленіемъ одного и того же Духа Христова. Чѣмъ непосредственнѣе и живѣе казалось ему отношеніе къ этому Духу Христову, въ томъ или другомъ религіозномъ пунктѣ, чѣмъ менѣе, по его взгляду, въ немъ было преградъ, отдѣляющихъ человѣка отъ Бога, внѣшнихъ формъ, обрядовъ и т. д., тѣмъ болѣе онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе кн. Голицына. Князь Голицынъ не дѣйствовалъ намѣренно противъ православ. церкви; но ставя ее въ одинъ рядъ со всѣми другими исповѣданіями, онъ унижалъ ея достоинство. Какъ министръ духовныхъ дѣлъ, онъ не понималъ своего положенія, превращая вѣротерпимость въ признаніе равнаго внутренняго достоинства всѣхъ исповѣданій; не болѣе понималъ онъ свое положеніе и какъ сынъ православной церкви, являясь принадлежащимъ ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Но за всѣмъ тѣмъ у него нельзя отнять заслуги пробужденія въ высшемъ обществѣ интереса къ дѣламъ вѣры и церкви, обращенія его отъ внѣшней обрядности къ духу религіозности («Христіанское чтеніе», 1872, ноябрь, стр. 405—407).

Мы съ своей стороны удерживаемся отъ какого-бы то ни было категорическаго приговора по этому предмету. Пусть письма Голицына, предлагаемыя засимъ, говорятъ сами за себя предъ читателемъ. Не лишнимъ, однако, считаемъ привести здѣсь одно (доселѣ неизданное) письмо Фотія къ А. А. Павлову, въ которомъ Фотій высказывается относительно Голицына въ такихъ выраженіяхъ:

«Возлюбленне брате Алексіе! Съ А. Н. Голицынымъ дѣло вѣрно инѣй. Если бы у тебя сто было родныхъ, но истинный христіанинъ можетъ быть тебѣ вѣрнѣе всѣхъ родныхъ. Чаю, что въ свѣтѣ лучше не нужно, какъ служить князю: онъ другу не измѣнить, и врага не обидить, а сего въ мірѣ вовсе нигдѣ нѣтъ. Я люблю его по сердцу и о Христѣ. Мнѣ люди равны, а его я люблю Бога ради единаго. Какъ ты ему можешь служить Бога ради съ пользою, такъ и онъ можетъ надъ тобою быть начальникомъ Бога ради съ пользою. Благъ онъ человѣкъ! Еще я ему и тѣни не написалъ о Царствіи, но и того ради писанія Христосъ посредѣ насъ съ нимъ» [1]).

Любопытенъ также разсказъ Фотія о поводѣ и обстоятельствахъ окончательнаго разрыва двухъ «друзей».

1824 г., апрѣля 23, князь Голицынъ пришелъ къ Фотію. „Два почти года увѣщевавшій его отстать отъ заблужденій», Фотій на этотъ разъ началъ говорить такъ: «умоляю тебя, Господа ради: останови ты книги, кои въ теченіе твоего министерства изданы противъ церкви, власти царской и противу всякой святыни; и въ коихъ ясно возвѣщается революція, или возвѣсти ты помазаннику Божію“. Князь Голицынъ отвѣчалъ: „что же мнѣ теперь дѣлать? Всѣ университеты и учебныя заведенія сформированы для революція“. Я (говоритъ Фотій) ему сказалъ: ты яко оберъ-прокуроръ сперва, а потомъ министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, могъ бы уже исправить. Голицынъ сказалъ: „не я, а государь виноватъ, который такого же духа будучи, желалъ того“. Я сказалъ: но я тебя увѣряю, что можешь еще остановить. Голицынъ отвѣчалъ: „поздно уже остановить,—все уже въ большой силѣ“. Видя ложь и дерзость князя Голицына, я удивился, пожалѣлъ о томъ, что два года напрасно употребилъ, обращая его отъ заблужденія, и рѣшился болѣе не видѣться съ нимъ, яко со врагомъ св. Церкви и государства“.

25 апрѣля, въ часъ по полудни, князь Голицынъ пришелъ снова къ Фотію, въ то время какъ онъ стоялъ у иконъ: „горитъ свѣща, св. тайны Христовы предстоятъ, библія раскрыта (Іерем. 23 гл.). Входитъ князь образомъ яко звѣрь рысь (Іер. V, 6) и протягиваетъ руку для благословенія. Но Фотій, не давая ему благословенія, говоритъ: въ книгѣ „таинство креста“ подъ твоимъ надзоромъ напечатано: духовенство есть звѣрь (т. е. антихристовъ якобы помощникъ), а я, Фотій, изъ числа духовенства, іерей Божій: то благословить тебя не хощу, да тебѣ и не нужно того. Голицынъ сказалъ: не ужели за сіе одно? Фотій сказалъ: и за покровительство сектъ, лжепророковъ, и за участіе въ возмущеніи противъ церкви съ Госнеромъ, и вотъ

[1]) Подобныя же сужденія о Голицынѣ Фотій высказываетъ не разъ и въ другихъ письмахъ къ Павлову. См. напримѣръ письмо X-е: „Голицынъ какъ ангелъ Божій былъ“ и проч. Н. В.

на нихъ съ тобою слова Іереміи 23 главы: прочти и покайся. Голицынъ сказалъ: не хочу читать, и съ презрѣніемъ къ святынѣ взглянувъ, отвратился, и побѣжавъ сказалъ: не хочу твоей правды слышать. Фотій сказалъ: если бы ты былъ премудръ по писанію, послушалъ бы ты обличенія, и покаялся; но какъ ты все попираешь, и не хочешь покаяться, то поразитъ васъ Господь. Я предстану съ тобою на страшномъ судѣ предъ Господа, и всѣ слова мои будутъ тебѣ во обличеніе и во осужденіе; молю тя, покайся, отрекись отъ лукавыхъ пророковъ, подобныхъ Госнеру. Съ омерзеніемъ и злобой отвратился князь, побѣжалъ вонъ безъ благословенія, хлопнувъ дверями. Фотій же, отворивъ дверь, въ слѣдъ воззвалъ громко: если ты не покаешься, что зла надѣлалъ церкви и государству, тайно и явно, и все сполна не откроешь царю, не узришь царствія небеснаго и снидешь во адъ. Аминь».

На другой день, 25 апрѣля, это описаніе послѣднихъ свиданій съ Голицынымъ Фотій вручилъ императору Александру I. 15 мая 1824 года, т. е. черезъ 20 дней, Голицынъ былъ уже отставленъ отъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія.

Мы не беремся рѣшить, насколько вѣрно заявленіе Фотія о томъ, что онъ два года не переставалъ убѣждать князя перестать покровительствовать сектантамъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что въ письмахъ Голицына къ Фотію нѣтъ ни малѣйшаго слѣда такихъ увѣщаній: ни о Госнерѣ, ни о чемъ-либо другомъ изъ того, о чемъ Фотій доносилъ императору въ своихъ многочисленныхъ запискахъ, въ которыхъ Голицынъ выставлялся какъ врагъ Церкви и государства, въ этихъ письмахъ не говорится. Вполнѣ дружественныя, онѣ содержатъ въ себѣ общія піэтистическія разсужденія въ отвѣтъ на таковые же вопросы и указанія Фотія. Въ виду этого обстоятельства становится правдоподобнымъ заявленіе г. Миропольскаго, что Фотій дѣйствовалъ не совсѣмъ искренно по отношенію къ князю Голицыну: ведя съ Голицынымъ дружескую переписку, въ тайнѣ дѣйствовалъ противъ него, такъ что Голицынъ и не подозрѣвалъ, что „авва Фотій“, присылавшій ему ваія и просвиры, былъ его главный антагонистъ. Нѣкоторымъ извиненіемъ для Фотія въ этомъ случаѣ, впрочемъ, можетъ служить то, что почипъ взаимныхъ сношеній между ними принадлежитъ Голицыну, которому, слѣдовательно и должно было первому высказаться относительно того, что было между ними предметами разногласія. Въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Голицына Фотій опирался, какъ извѣстно, кромѣ А. А. Орловой-Чесменской, на м-та Серафима. До какой степени высоко цѣнилъ этотъ іерархъ Фотія, доказываетъ нижеслѣдующее «отношеніе м-та Серафима къ графу А. А. Аракчееву».

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Архимандритъ Новгородскаго первоклассного Юрьева монастыря Фотій въ краткое время настоятельства

своего надъ симъ монастыремъ привелъ оный въ отличное по всѣмъ отношеніямъ состояніе, какъ я лично, во время осмотра епархіи имѣлъ случай удостовѣриться. Богъ видимо благословилъ труды и старанія его. Тамъ, гдѣ въ опустѣлыхъ стѣнахъ едва оставался признакъ обитателей, лишенныхъ и скорбящихъ, явилось множество торжествующихъ поклонниковъ Божіихъ; обветшалые, безмолвные, почти заключенные храмы огласились пѣснями благоустроенныхъ ликовъ; вмѣсто запустѣнія—благолѣпіе; вмѣсто скудости возникло довольство, вмѣсто крайняго безлюдія, образовалось многолюдное братство; вмѣсто неустройства, возродился порядокъ и благочиніе. Однимъ словомъ древній знаменитѣйшій въ Россіи монастырь изъ состоянія совершеннаго упадка возведенъ нынѣ въ новое, цвѣтущее, славное существованіе, которымъ не наслаждался съ самаго учрежденія. Все сіе, конечно, не могло укрыться отъ прозорливости вашего сіятельства.

„Но что сказать о пламенномъ усердіи и ревности архимандрита Фотія къ соблюденію вѣры отцовъ нашихъ неприкосновенною? Какъ исчислить труды и подвиги, понесенные имъ для блага святой нашей церкви, непрестанно воюемой злоухищренными кознями врага Божія и возмущаемой косвенными нападеніями исчадій ада, тѣмъ опаснѣйшими, что прикрыты личиною любви къ ближнимъ и усердія къ пользамъ человѣчества? Кто можетъ исчесть всѣ попеченія сего пастора о спасеніи братій своихъ о Христѣ? Вашему сіятельству, какъ истинному сыну церкви, какъ твердому защитнику православія, и ходатаю о немъ у престола, столько же сколько и мнѣ извѣстны всѣ обстоятельства достославнаго въ лѣтописяхъ нашея церкви 1824 года, который не преходящимъ только величіемъ увѣнчиваетъ благочестивѣйшаго монарха нашего, но уготовляетъ ему вѣчный вѣнецъ правды тамъ, идѣже нѣсть премѣненія.

„Архимандриту Фотію, посвятившему себя Богу, и восходящему къ совершенству христіанской жизни, чуждо всякое желаніе временныхъ наградъ; онъ, по слову Спасителя, вожделѣлъ единаго на потребу; онъ твердо рѣшился нести крестъ свой и по Немъ идти. Но для полноты торжества православія, для славы церкви, для назиданія вѣрныхъ чадъ ея полезное и благоугодное есть дѣло возвышать избранныхъ пастырей Божіихъ и сподоблять ихъ сугубой чести.

„По обязанности сана моего, я почелъ непремѣннымъ долгомъ, представивъ всѣ сіи обстоятельства вашему сіятельству, всепокорнѣйше просить довести о нихъ до свѣдѣнія его императорскаго величества, и во уваженіе отличныхъ заслугъ, оказанныхъ архимандритомъ Фотіемъ, испросить высочайшее соизволеніе о всемилостивѣйшемъ награжденіи его панагіею. Я тѣмъ съ большею надеждою осмѣливаюсь по сему случаю утруждать ваше сіятельство, что государь императоръ неоднократно изволилъ обращать благосклонное вниманіе на благочестивое рвеніе архимандрита Фотія, на непре-

клонную его преданность къ священной особѣ помазанника Божія и на пламенную любовь его къ отечеству, и что сіи всѣмъ извѣстныя чувствованія его удостоены были и высочайшаго его императорскаго величества благоволенія. 17 января 1825 года" ¹).

Насколько обращалъ вниманія императоръ Александръ I на Фотія, (по выраженію самаго Фотія въ письмѣ къ Павлову: „благословенный Александръ его такъ любилъ, какъ и отецъ съ матерью не могли его любить") объ этомъ оставилъ записку самъ Фотій. Въ ней значится шесть аудіенцій Фотія у императора: 1822 г. 5-го іюня, 7-й и половина 8-го часовъ; 1824 г. 20 апрѣля, 7, 8 и 9 часы; 1824 г. 14 іюня, 7, 8 и 9 часовъ; 1824 г. 6 августа, 8 и 9 часы; 1825 г. февраля 12-го, 7, 8 и 9 часы; 1825 г. іюля 5-го 8-й часъ въ Юрьевѣ монастырѣ. Содержаніе бесѣдъ Фотія съ императоромъ на этихъ интимныхъ свиданіяхъ, съ глазу на глазъ, разсказано въ статьѣ г. Миропольскаго.

1 августа 1824 г. Аракчеевъ писалъ Фотію: „Почтеннѣйшій мой отецъ архимандритъ Фотій. По пріѣздѣ моемъ сюда (въ Царское Село) я имѣлъ счастіе докладывать всемилостивѣйшему нашему Государю Императору о нашихъ свиданіяхъ, и его величеству весьма пріятно было слышать ваше усердіе къ пользѣ церкви Божіей и отечества. Его величество единожды на всегда вамъ, отецъ архимандритъ, позволяетъ пріѣзжать въ С.-Петербургъ, когда вамъ угодно будетъ; а въ доказательство благоволенія его величества къ вамъ, Государю Императору угодно васъ видѣть лично у себя въ С.-Петербургѣ прежде его отъѣзда въ вояжъ, а потому и изволилъ полагать вашъ пріѣздъ въ С.-Петербургъ, расположивъ такъ, чтобы вы могли быть у Государя между 3-мъ и 10-мъ числами сего мѣсяца, въ которое время Государь изволитъ имѣть пребываніе въ С.-Петербургѣ, на Каменномъ Островѣ; слѣдовательно по пріѣздѣ вашемъ въ С.-Петербургъ прошу меня увѣдомить въ мой домъ Петербургской запискою. О полученіи сего письма и о расположеніи вашемъ въ разсужденіи пріѣзда вашего въ С.-Петербургъ прошу меня съ симъ же посланнымъ увѣдомить. Прося вашего благословенія, пребуду на вѣки вашъ покорный сынъ и слуга графъ А. Аракчеевъ. Царское село. 1 августа 1824 г."

Аудіенція Фотія у государя по этому письму состоялась 6 августа.

Девятнадцать докладныхъ записокъ съ обличеніями ерессей и съ предсказаніями событій 14-го декабря вручены Фотіемъ императору отчасти лично, отчасти чрезъ оберъ-полицмейстера Гладкова и начальника гвардіи Уварова, всѣ въ продолженіе одного 1824 года. Результаты этихъ записокъ, какъ и лич-

---

¹) Панагія для Фотія препровождена была м-ту Серафиму 31 числа того же января, т. е. чрезъ 14 дней послѣ представленія, при чрезвычайно лестномъ отношеніи гр. Аракчеева. Н. В.

ныхъ объясненій его съ императоромъ, извѣстны. Императоръ безусловно вѣрилъ въ истинность заявленій Фотія и почти немедленно осуществлялъ его совѣты. По крайней мѣрѣ это слѣдуетъ сказать относительно трехъ распоряженій его, опредѣлившихъ характеръ его внутренней политики въ два послѣдніе года его царствованія: запрещенія издавать мистическія сочиненія, изгнанія Госнера и отставки князя Голицына.

Послѣднимъ актомъ благоволенія императора Александра I къ Фотію было нижеслѣдующее письмо къ нему, писанное уже изъ Таганрога, не задолго до кончины, именно 3 октября 1825 года.

„Отецъ архимандритъ Фотій! По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ, графъ Алексѣй Андреевичъ послѣ несчастія, его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже до отчаянія. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ добродѣтелямъ вашимъ, я увѣренъ, что вы съ помощію Всевышняго много можете подѣйствовать на душевныя его силы: подкрѣпя ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ, ибо служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества. Христіанинъ обязанъ съ покорностію переносить удары, рукою Господнею ему наносимые,—мы всѣ въ его волѣ.

„Испрашивая благословенія вашего, поручаю себя молитвамъ вашимъ".

„Александръ".

Таганрогъ.
Октября 3 дня.
1825 г.

P. S. „Письмо сіе храните въ тайнѣ".

Фотій пытался имѣть вліяніе и на императора Николая I: 4 февраля 1826 года онъ, неизвѣстно какъ, «вручилъ» ему посланіе, въ которомъ говоритъ, между прочимъ, что онъ «до крови и смерти преданъ престолу русскому», что горитъ сердце его ревностію по вѣрѣ святой, кипитъ въ немъ «горячая святая русская кровь безъ всякой примѣси», что по долгу присяги, «другу не дружа и врагу не мстя», считаетъ своею обязанностію доносить государю о «тайнѣ беззаконія, великой, страшной, на погибель церкви и царства дѣемой», причемъ приложилъ и «обозрѣніе плана революціи, предначертаннаго отъ тайныхъ обществъ», содержащее въ себѣ, впрочемъ, не болѣе, какъ комментарій на статью «Русскаго Инвалида».

Но, повидимому, на этотъ разъ онъ не былъ услышанъ. Въ собраніи бумагъ его у насъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы на это посланіе его было обращено вниманіе.

Къ этому времени относится бо́льшая часть помѣщаемыхъ здѣсь, въ концѣ, писемъ Фотія къ А. А. Павлову, чиновнику въ Синодѣ (первыя письма писаны въ 1823—1824 годахъ), самому близкому, повидимому, другу Фотія. Изъ всѣхъ писемъ Фотія, намъ извѣстныхъ, это самыя интимныя по содержанію, а потому отличающіяся наибольшею простотою въ складѣ рѣчи,

какая только была возможна для Фотія, неумѣвшаго, вообще, говорить просто. Письма эти вполнѣ отражаютъ то тяжелое состояніе духа Фотія, какое онъ долженъ былъ пережить, обманувшись въ своихъ надеждахъ относительно вліянія на преемника Александра I.

Нижеслѣдующія письма Фотія мы извлекаемъ изъ двухъ, бывшихъ у насъ подъ руками, рукописныхъ сборниковъ сочиненій Фотія, изъ которыхъ одинъ содержитъ въ себѣ сорокъ шесть писемъ, другой—пятнадцать. Мы соединили вмѣстѣ тѣ и другія, расположивъ всѣ письма въ хронологическомъ порядкѣ. Впрочемъ въ рукописяхъ отнюдь не всѣ письма имѣютъ даты и мы опредѣляемъ въ такихъ случаяхъ время ихъ написанія, основываясь на данныхъ ихъ содержанія. Письма, находящіяся во второмъ сборникѣ (содержащемъ въ себѣ главнымъ образомъ собраніе донесеній Фотія императору Александру и озаглавленномъ Фотіемъ: «Тайна») находятся въ настоящемъ изданіи подъ №№ I, IX, XI, XXXII, XLI, XLII, LI, LII, LIII, LIV, LV, LVIII, LIX, LX, LXI. Нельзя не пожалѣть, что при этомъ мы не имѣли подъ руками писемъ Фотія къ Голицыну, на которыя печатаемыя письма служатъ бо̀льшею частію отвѣтами. Вѣроятно эти письма имѣются въ коллекціи бумагъ Фотія, его автографовъ, принадлежавшихъ нѣкогда графинѣ А. А. Орловой-Чесменской, бывшихъ потомъ въ рукахъ архіеп. Иннокентія Борисова, и архіеп. Филарета Гумилевскаго и отъ этого послѣдняго поступившихъ въ библіотеку Черниговской духовной семинаріи и недавно (въ одной изъ послѣднихъ книгъ Чтеній Московскаго общества Исторіи и Древностей) подробно описанныхъ г. Лилеевымъ. Это—та коллекція, которою пользовался г. Миропольскій при написаніи біографіи Фотія, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» за 1878-й годъ.

Предлагаемыя 61 письмо Голицына представляютъ, по всей вѣроятности, все, что было писано имъ къ Фотію. Если, по недостатку писемъ Фотія къ Голицыну, мы и не можемъ наглядно представить себѣ отношеній Фотія къ Голицыну, то для характеристики отношеній Голицына къ Фотію печатаемыя письма поистинѣ драгоцѣнны. Простодушный князь съ его сектантскимъ піетизмомъ весь предъ нами; но кромѣ піетизма видно и нѣкоторое заискиваніе автора писемъ предъ Фотіемъ: не разъ, какъ бы невзначай, онъ обмолвивается, не только величая своего корреспондента аввой, но намекая и на его будущее архіерейство, желаніе котораго нечуждо было Фотію, какъ извѣстно изъ его писемъ, по поводу удаленія его изъ кадетскаго корпуса въ Деревяницкій монастырь (въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ прямо жалуется на это перемѣщеніе, замѣчая, что всѣ почти законоучители обыкновенно прямо къ архіереи производились): благослови Владыко, замѣчаетъ не разъ Голицынъ.

Письма Фотія къ А. А. Павлову, слѣдующія затѣмъ, отчасти восполняютъ недостатокъ въ настоящемъ случаѣ писемъ его къ Голицыну. Въ нихъ онъ

не однократно дѣлаетъ отзывы о Голицынѣ, и притомъ болѣе прямые, чѣмъ какіе могъ сдѣлать въ письмахъ къ самому Голицыну,—отзывы, надо признаться, мало согласующіеся съ образомъ дѣйствій его по отношенію къ Голицыну.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ замѣтить, что всѣ печатаемыя въ настоящій разъ письма, кромѣ біографическаго интереса по отношенію къ личностямъ Голицына и Фотія, имѣютъ интересъ и общеисторическій для ихъ эпохи, такъ какъ содержатъ не мало штриховъ и деталей, относящихся къ исторіи придворной и общественной жизни Россіи въ 1822—1825 г.

Н. И Барсовъ.

Спб.
1882 г. Генваря 1.

1822.

I.

С. Петербургъ. 31 мая 1822 года.

Авва Фотіе! Сего утра пожелалъ я къ вамъ писать въ слѣдствіе сна, который я имѣлъ сего утра часу въ шестомъ. Вчера по вечеру я читалъ проповѣдь вашу въ день Іоанна Златоустаго и видѣніе о преосвященномъ Иннокентіи. Цѣлую ночь не помню, что я видѣлъ, но вотъ что у меня осталось въ памяти къ утру. Не знаю я въ какомъ то домѣ, и кто изъ моихъ родныхъ при мнѣ, кажется большой мой братъ; я потеръ лобъ и рукою ощупалъ нѣчто на срединѣ лба и что-то клейкое, которое я потянулъ изъ нутри лба и удивился, потомъ предъ зеркаломъ поглядѣвъ, что еще что-то какъ осталось, потянулъ—и вышла длинная круглая щетка изъ щетины, похожа на такія, коими намыливаютъ бороду для бритья. Примѣтно было, что она долго была въ моей головѣ. Обрадовался я несказанно, что избавился сей ноши, и чувствовалъ во снѣ благодареніе Господа, что безъ всякой операціи Онъ избавилъ меня отъ посторонняго тѣла, которое не могъ понять какъ могло туда попасть. Тотчасъ я пробудился и благодарилъ Господа, но въ то же время получилъ желаніе въ сердцѣ вамъ сіе сообщить и спросить что вы полагаете о семъ. Присемъ случаѣ не могу вамъ умолчать, сколь я благодарилъ Господа за прошедшій понедѣльникъ. Насладился я медоточивыми устами вашими и сердце мое горѣло; Господь былъ посреди насъ; Ему единому слава, честь и поклоненіе да будетъ во вѣки.

Я ѣду сего утра въ Царское Село; прошу вашего благословенія и молитвъ; ежели Богъ пошлетъ, что въ отвѣтъ мнѣ написать, пришлите въ городской мой домъ; всякій день по почтѣ въ двѣнадцатомъ часу пересылаютъ мнѣ пакеты въ Царское Село. Я не знаю, когда возвращусь сюда, но ежели

Господу угодно будетъ, кажется въ Воскресенье послѣ обѣда, и я не приминy вась увѣдомить; можетъ по желанію графини и моему Господь устроитъ еще намъ бесѣду съ любезнымъ сердцу моему Аввою Фотіемъ, котораго лобызая руку, пребуду на всегда покорнѣйшимъ слугою [1]).

П [2]).

4 іюня. Каменный островъ.

Высокопреподобный отче Фотіе! Я писалъ къ митрополиту Серафиму, чтобъ онъ вамъ объявилъ, что государь императоръ хочетъ васъ видѣть завтра въ Зимнемъ дворцѣ въ пять часовъ пополудни, и чтобъ онъ сіе вамъ объявилъ,—но мнѣ нужно прежде съ вами видѣться и нѣчто сказать; для того прошу васъ ко мнѣ пріѣхать въ городской мой домъ завтра въ одиннадцать часовъ по утру.

Прошу хотя двѣ строчки мнѣ написать съ симъ посланнымъ, можете-ли вы ко мнѣ быть завтра?

Поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія, пребуду навсегда васъ сердечно любящимъ и покорнѣйшимъ слугою.

Князь Александръ Голицынъ.

Ш [3]).

4 іюня. (1822 г).

Отецъ Фотій! мое письмо съ вашимъ разошлось, я послалъ въ монастырь, а вы были у графини Орловой—я къ вамъ писалъ, чтобъ завтра вы ко мнѣ по утру пріѣхали въ городской мой домъ, чтобъ намъ поговорить—есть нужда, а въ пять часовъ завтра послѣ обѣда вы призываетесь во дворецъ, я обо всемъ вамъ писалъ и желаю получить на оное отвѣтъ—по симъ причинамъ нельзя и вамъ уже будетъ говорить мнѣ слово и дѣло Божіе и поберечь себя, чтобъ Царю сказать оное да и мнѣ завтра не досужно.

Предложеніе же ваше провести съ вами такимъ же образомъ время, какъ и въ прошедшій понедѣльникъ у графини Орловой, для меня очень назидательно и пріятно, но не можно ли сіе отложить до вторника или середы; впрочемъ завтра, ежели сдѣлаете милость ко мнѣ пріѣхать по утру въ одиннадцать часовъ, то о всемъ переговоримъ.

Прощайте, благословите меня.

---

[1]) Кажется этимъ письмомъ начата была переписка Голицына съ Фотіемъ. Въ началѣ мая 1822 г. Голицынъ въ первый разъ увидѣлъ Фотія при освященіи новой Духовской церкви въ Невскомъ монастырѣ. 22 мая, т. е. за девять дней до настоящаго письма, Голицынъ писалъ къ гр. А. А. Орловой-Чесменской: „я недавно познакомился съ о. Фотіемъ, и сожалѣю, что сего не сдѣлалъ прежде, когда онъ имѣлъ здѣсь свое пребываніе“ (См. Русск. Арх. 1869 г. стр. 944).

[2]) Въ 1-й рукоп. № 1.

[3]) Въ 1-й рук. № 2. Н. В.

IV [1]).

21 іюня. Каменный островъ.

Отче преподобне, Фотіе! Большое писаніе ваше вчера вечеромъ я перечитывалъ и могъ объ немъ вообще получить понятія; но какъ нѣкоторыя слова не разобралъ, то и сожалѣю, ибо сіе писаніе чрезвычайное—исполненное духа и помазанія Господня. Счастливъ я, что прочелъ о мирѣ Божіи, а какъ счастливъ тотъ, кто его вкусилъ —надѣюсь, что молитвами вашими о мнѣ грѣшномъ и моимъ желаніемъ пламеннымъ полюбить Бога во Іисусѣ Христѣ, онъ когда нибудь и въ то время, когда будетъ святая Его воля, пошлетъ и мнѣ оной хотя не въ такой полнотѣ, но хотя каплю, которую я просить Его же буду, чтобъ послалъ мнѣ способъ сохранить ее, а сія капля можетъ притянетъ другую; отецъ же Фотій по любви своей ко мнѣ попроситъ и восполнитъ мой недостатокъ своимъ преизбыткомъ и Господь благословитъ пустыню мою и оживитъ. Сего надѣюсь, сего прошу, сего жажду. Вспомнилъ я сегодня, что вы мнѣ вчера сказали, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ камень на камнѣ не останется, когда я сталъ читать священное писаніе. Сегодняшнее мое чтеніе по порядку слѣдовало Езекіиля глава 38, въ Евангеліи святаго Матфія гл. 24 и во 2-мъ посланіи къ Коринфянамъ гл. 12-ая. Въ чтеніи для меня было примѣчательно о выписанной главѣ, при свиданіи моемъ съ вами васъ спрошу, а о главѣ 12 святаго Матфія обращу вниманіе ваше на стихъ 2-й, который вчера мнѣ вы сказали и вся сія глава для временъ, въ кои мы живемъ, примѣчательна; потомъ сіе 2-ое посланіе Коринфянамъ тоже для меня замѣчательно послѣ прочтенія вчера вечеромъ вашего длиннаго письма, но какъ мнѣ жаль, что иное связно писано. Мнѣ кажется, вы мнѣ сказали вчера, что хотите его велѣть переписать, то не нужно ли мнѣ его вамъ доставить для сего, или мнѣ сіе послышалось. Мнѣ вчера тяжело было, что бывъ съ вами, въ одной комнатѣ, я не могъ быть въ томъ пріятномъ сообщеніи какъ тогда, когда мы въ двоемъ или въ троемъ бывали. Благословенія вашего прошу и воспоминанія въ молитвахъ,—а я ѣду завтра по утру въ Царское Село и возвращусь въ воскресенье послѣ обѣда на Каменный островъ, аще Богу изволющу.

Цалуя ваши ручки, пребуду навсегда преданный вамъ во Господѣ всѣмъ сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

---

[1]) Въ 1-й рук. № 3.

V [1]).

6 Іюля. (1822 г.) Каменный островъ.

Высокопреподобный отче Фотіе! Отъѣздъ вашъ такую пустоту сдѣлалъ въ моемъ сердцѣ и я никакъ не воображалъ, что въ столь короткое время связь наша такіе глубокіе корни пустила. Я истинно чувствую драгоцѣнность тѣхъ часовъ, которые я провелъ съ вами и ожидалъ письма вашего съ нетерпѣніемъ, но сколько оно меня огорчило, увидѣвъ, что хотя вы съ терпѣніемъ переносите климатъ вашей обители, но для тѣла вашего должно быть очень тяжело.

Молю Господа да скорѣе избавитъ онъ васъ изъ сего болота, и буду стараться съ митрополитомъ при первой удобности перевести васъ изъ Сковородскаго [2]) и тогда по желанію вашему буду просить митрополита о Германѣ, ибо сіе отъ него совершенно зависитъ. До тѣхъ поръ, покуда васъ не переведутъ, я страдать буду духомъ и молиться да Господь поддержитъ здравіе ваше. Вы мнѣ сказали при отъѣздѣ, чтобы я пришедъ домой, положилъ за васъ три земные поклона, что̀ я исполнилъ, и теперь мнѣ такъ любезно сіе порученіе, что хотя вы его дали на одинъ разъ, но я утромъ и вечеромъ кладу сіи три поклона за васъ при сердечной моей молитвѣ Господу.

Теперь дамъ вамъ отчетъ по вашемъ отъѣздѣ изъ Царскаго Села. На другой день по утру госпожа Портеръ прислала мнѣ при записочкѣ хлѣбъ съ выпеченнымъ крестомъ на верху онаго по вашему приказанію. Я не могу вамъ описать, какъ мнѣ пріятно было вкусить сего хлѣба; видя вашу любовь ко мнѣ и кормя меня духовнымъ хлѣбомъ, во время присутствія вашего прислала эмблему оной пищи и въ отсутствіи я его продолжаю ѣсть и только кусокъ небольшой, или ломоть далъ двумъ бѣднымъ мальчикамъ, пришедшимъ послѣ голода изъ Бѣлоруссіи и работающимъ въ царскосельскомъ саду, я ихъ спросилъ желаютъ ли они, чтобъ я имъ далъ хлѣба, и они очень обрадовались и приняли оное съ радостью.

Былъ я въ Павловскѣ въ субботу въ день праздника Александры Ѳеодоровны и хорошо былъ принятъ, а та особа, которая съ вами говорила много о мнѣ, такъ ласково мнѣ поклонилась, что давно того не было. Она не имѣла случая со мной говорить, ибо не могли подойти другъ къ другу предъ обѣдомъ, а послѣ обѣда тотчасъ она ушла. Въ Павловскѣ встрѣ-

---

[1]) Въ рук. № 4.

[2]) Т. е. изъ Сковородскаго Новгородскаго монастыря, куда Фотій былъ посланъ въ званіи настоятеля. Н. В.

тилъ я графиню Орлову и по истинѣ я ей обрадовался такъ, какъ сестрѣ любимой и когда мы подошли другъ къ другу, то только что и говорили объ васъ.

Государю благословеніе ваше пересказалъ такъ какъ вы мнѣ велѣли и онъ велѣлъ мнѣ васъ благодарить. Поручая себя молитвамъ вашимъ, а о васъ всѣ любящіе васъ, соединяясь, будутъ молитвы свои приносить, чтобъ Господь васъ подкрѣпилъ до освобожденія отъ сей сырой сковородки, и хотя она обитель святая, но я грѣшу тѣмъ, что не люблю ее за то, что вы въ ней страдаете. Благодарю васъ за миръ, который мнѣ препосылаете, прошу и впредь онаго; куда какъ онъ мнѣ нуженъ посреди моихъ суетъ! и испрося благословенія пребуду навсегда всѣмъ сердцемъ преданный князь Александръ Голицынъ.

P. S. Не оставляйте меня вашими письмами, онѣ мнѣ очень полезны, и возвратите то, что мнѣ принадлежитъ.

VI [1]).

20 Іюля. Царское Село.

Высокопреподобный отче Фотіе. Какъ возрадовался мой духъ съ одной стороны, узнавъ, что уже ты во градѣ святаго Петра, но съ другой опечалился, что въ тотъ же часъ долженъ былъ ѣхать изъ города. Благодарю Господа, что уже ты не въ сырости. Я не отвѣчалъ къ тебѣ на послѣднее письмо, такъ какъ митрополитъ уже писалъ, и я ожидалъ, что скоро будешь къ намъ, или лучше сказать, что немедленно пріѣдешь.

Надѣюсь, что по возвращеніи изъ Петергофа (Господь) дастъ мнѣ радость тебя видѣть и слышать. Лобызая руку твою и прося благословенія, пребуду навсегда преданный сердцемъ слуга князь Александръ Голицынъ.

VII [2]).

23 Іюля. Петергофъ.

Получивъ письмо ваше, преподобный отче Фотіе, отъ 15 іюля, тогда какъ митрополитъ мнѣ сказалъ, что будетъ къ вамъ писать о пріѣздѣ сюда, то я и не отвѣчалъ, чтобъ не разошлось мое письмо съ вами. Писаніе сіе было очень утѣшительно мнѣ, видя изъ онаго любовь вашу ко мнѣ въ Господѣ—счастливъ бы я былъ, ежели-бъ и тридцатый плодъ получилъ отъ сѣянія вашего, но что мѣстами вы нашли и сотый—я сего не вижу, (?) но ежели, что Господь послалъ, то по молитвамъ сѣятеля, ибо и земля плоха

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 5.
[2]) Въ 1-й рук. № 6

и недовольно принимаетъ сѣмя. Продолжайте и сѣять, и молиться о посѣянномъ, а я стараться буду просить, чтобы въ смиреніи и тишинѣ ожидать что угодно будетъ милосердному Спасителю произрастить на землѣ сердца моего—сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей,—а слово ваше: Христосъ посредѣ насъ, мнѣ даетъ большую надежду и упованіе на Того, Который можетъ и Котораго сила въ немощи совершается; вы меня спрашиваете: видѣлъ-ли я васъ.—Нѣтъ не видалъ, хотя занимаюсь вами часто, молюсь не только внутренно, но и тѣлесно, полагая три земные поклона по утру и столько по вечеру со дня, какъ вы мнѣ сказали въ Царскомъ Селѣ, чтобъ я одинъ разъ за васъ положилъ три земные поклоны. О видѣніи вашемъ поговоримъ при свиданіи, котораго я жажду, какъ холодной воды въ жаркій день. Графиня сегодня ѣдетъ въ городъ, а мнѣ нельзя еще, но какъ пріѣду, то графиню попрошу, чтобъ дала намъ свиданія съ вами у нее, чтобы болѣе имѣть времени съ вами побесѣдовать.

Прошу благословенія вашего высокопреподобія, пребывая навсегда вамъ преданный всѣмъ сердцемъ во Господѣ князь Александръ Голицынъ.

P. S. За рыбы благодарю, но онѣ остались у графини и въ первый обѣдъ у нее попрошу, чтобъ изъ нихъ уху велѣла сварить; хлѣбъ святой, отъ васъ присланный, съ благодареніемъ принявъ, вкушалъ съ удовольствіемъ. Христосъ да будетъ посредѣ насъ. Аминь.

VIII.

2 августа. (1822 г.). Каменный островъ.

Отче Фотіе! никакъ не могли вы знать, что крестъ я привезу съ собою и до того я пораженъ былъ хартіею, полученною мною изъ рукъ вашихъ вмѣстѣ съ крестомъ и цвѣтомъ,—я всю литургію былъ очень разстроенъ: дѣйствіе сильное было на мое сердце и оно горѣло и таяло не сказанно. Благодареніе Господу и тому, кто испрашивалъ благодать Его на насъ предстоящихъ.

Крестъ вчера врученъ мною кому знаете, а хлѣбъ сегодня посланъ, однако такимъ образомъ, какъ вы писали, ничего не говоря о имени вашемъ, но писалъ, что мнѣ присланъ хлѣбъ и сердцу моему поручено послать-ли или нѣтъ, а оное мнѣ сказало, чтобъ я послалъ тому, кто въ путь ѣдетъ и да послужитъ сей хлѣбъ благословеніемъ ему. Я ѣду сейчасъ въ Царское Село; грустно, что давно не бесѣдовалъ съ вами. Надѣюсь по возвращеніи напитаться отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы вашей. Благословенія вашего прошу, предаю себя молитвамъ вашимъ, цѣлуя десную вашу руку князь Александръ Голицынъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА

1806 – 1873.

Девятаго января 1882-го года исполнилось девять лѣтъ со дня кончины великой княгини Елены Павловны — свѣтлой, прекрасной личности, вполнѣ достойной занять мѣсто на ряду замѣчательнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей царствованій императоровъ Николая I и Александра II... Уже девять лѣтъ, а у насъ до-нынѣ вовсе нѣтъ не только біографіи, ниже краткаго очерка дѣятельности покойной великой княгини, а между тѣмъ, намъ извѣстно, что одною изъ ближайшихъ къ ея высочеству особъ, личностью высокоуважаемою и просвѣщенною, собраны многія письма замѣтки и другіе драгоцѣнные матеріалы для біографіи великой княгини, которые до-нынѣ остаются необпародованными ни въ сыромъ, ни въ обработанномъ видѣ. Наступитъ ли время для жизнеописанія Елены Павловны, или уже для него прошелъ срокъ? Она ли недостойна занять мѣсто въ исторіи нашего общества за полувѣковой періодъ времени, въ которомъ покойная — искренній другъ двухъ царей, дѣлившій съ ними радости и скорби и царствующаго дома, и Россіи, являлась постоянно въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, ознаменовывая общественную свою дѣятельность благотвореніями, любовію къ наукамъ и самымъ радушнымъ покровительствомъ отечественныхъ талантовъ. Когда же наступитъ для нея исторія, когда потомство скажетъ ея памяти слово признательности, наше русское сердечное спасибо?

Эта холодность, равнодушіе нашего общества проявляются по-

стоянно въ отношенiи дѣятелей, сходящихъ съ земнаго своего поприща въ наши дни, когда ихъ переживаютъ многiя лица, съ которыми усопшiе имѣли болѣе или менѣе близкiя соприкосновенiя. Мы какъ будто боимся сказать слово правды о мертвыхъ, чтобы не затронуть щекотливаго самолюбiя живыхъ... Бываетъ и такъ, что воскуряя ѳимiамъ предъ гробницею усопшаго общественнаго дѣятеля, стараются удѣлить значительную его долю остающимся въ живыхъ его сотрудникамъ, или преемнику. Не такъ относятся къ своимъ общественнымъ дѣятелямъ чужеземцы. Не спѣша восхваленiями ихъ памяти, они безотлагательно обнародываютъ письма, замѣтки и массу другихъ документальныхъ данныхъ, дающихъ обильный матерiалъ будущимъ бiографамъ и историкамъ. Намъ скажутъ, что къ этому побуждаетъ иностранцевъ чувство нацiональнаго тщеславiя. Тщеславiя—нѣтъ; но самолюбiя и похвальной гордости, конечно,—да, а эти чувства, безспорно, гораздо лучше нашей русской застѣнчивости и неумѣстной боязни произнести приговоръ надъ усопшими дѣятелями и признать ихъ, если не великими и незамѣнимыми, то, по крайней мѣрѣ, замѣчательными. Но, помимо чувствъ самолюбiя, иностранные бiографы руководствуются уваженiемъ къ памяти своихъ усопшихъ дѣятелей еще и потому, что они, сходя съ земнаго поприща, оставляютъ по себѣ слѣды назидательные и для современниковъ, и для потомства. Ихъ не идеализируютъ, но въ минувшемъ ихъ бытiи всегда умѣютъ находить идеально-свѣтлыя, благороднѣйшiя черты, достойныя подражанiя. И потому благiя мысли и добрыя начинанiя не умираютъ съ людьми, но какъ богатое наслѣдство, завѣщанное потомству, продолжаются, осуществляются и приведенныя въ исполненiе остаются вѣчными памятниками благотворной дѣятельности покойныхъ—и „память ихъ въ родъ и родъ“.

Предлагаемый нашимъ читателямъ бiографическiй очеркъ великой княгини Елены Павловны есть только слабое напоминанiе о жизни и высокихъ душевныхъ качествахъ покойной; это вызовъ всѣмъ тѣмъ, близко знавшимъ покойную, отъ которыхъ потомство имѣетъ право требовать подробнѣйшихъ данныхъ о ея жизни и общественной дѣятельности. О ней должны дать отчетъ основанныя великою княгинею и процвѣтавшiя при ея жизни благотворительныя заведенiя. Да отзовутся на нашъ призывъ тѣ

изъ русскихъ художниковъ, которые обязаны покровительству великой княгини своею громкою извѣстностью. Да отзовутся мужи науки, а также государственные дѣятели, въ свое время поддержанные, ободренные и нерѣдко просто выдвинутые на поприще ихъ честнаго служенія Отечеству волею и вниманіемъ великой княгини Елены Павловны. Для всѣхъ таковыхъ сообщеній мы съ радостью открываемъ страницы нашего изданія и надѣемся, что нашъ призывъ не будетъ гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ.

Прилагаемый портретъ покойной, воспроизведенный геліографически съ подлинника, принадлежащаго собранію портретовъ Д. А. Ровинскаго и гравированнаго Давидомъ Вейсомъ, относится ко времени прибытія Елены Павловны въ Россію въ 1823 г., когда великой княгинѣ было лишь семнадцать лѣтъ. Къ нему вполнѣ примѣнимо—въ данномъ случаѣ не парадоксальное—старинное изреченіе: „лицо есть зеркало души".

Ред.

I.

1823—1825.

Дочь принца Павла-Карла-Фридриха-Августа Виртембергскаго (род. 19-го (8-го) января 1785 † 16-го (4-го) апрѣля 1852) и супруги его Екатерины Шарлотты, рожденной принцесы Саксен-Альтенбургской (род. 17-го (6-го) іюня 1787 † 12-го декабря (30-го ноября) 1847 года) — принцесса Фредерика-Шарлотта-Марія родилась въ Штутгардтѣ 28-го декабря 1806 г. (по новому стилю 9-го января 1807; празднованіе дня рожденія ея высочества было у насъ 1-го января).

Избранная въ невѣсты великому князю Михаилу Павловичу (род. 28-го января 1798 г.) принцесса прибыла въ Россію 30-го сентября 1823 года [1]), миропомазана и наречена Еленою Павловною 5-го декабря, обручена 6-го того же мѣсяца, повѣнчана 8-го февраля 1824 года. Вдовствовала съ 28-го августа 1849 г.

---

[1]) См. замѣтки наши по поводу собственноручныхъ замѣтокъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II на „Очеркъ исторіи Павловска", приложеніе къ книгѣ изд. Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича «Павловскъ», изд. 1877 г., стр. VI. Ред.

Въ теченіе двадцатипятилѣтняго супружества имѣла дочерей: 1) Марію, род. въ Петербургѣ 25-го февраля 1825 † въ Вѣнѣ 7-го ноября 1846 г. 2) Елисавету, род. 14-го мая 1826 г.; въ супружествѣ была съ 19-го января 1844 г., за Адольфомъ-Вильгельмомъ герцогомъ нассаускимъ, скончалась въ Висбаденѣ 16-го января 1845 г. 3) Екатерину, род. 16-го августа 1827 г. Обручена 21-го января 1851 г. съ герцогомъ Георгомъ-Августомъ Мекленбургъ Стрелицкимъ (род. 11-го января (29-го февраля) 1824 г.), повѣнчана 4-го февраля того же 1851 г., вдовствуетъ съ 8-го іюня 1876 г. 4) Александру, род. 16-го января 1831 г. † 15-го марта 1832 г. и 5) Анну, род. 15-го октября 1834 г. † 10-го марта 1836 года.

О чарующемъ впечатлѣніи, произведенномъ принцессою на семейство нашего царствующаго дома, на весь дворъ и высшій кругъ столицы даютъ понятіе слѣдующія выдержки изъ письма Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго къ его дочери, Софіи Юрьевнѣ Самариной, отъ 8-го октября 1823 г.

— „Нареченная невѣста великаго князя Михаила Павловича, на прошедшей недѣлѣ, прибыла въ Гатчино. Государыня Марія Ѳеодоровна встрѣтила ее за двѣ или за три станціи. Похвала объ ней единогласна. Всѣхъ безъ изъятія она съ перваго раза плѣнила! Представь себѣ дѣвицу 16 лѣтъ, пріѣхавшую къ такому пышному двору, каковъ нашъ, и къ которой, черезъ полтора часа по выходѣ изъ кареты, подводятъ одного за однимъ, человѣкъ двѣсти, съ которыми она со всякимъ молвитъ по приличности каждаго. Значительныя имена всѣ у ней были затвержены и, ни разу не замѣшавшись, всякому все кстати сказала. Подводятъ къ ней П. В. Кутузова. Лишь его назвали: „Vous portez un beau nom, M-r“ (Вы носите прекрасное имя, сударь). Это была тема слѣдовавшихъ нѣсколькихъ словъ о его службѣ подъ фельдмаршаломъ его имяни. Le prince Galitzin, ministre des cultes et des lumières (Князь Голицынъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія). „Je Vous ai bien de l'obligation pour la promptitude avec laquelle j'ai été servie à chaque poste“ (Я вамъ весьма обязана за ту быстроту, съ которой мнѣ смѣняли подставы на каждой станціи). Это меня болѣе всего удивило. Видите ли, какъ она все подробно развѣдала и обдумала? Довольно бы затвердить, что князь Голицынъ министръ духовныхъ дѣлъ и

народнаго просвѣщенія, нѣтъ! Она узнала, что и почты его вѣдомства. Милорадовичу: „votre réputation m'est parfaitement connue, M-r“ (ваша репутація мнѣ совершенно извѣстна, сударь). Татищеву, Алексѣю Ивановичу, о которомъ ей сказали, что онъ никакого, кромѣ русскаго языка не знаетъ: „Я очень сожалѣю, что не могу много съ вами по-русски говорить“; представляя адмирала Карцова, великій князь Михаилъ Павловичъ, видно шутя, сказалъ ей, что онъ говоритъ по-англійски, — она было заговорила англійскимъ языкомъ; но какъ тотъ отвѣчалъ ей порусски, то она тотчасъ сказала: „Я очень рада, что васъ вижу“. Карамзину она сказала: „Votre ouvrage m'est connu, Monsieur, et ne croyez pas que j'en ai lu seulement la traduction, je l'ai lu aussi en russe“ (я знаю вашъ трудъ, сударь, и не думайте, что бы я читала его только въ переводѣ, я читала его также и по-русски). Называютъ ей Тутолмина — le conseiller privé actuel, membre du Conseil d'Etat et de ceux des établissements aux ordres de Sa Majesté l'Impératrice (дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта и совѣтовъ заведеній вѣдомства ея величества императрицы). „Vous devez, Monsieur, être bien occupé d'affaires bien importantes et bien sérieuses au Conseil d'Etat, mais d'un autre côté, vous avez le plaisir d'être toujours temoin de la bienfaisance de S. M. l'Impératrice...“ (вы должно быть заняты весьма важными и серьезными дѣлами въ государственномъ совѣтѣ, но, съ другой стороны, вы имѣете удовольствіе быть всегда свидѣтелемъ благотворительности ея величества императрицы), не помню точно выраженій, но что-то въ этомъ смыслѣ. Щербатову, генералъ-адъютанту, лишь его назвали, заговорила объ его экспедиціи, кажется при Гданскѣ, и все это тотчасъ, не задумавшись, однако, не опрометью, а скромно. На границѣ казачья команда при встрѣчѣ закричала ура! „Спасибо, ребята“, сказываютъ, она отвѣчала; и при этомъ случаѣ кому-то у себя въ каретѣ сказала: „Je sens que j'entre dans une patrie“ (я чувствую, что въѣзжаю въ отечество). Умница рѣдкая! всѣ въ этомъ согласны; но, говорятъ, кромѣ ума она имѣетъ самый зрѣлый разсудокъ и были примѣры рѣшительной ея твердости. И въ 16 лѣтъ! И свѣтъ ей такъ мало знакомъ, что театръ здѣсь въ первый разъ въ жизни увидѣла. Воспитывалась въ пансіонѣ, потомъ жила въ тишинѣ у бабушки, и вдругъ къ большому двору,

гдѣ приводятъ ее къ толпѣ людей, которая, не только, чтобы привесть ее въ замѣшательство, напротивъ, приведена ею въ удивленіе и обворожена ея привѣтливостію! Это нѣчто чудесное!... Забылъ было, а удержаться не могу, чтобъ не написать. Сказавши казакамъ: „спасибо ребята"; полковнику казачьему: „пожалуйста, прикажите имъ прокричать, мнѣ это любо"! Разсудите, какъ казаки дернули, какъ узнали, что полюбилось!!!"

(Изъ письма отъ 4-го декабря того же 1823-го года).

„Третьяго дня былъ по утру у императрицы; на вопросъ ея, видѣлъ ли я принцессу, когда я отвѣтилъ, что нѣтъ еще, она приказала мнѣ идти за собой и ввела къ ней. На извиненіе мое, что я до сихъ поръ не былъ, и теперь иначе, какъ съ предстательствомъ ея величества, я бы не осмѣлился ее безпокоить, она очень привѣтливо и ласково выговаривала; замѣтила, что не вредно ли мнѣ было въ этотъ день, по дурной погодѣ выѣхать. Между тѣмъ императрица заговорила о тебѣ, сказавъ ей: „il a une charmante fille qui est maintenant à Paris" (у него прелестная дочь, которая теперь въ Парижѣ), повторила нѣсколько разъ „charmante". Скоро ли воротится? „Je serai charmée de faire sa connaissance" (мнѣ будетъ очень пріятно познакомиться съ нею). Послѣ этого я откланялся, оставя государыню у ней и священника, который тутъ былъ, когда мы пришли; личико у ней премиленькое, и такимъ, конечно, всякому покажется, потому что имѣетъ черты правильныя, свѣжесть розана, взглядъ живой, видъ ласковый. Ростомъ она не велика и еще не совсѣмъ сложилась. Однимъ словомъ очень пріятно на нее смотрѣть и слышать ее непринужденный разговоръ".

Жители столицы, имѣвшіе возможность видѣть нареченную невѣсту великаго князя Михаила Павловича, были точно также очарованы ея прелестною наружностью. Молва объ умѣ, добротѣ и высокихъ душевныхъ качествахъ будущей невѣстки императора, дополняла самыми прекраснѣйшими чертами ея внѣшній, очаровательный обликъ.

Бракосочетаніе великаго князя Михаила Павловича, самаго младшаго изъ трехъ братьевъ императора Александра I, было послѣднимъ радостнымъ событіемъ въ семьѣ этого государя, живымъ, свѣтлымъ лучемъ въ довольно тусклой и однообразной жизни тогдашняго двора. Особенно пышныхъ торжествъ при этомъ

бракосочетаніи не было по случаю болѣзни государя. Съ 12-го января 1824 года императоръ заболѣлъ горячкою съ рожистымъ воспаленіемъ на лѣвой ногѣ и въ теченіе трехъ недѣль положеніе августѣйшаго больнаго возбуждало серьезныя опасенія. „Всякій вечеръ (говоритъ покойный Д. К. Тарасовъ въ своихъ запискахъ) [1]) посѣщали его величество: императрица Елисавета Алексѣевна съ невѣстою, тогда, великаго князя Михаила Павловича, а иногда съ принцессою Виртембергскою; великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи, а вдовствующая императрица Марія Θеодоровна ежедневно бывала у императора въ 12-мъ часу утра“. За нѣсколько дней до свадьбы, изъ Варшавы въ Петербургъ прибылъ великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, встревоженный дошедшими до него слухами о болѣзни императора, будто бы врачи не надѣются на его выздоровленіе. Императоръ, не смотря на свое значительное поправленіе въ здоровьи, ходить еще не могъ, а въ кабинетѣ у себя передвигался въ волтерскихъ креслахъ. По сей причинѣ въ смежной съ кабинетомъ государя статсъ-секретарской комнатѣ поставлена была походная церковь, въ которой и было совершено бракосочетаніе ихъ императорскихъ высочествъ. Во время совершенія бракосочетанія императоръ былъ одѣтъ въ сюртукѣ и сидѣлъ въ волтерскихъ креслахъ въ дверяхъ кабинета за занавѣсомъ. Его величество былъ посаженымъ отцомъ при бракосочетаніи августѣйшаго своего брата [2]).

22-го февраля императоръ въ первый разъ по выздоровленіи выѣхалъ прогуляться въ саняхъ. Народъ отовсюду стремился, чтобъ увидѣть монарха послѣ тяжкой и опасной болѣзни и кричалъ ура! Его величество осмотрѣлъ цѣпной мостъ на Фонтанкѣ у Лѣтняго сада, который только что былъ оконченъ и приказалъ его открыть для проѣзду. Возвратясь во дворецъ, былъ очень до-

---

[1]) „Русская Старина“ изд. 1871 г., томъ IV, стр. 630—635. Д. К. Тарасовъ въ качествѣ ассистента лейбъ-медика Вилліе пользовалъ государя настолько успѣшно, что могъ приписывать себѣ значительную долю заслуги въ его выздоровленіи. Приводя разсказъ Тарасова, мы позволили только исправить хронологическую его погрѣшность.

[2]) Записки Д. К Тарасова, стр. 632—633. Днемъ бракосочетанія показано 17-е февраля; но въ 1824 г. оно приходилось въ воскресенье на Масляной, когда свадебъ по уставу церкви не полагается. По офиціальнымъ извѣстіямъ бракосочетаніе происходило 8-го февраля

воленъ своею прогулкою и тотчасъ потребовалъ, чтобы я (Д. К. Тарасовъ) осмотрѣлъ и перевязалъ его ногу, которая была въ удовлетворительномъ положеніи, кромѣ небольшой припухлости около мыщелковъ. Обратясь съ обычною его благосклонностью ко мнѣ, сказалъ:

— Какъ пріятна была для меня прогулка на открытомъ воздухѣ послѣ столь продолжительнаго моего заключенія въ комнатахъ! Я видѣлъ новый мостъ (висячій) цѣпной, который отдѣланъ искусно и даже съ изяществомъ; — только золоченыя украшенія дѣлаютъ его похожимъ на ложе новобрачныхъ [1])!

И по странной противорѣчивой прихоти судьбы, этотъ мостъ, открытіе котораго совпало съ эпохою вступленія въ семейство царствующаго дома великой княгини Елены Павловны, олицетворенной доброты, кротости и человѣколюбія—былъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ глазахъ петербургскихъ жителей, по его сосѣдству съ III отдѣленіемъ, подобіемъ „Моста вздоховъ" въ Венеціи.

Новобрачный великій князь Михаилъ Павловичъ, съ самыхъ отроческихъ лѣтъ, страстно привязанный къ военной службѣ, вступилъ въ супружество, далеко опередивъ годами старшихъ своихъ братьевъ. Императоръ Александръ Павловичъ женился пятнадцати лѣтъ (въ 1792), цесаревичъ Константинъ — семнадцати (1796), великій князь Николай—девятнадцати (въ 1817); но Михаилъ Павловичъ—на двадцать седьмомъ году (родился 28-го января 1798 г.). Строгій формалистъ павловской школы, до мелочей взыскательный во всемъ, что касалось дисциплины и субординаціи, съ виду суровый, угрюмый, но веселый, остроумный собесѣдникъ въ кругу родныхъ и близкихъ людей, самое-же главное—человѣкъ добрѣйшей души, „золотое сердце въ желѣзной оправѣ"—по выраженію одного французскаго біографа,—Михаилъ Павловичъ, съ перваго-же года женитьбы, снискалъ самую искреннюю любовь своей супруги [2]), не смотря на внѣшнее различіе ихъ характеровъ. Поэтическая, идеальная натура великой княгини какъ-бы смягчала реальное, можетъ быть даже прозаическое направленіе ея супруга, точно такъ-же, какъ и онъ, въ свою очередь, знакомилъ ея юное, восторженное сердце съ хо-

[1]) Записки Д. К. Тарасова, стр. 633.

[2]) О послѣднихъ минутахъ жизни вел. кн. Михаила Павловича см. „Русская Старина" изд. 1882 г. Томъ XXXIII стр. 515—522.

лодною и подчасъ жесткою стороною жизни обыденной. Эта чета оправдывала слова великаго поэта:

Denn wo das Strenge mit dem Zarten,
Wo Starkes sich und Mildes paarten
Da gibt es einen guten Klang [1]).

То же укрощающее благотворное вліяніе имѣли на своихъ супруговъ великая княгиня Александра Ѳеодоровна и свѣтлѣйшая княгиня Ловичъ. Супружество императора Александра Павловича, какъ извѣстно, не могло назваться счастливымъ, можетъ быть именно потому, что онъ былъ такъ же женственно нѣженъ, восторженъ и склоненъ къ идеальности, какъ и его супруга, блѣдный. печальный, но глубоко симпатичный обликъ которой ждетъ еще художественное перо для его воспроизведенія.

Великая княгиня Елена Павловна, во все продолженіе двадцатипятилѣтняго своего супружества, являла въ своей особѣ самыя привлекательныя черты прекрасной жены и нѣжнѣйшей матери. Ея свѣтлый, энциклопедически образованный умъ вполнѣ гармонировалъ съ сердцемъ. Она жаждала бесѣды съ ученѣйшими людьми и талантливѣйшими художниками своего времени. Очаровательная своею любезностью и обходительностью съ гостями и лицами, удостоивавшимися чести быть принятыми въ ея дворцѣ, великая княгиня была вмѣстѣ съ тѣмъ истинно-русскою, радушною хозяйкою, практически знакомою со всѣми отраслями домоводства и сельскаго хозяйства. По словамъ покойнаго графа Василія Валентиновича Мусина-Пушкина, великая княгиня Елена Павловна обладала рѣдкимъ и удивительнымъ умѣньемъ съ каждымъ изъ своихъ собесѣдниковъ—отъ искуснѣйшаго дипломата до скромнаго офицера, отъ свѣтила науки до мало образованнаго художника — вести разговоръ на столько приспособленный къ уровню ихъ познаній и понятій, что давала имъ возможность высказать ихъ съ выгоднѣйшей стороны. Въ разговорѣ съ нею какъ бы умнѣлъ и самый ограниченный человѣкъ; ея же свѣтлый, многогранный умъ не утрачивалъ своего блеска въ бесѣдахъ съ умнѣйшими людьми. Не было въ великой княгинѣ того педантизма, которымъ почти всегда отличаются и образованнѣйшіе люди въ

---

[1]) Ибо тамъ, гдѣ суровость сочетается съ нѣжностью, гдѣ сила сочетается съ граціею—тамъ звонъ благозвученъ. Шиллеръ „Пѣснь о Колоколѣ“.

ихъ разговорахъ со спеціалистами или людьми дѣла. Ей не было надобности готовиться къ бесѣдѣ съ человѣкомъ ученымъ – хотя-бы то былъ медикъ, естествоиспытатель, географъ или историкъ. Постоянно обогащая свою неистощимую память новыми запасами всевозможныхъ познаній, слѣдя за всѣми открытіями въ области наукъ и искусствъ, великая княгиня всегда была готова задать вопросъ, или дать отвѣтъ на твердой почвѣ. Архитекторъ, живописецъ, ваятель, музыкантъ могли только удивляться обширности ея теоретическихъ познаній и поразительному, эстетически развитому такту истинной художницы. Но полнѣйшій характеристическій очеркъ объ этой свѣтлой и въ высшей степени симпатичной личности находимъ въ отзывѣ о ней покойнаго графа П. Д. Киселева [1]).

— „Эта женщина съ обширнымъ умомъ и превосходнымъ сердцемъ; на ея дружбу вполнѣ можно положиться, если она разъ удостоитъ ея. Воспитанная подъ надзоромъ Кювье [2]), друга ея отца (принца Павла Виртембергскаго), она сохранила воспоминаніе о всемъ, что видѣла и слышала въ своей молодости. Выданная весьма молодою замужъ, она не переставала изучать науки и быть въ сношеніяхъ съ знаменитостями, которыя пріѣзжали въ Петербургъ, или которыхъ она встрѣчала во время своихъ путешествій за границею, или внутри Россіи. Разговоръ ее съ людьми сколько нибудь замѣчательными никогда не былъ пустымъ или вздорнымъ; она обращалась къ нимъ съ вопросами полными ума и приличія, вопросами, которые просвѣщали ее и льстили ея собесѣднику. Всѣ послѣ аудіенціи у нея удивлялись ея способностямъ и подробностямъ, которыя она хотѣла знать. Однажды архіепископъ Херсонскій Иннокентій, послѣ аудіенціи у великой княгини, заѣхалъ ко мнѣ и говорилъ мнѣ: „что онъ былъ удивленъ и почти униженъ признаніемъ, что великая княгиня, болѣе нежели онъ самъ, знала исторію и основанія нашего православія. Она спрашивала меня о нѣкоторыхъ неясностяхъ, которыя она

---

[1]) А. П. Заблоцкій-Десятовскій: Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Томъ третій. Спб. 1882 г. стр. 306—308

[2]) Кювье (George Léopold Charles Frédéric Dagobert, baron Cuvier) одно изъ свѣтилъ естествознанія, основатель науки палеонтологіи, род. въ Монбельярѣ въ 1769 г. † въ Парижѣ въ 1832.

хотѣла разъяснить себѣ. Я былъ захваченъ въ расплохъ, и чтобъ не ввести ее въ заблужденія, я признался ей въ этомъ и просилъ дозволенія справиться и чрезъ нѣсколько дней представить ей категорическій отвѣтъ".—Мудрецъ справедливо сказалъ, „что мы положительно знаемъ только то̀, что ничего не знаемъ". Этотъ епископъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, отецъ церкви, уважаемый за свои богословскія познанія, съ достойною уваженія откровенностью сознался, что просвѣщенный умъ молодой, любознательной женщины далъ ему почувствовать недостатокъ его познаній. Этотъ примѣръ, въ числѣ многихъ другихъ, доказываетъ способность великой княгини освоиваться со всѣмъ, что ей казалось полезнымъ знать. Сегодня она спрашиваетъ епископа; завтра будетъ дѣлать то же съ агрономомъ или съ другимъ спеціалистомъ, чтобы узнать или дополнить то̀, что она знаетъ поверхностно. Императоръ Николай мнѣ говорилъ однажды: „Елена—это ученый (savant) нашего семейства; я къ ней отсылаю европейскихъ путешественниковъ; въ послѣдній разъ это былъ Кюстинъ, который завелъ со мною разговоръ объ исторіи православной церкви; я тотчасъ отправилъ его къ Еленѣ, которая разскажетъ ему болѣе, чѣмъ онъ самъ знаетъ; при томъ же я не хотѣлъ продолжать разговоръ съ человѣкомъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ и который, конечно, напечатаетъ, по своему, отчетъ объ этомъ разговорѣ" [1]).

— „У великой княгини много противниковъ въ Петербургскомъ обществѣ. Причина тому—превосходство ея ума и ея обращенія, въ которомъ она не допускаетъ излишней фамильярности. Она поддерживаетъ свое достоинство безъ всякой натянутости (elle garde son rang sans roideur aucune), но съ глубокимъ сознаніемъ

[1]) Маркизъ де Кюстинъ (de Custines) посѣтилъ Петербургъ въ 1838—1839 гг. Чествуя въ немъ сына знаменитаго французскаго генерала, павшаго въ 1794 г. на гильотинѣ, жертвою террора, императоръ Николай Павловичъ принялъ его ко двору вполнѣ благосклонно и съ русскимъ радушіемъ. Ознакомясь съ нашимъ придворнымъ бытомъ, вывѣдавъ отъ людей, питавшихъ къ государю и его семейству тайную ненависть,—всевозможныя клеветы и сплетни о Россіи и ея верховномъ вождѣ, Кюстинъ отплатилъ императору за его радушіе и за хлѣбъ за соль ядовито желчнымъ, переполненнымъ лжи, памфлетомъ, въ видѣ записокъ туриста, подъ названіемъ la Russie en 1839. Въ негодованіи на эту неблагодарность, государь съ того времени держалъ заѣзжихъ французовъ въ почтительномъ отдаленіи отъ своего двора.

долга, который возлагаетъ на нее ея положеніе и который она обязана исполнять".

— „Великая княгиня издерживаетъ свои доходы широко и щедро. Дворъ ея устроенъ во всѣхъ подробностяхъ по царски. Вечера и обѣды, которые она даетъ, не оставляютъ ничего желать въ отношеніи устройства и даже иногда роскоши. Приглашаемые не всегда принадлежатъ къ высшимъ слоямъ общества; — въ этихъ приглашеніяхъ принимаются во вниманіе личныя достоинства. Это порицается тѣми, которые ставятъ чинъ на первомъ планѣ, и которые возмущаются противъ всякаго либеральнаго поступка, какъ-бы онъ ни былъ уменъ и великодушенъ; это болѣзнь общая всѣмъ дворамъ, гдѣ преданіе составляетъ законъ. Время и необходимость сообразоваться съ его духомъ есть лучшее средство преобразованія общества; ускорять его—неблагоразумно; не сознавать его—было-бы нелѣпо. Великая княгиня умѣла доселѣ избѣгать этихъ двухъ крайностей; желательно, чтобъ это и продолжалось".

— „Что касается до ея издержекъ на общеполезныя дѣла, то она дѣлаетъ болѣе, нежели сколько требуетъ строгая предусмотрительность. Ея школы для дѣтей, дома призрѣнія бѣдныхъ вдовъ, приготовленіе повивальныхъ бабокъ и другія благотворительныя учрежденія, — въ особенности учрежденіе и содержаніе сестеръ милосердія, стоятъ весьма значительныхъ суммъ и обязываютъ ее дѣлать значительныя жертвы, на что она никогда не жалуется и которыхъ публика не знаетъ. Въ послѣднее время великая княгиня очень много содѣйствовала учрежденію въ Петербургѣ музыкальной консерваторіи, на подобіе парижской, и это сверхъ вспомоществованій и пенсій, раздаваемыхъ ею изъ своего бюджета, въ которомъ расходы уравновѣшиваются сокращеніемъ ея личныхъ издержекъ".

— „Я могъ-бы указать еще на многіе подобные поступки, дѣлающіе ей честь, но я воздерживаюсь въ увѣренности, что они сдѣлаются извѣстными и что справедливость будетъ ей отдана не только ея друзьями, но и массою равнодушныхъ, которые слушаютъ разсказы, не давая себѣ труда исправлять ошибки и открывать истину. Когда узнаютъ ея жизнь и дѣла, то должны будутъ оцѣнить ее, какъ она заслуживаетъ, и убѣдиться, что качества ея сердца равны ея уму, въ которомъ никто не сомнѣвался".

Эта характеристика относится къ 1861 году, но въ главнѣйшихъ чертахъ она безукоризненно вѣрна съ прекраснымъ подлинникомъ и самой ранней эпохи. Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ включенія великой княгини Елены Павловны въ августѣйшую фамилію русскаго императора, она и супругъ ея занимали по старшинству семейной іерархіи лишь пятое мѣсто. Благоговѣя предъ Александромъ I, младшіе братья называли его „батюшкою“ [1]), повинуясь безпрекословно его велѣніямъ, какъ велѣніямъ Монарха и роднаго отца. При всемъ томъ, въ дѣлахъ чисто семейныхъ, и самъ государь уступалъ свое главенство своей родительницѣ, вдовствующей императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ Непосредственно за ними слѣдовалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, питавшій къ младшему брату своему, Михаилу, помимо родственныхъ чувствъ, особенную пріязнь, несмотря на двадцать лѣтъ разницы въ ихъ возрастахъ. Четвертое мѣсто старшинства неоспоримо принадлежало великому князю Николаю Павловичу, тогда уже тайно нареченному преемнику Александра I. Должно замѣтить, что великій князь Михаилъ Павловичъ, при жизни цесаревича и до послѣдней своей минуты въ царствованіе Николая Павловича, держалъ себя въ отношеніи старшихъ братьевъ съ тактомъ, достойнымъ великой похвалы. Всенародно, и въ обществѣ и въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу, его высочество оказывалъ императору троякое уваженіе: какъ вѣрноподданный государю, какъ подчиненный высшему начальнику, какъ младшій старшему. Строгій блюститель субординаціи служебной, великій князь былъ всегда противникомъ фамильярности младшихъ со старшими. И во все продолженіе своей жизни и долговременной службы онъ не дозволилъ себѣ назвать старшихъ братьевъ, хотя-бы и заочно, уменьшительными именами. Того же самаго правила неуклонно придерживалась и его супруга, всегда почтительная и покорная предъ старшими членами царственной семьи. Такимъ образомъ, повторяемъ, первыя семь лѣтъ своего супружества великая княгиня Елена Павловна оставалась какъ бы въ тѣни, чуждаясь самой мысли выступить въ болѣе яркомъ свѣтѣ, подобавшемъ ея уму и прекраснымъ душевнымъ качествамъ.

---

[1]) Записки Д. К. Тарасова „Русская Старина“, изд. 1871 г. Томъ IV, стр. 635

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти семь лѣтъ были тягчайшими годами испытаній для всей царской фамиліи вообще и для юной великой княгини въ частности.

Въ первый же годъ ея бракосочетанія сѣверную столицу постигло страшное бѣдствіе: наводненіе 7-го ноября 1824 г.

Въ февралѣ слѣдующаго 1825 года великокняжеская чета была обрадована рожденіемъ дочери; но черезъ девять мѣсяцевъ кончина императора Александра Павловича въ Таганрогѣ (19-го ноября) сразила царствующій домъ глубокою скорбію.

Двадцатипятидневный періодъ междуцарствія (съ 19-го ноября по 14-е декабря) и слѣдовавшее за тѣмъ усмиреніе мятежа особенно тяжко отозвались на сердцѣ великой княгини. Самоотверженное участіе ея супруга при разъясненіи несчастнаго недоразумѣнія, возникшаго въ государственномъ вопросѣ о престолонаслѣдіи; разъѣзды великаго князя Михаила Павловича между Петербургомъ и Варшавою; приведеніе къ присягѣ частей гвардіи, поколебленныхъ въ ихъ вѣрности престолу внушеніями заговорщиковъ; наконецъ -присутствіе младшаго брата восходившаго на престолъ императора, на Сенатской площади, подъ выстрѣлами мятежниковъ—стоили великой княгинѣ многихъ слезъ. Онѣ были тѣмъ болѣе ужасны, что положеніе ея высочества требовало полнѣйшаго спокойствія и совершенно иныхъ условій обстановки... Черезъ пять мѣсяцевъ она разрѣшилась отъ бремени второю дочерью, Елисаветою.

II.

1826—1847.

На этотъ разъ радость юной матери была омрачена извѣстіемъ о кончинѣ вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны, послѣдовавшей въ Бѣлевѣ, 4-го мая. Вѣнценосная страдалица какъ бы уступала мѣсто ей соименной новорожденной. Въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ душевныя силы великой княгини нѣсколько укрѣпились отъ недавнихъ потрясеній, но здоровье ея, въ особенности послѣ рожденія третьей дочери Екатерины Михаиловны, требовало пользованія минеральными водами въ чужихъ краяхъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ въ то же время отправился въ походъ по случаю войны съ Турціею. 24-го ок-

тября того же 1828 года вдовствующая императрица Марія Θеодоровна окончила свое благотворное земное поприще. Послѣдній годъ своего бытія, проведя лѣто въ Павловскѣ, въ разлукѣ съ августѣйшими сыновьями и ихъ супругами, покойная государыня была окружена ввѣренными ея нѣжнымъ попеченіямъ внуками и внучками. Объ этомъ времени Марія Θеодоровна, на летучихъ листкахъ своего альбома, на фермѣ въ Павловскѣ, написала слѣдующія замѣтки [1]).

— „8-го мая мои внуки: Александръ, Ольга, Александрина и Костя и Елисавета и Екатерина прибыли ко мнѣ (въ Павловскъ), такъ какъ родители ихъ препоручили ихъ мнѣ. Всѣ мои дѣти принуждены были разстаться со мною: императоръ и Михаилъ, чтобы ѣхать въ армію, Александра и маленькая Марія—въ Одессу, для пользованія нынѣшнимъ лѣтомъ морскими купаньями, а Елена, со своею малюткою Маріею, уѣхала на воды, такъ какъ здоровье ея очень разстроено. Со времени моего отсутствія Небо даровало мнѣ двухъ внуковъ. Александра разрѣшилась отъ бремени красивымъ, милымъ Костею и здоровье ея возстановилось. Елена разрѣшилась Екатериною, но здоровье ея разстроилось; я же сама была тяжко больна всю зиму и весну. Объявленіе войны, при всей ея неизбѣжности, придало опасный характеръ моему положенію. Михаилъ разстался со мною 22-го апрѣля, мой милый Николай—25-го, императрица — 27-го апрѣля. Я жестоко страдала....“

Въ духовномъ завѣщаніи императрицы Маріи Θеодоровны [2]), помимо назначенія младшему ея сыну нѣкоторыхъ изъ недвижимыхъ имѣній государыни, находимъ двѣ статьи, по которымъ великая княгиня Елена Павловна наслѣдовала послѣ императрицы Маріи Θеодоровны попечительство о ея благотворительныхъ учрежденіяхъ. Эти статьи свидѣтельствуютъ о томъ, какъ хорошо понимала и высоко цѣнила покойная прекрасныя душевныя качества младшей своей невѣстки. Приводимъ ихъ въ подлинникѣ:

— „Я желаю, чтобы оба мои института (Маріинскій и Повивальный) управлялись съ тою же заботливостью и вниманіемъ,

---

[1]) Подлинныя писаны на французскомъ языкѣ. См „Павловскъ, очеркъ его исторіи и описаніе, 1777—1877“. Спб.. изд. 1877, стр. 515.

[2]) См. „Русскую Старину“ изд 1882 г. Томъ XXXIII, стр. 81—132

какъ при мнѣ, и поэтому прошу сына моего (императора Николая Павловича) поручить управленіе ими невѣсткѣ моей, супругѣ великаго князя Михаила; я убѣждена, что въ такомъ случаѣ они всегда будутъ процвѣтать и приносить пользу государству. Зная твердость и доброту ея характера, я вполнѣ увѣрена, что она отнесется къ этой обязанности съ должнымъ вниманіемъ и заботливостью. Я желаю также, чтобы моей невѣсткой соблюдались правила, установленныя для пріема дѣвицъ въ Маріинскій институтъ и чтобы списокъ кандидатокъ, поступающихъ безъ баллотировки изъ числа круглыхъ сиротъ, а равно и подлежащихъ баллотировкѣ, представлялся ею императору". (Ст. I).

Относительно капитала, помѣщеннаго императрицею на вѣчное обращеніе въ кассу воспитательнаго дома и ассигнованнаго на пенсіи неимущимъ офицерскимъ вдовамъ: „Прошу возлюбленную невѣстку мою, супругу великаго князя Михаила Павловича, взять на себя эти обязанности изъ любви ко мнѣ и прошу любезнаго сына моего императора Николая предложить ей слѣдить за тѣмъ, чтобы пенсіи офицерскимъ вдовамъ назначались сообразно установленному мною правилу и выплачивались бы аккуратно..." (Ст. II).

И въ теченіе сорока пяти лѣтъ, до самой своей кончины, великая княгиня Елена Павловна была строгою и неуклонительною исполнительницею завѣта Маріи Θеодоровны, въ заботахъ о сиротахъ и многихъ тысячахъ бѣдныхъ дѣвушекъ, посвящавшихъ себя акушерскому искусству. Посѣщая упомянутыя заведенія, великая княгиня являлась въ нихъ доброю матерью, сострадательною женщиною, заботливою до самыхъ мелочей хозяйкою. Отъ ея внимательнаго ока не укрывалась ни единая часть внутренней администраціи институтовъ: изъ классовъ ревностная попечительница переходила въ столовыя, дортуары, въ кухни, прачешныя, лазареты. На долю всѣхъ и каждой — отъ начальницы до послѣдней служанки — добрая, привѣтливая великая княгиня находила слова ласки, одобренія, или — въ случаѣ надобности — замѣчанія, болѣе или менѣе строгаго. Но мы еще возвратимся къ обзору ея дѣятельности на поприщѣ благотворительности.

Въ ноябрѣ 1830 года послѣдовало возстаніе Польши; въ началѣ слѣдующаго страшнаго 1831 года (16-го января) великая княгиня разрѣшилась отъ бремени дочерью Александрою, забо-

ты о которой ея родительницѣ суждено было дѣлить съ опасеніями за жизнь и безопасность ея супруга. Въ самый разгаръ Польской кампаніи въ западномъ краю и въ Петербургѣ появилась холера, одною изъ первыхъ жертвъ которой палъ въ Витебскѣ (15-го іюня) цесаревичъ Константинъ Павловичъ; черезъ пять мѣсяцевъ (17-го ноября) въ Царскомъ Селѣ скончалась его морганатическая супруга княгиня Жанетта Антоновна Ловичъ.

Съ кончиною цесаревича, младшему брату императора Николая Павловича предстало старшинство втораго мѣста по государѣ и его преемникѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился кругъ дѣятельности и великой княгини Елены Павловны. Недавняя эпидемія лишила многія семьи отцовъ и матерей; обезпеченіе будущности сиротъ дарованіемъ имъ воспитанія требовало много энергіи отъ великой княгини, попечительницы Маріинскаго института. Тогда Елена Павловна, помимо помѣщенія многихъ пансіонерокъ, явилась щедрою и заботливою, нѣжною матерью сиротъ и благодѣтельницею вдовъ и въ этихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ обнаружила, помимо человѣколюбія и ангельской доброты, истинно евангельскую скромность, скрывая отъ похвалъ свои благодѣянія.

Императоръ Николай Павловичъ былъ всегда высокимъ цѣнителемъ душевныхъ качествъ и свѣтлаго ума великой княгини, питая къ ней чувства самой искренней пріязни и глубокаго уваженія. Всегда самостоятельный и непреклонный въ своихъ рѣшеніяхъ, государь, однако же въ своихъ семейныхъ дѣлахъ совѣщался съ великою княгинею Еленою Павловною, не отклоняя ея совѣтовъ всегда разумныхъ и доброжелательныхъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, вполнѣ добрый отецъ, часто выражалъ желаніе имѣть сына, изъ котораго могъ бы образовать такого же служаку царю и Россіи, каковымъ былъ самъ. Онъ нѣжно любилъ своихъ дочерей, но сына любилъ бы конечно и того нѣжнѣе. Здѣсь дозволимъ себѣ привести эпизодъ, слышанный нами отъ покойнаго А. А. Катенина.

Предоставивъ воспитаніе дочерей своихъ, великихъ княженъ, своей высокообразованной и педагогически-опытной супругѣ, Михаилъ Павловичъ не могъ однако-же отказать себѣ въ удовольствіи ввести въ учебную программу одинъ предметъ изъ военныхъ знаній, мотивируя это тѣмъ, что каждая изъ его дочерей была,

равно какъ и его супруга,—шефомъ котораго нибудь изъ кавалерійскихъ полковъ. Полу-шутя, полу-серьезно его высочество знакомилъ великихъ княженъ съ кавалерійскими и пѣхотными и сигналами на горнѣ и на барабанѣ. Твердое знаніе юными великими княжнами этихъ сигналовъ подавало иногда поводъ ихъ родителю къ истинно „отеческому" взысканію съ офицеровъ, дѣлавшихъ на ученьяхъ или смотрахъ ошибки въ этой азбукѣ строевой службы. Случалось, что великій князь, строго выговоривъ провинившемуся и объявивъ ему арестъ, привозилъ его съ собою въ Михайловскій дворецъ и, пригласивъ въ залъ великихъ княженъ, заставлялъ горниста съ дворцовой гауптвахты, играть на выдержку два, три сигнала и одна изъ великихъ княженъ на вопросъ родителя безошибочно объясняла ихъ значеніе.

— Вотъ, сударь мой, говорилъ тогда великій князь переконфуженному гвардейцу,—мои дочери, дѣти, малютки [1]) знаютъ сигналы, которые, какъ видно, вамъ совсѣмъ не знакомы, а потому-съ милости прошу отправиться на гауптвахту.

Двѣнадцатилѣтній періодъ (съ 1831 по 1843 годъ) въ жизни великой княгини не обилуетъ особенно яркими, выдающимися эпизодами. Потеря двухъ младшихъ дочерей [2]) тяжко отозвалась на материнскомъ сердцѣ Елены Павловны и на самомъ ея здоровьи. Оно часто требовало пользованія заграничными минеральными водами и пребыванія въ странахъ менѣе суроваго климата, каковъ нашъ, петербургскій. Великая княгиня запасалась силами и здоровьемъ, какъ-бы въ виду грядущихъ тяжкихъ испытаній. Первому изъ нихъ предшествовала радость обѣихъ семей, царской и великокняжеской. Въ исходѣ 1843 года, въ одно время были просватаны—великая княжна Александра Николаевна за принца Фридриха-Вильгельма Гессен-Кассельскаго, и вторая дочь великаго князя Елисавета Михаиловна за Адольфа-Вильгельма герцога Насаускаго. Бракосочетаніе дочери императора послѣдовало 16 января 1844 г., а дочери великаго князя 19 числа того же мѣсяца. Супружество обѣихъ новобрачныхъ было весьма непродолжительно: первая скончалась въ Царскомъ Селѣ 29 іюля 1844 г., вторая въ Висбаденѣ 16 января 1845 года. Нѣжное, любящее

[1]) Старшей изъ великихъ княженъ, Маріи Михаиловнѣ, было тогда лѣтъ 13 или 14.

[2]) Великихъ княженъ Александры—15 марта 1832 г. и Анны 10 марта 1836 г.

сердце ея родительницы, удрученное скорбію, поражено было въ слѣдующемъ 1846 году новымъ ударомъ: 7 ноября скончалась въ Канѣ старшая дочь великой княгини—Марія Михаиловна.

Покорствуя волѣ провидѣнія, великая княгиня со смиреніемъ истинной христіанки перенесла эти утраты, изливъ свою скорбь не безплодными слезами,—но усиленными благотвореніями. Она соорудила и посвятила памяти усопшихъ памятники, достойные ихъ безгрѣшныхъ душъ и своей прекрасной души. Памятники эти, основанные великою княгинею Еленою Павловною,—„Елисаветинская“ клиническая больница для малолѣтнихъ дѣтей, пріютъ „Елисаветы и Маріи“ въ Петербургѣ и таковой же ихъ именъ въ Павловскѣ. Должно замѣтить, что главною сотрудницею великой княгини Елены Павловны, при учрежденіи послѣдняго (открытаго 22 іюля 1847 года), была попечительница дѣтскихъ пріютовъ покойная графиня Ю. П. Строгонова [1]). Съ этого-же времени и Повивальный Институтъ, носящій нынѣ имя великой княгини Елены Павловны, ея неусыпными стараніями и заботами былъ доведенъ до возможной въ тѣ времена степени порядка и цѣлесообразности, какъ въ отношеніи женщинъ, имѣющихъ надобность въ родовспоможеніи или врачебной помощи, такъ равно и ученицъ, изучавшихъ акушерское искусство.

III.

1848—1855.

Тяжелый 1848 годъ былъ точно также годомъ самой оживленной дѣятельности Елены Павловны на поприщѣ благотворительности.

Въ февралѣ 1849 года исполнилось двадцатипятилѣтіе супружества великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны. Тяжелую, бурную эпоху переживала тогда вся Европа, а съ нею и Россія, выступившая въ борьбу съ революціею, грозившею распаденіемъ Австріи и мятежными волненіями Польши. Начавшаяся венгерская кампанія и сопряженныя съ нею передвиженія войскъ въ западномъ краѣ призвали великаго князя Михаила Павловича къ усиленной служебной дѣятельности, требовавшей личнаго его присутствія въ Варшавѣ. Великая княгиня Елена Павловна отправилась тогда въ чужіе края и, въ августѣ

[1]) См. книгу „Павловскъ“, изд. 1877 г., стр. 297—298.

1849 года, вмѣстѣ съ дочерью, находилась на островѣ Рюгенѣ. Эта разлука ея съ супругомъ была послѣднею. 12 августа въ 2¼ часа по полудни, во время ученья 7-й легкой кавалерійской дивизіи на Мокотовскомъ полѣ подъ Варшавою, съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ сдѣлался ударъ паралича. На слѣдующій день императоръ Николай Павловичъ поручилъ полковнику Ѳ. И. Горемыкину сообщить объ этомъ несчастномъ событіи великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая немедля по полученіи роковой вѣсти прибыла съ острова Рюгена въ Варшаву, 25 августа... Черезъ три дня, 28 августа, въ 2½ часа по полудни, великаго князя не стало. Ея высочество Елена Павловна съ дочерью, пишетъ очевидецъ [1]), — „проведя послѣдніе три дня у постели умирающаго, который узналъ ихъ и очень былъ обрадованъ, выдержали это тяжкое время съ удивительною твердостію и покорностію волѣ Божіей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ печалію, которая ни съ чѣмъ сравниться не можетъ. Сегодня, послѣ утренней панихиды, онѣ простились въ послѣдній разъ съ усопшимъ и отправились въ Штеттинъ, откуда на пароходѣ поѣдутъ въ Петербургъ. Прощаніе ихъ съ нами представляло сцену, раздирающую душу; обѣ онѣ насъ благодарили, хотѣли еще благодарить — и не могли; мы, обливаясь слезами, молча поцѣловали ихъ руки и безмолвно, съ рыданіями, проводили въ кареты“.

Всѣ эти событія много повліяли на здоровье великой княгини. Но немощи тѣлесныя не оказали ни малѣйшаго вліянія на душевныя силы, не ослабили энергіи, не охладили сердца. Какъ и въ былые годы, Елена Павловна продолжала посвящать тихіе дни своей жизни дѣлу благотворенія.

Въ октябрѣ 1853 года началась, кровавой памяти, крымская кампанія.

Послѣ успѣховъ перваго полугодія, Россія была вынуждена, вмѣсто войны наступательной, вести—оборонительную. Съ береговъ Дуная театръ войны былъ перенесенъ на берега Чернаго и Балтійскаго морей... На долю Севастополя выпалъ жребій быть русскою Троею. Война, затронувшая чувство любви къ отечеству во всѣхъ сословіяхъ, открыла великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ общирнѣйшее поприще благотворной дѣятельности, о которой, конечно, не умолчатъ не только будущій біографъ, но и самая исто-

[1]) Ѳ. И. Горемыкинъ. См. „Русская Старина“, изд. 1882 г. Томъ XXXIII, стр 521—522.

рія. Стараніями ея высочества отправлены были въ Севастополь, для ухода за больными и ранеными воинами, сестры милосердія Крестовоздвиженской Общины. Вся Россія помнитъ ту громадную пользу, какую принесло страдальцамъ присутствіе самоотверженныхъ, терпѣливыхъ, матерински заботливыхъ женщинъ: имъ обязаны были многія тысячи раненыхъ и больныхъ страдальцевъ сохраненіемъ жизни и здоровья. Приводимъ свидѣтельство I. В. Бертенсона, біографа покойнаго Н. И. Пирогова [1]), о заслугахъ великой княгини въ эпоху Крымской войны:

— „Извѣстная необыкновеннымъ свѣтлымъ умомъ покойная великая княгиня Елена Павловна, вліяніемъ своимъ неоднократно выдвигавшая, при жизни своей, многихъ замѣчательныхъ людей изъ той среды посредственности, которая заглушала всякій талантъ и не давала хода людямъ науки, свѣта и не затемненнаго узкимъ бюрократизмомъ разума, познала и въ Пироговѣ не только двигателя науки, но и замѣчательнаго общественнаго, въ высшей степени честнаго дѣятеля. Великая княгиня Елена Павловна не только содѣйствовала Н. И. Пирогову къ отправленію его въ Севастополь, но поручила ему руководить занятіями организованной ею тогда Крестовоздвиженской Общины сестеръ милосердія [2]); впослѣдствіе такое порученіе—руководить занятіями сердобольныхъ вдовъ—дано было ему и по волѣ покойной государыны императрицы Александры Ѳеодоровны; кромѣ сего великая княгиня Елена Павловна предоставила Пирогову сформировать, по своему усмотрѣнію, небольшую корпорацію врачей-хирурговъ на ея иждивеніе, съ тѣмъ, чтобы они находились въ непосредственномъ его вѣдѣніи, и никуда не назначались военнымъ вѣдомствомъ безъ его согласія“.....

Насталъ 1855 годъ.

27-го января императоръ Николай Павловичъ заболѣлъ легкою простудою. Черезъ нѣсколько дней, чувствуя себя лучше, онъ, 9-го февраля, не смотря на 23° мороза, легко одѣтый, отправился въ экзерциргаузъ для осмотра маршевыхъ гвардейскихъ батальоновъ. По окончаніи смотра государь посѣтилъ въ ея дворцѣ

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1881 г, томъ XXX, стр. 613.

[2]) Первая община св. Троицы была основана въ 1847 году и помѣщалась въ собственномъ домѣ на Пескахъ. Во время Крымской войны община Крестовоздвиженская была организована соотвѣтственно насущнымъ потребностямъ и дѣятельность усилена преподаваніемъ сестрамъ началъ хирургіи и проч.

великую княгиню Елену Павловну и это посѣщеніе было послѣднимъ. Черезъ два дня государь слегъ въ постель, а 18-го февраля, за нѣсколько часовъ до его кончины, простился на вѣчную разлуку со всѣмъ своимъ семействомъ и въ числѣ ближайшихъ родныхъ—съ великою княгинею Еленою Павловною.

— Когда вошла великая княгиня Елена Павловна, онъ, съ неизмѣняющимся видомъ спокойствія, сказалъ ей, какъ будто при обыкновенномъ посѣщеніи: „благодарю“ и потомъ, можетъ быть вспоминая о потерянномъ ею супругѣ, прибавилъ: „теперь и мнѣ пришло время. Скажите мой сердечный поклонъ Катѣ (великой княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ), ей и ему (герцогу Георгію Мекленбургъ-Стрѣлицкому) имъ обоимъ [1])“.

Въ 12 часовъ 20 минутъ по полудни императора не стало.

Съ кончиною Николая I для Россіи наступила эра обновленія и великихъ преобразованій, къ которымъ его преемникъ, покойный государь императоръ Александръ Николаевичъ, призвалъ новыя, свѣжія силы. Наше общество распалось тогда на два лагеря—стараго и новаго поколѣній—на охранителей и либераловъ, ретроградовъ и прогрессистовъ. Во главѣ русскаго прогресса и разумнаго либерализма, высоко держа знамя, шествовалъ самъ представитель верховной власти. Весьма сравнительно немногіе изъ вельможъ и военачальниковъ двухъ минувшихъ царствованій сознали необходимость преобразованій, а съ нею и погрѣшности администраціи былыхъ временъ. Подобное сознаніе, помимо извѣстной доли самоотверженія, требовало и ясности обширнаго ума и неувядаемой сердечной теплоты. Богато одаренная этими прекрасными свойствами, великая княгиня Елена Павловна — не въ угоду новому времени, не домогаясь похвалъ молодаго поколѣнія, но по твердому глубоко-сознательному убѣжденію все-цѣло предалась прогрессивному движенію Россіи и до послѣдней своей минуты была приверженницею, а при случаѣ и сподвижницею великихъ и незабвенныхъ преобразованій царствованія покойнаго императора Александра II Освободителя.

9-го января 1882 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Брошюра графа Д. Н. Блудова: Послѣдніе дни жизни императора Николая I-го. СПБ. 1855 стр. 18.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ П. А. ЕФРЕМОВА

XXV.

1857—1882 гг.

Читателямъ «Русской Старины» очень хорошо знакомо имя Петра Александровича Ефремова, какъ одного изъ постоянныхъ ея сотрудниковъ; извѣстно оно и читателямъ другихъ періодическихъ изданій, особенно любителямъ исторіи литературы; извѣстно, наконецъ, оно и всякому русскому грамотному человѣку, кто только видѣлъ послѣднія изданія собраній сочиненій Кантемира, В. Майкова, фонъ-Визина, Лукина, Ельчанинова, Новикова, А. Радищева, Рылѣева, Жуковскаго, Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, исправному появленію которыхъ такъ много и достойно послужилъ Петръ Александровичъ.

Напомнимъ, что многія изъ этихъ многотомныхъ собраній сочиненій исправлены и дополнены по рукописямъ, а иныя напечатаны въ первый разъ; къ изданіямъ приложены рѣдкіе и самые точные портреты писателей, статьи о нихъ, написанныя спеціалистами, объяснительныя примѣчанія П. А. Ефремова къ тексту, хронологическіе списки сочиненій и изданій каждаго писателя, списки критическихъ статей объ нихъ. Громадные томы собраній сочиненій русскихъ классическихъ писателей, въ 600—700 страницъ, изданные подъ редакціей П. А. Ефремова, стоятъ въ продажѣ не дороже 2 р. каждый.

Въ этомъ дѣлѣ изданія мы не можемъ назвать никого другаго, кто бы потрудился столько, какъ П. А. Ефремовъ.

Редактированныя имъ изданія классическихъ отечественныхъ писателей одобрены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, и эта оцѣнка вполнѣ заслуженная: по вѣрности текста, по отчетливости, точности и полнотѣ историческихъ и библіографическихъ

примѣчаній, нельзя болѣе и желать. И это неудивительно: Петръ Александровичъ работаетъ всегда самъ и помощи себѣ не ищетъ даже въ мелочной работѣ [1]). При всемъ обиліи своихъ занятій, онъ съ величайшею готовностью оказываетъ содѣйствіе всѣмъ, кто въ трудахъ по исторіи отечественной литературы, по изданію сочиненій того или другаго русскаго писателя, по отношенію ли къ біографіямъ тѣхъ или другихъ изъ нашихъ писателей или граверовъ — и т. п. обращается къ нему, П. А. Ефремову, за справками, совѣтами и указаніями.

Обширная библіотека П. А. Ефремова, заключающая въ себѣ множество библіографическихъ рѣдкостей, а также его драгоцѣнное собраніе портретовъ русскихъ людей—въ гравюрахъ и литографіяхъ — хорошо извѣстны множеству лицъ обращавшихся и обращающихся къ владѣльцу ихъ, за сообщеніемъ необходимыхъ книгъ, брошюръ, портретовъ-гравюръ, политипажей, литографій или эстамповъ, когда либо оттиснутыхъ въ Россіи или имѣющихъ отношеніе къ Россіи.

Достойная всякаго уваженія и признательности, дѣятельность П. А. Ефремова продолжается двадцать пятый годъ. Кромѣ указанныхъ книгъ, многія мелкія статьи его разсѣяны во множествѣ самыхъ разнообразныхъ изданій. Въ двадцатипятилѣтіе пора подвести итогъ этой плодотворной работѣ и такимъ образомъ почтить заслуги уважаемаго дѣятеля. Для этого мы съ величайшимъ удовольствіемъ пользуемся предложеннымъ намъ трудомъ С. И. Пономарева (библіографа, пріобрѣтшаго своими свѣдѣніями въ этой области литературной дѣятельности почтенное имя и уваженіе), и печатаемъ составленный имъ весьма обстоятельный перечень трудовъ П. А. Ефремова, располагая ихъ по содержанію, а однородныя работы—по времени.

Ред.

Редакція, изданія, матеріалы и статьи П. А. Ефремова.

I. Писатели XVIII-го вѣка

1) Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Дм. Кантемира. Съ портретомъ автора и статьею о Кантемирѣ и примѣчаніями В. Я. Стоюнина. Спб. 1867 и 1868 г. Два тома, 12°, CXIII, 559, 50, 462 стр.

Сочиненія Кантемира напечатаны здѣсь въ первый разъ въ томъ видѣ, какъ онѣ имъ написаны, безъ измѣненій, сдѣланныхъ

---

[1]) Конечно, и его дѣятельность не безъ слабыхъ сторонъ, но онъ первый ихъ видитъ и самъ заявляетъ о нихъ печатно; замѣтки другихъ составляютъ иногда предметъ спорный, иногда—дѣловой.

въ 1-мъ печатномъ изданіи 1762 г. Всѣ сатиры и мелкія стихотворенія исправлены по вновь открытой рукописи; первоначальная редакція первыхъ 5-ти сатиръ напечатана въ первый разъ; добавлены стихотворенія изъ рукописей Публичной Библіотеки. Переводы Анакреона и Горація напечатаны въ первый разъ по рукописямъ. Почти все напечатанное во второмъ томѣ является въ печати въ первый разъ. Портретъ гравированъ съ новаго оригинала. Приложены письма къ Кантемиру Вольтера, Гросса, Ильинскаго, Корфа, Левенвольда и Тредьяковскаго, не являвшіяся до того въ печати; наконецъ, библіографическія примѣчанія о сочиненіяхъ и переводахъ, объ изданіяхъ и о статьяхъ о Кантемирѣ.

2) Письмо П. А. Ефремова въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1869, № 113, по поводу недосмотра въ изданіи во 2-мъ томѣ [1]).

3) Сочиненія и переводы В. И. Майкова, съ портретомъ автора, со статьею о его жизни и сочиненіяхъ и примѣчаніями Л. Н. Майкова. Спб. 1867, 12°, LXII и 574 стр.

Въ полномъ собраніи сочиненія В. Майкова являются въ первый разъ и многія напечатаны по рукописямъ. Въ концѣ объяснительныя примѣчанія и библіографическія замѣтки.

4) Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. фонъ-Визина, съ портретомъ автора, со статьею о жизни и сочиненіяхъ фонъ-Визина, А. П. Пятковскаго, съ пояснительными примѣчаніями къ тексту и библіографическими объясненіями. Спб. 1866, 12°, LXII и 691 стр.

Почти половина этого тома не была въ составѣ послѣдняго изданія Смирдина. Дополненія взяты изъ разныхъ старинныхъ изданій и рукописей; добавлено до 50 писемъ къ гр. Панину и другимъ лицамъ, болѣе 30 писемъ къ роднымъ, отрывки въ стихахъ и въ прозѣ, предисловія къ переводамъ и два полныхъ перевода.

5) Замѣтка П. А. Ефремова по поводу этого изданія, въ газетѣ «Гласный Судъ» 1867, № 105.

6) Замѣтка по поводу псевдопереводовъ съ русскаго (объ одномъ переводѣ фонъ-Визина), «Русскій Архивъ» 1866, вып. 3, стр. 512.

7) Новыя письма фонъ-Визина, «Русская Старина» 1876, февраль.

8) Сочиненія и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова, съ портретомъ Ельчанинова и статьею о Лукинѣ, А. Н. Пыпина. Спб. 1868, 1 т., 12°, III нен. LXXII и 512 стр.

Сочиненія Лукина и Ельчанинова въ полномъ собраніи явились въ первый разъ.

---

[1]) А. Е. Викторовъ, въ своемъ каталогѣ славянорусскихъ рукописей Пискарева (М. 1871 г.), указываетъ еще новую рукопись первыхъ пяти сатиръ, представляющую «нѣсколько важныхъ варіантовъ и поправокъ». С. П.

9) Библіографическій сборникъ. Приключеніе шведскаго короля Густава III, сатирическое стихотвореніе В. П. Петрова. Спб. 1867, 24°, 30 стр. Съ предисловіемъ издателя, П. А. Ефремова. Издано было въ количествѣ 100 экземпляровъ.

Перепечатано П. А. Ефремовымъ въ «Русской Старинѣ» 1878, № 12, стр. 719—734.

10) Живописецъ, Н. И. Новикова, изданіе 7, съ предисловіемъ о сатирическихъ журналахъ 1769—1774 гг., и подробнымъ разборомъ всѣхъ изданій «Живописца», изъ которыхъ два первые совершенно несходны съ послѣдующими. Спб. 1864, 8°, XX и 356 стр.

11) Трутень, Н. И. Новикова, изд. 3. Спб. 1865, съ гравир. портретомъ Новикова и двумя снимками, 12°, XVIII и 370 стр.

12) Матеріалы для исторіи русской литературы. Собраніе одиннадцати памятниковъ, дотолѣ разбросанныхъ и почти затерянныхъ въ разныхъ старинныхъ изданіяхъ: 1) Опытъ словаря о русскихъ писателяхъ, Новикова; 2) Извѣстіе о нѣкоторыхъ русск. писателяхъ, И. Дмитревскаго; 3) и 4) нѣмецкій и французскій текстъ этого извѣстія; 5) Записки Я. Штелина; 6) и 7) Двѣ статьи С. Г. Домашнева; 8) Свѣдѣнія о писателяхъ изъ списка кадетскаго корпуса; 9) и 10) О балтійскихъ и харьковскихъ писателяхъ, П. И. Кеппена и 11) О тульскихъ писателяхъ, И. П. Сахарова. Спб. 1867. Съ портретомъ Новикова, 12°, XII и 216 стр.

13) Отвѣтъ на рецензію проф. Н. С. Тихонравова, «Отеч. Зап.» 1867, № 11, іюнь, кн. 1-я.

14) Заявленіе о 50-ти-лѣтіи со дня смерти Новикова, «Голосъ» 1868, № 116, безъ подписи; перепеч. въ «Петерб. Листкѣ».

15) Замѣтка къ статьѣ Н. Тихонравова: Исторія изданія «Опыта о человѣкѣ», «Р. Архивъ» 1872, стр. 2031.

16) Трагедія Княжнина «Вадимъ Новгородскій». Полный текстъ, съ предисловіемъ, «Русская Старина» 1871, № 6.

17) Письмо А. Н. Радищева, «Русская Старина» 1871, № 9, стр. 295—299.

18) Замѣтка П. А. Радищева о Шешковскомъ, изъ Гельбига. «Русская Старина» 1870, № 12, стр. 637—639.

19) Сочиненія Александра Николаевича Радищева. Съ портретомъ автора и пр. Редакція изданія П. А. Ефремова. 2 тома. Спб. 1872, 8°, стр. 292 и 424. (Въ I томѣ извѣстное «Путешествіе» съ замѣчаніями имп. Екатерины и съ дѣломъ тайной канцеляріи; во 2-мъ Ода и все напечатанное въ 6 частяхъ изданія 1811 года). Книга эта въ въ продажу не поступала и свѣдѣнія о ней мы взяли изъ «отчета о дѣятельности Спб. городской полиціи за 1872 г.», гдѣ на стр. 196

это изданіе показано задержаннымъ въ тип. Неклюдова, по распоряженію Спб. цензурнаго комитета, въ количествѣ 1985 экземпляровъ, а въ слѣдующемъ «отчетѣ» оно означено въ числѣ уничтоженныхъ.

20) «Святки», сатира кн. Д. П. Горчакова. Въ «Искрѣ» 1870, № 49.

21) О русскихъ переводахъ Алкорана. «Книж. Вѣстн.» 1864, № 17.

II. Писатели XIX-го вѣка.

22) Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ (Гераковъ и Львовъ), въ Лонгиновскихъ Библ. Запискахъ, въ «Современникѣ» 1857, № 5, стр. 65—68.

---

23) Митюха Валдайскій. Пародія П. Н. Семенова на Димитрія Донскаго Озерова. Въ «Библіогр. Запискахъ» 1861, № 15, а потомъ съ поправками и примѣчаніями въ «Русской Старинѣ» 1878 г., № 10, стр. 321—360.

---

24) По поводу книжной рѣдкости и стихотв. Жуковскаго, библіографич. замѣтка, «Голосъ» 1876, № 69.

25) Записка Жуковскаго объ русской и англійской политикѣ, «Русск. Архивъ» 1878, II, 426.

26) Сочиненія Жуковскаго, съ приложеніемъ его писемъ, біографіи и портрета. Спб. 1878, 8°. Шесть томовъ, XXXVI, 526; VIII, 512; VII, 492; I, 443; VII, 570; VIII, 688.

Многое исправлено и многое вновь напечатано по рукописямъ; добавлены письма, не входившія въ составъ прежнихъ изданій.

27) Жуковскій: письма къ Гнѣдичу, «Русская Старина» 1878, № 5, стр. 180—181.

---

28) Два письма Каченовскаго къ Гнѣдичу, «Русск. Архивъ» 1868, № 6, стр. 970—972.

---

29) Письма Батюшкова къ Гнѣдичу, «Русская Старина» 1870, № 1, стр. 65—71; 1871, № 2, стр. 208—236, 394; 1874, № 6, стр. 383—398.

Намъ извѣстно, что П. А. Ефремовъ еще въ 1868 г. занимался біографіей Батюшкова, читалъ отрывки изъ нея въ частныхъ собраніяхъ литераторовъ, но въ печати мы ея не встрѣчали [1]).

---

[1]) Обширное собраніе писемъ Батюшкова, 1812 — 1821 гг., изъ которыхъ значительная часть обставлена примѣчаніями П. А. Ефремова, принадлежитъ ред. «Русской Старины» и будетъ напечатано на страницахъ этого изданія. Ред.

30) И. А. Крыловъ (біографическій очеркъ къ 50-ти-лѣтнему юбилею его), «Голосъ» 1868, № 33.

---

31) Библіографическія замѣчанія, поправки и дополненія къ соч. Пушкина, въ изд. Исакова, «Библіогр. Записки» 1861, № 9, стр. 272—277; № 19, стр. 583—597; № 20, стр. 658—660.

32) Неизданныя письма Пушкина и Дельвига, «Современное Обозрѣніе» 1868, № 1, стр, 140—146.

33) «Евгеній Онѣгинъ», изд. Исакова, Спб. 1874.

34) Замѣчаніе о неизд. стих. Пушкина, «Голосъ» 1876, № 216.

35) Письма Пушкина: 1) къ брату—«Русская Старина» 1879, № 8, с. 671—690; 1879, № 10, с. 291—317 и 1880 № 1; 2) къ А. И. Тургеневу и 3) къ Н. И. Гнѣдичу—«Русская Старина» 1880, № 7, с. 541—554; 4) къ А. А. Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву. Тоже 1882, № 2, с. 449—464. Тутъ же: «Объявленіе Пушкину судебнаго рѣшенія по дѣлу объ элегіи А. Шенье, с. 465—470.

36) Сочиненія Пушкина, 3-е изд. Я. Исакова, исправленное и дополненное. Спб. 1880—81, 8°, 6 томовъ, VIII, 584, 448, 492, 456, 544, 490 и IV стр. Съ двумя портретами Пушкина.

37) «Моя родословная», стих. Пушкина по подлинной рукописи, съ указаніемъ на нѣсколько стихотвореній и съ стих. «Я палъ предъ алтаремъ прекрасной». «Русская Старина» 1879, № 12, стр. 729—737.

38) Дополнительная замѣтка къ «Родословной» и о выходкѣ Булгарина. «Русская Старина» 1880, № 3, стр. 671—673.

39) Посланіе Всеволожскому, по подлинной рукописи Пушкина. «Русская Старина» 1880, № 1, стр. 191—193.

40) Посланіе А. Ѳ. Орлову, по подлинной рукописи Пушкина. «Русская Старина» 1880, № 7, стр. 540.

41) О статьѣ Чирикова въ «Р. Архивѣ» 1881 г. кн. 1, съ поясненіемъ ея ошибокъ и «увлеченій»—оттиски изъ V-го тома изданія сочиненій Пушкина 1881, стр. 529—540.

---

42) Объ изданіяхъ комедіи «Горе отъ ума», Грибоѣдова, «Библ. Записки» 1861, № 13, стр. 387—394; статья, неконченная по независящимъ отъ автора причинамъ.

43) О смерти Грибоѣдова, съ приложеніемъ 6-ти писемъ Грибоѣдова къ Родофиникину, письма гр. Паскевича къ гр. Нессельроде и письма послѣдняго къ гр. Канкрину. «Русск. Архивъ» 1872, № 7—8, стр 1492—1552, и замѣтка въ Голосѣ 1862.

Статья эта «передѣлана» изъ непропущенной предварительною цензурою, предназначавшейся г. Ефремовымъ для № 1 «Азіатскаго

Вѣстника». Въ передѣлкѣ она была отпечатана для 2-го нумера того же журнала, но этотъ нумеръ не вышелъ и составляетъ библіографическую рѣдкость.

44) По поводу изданія Н. В. Гербелемъ «Горя отъ ума», «Спб. Вѣдом.» 1873, №№ 27 и 42.

45) «Горе отъ ума», редакція П. А. Ефремома, изд. А. С. Суворина. Спб. 1879. Прочія изданія (2—4) вышли не подъ его редакціей, хотя на книгахъ оставлено его имя.

---

46) Сочиненія и переписка К. Ѳ. Рылѣева. Спб. 1872.—Изд. 2-е, 1874, 16°, X и 346 стр., съ очеркомъ жизни поэта и библіографическими примѣчаніями (316—346).

47) Два стихотворенія Рылѣева: «Посланіе къ Ермолову» и «Партизаны», «Русская Старина» 1877, т. XVIII, февраль, стр. 359—362.

Кромѣ того о Рылѣевѣ и его стихотвореніяхъ было помѣщено много статей и замѣтокъ тоже въ «Русской Старинѣ» (три изданія 1870 г., и 1871 г. и два изд. 1872 г.) до изданія сочиненій Рылѣева, куда все это внесено.

---

48) О стихотвореніяхъ Н. М. Языкова, изд. Перевлѣсскаго. Спб. 1858. Съ добавкою стихотвореній, не вошедшихъ въ это изданіе. «Библ. Зап.» 1858, № 14, стр. 447—450.

---

49) По поводу изданія соч. Лермонтова, «Библ. Зап.» 1861, № 3, стр. 82—94; № 16, стр. 488—49; № 18, стр. 556—563 и № 20, стр. 643—658.

50) По поводу изданія «Пѣсни про царя Ивана Васильевича», «Спб. Вѣдом.» 1871, № 163, и самое изданіе этой «Пѣсни» съ рисунками Шарлеманя и новымъ гравированнымъ портретомъ Лермонтова, сдѣлано подъ ред. П. А. Ефремова—въ 4° по 50 к. и въ 8° по 5 к. за экземпляръ.

51) Неизданныя стихотворенія, отрывки и письма Лермонтова, «Русская Старина» 1872, №№ 1 и 2; 1874, № 5 (Валерикъ); 1875, № 9 (Маскарадъ, въ исправленномъ видѣ, по рукописи).

52) Сочиненія Лермонтова, изданіе третье, вновь свѣренное съ рукописями, исправленное и дополненное, съ портретомъ Лермонтова, двумя снимками съ почерка и статьею о Лермонтовѣ А. Н. Пыпина. Спб. 1873, 12°, XCVI, 404 (библіографическія примѣчанія, 365—404); VII, 508 (библ. примѣчанія 495—508). 2 тома.

53) О портретахъ Лермонтова, «Русская Старина» 1875, т. XIV, стр. 66 и слѣд.

54) Сочиненія Лермонтова, съ портретомъ его и двумя снимками съ почерка, изд. четвертое, вновь свѣренное съ рукописями, исправленное и дополненное. Спб. 1880, 12°, XXXVI, 580; VII, 624 стр Въ изданіе вошли письма Лермонтова и повѣсть его, появляющаяся въ первый разъ. 2 тома.

55) Юношескія драмы Лермонтова. Спб. 1881. Тип. Суворина, 322 стр. Напечатаны въ первый разъ вполнѣ, съ подлинныхъ рукописей Лермонтова: Испанцы (въ стихахъ), Menschen und Leidenschaften, Странный человѣкъ (исправленный текстъ) и Два брата. Съ предисловіемъ и примѣчаніями.

---

56) Портреты Гоголя и рисунки къ его сочиненіямъ, «Русская Старина» 1878, кн. 5, стр. 151—168 и добавка, съ указаніемъ новаго портрета и рисунковъ, въ томъ же изданіи, 1879, № 9, стр. 172—176.

---

57) Рѣдкій портретъ Бѣлинскаго, «Русская Старина» 1875, томъ XV, стр. 347.

---

58) Полный текстъ сатиры А. Ѳ. Воейкова «Домъ сумасшедшихъ», съ разночтеніями по многимъ спискамъ, «Русская Старина» 1874, томъ IX, № 3, стр. 579.

59) Портретъ Воейкова. «Русская Старина» 1875, т. XII, стр. 591.

---

60) Неизданныя письма Загоскина, «Современное Обозрѣніе» 1868, № 2, стр. 284.

---

61) Замѣтки о Баратынскомъ и Огаревѣ, «Библіогр. Записки» 1859, стр. 632—634, и поправка ошибки объ «Огаревѣ», тоже изд. 1861, № 20, стр. 658—660.

---

62) Библіографическая замѣтка къ матеріаламъ для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича (П. Безсонова). «Наше Время» 1863, № 15, стр. 60.

---

63) Библіографическая замѣтка объ изданіяхъ стихотвореній Некрасова, «Отеч. Записки» 1863, № 9, отд. 2, стр. 2—3, примѣчаніе.

III. Некрологи.

64) А. Н. Аѳанасьевъ, «Русская. Старина» 1872, № 5, стр. 787—790.

65) М. Д. Хмыровъ, «Русск. Арх.» 1873, кн. 1, ст. CXXVIII—CXXXVII.

66) П. А. Бибиковъ. «Недѣля» 1875, № 47, стр. 1562—3.

67) В. С. Курочкинъ. «Всем. Иллюстрація» 1875, № 349, стр. 190—191.

68) А. К. Жуковскій (Е. Бернетъ). «Кн. Вѣстн.» 1865, № 10, стр. 206

IV. Статьи и замѣтки.

69) Списокъ оберъ-прокуроровъ св. синода. «Р. Арх.» 1866, № 4, стр. 601—607.

70) Къ исторіи лобнаго мѣста. «Русская Старина» 1870, № 1, стр. 462.

71) Афиша о концертѣ 1812 г. «Русская Старина» 1871, № 9, стр. 301—302.

72) Образчики стариннаго острословія: 1) «Служба» С. Г. Домашневу, директору академіи наукъ, и 2) Челобитная на него отъ ера. «Р. Арх.» 1872, № 10, стр. 2032—6.

73) О библіотекѣ В. Г. Анастасевича. «Голосъ» 1863, № 302 и 329.

74) По вопросу о литературной собственности. «Голосъ» 1868 № 119.

75) Наши книгопродавцы и издатели. «Кн. Вѣстн.» 1864, № 19.

76) О портретѣ А. С. Хомякова, работы академика И. П. Пожалостина. «Новое Вр.» 1879, № 1378 (30 дек.).

77) О портретѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, гравированномъ тѣмъ же художникомъ. «Голосъ» 1881, № 77 и «Русская Старина» № 5 (въ приложеніи).

V. Библіографическія изданія.

78) Книжный Вѣстникъ, съ 16 № 1864 г. и въ 1865 г., по 21 № включительно. Здѣсь, сверхъ указанныхъ въ настоящемъ спискѣ, много рецензій и замѣтокъ П. А. Ефремова, имъ не подписанныхъ.

79) Систематическая роспись книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ Ив. Ил. Глазунова, составлена за десятилѣтіе 1855—1866. Спб. 1867, 8°, XI и 497 стр.

80) Прибавленіе къ систематической росписи, за время съ іюля 1867 по февраль 1869. Спб. 1869, 8°, VIII и 184 стр.

81) Указатель къ «Православному Обозрѣнію» 1860—1870. М. 1872, 8°, VI и 244 стр., съ оглавленіемъ «Православнаго Обозрѣнія» за 1871 годъ.

82) Подъ его редакціей издана И. И. Глазуновымъ книга: «Матеріалы для исторіи русской книжной торговли». Спб. 1870. Книга эта была напечатана не для продажи, а для немногихъ любителей, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

VI. Рецензіи.

83) Извѣстіе о книгѣ Платона Аѳанацковича «Повѣсть краткая и достовѣрная о раскольникахъ», «Библіограф. Записки» 1859, стр. 637—641.

84) Тысячелѣтіе Россіи, бар. Вяч. Штейнгейля. Спб. 1862. «Отеч. Зап.». 1862, № 12, стр. 195—201, подъ заглавіемъ «Литература Новгородскаго тысячелѣтія».

85) Сборникъ для старообрядцевъ, Н. Попова. Москва. 1865. «Отеч. Зап.» 1864 № 5.

86) Словарь русскихъ писательницъ, кн. Н. Н. Голицына. «Кн. Вѣстн.» 1865, № 20, стр. 378—380.

87) Настольный словарь Толя. «Кн. Вѣстн.» 1864, № 17.

88) О переводахъ Гейне, въ изданіи Ѳ. Берга. «Кн. Вѣстн.» 1864, № 17, стр. 333—335 и «Искра» 1864, № 4, стр. 70—71.

89) Сочиненія Державина, подъ ред. Я. Грота, т. I. «Искра» 1864, № 16, стр. 246—248.

90) Русская историческая библіографія, сост. П. Ламбинымъ. «Книжный Вѣстникъ» 1865, № 8, стр. 153.

91) Отвѣтъ В. И. Межову, «Голосъ» 1865. № 162.

92) Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго. «Спб. Вѣдом.» 1872, № 316.

93) Христоматія Н. В. Гербеля «Русскіе поэты», «Спб. Вѣдом.» 1873, № 326.

94) Русскій граверъ Чемесовъ, изданіе Д. А. Ровинскаго. «Новое Время» 1878, № 799.

95) Живописная Россія. Рѣдкое изданіе 1837 года. «Росс. Библіографія». 1880. № 7, стр. 199—202.

Въ 1874 г., по засвидѣтельствованію членовъ комитета по изданію сборника «Складчина», П. А. Ефремовъ, сверхъ исполненія должности секретаря, приложилъ чрезвычайные труды по составленію, корректурѣ и наблюденію за печатаніемъ всего сборника «Складчина», за что и объявлена была ему благодарность общаго собранія литераторовъ («Русская Старина» 1875, т. XII, особое приложеніе, стр. 5).

VI.

Приводимые нами изданія, статьи, матеріалы, сообщенные П. А. Ефремовымъ, почти всѣ подписанные; но онъ еще не мало писалъ безъ подписи и подъ псевдонимами, напр. въ «Искрѣ», въ «Голосѣ», въ «Новомъ Времени», — списокъ этихъ статей можетъ составить развѣ самъ онъ; мы же съ своей стороны изъ статей и замѣтокъ, печатавшихся имъ въ «Искрѣ», въ добавокъ къ указаннымъ уже выше, можемъ отмѣтить:

96) Пятидесятилѣтній юбилей проф. Юркевича. 1863, № 19.

97) Пѣсни черныхъ славянъ (Аксаковъ, обвиняющій Краевскаго). 1863, № 26.

98) Разговоръ въ Новопалкинскомъ трактирѣ (Катковъ и Аскоченскій). 1863, № 35.

99) Опытъ словаря псевдонимовъ современныхъ русскихъ писателей. 1863, № 13.

100) Опытъ адреснаго стола современной руской литературы. 1863, № 21.

101) О писателяхъ «Зари». 1868, № 41.

102) Анекдоты Ив. Маслова и замѣтки П. О—на, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ появлявшіеся въ «Искрѣ».

Къ этому же разряду юмористическихъ статей относится и сдѣланное имъ вмѣстѣ съ М. Д. Хмыровымъ особое изданіе, которое впослѣдствіи онъ самъ считалъ, впрочемъ, своей «печальной ошибкою»:

103) Полное и обстоятельное собраніе подлинныхъ историческихъ, любопытныхъ, забавныхъ и нравоучительныхъ анекдотовъ четырехъ увеселительныхъ шутовъ Балакирева, Д'Акосты, Педрилло и Кульковскаго (изданіе П. А. Ефремова и М. Д. Хмырова). Спб. 1869. 12⁰, 196 стр.

Кромѣ этого длиннаго ряда работъ, совершенныхъ П. А. Ефремовымъ, въ который не вошла вѣроятно еще значительная доля анонимныхъ и псевдонимныхъ замѣтокъ и статей его, намъ извѣстно, что онъ содѣйствовалъ кн. А. И. Васильчикову въ печатаніи 3-го тома «Самоуправленія», помогалъ С. С. Дудышкину въ изданіи сочиненій Лермонтова 1863, приготовлялъ къ изданію еженедѣльникъ 1769 г. «Смѣсь», Записки адмирала С. И. Мордвинова, сочиненія Батюшкова, Грибоѣдова, Дельвига, И. И Дмитріева, кн. И. М. Долгорукаго, А. Измайлова, Капниста, Карамзина, Милонова, Муравьева-Апостола, Нахимова, Озерова, Сумарокова, наконецъ, предполагалъ издавать «Библіографическій Вѣстникъ»: но – или по независящимъ обстоятельствамъ, или по не поддержкѣ со стороны публики, эти изданія не осуществились, и это безконечно жаль, потому что не скоро дождемся мы такого редактора.

С. И. Пономаревъ.

Г. Конотопъ.
1882 г.

РОССІЯ ВЪ 1846 ГОДУ.

Посланіе въ стихахъ Якши-Могаммеда, туркменскаго старшины [1]).

Переводъ съ татарскаго.

I.

Стихотвореніе, въ которомъ исчисляются доблестныя качества Государя Императора.

Монархъ августѣйшій, мудрый и достойный всѣхъ похвалъ.

Первый Шашияшанъ на лицѣ земли,—увы! не даютъ мнѣ обратиться къ тебѣ съ моей просьбою!

Царь могущественный и несравненный! Небеса наполнены его именемъ.

Никто не смѣетъ ему противиться; лучи правосудія его подобны лучамъ солнца.

Одинъ кусокъ его бумаги ходитъ за тысячу тумановъ и горы трепещутъ отъ одного удара его.

Величественный и могущественный, какъ Искендеръ Зуль-Карнейнъ.

Пространство его владѣній — половина свѣта. Ему покровительствуетъ Царь Небесный.

Всѣ цари и падишахи свѣта повинуются его повелѣніямъ. Вся Индія и и султанъ Оттоманской имперіи, владѣтели Ирана, Турана и Туркестана, всѣ желаютъ узрѣть ликъ его.

Взоръ его свѣтлый и величественный. Онъ блеститъ своимъ правосудіемъ.

Онъ милостивъ и благосклоненъ къ своему народу. Нѣтъ ему подобнаго между смертными.

Отъ Персіи до Мекки и Медины, весь міръ трепещетъ предъ нимъ, и народы мусульманскіе за честь почитаютъ носить на шеѣ знакъ креста.

---

[1]) Въ этомъ стихотвореніи исчисляются доблестныя качества Николая Павловича. Къ стихотворенію приложены и просьбы Якши-Могаммеда къ государю. Въ заключеніи описываетъ онъ чиновниковъ государя.

Народы, живущіе въ землѣ Калмыковъ, жители Китая, Балха, Бадакшана и Кокана, а также Бухарцы и Хивинцы почитаютъ одно его слово кладомъ превыше всякаго богатства. Петербургъ и Москва столицы его имперіи. Въ великолѣпныхъ, мраморныхъ его дворцахъ, лѣстницы всѣ изъ золота. Душа его покойна; онъ не знаетъ печали и онъ твердою десницею управляетъ имперіею.

Владѣнія его простираются на двѣнадцать тысячъ верстъ и раздѣляются на шестьдесятъ губерній.

Онъ основалъ корпусы, подобные райскимъ обиталищамъ.

Можно ли исчислить народы и племена, покойно живущіе подъ высокою сѣнью его.

Въ его имперіи можно насчитать болѣе тысячи городовъ, и желѣзныя дороги строятся по всѣмъ направленіямъ.

Сто тысячъ кораблей, всегда вооруженныхъ, покрываютъ всѣ моря.

Окруженный многочисленными дѣтьми, онъ силенъ и непоколебимъ и всѣ желаютъ узрѣть ликъ его.

Персія и Турція вмѣстѣ не могутъ противиться его могуществу. Генераловъ, полковниковъ и бековъ безчисленное множество, а казармамъ счета нѣтъ.

Хорошо устроенныя войска вездѣ расположены на хорошихъ квартирахъ. Удивительны ихъ церкви и соборы, въ которые приходятъ молиться мущины и женщины, малые и большіе.

Въ имперіи триста тысячъ шестьдесять дворянъ; у каждаго изъ нихъ десять тысячъ крестьянъ. Народъ столь промышленный, что можно насчитать до милліона купцевъ.

Есть больницы и госпитали; но кто ихъ увидитъ, подумаетъ, что это рай!

Во всѣхъ владѣніяхъ великаго и гостепріимнаго государя чужестранецъ находитъ всегда лекарей и готовыя лекарства.

Солдатамъ его отпускается все, что имъ нужно.

Во дворцахъ есть сады, подобные садамъ Египта и выше всякаго описанія.

Мущины и женщины, всѣ жители сего благословеннаго края, живутъ въ счастіи и изобиліи.

Я, несчастный! сколько разъ прошенія подавалъ! Никто не далъ мнѣ добраго отвѣта. Отецъ мой служилъ тебѣ сорокъ лѣтъ, а я самъ двадцать пять лѣтъ. Я теперь умоляю сими стихами Государя Императора, можетъ быть онъ проститъ меня. Вотъ четыре года, какъ я обезславленъ. Девяносталѣтній отецъ мой умеръ при мнѣ въ темницѣ, а я самъ томлюсь въ несчастіи. Я трехъ сыновей своихъ отдалъ царю на службу. Теперь я изложу подробно мое горе.

Государь! внемли моей покорнѣйшей просьбѣ; о, государь правосудный! о ты моя надежда!

Создатель мой позволилъ, чтобы я, невинный, остался четыре года въ безчестіи.

Я съ 1814-го года началъ служить тебѣ; и не щадя себя проливалъ кровь свою за тебя.

Я преслѣдовалъ твоихъ враговъ и привелъ ихъ въ повиновеніе, и тѣмъ показалъ свою преданость.

Отецъ мой служилъ тебѣ въ теченіи сорока лѣтъ. Въ 1815-мъ году онъ послалъ меня.

Онъ не покорялся другимъ царямъ; пощади меня!

Во время Ртищева и Ермолова, я оказалъ услуги въ Хивѣ и въ Харезмѣ, я оказалъ свою преданность и остался вѣрнымъ тебѣ. Пощади меня, о государь!

Во время Паскевича и Розена земля и небеса наполнились твоимъ именемъ. Мы служили сорокъ лѣтъ. Прости меня, о государь! Пятнадцати лѣтъ я вступилъ къ тебѣ въ службу. Я захватилъ бѣглыхъ солдатъ и отправилъ ихъ обратно къ тебѣ, на свой счетъ. Я оказалъ услуги, но онѣ остались тебѣ неизвѣстными.

Девяносталѣтній мой отецъ былъ приведенъ обманомъ, и въ безчестіи; онъ множество денегъ истратилъ напрасно.

Онъ служилъ сорокъ лѣтъ, а это ему ни къ чему не послужило. Прости меня, о государь!

Онъ всю жизнь свою былъ тебѣ преданъ и онъ получилъ отъ тебя знакъ милости за свои заслуги; потомъ онъ остался въ Тифлисѣ и мнѣ не позволили представить никакого объясненія.

Я подалъ прошеніе и спросилъ: въ чемъ моя вина? Я четыре года томлюсь въ темницѣ.

Я трехъ сыновей своихъ далъ царю на службу. Узнай, о государь! объ ихъ положеніи!

Я съ того дня сдѣлался твоимъ подданнымъ съ моимъ семействомъ и моимъ народомъ.

Награди теперь мою вѣрность; будь милостивъ! даруй мнѣ жизнь, о государь!

Я несчастный! Никто не внемлетъ словамъ моимъ! ни къ чему не послужили моя вѣрность и преданность.

Врагъ окружилъ меня. Что мнѣ дѣлать? Онъ обманулъ меня; онъ меня привелъ и бросилъ въ темницу.

Онъ обезчестилъ меня, о государь! Я высказываю свои несчастія. Внемли голосу моему, о ты, моя надежда!

Я служилъ тебѣ въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ. Я солдатъ твоихъ отбилъ изъ рукъ непріятеля.

Я не щадилъ жизни своей; я подвергалъ себя опасностямъ и кровь свою за тебя проливалъ.

Я оказалъ тебѣ услуги; но это было въ дальной странѣ, и онѣ остались тебѣ неизвѣстными; я не могъ достигнуть цѣли моего желанія.

Я заглушилъ въ себѣ голосъ совѣсти и религіи, и въ полной довѣренности пришелъ по твоему желанію.

О государь, вознагради меня за мою вѣрность и преданность, — вознагради меня гласно, да услышатъ мои враги.

О государь! будь милостивъ и удовлетвори моимъ желаніямъ! Я всегда готовъ жертвовать своею жизнью за тебя!

Повели, чтобы меня привели къ тебѣ, дабы я могъ самъ объяснить тебѣ мое положеніе.

Я дамъ тебѣ на службу пять сыновей своихъ и готовъ буду жертвовать душею за тебя!

Осчастливь меня знакомъ милости твоей и тогда непріятели сами умолкнутъ.

Окажи мнѣ милость, о государь! Это послужитъ къ твоему могуществу.

Великолѣпенъ твой дворъ! Обрати на меня высокое твое вниманіе и прими меня въ твое подданство.

У меня есть еще нѣсколько родныхъ; я прошу за нихъ у тебя, о государь! Издалека посылаю къ тебѣ мою просьбу; пріими ее благосклонно, о государь! и я буду весь твой!

Вмѣстѣ со мною будутъ молиться за тебя мои дѣти и все мое семейство.

Внемли моей просьбѣ; прими меня на службу и даруй мнѣ приличное мѣсто.

Послѣднее желаніе мое узрѣть тебя. О государь! Ты вся моя надежда!

II.

Описаніе качествъ чиновниковъ.

Теперь я опишу ихъ начальниковъ, несправедливыхъ и взяточниковъ.

Я разскажу, какъ несправедливо они погубили вѣрнаго и преданнаго слугу, который въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ служилъ вѣрно и проливалъ свою кровь за царя. Я разскажу ихъ тайны и жестокіе поступки.

Ихъ беки злы, у нихъ нѣтъ вѣрнаго слова. Напиши сто просьбъ, ни одна не дойдетъ до мѣста назначенія.

Говори правду, они на тебя не обратятъ вниманія. Я не нашелъ правосудія и остался въ несчастіи; что мнѣ дѣлать?

Они, подъ ложными предлогами, навлекутъ на тебя подозрѣніе и захватятъ тебя; скажи имъ правду, они тебя возьмутъ и зарѣжутъ.

Если денегъ имъ не дашь, то дѣло твое не пойдетъ въ ходъ. Горе меня убило; что мнѣ дѣлать?

Если ты прошеніе подашь, то отвѣта не получишь; ихъ дѣло обманывать; у нихъ вѣрнаго слова нѣтъ.

Они хвастаются ложно и не стыдятся. Я правосудія не нашелъ; что мнѣ дѣлать?

Ихъ дворяне и чиновники, все одно; нѣтъ у нихъ правосудія, это дурно.

Напрасно окажешь ты услуги начальникамъ ихъ пароходовъ; за малѣйшее дѣло они отдадутъ подъ судъ и погубятъ тебя.

Ихъ графы и князья несправедливы, и самыя заслуги и преданность ни къ чему не служатъ.

Если бѣдный не даетъ имъ денегъ, то онъ не найдетъ правосудія. Ихъ начальники справедливости не знаютъ.

Нигдѣ нѣтъ людей образованныхъ; подозрѣвать можно, есть-ли люди учащіеся.

За одинъ грошъ они и вѣру продадутъ; ихъ начальники Бога не боятся.

Они законовъ не исполняютъ; они не дѣйствуютъ согласно съ повелѣніями царя.

Изъ тысячи начальниковъ, одинъ только денегъ не беретъ. Хорошихъ изъ нихъ мало, а нехорошихъ очень много.

За полученіе чина, удивительно! они берутъ двойное жалованье.

Вѣрность ни къ чему не служитъ. Къ чему законы, когда они ихъ не соблюдаютъ?

Туркмонъ-Ямутскій Ханъ Якши-Могаммедъ, отецъ трехъ сыновей, находящихся въ Дворянскомъ полку.

Примѣчаніе. Якша-Могаммедъ былъ задержанъ военными крейсерами на Каспійскомъ морѣ за безпорядки и грабежи, кои онъ съ нѣкоторыми туркменами производилъ на персидскихъ берегахъ, за что онъ въ 1845 году былъ отправленъ въ Воронежъ, гдѣ и находился подъ надзоромъ полиціи. Двое же изъ сыновей его въ 1843 году взяты въ Дворянской полкъ, въ Спб. Его стихотвореніе и прошеніе, пересланныя имъ сыновьямъ на татарскомъ языкѣ, были перехвачены и доставлены начальству Дворянскаго полка.

(Изъ бумагъ И. В. Чевкина).

Знаменательное число восемь въ жизни императора

Александра II.

При наступленіи 1-го марта, мысль невольно переносится къ воспоминанію о тѣхъ ужасахъ, которые такъ неожиданно посѣтили Россію въ минувшемъ году... Долго это злосчастное 1-е марта 1881 г. останется памятнымъ днемъ для всѣхъ русскихъ: также долго, какъ долго будутъ памятны всѣ великія дѣянія погибшаго въ этотъ день императора.

Чѣмъ-то страннымъ и таинственнымъ вѣетъ теперь, — по прошествіи года,—отъ этого печальнаго событія и даже несуевѣрный человѣкъ способенъ видѣть въ немъ—нѣчто глубоко роковое. На эту мысль также наводятъ, помимо воли, тѣ знаменательныя цифры, которыя, какъ извѣстно, играли такую необъяснимую роль въ жизни многихъ историческихъ лицъ.

Въ „Русской Старинѣ" 1881 г. уже были помѣщены двѣ статьи о значеніи числа 8 въ жизни покойнаго Государя, но онѣ не вполнѣ еще исчерпали значеніе этого числа и въ достопамятныхъ случаяхъ жизни Государя оно повторяется несравненно большее число разъ, а потому въ дополненіе къ сообщенному уже, не безъинтересно будетъ прибавить еще слѣдующія выкладки.

Императоръ Александръ Второй былъ восьмымъ императоромъ Россіи [1].

Имя Александръ состоитъ изъ 10 буквъ и вычтя изъ нихъ эпитетъ II-й, т. е. двѣ цифры, получаемъ 8.

Родился 17 апрѣля, 1 + 7 = 8, 1818 года; цифра 8 какъ въ году рожденія, такъ и въ году кончины повторяется два раза и цифры однѣ и тѣ же.

Вступилъ въ бракъ 28 апрѣля.

Вступилъ на престолъ 19 февраля, 1 — 9 = 8, 1855 г. Сумма чиселъ этого года опять таки равняется 19, т. е. 1 — 9 = 8.

Короновался 26 августа, 2 + 6 = 8, и августъ восьмой мѣсяцъ въ году.

Освобожденіе крестьянъ 1861 г., сумма чиселъ года равна 16, т. е. 8+8.

Скончался 1881 г. на 26 году царствованія 2 + 6 = 8.

1-е марта въ прошломъ году было восьмымъ днемъ Великаго поста. Съ наступленія этого роковаго дня, т. е съ 12 часовъ ночи и до момента кончины, 4 часовъ пополудни, протекло 16 часовъ, 8 + 8.

Первое покушеніе на жизнь Государя происходило 4-го апрѣля, т. е. 4-го числа 4-го мѣсяца.

Взрывъ на Курской дорогѣ 19 ноября, 1 — 9 = 8; остальныя же покушенія шли слѣдующимъ порядкомъ:

Соловьевъ стрѣлялъ . . .	2 апрѣля.
Взрывъ дворца	7 февраля
	7

[1]) Считая Ивана Антоновича.

и не смотря на весь ужасъ этихъ покушеній, Государь оставался невредимъ до тѣхъ поръ, пока роковое 1-е марта не дополнило эту цифру 7 и не составило вмѣстѣ съ нею сумму = 8.

Еще интереснѣе: сложивъ цифру 8 шесть разъ, мы получимъ 48 и это послѣднее число составитъ сумму дней, не дожитыхъ Государемъ до 64 лѣтъ, т. е. до того момента, когда число его лѣтъ представило бы произведеніе восьми, помноженныхъ на восемь

$$8 \times 8 = 64.$$

Замѣтимъ еще слѣдующее:

Складывая 17-е, день рожденія,
19 е—вступленіе на престолъ,
26-е—коронація,
1-е—кончина,

Получаемъ 63 — сумму лѣтъ, прожитыхъ покойнымъ Государемъ.

С. И. Романовъ.

Кто авторъ стихотворенія: „Портретъ“?

Въ іюнской книгѣ 1881 г. „Русской Старины“ (стр. 300—306) напечатано большое стихотвореніе: „Портретъ“, съ оговоркою, что оно вышло изъ-подъ пера неизвѣстнаго автора. Дѣйствительно, названное стихотвореніе, изображающее въ яркомъ видѣ А. И. Тургенева, прежде было помѣщено въ „Литературной Газетѣ“ (1840 г. № 11, отъ 7-го февраля, стр. 248—252) безъ всякой авторской подписи. Но, кажется, нѣтъ никакого препятствія считать авторомъ этого стихотворенія Бориса Михайловича Өедорова. Къ такому признанію приводятъ слѣдующія строки изъ письма самаго А. И. Тургенева: „Благодаря Борису Михайловичу, какъ мною здѣсь (въ Москвѣ) всѣ восхищались; къ сожалѣнію, оригиналъ разочаровалъ ихъ“ („Русская Старина“ 1881 г., кн X, стр. 342).

Димитрій Языковъ.

Къ воспоминанію П. В. Алабина о Голевѣ.

I.

Въ журналѣ „Русская Старина“ изд. 1881 года, книга IV-я, напечатанъ біографическій очеркъ Н. П. Голева, составленный П. В. Алабинымъ, въ которомъ, между прочими разсказами Н. П. Голева автору статьи, включено повѣствованіе о появленіи въ 1830 году чумной эпидеміи въ крѣпости Силистріи. Разсказъ Голева о причинахъ Силистрійской чумы разъясняетъ:

Что бывшій въ то время комендантомъ крѣпости, инженерный генералъ Руппертъ, выдалъ въ войска деньги на заготовленіе дровъ, на топливо, приготовленіе пищи и печеніе хлѣба, а въ войскахъ гарнизона распорядились

таскать доски на дрова изъ могилъ турецкихъ кладбищъ, отъ чего и началась чума въ одной изъ ротъ Томскаго полка, въ которомъ служилъ тогда И. П. Голевъ.

Что полковой докторъ Томскаго полка Лукинъ призналъ эту болѣзнь гастрическою горячкою, вслѣдствіе чего не принято было должныхъ мѣръ противъ заразы, и она распространившись при большой скученности въ городѣ и крѣпости войскъ и жителей, унесла множество жертвъ; докторъ же Лукинъ, будучи затѣмъ главнымъ врачемъ въ чумномъ отдѣленіи госпиталя, пьянствовалъ тамъ до того, что обратился въ подобіе звѣря. И наконецъ, что генералъ Киселевъ, бывшій тогда предсѣдателемъ livановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, прислалъ въ Силистрію множество слѣдователей, которые однакожъ не могли остановить эпидеміи.

При началѣ чумной болѣзни въ войскахъ гарнизона Силистріи, осенью, 1830 года, я былъ въ должности адъютанта (дѣлопроизводителя) въ управленіи крѣпостію генерала Рупперта [1]), и потому считаю себя вправѣ, какъ бывшій очевидецъ событій, заявить, что разсказъ И. П. Голева о причинѣ появленія чумной заразы въ бытность Рупперта военноначальникомъ [2]) крѣпости, далекъ отъ истины; Томскій полкъ даже не былъ тогда въ составѣ силистрійскаго гарнизона; были только егерскіе полки 33-й и 34-й, смѣнившіе полки нынѣшней 11-й дивизіи, ушедшей въ Россію; къ одному изъ нихъ, именно Камчатскому, я имѣлъ честь принадлежать.

Распоряженія о выдачѣ денегъ въ войска на заготовленіе дровъ при военно-начальникѣ Руппертѣ не было; войскамъ гарнизона предоставлено было заготовлять дрова хозяйственнымъ способомъ въ лѣсахъ крѣпостнаго района, который простирался въ кругъ крѣпости Силистріи на 15 верстъ и изобиловалъ дровянымъ лѣсомъ.

Чумная болѣзнь обнаружилась первоначально въ одной изъ частей военнорабочаго баталіона, строившаго бараки для войскъ, у бастіоновъ крѣпости, причемъ копались ямы для столбовъ; рабочіе, какъ было дознано, задѣли при этомъ случаѣ могилу, и изъ нея вытащили кусокъ шелковой или бумажной ткани, съ погибшаго конечно прежде отъ чумы. Заболѣванія чумою происходили больше въ войскахъ; между жителями рѣдко, по малочисленности ихъ. Скученности войскъ въ крѣпости, она-жъ и городъ составляла, не было; войска съ появленіемъ болѣзни выведены были въ землянки внѣ крѣпости, тогда же устроенныя, что весьма допускала теплая осень.

Отдѣленіе госпиталя для заболѣвающихъ чумою было устроено тогда же внѣ крѣпости; имъ завѣдывалъ докторъ трезвый и дѣятелвный, что доказывалъ порядокъ, который мнѣ случалось лично видѣть.

Слѣдователей о причинахъ болѣзни въ Силистріи, присланныхъ генераломъ Киселевымъ, по разсказу Голева, во множествѣ, не было; пріѣзжалъ только изъ Бухареста казачій войсковой старшина (маіоръ) Буюровъ и съ нимъ два медика.

Генералъ Руппертъ выбылъ изъ Силистріи въ ту же осень 1830 года; его замѣнилъ инженерный генералъ Ольденбургъ, при которомъ я оставался въ

---

[1]) Генералъ Руппертъ впослѣдствіи былъ Иркутскимъ генералъ губернаторомъ.

[2]) Комендантъ былъ особо въ крѣпости: въ подчиненіи военно-начальника.

В.-С.

сказанной выше моей должности въ Силистріи, до весны 1831 года; и во все это время Томскій полкъ въ Силистріи не былъ. Эпидемія продолжалась всю зиму 1830—1831 года, а къ веснѣ послѣдняго начала ослабѣвать. Противурѣчія въ разсказѣ И. П. Голева о Силистрійской чумѣ невольно наводятъ на мысль, что и разсказъ его о событіяхъ при Высочайшемъ смотру войскъ въ 1823 году подъ Тульчиномъ, въ очеркѣ П. В. Алабина помѣщенный, что пьяные солдаты стрѣляли въ экипажи зрителей, чему противорѣчатъ очерки Басаргина, требуетъ большаго подтвержденія. Мы оба съ Голевымъ начали одновременно, въ 1823 году, службу въ войскахъ, бывшихъ на смотру подъ Тульчиномъ, и я ничего подобнаго изъ разсказанныхъ имъ событій, не видѣлъ, и объ нихъ не слышалъ. Самое начало разсказовъ И. П. Голева, въ очеркѣ помѣщенныхъ, обнаруживаетъ, что и еще нѣкоторыя обстоятельства переданы не вѣрно, какъ напримѣръ: что онъ при выпускѣ изъ школы поступилъ на службу въ Томскій Егерскій полкъ 16-й дивизіи, между тѣмъ полкъ этотъ наименованъ Егерскимъ только въ 1833 году при упраздненіи номерныхъ Егерскихъ полковъ и состоялъ до того не въ 16-й, а въ 17-й дивизіи.

Трудно также допустить правдоподобность разсказа, въ томъ же очеркѣ помѣщеннаго, объ отвѣтѣ генерала Корнилова фельдмаршалу Витгенштейну, что окружающіе фельдмаршала перекарбонарились; такой отвѣтъ не могли допускать вѣжливость со стороны приглашеннаго къ обѣду, да и самыя служебныя отношенія генерала къ фельдмаршалу.

Варунъ-Севретъ.

Г. Кіевъ.
Декабря 20 дня.
1881 года.

II.

Бельгарды.

Въ „Русской Старинѣ“, апрѣль, изд. 1881 г. помѣщена статья П. В. Алабина объ одномъ изъ Севастопольскихъ героевъ Ив. П. Голевѣ.

Послѣ первыхъ же словъ статьи, г-нъ Алабинъ дѣлаетъ выноску, въ которой перечисляетъ, остающихся въ живыхъ, дѣятелей обороны Севастополя и между ними командира Украинскаго полка А. А. Бельгарда.

Изъ 3-хъ братьевъ Бельгардъ, въ настоящее время находится въ живыхъ Валеріанъ Алекс., членъ комитета о раненыхъ, живущій въ Петербургѣ. Въ войну 1855 г. онъ не былъ въ Крыму, а находился со своею частію въ Ригѣ. Оба брата его, Александръ и Карлъ Александровичи, были въ дѣлѣ при Черной рѣчкѣ, гдѣ первый палъ геройскою смертію, о чемъ было говорено и писано не мало и имя его красуется въ храмѣ, воздвигнутомъ въ Севастополѣ на сто тысячномъ кладбищѣ. Что касается до Карла Александровича, то онъ не былъ даже и раненъ въ этомъ дѣлѣ и продолжалъ свое служеніе, съ перерывомъ впрочемъ, окончивъ дни свои въ Калишѣ, въ 1868 году, въ должности командующаго калишскимъ отдѣломъ.

Н. Тресвинъ.

Воронежъ.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ТОЛСТОЙ,

ПИСЬМО ЕГО КЪ М. П. АРНОЛЬДИ.

Флоренція, via Feruccio, 5. 11 марта. 1875

„Многоуважаемый Михаилъ Петровичъ [1]), сердечно благодарю тебя за ржаные сухари, которые только что получилъ. Я уже думалъ, что ты забылъ свое обѣщаніе—и посрамился!

Ропща на прихоти судебъ,
И въ испытаньяхъ малодушный,
Я ждалъ насушенный твой хлѣбъ,
Какъ ожидаютъ хлѣбъ насущный.

Мой легкомысленный животъ,
Съ неблагодарностью кухарокъ
Винилъ въ забвеньи васъ—и вотъ
Приносятъ съ почты вашъ подарокъ!

О кто опишетъ, господа,
Его эффектъ животворящій!
Краснѣй, краснѣй-же отъ стыда,
Мой всяку дрянь животъ варящій!

Склони, въ смущеніи, свой взоръ,
Животъ, на этотъ коробъ хлѣбный,
И пой вседневно съ этихъ поръ
Его творцу канонъ хвалебный!

„Да не коснется злая боль,
„Ни рѣзь его пищеваренья!
„Да обрететъ онъ въ жизни соль
„И смыслъ въ житейскомъ треволненіи!

---

[1]) Михаилъ Петровичъ Арнольди—давній житель Ниццы, человѣкъ весьма обязательный, хорошо знакомый многимъ русскимъ посѣтителямъ Ниццы. Супруга М. П. Арнольди, Нина Александровна,—талантливый авторъ весьма интереснаго романа «Василиса», неизвѣстно почему не пропущеннаго въ старые годы нашею цензурою, и потому напечатаннаго за границею. Ред.

„Да посрамятся передъ нимъ
„Его враги ошибкой грубой!
„Какъ этотъ хлѣбъ несокрушимъ,
„Да сокрушаетъ ихъ онъ зубы!

„Его главы да минетъ рокъ,
„И да живетъ онъ долговѣченъ,
„Какъ этотъ хлѣбъ, что внукамъ въ прокъ
„Предусмотрительно испѣченъ!

„Это только для риторики, ибо въ самый вечеръ полученья, отъ него не осталось и слѣда: мы его сокрушили съ жадностью акулы и горько сожалѣли, что ты не прислалъ болѣ. Скажи, пожалуйста, у васъ ли въ домѣ онъ приготовляется, или вы получаете его изъ Аѳинъ? Въ первомъ случаѣ я прибѣгнулъ бы къ твоему великодушію, прося прислать мнѣ еще; во второмъ прибѣгну къ великодушію Бутакова.

„Ты забылъ прислать мнѣ музыку гр. Апраксина на одно изъ моихъ стихотвореній. Пожалуйста пришли! За симъ еще разъ благодарю, цѣлую ручки Нины Александровны и остаюсь искренно благодарный

Ал. Толстой.

„Братьямъ Васильчиковымъ прошу сердечно поклониться обоимъ".

Примѣчаніе. Печатая это милое, шутливое письмецо одного изъ талантливѣйшихъ и симпатичныхъ поэтовъ и писателей, мы искренно жалѣемъ, что множество прелестнѣйшихъ шутливыхъ поэмъ, сатиръ и шутокъ—гр. А. К. Толстаго, Богъ вѣсть почему до сихъ поръ либо бродитъ въ рукописяхъ, либо печатается только за границей. Ред.

ПОРТРЕТЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

изданные въ 1842—1856 гг.

Въ концѣ перваго тома сочиненій Лермонтова 1873 года, изданныхъ подъ редакціей П. А. Ефремова, приложена (стр. 382—394) первая систематически составленная, весьма полная библіографія сочиненій Лермонтова, статей о немъ и о его сочиненіяхъ, и тутъ-же подъ № IV, стр. 392—394: Портреты и рисунки; затѣмъ въ „Русской Старинѣ" 1875 г. т. XIV, № 9, стр. 66—68, другая статья П. А. Ефремова, также о портретахъ Лермонтова. Какъ въ первой, такъ и во второй статьѣ П. А. Ефремовъ опредѣляетъ время появленія перваго литографированнаго портрета Лермонтова 1856 годомъ; именно: изданіе сочиненій 1873 года, стр. 393: а.) Литографія in 8° (Pohl) была приложена къ изд. сочиненій 1856 г.; въ „Русской Старинѣ", стр. 66: Съ этого оригинала (портрета, сдѣланнаго художникомъ К. А. Горбуновымъ) появились многочисленныя литографіи и политипажи, а наконецъ и гравюра Ѳ. Іордана (1859 г.), прилагавшіяся къ изданіямъ сочиненій Лермонтова съ 1856 по 1863 г. и т. д. Слѣдовательно,изъ вышесказаннаго нельзя не вывести заключенія: что первый литографированный портретъ Лермонтова явился только при четвертомъ изданіи его сочиненій, 1856 года, и что съ того времени портрета Лермонтова не было. Но это не такъ.

Портреты Лермонтова были приложены къ изданіямъ 1842 и 1847 г., и вѣроятно и къ изданію 1852 г.—Я имѣю въ своей библіотекѣ экземпляръ изданія 1842 г.; въ немъ къ первой части приложенъ литографированный портретъ Лермонтова, въ армейскомъ мундирѣ, съ шашкою, 3/4 вправо, а подъ портретомъ грифъ: М. Лермонтовъ. Тотъ же портретъ я видѣлъ и въ другомъ экземплярѣ, принадлежащемъ В. В. Никольскому, который былъ мнѣ обязательно сообщенъ для просмотра. — Портретъ этотъ тотъ же, что и приложенный къ изданію 1860 г., но нѣсколько меньше и похуже сдѣланъ; случайно достался мнѣ и второй экземпляръ того же портрета, но о немъ скажу ниже. Въ изданіяхъ 1847, 1852 и 1856 г., моей библіотеки, портретовъ Лермонтова нѣтъ, но такъ какъ всѣ три изданія пріобрѣтены у букинистовъ, то полагать надо, что портреты вырваны. Желая удостовѣриться вполнѣ, были ли приложены портреты къ этимъ тремъ изданіямъ, я обратился въ наше отечественное книгохранилище, т. е. въ Императорскую публичную библіотеку—что же оказалось? и тамъ всѣ три изданія безъ портретовъ! Вырваны. Я этимъ не удовольствовался и сталъ розыскивать полные экземпляры этихъ изданій; 1852 и 1856 такъ и не нашелъ, но за то добылъ интересный экземпляръ изданія 1847 г. (Смирдинское), исторія котораго была мнѣ хорошо извѣстна, такъ какъ я его имѣлъ неоднократно въ рукахъ въ 1848 и 1849 годахъ,—время, когда мы, молодежь сороковыхъ годовъ, зачитывались Лермонтовымъ. Одинъ изъ моихъ товарищей В. В. К...ъ подарилъ моей родственницѣ полное (въ буквальномъ смыслѣ этого слова для 1848 г.) собраніе сочиненій Лермонтова 1847 г., и для достиженія полноты прибавилъ портретъ изданія 1842 г. и къ концу перваго тома приложилъ тетрадку почтовой бумаги, въ которую вписалъ: 1) Пропущенныя мѣста изъ поэмы Демонъ; 2) Одиннадцать стихотвореній (изъ альбома Е. А. Сушковой), изъ Библіотеки для чтенія 1844 г.,

томъ LXIV, № 5 и 6; 3) Три стихотворенія изъ „Молодика“ 1844 года; всѣ эти стихотворенія почему-то не попали въ смирдинское изданіе. Такимъ образомъ этотъ экземпляръ представлялъ въ то время все извѣстное изъ сочиненій Лермонтова, и къ нему приложены два портрета Лермонтова Одинъ, какъ я уже выше сказалъ, изъ изданія 1842 г.; другой—тоже литографія, какъ полагать надо тоже сдѣланный съ портрета художника К. А. Горбунова, тоже въ армейскомъ мундирѣ, съ шашкой, ³/₄ вправо, но подъ портретомъ не грифъ, а напечатано: М. Ю. Лермонтовъ. Портретъ этотъ отличается отъ приложеннаго къ изданію 1842 г. въ слѣдующемъ: 1) На М. Ю. Лермонтовѣ надѣта бурка, которая свисла съ праваго плеча; 2) Рукоятка шашки на портретѣ 1842 г. подъ четвертой пуговицей мундира, а въ этомъ портретѣ закрываетъ третью пуговицу; 3) Портупея во второмъ расположена дальше отъ плечеваго погончика, чѣмъ въ первомъ; 4) Галстучный узелъ различно сдѣланъ, и наконецъ, 5) Лице поэта другое, хотя нѣсколько напоминаетъ портретъ 1842 г. На второмъ портретѣ, въ лѣвомъ углу, подпись П. Б., а на первомъ подписи художника совсѣмъ нѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что до 1856 года, было два литографированныхъ портрета нашего поэта, такъ какъ я положительно помню, что имѣлъ это изданіе въ рукахъ въ 1849 году. Но тутъ является другой вопросъ: сдѣлана ли вторая литографія съ какого нибудь другаго портрета Лермонтова, или же просто по фантазіи художника, онъ украсилъ буркой портретъ, писанный К. А. Горбуновымъ, и сдѣлалъ въ немъ означенное выше измѣненіе. Экземпляръ этотъ изданія 1847 года, находится теперь у меня.

Здѣсь же кстати можно возбудить и другой библіографическій вопросъ по поводу изданія сочиненій Лермонтова. Въ 1865 г. издатель А. И. Глазуновъ издалъ отдѣльно: Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова М. Ю. Лермонтова (1837) съ двѣнадцатью рисунками г. Шарлеманя и съ новымъ портретомъ Лермонтова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ, С. П. Б· 1865 г., въ 4 д. л., стр. 39 и 1 ненумер. Дозволено цензурою, 31-го октября 1864 года. Рисунки: 1) стр. 6—Угощеніе боярина Матвѣя Ромадановскаго и бѣлолицей боярыни; 2) стр. 8—Обращеніе Царя Ивана къ Кирибѣевичу; 3) стр. 12—портретъ Алены Дмитріевны; 4) стр. 18—Возвращеніе Алены Дмитріевны домой; 5) стр. 22—Молодой опричникъ цалуетъ Алену Дмитріевну; 6) стр. 25—Купецъ Калашниковъ совѣтуется съ братьями; 7) стр. 28—Царь Иванъ вызываетъ бойцовъ; 8) стр. 31—Кирибѣевичъ и Калашниковъ передъ боемъ; 9) стр. 34—Объясненіе Калашникова царю Ивану послѣ боя; 10) стр. 36—Передъ казнью Калашникова; 11) стр. 38—Могила Калашникова, а двѣнадцатаго рисунка нѣтъ. Пѣсня про Царя Ивана Васильевича и т. д. была отдѣльно издана еще три раза, той же фирмой, въ 1866, 1872 и 1881 годахъ, въ 8 д. л., дешевое изданіе для народа (цѣна 5 коп.) и на заглавномъ листѣ каждаго изъ этихъ изданій, обозначено: съ двѣнадцатью картинками, а оказывается ихъ только одиннадцать. Была ли двѣнадцатая картинка вовсѣ не нарисована г. Шарлеманемъ, или же она не попала въ книжку по причинамъ, отъ издателя независящимъ?

В. К. Шульцъ.

Спб.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АРКАДІЕВИЧЪ СУВОРОВЪ.

I.

Однимъ русскимъ человѣкомъ хорошимъ, очень хорошимъ стало меньше.

Въ $8^3/_4$ часовъ вечера, въ воскресенье, 31-го января 1882 года скончался въ С.-Петербургѣ князь Италійскій графъ Александръ Аркадіевичъ Суворовъ-Рымникскій.

Носитель славнѣйшаго въ военной лѣтописи Россіи имени, князь Александръ Аркадіевичъ всею жизнію своею стяжалъ себѣ славу добрѣйшаго, честнѣйшаго и безкорыстнаго человѣка.

Онъ былъ человѣкъ въ наилучшемъ смыслѣ этого слова.

Сотни, тысячи, десятки тысячъ лицъ обоего пола и всѣхъ состояній обращались къ нему, въ теченіе его жизни, съ просьбами и всегда дверь его жилища и готовое на все доброе его сердце были отверсты предъ ищущими его помощи, его покровительства. Заслуги его государству взвѣситъ и оцѣнитъ на ряду со всѣмъ добромъ имъ содѣяннымъ русскому обществу, русскимъ людямъ, его жизнеописатель-историкъ.

Исторія не забудетъ, что лучшіе годы минувшаго царствованія, 1861—1866 гг., годы полные возрожденія мысли русской, слова русскаго, жизни русской, совпали съ временемъ генералъ-губернаторства въ Петербургѣ князя Италійскаго графа А. А. Суворова-Рымникскаго.

Русское общество далеко не такъ богато высоко нравственными. вполнѣ чистыми душевными качествами согражданами, чтобы не чувствовать всю тяжесть утраты людей, подобныхъ кн. А. А. Суворову.

Вотъ почему «Русская Старина», свято сохраняющая на своихъ страницахъ память о наидостойнѣйшихъ русскихъ людяхъ, посвятитъ нѣсколько воспоминаній—жизни, дѣятельности, характеристикѣ князя А. А. Суворова. Ред.

II.

Воспоминаніе его товарища по службѣ.

Я зналъ покойнаго князя Александра Аркадіевича съ первыхъ шаговъ вступленія его на поприще службы Воспитанный въ чужихъ краяхъ въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній, онъ прибылъ въ Россію въ 1824 году, и поступилъ юнкеромъ въ конно-гвардейскій полкъ. Жизнь среди нѣмецкихъ студентовъ при пылкомъ и впечатлительномъ характерѣ не могла не отразиться на немъ при совершившихся въ Петербургѣ событіяхъ 14-го декабря 1825 года.

Служа въ одномъ полку съ талантливымъ поэтомъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, онъ былъ легко вовлеченъ въ тайное общество, и хотя въ самый день вспыхнувшаго возмущенія находился въ рядахъ полка, внезапно вызваннаго на сенатскую площадь графомъ Милорадовичемъ, но по душѣ и чувству, не могъ считать себя постороннимъ отъ заговора [1]). Когда же, послѣ тщетныхъ усилій возвратить мятежниковъ къ законному долгу, новый императоръ рѣшился прибѣгнуть къ пушечнымъ выстрѣламъ, когда наконецъ мятежники были обращены въ бѣгство, и самъ Царь уже поздно вечеромъ, возвратясь въ Зимній дворецъ, лично выслушивалъ объясненія приведенныхъ къ нему захваченныхъ лицъ—князь Суворовъ, движимый упрекомъ совѣсти, добровольно явился къ Государю и съ полнымъ чувствомъ раскаянія принесъ повинную голову.

— «Не хочу вѣрить, сказалъ Императоръ, чтобы внукъ знаменитаго русскаго полководца могъ быть когда либо измѣнникомъ».

И съ этой минуты, участь его была рѣшена. Избавленный отъ суда, онъ былъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ въ то время начальствовалъ еще знаменитый А. П. Ермоловъ; молодой Суворовъ былъ произведенъ въ офицеры [2]) и вскорѣ сдѣланъ флигель-адъютантомъ.

Съ этого времени дѣлается онъ лицемъ близко приближеннымъ къ Государю, и въ теченіи всего турецкаго похода 1828 года постоянно состоитъ при немъ, исполняя самыя довѣренныя порученія. Въ осадѣ подъ крѣпостью Варны раздѣляетъ онъ жизнь Государя на кораблѣ «Парижъ», безсмѣнно сопровождаетъ его при всѣхъ поѣздкахъ на берегъ для осмотра войскъ. и наконецъ послѣ паденія Варны совершаетъ съ Государемъ на томъ же кораблѣ обратное путешествіе въ Россію.

Здѣсь встрѣтился отличительный случай, о которомъ слѣдуетъ упомянуть: плаваніе по Черному морю для парусныхъ судовъ, изъ которыхъ исключительно составленъ былъ флотъ нашъ въ 1828 году, нерѣдко сопряжено съ опасностью въ бурное осеннее время. Отплывъ изъ Варны уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, корабль, на которомъ находился Государь, былъ застигнутъ сильнымъ штормомъ на высотѣ устьевъ Дуная, и какъ извѣстно, что здѣсь море образуетъ сильное теченіе по направленію къ Константинополю, то судно могло быть легко

[1]) О нахожденіи на Сенатской площади въ день 14-го декабря конногвардейскаго полка и объ участіи въ дѣйствіяхъ его противъ мятежниковъ покойный кн. А. А. Суворовъ-Рымникскій помѣстилъ весьма интересный разсказъ въ январьской книгѣ „Русской Старины" изд. 1881 г., стр. 205 –210.

[2]) Произведенъ въ корнеты 1-го янв. 1826 г См. „Записки кн. Н. С. Голицына" въ „Русской Старинѣ" 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 612.

увлечено къ Турецкой столицѣ. Чтобы избѣгнуть столь гибельнаго положенія, не оставалось другаго средства, какъ броситься далѣе отъ береговъ въ открытое море, причемъ буря все болѣе и болѣе усиливалась Командиръ корабля, извѣстный адмиралъ Папа-Христо, велѣлъ привязать себя къ мачтѣ, и съ рупоромъ въ рукахъ въ теченіи болѣе сорока восьми часовъ не покидалъ своего мѣста. Въ эти крайне тревожныя минуты, когда жизни Русскаго Царя угрожала очевидная опасность, князь Суворовъ, не замѣчая присутствія Государя, со свойственной ему благородной откровенностью, позволилъ себѣ сказать окружающимъ слѣдующія слова: «Если бы Провидѣніе чаще посылало подобныя испытанія земнымъ владыкамъ, то это было бы полезно для нихъ» [1]). Государь, услышавъ эти слова, не только не разсердился, но добродушно замѣтилъ: «Суворовъ вѣчно уроки мнѣ даетъ».

Милостивое расположеніе Государя къ князю Суворову не измѣнялось въ теченіи всего царствованія и выразилось быстрымъ его повышеніемъ въ чинахъ и должностяхъ. Назначенный командиромъ гренадерскаго полка имени его знаменитаго дѣда, онъ вскорѣ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и уже въ этомъ чинѣ призванъ къ исправленію должности генералъ-губернатора въ Остзейскихъ губерніяхъ, которыми управлялъ онъ въ теченіи 14-ти лѣтъ. Хотя эта должность невольно удаляла князя отъ двора, онъ не менѣе того продолжалъ быть всегда близкимъ лицемъ къ Престолу, имѣя много случаевъ оказывать добро. Многіе изъ несчастныхъ сохранятъ конечно, вѣчную къ нему признательность и для примѣра, я могу разсказать то, что сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ въ 1840-хъ годахъ. Генералъ П........ завѣдывавшій коммисаріатомъ былъ преувеличенно обвиненъ военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ въ дурномъ заготовленіи вновь вводимыхъ касокъ для войскъ и преданный суду разжалованъ и сосланъ рядовымъ въ одинъ изъ крѣпостныхъ гарнизоновъ. Несчастный П........ домогался одной милости быть переведеннымъ на Кавказъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, и въ этомъ смыслѣ рѣшился обратиться съ письмомъ къ Государю;

---

[1]) Мы слышали, что слова эти были сказаны на кораблѣ Парижъ по слѣдующему случаю. Императоръ Николай, встревоженный опасностью, въ которой находился корабль и его экипажъ невольно сталъ отдавать приказанія, но командиръ корабля адмиралъ Папа-Христо смѣло остановилъ Государя, напомнивъ ему, что на кораблѣ, онъ, адмиралъ, есть полный хозяинъ, на немъ одномъ лежитъ отвѣтственность за спасеніе корабля и надъ нимъ только Господь Богъ. Императоръ внялъ справедливому слову командира, сославшагося на законъ, и не вмѣшивался болѣе въ его распоряженія.
Ред.

тщетно старался онъ черезъ окружающихъ Государя представить свою просьбу, въ чемъ было отказано ему самыми высоко поставленными лицами, и только одинѣ князь Суворовъ принялъ на себя эту обязанность. Пріѣхавъ во дворецъ и не имѣя возможности лично вручить письмо Государю, принимавшему въ это время одного изъ иностранныхъ посланниковъ, онъ вызвалъ камердинера и поручилъ ему положить письмо прямо на письменный столъ Государя, не говоря, кѣмъ оно было доставлено. Черезъ нѣсколько дней получаетъ князь Суворовъ приглашеніе къ обѣду во дворецъ, за которымъ между прочимъ самъ Государь завелъ разговоръ о найденномъ имъ на своемъ столѣ письмѣ, выразивъ настоятельное желаніе узнать, кѣмъ могло быть оно ему доставлено; когда же, князь Суворовъ смѣло призналъ себя виновнымъ въ томъ, и на вопросъ Государя дѣйствительно ли находитъ онъ просьбу пострадавшаго П……. справедливой, князь твердо отвѣчалъ:

— «Не только справедливой, ваше величество, сказалъ онъ, но я даже нахожу, что генералъ П…. слишкомъ строго и несоотвѣтственно винѣ его наказанъ.

«И ты точно убѣжденъ въ этомъ?» повторилъ государь.

— Вполнѣ, ваше величество, было смѣлымъ отвѣтомъ князя Суворова, и тогда государь милостиво взглянувъ на него, произнесъ:

— «Быть по твоему».

Послѣдствіемъ сего было возвращеніе П…. перваго офицерскаго чина, отправленіе его на Кавказъ, гдѣ въ весьма короткое время было исходатайствовано ему окончательное прощеніе и возвращеніе въ столицу съ прежнимъ чиномъ генерала.

Вотъ черты, вѣрно рисующіе характеръ и качества покойнаго князя Суворова.

Всегда смѣлый на правду, откровенный въ мысляхъ и словахъ, онъ сохранилъ эти отличныя свойства до самыхъ послѣднихъ дней. Занимая при дворѣ и въ средѣ царской семьи исключительное положеніе, онъ при всѣхъ условіяхъ придворной жизни, умѣлъ соединять утонченность свѣтскаго человѣка съ благородствомъ и прямодушіемъ солдата, и этими качествами можно только объяснить ту общую любовь и ту популярность, которыми онъ пользовался въ теченіи всей своей жизни.

Дай Богъ, чтобы при русскихъ Царяхъ было болѣе людей, подобныхъ князю А. А. Суворову.

А. И. Веригинъ.

III.

Приведенный выше разсказъ о генералѣ П. съ нѣкоторыми подробностями передаетъ намъ одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ князя Суворова такимъ образомъ: А. В.

Въ 1840-хъ годахъ покойный государь Николай Павловичъ нашелъ нужнымъ дать гвардіи каски вмѣсто киверовъ; это дѣло было поручено генералу П., служившему въ коммисаріатѣ.

Образцы, представленные государю, были имъ одобрены, но когда пришлось всѣ каски сдавать войскамъ, то онѣ оказались не только неудовлетворительными, но даже никуда негодными. Государь вознегодовалъ за это на генерала П. и отдалъ его подъ судъ.

По лишенію чиновъ и всѣхъ правъ состоянія, его разжаловали въ солдаты, безъ выслуги, въ крѣпостной гарнизонъ.

Генералъ П. обращался ко всѣмъ приближеннымъ государя, прося передать просьбу о помилованіи, но ему отвѣчали, что сдѣлать ничего нельзя, такъ какъ государь строго запретилъ не только лично просить, но даже и писать о П.

Покойный князь Александръ Аркадьевичъ былъ въ то время свиты генераломъ. При свиданіи съ П. тотъ его просилъ передать Государю письмо съ просьбою о разрѣшеніи ему отправиться на Кавказъ солдатомъ-же, но съ выслугой.

Князь спросилъ:

— «А письмо прочесть можно?»

«Конечно, ваше сіятельство, въ немъ кромѣ просьбы о выслугѣ ничего нѣтъ».

Князь, прочтя письмо, согласился его передать.

Суворовъ отправился во дворецъ, чтобы исполнить обѣщанное; но камердинеръ государя объявилъ ему, что государя видѣть нельзя, такъ какъ у него посланникъ.

Князь, узнавъ это, просилъ письмо положить на столъ государю, а самъ отправился по своимъ дѣламъ.

Пріѣхавъ домой, онъ нашелъ у себя приглашеніе къ высочайшему столу.

Во время обѣда государь обратился къ покойной императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ съ вопросомъ:

— «Ты вѣрно знаешь, Alexandrine, исторію генерала П.; тебѣ извѣстно также, что я строго запретилъ, чтобы мнѣ о немъ напоминали, а сегодня я нашелъ у себя отъ него просьбу; хотѣлось-бы знать кто взялся мнѣ ее передать?»

Князь Суворовъ всталъ и сказалъ: «Это я, государь».

— Хорошо, а письмо ты читалъ?

«Читалъ, ваше величество, и нашелъ, что все, о чемъ онъ проситъ, справедливо; совершенно справедливо, государь».

— Ну, такъ будь по твоему, передай ему отъ меня, что я на его просьбу согласенъ.

Бывшій адъютантъ покойнаго князя Суворова.

III.

Воспоминанія профессора И. Е. Андреевскаго.

Года три тому назадъ, въ одной изъ самыхъ задушевныхъ бесѣдъ съ княземъ Александромъ Аркадіевичемъ Суворовымъ о дѣлахъ и событіяхъ начала шестидесятыхъ годовъ, князь, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «неужели то многое, исторически-интересное, чему мы съ вами были свидѣтелями, пропадетъ и навсегда забудется?» Я отвѣтилъ ему, что если мнѣ придется его пережить, я поставлю себѣ въ непремѣнную обязанность написать о томъ, чему мы вмѣстѣ были свидѣтелями.

Князь Александръ Аркадіевичъ скончался 31-го января 1882 г. Спѣшу выполнить мое обѣщаніе, тѣмъ съ большею охотою, что мнѣ близко извѣстенъ самый лучшій, самый блестящій періодъ дѣятельности князя Александра Аркадіевича — начало 1860-хъ годовъ, когда онъ, въ качествѣ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, былъ вѣрнымъ и виднымъ сподвижникомъ покойнаго императора.

И. А.

Недалеко еще отошли 1860-ые годы; еще не скоро можетъ наступить объективное, правдивое сужденіе исторіи объ этомъ блестящемъ великомъ моментѣ русской государственной жизни Россіи; но на современникахъ, наблюдавшихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей того времени, лежитъ обязанность отдѣльными замѣтками, отмѣтками видныхъ эпизодовъ давать матеріалъ будущимъ историкамъ. При этомъ, даже недостаточно обработанные, только намѣченные очерки дѣятельности людей, занимавшихъ видные посты, близкихъ къ государю, облеченныхъ полномочіями толковать его волю, быть посредниками въ осуществленіи его власти, — могутъ имѣть значеніе для будущихъ толкователей.

Въ высшей степени интересна и сама по себѣ, и по историческому развитію, и по значенію въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ столицѣ, должность генералъ-губернатора. Мало опредѣлившаяся по существу, не совсѣмъ необходимая въ ряду цѣлой массы другихъ учрежденій, облеченная нѣкоторымъ политическимъ значеніемъ, должность генералъ-губернатора болѣе, чѣмъ какая либо изъ всѣхъ другихъ должностей, пріобрѣтала важность и значеніе отъ личности того, кто ее занималъ. Особенно въ моменты, когда въ обществѣ возникаютъ сомнѣнія и безпокойства, нерѣдко порождающіяся отъ многихъ, невсегда понятныхъ причинъ, личность облеченнаго чрезвычайными полномочіями генералъ-губернатора, его характеръ, методъ дѣятельности служатъ залогомъ того, успокоитъ-ли онъ взволновавшееся общество, или, напротивъ, еще болѣе его раздражитъ. Три рѣзко противоположные метода можно увидѣть въ дѣятельности облекаемыхъ въ такіе моменты особыми полномочіями правителей. Одинъ надѣется достигнуть цѣли проявленіемъ неумолимаго произвола; другой хочетъ держаться началъ самой строгой, законной справедливости; третій думаетъ умѣрять строгую справедливость закона, внося принципъ благаго примиренія, осуществляя то, что называютъ aequitas, боясь, чтобы summum jus не сдѣлалось summa injuria. Естественно, что каждый изъ этихъ методовъ и возможность дѣйствительнаго осуществленія плана зависятъ отъ личности, помысловъ и характера такого правителя. Каждый изъ методовъ, смотря по обстоятельствамъ, даетъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, не всегда равныя, а различныя послѣдствія. Осуществленіе неумолимаго произвола рѣдко сопровождается результатами благопріятными; иногда, въ первый моментъ получается, повидимому, чрезвычайно блестящее подавленіе безпокойства, но, въ дѣйствительности, произволъ всегда щедро сѣетъ сѣмяна будущихъ неурядицъ, вызывая къ творцамъ такого произвола проклятія современниковъ и холодное вѣрное осужденіе со стороны потомковъ и исторіи. Второй пріемъ, примѣненіе строгой справедливости закона, заключаетъ въ себѣ гораздо больше ручательствъ въ достиженіи дѣйствительнаго успѣха: руководящійся такимъ принципомъ не можетъ въ дѣйствительности заслужить упрека въ несправедливой дѣятельности. Однако, и точное примѣненіе законовъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда таковые чрезмѣрно строги и недостаточно уважаютъ права личности, не всегда дѣйствуетъ успокоительно. Многіе, чувствуя на себѣ всѣ дѣйствительныя невыгоды распоряженій, называемыхъ законными, и не будучи въ состояніи точно разобрать, что именно совершается на основаніи законовъ, не могутъ сознавать своего

положенія успокоеннымъ и удовлетвореннымъ. Оттого, въ большинствѣ случаевъ, съ несравненно большимъ успѣхомъ дѣйствуетъ политика, вносящая примиреніе. Стоя на почвѣ закона, но умѣряя строгія его требованія, обнаруживая во всѣхъ случаяхъ стремленіе уважить человѣческую личность и поддержать подавляемаго, удручаемаго, правитель достигаетъ чрезвычайно важнаго условія: лучшія силы общества дѣлаются готовыми протянуть ему руку помощи; видя въ правителѣ не карателя и холоднаго надсмотрщика, а органа власти, дѣйствующаго для блага общества, сильнѣйшіе члены этого общества начинаютъ брать на себя труды и заботы, которыхъ никогда не выполнить правительственному органу его чиновными средствами. Само собою разумѣется, что самая личность такого правителя, генералъ-губернатора, его образованіе, характеръ, политическая опытность направляютъ его къ выбору перваго, втораго, или послѣдняго метода дѣятельности. Выгоды практическія въ этихъ случаяхъ всегда достигаются полнѣе, если методъ дѣятельности, на которомъ остановится правитель, вполнѣ раздѣляется высшею властію, представителемъ которой онъ является въ мѣстности.

Покойный князь Суворовъ былъ вызванъ изъ Остзейскаго края и назначенъ С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ въ концѣ 1861 года, именно для успокоенія взволновавшагося общества.

Онъ явился сюда съ репутаціею опытнаго администратора, о которой стояло однако два, рѣзко противоположные, отзыва. Одни восхваляли его за отличный образъ дѣятельности въ прибалтійскихъ губерніяхъ,—за то, что онъ берегъ интересы и установившіяся права, оказывалъ содѣйствіе всѣмъ выгоднымъ предпріятіямъ мѣстнаго общества, помогъ развитію и обогащенію цѣлаго края и т. д. Другіе, напротивъ, ставили ему въ укоръ, почти въ политическое преступленіе, его несправедливую и невыгодную для прибалтійскаго края роль защитника и покровителя богатыхъ землевладѣльцевъ—нѣмцовъ и утѣснителя небогатаго крестьянскаго населенія—Латышей и Эстовъ.

Я долженъ признаться, что лично я склонялся болѣе къ воззрѣніямъ послѣднихъ: этотъ отзывъ мнѣ казался болѣе справедливымъ—по тѣмъ даннымъ, которыя неоднократно представлялись, по видимому, людьми компетентными, и по тѣмъ толкамъ, которые бойко ходили въ 1850-хъ годахъ о несправедливыхъ подвигахъ свѣтлѣйшаго генералъ-губернатора Остзейскаго края.

Оттого, при первомъ знакомствѣ съ княземъ Суворовымъ, я былъ предубѣжденъ значительно не въ его пользу. Я буду имѣть здѣсь случай подробно объяснить, по какимъ поводамъ это нерасположеніе

у меня быстро разсѣялось. Но я вовсе не берусь и теперь судить о его дѣятельности въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Для такого суда нужно собрать вѣрныя данныя о его дѣятельности, освѣтить ихъ совершенно безпристрастно, и выслушавъ доводы обѣихъ сторонъ—его порицателей и его защитниковъ, притти къ точной оцѣнкѣ его генералъ-губернаторской дѣятельности въ Остзейскомъ краѣ.

Я въ правѣ приводить только данныя о его дѣлахъ, какъ генералъ-губернатора Петербурга. Думаю, что буду въ состояніи подвергнуть ихъ безпристрастной оцѣнкѣ, такъ какъ, будучи предрасположенъ не въ его пользу, я не съ разу увлеченъ былъ тою обаятельною симпатичностію, которою онъ побѣждалъ всѣхъ, съ нимъ сталкивавшихся. Напротивъ, я долго, съ осторожностію и недовѣріемъ, критически относился къ его пріемамъ. Послѣдствіемъ моей осторожности и критики было однако для меня тоже, что и для другихъ, относившихся проще и менѣе осторожно: я плѣнился имъ какъ человѣкомъ, и сталъ уважать его, какъ правителя.

Несомнѣнно, весь секретъ симпатичности князя Суворова заключался въ томъ, что онъ былъ человѣкъ отмѣнной доброты, исполненный любви къ человѣку вообще, не бывшій въ состояніи видѣть равнодушно страданій человѣка, кто бы таковой ни былъ; помочь ему и побудить къ помощи другихъ было для него жизненною необходимостію. А такой богатѣйшій даръ природы несомнѣнно плѣняетъ. Правда, его добротою часто злоупотребляли, но отъ этого самъ онъ не дѣлался хуже и источникъ производимаго имъ обаянія не испарялся.

Какъ органъ государственной власти, какъ генералъ-губернаторъ, призванный въ столицу въ моментъ довольно трудный, онъ оказался на высотѣ своего призванія, именно въ силу отмѣнной своей доброты. Онъ внесъ ту политику примиренія, ту систему умѣренія строгихъ началъ законной справедливости и невыносимыхъ пріемовъ административнаго произвола, которой такъ справедливо жаждало столичное общество: только такою системою и можно было достигнуть умиротворенія. Кн. Суворовъ относительно возложенной на него задачи вышелъ несомнѣнно побѣдителемъ. Но эта побѣда много объясняется тѣмъ, что эту самую политику доброты и умѣренія строгости закона и произвола администраціи вполнѣ раздѣлялъ и вручившій ему генералъ-губернаторскую должность покойный Императоръ Александръ II.

19-е февраля 1861 г. уже было отпраздновано. Величіе этого акта конечно исполняло самыми высокими стремленіями добра и всепрощенія душу Того, Который своею властію даровалъ гражданскую

свободу милліонамъ людей. Какъ ни непонятны могли Ему казаться возникавшія неудовольствія и волненія, но великіе принципы подписаннаго имъ акта освобожденія наполняли въ то время сердце Царя-Освободителя чувствами добра и примиренія.

Никогда не забуду вполнѣ вѣрныхъ и умныхъ замѣчаній кн. Суворова относительно этого вопроса. Мнѣ безпрестанно приходилось видѣться съ нимъ для ходатайствованія о смягченіи административныхъ распоряженій, касавшихъ молодыхъ людей. Разъ, помнится весною 1862 г., я явился къ нему съ подобнымъ же ходатайствомъ (болѣе сотни такихъ ходатайствъ уже было имъ уважено) о слѣдующемъ дѣлѣ. Дѣйствовавшее тогда во всемъ разгарѣ III-е Отдѣленіе С. Е. В. Канцеряріи (котораго, къ слову сказать, весьма недолюбливалъ покойный князь Суворовъ, пользовавшійся однако спеціальнымъ и самымъ усиленнымъ вниманіемъ агентовъ III-го Отдѣленія) порѣшило за какой то, невѣдомый конечно для меня, проступокъ, выслать одного юношу въ мѣста, въ извѣстной степени отдаленныя, подъ надзоръ полиціи. Мое ходатайство заключалось въ томъ, чтобы смягчить это рѣшеніе, отправкою сего юноши на родину, къ отцу, съ дозволеніемъ ему черезъ годъ явиться въ Петербургъ держать экзаменъ. Обстоятельно, какъ мнѣ казалось, я доказывалъ кн. Суворову, что высылка молодаго человѣка, степени виновности котораго я въ точности не знаю, въ чужой, неизвѣстный ему городокъ, гдѣ онъ затруднится и средствами жизни, и, какъ поднадзорный, лишится спокойствія, которое такъ необходимо при занятіяхъ къ экзамену, можетъ заболѣть, совершенно пропасть и т. п. Строго оборвалъ меня князь словами:

— «Какъ вы можете ходатайствовать о лицѣ, проступка котораго не знаете; вы думаете, что я не утомился утруждать Государя безпрестанными вашими просьбами; не даромъ говорятъ, что я, вмѣсто дѣла, якшаюсь съ профессорами, и упускаю изъ рукъ управленіе».

Я недоумѣвалъ, какъ принять эти слова, зная, что князь нерѣдко прибѣгаетъ къ весьма своеобразнымъ оборотамъ рѣчи изъ подражанія своему дѣду. Замѣтивъ очевидно мое изумленіе, князь Суворовъ вдругъ расхохотался, и затѣмъ началъ мнѣ говорить серьезнымъ, умнымъ тономъ слѣдующее, чего я никогда не забуду.

— «То, что я сейчасъ сказалъ вамъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, въ серьезъ, и долженъ былъ бы сказать умный и дѣльный генералъ-губернаторъ. Но я, Суворовъ, умѣю говорить такія дѣльныя рѣчи только въ шутку. Вы просите о молодомъ человѣкѣ, не зная въ чемъ его проступокъ, но ваша просьба о его судьбѣ добрая, и я не побоюсь идти къ Государю просить за него, и знаете отчего?

Государь обладаетъ такою добротою, что я не знаю о чемъ бы я не могъ его упросить, если дѣло само по себѣ доброе. Такую доброту добрый отъ природы можетъ получить только на престолѣ, если ему удается подписать такой манифестъ, какъ 19-го февраля этого года. Если окружающіе Государя хотятъ добра, они всегда его получатъ. Можетъ быть умные считаютъ это негосударственнымъ, но я, Суворовъ, не боюсь просить за доброе дѣло».

Не разъ размышлялъ я послѣ того, что значитъ умный и что значитъ добрый генералъ-губернаторъ. ....

Я отвлекся нѣсколько отъ нити разсказа воспоминаніемъ объ этомъ эпизодѣ.

Почему же былъ вызванъ въ Петербургъ Суворовъ? Какія обстоятельства взволновали общество?

Прежде всего общество взволновалось отъ заарестованія въ концѣ сентября и началѣ октября 1861 года 500 студентовъ и закрытія затѣмъ университета.

Необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы разъяснилась та роль, которую пришлось играть относительно этого дѣла кн. Александру Аркадіевичу Суворову.

И. Е. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чѣмъ обязана Пруссія—Россіи.

Письмо прусскаго фельдмаршала графа Гнейзенау.

Когда графъ Дибичъ-Забалканскій скончался 29-го мая 1831 года въ Клешовѣ около Пултуска, прусскій генералъ-губернаторъ въ Познани, фельдмаршалъ графъ Гнейзенау, обратился съ нижеслѣдующимъ письмомъ къ графу Чернышеву. Письмо это замѣчательно во многихъ отношеніяхъ и содержитъ весьма много поучительнаго для нѣмецкихъ историковъ, столь легко забывающихъ истиннаго виновника славы знаменитыхъ „Befreiungskriege" и освобожденія Германіи. Н. Ш.

Познань. 12-го іюля 1831 г.

[Переводъ]. Ваше превосходительство, честь имѣю извѣстить васъ о полученіи письма, коимъ в. п. удостоили меня отъ 5 (17) іюня. Я глубоко тронутъ тѣми милостивыми словами, коими Е. И. В. августѣйшій монархъ вашъ, соблаговолилъ удостоить меня, ибо я искренно преданъ столь добродѣтельному монарху и другу моего августѣйшаго короля. Преждевременная кончина фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго чрезвычайно огорчила меня. Я утратилъ въ немъ достойнаго друга, въ отмѣнныхъ воинскихъ доблестяхъ коего я имѣлъ случай убѣдиться во время нашихъ войнъ съ Наполеономъ.

Преемнику его, фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому я готовъ оказать всевозможныя услуги, лишь бы онѣ не противорѣчили моимъ обязанностямъ и нашему особенному положенію. Замѣчательныя качества, выказанныя имъ въ Азіи, заставляютъ расчитывать на быстрый результатъ военныхъ мѣръ, принятыхъ имъ противъ повстанцевъ, и я надѣюсь, что онъ вскорѣ положитъ конецъ позорной войнѣ, затѣянной въ Россіи неугомонными поляками, которые, между прочимъ, съ самаго начала существованія Польши, никогда еще не пользовались такимъ спокойствіемъ и такимъ народнымъ благосостояніемъ, какъ въ царствованіе блаженной памяти императора Александра I и подъ скипетромъ нынѣ царствующаго государя.

Какъ подданный и слуга е. в. короля прусскаго, ревнующій о благополучіи и славѣ прусской монархіи, я смотрю на мои пожеланія успѣха русскому оружію въ настоящей борьбѣ какъ на долгъ признательности. Если бы императоръ Александръ, по отступленіи Наполеона изъ Россіи, не преслѣдовалъ завоевателя, вторгнувшагося въ его государство, если бы онъ не продолжалъ войны, если бы онъ удовольствовался заключеніемъ съ нимъ мира, то Пруссія находилась бы по сейчасъ подъ вліяніемъ Франціи, и Австрія не ополчилась бы противъ нее. Тогда не было бы острова св. Елены, Наполеонъ былъ бы еще живъ и одинъ Богъ знаетъ какъ онъ выместилъ бы на другихъ тѣ невзгоды, какія ему пришлось вынести у васъ. Вашему

союзу мы обязаны настоящей нашей независимостью и вы, конечно. отдадите намъ справедливость, что мы всѣми силами старались упрочить этотъ союзъ. Въ настоящее время изъ варшавскихъ корреспонденцій мы узнали, что Скрженецкій (Skrzynecki) намѣревается пройти съ своей арміей черезъ Модлинъ, по всей вѣроятности съ цѣлью напасть на арьергардъ вашей арміи, коего 15,000 человѣкъ находятся уже въ Плоцкѣ; я полагаю, что на правомъ берегу Вислы произойдетъ сраженіе; дай Богъ, чтобы оно было успѣшно!

Примите, в. п., увѣреніе въ искренней дружбѣ и расположеніи, съ коимъ честь имѣю быть в. п. покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга фельдмаршалъ графъ Гнейзенау.

Excellence! J'ai l'honneur d'accuser la réception de la lettre dont V. E. m'a honoré sous la date du 5 (17) Juin. Je me sens profondément touché des paroles gracieuses dont S. M. l'Empereur Votre Auguste Maître a daigné m'honorer, dévoué de coeur et d'âme que je suis à un Monarque si vertueux, l'ami du Roi, mon Auguste Maître.

La mort prématurée du Maréchal Comte Diebitsch Zabalkanski m'a amèrement affligé. J'ai perdu en lui un digne ami, dont j'ai eu occasion de reconnaître les qualités éminement militaires dans nos guerres contre Napoléon.

A son successeur le Maréchal Comte Paskiewicz-Erivanski je continuerai tous les bons offices qui sont dans les limites de mes devoirs et dans notre position particulière. Les hautes qualités dont il a fait preuve en Asie laissent favorablement augurer pour la prompte réussité de des dispositions militaires contre les insurgés, et j'espère qu'il mettra bientot fin à la guerre scandaleuse que les turbulents Polonais ont suscité à la Russie, eux qui jamais, depuis que la Pologne existe n'ont joui de plus de tranquillité, ni de plus de prospérité nationale que sous le sceptre de l'Empereur Alexandre de glorieuse mémoire et sous celui de S. M. l'Empereur actuellement regnant.

Sujet et serviteur de S. M. le Roi de Prusse et jaloux du bonheur et de la gloire de la monarchie Prussienne, je regarde comme un devoir de reconnaissance les voeux que je porte aux armes Russes dans la lutte actuelle. Si l'Empereur Alexandre après la retraite de Napoléon du territoire Russe, n'eut pas continué la poursuite de l'envahisseur de son Empire, s'il n'eut pas continué la guerre, s'il se fut contenté de faire sa paix avec lui, la Prusse serait encore sous l'influence de la France et l'Autriche n'aurait pas levé le bouclier contre elle. Alors point d'ile de St. Hélène. Napoléon vivrait encore et Dieu sait comment il aurait vengé sur d'autres les désastres qu'il avait essuyé chez vous. Notre indépendance actuelle nous la devons à votre alliance et vous nous rendrez la justice que nous avons taché de la consolider par nos efforts.

Dans ce moment les correspondances de Varsovie nous apprennent que Skrzynecki avec son armée va passer par Modlin, apparement pour se jetter sur les derrières de votre armée dont 15,000 hommes se trouvent déjà à Plock; je m'imagine qu'il y aura bataille sur la rive droite de la Vistule; qu'elle soit propice! V. E. veuille agréer l'expression réitérée des sentiments d'amitié et d'affection avec lesquels j'ai l'honneur d'être son très humble et très obéissant serviteur. Le Maréchal Comte de Gneisenau.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1882 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія и біографическіе очерки.

Переписка, разсказы, очерки, замѣтки.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Павла.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Царствованія Александра II и Александра III. стр.

Исторія русской литературы.

Писатели XIX вѣка.

Русскіе художники.

Портреты.

Приложенія.

Примѣчаніе Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXXIII томѣ „Русской Старины" изд. 1882 года, будетъ приложенъ при слѣдующемъ XXXIV томѣ—т. е. при іюньской книгѣ изд. 1882 г. „Русской Старины".

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Труды общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Томъ X, выпускъ I. Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края. А. П. Иванова. Казань, 1881. 52 стр. въ 8 д. л. (На обертке 1-й книги «Русской Старины» 1882 г.).
2. Изслѣдованія о русской Правдѣ П. Мрочекъ-Дроздовскаго. Вып. I. Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды. М. 1881. XXII+196. Ц. 2 р. (Тамъ-же).
3. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи, составленный В. Д. Левинскимъ и И. Ѳ. Токмаковымъ. М. 1881. 53. (Тамъ-же).
4. Кіевъ, его святыня, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для его почитателей и путешественниковъ. Н. Сементовскаго. 6-е исправлен. и дополн. изданіе книгопрод. Ю. Л. Оглоблина. 1881. 264. Ц. 1 р. 50 к. (Тамъ-же).
5. Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1881. Книги 1 и 2. (Тамъ-же).
6. Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію. 1700—1880. Составилъ генералъ-маіоръ Лалаевъ. Спб 1880. Часть первая. 1700—1825. X+140. Часть вторая. 1825—1880. 283+20 ненумеров. въ 8 д. л. (На обертке 2-й книги «Русской Старины» 1882. г.).
7. Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской епархіи. Собраны В. Холмогоровымъ и діакономъ Г. Холмогоровымъ. Выпускъ первый. Русская десятина. Москва 1881. X+254 стр. въ б. 8 д. л. съ приложеніемъ чертежей fac simile. Ц. 1 р. (Тамъ-же).
8. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе заключенныхъ, пересыльныхъ, ихъ дѣтей и освобожденныхъ изъ подъ стражи, со времени возникновенія русской тюрьмы, до нашихъ дней. 1560—1880. В. Н. Никитинъ. Спб. 1880. IV+674 стр. въ 8 д. л. (Тамъ-же).
9. Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова.—Съ портретомъ и факсимиле автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Спб. Спб. 1882 г. въ б. 8 д. л. стр. XXVIII+600. (Тамъ-же).
10. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Рос. имперіи. Т. V. Спб. 1881. 605 стр. Ц. 1 р. 50 к. (На обертке 3-й книги «Русской Старины» 1882 г.).
11. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XXVII. Спб. 638. Т. XXXIII, 551. Т. XXXIV. 560+47. Ц. по 3 р. за томъ. (Тамъ-же).
12. Памятная книжка Кубанской области на 1882 годъ. Состав. дѣйств. членъ Куб. области. стат. комит. Е. Д. Фамицынъ. Екатеринодаръ. 1881. Ц. 2 руб. (Тамъ-же).

Продолжается подписка на историческій журналъ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1882, тринадцатый годъ изданія, 1882.

«Русская Старина» въ 1882 году выходитъ, какъ въ первыя **двѣнадцать** лѣтъ изданія (1870—1881 гг.), ежемѣсячно, съ приложеніемъ **портретовъ** русскихъ дѣятелей.

ЦѢНА за 12 книгъ **«Русской Старины» 1882 г.**, съ пересылкою

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С-Петербургѣ, при магазинѣ **Мамонтова**, противъ Гостинаго двора, д. Вебера, близь Публичной библіотеки, и въ **Москвѣ** у **Мамонтова** (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

☞ Гг. **Иногородные** обращаются **исключительно** въ Редакцію **„Русской Старины"** въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Изъ прежнихъ годовъ изданія «Русской Старины» можно получить: 1870 г. (третье изд.), 1876 г. (второе изданіе), 1877, 1878, 1879; 1880 г. (второе изданіе) и 1881 г.—каждый годъ съ портретами—по **восьми** *рублей съ пересылкою. [Имѣется немного экземпляровъ].*

Подписчики «Русской Старины», при возобновленіи подписки на этотъ журналъ на 1882-й годъ, могутъ получить за **одинъ** рубль роскошный **«Альбомъ** портретовъ, гравированныхъ знаменитымъ академикомъ-граверомъ **Сѣряковымъ»**. (*Осталось только* 68 *экземпляровъ, которые и предоставляются за 1 рубль исключительно лишь подписчикамъ «Русской Старины»*).

«**Русская Родословная книга**», два тома, **разошлась сполна**, но подписчики «Русской Старины» могутъ получить **даромъ** второй выпускъ этой книги (*осталось 73 экземпляра*), выславъ лишь на пересылку **четыре** почтовыхъ марки.

На основанія этихъ матеріаловъ составлена была весьма интересная монографія академика Грота: «Екатерина II въ переписке съ Гриммомъ» (въ прилож. къ Зап. Акад. Наукъ, 1879—81 гг. и отдельно). Въ прибавленія къ письмамъ Гримма въ Сборнике помещено несколько записокъ, касающихся затронутыхъ вопросовъ (о воспитанія) и писемъ къ другимъ лицамъ. Рядомъ съ его письмами следуетъ поставить: помещенныя въ томъ же томе семь писемъ Дидро къ Екатерине II, которыя посвящены все темъ близкимъ ей вопросамъ: школе, законодательству, литературе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Дидро говоритъ такъ: «Я радуюсь успехамъ Екатерины), какъ человекъ, какъ философъ и какъ русскій, потому что я сталъ такимъ по неблагодарности своей страны и по вашему милосердію», (№ 23).

Наконецъ въ томъ же томе напечатаны еще письма Эрнеста-Іоганна Бирона посланнику Герм. Кейзерлингу (въ Варшаве), за 1734—37 гг., подлинники которыхъ хранятся въ дворянскомъ архиве въ Митаве. Они касаются избранія Бирона въ герцоги Курляндіи и другихъ политическихъ отношеній, находившихся въ связи съ этимъ вопросомъ, а также стремленія и виды самого Бирона.

Т. XXXIV. Документы настоящаго тома въ высшей степени интересны какъ по времени, къ которому они относятся, такъ и по своему содержанію. Это документы, извлеченные изъ Архива франц. министерства иностр. делъ и обнимающіе періодъ съ 1681—1717 годъ. Въ частности они заключаютъ въ себе донесенія о пребываніи во Франціи московскихъ пословъ Потемкина и Волкова; донесенія изъ Россіи и о Россіи французскихъ посланниковъ и поверенныхъ въ делахъ своему правительству (донесенія де-Балюза, де-Лави); документы о пребываніи Петра В. во Франціи въ 1717 г. (донесенія де-Либуа, Мальи-е-Нель, письма де-Тессе); инструкціи и предписанія франц. правительства посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ, находившимся при русскомъ дворе. Въ самыхъ донесеніяхъ помещаются иногда другіе документы и переводы съ русскихъ известій. Для Франціи интересъ этихъ сношеній заключался въ торговомъ союзе и опасеніяхъ, вызванныхъ развитіемъ могущества Россіи. Что же касается самыхъ известій объ этой последней, то оне представляютъ довольно полную картину, насколько возможно требовать это отъ посторонняго наблюдателя народной жизни. Преобразованія Петра В., политическія отношенія Россіи, придворныя партіи, торжества и празднества, отправка молодыхъ людей за границу съ образовательною целью; состояніе русскаго войска и флота; сведенія о высшихъ учрежденіяхъ (сенате, коллегіяхъ); постройка Ладожскаго канала; расходы государства; состояніе промышленности; преследованіе злоупотребленій; вражда сановниковъ; характеристика главныхъ деятелей; отношеніе духовенства къ Петру В.; дело царевича Алексея и т. п.—вотъ предметы, затронутые въ этихъ известіяхъ. Въ особенности интересны подробности о пребываніи Петра В. во Франціи. Въ приложеніи же помещена записка старшаго чиновника франц. министерства ин. делъ Ле-Драна, составлен. въ 1726 г., о переговорахъ для заключенія союза между Франціею и Россіею съ 1613—1718 годъ.

Памятная книжка Кубанской области на 1881 годъ. Сост. действ. членъ Куб. областн. стат. комит. Е. Д. Фаминцынъ Екатеринодаръ. 1881. Ц. 2 руб.

Кроме общихъ сведеній, вошедшихъ въ составъ этой «книжки», въ ней помещены списки населенныхъ местъ Кубанской области съ статистическими данными о числе жителей и хозяйстве; положеніе объ общественномъ управленія въ казачьихъ войскахъ и проекты положенія объ устройстве аульныхъ обществъ; статистическія сведенія о городахъ и уездахъ Кубанской области; списокъ наказныхъ атамановъ Черноморскаго Кубанскаго казачьяго войска съ 1787—1873 годъ. Но особенный историческій интересъ представляетъ очеркъ: „Заселеніе Черноморія съ 1792—1825 г., составленный г. I. Бентковскимъ, по матеріаламъ местныхъ архивовъ и другимъ источникамъ.

В. И.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины", Большая Садовая, подлѣ Публичной Библіотеки, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 12. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина", на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, статьи, обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники. — V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы, преданія и замѣтки. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд., 12 книгъ. съ 17 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 кн., съ порт. и Зап. Порошина 8 руб.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій**